This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 507.5 (1905 11-12)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

На 5 дней

1905.

Образованіе.

Ноябрь.

Декабрь.

Digitized by Google

Digitized by Google

Библиотека
1905.
На 5 дней

Ноябрь.
Декабрь.

Digitized by Google

Содержаніе № 11—12.

ОТДѢЛЪ I.

СТРАН.

1. Обманутые жизнью. Разсказъ **Павла Пчелина**. . . . . 1— 40
2. Гражданское право и неимущіе классы народа. **А. Яковлева** 41— 51
3. Къ исторіи русскаго духоборчества. **В. Ольховского** (окончаніе) . . . . . 52— 80
4. Попка-дуракъ. Разсказъ **В. І. Дмитріевой**. (Окончаніе) . 81—110
5. О дѣтскомъ чтеніи (Изъ наблюденій учительницы) **Н. Леонтьевой**. . . . . 111—141
6. Очерки по исторіи нѣмецкой интеллигенціи **П. Берлина** (окончаніе) . . . . . 142—176
7. В. М. Гаршинъ. Очеркъ **Н. Коробка**. . . . . 177—202
8. Исторія молодой жизни. Романъ **Отто Эриста**, перев. съ нѣмецк. *В. Исполатовой* (окончаніе) . . . . . 203—215
9. День суда. Стихотвореніе **Г. Галиной**. 216
10. Совмѣстное обученіе **Е. Чебышевой-Дмитріевой** . . . . 217—224
11. Шарль Фурье и кооперація **В. Тотоміанца**. . . . . 225—243
12. Участіе. Стихотвореніе **Н. Рябова** 244
13. Аванпостъ цивилизаціи. Разсказъ **С. Богословскаго** . . 245—255
14. * * * Стихотвореніе **О. Боголюбовой** 256
15. Изъ исторіи рабочаго движенія. **А. Луначарскаго** . . 257—286
16. Юбилейный подарокъ Очеркъ **Я. Горюнова** . . . . 287—300
17. Глава государства. **П. Мижуева** . . . . . 301—325
18. Спасаніе падшихъ и хулиганство **д-ра Б. Бентовина** . . 326—349
19. Новыя правила о повременныхъ изданіяхъ **прив-доц. А. Каминка**. . . . . 350—358

ОТДѢЛЪ II.

20. Польскій вопросъ **Б. Кутыловскаго** . . . . . 1— 23
21. Экономическіе результаты всеобщихъ стачекъ въ Россіи за первую половину 1905 г. **В. Тотоміанца**. . . . 24— 34
22. Крестьянское движеніе въ Гуріи. **Хасана** . . . . . 35— 40
23. *ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ*. Крестьянскія волненія въ различныхъ губерніяхъ. Революціонное движеніе въ арміи. Военное положеніе въ Польшѣ и его отмѣна. Причины и слѣдствія этого акта. **В. Богучарскаго** . . . . . 41— 49

см стр. 3.

Digitized by Google

XIV. 1905.

Образованіе.

ЖУРНАЛЪ

Литературный,

научно-популярный

и педагогическій.

№ 11—12.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа. Разъѣзжая, 15.
1905.

Digitized by Google

Δ
PSlav 507.5 (1905/11-12)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JAN 5 1961

Morse 4

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 11—12.

ОТДѢЛЪ I

		стран.
1.	Обманутые жизнью. Разсказъ **Павла Пчелина**. .	1— 40
2.	Гражданское право и неимущіе классы народа **А. Яковлева**.	41— 51
3.	Къ исторіи русскаго духоборчества **В. Ольховского** (окончаніе).	52— 80
4.	Попка-дуракъ. Разсказъ **В. І. Дмитріевой**. (окончаніе)	81—110
5.	О дѣтскомъ чтеніи (Изъ наблюденій учительницы) **Н. Леонтьевой**.	111—141
6.	Очерки по исторіи нѣмецкой интеллигенціи **П. Берлина** (окончаніе).	142—170
7.	В. М. Гаршинъ. Очеркъ **Н. Коробка**	177—20
8.	Исторія молодой жизни. Романъ **Отто Эрнста**, перев. съ нѣмецк. *В. Исполатовой*. (окончаніе).	203—215
9.	День суда. Стихотвореніе **Г. Галиной**	216
10.	Совмѣстное обученіе. **Е. Чебышевой-Дмитріевой**	217—224
11.	Шарль Фурье и кооперація **В. Тотоміанца**. . .	225—243
12.	Участіе. Стихотвореніе. **Н. Рябова**	244
13.	Аванпостъ цивилизаціи. Разсказъ **С. Богословскаго**	245—255
14.	* * * Стихотвореніе **О. Боголюбовой**.	256
15.	Изъ исторіи рабочаго движенія **А. Луначарскаго**	257—286
16.	Юбилейный подарокъ. Очеркъ **Я. Горюнова**. . .	287—300
17.	Глава государства. **П. Мижуева**.	301—325
18.	Спасаніе падшихъ и хулиганство **д-ра Б. Бентовина**.	326—349
19.	Новыя правила о повременныхъ изданіяхъ **прив.-доц. А. Каминка**.	350—358

ОТДѢЛЪ II.

20.	Польскій вопросъ **Б. Кутыловскаго**.	1— 23
21.	Экономическіе результаты всеобщихъ стачекъ въ Россіи за первую половину 1905 г. **В. Тотоміанца**	24— 34
22.	Крестьянское движеніе въ Гуріи. **Хасана** . .	35— 40
23.	*ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ.* Крестьянскія волненія въ различныхъ губерніяхъ. Революціонное движеніе въ арміи. Военное положеніе въ Польшѣ и его отмѣна. Причины и слѣдствія этого акта. **В. Богучарскаго**. .	41— 49
24.	*ИЗЪ ЖИЗНИ и ЛИТЕРАТУРЫ.* Апоѳеозъ безпочвенности... или все таки жажда почвы? (По поводу книги Шестова „Апоѳеозъ безпочвенности") **В. Базарова** — Памятникъ	См. об.

Digitized by Google

нынѣ живущему (По поводу разсказовъ Е. Волкова) **О. Миртова** . . . . . стран. 50— 81

25. **Въ тюрьмѣ и ссылкѣ.** (Нѣсколько иллюстрацій къ амнистіи) **Л. Клейнборта**. . . . . 82—101

26. *ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.* О тѣни свободы и отношеніи къ ней нашей печати **В. Львова**. . . . . 102—120

27. *РОДНЫЯ КАРТИНЫ.* О почтово-телеграфной забастовкѣ. О перлюстраціи писемъ. Можно-ли обходиться безъ газетъ въ забастовочное время? Мелочи. *А. Яблоновскаго*. . . . . 121—137

28. *КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.* I. А. Луговой. Цѣль вашей жизни **А. Налимова**. 2. О. Рунова. Утреннички. 3. А. Догановичъ. Наканунѣ службы. 4. Т. Казановъ. Разсказы. 5. Ломэнъ. Наброски **О. М.** 6. Е. де Турже Туржанская. Разсказы. **А. Налимова**. 7. А. С. Ан—скій. Разсказы **И. Василевскаго** 8. П. Соловьева. Иней. Стихи. 9. Н. Смецкая-Шиманская. Думы и разсказы **Л. Вас—аго**. 10. З. Венгерова. Литературныя характеристики. **Е. Колтоновской**. 11. Карменъ. На днѣ Одессы **Л. К.** 12. В. Семевскій и др. Общественныя движенія въ Россіи **А. Яцимирскаго**. 13. А. Петрищевъ. Замѣтки учителя **А. Налимова**. 14. Аграрный вопросъ. Сборникъ статей. **Н. Воробьева**. 15. Б. Брандъ. Торгово-промышленный кризисъ въ Зап. Европѣ и въ Россіи. 16. К. Воблый. Заатлантическая эмиграція **Л. Клейнборта**. 17. Н. Дружининъ. Очерки крестьянской жизни. 18. Вѣстникъ фабричнаго законодательства **Л. К.** 19. Bernhard. Armes reiches Russland. **М. Бернацкаго**. 20. Де Греефъ, Соціальная экономія **В. Базарова**. 21. С. Струмилинъ. Богатство и трудъ **В. Л.** 22. Д-ръ Е. Членовъ. Сіонъ и Африка **В. Канеля**. 23. С. Крапивинъ. Энергія и ея превращеніе **О Прокофьевой**. 24. Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова **А. Яцимирскаго**. 25. П. Дворниковъ. Краткій курсъ исторіи русской литературы **А. Налимова**. 26. Д-ръ Д. Бекарюковъ. Основныя начала школьной гигіены. **д-ра А. Виреніуса**. Новыя книги поступившія въ редакцію . . . . . 138—190

29. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

НА

литературный и общественно-политическій журналъ

„Образованіе“

Журналъ будетъ выходить по прежнему, ежемѣсячно книгами не менѣе 25 листовъ.

при редакціонномъ участіи:

Л. Клейнборта, А. Луначарскаго и В. Львова.

Постоянными сотрудниками состоятъ:

В. Базаровъ, П. Берлинъ, М. Бернацкій, А. Богдановъ, Б. Веселовскій, Г. Гроссманъ, А. Изгоевъ, А. Коллонтай, М. Лунцъ, П. Нежданов, В. Ольховскій. И. Степановъ и А. Яблоновскій.

Особое вниманіе будетъ обращено на развитіе публицистическаго отдѣла, на освѣщеніе важнѣйшихъ вопросовъ текущей общественной жизни.

Цѣна на годъ 6 руб., съ пересылкой, на полгода—3 рубля.

Цѣна отдѣльной книжки—60 коп. съ перес.

Редакторъ-издатель *А. Острогорскій.*

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

НА ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ СЕМЬѢ и ШКОЛѢ:

ДРУГЪ ДѢТЕЙ

Программа журнала: 1) Разсказы. Повѣсти, сказки, пьесы и стихотворенія. 2) Изъ прошлаго. Историческіе разсказы, воспоминанія, біографіи и т. п. 3) Кругомъ свѣта. Путешествія по морю и сушѣ и т. п. 4) Изъ природы. 5) Очерки изъ современной жизни, знакомящіе дѣтей съ выдающимися современными событіями русской и иностранвой жизни. 6) Въ часы досуга. Шутки, шарады, загадки, игры, музыка, пѣніе, 7) Смѣсь.

ПОДПИСЧИКИ въ 1906 г. ПОЛУЧАТЪ:

24 **КНИЖЕК ЖУРНАЛА,** каждая въ объемѣ отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ, *со множествомъ рисунковъ.*

12 **КАРТИНЪ-СНИМКОВЪ** съ произведеній знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ (на альбомной бумагѣ).

12 портретовъ на альбомной бумагѣ **„ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ДѢЯТЕЛИ РОДИНЫ“.**

Для 1906 г. въ портфелѣ редакціи имѣются новыя произведенія слѣдующихъ *современныхъ беллетристовъ. Вал. І. Дмитріевой, П. В. Засодимскаго, А. И. Куприна, Е. Н. Чирикова и др.*

Кромѣ того подписчики „Друга Дѣтей“ въ 1906 г., получатъ:

12 **интересныхъ и полезныхъ въ семьѣ и школѣ ПРЕМІЙ-ПОДАРКОВЪ**

1. **Стѣнной отрывной календарь** на 1906 г. съ разказ. стихотвор., шарадами, загадками, шутками, забавами и полезн. свѣдѣн. на каждый день.
2. **Записная книжка** съ новыми справочн. свѣдѣн. (по исторіи, матем. и т. д.), необход. для учащихся.
3. **Домашній театръ,** руковод. къ постан. домашн. спектаклей устройству декорацій, сцены и т. д.
4. **Юный декламаторъ,** сборн. для чтен. на литерат. вечерахъ и утрахъ.
5. **Юный физикъ,** простѣйшіе опыты.
6. **Юный геологъ,** руководство для геологическихъ экскурсій.
7. **Фотографъ-любитель,** руководство къ занятіямъ фотографіей.
8. **Спутникъ самообразованія,** бесѣды о выборѣ и чтенія книгъ.
9. **Спутникъ читателя,** словарь наиболѣе употребительн. и иностранныхъ словъ.
10. **Другъ животныхъ,** какъ ухаживать и воспитывать домашнихъ животныхъ и птицъ.
11. **Между дѣломъ,** сборникъ новыхъ забавъ, развлеч. фокусовъ и т. д.
12. **Панорама тропическаго лѣса** для раскрашиванія, вырѣзыванія, склеиванія и разстановки.

Въ журналѣ участвуютъ: Ѳ. К. Арнольдъ, К. С. Баранцевичъ, Я. В. Боринъ, А. Л. Бостромъ, И. А. Бѣлоусовъ, Е. В. Выставкина, Ч. Вѣтринскій, В. І. Дмитріева, Н. П. Дружининъ, Н. В. Желиховская, проф. И. И. Ивановъ, Д. Н. Крачковскій, А. И. Купринъ, Л. А. Лиданова, К. В. Лукашевичъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, С. П. Мельгуновъ, И. И. Митропольскій, В. И, Немировичъ-Данченко, проф. А. М. Никольскій, Н. М. Никольскій, Н. И. Позняковъ, С. Д. Протопоповъ, свящ. Г. С. Петровъ, Вл. А. Поповъ, А. В, Погожева, А. В. Скалонъ, Н. А. Скворцовъ, В. А. Смирновъ, Г. Т. Сѣверцовъ (Полиловъ), Б. А. Тихоновъ, Н. В. Тулуповъ, П. В. Филоновъ (Дружбинъ), Н. Фольбаумъ, А. Н. Ульяновъ, Л. И. Уманецъ, Л. В. Хавкина, А. Чеглокъ (А. А. Усовъ), Н. Н. Чеховъ, Е. П. Чириковъ, О. Н. Чюмина и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: **5** съ пересылкой и доставкой на годъ **Р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апр. 2 р. и къ 1 іюлю 1 р. Объявленія принимаются съ платой 30 к. за стр. петита позади текста. Адресъ редакціи: Москва, Пятницкая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: **3** съ пересылкой и доставкой на 1/2 года **Р.**

Издатель *И. Д. Сытинъ.* Редакторъ *Н. В. Тулуповъ.*

Digitized by Google

Открыта подписка на 1906 годъ
на иллюстрированный еженедѣльный журналъ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

Съ 1906 г. журналъ будетъ выходить подъ новой редакціей, которая ставитъ своей задачей, **не измѣняя программы журнала**, сдѣлать его отвѣчающимъ современному освободительному движенію родины. Въ журналѣ найдутъ себѣ мѣсто очерки и картины, рисующіе современную общественную жизнь культурныхъ странъ. Широкимъ слоямъ населенія Россіи, вступающей въ новый періодъ своей исторіи, необходимо ознакомиться съ тѣмъ, какъ живутъ государства, идущія впереди пасъ по пути прогресса, какъ они устроили свою жизнь на началахъ СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА и БРАТСТВА.

50 **Въ теченіе года подписчики получатъ:**
№№ художественно-литературнаго журнала.
Путешествія.—Этнографія.—Романы и повѣсти, изображающіе разныя приключенія на сушѣ и на морѣ.—Очерки и разсказы.—Стихотворенія.—Спортъ.—Картины.—Иллюстраціи.—Портреты. 1.200 столбцовъ текста.

Въ качествѣ премій подписчикамъ „Вокругъ Свѣта“ будутъ даны слѣдующія
безплатныя приложенія:
Поборники правды.
Альбомъ портретовъ дѣятелей русскаго освобожденія.

24 ПИСАТЕЛЯ-РЕАЛИСТА: **КНИЖКИ РОМАНОВЪ** ***Эмиля Золя,***
куда войдутъ слѣдующія произведенія пользующагося всемірной извѣстностью
Римъ.—Лурдъ.—Парижъ.—Трудъ.—Углекопы.—Правда.

12 выпусковъ. **Полный иллюстрированный**
ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ЛѢЧЕБНИКЪ
знаменитыхъ РУССКИХЪ ПРОФЕССОРОВЪ-МЕДИКОВЪ
„КНИГА ЗДОРОВЬЯ“.

Подъ редакціей слѣдующихъ профессоровъ-медиковъ:
Н. П. Гундобина, С. І. Залѣскаго, А. А. Кадьяна, И. К Коновнина, П. Я. Розенбаха, лейбъ-окулиста Н. И. Тихомирова и Г. Ю. Явейна,
объемомъ болѣе 1000 печатныхъ страницъ съ 500 оригинальными рисунками: 1. Гигіена, или какъ надо жить, чтобы не хворать. Ред. проф. С. І. Залѣскаго. 2. Естественные методы лѣченія, или какъ лѣчиться, не принимая лѣкарствъ. Редакц. проф. Н. П. Гундобина 3. Внутреннія болѣзни (легкихъ, сердца, желудка, кишекъ и т. д.). Редакц. проф. Г. Ю. Явейна 4. Дѣтскія болѣзни, гигіена ребенка и уходъ за дѣтьми. Ред. проф. Н. П. Гундобина. 5. Хирургія. Ред. проф. А. А. Кадьяна. 6. Болѣзни нерви. системы. Ред. проф. П. Я. Розенбаха. 7. Душевн. болѣзни. Ред. проф. П. Я. Розенбаха. 8 Глазн. болѣзни. Ред. лейбъ-окул., проф. Н. И. Тихомирова. 9. Анатомія и физіологія (жизнь и строеніе человѣч. тѣла). Ред. проф. Н. П. Гундобина. 10. Болѣзни кожи, волосъ и ногтей. Ред. пр.-доц. И. К. Коновнина. 11. Отравленія, несчастные случаи, аптека и домашняя аптечка.
Въ отдѣльной продажѣ „Книга Здоровья“ стоитъ 3 рубля.

Кромѣ того, **съ приплатой ОДНОГО РУБЛЯ** подписчики **„Вокругъ Свѣта“** получатъ **ЦѢННОЕ** приложеніе художественно пополненную въ нѣсколько красокъ картину извѣстнаго художника **И. П. Богданова-Бѣльскаго** **„ГАЗЕТА въ ДЕРЕВНѢ“**, снимокъ съ послѣдней его картины, обратившей на себя всеобщее вниманіе на Передвижной выставкѣ въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1905 г. и посвященной изображенію отношенія вымѣшней деревни къ послѣднимъ событіямъ русской жизни. Оригиналъ, съ котораго воспроизведенъ снимокъ, пріобрѣтенъ съ Передвижной выставки за 3.000 рублей.

4 Р. **Цѣна на годъ:** безъ картины „Газета въ деревнѣ“ съ пересылкой и доставкой.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р., къ 1 Іюля 1 р.
Адресъ: Москва, Петровка, д. Матвѣевой. Редакція журнала „Вокругъ Свѣта“
Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

5 Р. **Цѣна на годъ:** съ картиной „Газета въ деревнѣ“ съ пересылкой и доставкой.

Digitized by Google

При каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложеній, **подписчики получатъ по одной книгѣ,** а новые подписчики, выписывающіе также (за 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.) **первыя 10 книгъ Салтыкова-Щедрина за 1905 г.,** получатъ ихъ при первомъ № „Нивы“ 1906 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1906 годъ

(37-й годъ изданія)

на еженедѣльн. иллюстриров.

ЖУРНАЛЪ

со многими приложеніями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1906 года:

52 **№№** художеств.-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ романы, повѣсти, разсказы; гравюры, рисунки и иллюстраціи современ. событій.

40 **КНИГЪ** „Сборника Нивы“, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ОСТАЛЬНЫЯ **30** КНИГЪ **М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

(„Сказки“, „Мелочи жизни“, „Благонамѣренныя рѣчи“, „Господа Ташкентцы“, „Въ средѣ умѣренности и аккуратности“, „Письма къ тетенькѣ“ и мн. друг. Войдутъ также не помѣщенныя въ прежнихъ изданіяхъ три сказки и комедія „Смерть Пазухина“).

(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.).

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ПЕРВЫЯ **10** КНИГЪ **К. М. СТАНЮКОВИЧА**

(въ которыя войдутъ „Морскіе разсказы“, романы: „Безъ исхода“, „Два брата“ и рядъ разсказовъ), подъ редакціей и съ біографич. очеркомъ **П. В. Быкова.**

(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.).

12 КНИГЪ **„Ежемѣсячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ Приложеній“,** содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ.

12 **№№** „Парижскихъ модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 **ЛИСТОВЪ** рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „ОТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1906 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки — **6 р. 50 к.**; съ доставкой — **7 р. 50 к.** Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской — 7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“ — 7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи . . . . 8 р. За границу — **12 р.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА ВЪ 2, 3 и 4 СРОКА.

Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1906 г. со всѣми ея приложеніями, еще **ПЕРВЫЯ 10 книгъ соч. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА за 1905 г.,** доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ СПБ. — 1 р. 50 к.; съ дост. въ СПБ. и съ пересылкой иногороднымъ и за границу — 2 руб.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

Digitized by Google

«Обманутые жизнью».

Разсказъ **Павла Пчелина**.

(Памяти **Антона Павловича Чехова**).

Какъ-то по осени, когда совсѣмъ коротки стали дни и долги беззвѣздныя ночи, жена земскаго врача Корнильева собралась, по обыкновенію, въ городъ. Прощаясь съ мужемъ, она поцѣловала его въ лобъ и разсѣянно проговорила:— „до свиданья, милый Іеан; поживу тамъ до перваго снѣга, установится санный путь, тогда жди меня обратно".

Корнильевъ помогъ ямщику вынести вещи жены и, усадивъ ее въ телѣжку, старательно укуталъ пледомъ.

— Смотри же, Анюта, не заживайся тамъ! — нѣсколько разъ повторилъ онъ, склонившись къ ней и заглядывая ей въ лицо.

— Раньше зимы не вернусь,—нечего меня и ждать. Теперь у тебя здѣсь отъ одной грязи помѣшаться можно,— почти съ раздраженіемъ заговорила было она, но, увидѣвъ, что ямщикъ забрался уже на козлы и ждетъ только ея приказанія, чтобы тронуть лошадей, сразу повеселѣла и безпрепятственно позволила мужу поцѣловать себя.

Выѣхавъ изъ воротъ больницы, Анна Андреевна оглянулась и увидѣла, что мужъ все еще стоитъ на крыльцѣ и смотритъ ей вслѣдъ.

Погрозивъ ему пальцемъ, она отвернулась и долго смотрѣла, какъ двое пузатыхъ мальчишекъ, перебираясь черезъ улицу, по колѣни увязли въ липкой грязи и забавно помогали другъ другу выбраться туда, гдѣ посуше; привѣтливо кивнула головой низко поклонившейся ей старухѣ; перекинулась прощальнымъ словомъ съ учителемъ земской школы,—и когда вздумала снова оглянуться, то не увидѣла уже ни мужа, ни больницы.

Въ городѣ за первый же мѣсяцъ она получила отъ

Digitized by Google

мужа нѣсколько писемъ, но сама все какъ-то не могла собраться отвѣтить на нихъ.

Да, впрочемъ, и отвѣчать-то, пожалуй, было не на что. Иванъ Николаевичъ ни о чемъ не спрашивалъ, а больше только жаловался на то, что осень выдалась тяжелая,— одна эпидемія смѣняетъ другую, такъ что ему приходится постоянно быть въ разъѣздахъ и почти не вылѣзать изъ телѣжки.

Чуть не каждое письмо онъ заканчивалъ словами: „жду, не дождусь саннаго пути".

Въ самомъ началѣ ноября, когда наступили уже заморозки и сталъ перепадать снѣгъ, Анна Андреевна разобрала по порядку письма мужа и задумала перечитать ихъ, чтобы разомъ отвѣтить на всѣ,—но прочитала только послѣднее, гдѣ онъ писалъ, между прочимъ, что саннаго пути въ этомъ году по всѣмъ признакамъ можно ожидать сейчасъ же послѣ Михайлова дня.

— Дался же ему этотъ санный путь! — съ досадой вырвалось у ней; и тутъ же, не заглядывая въ другія письма мужа, Анна Андреевна набросала ему нѣсколько словъ:

— „Записалась на драматическіе курсы, страстно увлекаюсь... сулятъ успѣхъ... скоро не вернусь..." Писать дальше ей кто-то помѣшалъ, и она оставила начатое письмо до вечера, намѣреваясь приписать что-нибудь еще, но по разсѣянности отправила его мужу, не прибавивъ ни слова.

Иванъ Николаевичъ получилъ это письмо вскорѣ послѣ Михайлова дня, когда, дѣйствительно, всѣ поля и всѣ дороги уже побѣлѣли. Онъ прочиталъ его рано утромъ и весь день думалъ, что написанное въ немъ было только шуткой...

Въ сумеркахъ мимо больницы быстро промчалось нѣсколько троекъ.

Даже не взглянувъ на нихъ, Иванъ Николаевичъ сейчасъ же догадался, что на этихъ тройкахъ проѣхали въ Аркатово со своими знакомыми молодые Панкратьевы, дѣти уѣзднаго предводителя дворянства.

Изъ году въ годъ они—студентъ и барышня—пріѣзжали на нѣсколько дней въ имѣніе непремѣнно по первому снѣгу, отчего аркатовскіе мужики прозвали ихъ снѣгирями и, когда смотрѣли, какъ проѣзжали мимо оконъ ихъ тройки, то всегда говорили: „ну, наши снѣгири прилетѣли, стало быть, зима на дворѣ".

Съ тѣхъ поръ, какъ Корнильевъ познакомился съ ними, вся эта компанія нерѣдко по дорогѣ останавливалась у больницы и если заставала его дома, то врывалась къ

Digitized by Google

нему—шумная и радостная—пила у него чай, дѣлилась съ нимъ городскими новостями, заводила споры, часто за недостаткомъ времени прерываемые на какомъ нибудь недоговоренномъ словѣ,—и снова мчалась дальше. На уговоры молодежи проводить ее до Аркатова самъ онъ сдавался неохотно, зато Анна Андреевна всегда съ удовольствіемъ присоединялась къ ней и потомъ, возвратившись домой, на долгое время становилась задумчивой, все о чемъ-то вздыхала, едва отвѣчала на вопросы мужа и только повторяла: „умѣютъ же жить люди—вотъ это я понимаю".

Иванъ Николаевичъ хмурился, говорилъ женѣ, что такой жизни онъ дать ей не можетъ, да и никогда не обѣщалъ этого, а она съ усталымъ видомъ ходила по комнатамъ, почти не слушая его, и только когда замѣчала, что онъ начинаетъ горячиться, прерывала его почти всегда одними и тѣми же словами: „оставь, пожалуйста, при себѣ свои проповѣди о трудѣ и праздности,—меня онѣ больше не трогаютъ".

Послѣ этого они обыкновенно расходились, недовольные другъ другомъ, избѣгали разговаривать, обмѣниваясь лишь незначительными фразами,—и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, Иванъ Николаевичъ съ виноватымъ видомъ не говорилъ женѣ:—А тебѣ, Анюта, не мѣшало бы побывать въ городѣ; насмотришься тамъ всякой всячины, а затѣмъ вернешься и со мной всѣмъ подѣлишься.

Анна Андреевна сейчасъ же быстро собиралась и уѣзжала недѣли на двѣ—на три въ городъ.

Возвращалась оттуда она повеселѣвшей, со смѣхомъ говорила, что дома все еще жалѣютъ ее и не могутъ примириться съ тѣмъ, что вышла она замужъ за земскаго врача. Свои разсказы о томъ, какъ проводила она тамъ время, Анна Андреевна прерывала восклицаніями:—„знаешь, милый Іван, городъ въ концѣ концовъ все-таки утомляетъ, ужасно утомляетъ",—и уже надолго забывала думать о городѣ.

Такъ бывало всегда прежде, а теперь Анна Андреевна что-то зажилась въ городѣ и на его настойчивое приглашеніе поскорѣе вернуться отозвалась только какой-то непонятной для него запиской.

Выйдя на улицу, Иванъ Николаевичъ долго смотрѣлъ вслѣдъ умчавшимся тройкамъ, словно упрашивалъ ихъ вернуться за нимъ, а потомъ медленно зашагалъ снова по направленію къ больницѣ. Дома онъ опять сталъ думать о запискѣ жены, но больше уже не хотѣлъ при этомъ увѣрять себя, что написанное тамъ было шуткой.

Digitized by Google

Долго крѣпился онъ послѣ этого, стараясь побороть въ себѣ желаніе писать женѣ и все еще ожидая ея возвращенія, но въ одну ночь, когда на улицѣ злилась вьюга и тоскливо стоналъ вѣтеръ, онъ не выдержалъ, наконецъ, и, забывъ о снѣ, принялся за письмо. Все письмо его состояло почти сплошь изъ однѣхъ жалобъ на тоску и одиночество, и въ каждомъ словѣ его звучала все одна и та же мольба о томъ, чтобы жена скорѣе возвращалась къ нему.

Отвѣта на свое письмо Иванъ Николаевичъ терпѣливо ожидалъ вплоть до Рождества и какъ разъ въ сочельникъ получилъ, наконецъ, его.

На коротенькую записку отвѣтъ этотъ не походилъ, и когда Анна Андреевна писала его, то была очень задумчива и даже печальна.

„Не вернусь я совсѣмъ въ больницу, — было написано въ немъ,—и жить съ тобой больше не могу. Скучно мнѣ съ тобой и всегда было скучно,—всѣ пять лѣтъ нашего брака. Думала я, что съ лѣтами какъ нибудь пройдетъ эта скука, возьметъ свое привычка, и перестанетъ тянуть отъ тебя, отъ твоихъ больныхъ, отъ темныхъ деревенскихъ ночей, словомъ, отъ всего того, что такъ нераздѣльно связано съ тобой,—но теперь я вижу, что не привыкнуть мнѣ никогда и никакъ не побороть скуки. Ты зналъ, что я выходила за тебя безъ любви и только позволяла тебѣ любить себя. Не думай, что я полюбила кого нибудь другого и пишу тебѣ такъ потому, что люблю, наконецъ. Я оставляю тебя не изъ-за любви къ другому и не для любви, а только потому, что съ тобой мнѣ жить скучной“.

Дальше Анна Андреевна писала, что ей совсѣмъ не нужно той свободы, какую можетъ дать разводъ, но если развода потребуетъ онъ, то лично она заранѣе согласна на всѣ условія и увѣрена, что затрудненій въ этомъ никакихъ не будетъ, такъ какъ дѣтей у нихъ нѣтъ.

Только одно безпокойное желаніе вспомнить что-то, давно забытое, почувствовалъ Корнильевъ, прочитавъ письмо жены, и не одинъ часъ просидѣлъ онъ за письменнымъ столомъ, держа передъ собой это письмо и тревожно приготовляясь встрѣтить пробудившееся въ немъ воспоминаніе.

То былъ одинъ лишь эпизодъ изъ далекаго прошлаго.

Самъ онъ, тогда еще гимназистъ I класса, и его двое товарищей, такихъ же маленькихъ первоклассниковъ, какъ и онъ, послѣ утомительной прогулки рѣшились зайти въ какой-то загородный трактиръ и попросить себѣ тамъ лимонаду. Никто изъ нихъ до того времени не имѣлъ никакого представленія о трактирахъ, и, войдя туда, они были

Digitized by Google

ошеломлены шумнымъ говоромъ посѣтителей, нескладнымъ пѣніемъ и удивительно безпорядочно носившимися по залѣ трактира звуками разбитаго рояля, за которымъ сидѣлъ подростокъ и настойчиво колотилъ по клавишамъ.

Ихъ всѣхъ сразу охватилъ и страхъ, и вмѣстѣ какое-то острое любопытство.—Ужъ не лучше-ли уйти,—пронеслось у каждаго изъ нихъ въ головѣ, но тѣмъ не менѣе они скромно усѣлись за одинъ изъ столиковъ и довольно рѣшительно потребовали себѣ лимонаду.

Ихъ появленіе въ общей залѣ трактира не произвело никакого впечатлѣнія на присутствовавшихъ тамъ, зато сами они съ жаднымъ вниманіемъ присматривались къ окружающимъ. Больше другихъ почему-то поразилъ Корнильева сидѣвшій по сосѣдству съ ними крупный мужчина съ толстой шеей и лысой головой.

Передъ нимъ на столикѣ стояла бутылка водки и тутъ-же подносъ съ двумя чайниками и стаканомъ; и онъ пилъ водку попеременно съ чаемъ и безпрестанно обтиралъ салфеткой свою лысую голову и жирную шею. Мальчику казалось непонятнымъ, какъ можно пить водку одновременно съ чаемъ, и онъ, желая обратить вниманіе товарищей на незнакомца, указалъ на него пальцемъ, и въ ту же минуту незнакомецъ оглянулся.

Мальчики увидѣли передъ собою толстую красную физіономію съ широко раскрытыми, безъ мысли уставившимися на нихъ глазами и съ маленькимъ, совсѣмъ кукольнымъ носомъ.

Онъ уже началъ пьянѣть и, собираясь, очевидно, что-то выговорить, громко икнулъ и какъ-то странно замычалъ, забавно задергавъ носомъ и заморгавъ глазами.

Все это вмѣстѣ: и безобразная внѣшность, и громкая икота, и непонятное мычаніе—такъ поразили мальчиковъ, что они не выдержали и всѣ трое разомъ звонко расхохотались.

Тогда незнакомецъ, съ трудомъ поднявшись со стула и продолжая также громко икать и странно мычать, подошелъ къ мальчикамъ, размахнулся и своей толстой потной рукой ударилъ по лицу Корнильева.

Отъ неожиданности, отъ мучительно остраго сознанія незаслуженности происшедшаго, почти заглушившаго въ немъ ощущеніе физической боли, мальчикъ, даже не попытавшись отразить удара, только вытянулся и съ блѣднымъ лицомъ, съ беззвучно шевелившимися губами стоялъ на одномъ мѣстѣ.

А незнакомецъ ударилъ разъ, другой и, можетъ быть, продолжалъ-бы наносить свои удары и дальше, если-бы вдругъ всѣ безпорядочно носившіеся по залѣ трактира

Digitized by Google

звуки не были-бы заглушены отчаяннымъ воплемъ двухъ дѣтскихъ голосовъ.

Маленькіе пріятели Корнильева, громко-протяжно взывая о помощи, бросились на незнакомца и, прикрывая собой товарища, принимая на себя все еще сыпавшіеся удары тяжелой потной руки,—успѣли, наконецъ, оттащить его въ сторону.

Черезъ минуту они—всѣ трое—уже бѣжали по пустынной улицѣ, не рѣшаясь оглянуться на оставленный трактиръ, а слѣдомъ за ними бѣжалъ игравшій подростокъ и держалъ въ рукѣ забытыя ими фуражки. На углу, у какого-то забора, ему удалось догнать ихъ.

Онъ отдалъ имъ фуражки, не забылъ попросить за недопитый лимонадъ и, получивъ какую-то мелочь, равнодушно сказалъ: „Подрядчикъ это; выпилъ, ну и осатанѣлъ. Всегда такъ онъ: чуть что не по немъ, такъ сейчасъ и въ драку. Одно хорошо, что на ногахъ не твердъ,—дадутъ ему пьяному подъ ножку, онъ тутъ же и скувырнется. Сейчасъ его бьютъ,—всю рожу въ кровь разворотили“.

Мальчики, однако, не дослушавъ словоохотливаго подростка, быстро пошли дальше и успокоились только тогда, когда попали наконецъ въ знакомую часть города.

Никто изъ нихъ ни словомъ не проговорился о томъ, что случилось въ трактирѣ, зато много ночей послѣ этого преслѣдовалъ мальчика все тотъ же незнакомецъ съ краснымъ лицомъ и толстой шеей,—и онъ часто просыпался среди ночи съ ноющимъ сердцемъ, съ тяжелой тоской во всемъ тѣлѣ и тревожно метался по кровати, пока кто нибудь изъ старшихъ, разбуженный его плачемъ, не подходилъ къ нему и не успокаивалъ его.

Онъ же приснился Корнильеву и въ эту ночь, — и, показывая издали письмо Анны Андреевны, зажатое въ жирномъ кулакѣ, ехидно подсмѣивался надъ нимъ.

Спалось Ивану Николаевичу плохо, но тѣмъ не менѣе на утро, когда немногіе знакомые приходили къ нему поздравить съ праздникомъ и справлялись объ Аннѣ Андреевнѣ, онъ всѣмъ спокойно говорилъ; „мы разошлись съ женой и больше не будемъ жить вмѣстѣ“.

Всю эту зиму имъ даже случайно не пришлось встрѣтиться другъ съ другомъ, и о томъ, какъ жилось каждому изъ нихъ, они узнавали только по слухамъ.

Digitized by Google

Анна Андреевна поселилась въ городѣ у матери, вдовы-генеральши, и вся ея родня—сама мать, двѣ сестры и дядя, братъ матери, — въ одинъ голосъ повторяли, что случившагося и надо было ожидать, и жалѣли только о томъ, что Анна Андреевна не хочетъ развода.

Иванъ Николаевичъ жилъ въ той же больницѣ и сталъ только еще болѣе нелюдимымъ, и еще рѣже показывался гдѣ нибудь въ обществѣ.

У Панкратьевыхъ, куда когда то любила уѣзжать изъ больницы его жена, онъ почти совсѣмъ не бывалъ, хотя студентъ Панкратьевъ продолжалъ по прежнему посѣщать его всякій разъ, когда пріѣзжалъ въ Аркатово.

И все, что приходилось по временамъ узнавать Ивану Николаевичу о своей женѣ,—онъ слышалъ только отъ этого студента, сестра котораго была очень дружна съ Анной Андреевной.

Самъ онъ, впрочемъ, никогда не распрашивалъ студента объ Аннѣ Андреевнѣ, но всегда выходило такъ, что среди разговора студентъ, какъ бы случайно, что нибудь скажетъ о ней, словно отвѣтитъ на нѣмой вопросъ доктора, и затѣмъ снова заговоритъ о другомъ. Говорилъ онъ вообще очень много и часто засиживался у доктора далеко за полночь, причемъ въ такихъ случаяхъ вскакивалъ обыкновенно съ мѣста и просилъ доктора: „да гоните же, наконецъ, меня, Иванъ Николаевичъ, иначе я никогда не кончу".

— Впрочемъ, вы сами виноваты въ этомъ, — оправдывался онъ какъ то передъ докторомъ: — съ тѣхъ поръ, какъ я началъ бывать у васъ, я сталъ напоминать самому себѣ человѣка, который только что научился плавать, а до того времени могъ лишь барахтаться гдѣ нибудь на мелкомъ мѣстѣ, не рѣшаясь удалиться отъ знакомаго берега и съ завистью посматривая на манящій его далекій просторъ.

Иванъ Николаевичъ хотѣлъ было что-то возразить ему, но студентъ, ничего не слушая, рѣшительно произнесъ: — „Вѣрьте мнѣ, что это дѣйствительно такъ, и не мѣшайте мнѣ плыть дальше".

Навѣстилъ доктора однажды и старикъ Панкратьевъ. Съ нимъ Ивану Николаевичу приходилось встрѣчаться не часто, и почти всегда старикъ производилъ на него впечатлѣніе человѣка, угнетеннаго одной какой-то навязчивой думой.

Уѣзднымъ предводителемъ дворянства онъ выбирался неизмѣнно уже больше двадцати лѣтъ и, по слухамъ, не разъ отказывался отъ предлагаемаго ему довольно виднаго административнаго поста. Въ уѣздѣ говорили, что, подчи-

Digitized by Google

няясь почти во всемъ своей женѣ, онъ только здѣсь упорно стоялъ на своемъ и, несмотря на настойчивое требованіе жены принять предложеніе, продолжалъ предводительствовать.

Самъ Иванъ Николаевичъ замѣчалъ еще, что когда студентъ Панкратьевъ касался въ разговорѣ съ нимъ своей семьи, то часто поминалъ отца и только въ рѣдкихъ случаяхъ говорилъ что нибудь о матери.

Въ больницѣ у Ивана Николаевича старикъ Панкратьевъ былъ всего одинъ разъ какъ - то вмѣстѣ съ сыномъ, и теперь, при видѣ его одного, докторъ почему-то смутился и не сразу могъ придумать, чѣмъ занять гостя.

Впрочемъ, тотъ очень быстро вывелъ его изъ затруднительнаго положенія, почти сейчасъ же по пріѣздѣ привѣтливо заговоривъ:—„Мой Викторъ положительно въ восторгѣ отъ васъ, Иванъ Николаевичъ. Я очень радъ, что онъ бываетъ у васъ, а то, думается мнѣ, онъ совсѣмъ заскучалъ-бы, такъ какъ за послѣднее время онъ сталъ сторониться нашего общества и даже разошелся кое съ кѣмъ изъ прежнихъ товарищей. Кажется мнѣ почему - то, что въ немъ происходитъ какой-то переломъ. Къ сожалѣнію, онъ уже далеко не по-прежнему откровененъ со мной, и мнѣ приходится только со стороны наблюдать за нимъ".

Старикъ просидѣлъ у него довольно долго и все говорилъ о сынѣ, причемъ не одинъ разъ повторилъ, что самъ онъ относился къ сыну, какъ джентльменъ къ джентльмену, и другихъ отношеній между родителями и дѣтьми не признаетъ.

Прощаясь, старикъ Панкратьевъ такъ настойчиво просилъ доктора не забывать ихъ, что тотъ, наконецъ, обѣщалъ въ первый же свободный день пріѣхать въ Аркатово.

Подъ разными отговорками откладывалъ, однако, Иванъ Николаевичъ свое намѣреніе побывать у Панкратьевыхъ и дотянулъ такъ до конца лѣта, пока, наконецъ, въ какой то праздничный день къ нему не явился студентъ Панкратьевъ и не заявилъ, что домой безъ него не вернется.

— Если вы еще заняты, просижу у васъ хоть до ночи,— добавилъ онъ, съ улыбкой посматривая на колебавшагося доктора, и, не дождавшись его отвѣта, подошелъ къ книжному шкафу, гдѣ хранилась небольшая библіотека Ивана Николаевича, выбралъ себѣ какую-то книгу и усѣлся съ ней на балконѣ.

Не прошло и часа, какъ туда же пришелъ и докторъ; оба они заторопились, рѣшили ѣхать немедленно,—но незамѣтно для себя такъ увлеклись разговоромъ, что просидѣли на балконѣ до вечера.

Digitized by Google

По обыкновенію говорилъ больше студентъ, а докторъ изрѣдка только вставлялъ какія нибудь замѣчанія, не переставая по временамъ съ удивленіемъ посматривать на своего собесѣдника, видимо, чѣмъ-то взволнованнаго и разсказывавшаго почти исключительно о самомъ себѣ.

По природѣ сдержанный и не избалованный дружбой, докторъ и прежде не любилъ откровенныхъ разговоровъ, а послѣ отъѣзда жены сталъ прямо избѣгать ихъ. Ему всегда казалось, что вслѣдъ за какимъ нибудь признаніемъ собесѣдника тотъ будетъ ожидать въ свою очередь такого же признанья и съ его стороны, а у него теперь совсѣмъ не было желанія дѣлиться съ кѣмъ бы то ни было тѣмъ, что тревожило его.

Однако волненіе, съ какимъ студентъ говорилъ въ этотъ разъ, подкупило Ивана Николаевича, а сравнительно недавняя бесѣда со старикомъ Панкратьевымъ придала въ глазахъ его какой то особый интересъ тому, что разсказывалъ студентъ.—Съ балкона ихъ скоро прогналъ дождь, и они перешли въ большую комнату, служившую доктору кабинетомъ и спальней. Докторъ принялся зажигать лампу, а студентъ закурилъ папиросу и, усѣвшись въ уголъ, продолжалъ прежній разговоръ.

— Такъ вотъ, Иванъ Николаевичъ, называйте меня суевѣрнымъ или какъ тамъ вамъ еще вздумается, но право же, встрѣтившись съ вами, я сразу почему-то почувствовалъ, что встрѣтился не даромъ. Вспоминать теперь, при какихъ условіяхъ была эта встрѣча и оглядываться на самого себя, какимъ я былъ тогда,—удовольствія для меня не много, но ужъ если дѣло дошло до признаній, умалчивать объ этомъ не приходится. Начну нѣсколько издалека. Года три назадъ приходилось вамъ посѣщать нашъ городской театръ?

Докторъ, ходившій изъ угла въ уголъ по комнатѣ, остановился не надолго передъ своимъ гостемъ, подумалъ и нерѣшительно отвѣтилъ:

— Что-то не помню; вѣроятнѣе всего—нѣтъ, — какой ужъ я театралъ. Впрочемъ, позвольте,—товарищи какъ - то затащили меня слушать какую-то знаменитость, но кто это былъ, хоть убейте не скажу вамъ теперь.

— Дѣло не въ знаменитости, — смѣясь продолжалъ студентъ,—а въ томъ, что именно въ это время я былъ записнымъ театраломъ. Сидѣли мы —насъ было человѣкъ 7—8—не иначе, какъ въ первомъ ряду, появляясь въ театрѣ непремѣнно только тогда, когда вся публика была на мѣстахъ и уже игралъ оркестръ... (У насъ въ театрѣ половина сезона шла драма, половина—опера; мы посѣ-

Digitized by Google

щали только оперу). Вслѣдъ намъ раздавалось шиканье и ядовитые возгласы, но мы не смущались и медленно добирались до своихъ мѣстъ. Въ антрактахъ, стоя у барьера передъ оркестромъ, мы осматривали въ бинокли публику, громко обмѣнивались замѣчаніями по адресу какой нибудь заинтересовавшей насъ незнакомки, затѣмъ переводили свои бинокли на верха, на купоны и галлерею.

— А оттуда по всему театру разносились восклицанія: „пшюты, пшюты!“ сопровождаемыя иной разъ и прямо ругательствами. Это наши однокурсники демонстративно выражали намъ свое порицаніе. Тоже своего рода представленіе, повторявшееся почти каждый спектакль, но мы относились къ нему равнодушно... да объ этомъ я и не хочу сейчасъ распространяться,—вставилъ студентъ, посмотрѣвъ на доктора, все еще расхаживавшаго по комнатѣ.

— Хотя вы и не театралъ,—началъ онъ снова,—однако, вѣроятно, знаете, что почти никакая опера не обходится безъ балета. Мнѣ приходилось встрѣчать людей, которые положительно не переносятъ этого балета въ оперѣ и находятъ, что онъ только мѣшаетъ, что же касается насъ, то всѣ мы если и посѣщали оперу, такъ только изъ за балета и не безъ гордости считали себя его покровителями.

— Впрочемъ,—поправился студентъ,—ко мнѣ тогда это еще не относилось: меня лишь подготовляли къ этому, а покровителемъ балета я сталъ, перейдя на второй курсъ.

— Помню, какъ сейчасъ, ко мнѣ зашелъ утромъ какъ-то передъ лекціями одинъ изъ моихъ безчисленныхъ кузеновъ и пригласилъ къ себѣ на „рюмку коньяку“.

— „Вечеръ будетъ съ дамами“,—прибавилъ кузенъ и тутъ же съ досадой проговорилъ—„чертъ возьми, да вѣдь ты такой тюлень, что до сихъ поръ еще не обзавелся дамой! Не стоило бы тебя и приглашать,—ну, да на правахъ родственника дѣлаю для тебя исключеніе“,—любезно уступилъ онъ въ концѣ концовъ.

— А у каждаго изъ нашей компаніи,—кромѣ меня пока, какъ видите, была, конечно, дама сердца. Въ нашемъ кругу мы называли ихъ просто—женщинами, и когда знакомили ихъ другъ съ другомъ или представляли кому нибудь, то всегда говорили: „а наши женщины незнакомы? позвольте представить вамъ мою женщину“.

— Я отправился къ своему родственнику на „рюмку коньяку“, встрѣтилъ тамъ большое общество и съ этого вечера обзавелся собственной женщиной.

— Мой выборъ палъ на одну изъ балеринъ нашего опернаго балета, послѣ чего я записался уже по праву въ по-

Digitized by Google

кровители этого балета. Связи своей съ ней я не только ни отъ кого не скрывалъ, но даже гордился ею, а мои родные, узнавъ о ней, стали говорить про меня: „какъ нашъ Викторъ возмужалъ за эту зиму". Увлеченъ ею я былъ невѣроятно, ревновалъ ко всѣмъ безумно, и стоила она мнѣ, или, вѣрнѣе, моему отцу—очень дорого даже и для провинціи. Любимымъ моимъ удовольствіемъ было катанье съ ней на нашихъ рысакахъ куда нибудь за городъ; не разъ, представьте себѣ, я бывалъ вдвоемъ съ ней даже и въ Аркатовѣ. Передъ самымъ концемъ опернаго сезона тотъ же самый кузенъ, о которомъ я только что говорилъ вамъ, подбилъ меня устроить грандіозную прогулку со всѣми нашими женщинами. Послѣ нѣкотораго размышленія мы остановились на Аркатовѣ. Отцу и матери какъ разъ въ это время пришлось быть въ городѣ, сестра, конечно, не посвященная въ это, была нами обманута, и мы дѣйствительно со всѣми нашими женщинами примчались туда. Помню прекрасно изумленіе нашихъ почтенныхъ аркатовскихъ слугъ, съ какимъ они встрѣтили всю эту довольно легкомысленно ведущую себя публику. Отцовскаго камердинера мнѣ такъ и не удалось заставить прислуживать намъ; онъ довольно энергично выразился по адресу нашихъ дамъ и наотрѣзъ отказался подавать такимъ особамъ.

— Вели себя мы, признаться, ужъ слишкомъ sans gêne и къ вечеру—мы пріѣхали въ Аркатово часа за два до обѣда—наша пирушка превратилась чуть не въ оргію, что не мѣшало потомъ другому моему кузену говорить, что все кончилось легонькимъ канканчикомъ.

— Теперь то вотъ и доходитъ очередь до нашей встрѣчи съ вами,—перебилъ свой разсказъ студентъ и на нѣсколько времени замолчалъ.

Иванъ Николаевичъ, давно уже почувствовавшій какую то неловкость отъ излишней, какъ ему казалось, откровенности своего гостя, хотѣлъ было прервать этотъ разговоръ и въ тоже время не зналъ, какъ сдѣлать это, чтобы гость его не обидѣлся.

Но пока онъ только придумывалъ, какъ всего удобнѣе перемѣнить тему разговора, студентъ уже заговорилъ дальше.

— Итакъ, я остановился на легонькомъ канканчикѣ. Моя дама особенно отличалась въ этотъ вечеръ и допрыгалась до того, что сильнымъ ударомъ ноги свалила меня. Упалъ я крайне неудачно, ухитрившись, какъ вы опредѣлили потомъ, сломать себѣ руку и осложнить это еще вывихомъ. Настроеніе общества было, однако, до такой степени приподнятое, что всѣ привѣтствовали мое паденіе рукоплесканіемъ, хотя черезъ нѣсколько же минутъ убѣдились, что я пострадалъ не на

Digitized by Google

шутку: рука висѣла, какъ плеть и, казалось, распухала на нашихъ глазахъ.

— Тутъ я вспомнилъ, что верстахъ въ десяти отъ насъ, въ земской больницѣ, проживаетъ врачъ Корнильевъ, котораго я—сынъ уѣзднаго предводителя дворянства и одного изъ крупныхъ землевладѣльцевъ—могу, конечно, побезпокоить даже и ночью ввиду такихъ исключительныхъ обстоятельствъ,—почему распорядился немедленно послать за вами одну изъ троекъ, доставившихъ насъ въ Аркатово.

— Былъ-ли я нѣсколько времени въ обморокѣ и потому утратилъ не надолго способность воспринимать дѣйствительность,—не помню теперь. Но, какъ-бы то ни было, на мой приказъ отправить за вами одну изъ этихъ троекъ явился скрывавшійся гдѣ-то камердинеръ отца и заявилъ, что на тройкахъ уже уѣхали обратно въ городъ всѣ мои гости, такъ какъ дамы взбунтовались и не захотѣли ни минуты больше оставаться въ Аркатовѣ. Послали за вами только на одной лошади, а я въ ожиданіи васъ лежалъ, злился отъ боли и заранѣе приготовлялся встрѣтить васъ вызывающе, не сомнѣваясь, что безъ протеста вы не появитесь. Однако мои приготовленія были ни къ чему.

— Очнувшись послѣ чего-то, похожаго на дремоту, я услышалъ, какъ вы спрашивали:—„что же, собственно, съ нимъ случилось?"—Изъ боязни, что кто-нибудь проболтается, я, стараясь быть какъ можно развязнѣе, дѣланно протянулъ: —„здравствуйте, докторъ, простите за безпокойство, но дѣло въ томъ, что я очень неудачно упалъ и, должно быть, сломалъ себѣ руку". Смотрѣлъ я на васъ при этомъ съ любопытствомъ, такъ какъ, по совѣсти говоря, видѣлъ въ васъ человѣка совсѣмъ другой породы,—нѣсколько помедливъ, выговорилъ студентъ и помолчалъ съ минуту, словно ожидая какого-нибудь вопроса отъ доктора.

Иванъ Николаевичъ не отозвался, и гость продолжалъ.

— Судите сами: у нашей семьи уже давно имѣется свой домашній врачъ, но, во-первыхъ, это именно онъ ввелъ у насъ въ городѣ въ моду маленькія изящныя каретки въ одну лошадь, а, во-вторыхъ, послать за нимъ ночью, да еще въ такую погоду, какая стояла тогда, я не рѣшился-бы, если-бы даже сломалъ себѣ шею, и въ крайнемъ случаѣ заставилъ-бы отвезти себя къ нему, а тутъ я просто отправилъ кучера, наказавъ ему безъ васъ не возвращаться, и ни минуты не сомнѣвался, что онъ явится съ вами. Моя увѣренность не обманула меня.

— Впрочемъ, если-бы вы захотѣли быть откровеннымъ, то, вѣроятно, признались бы сейчасъ, что и сами въ свою очередь присматривались ко мнѣ, какъ къ довольно рѣдкому для

Digitized by Google

васъ экземпляру. Я прекрасно помню ваши бесѣды со мной во время визитовъ въ Аркатово.

— Сколько разъ выходилъ я изъ себя, чувствуя, какъ пустъ, какъ безсодержателенъ я въ вашихъ глазахъ! Помните одну мою выходку, когда я, возмущенный вашей неуязвимостью, дошелъ до того, что просто-на-просто наговорилъ вамъ дерзостей, а вы довольно спокойно отвѣтили мнѣ, что если-бы не считали своей обязанностью довести до конца леченіе, то сейчасъ же бросили-бы возиться со мной.

— И все-таки, почти помимо воли и желанія, я такъ втянулся въ наши бесѣды съ вами, и онѣ стали такъ необходимы для меня, что я забылъ и думать о возвращеніи въ городъ.

— Въ Аркатовѣ меня не разъ навѣщалъ отецъ; примчалась какъ-то съ своими подругами сестра. Всѣ они, конечно, очень скоро узнали о нашемъ вечерѣ съ дамами, но со мной никто изъ нихъ объ этомъ не заговаривалъ. Когда отецъ спросилъ меня, не хочу-ли я обратиться къ нашему домашнему доктору, я отвѣчалъ ему, что вполнѣ доволенъ вами, а сестра почему-то нашла нужнымъ сообщить мнѣ, что вы тотъ самый Корнильевъ, за котораго вышла замужъ барышня изъ нашего круга, и что въ обществѣ ея бракъ произвелъ сенсацію.

При послѣднихъ словахъ студента докторъ не то съ упрекомъ, не то съ недовольствомъ посмотрѣлъ на него и медленно проговорилъ:

— А теперь, Викторъ Анатоліевичъ, ваша сестра, вѣроятно, сказала-бы про меня, что я тотъ самый Корнильевъ, котораго бросила жена.

Студентъ началъ было отрицать это, но сейчасъ же припомнилъ, что за послѣднее время всѣ знакомые доктора говоря при случаѣ о немъ, никогда не забывали прибавлять, что недавно отъ него уѣхала жена,—и сразу неловко замолчалъ.

— А насъ, вѣроятно, уже заждались,—началъ онъ спустя нѣсколько минутъ,—я совсѣмъ что-то заболтался сегодня. Ѣдемте же поскорѣе, Иванъ Николаевичъ,—прибавилъ онъ, стараясь скрыть свое смущенье.

Докторъ сейчасъ же собрался, и скоро оба они ѣхали уже по дорогѣ въ Аркатово.

Разговаривать имъ больше не хотѣлось, и почти вплоть до имѣнія Панкратьевыхъ они не обмѣнялись ни словомъ.

Ивану Николаевичу вспомнилось, что послѣдній разъ онъ былъ въ Аркатовѣ вмѣстѣ съ женой, и что такъ же, какъ и теперь, за ними заѣхалъ тогда студентъ Панкратьевъ

Digitized by Google

и настойчиво звалъ ихъ обоихъ къ себѣ. Анна Андреевна была чѣмъ-то недовольна, противъ обыкновенія заупрямилась и на уговоры студента долго упорно твердила: „ну, зачѣмъ я вамъ, Викторъ Анатоліевичъ, довольно съ васъ и одного мужа".

Студенту удалось, однако, упросить ее, и когда вслѣдъ затѣмъ они всѣ трое ѣхали въ Аркатово, то Анна Андреевна оживилась и дорогой нѣсколько разъ повторила Панкратьеву: „если бы я была легкомысленной, то навѣрно увлеклась бы вами, Викторъ Анатоліевичъ".

Студентъ смѣялся; глядя на него, улыбался и Корнильевъ, а жена его мечтательно посматривала поперемѣнно то на одного, то на другого, словно сравнивала, кто изъ нихъ лучше.

Послѣ этой поѣздки не прошло еще и полнаго года, а Ивану Николаевичу казалось, что все это было такъ давно, что онъ успѣлъ уже сильно состариться и ѣхалъ теперь къ Панкратьевымъ какимъ-то другимъ человѣкомъ...

Студентъ сидѣлъ съ печальнымъ лицомъ, изрѣдка посматривалъ на молчавшаго спутника и, вспоминая о своемъ разговорѣ съ нимъ, жалѣлъ, что такъ неловко прервалъ этотъ разговоръ.

Самое важное, чѣмъ хотѣлось ему подѣлиться съ докторомъ, такъ и осталось недосказаннымъ, а заводить снова такой же разговоръ—онъ чувствовалъ это—ему будетъ уже трудно.

Положимъ, не менѣе трудно было разбираться одному въ этомъ важномъ, и до сихъ поръ всѣ его попытки разобраться въ немъ кончались только мучительнымъ безпокойствомъ и непонятной тревогой, однако отказаться отъ этихъ попытокъ и просто перестать думать о томъ, что не поддавалось опредѣленію, онъ былъ уже не въ силахъ.

Посмотрѣвъ еще разъ на доктора, Викторъ Анатоліевичъ страстно захотѣлъ снова вернуться обратно вмѣстѣ съ нимъ въ больницу и тамъ высказать доктору все то, что волновало его,—но было поздно: они уже подъѣзжали къ рѣзнымъ воротамъ аркатовской усадьбы.

Домой, въ больницу, Иванъ Николаевичъ возвратился только на разсвѣтѣ и долго потомъ досадовалъ на себя, что согласился поѣхать къ Панкратьевымъ.

Началось съ того, что на дворѣ усадьбы студентъ не надолго остановилъ его и неожиданно заявилъ:—„сегодня рожденье моей сестры, почему гостей у насъ немного больше обыкновеннаго. Въ больницѣ я нарочно умолчалъ объ этомъ, думая, что тогда васъ, пожалуй, и силой не затащить - бы

Digitized by Google

мнѣ сюда, ну, а теперь, когда объ отступленіи не можетъ быть и рѣчи, на всякій случай предупреждаю васъ."

Иванъ Николаевичъ все-таки хотѣлъ было ускользнуть, но навстрѣчу имъ вышелъ откуда-то старикъ Панкратьевъ и, поздоровавшись съ докторомъ, упрекнулъ сына, что онъ не привезъ гостя къ обѣду.

Не сопротивляясь больше, докторъ довольно рѣшительно пошелъ рядомъ со старикомъ, а тотъ, взявъ его подъ руку и о чемъ-то разспрашивая, повелъ прямо въ столовую.

Гостей оказалось дѣйствительно не мало, и за большимъ длиннымъ столомъ, гдѣ сидѣла хозяйка дома, многимъ не хватило мѣста, отчего по всѣмъ угламъ столовой и въ сосѣдней съ ней комнатѣ для нихъ были разставлены небольшіе столики.

Подойдя съ докторомъ къ женѣ, старикъ Панкратьевъ нагнулся къ ней и негромко сказалъ:—„попеняй же Ивану Николаевичу, что онъ такъ давно не былъ у насъ."

Еще не старая и хорошо сохранившаяся Панкратьева удивленно посмотрѣла на мужа, какъ-бы спрашивая его, кто же это Иванъ Николаевичъ?—но сейчасъ же ласково улыбнулась и принялась выговаривать доктору, что онъ совсѣмъ не хочетъ ихъ знать.

Ивану Николаевичу очень рѣдко приходилось бесѣдовать съ ней, а изъ того, что говорилъ о ней какъ-то студентъ, онъ помнилъ только, что съ матерью студентъ можетъ видѣться не иначе, какъ предварительно доложивъ о себѣ черезъ лакея.

Съ трудомъ подыскивая слова, онъ началъ вяло оправдываться, а когда наконецъ замолчалъ, то замѣтилъ, что она перестала его слушать и занялась разговоромъ съ сидѣвшимъ рядомъ съ ней старикомъ. Не рѣшаясь сейчасъ же отойти, Иванъ Николаевичъ молча постоялъ еще нѣсколько минутъ за ея стуломъ и затѣмъ, разглядѣвъ издали свободный столикъ въ сосѣдней комнатѣ, направился туда.

Собравшіеся здѣсь гости держали себя болѣе непринужденно; они громче говорили, много курили, а нѣкоторые изъ нихъ даже что то-напѣвали.

Среди нихъ у Ивана Николаевича оказалось нѣсколько знакомыхъ родственниковъ хозяина дома, такъ же, какъ и онъ, Панкратьевыхъ, только съ какими-то удивительными именами.

Не часто встрѣчаясь съ ними, Иванъ Николаевичъ никогда не могъ запомнить, какъ слѣдуетъ, что двоихъ изъ нихъ, пожилыхъ уже помѣщиковъ, зовутъ — одного Авениромъ, другого Памфамиромъ, краснощекаго студента, щеголявшаго въ этотъ разъ въ удивительно короткомъ бѣ-

Digitized by Google

ломъ кителѣ, — Тавріономъ, а высокаго молодого человѣка съ большими сѣрыми глазами на выкатѣ и съ кудрявой головой—Протолеономъ.

И въ этотъ разъ, здороваясь съ ними, докторъ сейчасъ же перепуталъ ихъ имена и, когда они поправили его, сильно смутился и поспѣшилъ отойти отъ нихъ.

Всѣ эти Панкратьевы держались замѣтно особнякомъ отъ другихъ гостей и больше бесѣдовали другъ съ другомъ. Тѣмъ не менѣе молодой человѣкъ съ сѣрыми глазами зачѣмъ-то подошелъ къ Ивану Николаевичу и, любезно улыбаясь, проговорилъ: „Смѣю надѣяться, не изволили забыть, Протолеонъ Панкратьевъ".

Усадивши доктора за одинъ изъ столиковъ, онъ не надолго исчезъ куда-то и затѣмъ вернулся съ двумя стаканами чая.

— Мнѣ хочется чѣмъ-нибудь быть полезнымъ вамъ,—съ изысканной вѣжливостью началъ онъ снова, предлагая доктору чай.

— Столько лестнаго приходится всегда слышать о васъ отъ кузена Виктора. Я вижу, вы теряетесь въ такомъ большомъ обществѣ, и вполнѣ понимаю васъ. На все нужна привычка. Скажу лично про себя, я не только не могу представить себя въ положеніи хирурга, дѣлающаго кому нибудь операцію, но чуть ли не падаю въ обморокъ при видѣ капли крови на собственномъ пальцѣ, — зато нигдѣ не чувствую себя такъ легко и свободно, какъ въ большомъ обществѣ. Общество—это моя стихія!—восторженно произнесъ онъ и тутъ же негромко прибавилъ:—а вотъ къ намъ направляется моя кузина, Зинаида Анатоліевна; вы еще не видѣлись съ нею?

Онъ поднялся и уступилъ свое мѣсто Панкратьевой.

Та еще издали нѣсколько разъ кивнула доктору головой, и, поздоровавшись съ нимъ, радушно заговорила:

— Только что узнала отъ Виктора, что онъ привезъ и васъ, Иванъ Николаевичъ. Мы не видѣлись съ вами цѣлую вѣчность! Викторъ увѣряетъ, что ему совсѣмъ безъ труда удалось уговорить васъ пріѣхать къ намъ сегодня, а я держала съ нимъ пари, когда онъ собрался въ больницу, что домой ему придется вернуться одному.

— Но, Боже мой, кузина, значитъ вы проиграли пари!—жалобно воскликнулъ Протолеонъ Панкратьевъ.

— Разумѣется, проиграла; я, вообще, несчастлива на пари,—нѣсколько пренебрежительно отвѣтила ему Панкратьева и, уже не обращая больше на него вниманія, начала разспрашивать доктора о больной старухѣ, которую она какъ-то лѣтомъ посылала къ нему съ своей запиской.

Иванъ Николаевичъ такъ обстоятельно принялся раз-

Digitized by Google

сказывать объ этой старухѣ, что молодой Панкратьевой скоро наскучило слушать его, и она по разсѣянности нѣсколько разъ спрашивала его объ одномъ и томъ же, посматривала по сторонамъ и замѣтно обрадовалась, увидѣвъ, что изъ столовой къ нимъ идетъ братъ.

— Гдѣ же ты пропадалъ, Викторъ? Докторъ, вѣроятно, уже соскучился, говоря со мной, — торопливо начала она, поднявшись со стула, и такъ быстро отошла отъ нихъ, что Иванъ Николаевичъ, только было собравшись что-то возразить ей, не успѣлъ ни слова выговорить.

Удивленно посмотрѣвъ вслѣдъ сестрѣ, студентъ подсѣлъ къ доктору и сталъ извиняться, что оставилъ его одного, а тотъ уныло слушалъ его и потомъ недовольно пробормоталъ:—„И зачѣмъ это вамъ вздумалось затащить меня сегодня сюда; отвыкъ я что-то отъ общества".

Студентъ предложилъ ему перейти къ себѣ въ комнату, но въ это время къ нимъ подошелъ какой-то молодой офицеръ и пригласилъ ихъ кататься на лодкѣ. — Чѣмъ больше народу, тѣмъ лучше, — уговаривалъ онъ: — можетъ быть, удастся составить хоръ; на рѣкѣ такъ хорошо поется!

Оба они согласились. Всѣхъ, желающихъ кататься, набралось на двѣ лодки, и въ одной изъ нихъ начали пѣть еще въ виду усадьбы, а затѣмъ пѣли хоромъ на обѣихъ лодкахъ.

Рядомъ съ Иваномъ Николаевичемъ въ лодкѣ сидѣла какая-то молодая дѣвушка, съ которой его случайно забыли познакомить.

Все время докторъ чувствовалъ, что она упорно смотритъ на него, и были минуты, когда ему казалось, что она о чемъ-то тихо заговариваетъ съ нимъ. Онъ, наконецъ, не выдержалъ и, повернувшись къ дѣвушкѣ лицомъ, тихо спросилъ:—вы что-то хотите сказать мнѣ? — Она отрицательно покачала головой, и печально отвѣтила: — нѣтъ, вамъ это только послышалось.

Разносившаяся съ лодокъ по рѣкѣ веселая хоровая пѣсня какъ-то сразу оборвалась; раздался чей-то смѣхъ; кто-то громко протяжно прокричалъ — эхо! э-хо!—и наступившую вслѣдъ за тѣмъ недолгую тишину неожиданно для всѣхъ нарушилъ чей-то страстный тоскующій призывъ.

Одинокій—онъ еще не успѣлъ замереть и—казалось—жалобно звенѣлъ въ воздухѣ,—какъ на смѣну ему понеслась унылая, безнадежно спокойная мелодія.

— Слушайте, слушайте!.. Нина Владиміровна поетъ!— настойчиво произнесъ сидѣвшій въ одной лодкѣ съ докторомъ молодой офицеръ.

— Нина поетъ!—отозвался кто-то въ передней лодкѣ, и снова всѣ стихли.

Digitized by Google

Иванъ Николаевичъ вздрогнулъ и почти испуганно отшатнулся отъ незнакомой ему дѣвушки, а та, повернувшись теперь лицомъ къ сонной рѣкѣ и словно забывъ обо всемъ, что окружало ее, продолжала пѣть.

Пѣла она по-французски, и докторъ не понималъ словъ ея пѣсни, и въ то же время чувствовалъ, что ему хочется теперь вмѣстѣ съ ней также на что-то жаловаться, о чемъ-то тосковать и съ чѣмъ-то прощаться...

Но вотъ она уже и кончила свою пѣсню; въ обѣихъ лодкахъ ей хлопали, кричали браво и настойчиво упрашивали спѣть еще что нибудь. Она рѣшительно отказалась; хоромъ пѣть никому уже больше не хотѣлось, и когда кто-то предложилъ вернуться домой, то всѣ согласились.

До усадьбы добрались къ ужину.

Высаживаясь изъ лодки, докторъ собирался было о чемъ-то поговорить съ незнакомой ему дѣвушкой, но она скрылась уже съ кѣмъ-то въ темной аллеѣ сада.

Только у самаго дома удалось ему догнать ее. Дѣвушка шла подъ руку со студентомъ Панкратьевымъ и тихо говорила съ нимъ.

Иванъ Николаевичъ, боясь, что помѣшаетъ имъ, невольно замедлилъ шаги и въ ту же минуту услышалъ взволнованный голосъ студента:—да зачѣмъ это, Нина, зачѣмъ? не нужно слезъ, не нужно жалобъ!

— О чемъ же въ сущности я сталъ-бы съ ней говорить? съ недоумѣніемъ подумалъ Иванъ Николаевичъ и, подождавъ, пока студентъ съ дѣвушкой не вошли въ домъ, не торопливо направился за ними.

Почти всѣ участники катанья собрались въ сосѣдней со столовой комнатѣ и ужинали за отдѣльными столиками.

Докторъ много пилъ, почти ничего не ѣлъ и, снова чувствуя себя совсѣмъ одинокимъ среди оживленной и шумной толпы мало знакомыхъ ему людей, съ скучающимъ видомъ сталъ прислушиваться къ тому, что уже давно разсказывалъ ему его случайный сосѣдъ по столику—Протолеонъ Панкратьевъ.

А тотъ долго говорилъ о сродствѣ душъ и о внезапно возникающей симпатіи; потомъ сталъ жаловаться на судьбу и на то, что никто изъ близкихъ не можетъ понять его.

Когда гости начали разъѣзжаться, онъ вызвался проводить доктора до какой-то волчьей долины.

— Мои родители были когда-то очень обезпеченные люди,—разсказывалъ онъ Ивану Николаевичу дорогой,—но судьба насъ долго преслѣдовала, и теперь, откровенно говоря, у меня ничего, кромѣ манеръ, не осталось!

— И все-таки, въ гостиныхъ я незамѣнимъ! — разбу-

Digitized by Google

дилъ онъ спустя немного громкимъ восклицаніемъ успѣвшаго было задремать доктора и сейчасъ же сталъ прощаться, прося позволенія навѣстить его въ больницѣ.

Это былъ послѣдній лѣтній день. На слѣдующее же утро погода рѣзко измѣнилась, завернули холода съ вѣтромъ и безостановочнымъ дождемъ.

Въ одинъ изъ вечеровъ, когда такъ уныло раскачивались передъ больницей одинокія березы и почему-то особенно ясно ощущалось приближеніе преждевременно надвигавшейся осени, къ доктору заѣхалъ проститься передъ отъѣздомъ въ городъ студентъ Паикратьевъ.

— Maman и сестра уже давно перебрались на зимнія квартиры,—говорилъ онъ Ивану Николаевичу за чаемъ,—и во всемъ домѣ я живу теперь только вдвоемъ съ отцомъ.

— У насъ съ нимъ комнаты на верху, и мы почти не спускаемся внизъ: такъ тамъ пусто вдругъ стало, и такъ нейдетъ къ тѣмъ комнатамъ тишина.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы оба необыкновенно любили эти первые осенніе вечера въ деревнѣ; намъ обоимъ бывало такъ по душѣ, что мы наконецъ только вдвоемъ послѣ долгаго лѣта съ вѣчными гостями и безпрерывными праздниками. Я вѣдь въ гимназію не поступалъ, а только ежегодно являлся на экзамены, почему свой лѣтній вакатъ могъ растягивать на долго. Ну и жилъ обыкновенно въ имѣніи до тѣхъ поръ, пока наконецъ maman не находила нужнымъ настойчиво напомнить отцу, что мнѣ пора переселяться въ городъ и приниматься за занятія съ репетиторами.

— Отецъ сначала отписывался, но въ концѣ концовъ уступалъ и, скрѣпя сердце, отправлялъ меня въ городъ.

— Затѣмъ я сталъ охладѣвать къ этому долгому пребыванію въ имѣніи и стремился въ городъ, подыскивая всякаго рода предлоги, чтобы какъ нибудь оправдать въ глазахъ отца охватившее меня разочарованіе въ долгихъ осеннихъ деревенскихъ вечерахъ, въ безшумныхъ бесѣдахъ съ отцомъ... Теперь я сознаю, что мнѣ просто было-бы трудно оставаться такимъ же откровеннымъ во время этихъ бесѣдъ, какимъ я былъ всегда прежде.

— О томъ, что больше всего стало занимать меня тогда, я не могъ говорить съ отцомъ не изъ боязни быть непонятымъ, а только изъ-за стыда передъ нимъ,—а все другое мнѣ стало казаться ненужнымъ—и скучнымъ. Къ тому же я нашелъ себѣ поддержку въ maman: она очень рѣшительно заявила отцу, что молодымъ людямъ моего возраста нужно прежде всего общество, а никакъ не одиночество, хотя бы и раздѣляемое съ отцомъ.

Digitized by Google

— Впрочемъ, въ видѣ уступки я иногда оставался съ нимъ на недѣлю другую послѣ отъѣзда въ городъ maman и сестры. Бесѣды наши однако приняли уже другой характеръ, и о совмѣстномъ чтеніи не было больше и помину; чаще всего я только довольно беззастѣнчиво хвастался своими успѣхами въ обществѣ. Я и не подозрѣвалъ тогда, что не только объ этихъ успѣхахъ, но и о многомъ изъ того, въ чемъ признаться отцу мнѣ было-бы стыдно,—онъ уже зналъ.

— И немногія недѣли проходили все-таки иной разъ такъ, что я готовъ бывалъ минутами снова попрежнему полюбить осенніе вечера и наше одиночество вдвоемъ,—но нужно было ѣхать въ городъ, и я уѣзжалъ почти всегда съ удовольствіемъ.

Студентъ ненадолго замолчалъ, видимо ожидая, что докторъ о чемъ-нибудь спроситъ его,—и затѣмъ, украдкой посмотрѣвъ на доктора, заговорилъ дальше.

— А теперь намъ обоимъ уже тяжело оставаться только вдвоемъ. Отецъ ни о чемъ не разспрашиваетъ меня, но всегда тревожно смотритъ на меня и ждетъ, что я самъ начну говорить съ нимъ.

— И всякій разъ, когда я пытаюсь увѣрить себя, что мнѣ нечѣмъ подѣлиться съ нимъ, мнѣ достаточно уловить его тревожный взглядъ, почувствовать его настойчивое затаенное желаніе, чтобы перестать обманывать себя.

— Но я все-таки молчу.

— Вчера, наконецъ, онъ не выдержалъ и съ черезъчуръ дѣланной беззаботностью сказалъ мнѣ:—а вѣдь ты теперь какой-то другой, Витя! Я что-то не могу разобраться, почему именно другой, но только чувствую это.

— Нужно было отвѣчать и я отвѣтилъ—неясно, неопредѣленно, а главное—неискренно. Я торопливо сталъ увѣрять отца, что никакой перемѣны во мнѣ не произошло,—мнѣ просто прискучили наши обычныя развлеченія и, пожалуй, вмѣстѣ съ ними многое изъ того, чѣмъ мы наполняемъ нашу жизнь.

— Словомъ, если хочешь,—добавилъ я ему, — нѣкоторое пресыщеніе—и ничего больше!

— Такъ ты рѣшилъ на-дняхъ возвратиться въ городъ,— что же, поѣзжай!—стараясь не смотрѣть на меня, отвѣтилъ мнѣ отецъ, хотя оба мы знали, что я еще не собирался такъ скоро покинуть имѣніе.

— Завтра я ѣду,—снова послѣ небольшого молчанія проговорилъ студентъ,—и собирался къ вамъ не только съ прощальнымъ визитомъ, но и для того, чтобы предупредить васъ на всякій случай. Можетъ быть, къ вамъ снова заѣдетъ отецъ,—вѣдь онъ уже былъ у васъ какъ-то,—такъ если зайдетъ рѣчь обо мнѣ, постарайтесь убѣдить его въ томъ, что всѣ опасенія его неосновательны...

Digitized by Google

Сейчасъ же послѣ этого студентъ сталъ прощаться, и Корнильевъ не пытался удерживать его.

На крыльцѣ больницы, куда докторъ вышелъ проводить гостя, тотъ еще разъ пожалъ ему руку и почти съ отчаяніемъ выговорилъ:—Ну, ни въ чемъ я теперь не могу разобраться, рѣшительно ни въ чемъ!

Наступила, наконецъ, и осень. Оголились совсѣмъ деревья; дождливые дни не одинъ разъ смѣнялись ясными днями съ небольшими утренниками, и уже не долго было ждать того времени, когда все кругомъ снова побѣлѣетъ.

— Такъ же, какъ и въ прошломъ году, Ивану Николаевичу приходилось много разъѣзжать и почти всегда, приближаясь откуда нибудь къ больницѣ, онъ не сразу и только съ большой неохотой могъ убѣдить себя, что дома теперь никто не ждетъ его возвращенія.

Порой ему казалось, что онъ съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и прошлой осенью, поджидаетъ саннаго пути, и, поймавъ себя на такой мысли, онъ принимался безпокойно расхаживать по больницѣ и смѣялся надъ самимъ собой непріятнымъ язвительнымъ смѣхомъ.

Одинъ разъ какъ-то онъ встрѣтился въ пути со старикомъ Панкратьевымъ, ѣхавшимъ по направленію къ городу.

Они поклонились другъ другу, и Ивану Николаевичу показалось, что старикъ намѣревается остановить лошадей и что-то говоритъ ему; но лошади не остановились, а вмѣсто словъ съ порывомъ вѣтра до него донеслись какіе-то неясные звуки.

Посмотрѣвъ ему вслѣдъ, докторъ захотѣлъ было догнать старика и спросить его что-нибудь о сынѣ, но почему то раздумалъ и, не оглядываясь больше, не торопливо поѣхалъ дальше.

Въ свое время, наконецъ, установился и санный путь, и въ первый же праздничный день мимо больницы на двухъ тройкахъ проѣхали въ Аркатово Панкратьевы. Иванъ Николаевичъ какъ разъ въ эту пору возвращался къ себѣ домой съ учителемъ земской школы и, остановившись на краю села, пропустилъ мимо себя обѣ тройки.

Въ переднихъ саняхъ рядомъ съ молодой Панкратьевой сидѣла жена Ивана Николаевича, и обѣ онѣ одинаково безучастно отвѣтили на его поклонъ.

— А Викторъ Анатоліевичъ что-то измѣнилъ въ этотъ разъ своей привычкѣ и не захотѣлъ, видимо, проѣхаться по первопутку,—не глядя на доктора, проговорилъ учитель и рѣшительно зашагалъ по улицѣ.

— Можетъ быть, онъ уже проѣхалъ раньше, и мы

Digitized by Google

просто не замѣтили его, — равнодушно отозвался Иванъ Николаевичъ, идя слѣдомъ за нимъ и стараясь казаться спокойнымъ.

Учитель просидѣлъ вплоть до вечера и все время разсказывалъ о томъ, какъ онъ жилъ въ дѣтствѣ на Волгѣ и какъ любилъ выбѣгать на берегъ и смотрѣть на проходившіе мимо пароходы; а когда онъ, наконецъ, простился и ушелъ, докторъ долго ходилъ по кабинету, все ждалъ чего-то и самъ же смѣялся надъ своимъ ожиданіемъ...

На святкахъ Ивана Николаевича потянуло въ городъ. Онъ сначала старался убѣдить себя, что ѣхать туда ему совсѣмъ не зачѣмъ, но въ одно утро поспѣшно собрался и уѣхалъ.

Въ городѣ онъ провелъ всего два дня, и когда на третій возвращался въ больницу, то съ раздраженіемъ думалъ о томъ, что онъ ни къ кому не заглянулъ тамъ и все время только пробродилъ по улицамъ, надѣясь на какую-то встрѣчу...

Еще ни одна зима не казалась ему такой томительно долгой, какъ эта. Онъ нетерпѣливо ждалъ ея конца и въ то же время говорилъ себѣ, что для него въ сущности должны быть одинаково безразличны и зима, и весна, и лѣто, и осень.

Рѣже, чѣмъ въ прошломъ году, рѣшался онъ навѣстить кого нибудь изъ немногихъ знакомыхъ, и еще рѣже кто нибудь бывалъ у него.

Только на масленицѣ какъ-то раннимъ утромъ неожиданно заѣхалъ къ нему студентъ Панкратьевъ и сталъ звать его къ себѣ. Докторъ сначала было согласился, но узнавъ, что студентъ пріѣхалъ въ Аркатово не одинъ, рѣшительно отказался.

Викторъ Анатоліевичъ долго съ недовольнымъ видомъ пересматривалъ книги доктора и, выбравъ себѣ томъ какого-то стараго журнала, попросилъ у доктора разрѣшенія взять этотъ томъ съ собой.

— За послѣднее время я что-то полюбилъ старые журналы,—говорилъ онъ прощаясь съ докторомъ:—они всегда пытались отвѣтить на многое, а я только отвѣтовъ теперь и добиваюсь.

— На что отвѣтовъ, Викторъ Анатоліевичъ?—спросилъ докторъ, надѣясь, что гость разговорится и не дастъ ему одному проскучать цѣлый день.

— Я уже сказалъ вамъ — на многое; пояснять теперь некогда; меня отпустили къ вамъ, взявъ съ меня слово, что я не засижусь здѣсь, — на ходу проговорилъ студентъ и сейчасъ же уѣхалъ.

Однако, въ тотъ же день въ сумеркахъ онъ снова явился къ Ивану Николаевичу въ сопровожденіи молодой дѣвушки, которую сейчасъ же съ чуть замѣтной шутливостью пред-

Digitized by Google

ставилъ доктору, какъ своего лучшаго друга, и затѣмъ добавилъ: — намъ съ Ниной Владиміровной удалось исчезнуть совсѣмъ незамѣтно; не думаю, чтобы остальные скоро хватились насъ. Напойте насъ чаемъ, Иванъ Николаевичъ, позвольте посидѣть у васъ, а когда надоѣдимъ, — безъ церемоніи гоните насъ.

Докторъ узналъ въ своей гостьѣ ту самую молодую дѣвушку, которая какъ-то лѣтомъ каталась съ нимъ въ лодкѣ и пѣла что-то, отъ чего ему стало такъ жалко и дѣвушки, и самого себя.

Снова увидѣвъ ее, онъ почти обрадовался и готовъ былъ поблагодарить студента за то, что онъ пріѣхалъ съ нею.

Молодая дѣвушка была, видимо, немного смущена, но скоро, хозяйничая за чаемъ, разговорилась и только не переставала порой внимательно и съ любопытствомъ поглядывать на доктора.

Всю дорогу вплоть до больницы Викторъ Анатоліевичъ говорилъ съ ней о докторѣ, и она, какъ-то незамѣтно для самой себя привыкнувъ за послѣднее время смотрѣть на многое глазами студента, уже давно хотѣла познакомиться съ докторомъ и не разъ просила объ этомъ Панкратьева.

— Вотъ погодите, соберемся какъ нибудь въ Аркатово,— шутилъ съ ней Викторъ Анатоліевичъ: — я свезу васъ къ нему и скажу, что вамъ очень хотѣлось посмотрѣть на человѣка, брошеннаго женой; — но все же обѣщалъ при случаѣ побывать вмѣстѣ съ ней у Корнильева.

Въ городѣ за эту зиму ей часто приходилось встрѣчаться у разныхъ знакомыхъ съ женой доктора, и почти всегда кто нибудь изъ нихъ, указывая ей на Корнильеву, говорилъ ей: — „а Анна Андреевна положительно только выиграла отъ того, что разошлась съ мужемъ; еще никогда она не пользовалась такимъ успѣхомъ въ обществѣ, какъ теперь".

Если случайно при этомъ она спрашивала объ Иванѣ Николаевичѣ, то оказывалось, что хотя знали его очень мало, но находили, что Аннѣ Андреевнѣ онъ былъ совсѣмъ не пара, и непремѣнно прибавляли при этомъ:—„впрочемъ, въ обществѣ никогда и не сомнѣвались, что они разойдутся, и только удивлялись, какъ у Анны Андреевны хватило терпѣнья прожить съ такимъ мужемъ нѣсколько лѣтъ".

— Конечно, они совсѣмъ не подходили одинъ къ другому, — подтвердилъ ей Панкратьевъ, когда она почти у самой больницы заговорила съ нимъ объ Аннѣ Андреевнѣ;— только онъ-то, кажется, и до сихъ поръ еще не находитъ этого!

Приглядываясь теперь къ Ивану Николаевичу, молодая дѣвушка нашла, что хотя онъ и много уступаетъ своей женѣ, въ городѣ слывшей почти красавицей, но ничего от-

Digitized by Google

талкивающаго, какъ она думала почему-то прежде, въ его внѣшности не было.

У него было самое обыкновенное лицо, обросшее темной съ едва замѣтной просѣдью бородой, большіе сѣрые глаза, смотрѣвшіе немного устало, и если что непріятно поражало въ немъ, такъ только подергиваніе головы, похожее на то, какъ будто воротникъ рубашки все время давилъ ему шею, и онъ старался освободиться отъ этого воротника.

Говорилъ онъ нѣсколько глухимъ голосомъ и былъ, видимо, не краснорѣчивъ.

Замѣтивъ, съ какимъ вниманіемъ прислушивается онъ къ тому, что разсказывалъ Викторъ Анатоліевичъ, дѣвушка нашла его даже скорѣе красивымъ и уже не раздражалась отъ того, что онъ такъ странно подергивалъ головой.

Съ своей стороны Иванъ Николаевичъ тоже съ любопытствомъ присматривался къ неожиданной гостьѣ и по тому, какъ держалась она со студентомъ, съ какимъ вниманіемъ слѣдила она за нимъ, когда студентъ, возбужденный споромъ, тревожно ходилъ по комнатѣ, и какъ ярко вспыхивала всякій разъ, когда тотъ обращался къ ней съ какимъ нибудь вопросомъ, — очень скоро понялъ, что она была неравнодушна къ нему.

Послѣ этого доктору уже не захотѣлось больше спорить, и онъ, дѣлая видъ, что во всемъ уступаетъ своему гостю, заговорилъ о чемъ-то съ дѣвушкой.

— А вотъ, кстати, постарайтесь-ка, Иванъ Николаевичъ, убѣдить Нину Владиміровну, чтобы она не видѣла во мнѣ необыкновеннаго человѣка! — почти рѣзко началъ студентъ неожиданно для нихъ обоихъ:—я ничего не могу подѣлать съ ней въ этомъ отношеніи.

Дѣвушка испуганно посмотрѣла на студента и нерѣшительно сказала:

— Да когда же это я говорила вамъ, Викторъ Анатоліевичъ, что вы въ моихъ глазахъ необыкновенный человѣкъ! Я только всегда увѣряла, что вы совсѣмъ не похожи на своихъ пріятелей. Развѣ это не такъ? И не вы ли сами не одинъ разъ повторяли мнѣ, что если и стали непохожимъ на нихъ теперь, то обязаны этимъ только Ивану Николаевичу?

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь все дѣло въ томъ, что вы возлагаете на меня надежды, которымъ никогда не суждено осуществиться, — горячо вступился студентъ,—вы находите меня способнымъ на подвиги и ждете ихъ отъ меня, а единственный подвигъ, на который у меня хватило силъ,— это только тотъ, что я отсталъ отъ компаніи своихъ безчисленныхъ кузеновъ. Да и тутъ иной разъ меня охватываетъ сомнѣніе, не потому ли только отсталъ я отъ нихъ,

Digitized by Google

что просто-на-просто пресытился всѣми этими кутежами съ дамами, праздной болтовней, визитами и карточной игрой...

— Вотъ нашъ сторожъ въ химической лабораторіи — старикъ Пахомычъ — повидимому, опредѣлилъ меня гораздо правильнѣе, чѣмъ вы. Онъ долго присматривался ко мнѣ, когда меня иной разъ охватывало желаніе заниматься въ лабораторіи; поторопился, было, даже записать меня въ число своихъ любимцевъ, но скоро, замѣтивъ, что я занимаюсь только урывками и словно отъ „нечего дѣлать",—махнулъ на меня рукой и рѣшительно заявилъ:—„какой ужъ ты химикъ, только зря время ведешь!"

— Впрочемъ, изъ любимцевъ онъ меня не разжаловалъ и мое временное возвращеніе въ лабораторію всегда неизмѣнно привѣтствуетъ снисходительнымъ восклицаніемъ: — „ну, видно, набѣгался до сыта!" — съ улыбкой добавилъ студентъ и, обращаясь къ дѣвушкѣ, спокойно продолжалъ дальше:—Мнѣ обидно за васъ, что вы за два года нашего знакомства все еще не можете прійти къ тому же, къ чему пришелъ уже Пахомычъ, слѣдя лишь за моей работой.

— Вы забыли, однако, Викторъ Анатоліевичъ, о томъ, что въ жизни вѣдь не одна только химія, и если правъ вашъ Пахомычъ, такъ правъ лишь отчасти, — переглянувшись съ дѣвушкой, сказалъ Иванъ Николаевичъ.

— Ахъ, если бы вы знали, какъ хочется мнѣ по времемамъ вѣрить тому, что онъ правъ лишь отчасти! — почти съ тоской вырвалось у студента, и онъ снова принялся также тревожно ходить по комнатѣ, стараясь не встрѣтиться взглядами съ дѣвушкой.

А та сидѣла теперь съ поблекшимъ лицомъ и слѣдила за нимъ глазами, блестѣвшими отъ сдерживаемыхъ слезъ.

— Хочется вѣрить—и не за что ухватиться, чтобы повѣрить! — продолжалъ студентъ, не надолго остановившись передъ докторомъ. — Бываютъ моменты, когда чувствуешь, что вотъ, кажется, выплылъ на поверхность порядочности и нужна только сила, чтобы удержаться на этой поверхности, а силы-то этой, оказывается, у меня уже и не осталось; и все то, чѣмъ я наполнялъ свою жизнь до сихъ поръ, властно тянетъ меня назадъ.

— Ну, и летишь снова внизъ головой въ то самое прошлое, отъ котораго—думалось—отрѣшился уже навсегда.

— А тутъ еще всѣ—или, почти всѣ—окружающіе именно эти-то моменты моего подъема называютъ только странностями. Сочувственно покачивая головой или иронически подсмѣиваясь, они въ лучшемъ случаѣ совѣтуютъ мнѣ обратиться къ спеціалисту по нервнымъ болѣзнямъ, а чаще

Digitized by Google

всего довольно безцеремонно тянутъ меня туда же, откуда я рвусь тогда выбраться...

— Мнѣ кажется, кто-то подъѣхалъ къ больницѣ,—тихо проговорила дѣвушка, съ виноватой улыбкой посмотрѣвъ на студента.

Студентъ замолчалъ, и скоро они всѣ трое услышали чей-то голосъ, доносившійся къ нимъ изъ коридора.

— Кто-нибудь за мной, — сказалъ докторъ и хотѣлъ было выйти туда, но въ дверь комнаты уже стучали и тотъ же голосъ за дверью спросилъ: „надѣюсь, входъ разрѣшается?“ и вслѣдъ за тѣмъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ докторъ и его гости, вошелъ, привѣтливо улыбаясь, Протолеонъ Панкратьевъ.

— Простите великодушно, что я такъ безцеремонно нарушилъ вашу бесѣду, господа,—началъ онъ, поздоровавшись со всѣми,—особенно виноватъ я передъ вами, уважаемый Иванъ Николаевичъ, но дѣло въ томъ, что въ Аркатово неожиданно пожаловала maman Виктора Анатоліевича и съ ней еще нѣсколько человѣкъ. Для всѣхъ насъ это былъ положительно сюрпризъ, когда же хватились васъ,—обратился онъ къ студенту,—то кузина Зинаида Анатоліевна сейчасъ же высказала предположеніе, что вы, вѣроятно, вздумали посѣтить уважаемаго Ивана Николаевича. Я вызвался съѣздить за вами и еще разъ прошу простить, что невольно разстроилъ ваше дружеское тріо.

Молодой человѣкъ изысканно любезно поклонился въ сторону доктора и вопросительно посмотрѣлъ на студента.

— Кому же собственно мы тамъ понадобились? — не стараясь скрыть раздраженія, спросилъ его Викторъ Анатоліевичъ.

— Ваша матушка выразила сожалѣніе, что не видитъ васъ въ Аркатовѣ, и этого для меня было достаточно, чтобы я мигомъ собрался сюда,—быстро отозвался молодой человѣкъ.

— Ну что же, дѣлать нечего! Вѣроятно вы откажетесь даже немножко обогрѣться здѣсь и будете настаивать, чтобы мы сейчасъ же возвратились въ Аркатово?

— О, я знаю, что тысячу разъ виноватъ передъ любезнымъ хозяиномъ, но, видитъ Богъ, намъ лучше ѣхать немедленно!—жалобно проговорилъ неожиданный гость и очень обрадовался, когда увидалъ, что молодая дѣвушка сейчасъ же поднялась и стала прощаться съ докторомъ.

Смотрѣла она при этомъ на Ивана Николаевича уже безъ смущенья, но съ такимъ видомъ, словно о чемъ хотѣла попросить его, но только не рѣшалась сдѣлать это при другихъ.

Digitized by Google

Доктору трудно было удержаться, чтобы не сказать ей: можетъ быть еще увидимся какъ нибудь, Нина Владиміровна, тогда наговоримся;—и въ отвѣтъ на это его гостья радостно улыбнулась и, крѣпко пожавъ ему руку, молча вышла въ коридоръ.

Студентъ, почти не отвѣчая на вопросъ пріѣхавшаго за нимъ родственника, нѣсколько разъ, уже совсѣмъ одѣвшись, безцѣльно возвращался изъ коридора въ комнату, гдѣ они только что бесѣдовали. Слѣдомъ за нимъ входилъ туда же и докторъ—и удивленно посматривалъ на него.

— Мнѣ все кажется, что я что-то забылъ здѣсь у васъ, Иванъ Николаевичъ!—странно улыбаясь сказалъ онъ, наконецъ, доктору и затѣмъ торопливо присоединился къ ожидавшимъ его спутникамъ.

Съ безотчетной тревогой, раздумывая порой о Панкратьевѣ, съ легкой грустью вспоминая о Нинѣ Владиміровнѣ и стараясь только какъ можно меньше думать о самомъ себѣ, прожилъ такъ Иванъ Николаевичъ до середины поста, когда къ нему совсѣмъ неожиданно пріѣхалъ дядя его жены, еще не старый господинъ съ вѣчно одной и той же, словно застывшей на лицѣ, брезгливой гримасой.

Онъ былъ прокуроромъ мѣстной судебной палаты, пользовался въ городѣ репутаціей всесильнаго человѣка и въ обществѣ охотно распространялся о томъ, какъ много времени уходитъ у него на пріемы разныхъ просителей и просительницъ.

По слухамъ принималъ онъ всѣхъ, особенно дамъ, очень любезно, выслушивалъ внимательно и каждую изъ нихъ отпускалъ неизмѣнно одними и тѣми же словами: „madame, si c'est possible,—c'est fait; si c'est impossible, ce sera fait".

И почти никогда ничего не дѣлалъ, что, однако, нисколько не портило его репутаціи, человѣка всесильнаго, надѣленнаго какими-то таинственными связями.

Съ докторомъ у него всегда оставались только офиціальныя отношенія и на родственниковъ оба они совсѣмъ не походили.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ его племянница дала слово Ивану Николаевичу, онъ былъ очень раздраженъ и въ кругу своихъ не разъ жаловался: „я всего могъ ожидать отъ такой вѣтреницы, какъ наша Нюся, но того, чтобы она согласилась выйти замужъ за человѣка совсѣмъ безъ имени,—признаюсь, никакъ не ожидалъ!"

Стараясь, однако, казаться всегда сухимъ и исключительно дѣловымъ человѣкомъ, онъ въ то же время никакъ не могъ побороть въ себѣ страсти ко всякаго рода торже-

Digitized by Google

ствамъ, и если въ концѣ концовъ согласился присутствовать на свадьбѣ Анны Андреевны, такъ только послѣ того, какъ всѣ приготовленія къ этой свадьбѣ были возложены на него одного. Только благодаря ему пришлось вѣнчаться Корнилову въ городѣ и, какъ ни упорствовали женихъ съ невѣстой, вечеромъ, когда они возвращались изъ церкви домой, по настоянію этого дяди вокругъ всего дома горѣли бенгальскіе огни и плошки.

Неожиданная иллюминація собрала около дома толпу прохожихъ; дядя Анны Андреевны выходилъ по временамъ на балконъ и о чемъ-то говорилъ съ собравшимися зрителями, а они въ отвѣтъ ему усердно кричали „ура" и махали шапками...

Въ больницу онъ явился съ строго офиціальнымъ видомъ и сейчасъ же по пріѣздѣ попросилъ Ивана Николаевича удѣлить ему нѣсколько минутъ для конфиденціальной бесѣды.

— Я къ вамъ съ весьма деликатнымъ порученіемъ отъ племянницы,—торжественно началъ онъ, усаживаясь въ плетеное кресло передъ письменнымъ столомъ доктора.—Съ небольшимъ годъ тому назадъ вы изволили получить отъ нея письмо, содержаніе котораго—надѣюсь—полностью позволите не приводить.

— Сдѣлайте одолженіе; въ этомъ совсѣмъ нѣтъ нужды,— глухо отозвался Иванъ Николаевичъ.

— Я былъ увѣренъ, что вы сейчасъ же поймете, о какомъ письмѣ идетъ рѣчь, — продолжалъ гость, стараясь не смотрѣть на доктора, — но дѣло въ томъ, что въ этомъ письмѣ моя племянница упоминала о разводѣ, или, лучше сказать, о томъ, что съ ея стороны не встрѣтится препятствій, если разводъ потребуете вы. По всѣмъ видимостямъ, до настоящаго времени вы лично не находили нужнымъ воспользоваться предоставленнымъ вамъ правомъ добиваться этого и должно быть существующее положеніе вещей признаете вполнѣ нормальнымъ...

— Нѣколько иначе смотримъ на вещи мы, т. е. я и сестра моя. Мы находимъ совершенно ложнымъ положеніе молодой женщины, создавшееся послѣ извѣстнаго вамъ письма, и единственный выходъ изъ этого положенія видимъ въ формальномъ разводѣ. Мои доводы настолько повліяли на племянницу, что она согласилась съ нашей точкой зрѣнія на эту сторону дѣла и уполномочила меня войти съ вами въ переговоры по вопросу о разводѣ. Итакъ...

— Итакъ,—повторилъ слѣдомъ за нимъ Иванъ Николаевичъ и сталъ говорить дальше, медленно и часто останавливаясь, словно стараясь вникнуть въ смыслъ произно-

Digitized by Google

симыхъ имъ словъ,—Аннѣ Андреевнѣ нужна полная свобода? Что же? Я, разумѣется, ничего не могу возразить противъ этого, но хотѣлъ бы лишь одного: избавить себя отъ всякаго вмѣшательства во всю эту процедуру. У меня столько дѣла, что хлопотать еще о чемъ-нибудь и вообще принимать активное участіе въ разводѣ я положительно лишенъ возможности.

— Ваше согласіе значительно упрощаетъ дѣло,—облегченно вздохнувъ, поспѣшно отозвался гость,—и признаюсь вамъ откровенно, я не сомнѣвался, что именно такъ закончатся наши переговоры. Все остальное предоставьте мнѣ и повѣренному Анны Андреевны.

Иванъ Николаевичъ молча кивнулъ головой, а его гость сейчасъ же поднялся и, посмотрѣвъ въ окно, откуда виднѣлось нѣсколько голыхъ березъ, тихо раскачивающихся изъ стороны въ сторону, мечтательно выговорилъ:

— И деревья еще голы, и бѣлый снѣгъ еще кругомъ, а что ни говори, весна все-таки уже чувствуется, — особенно здѣсь у васъ, докторъ, на деревенскомъ просторѣ.

Прощаясь, онъ пообѣщалъ доктору, что вся процедура развода пойдетъ ускореннымъ темпомъ,—и уѣхалъ довольный собой и успѣшно выполненнымъ порученіемъ...

Проводивъ гостя, Иванъ Николаевичъ долго стоялъ передъ окномъ и такъ же, какъ онъ, смотрѣлъ на качавшіяся за окномъ березы.

Приближенія весны онъ не чувствовалъ, но когда припомнилъ, что уже давно жилъ какимъ-то безпокойнымъ ожиданіемъ, то сталъ увѣрять себя, что только одной этой весны онъ и ждетъ все время съ такой непонятной тревогой.

Ничего новаго, однако, наступившая весна не принесла Ивану Николаевичу, да и вспоминалъ онъ о веснѣ только тогда, когда изъ-за бездорожья, изъ-за взбунтовавшихся рѣчекъ ему приходилось дѣлать большіе объѣзды и попадать домой только послѣ разнаго рода дорожныхъ приключеній.

Одинъ разъ онъ такъ и не сумѣлъ добраться во время домой и—усталый, измокшій, забрызганный грязью—заночевалъ въ Аркатовѣ.

На утро въ избу, гдѣ онъ остановился, заглянулъ старый лакей Панкратьевыхъ и долго жаловался ему на свои недуги.

Какъ ни разспрашивалъ старика Иванъ Николаевичъ, ничего опредѣленнаго добиться отъ него не могъ. По словамъ старика, у него была сломана нога, болѣло нутро, ныла спина, но все это было когда-то очень давно, и теперь онъ только вспоминалъ обо всемъ этомъ и невѣроятно путалъ доктора.

— Да сейчасъ-то на что же ты, дѣдушка, жалуешься,

Digitized by Google

что болитъ у тебя? Говори, пожалуйста, толкомъ!—настойчиво спрашивалъ его докторъ.

— Свой вѣкъ изжилъ, батюшка,—чужого видно захватилъ, ну, вотъ, душа-то у меня и ноетъ, просится, стало быть вонъ изъ стараго-то тѣла,—началъ старикъ и затѣмъ, забывъ о своихъ недугахъ, неожиданно для Ивана Николаевича заговорилъ о молодомъ Панкратьевѣ и сообщилъ ему, что Викторъ Анатоліевичъ нѣсколько дней тому назадъ пріѣзжалъ одинъ въ Аркатово, самъ на себя не похожъ, съ утра до вечера проходилъ по парку и все о чемъ-то вздыхалъ.

— Душенька, то у него тоже, видно, не спокойна! такъ не пивши, не ѣвши въ городъ и отправился,—досказалъ старикъ и съ недоумѣніемъ уставился на доктора, словно забывъ уже, кому онъ разсказывалъ о молодомъ баринѣ.

Однако на предложеніе Ивана Николаевича что нибудь прописать ему старикъ, очнувшись, удивленно повелъ плечами и обиженно проговорилъ:

— Что вы, батюшка докторъ, какое ужъ мнѣ леченье! Къ слову пришлось, ну, я и вспомнилъ, что у меня нутро-то болѣло. Я больше на счетъ Виктора Анатоліевича васъ повидать вздумалъ. Коли въ другой разъ онъ въ Аркатово соберется, не пожалуете ли и вы къ намъ, словно какъ въ гости, а сами-то его и досмотрите; можетъ его чѣмъ попользовать надобно.

Желая успокоить старика, Иванъ Николаевичъ обѣщалъ ему заглянуть въ Аркатово, когда туда пріѣдетъ Викторъ Анатоліевичъ, а старикъ въ свою очередь вызвался черезъ нарочнаго увѣдомить доктора о его пріѣздѣ.

На этомъ и кончилось ихъ совѣщаніе.

Докторъ сойчасъ же уѣхалъ въ больницу, а старикъ долго стоялъ посреди дороги, неподалеку отъ избы, гдѣ ночевалъ докторъ, и смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Щурясь отъ яркаго весенняго солнца, старикъ чему то улыбался, а когда телѣжка съ докторомъ скрылась за околицей, медленно зашагалъ въ усадьбу, укоризненно покачивая головой и недовольно бормоча:—такому старику—да лечиться! Ужъ и выдумалъ тоже—нечего сказать!

Часто послѣ этого вспоминалъ Иванъ Николаевичъ свой разговоръ со старикомъ-лакеемъ, но нарочнаго отъ него такъ и не дождался.

Случайно ему пришлось услышать, что самъ Панкратьевъ уже перебрался совсѣмъ на лѣто въ Аркатово и что со дня на день ждутъ туда и остальныхъ.

— Ну, должно быть, скоро явится и нарочный,—подумалъ Иванъ Николаевичъ,—но вмѣсто нарочнаго однимъ раннимъ

Digitized by Google

утромъ какой то незнакомый мужикъ завезъ ему съ почты письмо.

Письмо это было помѣчено 12 апрѣля, и, судя по почтовому штемпелю, въ тотъ же день отправлено, а къ Ивану Николаевичу оно попало только 15-го. Еще не давая себѣ яснаго отчета въ томъ, что заключалось въ письмѣ, докторъ раздраженно сталъ упрекать стоявшаго передъ нимъ мужика за то, что онъ такъ поздно доставилъ его.

Мужикъ сначала спокойно слушалъ его, а потомъ такимъ же раздраженнымъ голосомъ началъ оправдываться:

— И то спасибо скажи, что доставилъ-то; черезъ рѣку-то скоро небось не переѣдешь. Глыбь теперь тамъ такая, что и не приведи Господи! А тутъ еще на дождѣ всю ночь мокъ. Вишь, какъ льетъ съ меня; сухой нитки на мнѣ не осталось; весь до косточки промокъ.

— Да понимаешь ли ты!—снова началъ было докторъ, но, взглянувъ на мужика, только махнулъ рукой и совсѣмъ уже спокойно добавилъ:—иди на кухню, обсушись тамъ.

Мужикъ, осторожно ступая большими тяжелыми сапогами, съ которыхъ текли грязныя струйки воды, вышелъ изъ коридора, а Корнильевъ прошелъ къ себѣ и еще разъ прочиталъ привезенное мужикомъ письмо...

— „Въ той книжкѣ журнала, которую я взялъ у васъ, милый Иванъ Николаевичъ,—такъ начиналось это письмо,—я случайно натолкнулся на слѣдующія слова: „прежде всего помни, что дверь открыта, не будь менѣе рѣшителенъ, чѣмъ играющія дѣти. Когда имъ игра не доставляетъ больше удовольствія, они заявляютъ, что не будутъ больше играть. Когда все станетъ тебѣ противно—уйди и ты. Но если остаешься, не жалуйся".

„Я тоже заявляю, что играть больше не буду, и—ухожу. Написавъ вамъ это, я почему-то вспомнилъ одну изъ своихъ безчисленныхъ воспитательницъ, слабонервную нѣмку изъ Дрездена. Она воспитывала меня, или лучше сказать, уродовала по методѣ Фребеля и, между прочимъ, для моего развлеченья заставляла меня вырѣзывать изъ бумаги разныя фигуры по строго опредѣленной системѣ.

„Если-бы вы знали, какъ ненавидѣлъ я это развлеченье!

„И вотъ какъ-то въ одинъ изъ сильнѣйшихъ приступовъ такой ненависти, я, не смѣя заявить, что игра эта не доставляетъ мнѣ больше удовольствія, проявилъ, однако, настолько смѣлости, что, пославъ къ чорту систему, сталъ вырѣзывать изъ той же бумаги все, что приходило мнѣ въ голову. Дѣлалъ я это съ опредѣленнымъ намѣреніемъ вочто бы то ни стало досадить нѣмкѣ, но результатъ такого вольнодумства получился совершенно неожиданный.

Digitized by Google

— „*Aber, das ist eine Erfindung*“!—съ умиленіемъ воскликнула нѣмка, увидѣвши мои фигурки, и тутъ же со слезами на глазахъ прибавила, что въ томъ пансіонѣ, гдѣ она воспитывалась, имена подобныхъ мнѣ изобрѣтателей записывались на золотую доску.

„Оттого ли она плакала, что ей самой не удалось попасть на эту золотую доску, или, что такой доски не водилось у насъ въ домѣ, право, не знаю; но о моемъ изобрѣтеніи она все же добросовѣстно въ тотъ же день донесла моимъ родителямъ. Принявъ, какъ должное, похвалы своимъ способностямъ, я потребовалъ себѣ въ награду одного лишь избавленія отъ несносной забавы... Богъ съ ней, съ этой нѣмкой!

„Мнѣ казалось, что я смогу написать вамъ многое, но, позвольте,—вотъ еще одно воспоминаніе.

„Я ѣхалъ какъ-то на дачу къ знакомымъ съ однимъ товарищемъ.

„Когда поѣздъ медленно, медленно подходилъ къ платформѣ, гдѣ намъ обоимъ нужно было выходить, я поторопился, соскочилъ съ вагона и въ ту же минуту почувствовалъ, что меня что-то удерживаетъ и властно тянетъ назадъ.

„Вотъ я уже не въ силахъ стоять на ногахъ и, упавши на колѣни, пытаюсь все еще сопротивляться и рвусь впередъ.

„Какъ трудно было понять и какъ мучительно долго, казалось мнѣ, я не могъ понять, въ чемъ дѣло!..

„Но это только казалось. Я понялъ все сразу и старался лишь обмануть себя, будто не понимаю, что меня не пускаетъ впередъ и тянетъ подъ колеса вагона.

„Какъ я узналъ потомъ отъ товарища, все это продолжалось лишь нѣсколько секундъ, но за эти секунды — представьте себѣ — передъ моими глазами съ невѣроятной быстротой пронеслось все мной пережитое, и когда, наконецъ, освободившись, въ забавно укороченномъ пальто—у пальто не хватало теперь цѣлой полы—я стоялъ на платформѣ и съ дѣланной усмѣшкой смотрѣлъ на перепугавшагося и поблѣднѣвшаго товарища, то я почти жалѣлъ о своемъ освобожденіи.

„Такъ мало въ пережитомъ мною было такого, что давало бы мнѣ возможность надѣяться на лучшее будущее...

„А все-таки трудно мнѣ теперь писать и нужно торопиться.

„Вы знаете, какъ много у меня родныхъ—однихъ Панкратьевыхъ наберется цѣлый уѣздъ,—и никому изъ нихъ,

Digitized by Google

однако, я не могъ заставить себя написать теперь, а пишу вамъ, совсѣмъ постороннему человѣку.

„Впрочемъ, и это все не то! Дѣло въ томъ, чтобы вы, какъ это ни трудно для васъ,—подготовили-бы моего отца къ тому, что неизбѣжно должно свершиться черезъ нѣсколько часовъ—много, одинъ два дня...

„Что же еще? Помнится, въ тотъ же день, когда я взялъ у васъ книжку журнала, выпиской изъ котораго я началъ вамъ письмо, мы были у васъ съ Ниной. Въ самомъ началѣ весны Нина опасно заболѣла и по настойчивому совѣту врачей уѣхала въ Крымъ. Недавно, почти надняхъ, я получилъ отъ нея письмо.

„Я былъ болѣе всего правъ, когда предупреждалъ ее противъ себя, но что же мнѣ было дѣлать, если она вѣрила въ меня и продолжаетъ еще вѣрить больше, чѣмъ я самъ!

„Я еще до полученія отъ нея письма хотѣлъ что-то написать ей,—не знаю, впрочемъ, что.

„Вѣроятно то, что доказывало бы мое желаніе поговорить съ ней, доказывало бы нашу духовную близость, симпатію, любовь—только не ту любовь!—А теперь что могу я ей отвѣтить!

„Да, что въ сущности для меня все, оставляемое мной? А вотъ я теперь отчаянно тоскую... по лучшимъ временамъ, вѣроятно, которыхъ такъ-бы и не дождался.

„Кажется, прибавлять больше нечего. Постараюсь все обставить болѣе или менѣе прилично.

„Просить у васъ прощенія за то, что возлагаю на васъ такое порученіе, почти требую такой услуги,—да вѣдь въ этомъ совсѣмъ нѣтъ нужды! Вы уже простили меня. И вотъ что еще:—Не сѣтуйте на нѣкоторую фамильярность моего письма, можетъ быть, не вытекающую изъ существовавшихъ между нами до сихъ поръ отношеній. Мнѣ кажется, мы были ближе другъ къ другу, чѣмъ оба находили это, особенно, когда спорили о чемъ нибудь...

„Кто-то стучитъ!—придется отправить письмо недописаннымъ,—хотя что же еще я могъ-бы написать вамъ?

„Ахъ, какъ настойчиво стучатъ! Я слышу даже знакомый голосъ: êtes vous visible aujourd'hui?

„Это, конечно, мой кузенъ Тавріонъ Панкратьевъ; въ разговорѣ со мной онъ почему-то не признаетъ другого языка, кромѣ французскаго.

„Если-бы онъ зналъ, до какой степени пошлой мнѣ кажется теперь эта его манера говорить со мной!.. Знайте одно, что мое рѣшеніе неизмѣнно!...

„Говорю, что пишу billet-doux... Повѣрилъ, но дописать

Digitized by Google

все-таки не даетъ!—Прощайте же, прощайте! *Викторъ Панкратьевъ*".

Послѣдняя страница письма была написана очень неразборчиво и, съ трудомъ дочитавъ ее, Иванъ Николаевичъ нѣсколько минутъ старался увѣрить себя, что онъ второяхъ просто не разобралъ нѣсколькихъ словъ, вѣроятно, мыхъ важныхъ словъ, отчего и все письмо такъ порало его.

Страницы этой, однако, онъ не сталъ перечитывать, а, переговоривши съ фельдшеромъ, сейчасъ же собрался къ Панкратьевымъ.

Отъ больницы до Аркатова было не больше десяти верстъ, но весной, когда дороги еще не обсохли, приходилось ѣхать въ объѣздъ, чтобы миновать лѣсъ, черезъ который въ такую пору мужики отказывались везти.

Иванъ Николаевичъ все-таки сумѣлъ было уговорить ямщика ѣхать ближайшей дорогой, но уже на второй верстѣ убѣдился, что такъ ему, пожалуй, не добраться до Аркатова и къ вечеру.

— Вези въ объѣздъ!—равнодушно выговорилъ онъ утомившись слѣдить за лошадьми, медленно переступавшими по вязкому и липкому тѣсту, въ которое превратилась теперь дорога.

Ямщикъ что-то недовольно пробормоталъ и сталъ выбираться изъ лѣса, а Корнильевъ, слегка согнувшись и по временамъ раскачиваясь изъ стороны въ сторону, принялся снова смотрѣть на вымокшую спину ямщика, на усталыхъ лошадей, на грязную дорогу.

Онъ ни въ чемъ больше не разубѣждалъ себя и о человѣкѣ, письмо котораго везъ съ собой, думалъ теперь уже, какъ о мертвомъ.

А надо всѣмъ, что только было у него передъ глазами, нависла сплошная сѣрая пелена, лишь изрѣдка вмѣстѣ съ порывами вѣтра разрывавшаяся на отдѣльные клочья такихъ же сѣрыхъ тучъ,—безформенныхъ, тяжелыхъ и унылыхъ,

Дождь—упорный и настойчивый—безостановочно проливался на землю едва замѣтными на глазъ холодными каплями.

Несмотря на ранній еще часъ утра, было какъ-то сумеречно-сѣро,—и не вѣрилось, чтобы тамъ, гдѣ-то высоко, за сплошной сѣрой пеленой, могло свѣтить яркое весеннее солнце; не вѣрилось, чтобы когда нибудь разсѣялась эта пелена и разошлись унылыя тучи...

Было сыро и холодно,—холодно отъ все усиливавшихся порывовъ вѣтра, отъ мелкихъ настойчивыхъ капель дождя

Digitized by Google

и даже отъ самого сумеречнаго свѣта, въ которомъ такъ безотрадно стали тонуть неясныя очертанія теперь уже далекаго лѣса...

— Никакъ насъ кто-то догнать норовитъ!—неожиданно для Корнильева проговорилъ ямщикъ и, сразу задержавъ лошадей, сталъ прислушиваться.

— Стойте, стойте!—отчетливо донеслось до нихъ, и когда они оба разомъ обернулись, то увидѣли, что слѣдомъ за ними кто-то отчаянно погоняетъ пару лошадей.

— А вѣдь это почтовой конторы начальникъ!—увѣренно выговорилъ ямщикъ:—вишь, какъ, стоя, ѣдетъ, а самъ все фуражкой машетъ. Ну и головы!.. лошадей-то совсѣмъ сморятъ!

Прошло еще нѣсколько минутъ, и мчавшаяся пара пошла ровнѣе.

Высокій мужчина въ длинномъ сѣромъ плащѣ, сплошь забрызганномъ грязью, на ходу выскочилъ изъ телѣжки и подбѣжалъ къ Корнильеву.

Ямщикъ не ошибся: это былъ дѣйствительно знакомый Ивану Николаевичу начальникъ почтово-телеграфной конторы, Малиновскій, человѣкъ очень скромный, поразительно застѣнчивый и страстно любившій передо всѣми извиняться.

Поздоровавшись съ докторомъ, онъ и теперь прежде всего извинился, что обезпокоилъ доктора погоней.

— Но, знаете ли, такой ужасный случай!—смущенно заговорилъ онъ:—на ваше имя получена невѣроятная телеграмма! Былъ у васъ; узналъ, что вы только что уѣхали къ его превосходительству, ну, и пустился слѣдомъ за вами.

— Не знаю только, какъ его превосходительство перенесутъ такой ударъ!—и онъ подалъ доктору телеграмму, и пока тотъ читалъ ее, смотрѣлъ на него съ видомъ сильно огорченнаго человѣка.

Ивану Николаевичу хотѣлось было сказать, что онъ уже знаетъ содержаніе телеграммы, но онъ удержался, неторопливо вскрылъ ее и молча прочиталъ: „Извѣсти осторожно Панкратьева: его сынъ скончался сегодня, отравился лабораторіи".—Подписана она была какимъ-то Мѣшковымъ, и докторъ сразу никакъ не могъ припомнить, кто былъ этотъ Мѣшковъ.

— Что же мы стоимъ, однако? Нужно ѣхать! Можетъ быть намъ по дорогѣ, такъ не хотите ли пересѣсть ко мнѣ?—предложилъ онъ Малиновскому, пряча прочитанную телеграмму.

А тотъ, положительно растерявшись отъ непонятнаго для него спокойствія, съ какимъ докторъ отнесся къ теле-

Digitized by Google

граммѣ, только испуганно замахалъ руками и жалобно проговорилъ:

— Что вы, что вы, докторъ! Мнѣ нужно спѣшить домой: я вѣдь только изъ за этой телеграммы и поѣхалъ за вами. Такое ужасное происшествіе!

И онъ сейчасъ же простился съ Корнильевымъ, и торопливо зашагалъ къ поджидавшимъ его лошадямъ. На ходу онъ ежеминутно недоумѣвающе пожималъ плечами, а когда сѣлъ въ телѣжку и оглянулся на удалявшагося Ивана Николаевича, то тѣмъ же жалобнымъ голосомъ выговорилъ:— Какой странный народъ эти доктора: ничѣмъ ихъ не удивишь!

Разставшись съ Малиновскимъ, докторъ снова перечиталъ телеграмму; вспомнилъ, что подписавшій ее Мѣшковъ былъ его товарищъ по гимназіи, лаборантъ химической лабораторіи,—и почти испугался своего рѣшенія ѣхать въ Аркатово только съ однимъ письмомъ Виктора Анатоліевича.

Пусть онъ думалъ о немъ уже, какъ о мертвомъ,—но безъ того опредѣленнаго и яснаго, что заключалось въ телеграммѣ, одного письма было слишкомъ мало и для него,— онъ понялъ теперь это,—чтобы заглушить въ немъ надежду на то, что, можетъ быть... можетъ быть... этого еще и не случится.

— Знаютъ ли тамъ, или еще нѣтъ,—тоскливо думалось ему, и чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ Аркатову, тѣмъ сильнѣе хотѣлъ, чтобы тамъ уже знали и чтобы не ему пришлось сообщать это.

Но тамъ ничего еще не знали.

Съ привѣтливой улыбкой встрѣтилъ его у крыльца старый камердинеръ Панкратьева и, приглашая войти въ домъ, спокойно заговорилъ:—„самъ баринъ не очень давно пожаловали, а Викторъ Анатоліевичъ хотѣли подождать, когда изъ за-границы вернутся ихъ матушка съ сестрицей, и обѣщались быть на дняхъ. Васъ издали заслышалъ, и то подумалъ—не они ли ужъ ѣдутъ!“—Снимая въ передней съ доктора его намокшее пальто, старикъ принялся было что то разсказывать, но сейчасъ же испуганно замолчалъ.

Въ переднюю вошелъ самъ Панкратьевъ, удивленно посмотрѣлъ на нихъ и, какъ то странно заикаясь, спросилъ доктора:

— Вы отъ Вити?... Что нибудь случилось съ Витей?

Иванъ Николаевичъ молча кивнулъ головой.

По дорогѣ въ городъ старикъ Панкратьевъ все время разсказывалъ доктору о своемъ сынѣ, а тотъ, не рѣшившись

Digitized by Google

сразу сказать всей правды объ этомъ сынѣ и только намекнувъ на то, что правда можетъ быть ужасной, тревожно прислушивался къ разсказамъ старика.

Смотря прямо передъ собой и мягко улыбаясь, старикъ Панкратьевъ вспоминалъ вслухъ, какъ любилъ онъ съ маленькимъ Витей проводить осенніе вечера вдвоемъ въ Аркатовѣ и къ какимъ уловкамъ прибѣгали оба, чтобы по возможности оттянуть неизбѣжное возвращеніе въ городъ.

— Онъ былъ куда изобрѣтательнѣе меня въ этомъ отношеніи и всегда умѣлъ придумать что нибудь новое,—продолжая улыбаться, тихо проговорилъ Панкратьевъ и, украдкой поглядѣвъ на доктора, снова принялся дѣлиться съ нимъ своими воспоминаніями.

И чѣмъ дальше говорилъ онъ, тѣмъ съ большимъ ужасомъ убѣждался Иванъ Николаевичъ, что въ нѣжной грусти, съ какой старикъ вспоминалъ дѣтство сына, нѣтъ ни одной нотки, которая звучала-бы опасеніемъ,—тревогой за участь этого сына.

Нѣсколько разъ пытался онъ какимъ нибудь словомъ, отдаленнымъ намекомъ зародить въ старикѣ эту тревогу и подготовить его къ дѣйствительности, — но всѣ попытки доктора были напрасны.

Все съ той же улыбкой старикъ упорно стоялъ на своемъ и увѣренно говорилъ:

— Я не сомнѣваюсь, что съ Витей совсѣмъ еще не такъ плохо, какъ вы думаете, милый докторъ. Вѣдь въ томъ, что противъ воли приходитъ мнѣ въ голову,—нѣтъ никакого смысла. Я не хочу... я не могу заставить себя повѣрить этому.

И онъ попрежнему разсказывалъ доктору о своемъ сынѣ.

Къ городу они подъѣхали совсѣмъ къ вечеру.

Дождь уже давно пересталъ и надъ ними было лишь одно ясное безоблачное небо съ немногими, пока еще чуть серебрившимися звѣздами.

Передъ городомъ была рѣка, теперь далеко разлившаяся и затопившая всю луговую сторону.

Мостъ черезъ рѣку наводили только послѣ половодья, а до того переплавлялись на паромахъ.

Имъ пришлось долго ждать парома, почти передъ ихъ пріѣздомъ только что отвалившаго отъ города, и оба они, ни словомъ не обмѣниваясь, стояли на берегу рѣки и прислушивались къ настойчивому призыву, доносившемуся къ нимъ съ безоблачнаго неба: тамъ, въ темной голубой выси, мчались послѣднія стаи запоздавшихъ птицъ и—ликующія и счастливыя—радостно переговаривались между собой.

Digitized by Google

Паромъ, наконецъ, причалилъ.

Пугливыя лошади долго упирались и отказывались подняться на бревенчатые подмостки, соединявшіе берегъ съ паромомъ, и старикъ Панкратьевъ раздраженно торопилъ кучера. Но вотъ они уже и на паромѣ и медленно подвигаются впередъ, пересѣкая потемнѣвшую рѣку.

— Вы, пожалуйста, Иванъ Николаевичъ, не покидайте меня въ городѣ. Вѣроятно, жена и дочь еще не возвратились, и съ Витей должно быть нѣтъ никого изъ близкихъ,— послѣ долгаго молчанія сказалъ старикъ Панкратьевъ, и было что-то въ его голосѣ, отъ чего докторъ вздрогнулъ.

Онъ съ трудомъ могъ разглядѣть лицо старика, стоявшаго рядомъ съ нимъ на паромѣ, и только чувствовалъ, что старикъ смотритъ на него.

— А у васъ, Иванъ Николаевичъ, нѣтъ родныхъ?—не дождавшись отвѣта доктора, спросилъ Панкратьевъ.

— Близкихъ нѣтъ никого, а дальнихъ родственниковъ я почти совсѣмъ не знаю; я не встрѣчался съ ними съ дѣтства,—не сразу отвѣтилъ докторъ.

— Такъ, стало быть, вы росли одинокимъ,—задумчиво продолжалъ Панкратьевъ,—въ этомъ отношеніи Витя былъ счастливѣе васъ!—И тутъ же, склонившись къ самому лицу доктора, онъ какъ-то по дѣтски жалобно протянулъ:—Вѣдь правда, докторъ, ему совсѣмъ не такъ плохо? Вѣдь я могу еще надѣяться!

— Что же вы молчите? Вы все знаете и не хотите мнѣ сказать правды!..

— Да не молчите же,—отвѣчайте мнѣ что-нибудь!—настойчиво, но также по дѣтски капризно и жалобно спрашивалъ Панкратьевъ.

Донесшіеся съ городского берега окрики, отвѣтные возгласы съ парома, тревожное ржанье лошадей и прерывистый стукъ бревенчатыхъ подмостковъ,—все это безпорядочно смѣшалось въ одинъ длящійся звукъ, почти заглушившій слова Ивана Николаевича. Отчетливо донеслось до старика только одно изъ этихъ словъ и, уловивъ его, онъ понялъ наконецъ, что надѣяться ему больше не на что.

На слѣдующее утро оба они отправились въ университетъ. Мѣшкова, извѣстившаго доктора телеграммой о смерти студента Панкратьева, въ лабораторіи еще не было, но угрюмо встрѣтившій ихъ и неохотно отвѣчавшій на разспросы служитель нѣсколько минутъ внимательно присматривался къ старику Панкратьеву, почему-то вдругъ заволновался и, отведя доктора въ сторону, не громко спросилъ его:

— Да вѣдь это папаша Виктора Анатоліевича? Я ихъ

Digitized by Google

сразу-то не призналъ! Были они у насъ какъ-то; я же ихъ вмѣстѣ съ Викторомъ Анатоліевичемъ по всей лабораторіи водилъ.

— Вы Пахомычъ?—увѣренно спросилъ его докторъ.

— Онъ самый, батюшка! Да неужто когда сынокъ-то ихъ поминалъ меня!

— Скажите же скорѣй, гдѣ онъ? Въ анатомическомъ театрѣ?—не отвѣчая ему и волнуясь, спрашивалъ дальше Иванъ Николаевичъ.

— Тамъ, тамъ, батюшка! Прямо изъ лабораторіи туда его и отнесли. Вѣдь онъ здѣсь руки-то на себя наложилъ.

— Проведите же насъ туда, — попросилъ его докторъ и, отойдя къ старику Панкратьеву, повелъ его подъ руку за служителемъ.

Сейчасъ же при входѣ въ мертвецкую, гдѣ хранились трупы до вскрытія, на одномъ изъ низкихъ черныхъ столовъ лежалъ студентъ Панкратьевъ. Онъ былъ прикрытъ чѣмъ-то бѣлымъ вплоть до груди, а обѣ руки его были какъ-то странно откинуты въ сторону.

И прежде всего старику Панкратьеву бросились въ глаза эти откинутыя въ сторону руки.

Онъ остановился передъ столомъ, закрылъ глаза и стоялъ, слегка склонивъ на бокъ голову, словно прислушивался къ чему-то.

Именно такъ, широко откинувъ въ сторону руки и радостно вскрикивая: „Ахъ, это ты, папа! Какое счастье!“— встрѣчалъ его когда-то прежде маленькій Витя...

Но молодое, спокойное лицо съ неплотно сомкнутыми глазами теперь безучастно молчало, а откинутыя въ сторону руки оставались неподвижны...

Опираясь на руку доктора, старикъ Панкратьевъ вышелъ, наконецъ, изъ мертвецкой и глухо выговорилъ

— Куда хотите,—только не домой!

Они прошли университетскимъ дворомъ на большую улицу, спустились затѣмъ на площадь, гдѣ былъ садикъ съ молодыми еще голыми деревьями, и шли все дальше, пока наконецъ не вышли на высокій и крутой обрывъ. А слѣдомъ за ними, стараясь не потерять ихъ изъ виду, неторопливо шагалъ и Пахомычъ.

Внизу подъ обрывомъ протекала та же рѣка, черезъ которую они вчера перебрались на паромѣ.

Теперь она вся искрилась и ослѣпительно сверкала, залитая яркимъ солнцемъ; взадъ и впередъ по ней сновали лодки съ веселой и шумной молодежью, а у самаго бе-

Digitized by Google

рега стоялъ небольшой пароходъ съ плотами и устало пыхтѣлъ.

На обрывѣ было разставлено нѣсколько скамеекъ и на одну изъ нихъ съ усиліемъ опустился старикъ Панкратьевъ.

Онъ долго сидѣлъ молча и смотрѣлъ на искрившуюся рѣку, а когда оглянулся, то увидѣлъ, что къ доктору подошелъ Пахомычъ и о чемъ-то тихо говорилъ съ нимъ.

— Въ чемъ дѣло, Иванъ Николаевичъ?—спросилъ онъ. Докторъ и Пахомычъ подошли къ нему и безмолвно усѣлись на ту же скамейку.

Дальше—нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ — на обрывѣ стоялъ старый заштатный монастырь, гдѣ было, очень немного такихъ же старыхъ, какъ и самъ монастырь, монаховъ.

Какъ и всегда въ ясные солнечные дни, они вышли и теперь изъ своего монастыря и, усѣвшись всѣ рядомъ на двухъ скамьяхъ, смотрѣли потухшими глазами на бѣжавшую подъ обрывомъ рѣку и безучастные къ голосамъ жизни, доносившимся къ нимъ съ этой рѣки, о чемъ-то беззвучно шептались другъ съ другомъ.

Первымъ замѣтилъ ихъ Пахомычъ и, поперемѣнно смотря то на нихъ, то внизъ на рѣку, тихо заговорилъ:

— А у меня тутъ подъ монастыремъ Сереженька утонулъ. Одинъ былъ—да и тотъ утопъ! Въ яръ его затянуло; сперва было кричалъ; такъ же вотъ монахи на скамьяхъ тутъ сидѣли,—„слышали мы,—говорили опосля,—кричитъ-то, да гдѣ же тутъ помочь, — съ обрыва-то не соскочишь!“ Такъ мой Сереженька и утопъ тутъ!

Давняя, глухая тоска зазвучала въ его голосѣ, и ненавистью вспыхнули его старые глаза, снова смотрѣвшіе теперь на рѣку, которая унесла у него сына.

А старикъ Панкратьевъ и докторъ, словно сговорившись, стали оба разомъ вспоминать о томъ, какъ каждаго изъ нихъ обманула жизнь.

Они жаловались одинъ другому на разбитыя надежды, на утраченное счастье, на несбывшіяся мечты.

Жаловались съ отчаяніемъ,—съ мучительно яснымъ сознаніемъ безплодности собственныхъ жалобъ и полной невозможности измѣнить то, что дала имъ жизнь.

Ихъ жадно слушалъ Пахомычъ, и ему казалось, что то же, совсѣмъ то же хотѣлось бы сказать и ему, да только не находилось у него такихъ словъ...

И долго они всѣ трое сидѣли тутъ на обрывѣ — столь чуждые другъ другу прежде и такъ странно близкіе теперь, и тоскливо изливались въ своихъ жалобахъ.

А неподалеку отъ нихъ монахи, перебирая сухими пальцами четки, чуть слышно пѣли что-то печальное и тягучее.

Digitized by Google

Гражданское право и неимущіе классы народа.

(Anton Menger. Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen. Neue Auflage).

Замѣтка.

Въ обширной области общественныхъ наукъ врядъ ли найдется дисциплина, на которой бы такъ мало отразились могущественные перевороты въ общественныхъ отношеніяхъ, какъ на цивилистикѣ. Политическая экономія — въ теоріи и практикѣ, публичное право во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, не говоря уже объ общей соціологіи, претерпѣли на протяженіи прошлаго столѣтія глубочайшія измѣненія, чрезвычайно разнообразныя по содержанію, но всѣ находящія себѣ болѣе или менѣе непосредственное объясненіе въ томъ неоспоримомъ и получившемъ для всего общественнаго развитія рѣшающее значеніе фактѣ, — что новымъ и могучимъ факторомъ этого развитія сталъ новый, таившійся было на низинахъ общественной жизни, классъ. Онъ, этотъ новый классъ, кое-гдѣ подавляющій своей численностью, всюду сильный всей мощью юности, отдѣленный отъ другихъ группъ пропастью, которой не заполнить благожелательнымъ мечтателямъ, властно предъявилъ свои притязанія на такую долю въ благахъ общественной жизни и культуры, которая соотвѣтствуетъ играемой имъ въ общественномъ процессѣ роли. Хозяйничающіе надъ жизнью старые классы съ вполнѣ понятной враждой и опасеніями смотрѣли и смотрятъ на неудержимое его развитіе, борятся съ нимъ, поскольку могутъ—сегодня хитрыми подачками соціальной политики, завтра исключительными законами или наоборотъ. Но и въ этой борьбѣ приходится уступать одну позицію за другой. Вызванныя ею измѣненія въ общественныхъ отношеніяхъ получили вскорѣ болѣе или менѣе полное и отчетливое выраженіе въ соотвѣтствующихъ политическихъ и

Digitized by Google

юридическихъ институтахъ. Считаться съ интересами новаго класса, съ интересами труда приходилось все въ большей степени; эти интересы и *историческая необходимость* ихъ осуществленія пріобрѣли столь очевидное значеніе, что изъ лагеря буржуазіи появились цѣлыя теоріи о „соціальномъ мирѣ“ и т. п.

На практикѣ они пока сказались особенно на многочисленныхъ институтахъ соціальной политики и государственнаго права, на которые съ болью въ сердцѣ и съ показной готовностью приходилось соглашаться могущественнымъ представителямъ стараго порядка. Вліяніе этихъ интересовъ прошло почти совершенно безслѣдно для гражданскаго права, оставшагося всецѣло на почвѣ исключительнаго служенія монополистскимъ интересамъ и вожделѣніямъ буржуазныхъ классовъ. „Жестокая школа римскаго права“ въ связи съ интересами имущихъ привели, по мнѣнію Менгера, къ тому, что „юристы склонны считать себя исключительно слугами и представителями имущихъ классовъ“, вслѣдствіе чего юриспруденція, и въ особенности цивилистика, стала самой отсталой изъ всѣхъ дисциплинъ, до которой общественныя теченія доходятъ позже всѣхъ другихъ, подобно отдаленной провинціи, въ которой старыя столичныя моды носятся, какъ новость дня.

Этотъ реакціонный характеръ цивилистики и является исходной точкой вышедшей въ новомъ изданіи книги Менгера о „гражданскомъ правѣ и неимущихъ классахъ народа“, и анализу этого характера, поскольку онъ проявляется въ различныхъ институтахъ современнаго гражданскаго права, и посвящена его въ высокой степени поучительная книга.

Внѣшнимъ поводомъ для ея написанія послужило изданіе проекта, ставшаго съ 1 ян. 1901 года закономъ, новаго германскаго гражданскаго уложенія. Новая кодификація гражданскаго права, на которую было потрачено столько труда самыми лучшими представителями юридической теоріи и практики, являвшаяся результатомъ всѣхъ цѣнныхъ завоеваній, которыя сдѣлала цивилистическая наука XIX ст., привлекшая къ себѣ въ свое время такое напряженное вниманіе всего юридическаго міра, побудила нашего автора, который считаетъ себя „однимъ изъ немногихъ нѣмецкихъ юристовъ, представляющихъ въ области права интересы неимущихъ классовъ“, подвергнуть новое гражданское уложеніе критикѣ съ такой точки зрѣнія, которой обыкновенно нѣтъ мѣста въ юриспруденціи. А между тѣмъ, въ углу ея находятся интересы неимущихъ народныхъ классовъ, т. е. громаднаго большинства нѣмецкаго населенія.

Критика эта привела Менгера къ весьма неутѣшительнымъ результатамъ, несмотря на то, что онъ сознательно ограничилъ свою задачу и свои критеріи рамками современнаго строя, нигдѣ не выходя за его предѣлы. Понятно, что всякій современный кодексъ окажется совершенно несостоятельнымъ, если подойти

Digitized by Google

къ нему съ принципіальными возраженіями, отрицающими основныя начала современнаго общества. Но не эту задачу ставитъ себѣ Менгеръ. Онъ не хотѣлъ получить въ отвѣтъ на свои обличенія удобную отповѣдь, contre principia negantem non potest disputari; оставаясь всецѣло на почвѣ „стараго государства", онъ хотѣлъ показать, насколько неимущіе классы оставляются въ загонѣ современнымъ гражданскимъ законодательствомъ; частная собственность, свобода договоровъ, переводъ имуществъ по наслѣдству, эти три кита, на которыхъ стоитъ гражданское право, а съ нимъ и все гражданское общество, остаются на этотъ разъ внѣ поля критики Менгера.

И тѣмъ не менѣе матеріала для критики, часто безпощадной, остается много. Право, регулирующее взаимоотношенія индивидовъ, независимо отъ ихъ принадлежности къ сословію или классу, одинаково обязательное для всѣхъ, подъ анализомъ Менгера все болѣе и болѣе раскрывается передъ нами въ своемъ истинномъ характерѣ и значеніи, которое такъ усиленно скрывается и затушевывается тѣми, кому дальнѣйшее развитіе назрѣвающихъ въ капиталистическомъ обществѣ противорѣчій и не желательно и опасно. Разсматривая вслѣдъ за Менгеромъ отдѣльные институты современнаго гражданскаго права, читатель, если только у него еще есть глаза, чтобы видѣть, воочію убѣждается, насколько правъ писатель, говоря, что оно главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ предназначено служить и служить интересамъ сильныхъ, интересамъ имущаго меньшинства народа, оставляя неимущее большинство или вовсе беззащитнымъ, либо во всякомъ случаѣ неспособнымъ осуществлять принадлежащія ему на бумагѣ права для удовлетворенія своихъ насущныхъ интересовъ.

Крушеніе сословнаго строя, великій общественный переворотъ, выдвинувшій на смѣну старыхъ сословій новые классы, уничтожилъ, правда, юридическія привилегіи отдѣльныхъ группъ, но на смѣну ихъ создались новыя, не менѣе тяжелыя. Пусть раньше полнота правъ личности опредѣлялась не однимъ закономъ, равнымъ для всѣхъ, а принадлежностью къ сословной группѣ; зато теперь равныя въ теоріи для всѣхъ права фактически создаютъ преграды, столь же ощутительныя, какъ и отжившія сословныя ограниченія.

Въ области осуществленія этого равнаго для всѣхъ права привилегированное положеніе имущихъ классовъ сказывается съ особенной силой. Менгеръ винитъ въ обостреніи этого положенія прежде всего юристовъ, которые въ подавляющемъ большинствѣ слѣдуютъ въ свитѣ богатыхъ и сильныхъ, съ одинаковымъ усердіемъ отстаивая, какъ реальные интересы имущихъ и властвующихъ, такъ и ихъ высокомѣріе и чванство, такъ что соціальная пропасть, все болѣе раздѣляющая гражданъ культурныхъ странъ на два лагеря, въ значительной степени вызывается этой одно-

Digitized by Google

сторонностью юристовъ. Не имѣя въ виду защищать здѣсь юристовъ отъ обвиненія нашего автора, нельзя не замѣтить, что вѣдь, конечно, не въ ихъ „односторонности“ корень зла, а въ характерѣ и существѣ тѣхъ именно правовыхъ институтовъ, на примѣрѣ которыхъ авторъ иллюстрируетъ привилегированность имущихъ классовъ. Нельзя удивляться, что юристы, всѣми жизненными нитями связанные съ интересами имущихъ группъ населенія, пользовались правомъ въ ущербъ другимъ группамъ; гораздо болѣе характерно для уясненія истиннаго существа права, какъ одного изъ многихъ и быть можетъ самаго сильнаго орудія удержанія status duo въ рукахъ правящихъ классовъ, то, что оно даетъ этимъ юристамъ чрезвычайно подходящія средства для достиженія вытекающихъ изъ ихъ положенія цѣлей. Къ этому и слѣдуетъ обратиться.

Равенство всѣхъ передъ закономъ—принципъ, побѣда котораго стоила столько крови человѣчеству,—сталкиваясь съ полнѣйшей юридической безпомощностью большинства, создаетъ между тѣми, кто можетъ защитить свое право всѣми подчасъ дорого стоющими способами, и населеніемъ, лишеннымъ этой возможности, громадное фактическое неравенство. Положеніе, что никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона, являясь въ настоящее время „несообразнѣйшей изъ всѣхъ фикцій“, усугубляетъ это неравенство, такъ какъ всѣ невыгодныя послѣдствія, которыя положительный законъ связываетъ съ незнаніемъ закона, естественно всей своей тяжестью ложатся на неимущіе классы: имъ недоступны ни средства познать законъ, ни возможность уберечь себя отъ послѣдствій этого незнанія путемъ привлеченія содѣйствія знатоковъ-спеціалистовъ. А состязательность процесса, дѣлающая судью безстрастнымъ зрителемъ происходящаго предъ его глазами спора, лишаетъ его возможности придти на помощь тому, кого невѣжество и безпомощность обрекаетъ на пораженіе въ этомъ спорѣ, какъ бы прочно и несомнѣнно ни было его право. Обостряетъ это неравенство вдобавокъ дороговизна всего процессуальнаго аппарата отъ всѣхъ стадій процесса. Помимо удешевленія его, если нельзя мечтать о безвозмездности правосудія, Менгеръ полагаетъ, что возложеніе на судью обязанности разъяснить каждому гражданину, въ особенности неимущему, законъ и содѣйствовать ему въ огражденіи его частныхъ правъ, равно какъ представительство интересовъ неимущей стороны судьею—въ значительной степени можетъ ослабить неравенство гражданъ на судѣ, приводящее къ тому, что „въ настоящее время въ Европѣ и Америкѣ многіе милліоны рабочихъ съ враждою относятся къ традиціонному государству“.

Обращаясь къ анализу важнѣйшихъ институтовъ матеріальнаго права, которому посвящена большая часть книги, Менгеръ останавливается на вопросѣ систематизаціи права. Въ то время,

Digitized by Google

какъ каждая система гражданскаго права должна была начинаться съ права семейственнаго, обнимающаго начала гражданской жизни, общія всѣмъ гражданамъ безъ исключенія, за которымъ должны были слѣдовать тѣ институты, на которыхъ покоится контрастъ между имущими и неимущими, т.-е. имущественное право: вещное и обязательственное, и, наконецъ, наслѣдственное, изъ коихъ послѣднее для неимущихъ классовъ не имѣетъ почти никакого значенія,—современные гражд. кодексы переставляютъ эту естественную послѣдовательность—начиная съ имущественныхъ правъ и кончая семейными. И эта перестановка объясняется тѣмъ преобладающимъ значеніемъ, которымъ пользуются имущіе классы.

Въ своей критикѣ Менгеръ слѣдуетъ естественной послѣдовательности и начинаетъ съ разсмотрѣнія, насколько положенія семейственнаго права B. U. B. охраняютъ интересы большинства населенія.

Въ области семейственнаго права привилегированное положеніе имущихъ группъ населенія сказывается съ меньшей степенью, такъ какъ отношенія, регулируемыя правомъ, общи гражданамъ всѣхъ классовъ. Къ тому же основной институтъ въ этой области—бракъ, какъ сдѣлка, заключаемая по преимуществу людьми одной общественной сферы, въ этомъ отношеніи не связанъ для неимущаго большинства съ такими тяжелыми послѣдствіями, какъ другіе институты частнаго права. Тѣмъ не менѣе, однако, и эта область, не стоящая въ прямомъ соотношеніи съ режимомъ собственности, все же носитъ на себѣ отпечатокъ интересовъ имущихъ. Этотъ отпечатокъ съ особенной отчетливостью сказывается въ томъ, какъ нѣм. гражданское право нормируетъ цѣлый рядъ отношеній, чрезвычайно важныхъ для большинства населенія. Самыя существенныя изъ нихъ слѣдующія: содержаніе дѣтей родителями, положеніе незаконныхъ дѣтей и матери ихъ и опека.

Устанавливая полную свободу въ опредѣленіи того, какъ нужно содержать дѣтей, гражданское право создаетъ привилегію, весьма благотворную для имущихъ. Освобождая родителей отъ личнаго осуществленія элементарнаго родительскаго долга, предоставляя имъ возможность освободиться отъ этой докучливой обязанности, благо есть много несчастныхъ дѣвушекъ-матерей, которыхъ жестокая нужда заставляетъ лишить собственнаго ребенка материнскаго молока и отдать послѣднее чужому,—гражданскій законъ явно благопріятствуетъ имущимъ классамъ, въ средѣ которыхъ только и возможно пользованіе институтомъ замѣстительницъ. Но, съ другой стороны, законъ этотъ создаетъ неисчислимый вредъ неимущимъ классамъ, въ средѣ которыхъ рождаются и умираютъ десятки тысячъ дѣтей, лишенныхъ материнскаго ухода тогда, когда онъ наиболѣе незамѣнимъ. Зачатки физическаго разрушенія щедрой рукой разсыпаются на дѣтей,

Digitized by Google

которыя въ будущемъ заполнятъ ряды трудящихся массъ элементами непригодными къ суровой борьбѣ за существованіе, понижая этимъ жизненный уровень всего класса.

Еще болѣе плачевно положеніе незаконныхъ дѣтей и тѣхъ несчастныхъ дѣвушекъ, которыя пали жертвой развращенной похоти представителей имущихъ группъ. Въ 18 статьяхъ справляется съ ними B. G. B., удѣляя для такой ничтожной—для громадной массы—матеріи, какъ находка—20 статей. Краткость эта, по мнѣнію нашего автора, не случайная. Всюду мы встрѣчаемся съ ней, гдѣ только ни противополагаются имущіе неимущимъ. Что дѣвушки-матери принадлежатъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ къ неимущимъ, что виновники ихъ „паденія"—обыкновенно люди состоятельные, что незаконныя дѣти составляютъ значительный % рождающихся,— это все факты извѣстные. И что эти факты получаютъ, благодаря положительному закону, крупное и вредное для народной массы значеніе—это намъ доказываетъ авторъ.Здѣсь не мѣсто входить въ детали этого вопроса, на которомъ онъ останавливается съ особенной подробностью. Достаточно отмѣтить его выводъ, что положеніе, какъ внѣбрачныхъ дѣтей, такъ и матери оказывается въ BGB регулированнымъ гораздо болѣе неудовлетворительно, чѣмъ въ старомъ общемъ земскомъ правѣ Пруссіи.

И наконецъ опека. Классовый характеръ этого института сказывается въ томъ, что предметомъ государственнаго надзора за малолѣтними является исключительно ихъ имущество, и что такимъ образомъ опека государства надъ несовершеннолѣтними простирается только на тѣхъ, у кого есть какое-либо имущество. Громадное же большинство сиротъ, неимѣющихъ ничего, кромѣ дѣтской или юношеской рабочей силы, остаются внѣ надзора государственныхъ или общественныхъ опекунскихъ учрежденій. О нихъ государство не заботится. Несмотря на то, что нормальное использованіе рабочей силы ребенка является самымъ драгоцѣннымъ залогомъ его будущаго въ экономическомъ, физическомъ и моральномъ отношеніяхъ,—онъ остается безъ призора. Ребенокъ, несовершеннолѣтній можетъ эксплуатироваться, сколько влѣзетъ. Государство не контролируетъ тѣхъ рабочихъ договоровъ, которые они заключаютъ, довольствуясь общими запретами въ области фабричнаго законодательства. Что дѣлали опекунскія учрежденія, спрашиваетъ Менгеръ, когда цѣлыя поколѣнія малолѣтнихъ, стоявшихъ подъ ихъ попеченіемъ, шли быстрыми шагами на фабрикахъ и заводахъ къ полной погибели? Они были заняты охраной имущественныхъ интересовъ малолѣтнихъ состоятельныхъ классовъ.

Перейдемъ къ вещному праву—этому совершеннѣйшему воплощенію частной собственности. Здѣсь классовыя противорѣчія имѣютъ очень ограниченное значеніе, такъ какъ неимущіе классы

Digitized by Google

почти вовсе не причастны къ отношеніямъ, имъ регулируемымъ.

Важно только ихъ удержать отъ всяческихъ поползновеній нарушить монополію собственниковъ; ну, а съ этой задачей успѣшно справляются, какъ уголовное уложеніе (раздѣлъ имущественныхъ преступленій), такъ и защита владѣнія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Для характеристики вещнаго права въ BDB важно главнымъ образомъ то, насколько на немъ отразился процессъ, о которомъ говоритъ Менгеръ и въ Deue Staatslehre, а именно, какъ частные интересы собственности поглощаются и отступаютъ на задній планъ передъ интересами оборота, какъ частная собственность все болѣе и болѣе отрѣша я отъ своей экономической основы, какъ принципъ непри новенности собственности становится все болѣе и болѣе мие , пока дѣло не зайдетъ о неимущихъ классахъ и т. п.

Настоящее столкновеніе мел имущими и неимущими происходитъ въ области обязательственнаго права. Оно не даромъ поставлено въ новомъ Уложеніи на первое мѣсто. Въ немъ нервъ современнаго хозяйства. Фактъ крупнѣйшей важности, на которомъ стоитъ и вмѣстѣ съ которымъ рушится современное общество,—я говорю о рабочемъ договорѣ—съ которымъ связаны всѣ жизненные интересы пролетарской массы, послѣ того, какъ экономическая революція отлучила ее отъ средствъ производства, привлекаетъ здѣсь вниманіе автора вмѣстѣ съ договорами займа и имущественнаго найма. Они, эти договоры, и создаютъ имущимъ классамъ возможность получать отъ неимущихъ „unearned increment“, только съ его помощью и могутъ они использовать режимъ частной собственности. Здѣсь, въ этой области, сторонамъ предоставлена полнѣйшая свобода, и государство только очень поздно начинаетъ вмѣшиваться въ договорныя отношенія. Докучливый контроль его появляется только вынужденный громкими требованіями сознательной массы. Все современное обязательное право покоится на принципѣ свободныхъ договоровъ.

Тамъ, гдѣ имущіе классы диктуютъ свои условія своимъ болѣе слабымъ контрагентамъ, всякія ограниченія воли сторонъ, т. е. имущихъ, приходятъ только очень поздно. Конечно, эти ограниченія уже есть и они существенны (фабричное законодательство, законъ о ростовщичествѣ), но въ области частнаго права воля сторонъ все-же имѣетъ преобладающее вліяніе, и именно рабочій договоръ, уже ставшій предметомъ соціально-политическихъ реформъ, намъ это доказываетъ.

Правда, государство контролируетъ и рабочій договоръ, но въ чемъ этотъ контроль заключается? Рабочіе сами должны найти себѣ работодателя, въ этомъ государство ему не помогаетъ, хотя именно въ этомъ отношеніи государственная регулировка имѣла бы огромное значеніе. Зато стоитъ ему, худо-ли, хорошо-ли заключить договоръ, какъ на сценѣ появляется весь адми-

Digitized by Google

нистративный и полицейскій аппаратъ, приводимый въ движеніе, чтобы закрѣпить его послушаніе и покорность болѣе сильному контрагенту. Уголовная наказуемость нарушенія рабочаго договора сельско-хозяйственными рабочими, пресловутая книжка для прислугъ, ставящая репутацію и благосостояніе прислуги въ зависимость отъ особыхъ записей, дисциплинарная власть хозяина, ненаказуемость мелкихъ оскорбленій, нанесенныхъ работодателемъ и т. д.—пусть эти положенія и не находятся въ новомъ гражданскомъ уложеніи*).—Они разсѣяны по другимъ кодексамъ, нормирующимъ жизнь тѣхъ слоевъ рабочаго люда, который не сумѣлъ, подобно промышленному пролетаріату, пока отстоять свое право на человѣкоподобное существованіе, кодексамъ, не отмѣненнымъ новымъ прогрессивнымъ гражданскимъ уложеніемъ.

Само уложеніе находитъ для рабочаго договора чрезвычайно простую формулировку. Одна сторона должна оказывать выговоренныя услуги, другая оплачивать выговоренное вознагражденіе. Точно въ куплѣ-продажѣ, одинъ продаетъ рабочую силу, другой уплачиваетъ за нее условленную цѣну. Нашъ авторъ считаетъ такую постановку совершенно неудовлетворительной. Нельзя отдѣлять рабочую силу отъ личности работающаго, отъ требованій его личнаго блага; необходимо согласовать ихъ и сдѣлать работодателя отвѣтственнымъ за неприкосновенность этого личнаго блага рабочаго, его здоровья, жизни, рабочей силы, чести и нравственности. Другими словами, права одной стороны въ данномъ договорѣ должны быть ограничены соображеніями указаннаго порядка, и только тогда рабочій договоръ потеряетъ крѣпостническій характеръ. Правда, государство въ послѣднее время дѣлаетъ въ области соціальной политики (страхованіе и т. д.) многое въ этомъ направленіи, но этого недостаточно, необходима цивильная отвѣтственность контрагента. Не останавливаясь на рядѣ практическихъ предложеній, которыя дѣлаетъ авторъ—они знакомы каждому, освѣдомленному въ требованіяхъ раціональнаго соціальнаго законодательства—замѣтимъ, что онъ особенно настаиваетъ на обязательномъ характерѣ предлагаемыхъ имъ ограниченій свободы договора и на неизмѣняемости ихъ частными соглашеніями, равно какъ и на отмѣнѣ дисциплинарной власти работодателя, получающаго право суда въ собственномъ дѣлѣ. Любопытны также упреки, которые Менгеръ дѣлаетъ по адресу договора найма и договоровъ ex delictis.

Договоръ найма (Менгеръ имѣетъ въ виду наемъ квартиръ) также формулированъ В. L В. неблагопріятно для неимущихъ классовъ. Вопросъ о томъ, является ли данная квартира годной для жилья—безразличенъ для составителя Улож.; благосостоятельнымъ

*) Оно вообще посвящаетъ всего 19 §§—въ проектѣ ихъ было 8—рабочему населенію.

Digitized by Google

людямъ безъ труда удается найти квартиру по вкусу, конуры же, лишенныя свѣта и воздуха, могутъ попрежнему широко сдаваться, лишь-бы нашлись люди, которыхъ-бы туда загнала нужда. Что же касается, наконецъ, до договоровъ ex delictis, то Менгеръ различаетъ три вида благъ, нарушеніе которыхъ влечетъ за собою цивильную отвѣтственность. Блага, затрагивающія только интересы состоятельныхъ лицъ, блага имущественныя, защищаемыя твердыней уголовнаго права, находятъ внушительную охрану и въ гражданскомъ законодательствѣ. Блага общія, въ которыхъ заинтересованы всѣ: жизнь, свобода, честь—хорошо защищены уголовнымъ правомъ и недостаточно гражданскимъ, въ особенности это касается „многочисленныхъ и ощутительныхъ нарушеній этихъ благъ, имѣющихъ мѣсто въ области договорныхъ отношеній личнаго найма и другихъ“ и, въ-третьихъ, наконецъ, — совершенно лишены удовлетворительной защиты блага, въ которомъ заинтересованы преимущественно неимущіе—женская честь и рабочая сила. Каждое недозволенное дѣйствіе вытекаетъ изъ вины опредѣленнаго лица. Масштабомъ для констатированія виновности служитъ въ проектѣ типъ bonus pater familias и по адресу этого boni patris familias мы находимъ у Менгера много горькихъ упрековъ.

Кто этотъ bonus pater familias? тотъ, кто даетъ погибнуть ближнему, хотя онъ и могъ бы ему помочь, такъ какъ онъ обязанъ заботиться только о своихъ; тотъ, кто соблазнилъ дѣвушку и отказывается отъ возмѣщенія причиненнаго ей вреда—ибо volenti non fit iniuria; тотъ, кто довелъ рабочаго въ предпріятіи или въ злокачественной квартирѣ до потери здоровья, ибо онъ исполнилъ свои договорныя обязательства; тотъ, кто—просто, чтобы другому пакость учинить, загородилъ сосѣду свѣтъ своей стѣной—ибо qui jure suo utitur neminem laedit,—даже, „если онъ дѣйствуетъ по злобѣ“. (Motive, II, 727) этотъ bonus pater familias никто иной, какъ типичный представитель гражданскаго общества, по которому можно судить о всемъ общественномъ строѣ. Менгеръ предлагаетъ замѣнить его типомъ „порядочнаго человѣка“, не боясь упрека въ сантиментализмѣ. А „порядочный человѣкъ“ это тотъ, кто умѣетъ найти справедливое соотношеніе для своихъ интересовъ и чужихъ. Гр. ул. вычеркнуло bonus pater familias изъ текста, но положеніе отъ этого не улучшилось, остался живъ духъ его. духъ эгоизма и классоваго безсердечія.

Что касается, наконецъ, наслѣдственнаго права, то неимущіе классы, не принимающіе въ немъ непосредственнаго участія, заинтересованы въ немъ лишь постольку, поскольку оно влечетъ, или не влечетъ за собой аккумуляцію богатствъ въ рукахъ немногихъ; въ первомъ случаѣ увеличивается, конечно, общее число неимущихъ и понижается жизненный уровень всего класса. Съ этой точки зрѣнія Менгеръ останавливается на аристократиче-

Digitized by Google

скихъ системахъ наслѣдственнаго права, которымъ покровительствуетъ гражданское уложеніе, на инерціи фидеикомиссовъ и др. Ограниченіе свободы завѣщательныхъ распоряженій, ограниченіе перехода имуществъ по закону третьей линіи родства, обращеніе выморочныхъ имуществъ въ собственность рабочихъ классовъ, уменьшеніе формализма при завѣщаніи,—вотъ къ чему сводятся его требованія, обставленыя доказательствами того, какъ и проектъ и уложеніе здѣсь имѣютъ въ виду меньшинство населенія.

Но можно-ли провести всѣ реформы частнаго права, которыхъ требуетъ авторъ? Онъ отвѣчаетъ утвердительно, такъ какъ, по его мнѣнію, благодаря введенію всеобщей подачи голосовъ, всеобщей воинской повинности и всеобщаго обученія центръ тяжести въ отношеніяхъ общественнаго могущества во Франціи и въ Англіи перемѣстился, и что въ виду этого не слѣдуетъ слишкомъ напрягать терпѣнія классовъ, которыхъ современное гражданское право не можетъ не озлоблять. Смягчая обостренія противорѣчивыхъ интересовъ, необходимо приступить къ постепенному преобразованію права въ интересахъ неимущихъ: время для этого настало.

Третье изданіе книги, содержаніе которой мы въ общихъ чертахъ попытались передать, вышло черезъ 14 лѣтъ послѣ перваго. За это время проэктъ, критикѣ котораго она посвящена, сталъ фактомъ. Нѣкоторое вліяніе эта критика и имѣла, что попутно и отмѣчается авторомъ. Но по сравненію съ тѣмъ, что отдѣляетъ гражданское уложеніе отъ положительныхъ предположеній автора, это вліяніе столь незначительно, что о немъ почти не приходится говорить. Тѣмъ болѣе нужно говорить объ одностороннихъ конструкціяхъ гражданско-правовыхъ институтовъ, которые все болѣе и болѣе даютъ поводовъ даже умѣреннымъ элементамъ говорить о „классовой“ юстиціи, о двухъ мѣрилахъ. Еще въ послѣдней сессіи германскаго рейхстага представители интересовъ труда рѣзко и энергично обличали существующіе матеріальные просесуальные законы и еще болѣе ихъ истолкованіе и примѣненіе,—и даже противники ихъ должны были признать, что „въ настоящее время, несмотря на равное для всѣхъ право... у рабочихъ создается впечатлѣніе, что право и его примѣненіе враждебны прогрессивнымъ слоямъ трудящихся массъ, и это впечатлѣніе является самымъ обильнымъ источникомъ для пропаганды соціаль-демократіи“ (Frankf. Zeitung).

Всѣ эти жалобы и эти цѣнныя признанія, конечно, указываютъ на то, что противоположность интересовъ тѣхъ группъ, выразителемъ которыхъ является современное право, и неимущихъ классовъ населенія глубоко проникло въ сознаніе этихъ послѣднихъ. Вопросъ о томъ, почему право отражаетъ именно эти интересы, а не другіе, для болѣе сознательныхъ элементовъ представляется празднымъ. Зависимость права, какъ и всякаго иного общественнаго явленія, отъ интересовъ опредѣленной группы,

Digitized by Google

занимающей господствующее мѣсто въ общественномъ производствѣ—фактъ установленный не со вчерашняго дня, а эта зависимость и представляетъ вопросъ о реформѣ въ совершенно иномъ свѣтѣ, нежели предполагаетъ Менгеръ. Возможны, конечно, частичныя поправки и улучшенія; они несомнѣнно имѣютъ благотворное значеніе, повышая общій уровень массы и создавая лучшія условія для активнаго ея содѣйствія общественному развитію. Но эти реформы не измѣняютъ и не могутъ измѣнить то, въ чемъ корень зла, о которомъ говоритъ Менгеръ,—что въ современномъ правѣ почти исключительно находятъ свое отраженіе интересы имущаго меньшинства. Дѣло не въ юристахъ, не въ „жестокой школѣ" римскаго права, которую они прошли, какъ и не въ ихъ непониманіи происходящихъ общественныхъ измѣненій. Дѣло въ томъ, что не призвано наше время пока къ законодательству въ томъ направленіи, которое намѣчаетъ Менгеръ.

Правда, развитіе производительныхъ силъ странъ, вступившихъ на путь капиталистической эволюціи, идетъ неудержимо быстро, все болѣе опрокидывая наличныя правовыя рамки. Но это-то и создаетъ увѣренность, что классовый характеръ современнаго права, обличенію котораго Менгеръ посвящаетъ свою книгу, не вѣченъ. Пусть его коренное измѣненіе совершится не сегодня, не завтра. Борьба идетъ, и не одна позиція оставлена уже тѣми, кто и по сейчасъ являются господами надъ жизнью. И никакая „жестокая школа", никакой реакціонный духъ не избавятъ юристовъ отъ необходимости покориться неумолимой логикѣ общественнаго развитія.

А. Яковлевъ.

Digitized by Google

Къ исторіи русскаго духоборчества.

(Окончаніе).

XII.

„Я индивидуалистъ—цѣль моей жизни не бороться съ природой, а подчиняться ея законамъ“ [1]), такъ говоритъ Петръ Васильевичъ о себѣ самомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Отправляясь отъ этого главнѣйшаго пункта своего міровоззрѣнія, П. В. Веригинъ освѣщаетъ именно съ этой точки зрѣнія всѣ стороны жизни, мысли и дѣятельности.

Разсмотримъ послѣдовательно взгляды этого оригинальнаго народнаго мыслителя.

„Подъ словомъ Богъ члены общины разумѣютъ: силу любви, силу жизни, которая дала начало всему существующему“ [2]).

„... Мы Бога чтимъ, которому подвластно все существующее, не только земля и что на ней есть, но и все, что находится во вселенной. Богъ есть *жизнь* и присутствуетъ во всемъ существующемъ и равно присутствуетъ—покровительствуетъ, какъ человѣку, такъ и самой маленькой птичкѣ или насѣкомому... Богъ, котораго мы чтимъ, безмѣрно великъ и обширенъ, и вмѣстить Его въ какую-либо рамку невозможно, а тѣмъ менѣе изобразить Его. Бога возможно только ощущать душою, сердцемъ и выражать Его свойства любовью ко всему живущему, въ которомъ мы вращаемся“ [3]).—Такъ горячо и убѣжденно отвѣчалъ П. В. Веригинъ священникамъ православной церкви, вступившимъ съ нимъ въ словесное состязаніе по вопросамъ вѣры въ с. Обдорскѣ. Понимая понятіе „Богъ“, какъ самую *жизнь*, сущую и

---

[1]) Изъ письма къ уголовному А. С. Д., отъ 12 декабря, 1895 г. с. Обдорскъ.

[2]) См. § 4 „общихъ взглядовъ христіанской общины всемірнаго братства“.

[3]) Изъ письма къ Л. Н. Толстому отъ 15 августа, 1898 г., с. Обдорскъ.

Digitized by Google

единую, всегда и во всемъ проявляющуюся, Петръ Васильевичъ и къ смерти тѣлесной относится совершенно спокойно. Онъ пишетъ:

„Смерть тѣлесная не опасна и не прекращаетъ существованія человѣка, а, напротивъ, возрождаетъ. Но, нѣтъ, человѣкъ и сейчасъ ужасно боится смерти, хотя и не можетъ умереть безслѣдно, потому что состоитъ частью одного цѣлаго въ мірѣ“ [1]).

Но смерть, тотъ порогъ, который предстоитъ рано или поздно перешагнуть каждому изъ насъ, все-таки сильно волнуетъ Петра Васильевича.

Въ письмѣ къ своему другу, И. Е. Конкину, онъ пишетъ: „Изъ послѣдняго письма видно, что ты немного скучаешь. Это зависитъ отъ несовершенства нашихъ воззрѣній. Тогда какъ возможно ли скучать и быть недовольнымъ, если съ нами присутствуетъ Господь Богъ въ лицѣ окружающей насъ природы. Когда мы будемъ стараться совершенствовать себя, свои душевныя качества, то, вѣрь, дорогой Ванюша, времени станетъ недоставать намъ въ жизни. Потомъ: тотъ порогъ, который мы должны перешагнуть въ преддверіи гроба, ужасенъ.

Послѣднее слово я сказалъ не потому, чтобы боялся смерти, но я люблю жизнь окружающаго міра, а также и міръ, живущій во мнѣ,—это все люблю отъ полной души и сердца. Иногда бываютъ случайныя вспышки недовольства, но ихъ надо побороть уничтожать въ началѣ же, потому что это печаль, ропотъ, уныніе и, слѣдовательно, несвойственно человѣку, человѣку въ полномъ смыслѣ этого слова. А что иногда намъ живется лучше или наоборотъ—это оттого, что мы не имѣемъ духа довольства, т. е. любви къ окружающему насъ, болѣе же къ самимъ себѣ, къ своему достоинству“ [2]).

Переходя отъ вопросовъ трансцендентальныхъ къ вопросамъ земной жизни, П. В. Веригинъ стремится найти практическія объясненія своей отвлеченной мысли о смыслѣ и основахъ жизни.

Такъ какъ „жизнь“ это и есть „Богъ“, котораго мы познаемъ черезъ „силу любви“, черезъ „силу жизни“, давшей начало всему существующему, то прежде всего, несомнѣнно, человѣку необходимо знать, на чемъ должна быть основана его общественная жизнь, какъ мыслящаго существа.

П. В. Веригинъ даетъ на это ясный и краткій отвѣтъ: въ основѣ всѣхъ человѣческихъ учрежденій должна лежать полная свобода.

Въ уже цитированныхъ нами „общихъ взглядахъ“ Петръ Васильевичъ такъ и пишетъ: „члены общины въ своемъ убѣжденіи допускаютъ полнѣйшую свободу всему существующему, въ томъ

---

[1]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.
[2]) Изъ письма къ И. Е. Конкину отъ 10 сентября, 1896 г., с. Обдорскъ.

Digitized by Google

числѣ и существованію человѣка. Всякая организація, установленная населеніемъ, считается незаконной".

Поставя въ вершину угла всѣхъ общественныхъ отношеній „полную свободу", Петръ Васильевичъ требуетъ тѣхъ же самыхъ правъ и для отдѣльнаго человѣка, для отдѣльной личности.

Въ 1888 г.,—когда П. В. Веригинъ только что поѣхалъ въ ссылку, онъ писалъ своимъ братьямъ, что „въ стадѣ Отца словесныхъ овецъ не было и не будетъ ничего насильнаго, и можетъ изъ васъ каждый избрать путь по своему усмотрѣнію" [1]). Во многихъ другихъ письмахъ Петра Васильевича мы замѣчаемъ ту же настойчивую ноту, то же желаніе полной свободы для всѣхъ людей.

Въ 1897 г. онъ опять весьма опредѣленно высказывается по этому же вопросу, настаивая опять-таки на томъ, что человѣкъ долженъ быть вполнѣ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. „Старайтесь,—говоритъ онъ,—не принуждать ни въ чемъ другъ друга, а пусть каждый выбираетъ путь по своему желанію, потому что нашъ Богъ есть Богъ любви и свободы. Всѣ приходящіе къ истинному Богу должны приходить по волѣ, а не по принужденію" [2]).

Въ письмѣ къ духоборцамъ, заключеннымъ въ острогъ, Петръ Васильевичъ, давая имъ нѣкоторые совѣты о томъ, какъ нужно жить и питаться въ тюрьмѣ, чтобы не пасть подъ тяжестью стѣнъ каземата, въ концѣ концовъ все-таки прибавляетъ „Пусть каждый поступаетъ такъ, какъ Господь Богъ ему на душу положитъ. По моему мнѣнію, каждый человѣкъ можетъ пользоваться свободой, что ему дѣлать, что нѣтъ" [3]).

Мечтая о полной свободѣ для міра и всего живущаго въ немъ, Петръ Васильевичъ наталкивается на очень важный и сложный вопросъ „добра и зла". Если стремиться къ полной свободѣ, если все, что существуетъ, имѣетъ право свободно дѣйствовать, то какъ же тогда быть со „зломъ"? Кто и что остановитъ дѣйствіе „зла"? Какъ уберечься отъ него, и, наконецъ, что нужно дѣлать человѣку, чтобы зло—этотъ камень преткновенія жизни—все уменьшалось бы до полнаго исчезновенія?

И вотъ Петръ Васильевичъ пишетъ, что „по долгому моему размышленію... я пришелъ къ серьезно-душевному убѣжденію, что зло внѣшнее, видимое нами, мы не должны презирать и ненавидѣть, потому что міръ, въ своей совокупности, есть разнообразная взаимо-школа. И все то, что существуетъ, создано во

---

[1]) Изъ письма къ духоборцамъ большой партіи отъ 6 марта 1888 г.

[2]) Изъ письма ко всѣмъ духоборцамъ большой партіи, отъ 3 марта 1897 г., с. Обдорскъ.

[3]) Изъ письма къ духоборцамъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ, отъ 18 марта 1897 г., с. Обдорскъ.

Digitized by Google

благо...“ [1]) и что „зло внѣшнее существуетъ не безполезно; смотря на него, мы можемъ поучаться быть добрыми. Зло есть спутникъ добра, какъ ночь дня“ [2]). „Зло есть частичка необходимаго въ мірѣ“ [3]),—пишетъ П. В. Веригинъ,—а такъ какъ оно необходимо и такъ какъ „въ силу міровыхъ законовъ мы должны пользоваться тѣмъ, что есть“ [4]), то невольно является вопросъ, какую же пользу можетъ принесть „зло“ человѣку?

Петръ Васильевичъ отвѣчаетъ на это такъ: „Если бы зло могло насиловать нашу волю, тогда, конечно, было бы несправедливо, а если оно служитъ только картиной для наглядности, мы не можемъ поступать, какъ намъ желательно, то есть быть добрыми или злыми, мы видимъ, что совершенно это можетъ зависѣть отъ насъ... Если же иногда насъ силой заставляютъ быть злыми, то это ни болѣе, ни менѣе есть то, какъ только испытаніе: что дѣйствительно ли мы желаемъ быть добрыми. И въ результатѣ должны быть благодарными за то, что надъ нами работаютъ“ [5]).

Разсматривая вопросъ „добра и зла“, П. В. Веригинъ стремится и здѣсь оцѣнить все съ точки зрѣнія „не насилія“ надъ другой личностью, съ точки зрѣнія „полной свободы“ „всѣхъ живущихъ въ мірѣ“.

„Сейчасъ во мнѣ происходитъ, — пишетъ онъ И. Е. Конкину,—серьезная борьба въ разумѣ, въ мысли, что долженъ ли я осуждать людей или нѣтъ. Перевѣсъ беретъ, что *не долженъ*. Но тогда, мнѣ кажется, человѣкъ утратитъ критическій разсудокъ, то есть не будетъ сознавать, что худо и что хорошо. Для того человѣка будетъ казаться все хорошимъ. Оно такъ и должно быть, и масса есть примѣровъ въ жизни людей,—подъ формой юродства, блаженства или святости. Истинно святой, смиренный сердцемъ человѣкъ—все предоставляетъ волѣ Господа Бога, а такъ какъ Господь Богъ благъ, то и человѣкъ, желающій стать совершеннымъ, святымъ, начинаетъ держаться абсолютной благости, и отъ времени забывается, устраняется совершенно изъ сердца зло, отсюдова и получается блаженство и названіе „блаженнаго“ [6]).

Но если нельзя „осуждать“, критиковать поступки людей, то что же нужно дѣлать, чтобы не „утратить критическій разсудокъ“, чтобы знать, что̀ хорошо, что̀ дурно.

---

[1]) Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 6 августа, 1895 г., с. Обдорскъ.

[2]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

[3]) Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 6 августа, 1895 г., с. Обдорскъ.

[4]) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 8 февраля, 1896 г., с. Обдорскъ.

[5]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

[6]) Изъ письма къ И. Е. Конкину отъ 14 мая, 1897 г., с. Обдорскъ.

Digitized by Google

На этотъ коренной вопросъ П. В. Веригинъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ своемъ къ И. Е. Конкину, отъ 12 января 1896 г., изъ с. Обдорска:

„Если чтить что-либо, надо стараться пріобрѣсти идеалъ въ душѣ своей и носить, т. е. жить съ нимъ постоянно, а не осуществлять подъ условнымъ назначеніемъ числа [1]). Въ старину, до Христа, большая часть людей дѣйствительно такъ и понимала о празднествахъ или какихъ бы то ни было торжествахъ, или вообще о своихъ дѣяніяхъ. Помните, когда приговорили Сократа къ смерти, то приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе немедленно, потому что „въ это самое время изъ Аѳинъ отправлялся корабль „священный", и, пока онъ не возвращался, нельзя было проливать крови". Какъ будто неодинаково, совершить ли нехорошее дѣло въ среду ли, или въ понедѣльникъ, или при уходѣ, или при возвратѣ какого либо судна.

Господь Христосъ упростилъ міровоззрѣніе человѣка вообще, и теперь мы ясно понимаемъ, что дѣлать что-либо худое нехорошо въ какой бы то ни было день, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ. И въ самомъ дѣлѣ, если мы уже считаемъ преступнымъ убивать человѣка, то позволительно ли думать, если я убиваю въ воскресенье—я дѣлаю преступленіе, если же въ среду — то нѣтъ. Или: если человѣкъ набуянитъ, накаверзитъ рѣзко въ кабакѣ, — это ничего, если же человѣкъ учинитъ скандалъ въ церкви—за это онъ долженъ строго отвѣчать! Мы судимъ дѣло по мѣстонахожденію, но это остатокъ старины, древнихъ языческихъ умозаключеній. Если въ насъ есть сознаніе, что дѣлать худое дѣло вообще нехорошо, то и дни должны быть равны, потому что святость дней должна перейти въ сердце человѣка.

Намъ свойственно думать такъ: если повѣсить или наказать разбойника — это ничего, даже иногда и слѣдуетъ такъ поступить, мы говоримъ. Если же разстрѣлять святого человѣка— это грѣхъ и даже большой. Въ этомъ крупная ошибка человѣчества. Я думаю, что люди, которые распяли Христа, не за то должны отвѣчать передъ своею совѣстью, что убили святого человѣка, а вообще, какъ за убійство. И Христосъ, по отношенію дѣянія людей, равенъ разбойникамъ, которые распяты съ Нимъ. Важно дѣло, а не предметъ, надъ которымъ оно практикуется. Ухаживаете вы за больнымъ человѣкомъ или за болѣзненнымъ деревцемъ, все равно, потому что ваши чувства нахо-

---

[1]) Письмо это П. В. Веригинъ написалъ въ отвѣтъ на поздравленіе И. Е. Конкина съ днемъ архангела Михаила. „Дни, я думаю,—пишетъ П. В.,—равны у Господа Бога, какъ 8-ое ноября, а также 9-ое, 10-ое и 11-ое".

Читателямъ теперь ясно, почему Веригинъ отрицательно упоминаетъ здѣсь „условное назначеніе числа". *Прим. В. О.*

Digitized by Google

дятся въ степени *состраданія*. Въ особенности же лишать жизни, въ существованіи которой не быть участникомъ, неразумно, хотя бы пришлось лишать жизни и вреднаго, по нашему мнѣнію, животнаго. Помните женщину, которую привели фарисеи предъ Спасителемъ. Христосъ сказалъ: „брось въ нее камень человѣкъ, который не подверженъ грѣху". Послѣ разошедшихся фарисеевъ Іисусъ, обратившись къ женщинѣ, сказалъ: „иди и впредь не грѣши, и Я тебя не осуждаю".

Какой великій примѣръ для насъ, грѣшныхъ. Если человѣкъ который принесъ истину въ нашъ бренный міръ, *не смѣлъ* осуждать, а предоставлялъ волѣ совѣсти, волѣ судебъ, т. е. Отцу-Богу, то, тѣмъ паче, мы ни въ какомъ случаѣ этого дѣлать не должны. Да хранитъ насъ Господь-Богъ милосердія. Дни же, о которыхъ я завелъ рѣчь, будемъ считать равными во славу Бога-Отца, который создалъ воскресенье, понедѣльникъ и всѣ остальные...

А также и мѣста—да будутъ всѣ для насъ равны, потому что вѣдь извѣстно „не мѣсто освящаетъ человѣка, а человѣкъ мѣсто". „Суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы".

Въ другомъ своемъ письмѣ П. В. Веригинъ, выходя изъ той же точки зрѣнія „не насилія" надъ личностью, задается вопросомъ о свободѣ „себя отъ самого себя". Зная по опыту своихъ братьевъ, онъ возстаетъ противъ того ходячаго мнѣнія, что „самосовершенствоваться" можно и нужно „во что бы то ни стало"; онъ разсматриваетъ такое „усиленное желаніе" какъ „насиліе" надъ самимъ собой. И онъ признаетъ такое состояніе только „отчасти позволительнымъ".

„Усиленное желаніе достичь какого-либо совершенства тоже можно считать за насиліе, но здѣсь человѣкъ насилуетъ лично самого себя, и это отчасти позволительно, потому Господь Богъ даровалъ намъ жизнь въ собственное владѣніе; я могу вполнѣ распорядиться самимъ собой; но людьми, хоть бы и дѣтьми, распоряжаться и навязывать имъ какія-либо нравоученія я не долженъ. Господь Богъ въ силѣ управить всѣмъ существующимъ.

Если мы и сейчасъ держимся партійности и желаемъ большаго количества перехода людей на сторону нашихъ убѣжденій,— это остатокъ старыхъ предразсудковъ. Я могу излагать свои убѣжденія передъ людьми, или, вѣрнѣе, жить такъ, какъ я хочу, но усваивать мои убѣжденія надо вполнѣ предоставить волѣ людей. Быть недовольнымъ на людей (повторяю, хотя бы и на дѣтей), что они не живутъ такъ, какъ я желаю, совершенно не надо. Это самое главное—надо бы *мнѣ* побороть такую эгоистически себялюбивую мысль, а остальное все устроится само по

Digitized by Google

себѣ. За внѣшній міръ, за людей я не буду отвѣчать, свои же поступки я долженъ строго провѣрять" [1]).

Для *личной* жизни человѣка, по понятіямъ котораго „на землѣ все есть созданіе Господа Бога", и, слѣдовательно, „въ мірѣ ненавидѣть нельзя ничего, кромѣ нехорошихъ поступковъ" [2]) — необходимо твердо знать, что́ нужно ему дѣлать и отъ чего воздерживаться.

„Узнавать, что хорошо, что дурно, намъ даны совѣсть и разумъ, только надо быть строго внимательнымъ ко своимъ дѣламъ" [3]). И такъ какъ „жизнь дана для радости, а не для борьбы какъ мы думаемъ" [4]), то „мы должны сожалѣть. А сожалѣніе, есть состраданіе; состраданіе же заставляетъ любить, помогать, и пока мы будемъ ненавидѣть зло въ людяхъ, до тѣхъ поръ мы сами злы" [5]). Для того же, чтобы избавиться отъ личной „злости" и, наоборотъ, пріобрѣсть ровность и мягкость характера, для того необходимо личное нравственное совершенствованіе, необходима работа надъ собой, надъ своими страстями и, прежде всего, „самой главной необходимостью, — пишетъ П. В. Веригинъ,—считаю усвоить духъ Христа, духъ мира и любви" [6]). А такъ какъ „...жизнь человѣка равна искусству, мастерству, которое заключается не въ томъ, что сколько сдѣлать по количеству и величинѣ, а въ томъ, какъ сдѣлать лучше и красивѣе" [7]), то для того, чтобы „сдѣлать жизнь какъ лучше и красивѣе", человѣку послѣ усвоенія „духа мира и любви", необходимо дать себѣ отчетъ, какъ онъ долженъ жить. „Главною основой жизни христіанина можно считать то, чтобы быть добрымъ и постояннымъ, то есть чтобы не озлобляться и не унывать,— это свойства божественнаго Духа." [8]). „При стремленіи войти въ законную истинную жизнь для насъ необходимъ тѣлесный трудъ и воздержаніе въ пищѣ".

Тѣлесному труду П. В. Веригинъ придаетъ огромное значеніе.

Въ письмѣ къ И. Е. Конкину (отъ 16 іюля 1897 г., изъ с. Обдорска) онъ пишетъ:

„Кстати я считаю умѣстнымъ поговорить о томъ, что какое

---

[1]) Изъ письма къ И. Е. Конкину, отъ 14 мая, 1897 г., с. Обдорскъ.

[2]) Изъ письма ко всѣмъ братьямъ и сестрамъ, отъ 30 мая 1895 г., изъ с. Обдорска.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 12 декабря, 1895 г., изъ с. Обдорска.

[5]) Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 6 августа, 1895 г., изъ с. Обдорска.

[6]) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 23 декабря, 1896 г., изъ с. Обдорска.

[7]) Изъ письма къ духоборцамъ, заключеннымъ въ Казахской темницѣ, отъ 4 декабря 1896 г., с. Обдорскъ.

[8]) Изъ письма къ родителямъ, отъ 6 марта, 1896 г., с. Обдорскъ.

Digitized by Google

большое имѣетъ значеніе, чтобъ каждому-бы человѣку зарабатывать самому себѣ насущный хлѣбъ. Въ особенности же я думаю про себя, но сколько ни стараюсь, не могу совершенно жить на собственные труды, т. е. привычка къ роскоши беретъ верхъ надъ умѣренностью, и это тѣмъ болѣе печально, что мы *будто бы* очень умны и имѣемъ великія познанія. Не отрицая духовнаго богатства, т. е. знанія въ человѣкѣ, я прихожу къ заключенію, что онъ долженъ все-таки собственными физическими силами зарабатывать пропитаніе, а не торговать—промѣнивать какъ бы духовный хлѣбъ на тѣлесный („даромъ получили, даромъ и давайте"). Притомъ физическій трудъ очень полезенъ и благодѣтельно отражается даже на здоровьѣ души" [1]).

Пищѣ П. В. Веригинъ придаетъ также очень большое значеніе, потому что „ненормальное питаніе много причиняетъ намъ вреда. Отъ неправильнаго питанія организмъ приходитъ въ неестественное состояніе, и вмѣсто того, чтобы человѣку, „созерцая, совершенствоваться духовно", онъ долженъ употреблять труды на борьбу съ тѣломъ, которое самъ же сдѣлалъ своимъ врагомъ" [2]).

„Качеству" питанія Петръ Васильевичъ придаетъ большое значеніе. Прежде всего онъ признаетъ, что питаніе мясомъ дѣйствуетъ на человѣка крайне развращающе.

„Кровожаднымъ звѣрямъ,—пишетъ онъ,—не нужно завидовать; ихъ участь не особенно выгодна" [3]). „Человѣкъ... совершенно неестественно себя причислилъ къ разряду хищныхъ звѣрей, тогда какъ онъ могъ быть живъ и не питаясь мясомъ" [4]).

„Извѣстно, что всѣ животныя, питающіяся мясомъ, злы. Имѣя такой примѣръ, я не долженъ употреблять мяса, чтобы не быть

---

[1]) Читателю, можетъ быть, покажется страннымъ, какъ это такъ, прославленные „исконные хлѣбопашцы", занимавшіеся всегда „хлѣбнымъ трудомъ", духоборцы должны выслушивать такія, казалось бы, совершенно лишнія нравоученія о необходимости физическаго труда. Эта черта въ письмахъ П. В. очень характерна. Она ясно указываетъ намъ, что въ закавказской духоборческой общинѣ до переселенія въ Канаду, глубоко уже проникло дѣленіе населенія на трудящихся и нетрудящихся. На самомъ дѣлѣ, въ общинѣ создалось обыденное дѣленіе на хозяевъ и работниковъ. Одни духоборцы эксплуатировали другихъ, нанимая ихъ къ себѣ въ услуженіе. Такія же аристократическія фамиліи среди духоборцевъ, какъ Веригины, Калмыковы, Зубковы, Конкины жили зажиточными фермерами-крестьянами, вели широкую торговлю скотомъ, хлѣбомъ и пр. и были совершенно удалены отъ всякой обыденной крестьянской работы. Имъ пришлось вновь пріучаться къ „хлѣбному труду", послѣ того какъ они перешли на „новый путь". Вотъ почему П. В. Веригину — этому крестьянину по происхожденію,—пришлось много говорить о „физическомъ" трудѣ. *Прим. В. О.*

[2]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

[3]) Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 12 декабря, 1895 г., с. Обдорскъ.

[4]) Тамъ-же.

Digitized by Google

злымъ“ [1]). А „если мы будемъ любить все окружающее, то и сами будемъ любимы—это законъ природы, законъ Бога, только надо любить искренно, душевно, а не наружно“ [2]).

Вообще говоря, „надо бы поддерживать существованіе тѣла для жизни духа, мы же дѣлаемъ наоборотъ: поддерживаемъ духъ для жизни тѣла. Въ крайнемъ афоризмѣ это можно выразить такъ: надо бы ѣсть для того, чтобы жить, мы же живемъ для того, чтобы ѣсть“ [3]). „Самое же важное, надо достичь того, чтобы духъ управлялъ плотью, а не плоть духомъ, какъ мы живемъ“ [4]).

Но ввиду того, что изъ этого его взгляда, который онъ постарался пересадить въ среду своихъ приверженцевъ, сейчасъ же его ученики сдѣлали самые крайніе выводы, а изъ-за вопроса, кто ѣстъ или не ѣстъ мяса, возникли ссоры, раздоры, сильнѣйшія недоразумѣнія, то, чтобы устранить элементы „нравственнаго насилія“, Петръ Васильевичъ, взявъ для примѣра одинъ изъ близко ему извѣстныхъ такихъ случаевъ, писалъ своему другу И. Е. Конкину [5]):

„Что если есть желаніе кушать какую либо пищу, не надо нисколько стѣснять, а предоставить полную свободу.—Да и вообще, если мы оставили кушать мясное, надо смотрѣть, какъ на совѣстное желаніе каждаго человѣка, потому что главная основа въ безубойномъ питаніи *воздержаніе* и доказательство кротости человѣка, если онъ не убиваетъ живую тварь для насыщенія желудка, и, слѣдовательно, если весь міръ будетъ воздерживаться и не убивать, а я буду золъ и заботиться о мамонѣ исключительно, то пользы для меня будетъ очень мало черезъ тѣхъ людей, которые воздерживаются. И, наоборотъ, мое воздержаніе нисколько не принесетъ пользы, если люди сами не проведутъ въ свою собственную жизнь что-либо разумно-полезное. Все же разумное не проводится, не должно проводиться насиліемъ со стороны“ [6]).

Настойчиво проповѣдуя умѣренность въ пищѣ, а также и вообще уменьшеніе потребностей, Петръ Васильевичъ, кромѣ всѣхъ этическихъ причинъ, находитъ, что „отъ воздержанія

---

[1]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ

[2]) Изъ письма къ разселеннымъ духоборцамъ, отъ 5 января, 1896 г. изъ с. Обдорска.

[3]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., изъ с. Обдорска.

[4]) Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 12 декабря, 1895 г., изъ с. Обдорска.

[5]) Надо имѣть ввиду, что письма П. В. Веригина, кѣмъ бы они ни были получены изъ духоборцевъ, немедленно переписывались во многихъ экземплярахъ и широко распространялись среди всѣхъ духоборцевъ. *Прим. В. О.*

[6]) Изъ письма къ И. Е. Конкину отъ, 14 мая, 1897 г., с. Обдорскъ.

Digitized by Google

сохраняется большая экономія, и хлѣбъ насущный самъ по себѣ явится въ томъ домѣ, гдѣ водворится воздержаніе" [1]).

Несмотря, однако, на такое стремленіе къ ограниченію „плоти" П. В. Веригинъ отнюдь не ратуетъ за аскетизмъ; наоборотъ, онъ опредѣленно говоритъ, что „тѣло наше, по моему разумѣнію, не для того намъ дано, чтобы мы вели съ нимъ вѣчную борьбу, или оно вводило бы душу нашу въ соблазнъ" [2]), а потому „насиловать тѣло искусственно, какъ то: носить тяжести, имѣть „вериги" и тому подобное считаю совершенно незаконнымъ" [3]). Наоборотъ, „мы должны любить „совершенствовать" и тѣло, но не столько, чтобы покладать въ немъ основу жизни" [4]). И хотя „...тѣлесныя узы" [5]) возвышаютъ духъ, черезъ терпѣніе" [6]), не надо все-таки помнить, что „воспринимать гуманныя идеи нужна бодрость и гибкость ума. Умъ же зависитъ,—какъ извѣстно,—отъ здоровья всего организма" [7]). Въ особенности „много значитъ воспитаніе тѣлесное. При рощеніи дѣтей, полагаю, нормальное воспитаніе, тѣлесное, то есть питаніе, больше имѣетъ значенія, чѣмъ духовное. Разумъ самъ разовьется подъ впечатлѣніемъ всего, видимаго" [8]).

Вообще для жизни,—по мнѣнію П. В. Веригина—„одной нравственно-моральной проповѣди недостаточно, потому что наша моральная система сопряжена съ вещественной, то есть потому, что духъ соединенъ съ плотью, душа наша облечена во плоть" [9]).

Но такъ какъ „труду есть причина наша ѣда, и наоборотъ: ѣда есть причина труда,—въ особенности усиленной физической дѣятельности" [10]), то, спрашивается, долженъ ли трудъ, какъ таковой, лечь въ основу жизни человѣка, или въ основу жизни человѣка должно лечь что-либо другое, а трудъ явится только вспомогательнымъ средствомъ для совершенствованія личности?

Петръ Васильевичъ говоритъ по этому вопросу такъ: „хотя я и сказалъ, что при духовномъ совершенствованіи необходимы спутники,—трудъ и воздержаніе,—но въ основу жизни человѣка я не ставлю трудъ. Причина труду есть наша потребность. Чѣмъ больше мы будемъ ѣсть и изнашивать одежды, тѣмъ мы должны будемъ больше работать и наоборотъ. Трудъ необходимъ и для

---

[1]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.
[2]) Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 12 декабря, 1895 г., с. Обдорскъ.
[3]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.
[4]) Тамъ-же.
[5]) Т. е. страданія въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ и пр. *Прим. В. О.*
[6]) Изъ письма къ родителямъ, отъ 22 ноября, 1895 г., с.. Обдорскъ.
[7]) Изъ письма къ П. И. Вирюкову отъ 10 декабря, 1896 г., с. Обдорскъ.
[8]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.
[9]) Тамъ-же.
[10]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 10 января, 1896 г., изъ с. Обдорска.

Digitized by Google

того, чтобы убивать силу-бодрость тѣла, но если вы будете мало ѣсть, само по себѣ у васъ не будетъ лишней силы и бодрости. Если бы возможно,—а это возможно,—воспитать дитя совершенно законно, то тому человѣку и въ зрѣломъ возрастѣ можно бы свободно обходиться безъ труда, чтобы жить человѣчно" [1]).

„Историческое преданіе, что человѣку суждено: „онъ долженъ доставать хлѣбъ въ потѣ лица своего", можно считать достовѣрнымъ. Произошло это естественно. Человѣкъ утратилъ состояніе положенія „гостя", возмечталъ стать хозяиномъ на землѣ; отъ этого родился страхъ отвѣтственности за свою личную сохранность. Онъ сталъ усиленно заботиться о своей жизни и власти, чтобы удержать ихъ. Измучился и, увидавъ тщету своихъ заботъ,—мы и видимъ, что тѣлесная жизнь и власть не постоянны,—онъ пришелъ въ раскаяніе, и тогда родился человѣкъ, который провозгласилъ, „что не однимъ хлѣбомъ можетъ быть живъ человѣкъ". Этимъ призывомъ Христосъ освобождалъ человѣка отъ рабства физическаго неестественнаго труда, какъ вола отъ ярма, и соединялъ его съ Богомъ, то есть чтобы человѣкъ довѣрялся законамъ природы и сталъ на прежнее состояніе „гостя", столъ же съ явствами для него будетъ ниспосылаемъ отъ хозяина" [2]).

„... Человѣку не нужно дѣлать, а только созерцать, любоваться существующимъ. Что мы находимся и подвержены болѣе физической дѣйствительности,—во грѣхѣ родила меня мать моя,—это фактъ, но мы должны постепенно выходить изъ прежняго до-Христа-родства и строго принять къ свѣдѣнію первый призывъ Спасителя: „оставьте сѣти и слѣдуйте за мной, я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ". Изъ этого ясно вытекаетъ то, что люди постепенно, если желаютъ сдѣлаться христіанами,—а мы должны дѣлаться христіанами,—должны оставлять физическій трудъ и идти благовѣствовать Евангеліе, то есть Христа. „Возьми крестъ свой и слѣдуй за мной", а слѣдовать за Христомъ,—надо жить такъ, какъ онъ жилъ, а мы видимъ, что Христосъ физически ничего не работалъ, а также и апостолы [3]).

„Развитія постепеннаго вообще я не отрицаю, но думаю, что если бы человѣчество, вмѣсто внѣшней стороны развитія употребило бы или вѣрнѣе издержало бы хоть половину силъ своихъ на духовное совершенствованіе, то было бы гораздо счастливѣе, чѣмъ оно сейчасъ есть. Совершенствуясь же внѣшне, украшая себя наружно, мы духовный міръ оставляемъ безъ вниманія.

---

[1]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

Digitized by Google

Человѣкъ, по моему мнѣнію, призванъ, созданъ на духовную жизнь—совершенствованіе"... [1])

Свою теорію „уменьшенія потребностей" и стремленія къ естественному, опрощенному, образу жизни П. В. Веригинъ формулируетъ такъ:

„Въ моей теоріи, то есть разумѣніи, порядокъ существующаго сложился бы такъ: либо оставляя постепенно, одинъ за другимъ работать физически,—пошли бы и стали проповѣдывать миръ и благоволеніе, которое сопряжено съ воздержаніемъ. Хлѣба и такъ много, только надо сокращать жадность. Земля, освобождаясь отъ насилія человѣческихъ рукъ, стала бы пополняться всѣмъ тѣмъ, что ей положено *предѣлами*. Я не представляю даже бѣдствій человѣчества, если бы оно и поддалось такой теоріи, потому что, питаясь умѣренно, человѣчеству всего съѣсть того, что уже есть на лицо, хватило бы на сто лѣтъ; за сто же лѣтъ земля бы успѣла совершенно одѣться и прійти въ первобытное состояніе. И человѣчество вмѣстѣ съ духовнымъ ростомъ, который утратили Адамъ и Ева, получило бы естественный земной рай" [2]).

Доводя это отрицаніе современной цивилизаціи до конца, Петръ Васильевичъ пишетъ, что „... къ наготѣ тѣлесной,—духовная нагота куда печальнѣй, — постепенно люди тоже привыкли бы" [3]), потому что „человѣкъ, какъ атомъ въ личной жизни, долженъ бы быть подверженъ общей гармоніи мірозданія, но почему-то не хочетъ поддаваться ея покровительству" [4]).

Когда Петру Васильевичу говорятъ, что своей теоріей онъ хочетъ разрушить всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя человѣчествомъ за долгій періодъ жизни, то онъ отвѣчаетъ: „что человѣкъ не для физической дѣятельности созданъ, а для духовной" [5]) и что онъ держится „такого девиза: „прежде чѣмъ приносить пользу, не нужно дѣлать вреда", а также, „прежде чѣмъ помогать, не нужно обирать" [6]).

Имѣя такіе взгляды на жизнь, П. В. Веригинъ относится совершенно отрицательно къ государству и частной собственности. „Соглашаться на всѣ требованія кесаревской „организаціи" значитъ участвовать въ ихъ дѣлахъ, а дѣла, мы видимъ, ихъ нехороши. Деньги мы считаемъ обязанными себя отдавать имъ, сколько бы они ни потребовали, потому что это значки, выдуманные ими" [7]).

---

[1]) Тамъ-же.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Изъ письма къ И. М. Трегубову отъ 3 февраля, 1896 г., с. Обдорскъ
[5]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.
[6]) Тамъ-же.
[7]) Тамъ-же.

Digitized by Google

Относительно же частной собственности онъ говоритъ: „Богатства копить, я думаю, излишній трудъ: вѣдь и такъ все видимое почти что принадлежитъ человѣку; стараться же забирать все въ однѣ руки—неразумно“ [1]). „А что люди, по жадности, забираютъ его (хлѣбъ) въ однѣ руки и называютъ своимъ, это насъ также не должно смущать: все имѣющееся принадлежитъ Богу, какъ и мы, и тѣ, которые имѣютъ хлѣбъ, слѣдовательно, и пользоваться хлѣбомъ, хотя и мнимо чужимъ, не предосудительно [2]).

Такъ какъ, „свободные“ взгляды Петра Васильевича должны постоянно приходить въ столкновеніе съ существующимъ строемъ жизни, и такъ какъ эти столкновенія должны чѣмъ-либо разрѣшаться, то онъ и рекомендуетъ, не подчиняясь ни одному требованію правительства, противному совѣсти, однако не мѣшать правителямъ дѣлать свое „дѣло насилія“. Этотъ свой совѣтъ П. В. Веригинъ основываетъ на томъ, что онъ глубоко вѣритъ что сила любви, сила правды и истины, сила стойкаго неисполненія того, что противъ совѣсти, въ концѣ концовъ, сломитъ грубую, физическую силу, и люди, не желая быть врагами себѣ, самимъ,—перекуютъ мечи на орала и заживутъ братской жизнью. Вотъ почему „можно доказывать справедливость со смиреніемъ на словахъ, а рукамъ злой воли не давать, иначе это выйдетъ настоящая война, пока сильнѣйшій тѣломъ не побѣдитъ слабѣйшаго,—какъ оно и есть въ непросвѣщенномъ мірѣ. Сила же духовная, Божья, показывается въ смиреніи и кротости человѣка“ [3]).

„Иногда мы думаемъ,—говоритъ также П. В. Веригинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—что, притѣсняя людей нехорошихъ, мы думаемъ, что дѣлаемъ угодное Богу доброе дѣло, то есть не даемъ имъ дѣлать худого дѣла. Въ этомъ большая наша ошибка, потому что мы должны понять, что жизнь человѣка заключается не въ томъ, чтобы устанавливать законъ и правило, а въ томъ, чтобы исполнить законъ Бога. А законъ Бога повелѣваетъ любить враговъ своихъ, а не препятствовать имъ“ [4]). „Ропотъ же и безпокойство за матеріальное благополучіе я считаю уже большимъ соблазномъ и упущеніемъ для души“ [5]). Важно то, чтобы безъ ропота переносить укоризны за истину. Но важнѣе и то: чтобы, хотя и страдать, то надо за истину“ [6]).

---

[1]) Изъ письма къ разселеннымъ духоборцамъ, отъ 5 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

[2]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

[3]) Изъ письма ко всѣмъ духоборцамъ большой партіи, отъ 4 декабря, 1896 г., с. Обдорскъ.

[4]) Изъ письма къ духоборцамъ, заключеннымъ въ Казакской темницѣ, отъ 4 декабря, 1896 г., с. Обдорскъ.

[5]) Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 8 января 1896 г., с. Обдорскъ.

[6]) Тамъ-же.

Digitized by Google

Отрицая полезность современной цивилизаціи, П. В. Веригинъ подвергаетъ своей критикѣ также „грамотность“ и „образованность“. И въ томъ, и другомъ онъ находитъ много того, что не только не вызываетъ у него никакого сочувствія, но, наоборотъ, поднимаетъ сильнѣйшій протестъ.

„Образованность,—пишетъ онъ,—усваивается для эксплуатаціи и произвола. Возражая мнѣ, универсантъ входилъ въ экстазъ: „Помилуйте, говоритъ, вѣдь я сколько истратилъ на свое воспитаніе и образованіе?!“—Какъ видите, „образованность“ настолько глупа, что даже не замѣчаетъ, что она существуетъ на простонародныя средства, то есть труды“ [1]). Въ этомъ же письмѣ онъ пишетъ: „... „образованный“ человѣкъ неправильно поступаетъ, эксплуатируя трудъ „неграмотнаго“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ по этому же поводу онъ пишетъ: „...Если мы кичимся разумностью органическою, то есть образованностью, то вѣдь мы ее получили на родовыя средства и неразумно полагать, что образованность пріобрѣтается для эксплуатаціи“ [3]).

„Грамотность“ и „образованность“ являются орудіемъ эксплуатаціи трудящихся массъ,—вотъ почему, по преимуществу, Петръ Васильевичъ отрицаетъ и то, и другое. Это отрицаніе вполнѣ естественно вытекаетъ не только изъ всего хода развитія теоретической мысли П. В. Веригина, но и изъ того жизненнаго опыта, который онъ пріобрѣлъ во время свой скитальческой жизни. Видя, какъ повсюду „грамотное“ и „образованное“ чиновничество обираетъ народъ, зная, какое огромное общественное зло несутъ съ собой „грамотные“ и „образованные“ различные миссіонеры съ ихъ церковно-приходскими школами; часто наблюдая то ужасное, растлѣвающее вліяніе „грамотности“, полученной крестьянами въ военныхъ полковыхъ школахъ, съ ихъ пресловутой „словесностью“, включающей въ себя такое отвратительное произведеніе, какъ извѣстная „солдатская памятка“,—зная и видя все это, Петръ Васильевичъ рѣшительно умозаключаетъ: Наука—грамотность въ частности, можно сказать, только тормозитъ развитіе человѣка, развитіе знанія истины“ [4]).

„Да это почти провѣренный мною взглядъ,—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, — что лучше бы было, если-бы не было грамотности“ [5]).

Кромѣ всего этого, П. В. Веригину кажется, что грамотность не совсѣмъ полезна и при отысканіи истины, смысла жизни.

---

[1]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 26 марта, 1896 г., с. Обдорскъ.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Изъ письма къ Н. Т.Изюмченко, отъ 10 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

[4]) Изъ письма къ И. Т. Трегубову, отъ 3 февраля, 1896 г., с. Обдорскъ.

[5]) Тамъ-же.

Digitized by Google

„Въ такомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—какъ исканіе истины, не слѣдуетъ довѣряться книгѣ. Каждая книга не совершенна“ [1]). И хотя „книги много помогаютъ въ разрѣшеніи вопросовъ, но также иногда и много затрудняютъ. Тогда какъ вашъ собственный голосъ призыва никогда васъ не обманетъ, лишь бы ваши желанія были искренни, то есть чтобы полностью присутствовала душа. И если замѣчаются колебанія, не нужно начинать дѣйствовать“ [2]).

П. В. Веригинъ не соглашается также и съ тѣмъ, какъ многіе утверждаютъ, „что грамотность служитъ важнымъ пособникомъ въ развитіи нравственнаго и умственнаго хода человѣка, по моему мнѣнію, это ошибочно. Вспомните, сколько было нравственно-разумныхъ людей совершенно неграмотныхъ, да можетъ сейчасъ есть нѣсколько милліоновъ: наоборотъ, всмотритесь въ грамотный людъ, и безъ пристрастія можно сказать, что очень и очень громадный процентъ изъ нихъ мошенники и шулера“ [3]).

Однимъ словомъ, современную грамоту „для народа“ П. В. Веригинъ ставитъ ниже „живого слова“, онъ предпочитаетъ устную, свободную пропаганду: „Получаете ли вы изъ „Посредника“ книжки?—спрашиваетъ онъ своего друга И. Е. Конкина.—Въ перепискѣ со знакомыми я отстаиваю преимущество *живого слова* надъ мертвой книгой. Ев. Ив. и П. И. Бирюковъ—редакторъ „Посредника“—какъ бы соглашаются со мной; Левъ же Николаевичъ и Ив. Мих. говорятъ, что грамотность не мѣшаетъ. Дѣло въ томъ, что средства, посредствомъ которыхъ воспроизводится грамотность, поглощаютъ много расходовъ, а, слѣдовательно, и излишняго труда. Я полагаю, самое важное: примѣръ доброй и справедливой жизни, что возможно достичь неграмотному. Изъ живущихъ же праздно и безнравственно—большая часть грамотныхъ людей [4]).

Но изъ этого отрицательнаго отношенія къ современной постановкѣ образованія, дающей „грамотность“ по преимуществу въ руки эксплуататоровъ, вовсе не слѣдуетъ дѣлать того заключенія, что П. В. Веригинъ совершенно не признаетъ пользы отъ книгъ, грамотности и образованія. Наоборотъ, всему этому онъ придаетъ большое значеніе, но, повторяемъ, онъ совершенно отрицаетъ современную постановку этого дѣла, въ особенности народную школу.

„Я хотя и противъ грамотности,—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—но грамотность я считаю, какъ часть цивилизаціи, которую, то есть цивилизацію, какъ она сейчасъ

---

[1]) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 5 августа, 1895 г. с. Обдорскъ.
[2]) Тамъ-же
[3]) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 12 Декабря. 1895 г. с. Обдорскъ.
[4]) Изъ письма къ И. Е. Конкину, отъ 16 іюня, 1897 г., с. Обдорскъ.

Digitized by Google

есть,—я считаю незаконной, въ томъ числѣ, конечно, и грамотность. Но лично противъ грамотности я ничего не имѣю" [1]).

„Вы не примите такъ, что я не признаю книгъ" [2]),—спѣшитъ въ одномъ изъ своихъ писемъ прибавить Петръ Васильевичъ послѣ того, какъ онъ много распространялся противъ „грамотности", существующей теперь у насъ для народа въ Россіи.

П. В. Веригинъ сталъ относиться къ „образованности" менѣе отрицательно. Это произошло несомнѣнно отчасти подъ вліяніемъ писемъ Л. Н. Толстого,—которыя мы привели уже выше,—а еще и потому, что Веригинъ, задумавшись надъ этимъ вопросомъ для своей общины, переселившейся въ Канаду, пришелъ къ заключенію, что въ свободной странѣ, гдѣ нѣтъ такого доминирующаго и несомнѣнно пагубнаго вліянія на народное образованіе священства господствующей церкви, гдѣ можно поставить школу вполнѣ свободно и разумно, „грамотность" и образованіе не только полезны, но и необходимы.

„Если..... выселятъ насъ куда-либо въ одно мѣсто,— пишетъ онъ,—то я начинаю уже представлять...возможную жизнь. Мы ее начали бы, съ помощью Бога, на совершенно общинныхъ братскихъ основаніяхъ. Устроили бы школы грамотности, постарались бы установить правильное отношеніе къ землѣ по отдѣлу сельскаго хозяйства и тому подобное" [3]).

Въ другомъ письмѣ онъ высказывается болѣе рѣшительно: „Мнѣ пишутъ, что въ Америкѣ вообще обученіе грамотности обязательно. Это тѣмъ лучше, потому что простая грамотность необходима, какъ пособіе въ жизни: напримѣръ, чтобы умѣть прочитать и написать. Не надо понимать, что грамотность положительно просвѣтитъ человѣка, но, повторяю, она можетъ быть пособіемъ, и человѣкъ, читая книги, можетъ пріобрѣтать свѣдѣнія, а также мысль его вообще будетъ развиваться". И далѣе. „... Если нашимъ Богъ дастъ устроиться въ Америкѣ, то обученіе грамотѣ даже необходимо" [4]).

Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ къ духоборцамъ, поселившимся въ Канадѣ, П. В. Веригинъ пишетъ, что „можно молодымъ людямъ поступать на техническіе курсы" [5]).

* * *

Чтобы закончить нашъ обзоръ ученія П. В. Веригина, мы необходимо должны остановиться на его отношеніи къ *народу*

---

[1]) Изъ письма къ П. И. Бирюкову, отъ 10 декабря, 1895 г., с. Обдорскъ.

[2]) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 5 августа, 1895 г., с. Обдорскъ

[3]) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 23 декабря, 1896 г. с. Обдорскъ.

[4]) Изъ письма „ко всѣмъ духоборцамъ большой партіи" отъ 6 января, 1899 г., с. Обдорскъ.

[5]) Изъ письма къ духоборцу Пономареву, отъ 6 января, 1901 г., с. Обдорскъ.

Digitized by Google

городу и деревнѣ. Какъ истый сынъ земли, по происхожденію крестьянинъ, крупный скотоводъ и земледѣлецъ по всѣмъ своимъ привычкамъ и наклонностямъ, П. В. Веригинъ, столкнувшись съ городской цивилизаціей, конечно, долженъ былъ отнестись къ ней совершенно отрицательно. Будучи хорошимъ наблюдателемъ, онъ быстро схватилъ всѣ отрицательныя стороны города, а то, что есть въ немъ положительнаго, въ силу сложившихся обстоятельствъ, очевидно, узнать не могъ. Идя по этапу изъ Архангельской губ. въ Москву, ему пришлось наблюдать суровую, обездоленную и разоренную жизнь деревни. Въ Москвѣ его поразилъ ея внѣшній блескъ, и онъ немедленно заключилъ, что блескъ городовъ построенъ на бѣдности деревни. Такъ какъ Петру Васильевичу не пришлось самому подробно ознакомиться съ жизнью города, съ его страшной нуждой рабочаго населенія, подчасъ не уступающей, а иногда и превышающей бѣдность деревни; не пришлось увидѣть своими глазами эксплуатацію всей трудящейся массы городского населенія,—то, естественно, онъ и не могъ сдѣлать того общаго заключенія, что горе, бѣдность и несчастіе *всѣхъ* трудящихся людей, какъ города, такъ и деревни, покоятся на общей эксплуатаціи и притѣсненіяхъ тѣми, кто захватилъ въ свои руки власть и деньги, и что отъ нихъ одинаково плохо живется, какъ рабочимъ, такъ и крестьянамъ.

Взглядъ свой на городъ и деревню П. В. Веригинъ высказалъ въ письмѣ къ И. М. Трегубову. Вотъ что онъ писалъ:—„...Вотъ строенія, то есть деревня; многія избы наклонились на бокъ, въ нихъ еле-еле мерцаетъ огонекъ. Ихъ убогая обстановка и угрюмые ихъ обитатели: мужчины большею частью въ „портяныхъ“ рубахахъ, подвязаны пояскомъ; женщины въ такихъ же короткаго покроя юбкахъ; ихъ—этихъ жильцовъ—сыновья и дочери съ довѣрчивыми физіономіями. И все это молчаливо говоритъ: „мы обобраны, но мы терпимъ“. Даже лучина и та съ трескомъ высказываетъ свою грусть: „я не высушена, потому такъ тускло горю, а тутъ кто-то, какъ будто моя товарка, взяла наполовину отъ меня свѣта“.

„Вторая картина: Москва съ ея площадью, на которой снѣгъ; если онъ перебьется отъ быстрой и частой ѣзды въ пыль, его свозятъ и посыпаютъ „свѣжаго“. Эти гигантскіе, двухъ-трехъэтажные дома, говорящіе со смѣхомъ: „мы высоки и стройны за счетъ своихъ меньшихъ сестеръ—деревенскихъ избушекъ“. Люди, смѣющіеся и въ смѣхѣ своемъ выражающіе: „Посмотрите на насъ, мы обобрали своихъ братій, которыхъ вы видѣли въ деревнѣ, и безпечно радуемся. Значитъ мы умны“. Женщины также стараются показать свои черезчуръ пышныя и долгія платья, говорящія съ улыбкой: „что же особеннаго, если мы изъ обрѣзковъ юбокъ своихъ меньшихъ сестеръ—деревенскихъ бабъ—пошили себѣ долгія приличныя одежды, вѣдь надо же кому-нибудь и

Digitized by Google

покрасоваться". Даже газовые рожки на площади,—не говоря уже о люстрахъ въ домахъ, и тѣ говорятъ: „мы горимъ и такъ ярко пылаемъ за счетъ отобраннаго на половину свѣта отъ лучинъ" [1]).

Кромѣ этого обездоленія деревни городомъ, Петръ Васильевичъ вполнѣ присоединяется къ тому мнѣнію, что города развращаютъ пришлое крестьянское населеніе. Но въ способахъ помощи этому горю онъ совершенно разногласитъ съ тѣми, кто думаетъ исключительно моральной проповѣдью остановить это зло. Въ письмѣ къ И. М. Трегубову (отъ 3 февраля 1896 г.) онъ пишетъ: „... Въ газетѣ „Недѣля" была статья, что какъ города портятъ, то есть развращаютъ пришлую деревенскую молодежь. Охарактеризовано это очень и очень справедливо, но такія замѣчанія, я думаю, остаются голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, потому что сами по себѣ безнравственны. Меньшиковъ предлагаетъ совѣтъ „трактирнымъ" заведеніямъ или домамъ терпимости": „Вы обходитесь нравственнѣй".—Но возможно ли это?" [2]).

Не придавая, такимъ образомъ, почти никакого значенія моральному воздѣйствію на источники современнаго порока и зла, онъ все-таки задаетъ себѣ вопросъ: какъ же помочь народу, что нужно ему для возстановленія его силъ и возможности существованія? На эти вопросы онъ отвѣчаетъ въ своемъ письмѣ къ Л. Н. Толстому такъ: „Упадокъ духа или, вѣрнѣе, неразвитость духа въ народной жизни,—это безспорно самая коренная причина всѣхъ народныхъ бѣдствій, но упадокъ духа или ростъ его много зависитъ отъ матеріальной обстановки человѣческой жизни".

„Говоря о духовной помощи народу, я думаю, вы говорите объ освобожденіи народа вообще отъ вмѣшательства извнѣ кого-бы то-ни-было съ помощью" [3]).

И далѣе: „сейчасъ въ Россіи народъ жаждетъ не просвѣщенія, а *освобожденія*, въ широкомъ значеніи этого слова, освобожденія личности вообще отъ опеки человѣческой" [4]).

„Самое главное,—пишетъ онъ дальше,—надо по возможности, оставлять всѣ искусственно вырабатывающіяся просвѣтительскія „химеры", которыя сами живутъ на народныя средства. А дать народу вздохнуть свободно, и народъ самъ окрѣпнетъ и разовьется подъ вліяніемъ міровой эволюціи жизни впередъ. Намъ не надо только стѣснять этого движенія. По своей малочисленности, мы эволюціоннаго движенія стѣснить, остановить, конечно,

---

[1]) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 12 декабря, 1895 г., с. Обдорскъ.

[2]) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 3 февраля, 1896 г., с. Обдорскъ.

[3]) Изъ письма къ Л. Н. Толстому, отъ 15 августа, 1898 г., с. Обдорскъ.

[4]) Тамъ же.

Digitized by Google

не можемъ, но мы тормозимъ, уродуемъ свою же собственную жизнь" [1]).

Итакъ, мы видимъ, что главной основой „теоріи" П. В. Веригина—это свобода, свобода и свобода во всемъ, вездѣ и всегда. Онъ глубоко вѣритъ, что „міровое теченіе времени постоянно обновляется, а, слѣдовательно, и весь живущій міръ" [2]). Съ другой же стороны, такъ какъ „все то, что существуетъ, существуетъ во благо" [3]), то намъ, людямъ, необходимо только присмотрѣться, прислушаться къ законамъ „предѣла", міра, природы и идти по *естественному ходу* развитія, и тогда все будетъ хорошо. Намъ, людямъ, болѣе всего необходимо заботиться о себѣ самихъ и помогать своимъ разумѣніемъ природѣ дѣлать ея неустанную работу, направляя всѣ свои силы и поступки въ сторону любви, мира, согласія и единенія, а не стремясь, разжигая страсти, къ безпрерывной борьбѣ съ себѣ подобными, ибо всеобъемлющая, несокрушимая любовь—вотъ главный основной законъ міра, законъ Бога, законъ жизни, воплотившейся и разлившейся вездѣ и всюду.

Вотъ, въ сущности, конечный выводъ философіи П. В. Веригина.

* * *

Мы изложили возможно болѣе полно взгляды на жизнь и философское міровоззрѣніе П. В. Веригина, стараясь быть безпристрастными и объективными.

Мы видимъ, что онъ является въ своихъ воззрѣніяхъ крайнемъ индивидуалистомъ, какъ самъ и заявляетъ это о себѣ.

Полагая всю основу жизни въ дѣятельности *отдѣльной личности*, онъ совершенно упускаетъ изъ вида тѣ *общественныя силы*, которыя, благодаря очень многимъ причинамъ, часто идутъ въ полный разрѣзъ съ интересами и желаніями отдѣльной, хотя бы и очень развитой, личности, или даже совокупности, организаціи ихъ.

По пріѣздѣ въ Канаду Веригинъ долженъ былъ самъ убѣдиться въ этомъ, когда общественное мнѣніе его общины заставило его сильно попятиться назадъ и отъ мечтаній „крайняго индивидуалиста" перейти на старозавѣтную тропинку дѣятельности предшествующихъ руководителей. Въ канадской общинѣ проявляются и теперь различныя новшества, постепенно вводимыя Веригинымъ, болѣе всего подъ напоромъ могучей американской

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 3 февраля, 1896 г., с. Обдорскъ.

[3]) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

Digitized by Google

культуры. Но всѣ эти „новшества“ очень далеки отъ мечтаній Веригина во время его обдорской ссылки. Сама жизнь опровергла ихъ, жестоко обрушившись на тѣхъ изъ духоборцевъ, кто твердо и преданно сталъ проводить въ жизнь взгляды своего руководителя. Судьбѣ угодно было распорядиться такъ, что самъ Веригинъ отказался отъ своихъ прямыхъ послѣдователей, даже подвергъ ихъ гоненію, а они,—эти мечтатели и искатели „слободнаго пути“,—до сихъ поръ бродятъ по Канадѣ, ища въ людяхъ отклика и не находя его.

XII.

Двѣнадцатаго октября 1902 г. Петръ Васильевичъ Веригинъ изъ г. Тобольска послалъ своимъ якутскимъ братьямъ слѣдующее письмо:

„Милые братья и сестры, всѣ, живущіе въ Якутской области!

Увѣдомляю васъ, я освобожденъ отъ надзора. Изъ Обдорска пріѣхалъ въ городъ Тобольскъ. Здѣсь мнѣ выданъ заграничный паспортъ, и я собираюсь выѣхать въ Канаду. Душевно желалъ побывать въ Якутскѣ и видѣть васъ всѣхъ лично, но обстоятельства такъ сложились, что не могу быть у васъ, хотя душевно жалѣю. Обстоятельства слѣдующія: мнѣ кончился срокъ 29 іюля. Бумаги къ сроку отъ министра не пришли, и я долженъ былъ жить въ Обдорскѣ до 10 сентября и выѣхалъ, на осеннихъ пароходахъ, которые перевозятъ грузы рыбы изъ Обдорска въ Тобольскъ,—идутъ медленно. Прибылъ въ Тобольскъ 5 октября. Получивъ заграничный паспортъ, я рѣшилъ поѣхать къ вамъ, но правило заграничныхъ паспортовъ таково, что надо переѣхать границу въ трехмѣсячный срокъ, иначе паспортъ теряетъ силу—надо брать новый. За полугодовой паспортъ я заплатилъ 15 руб. Поѣхавъ къ вамъ, я рисковалъ за три мѣсяца не возвратиться отъ васъ къ границѣ, напримѣръ, назначая пунктъ переѣзда Варшаву или Батумъ. Здѣсь, въ Тобольскѣ, я собралъ свѣдѣнія, что отъ Иркутска попасть на лошадяхъ до Якутска далеко, да отъ Якутска по Ленѣ до Ноторы также большое разстояніе,—у меня даже не могло хватить денегъ. А могло случиться такъ: за эти два-три мѣсяца въ правительствѣ могло измѣниться мнѣніе, и меня совсѣмъ могутъ оставить еще въ Россіи. А потому я рѣшилъ пожертвовать свиданіемъ съ вами и поѣхать скорѣй въ Канаду, застать, можетъ, въ живыхъ мать-старушку и увидѣть тамъ всѣхъ братьевъ и сестеръ. А оттуда уже принять мѣры пріѣхать къ вамъ и обсудить ваше тяжелое положеніе.

Цѣлую васъ всѣхъ и душевно желаю вамъ всѣхъ благъ отъ Господа Бога.

Любящій васъ
братъ Петръ Веригинъ“.

Digitized by Google

Этимъ краткимъ извѣщеніемъ своихъ якутскихъ братьевъ начинается новая полоса жизни духоборческаго руководителя. Вѣсть объ его освобожденіи, несмотря на дальность разстояній, быстро перекинулась изъ Якутской области и въ Закавказье, и въ Москву, и въ Канаду, и въ Англію, и въ Швейцарію. Какъ духоборцы, такъ и ихъ друзья съ нетерпѣніемъ ждали того времени, когда, наконецъ, можно будетъ лицезрѣть знаменитаго изгнанника, вождя одной изъ самыхъ крѣпкихъ, старыхъ русскихъ сектъ.

Канадскіе духоборцы сейчасъ же послали въ пять различныхъ мѣстъ большія суммы денегъ, дабы вездѣ, гдѣ только нужно будетъ, „батюшка" ихъ „Петюшка" „имѣли бы достатокъ" и „не понуждались бы напрасно".

Съ разныхъ сторонъ получались запросы, какъ, какимъ путемъ поѣдетъ Петръ Васильевичъ.

Веригинъ двинулся на Москву, гдѣ и видѣлся съ Л. Н. Толстымъ.

Между нимъ и Львомъ Николаевичемъ произошелъ весьма интересный разговоръ относительно какъ разъ находившагося тогда въ полномъ разгарѣ движенія канадскихъ духоборцевъ, только что вернувшихся изъ извѣстнаго „исхода" „на встрѣчу Господу".

Свѣдѣнія объ этомъ свиданіи были напечатаны въ газетѣ „Slovensky Dennik" (Pittsburg, Pa-America).

Вотъ что тамъ сообщается:

„Интересенъ былъ разговоръ у Веригина со Л. Н. Между прочимъ, Веригинъ высказалъ мнѣніе, что *одинаково* нехорошо убить человѣка или животное, и такъ же нехорошо и отвратительно питаться мясомъ животнаго, какъ и человѣческимъ. А Л. Н. сказалъ, что онъ съ этимъ не согласенъ и что во всѣхъ поступкахъ и въ жизни нужно знать послѣдовательность, что раньше и что послѣ дѣлать. Такъ къ человѣку и къ страданіямъ его больше испытываешь жалости, чѣмъ къ страданіямъ лошади; какъ страданіямъ лошади больше жалости, чѣмъ къ страданіямъ крысы или мыши, къ комару же не испытываешь жалости. Вотъ чутье этой-то послѣдовательности и есть мудрость истинная. Нельзя жалѣть комара и въ то же время жестоко относиться къ человѣку.

„Я не осуждаю духоборцевъ за ихъ поступокъ, — сказалъ Л. Н.,—но боюсь, что они не соблюли послѣдовательности. Имъ много еще можно было и нужно было сдѣлать поступковъ христіанскихъ, раньше чѣмъ они сдѣлали то, что сдѣлали".

Этотъ интересный разговоръ, какъ извѣстно, сильно повліялъ на Веригина, и онъ, пріѣхавъ въ Канаду, опровергая послѣдователей своей же теоріи, приводилъ имъ аргументы, совершенно тожественные съ замѣчательными словами Льва Николаевича.

Digitized by Google

Впечатлѣніе въ Москвѣ Веригинъ произвелъ менѣе сильное, чѣмъ этого ожидали. Левъ Николаевичъ выразился о немъ, что онъ человѣкъ „не религіозный". Однимъ словомъ, хотя всѣ и разстались друзьями, но чувствовалась нѣкоторая неудовлетворенность.

XIV.

Изъ Москвы Петръ Васильевичъ отправился въ Англію, гдѣ имѣлъ значительный успѣхъ не только среди своихъ русскихъ друзей, но особенно среди англичанъ.

Въ Лондонѣ въ Essex Hall (strand) былъ устроенъ спеціальный митингъ, собравшійся, чтобы послушать духоборческаго вождя.

Очевидецъ этого интереснаго митинга, П. И. Бирюковъ, такъ описываетъ его:

„Митингъ открылся краткимъ обращеніемъ В. Г. Черткова, объяснившимъ публикѣ цѣль и содержаніе митинга. Затѣмъ Петръ Веригинъ обратился къ собранію съ выраженіемъ благодарности за содѣйствіе, оказанное англійскимъ обществомъ къ облегченію положенія духоборцевъ и за принятіе ихъ въ свою страну.

Послѣ этого привѣтствія, переведеннаго Чертковымъ и покрытаго аплодисментами, Чертковъ прочелъ составленное имъ обращеніе къ англійской публикѣ, въ которомъ старался установить болѣе вѣрный взглядъ на такъ называемый „исходъ" части духоборцевъ изъ мѣста ихъ поселенія въ Канадѣ".

Послѣ доклада „Чертковъ обратился къ собранію,—продолжаетъ разсказывать П. И. Бирюковъ,—съ предложеніемъ задать Петру Веригину нѣкоторые вопросы, на которые онъ съ радостью готовъ отвѣчать. Чертковъ переводилъ вопросы на русскій языкъ, а отвѣты Веригина на англійскій.

Вотъ мнѣ удалось запомнить,—пишетъ Бирюковъ,—изъ этого оживленнаго отвѣта вопросовъ и отвѣтовъ между представителями либеральнаго лондонскаго общества и русскимъ крестьяниномъ—духоборцемъ, П. В. Веригинымъ. Спрашивали англичане, отвѣчалъ Веригинъ.

1-ый вопросъ: Вы признаете себя послѣдователями Христа и говорите что не хорошо убивать животныхъ и питаться ими, а между тѣмъ изъ Евангелія мы знаемъ, что Христосъ ѣлъ рыбу и потопилъ 2000 свиней, вогнавъ въ нихъ злыхъ духовъ. Какъ это совмѣстить съ вегетаріянствомъ?

Отвѣтъ: По нашему ученію, Христосъ—человѣкъ, жившій 2000 лѣтъ тому назадъ. Мы думаемъ, что онъ открылъ только дверь къ истинѣ и оставилъ намъ свободу прогрессировать.

2-ой вопросъ: Я былъ прежде вегетаріянцемъ, но потомъ прочелъ въ Новомъ Завѣтѣ, что неяденіе мяса есть навожденіе дьявола и теперь ѣмъ мясо и думаю, что это очень хорошо.

Digitized by Google

Отвѣтъ: Я тоже думаю, что ѣсть мясо очень хорошо. Только убивать нехорошо.

3-ый вопросъ: Какъ вы относитесь къ разводу и браку?

Отвѣтъ: По духоборческому ученію, бракъ есть свободный союзъ любви. Если любви нѣтъ, нѣтъ больше и союза, т. е. брака, и насильно удерживать вмѣстѣ такихъ людей нельзя. Вотъ мы собрались здѣсь для одного дѣла. Если мы кончили это дѣло, развѣ можно больше удерживать насъ здѣсь, заперевъ дверь снаружи. Я думаю это будетъ безсмысленно.

Но, конечно, это не значитъ, что можно мѣнять женъ и мужей, какъ и когда кому хочется. Это у насъ не одобряется и случается рѣдко.

4-ый вопросъ: Какъ вы объясняете слова Христа: „кесарево—кесарю". Не значатъ ли они то, что надо подчиняться правительству?

Отвѣтъ: Я, къ сожалѣнію, мало читалъ Евангеліе и потому могу ошибиться. Но сколько я помню, тутъ рѣчь шла о деньгахъ. Христа спросили, нужно ли платить денежную подать кесарю. Онъ велѣлъ показать монету и, увидавъ на ней изображеніе кесаря, рѣшилъ, что она принадлежитъ ему, и велѣлъ отдавать кесарево—кесарю. Покуда у человѣка есть деньги, онъ долженъ ихъ отдавать тому правительству, отъ котораго онъ ихъ получаетъ, а если онъ раздастъ всѣ деньги, тогда онъ дѣлается свободнымъ отъ податей. Вотъ я слышалъ, что часть духоборцевъ въ Канадѣ поступили по слову Христа; они снесли всѣ деньги правительственному чиновнику и потому стали свободны.

5-ый вопросъ: Какъ вы думаете, можетъ быть, что служеніе Богу совмѣстимо съ подчиненіемъ правительству?

Отвѣтъ: Никоимъ образомъ. Въ этомъ случаѣ я вспоминаю слова Христа: нельзя служить двумъ господамъ. И господа эти разные. Богъ привлекаетъ человѣка къ служенію себѣ свободно. А правительство требуетъ себѣ служенія всегда насильно.

6-ой вопросъ: Можетъ ли общество обойтись безъ правительства?

Отвѣтъ: Я думаю, что стаду рогатаго скота нуженъ сильный быкъ, который бы рогами сгонялъ стадо въ кучу и наводилъ порядокъ, а человѣческое общество, одаренное разумомъ—можетъ жить свободно.

7-ой вопросъ: Что вы думаете о куреніи и спиртныхъ напиткахъ?

Отвѣтъ: Табакъ мы считаемъ безполезнымъ, а спиртные напитки вредными и потому не употребляемъ ни того, ни другого.

8-ой вопросъ: Считаете ли вы Христа Сыномъ Божіимъ?

Отвѣтъ: Всякое твореніе есть Сынъ Бога.

9-ой вопросъ: Чего же вы хотите отъ канадскаго правительства?

Digitized by Google

Отвѣтъ: Мы хотимъ, чтобы намъ позволили свободно жить, не вредя сосѣдямъ. Земли намъ нужно на каждаго человѣка ровно столько, сколько онъ можетъ обработать. И мы хотимъ, чтобы земля эта была общая, и чтобы никто не насиловалъ нашей совѣсти.

„Почти всѣ отвѣты,—сообщаетъ П. И. Бирюковъ,—покрывались апплодисментами и сопровождались другими знаками одобренія. И со стороны смотря,—заключаетъ П. И. Бирюковъ,—отвѣты Веригина англичанамъ казались наставленіями взрослаго разумнаго человѣка, даваемыми дѣтямъ".

Вскорѣ послѣ этого митинга, оставившаго большое впечатлѣніе среди тѣхъ слоевъ англійскаго общества, которые интересуются судьбой духоборцевъ,—П. В. Веригинъ оставилъ Англію и отправился въ Канаду къ своимъ „братьямъ", гдѣ ждали его съ такимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ.

Встрѣчу П. В. Веригина въ Канадѣ, устроенную духоборцами, а также и первые шаги его дѣятельности мы описывать здѣсь не будемъ. Желающихъ мы отсылаемъ къ нашимъ очеркамъ „Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ", помѣщенныхъ въ „Образованіи" въ 1903 г. Въ книжкѣ седьмой (іюль) было дано нами достаточно свѣдѣній о пріѣздѣ П. В. Веригина въ Канаду.

XV.

Уѣзжая изъ Англіи въ Канаду, Петръ Васильевичъ о своемъ „руководительствѣ" выражалъ слѣдующее интересное мнѣніе:

„На мой вопросъ,—пишетъ П. И. Бирюковъ,—о признаніи духоборцами надъ собой власти Веригина, и на принятіе Веригинымъ на себя этой власти, онъ отвѣчалъ: „Призваніе власти человѣка надъ человѣкомъ совершенно противно духоборческому ученію. По нашему ученію, всѣ люди равны и свободны. И нѣтъ надъ человѣкомъ никакой власти, кромѣ власти Бога, власти истины.

„Какъ же можетъ духоборецъ,—продолжалъ онъ съ нѣкоторой обидой въ голосѣ,—пишетъ П. И. Бюрюковъ,—признавать чью-нибудь власть, когда всѣ вѣковыя страданія претерпѣны духоборцами за отрицаніе власти. Да духоборецъ и есть никто иной, какъ человѣкъ, непризнающій надъ собой никакой человѣческой власти. Духоборцы,—говорилъ онъ все болѣе и болѣе оживляясь,—это простые русскіе мужики, собранные вмѣстѣ съ разныхъ концовъ Россіи именно за то, что они не признавали надъ собой никакой власти.

„Я,—продолжалъ Веригинъ,—признаю себя равноправнымъ членомъ духоборческой общины, и только готовъ и считаю своимъ долгомъ помогать своимъ братьямъ, когда они обращаются ко мнѣ за совѣтомъ. А что нѣкоторые изъ нихъ говорятъ и пишутъ обо мнѣ разныя глупости, въ этомъ я не виноватъ.

Digitized by Google

„Я не видалъ своихъ братьевъ 15 лѣтъ и не знаю даже, *захотятъ ли они меня теперь слушать* [1]). Если *не захотятъ*, тогда я *настаивать* не буду, а поселюсь гдѣ нибудь отдѣльно, хоть бы въ Швейцаріи, около васъ".

Эта подробная цитата чрезвычайно интересна для насъ. Совершенно вѣрно, что въ духоборческомъ ученіи нигдѣ не сказано, чтобы нужно было подчиняться „*человѣку*", и, конечно, не возможно даже себѣ представить, что тысячи духоборцевъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, *подчинились* бы какому либо перво-попавшемуся, обыкновенному „человѣку,". Духоборцы вѣка боролись,— говоритъ Веригинъ,—за отрицаніе власти. Какой? — спросилъ бы я его. Власти духовенства, господствующей церкви и офиціальнаго правительства,—могъ бы быть данъ единственный отвѣтъ, согласный съ истиной. Боролись ли духоборцы съ „властью" Капустина, Калмыковыхъ, Лукерьи Васильевны? нѣтъ,—долженъ получиться отвѣтъ, - и не могло этого быть. Духоборцы ни за что не хотѣли и не хотятъ признать себя „подданными" какого бы то ни было правительства. Они сознаютъ себя самостоятельнымъ народомъ и такъ прямо и говорили:

„Что старшина, что императоръ,—говорили духоборцы миссіонеру г. Скворцову,—для насъ одно и то же, и можемъ одинаково обойтись и безъ того и безъ другого... Слышно, что *въ Россіи* есть императоръ, а какъ его зовутъ (имя) не знаемъ, да и мало интересуемся,—объ этомъ мы не заботимся" [2]).

Отдѣляя *себя* отъ *Россіи*, *свою* общину (въ Канадѣ) отъ *Канады*, духоборцы признаютъ только вассальныя отношенія къ своему суверену которому готовы платить дань, денежную подать и только.

„Духоборецъ и есть никто иной, какъ человѣкъ, не признающій надъ собой никакой человѣческой власти". Очень хорошо. Жаль только, что П. И. Бюрюковъ не спросилъ П. В. Веригина: а „божественную власть" признаютъ духоборцы или нѣтъ? Несомнѣнно, получился бы отвѣтъ: „да". Слѣдовало бы задать другой вопросъ: „въ комъ эта власть проявляется". „Въ томъ, кто этого достоинъ". „Кто достоинъ"? „Кто исполняетъ законъ Бога", „кто праведенъ и т. д. и. т. д. обычные *духоборческіе* отвѣты, которые, въ концѣ концовъ, привели бы неизмѣнно къ тому, что обладатель „божественной" властью среди духоборцевъ есть никто иной, какъ ихъ руководитель. Впрочемъ, и самъ П. В. Веригинъ въ этомъ же разговорѣ съ П. И. Бирюковымъ, невольно, самъ того, очевидно, не замѣчая,—выдѣляетъ себя изъ всѣхъ канадскихъ духоборцевъ. Мы видѣли уже, что въ концѣ разговора съ П. И. Бирюковымъ онъ сказалъ: „не знаю

---

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) См. „Миссіонерское обозрѣніе" (стр. 320) мартъ 1899 г.

Digitized by Google

даже, захотятъ ли они меня теперь слушать". За 15 лѣтъ отсутствія П. В. Веригина изъ своей общины, конечно, тамъ могла пошатнуться вѣра въ своего „руководителя" (и у части духоборцевъ, живущихъ теперь въ Канадѣ, какъ мы это знаемъ, дѣйствительно пошатнулась). Вотъ почему Петръ Васильевичъ отправлялся въ Канаду съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Но вотъ вопросъ: Почему П. В. Веригину могла прійти въ голову мысль: „а вдругъ *теперь*" „братья" „не захотятъ меня слушать".

А раньше какъ было? Если только *теперь* можетъ случиться, что „не захотятъ слушать", то раньше, очевидно, „слушали". Отчего же „слушали" именно Петра Веригина? Почему „не слушали" другого, третьяго выдающагося, много пострадавшаго духоборца? Почему ни Зибарову, ни Н. Е. Конкину, ни Григорію Веригину, никому другому изъ весьма вліятельныхъ духоборцевъ, возвращавшихся въ свою общину не приходилъ даже въ голову вопросъ: „а вдругъ меня не будутъ слушать?" По той простой причинѣ что они, хотя и пользовались большимъ вліяніемъ среди своей общины, *властью* никогда никакой не обладали, а были совершенно равноправны со всѣми другими своими однообщинниками. Этотъ вопросъ могъ прійти въ голову только тому, кто властью этой обладалъ и могъ думать, могъ предположить, что она теперь пошатнулась, ускользаетъ изъ его рукъ. А это предположеніе всегда можетъ тревожить П. В. Веригина, такъ какъ власть руководителя къ нему перешла съ большими натяжками. Веригинъ заявляетъ, что онъ, Петръ Васильевичъ, *„настаивать"* на своей власти не будетъ. Таково его личное желаніе. Но въ *принципѣ* онъ, значитъ, могъ бы настаивать, ибо опять таки никому изъ духоборцевъ толпы не могла бы прійти въ голову такая взбалмошная идея: „пріѣду, молъ, въ Канаду, и на признаніи своей власти настаивать не буду". Если бы кто либо изъ духоборцевъ высказалъ въ слухъ такую мысль—надъ нимъ бы просто посмѣялись и сказали бы, что „вотъ былъ человѣкъ съ умомъ, а теперь блажитъ". Если же П. В. Веригинъ говоритъ о себѣ такъ, то онъ, значитъ, прекрасно знаетъ, что онъ, если захочетъ, можетъ „настаивать" на признаніи себя руководителемъ, на своей божественной власти, и можетъ поднять борьбу за нее, какъ онъ поднялъ половину духоборчества въ Закавказьѣ за свое первенство и руководительство послѣ смерти Лукерьи Васильевны.

Въ высшей степени наивенъ былъ П. И. Бирюковъ, когда въ своемъ разговорѣ не рѣшился спросить у Веригина: „Вы говорите, что *человѣку* духоборцы никогда не подчинялись—это вѣрно, но васъ-то они считаютъ не простымъ человѣкомъ, а Христомъ, а нѣкоторые „для краткости" просто называютъ „Богомъ", такъ вотъ вамъ, „Богу" и „Христу", одаренному „высшимъ разумомъ", законному наслѣднику всѣхъ „святыхъ и праведныхъ родителей" вашихъ,—подчиняются ли духоборцы или нѣтъ?" Очень можетъ

Digitized by Google

быть, что П. В. Веригинъ сталъ бы отказываться отъ этого званія,—ему, какъ вполнѣ развитому человѣку, давно было бы пора это сдѣлать, обратиться съ открытымъ словомъ ко всѣмъ духоборцамъ, а не держать ихъ во тьмѣ историческихъ предразсудковъ, но къ великому нашему сожалѣнію, онъ до сихъ поръ этого не сдѣлалъ, и мы думаемъ, теперь и не сдѣлаетъ. Однимъ словомъ, если Петра Васильевича коробитъ данная ему своимъ народомъ власть, если онъ въ разговорахъ съ своими друзьями не духоборцами отказывается и открещивается отъ нея,—то духоборческій народъ, живущій въ Канадѣ, этой властью его награждаетъ, относится къ нему, какъ къ своему „руководителю", „Христу" и даже „царю". (Послѣднимъ именетъ Веригинъ строго запретилъ въ Канадѣ именовать себя). Мы продолжаемъ ждать, когда просвѣщенный Петръ Васильевичъ Веригинъ выйдетъ на борьбу съ предразсудками своихъ соплеменниковъ, а до тѣхъ поръ утверждаемъ съ неопровержимыми фактами въ рукахъ утверждаемъ совершенно открыто и прямо, что историческій пережитокъ „христовщины" еще не изжитъ въ духоборческой общинѣ, и всѣхъ, кто пожелалъ бы изслѣдовать этотъ анахронизмъ направляемъ, какъ къ „хлыстамъ" („людямъ Божіимъ"), такъ и къ канадскимъ духоборцамъ.

И мы видимъ, что П. В. Веригинъ, пріѣхавъ въ Канаду, присмотрѣвшись къ своимъ братьямъ, съ которыми онъ былъ разлученъ пятнадцать лѣтъ, и видя, что его „захотѣли" слушать, „приняли" очень хорошо, что его „руководительство" огромнымъ большинствомъ канадскихъ духоборцевъ признается по полной волѣ и охотѣ,—вскорѣ взялъ бразды правленія въ свои руки и сталъ перестраивать духоборческое общежитіе, сильно уже расшатавшееся, на свой излюбленный „общинный" ладъ. Дѣло этого переустройства шло и идетъ не всегда гладко; встрѣчались и встрѣчаются значительныя препятствія, которыя такъ или иначе Петръ Васильевичъ побѣждаетъ и устраняетъ. Ввиду того, что волненіе „непримиримыхъ" еще не улеглось до сихъ поръ, въ виду того, что ихъ своеобразные взгляды нерѣдко бываютъ камнемъ преткновенія для многихъ различныхъ проектированныхъ нововведеній, Петръ Васильевичъ рѣшилъ подкосить это „зло"—вчерашнія его личныя убѣжденія—въ самомъ корнѣ.

„Корень" этого движенія негодный—быть ему или прекратиться,—болѣе всего находится въ рукахъ духоборческихъ женщинъ, которыя, къ слову сказать, какъ у духоборцевъ, такъ и у другихъ сродныхъ съ ними сектантовъ,—играютъ въ дѣлахъ общины огромную роль. (Движеніе „непримиримыхъ" было начато тоже женщинами).

П. В. Веригинъ прекрасно знаетъ по всему опыту духоборческой общины: [illegible] сторону станутъ женщины, туда, рано или поздно—[illegible], въ большинствѣ случаевъ, даже несо-

Digitized by Google

гласно мыслящіе и упорствующіе мужчины. Вотъ почему Петръ Васильевичъ особое вниманіе обратилъ на женщинъ-духоборокъ при своемъ пріѣздѣ въ Канаду, совершая объѣзды деревень: въ его свиту были приглашены почетныя женщины и популярныя въ духоборческой средѣ дѣвушки. Около него былъ организованъ хоръ изъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя въ пути и на остановкахъ услаждали слухъ своего руководителя пѣніемъ псалмовъ и стишковъ. При встрѣчахъ, въ бесѣдахъ, въ разговорахъ Петръ Васильевичъ особое вниманіе обращалъ на „сестеръ". Къ нимъ онъ всегда привѣтливъ, предупредителенъ и остороженъ.

На этомъ же основаніи,—по свидѣтельству г. Тана,—„Петръ Васильевичъ заказывали,—съ гордостью передавали духоборки,—пишетъ г. Танъ,—попросите отъ насъ сестрицъ, пусть это лѣто еще потрудятся, погребутъ сѣнцо. А съ будущаго года мы ихъ ничѣмъ не будемъ безпокоить, а заведемъ конныя грабли..." [1]).

Это заигрываніе съ женщинами своей общины, это обѣщаніе избавленія отъ „хлѣбнаго" полевого труда, столь привычнаго духоборкамъ, безъ котораго онѣ „скучаютъ",—какъ не разъ намъ самимъ приходилось это отъ нихъ слышать;—эта обрисовка будущей сытой „домашней" жизни, когда на долю женщины выпадетъ почти единственная забота „плодиться и множиться",—ясно показываютъ намъ расчетливость и „политичность" П. В. Веригина. Онъ прекрасно знаетъ, что если онъ побѣдитъ женщинъ, то „миръ" въ общинѣ будетъ обезпеченъ. По этой же причинѣ онъ усиленно подготовляетъ реформу въ правовомъ положеніи женщины духоборки. Онѣ, несомнѣнно, въ самомъ скоромъ времени получатъ „право" на участіе въ „съѣздкахъ" и „сходкахъ" наравнѣ съ мужчинами. Онѣ получатъ право голоса на всѣхъ выборахъ при всѣхъ голосованіяхъ.

Конечно, мы всей душой можемъ только привѣтствовать это полное „гражданское" уравненіе женщины среди духоборческой общины [2]). Мы не можемъ не привѣтствовать уменьшенія количества крестьянской работы, падавшей на каждую духоборку,—хотя въ общемъ духоборческія женщины были всегда гораздо менѣе закабалены трудомъ, чѣмъ женщина, напримѣръ, великорусская. Духоборческая община болѣе и болѣе переходитъ на машинное сельскохозяйственное производство, и количество труда, приходившееся ранѣе на каждаго работника, все уменьшается и уменьшается. Несомнѣнно, и „конныя грабли", какъ необходимое дополненіе къ косилкамъ, жнеямъ и прочимъ машинамъ,—еще болѣе сократятъ трудъ и мужчинъ, и женщинъ. Но мы хотимъ

---

[1]) См. очерки г. Тана „Русскіе въ Канадѣ" („Русскія Вѣдомости" № 76, 17 марта 1904 г.)

[2]) Моральное вліяніе въ духоборческомъ народѣ всегда принадлежало женщинѣ. „О женскомъ вопросѣ" въ духоборческой общинѣ мы надѣемся вскорѣ поговорить особо.

Digitized by Google

отмѣтить здѣсь, кромѣ экономическихъ причинъ этихъ реформъ, ихъ *политическій* смыслъ. Въ духоборьѣ женщины получаютъ свои права болѣе всего потому, что онѣ составятъ вѣрные кадры ихъ покровителя и всеобщаго любимца, ихъ руководителя, „родимаго ихъ Петюшки“.

Мы закончили этотъ біографическій очеркъ духоборческаго руководителя Петра Васильевича Веригина, судьба котораго такъ тѣсно переплелась съ исторіей духоборческой общины за послѣдніе семнадцать лѣтъ.

Крупная, выдающаяся личность, порожденная сильной и оригинальной, хорошо организованной сектантской общиной,—личность ея руководителя и законодателя, представляется намъ весьма интересной и характерной во многихъ отношеніяхъ. Въ будущемъ,—и, надѣемся, не далекомъ,—мы познакомимъ нашихъ читателей со многими сторонами жизни и дѣятельности самого духоборческаго народа, проявившаго столько непреклоннаго мужества и твердости въ борьбѣ за свои воззрѣнія, за опредѣленное желаніе жить, согласно своей совѣсти и разумѣнію жизни.

„Духоборческая эпопея“ должна стать извѣстной русскому народу и обществу во всей ея могучей силѣ и духовной красотѣ.

Владиміръ Ольховскій.

Digitized by Google

Попка-дуракъ.

Разсказъ **В. І. Дмитріевой.**

(*Окончаніе*).

XXVII.

„Жемчужина“ спала. Генералъ первый вскочилъ на веранду и изо-всѣхъ силъ позвонилъ. Не отпирали долго. Наконецъ проскрипѣли чьи-то сердитые шаги, и заспанный голосъ спросилъ: „кто тамъ?“

— Изъ 12-го номера... Мукосѣевъ...—отвѣчалъ генералъ и самъ не узналъ своего голоса,—такой онъ былъ жалкій и заискивающій.

Дверь отворилась. Генералъ, не оглядываясь, прошмыгнулъ мимо горничной наверхъ, вошелъ въ свой номеръ и заперъ его на ключъ. Потомъ прислушался... ему все еще казалось, что Барташевъ бѣжитъ за нимъ и вотъ сейчасъ будетъ ломиться къ нему въ комнату. Однако, все было тихо... Лаврентій Иванычъ успокоился и на цыпочкахъ, чтобы не разбудить жену, прокрался къ своей кровати. Нагрѣтый воздухъ пріятно обволокъ его продрогшее тѣло; свѣжая бѣлизна подушекъ вызывала острое ощущеніе безопасности и удовольствія. „Слава Богу! Слава Богу!“ шепталъ генералъ, поспѣшно стаскивая съ себя мокрыя, грязныя ботинки. Бѣлая пара была тоже вся мокрая и грязная и отвратительно липла къ кожѣ; на колѣнкахъ темнѣли какія-то скверныя пятна; рукавъ былъ разорванъ, а руки и лицо горѣли отъ царапинъ. Необходимо было умыться, и генералъ чуть не ползкомъ пошелъ къ умывальнику. Взялъ кувшинъ—и замеръ... генеральша вздохнула и пошевелилась. А, впрочемъ, все равно... послѣ того, что было въ паркѣ, ужъ ничего не можетъ быть страшно. И, широко разставивъ ноги, согнувъ

Digitized by Google

спину, необыкновенно похожій сзади на промокшаго индюка, генералъ робко началъ умываться.

— Дур-ракъ!.. Ха-ха-ха!..—проскрипѣлъ за нимъ хриплый голосъ.

Кувшинъ чуть не выпалъ у него изъ рукъ. „Попка!“ въ ужасѣ подумалъ Лаврентій Иванычъ и оглянулся.

Генеральша сидѣла на кровати въ папильоткахъ, точно Медуза, и съ невыразимымъ презрѣньемъ смотрѣла на супруга.

— Дуракъ!—повторила она громче и снова легла, повернувшись къ генералу спиной.

XXVIII.

То, что въ таинственномъ мракѣ ночи кажется значительнымъ и страшнымъ, при яркомъ блескѣ солнца становится пошлымъ и смѣшнымъ. Поэтому генералъ и Барташевъ чувствовали себя не совсѣмъ пріятно послѣ своихъ ночныхъ похожденій. Проснувшись въ обычное время, они долго лежали въ постели, притворяясь спящими, и только когда гонгъ въ третій разъ пробарабанилъ свое приглашеніе къ обѣду, они спустились внизъ. Здѣсь ихъ встрѣтила всегдашняя будничная картина пансіонской жизни, и все, пережитое ночью на берегу моря, сдѣлалось тусклымъ и спутаннымъ, какъ странный, полузабытый сонъ. Черкесы, свѣтляки, угрюмый стонъ прибоя, громадное небо, Вѣчный Судія, тоска и страхъ... да было ли это когда-нибудь?.. Солнце жарко сіяло, какъ всегда, приторно пахли розы, дамы болтали о пустякахъ, Корытинъ разсказывалъ анекдоты, паровозикъ ѣхалъ на стульяхъ въ Одессу, попугай передразнивалъ его возгласы и хохоталъ. Лидія Кирилловна цвѣла свѣжестью, какъ будто вчера ничего не случилось, и была въ другомъ платьѣ, уже не розовомъ, а ярко-огненномъ, которое, точно пламя, волновалось вокругъ ея пышнаго тѣла.

— А, вотъ они! закричала она, увидѣвъ входящихъ.—Господа, куда же это вы вчера дѣвались? Мы васъ искали-искали...

Это была такая наглая ложь, что и генералъ, и Барташевъ оторопѣли, и большими глазами взглянули другъ на друга. Но потомъ сейчасъ же потупились, и генералъ сказалъ сухо:

— Мы ушли раньше. Было очень сыро.

— Ахъ, коварные!—засмѣялась Лидія Кирилловна.—Почему же вы насъ не подождали? Мы такъ боялись одни...

„Вотъ такъ вретъ!“ подумалъ Барташевъ въ изумленіи. „А, впрочемъ, чортъ ее знаетъ... можетъ, и не вретъ... можетъ, мы и вправду ушли... ничего не понимаю!“..

Digitized by Google

Избѣгая глядѣть другъ на друга, они съ генераломъ заняли свои мѣста за столомъ и молча принялись за супъ. Тутъ обнаружилось одно маленькое обстоятельство: усатая адвокатша, которая почему-то все время прятала руки подъ столомъ и даже отъ супа отказалась, вдругъ неловкимъ движеніемъ опрокинула къ себѣ на колѣни тарелку. Когда всѣ бросились ей помогать, она вскочила съ мѣста, и всѣ увидѣли, что на правой рукѣ у нея одинъ пальчикъ забинтованъ.

— Ага, и вы съ попкой познакомились?—захохоталъ капитанъ.—Эдакая бестія, онъ и дамъ не очень жалуетъ! Невѣжа!..

Адвокатша что-то злобно прошипѣла и, метнувъ свирѣпый взглядъ на Лидію Кирилловну, уткнулась въ тарелку.

— Онъ всѣхъ кусайтъ!—вмѣшалась бонна, дѣлая еще болѣе глупое лицо.—Ошень злой птиса... дурной слова говоритъ... нельзя слушайтъ, надо уходить. Ошень, ошень дурно воспитанъ!

Но на ея заявленіе никто не обратилъ вниманія, и, сконфузившись, бѣдная нѣмочка умолкла.

XXIX.

За чаемъ на верандѣ капитанъ обратился къ Барташеву:

— Вотъ, Иванъ Потапычъ, самое-то интересное вы сегодня и проспали.

— Что такое?

— Не хотѣлъ было говорить, да ужъ вамъ, такъ и быть, скажу. Былъ я сегодня на почтѣ и слышалъ: говорятъ, нашу эскадру японцы разбили.

Иванъ Потапычъ поблѣднѣлъ.

— Не можетъ быть!.. Откуда? Изъ японскаго источника пишутъ?

— Неизвѣстно. Завтра будутъ телеграммы. Вотъ не везетъ намъ!..

— Это ложь!—сказалъ генералъ сухимъ тономъ, которымъ онъ говорилъ сегодня со всѣми.—Нелѣпыя выдумки. Нашу эскадру нельзя разбить.

— Хорошо, если-бы!.. Я, по правдѣ сказать, не повѣрилъ, но начальникъ почтовой конторы увѣряетъ. Вдребезги, говоритъ, разбили, а самъ чуть не плачетъ. Братъ у него тамъ... на Баянѣ, кажется...

— Разбили!—плачущимъ голосомъ воскликнулъ Барташевъ, шагая по верандѣ.—И Ретвизанъ, и Побѣду... второй разъ... да что же это такое?..

— Кого разбили? нашу эскадру?—спросилъ Булочка,

Digitized by Google

подходя къ столу.—Стало быть, опять прозѣвали? Вотъ такъ фунтъ!

Генералъ весь вдругъ налился кровью, въ ушахъ у него зашумѣло, и онъ съ ненавистью впился глазами въ пухлое, розовое лицо Булочки.

— Мол-лодой человѣкъ!—крикнулъ онъ внушительно.— Прошу въ моемъ присутствіи такихъ выраженій не употреблять! Дѣло идетъ о чести Россіи, и подобныя выраженія не-у-мѣстны-съ!

Булочка вспыхнулъ до корней волосъ и испуганно посмотрѣлъ на генерала.

— Да вѣдь я ничего особенного... что вы кричите?—возразилъ онъ.—Я не виноватъ, что японцы насъ колотятъ... вотъ еще! Странно даже...

— Что-съ?—грозно повторилъ генералъ.—Прошу васъ за-мол-чать-съ!.. я вамъ не позволю такъ выражаться... м-мальчишка!..

Послѣднія слова онъ такъ выкрикнулъ, что попугай, вспомнивъ, вѣроятно, нѣчто изъ своего прошлаго, пересталъ клевать, вскочилъ на жердочку и дико заоралъ:

— Всѣ наверхъ!.. Стопъ-машина!..

Затѣмъ пустилъ такое отборное матросское словечко, что на верандѣ сразу наступила глубокая тишина...

XXX.

— Да...—задумчиво проговорилъ Барташевъ. —Это ужъ черезчуръ по русски... крѣпко сказано!

— Видно, что въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ не учился!—вполголоса, косясь на дамъ, сказалъ капитанъ.— Фрейленъ-то недаромъ жаловалась,—неудобный субъектъ въ дамскомъ обществѣ.

Но дамы сдѣлали видъ, что ничего не слышали, и оживленно защебетали. Генералъ сидѣлъ надутый, съ выраженіемъ оскорбленнаго величія на лицѣ. Послѣ вчерашняго ему казалось, что всѣ здѣсь нарочно сговорились дѣлать ему непріятности и въ его особѣ оскорблять достоинство Россіи. „Завтра же уѣду!“ думалъ онъ. „Подальше отъ этого сброда... Мальчишки какіе-то... попугаи... трясогузки... гулящія бабенки!... Нѣтъ, довольно съ меня...“

Онъ всталъ, чтобы уйти къ себѣ, но огненный вихрь преградилъ ему дорогу.

— Генералъ, куда же вы?

— Извините-съ... у меня голова болитъ,—отрывисто отвѣтилъ Мукосѣевъ.

Digitized by Google

— Голова? Что вы, генералъ! „Отъ безсонныхъ ночей голова не болитъ“...

Огненный вихрь разсыпался опьяняющимъ смѣхомъ; попугай прокричалъ „ура“! У генерала въ глазахъ заходили красные круги; ему стало жарко, точно его жегъ этотъ огонь, крутившійся передъ нимъ въ образѣ Лидіи Кирилловны.

— Pardon!..—повторилъ онъ и хотѣлъ пройти въ дверь, но горячая рука вцѣпилась ему въ пальцы.

— Ни за что не пущу! Это безбожно, генералъ... Сейчасъ у васъ голова пройдетъ,—я буду танцовать кекъ-уокъ. Господа! Кто изъ васъ сыграетъ кекъ-уокъ? Я танцую!

— Кекъ-уокъ? Это что за штука такая?—спросилъ Барташевъ.

— Это самый модный танецъ въ Петербургѣ. Танецъ дикарей. Весь Петербургъ теперь танцуетъ кекъ-уокъ.

— Любопытно. Никогда не видалъ.

— Ну, вотъ увидите. Mesdames et messiers, кто же сыграетъ для меня? Неужели никто не знаетъ кекъ-уока?

— Я знаю...—заявила Диди.

— Ахъ, милочка, сыграйте!

Огненный вихрь понесся въ залу. Возмущенныя дамы переглянулись.

— Неужели она будетъ танцовать кекъ-уокъ?—шептали онѣ.—Этого только недоставало... Какая ужасная женщина!

Но когда изъ залы посыпались дикіе, скачущіе звуки рояля, онѣ одна за одной медленно поднялись и съ презрительными улыбками, вздергивая плечами, пошли смотрѣть.

— Что-же, генералъ, пойдемте и мы! — сказалъ Барташевъ.—Посмотримъ, что она тамъ еще выкинетъ!

Генералъ величественно поднялъ плечи и, не отвѣчая ни слова, прослѣдовалъ мимо Барташева въ самый отдаленный уголъ залы. „Злится!“ подумалъ Барташевъ. „Ишь ты вѣдь, Юпитеръ какой! А вчера-то“...

XXXI.

Дикіе, скачущіе звуки прыгали, крутились, кривлялись въ бѣшеномъ весельи; рояль то вылъ, то грохоталъ, какъ барабанъ, и, казалось, тысяча чертей ворвалась въ чинную залу „жемчужины“ и съ хохотомъ, визгомъ, щелканьемъ зубовъ разбѣжалась по всѣмъ угламъ. Въ своемъ огнистомъ платьѣ, точно пронизанная заревомъ невиданнаго костра, Лидія Кирилловна выбѣжала на середину залы и на минуту остановилась. Ея глаза смѣялись; ротъ былъ полуоткрытъ, и бѣлые, острые зубы хищно сверкали между красныхъ

Digitized by Google

губъ. Потомъ она смѣло взмахнула на локоть длинный шлейфъ и, вытянувъ руки, закинувъ голову, широкими, кошачьими прыжками понеслась впередъ. Звуки становились все стремительнѣе, все безумнѣе... они бѣшено мчались за танцующей; они какъ будто гонялись за нею, а она убѣгала отъ нихъ, она извивалась, какъ змѣя, увертывалась, пригибалась къ землѣ, откидывалась назадъ и беззвучно хохотала, хохотала надъ ихъ безплодными усиліями ее догнать. Красный шлейфъ вспыхивалъ и взвивался, точно пламя; багряные отблески его, отраженные зеркалами и паркетомъ, кровавыми призраками носились по залѣ; самый воздухъ, казалось, горѣлъ и сыпалъ жгучія искры... Было что-то свирѣпое, кровожадное въ этой пляскѣ крутящагося огня, и смѣющаяся женщина съ оскаленными зубами была его сладострастной жрицей. Побѣда... Побѣда!.. Никому нѣтъ пощады!.. Ревите—трубы, гремите—барабаны, ликуйте—побѣдители, горе побѣжденнымъ!

И ревѣли трубы, гремѣлъ барабанъ... дикіе звуки рождали въ мозгу дикія желанія; въ дрессированныхъ сердцахъ просыпался первобытный звѣрь и тихонько высовывалъ наружу свою оскаленную, хищную морду. Дамы раскраснѣлись и хихикали; у генерала отвисла нижняя челюсть; Булочка весь пылалъ, и въ его позѣ было что-то напряженное, подстерегающее, точно онъ готовъ былъ вспрыгнуть и броситься на танцовщицу. Вдругъ звуки оборвались... Лидія Кирилловна остановилась. Она задыхалась; лобъ ея былъ покрытъ крупными каплями пота. „Будетъ!“ прошептала она.

— Браво! Браво!—осипшимъ голосомъ закричалъ Булочка и захлопалъ.

— Чортъ знаетъ, что такое!—пробормоталъ Барташевъ, но тоже захлопалъ. И въ ту же минуту какая-то щемящая боль стиснула его сердце. „А эскадра-то наша, а?“ подумалъ онъ. „Вѣдь разбита“... И съ внезапнымъ ощущеніемъ отвратительной тошноты онъ тихонько вышелъ изъ залы. Вслѣдъ за нимъ снова помчались звуки кекъ-уока.

XXXII.

— Это, чортъ знаетъ, что!—повторилъ Иванъ Потапычъ, въ волненіи шагая по верандѣ.—Вѣдь тамъ, можетъ, умираютъ сейчасъ, а мы здѣсь пляшемъ, хохочемъ, съ жиру бѣсимся. Можетъ, того... и мужъ ея тамъ... Фу-ты, гадость какая... Подлость даже...

Онъ взглянулъ на небо, на сверкающіе переливы моря, на праздничную, нарядную зелень парка и опять почувствовалъ приступъ тошноты. Противно было... все противно! Противна ликующая природа, противна эта сытая, праздная

Digitized by Google

жизнь, противна безсмысленная, веселящаяся толпа людей, которые собрались сюда отдыхать отъ бездѣлья и нѣжить, и питать свои дряблыя, никому ненужныя тѣла.

— Эхъ, подлецы мы!—воскликнулъ Барташевъ, и это восклицаніе облегчило его. Попугай, склонивъ голову на бокъ, смотрѣлъ на него своимъ загадочнымъ взглядомъ. Барташевъ подошелъ къ нему.

— Да, попка, подлецы! Ты, братъ, умный звѣрь и все понимаешь... если хорошенько разобрать, такъ ты здѣсь, пожалуй, умнѣе всѣхъ. Какъ ты думаешь, попка?

Попугай раскрылъ клювъ и хотѣлъ что-то—сказать, но раздумалъ и съ равнодушнымъ видомъ отошелъ въ сторону.

Звуки кекъ-уока смолкли, и генералъ вышелъ изъ залы. Онъ шатался; взоръ его былъ мутенъ, и на дряблыхъ щекахъ рдѣли красныя пятна.

— Ну что, генералъ, какъ вамъ понравилось? сказалъ Барташевъ.—А я, знаете, не выдержалъ... даже тошно стало, ей Богу. Точно пиръ во время чумы.

— Что-съ?—спросилъ генералъ, какъ бы просыпаясь отъ сна.

— Да нехорошо какъ-то, право. Совсѣмъ не такое время... Война, Портъ-Артуръ въ осадѣ, эскадру разбили, а мы тутъ...

— Что такое? Какую эскадру? Это не наше дѣло-съ!—раздраженно крикнулъ вдругъ генералъ и, увидѣвъ Лидію Кирилловну, пошелъ къ ней навстрѣчу.

Лидія Кирилловна улыбалась торжествующей улыбкой и обмахивала вѣеромъ свое пылающее лицо. Глаза ея мерцали; отъ разгоряченнаго тѣла вѣяло опьяняющимъ жаромъ.

— Мерси, душечка!—сказала она, цѣлуя на ходу Диди. Вы прелестно играли! Ну, генералъ, надѣюсь, вы до-вольны? Голова ваша прошла?

— Я... околдованъ!—пробормоталъ генералъ, склоняя передъ ней свое обнаженное чело.—Вы... волшебница! Вашъ танецъ можетъ воскресить даже мертвеца...

Лидія Кирилловна расхохоталась, а генералъ припалъ къ ея влажной горячей рукѣ и почувствовалъ, что сходитъ съ ума

XXXIII.

Вся „Жемчужина“ сходила съ ума. Дни проносились въ, какомъ-то безуміи, и никто не зналъ, когда начинался день, когда наступала ночь. Все перепуталось и перемѣшалось. Въ залѣ непрерывно гремѣлъ рояль; по лѣстницамъ шла суетливая бѣготня; ночью у подъѣзда дребезжали звонки. Попугай всѣхъ перекусалъ; прислуга роптала, дамы перессорились, и, наконецъ, усатая адвокатша собрала свои сундуки и переѣхала изъ „Жемчужины“ въ „Красу моря“, объявивъ,

Digitized by Google

что она не привыкла жить въ кафе-шантанѣ. Капитанъ былъ очень огорченъ, потому что она хорошо платила, но другіе совершенно не замѣтили ея отъѣзда. Всѣ были заняты своими дѣлами. Лидія Кирилловна каждый день мѣняла туалеты и придумывала разныя развлеченія,—то катанье по морю на турецкихъ фелюгахъ, то прогулки верхомъ въ горы, то посѣщенія бродячаго цирка, дававшаго свои представленія въ досчатомъ балаганѣ на городской площади. Ея неизмѣнными спутниками были Булочка и Диди, которая вдругъ влюбилась въ Лидію Кирилловну и перессорилась изъ-за нея со всѣми дамами, даже съ сестрой. Втроемъ они пускались въ самыя рискованныя приключенія и однажды чуть не попали въ непріятную исторію. Лидіи Кирилловнѣ вздумалось отправиться вечеромъ въ турецкую кофейню и, надѣвъ самую эксцентричную изъ своихъ 14 шляпъ, она, въ сопровожденіи Диди и Булочки, полетѣла въ городъ. Въ кофейнѣ эта веселая компанія обратила на себя вниманіе туземцевъ, которые сначала только ограничивались комплиментами по адресу Лидіи Кирилловны, потомъ обступили ихъ столъ и, наконецъ, перешли къ дѣйствіямъ, причемъ одинъ изъ нихъ, черный, какъ уголь, грузинъ, хлопалъ Лидію Кирилловну по спинѣ и звалъ ее куда-то „шашлыкъ кушать, бурдюкъ пить". Булочка попробовалъ было рыцарски защитить свою даму, но всѣ эти черные, страшные люди подняли такой гвалтъ, начали дѣлать такіе угрожающіе жесты, что вся компанія обратилась въ бѣгство и, нанявъ перваго попавшагося фаэтонщика, помчалась въ „Жемчужину". Они явились туда красные, растрепанные и съ хохотомъ разсказывали, что за ними гналась цѣлая толпа, а Диди даже увѣряла, что ясно слышала выстрѣлъ... Это происшествіе надѣлало большого шуму въ „Жемчужинѣ", но каждый отнесся къ нему по-своему. Дамы тихонько шептались, что „Жемчужина", дѣйствительно, начинаетъ превращаться въ кафе-шантанъ, и стали на ночь запирать окна своихъ комнатъ изъ боязни нападенія; генералъ пробурчалъ что-то насчетъ того, что „всѣхъ надо перевѣшать", а глупая нѣмка добыла откуда-то огромный, старый револьверъ и объявила, показывая его всѣмъ присутствующимъ:

— Я ничуть не боялся! Когда онъ подойдетъ, я ему сказалъ: „если со мной кое-что случится, я стрѣлю!" И онъ побѣжитъ!

Всѣ посмотрѣли на револьверъ и на нѣмку и подумали, что, пожалуй, и вправду „онъ побѣжитъ". А капитанъ къ этому еще прибавилъ:

— Не безпокойтесь, милая фрейленъ, *онъ* къ вамъ даже и не подойдетъ!

Digitized by Google

Фрейленъ приняла это за комплиментъ и торжественно спрятала револьверъ въ карманъ.

XXXIV.

Больше всѣхъ былъ недоволенъ капитанъ. Усатая адвокатша трезвонила по всему городу о какихъ-то скандалахъ, происходящихъ въ „Жемчужинѣ", и „Жемчужина", прелестная „Жемчужина", теряла свою безупречную репутацію. Генеральша Мукосѣева каждый день съ кислой миной жаловалась, что „опять не спала всю ночь, потому что кто-то ходилъ и звонилъ". Попугай, несмотря на свою любовь къ дѣтямъ, укусилъ паровозика, и его хорошенькая maman вся въ слезахъ повезла ревущаго мальчика къ доктору. Капитанъ разрывался во всѣ стороны, ухаживалъ, мирилъ, извинялся и въ душѣ молилъ Бога, чтобы Лидія Кирилловна взяла своего попку и куда-нибудь уѣхала. Но M-me Закамская и не думала объ этомъ. Она веселилась отъ души и какъ будто совершенно не замѣчала, что дамы почти съ нею не говорятъ, что генералъ пожираетъ ее страшными глазами, что капитанъ дуется и съ утра до вечера придирается къ Булочкѣ. Бѣдный Булочка вдругъ почему-то сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія, и дамы обнаружили необыкновенный интересъ къ его судьбѣ.

— Булочка, когда у васъ начнутся занятія?—сладкими голосами спрашивали учительницы.

— Вѣдь у васъ, кажется, передержка?—заботливо освѣдомлялась Лили.

— Вы на какой факультетъ думаете поступить по окончаніи курса?—любопытствовала генеральша Мукосѣева.

Толстый гимназистъ краснѣлъ, пыхтѣлъ, бормоталъ что-то невнятное и, улучивъ удобную минуту, исчезалъ съ Лидіей Кирилловной въ паркъ. Черезъ минуту оттуда уже доносился звонкій смѣхъ m-me Закамской, и слышно было, какъ она задорно напѣвала: „Торреадоръ, смѣлѣе!.."

— Бѣдный мальчикъ!—вздыхали дамы.—Она совсѣмъ его завертѣла! Капитанъ, это ваша обязанность... вы должны его предостеречь, спасти. Мальчикъ гибнетъ!

— Ну, а что же я сдѣлаю?—возражалъ капитанъ, сердито дергая крашеные усы.—Малому 20 лѣтъ, онъ меня въ грошъ не ставитъ. Особенно, когда замѣшана женщина, тутъ уже ничего не подѣлаешь. Генералъ, вы со мной согласны?

У генерала на лицѣ выступали багровыя пятна.

— Не знаю-съ!—съ раздраженіемъ отвѣчалъ онъ.—Это до меня не касается... Прошу меня извинить-съ,—у меня голова болитъ...

Digitized by Google

Онъ вставалъ, спускался съ веранды и, постоявъ въ раздумьи у калитки, рѣшительными шагами направлялся въ паркъ, откуда неслись задорные призывы: „Торреадоръ, смѣлѣе“...

Дамы потупляли глаза, капитанъ пряталъ подъ усы насмѣшливую улыбку, а генеральша блѣднѣла и думала: „У него болитъ голова!.. Неужели онъ и въ самомъ дѣлѣ влюбился въ эту мерзавку? Нѣтъ, надо его скорѣе отсюда увезти...“

XXXV.

Но у генерала и въ самомъ дѣлѣ теперь постоянно болѣла голова. Это началось съ той ночи, когда онъ съ Барташевымъ сидѣлъ на берегу моря, и затѣмъ, когда Лидія Кирилловна плясала кэкъ-уокъ. Впечатлѣнія покаянной рѣчи Барташева странно слились съ дикою пляской краснаго призрака, и какой-то красный туманъ вошелъ ему въ мозгъ, спутавъ весь привычный строй его мыслей, чувствъ и представленій. Генералъ началъ жить двойной жизнью. Генеральское тѣло ходило, разговаривало, совершало свои обычныя житейскія дѣла, а генеральскій духъ въ это время блуждалъ гдѣ-то надъ землею, въ мірѣ странныхъ призраковъ, странныхъ грезъ, странныхъ ощущеній. Иногда это было пріятно, а иногда—страшно... страшно особенно ночью, когда не спалось, и когда въ темнотѣ и тишинѣ передъ генераломъ, точно въ синематографѣ, развертывалась вся его жизнь,—жизнь скучная, холодная и мертвенная, какъ окоченѣлый трупъ. И этотъ отвратительный трупъ глядѣлъ на Мукосѣева пустымъ окомъ своимъ и какъ будто спрашивалъ его: „за что ты меня убилъ?“—„Да, убилъ, собственную жизнь убилъ!“—думалъ Лаврентій Иванычъ, ворочаясь на постели, и ему вспоминались слова Барташева: „И сами мы скверные, и живемъ скверно...“ „Но позвольте!“—возражалъ мысленно генералъ. „Чѣмъ же скверно? Вздоръ“... Онъ начиналъ вспоминать... и снова передъ нимъ развертывались тусклыя, холодныя, мертвенныя картины его жизни. Ничего въ ней не было яркаго, красиваго, добраго,—ни любви, отъ которой захватывало бы духъ, ни самопожертвованія, никакого горячаго порыва. Пусто, пошло и затхло, точно въ стѣнахъ казармы. Онъ служилъ... но кому онъ служилъ? Неизвѣстно, и никогда онъ не видѣлъ ни одного человѣка, который пришелъ бы къ нему съ горячей благодарностью и съ довѣріемъ къ тому дѣлу, которое онъ дѣлалъ всю жизнь. Вокругъ себя онъ видѣлъ только сухія, преждевременно увядшія лица такихъ же чиновниковъ, какъ и онъ самъ, и всѣхъ ихъ связывало одно общее дѣло, и дѣло это

Digitized by Google

состояло въ томъ, чтобы построить между собою и міромъ высокія стѣны, сквозь которыя до нихъ не могъ бы достигать ни одинъ вопль, ни одинъ стонъ текущей мимо жизни. Порядокъ и тишина!.. И былъ порядокъ, была тишина. Тамъ, за стѣнами лежала громадная, молчаливая страна, но какъ она живетъ, чѣмъ болѣетъ, чѣмъ радуется,—этого Лаврентій Иванычъ не зналъ и не хотѣлъ знать. Она молчитъ... значитъ, ей ничего не нужно... Порядокъ и тишина!

...И вдругъ въ уши генерала вливался какой-то грозный, мятежный гулъ, и робкій, испуганный голосъ говорилъ: „они насъ ненавидятъ, генералъ! Всѣ насъ ненавидятъ,—мужики, поляки, черкесы,—вся Россія ненавидитъ... Мы ей не нужны, и когда мы умремъ,—никто даже не охнетъ...“ Въ смертельномъ ужасѣ, охваченный снова отвратительной дрожью страха смерти, генералъ вскакивалъ и начиналъ ходить по комнатѣ. „Вздоръ, вздоръ!“—шепталъ онъ. „Кто ненавидитъ? Какіе-нибудь негодяи, подонки общества, которымъ ненавистенъ порядокъ. Это не страшно. Гораздо страшнѣе то, что я самъ убилъ свою жизнь. Глупо какъ-то все это вышло... Жилъ-жилъ, и вдругъ умирать! Да неужели уже пора умирать?“ Сердце генерала начинало усиленно биться и замирать; ноги холодѣли; черная пустота разверзалась передъ глазами, и чудилось генералу, что вокругъ него уже пахнетъ тлѣніемъ. Умирать... умирать... Завтра, послѣ-завтра,—не все ли равно?—его, какъ ненужный хламъ, стащатъ въ мокрую яму, засыпятъ мокрой глиной и поставятъ наверху безобразный памятникъ съ надписью: „Здѣсь лежитъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Лаврентій Иванычъ Мукосѣевъ“. И больше ничего не останется, и другой дѣйствительный статскій совѣтникъ сядетъ на его кресло въ департаментѣ, чтобы водворять порядокъ и тишину, и также будетъ молчать громадная таинственная страна, и солнце будетъ свѣтить надъ шумящимъ моремъ, и красивыя женщины въ красныхъ платьяхъ станутъ танцовать подъ звуки барабановъ, зажигая въ сердцахъ пламенныя желанія...

XXXVI.

„Страшно, страшно!“—стоналъ генералъ. „Неужели ничего больше для меня не осталось, кромѣ мокрой ямы? Но вѣдь я не хочу этого! Я еще хочу жить, хочу любить... Вѣдь у меня никогда не было настоящей жизни. Неужели я уже никому не нуженъ?“

Его вздохи и стоны будили генеральшу. Она подымала съ подушки свою голову въ папильоткахъ и съ сердитымъ удивленіемъ смотрѣла на мужа.

Digitized by Google

— Опять не спишь? Но вѣдь это, наконецъ, вредно! Съѣзди завтра къ доктору, посовѣтуйся,—нельзя же каждую ночь не спать!

Генералъ, зажмуривъ глаза, скорѣе ложился въ постель и затихалъ. Ему не хотѣлось говорить, да и что могъ бы онъ сказать этой головѣ въ папильоткахъ? Вѣдь они никогда не любили другъ друга; ихъ связывали свѣтскія приличія и расчетъ. Она—часть его жизни, а жизнь его—давно уже трупъ.

Голова въ папильоткахъ снова погружалась въ подушки и, зѣвая, недовольно ворчала:

— Проклятый Кавказъ! И зачѣмъ мы сюда пріѣхали? Здѣсь всѣ сходятъ съ ума; самый воздухъ пропитанъ безуміемъ. Днемъ—страшная жара; ночью—воютъ шакалы, море шумитъ, гдѣ-то стрѣляютъ. И потомъ этотъ несносный попугай... Съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, рѣшительно у всѣхъ разстроились нервы. Мнѣ кажется, вмѣстѣ съ нимъ въ „Жемчужинѣ“ поселился бѣсъ. Какъ тебѣ угодно, Лаврентій Иванычъ, а я такъ не могу! Въ Петербургъ уѣду. Оставайся тутъ съ своими попугаями и попугайками, если тебѣ это нравится!

Эта скучная, сонливая воркотня странно успокаивала Мукосѣева. Въ жилы его какъ будто вливалась свѣжая, бодрая кровь; жирное сердце начинало биться ровнѣе; мокрая яма отодвигалась далеко-далеко. „А вѣдь она, кажется, серьезно ревнуетъ!“—съ блѣдной улыбкой думалъ онъ. И генералу почему-то вспоминалась его свадьба... Онъ—молодой чиновникъ особыхъ порученій, стройный, ловкій, во фракѣ; она—директорская дочка, немножко вялая, малокровная, въ фатѣ и флеръ д'оранжахъ... Благообразный священникъ надѣваетъ имъ кольца и говоритъ равнодушнымъ голосомъ заученныя слова: „и ты, яко Авраамъ... и ты, яко Сара...“ Они чуть-чуть улыбаются,—это такъ смѣшно и неприлично. Авраамъ и Сара,—что общаго между ними и этими наивными, библейскими супругами, жизнь и чувства которыхъ были такъ же просты и несложны, какъ проста была жизнь ихъ многочисленныхъ стадъ? О, тогда все было просто, и сама Сара привела къ Аврааму Агарь. У генерала не было Агари; онъ тайкомъ отъ жены ѣздилъ къ француженкѣ и дорого платилъ ей за поцѣлуи. Зачѣмъ же тогда „яко Авраамъ“ и „яко Сара?“ Зачѣмъ нужно было стоять передъ аналоемъ и клясться въ вѣчной вѣрности, и лгать? А онъ лгалъ всю жизнь, шестьдесятъ лѣтъ лгалъ, и служба его была ложь, и женитьба—ложь, и купленные поцѣлуи, и кресты, и награды—все ложь, ложь! Вотъ она, эта веревка, которою онъ задушилъ всѣ свои радости,—онъ, жал-

Digitized by Google

кій рабъ узаконенной лжи. О, какъ бы онъ хотѣлъ теперь сбросить съ себя эти подлыя цѣпи и быть безхитростнымъ Авраамомъ среди пасущихся стадъ, или свободнымъ, веселымъ дикаремъ, пляшущимъ вокругъ костра...

XXXVII.

... И вдругъ красное, хохочущее пламя взвивалось передъ нимъ. Гремятъ бубны и сыплется сухая дробь барабана; душныя стѣны раздвигаются, въ лицо дышитъ горячій, свободный вѣтеръ свободной жизни. Вверху—широкое вѣчное небо; внизу—земля, сверкающая огнями. Побѣда, побѣда... нѣтъ лжи, нѣтъ цѣпей,—всѣ свободны, всѣ дѣти общей матери-природы! Ревутъ и мечутъ искры праздничные костры; веселые призраки съ пѣніемъ и смѣхомъ несутся въ вихрѣ безумной пляски, и впереди, обвитая краснымъ туманомъ, въ огненномъ вѣнцѣ, знойная, какъ солнце, разрушительная, какъ огонь, мчится она... Это—молодость, это любовь, это—счастье... за ней, за ней скорѣе!.. Кто первый коснется ея огненныхъ одеждъ, тотъ побѣдитель... И чудится генералу, что онъ уже близко, что жаръ ея пламеннаго тѣла пышетъ ему въ лицо, что искры жгутъ его глаза,—сейчасъ она будетъ въ его рукахъ... побѣда, побѣда!.. Но бѣшеная толпа опрокидываетъ его на землю и съ хохотомъ мчится впередъ. Тысячи ногъ топчутъ его тѣло; трещатъ ломающіяся кости; липкая кровь заливаетъ глаза, и побѣдный крикъ навсегда замираетъ въ раздавленной груди... Кончено все... кончена жизнь...

XXXVIII.

А на утро у генерала опять болѣла голова, и опухшій, съ красными глазами, онъ хмуро спускался на веранду. Съ нимъ разговаривали, спрашивали его о здоровьи, разсказывали разныя новости,—онъ что-то брюзжалъ въ отвѣтъ и снова погружался въ недоступное молчаніе. Булочку онъ положительно возненавидѣлъ и смотрѣлъ на него такими страшными глазами, что бѣдный гимназистъ старался при немъ какъ можно меньше говорить и даже дѣлался ниже ростомъ. Барташеву генералъ совершенно пересталъ отвѣчать на вопросы; съ капитаномъ говорилъ раздраженнымъ тономъ, а на паровозика, собиравшагося ѣхать въ Владикавказъ, такъ однажды зарычалъ, что его мамаша цѣлый день проплакала и даже обѣдать не выходила. Капитанъ насилу уладилъ инцидентъ и весь въ поту, дергая себя за усы, жаловался Барташеву:

— Ну и бѣда, я вамъ скажу. съ этими дамами! Раскудахталась, какъ насѣдка, и попугая приплела, и кэкъ-уокъ

Digitized by Google

приплела, и столько наговорила, что въ головѣ до сихъ поръ, точно на колокольнѣ, гудитъ. Почему это, говоритъ, попугай никого не безпокоитъ, кэкъ-уокъ никого не безпокоитъ, а мой прелестный Жоржикъ вдругъ помѣшалъ? Я, говоритъ, кроткая женщина, но за Жоржика всѣмъ глаза выцарапаю, а что онъ генералъ, такъ вѣдь это, можетъ быть, и мой мужъ будетъ генералъ... Сама реветъ, Жоржикъ реветъ, нѣмка реветъ,—такой концертъ, хуже кэкъ-уока!

Онъ вытеръ со лба потъ и, оглянувшись по сторонамъ, прибавилъ шопотомъ:

— Ей Богу, никогда въ такой передѣлкѣ не былъ, даже когда во флотѣ служилъ. Я вамъ откровенно скажу: лучше имѣть дѣло съ сотней матросовъ, чѣмъ съ одной дамой. Вотъ еще генеральша... Дуется на меня за то, что Лидія Кирилловна съ генераломъ кокетничаетъ, но, подумайте, чѣмъ же я здѣсь виноватъ? Вѣдь не я кокетничаю, а она злится... Чортъ знаетъ что!

— Да...—задумчиво проговорилъ Барташевъ.—Лидія Кирилловна—это въ своемъ родѣ... экземпляръ! Я равнодушенъ къ женщинамъ, но, по правдѣ сказать, я ея тоже боюсь. Дикая женщина!

— Не спорю, дикая, но вѣдь, согласитесь, я же не виноватъ въ томъ, что она дикая. Это даже странно... Конечно, генералъ того... немножко влюбленъ, но опять-таки, причемъ же тутъ я? У всякаго барона своя фантазія. А что касается генерала, то, между нами говоря, онъ, кажется, того... вы не замѣчаете?

— А что?

— Не совсѣмъ въ порядкѣ...—таинственно сказалъ капитанъ.—Заговариваться началъ...

— Да что вы?—съ испугомъ воскликнулъ Барташевъ.

— Честное слово! Не всѣ дома... Вотъ вчера, напримѣръ, такую штуку ляпнулъ... Гуляли мы съ нимъ по парку, а онъ вдругъ и говоритъ: „скажите, капитанъ, зачѣмъ мы съ вами живемъ?“ Ну, я, признаться, въ философіи не силенъ, говорю ему эдакъ: „какъ зачѣмъ? Для пользы отечества, то-се, ну, и прочее“. А онъ засмѣялся,—не хорошо такъ засмѣялся!—и отвѣчаетъ: „ерунда-съ,—никакого отечества, никакой пользы не нужно-съ, а нужно жить такъ, какъ животныя живутъ,—скакать, прыгать, валяться по травѣ, махать хвостомъ...“ И даже подпрыгнулъ, ей Богу!.. ужъ совсѣмъ не по-генеральски... Я такъ и обмеръ. Батюшки, думаю, а что ежели онъ, какъ Навуходоносоръ, на четвереньки вдругъ станетъ да мнѣ въ икру вцѣпится...

— А онъ что?

Digitized by Google

— Да ничего. Насупился вдругъ, зашагалъ—и ни слова больше.

— Непріятная исторія!—озабоченно сказалъ Барташевъ.— Знаете, капитанъ... нѣтъ ли у васъ другого свободнаго номера... гдѣ-нибудь подальше? Я бы перешелъ...

XXXIX.

Былъ нестерпимо душный день. Раскаленный воздухъ струился надъ раскаленною землею, и листья дерева свертывались, словно обожженные пожаромъ. На горахъ съ утра лежали грузныя, сѣрыя тучи, похожія на прожорливыхъ чудовищъ, и, затаившись, какъ будто выжидали минуту, когда имъ можно будетъ ринуться внизъ. Иногда тамъ глухо что то ревѣло, и сѣрыя чудовища начинали клубиться, свертываться и развертываться; потомъ все снова замирало въ угрожающемъ молчаніи и неподвижности. Собиралась гроза. Море кипѣло. Горизонтъ почернѣлъ и дымился; не было ни малѣйшаго вѣтерка, но цѣлыя стада бѣлогривыхъ барашковъ съ веселымъ шорохомъ и плескомъ носились по морю. Плакали безпокойныя чайки.

Въ „Жемчужинѣ" было тихо, всѣ куда-то разбрелись, и на верандѣ оставались только генералъ да попугай. Бѣдный попка нахохлился, распустилъ крылья и, открывъ клювъ, тяжело дышалъ. Ему было жарко. Изрѣдка онъ подходилъ къ водѣ, мочилъ свой толстый, черный языкъ и недовольно бормоталъ что-то вродѣ „Господи, помилуй!.." Потомъ снова опускалъ крылья, склонялъ голову на бокъ и, не мигая, пристально смотрѣлъ на генерала! „Что, братъ, ничего не подѣлаешь,"—читалось въ его презрительномъ взглядѣ. „То-то... а еще генералъ!" Но Лаврентію Иванычу было не до него. У него болѣла голова. Казалось, тяжелый, желѣзный обручъ стягивалъ его черепъ, и чья-то невидимая рука сжимала этотъ обручъ все туже и туже. Блескъ солнца, блескъ волнующагося моря сливались въ одно общее ощущеніе горячей боли: было больно смотрѣть, больно двигаться, больно думать. Каждая мысль производила, впечатлѣніе остраго гвоздя, впивающагося въ мозгъ. И генералъ старался ничего не думать.

XL.

На веранду выходилъ капитанъ въ пропотѣвшемъ насквозь кителѣ и съ безпокойствомъ смотрѣлъ на раскаленное небо.

— Барометръ падаетъ,—говорилъ онъ.—Будетъ штормъ.

Digitized by Google

Онъ уходилъ, но слово „штормъ“ оставалось и висѣло въ воздухѣ—круглое, черное и тяжелое, какъ камень. Въ немъ было что-то грозное, страшное. „Штормъ, штормъ!“—повторялъ Лаврентій Иванычъ, съ трудомъ шевеля сухими губами. И изъ краснаго тумана, наполнявшаго его больную голову, выплывали смутныя картины. Онъ видѣлъ широкую лѣстницу департамента, по которой онъ спускался и подымался каждый день... величественный швейцаръ стоитъ у входа, охраняя порядокъ и тишину. Стучатъ пишущія машины, и длинныя, черныя строчки ложатся на бумагу. Неслышно скользятъ по паркету какія то сухія тѣни съ важной озабоченностью на сухихъ лицахъ. Порядокъ и тишина... Ни шума, ни крика, ни толкотни; даже блѣдное сѣверное солнце не смѣетъ заглядывать въ эти важные покои, гдѣ творятся важныя дѣла.

Въ горахъ глухо прогудѣлъ громъ; съ моря донесся тревожный крикъ чаекъ. Будетъ штормъ!.. И въ красномъ туманѣ возникаетъ другая картина. Мечется и реветъ испуганное море, корчится и стонетъ въ предсмертныхъ судорогахъ земля. Небо, объятое пожаромъ, разодралось, какъ огромный свитокъ, и изъ пламенныхъ нѣдръ его несутся трубные звуки. Идетъ грозный, Страшный Судія! И тысячи тысячъ блѣдныхъ, замученныхъ тѣней простираютъ къ Нему руки, и крикъ горя, отчаянія, обиды заглушаетъ звукъ трубъ...

„Швейцаръ, прогони ихъ вонъ!“—шепчетъ генералъ и открываетъ мутные глаза. Но все по-прежнему стынетъ въ знойной тишинѣ, и попка острымъ, неподвижнымъ взглядомъ смотритъ на генерала.

XLI.

Гроза разразилась во время обѣда. Не успѣли доѣсть супа, какъ въ залѣ вдругъ потемнѣло, и грянулъ такой страшный ударъ, что, казалось, земля треснула пополамъ. Потомъ полилъ дождь,—настоящій тропическій дождь, густой, стремительный, ревущій, какъ водопадъ. Молнія сверкала безпрерывно; весь воздухъ горѣлъ яркимъ пламенемъ; стекла дрожали и звенѣли. Дамы подняли крикъ и разбѣжались по своимъ комнатамъ; Лили и Диди, полумертвыя, заткнувъ уши, закрывъ глаза, попрятались подъ кровати и ждали смерти. Барташевъ храбрился, но былъ блѣденъ и при каждомъ ударѣ грома втягивалъ голову въ плечи и говорилъ:

— Эхъ!.. Эхъ!.. Вотъ такъ треснуло!.. Настоящая двѣнадцатидюймовая бомба!.. Еще!.. Еще...

Digitized by Google

Капитанъ ходилъ по залѣ и потиралъ руки:

— Хорошо!.. Очень хорошо! Теперь воздухъ очистится.

Скоро ливень сталъ рѣдѣть; молніи вздрагивали устало; громъ гремѣлъ гдѣ-то далеко надъ моремъ, и въ его затихающей воркотнѣ было что-то добродушное и удовлетворенное. Сквозь лохмотья тучъ засмѣялось солнце, и двѣ широкія радуги опоясали небо.

— Ну, это настоящій Портъ-Артуръ! — сказалъ Барташевъ, выходя на веранду, залитую потоками воды.—Такая бомбардировка была, что я совсѣмъ оглохъ! И сейчасъ въ ушахъ гудётъ.

— Ахъ, я чуть было не умерла!—стонала Диди.—Я думала, у меня голова горитъ. Лили, посмотри, не опалило мнѣ волосы?

— То-то, я слышалъ, будто жупеломъ пахнетъ!—сострилъ капитанъ.

Диди не обидѣлась. Всѣ были веселы, всѣ говорили безъ умолку и смѣялись, какъ будто избавившись отъ смертельной опасности. Капитанъ приглашалъ доѣдать обѣдъ, но никому не хотѣлось ѣсть. Чай подали на веранду. Дождь уже не падалъ сплошною, мутно-сѣрой стѣной, а сыпался сверкающими, разноцвѣтными искрами. На дорожкахъ стояла вода; въ канавахъ у шоссе бурлили желтые потоки. Все ожило, помолодѣло, умылось. Попугая съ клѣткой вынесли наружу, и онъ съ удовольствіемъ встряхивалъ мокрыми крыльями и подставлялъ голову подъ дождь.

— Онъ ужасно любитъ купаться,—сказала Лидія Кирилловна—Посмотрите, какъ онъ доволенъ! Попочка, ты доволенъ

— Здр-равія желаю, ваше благородіе!—выкрикнулъ попугай.

— Ага, и ты радъ?—сказалъ Барташевъ.—Тоже умирать-то не хочется? Да, братъ, смерть—скверная штука...

— А вы, генералъ, не испугались грозы?—спросила Лидія Кирилловна.

Лаврентій Иванычъ уже пришелъ въ себя послѣ давешняго бреда, и промчавшаяся гроза казалась ему какимъ-то далекимъ и смутнымъ сномъ. Онъ взглянулъ на Лидію Кирилловну и пожалъ плечами.

— Вы меня обижаете, Лидія Кирилловна. Гроза вовсе уже не такая страшная вещь, чтобы ея бояться.

— Вотъ вамъ за это розу!—воскликнула со смѣхомъ Лидія Кирилловна, бросая ему мокрый, пахнущій дождемъ цвѣтокъ.—Я ужасно люблю храбрыхъ мужчинъ!

— А чего ему бояться?—вмѣшался капитанъ, который послѣ грозы вдругъ сдѣлался необыкновенно остроуменъ.—

Digitized by Google

„Не страшны ему громы небесные, коль земные онъ держитъ въ рукахъ...“ Не такъ ли, Лаврентій Иванычъ?

Лаврентій Иванычъ вздернулъ плечи и, глядя на Лидію Кирилловну, многозначительно сталъ вдѣвать въ петлицу ея розу. Да, пока онъ живетъ, ему нечего бояться... пока онъ живетъ, будетъ порядокъ и тишина. Внушительный швейцаръ охраняетъ широкую лѣстницу; стучатъ безостановочно пишущія машины, безшумно ползутъ на бумагу черныя строчки, и ни одинъ вопль, ни одинъ стонъ не проникнетъ сквозь высокія, толстыя стѣны. Порядокъ и тишина...

XLII.

— Господа, слышите, какъ шумитъ море?—спросила Лидія Кирилловна, поднимая пальчикъ.

Всѣ примолкли, и явственно сталъ слышенъ могучій ревъ бушующаго моря. У Лаврентія Иваныча немножко спутались мысли, и опять начало давить въ вискахъ.

— Меня это раздражаетъ,—морщась, сказалъ онъ.—Не люблю шума.

— Отчего?—спросила Лидія Кирилловна.—Шумъ—это жизнь; тишина только въ могилѣ...

Генералъ вздрогнулъ. Лидія Кирилловна, прищурившись, смотрѣла на него, и въ ея суженныхъ зрачкахъ сверкало что-то коварное, манящее и обманчивое, какъ человѣческое счастье. „Приди и возьми!“ какъ будто говорила она...

— Шумъ—жизнь... — повторилъ Лаврентій Иванычъ, откашливаясь отъ внезапной хрипоты, сдавившей ему горло. А тишина—въ могилѣ... Да... это... оригинально! Очень ново... и оригинально.

— Въ декадентскомъ вкусѣ!—язвительно вставила генеральша.—Теперь это въ модѣ... щеголять декадентствомъ... нѣкоторымъ нравится!

— Ахъ, я обожаю декадентовъ! — воскликнула Лидія Кирилловна.—Есть такіе душки... напримѣръ, Валерій Брюсовъ. Онъ у меня всегда подъ подушкой.

— Да?—еще язвительнѣе протянула генеральша.—Теперь я понимаю, отчего вы страдаете вѣчной безсонницей. Это тѣнь Валерія Брюсова мѣшаетъ вамъ спать...

Капитанъ безпокойно дернулъ себя за усъ и поспѣшилъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Ну, сегодня никто не будетъ спать!—громогласно заявилъ онъ.—Море-то какъ реветъ, а? Это на всю ночь. Пожалуй, и пароходъ не придетъ,—останемся безъ почты.

— Неужели?—огорчился Барташевъ.—Вотъ это ужъ не-

Digitized by Google

пріятно! И отчего до сихъ поръ пристани не устроятъ? Англичане давно бы устроили, а мы вотъ чуть не сто лѣтъ владѣемъ Кавказомъ, и ни дорогъ, ни пристаней—ничего нѣтъ.

— Ишь, чего захотѣли!—возразилъ капитанъ.—А на что вамъ, спрашивается, пристани и дороги? Куда вамъ спѣшить?

— Какъ куда спѣшить? Всякая культурная нація должна имѣть пристани и дороги. Пути сообщенія,—это главный нервъ цивилизаціи.

— Нервъ? Эка, хватили! Главный-то нервъ совсѣмъ не въ томъ.

— А въ чемъ же?

— А... чортъ его знаетъ, въ чемъ. Я не знаю. Это вотъ генералъ знаетъ, мы его спросимъ. Ваше превосходительство, какой, по вашему, главный нервъ цивилизаціи?

Генералъ не сводилъ глазъ съ Лидіи Кирилловны и ничего не отвѣчалъ. Капитанъ толкнулъ Барташева ногой и повторилъ вопросъ.

— Что-съ?—пробормоталъ генералъ.—Какой нервъ?

— Нервъ цивилизаціи.

— Порядокъ и тишина-съ! — машинально отвѣтилъ Лаврентій Иванычъ.

— Тишина только въ могилѣ!—неосторожно выскочилъ Булочка.

Наступила грозная тишина... всѣ ожидали бури. И вдругъ по верандѣ разсыпался звенящій смѣхъ Лидіи Кирилловны.

— Ахъ, господа, какіе вы всѣ скучные!—вскричала она и потянулась, точно разбуженная кошечка.—Вѣчные споры, вѣчные разговоры!.. Когда же жить?..

— „Выручила, голубушка!"—съ облегченіемъ подумалъ капитанъ.

— Пойдемте лучше слушать, какъ поетъ море!—продолжала Лидія Кирилловна.—Ну, кто со мной?

И она посмотрѣла на всѣхъ вызывающимъ взглядомъ, который говорилъ: „приди и возьми!"

— Я!—крикнулъ Булочка и чуть не опрокинулъ стулъ.

— Но не я!—поспѣшно прибавилъ капитанъ.—Сырость, слякоть,—что за удовольствіе?

— Я тоже не пойду,—присоединился къ нему Барташевъ.—Слава Богу, я еще не забылъ, какъ мы тогда съ генераломъ всю ночь на ступенькахъ просидѣли.

Лидія Кирилловна засмѣялась и ударила его по носу вѣткой олеандра.

— Вотъ вамъ за это! А вы, Диди,—идете?

— Нѣтъ... я не пойду,—сказала Диди, боязливо посмат-

Digitized by Google

ривая на небо, по которому еще бродили лохмотья разорванныхъ тучъ.—Ну, какъ вдругъ, опять гроза? Я умру...

Лидія Кирилловна убѣжала одѣваться и черезъ минуту вернулась въ синемъ дождевомъ плащѣ и въ оригинальной шапочкѣ, какія носятъ бретанскіе рыбаки на берегахъ Ламанша.

— Ну, Булочка, идемъ!—крикнула она и побѣжала.

Булочка послѣдовалъ за ней.

Генералъ воспаленными глазами слѣдилъ за развѣвающимся синимъ плащемъ, потомъ всталъ и, чуть не опрокинувъ по дорогѣ клѣтку съ попугаемъ, колеблющимися шагами направился къ калиткѣ. Разсерженный попугай пустилъ ему вслѣдъ „дурака"—онъ даже не оглянулся. Генеральша вся пошла красными пятнами и вскочила со стула.

— Лаврентій Иванычъ! Лаврентій Иванычъ!—пронзительно закричала она.—Куда ты? Лаврентій Иванычъ!.. Калоши, калоши хоть надѣнь!

Но генералъ упрямо шелъ впередъ и ничего не слышалъ. За столомъ кто-то тихонько хихикнулъ; на капитана напалъ кашель.

— Въ сущности, оно, знаете, не такъ уже сыро!—заговорилъ онъ, когда приступъ кашля кончился.—Тѣмъ болѣе, знаете, что теперь ученые совершенно даже отвергаютъ простуду. Вся суть въ микробахъ. Представьте, недавно я читалъ въ „Разныхъ разностяхъ", что даже любовь происходитъ отъ микробовъ... это удивительно!..

Но почувствовавъ, что „микробы любви" здѣсь уже совершенно неумѣстны, капитанъ запнулся и смущенно умолкъ. На верандѣ стало тихо... только море яростно ревѣло вдали.

XLIII.

Генералъ торопливо шелъ по парку. Здѣсь могучій голосъ моря былъ еще слышнѣе, и хотя по-прежнему въ воздухѣ не было ни малѣйшаго вѣтерка, но Лаврентію Иванычу чудилось, что деревья качаются и шумятъ, а дорожки странно раздваиваются и куда-то уползаютъ изъ-подъ ногъ. Иногда онѣ совсѣмъ исчезали, и генералъ испытывалъ странное ощущеніе, какъ будто у него подъ ногами была не земля, а пустое пространство. Но это его не безпокоило, и онъ шелъ прямо къ бесѣдкѣ. Они навѣрное тамъ... Онъ сейчасъ же ушлетъ куда-нибудь этого нахальнаго мальчишку и останется одинъ со своей Агарью... „яко Авраамъ!" Онъ предложитъ ей все, что у него есть, и она покорно пойдетъ за нимъ... Онъ уведетъ ее далеко въ пустыню, и тамъ она

Digitized by Google

будетъ плясать подъ звѣзднымъ небомъ вокругъ пылающаго костра... „Приди и возьми!“ Скорѣй, скорѣй, за нею!..

Вотъ и бесѣдка. Было странно, что она тоже колебалась, какъ бы отъ сильнаго вѣтра, и колонны ея висѣли точно на воздухѣ. Но тамъ никого не было. Внизу бушевало море. Оно подымало цѣлыя горы грязной пѣны и съ бѣшенствомъ выбрасывало ихъ на берегъ вмѣстѣ съ огромными бревнами, какими-то ящиками, разбитыми досками и всякой дрянью. Оно какъ будто злилось на эту грязь земли, которая осквернила его лазурныя нѣдра, и съ отвращеніемъ швыряла ее прочь. И оно было такъ страшно въ великомъ гнѣвѣ своемъ, что все кругомъ оробѣло и притихло. На берегу не было ни одной человѣческой души...

Генералъ пошелъ дальше. Отъ шума у него кружилась голова и дрожали колѣнки; во рту было горько. Ему казалось, что отвратительныя, грязныя волны бѣгутъ за нимъ, и онъ спѣшилъ уйти. Никогда еще ему такъ не хотѣлось тишины и порядка, какъ въ эту минуту, но какой-то безумный и безпокойный духъ гналъ его впередъ, заставлялъ метаться по парку, заглядывать во всѣ уголки и искать развѣвающагося синяго плаща неуловимой Агари.

Вдругъ, гдѣ-то совсѣмъ близко послышались голоса... Это они, они! Генералъ вспомнилъ, что тутъ за мостикомъ, въ тѣни громаднаго бука, есть скамейка. Онъ спустился напрямикъ по крутой тропинкѣ, перелѣзъ черезъ проволочную ограду, пробрался сквозь чащу громадныхъ лопуховъ и остановился.

XLIV.

Да, это дѣйствительно были они. Синій плащъ и бретанская шапочка, парусиновая блуза и гимназическая фуражка... Они выбрали себѣ хорошее мѣстечко: съ дорожки ихъ совсѣмъ нельзя было замѣтить, а шумъ моря сюда почти не достигалъ. И они, повидимому, чувствовали себя въ полной безопасности отъ всякаго посторонняго глаза. Синій плащъ нѣжно прильнулъ къ парусиновой блузѣ, а бретонская шапочка находилась въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ гимназическимъ блиномъ. Слышался короткій, раздражающій смѣхъ, прерываемый короткими, отрывистыми словами, но еще чаще слышались звучные поцѣлуи, и видно было, что ихъ давно уже перестали считать.

Генералъ окаменѣлъ.

— Ахъ, Булочка, какая вы вкусная!—въ антрактахъ говорила Лидія Кирилловна.—Постойте, дайте вздохнуть,— вы меня совсѣмъ задушили. Какъ хорошо, что у васъ нѣтъ

Digitized by Google

ни бороды, ни усовъ,—терпѣть не могу этихъ противныхъ колючихъ щетокъ!

Булочка что-то возразилъ. Лидія Кирилловна расхохоталась.

— Что? Ахъ вы, гадкій! Это было уже давно... Ну, цѣлуйте скорѣе, а то разсержусь. Милая Булочка... сдобная, мягкая... румяная... Не говорите мнѣ ничего про мужа! Вы знаете, сколько ему лѣтъ? Пятьдесятъ! А вамъ только 20!..

Генералъ рванулся впередъ, но голова у него закружилась, и онъ едва устоялъ на ногахъ, схватившись за стволъ дерева. Булочка насторожился.

— Постойте,—сказалъ онъ, прислушиваясь.—Кажется, кто-то сзади дышитъ...

— Ну, кто тамъ дышитъ?—легкомысленно сказала Лидія Кирилловна.—Никого нѣтъ. Какая вы трусишка, Булочка!

— Я вовсе не трусишка!—обидчиво возразилъ гимназистъ.—Я уже вамъ это доказалъ. Помните, въ кофейнѣ, когда этотъ армяшка хотѣлъ васъ поцѣловать? Если бы у меня былъ револьверъ, я бы его застрѣлилъ!

— Глупости, не застрѣлили бы! Кавказцы всѣ такіе ловкіе, такіе сильные...

— Я тоже сильный. Я одной рукой могу полтора пуда поднять. Посмотрите, какой у меня бицепсъ!

— Подите вы съ бицепсомъ! Давайте лучше цѣловаться... Разъ, два, три... Что? Вы опять?

— Да, ей-Богу, кто-то сопитъ!

— Никто не сопитъ! Сидите смирно. Это вѣтеръ. Ну, подумайте, кто, кромѣ насъ, пойдетъ теперь въ это болото?

— А вдругъ это вашъ мужъ?

— Мужъ? Ха-ха-ха... Онъ въ Портъ-Артурѣ!

— Ну, генералъ.

— Что? Этотъ старый сатиръ? Ха-ха-ха... Да его уже ноги не держатъ, того и гляди развалится. Съ чего вы это взяли?

— Онъ въ васъ влюбленъ.

— Мало ли кто въ меня влюбленъ! Это еще не значитъ, что я всѣмъ позволяю меня преслѣдовать.

— А зачѣмъ вы съ нимъ кокетничаете? Зачѣмъ розу давеча дали? Если вы это въ другой разъ сдѣлаете, ей-Богу, я вашего генерала побью.

— Булочка, вы ревнуете? Ха-ха-ха! Вы съума сошли! Свѣженькая, аппетитная булочка ревнуетъ къ старому, противному гробу... Ха-ха-ха!

Стыдъ, ужасъ и гнѣвъ душили генерала. „Подлая тварь!“

Digitized by Google

хотѣлъ онъ крикнуть—и не могъ. Языкъ у него сдѣлался жесткій и толстый, какъ суконка и беззвучно ворочался во рту; ноги приросли къ землѣ; красный туманъ застилалъ глаза, и въ этомъ кровавомъ облакѣ крутилась и хохотала безстыдная, наглая, развратная дьяволица.

— Нѣтъ, Булочка, это смѣшно! — продолжала Лидія Кирилловна.—Вы совсѣмъ глупенькій! Подумать, что я кокетничаю съ этимъ старымъ мопсомъ... брр!.. Даже унизительно... Да вѣдь отъ него молью пахнетъ... ха-ха-ха!

— Ну, а все-таки же онъ генералъ.

— Боже мой, какая рѣдкость! Да такіе генералы въ Петербургѣ на каждой тумбочкѣ сидятъ, и всѣ они одинаковые, какъ мѣдные пятачки. Мнѣ одинъ мичманъ говорилъ... вы знаете, всѣ мичманы ужасные вольнодумцы!—такъ вотъ, одинъ изъ нихъ говорилъ, что генераловъ тамъ гдѣ-то по одной мѣркѣ дѣлаютъ, какъ чучелъ. Снаружи онъ какъ будто и важный, а посмотрите внутри—тамъ одна пакля...

„Лжешь, лжешь, подлая баба!"—прохрипѣлъ, наконецъ, генералъ, но въ ту же минуту чей-то огромный, желѣзный кулакъ ударилъ его по головѣ, и онъ тяжко рухнулъ на землю. И все закачалось, все рухнуло вмѣстѣ съ нимъ... Падали деревья, падало солнце; грязная пѣна моря вышла изъ береговъ и захлестнула глаза; съ грохотомъ ринулось внизъ почернѣвшее небо и придавило его къ землѣ.

— Вы слышите? Вы слышите?—закричалъ Булочка.—Я говорилъ вамъ, что здѣсь кто-то есть!

Онъ вскочилъ со скамейки и бросился въ лопухи. Лидія Кирилловна, немного поблѣднѣвшая, но улыбающаяся послѣдовала за нимъ.

Въ лопухахъ лежалъ генералъ весь синій и протяжно хрипѣлъ. Сквозь стиснутые зубы выступила пѣнистая слюна; одинъ глазъ былъ закрытъ, другой, немного прищуренный, слегка дергался и какъ будто насмѣшливо кому-то подмигивалъ.

— Онъ слышалъ! Онъ все слышалъ!—бормоталъ Булочка, растерянно глядя на неподвижное генеральское тѣло.—Что теперь съ нимъ дѣлать? Это ужасно! Это ужасно!..

— Ахъ, Боже мой, ничего нѣтъ ужаснаго! — сказала Лидія Кирилловна, уже оправившись отъ перваго смущенія.—Кондрашка хватилъ, вотъ и все. Ступайте въ „Жемчужину" и скажите тамъ, чтобы его убрали.

Булочка, какъ сумасшедшій, кинулся бѣжать, а Лидія Кирилловна съ любопытствомъ посмотрѣла на хрипящаго генерала, сдѣлала гримаску и, брезгливо поднявъ платье,

Digitized by Google

стала взбираться на тропинку, по которой еще такъ недавно спускался бѣдный Авраамъ въ поискахъ за своей Агарью.

XLV.

Генерала подняли, перенесли въ „Жемчужину“ и послали за докторомъ. Докторъ, толстенькій господинъ съ золотой цѣпочкой на животѣ, спросилъ почему-то, не страдалъ ли больной катарромъ желудка, и затѣмъ глубокомысленно объявилъ, что у него — „легонькій ударчикъ“ и что онъ, можетъ быть, поправится, а, можетъ быть, и не поправится. Генеральша заранѣе надѣла траурное платье и сильно безпокоилась, получитъ ли она полную пенсію, или только половину. Она даже ѣздила совѣщаться въ „Красу Моря“ къ усатой адвокатшѣ и просила ее телеграфировать своему мужу, чтобы онъ навелъ объ этомъ справки гдѣ слѣдуетъ. Остальные жемчужинцы волновались совершенно безкорыстно и осыпали Лидію Кирилловну и Булочку вопросами, какъ все это случилось. Булочка больше отмалчивался или давалъ довольно сбивчивыя показанія, зато Лидія Кирилловна разсказывала охотно и обстоятельно, все съ новыми и новыми подробностями, какъ генералъ пришелъ, какъ онъ былъ веселъ и шутилъ и какъ потомъ вдругъ схватился за сердце и упалъ... На этомъ мѣстѣ всѣ дамы содрогались отъ ужаса, а Диди восклицала:

— Ахъ, хорошо, что я съ вами тогда не пошла! Я бы умерла на мѣстѣ... Я такъ боюсь мертвецовъ!

— Ну, Диди, какой же онъ мертвецъ? — возражала Лили. — Онъ еще насъ съ тобой переживетъ. Ты ужасно любишь преувеличивать!

Капитанъ былъ искренно огорченъ и повторялъ всѣмъ и каждому:

— Я это говорилъ! Я это предвидѣлъ! Помните, Иванъ Потапычъ, я вамъ тогда еще сказалъ: „бѣдный генералъ, съ нимъ что-то неладно!“ Вы помните, что я первый это сказалъ?

— Помню...—уныло отвѣчалъ Барташевъ.

На него печальное происшествіе съ генераломъ подѣйствовало удручающимъ образомъ. Онъ сдѣлался молчаливъ и разсѣянъ, пересталъ интересоваться войной, постоянно вздыхалъ и началъ еще больше заботиться о своемъ здоровьи. Среди самаго оживленнаго разговора онъ вдругъ вскакивалъ и съ болѣзненной гримасой ощупывалъ себѣ бока, или бѣжалъ къ зеркалу и долго разсматривалъ свой языкъ. Потомъ отводилъ капитана въ сторону и озабоченно его разспрашивалъ:

Digitized by Google

— Капитанъ, вы не замѣчаете, что у меня сегодня глаза какъ будто желтые?—А? И на языкѣ что-то такое... налетъ что-ли...—Вотъ посмотрите.

— Да... дѣйствительно...—соглашался капитанъ, разсматривая толстый и красный языкъ Ивана Потапыча.—Налетъ не налетъ, а такъ что-то... нехорошо!

— Ну, вотъ, ну, вотъ... Я ужъ чувствую! Ахъ, Боже мой, Боже мой... Долго ли эдакъ и умереть? Закупорится тамъ что-нибудь эдакое—и крышка!

— Да что вы, Иванъ Потапычъ! — утѣшалъ его капитанъ.—При вашей-то комплекціи?.. Да вы сто лѣтъ проживете!

— Ну да, сто лѣтъ! А, вонъ, генералъ-то? Ахъ, Боже мой, Боже мой...

Иногда онъ подходилъ къ попугаю, присаживался передъ нимъ на корточки и грустно говорилъ:

— Да, братъ, попка, вотъ она, жизнь-то человѣческая! Живешь, живешь и умрешь... А? Какъ ты думаешь?

Попка отвѣчалъ ему презрительнымъ молчаніемъ и грызъ сѣмечки, но когда Барташевъ очень уже ему надоѣдалъ, онъ дѣлалъ злые глаза и кричалъ:

— Дуракъ! Дуракъ-дуракъ-дуракъ... а?

— Глупая птица, ничего ты не понимаешь! — такъ же грустно произносилъ Иванъ Потапычъ и шелъ къ зеркалу смотрѣть языкъ.

XLVI.

Докторъ ѣздилъ аккуратно каждый день, на сочувственные разспросы дѣлалъ непроницаемое лицо и, ловко опуская въ жилетный карманъ полученный гонораръ, говорилъ: „терпѣніе, терпѣніе!“ Наконецъ, однажды, спустившись сверху, онъ самодовольно объявилъ, что „наука побѣдила“, и что генералъ поправляется. Конечно, полное возстановленіе невозможно... паціентъ, вѣроятно, никогда уже не будетъ свободно владѣть лѣвой рукой и ногой; затѣмъ, онъ совершенно потерялъ память и забылъ всѣ нужныя слова, но... лѣтъ десять проживетъ, а, можетъ быть, и больше. Извѣстіе это произвело въ „Жемчужинѣ“ сенсацію; Булочка съ Лидіей Кирилловной многозначительно переглянулись, а Барташевъ повеселѣлъ и выразилъ бурный восторгъ передъ могуществомъ науки.

— Наука-то, наука-то что значитъ, батенька, а?—говорилъ онъ капитану.—Вѣдь совершенно мертвый былъ человѣкъ и, посмотрите, ожилъ? Да, великая вещь — наука! Я, знаете, совершенно убѣжденъ, что современемъ ученые найдутъ средство сдѣлать человѣка безсмертнымъ.

Digitized by Google

— Ну, ужъ это вы хватили! — недовѣрчиво возразилъ скептическій капитанъ.

— Ничуть не хватилъ! Да развѣ вы не читали про нашего ученаго Мечникова въ Парижѣ? Онъ ужъ открылъ способъ продлить жизнь. Вся суть, оказывается, въ толстой кишкѣ; въ ней всякія вредныя бациллы заводятся. Взялъ, вырѣзалъ ее—и живи себѣ хоть 300 лѣтъ.

— Ну, ужъ это—не дай Богъ. Выдумаютъ безсмертіе, тогда столько всякой дряни на свѣтѣ расплодится, что и жить не захочешь.

— Шутите, капитанъ! Интересно все-таки знать, что будетъ на свѣтѣ черезъ 300 лѣтъ. XIX вѣкъ былъ вѣкомъ пара и электричества; теперь вотъ радій выдумали, а интересно, что еще выдумаютъ послѣ радія? Нѣтъ, знаете, я вотъ погляжу - погляжу, да и вырѣжу себѣ эту подлую кишку...

И весь день Иванъ Потапычъ ходилъ веселый, насвистывая что-то игривое, даже телеграмму опять купилъ и, прочитавъ въ ней, что японцы за время осады Портъ-Артура потерями 50,000 человѣкъ, пришелъ въ еще лучшее расположеніе духа.

XLVII.

Черезъ двѣ недѣли генерала въ первый разъ вывезли въ креслѣ на веранду. Онъ сидѣлъ чистенькій, свѣжій и странно помолодѣвшій. Все недоступное, величаво-генеральское исчезло съ его лица и смѣнилось добродушіемъ и ласковою привѣтливостью. Правда, лѣвый глазъ его былъ закрытъ, и вся лѣвая часть лица поражала своей неподвижностью, но зато правый глазъ смотрѣлъ ясно, открыто и по дѣтски безмятежно. Увидѣвъ солнце, зелень, сверкающія блестки моря, которыя прежде такъ раздражали его, генералъ обрадовался и торопливо задвигалъ пальцами правой руки.

— Му... му! пролепеталъ онъ, силясь что-то сказать.— Попугай при этихъ странныхъ звукахъ насторожился и пристально посмотрѣлъ на генерала.

Подошелъ капитанъ.

— Здравствуйте, генералъ!—развязно заговорилъ онъ.— Давно мы съ вами не видались... очень пріятная встрѣча! Ну что, какъ вы? Молодцомъ, а?

Генералъ радостно закивалъ головой.

— М-м-м!.. м-молочко! М-молочко!—вымолвилъ онъ, наконецъ, съ усиліемъ.

Капитанъ немножко смутился.

Digitized by Google

— Молочко? Да, да... выпить молочка недурно... Эй, кто тамъ есть, принесите генералу молока!

Явилась горничная съ подносомъ и подала генералу стаканъ молока. Но генералъ вдругъ разсердился и, отталкивая подносъ, плаксиво повторялъ:

— М-м... молочко! Молочко!

— Ничего не понимаю...—пробормоталъ сконфуженный капитанъ.—Убери! Видишь, генералъ не хочетъ!—крикнулъ онъ на горничную. Горничная,—хихикая, ушла.

— Молочко!.. Молочко!.. твердилъ генералъ и вдругъ заплакалъ.

— Чортъ знаетъ что! — сказалъ капитанъ, растерянно оглядываясь.—То-есть, хоть убей, рѣшительно не понимаю, въ чемъ тутъ дѣло...

Пришла генеральша и разъяснила загадку.

— Это онъ говоритъ „хорошо!"—сказала она, вытирая носовымъ платкомъ слезы, бѣгущія по щекамъ генерала. — Такъ вѣдь, Лаврентій Иванычъ? Хорошо?

Генералъ просіялъ и съ счастливой улыбкой кивнулъ головою.

— М-му... му! Молочко!—подтвердилъ онъ.

Попугай смотрѣлъ на генерала съ возроставшимъ изумленіемъ и, склонивъ голову на бокъ, что-то обдумывалъ. Капитанъ былъ разстроганъ.

— Да, знаете ли... прискорбное явленіе! — задумчиво проговорилъ онъ.—Такой, можно сказать, государственный умъ... и вдругъ „молочко!" Печально! Очень печально!..

XLVIII.

Былъ уже часъ обѣда, и всѣ стали собираться на веранду. Примчалась изъ парка Лидія Кирилловна въ сопровожденіи Булочки. Она только что играла въ лаунъ-теннисъ и вся раскраснѣлась, но, увидѣвъ генерала, немножко измѣнилась въ лицѣ и бросила быстрый, многозначительный взглядъ на смущеннаго Булочку.

— Ахъ, вотъ сюрпризъ!—воскликнула она съ преувеличеннымъ оживленіемъ. — Какъ это пріятно... Здравствуйте, генералъ!

Въ глазу генерала что-то мгновенно вспыхнуло... и сейчасъ же угасло. Онъ радостно засмѣялся и закивалъ головой.

— Ду... ду... дудочка! Дудочка!—вымолвилъ онъ, шевеля пальцами.

Digitized by Google

Лидія Кирилловна подняла брови, потомъ разсмѣялась и отошла къ Булочкѣ.

— Слышите, Булочка? Finì! Ничего не помнитъ, ничего не понимаетъ... Какъ это мило съ его стороны! За это я непремѣнно ему подарю... слюнявку!

Она снова засмѣялась, и въ ея смѣхѣ было что-то до такой степени безстыдное и жестокое, что даже легкомысленнаго Булочку покоробило. Онъ нахмурился и молча отошелъ отъ Лидіи Кирилловны.

Явился Барташевъ съ свѣжей телеграммой въ карманѣ и озабоченнымъ лицомъ, свидѣтельствовавшимъ, что дѣла на Дальнемъ Востокѣ опять пошли плохо. При видѣ генерала онъ оживился.

— А, генералъ — весело сказалъ онъ. — Вотъ это великолѣпно! Да вы прямо цвѣтете, ей Богу!.. Что значитъ наука!

— Мм-му...—сочувственно промычалъ генералъ.

— Что? Немножко языкъ не слушается, да? — Ну, это пустяки, пройдетъ! Для науки нѣтъ ничего невозможнаго,— наука великая вещь! А въ телеграммахъ сегодня опять печальныя вѣсти, генералъ. Представьте, нашъ броненосецъ „Севастополь“ наткнулся на мину... Хорошо, если на японскую, а если на свою? Это уже прямо непростительно. Не понимаю, гдѣ наши адмиралы? Что они тамъ дѣлаютъ?

Генералъ слушалъ внимательно и потомъ отвѣчалъ совершенно серьезно:

— М-му... — Чепчики! Чепчики клюютъ, смородину печатаютъ!

И, какъ будто вспомнивъ что-то, лукаво прищурилъ правый глазъ и скороговоркой прибавилъ:

— Пятачки... Пятачки-пятачки-пятачки!

Барташевъ въ недоумѣніи вытаращилъ на него глаза. Но попугай, должно быть, понялъ, наконецъ, въ чемъ дѣло. Онъ весь встрепенулся, перекувыркнулся черезъ жердочку и закричалъ:

— Подруга! Подруга пришла... Попочка, дай головку! Дай головку!

Генералъ обратилъ на него свой правый глазъ и засмѣялся.

— Попка-дуракъ!—отчетливо вымолвилъ онъ и, довольный тѣмъ, что такъ твердо помнитъ это слово, повторилъ еще разъ:—попка-дуракъ!

Попка спустился съ жердочки и просунулъ голову сквозь прутья клѣтки.

Генералъ съ трудомъ протянулъ руку.

Digitized by Google

— Что вы, что вы, генералъ!—съ испугомъ вскрикнулъ Барташевъ.—Осторожнѣе, укуситъ!

Къ его удивленію, попка довѣрчиво подставилъ генералу свое темя, и Лаврентій Иванычъ съ безмятежной улыбкой началъ его гладить.

XLIX.

Подали обѣдъ, и генерала подкатили къ столу. Онъ оживился и жадно набросился на ѣду, чмокая губами и проливая супъ на салфетку, обвязанную вокругъ шеи. Дамы наперерывъ за нимъ ухаживали, отмахивали вѣерами липнувшихъ къ нему мухъ, а Диди сѣла рядомъ и предупредительно подкладывала ему на тарелку кушанья.

— Скушайте еще, генералъ! Неправда ли, это очень вкусно, генералъ?—щебетала она и послѣ каждаго кусочка нѣжно вытирала салфеткой его мокрыя губы. Генералъ не протестовалъ.

Подали рыбу. Генералъ вдругъ омрачился, оттолкнулъ тарелку и закапризничалъ.

— Звѣздочку!.. Дай звѣздочку!..—сердито бормоталъ онъ.

Всѣ засуетились. Генеральша вскочила.

— Ахъ, Боже, ну что такое?—растерянно говорила она.—Какую тебѣ звѣздочку, Лаврентій Иванычъ?—Ну, ты вспомни, вспомни хорошенько... Можетъ быть, ростбифу хочешь?

— Звѣздочку...—хныкалъ генералъ, готовый разразиться слезами.

— Дичи? Салату?—подсказывали всѣ.—Кофе? Арбуза?

Генералъ трясъ головой и упрямо повторялъ:

— Звѣ-ѣздочку! Звѣздочку!

Генеральша была въ отчаяніи.

— Боже мой, вотъ наказанье! Всѣ слова забылъ... точно ребенокъ сдѣлался... Это ужасно!

— Постойте!—вскричала Диди.—Я знаю! Генералъ хочетъ котлетку!—Правда, генералъ, вы хотите котлетку?

— М-му... — сказалъ генералъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ и все свое вниманіе устремилъ на поданную ему котлету.

Диди торжествовала.

— Вотъ видите? Вотъ видите? Я все понимаю, что онъ говоритъ! M-me Мукосѣева, если вамъ что-нибудь понадобится, вы всегда зовите меня! Мы съ генераломъ отлично понимаемъ другъ-друга... не правда ли, генералъ?

L.

Послѣ обѣда генерала опять отвезли на веранду. Попка привѣтствовалъ его радостнымъ крикомъ. Барташевъ подошелъ къ капитану.

Digitized by Google

— А каковъ генералъ-то, а? — уныло сказалъ онъ.—Я, признаться, не ожидалъ... Чортъ бы его дралъ, и безсмертіе, если такъ! На что она послѣ этого и наука, когда ничего сдѣлать не можетъ. Уничтожить ее, подлую, больше ничего!

— Да...—отвѣчалъ капитанъ, ковыряя въ зубахъ.—Тутъ ужъ, знаете, никакой Мечниковъ не поможетъ. Прахъ и тлѣнъ! Звѣздочку вмѣсто котлетки проситъ... печальное зрѣлище! А вѣдь какими дѣлами ворочалъ, а? Страхъ и трепетъ... А теперь... Что онъ такое теперь?

— Государственный младенецъ!—подсказалъ сбоку Булочка.

— Да...—меланхолически подтвердилъ капитанъ, но посмотрѣлъ вдругъ на розовое, пухлое лицо племянника и разсердился.—А ты что тутъ скачешь, когда тебя не спрашиваютъ, а? Самъ по-латыни провалился и туда же... критиковать! Ты знай свой ерундіумъ, вотъ тебѣ и все, а критика и библіографія не твое дѣло... „Государственный младенецъ!"—передразнилъ онъ Булочку и, совершенно забывшись, прибавилъ:—Ты еще дослужись сначала до этого, а потомъ и того... и критикуй... Ерундіумъ!

— Именно „ерундіумъ"!—со вздохомъ вымолвилъ Барташевъ.—И Мечниковъ, и наука, и толстая кишка... ни во что я теперь не вѣрю. Все ерунда... Надо поскорѣе домой ѣхать...

А генералъ нѣжился на солнышкѣ и, зажмуривъ глаза, открывъ ротъ, наслаждался ощущеніемъ сытости и полнаго покоя. Иногда онъ протягивалъ руку къ попугаю и, щекоча его по головкѣ, бормоталъ: „Попка-дуракъ!"

— Попка-дуракъ!—отвѣчалъ ему попугай.

И оба заливались счастливымъ смѣхомъ безсознательности.

Digitized by Google

О дѣтскомъ чтеніи.

(Изъ наблюденій учительницы).

Что ни говорятъ, а чтеніе—могучее орудіе, часто перерабатывающее по-своему юную человѣческую душу. Посмотрите, что дѣлаютъ топоръ и соха съ матерью-землею: недавно еще здѣсь шумѣлъ дремучій лѣсъ, а вотъ прошли эти два чародѣя, и вмѣсто дикой зеленой чащи колышется желтѣющая нива. Такъ бываетъ и съ душой человѣка: сначала все въ ней было нетронуто и пустынно, но стоило раздаться могучему слову, облечься въ яркую живую форму, и на мѣстѣ глухой заросли поднялись пышные колосья, сулящіе богатый урожай. Намъ возразятъ, пожалуй, что мы слишкомъ розово смотримъ на вліяніе чтенія; поэтому оговоримся и прибавимъ, что это вліяніе, конечно, всегда существующее (это положеніе непреложно), не всегда бываетъ одинаково, какъ не одинакова человѣческая натура—на нее дѣйствуетъ все окружающее: и жизнь, и школа, и книга, но одинъ изъ факторовъ преобладаетъ въ зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ человѣка; желательно бы, конечно, чтобъ школа и чтеніе дѣйствовали дружно, рука объ руку; ихъ вражда такъ же ненормальна, какъ вражда двухъ родныхъ сестеръ.

Насколько сильно вліяніе чтенія, показываетъ тотъ фактъ, что взрослый человѣкъ вспоминаетъ съ благодарностью первую книгу, произведшую на него впечатлѣніе, прочитанную имъ съ захватывающимъ интересомъ. Бѣлинскій справедливо сказалъ, что человѣкъ всю жизнь помнитъ тотъ вздоръ, который онъ читалъ въ дѣтствѣ, и который тогда ему нравился. Такая книга служитъ для него своего рода Америкой: она открываетъ ему новый міръ. Эта почетная роль далеко не всегда принадлежитъ первой книгѣ послѣ азбуки, можетъ быть, потому, что, овладѣвъ процессомъ чтенія, ребенокъ все же нѣкоторое время читаетъ еще, какъ Петрушка; онъ слишкомъ малъ, чтобъ справиться съ тѣмъ, что даетъ ему самостоятельное чтеніе, работа черезчуръ отвлеченная

Digitized by Google

для его юнаго ума, хотя та же книга, прочитанная вслухъ другимъ лицомъ, можетъ быть, и покажется ему интересной; въ такомъ случаѣ, и голосъ читающаго, и его интонація, а также, пожалуй, и попутныя объясненія послужатъ какъ бы переводомъ книги съ чуждаго пока ребенку языка. Если же книга и при самостоятельномъ чтеніи произвела на него впечатлѣніе, значитъ она попала въ тотъ благопріятный моментъ, когда молодой умъ уже былъ готовъ къ ея воспріятію въ цѣломъ; раньше онъ еще кое-какъ охватывалъ тамъ и сямъ тѣ или другіе эпизоды, какъ это дѣлаетъ и взрослый, но неразвитый человѣкъ. Впрочемъ, эта предварительная работа не пропала даромъ: она привела къ синтезу. Помимо благопріятнаго момента здѣсь необходимо, чтобъ данная книга отвѣчала на запросы, уже шевелящіеся въ душевномъ складѣ ребенка.

Я имѣла возможность наблюдать, какъ въ одной семьѣ развивался постепенно среди дѣтей интересъ къ чтенію. Первой интересной книгой для 7 лѣтней дѣвочки явилась старинная чувствительная повѣсть „Леля на необитаемомъ островѣ", дававшая полную возможность и поплакать, и помечтать, а ея братъ, будущій военный, только тогда принялся читать, когда ему, уже 13-лѣтнему мальчику, среди массы другихъ книгъ, постоянно покупавшихся родителями, попалась подъ руку исторія Наполеона I съ прекрасными гравюрами, изображавшими безчисленныя наполеоновскія битвы. (Нѣтъ сомнѣнія, что и иллюстраціи играютъ важную роль въ пробужденіи интереса къ чтенію).

Вспомнимъ С. Аксакова. Первая книга, которую онъ прочелъ послѣ азбуки, была пресловутое „Зеркало добродѣтели", но ея нравоучительные разсказы въ духѣ искусственнаго дидактизма XVIII вѣка не произвели на него сильнаго впечатлѣнія, хотя онъ faute de mieux и перечелъ ихъ нѣсколько разъ. Зато въ какой восторгъ пришелъ онъ отъ Новиковскаго „Дѣтскаго Чтенія", разъяснившаго ему явленія природы, той природы, которая была всегда страстью Аксакова, почему онъ, уже старикъ, съ любовью вспоминалъ о роскошныхъ берегахъ Бугуруслана, обросшихъ зелеными кустами, о многочисленныхъ рѣкахъ и рѣчкахъ, гдѣ когда-то онъ ловилъ рыбу, о чащахъ, гдѣ онъ охотился. Когда онъ прочелъ эти книги „Дѣтскаго чтенія", подаренныя ему добрымъ сосѣдомъ, передъ нимъ, какъ онъ говоритъ, „открылся новый міръ".

Первая книга, давшая толчекъ душевнымъ силамъ ребенка, можетъ сыграть роль и въ его послѣдующей жизни. Первыя печатныя сочиненія, съ которыми познакомился Ломоносовъ, были грамматика Мелетія Смотрицкаго, ариѳметика Магницкаго и псалтирь Симеона Полоцкаго. Не опредѣлили ли они отчасти его будущей дѣятельности? Грамматика, физика, какъ наука матема-

Digitized by Google

тическая, воспѣваніе Бога и природы—вотъ въ чемъ выразилась главная работа „этого перваго русскаго университета".

Кто знаетъ, сдѣлался ли бы Кольцовъ поэтомъ, еслибъ ему не попались подъ руку случайно стихотворенія Дмитріева, бывшія для него какъ бы откровеніемъ. Въ подражаніе имъ онъ написалъ свое первое стихотвореніе „Три видѣнія"; оно было неуклюже, безформенно, но это была первая попытка творчества, первый лепетъ только что раскрывшейся поэтической души, и съ тѣхъ поръ поэтъ-самоучка уже видѣлъ свою дорогу.

Алексѣй Толстой говорилъ, что на шестомъ году жизни на него произвели сильное впечатлѣніе стихотворенія одного изъ поэтовъ, и съ тѣхъ поръ онъ полюбилъ поэзію.

По словамъ Шелгунова, важную роль въ его жизни сыграла Библія: „Мало того, что я надъ нею плакалъ, я не могъ читать ее безъ особаго торжественнаго трепета; я проникался при ея чтеніи ощущеніемъ именно того же чувства свободы, независимости, чего-то такого хорошаго, легкаго, что дѣлало меня совсѣмъ счастливымъ". Какъ извѣстно, вся жизнь и дѣятельность Шелгунова были проникнуты этимъ благороднымъ стремленіемъ къ свободѣ. Крайняя сантиментальность Руссо и его пылкое воображеніе объясняются, быть можетъ, не только его происхожденіемъ отъ отца-фантазера, но и тѣми многочисленными романами, которыми онъ зачитывался вмѣстѣ съ отцомъ, проводя иногда за такимъ чтеніемъ цѣлыя ночи. Гейне въ дѣтствѣ, по его разсказу, сильно увлекался „Донъ Кихотомъ": онъ не смѣялся надъ нимъ—нѣтъ,—онъ плакалъ надъ участью благороднаго, непрактичнаго мечтателя, онъ всей душой сочувствовалъ ему и, можетъ быть, уже тогда рѣшился быть „рыцаремъ духа", понявъ духовную красоту Донъ-Кихота.

Но если книги такъ дѣйствуютъ на ребенка, то велико ли ихъ дѣйствіе на взрослаго человѣка, или оно прекращается съ выходомъ изъ дѣтскаго возраста, переходя въ чисто внѣшнее вліяніе, т. е. давая начитанность, привычку къ правильной рѣчи, но не касаясь ни ума, ни характера. Это было бы грустно, но, къ счастью, дѣло обстоитъ иначе. Въ замѣчательныхъ лекціяхъ по русской исторіи проф. Ключевскаго имѣется интересный разсказъ о ярославскомъ помѣщикѣ Опочининѣ, лишившемъ себя жизни въ припадкѣ taedium vitae, такъ же знакомой многимъ образованнымъ людямъ XVIII с., какъ и лучшимъ римлянамъ временъ имперіи. Впрочемъ, и обстоятельства здѣсь были тѣ же: тяжелыя соціальныя условія, отсутствіе разумной и плодотворной дѣятельности. Распредѣляя свое имущество, бѣдный Опочининъ съ горечью говоритъ въ завѣщаніи, что книгъ ему некому оставить, а между тѣмъ только онѣ и освѣщали отраднымъ свѣтомъ его сѣренькую жизнь. „Любезныя мои книги!" восклицаетъ онъ: „не знаю, кому завѣщать ихъ. Онѣ были первое мое сокро-

Digitized by Google

вище, онѣ только и питали меня въ моей жизни; еслибы не было ихъ, то моя жизнь шла бы въ непрерывномъ огорченіи, и я давно бы съ презрѣніемъ оставилъ сей свѣтъ!" Очевидно, книги сыграли большую роль въ жизни этого ихъ владѣльца, а насколько благотворно было ихъ вліяніе, видно изъ того, что онъ завѣщалъ раздать барскій хлѣбъ крестьянамъ и отпустилъ на волю своихъ дворовыхъ; если же онъ не освободилъ другихъ своихъ крѣпостныхъ, такъ потому, что въ то время пышнаго расцвѣта крѣпостного права такое освобожденіе было обставлено большими затрудненіями во избѣжаніе лишняго волненія умовъ. Прямой потомокъ несчастнаго самоубійцы Опочинина, Евгеній Онѣгинъ, тоже много читалъ, но мы позволимъ себѣ не согласиться съ Пушкинымъ, что онъ читалъ „безъ толку": если „ярмо онъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнилъ", то этимъ рѣшеніемъ, конечно, былъ обязанъ тѣмъ книгамъ, которыя онъ по прочтеніи „задернулъ траурной тафтой"; онѣ научили его тому „какъ государство богатѣетъ", убѣдили въ важности свободнаго труда.

Великій Гете рельефно рисуетъ намъ вліяніе чтенія на взрослаго юношу, Вильгельма Мейстера. Когда онъ прочелъ Шекспира, въ немъ точно произошелъ важный переворотъ; знакомство съ „Гамлетомъ" открыло ему новые горизонты, въ конецъ измѣнило его взгляды на драму и драматическое искусство, а, что еще важнѣе, дало ему также глубже заглянуть въ человѣческую душу. Можно возразить, пожалуй, что иногда вліяніе чтенія остается чисто платоническимъ, и не всегда вычитанныя идеи осуществляются въ дѣйствительности читателями. Наши предки, читая Вольтера и Дидро, отсылали тѣмъ не менѣе дворовыхъ на конюшню для домашняго исправленія. „Упражняя голову помѣщика," говоритъ проф. Ключевскій, „смягчая ощущенія, книги для него служили нервнымъ моціономъ и не улучшали существующаго порядка". „Однако" продолжаетъ почтенный историкъ: „поколѣніе волтерьянцевъ не было совсѣмъ безплоднымъ явленіемъ въ нашей исторіи. Само оно не сдѣлало употребленія изъ своихъ идей, но оно послужило важнымъ передаточнымъ пунктомъ; не примѣняя къ дѣлу своего умственнаго запаса, поколѣніе это сберегло его до поры до времени и передало слѣдующему поколѣнію, которое сдѣлало изъ него болѣе серьезное употребленіе".

Итакъ, если чтеніе служитъ могучимъ орудіемъ въ процессѣ умственнаго и нравственнаго развитія, то надо научить дѣтей управлять имъ, добиться, чтобъ чтеніе приносило имъ возможно большую пользу, а не было только „нервнымъ моціономъ". Извѣстны слова знаменитаго педагога, который на вопросъ одной матери, когда ей надо начинать воспитаніе своей 2 лѣтней дѣвочки, отвѣтилъ: „Если вы еще не начали, то вы уже потеряли

Digitized by Google

два года времени". Подобно этому педагогу, мы скажемъ, что надо заботиться о внѣклассномъ чтеніи дѣтей съ того самаго момента, когда они научатся читать. Существуетъ мнѣніе, что не слѣдуетъ пріучать дѣтей къ чтенію слишкомъ рано; если они сами не хотятъ пока браться за книгу, то пусть только бѣгаютъ и играютъ, а влеченіе къ книжкамъ придетъ само собой. Съ этимъ взглядомъ нельзя согласиться: вѣдь это все равно, что дѣтей, не заговаривающихъ объ ученіи, не сажать за книгу, пока они этого не захотятъ сами. А что если такое желаніе у нихъ совсѣмъ и не явится? Вѣдь есть дѣти лѣнивыя вслѣдствіе малокровія и связанной съ нимъ апатіи. Неужели оставлять ихъ въ состояніи круглаго невѣжества только потому, что у нихъ нѣтъ *силы желать* собственнаго просвѣщенія. Нечего сказать, поблагодарятъ они своихъ родителей, когда, выросши, увидятъ себя круглыми невѣждами въ кругу образованныхъ сверстниковъ. То же самое бываетъ и съ чтеніемъ. Нѣкоторымъ дѣтямъ, лѣнивымъ по натурѣ, нужно втянуться въ него съ чужой помощью. Если ребенокъ лѣтъ до 12 ничего не читаетъ, кромѣ учебниковъ, необходимо исподволь пріучать его къ книгѣ, вылѣчивая его медленно и осторожно отъ очевидно владѣющей имъ умственной лѣни. Можно продѣлывать это сначала съ помощью чтенія вслухъ: рѣдкія дѣти, какъ бы лѣнивы и вялы они ни были, не любятъ слушать чужого чтенія, если читается, конечно, что-нибудь хоть мало-мальски интересное. Такое чтеніе книги взрослыми вслухъ можетъ на первыхъ порахъ чередоваться съ самостоятельнымъ чтеніемъ ребенка, а позже, когда интересъ возбужденъ, и мозгъ нѣсколько проснулся, ребенокъ и безъ посторонняго побужденія самъ примется за книгу. Такимъ дѣтямъ со слабо развивающимся мышленіемъ даются сперва короткіе разсказы—сложнаго содержанія они не охватятъ, но шагъ за шагомъ дозы чтенія должны расширяться. Такая своеобразная умственная гимнастика въ особенности примѣнима къ дѣтямъ изъ семей неинтеллигентныхъ или полуинтеллигентныхъ; въ послѣднихъ родители хотя и хранятъ въ своихъ шкафахъ дипломы объ окончаніи курса, но, ограничившись одной учебой, не пошли дальше, книга для нихъ не стала потребностью, и безъ духовнаго хлѣба они существуютъ довольно благополучно; сочиненія классиковъ, облеченныя въ красивые переплеты, служатъ для нихъ только необходимой кабинетной принадлежностью, какъ письменный столъ, бронзовый приборъ на немъ и т. д. Если въ силу наслѣдственности и дѣти у нихъ явятся съ рыхлыми, лишенными пытливости мозгами, то здѣсь и понадобится своего рода умственное тренированье. Въ домахъ интеллигентныхъ это едва ли потребуется: тамъ ребенокъ съ самаго ранняго возраста окруженъ благотворной умственной атмосферой, и руки его сами тянутся къ книгамъ.

Намъ скажутъ, что такой режимъ носитъ искусственный

Digitized by Google

характеръ: оставьте ребенка, подверженнаго умственной лѣни, на нѣкоторое время въ покоѣ, и умъ его заснетъ опять. Это не такъ. Представьте себѣ, что вы крѣпко заснули; васъ будятъ долго, вставать вамъ не хочется; но вотъ вы встали, правда, разбуженный другими, въ окно свѣтитъ майское солнце, въ саду привѣтливо чирикаютъ птицы. Вы рады, что встали, вы благодарны тому, кто васъ разбудилъ, и сонъ въ темной, душной комнатѣ вамъ болѣе не кажется привлекательнымъ. А не разбуди васъ во время, и вы бы долго провалялись въ постели, встали бы съ больной головой и весь день хмуро бы глядѣли на свѣтъ Божій. Такой важный двигатель, какъ чтеніе, нельзя забрасывать и оставлять въ небреженіи, онъ требуетъ ухода, и уходъ этотъ приноситъ прекрасные плоды. Бывали примѣры, что дѣти, выросшія въ самой антиинтеллигентной обстановкѣ, втягивались въ чтеніе, благодаря умѣлому руководству воспитателей, хотя раньше и не выказывали никакой склонности къ книгѣ.

Желательно, чтобъ книга стала насущной потребностью воспитываемаго, и стремленіе къ ней вошло у него въ плоть и кровь. Мало толку, если онъ лишь примкнетъ къ числу „случайныхъ читателей", которые берутся за книгу только потому, что въ данную минуту нѣтъ подъ рукой другого, болѣе интереснаго, развлеченія. „Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь почитать?" иногда говорятъ они, зѣвая: „такая тоска—придется вечеромъ сидѣть дома". Въ подобныхъ случаяхъ выборъ чтенія почти не играетъ никакой роли—лишь бы убить скучные часы, свободные по странной случайности отъ винта или танцевъ. При этомъ мнѣ вспоминается знакомая дама, ежегодно просившая меня приготовить ей интересную книжечку „для первой недѣли поста", когда и театры закрыты, и въ гости ходить не принято. Въ другое время года дама забывала о существованіи печатнаго слова.

Мы установили, что вмѣшательство взрослыхъ иногда необходимо, чтобъ осторожно пробудить и развить въ дѣтяхъ любовь къ чтенію, но оно требуется и для руководства самимъ выборомъ чтенія. Тутъ невольно возникаетъ вопросъ: необходимъ ли пуризмъ при этомъ выборѣ, или же дѣти могутъ читать рѣшительно все? Въ доказательство послѣдняго положенія приводятъ многихъ знаменитыхъ людей, читавшихъ въ дѣтствѣ все безъ разбора и зато рано обогатившихъ свой умъ разнообразными свѣдѣніями. Мнѣ кажется, этотъ вопросъ настолько важенъ что нельзя рѣшать его категорически въ ту или другую сторону, а надо (какъ и бываетъ всего чаще въ практической педагогикѣ) дѣйствовать сообразно съ индивидуальностью ребенка; въ этомъ насъ убѣдили наши многолѣтнія наблюденія надъ дѣтьми. Есть натуры, настолько благодарныя, настолько чистыя, что имъ ничто не повредитъ; изъ самой скверной книжонки онѣ почерпнутъ лишь

Digitized by Google

ту крупицу хорошаго, которая въ нее попала, можетъ быть, случайно, помимо воли автора. Другія, наоборотъ, и изъ хорошей книжки сумѣютъ выудить только дурное. Одинъ изъ извѣстныхъ, уже умершихъ педагоговъ утверждалъ, что даже чтеніе пресловутыхъ историческихъ романовъ Дюма-отца, можетъ быть полезно, т. к. оно служитъ первой стадіей для развитія любви къ исторіи; невѣрное освѣщеніе лицъ и событій здѣсь еще не вредитъ, а важно именно пробужденіе вкуса къ этой наукѣ. Благодаря и такому чтенію, всѣ эти Генрихи и Людовики, имена которыхъ ничего не говорятъ имъ на страницахъ Иловайскаго, сдѣлаются живыми лицами для молодого читателя, а это именно и нужно, Покойный педагогъ, въ общемъ, былъ правъ; но есть дѣти, которыя не такъ скоро прогрессируютъ въ чтеніи, какъ ихъ болѣе талантливые собратья; для нихъ, пожалуй, Дюма скорѣе вреденъ: они остановятся на немъ и не пойдутъ дальше, требуя отъ каждой книги такой же занимательности, какой отличаются, по ихъ мнѣнію, „Графъ Монте-Кристо“ или „Три мушкетера“. Для нихъ необходимо иное, болѣе здоровое начало, т. к. они заинтересуются не историческими личностями, а самой интригой.

Извѣстны многочисленные случаи бѣгства гимназистовъ въ Америку подъ вліяніемъ романовъ Майнъ-Рида и Густава Эмара; очевидно, для этихъ бѣглецовъ подобная умственная пища оказалась нездоровой, тогда какъ многіе ихъ товарищи заинтересовывались отнюдь не приключеніями кровожадныхъ героевъ, излюбленныхъ названными авторами, а тѣми свѣдѣніями изъ географіи и естественной исторіи, которыя тамъ имѣются иногда въ изобиліи; аляповатыя произведенія Эмара и Майнъ-Рида пробудили въ нихъ охоту къ занятіямъ этими науками. Для дѣтей съ непомѣрно развитой фантазіей Жюль-Вернъ вреденъ, для другихъ же, съ серьезнымъ складомъ ума, онъ положительно полезенъ. Мы встрѣчали мальчиковъ, которые подъ вліяніемъ его произведеній, начинали сильно интересоваться физикой и продѣлывать физическіе опыты. Здѣсь точно повторяется исторія средневѣковыхъ алхимиковъ: ища философскаго камня и жизненнаго элексира, они наталкивались мимоходомъ на дѣйствительныя открытія.

Итакъ, трактуя занимающій насъ вопросъ, мы ставимъ второе положеніе:

При выборѣ книгъ для дѣтскаго чтенія необходимо сообразоваться съ дѣтской индивидуальностью, Изъ данныхъ заключеній вытекаетъ необходимость контроля надъ чтеніемъ учащихся.

Какъ же производить этотъ контроль, нетрудный въ домашнемъ быту, но не легкій въ учебномъ заведеніи при массѣ учащихся? Для этого есть нѣсколько способовъ. Если дѣти пользуются книгами изъ училищной библіотеки, то по записямъ можно прослѣдить, какія книги всего чаще берутся, и по нимъ судить о вкусахъ чи-

Digitized by Google

тающихъ. Но этотъ источникъ далеко не достаточенъ. Начать съ того, что въ огромномъ большинствѣ нашихъ школьныхъ библіотекъ количество книгъ далеко не велико, наиболѣе живыя и любознательныя дѣти скоро перечитаютъ ихъ всѣ и примутся искать себѣ книгъ въ другихъ мѣстахъ,—стало быть, возможность слѣдить за ихъ чтеніемъ по каталогу скоро прекращается. Бѣдность же ученическихъ библіотекъ объясняется тѣмъ, что далеко не во всѣхъ изъ нихъ книги пріобрѣтались покупкой, по выбору лицъ компетентныхъ; въ большинствѣ случаевъ (особенно въ учебныхъ заведеніяхъ, насчитывающихъ не мало лѣтъ жизни) ядро библіотеки состоитъ изъ книгъ, когда-то пожертвованныхъ, набранныхъ, что называется, съ бору да съ сосенки и на добрыя двѣ трети уже устарѣвшихъ. Если потомъ библіотека и пополняется, то медленно и крайне скудно. Значитъ, руководиться библіотечными записями можно далеко не всегда, а приходится прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Однимъ изъ такихъ средствъ являются записи самихъ дѣтей. Въ одномъ учебномъ заведеніи, гдѣ очень высоко ставится значеніе внѣкласснаго чтенія, ученики еженедѣльно подаютъ своему преподавателю русскаго языка тетрадки съ обозначеніемъ всего прочитаннаго ими за недѣлю.

Пишущая эти строки, воспользовавшись хорошимъ примѣромъ, завела такой же порядокъ въ своихъ классахъ, и результаты получились очень интересные: явилась возможность сдѣлать заключенія о вкусахъ дѣтей и выводить полезныя для преподавателя аналогіи. Хотя дѣти и знали, что ихъ отношеніе къ чтенію, большее или меньшее количество прочитаннаго не будутъ оцѣнены никакой отмѣткой, но тѣмъ не менѣе у нихъ возникло прекрасное по своимъ послѣдствіямъ соревнованіе: даровитыя и живыя дѣвочки втягивали въ чтеніе своихъ болѣе вялыхъ и лѣнивыхъ подругъ.

Однѣми записями, конечно, нельзя ограничиться: не то, чтобъ дѣтямъ было ужъ слишкомъ свойственно обманывать взрослыхъ,—какъ это думаютъ нѣкоторые суровые педагоги старой школы, до сихъ поръ вѣрящіе въ конечную испорченность человѣческой, а потому и дѣтской натуры,—но если и взрослые могутъ иногда подолгу обманывать самихъ себя, то тѣмъ болѣе къ этому склонны дѣти, вообще менѣе живущія сознательной жизнью, менѣе способныя разобраться въ собственныхъ впечатлѣніяхъ. Имъ кажется, что они прочли книгу, между тѣмъ какъ они только перелистали ее, прочли только разговоры да передачу фактовъ, совсѣмъ пропустивъ описанія; они воображаютъ нерѣдко, что поняли содержаніе, тогда какъ оно совсѣмъ не усвоено ими. Поэтому необходимъ, кромѣ записей, извѣстный опросъ учениковъ по поводу прочитаннаго. Достаточно задать 2—3 вопроса, чтобъ судить о томъ, какой слѣдъ оставила книга, что произвело впечатлѣніе, и что прошло мимо, не затронувъ ни молодого ума, ни

Digitized by Google

молодого чувства. Для изученія дѣтской личности, такіе отвѣты даютъ чрезвычайно цѣнный матеріалъ.

Здѣсь важно познакомить дѣтей даже съ внѣшними пріемами чтенія, образовать изъ нихъ вполнѣ культурныхъ читателей. Напримѣръ, ребенокъ совсѣмъ не считаетъ нужнымъ запоминать имя автора—необходимо пріучить его къ этому. Хорошо, если съ этой цѣлью онъ прямо запишетъ въ свою тетрадочку названіе книги и ея автора. Это посодѣйствуетъ, кромѣ того, и развитію въ немъ аккуратности и любви къ порядку, такъ что и впослѣдствіи чтеніе его не будетъ носить неряшливаго характера. Уча читать разумно, слѣдуетъ обращать вниманіе дѣтей и на обстановку дѣйствія. Часто, поглощенные лишь самой интригой, ея завязкой и развязкой, они не интересуются вопросомъ, гдѣ именно, въ какой странѣ происходитъ дѣйствіе, и даже характерныя имена дѣйствующихъ лицъ ничего не говорятъ имъ объ этомъ. Стало быть, надо не оставлять безъ вниманія и этой стороны чтенія, пріучать маленькихъ читателей распознавать гдѣ живутъ интересующіе ихъ герои, а если книга историческая, то и въ какую эпоху. Дѣтямъ изъ среды некультурной бываютъ трудны для пониманія повѣсти и разсказы изъ иностранной жизни, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы надо было держать ихъ въ кругѣ однихъ и тѣхъ же понятій,—чтеніе, напротивъ того, должно вывести ихъ изъ того тупика, куда забросила ихъ судьба, и показать имъ болѣе широкіе горизонты.

Контрольныя тетради, о которыхъ мы говорили выше, примѣняются кое-гдѣ и въ провинціи, но жаль, что ихъ примѣненіе обращается иногда въ педантическую мѣру. Такъ, учитель Майкопскаго реальнаго училища (см. приложеніе къ сентябрьскому выпуску „Циркуляра по Кавказскому учебному округу") предложилъ своимъ читающимъ ученикамъ отвѣчать на слѣдующіе вопросы: „1) Заглавіе прочитанной книги? 2) Какого числа начато и какого окончено чтеніе? 3) Каждый ли день она читалась и въ какое время? 4) Сколько часовъ въ день употреблялось на чтеніе? 5) Сколько страницъ прочитывалось въ день? 6) Что мѣшало чтенію? 7) Дочиталъ ли книгу до конца? 8) Пропускалъ ли страницы при чтеніи и, если пропускалъ, то почему? 9) Написать пересказъ прочитанной книги или наиболѣе интересной ея части. 10) Какія лица наиболѣе понравились въ прочитанномъ произведеніи и почему? 11) Какія лица не понравились и почему? 12) Какія мѣста понравились въ прочитанной книгѣ (если не длинныя, то выписать)? 13) Выписать наиболѣе интересныя слова и выраженія, которыя желалъ бы выучить. 14) Чего не понялъ въ прочитанномъ? 15) Принялся ли послѣ чтенія книги за новую или почему-либо сдѣлалъ перерывъ въ чтеніи?"

Предпишите ученику слѣдовать намѣченнымъ правиламъ и, садясь за книгу или оставляя ее, взглядывать на часы, а также,

Digitized by Google

читая, помнить, что онъ долженъ непремѣнно отвѣтить письменно на предложенные многочисленные вопросы, и вы сдѣлаете изъ внѣкласснаго чтенія противный и трудный урокъ.

Контроль долженъ быть, но не обременительный для дѣтей: цѣль его знакомиться съ ихъ вкусами и склонностями, и разъяснять непонятое при чтеніи, указывать на лучшія книги въ томъ случаѣ, если выборъ ихъ со стороны самого ученика неудовлетворителенъ въ педагогическомъ или художественномъ отношеніи. При умѣломъ веденіи дѣла дѣти сами охотно обращаются къ учителю за разъясненіями по поводу прочитаннаго и указаніями интересныхъ и хорошихъ книгъ.

Въ высшей степени важно выяснить, какія книги наиболѣе любимы дѣтьми. Желая придти къ опредѣленнымъ выводамъ относительно этого занимающаго насъ вопроса, мы опросили болѣе 250 дѣвочекъ въ возрастѣ отъ 9 до 15 лѣтъ. *Изъ короткихъ письменныхъ отвѣтовъ выяснилось, что старшія (въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ) предпочитаютъ всему остальному книги историческаго содержанія;* эти книжки (разумѣется, историческая беллетристика) переходили изъ рукъ въ руки и зачитывались иногда до полной растрепанности и негодности. Такъ какъ мнѣ удалось опросить и гимназистокъ, и ученицъ профессіональной школы (такого же возраста), то я имѣла случай убѣдиться, что хотя тѣ и другія предпочитали историческіе повѣсти и романы всѣмъ прочимъ книгамъ, но въ школѣ книгамъ по русской исторіи отдавалось преимущество передъ такими же по исторіи всеобщей. Объяснялось это очень просто: гимназистки болѣе знакомы съ всеобщей исторіей, чѣмъ ученицы данной школы, гдѣ этотъ отдѣлъ исторіи не проходится, обстановка дѣйствія чужда читательницамъ, отчего и интересъ мало возбуждается. Впрочемъ, послѣ учительскихъ объясненій такія книги тоже читались съ интересомъ, причемъ особеннымъ успѣхомъ пользовались среди 14—15 лѣтнихъ дѣвочекъ романъ Манцони „Обрученные“ (сильное впечатлѣніе производитъ здѣсь, обыкновенно, яркое описаніе чумы въ Миланѣ), романы Бульвера (напр., „Послѣдніе дни Помпеи“ и „Гарольдъ“), нѣкоторые романы Вальтеръ-Скотта (говорю нѣкоторые, но не всѣ, потому что тѣ, сюжетъ которыхъ взятъ исключительно изъ исторіи Шотландіи, какъ-то менѣе интересны, чѣмъ другіе), какъ, напр., „Кенильвортъ“, „Айвенго“, „Талисманъ“. И гимназисткамъ, и дѣвочкамъ изъ народа одинаково нравилась „Жанна д'Аркъ“ Марка Твэна, книга, написанная задушевно и поэтично. Усердно читались и романы Эберса, и не мало слезъ проливалось надъ его „Дочерью египетскаго царя“. Зато „Мученики“ Шатобріана рѣдко дочитываются до конца: напряженность языка и завязки слишкомъ бросается въ глаза. Можно положительно сказать, что этотъ поэтъ Реставраціи уже отжилъ свое время. Историческія драмы Шекспира,

Digitized by Google

Гете и Шиллера понятны подросткамъ этого возраста лишь тогда, когда ихъ читаетъ самъ учитель, который сумѣетъ выкинуть то, что пока недоступно, и будетъ постоянно комментировать свое чтеніе; иначе говоря, требуется здѣсь, пожалуй, „вольный переводъ“ ихъ, а это жаль, потому что въ такомъ случаѣ философская подкладка ихъ ускользаетъ, превышая дѣтское пониманіе. Чѣмъ до извѣстной степени „уродовать“ классическое произведеніе, лучше отложить знакомство съ нимъ года на два.

Отдавая преимущество русской исторіи предъ всеобщей, мои школьницы охотно читали повѣсти изъ эпохъ имъ уже извѣстныхъ—явное доказательство, что предварительныя объясненія не только не уменьшаютъ, но, напротивъ того, усиливаютъ интересъ къ произведенію. Надо было видѣть радость дѣвочекъ, когда, читая „Кн. Серебрянаго“ или „Басурмана“, онѣ встрѣчали лицъ, знакомыхъ имъ по урокамъ русской исторіи. Можно было замѣтить за послѣдніе годы постепенное ослабленіе интереса къ повѣстямъ Фурмана; еще недавно онѣ нравились, но теперь уже читаются несравненно рѣже; ихъ замѣнили у дѣтей лучше и современнѣе написанныя повѣсти Авенаріуса: „Во львиной пасти“, „Меньшой потѣшный“, „Три вѣнца“ и друг. „Юрій Милославскій“ и „Рославлевъ“ берутся до сихъ поръ нарасхватъ, несмотря на сантиментальность и устарѣлый языкъ; но дѣло въ томъ, что Загоскинъ, какъ разсказчикъ, даровитѣе безцвѣтнаго Фурмана.

Чѣмъ же объясняется любовь дѣтей къ исторической беллетристикѣ? Не только тѣмъ, что здѣсь много событій, много дѣйствія (хотя и это привлекательно для дѣтей),—но въ такихъ книгахъ ихъ чаруетъ „правда“, сознаніе, что изображенные факты дѣйствительно были. На вопросъ, почему дѣтямъ нравятся книги историческаго содержанія, спрошенныя неизмѣнно отвѣчаютъ: „Тамъ разсказано то, что было на самомъ дѣлѣ“, или „Мнѣ всего интереснѣе знать, что это не выдумано“ и т. п. Дѣти часто разочаровываются, когда узнаютъ, напримѣръ, что многія лица, выведенныя въ историческихъ произведеніяхъ, совсѣмъ не существовали, а представляютъ собой плодъ авторскаго воображенія. Впрочемъ, на первыхъ порахъ ихъ не слѣдуетъ такъ разочаровывать—вѣдь здѣсь важно, повторяемъ, не приготовленіе къ наукѣ, а развитіе вкуса къ чтенію болѣе серьезному, болѣе трудному, чѣмъ простое повѣствованіе; и не бѣда, если они будутъ думать, что поэтъ, передающій въ своихъ запискахъ жизнь Жанны д'Аркъ, лицо не вымышленное, какъ и трубадуръ Теобольдъ въ старинной повѣсти Чистякова.

Съ теченіемъ времени дѣти станутъ сознательнѣе относиться къ подобному чтенію, сумѣютъ отличить правду отъ вымысла, и тогда при большемъ развитіи ума такое критическое отношеніе къ книгѣ не ослабитъ интереса къ ней, или же при серьезномъ направленіи вкусовъ и возрастающей пытливости оно побудитъ

Digitized by Google

искать и чтенія болѣе серьезнаго: тогда, значитъ, историческа беллетристика сдѣлала свое дѣло и подготовила даннымъ образомъ почву для другого посѣва. Итакъ, не надо преждевременно расхолаживать, точно разграничивая историческую дѣйствительность отъ работы фантазіи автора.

„Если съ Антономъ (героемъ романа „Басурманъ") не все было такъ, какъ здѣсь написано", сказала мнѣ со слезами одна дѣвочка,—„такъ я дальше и читать не хочу". Конечно, читатели нашей статьи поймутъ насъ. Мы не хотимъ сказать, чтобъ въ руки ребенка можно было бы дать всякую дѣтскую книжку историческаго содержанія, мало-мальски сносно написанную. Нѣтъ, разумѣется, ни одинъ разумный педагогъ не порекомендуетъ произведеній, гдѣ грубо искажены историческіе факты; въ особенности же надо избѣгать, какъ огня, такихъ, въ которыхъ проповѣдуется вредный шовинизмъ или же патріотизмъ, получившій съ легкой руки князя Вяземскаго названіе „квасного"; отъ него обыкновенно съ трудомъ отдѣлываются впослѣдствіи: часто объ этотъ печальный сортъ патріотизма, заботливо привитый съ дѣтства, безплодно разбивается, какъ о непроницаемую броню, всякая разумная историческая критика.

Другой причиной любви дѣтей къ историческому чтенію является, какъ уже сказано выше, то обиліе занимательныхъ фактовъ, которое даетъ исторія. Дѣти цѣнятъ это болѣе, чѣмъ психологію—тонкія психологическія положенія имъ непонятны.

Не умѣя еще разбираться въ своей постоянно растущей психикѣ, неспособныя пока къ самонаблюденію, они не найдутъ интереса въ той простой съ виду фабулѣ, которая цѣнна для взрослаго человѣка своимъ внутреннимъ содержаніемъ,—имъ нужны факты и факты.

Дѣтьми весьма охотно читаются и перечитываются біографическія повѣсти: въ нихъ есть милая дѣтскому сердцу правда. Посмотрите, какъ увлекаются и мальчики, и дѣвочки повѣстями Авенаріуса „Отроческіе годы Пушкина" и „Юношескіе годы Пушкина". Правда, его трилогія изъ жизни Гоголя написана не такъ талантливо, но и ея первыя двѣ книги сильно нравятся; только послѣдняя часть съ ея разсказомъ о первыхъ литературныхъ шагахъ Гоголя и его отношеніяхъ къ Свиньину и Сенковскому мало понятна дѣтскому уму. Жаль, что нѣтъ такихъ же повѣстей изъ дѣтства Жуковскаго и Лермонтова.

Жизнь перваго, въ мирной деревенской глуши, среди любящаго его женскаго круга, игры съ маленькими племянницами, домашніе спектакли, ученическіе годы въ уѣздномъ училищѣ и позже въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ—все это даетъ богатѣйшій матеріалъ для интересной беллетристической работы. Много занимательнаго представляетъ собою и дѣтство Лермонтова: ранняя смерть матери поэта, его тяжелое положеніе

Digitized by Google

между отцомъ и бабушкой, поэтическая поѣздка на Кавказъ, жизнь въ Тарханахъ среди крѣпостнической обстановки и т. д. Конечно, юность Лермонтова не можетъ быть взята, какъ сюжетъ для дѣтской повѣсти, но дѣтскіе годы его дѣло иное.

Успѣхъ біографическихъ повѣстей находитъ себѣ объясненіе еще и въ томъ явленіи, по которому дѣтямъ бываетъ пріятно видѣть взрослыхъ людей, имъ симпатичныхъ и близкихъ, вмѣшивающимися въ ихъ игры: имъ интересно читать о великихъ людяхъ, учившихся, игравшихъ, шалившихъ, какъ они сами; всѣ эти великаны какъ будто сходятъ со своихъ пьедесталовъ, приближаются къ нимъ, дѣтямъ. Это то же самое чувство, которое побуждаетъ ихъ часто просить родителей разсказать имъ, какіе они были маленькіе,—и если тѣ разскажутъ имъ о какой нибудь собственной шалости въ далекомъ прошломъ, восторгу ребятъ обыкновенно нѣтъ конца.

Но не все же дѣтямъ предлагать историческія и біографическія повѣсти: вѣдь среди дѣтскихъ книгъ огромный контингентъ составляютъ бытовые очерки и разсказы, знакомящіе съ современной жизнью. Но здѣсь возникаетъ чрезвычайно важный и интересный вопросъ: какія изъ подобныхъ произведеній предпочитаютъ дѣти? Тѣ-ли, гдѣ рисуется ихъ собственная среда, хорошо знакомая имъ обстановка, или другія, позволяющія имъ хоть не надолго заглянуть въ чужой міръ, въ новыя, неизвѣстныя имъ до тѣхъ поръ условія? Не будемъ и въ данномъ случаѣ рѣшать вопроса категорически, а обратимся лучше ко вкусамъ взрослыхъ читателей и посмотримъ, что они предпочитаютъ. (Слѣдуетъ, разумѣется, принять во вниманіе и окружающія условія, и степень умственнаго развитія читателя). Безспорно, человѣкъ, живущій среди безысходной нужды, грязи и нищеты, непремѣнно захочетъ „позабыться въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ“.

Жалкая Настя въ комедіи Горькаго „На днѣ“ упивается топорными вымыслами бульварныхъ романовъ и подъ ихъ впечатлѣніемъ создаетъ себѣ такое прошлое, какого у нея быть не могло, сама вѣря въ свои фантастическіе разсказы, надъ которыми издѣваются обитатели ужасной ночлежки.

Читатель, о которомъ говорится въ одномъ изъ разсказовъ Глѣба Успенскаго, сидя въ грязномъ нумерѣ провинціальной гостиницы, зачитывался „Воскресшимъ Рокамболемъ“, такъ что библіотекарь его, лавочникъ, писалъ ему въ поощреніе: „иво еще много будетъ воскрещаго“.

Я помню одну старую даму, бывшую институтку, жившую въ крайней нищетѣ съ пьяницей мужемъ и больной дочерью. Когда ей принесли для чтенія романъ Достоевскаго „Униженные и оскорбленные“, она послѣ краткаго просмотра съ неудовольствіемъ отложила его въ сторону: ей не было никакого интереса читать о томъ, что она видѣла, отъ чего страдала ежедневно;

Digitized by Google

зато она горячо благодарила за романы Марлиттъ, дававшіе ей возможность позабыться, слѣдя за жизнью разныхъ нѣмецкихъ графинь и принцессъ. Можетъ быть, колоссальный успѣхъ романовъ Марлинскаго объясняется именно тѣмъ, что они уносили воображеніе читателя изъ мрачной обстановки гнетущаго Николаевскаго режима въ особый міръ бурныхъ, нечеловѣческихъ страстей, гдѣ не было ни казармъ, ни полицейскихъ, ни фельдъегерей, но гдѣ жили, пылко любили и красиво умирали разные Гремины, Лидины, Звонскіе, герои безъ времени и пространства. Чѣмъ тяжелѣе переживаемое время, тѣмъ иногда неестественнѣе ломается литература. Вѣкъ Людовика XIV съ его вылощеннымъ, но бездушнымъ деспотизмомъ былъ эпохой расцвѣта ложноклассической поэзіи; въ Николаевское время увлекались, какъ мы уже сказали, Марлинскимъ, а теперь мы видимъ, какъ ломаются декаденты, доморощенные поклонники сатаны и т. д. Мы не говоримъ объ орлахъ поэзіи,—и при Николаѣ жили Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь,—но о той литературѣ, которая въ данную эпоху преобладаетъ въ количественномъ отношеніи и представляетъ собою среднее чтеніе для средней публики. Чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ онъ чувствительнѣе къ фальши, и тѣмъ менѣе удовольствія можетъ ему доставить такая, не имѣющая ничего общаго съ жизнью, литература: и въ первой половинѣ XIX вѣка были люди, смѣявшіеся надъ Марлинскимъ и Бенедиктовымъ.

Сказанное о взрослой читающей публикѣ можно примѣнить и къ читающимъ дѣтямъ. Я могу положительно утверждать, что дѣти бѣднѣйшихъ слоевъ населенія особенно любятъ читать тѣ книги, гдѣ описана жизнь богачей. Прочитавъ какую-нибудь біографію бѣдной дѣвочки (въ родѣ „Какъ Маша стала мастерицей „*Догановичъ*), они часто хоромъ заявляютъ, что это неинтересно. Почему? задается вопросъ: „Да мы это знаемъ: что хорошаго читать все про мастерицъ и портнихъ?“

Итакъ, бѣднымъ дѣтямъ нравятся книги, дающія имъ возможность заглянуть въ чужую среду и отдохнуть душой отъ собственной неприглядной обстановки. Всегда ли хорошо дѣйствуетъ такое чтеніе—это другой вопросъ. Нѣтъ сомнѣнія, что постоянно читать о жизни богатыхъ людей, пріятно проводящихъ время въ роскошныхъ квартирахъ и катающихся на собственныхъ лошадяхъ, далеко не поучительно для бѣднаго ребенка, заброшеннаго случайностью рожденія въ самыя скромныя житейскія условія. Помню, съ какимъ удовольствіемъ описывала мнѣ одна юная читательница комнату богатой героини разсказа (это было при передачѣ содержанія прочитанной дома книги). „Комната освѣщалась розовымъ фонарикомъ, мебель была обита розовымъ атласомъ“, твердила она, видимо смакуя эти подробности. Ей, бѣдняжкѣ, жившей съ родителями и еще тремя малютками-сестрами въ одной комнатѣ, составлявшей всю квартиру, конечно, будуаръ

Digitized by Google

„съ розовымъ фонарикомъ“ представлялся какимъ-то земнымъ раемъ.

Стало быть, необходимо регулировать чтеніе, избѣгая вредной односторонности, и указывать дѣтямъ и на тѣ книги, гдѣ изображена трудовая жизнь бѣдняковъ, лишь бы это изображеніе не носило слишкомъ сѣраго тона, излюбленнаго нашими народниками: такой тонъ отобьетъ хоть у кого угодно охоту къ подобному чтенію, невольно потянетъ опять къ „розовому фонарику“, который, по крайней мѣрѣ, хорошо описанъ. Конечно, этотъ печальный колоритъ слишкомъ сросся съ русскимъ литераторомъ: „отъ ямщика до перваго поэта мы всѣ поемъ уныло“, но такъ какъ въ молодомъ поколѣніи необходимо воспитывать бодрость духа, то часто скорѣй порекомендуешь ученику какой-либо англійскій разсказъ, чѣмъ безпросвѣтную повѣсть добросовѣстнаго, честнаго, но черезчуръ уже плаксиваго русскаго писателя.

Если послѣдній и выведетъ хорошаго, энергичнаго юнаго труженика, то съ нимъ ужъ непремѣнно что-нибудь случится: или онъ замерзнетъ въ мятель, или въ рѣку свалится, или умретъ отъ горячки ни съ того, ни съ сего. Подобныя русскія повѣсти такъ и напрашиваются на странный выводъ: не стоитъ и быть хорошимъ, а то рано умрешь.

Поневолѣ укажешь дѣтямъ скорѣе на англійскую повѣсть, гдѣ юный Джимъ или Дикъ живетъ чуть не въ сараѣ, но самъ себя содержитъ, да еще бѣдной сосѣдкѣ и ея дѣтямъ помогаетъ, и дѣлаетъ онъ это, не теряя ни бодрости духа, ни задорнаго юмора, такъ что понемногу, несмотря на неблагопріятную обстановку, изъ него вырабатывается препорядочный англійскій гражданинъ.

Дѣти интеллигентныхъ родителей, какъ замѣчено нами, охотно читаютъ книги съ описаніями ихъ же среды, но это объясняется тѣмъ, что ихъ среда рѣже даетъ имъ тѣ гнетущія впечатлѣнія, которыя съ избыткомъ валятся на ихъ менѣе счастливыхъ сверстниковъ, какъ шишки на бѣднаго Макара. Оттого-то на вопросъ: „Любите ли вы читать описанія вашего круга, вашей среды?“—дѣти изъ народа отвѣчаютъ отрицательно, а дѣти состоятельныхъ классовъ, утвердительно. *Впрочемъ, и у тѣхъ, и у другихъ пользуются большимъ успѣхомъ повѣсти и разсказы изъ школьной жизни*— (одни встрѣчаютъ въ нихъ *свою* среду, другія—*чужую*, такъ какъ подобныя произведенія рисуютъ по большей части быть средне-учебныхъ заведеній), какъ „Товарищъ“ Познякова, „Дѣвочки“ Лухмановой, „Записки институтки“ Чарской (хотя эта книга отличается нѣкоторой лубочностью), „Дѣти Солнцевыхъ“ Кондрашевой (вторая часть этой книги не совсѣмъ годна для дѣтскаго чтенія) и т. д.; на этой нейтральной почвѣ какъ бы примиряются тѣ и другія.

Читатель, надѣюсь, не подумаетъ, будто мы собираемся запи-

Digitized by Google

рать и прятать отъ бѣдныхъ дѣтей повѣсти и разсказы изъ быта тѣхъ людей, чья жизнь лучше обставлена и въ матеріальномъ, и въ умственномъ отношеніи. Ограничивать кругъ ихъ чтенія и пичкать ихъ описаніями ихъ же надоѣвшей имъ сѣренькой среды все равно, что пускать заключеннаго дышать чистымъ воздухомъ на тюремномъ дворѣ, въ тѣсной клѣткѣ: правда, онъ видитъ клочекъ неба, но въ сущности выноситъ мало удовольствія, потому что ему все время приходится толкаться на томъ же мѣстѣ, какъ бѣлкѣ въ колесѣ, да и кругомъ онъ видитъ тѣ же клѣтки и знаетъ, что въ нихъ находятся такіе же несчастные, какъ онъ, люди. Едва ли подобная прогулка дастъ ему должное освѣженіе. Наконецъ это и невозможно: одностороннее чтеніе непремѣнно набьетъ оскомину, и дѣти все равно заглянутъ въ иной міръ, но только уже безъ нашего руководства и совсѣмъ нежелательнымъ для насъ образомъ. Не хотѣлось бы, разумѣется, чтобъ дѣти выносили изъ книгъ озлобленіе и зависть или неудержимое стремленіе только къ матеріальнымъ благамъ: желательно было бы видѣть въ нихъ впослѣдствіи людей бодрыхъ, энергичныхъ и дѣятельныхъ, не пассивныхъ страдальцевъ, а борцовъ, вѣрящихъ въ улучшеніе и своей участи и, что еще важнѣе, участи ближнихъ.

Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для этого является, безъ сомнѣнія, возможно широкое образованіе. Какъ неправы поэтому наши обскуранты, которые, думая развить въ бѣдныхъ дѣтяхъ довольство ихъ скромной долей, стараются всячески урѣзывать скудныя знанія, получаемыя ими въ школахъ. При полузнаніи воображеніе работаетъ сильнѣе, но, бѣдное хорошимъ матеріаломъ, оно работаетъ одностороннe, и нѣтъ сдерживающей грубые аппетиты нравственной силы. Чѣмъ выше умственное развитіе, тѣмъ лучше работа мышленія, которое стремится разобраться во всевозможныхъ житейскихъ впечатлѣніяхъ, найти настоящую дорогу, почему читатель охотно хватается за книгу, гдѣ встрѣчаются положенія, аналогичныя съ его собственнымъ: онъ ищетъ въ ней отвѣта на многіе возникшіе у него вопросы и, вооруженный знаніемъ, не будетъ расплываться въ безплодныхъ мечтахъ, а отмежуетъ себѣ на землѣ тотъ уголокъ, въ которомъ онъ можетъ устроиться возможно лучше для другихъ и для себя. Не даромъ Бэконъ замѣтилъ, что мелкіе умы придаютъ слишкомъ много значенія различіямъ, а крупные болѣе цѣнятъ сходство.

Рѣшивъ вопросъ о томъ, какой средѣ отдаютъ дѣти предпочтеніе въ литературныхъ произведеніяхъ, упомянемъ о слѣдующемъ родѣ книгъ, нравящихся дѣтямъ: *это тѣ, которыя даютъ просторъ ихъ чувствительности*; надъ ними можно поплакать, сочувствуя горькой судьбѣ изображенныхъ лицъ. Человѣку съ его сложной натурой свойственно находить странное,

Digitized by Google

повидимому, наслажденіе въ чувствѣ грусти (конечно, когда оно не имѣетъ слишкомъ близкаго, реальнаго основанія). Это явленіе близко къ тому пріятно-жуткому чувству, съ какимъ дѣти слушаютъ страшныя сказки: тутъ и боязнь, и радостное сознаніе, что въ противоположность героямъ сказки они-то сами находятся въ данную минуту въ полнѣйшей безопасности. Здѣсь есть большая доля эгоизма, но и альтруизмъ играетъ нѣкоторую роль. Въ миніатюрѣ мы видимъ въ подобномъ наслажденіи ту черту, о которой сказалъ еще Пушкинъ:

„Есть упоеніе въ бою
„И бездны мрачной на краю,
„И въ разъяренномъ океанѣ
„Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
„И въ аравійскомъ ураганѣ,
„И въ дуновеніи чумы".

Пользуясь этимъ общечеловѣческихъ свойствомъ, надо и здѣсь избѣгать крайностей и не держать дѣтей въ мірѣ сантиментальномъ, въ мірѣ исключительно чувствительныхъ исторій и положеній, чтобъ не развить въ нихъ излишней нервности и слезливости. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ, кто руководитъ дѣтскимъ чтеніемъ, все же позаботится, чтобъ, знакомясь и съ печальными, темными сторонами жизни, дѣти выносили изъ этого чтенія не одно нервное волненіе, ни къ чему дѣльному потомъ не ведущее, а бодрое, дѣятельное желаніе придти на помощь всѣмъ обездоленнымъ. Имъ укажутъ поэтому, что та нищета, о которой они читали въ книгахъ, не вымыселъ, и заставятъ думать не только о своей маленькой особѣ, но и о другихъ. Нельзя скрывать, что въ нашихъ достаточныхъ семьяхъ дѣти часто растутъ эгоистами: родительскія заботы о ихъ здоровьи и благополучіи часто доходятъ до вредныхъ размѣровъ. Ребенокъ видитъ нищаго и стремительно бѣжитъ подать ему милостыню. Его останавливаютъ, говоря, что у нищаго грязныя руки—еще заразитъ чѣмъ-нибудь. Онъ хочетъ одолжить свою книгу для прочтенія товарищу—опять запретъ: кто знаетъ—можетъ быть, въ семьѣ товарища теперь корь, скарлатина или коклюшъ—лучше не давай.

Страхъ предъ воображаемой опасностью заставляетъ упускать изъ виду другую опасность, несомнѣнно существующую: возможность развитія въ будущемъ натуры эгоистической, у которой будетъ девизомъ поговорка: „Моя хата съ краю". Вотъ чтеніе и можетъ служить въ данномъ случаѣ хорошимъ противоядіемъ, заставляя читающаго жить жизнью другихъ людей, раздѣлять ихъ горести и радости, отнюдь не считая себя самого центромъ вселенной; но, повторяемъ, тутъ нуженъ разумный руководитель.

Расширенію дѣтскаго кругозора не мало помогаетъ и чтеніе путешествій. Еще недавно путешествія, изложенныя въ формѣ не беллетристической, совсѣмъ не находили себѣ читателей среди

Digitized by Google

дѣ.ей. *Теперь же это чтеніе становится все болѣе и болѣе распространеннымъ.*

Такое измѣненіе дѣтскихъ вкусовъ объясняется тѣмъ прогрессомъ, который проявился наконецъ въ преподаваніи географіи: вмѣсто зубренія безчисленной номенклатуры и безплоднаго, томительнаго черченія картъ, преподаватели, ставъ на вѣрную точку зрѣнія, начали знакомить дѣтей съ природой и людьми невѣдомыхъ молодому поколѣнію странъ. Это сейчасъ же пробудило въ ученикахъ интересъ къ этой наукѣ, еще усиленный и возвращеніемъ естествознанія изъ его продолжительной ссылки. Въ то же время и въ печати появилось много прекрасно написанныхъ путешествій, которыя какъ разъ отвѣчаютъ спросу; назовемъ хоть сочиненія Елисѣева, „Путешествіе по южной Америкѣ"—Іонина, „Путешествіе вокругъ свѣта"—Циммермана (2-ое исправ. изданіе) и другія. Чрезвычайно полезно читать эти книги съ атласомъ въ рукахъ. Иногда такой совѣтъ пользоваться при чтеніи атласомъ кажется дѣтямъ дикимъ—отъ него слишкомъ пахнетъ урокомъ, но потомъ, слѣдуя ему, они видятъ, что тогда интересъ къ книгѣ еще усиливается. Это одно изъ средствъ воспитывать *сознательность* чтенія. Если же читаются книги естественно-историческія, желательно бы давать возможность дѣтямъ производить надлежащіе опыты, заботиться о птицахъ, маленькихъ животныхъ, наблюдать за жизнью насѣкомыхъ и т. д. Если дать человѣку въ руки эти три дивныхъ свойства—любовь къ себѣ подобнымъ, любовь къ умственному труду и любовь къ природѣ, то, снабженный столькими рессурсами, онъ не окажется лишнимъ гостемъ на жизненномъ пиру и будетъ близокъ къ той „полнотѣ жизни", о которой, какъ о достижимомъ для каждаго идеалѣ, говорилъ покойный симпатичный философъ Гюйо.

До сихъ поръ мы говорили о тѣхъ книгахъ, которыя въ ходу среди наибольшаго контингента читающихъ дѣтей, т. е. въ возрастѣ отъ 10—15 лѣтъ.

Вотъ почему мы не затрагивали еще вопроса о сказкахъ, тоже постоянно вызывающаго оживленные споры. Слѣдуетъ ли читать сказки дѣтямъ отъ 7—9—10 лѣтъ? Мы не боимся отвѣтить здѣсь утвердительно: да, несомнѣнно, слѣдуетъ. Сказка такая же необходимая пища для дѣтской фантазіи, какъ материнское молоко для младенца: ребенокъ можетъ быть выкормленъ и инымъ путемъ, но это все же явленіе, анормальное, а иногда залогъ будущаго нездоровья. Дѣтскіе годы могутъ пройти и безъ милаго сказочнаго міра, но тогда дѣти не получатъ той развитой фантазіи, той драгоцѣнной теплоты, которая такъ нужна будущему человѣку. Какія же сказки предпочитаются малютками? *Всегда почти тѣ, гдѣ фантастическій элементъ соединенъ съ юморомъ*: вотъ почему сказки Пушкина съ ихъ здоровымъ смѣ-

Digitized by Google

хомъ такъ нравятся дѣтямъ. Впрочемъ, всего раціональнѣе начинать чтеніе со сказокъ народныхъ и затѣмъ уже переходить къ художественнымъ. Наивность народнаго міросозерцанія всего понятнѣе ребенку. Однако, т. к. народъ любитъ и грубую шутку, то надо быть осмотрительнымъ въ выборѣ сказокъ, потому что и въ сборникъ Аѳанасьева, наиболѣе распространенный, вкралось не мало тривіальныхъ и вульгарныхъ сказокъ, ужъ не говоря о сборникѣ Гримма (изд. Павленкова), который при изданіи недостаточно былъ просмотрѣнъ. Мы тоже не допустили бы дѣтей читать датскія сказки Грундвига, изъ которыхъ многія прямо неприличны, и даже „Тысячу и одна ночь", гдѣ восточная фантазія и въ передѣлкѣ для дѣтей, не теряя занимательности, сохраняетъ все же свою первобытную грубость. Мы исключили бы изъ каталога сказокъ, пригодныхъ для дѣтскаго чтенія, также сказки объ Иванушкѣ дурачкѣ: онѣ не только часто грубы, но и самая мораль ихъ мало назидательна. Въ этомъ отношеніи мы, пожалуй, примыкаемъ къ извѣстному мнѣнію Гончарова о вредѣ для Ильюши Обломова сказокъ „о невѣдомой сторонѣ, гдѣ нѣтъ ни ночей, ни холода, гдѣ все совершаются чудеса, гдѣ текутъ рѣки меду и молока, гдѣ никто ничего круглый годъ не дѣлаетъ, а день-деньской только и знаютъ, что гуляютъ все добрые молодцы, такіе, какъ Илья Ильичъ, да красавицы, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Тамъ есть и добрая волшебница, являющаяся у насъ иногда въ видѣ щуки, которая изберетъ себѣ какого нибудь любимца, тихаго, безобиднаго, другими словами— какого нибудь лѣнтяя, котораго всѣ обижаютъ, да и осыпаетъ его ни съ того ни съ сего разнымъ добромъ, а онъ, знай, кушаетъ себѣ да наряжается въ готовое платье, а потомъ женится на какой нибудь неслыханной красавицѣ, Милитрисѣ Кирбитьевнѣ. Взрослый Илья Ильичъ хотя послѣ и узнаетъ, что нѣтъ медовыхъ и молочныхъ рѣкъ, нѣтъ добрыхъ волшебницъ, хотя и шутитъ онъ съ улыбкой надъ сказаніями няни, но улыбка эта неискренняя; она сопровождается тайнымъ вздохомъ: сказка у него смѣшалась съ жизнью, и онъ груститъ подчасъ, зачѣмъ сказка не жизнь, а жизнь не сказка. Онъ невольно мечтаетъ о Милитрисѣ Кирбитьевнѣ; его все тянетъ въ ту сторону, гдѣ только и знаютъ, что гуляютъ, гдѣ нѣтъ заботъ и печалей; у него навсегда остается расположеніе полежать на печи, походить въ готовомъ, незаработанномъ платьѣ и поѣсть на счетъ доброй волшебницы". Разумѣется, такое вредное вліяніе сказокъ на Ильюшу объясняется дремотной и праздной обстановкой Обломовской жизни—здѣсь почва была слишкомъ хорошо подготовлена для подобнаго воспріятія; но тѣмъ не менѣе сказки объ Иванушкѣ-Дурачкѣ имѣютъ, по нашему мнѣнію, лишь интересъ историческій. Въ нихъ заработавшійся, измученный народъ вылилъ свою мечту о спокойной, привольной, праздной жизни, въ

Digitized by Google

ущербъ другимъ сословіямъ, до тѣхъ поръ бравшимъ себѣ лучшіе куски на жизненномъ пиру.

Удивительныя метаморфозы, происходящія съ счастливцемъ Иванушкой, могутъ, конечно, позабавить дѣтей, но хорошаго воспитательнаго значенія имѣть онѣ не будутъ, какъ и тѣ сказки, гдѣ герой торжествуетъ надъ врагами, благодаря своей неразборчивости въ средствахъ (мальчикъ-съ-пальчикъ, убивающій дѣтей злого великана).

Едва ли полезны и тѣ сказки, которыя слишкомъ пугаютъ воображеніе ребенка. Обратимся снова къ Гончарову и припомнимъ, что дѣлалось съ Ильюшей, когда няня повѣствовала ему „о мертвецахъ, поднимающихся въ полночь изъ могилъ, или о жертвахъ, томящихся въ неволѣ у чудовища, или о медвѣдѣ съ деревянной ногой, который идетъ по селамъ и деревнямъ искать отрубленную у него лапу. Волосы ребенка трещали на головѣ отъ ужаса, дѣтское воображеніе то застывало, то клокотало, какъ кипятокъ; онъ испытывалъ мучительный, сладкоболѣзненный процессъ: нервы напрягались, какъ струны“.

Какъ замѣчено геніальнымъ романистомъ, въ этомъ страхѣ для Ильюши заключалась извѣстная слабость; но все же едва ли полезны такіе разсказы, отъ которыхъ у ребенка „нервы напрягаются, какъ струны“. Но вѣдь ребенокъ неминуемо познакомится съ чувствомъ страха, возразятъ намъ защитники „страшныхъ“ сказокъ. Конечно, но зачѣмъ же его обострять нелѣпостями, когда и настоящіе, реальные ужасы жизни, увы! не уйдутъ отъ нихъ. Къ чему раньше времени трепать дѣтскіе нервы выдуманными страхами? Въ результатѣ и получится трусливый Илья Ильичъ Обломовъ, котораго не трудно было запугать всякому предпріимчивому мошеннику.

Что касается сказокъ о животныхъ, то ихъ любятъ только самыя маленькія дѣти; чуть они подрастутъ, у нихъ является желаніе слышать разсказы о себѣ подобныхъ; но малютки восторгаются всегда и похожденіями лисы и волка, и прекрасно написанной „Сказкой о пчелѣ Мохнаткѣ“ Авенаріуса. Есть сказки, которыя представляютъ собою уже переходную стадію къ повѣсти; ихъ читаютъ дѣти и старше 9—10 лѣтняго возраста. Даже и взрослый человѣкъ не безъ удовольствія заглянетъ въ нихъ. Первое мѣсто среди такихъ произведеній занимаютъ, разумѣется, вѣчно юныя сказки Андерсена. Дѣти съ восторгомъ читаютъ и перечитываютъ „Русалочку“, „Ледяницу“, „Дѣву горъ“ и др. Здѣсь все говоритъ дѣтскому сердцу: и красивыя описанія мощной альпійской природы, вѣчныхъ полярныхъ льдовъ, безбрежнаго океана, и постоянная поэтичность сюжета, мягкая грусть, лишенная безотраднаго оттѣнка, а, главное—гуманное, любовное отношеніе къ страдающему человѣку: сказки Андерсена полны примѣровъ поразительнаго самоотверженія (такъ въ сказкѣ „Ле-

Digitized by Google

дница" маленькая дѣвочка Герта нѣсколько разъ рискуетъ жизнью, чтобъ отыскать и спасти Кая, товарища своихъ дѣтскихъ игръ. Русалочка въ „Мор. царевнѣ" также жертвуетъ собою для неблагодарнаго принца и т. д.). Въ интересной книгѣ Ив. Ив. Ѳеоктистова—„Къ вопросу о дѣтскомъ чтеніи" авторъ справедливо замѣчаетъ, что сказка Андерсена—лебединая пѣснь сказки. Можно даже подумать, что Андерсенъ, писавъ свои сказки, и не думалъ о ихъ внутреннемъ смыслѣ, что онъ самъ собою являлся изъ его наболѣвшей души". Здѣсь равно привлекательны и задушевность, и тотъ своеобразный пантеизмъ, который особенно присущъ Андерсену. Мы поставили бы рядомъ съ его сказками нѣкоторыя изъ сказокъ Вагнера (Кота Мурлыки), которыя, очевидно, навѣяны датскимъ писателемъ; таковы: „Пѣсенка земли", „Два вечера", „Швея"; въ нихъ видна такая же горячая любовь къ страдающему человѣчеству и глубокая ненависть къ врагу этого страдальца—эгоизму. Но Вагнеръ менѣе художникъ, чѣмъ Андерсенъ, и тѣ сказки, гдѣ онъ затрогиваетъ важные вопросы соціальныхъ отношеній, написаны нѣсколько темно и едва ли доступны дѣтямъ: они могутъ восхищаться сказками „Милла и Нелли", „Максъ и Волчекъ", но восхищаются, какъ мы неоднократно подмѣчали, чисто поверхностно, такъ сказать, частично: имъ нравится въ сказкахъ „Милла и Нелли" красивое описаніе Лазурныхъ островов и счастливой жизни ихъ обитателей, они смѣются надъ тепличнымъ существованіемъ, которое велъ Максъ у бабушки, но самый глубокій смыслъ сказки отъ нихъ совершенно ускользаетъ, что весьма понятно. Къ той же категоріи сказокъ надо отнести и сказки Ж. Зандъ (какъ, напримѣръ, „Великанъ Іеусъ", „Крылья мужества"). Ихъ не пойметъ маленькій ребенокъ, и не для него онѣ писаны: фантастическая фабула здѣсь только рамка для глубокой идеи.

Установивъ законность сказки для дѣтскаго чтенія, прибавимъ еще на основаніи вышеизложеннаго, что въ сказкахъ дѣтей привлекаетъ *не только соединеніе фантастическаго элемента съ юморомъ, но и задушевность, поэтичность сюжета, гуманная его сторона*: сказки перваго рода нравятся маленькимъ дѣтямъ, сказки второго рода привлекаютъ дѣтей постарше, способныхъ уже разсуждать.

Здѣсь является вопросъ о роли юмора въ дѣтскихъ книгахъ; надо рѣшить: поскольку онъ имѣетъ въ нихъ право гражданства. Дѣти любятъ смѣяться, и, дай Богъ, чтобъ они долго сохраняли эту способность и никогда не обращались бы въ хмурыхъ людей, въ обществѣ которыхъ не легко живется. Не надо мѣшать здоровому дѣтскому смѣху звучать радостно и громко, не надо его останавливать въ томъ случаѣ, если это дѣйствительно здоровый смѣхъ. Дешевый смѣхъ можетъ выродиться въ сплошное зубоскальство, въ невозможность относиться къ чему-либо серьезно.

Digitized by Google

Вамъ случалось, вѣроятно, встрѣчать людей, которые въ театрѣ могутъ смотрѣть только водевили или фарсы, для которыхъ существуетъ не опера, а оперетка, въ каждой книгѣ они ищутъ только забавнаго, самая исторія интересна для нихъ лишь по обилію анекдотовъ. Во всякомъ благородномъ порывѣ они отыщутъ комическую сторону, въ самый грустный моментъ подмѣтятъ смѣшные жесты огорченныхъ людей. Такія личности выходятъ изъ семей, гдѣ пошлый, дешевый, чисто желудочный смѣхъ никогда не умолкаетъ, гдѣ родители покатываются со смѣху, заставляя дѣтей передразнивать тѣхъ или другихъ знакомыхъ; этотъ смѣхъ далекъ отъ здороваго юмора и близокъ къ самому откровенному эгоизму; онъ даетъ скептиковъ самаго низшаго разбора, вѣчно надъ всѣмъ глумящихся и потому никому непріятныхъ: каждый сторонится подобныхъ людей, не желая дѣлаться предметомъ пошлыхъ шутокъ. Чтобъ избавить дѣтей отъ подобной участи, мы совѣтуемъ прятать отъ нихъ такъ называемыя *забавныя* книги, ничего общаго не имѣющія съ истиннымъ комизмомъ, преслѣдующимъ высоко гуманную цѣль исправленія людскихъ пороковъ и недостатковъ. Родители, безпечные на счетъ литературы, часто снабжаютъ ребятъ книжками, во множествѣ наполняющими желѣзнодорожные кіоски, чтобы chormer les ennuis de la route для путешественниковъ; эти книжонки носятъ часто такія краснорѣчивыя названія: „Ха-ха-ха или умрешь со смѣху", „Собраніе анекдотовъ всѣхъ временъ и народовъ" и т. д. У меня былъ ученикъ, обожавшій подобную макулатуру, потому что и въ семьѣ его только такое чтеніе и признавалось; въ произведеніяхъ классическихъ писателей онъ умѣлъ отыскивать только смѣшные эпизоды; объ руку съ этими литературными вкусами у него шло и общій легкій взглядъ на занятія, и всѣ житейскія отношенія, отвращеніе ко всему серьезному и дѣльному; съ товарищами онъ сближался лишь тогда, когда они обладали способностью смѣшить его забавными шутками или же вслѣдствіе собственной тупости и безобидности могли служить пригодной мишенью для его остротъ. Подобный животный, жирный смѣхъ, вытекающій изъ неразвитія, побуждалъ нашихъ предковъ когда-то окружать себя карликами и карлицами, шутами и шутихами; онъ соединенъ съ неуваженіемъ къ человѣческой личности, къ человѣческому достоинству и не долженъ имѣть мѣста при разумномъ воспитаніи.

До сихъ поръ мы говорили о дѣтской литературѣ, лишь иногда упоминая о произведеніяхъ, написанныхъ не для дѣтей; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ мы исключали классиковъ изъ каталога книгъ, назначенныхъ для подрастающаго поколѣнія. Кромѣ того, такой фактъ и невозможенъ: каждый ребенокъ изъ интеллигентной семьи рано знакомится съ нашими классиками и безъ всякаго посторонняго побужденія: постоянно слыша о Пуш-

Digitized by Google

кинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ, Тургеневѣ, онъ проникается желаніемъ прочесть ихъ произведенія, достаетъ ихъ безъ труда и читаетъ. Итакъ, это фактъ существующій; но является вопросъ, насколько онъ желателенъ: хорошо ли, что дѣти, читая этихъ писателей, нападаютъ на сцены любви, ревности и т. п. чувствъ, знакомиться съ которыми имъ еще рано. Съ этой стороны опасность не велика. Хотя мы и говорили, что пестрое чтеніе можетъ быть безвреднымъ только для немногихъ натуръ; но относительно классиковъ дѣло иное: великіе русскіе писатели никогда не прибѣгаютъ къ некрасивымъ подчеркиваніямъ, безъ которыхъ не могутъ обойтись даже лучшіе изъ французскихъ беллетристовъ, да и нельзя же, слѣдуя старинному методу, закалывать страницы булавками. Къ тому же дѣти, познакомившись по отрывкамъ въ хрестоматіяхъ съ какимъ-нибудь эпизодомъ классическаго произведенія, всегда стремятся прочесть его цѣликомъ. Кстати, такое школьное чтеніе отрывковъ все болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія, и, дѣйствительно, пора положить предѣлъ безжалостному кромсанію художественныхъ произведеній въ цѣляхъ обученія языку. Итакъ, желательно давать ихъ дѣтямъ въ цѣломъ, а не жалкими кусочками. Намъ замѣтятъ, вѣроятно, что не каждое изданіе Пушкина, Лермонтова и др. классиковъ можно дать дѣтямъ въ руки, потому что помимо ихъ извѣстныхъ вещей (съ ними мы хотѣли бы познакомить дѣтей), туда набралось много такихъ стихотвореній, которыя авторы сами оставляли въ черновыхъ бумагахъ, находя, можетъ быть, ихъ печатаніе недостойнымъ своего имени. Извѣстное дѣло, русскій человѣкъ, даже геніальный, любитъ подъ веселую руку обмолвиться крѣпкимъ словцомъ, не думая, что оно, вылетѣвъ изъ его устъ, будетъ подхвачено и впослѣдствіи увѣковѣчено въ печати какимъ нибудь слишкомъ усерднымъ литературнымъ „мусорщикомъ". Принявъ это во вниманіе, необходимо изготовлять для учащихся особыя изданія классическихъ авторовъ, не въ видѣ жалкой литературной окрошки (таковы, по большей части, юбилейныя изданія соч. Пушкина, предназначенныя для дѣтей), но лишь съ выпускомъ тѣхъ стихотвореній и набросковъ, которые, не представляя большой литературной цѣнности, не могутъ, кромѣ того, считаться пригоднымъ чтеніемъ для юношества: сами ихъ авторы, воскресни они теперь, одобрили бы такой порядокъ вещей.

Педагоги находятъ въ раннемъ чтеніи классиковъ еще другую опасную сторону: оно не можетъ, конечно, сопровождаться полнымъ пониманіемъ прочитаннаго, слѣдовало бы поэтому перечесть художественныя произведенія еще разъ и попозже, а между тѣмъ дѣти, полагая, что они уже знакомы съ ними достаточно, не желаютъ перечитывать вторично. Это до нѣкоторой степени вѣрно: можетъ быть, по собственной иниціативѣ они и не примутся за вторичное чтеніе знакомыхъ вещей, но тутъ на обязан-

Digitized by Google

ности преподавателя литературы лежитъ выяснить имъ и значеніе, и красоты великаго произведенія, такъ что, заинтересовавшись имъ снова, они не будутъ знать покоя до тѣхъ поръ, пока вновь не прочтутъ его, и на этотъ разъ оно доставитъ имъ полное и незамѣнимое наслажденіе. Но зачѣмъ же читать сначала, что называется, *начерно*! Не лучше ли отложить это чтеніе до тѣхъ лѣтъ, когда можно заняться имъ прямо *набѣло*? Но, во-первыхъ, такая искусственная отсрочка, какъ мы уже говорили, невозможна; во-вторыхъ, она и не желательна, потому что пользованіе классиками обогащаетъ бѣдную дѣтскую рѣчь и даетъ возможность сродниться съ поэтическими образами въ тѣ годы, когда всѣ впечатлѣнія такъ живы и непосредственны. Наконецъ, чѣмъ раньше они подпадутъ подъ гуманизирующее вліяніе нашихъ великихъ писателей, тѣмъ это лучше. Есть мнѣніе, будто дѣти не любятъ классическихъ сочиненій и неохотно читаютъ ихъ: это не правда. Конечно, далеко не всѣ геніальныя произведенія имъ нравятся, въ силу ихъ недостаточной подготовки къ серьезному чтенію, но многія и многія безусловно нравятся и много читаются дѣтьми и безъ посторонняго побужденія. Таковы: „Свѣтлана“ и „Ундина“ Жуковскаго, „Капитанская дочка“ Пушкина, его же „Борисъ Годуновъ“, „Скупой рыцарь“, „Мцыри“ и „Бѣглецъ“ Лермонтова, малороссійскіе разсказы Гоголя, его же „Шинель“, „Мертвыя души“ и двѣ его геніальныя пьесы „Ревизоръ“ и „Женитьба“. Изъ сочиненій Тургенева любимыми вещами являются: „Муму“, „Часы“, „Стучитъ“, „Льговъ“ „Пожаръ на морѣ“, „Перепелка“; изъ Льва Толстого: „Дѣтство и отрочество“, „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“, „Кавказскій плѣнникъ“ и т. д. Не трудно объяснить причины предпочтенія, оказываемаго дѣтьми именно этимъ произведеніямъ: въ „Свѣтланѣ“ и „Ундинѣ“ фантастическій элементъ на-лицо, а онъ, какъ мы говорили, по душѣ дѣтямъ, содержаніе въ то же время просто и понятно, дѣйствія достаточно, а обиліе фактовъ, что уже замѣчено выше, въ глазахъ читателей-дѣтей всегда достоинство: нельзя отрицать, что дѣти ищутъ въ книгѣ прежде всего занимательнаго чтенія. Вопреки, однако, мнѣнію многихъ, скажу, что ни „Рустемъ и Зорабъ“, ни „Наль и Дамаянти“ не принадлежатъ къ числу любимыхъ дѣтьми книгъ: онѣ нравятся только въ чтеніи взрослыхъ при указаніи ихъ замѣчательныхъ красотъ. Дѣло въ томъ, что дѣти даже въ возрастѣ отъ 12—14 лѣтъ (мы ихъ имѣемъ въ виду, говоря о чтеніи классиковъ) не любятъ читать произведеній, написанныхъ тяжеловатымъ стихотворнымъ размѣромъ, а стихъ указанныхъ двухъ поэмъ далеко не такъ легокъ и граціозенъ, какъ въ „Ундинѣ“; но стоитъ имъ объяснить глубину содержанія, и они оцѣнятъ и нравственную красоту трогательнаго образа Дамаянти, и весь трагизмъ безысходной тоски Рустема, нашедшаго сына только для того, чтобъ

Digitized by Google

вновь потерять его. Что касается „Одиссеи“, то, разумѣется, ни дѣти, ни подростки не примутся читать ее сами, да, по нашему мнѣнію, имъ и не слѣдуетъ читать ее иначе, какъ въ избранныхъ отрывкахъ. Когда-то Гоголь расточалъ въ своей перепискѣ преувеличенныя похвалы этому знаменитому произведенію древности: дѣйствительно, „Одиссея“ зеркало древняго греческаго міра, но не все въ этомъ зеркалѣ поучительно: сцена варварской расправы Одиссея съ женихами Пенелопы не можетъ внушить ничего, кромѣ отвращенія.

Итакъ, дѣти охотно читаютъ и классиковъ, но подъ условіемъ доступности формы и содержанія. Особенно благодарнымъ писателемъ въ этомъ отношеніи является для нихъ Пушкинъ. Авторъ драгоцѣнной для педагога книги „Родные писатели, какъ воспитательно образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми“, В. П. Острогорскій, говоритъ о нихъ слѣдующее: „Не одинъ языкъ, чрезвычайно доступный дѣтскому пониманію, не одна ясность образовъ и гармонія стиха имѣютъ здѣсь значеніе воспитательно-образовательное. Въ сочиненіяхъ Пушкина есть другое, особенно важное и рѣдкое достоинство. Онъ, по собственному его выраженію, „будетъ долго любезенъ тѣмъ, что пробуждалъ въ людяхъ своей лирой добрыя чувства („Памятникъ“). Что бы онъ ни описывалъ, о чемъ бы ни говорилъ, въ его словахъ видится любовь къ природѣ, людямъ и жизни. Это гуманное отношеніе къ дѣйствительности становится яснымъ всякому, кто вчитается въ его сочиненія, столь разнообразныя по содержанію“. Дѣйствительно, ни одинъ поэтъ не воспринимается дѣтьми такъ легко и любовно, какъ Пушкинъ. Я живо помню, какое впечатлѣніе произвелъ на дѣтей въ одной семьѣ „Борисъ Годуновъ“, нечаянно ими прочитанный. Семья была неинтеллигентная и дѣти мало развитыя, но эта дивная трагедія точно разбудила ихъ отъ долгаго сна: они читали и перечитывали ее нѣсколько разъ, выучили, наконецъ, чуть не всю наизусть, задумали разъиграть ее, распредѣлили роли и нѣсколько разъ повторили представленіе, не теряя къ нему интереса. Здѣсь впечатлѣніе получилось у нихъ уже непосредственное, потому что побужденіе со стороны взрослыхъ отсутствовало. Не меньшимъ успѣхомъ пользуется и „Капитанская дочка“: замѣчательно, что она нравится и 10 лѣтнимъ, и 14 лѣтнимъ дѣтямъ: простота изложенія и изумительная ясность достигаютъ въ ней своего апогея. „Скупой рыцарь“, напротивъ, читается только дѣтьми старшаго возраста: здѣсь психологія сложнѣе, и комментарія необходимѣе. Въ томъ же возрастѣ (13—14 лѣтъ) начинаетъ нравиться и Лермонтовъ; особенно его поэма „Мцыри“ дѣлается дорога молодымъ читателямъ: они тоже, обладая завидной памятью первой юности, выучиваютъ ее наизусть и твердятъ звучныя строфы. Гоголь, плохой литературный критикъ, какъ извѣстно, назвалъ стихъ

Digitized by Google

Батюшкова „облитымъ ароматами полудня“, но съ большимъ правомъ это выраженіе можно примѣнить къ стихамъ Лермонтова, и дѣти чувствуютъ это своей чуткой душой.

Мы назвали выше тѣ произведенія Гоголя, которыя наиболѣе читаются дѣтьми, но замѣтимъ, что изъ малороссійскихъ разсказовъ они, къ сожалѣнію, отдаютъ предпочтеніе „Вію“, какъ самому „страшному“. Намъ приходилось уже говорить о нѣсколько паталогической склонности дѣтей къ такого рода литературѣ, но тѣмъ не менѣе, не взирая на интересъ, имъ возбуждаемый, чтеніе „Вія“ едва ли желательно. Что касается юмористическихъ произведеній Гоголя, то, разумѣется, дѣти воспринимаютъ этотъ юморъ чисто внѣшнимъ образомъ, но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что подобное чтеніе лишнее: изъ такого ранняго знакомства съ писателемъ, часто выносится постоянная благодарная любовь къ нему за доставленное наслажденіе. Многимъ покажется, можетъ быть, страннымъ, что мы не упомянули о „Тарасѣ Бульбѣ“, но такъ какъ мы говоримъ не о классномъ, а о домашнемъ чтеніи корифеевъ нашей русской литературы и основываемся не на теоретическихъ данныхъ, а на выводахъ изъ многолѣтнихъ наблюденій, то должны признать, что „Тарасъ Бульба“ далеко не на всѣхъ дѣтей производитъ впечатлѣніе; особенно дѣвочки часто остаются къ нему равнодушны, можетъ быть, потому, что повѣсть полна чуждаго имъ воинственнаго пыла и реторики, расхолаживающей читателя. Истинно великія произведенія не старѣютъ, почему отъ „Ревизора“ до сихъ поръ и старъ, и младъ приходятъ въ восторгъ, но „Тарасъ Бульба“ дѣло другое: на немъ слишкомъ отразилось вліяніе романтической школы, любившей титаническіе характеры и гиперболическія описанія. Сравните эту повѣсть съ „Капитанской дочкой“, и вамъ покажутся ходульными многія сцены „Тараса Бульбы“. Лиризмъ долженъ быть кратокъ, а здѣсь полныя лиризма сцены (хотя бы предсмертный пиръ казаковъ подъ стѣнами Дубно) страдаютъ длиннотами. Положимъ, и подобныя нѣсколько напыщенныя рѣчи могли нравиться въ свое время, какъ нравились, говорятъ, въ XVIII в. дидактическіе монологи Стародума, но вкусы мѣняются, и теперь такіе пріемы кажутся устарѣлыми. Въ этой устарѣлости слога и освѣщенія, заключается одна изъ причинъ нелюбви дѣтей къ Григоровичу; изъ его произведеній только романъ „Рыбаки“ да разсказъ „Прохожій“ читаются сравнительно охотно,— остальные повѣсти и разсказы изъ деревенской жизни не возбуждаютъ никакого интереса. Они написаны въ то время, когда Жоржъ Зандъ, въ своемъ запоздаломъ изложеніи Руссо, восторженно рисовала крестьянъ и ихъ жизнь какими то небывалыми штрихами съ сильной примѣсью розовой краски. Григоровичъ сантименталенъ, подобно ей, но у него не было таланта и благороднаго жара французской романистки, поэтому его крестьяне хотя тоже

Digitized by Google

не мужики, а пейзане, какъ у Жоржъ Зандъ, но изображены блѣдно и вяло, приторно и безжизненно. Могучій талантъ Тургенева не всегда по плечу дѣтямъ—его отзывы на злобу дня, конечно, непонятны имъ, но въ „Муму“ его гуманность и почти пушкинская простота такъ увлекаютъ ребенка, что это всегда одна изъ любимыхъ дѣтскихъ книгъ, и не мало чистыхъ слезъ пролито надъ нею, слезъ драгоцѣнныхъ потому, что въ нихъ лежитъ залогъ будущаго уваженія къ человѣку, къ человѣческой личности къ человѣческому достоинству. Остальныя изъ названныхъ нами выше произведеній Тургенева нравятся интересной завязкой, удивительно талантливымъ разсказомъ. Впрочемъ, важная сторона Тургеневскаго дара—описанія, гдѣ онъ можетъ посоперничать съ любымъ пейзажистомъ, пропадаетъ для дѣтей при самостоятельномъ чтеніи, и „Записки Охотника“ раскрываются ими всего чаще не по собственному желанію. Нельзя сказать, чтобъ они не могли оцѣнить красотъ тургеневскаго пейзажа, но для этого своего рода картиннаго музея имъ нуженъ руководитель. Воспользовавшись его умѣлыми указаніями, они, пожалуй, вторичную прогулку по музею предпримутъ и сами. Историческая роль „Записокъ охотника“ (а это чрезвычайно важно) то же ускользнетъ отъ нихъ, и опять таки и тутъ потребуются коментаріи.

О „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“ Толстого, мнѣнія раздѣляются: одни педагоги говорятъ, что эта книга нравится всѣмъ дѣтямъ безусловно, другіе же, горячо доказываютъ, что эта книга должна быть чуть не настольной для взрослыхъ людей, интересующихся дѣломъ воспитанія, но дѣтей она занять не можетъ: она знакомитъ насъ съ психическимъ міромъ даровитаго ребенка, обнаруживаетъ въ авторѣ геніальнаго наблюдателя и знатока дѣтской души, но тонкости душевнаго анализа, которыми блещетъ эта мастерская автобіографія, не могутъ занять дѣтей. Въ послѣднемъ замѣчаніи есть большая доля правды, и потому это произведеніе Льва Толстого принадлежитъ къ тѣмъ, которыя должны читаться не иначе, какъ съ учительскими поясненіями и пропусками. Также должны читаться и сочиненія С. Аксакова „Семейная хроника“ и „Дѣтскіе годы Багрова—внука. „Если они сами попадутъ въ руки ученика, онъ безпощадно броситъ ихъ, найдя чрезмѣрно скучными безконечные переѣзды Сережи съ мѣста на мѣсто, то въ каретѣ, то въ бричкѣ; но сократите при чтеніи эти разсказы, выбросьте нѣкоторые эпизоды, свяжите цѣлое общей нитью, и ребенокъ съ живымъ интересомъ будетъ слушать васъ. Итакъ, обѣ эти автобіографіи непонятны безъ руководства со стороны учителя и нѣкоторыхъ сокращеній: „Дѣтство и Отрочество“ требуетъ ихъ въ силу глубины содержанія, которая дѣтямъ еще не доступна (оно даетъ много матеріалу для сочиненій на педагогическія темы, чѣмъ и пользуются въ

Digitized by Google

учительскихъ семинаріяхъ), а сочиненія Аксакова изъ-за нѣкоторыхъ ихъ недостатковъ, длинноть и повтореній.

Но среди классическихъ сочиненій важное мѣсто занимаютъ стихотворенія. Любятъ ли дѣти читать ихъ сами? Скорѣе, нѣтъ. Любя факты, эпосъ, они нерѣдко тяготятся стихотворной формой, находя, что она имъ мѣшаетъ усваивать содержаніе прочитаннаго. Нечего ужъ и говорить о пьесахъ чисто лирическихъ. Дѣти прямо скользятъ по нимъ, забывая и смѣшивая одно съ другимъ: нюансовъ, оттѣнковъ они схватить не могутъ. Разумѣется, мы говоримъ здѣсь о дѣтяхъ со средними или даже слабыми способностями; что же касается дѣтей даровитыхъ, то они любятъ и самостоятельно прочитывать цѣлые сборники стихотвореній, и если даже содержаніе ихъ не вполнѣ усваивается ими, то музыка стиха благотворно дѣйствуетъ на развитіе эстетическаго чувства. Но опять таки желательно, чтобъ увлеченіе стихами не переходило границъ: рѣдко кто изъ молодыхъ читателей подъ вліяніемъ прочитанныхъ стиховъ, не захочетъ самъ попробовать своихъ силъ въ поэзіи. Учащіе хорошо знаютъ, что въ каждомъ классѣ находится такой доморощенный поэтъ, который нерѣдко и представляетъ свои произведенія на судъ товарищей и учителя.

Въ этомъ кропаніи стиховъ есть и своя хорошая сторона: оно побуждаетъ лучше изучать поэтовъ, взятыхъ за образецъ. Но всякому стихотворцу грозитъ опасность возмечтать о себѣ, а изъ этого ничего хорошаго выйти не можетъ. Поэтому учитель, не задѣвая самолюбія автора-подростка, долженъ, однако, разобрать его первые опыты, указывая на подражательность, недостатки въ версификаціи и т. д. Если въ ученикѣ таится истинный талантъ, подобная критика заставитъ его только серьезнѣе отнестись къ слабымъ попыткамъ творчества, а тѣ, у которыхъ стихи лишь „плѣнной мысли раздраженье“, перестанутъ ихъ писать и хорошо сдѣлаютъ.

Мы упомянули объ эстетическомъ значеніи стихотвореній, но не можемъ не замѣтить, что составители христоматій и стихотворныхъ сборниковъ для дѣтей часто позволяютъ себѣ крайне безцеремонно уродовать стихи лучшихъ нашихъ поэтовъ: то выпустятъ въ „Мѣдномъ всадникѣ“ невинную строфу „дѣвичьи лица ярче розъ“, отчего теряется риѳма, то въ полной скорби элегіи Некрасова „Внимая ужасамъ войны“ вычеркнутъ цѣлыя двѣ строфы:

„Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
„И всякой пошлости и прозы“,

и этимъ исказятъ стихотвореніе, точно выхватятъ часть стѣны изъ артистически построеннаго зданія. Если бояться непонятныхъ или неподходящихъ словъ, то лучше не давать дѣтямъ до

Digitized by Google

времени даннаго стихотворенія: это не то, что проза—вырванная строфа, оборванный стихъ сейчасъ же портятъ впечатлѣніе, и эстетическія цѣли не могутъ быть тогда достигнуты, тогда какъ въ прозѣ пропуски не такъ даютъ себя знать и не замѣчаются дѣтьми.

Здѣсь невольно приходится коснуться вопроса о передѣлкахъ. Слѣдуетъ ли допускать ихъ? Если дѣло идетъ о произведеніяхъ классическихъ, то отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. Въ художественномъ произведеніи его форма такъ неразрывно слита съ содержаніемъ, что въ этой гармоніи и заключена тайна его могучаго вліянія на читателя. Разрушьте эту связь, и впечатлѣніе поблѣднѣетъ. Особенно дикой кажется намъ затѣя пересказывать въ формѣ повѣсти содержаніе драматическихъ произведеній. Помню, мнѣ приходилось въ дѣтствѣ переводить на урокахъ англійскаго языка „Tales from Shukespeure“ гдѣ каждая изъ знаменитыхъ трагедій была пересказана на нѣсколькихъ страничкахъ. Боже мой, что это было за жалкое повѣствованіе. Мнѣ до сихъ поръ непонятно, какъ талантливый и вдумчивый педагогъ, Острогорскій, могъ тоже придумать передать „своими словами“ трагедіи Шекспира, онъ, который такъ благоговѣлъ передъ геніемъ англійскаго драматурга. Подобное странное явленіе можно объяснить развѣ своего рода модой на передѣлки литературныхъ произведеній, царившей еще недавно въ нашей дѣтской и народной литературѣ; въ то время самого „Короля Лира“ предлагали народу въ видѣ полуторакопеечной, уродливо скомпанованной брошюрки, носившей заглавіе „Старикъ Никита и его три дочери“.

Передѣлать геніальное произведеніе, значитъ лишить его аромата и красокъ, отъ цвѣтущаго тѣла оставить одинъ жалкій скелетъ. Даже лучшія передѣлки (въ родѣ „Князя Серебрянаго“ въ обработкѣ Свѣшниковой) не должны допускаться въ дѣтскія библіотеки. Впрочемъ, дѣти и не станутъ ихъ читать, какъ только узнаютъ, что имъ даютъ „не настоящее“ произведеніе. Какъ изуродованы, напримѣръ, романы Диккенса въ передѣлкахъ Шелгуновой; не даромъ дѣти не читаютъ ихъ вовсе, даже и въ томъ случаѣ, когда не знаютъ о существованіи „настоящихъ“: зерно выброшено, осталась одна мякина, и фальшь чувствуется; да и трудно изъ многотомнаго романа, принадлежащаго перу геніальнаго романиста сдѣлать интересную небольшую повѣстцу такъ, чтобъ огромные пропуски прошли незамѣтно. Такая операція дозволительна лишь въ томъ случаѣ, если ей подвергаются произведенія писателей даровитыхъ, но не перворазрядныхъ, такъ какъ тогда намъ не приходится такъ дорожить каждымъ словомъ, каждымъ художественнымъ оборотомъ; поэтому намъ нисколько не жаль видѣть въ такой передѣлкѣ романы Сенкевича, „Пугачевцевъ“ Сальяса и т. п.,—напротивъ, мы поблагодаримъ тѣхъ,

Digitized by Google

кто потрудился надъ этимъ нелегкимъ дѣломъ и познакомилъ дѣтей съ хорошей вещью. Если позже они къ ней не вернутся въ ея цѣломъ, такъ бѣда не велика, главное сдѣлано, а штудировать подробно такіе романы, какъ „Спартакъ" Джіованіолли или „Савонарола" Маутнера все равно не придется.

Итакъ, высказавъ нашъ взглядъ на литературныя передѣлки, напомнимъ сказанное выше, что геніальное произведеніе и въ цѣломъ видѣ не принесетъ вреда, если же есть основаніе бояться нѣсколько рискованныхъ мѣстъ, то можно предлагать дѣтямъ очищенныя изданія классиковъ съ пропусками, по возможности незначительными, наименѣе нарушающими гармонію прекраснаго цѣлаго *).

Напомнимъ читателямъ положеніе, поставленное нами въ началѣ статьи: и здѣсь надобно *сообразоваться съ индивидуальностью учащагося.* Я встрѣчала 14—15 лѣтнихъ дѣвочекъ, которыя, читая „Войну и миръ", заинтересовывались преимущественно исторической стороной романа, его основнымъ фономъ, тогда какъ ихъ сверстницы только и интересовались отношеніями Наташи къ Курагину и ея неудачной попыткой бѣгства съ нимъ, а цѣлыя главы съ историческими сценами преспокойно опускали.

Подѣлившись съ читателями нашими наблюденіями надъ дѣтскимъ чтеніемъ, мы не хотѣли бы, чтобъ насъ заподозрили въ стремленіи лишить дѣтей всякой самостоятельности въ данномъ вопросѣ и долго водить ихъ на помочахъ въ этой области. Напротивъ того, высоко цѣня развитіе самостоятельности въ дѣтяхъ, тѣсно связанное съ развитіемъ воли, мы совсѣмъ не посягаемъ на это важное свойство, но желаемъ лишь воспользоваться чтеніемъ, какъ могучимъ педагогическимъ орудіемъ и также воспитать вкусъ и способность къ разумному самостоятельному выбору. Разумѣется, надо имѣть въ виду золотое правило одного изъ семи мудрецовъ. „Наблюдай во всемъ мѣру" и стараться, чтобъ руководство внѣкласснымъ чтеніемъ не имѣло навязчиваго характера; но, конечно, многое зависитъ отъ самой личности руководителя и его педагогическаго такта; этотъ тактъ скажетъ ему, когда онъ долженъ будетъ предоставить воспитанника его собственнымъ силамъ. До тѣхъ же поръ, какъ уже сказано, руководство необходимо, потому что мы, русскіе, привыкли читать безсистемно, безпорядочно; лихорадочность и сложность современной жизни, ведутъ къ тому, что мы сводимъ чтеніе къ перелистыванію модныхъ литературныхъ произведеній, чтобъ быть въ курсѣ того, о чемъ говорятъ всюду. Постараемся уберечь молодое поколѣніе

---

*) Намъ казалось, что мода на передѣлки прошла, но оказывается, что недавно вышелъ „Отелло" въ передѣлкѣ для юношества извѣстнаго московскаго профессора Ив. Иванова... затѣя странная.

Digitized by Google

отъ такого небрежнаго отношенія къ книгѣ и разовьемъ въ немъ привычку читать вдумчиво, а не кое-какъ—вѣдь мы слишкомъ любимъ дѣлать все, какъ попало, черезъ пень колоду, хотя и платимся нерѣдко за этотъ грѣхъ. Научить читать, какъ слѣдуетъ, значитъ дать въ руки человѣку большую отраду и утѣшеніе. „Благодарю васъ, что вы мнѣ дали вѣрную подругу—книгу, „пишетъ одна ученица воскресной школы своей учительницѣ: „съ нею я забываю свои горести" (см. статью Вахтерова. „О внѣклассномъ чтеніи учащихся"—Образованіе—янв. 1897 г.).

Мы не будемъ повторять всего сказаннаго уже нами о вліяніи чтенія на человѣческую душу,—замѣтимъ только, что еслибы оно ограничилось даже и этой ролью утѣшителя, то уже для этого стоило бы заняться его культивированіемъ.

Н. Леонтьева.

Digitized by Google

Очерки по исторіи нѣмецкой интеллигенціи.

Очеркъ одиннадцатый.

Пробужденіе политическаго самосознанія въ Германіи.—Обостреніе отношеній между правительствомъ и націоналистами.—Упадокъ націонализма.—Студенческое движеніе и терроризмъ.—Передовые представители студенчества.—Георгъ Бюхнеръ.—Экономическое и финансовое разореніе страны.—Соціальные классы. — Либеральная оппозиція. — Радикальная оппозиція. — Отношеніе между радикалами и соціалистами. — Разрывъ между ними.—Соціальная программа демократіи.—Канунъ революціи.

Пушки наполеоновской арміи впервые пробудили политическое самосознаніе нѣмецкаго общества. На первыхъ порахъ заговорило лишь оскорбленное и униженное національное чувство, на время объединившее правительство и общество въ одномъ могучемъ порывѣ національной мести французамъ и національнаго культа всего нѣмецкаго. Но, какъ мы уже видѣли выше, по мѣрѣ того, какъ патріотическія междометія начинали принимать политически членораздѣльную форму, по мѣрѣ этого, націонализмъ начиналъ видѣть своего врага уже не во французскомъ народѣ, а въ нѣмецкомъ правительствѣ.

Когда разсѣялся націоналистическій туманъ, когда прошелъ шовинистскій угаръ, нѣмецкое общество прежде всего увидѣло, что въ тѣхъ мѣстахъ Германіи, которыя подчинилъ своей власти Наполеонъ, сразу установились болѣе просторныя и свѣтлыя формы политической и общественной жизни. Кромѣ того, и самое нѣмецкое правительство, какъ мы видѣли, отлично понимало, что, начавъ съ яростныхъ патріотическихъ междометій, нѣмецкое общество на нихъ не остановится и, разъ позволивъ себѣ вмѣшаться въ дѣла правительства, пойдетъ дальше и потребуетъ прочнаго и постояннаго участія въ дѣятельности государства.

Вслѣдствіе этого, какъ только окончилась война съ Франціей, и Наполеонъ былъ разбитъ, такъ тотчасъ распался и боевой союзъ

Digitized by Google

между правительствомъ и обществомъ, и изъ боевыхъ товарищей по борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, они въ очень скоромъ времени превратились другъ для друга во внутреннихъ враговъ.

Нѣкогда нѣмецкая молодежь въ воинственномъ азартѣ распѣвала патріотическія пѣсни, на разные лады повторявшія, что Рейнъ навѣки останется нѣмецкимъ, и никогда французская нога не ступитъ на него. Но уже очень скоро настроеніе, выраженное въ этихъ патріотическихъ пѣсняхъ, смѣнилось совсѣмъ инымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи нѣмецкіе радикалы и либералы серьезно обсуждали вопросъ о союзѣ съ французами для борьбы съ нѣмецкимъ правительствомъ. Патріотическія пѣсни о Рейнѣ все болѣе забывались, и нѣсколько позже популярный поэтъ Гервегъ хорошо выразилъ эту смѣну настроенія въ четверостишіи:

Was geht uns alle Wasser an,
Vom Rheine bis zum Ocean!
Sind keine freie Männer dran,
Wir wollen protestieren.

(„Что намъ за дѣло до какой бы то ни было воды, отъ Рейна до океана. Если тамъ люди не свободны, то мы будемъ протестовать“).

Еще съ большею силою и политическою опредѣленностью выразилъ эту смѣну настроенія другой нѣмецкій поэтъ Гарро-Гаррингъ. Въ противовѣсъ популярнѣйшей патріотической пѣснѣ:

„Sie sollen ihn nicht hoben, den freien, deutschen Rhein“ и т. д.

Гаррингъ написалъ тѣмъ же размѣромъ свое стихотвореніе:

Sie wollen der Despoten geteilte Knechte sein.
Sie würden nochmals kämpfen für ihre Fürsten gar,
Der Freiheit Geist zu dämpfen „in Tagen der Gefahr“.
Sie stürzen in die Fluten des Rheins um kargen Lohn,
Sie werden gern verbluten als Sklaven für den Thron
Sié wollen nicht erjagen des Volkstums stolzen Rhum;
Sie wollen Ketten tragen als fürstlich Eigenthum.
So lebet wohl, Ihr Deutschen, mit Euerem Rheinweinsang
Lasst Euch als Knechte peitschen, den „freien Rhein entlang“.

На первыхъ порахъ послѣ низверженія Наполеона наиболѣе шумная политическая роль выпала на долю студенчества, которое въ теченіе извѣстнаго времени почти одно только и выносило на своихъ плечахъ все бремя борьбы съ правительственной реакціей. Настроеніе среди передовой группы студенчества уже съ самаго начала было, поскольку дѣло касалось фразеологіи, рѣзко революціоннымъ.

Прежде всего студенчество натыкаясь на каждомъ шагу на

Digitized by Google

правительственный гнетъ, стало проповѣдовать „убійство тирановъ“. На словахъ эта проповѣдь была очень грозна, студенты носили оружіе, учились владѣть имъ, распѣвали необычайно кровожадныя пѣсни, въ стихахъ и рѣчахъ доказывали справедливость и необходимость „тираноубійства“, но за все долгое время ожесточенной борьбы между нѣмецкимъ правительствомъ и студенчествомъ только Зандъ убилъ подозрѣваемаго въ шпіонствѣ Коцебу, который, конечно, къ числу „тирановъ“, вслѣдствіе своей незначительности,—никакъ не могъ быть причисленъ. „Тираноубійство“ студентовъ не выходило изъ области революціонной фразеологіи въ область практической жизни, но зато въ области фразеологіи оно проповѣдывалось съ очень большимъ жаромъ.

Уже упомянутый нами тенденціозный поэтъ Гарро-Гаррингъ писалъ:

Drei mal dreizehn Einzelstaaten
Sollen gar ein Deutschland heissen?
So'n drei Duzend Potentaten
Müssen dort „ins Gras einst beissen“.

Нѣкій Августъ Брустъ свирѣпо восклицалъ:

So woll'n wir denn mit frischem Mut
Das Banner neue uns färben;
Wir färben echt, wir färben gut,
Wir färben mit Tyrannenblut
Diesmal soll's nicht verderben! [1]).

Но съ особенною свирѣпостью проповѣдывали „убійство тирановъ“ студенты братья Фоллеръ:

Freiheits messer gezückt!
Hurrah, den Dolch in die Kehle gedrückt!
Mit Kronen und Bändern,
Mit Purpurgewändern
Zum Rachealtar ist das Opfer geschmückt!

Или:

Allen ruft Deutschlands Not
Allen des Herrn Gebot:
Schlagt eure Plager tot,
Rettet das Land!

---

[1]) Любопытно, что изъ тѣхъ дѣятелей этой эпохи, которые отличались особою революціонностью своей фразеологіи, большинство послѣ революціи 1848 г. перешло въ ряды самыхъ умѣренныхъ, а то и реакціонныхъ дѣятелей. Упомянутый только что поэтъ-террористъ, Августъ Брустъ, впослѣдствіи выдвинулся въ качествѣ правительственнаго чиновника, наиболѣе усердствовавшаго въ дѣлѣ „истребленія“ соціалъ-демократіи. Съ аналогичными примѣрами намъ еще придется встрѣтиться ниже.

Digitized by Google

Какъ мы уже замѣтили, это террористическое настроеніе, исключая убійство Коцебу, не переходило у нѣмецкаго студенчества въ террористическіе акты. Но если бы все это студенчество и перешло отъ революціонной декламаціи къ революціонной практикѣ, то и тогда положеніе его было бы очень трагическимъ. Среди широкихъ народныхъ массъ никакого политическаго броженія еще не происходило, народъ политически безмолствовалъ, среди же верхнихъ слоевъ общества политическое броженіе, правда, уже происходило, но оно ограничивалось лишь сочувствіемъ, и ни на какую активную поддержку расчитывать не приходилось. Либеральные круги общества сочувственно отнеслись даже и къ убійству Коцебу Зандомъ, и въ нѣкоторой части нѣмецкаго общества создался даже культъ личности Занда. Но все это сочувствіе либеральнаго общества студенческому движенію носило чисто платоническій характеръ и не шло дальше сочувственныхъ разговоровъ за четырьмя стѣнами и превознесеніемъ „героя". Однако, самое студенчество, исключая единицъ далеко не сознавало трагичности своего положенія и было глубоко убѣждено, что не сегодня-завтра оно свергнетъ деспотизмъ.

Про одно изъ такихъ тайныхъ студенческихъ обществъ біографъ Георга Бюхнера пишетъ:

„Два раза въ недѣлю съ наступленіемъ ночи члены союза сходились въ маленькій домикъ, расположенный въ саду, выбранный потому, что онъ выходилъ на дорогу, по которой ночью очень рѣдко кто-либо проходилъ, и былъ необитаемъ зимою. Были приняты всѣ предосторожности, члены общества приходили всегда въ одиночку, въ различное время и по различной дорогѣ, ставни были наглухо закрыты и повсюду были разставлены часовые. Собраніе открывалось принятіемъ новыхъ членовъ, приносившихъ присягу въ томъ, что они будутъ безпрекословно повиноваться всякому постановленію общества, а если они окажутся предателями, то ихъ постигнетъ смерть".

Насколько студенты были убѣждены, что судьба всей страны въ ихъ рукахъ, показываютъ пренія, которыя происходили въ этомъ обществѣ.

Въ одинъ изъ вечеровъ, разсказываетъ Францозъ, въ теченіе долгихъ часовъ обсуждался вопросъ о томъ, что было-бы цѣлесообразнѣе, теперь же устроить единую ресублику, или же пока ограничиться тѣмъ, чтобы устранить всѣ другія династіи въ пользу Гогенцоллерновъ, и уже затѣмъ вызвать революцію въ объединенной Германіи. Нашлись страстные защитники обоихъ этихъ взглядовъ, и собраніе постановило въ концѣ концовъ, что „съ Гогенцоллернами была бы только двойная работа", и поэтому надо предпочесть первый путь.

Помимо этихъ ночныхъ собраній молодые члены каждую недѣлю собирались небольшими группами для упражненія во вла-

Digitized by Google

дѣніи оружіемъ. Въ старомъ развалившемся сараѣ студенты дрались на саблях и штыкахъ и стрѣляли въ цѣль. Почти всѣ члены были хорошо вооружены и хранили, кромѣ того, обширные запасы боевыхъ снарядовъ. Къ ихъ счастью, ни разу не представился случай серьезно воспользоваться всѣмъ этимъ".

А пока практическая дѣятельность членовъ общества заключалась въ томъ, что они дѣятельно помогали всѣмъ политическимъ заключеннымъ и составили планъ ихъ освобожденія. Передавая заключеннымъ кофейныя печенія, они вкладывали туда записки, увѣдомляющія о готовящемся освобожденіи. Но, увы, смотритель тюрьмы въ самомъ буквальномъ и прозаическомъ смыслѣ этого слова „раскусилъ" планъ студентовъ: оказалось, что печенія, предназначавшіеся для заключенныхъ, онъ забралъ себѣ къ утреннему кофе и извлекъ изъ нихъ записки.

Политическая дѣятельность студентовъ, конечно, будоражила страну и будила извѣстное политическое самосознаніе общества, но въ той атмосферѣ и обстановкѣ, въ которой оно происходило, оно, конечно, было безсильно нанести сколько нибудь рѣшительный ударъ правительству. Къ тому же и политическое міросозерцаніе даже наиболѣе передовыхъ слоевъ тогдашняго студенчества отличалось удивительною сумбурностью. Достаточно вспомнить тотъ чрезвычайно характерный обмѣнъ мнѣній, который произошелъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ между Георгомъ Бюхнеромъ и революціонной студенческой организаціей. Бюхнеръ предложилъ этой организаціи вступить въ революціонно-коммунистическій союзъ, состоявшій преимущественно изъ ремесленниковъ. Бюхнеръ кратко выразилъ цѣль организаціи въ словахъ—соціальная республика съ помощью соціальной революціи. Студенческая организація отвѣтила ему, что она преслѣдуетъ болѣе революціонную цѣль и, не довольствуясь соціальной республикой, будетъ добиваться коммунистической республики, но вступить въ общество, организуемое Бюхнеромъ, она все-таки не можетъ, такъ какъ студенты считаютъ ниже своего интеллигентскаго достоинства быть въ одномъ обществѣ съ какими то ремесленниками. Революціонные коммунисты считали для себя униженіемъ быть въ одномъ обществѣ съ ремесленниками. Этотъ эпизодъ отлично показываетъ, какъ, несмотря на свирѣпую фразеологію, студенчество еще далеко не отдѣлалось отъ сословныхъ предразсудковъ, и его „коммунизмъ" былъ довольно невиннаго свойства.

Неудивительно поэтому, что наиболѣе чуткіе и искренне продумавшіе свое революціонное убѣжденіе студенты бросали студенческую среду и не придавали особенно большого значенія чисто студенческимъ организаціямъ. Такіе студенты какъ, Георгъ Бюхнеръ, Августъ Беккеръ, Кратцъ и Эргардтъ поняли и указали, что студенческое движеніе должно влиться въ общее русло

Digitized by Google

народнаго движенія и поставить своею цѣлью организовать не себя, а широкую народную массу.

Правда, и эти студенты оказались „слишкомъ ранними предтечами слишкомъ медленной весны". Мы уже видѣли въ третьемъ очеркѣ, что геніальный гессенскій студентъ Георгъ Бюхнеръ превосходно понялъ, что студенческая оппозиція будетъ представлять собою бѣгъ на мѣстѣ, кипѣніе въ собственномъ соку до тѣхъ поръ, пока она не сольется съ обще-народнымъ движеніемъ; и онъ, какъ мы видѣли, придавалъ революціонное значеніе только работѣ среди широкой народной массы. Подъ „народной массой" понимались при этомъ обнищавшіе слои крестьянства, и къ нимъ то обратился Бюхнеръ со своимъ знаменитымъ памфлетомъ. Но, увы, эта масса оказалась совершенно невоспріимчивой къ революціонной пропагандѣ, и тѣ студенты-пропагандисты, которымъ удалось ускользнуть отъ бдительнаго ока полиціи, неизмѣнно передавались въ руки полиціи самими же крестьянами.

Положеніе получалось трагическое... И такой чуткій и вдумчивый юноша, какъ Георгъ Бюхнеръ, отлично сознавалъ это. Онъ съ тоскою жаловался своему брату, что ихъ поколѣніе обречено на мелкую работу и масса еще имъ не сочувствуетъ.

А въ письмѣ къ невѣстѣ (писанномъ въ 1833 г.) онъ съ тяжелымъ чувствомъ жалуется на фатализмъ исторіи:

„Я изучалъ, пишетъ онъ, исторію революцій. Я чувствую себя точно уничтоженнымъ ужаснымъ фатализмомъ исторіи. Я замѣчаю въ человѣческой натурѣ отвратительное однообразіе, въ людскихъ отношеніяхъ непреодолимую силу... Отдѣльная личность есть лишь пѣна на поверхности волнъ, величіе есть лишь простой случай, владычество генія—лишь кукольная игра, смѣшная борьба противъ желѣзнаго закона. И самое большее, что можно сдѣлать, это познать этотъ законъ, но подчинить его себѣ невозможно" [1]).

Георгъ Бюхнеръ геніально понялъ, что только организація массъ, только широкое массовое движеніе можетъ произвести революціонный переворотъ, онъ геніально понялъ, что только на почвѣ экономическихъ интересовъ можно поднять и организовать массовое движеніе, но при этомъ Бюхнеръ не понялъ ни значенія политической дѣятельности, какъ орудія соціальнаго переворота, ни чисто классовой организаціи. Подъ „народомъ" Бюхнеръ, какъ и вся тогдашняя и позднѣйшая интеллигенція, понималъ не опредѣленный классъ трудящихся, а трудящіеся классы, неустранимымъ признакомъ которыхъ онъ считалъ хозяйственную бѣдность. Стоя на точкѣ зрѣнія грубаго и примитивнаго экономическаго матеріализма, Бюхнеръ считалъ, что только со-

[1]) Ср. Georg Büchner's Sämmtliche Werke mit hand schrift lieber Nachlass Frankfurt am Mein 1879. 381—382 стр.

Digitized by Google

вершенно обнищавшіе слои населенія способны произвести революцію, и что стоитъ только правительству „откормить“ эти слои—и революція умретъ отъ апоплексическаго удара. Политическая же дѣятельность для народа не только безполезна, но и прямо вредна, какъ орудіе упроченія власти буржуазіи. И Бюхнеръ, какъ мы знаемъ, обратился къ пропагандѣ среди бѣднѣйшихъ слоевъ крестьянства и потерпѣлъ при этомъ полное пораженіе.

Неудивительно, что его охватило тяжелое фаталистическое настроеніе, такъ ярко выразившееся въ приведенномъ его письмѣ къ невѣстѣ.

Бюхнеръ и вообще всѣ тогдашніе нѣмецкіе революціонеры, въ лицѣ даже самыхъ геніальныхъ, говорили всегда объ интересахъ не пролетаріата, а трудящихся классовъ, не разлученіе съ орудіями труда, а бѣдность служила у нихъ отличительнымъ признакомъ тѣхъ классовъ, интересы которыхъ они отстаивали. Но бѣдность, конечно, вещь при извѣстныхъ условіяхъ излѣчимая. Рабочій, сколько-бы онъ ни зарабатывалъ, но пока онъ остается рабочимъ, его классовые интересы не смягчаютъ своей противоположности съ интересами имущихъ классовъ. Иное дѣло бѣдствующіе крестьяне, къ которымъ обращался Бюхнеръ. Достаточно бѣдствующему крестьянину поправить свое хозяйство, и его классовая психологія и позиція должны радикально измѣниться. Не подлежитъ сомнѣнію — да исторически оно такъ и случилось—что переходъ Германіи къ конституціонному строю неизбѣжно долженъ былъ вызвать подъемъ экономическаго благосостоянія крестьянства, и такимъ образомъ численность „трудящихся и бѣдствующихъ классовъ“ должна была уменьшиться. И съ присущимъ ему геніальнымъ чутьемъ Георгъ Бюхнеръ понялъ, что занятая имъ политическая позиція „трудящихся классовъ“ можетъ быть прочна только въ переходной періодъ. Но такъ какъ отсталость соціально-экономической жизни Германіи не позволила стать на точку зрѣнія не трудящихся классовъ, а опредѣленнаго трудящагося класса, отличительнымъ признакомъ котораго является не бѣдность, а отдѣленіе производителя отъ орудій производства, необходимость продавать свою рабочую силу, то Бюхнеру только и оставалось уповать на моментальный переворотъ и съ тоскою думать о томъ, что если этотъ переворотъ не произойдетъ теперь же, то потомъ будетъ поздно и все революціонное дѣло будетъ проиграно.

Г. Бюхнеръ оставилъ „слѣды геніемъ начатаго труда“, но его позиція при этомъ въ тогдашней Германіи заранѣе была обречена на безплодность. Тѣ „трудящіяся массы“, къ которымъ обращался Бюхнеръ, преспокойно доставляли агитаторовъ въ ближайшій участокъ и не проявляли еще никакого интереса къ революціоннымъ идеямъ. Такъ называемое же общество, чѣмъ

Digitized by Google

дальше развертывались историческія событія, тѣмъ сильнѣе поглощалось политическою дѣятельностью,—а Бюхнеръ и его товарищи рѣзко отрицательно относились ко всякой политической дѣятельности, считая ее измѣной революціонному дѣлу.

Либеральная оппозиція уже съ самаго начала заняла политическую позицію, но такъ какъ легальныхъ формъ для выраженія этой оппозиціи не существовало, а либеральное движеніе было еще настолько слабымъ, трусливымъ и неорганизованнымъ, что внѣ этихъ легальныхъ формъ не могло или, точнѣе, не рѣшалось создать ничего самостоятельнаго, то въ теченіе довольно долгаго времени она была обречена на политическую бездѣятельность. Только печать скудно пропускала черезъ густое цензурное сито жидкія либеральныя идеи. Но начиная съ тридцатыхъ годовъ либеральное движеніе безпрерывно возрастало. Его слабость была отраженною слабостью нѣмецкой буржуазіи.

Отсталость соціально-экономическаго развитія Германіи, по сравненію съ Франціей и Англіей вела къ тому, что и буржуазія ея по своей численности и классовой сплоченности сильно отстала отъ англійской и французской буржуазіи.

„Составъ различныхъ классовъ народа, образующихъ фундаментъ политическихъ организацій, былъ въ Германіи сложнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, говоритъ К. Марксъ. Въ то время, какъ въ Англіи и Франціи сильная и богатая буржуазія, которая была сконцентрирована въ большихъ городахъ и прежде всего въ столицѣ, уже уничтожила или по крайней мѣрѣ, напр., въ Англіи, свела къ второстепенному значенію феодализмъ, въ Германіи феодальное дворянство сохранило еще большую часть своихъ старыхъ привилегій. Нѣмецкіе помѣщики еще сохранили за собою право суда надъ крестьянами... Это феодальное дворянство въ однѣхъ мѣстностяхъ Германіи было сильнѣе, въ другихъ слабѣе, но нигдѣ не было вполнѣ уничтожено, исключая лѣвый берегъ Рейна. Оно достигало очень большой численности и мѣстами было очень богато, и офиціально признавалось „первымъ сословіемъ“ въ государствѣ. Изъ него рекрутировались высшіе правительственные чиновники и высшіе чины въ арміи.

„Нѣмецкая же буржуазія была въ общемъ не столь богата и концентрирована, какъ французская или англійская. Прежнія отрасли промышленности Германіи были разрушены, благодаря появленію паровой силы и быстро растущему превосходству англійской промышленности. Новыя же отрасли промышленности, призванныя къ жизни Наполеоновской континентальной системой, не могли вознаградить за разрушеніе старыхъ и были недостаточны для того, чтобы придать нѣмецкой промышленности настолько важное значеніе, чтобы заставить считаться съ собою нѣмецкое

Digitized by Google

правительство, недовѣрчиво косившееся на всякій ростъ богатства и силы недворянскихъ элементовъ“ [1]).

Привиллегированное положеніе, въ которое государство ставило аграрно-дворянскіе элементы, послужило первымъ толчкомъ къ развитію политическаго самосознанія у нѣмецкой буржуазіи. Живучіе остатки феодальнаго строя, охраняемые всею силою правительственной власти, на каждомъ шагу тормозили живое развитіе производительныхъ силъ страны и толкали нѣмецкую буржуазію на путь политической борьбы противъ феодальныхъ привилегій и пережитковъ.

Но и послѣ того, какъ разоряющіеся государственные финансы заставили нѣмецкое правительство принять съ дороги развитія нѣмецкой промышленности по крайней мѣрѣ наиболѣе сгнившіе остатки феодализма и приняться за охрану національной индустріи,—оппозиціонное политическое движеніе среди нѣмецкой буржуазіи не только не исчезло, но продолжало расти. Въ пятомъ очеркѣ мы уже видѣли, что талантливый нѣмецкій экономистъ сороковыхъ годовъ, Фр. Листъ, спокойно и методически доказывалъ, что широкое промышленное развитіе страны невозможно въ атмосферѣ и обстановкѣ отсталого политическаго строя. Ф. Листъ доказывалъ эту истину рядомъ обстоятельныхъ историческихъ справокъ. Но нѣмецкой буржуазіи не было надобности наводить эти историческія справки, чтобы убѣдиться въ справедливости этой истины—текущая, живая современность доставляла ей достаточно обильныя и убѣдительныя доказательства.

Подъ вліяніемъ отжившаго политическаго режима, весь механизмъ хозяйственной жизни страны приходилъ въ полное разстройство. Народъ нищалъ и глухо волновался. Постоянные неурожаи, безработицы и опустошительныя „голодныя“ болѣзни подрывали физическую и хозяйственную силу націи.

Къ концу сороковыхъ гг. въ деревни и города были переполнены больнымъ, голоднымъ и безработнымъ людомъ. Финансовое положеніе страны было окончательно подорвано. Государство находилось наканунѣ финансоваго краха. Никакія напряженія налоговаго пресса не могли уже выжать изъ населенія большей суммы поступленій въ государственную казну. Выпускъ бумажныхъ денегъ, къ которому прибѣгло правительство, могъ отсрочить крахъ лишь на короткое время, и нѣмецкому правительству пришлось прибѣгнуть къ займу. Въ 1846 г. оно вступило въ переговоры по поводу займа съ Ротшильдомъ. Но кредитъ устарѣвшей политической системы былъ окончательно подорванъ, Ротшильдъ отвѣтилъ, что онъ немедленно подпишетъ

---

[1]) Ср. K. Marx. Revolution und Kontre-Revolution in Deutschland. Stuttgart 1896. Стр. 5.

Digitized by Google

заемъ, если этотъ заемъ будетъ гарантированъ, „собраніемъ народныхъ представителей“, въ противномъ же случаѣ онъ отказывается отъ заключенія займа.

Положеніе правительства становилось безвыходнымъ и оно, какъ мы видѣли, согласилось дать народу совѣщательное представительство, на основѣ крайне ограниченнаго имущественнаго ценза. При такихъ условіяхъ народное хозяйство успѣшно развиваться, конечно, не могло, и нѣмецкая буржуазія все рѣшительнѣе требовала коренной реформы всего политическаго строя.

При суровомъ режимѣ Фридриха—Вильгельма III-яго либеральная оппозиція Пруссіи держалась очень тихо и позволяла себѣ лишь „сочувствовать“. Болѣе радикальные слои, какъ мы видѣли въ предыдущихъ очеркахъ, язвили и хлестали ее злыми насмѣшками за ея умѣренность и трусливость, но морозъ реакціи сковалъ всѣ ея политическіе члены, лишь языкъ сохранилъ способность иногда ворочаться. Либеральная оттепель, наставшая съ воцареніемъ Фридриха—Вильгельма IV-аго, развязала либеральной оппозиціи скованные члены. Началась эра петицій, адресовъ, довѣрія, либеральнаго упованія со стороны общества и либеральнаго попустительства со стороны правительства. Съ этой эпохи либеральная оппозиція начинаетъ быстро расти и крѣпнуть. Колебанія правительства отъ реакціи къ либеральному попустительству еще больше раздражали либеральную оппозицію и увеличивали ея кадры. Оппозиціонное движеніе разливалось по всей странѣ, и чѣмъ шире становилась масса народа, захваченная имъ, тѣмъ сильнѣе и увѣреннѣе чувствовала себя либеральная оппозиція и тѣмъ смѣлѣе она выступала. Требованіе конституціи сдѣлалось пунктомъ, объединившемъ широкіе и все растущіе слои населенія. Сумбуръ въ области политическихъ воззрѣній оппозиціи былъ очень великъ. „Немногіе — говоритъ одинъ изъ современниковъ этой эпохи — знали опредѣленно и ясно, чего они хотятъ, но всякій чувствовалъ, что долженъ наступить иной порядокъ вещей“ [1]).

„Большинство, говоритъ далѣе тотъ же авторъ, совсѣмъ и не знало, что такое конституція, да и, въ концѣ концовъ, какое дѣло было до конституціи людямъ, всѣ интересы которыхъ исчерпывались вопросами о повышеніи и паденіи цѣнъ на хлѣбъ, шерсть и водку. Какое было дѣло до общихъ вопросовъ тѣмъ, которые преслѣдовали только личную выгоду“? [2]).

Довѣріе, петиціи, адреса—все это понемногу покидалось, какъ устарѣвшее и больше не дѣйствующее средство. Поэтъ Гервегъ писалъ уже свою знаменитую „Пѣснь о ненависти“, въ которой

---

[1]) Ср. статью „Preussen“ въ журналѣ „Ein und zwanzig Bogen aus der Schweiz. Herausg. von Georg Herwegh. Erst Theil. Zürich und Winterthur 1843. Стр. 4.

[2]) Ibid. стр. 5.

Digitized by Google

черезъ каждую строфу повторялъ: „Мы достаточно долго любили, мы хотимъ наконецъ и ненавидѣть“, а другой радикальный писатель, Вильгельмъ Марръ восклицалъ, что пора покончить съ адресами, петиціями и резолюціями:

Habt lang genug petitioniert,
Gehoffet und geharrt;
Ihr habt Euch oft genug blamiert
Und waret stets genarrt.
Frisch auf, jetzt gilt's Kourage,
Den Anderen die Blamage!
Die Freiheit zu erbetteln
Geziemt nur alten Betteln
Vorwärts!
Es drängt du Zeit; ihr Männer eilt
Zu euern Eahnen hin;
Ein Jüngling, der noch länger weilt
Mit furcherfülltem Sinn.
Wollt Ihr für alles Schlagen,
Müsst Ihr auch alles wagen!
Und wenn wir auch verderben,
Wir können frei doch sterben!
Vorwärts!

(Достаточно вы уже просили, надѣялись и выжидали, достаточно часто вы скандалились, постоянно оставаясь въ дуракахъ. Смѣло же впередъ, вы должны быть мужественны и посрамить враговъ. Выпрашивать свободу подобаетъ лишь старымъ попрошайкамъ. Впередъ! Время не ждетъ, спѣшите къ своимъ знаменамъ. Мальчишка тотъ, кто еще медлитъ, преисполненный страха. Если вы всего хотите добиться, то должны на все рѣшиться. И если даже дѣло не удастся, то мы все таки хотя свободными умремъ. Впередъ!).

Мрачная тѣнь самостоятельнаго рабочаго движенія, съ соціалистической программой, на первыхъ порахъ не особенно страшило либеральную буржуазію. Рабочее и соціалистическое движеніе было сравнительно слабо распространено въ дореволюціонной Германіи, и либеральная оппозиція не придавала ему особенно серьезнаго значенія.

Нѣкій А. Кюнцель, написавшій брошюрку „Чего хотятъ либералы“, выражаетъ твердую увѣренность, что коммунистическое движеніе исчезнетъ, какъ только будетъ дана конституція. Либерализмъ и коммунизмъ, говоритъ онъ, могутъ быть объединены. „Хотя въ настоящее время попытка подобнаго объединенія и не можетъ имѣть успѣха, но, быть можетъ, это происходитъ отъ недостаточнаго обоюднаго знакомства. Если мы посмотримъ, какъ возникъ коммунизмъ, то мы убѣдимся, что только потому, что

Digitized by Google

либерализмъ не достигъ своей цѣли, сталъ возможнымъ коммунизмъ, и что какъ только будетъ осуществлена цѣль либерализма, коммунизмъ исчезнетъ самъ собою. Коммунизмъ отличается отъ либерализма только своими средствами, а по своимъ цѣлямъ онъ въ настоящее время вовсе не представляетъ страшилища, которымъ его по невѣжеству изображаютъ" [1]).

Конечно, отнюдь не всѣ либералы относились такъ спокойно къ коммунистическому движенію, но въ общемъ это движеніе, какъ и вообще соціальный вопросъ не особенно занимало либеральную оппозицію, всецѣло поглощенную чисто политическою борьбою.

Радикальную оппозицію соціальный вопросъ тоже очень мало занималъ, она лишь крайне недовольна была умѣренностью и трусливостью либеральной оппозиціи. Самый вѣрный и талантливый представитель радикальной оппозиціи, Карлъ Гейнтценъ, очень насмѣшливо и отрицательно относился къ соціалистическому движенію, считая его цѣль совершенно утопичной, но, кромѣ этого, онъ считалъ, что теперь вообще не время говорить о соціальномъ вопросѣ, политическій вопросъ долженъ былъ поглотить всѣ силы и все вниманіе общества. Но политическій вопросъ могъ быть разрѣшенъ, по мнѣнію вожака радикальной оппозиціи, только революціоннымъ насильственнымъ путемъ и только путемъ учрежденія республики. Гейнтценъ окончательно разувѣрился и въ мирныхъ средствахъ борьбы, и въ конституціонной монархіи, и этимъ онъ и отличался отъ вожаковъ либеральной оппозиціи, до самаго кануна революціи твердо вѣровавшихъ, что конфликтъ между правительствомъ и обществомъ будетъ разрѣшенъ самымъ мирнымъ образомъ, что революція въ Германіи не произойдетъ. За двѣ недѣли до мартовской революціи Рудольфъ фонъ-Бенигсенъ въ письмѣ къ отцу, которое намъ уже приходилось цитировать, выражалъ увѣренность, что въ Германіи не произойдетъ революціи.

Радикальная же оппозиція къ этому времени уже окончательно убѣдилась, что только революціоннымъ путемъ можно добиться политической свободы. Но еще въ срединѣ сороковыхъ годовъ вождь нѣмецкихъ радикаловъ Карлъ Гейнтценъ отнюдь еще не былъ такъ революціонно настроенъ и онъ прямо ставилъ нѣмецкой радикальной оппозиціи политическую задачу *избѣжать* революціи, сдѣлать ее излишней.

За три года до революціи, Карлъ Гейнтценъ писалъ:

„Мы считаемъ возложеніе надежды на революціонную развязку не только вреднымъ, но и очень ненадежнымъ. Если вмѣсто того, чтобы честно и мужественно отдаваться труду и пу-

[1]) Ср. Al. Küntzel. Was wollen die Liberalen in Preussen, und was will Herr v. Lavergne-Peguilhen? Leipzig. 1847, Стр. 19—20,

Digitized by Google

темъ бодраго творчества создать условія новаго существованія, предпочтутъ довѣриться пассивнымъ надеждамъ и тайнымъ заговорамъ, то это будетъ значить отдаться политическому авантюризму... Сдѣлать революцію ненужной—для этого нужно больше мужества и силы, и это представляетъ болѣе достойную задачу, чѣмъ содѣйствовать революціи.

Сдѣлать революцію ненужной? Да, по нашему убѣжденію, еще существуетъ для этого средство, которое до сихъ поръ крайне рѣдко примѣнялось въ Германіи. Это—мечъ духа въ рукахъ нравственной силы. Таково, по нашему мнѣнію, простѣйшее орудіе, съ помощью котораго должна и можетъ быть завоевана истинная свобода. Лучшее средство сохранить свободу должно быть въ то же время и лучшимъ средствомъ ее раздобыть. А сохранена свобода можетъ быть не путемъ интригъ, физической силы и крови, а моральною силою, твердостью убѣжденій, силою права и справедливости" [1]).

„Это очень удобно и не требуетъ при томъ никакой активной дѣятельности возлагать свои надежды на революцію. Быть можетъ, мы бы достигли въ Германіи гораздо большихъ успѣховъ, чѣмъ теперь, если-бы многіе не прекратили свою личную дѣятельность въ надеждѣ на скорую помощь внутренней революціи. Если-бы мы обладали извѣстнымъ числомъ тѣхъ республиканскихъ характеровъ, у которыхъ бы строгое правовое чувство сочеталось бы съ мужественною твердостью, настроенія которыхъ были столь же чисты, какъ тверда ихъ воля, тогда бы мы достигли въ Германіи совсѣмъ иныхъ успѣховъ, чѣмъ теперь... И всего можно достигнуть путемъ мирнаго и легальнаго сопротивленія" [2]).

У меня могутъ спросить, говоритъ Гейнтценъ, что же дѣлать тогда, если реакція начнетъ сурово подавлять всякій протестъ, хотя бы самый мирный и легальный. „Если бы нѣмецкая реакція, отвѣчаетъ на это возраженіе Гейнтценъ, оказалась—что совершенно невѣроятно—настолько глупой, чтобы путемъ всяческихъ преслѣдованій и тюремныхъ заключеній открыто раздражать мирныхъ представителей смѣло выступившаго общественнаго мнѣнія, то тогда друзья свободы, прибѣгающіе лишь къ мирнымъ средствамъ, оказались бы чистыми, и вся вина за тѣ послѣдствія, которыя были бы вызваны преслѣдованіями, пала бы на реакцію".

„Несмотря на обширную массу сонныхъ филистеровъ, въ Германіи все таки, еще существуетъ достаточное количество защитниковъ права, которые сумѣли бы достигнуть всего, что

---

[1]) Ср. статью Гейнтцена „Ein Wort über erlaubten Widerstand" въ сборникѣ „Mehr als zwanzig Bogen Darmstadt 1845. Стр. 156—157.

[2]) Ibid. Стр. 158.

Digitized by Google

нужно, пользуясь путемъ духовно-моральной агитаціи... Реакція въ Германіи слабѣе, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, надо только отважиться".

И Гейнтценъ возлагалъ тогда всѣ свои надежды на земцевъ и печать.

Сопротивленіе правительству должно быть съ одной стороны „активнымъ и положительнымъ, а съ другой—пассивнымъ и отрицательнымъ, и этотъ послѣдній видъ сопротивленія (Widerstand), будучи послѣдовательно проведенъ, есть, быть можетъ, самый могущественный союзникъ свободы. Въ общемъ это сопротивленіе должно состоять въ томъ, чтобы отказать въ своемъ содѣйствіи всѣмъ планамъ и дѣйствіямъ, которые затѣваются и проводятся въ интересахъ устарѣвшей политики и правительственной реакціи" [1]).

Такъ умѣренно писалъ еще въ 1845 году виднѣйшій вождь нѣмецкихъ радикаловъ. Но уже черезъ два года онъ заговорилъ совсѣмъ инымъ языкомъ.

„Когда я еще жилъ въ Пруссіи, даже когда я уже полгода былъ заграницей, разсказываетъ Гейнтценъ, я еще придерживался принципа, такъ называемой, законности. Я при этомъ исходилъ изъ той ошибочной идеи, что гдѣ существуютъ такъ называемые законы, тамъ существуетъ и законность". Но теперь, продолжаетъ Гейнтценъ, я пришелъ къ убѣжденію, что „тотъ строй, при которомъ прогрессъ можетъ быть осуществленъ мирнымъ путемъ, не можетъ быть завоеванъ иначе, какъ путемъ революціонной силы, такъ какъ иначе насильники не откажутся отъ своей власти. Въ Германіи подобный строй еще не существуетъ, и Германія поэтому еще должна совершить революцію и она совершитъ ее, никакія силы небесныя не избавятъ ее отъ этого. Я пришелъ къ этому убѣжденію, и къ нему всѣ должны прійти. И послѣ того, какъ я убѣдился въ правомѣрности и необходимости революціи, я столь же открыто проповѣдую теперь революцію, какъ прежде проповѣдывалъ миръ" [2]).

„Прежде чѣмъ въ какомъ-либо государствѣ сдѣлаются ненужными кровавыя революціи, политическое положеніе этого государства должно быть таково, чтобы активное большинство народа могло путемъ моральнаго давленія или голосованія устранить преграды прогрессивнаго развитія, т. е. реакціонное правительство или суверенное законодательство. А для этого народъ прежде всего долженъ имѣть совершенно свободную прессу и свободу собраній... Словомъ, должна существовать возможность мирнаго проявленія народнаго суверитнитета" [3]).

---

[1]) Ibid. стр. 164.

[2]) Ср. Heintzen Teutsche Revolution. Gesammelte Flugschriften. Bern 1847. Стр. 216.

[3]) Ibid. Стр. 217.

Digitized by Google

„Тамъ, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Гейнтценъ, гдѣ дѣйствительно господствуетъ законность, тамъ было бы преступленіемъ и по отношенію къ праву и по отношенію къ разуму, да и было бы совершенно безнадежно, прибѣгать къ противозаконнымъ средствамъ, но тамъ, гдѣ царитъ насиліе, тамъ всегда насиліе угнетаемыхъ должно сперва уничтожить насиліе господствующихъ для того, чтобы положить начало законности“ [1]).

„Мы будемъ наносить реакціи удары, она попытается усмирить насъ, мы тогда удвоимъ силу ударовъ, она начнетъ свирѣпствовать противъ насъ, мы удесятеримъ силу своихъ ударовъ и не успокоимся, не остановимся до тѣхъ поръ, пока не свалимъ ее. Эти удары будетъ наносить реакціи духъ, духъ свободы. Если у нашихъ враговъ есть бомбы и пушки, то у насъ есть прокламаціи, маленькія, совсѣмъ маленькія брошюры. И, повѣрьте мнѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ какая-нибудь одна брошюрка является болѣе страшнымъ орудіемъ, чѣмъ цѣлый артиллерійскій паркъ, дѣйствующій противъ свободы“ [2]).

И Гейнтценъ теперь называетъ глупцами тѣхъ, которые еще надѣются „законнымъ путемъ“ водворить въ Германіи англійскую свободу. „Мы съ своей стороны, говоритъ Гейнтценъ, избавились уже отъ подобной слѣпости. Мы уже поняли, какъ смѣшно, наивно, скучно и вредно заниматься „законною“ оппозиціей въ беззаконныхъ государствахъ, т. е. пользоваться для оппозиціонныхъ цѣлей только тѣмъ путемъ, который открытъ и разрѣшенъ намъ самими деспотами. Мы теперь оппонируемъ „незаконно“. Мы идемъ на встрѣчу насилію съ нелегальнымъ мечомъ вѣчныхъ человѣческихъ правъ въ рукѣ“ [3]).

Издаваемый въ Парижѣ съ 1844 г. нѣмецкій эмигрантскій журналъ „Впередъ“ („Vorwärts“) писалъ еще болѣе рѣзкимъ и непримиримымъ языкомъ. Его не удовлетворяла, какъ удовлетворяла Гейнтцена, борьба съ помощью „брошюръ, совсѣмъ маленькихъ брошюръ“ и съ помощью „нелегальнаго меча вѣчныхъ человѣческихъ правъ“. Онъ проповѣдывалъ борьбу не фигуральнымъ мечомъ человѣческихъ правъ, а самымъ реальнымъ мечомъ крѣпкой стали. Онъ открыто сталъ въ защиту террористическихъ актовъ, и когда, въ 1844 г., бургомистръ Чехъ совершилъ неудавшееся покушеніе на короля, то парижскій „Vorwärts“ съ полнымъ одобреніемъ отнесся къ этому покушенію и съ восторгомъ привѣтствовалъ восемнадцатилѣтнюю дочь Чеха, заявившую на судѣ, что она гордится поступкомъ своего отца.

Пока шла рѣчь о чисто-политической программѣ, тактическія разногласія между радикалами и соціалистами не мѣшали имъ

---

[1]) Ibid. Стр. 219.
[2]) Ibid. Стр. 321.
[3]) Ibid.

Digitized by Google

идти въ ногу. Радикалы объявили на первыхъ порахъ войну только тѣмъ представителямъ соціализма, которые, какъ мы видѣли въ предшествующихъ очеркахъ, проповѣдывали полное политическое воздержаніе и считали вѣрнымъ конституціонное движеніе, но появившійся со второй половины сороковыхъ годовъ научный соціализмъ связалъ свою соціалистическую программу съ программой самой энергичной и активной политической дѣятельности. Однако, это обстоятельство не только не устранило разногласій между радикалами и соціалистами, но придало ему еще болѣе острый и неустранимый характеръ.

Пока въ Германіи широко были распространены расплывчатыя, плохо переваренныя ученія французскихъ соціалистовъ, пока нѣмецкая интеллигенція жадно набрасывалась на всѣ новыя ученія, только что вышедшія изъ подъ пера французскихъ соціалистовъ, и исповѣдывала розовый расплывчатый соціализмъ, подъ который можно было подвести все, что угодно,—до этихъ поръ радикальная партія праздновала легкія побѣды надъ соціалистами и была настроена по отношенію къ нимъ довольно благодушно, больше подсмѣиваясь надъ ними, чѣмъ серьезно сражаясь съ ними.

„Реакціонеры и коммунисты—писалъ по адресу этихъ соціалистовъ Карлъ Гейнтценъ—начали называть коммунизмомъ все, что направлено въ сторону гуманизаціи общества... Скоро дѣло дойдетъ до того, что нельзя будетъ ни ѣсть ни пить, не получивъ названіе коммуниста. Всякій разумный человѣкъ, свободно разсуждающій о какомъ либо человѣческомъ вопросѣ, получаетъ названіе коммуниста или соціалиста.“ [1])

По адресу этихъ „истинныхъ соціалистовъ“ Гейнтценъ съ полнымъ основаніемъ писалъ:

„Со всѣхъ сторонъ ихъ притѣсняетъ полиція, цензура коверкаетъ ихъ органы печати, союзный совѣтъ не признаетъ за ними никакихъ политическихъ правъ и запрещаетъ имъ политически объединяться; словомъ, политическое насиліе истязаетъ ихъ до крови. Но научаетъ ли ихъ это? Поднимаетъ ли ихъ это на борьбу противъ насилія? Нисколько! Они продолжаютъ твердить, что политическая оппозиція есть глупость.“ [2])

Но по отношенію къ нѣмецкому соціализму второй половины сороковыхъ годовъ эти возраженія радикаловъ потеряли уже всякое значеніе, такъ какъ, не говоря уже о Марксѣ, даже „истинные соціалисты“ поняли къ этому времени все значеніе политической дѣятельности. И теперь между радикалами и соціалистами остро всталъ уже не политическій, а соціальный вопросъ.

---

[1]) Ibid. Стр. 367.
[2]) Ibid. Стр. 364.

Digitized by Google

Нѣмецкій поэтъ Мейсснеръ рѣзко подчеркивалъ, что всѣ не соціалистическія политическія теченія стремятся въ сущности къ одному и тому же—комфорту и обезпеченности для меньшинства, и въ этомъ отношеніи между „правыми“ и „лѣвыми“ партіями нѣтъ никакой разницы:

„Doch“ „Rechte“ und „Linke“ sind zwei Hände,
Die nie einander weh gethan.
Ob beide Teil' das Messer wetzen,
Nie kommt's sum Kampf, der ernstlich droht,
Denn alle wollen Geld und Metzen,
Paläste, Tafeln, Pferd und Hetzen—
Das arme Volk will schwarzes Brot.

И въ другомъ стихотвореніи Мейсснеръ спрашиваетъ, справедливо ли это и долго ли это еще будетъ, чтобы однимъ былъ черствый хлѣбъ и цѣпи, а другимъ—тонкій комфортъ и свобода:

„Doch and're Zeiten seh ich tagen,
Von tausend Lippen, schmal und bleich,
Hörich die wilden, düst'ren Fragen:
Wie lang der Spalt von Arm und Reich?
Ist's recht, für uns allein die Kette?
Für Euch die Lust, für uns die Not,
Für Euch die Ruh' auf seid'nem Bette,
Für uns das Stroh zur sterbe stätte
Und kaum noch schwarzes, hartes Brod?“

(„Но я вижу наступленіе иного времени. Тысячи блѣдныхъ, сжатыхъ губъ задаютъ мрачный вопросъ: долго ли еще будетъ существовать пропасть между бѣдными и богатыми? Справедливо ли, чтобы мы одни несли цѣпи? Справедливо ли, чтобы на на вашу долю приходились всѣ наслажденія, а на нашу—лишь нищета, чтобы вы отдыхали на шелкомъ покрытыхъ постеляхъ, а мы умирали на пучкѣ соломы, съ трудомъ добывая кусокъ черстваго хлѣба“). Гейнтценъ рѣшительно высказался противъ коммунистическихъ теорій. Въ издаваемомъ имъ журналѣ „Opposition“ Гейнтценъ подвергалъ рѣзкой критикѣ соціалистическое ученіе, причемъ онъ рѣшительно отвергалъ мысль о возможности объединенія съ соціалистами.

Самъ Гейнтценъ опубликовалъ, въ противовѣсъ соціалистической, слѣдующую соціальную программу демократіи: Вся земля должна перейти въ собственность государства, что можетъ быть достигнуто путемъ выкупа и путемъ уничтоженія наслѣдственнаго права на землю. Государственная земля должна быть частью сдаваема въ аренду частнымъ лицамъ, а частью обрабатываться самимъ же государствомъ, чтобы воспрепятствовать повышенію цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты.

Digitized by Google

Налоговая система должна быть тоже демократизирована, путемъ освобожденія отъ всякихъ налоговъ бѣднѣйшихъ слоевъ населенія и путемъ введенія прогрессивнаго подоходнаго налога. Наслѣдственное право должно быть совершенно устранено. Государство должно гарантировать всѣмъ работоспособнымъ членамъ извѣстный минимумъ заработной платы и обезпеченность постояннаго труда.

Эта соціальная программа, выдвинутая Гейнтценомъ въ журналѣ „Opposition", отличалась безусловно очень большимъ радикализмомъ, но, несмотря на свой радикализмъ, Гейнтценъ, еще готовый сочувствовать государственному соціализму, относился съ большою рѣзкостью къ пролетарскому соціализму, и между нимъ и Марксомъ возникла очень рѣзкая политика, съ которою мы уже познакомились въ общихъ чертахъ въ седьмомъ очеркѣ,

Въ средѣ же нѣмецкой эмиграціи, вообще, по словамъ Марра, царила „такая партійная вражда, о которой трудно составить себѣ понятіе", [1]) соціалистическій вопросъ очень скоро вошелъ разлагающимъ элементомъ въ прежнія крѣпкія организаціи. Какъ только въ ту или иную эмигрантскую организацію или эмигрантскій органъ начинали проникать идеи пролетарскаго соціализма, такъ тотчасъ же распадался союзъ радикаловъ и соціалистовъ, и образовывались двѣ различныя фракціи. Когда, напр., въ концѣ 1842 г. швейцарскій „Республиканецъ", издававшійся нѣмецкими радикалами, перешелъ подъ редакцію Юліуса Фребеля, то достаточно было, чтобы въ первыхъ номерахъ новой редакціи въ видѣ программныхъ словъ было выставлено: „въ основѣ каждаго политическаго строя лежатъ матерьяльныя условія существованія", достаточно было этихъ словъ, чтобы радикалы, усмотрѣвъ въ нихъ пролетарскій соціализмъ, поспѣшили удалиться.

Цѣлый рядъ существовавшихъ въ Швейцаріи нѣмецкихъ организацій распался, какъ только вошли въ него представители пролетарскаго соціализма.

Даже Вильгельмъ Марръ, выдававшій себя за самаго крайняго соціалиста, не могъ примириться съ пролетарскимъ характеромъ новаго соціализма, или, какъ тогда предпочитали выражаться, коммунизма. „Коммунисты, говорилъ онъ, видятъ ужасающее неравенство людей, но они его видятъ черезъ тусклыя стекла пролетарскаго сознанія" [2])

И даже Арнольдъ Руге, бывшій еще въ 1844 году соратникомъ Маркса и вмѣстѣ съ нимъ редактировавшій знаменитые

---

[1]) Ср. Wil. Marr. Das junge Deutschland in den Schweiz. Leipzig. 1846 Стр. 93.

[2]) Ibid. Стр. 118.

Digitized by Google

„Deutsch—Franrösische Jähzbucher“, даже и онъ выступилъ черезъ два года въ своемъ сочиненіи „Zwei Iahren in Paris, Studien und Erinnerungen“ (1846) противъ коммунизма.

Такимъ образомъ, отношенія между радикалами и соціалистами по мѣрѣ приближенія къ 1848 г. все болѣе обострялись и настолько обострились, что нѣмецкое правительство попыталось использовать для своихъ цѣлей этотъ расколъ. Правительственный органъ „Reeinische Beobacther„ началъ серьезно планировать совмѣстную кампанію соціалистовъ и правительства, направленную противъ радикаловъ. Въ Brüsseler Zeitung“ Марксъ и Энгельсъ дали столь выразительный отвѣтъ на попытку подобнаго противоестественнаго союза, что дальнѣйшіе толки на эту тему моментально были оборваны.

Какъ ни различны были міросозерцанія и идеалы различныхъ политическихъ партій дореволюціонной Германіи, но по отношенію къ тогдашнему нѣмецкому правительству онѣ всѣ были проникнуты непримиримою враждою.

Необходимость политической борьбы и политическаго переворота была ясна теперь для всѣхъ партій, и правительство становилось все болѣе и болѣе изолированнымъ.

На его сторонѣ были лишь бюрократія и консервативныя партіи, усердно доказывавшія, что при конституціонномъ строѣ не обезпечена не только личная свобода, но даже и личная безопасность.

„Во время избирательныхъ собраній въ Англіи—писала реакціонная „Speneresche Zeitung“, человѣческая жизнь совершенно не обезпечена; чтобы явиться на эти собранія надо быть вооруженнымъ съ ногъ до головы, но лучше туда совсѣмъ не являться... Неприкосновенность собственности и личности есть въ Западной Европѣ лишь одно воображеніе (ist im westlichen Europa blosse Einbildung)“.

И авторъ доказываетъ далѣе, какъ несчастны тѣ государства и народы, которые вступили на путь конституціоннаго развитія

„Достаточно бросить общій взглядъ на подобныя государства, чтобы убѣдиться, что въ нихъ царитъ хаосъ безчисленныхъ, обособленныхъ атомовъ, царитъ безпочвенная анархія, постоянное открытое возстаніе злого духа противъ добраго, тогда какъ абсолютная монархія олицетворяетъ собою правду, ибо она насквозь проникнута органическимъ единствомъ, и ея правительственная система есть самое высшее, что можетъ сотворить въ этой области человѣческій умъ“.

„Пруссаки—говоритъ далѣе реакціонная газета—должны признать, что многіе законы и учрежденія ихъ государства, являются идеальными“ [1]).

---

[1]) Цитировано К. Нацверкомъ въ статьѣ Der vaterländische Preusse „Anecdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik. Herg. von A. Ruge Er. Bd. Znrich und Winterthur. 1843. Стр. 230—232.

Digitized by Google

Другіе же консерваторы исходили изъ „идеалистическихъ“ соображеній и доказывали, что всякій конституціонный строй страдаетъ недостатками и несовершенствами, и поэтому конституція не можетъ разрѣшить затрудненій, она не можетъ быть идеальной, и лучше совсѣмъ обойтись безъ нея, чѣмъ создавать себѣ сначала иллюзіи, а потомъ—разочарованія.

„Своеобразная особенность этихъ идеалистовъ,—замѣчаетъ авторъ анонимной статьи „Пруссія“—заключается въ томъ, что они въ концѣ концовъ всегда оказываются эмпириками и для доказательства своихъ утвержденій приводятъ примѣры изъ Франціи, Англіи и Сѣверной Америки, т. е. тѣхъ странъ, которыхъ они совершенно не знаютъ и о государственномъ строѣ которыхъ они знаютъ лишь, что тамъ часто мѣняются министры“ [1]).

Но реакціонеры и консерваторы, такъ старательно уговаривавшіе нѣмецкій народъ бросить всякую политику и въ такихъ ужасныхъ краскахъ рисовавшіе конституціонный строй западно-европейскихъ государствъ, не пользовались никакимъ вліяніемъ и представляли собою малочисленную кучку отставшихъ людей. Всѣ же остальныя партіи, несмотря на все различіе ихъ конечныхъ цѣлей и тактическихъ пріемовъ, всѣ безъ исключенія брались за политику, какъ за самое надежное орудіе борьбы, и требовали преобразованія Германіи въ конституціонную страну. „Истинные соціалисты“, проповѣдовавшіе полное политическое воздержаніе и отвергавшіе конституцію, къ 1848 году или совсѣмъ вымерли, или измѣнили свои убѣжденія и съ головою бросились въ политику, или же утратили всякое вліяніе.

„И въ то время, говоритъ К. Марксъ, какъ высшіе слои дворянства, офицерства и чиновничества составляли единственную надежную опору существующаго строя, въ то время, какъ низшіе слои дворянства, промышленная и коммерческая буржуазія, университеты, преподаватели всѣхъ ранговъ и даже извѣстная часть низшихъ ступеней бюрократіи и офицерства—всѣ объединились въ борьбѣ противъ правительства; въ то время, когда за ними уже стояли недовольныя массы крестьянства и городского пролетаріата, которыя до сихъ поръ еще поддерживали либеральную оппозицію, но уже проявляли признаки стремленія взять дѣло въ свои собственныя руки; въ то время, когда буржуазія уже была готова низвергнуть правительство, и пролетаріатъ былъ готовъ низвергнуть потомъ буржуазію,—въ это время правительство упрямо продолжало держаться того курса, который неотвратимо долженъ былъ привести къ крушенію. Германія въ

---

[1]) Ср. статью „Preussen“ Ein und zwanzig Bogen aus der Schweiz. Heraus von Georg Herwegh Erst. Theil. Zürich und Winterthur. 1843. стр. 5.

Digitized by Google

началѣ 1848 г. находилась наканунѣ революціи, и эта революція неизбѣжно наступила бы, даже если бы не получила толчокъ со стороны французской февральской революціи" [1]).

Правда, у нѣмецкаго правительства еще оставалась надежда на „народъ", и мы знаемъ, что въ своей знаменитой рѣчи, произнесенной въ 1847 г. при открытіи Соединеннаго Ландтага, Фридрихъ-Вильгельмъ II-й пригрозилъ депутатамъ, что въ случаѣ конфликта съ ними онъ обратится къ нѣмецкому „народу". Но растущія волненія въ деревняхъ и городахъ заставляли отказаться и отъ этой послѣдней иллюзіи и заставляли признать, что народъ перестаетъ политически безмолвствовать, что изъ страдательнаго залога реакціи онъ превращается въ дѣйствительный залогъ оппозиціоннаго движенія.

Серьезные элементы нѣмецкой оппозиціи не преувеличивали размѣровъ этого политическаго пробужденія широкихъ слоевъ народа, они отлично знали, что та тяжелая нищета, то безпросвѣтное невѣжество, въ которомъ вѣками держало правительство нѣмецкій народъ,—что они представляютъ огромный тормазъ для широкаго разлитія и прочнаго развитія освободительныхъ идей.

Въ сороковыхъ годахъ даже въ столицѣ Германіи изъ 66.000 находившихся въ школьномъ возрастѣ лишь 37.000 посѣщали школы, а остальные 29.000 оставались совершенно безграмотными. Къ тому же, положеніе оппозиціи крайне затруднялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ пути проведенія знанія и образованія въ народъ находились въ рукахъ правительства, которое ревниво оберегало ихъ отъ всякаго тлетворнаго вліянія.

„Когда говорятъ о медленности политическаго развитія Германіи той эпохи,—писалъ К. Марксъ,—то при этомъ не должны забывать о тѣхъ невѣроятныхъ трудностяхъ, которыя стоятъ на пути выработки правильныхъ воззрѣній въ странѣ, въ которой всѣ источники знанія находятся во власти правительства, въ которой, начиная отъ сельской школы до газеты и университета, ничему нельзя учить, ничего нельзя говорить или печатать безъ предварительнаго разрѣшенія правительства" [2]).

Но какъ ни были тяжелы эти препятствія, какъ ни замедляли и ни затрудняли они дѣло освободительнаго движенія, но однако „духъ времени" какими-то невѣдомыми путями просачивался безъ всякой помощи печатнаго станка въ головы широкой народной массы. Вся атмосфера пропитывалась новыми освободительными идеями и безъ вѣдома и сознанія, преодолѣвая всѣ препятствія, и тяжелая народная масса начинала отдавать дань духу времени и заражаться новаторскими политическими идеями.

---

[1]) Ср. K. Marx. Revolution und Contre—Revolution in Deutschland. Stuttgart 1896. Стр. 25.

[2]) Ibid. стр. 16.

Digitized by Google

Зигзагообразный курсъ правительства, вызывавшій постоянное колебаніе общественнаго настроенія, рѣзкій переходъ отъ надежды къ разочарованію, отъ примиренія къ озлобленію еще болѣе раздергивалъ общественные нервы и электризовалъ атмосферу. Уже съ 1847 года, когда потерпѣла фіаско послѣдняя либеральная ставка правительства, въ воздухѣ пахло близкой грозой. Эту грозу предвѣщала и рѣчь короля при открытіи совѣщательнаго представительства, и ходъ и исходъ преній, и страшно повышенное и напряженное настроеніе общества. Правительство и общество не могли не столкнуться, какъ не могутъ не столкнуться два поѣзда, идущіе по однимъ и тѣмъ же рельсамъ навстрѣчу другъ другу. Попытка устройства совѣщательнаго представительства была послѣднимъ „разъѣздомъ", который еще позволялъ надѣяться, что крушеніе можетъ еще быть избѣгнуто; но когда эта попытка потерпѣла полное фіаско, столкновеніе стало неминуемымъ, и на всю нѣмецкую жизнь пахнуло горячимъ дыханіемъ быстро надвигающейся революціонной развязки.

Февральская революція во Франціи ускорила эту развязку, но и безъ французскихъ событій нѣмецкая революція все равно вспыхнула бы—не въ мартѣ, такъ въ апрѣлѣ, маѣ, сентябрѣ, въ 1849 году.

Очеркъ двѣнадцатый.

Революціонное движеніе въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ.—Общіе итоги.—Необходимость въ революціонныя эпохи союза классовъ, вмѣстѣ бьющихъ, хотя и врозь идущихъ.—Трусость и отсталость нѣмецкой буржуазіи и отсутствіе демократической партіи, какъ причина недодѣланности и половинчатости нѣмецкаго конституціонализма.

Въ предшествующихъ очеркахъ мы обрисовали въ общихъ чертахъ процессъ постепеннаго образованія и надвиганія революціонныхъ тучъ. Изъ слабаго ручейка мирной умѣренной оппозиціи постепенно выросъ могучій потокъ народнаго гнѣва, противъ котораго дѣтскими игрушками оказались всѣ плотины, воздвигнутые вѣковою мудростью реакціонныхъ правительствъ. Чтобы не отвлекаться въ сторону, мы при изображеніи исторической жизни Германіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ останавливались почти исключительно на Пруссіи, оставляя въ сторонѣ другія нѣмецкія государства. Но для полноты картины намъ необходимо теперь хотя бы самыми широкими штрихами набросать ходъ развитія оппозиціоннаго и революціоннаго движенія въ крупнѣйшихъ нѣмецкихъ государствахъ. И это тѣмъ болѣе необходимо, что оппозиціонное и революціонное движеніе раньше сказалось и ярче проявилось во второстепенныхъ нѣмецкихъ государствахъ, чѣмъ въ самой Пруссіи.

Болѣе страстный темпераментъ, болѣе вольныя историческія традиціи, болѣе высокая ступень экономическаго развитія и

Digitized by Google

могущественное вліяніе Наполеоновскихъ войнъ — всѣ эти пестрые факторы повели къ тому, что во второстепенныхъ нѣмецкихъ государствахъ и легче дышалось, и легче, дружнѣе сплотился народъ для отвоеванія себѣ основныхъ правъ человѣка и гражданина.

Болѣе крупныя нѣмецкія, такъ сказать, провинціальныя государства всегда шли впереди Пруссіи по радикальности своего политическаго настроенія. Когда въ Пруссіи еще не шли дальше умѣренно-либеральной и строго-лояльной оппозиціи, въ провинціальныхъ государствахъ оппозиціонное движеніе уже сочеталось съ революціоннымъ и, не находя себѣ легальнаго истока, прокладывало нелегальное подземное русло; въ то время, какъ въ Пруссіи оппозиція смиренно несла свои петиціи къ подножію трона и съ высоты трона ждала себѣ исцѣленія, въ это время въ провинціальныхъ государствахъ уже сложилась республиканская партія.

Не удивительно поэтому, что событія „безумнаго года" (1848) несравненно раньше и ярче отозвались во второстепенныхъ нѣмецкихъ государствахъ, чѣмъ въ самой Пруссіи. Да и къ тому же во многихъ нѣмецкихъ государствахъ уже существовало, хотя бы и въ изуродованной формѣ, политическое народное представительство, котораго еще лишена была Пруссія, и благодаря этому существовала возможность развитія болѣе сознательной и организованной политической жизни.

Въ Баденѣ либерально-демократическая партія пользовалась довольно большимъ вліяніемъ и располагала выдающимися политическими вожаками, болѣе крупные представители которыхъ проповѣдывали республиканскую форму правленія. Карлъ Мати рѣшительно заявилъ, что „монархи безъ всякаго промедленія должны покинуть свои троны".

Баденскіе либералы-демократы созвали 12-го сентября 1847 г. въ Оффенбургѣ народное собраніе, на которомъ были сформулированы слѣдующія требованія:

„Отмѣна карлсбадскихъ, франкфутскихъ и вѣнскихъ постановленій; свобода печати, свобода совѣсти и обученія; присяга войска въ вѣрности конституціи; защита свободы личности противъ полиціи; національное представительство въ Германскомъ Союзѣ; демократическая организація обороны страны; справедливая система обложенія; общедоступность обученія; суды присяжныхъ; демократическое управленіе государствомъ; устраненіе ненормальныхъ отношеній между капиталомъ и трудомъ и уничтоженіе всѣхъ привилегій [1]).

Эти сжато сформулированныя требованія либерально-демокра-

[1]) Блоссъ „Очерки по исторіи Германіи" Москва 1905.

Digitized by Google

тической группы были тотчасъ же подхвачены, какъ партійная программа, сумѣвшая сплотить обширную массу довольно дисциплинированныхъ и рѣшительныхъ сторонниковъ.

И когда пришли вѣсти о февральской революціи во Франціи, Баденъ чутко отозвался на парижскія событія, и оппозиціонное движеніе быстро приняло тамъ бурный и рѣшительный характеръ.

Вечернія спеціальныя прибавленія къ нѣмецкимъ газетамъ оповѣстили 26-го февраля о парижской революціи. „Кельнская Газета писала:

„Въ Парижѣ революція! Объявлена республика! Позавчерашній день можетъ оказаться роковымъ для милліоновъ людей. Парижскій бунтъ 24 февраля принялъ совершенно неожиданный оборотъ — вспыхнула революція. Борьба направилась противъ королевской власти. Послѣ того, какъ всѣ уступки, на которыя согласился король, были отвергнуты, въ результатѣ событій, о которыхъ у насъ пока нѣтъ обстоятельныхъ сообщеній, была объявлена республика.“

Уже на другой день послѣ того, какъ приведенное извѣстіе успѣло облетѣть Германію, въ Мангаймѣ было устроено большое собраніе, постановившее, чтобы четыреста мангеймскихъ гражданъ обратились ко второй палатѣ съ „бурной петиціей“, требовавшай обезпеченность, образованность и свободу для всѣхъ классовъ населенія.

Правительство тянуло отвѣтъ, но оно вынуждено было поторопиться, когда 1-го марта въ Карлсруэ скопилась на улицахъ громадная толпа народа, изъ глубины которой раздавались революціонные возгласы. Правительство поспѣшило дать отставку тремъ реакціоннымъ министрамъ, пользовавшимся всеобщею ненавистью, и обѣщало удовлетворить демократически-либеральныя требованія.

Сосѣдній съ Баденомъ Вюртембергъ тоже быстро откликнулся на парижскія событія. 2-го марта на народномъ митингѣ была выработана петиція королю, требовавшая демократическихъ реформъ. Правительство по привычкѣ протянуло руку, чтобъ взяться за кнутъ реакціи, но оно должно было отступить передъ народнымъ гнѣвомъ. Цензура была отмѣнена, реакціонные министры были удалены и замѣнены представителями либеральныхъ партій.

Взволновалось не только либеральное „общество“, угрожающе волновались и крестьяне.

„Когда крестьяне увидѣли, говоритъ Блоссъ, что, пользуясь движеніемъ, они могутъ сбросить съ себя феодальныя повинности, они заволновались, какъ въ эпоху крестьянской войны, и стали „собираться толпами, словно пчелы, когда ихъ выгоняютъ изъ улья“. Казалось, будто баденскіе и вюртембергскіе крестьяне припомнили, какъ ихъ предки болѣе чѣмъ за триста лѣтъ передъ тѣмъ сражались въ великихъ битвахъ при Беблингенѣ и Кенигсгофенѣ за свои

Digitized by Google

старыя вольности, отстаивая ихъ противъ феодальнаго дворянства, несущаго убійство и грабежи. Теперь массы населенія въ городахъ пришли въ броженіе, а въ деревнѣ заволновались крестьяне, паническій страхъ охватилъ собственниковъ и привилегированныхъ. Имъ уже думалось, что наступилъ канунъ соціальной революціи, которую уже никакъ не удовольствуешь одними „требованіями народа", формулированными буржуазнымъ либерализмомъ Потому-то дворянство и обнаружило такую сговорчивость и, соединившись съ либеральной буржуазіей, поспѣшило удовлетворить крестьянъ. Вѣдь если начинаютъ бунтовать даже крестьяне, этотъ консервативный элементъ, въ которомъ обыкновенно видятъ плотину противъ всѣхъ революціонныхъ стремленій, тогда и либеральному мѣщанству кажется, что скоро пробьетъ послѣдній часъ его комфортабельнаго существованія" [1]).

Крестьяне большими возбужденными толпами нападали на гордые феодальные замки дворянъ, на старыя помѣщическія гнѣзда, и красные языки яркаго пламени сжигали всѣ документы, книги, росписи, договоры. Мѣстами глухое и еще безсознательное чувство возмущенія принимало у крестьянъ религіозный характеръ, и тогда жертвою разбушевавшагося народнаго гнѣва, еще не просвѣтленнаго политическимъ сознаніемъ, падали евреи. Такой характеръ еврейскаго погрома носили безпорядки въ Брухзалѣ, въ Таубенгрундѣ и другихъ мѣстахъ.

Правительство сначала отвѣчало на крестьянскіе безпорядки мѣрами усиленныхъ репрессій, оно отправляло на мѣста безпорядковъ войска, учинявшія жестокія экзекуціи. Оно пыталось усмирить крестьянъ не только дубьемъ, но и рублемъ. На сельскія общества была возложена матерьяльная отвѣтственность за всѣ тѣ разрушенія, которыя приносили крестьянскіе безпорядки. Но ни дубьемъ, ни рублемъ нельзя было успокоить разбушевавшееся море крестьянскаго броженія. Тогда правительство пошло на уступки и сняло съ крестьянъ феодальные путы, и крестьянская масса начала быстро успокаиваться, и бурно разлившееся броженіе среди крестьянъ стало быстро спадать. Напуганные до полусмерти помѣщики сразу оказались очень сговорчивыми и уступчивыми. Правительственныя реформы въ аграрной области и уступки помѣщиковъ успокоили нѣмецкія деревни конца сороковыхъ годовъ. „Послѣ того, какъ съ крестьянина, говоритъ Блоссъ, сняли феодальныя повинности, онъ тотчасъ же опять впалъ въ свою обычную апатію и толковалъ уже только о спокойствіи и порядкѣ. Болѣе того, онъ уже въ буквальномъ смыслѣ слова ненавидѣлъ этихъ „горожанъ", которые никакъ не хотѣли успокоиться, и совершенно забывалъ, что именно ихъ волненія и привели къ устраненію феодальныхъ по-

[1]) Ср. Блоссъ стр. 116 и слѣд.

Digitized by Google

винностей. Съ этого времени крестьяне сдѣлались консервативны, антиреволюціонны и до фанатизма привержены къ порядку; свои руки они предоставили въ распоряженіе реакціи". [1])

Но среди горожанъ политическое броженіе становилось все болѣе сознательнымъ, организованнымъ, широкимъ. Правительства многочисленныхъ нѣмецкихъ государствъ окончательно теряли голову и метались отъ мѣръ суровой реакціи къ мягкимъ мѣрамъ умѣренныхъ реформъ. Перепробовавъ тѣ и другія и убѣдившись въ ихъ полномъ безсиліи, король Баварскій Людвигъ рѣшилъ въ концѣ концовъ отречься отъ престола, и, покидая тронъ, грустно обратился съ „Королевскимъ словомъ къ баварцамъ". Это обращеніе престарѣлаго нѣмецкаго монарха, долгіе годы всѣми мѣрами отстаивавшаго дряхлѣющій абсолютизмъ, представляетъ собою любопытнѣйшій историческій документъ.

„Вѣрный конституціи, писалъ король, управлялъ я; жизнь моя вся была посвящена благу народа, а государственнымъ достояніемъ, деньгами государства распоряжался я такъ добросовѣстно, *какъ будто бы я былъ чиновникъ свободнаго государства*... Даже въ то время, когда я оставляю тронъ, мое сердце горячо бьется для Баваріи, для Германіи".

Король полуабсолютическаго государства, ярый противникъ конституціонализма для подчеркиванія своей „добросовѣстности" не находитъ ничего лучшаго, какъ уподобить себя чиновнику свободнаго государства!

Гессенское правительство сначала тоже противилось освободительному движенію, но конституціонная гессенская партія дѣйствовала очень энергично. Одинъ изъ вожаковъ оппозиціи на народномъ собраніи въ Майнцѣ заявилъ по адресу правительства: „Сограждане! Уже тридцать лѣтъ, какъ истекъ срокъ по нашему векселю. Дадимъ еще три дня отсрочки, а потомъ, соединившись со всею провинціей, отправимся въ Дармштадтъ, чтобы лично заявить о нашихъ желаніяхъ". Опасаясь этой демонстраціи общественнаго мнѣнія, правительство быстро пошло на уступки, и вожакъ конституціонной оппозиціи получилъ министерскій портфель.

Въ различныхъ варіаціяхъ подобное явленіе повторялось во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ. Повсюду напоръ народнаго гнѣва или вырывалъ у нѣмецкихъ правительствъ конституціонныя уступки или же производилъ государственный переворотъ. И напоръ народнаго возмущенія былъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ упорнѣе не уступало правительство.

Въ Кургессенѣ правительство долгое время отвѣчало репрессіями на всякое проявленіе конституціоннаго движенія, и благо-

---

[1]) Блоссъ. Стр. 118.

Digitized by Google

даря этому здѣсь взрывъ народнаго возмущенія принялъ болѣе рѣзкія формы, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Правительство попыталось вооруженною силою подавить оппозиціонное движеніе, но войска дѣйствовали очень вяло и сознательно избѣгали всякаго повода къ дѣйствію оружіемъ, а быстро возраставшая народная масса, напротивъ, наступала все болѣе увѣренно и энергично. Толпа въ двадцать тысячъ человѣкъ плотнымъ кольцомъ окружила замокъ курфюрста и начала возводить баррикады. Толпа была вооружена и настроена очень рѣшительно, долго упорствовавшее правительство должно было отступить и подписать всѣ требованія, продиктованныя вождями оппозиціи.

Въ Саксоніи толчкомъ къ взрыву народнаго движенія послужили событія февральской революціи 1848 года въ Парижѣ. Народъ саксонскій отвѣтилъ на эти событія шумными митингами, а либеральная и радикальная оппозиція представила королю адресъ съ выраженіемъ конституціонныхъ требованій. Король принялъ депутатовъ и адресъ и вручилъ имъ собственноручно написанный отвѣтъ, который, по словамъ одного изъ депутатовъ „носилъ явные слѣды слезъ". Огромная толпа народа ждала на городской площади отвѣта короля. Но король въ отвѣтъ на петицію счелъ лишь нужнымъ сдѣлать строгое отеческое внушеніе демонстрантамъ общественнаго недовольства. Толпа, выслушавъ этотъ отвѣтъ, пришла въ страшный гнѣвъ, большихъ трудовъ стоило представителямъ парламентской оппозиціи успокоить разгнѣванную толпу и добиться посылки вторичной депутаціи къ королю, а пока народный гнѣвъ обрушился на реакціонныхъ депутатовъ, изъ которыхъ наиболѣе видный въ страхѣ поспѣшилъ принести толпѣ торжественное заявленіе, что впредь онъ будетъ голосовать противъ реакціоннаго министерства. Досталось и цензорамъ, которые поспѣшили подать въ отставку.

Но король и второй депутаціи отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ исполнить конституціонныя требованія. Тогда народъ началъ вооружаться и рѣшился добиться оружіемъ того, чего онъ не могъ достигнуть просьбами. Начались крупные безпорядки въ городахъ и деревняхъ, все новыя и новыя народныя массы вовлекались въ широкій потокъ освободительнаго движенія. Король вынужденъ былъ пойти на уступки, и министерскіе портфели изъ рукъ реакціонныхъ министровъ перешли въ руки вожаковъ оппозиціи.

Та же исторія повторилась и въ Ганноверѣ. И здѣсь оппозиціонное движеніе началось съ поднесенія адресовъ королю, и здѣсь король вначалѣ рѣзко и рѣшительно отвергнулъ всѣ конституціонныя требованія и всѣ безпорядки приписалъ подстрекательству иностранцевъ. Раздражаемое упорствомъ правительства конституціонное движеніе очень быстро разросталось и принимало все болѣе бурный характеръ. Народъ устраивалъ

Digitized by Google

бурныя уличныя демонстраціи, выбивая стекла въ квартирахъ реакціонныхъ министровъ. Правительство вынуждено было и здѣсь пойти на уступки.

Въ южной Германіи для объединенія дѣятельности оппозиціи былъ созванъ 5-го марта 1848 г. съѣздъ въ Гайдельбергѣ. Къ этому времени во многихъ нѣмецкихъ государствахъ оппозиція уже сумѣла добиться отъ правительствъ довольно крупныхъ либеральныхъ уступокъ, и поэтому либеральные депутаты были настроены сравнительно мирно. Они уговаривали гайдельбергскій съѣздъ строго и твердо держаться почвы законности и пока ограничиться лишь адресомъ къ союзному сейму. Въ концѣ концовъ послѣ жаркихъ дебатовъ между радикалами и умѣренными либералами, гайдельбергскій съѣздъ постановилъ, что необходимо немедленно созвать учредительное собраніе. Необходимо созвать, гласила резолюція, „собраніе представителей націи, со всѣхъ частей Германіи избранныхъ въ соотвѣтствіи съ численностью населенія, необходимо, какъ для устраненія близкихъ внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей для отечества, такъ и для развитія сильной, цвѣтущей національной жизни въ Германіи". Былъ избранъ комитетъ для проведенія въ жизнь постановленія гайдельбергскаго съѣзда.

Мы бѣгло просмотрѣли пестрый рядъ событій нѣмецкой общественности конца сороковыхъ годовъ. И несмотря на чрезвычайную пестроту въ степени политической зрѣлости и экономическаго развитія, несмотря на огромныя различія въ настроеніи правительства и общества отдѣльныхъ государствъ, въ основныхъ чертахъ историческія событія конца сороковыхъ годовъ повсюду приняли одинъ и тотъ же характеръ. Въ однихъ нѣмецкихъ государствахъ правительства упорствовали и не хотѣли добровольно уступить ни единой пяди все сильнѣе напиравшимъ волнамъ общественнаго недовольства, въ другихъ государствахъ правительства, наоборотъ, быстро шли на либеральныя уступки и добровольно отказывались отъ того, что у нихъ отняли бы силою, въ иныхъ государствахъ оппозиція вела себя очень рѣшительно и радикально, въ другихъ же—трусливо и умѣренно, но повсюду результатъ былъ одинъ и тотъ-же: отношенія между правительствомъ и сознательною частью народа все сильнѣе обострялись. И либеральныя уступки, и реакціонныя репрессіи разными путями приводили къ одному и тому-же—оппозиція становилась все рѣшительнѣе, сознательнѣе, сплоченнѣй и многочисленнѣй.

И въ то же самое время средства и силы абсолютныхъ правительствъ быстро таяли. Для возстановленія этихъ силъ и средствъ всѣ нѣмецкія правительства должны были во что бы то ни стало положить конецъ отношеніямъ воюющихъ сторонъ между правительствомъ и обществомъ, но положить этому конецъ можно

Digitized by Google

было только рѣшительно и сознательно отказавшись отъ абсолютизма и перейдя къ конституціонному государственному строю.

Изученіе нѣмецкаго абсолютизма сороковыхъ годовъ представляетъ огромный соціологическій интересъ въ томъ отношеніи, что даетъ возможность наблюдать послѣднюю фазу развитія абсолютизма во всѣхъ его разновидностяхъ. Въ лицѣ десятковъ различныхъ нѣмецкихъ государствъ мы имѣемъ передъ собою и просвѣщенный, и невѣжественный, и уступчивый, и упрямствующій, и трусливый, и наглый абсолютизмъ. И, изучая всѣ эти разновидности абсолютизма въ одной и той же плоскости времени, мы легче можемъ установить основныя видовыя черты абсолютическаго строя: невозможность примиренія разъ проснувшагося общественнаго самосознанія съ формой абсолютнаго правленія и невозможность устранить произволъ и создать строгую законность, удержавъ въ то же время и абсолютизмъ. У отдѣльныхъ нѣмецкихъ правительствъ второй половины сороковыхъ годовъ не было недостатка въ добрыхъ желаніяхъ: иныя изъ нихъ искренно хотѣли и пытались положить конецъ произволу и положить начало провопорядку, но, увы, всѣ эти попытки оставались совершенно безплодными. Прочный и строгій правопорядокъ и абсолютизмъ оказывались совершенно несоединимыми политическими элементами. Прочный правопорядокъ могъ быть заложенъ и надежно охраняемъ только при условіи существованія народнаго представительства. Только строго конституціонный строй, смѣнивъ абсолютизмъ, могъ водворить прочный правопорядокъ, устранивъ административный произволъ. До тѣхъ же поръ, пока абсолютизмъ упорно не уступалъ мѣста назрѣвшему конституціонализму, до этихъ поръ всѣ добрыя намѣренія правительствъ, направленныя въ сторону борьбы съ произволомъ, оставались простыми декламаціями, а произволъ попрежнему составлялъ душу и основу всей народной жизни. Назначеніе либеральныхъ чиновниковъ, изданіе либеральнѣйшихъ указовъ—все это оказывалось совершенно безсильнымъ орудіемъ борьбы съ произволомъ и беззаконностью и вносило еще вящую путаницу, смуту и взаимное озлобленіе.

Какъ ни мудрили отдѣльныя нѣмецкія абсолютныя правительства, какія либеральныя уступки они ни дѣлали, какъ торжественно и трогательно ни увѣряли общество въ безусловной либеральности своего настроенія, ничего не помогало, и только тогда, когда конституціонализмъ смѣнилъ абсолютизмъ, только тогда впервые появилась сначала возможность, а потомъ и дѣйствительность охраненнаго правопорядка. Только народное представительство создало впервые въ Германіи правовой строй и только оно впервые положило конецъ безправію и произволу, творились ли они реакціонными или либеральными чиновниками

Digitized by Google

И по мѣрѣ того, какъ развертывались событія сороковыхъ годовъ и надвигался роковой 1848-ой годъ, по мѣрѣ этого во всѣ слои народа все болѣе проникало сознаніе, что внѣ народнаго представительства нѣтъ средства создать прочный правопорядокъ. Либеральныя уступки правительства, терпѣвшія неизбѣжное фіаско, такъ сказать, закономъ исключеннаго третьяго, доказывали все ту же идею невозможности объединенія абсолютизма съ законностью, благодаря чему либеральныя уступки абсолютизма еще болѣе волновали общество, еще болѣе обостряли отношеніе послѣдняго къ правительству, еще болѣе расширяли кадры оппозиціонныхъ элементовъ. За немногими исключеніями, всѣ сколько нибудь сознательные общественные элементы были охвачены глубокимъ и растущимъ недовольствомъ и ненавистью къ правительству. Наличность одного общаго врага, отсутствіе необходимыхъ для всѣхъ элементарныхъ условій существованія на время замиряло или, по крайней мѣрѣ, сглаживало классовыя противорѣчія и создавало между различными соціальными классами многочисленныя точки соприкосновенія.

„Состояніе Пруссіи, говоритъ К. Марксъ, и болѣе мелкихъ германскихъ государствъ въ концѣ 1847 г. было таково: на одной сторонѣ мы видимъ средній классъ, чувствующій свою силу и рѣшившійся не терпѣть долѣе стѣсненій, которыми феодально-бюрократическій деспотизмъ сковывалъ его торговлю, его промышленную предпріимчивость, его общность дѣйствій, какъ класса;—часть земельнаго дворянства, настолько превратившагося въ производителя товаровъ для рынка, что у него были одинаковые интересы и общія цѣли съ среднимъ классомъ — классъ мелкихъ буржуа, недовольный, ропщущій на налоги, на стѣненія его дѣятельности, но безъ опредѣленнаго плана реформъ, которыя бы упрочили его положеніе въ соціальномъ и политическомъ организмѣ;—крестьянство, угнетаемое здѣсь феодальными поборами, тамъ ростовщиками и тяжбами; — городской рабочій людъ, зараженный общимъ недовольствомъ, одинаково ненавидящій и правительство, и крупныхъ промышленныхъ капиталистовъ, проникающійся соціалистическими и коммунистическими идеями, короче, разнородную массу оппозиціи, проистекающей изъ различныхъ интересовъ, но направляемой, въ большей или меньшей степени, буржуазіей, въ первыхъ рядахъ которой шла буржуазія Пруссіи, въ частности, Рейнской области. На другой сторонѣ — правительства, расходящіяся по многимъ пунктамъ, недовѣряющіе другъ другу и, въ особенности, Пруссіи, къ защитѣ которой имъ однако прибѣгать приходится; въ самой Пруссіи— правительство, покинутое общественнымъ мнѣніемъ, покинутое даже частью дворянства, опирающееся на армію и бюрократію, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе заражается идеями и подпадаетъ подъ вліяніе оппозиціонной буржуазіи — пра-

Digitized by Google

вительство, помимо всего этого, безъ копейки въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова и не могущее добыть ни гроша на покрытіе растущаго дефицита, не сдаваясь на усмотрѣніе буржуазной оппозиціи. Когда и въ какой странѣ средній классъ въ борьбѣ за власть съ существующимъ правительствомъ былъ въ болѣе блестящемъ положеніи?" [1])

Но это блестящее положеніе затруднялось двумя обстоятельствами: чрезвычайною трусостью нѣмецкой буржуазіи и уже обнаружившеюся ея рознью съ пролетаріатомъ. Въ противоположность Франціи, въ Германіи соціальныя классовыя противорѣчія между пролетаріатомъ и буржуазіей начали обнаруживаться раньше, чѣмъ были завоеваны основныя элементарныя права человѣка и гражданина. Подъ высокимъ давленіемъ правительственной реакціи искусственно сплавились въ одно политическое цѣлое разнородные соціальные элементы. Но въ сороковыхъ и даже тридцатыхъ годахъ уже начали раздаваться протесты противъ этого сплава. Правда, пролетаріатъ, какъ обособленный и самостоятельный классъ, преслѣдующій свою самостоятельную и обособленную политическую и соціальную цѣль, началъ формироваться въ Германіи сравнительно поздно, но раньше, чѣмъ сформировался пролетаріатъ въ обособленную политическую партію, отдѣльные выдающіеся политическіе дѣятели уже сформулировали основныя политическія требованія пролетаріата, какъ обособленнаго соціальнаго класса, уже сформулировали идею четвертаго сословія.

И это обстоятельство страшно пугало нѣмецкую буржуазію, тревожно предчувствовавшую, что съ завоеваніемъ политической свободы она не сумѣетъ спокойно опочить, и ей предстоитъ еще впереди болѣе тяжелая борьба уже не за политическое освобожденіе „всего народа", а за соціальное порабощеніе многочисленной рабочей массы немногочисленною группою привилегированныхъ.

Безъ того трусливая нѣмецкая буржуазія отъ этого сознанія дѣлалась еще трусливѣе и еще болѣе готовой броситься въ объятія правительства, какъ только послѣднее пойдетъ на уступки.

Это предчувствіе грядущей соціальной распри между пролетаріатомъ и буржуазіей чрезвычайно сильно способствовало ослабленію силы оппозиціи и усиленію правительства, но жизнь была сильнѣе доктринъ, и живое соприкосновеніе съ жизнью заставило понять, что въ переломные моменты исторической жизни всякой страны, еще не совершившей великій сдвигъ съ патріархально-абсолютическихъ устоевъ, что въ такой моментъ

---

[1]) Карлъ Марксъ. Историческіе очерки. Германія въ 1848 — 50 гг. Кіевъ 1905 ц. 25 к. Стр. 26—27.

Digitized by Google

необходимо „вмѣстѣ бить“, идти въ борьбу не въ разсыпную отдѣльными отрядами, а тѣсно сомкнутыми рядами.

Карлъ Марксъ, одинъ изъ первыхъ людей, сформулировавшихъ въ ясныхъ отчеканенныхъ словахъ самостоятельную политическую задачу пролетаріата, отлично понималъ, что въ такой переломный моментъ, который переживала въ сороковыхъ годахъ Германія, необходимо политическое объединеніе различныхъ и прямо противоположныхъ соціальныхъ классовъ. Онъ открыто призналъ, что „союзъ различныхъ классовъ“ „въ извѣстной степени всегда составляетъ необходимое условіе всякой революціи“.

Правда, то обстоятельство, что раньше, чѣмъ наступила революціонная развязка въ Германіи, іюльская революція 1830 г. и февральская революція 1848 г. успѣли настолько обнажить соціальныя классовыя противорѣчія, что тотъ „союзъ различныхъ классовъ“, составляющій, по справедливому выраженію Маркса, „необходимое условіе всякой революціи“, не былъ особенно прочнымъ и надежнымъ, и взаимное довѣріе обѣихъ сторонъ было въ значительной степени подорвано. Наличность этого союза, однако, все-таки сдѣлала возможнымъ успѣшный революціонный натискъ на правительство, а наличность только что указаннаго взаимнаго недовѣрія повлекла за собою ослабленіе этого натиска и возможность контръ революціи.

Съ геніальною образностью и силою охарактеризовалъ Карлъ Марксъ эту сторону нѣмецкой буржуазіи.

„Нѣмецкая буржуазія, говоритъ онъ, развивалась такъ лѣниво, вяло и медленно, что въ ту минуту, когда она грозно выступала противъ феодализма и абсолютизма, она сама столкнулась съ съ грозно выступившимъ противъ нея пролетаріатомъ и всѣми тѣми частями общества, интересы и идеи которыхъ совпадали съ интересами пролетаріата. И не только стоявшій за него классъ смотрѣлъ на нее враждебно, вся Европа встрѣтила ее недружелюбно. Прусская буржуазія не была, какъ французская въ 1789 г., классомъ, который являлся заступникомъ интересовъ современнаго ему общества передъ представителями стараго общества, передъ королевскою властью и дворянствомъ. Буржуазія опустилась до положенія сословія съ ясно выдѣлившейся позиціей, какъ противъ Короны, такъ и противъ народа. Она была оппозиціонно настроена противъ обоихъ своихъ противниковъ и нерѣшительна по отношенію къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности, потому что она всегда видѣла и того, и другого передъ собою. Это было сословіе, съ самаго начала готовое измѣнить народу и пойти на компромиссъ съ коронованными представителями прежняго общественнаго строя, потому что буржуазія сама вся принадлежала прежнему общественному строю; это было сословіе, не защищавшее интересовъ новаго общества про-

Digitized by Google

тивъ стараго, а отстаивавшее подновленные интересы внутри устарѣвшаго общественнаго строя, сословіе, схватившееся за кормило революціи не потому, что за нимъ стоялъ народъ, а потому, что народъ толкалъ его впередъ. Буржуазія стояла во главѣ революціоннаго движенія, не какъ представительница иниціативы новой общественной эпохи, а какъ защитница привилегій старой. Буржуазія представляла собою ничѣмъ не проявившій себя въ свое время слой стараго государства. Она землетрясеніемъ была выброшена на поверхность новаго общества. Безъ вѣры въ себя самое, безъ вѣры въ народъ, она брюзжала на то, что было выше ея, дрожала передъ тѣмъ, что стояло за ней, и была полна эгоистическихъ помысловъ. И съ яснымъ сознаніемъ своего эгоизма буржуазія рисовалась, какъ революціонеръ, передъ консерваторами и была консервативна съ революціонерами. Она потеряла вѣру въ собственные лозунги, и у нея вмѣсто идей остались фразы. Напуганная міровой бурею, она вмѣстѣ съ тѣмъ эксплуатировала ее. Безъ энергіи въ какомъ бы то ни было направленіи и съ заимствованіями по всѣмъ направленіямъ, она была пошла, потому что не была оригинальна. Она барышничала даже собственными своими желаніями. Безъ инціативы, безъ вѣры въ себя самое, безъ вѣры въ народъ, безъ всемірно - исторической миссіи — она походила на проклятаго старика, осужденнаго на то, чтобы въ собственныхъ старческихъ интересахъ руководить первыми порывами молодости мощнаго народа. Слѣпой, глухой, беззубой и дряхлой, вотъ какой оказалась прусская буржуазія у кормила прусскаго государства послѣ мартовской революціи". [1])

Трудно съ болѣе безпощадною яркостью обрисовать отрицательную, позорную сторону дѣятельности нѣмецкой буржуазіи 1848-го года. Но какъ бы тамъ ни было, какъ бы позорно-трусливо ни вела себя нѣмецкая буржуазія послѣ переворота, все это не вычеркиваетъ ея огромной исторической заслуги: она вошла въ тотъ параллелограммъ политическихъ силъ, равнодѣйствующая котораго сдвинула Германію съ вѣковыхъ патріархальныхъ укладовъ государственной жизни. Благодаря союзу классовъ, былъ свергнутъ нѣмецкій абсолютизмъ; на штурмъ со всѣхъ сторонъ осажденнаго абсолютизма пошелъ, главнымъ образомъ, рабочій народъ: среди 183 лицъ, убитыхъ во время революціоннаго взрыва, находилось два студента, нѣсколько лицъ интеллигентныхъ профессій, а всѣ остальные были рабочими и ремесленниками.

Рабочій классъ на своихъ плечахъ вынесъ всѣ тяготы революціонной борьбы съ нѣмецкимъ абсолютизмомъ, благодаря его растущей энергіи былъ добитъ этотъ абсолютизмъ, но, конечно,

[1]) Ср. К. Марксъ. Итоги 48-го года. Спб. 1905. Стр. 13—14.

Digitized by Google

только благодаря сотрудничеству, пассивному и активному, буржуазныхъ классовъ нѣмецкіе рабочіе могли такъ успѣшно вести борьбу. Буржуазія, какъ мы уже видѣли, испугавшись краснаго зарева революціи, трусливо и малодушно согнула спину подъ бичами быстро оправившейся реакціи. Она измѣнила рабочему классу и пугливо отказалась отъ скромныхъ завѣтовъ своей исторической молодости, своего историческаго періода бури и натиска.

Какъ только сдалась, послѣ геройскаго штурма, исчерпавшая всѣ свои снаряды и запасы крѣпость абсолютизма такъ тотчасъ же потухли всѣ огни и облетѣли всѣ цвѣты буржуазной революціонности. Испугавшись „желѣзной поступи" пролетаріата, ярко заблестѣвшей „идеи четвертаго сословія", либеральная буржуазія предпочла капитулировать передъ своимъ старымъ и, казалось, окончательно разбитымъ врагомъ—абсолютизмомъ.

И успѣшность нѣмецкой контръ-революціи показала, что „союзъ классовъ" былъ необходимъ не только для сверженія абсолютизма, но и для сохраненія еще слабыхъ ростковъ конституціоннаго строя.

Нѣмецкій пролетаріатъ конца сороковыхъ годовъ былъ еще слишкомъ малочисленъ, слишкомъ неорганизованъ, слишкомъ мало сознателенъ, чтобы на свой личный страхъ и рискъ успѣшно бороться съ контръ-революціей. Какъ только распался боевой союзъ буржуазіи и пролетаріата, какъ только напуганная буржуазія попятилась назадъ, такъ тотчасъ же абсолютизмъ снова поднялъ голову и почувствовалъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы реставрировать всѣ разрушенные устои абсолютизма. Чрезвычайная трусость нѣмецкой буржуазіи, ея боязнь реакціонной силы правительства и революціонной силы рабочаго класса повели къ тому, что силы оппозиціи были раздроблены и уменьшены, а силы правительства удесятерились. И разъ распавшійся союзъ между буржуазіей и пролетаріатомъ нѣмецкой политической исторіи уже никогда не удалось болѣе возстановить. Съ чувствомъ взаимнаго недовѣрія они смотрѣли другъ на друга, и вслѣдствіе этого нѣмецкій революціонный переворотъ конца сороковыхъ годовъ принялъ и сохранилъ столь половинчатый, недодѣланный характеръ. Врагъ былъ разбитъ, но онъ не былъ добитъ, и, оправившись, ему удалось лишить революцію многихъ цѣнныхъ плодовъ.

Обстоятельства историческаго времени и мѣста помѣшали тому, чтобы въ Германіи ко времени революціоннаго переворота успѣла образоваться политическая партія пролетаріата, достаточно сильная, многочисленная, сознательная для того, чтобы взять подъ свою охрану завоеванныя блага конституціоннаго строя, и тѣ же обстоятельства помѣшали образованію въ Германіи конституціонно-демократической партіи, которая сумѣла бы

Digitized by Google

взять на себя зоркую и властную охрану разъ добытыхъ конституціонныхъ правъ и установленіе боевого временнаго союза между демократіей и пролетаріатомъ. Въ революціонную и въ не меньшей степени въ тотчасъ за нею слѣдующую эпоху ранняго конституціонализма боевой союзъ между демократіей и пролетаріатомъ является неустранимымъ условіемъ успѣшнаго и прочнаго развитія конституціоннаго строя. Въ Германіи конца сороковыхъ годовъ этого условія не оказалось въ наличности, и вслѣдствіе этого конституціонныя завоеванія и оказались въ ней столь недодѣланными, урѣзанными, изуродованными. За эти историческія условія конца сороковыхъ годовъ приходится горько расплачиваться еще и нынѣшнему поколѣнію нѣмецкихъ гражданъ, все еще несущихъ тяжкое бремя живучихъ остатковъ и пережитковъ абсолютизма, который въ сороковыхъ годахъ былъ разбитъ, но не былъ добитъ до конца.

П. Берлинъ.

Digitized by Google

В. М. Гаршинъ.

В. М. Гаршинъ, давно оцѣненный уже русской критикой и читающей публикой, кромѣ того непосредственнаго интереса, который возбуждаетъ самъ по себѣ, для изслѣдователя современной русской литературы представляетъ еще спеціальный интересъ. Это писатель, въ которомъ отразилась эпоха „восьмидесятыхъ“ [1]) годовъ, эпоха, являющаяся исходной точкой для того періода историческаго развитія русскаго народа, который длится до настоящаго времени. Какъ политическая катастрофа, 14 декабря 1855 года ложится гранью между Русью Александра I и Николая I, какъ она уноситъ съ собой, казалось, столь ясно сознанные, столь проникнувшіе въ общество идеалы и заставляетъ начать идейную работу чуть ли не сначала,—точно такъ-же катастрофа 1881 года сметаетъ многое, подготовленное работой предшествовавшаго поколѣнія. Обѣ эти катастрофы не были, конечно, исторической случайностью. Обѣ онѣ являлись результатомъ несостоятельности передовыхъ общественныхъ слоевъ при разрѣшеніи стоящей передъ ними задачи. Истинной причиной обѣихъ катастрофъ была несостоятельность, въ первомъ случаѣ, дворянской, во второмъ—разночинской интеллигенціи. Оказавшіеся несостоятельными общественные слои болѣе всего испытываютъ на себѣ *непосредственные* результаты катастрофы и надолго остаются обезкураженными, деморализованными, пока не находятъ опору въ растущихъ новыхъ общественныхъ силахъ. Въ обоихъ случаяхъ катастрофа даетъ возможность съ особенной рельефностью выразиться торжеству противоположныхъ потерпѣвшимъ крушеніе общественнымъ группамъ: бюрократіи и буржуазіи, съ той только разницей, что послѣдняя является въ значительно болѣе сложившихся формахъ во второмъ случаѣ, чѣмъ

[1]) Хронологически названіе не точно, такъ какъ эта эпоха захватываетъ и конецъ 70-хъ годовъ.

Digitized by Google

въ первомъ. Это торжество, конечно, не создано катастрофами, оно покоилось въ положеніи вещей, создавшемъ самыя катастрофы, но благодаря имъ оно стало явнымъ, откровеннымъ, ничѣмъ не стѣсняемымъ. Положеніе разбитыхъ общественныхъ группъ было очень тяжелымъ. Часть ихъ представителей окончательно опускаетъ руки и въ значительной степени превращается въ ренегатовъ, другая томится и ощупью ищетъ новыхъ путей, которые указали бы выходъ изъ безвыходнаго. Содержаніемъ литературы становится томленіе и исканіе—эти основные мотивы, какъ литературы эпохи Николая I, такъ и современной литературы. Постепенно сила томленія и исканія растетъ, постепенно начинаютъ обрисовываться и различно намѣчаемые пути выхода, но до сихъ поръ мы не пережили еще періода томленія и исканія, и онъ какъ будто входитъ въ свой наиболѣе острый фазисъ. Гаршинъ является наиболѣе раннимъ представителемъ современныхъ литературныхъ исканій. „Исканіе и томленіе" у В. М. Гаршина еще въ первомъ періодѣ. Томленіе его очень интенсивно, но свободно отъ той болѣзненности, какой оно отличается впослѣдствіи. Это ясное, простое и потому какъ бы нѣсколько элементарное чувство. „Исканіе" у Гаршина выражено слабо, чувствуется растерянность человѣка, оказавшагося безпомощнымъ передъ неизмѣримой силой зла, подавленнаго ея могуществомъ. Изъ всѣхъ персонажей Гаршина только одинъ человѣкъ рѣшается открыто бороться со зломъ, но человѣкъ этотъ безумный. Впрочемъ, есть еще одинъ герой у Гаршина, активно сопротивляющійся злу—герой неодушевленный—пальма, не выносящая гнета стеклянной крыши и проламывающая эту крышу, чтобы между нею и небомъ не было ничего, мѣшающаго ея стремленію къ небу, стѣсняющаго просторъ. Но пальма попадаетъ не подъ родное южное, а подъ холодное дождливое петербургское небо, и ее къ тому же срубаютъ.

Гаршинъ—выразитель старшаго поколѣнія восьмидесятниковъ, подавленнаго тяжестью зла. Этому поколѣнію много пришлось испытать. Оно первое встрѣтило лицомъ къ лицу развитіе капитализма, со всѣми послѣдствіями, оно пережило крушеніе народническихъ идеаловъ, послѣдствія политической катастрофы 1 марта, оно прочувствовало незадолго передъ этимъ ужасы войны 1877—78 годовъ, оно, наконецъ, осталось въ темнотѣ реакціи, потерявъ наиболѣе активныхъ представителей, среди массоваго ренегатства. Тяжелые были годы, и они должны были ошеломить выступавшее въ жизнь поколѣніе. Но эпоха сгущенной атмосферы страданія только начиналась въ русскомъ обществѣ, нервы еще не были истрепаны въ конецъ длительной безысходностью. Ночь начиналась, и еще не пришли самые мучительные, самые тревожные сны.

Въ лицѣ Гаршина русскій интеллигентъ какъ бы констати-

Digitized by Google

руетъ сумму надвинувшагося на него зла. Первымъ зломъ, съ которымъ Гаршину пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу, была война. Война застала Вс. Ми-ча студентомъ горнаго института. Гаршинъ бросаетъ институтъ и отправляется вольноопредѣляющимся на войну. Трудно представить себѣ что-либо болѣе противорѣчивое, чѣмъ кроткій, въ самой высокой степени гуманный характеръ Гаршина и война; да и самый фактъ добровольнаго отправленія на войну интеллигентнаго, чуткаго, прогрессивно-настроеннаго студента современному русскому интеллигенту кажется чѣмъ-то вродѣ „оды на взятіе Хотина". Врядъ ли есть гдѣ-нибудь интеллигенція, которая такъ ненавидѣла бы войну, такъ чужда была бы шовинизму, какъ современная прогрессивная русская интеллигенція. Но война 1877—78 годовъ была не совсѣмъ обыкновенная война. Это была война за свободу, хотя и чужую, а идеалы свободы всегда были дороги лучшей части интеллигенціи. „Турецкія звѣрства" волновали чуткую душу Гаршина еще до войны.

„За сообщеніе новостей изъ профессорскаго міра,—пишетъ онъ изъ Харькова одному изъ своихъ пріятелей въ іюнѣ 1876 года,—весьма благодаренъ, хотя, по правдѣ сказать, электрофорная машина Теплова и соединеніе физическаго и химическаго обществъ интересуетъ меня гораздо меньше, чѣмъ то, что турки перерѣзали 30.000 стариковъ, женщинъ и ребятъ. Плевать я хотѣлъ на всѣ ваши общества, если они всякими научными теоріями никогда не уменьшатъ вѣроятностей совершенія подобныхъ вещей".

Война представлялась Гаршину прежде всего борьбой противъ тѣхъ ужасовъ, которые совершались на Балканскомъ полуостровѣ и примириться съ возможностью которыхъ не могла его чуткая душа. Была и другая сторона въ отношеніи Гаршина къ войнѣ. Онъ считалъ себя обязаннымъ раздѣлить страданія русскаго солдата. Это одна изъ многочисленныхъ варьяцій на тему о „долгѣ интеллигенціи передъ народомъ", выдвинутую народничествомъ и унаслѣдованную отчасти старшими восьмидесятниками. Когда одинъ молодой человѣкъ пытался выяснить несообразность этого съ точекъ зрѣнія, близкихъ Гаршину, Всеволодъ Михайловичъ возразилъ ему:

„Вы, стало быть, находите безнравственнымъ, что я буду жить жизнью русскаго солдата, и помогать ему въ борьбѣ, гдѣ каждый полезенъ? Неужели будетъ болѣе нравственно сидѣть здѣсь, сложа руки, тогда какъ этотъ солдатъ будетъ умирать за насъ"! [1]).

Это возраженіе чрезвычайно характерно для отношенія къ войнѣ, какъ русскаго прогрессивнаго интеллигента вообще, такъ и самого В. М. Гаршина. Съ одной стороны, поступленіе добровольно въ армію во время войны разсматривается противниками

[1]) Гаршинъ „Разсказы". Изд. 9, стр. 22.

Digitized by Google

Гаршина, какъ нѣчто безнравственное, отношеніе, которое легче встрѣтить въ русской передовой интеллигенціи съ ея свободой отъ шовинизма, чѣмъ въ какой бы то ни было другой, съ другой стороны, защищая свой шагъ, Гаршинъ говоритъ не о политической необходимости войны, не о ея освободительномъ значеніи, а о долгѣ „помочь" солдату.

Война сама не рисуется Гаршину праздникомъ героизма. Напротивъ, собираясь на войну, онъ понимаетъ ее довольно реально, какъ нѣчто ужасное и совсѣмъ не красивое. Одинъ изъ его героевъ, служащій до извѣстной степени носителемъ мыслей автора, такъ говоритъ о войнѣ:

„Нервы, что ли, у меня такъ устроены, только военныя телеграммы, съ обозначеніемъ числа убитыхъ и раненыхъ, производятъ на меня дѣйствіе гораздо болѣе сильное, чѣмъ на окружающихъ. Другой спокойно читаетъ: „наши потери незначительны, ранены такіе то офицеры, нижнихъ чиновъ убито 50, ранено 100", и еще радуется, что мало, а у меня при чтеніи такого извѣстія тотчасъ появляется передъ глазами цѣлая кровавая картина. Пятьдесятъ мертвыхъ, сто изувѣченныхъ—это незначительная вещь!.. Отчего же мы такъ возмущаемся, когда газеты приносятъ извѣстія о какомъ нибудь убійствѣ, когда жертвами является нѣсколько человѣкъ? Отчего видъ пронизанныхъ пулями труповъ, лежащихъ на полѣ битвы, не поражаетъ насъ такимъ ужасомъ, какъ видъ внутренности дома, разграбленнаго убійцей? Отчего катастрофа на тилигульской насыпи, стоившая жизни нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ, заставила кричать о себѣ всю Россію, а на аванпостные дѣла, съ „незначительными" потерями тоже въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, никто не обращаетъ вниманія?" [1]).

Такъ разсуждаетъ герой разсказа „Трусъ", который сумѣлъ, однако, мужественно и спокойно умереть за вредное въ его глазахъ дѣло на войнѣ. Здѣсь, какъ на картинахъ Верещагина, на первомъ планѣ не парадъ войны, а ея изнанка, ея ужасы. Гаршинскій „Трусъ" отражаетъ *одну* изъ сторонъ отношенія Всеволода Михайловича къ войнѣ, но сторону наиболѣе важную. Если съ такимъ отношеніемъ къ войнѣ Гаршинъ все таки шелъ въ ряды сражающихся, то прежде всего потому, что его чуткая совѣсть и его народническія понятія о долгѣ не позволяли не быть тамъ, гдѣ страдаютъ и гибнутъ люди. Но нельзя не отмѣтить, что если Гаршинъ въ достаточной мѣрѣ реально смотрѣлъ на войну, видя въ ней прежде всего рядъ ужасовъ, то онъ далеко не отчетливо представлялъ себѣ свою роль. Онъ, какъ и его герой рядовой изъ вольноопредѣляющихся Ивановъ, шелъ жертвовать собой, подставлять *свою* грудь. Мысль о томъ, что

[1]) Гаршинъ, „Разсказы" т. III.

Digitized by Google

суть войны не въ томъ, чтобы подставлять свою грудь, а въ томъ, чтобы убивать другихъ, эта мысль повидимому, не приходила въ голову ни Гаршину, ни его герою. Герой разсказа „Четыре дня", только сдѣлавшись убійцей, почувствовалъ ужасъ войны во всей его полнотѣ. Герой разсказа „Четыре дня", вольноопредѣляющійся Ивановъ, точно такъ же, какъ и самъ Гаршинъ, поступилъ въ военную службу по собственному желанію, изъ идейныхъ побужденій. Въ сраженіи онъ убилъ турка штыкомъ и самъ тутъ же былъ раненъ. Незамѣченный своими онъ пролежалъ четыре дня рядомъ съ своей жертвой.

„Штыкъ вошелъ ему прямо въ сердце,—думаетъ онъ, лежа рядомъ съ трупомъ турка.—Вотъ на мундирѣ большая черная дыра; вокругъ нея кровь. *Это сдѣлалъ я.*

Я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мысль о томъ, что мнѣ придется убивать людей, какъ-то уходила отъ меня. Я представлялъ себѣ только, какъ я буду подставлять *свою* грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ. Ну и что же? Глупецъ, глупецъ!" [1]). Далѣе Ивановъ думаетъ о томъ, „кто же виноватъ въ этомъ убійствѣ и въ его страданіяхъ. Врага своего, котораго пригнали сражаться съ невѣдомыми людьми онъ менѣе всего можетъ винить, не можетъ признать онъ виноватымъ себя, но, тѣмъ не менѣе, мысль объ убитомъ, трупъ котораго, постепенно разлагающійся, лежитъ рядомъ съ нимъ, не покидаетъ Иванова.

„Я не могу не думать. Неужели я бросилъ все милое, дорогое шелъ сюда четыреверстнымъ походомъ, голодалъ, холодалъ, мучился отъ зноя; неужели, наконецъ, я лежу теперь въ этихъ мукахъ—только ради того, чтобы этотъ несчастный пересталъ жить? А развѣ я сдѣлалъ что-либо полезное для военныхъ цѣлей, кромѣ этого убійства"?

„Убійство, убійца... И кто же? Я!" [2]). Мысль о томъ, что „полезнымъ для военныхъ цѣлей" можетъ быть только убійство, что убійство и при томъ возможно большаго числа непріятелей („выведеніе изъ строя",—говоря жестоко-лицемѣрнымъ жаргономъ войны)—есть самая существенная „военная цѣль",—эта мысль еще не приходитъ въ голову рядовому Иванову, но онъ уже начинаетъ чувствовать не только ужасъ, но и мерзость войны,—ту мерзость, которая раньше скрывалась отъ него подъ покровомъ самопожертвованія — подставленія своей груди. Трупъ убитаго, не дающій о себѣ забыть распространяемымъ зловоніемъ, этотъ трупъ помогаетъ бѣдному ослѣпленному идеалисту формулировать свое новое отношеніе къ войнѣ,—этотъ трупъ даетъ образъ ея.

---

[1]) Гаршинъ, 82.
[2]) Гаршинъ, 84.

Digitized by Google

„Сосѣдъ, говоритъ Ивановъ, въ этотъ день (четвертый) сдѣлался страшнѣе всякаго описанія. Разъ, когда я открылъ глаза, чтобы взглянуть на него, я ужаснулся. Лица у него не было, оно сползло съ костей. Страшная костяная улыбка, вѣчная улыбка, показалась мнѣ такой отвратительной, такой ужасной, какъ никогда, хотя мнѣ случалось не разъ держать черепа въ рукахъ и препарировать цѣлыя головы. Этотъ скелетъ въ мундирѣ со свѣтлыми пуговицами привелъ меня въ содроганіе: „Это война, подумалъ я;—вотъ ея изображеніе“ [1]).

Далѣе мысль героя переходитъ къ отчаянію его матери, которая, узнавъ о мукахъ сына, проклянетъ день его рожденія и міръ, „что выдумалъ на страданіе людямъ войну!“

Такъ трудно родится въ душѣ героя послѣдовательное отношеніе къ войнѣ. Онъ настоящій типичный восьмидесятникъ,—человѣкъ того поколѣнія, которому пришлось въ страшныхъ мукахъ разбираться въ своемъ отношеніи къ внезапно развернувшемуся во всей полнотѣ злу. Отношеніе Иванова къ войнѣ типично для отношенія восьмидесятника къ злу. Въ немъ ужасъ передъ зломъ подавляетъ всѣ остальныя чувства. Протестъ еще почти отсутствуетъ. Чувствуется нѣкоторая растерянность, сознаніе безсилія, и тотъ, который такъ смѣло шелъ „подставлять свою грудь“, теперь, когда онъ ясно понялъ и прочувствовалъ одно изъ величайшихъ золъ міра—не находитъ въ себѣ силъ даже для простой мысли о борьбѣ съ этимъ зломъ. Грандіозность зла и безсиліе передъ нимъ подавляетъ восьмидесятника. Восьмидесятникъ слабый человѣкъ, его воля подавлена, сознаніе затемнѣно какой-то растерянностью. Онъ мучительно сильно чувствуетъ, но удивительно слабо реагируетъ на чувство, какъ въ области общественной, такъ и въ области личной жизни. Покорно умирающій герой разсказа „Трусъ“, рядовой Ивановъ въ „Четыре дня“ и „Изъ записокъ рядового Иванова“, столь же покорно несущій рядъ страданій за дѣла, въ которыя онъ постепенно перестаетъ вѣрить, и лишенный силы для протеста противъ раскрывающагося передъ нимъ зла,—это восьмидесятники лицомъ къ лицу съ общественнымъ бѣдствіемъ. Таковъ же восьмидесятникъ и въ личной жизни. Въ разсказѣ „Очень коротенькій романъ“ мы видимъ юношу восьмидесятника, пошедшаго на войну изъ-за любимой дѣвушки.

„Она была странная дѣвушка,—разсказываетъ онъ.—Когда объявили войну, она нѣсколько дней ходила мрачная, молчаливая, я ничѣмъ не могъ развлечь ее.

„Послушайте, сказала она мнѣ однажды,—вы честный человѣкъ?—Могу допустить это,—отвѣчалъ я.—Честные люди дѣломъ подтверждаютъ свои слова. Вы были за войну: вы должны

---

[1]) Гаршинъ, 88.

Digitized by Google

драться [1]). Герой отправляется на войну, провожаемый Машей, которая даетъ слово быть его женой по возвращеніи. На войнѣ онъ лишается ноги. Возвращается въ Петербургъ изъ госпиталя, пишетъ своей Машѣ и не получаетъ отвѣта. Поправившись, отправляется къ ней и находитъ ее съ женихомъ. Дальше онъ шаферъ на ея свадьбѣ.

„Думайте, что хотите,—обращается нашъ герой къ читателю, въ которомъ почему-то подозрѣваетъ недовѣріе къ правдивости разсказаннаго имъ,—мнѣ все равно. Но если бы вы походили со мной этими декабрьскими ночами по дворцовой набережной, послушали бы со мной бурю и куранты, стукъ моей деревяшки; если бы вы почувствовали, что у меня дѣлается на душѣ въ эти зимнія ночи, вы бы повѣрили... „Динь-дамъ! динь-дамъ“! Куранты бьютъ четыре часа. Пора идти домой, броситься на одинокую, холодную постель и уснуть“ [2]).

Опять та же покорность, то же отсутствіе даже мысли о протестѣ! Ивановъ испытываетъ полное разочарованіе въ своемъ увлеченіи войной: жертвуя всѣмъ, онъ оказывается безполезнымъ убійцей и только; „Трусъ“ идетъ погибать за дѣло, жестокую ненужность котораго ясно чуетъ; герой „Маленькаго романа“ идетъ на жертвы, можетъ быть, смерть изъ-за личной любви, и ему отвѣчаютъ вѣроломствомъ,—сколько всѣмъ этимъ людямъ приходится испытать зла, страданія, какъ надъ ними издѣвается жизнь!—и никакого протеста! Откуда такое благодушіе?

Это благодушіе въ значительной степени кроется, конечно, въ натурѣ автора, въ его индивидуальномъ складѣ, но имѣетъ и другія, болѣе общія причины, которыми, быть можетъ, въ извѣстной мѣрѣ обязанъ своимъ „благодушіемъ“ и самъ авторъ. Это „благодушіе“, по нашему мнѣнію, наслѣдіе предшествовавшей эпохи.

Народничество представляло собой плохой путь для развитія въ личности интеллигента сознанія своихъ правъ на жизнь и счастье. Въ народничествѣ самая личность интеллигента преклонялась передъ коллективнымъ и къ тому же аморфнымъ „я“ народа. Сермяжное море, черезъ которое шелъ въ представленіи народничества путь въ обѣтованную землю, менѣе всего могло способствовать развитію запросовъ индивидуума. Интеллигентъ стоялъ передъ этой священной и въ значительной степени загадочной силой въ мистическомъ ужасѣ, подавленный и ея величіемъ и ея страданіями. Передъ этимъ страданіемъ смолкали личные запросы интеллигента-народника, онъ чувствовалъ себя неоплатнымъ должникомъ, онъ несъ свою личность, свои силы, какъ искупительную жертву на алтарь народнаго страданія, и жизнь

[1]) Гаршинъ, 454.
[2]) Гаршинъ, 456.

Digitized by Google

та борьба, которую приходилось вынести поколѣнію семидесятниковъ требовала этихъ жертвъ, требовала, чтобы человѣкъ всецѣло беззавѣтно отдавалъ себя общему дѣлу. Это настроеніе покаянія, жертвы и должно было вырабатывать отрѣшеніе отъ своего я и его права на счастье. Мало-по-малу положеніе стало мѣняться: слабѣла вѣра въ сермяжное море, которое оказывалось такъ мало способнымъ показать путь въ обѣтованную землю, слабѣла, быть можетъ, иногда на поляхъ Болгаріи, гдѣ интеллигенты энтузіасты и въ числѣ ихъ Гаршинъ шли умирать рядомъ, по-товарищески съ представителями этого сермяжнаго моря. Весьма знаменательно отношеніе Гаршина къ своимъ товарищамъ солдатамъ. Это отношеніе сердечное, товарищеское, но чуждое всякой идеализаціи, тѣмъ болѣе преклоненія. Гаршинскіе солдаты совершенно не похожи на того солдата, носителя народной правды, котораго мы видимъ въ лицѣ Платона Каратаева Толстого,—они не страстотерпцы, не носители народной правды и въ духѣ народничества. Гаршинъ подчеркиваетъ ихъ безсознательность, ихъ склонность придавать большое значеніе физическимъ лишеніямъ, которыя непривычные интеллигенты энтузіасты переносятъ гораздо тверже солдатъ изъ народа. Въ Гаршинскомъ отношеніи къ солдату чувствуется уже кое-что изъ позднѣйшаго отношенія къ мужику нашей литературы, столь далекаго отъ народническаго культа мужика. И это не было личнымъ отношеніемъ Гаршина. Именно въ это время было ходячимъ названіе мужика и солдата „святой скотиной", приписываемое пріобрѣтавшему тогда популярность генералу Драгомирову. Если это названіе первой своей половиной опирается на народничество, то второй въ грубой формѣ довольно точно формулируетъ отношеніе къ мужику интеллигенціи девяностыхъ годовъ, нашедшее себѣ художественное выраженіе въ „Мужикахъ" Чехова. Жертвенно покаянное настроеніе пережило вѣру. Личность, принесенная въ жертву этой вѣрѣ, не успѣла воспрянуть, даже не начинала еще сознавать и предъявлять права, а между тѣмъ то высшее, общее, ради котораго она была подавлена теряло конкретность и реальность существованія. Здѣсь въ значительной степени коренится безсиліе старшаго поколѣнія восьмидесятниковъ въ становившейся все болѣе тяжелой борьбѣ и, въ результатѣ, потеря вѣры въ самую возможность и нужность этой борьбы. Позднѣе, у Чехова, въ его „Запискахъ неизвѣстнаго человѣка" найдемъ психологическую исторію этого послѣдняго перелома. Въ этомъ превосходномъ разсказѣ чрезвычайно тонко и правдиво прослѣжено, какъ по мѣрѣ ослабленія вѣры въ общее дѣло, которому посвятилъ себя герой восьмидесятникъ, въ душѣ его растутъ запросы личнаго счастья. Для полноты сравненія герой чеховскаго разсказа и по темпераменту своему, не особенно активному, подходитъ къ Гар-

Digitized by Google

шинскимъ героямъ, даже послѣ перелома въ немъ остается что то гаршинское,—та же привычка обезцѣнивать свое я, хотя та высшая цѣнность, которая ему ранѣе противопоставлялась, уже перестаетъ существовать.

Обезцѣниваніе своей личности восьмидесятниками было роковымъ при оцѣнкѣ ими своихъ силъ въ борьбѣ. По мѣрѣ того, какъ борьба становилась все труднѣе, какъ передъ передовой интеллигенціей все выдвигались новыя враги, новое зло, восьмидесятники все болѣе нуждались въ увѣренности въ своихъ силахъ, своихъ правахъ, а этой увѣренности у нихъ не было. И вотъ является пассивный ужасъ передъ зломъ, пассивное его констатированіе, даже безъ достаточно ясно выраженной ненависти къ нему. Ослабленная личность была лишена настоящей страсти. Это придавало нравственному облику лучшихъ изъ восьмидесятниковъ много обаятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ много женственности, такъ какъ нужна была вся твердость закаленной въ бою натуры, чтобы противостоять сгущавшемуся злу.

Восьмидесятнику необходимо нужна была высшая сила, привычку къ которой онъ унаслѣдовалъ отъ предшествовавшаго поколѣнія, а судьба лишила его этой высшей силы и онъ стоитъ, опустивши руки, растерянный и безпомощный.

„Страшно"—говоритъ герой разсказа „Ночь" за нѣсколько секундъ до самоубійства, къ которому его привело это самое отсутствіе высшей силы,—„не могу я больше жить на свой собственный страхъ и счетъ; нужно, непремѣнно нужно связать себя съ общей жизнью, мучиться и радоваться, ненавидѣть и любить не ради своего я, все пожирающаго и ничего взамѣнъ не дающаго, а ради общей людямъ правды, которая есть въ мірѣ, что бы тамъ я не кричалъ, и которая говоритъ душѣ, несмотря на всѣ старанія заглушить ее. Да, да!—повторялъ Алексѣй Петровичъ—все это сказано въ зеленой книжкѣ (евангеліи) и сказано навсегда, и вѣрно. Нужно „отвергнуть себя" убить свое я, бросить на дорогу"!..

Это чрезвычайно характерная страничка для поколѣнія начала восьмидесятыхъ годовъ. Лучшимъ людямъ этого поколѣнія нужно „отвергнуть себя", а божества, ради котораго стоило бы отвергать, уже нѣтъ.

И восьмидесятники стоятъ на перепутьи, они не въ силахъ отдаться всецѣло ничему. Въ этомъ поколѣніи чувствуется удивительное отсутствіе силы морыва, цѣльности чувства, какая-то преждевременная старость, прекрасно переданная стихами лучшаго поэта той эпохи.

„Наше поколѣнье юности не знаетъ,
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ:
Рано въ наши годы дума отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ расцвѣтъ.

Digitized by Google

Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая?
Кто не отрекался отъ своихъ боговъ?
Кто не падалъ духомъ, рабски унывая?
Не бросалъ щита передъ лицомъ враговъ?
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ,
Насъ томитъ безвѣрье, насъ грызетъ тоска...
Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы исподтишка" [1]).

Въ стихотвореніи Надсона сжато схвачена вся душевная драма поколѣнія, много чувствовавшаго, но не могущаго всецѣло отдаться чувству, лишеннаго юношескаго размаха силъ поколѣнія. Возьмемъ разсказъ „Встрѣча", въ которомъ на частномъ и незначительномъ случаѣ яснѣе видно это отсутствіе цѣльности чувства.

Василій Петровичъ, герой этого разсказа, пріѣзжаетъ въ южный приморскій городъ учителемъ гимназіи. Онъ мечталъ „о профессурѣ, о публицистикѣ, о громкомъ имени", но на все это, по его признанію, „не хватило пороху",—и Василій Петровичъ, еще не приступившій къ своей скромной и скучной профессіи, сидя на городскомъ бульварѣ, мечтаетъ о вліяніи на свѣжія молодыя силы, о томъ, какъ изъ его учениковъ выйдутъ замѣчательные люди и т. д., т. е. о всемъ томъ, о чемъ „полагалось" мечтать учителю, когда ему „полагалось" же быть идеалистомъ, а не человѣкомъ 20-го числа.

Сидитъ нашъ учитель восьмидесятникъ и мечтаетъ, какъ, думаемъ, не мечтаютъ современные учителя; много хорошихъ и чистыхъ мечтаній проносится въ его душѣ, но становится поздно, и Василій Петровичъ идетъ домой. По дорогѣ онъ встрѣчается съ старымъ своимъ пріятелемъ, товарищемъ студенческихъ лѣтъ Кудряшевымъ. Кудряшевъ везетъ Василія Петровича къ себѣ. Уже по дорогѣ Василій Петровичъ замѣчаетъ, что въ жизни Кудряшева произошли поразительныя перемѣны. Кудряшевъ, недавно бѣдный студентъ, одѣтъ щеголемъ, имѣетъ своихъ лошадей. Изумленіе Василія Петровича увеличивается еще болѣе, когда онъ знакомится съ обстановкой Кудряшева. Кудряшевъ не дѣлаетъ тайны изъ способовъ своего обогащенія. Онъ съ наивнымъ цинизмомъ разсказываетъ Василію Петровичу, что онъ строитъ молъ, и этотъ молъ источникъ его богатства. Постройка мола почти не подвигается, тогда какъ въ карманы строителей перешли уже очень солидные куши,—это достигается при помощи довольно простого пріема: показывается, что волненіе размываетъ „постели" мола, тогда какъ на ея глубинѣ никакого волненія нѣтъ. Василій Петровичъ возмущается, но возмущеніе его удивительно безсильное, какъ бы даже неискреннее, „заказное" возмущеніе.

---

[1]) Надсонъ „Стихотворенія" 96.

Digitized by Google

— „Послушай, это, наконецъ, ужасно! Неужели ты говоришь правду?—восклицаетъ онъ,—неужели ты не брезгаешь нечестными средствами для достиженія этого комфорта? Неужели все прошлое служило только для того, чтобы довести тебя до... до... И ты такъ спокойно говоришь объ этомъ"...

— „Стой, стой, Василій Петровичъ! Пожалуста, безъ сильныхъ выраженій. Ты говоришь: „нечестныя средства?". Ты мнѣ скажи сперва, что значитъ честно и что значитъ нечестно. Самъ я не знаю; быть можетъ, забылъ, а думаю, что и не помнилъ; да, сдается мнѣ, и ты, собственно говоря, не помнишь, а такъ только напяливаешь на себя какой-то мундиръ".

И дѣйствительно, Василій Петровичъ если и „помнилъ", то память эта остается у него какой-то внѣшней, не проникающей въ глубь души. Выразивъ Кудряшеву, какъ ему больно смотрѣть на нравственное паденіе друга, Василій Петровичъ остается съ нимъ ужинать. Ужинаетъ онъ и бичуетъ себя:

„Василій Петровичъ ѣлъ и думалъ, думалъ и ѣлъ. Онъ былъ въ большомъ смущеніи и рѣшительно не зналъ, какъ ему быть. По принятымъ убѣжденіямъ, онъ долженъ былъ поспѣшно скрыться изъ дома стараго товарища и никогда въ него больше не заглядывать. „Вотъ этотъ кусокъ—краденый,—думалъ онъ, положивъ себѣ въ ротъ кусокъ и прихлебывая подлитое обязательнымъ хозяиномъ вино;—а самъ что я дѣлаю, какъ не подлость". Много такихъ опредѣленій шевелилось въ головѣ бѣднаго учителя, но опредѣленія такъ и оставались опредѣленіями, а за ними скрывался какой-то тайный голосъ, возражавшій на каждое опредѣленіе: „ну, такъ что-же?". И Василій Петровичъ продолжалъ ужинать, обижаясь, однако, на предположеніе Кудряшева, что и онъ не долго удержится на своей „стезѣ". Кудряшевъ однако убѣжденъ, что Василій Петровичъ „не удержится".

„Обидѣлся? — говоритъ онъ,—конечно, не удержишься. Что *дало тебѣ твое безкорыстіе*? Развѣ ты теперь спокоенъ? Развѣ не думаешь каждый день о томъ, согласны-ли твои поступки съ твоими идеалами, и не убѣждаешься-ли каждый день въ томъ, что несогласны?".

Далѣе Кудряшевъ еще рѣшительнѣе переходитъ въ наступленіе.

„Нечего мнѣ тебя слушать,—сказалъ со смѣхомъ Кудряшевъ.— Ты такой же, братъ, грабитель подъ личиной добродѣтели. Ну, что это за занятіе твое — учительство? Развѣ ты уплатишь своимъ трудомъ даже тѣ гроши, что тебѣ теперь платятъ? Приготовишь-ли ты хоть одного порядочнаго человѣка? Три четверти-то твоихъ воспитанниковъ выдутъ такіе-же, какъ я, а одна четверть такими, какъ ты, *то-есть благонамѣренной размазнею*. Ну, не даромъ-ли ты берешь деньги, скажи откровенно? И далеко-ли ты ушелъ отъ меня? А тоже храбрится, честность проповѣдуетъ!".

Digitized by Google

Эти филиппики, нужно сознаться, не совсѣмъ умѣстны въ устахъ инженера грабителя, но самому Василію Петровичу, если онъ человѣкъ искренній и не глупый, должны были приходить. Потерявшій подъ собой идейную почву интеллигентъ - пролетарій восьмидесятыхъ годовъ, съ его „маленькими дѣлами", въ родѣ учительства въ гимназіи, въ той удушливой атмосферѣ, какая его окружала, былъ если не „грабителемъ подъ личиной добродѣтели", то въ достаточной мѣрѣ безполезнымъ существомъ. Его „маленькія дѣла" терялись, сметались колоссальными сравнительно съ ними силами развивавшагося капитализма и реакціи, и нужно было много недалекости, чтобы удовлетвориться ролью „благонамѣренной размазни" въ мірѣ сильныхъ хищниковъ, въ мірѣ, гдѣ, по выраженію Кудряшева, „самый воздухъ— и тотъ, кажется, тащитъ". Въ томъ же разсказѣ Гаршина мы находимъ картинку, которую можно назвать символическимъ изображеніемъ начинавшейся въ восьмидесятыхъ годахъ вакханаліи капитализма, особенно безпардонной на почвѣ безправія общества и реакціи. Кудряшевъ ведетъ Василія Петровича посмотрѣть великолѣпный акваріумъ, составляющій его гордость.

„Мелкая рыбка порывисто металась вверхъ и внизъ и въ стороны, спасаясь отъ какого-то длиннаго хищника. Въ смертельномъ страхѣ она выбрасывалась изъ воды на воздухъ, пряталась подъ уступы скалы, а острые зубы вездѣ нагоняли ее. Хищная рыба уже готова была схватить ее, какъ вдругъ другая, подскочивъ сбоку, перехватила добычу: рыбка исчезла въ ея пасти. Преслѣдовательница остановилась въ недоумѣніи, а похитительница скрылась въ темный уголъ...

— Перехватили,—сказалъ Кудряшевъ.—Дура, осталась не причемъ. Стоило гоняться, чтобы изъ подъ носа выхватили кусокъ!".

Въ этомъ мірѣ хищничества оказался выбитый изъ колеи, лишенный своихъ боговъ, интеллигентъ восьмидесятыхъ годовъ. Мудрено-ли, что онъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ долженъ былъ избирать одинъ изъ двухъ путей: либо самому становиться хищникомъ, либо дѣлаться „благонамѣренной размазней", путаясь среди всевозможныхъ компромиссовъ изъ-за маленькихъ, „дѣлъ" и не имѣя даже незначительнаго утѣшенія имѣть право искренно презирать своихъ сверстниковъ-хищниковъ.

Въ „Встрѣчѣ" мы видимъ интеллигента лицомъ къ лицу съ новыми условіями жизни, созданными развитіемъ капитала. Одинъ изъ интеллигентовъ разрѣшаетъ задачу превращеніемъ въ хищника, другой — становится благонамѣренной размазней. У Гаршина мы найдемъ разсказъ, гдѣ вопросы, выдвигаемые капитализмомъ, становятся передъ интеллигентомъ еще рельефнѣе. Это разсказъ „Художники". Въ этомъ разсказѣ передъ нами, между прочимъ, вопросъ о вліяніи капитализма на искус-

Digitized by Google

ство и въ частности на живопись. Капитализмъ накладываетъ свою руку и на искусство, онъ стремится и его подчинить себѣ, вырываетъ и изъ подъ него идейную почву, подрываетъ вѣру художника въ искусство.

Передъ нами талантливый много-обѣщающій художникъ Рябининъ. Онъ разсказываетъ въ дневникѣ сцену работы въ академическомъ классѣ и говоритъ:

„Скучно, неправда-ли? Да я и самъ давно убѣдился въ томъ, что все это очень скучно. Но какъ локомотиву съ открытой паропроводной трубой предстоитъ одно изъ двухъ: катиться по рельсамъ до тѣхъ поръ, пока не истощится паръ, или, соскочивъ съ нихъ, превратиться изъ стройнаго желѣзно-мѣднаго чудовища въ груду обломковъ, такъ и мнѣ... Я на рельсахъ; они плотно обхватываютъ мои колеса, и, если я сойду съ нихъ, что тогда? Я долженъ во что-бы то ни стало докатиться до станціи, несмотря на то, что она, эта станція, представляется мнѣ какой-то черной дырой, въ которой ничего не разберешь. Другіе говорятъ, что это будетъ художественная дѣятельность. Что это нѣчто художественное—спора нѣтъ, но что это дѣятельность“...

Мы видимъ здѣсь нѣчто аналогичное съ состояніемъ героя „Ночи“, хотя еще не зашедшее такъ далеко. Нѣтъ вѣры въ себя и въ свое дѣло. Существованіе кажется оторваннымъ отъ того общаго, что только можетъ дать ему смыслъ, отсюда существованіе и работа теряютъ смыслъ, становятся безцѣльны. Въ этомъ случаѣ авторъ даетъ намъ отвѣтъ на естественно возникающій вопросъ: откуда это настроеніе? Почему талантливый, любящій искусство художникъ перестаетъ вѣрить въ искусство?

„Когда я хожу по выставкѣ, говоритъ Рябининъ, и смотрю на картины, что я вижу въ нихъ? Холстъ, на который наложены краски, расположенныя такимъ образомъ, что онѣ образуютъ впечатлѣнія, подобныя впечатлѣніямъ отъ разныхъ предметовъ. Люди ходятъ и удивляются: какъ это онѣ, краски, такъ хитро расположены! И больше ничего... Я не видѣлъ хорошаго вліянія хорошей картины на человѣка; зачѣмъ же мнѣ вѣрить, что оно есть?

„Зачѣмъ вѣрить? Вѣрить-то мнѣ нужно, необходимо нужно, но *какъ* повѣрить? Какъ убѣдиться въ томъ, что всю свою жизнь, не будешь служить исключительно глупому любопытству толпы (и хорошо еще, если только любопытству, а не чему-нибудь иному, возбужденію скверныхъ инстинктовъ, напримѣръ) и тщеславію какого-нибудь разбогатѣвшаго желудка на ногахъ, который. не спѣша, подойдетъ къ моей пережитой, выстраданной, дорогой картинѣ, писанной не кистью и красками, а нервами и кровью, пробурчитъ: „мм... ничего себѣ“, сунетъ руку въ оттопырившійся карманъ, броситъ мнѣ нѣсколько сотъ рублей и унесетъ ее отъ меня. Унесетъ вмѣстѣ съ волненіемъ, съ безсон-

Digitized by Google

ными ночами, съ огорченіями и радостями, съ обольщеніями и разочарованіями".

Къ вопросу объ отношеніи капитала къ искусству обращается и другой герой того же гаршинскаго разсказа—художникъ Дѣдовъ. Дѣдовъ разрѣшаетъ вопросъ совершенно иначе.

„Вчера я кончилъ картину, выставилъ, и сегодня уже спрашивали о цѣнѣ. Дешевле 300 не отдамъ. Давали уже 250. Я такого мнѣнія, что никогда не слѣдуетъ отступать отъ назначенной цѣны. Это доставляетъ уваженіе. А теперь тѣмъ болѣе не уступлю, что картина навѣрное продастся; сюжетъ—изъ ходкихъ и симпатичный; зима, закатъ; черные стволы на первомъ планѣ рѣзко выдѣляются на красномъ заревѣ. Такъ пишетъ К., и какъ онѣ идутъ у него! Въ одну зиму, говорятъ, до двадцати тысячъ заработалъ. Недурно! Жить можно. Не понимаю, какъ это ухитряются бѣдствовать нѣкоторые художники. Вотъ и у К. ни одинъ холстикъ даромъ не пропадаетъ: все продается. Нужно только прямѣе относиться къ дѣлу; пока ты пишешь картину—ты художникъ, творецъ; написана она—ты торгашъ; и чѣмъ ловчѣе ты будешь вести дѣло, тѣмъ лучше. Публика часто тоже норовитъ надуть нашего брата".

Рябининъ и Дѣдовъ представляютъ намъ двѣ стороны медали въ вопросѣ объ отношеніи искусства къ капиталу. Наше искусство по существу демократично. Примириться съ необходимостью служенія капиталу оно не можетъ, и вотъ два отвѣта на вопросъ о выходѣ изъ положенія, созданнаго наступившимъ въ концѣ 70-хъ, началѣ 80-хъ годовъ господствомъ капитала. Одинъ отвѣтъ Рябинина: разъ искусство служитъ только любопытству буржуазной толпы и прихоти капиталиста („желудка на ногахъ"), то искусство безполезно; другой отвѣтъ Дѣдова:—„мнѣ дѣла нѣтъ до того, кому и чему будетъ служить моя картина, я создаю ее, потому, что процессъ творчества прекрасенъ". Первый отвѣтъ—отрицаніе искусства, второй—возвращеніе къ такъ называемому искусству для искусства, казалось, похороненному безвозвратно въ 60-хъ годахъ. Отношеніе къ искусству Рябинина и Дѣдова является какъ бы прообразомъ того, что мы видимъ въ гораздо болѣе крупномъ масштабѣ въ русскомъ обществѣ 80—90-хъ годовъ. Основныя положенія Рябинина съ колоссальной силой развиты въ трактатѣ объ искусствѣ Л. Н. Толстаго, сужденія Дѣдова—первая ласточка позднѣйшаго русскаго эстетизма. Конечно, нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, чтобы гаршинскій разсказъ повліялъ на развитіе взглядовъ на искусство. Онъ указываетъ только, что въ зачаточномъ состояніи эти взгляды уже существовали въ началѣ 80-хъ годовъ и что въ основѣ ихъ происхожденія лежитъ фактъ развитія въ это время капитализма. Оставивъ пока Рябинина, къ которому мы еще вернемся, прослѣ-

Digitized by Google

димъ подробнѣе взглядъ на искусство Дѣдова. Дѣдовъ не торгашъ въ искусствѣ, не лицемѣръ,—онъ настоящій жрецъ.

„Удивительными мнѣ кажутся люди, не могущіе найти полнаго удовлетворенія въ искусствѣ; не могутъ они понять, что ничто такъ не возвышаетъ человѣка, какъ творчество“.

Въ это творчество онъ уходитъ, какъ въ монастырь, отъ жизни, которая его раздражаетъ. Что же раздражаетъ его? Характерно, что въ основѣ этого факта мы найдемъ опять таки капитализмъ. Дѣдовъ былъ инженеромъ. На эту довольно чуткую, хотя апатичную, натуру картины эксплоатаціи рабочихъ дѣйствовали очень тяжело. Онъ тепло и живо, хотя безъ особенной страсти, разсказываетъ Рябинину о „глухарѣ“-рабочемъ, который при выдѣлкѣ котловъ находится внутри котла, удерживая клепки, и грудью выноситъ всю силу ударовъ молотомъ. Дѣдова мучили эти картины, и онъ при первой возможности ушелъ, унося значительную долю отвращенія и къ своей прежней профессіи, и къ жизни, гдѣ такъ много неэстетичнаго и раздражающаго. Дѣдовъ принадлежитъ къ довольно распространенному типу чувствительныхъ эгоистовъ. Картины людского страданія ихъ мучатъ, но заставляютъ только отвернуться и отойти, чтобы сохранить душевное равновѣсіе. Творчество и красота для Дѣдова—та келья, въ которой онъ находитъ нужное ему равновѣсіе, свободу отъ раздражающихъ впечатлѣній жизни. Такой же кельей является для него природа.

„Сколько тяжелыхъ впечатлѣній на всѣхъ этихъ заводахъ, Рябининъ, еслибы вы знали,—говоритъ Дѣдовъ.—Я такъ радъ, что раздѣлался съ этимъ навсегда. Просто жить тяжело было сначала, смотря на эти страданія... То-ли дѣло съ природой? Она не обижаетъ, да и ее не нужно обижать, чтобы эксплоатировать ее, какъ мы, художники...“

Искусство должно, по мнѣнію Дѣдова, вносить миръ въ душу смягчать ее,—потребность, безспорно, вызванная тѣмъ, что жизнь даетъ слишкомъ много впечатлѣній противоположнаго характера. „Глухарь“, котораго задумалъ Рябининъ, не можетъ, по мнѣнію Дѣдова, произвести впечатлѣнія, потому что отъ такой картины „убѣгутъ“, какъ самъ Дѣдовъ бѣжитъ отъ „глухарей“ въ міръ красоты и творчества. Возвращеніе къ чистому искусству—это бѣгство отъ жизни, слишкомъ переполнившейся тяжелыми образами. Но не всѣ могутъ бѣжать. Рябининъ, наоборотъ, не можетъ оторваться отъ „глухаря“, „глухарь“ становится его бредомъ, его маніей. Уже, когда Дѣдовъ разсказывалъ Рябинину о глухарѣ, образъ этотъ крѣпко западаетъ въ душу художника,—онъ проситъ Дѣдова свезти его на заводъ, показать „глухаря“. Черезъ нѣсколько дней онъ принимается писать глухаря и чувствуетъ, что это его послѣдняя картина. Онъ рисуетъ въ темномъ углу котла согнувшагося въ три-погибели человѣка, съ

Digitized by Google

напряженіемъ всѣхъ силъ удерживающаго клещами заклепки. Картина удается Рябинину: онъ сумѣлъ передать все напряженіе, все страданіе „глухаря“, весь ужасъ обстановки, но картина не удовлетворяетъ, а мучитъ художника. Онъ испытываетъ нѣчто, какъ бы оправдывающее, по крайней мѣрѣ объясняющее отвращеніе Дѣдова къ такимъ сюжетамъ.

„Я доволенъ ею,—говоритъ онъ про свою картину,—ничто мнѣ такъ не удавалось, какъ эта ужасная вещь. Бѣда только, что это довольство не ласкаетъ меня, а мучаетъ. Это—не написанная картина, это—созрѣвшая болѣзнь. Чѣмъ она разрѣшится, я не знаю; но чувствую, что послѣ этой картины мнѣ нечего уже будетъ писать. Птицеловы, рыболовы, охотники со всякими экспрессіями и типичнѣйшими физіономіями, вся эта „богатая область жанра“ — на что мнѣ теперь она? Я ничѣмъ уже не подѣйствую такъ, какъ этимъ глухаремъ, если подѣйствую“.

Характерно здѣсь то, что Рябининъ, создавая „глухаря“, чувствуетъ, что это его послѣдняя картина, но не сознаетъ почему это. Глухаремъ какъ будто исчерпывается для него запасъ сюжетовъ на томъ пути, на который онъ ступилъ. Тутъ сказывается чрезвычайно характерное для восьмидесятника отношеніе къ этой „язвѣ растущей“. Эта „язва“ поразила, испугала восьмидесятника, но онъ въ ней еще не разобрался. Онъ не понялъ еще, что это не только „язва“, даже точнѣе не язва, а цѣлый міръ, новый міръ, заключающій въ себѣ бездну ужаса, но и бездну силы,—міръ, призванный обновить человѣчество. Въ Гаршинѣ и въ его героѣ Рябининѣ сказывается здѣсь чисто народническое отношеніе къ растущему рабочему пролетаріату, начавшемуся „перевариванію мужика въ фабричномъ котлѣ“. Рябинина, какъ и самого Гаршина, поразилъ ужасъ положенія рабочаго пролетарія, созданнаго развитіемъ капитализма, и только этотъ ужасъ онъ могъ выразить въ своей картинѣ. Такое отношеніе не позволяло Рябинину найти въ открывшемся передъ нимъ явленіи то богатство сюжетовъ, какое оно въ себѣ заключаетъ. Но этимъ не исчерпываются причины, препятствовавшія Рябинину работать послѣ созданія „глухаря“. И для выраженія ужаса онъ могъ найти много сюжетовъ въ открывшемся ему явленіи, и ужасъ, возбуждаемый этимъ явленіемъ, заслуживаетъ, чтобы на немъ остановиться не разъ. Нѣтъ, конечно, не потому, что ему, написавъ глухаря, нечего писать, Рябининъ бросаетъ навсегда кисть. Здѣсь есть другія причины, которыя онъ скорѣе чувствуетъ, чѣмъ сознаетъ. Прежде всего онъ не вѣритъ въ публику; онъ не вѣритъ, что публика, состоящая частью изъ представителей того же капитализма, который породилъ этотъ ужасъ, другими словами изъ людей, живущихъ пóтомъ „глухарей“, частью изъ растерянныхъ, выбитыхъ изъ колеи, стремящихся убѣжать отъ ужасовъ жизни, публика равнодушная или усталая можетъ сочувствовать тому искусству,

Digitized by Google

какое одно становится для него возможнымъ послѣ глухаря. Онъ не вѣритъ, что глухарь дѣйствительно можетъ подѣйствовать на эту публику.

„Кто позвалъ тебя?—обращается онъ къ своему глухарю передъ выставкой.—Я, я самъ создалъ тебя здѣсь. Я вызвалъ тебя, только не изъ какой-либо „сферы", а изъ душнаго темнаго котла, чтобы ты ужаснулъ своимъ видомъ эту *чистую, приличную, ненавистную толпу*, Прійди, силою моей власти прикованный къ полотну, смотрй съ него на эти фраки и трэны, крикни имъ: „Я—язва растущая!". Ударь ихъ въ сердце, лиши ихъ сна, стань передъ ихъ глазами призракомъ! Убей ихъ спокойствіе, какъ ты убилъ мое"...

„Да, какъ бы не такъ! Картина, конечно, вставлена въ золотую раму, два сторожа потащили ее на головахъ въ академію на выставку. И вотъ она стоитъ среди „полдней" и „закатовъ", рядомъ съ „дѣвочкой съ кошкой", недалеко отъ какого-нибудь трехсаженнаго „Іоанна Грознаго, вонзающаго посохъ въ ногу Васьки Шибанова". Нельзя сказать, чтобы на нее не смотрѣли; будутъ смотрѣть и даже хвалить. Художники начнутъ разбирать рисунокъ. Рецензенты, прислушиваясь къ нимъ, будутъ черкать карандашиками въ своихъ записныхъ книжкахъ. Одинъ г. В. С. выше заимствованій; онъ смотритъ, одобряетъ, превозноситъ, пожимаетъ мнѣ руку. Художественный критикъ Л. съ яростью набросится на бѣднаго глухаря, будетъ кричать: но гдѣ же тутъ изящное, скажите, гдѣ тутъ изящное?—и разругаетъ меня на всѣ корки. Публика... Публика проходитъ мимо безстрастно, или даже съ непріятной гримасой; дамы — тѣ только скажутъ: „ah comme il est laid ce глухарь", и поплывутъ къ слѣдующей картинѣ, къ „дѣвочкѣ съ кошкой", смотря на которую скажутъ: „очень, очень мило", или что-нибудь подобное. Солидные господа съ бычьими глазами поглазѣютъ, потупятъ взоры въ каталогъ, испустятъ не то мычанье, не то сопѣнье—и благополучно прослѣдуютъ далѣе. И развѣ только какой-нибудь юноша или молодая дѣвушка остановятся съ вниманіемъ, и прочтутъ въ измученныхъ глазахъ, страдальчески смотрящихъ съ полотна, вопль, вложенный мною въ нихъ".

Отсутствіе чуткой публики это, конечно, очень тяжелое положеніе для художника; Рябинину съ его сюжетомъ дѣйствительно не найти бы достаточнаго сочувствія у тогдашней публики, и это, конечно, должно было парализовать его дѣятельность, какъ художника, но и здѣсь дѣло обстоитъ не такъ плохо; онъ самъ признаетъ, что въ какомъ-либо юношѣ или дѣвушкѣ его картина можетъ найти пониманіе и сочувствіе, а это самая дорогая для такого художника, какъ Рябининъ, публика. Впослѣдствіи оказывается, что картина имѣла успѣхъ, — публика, значитъ для нея нашлась. Но Рябининъ, оправляясь послѣ болѣзни, которая его

Digitized by Google

постигла послѣ слишкомъ бурнаго празднованія успѣха, когда ему Дѣдовъ принесъ кучу газетъ съ сочувственными рецензіями, говоритъ: „это такъ далеко отъ меня“, и бросаетъ искусство. Очевидно, здѣсь причина была иная, кромѣ отсутствія вѣры въ публику, вѣры въ возможность „тронуть“ ее новой картиной; очевидно, въ глубинѣ душевнаго міра Рябинина произошелъ какой-то серьезный переломъ. Глухарь нарушилъ духовное равновѣсіе Рябинина не только, какъ художника, но и какъ человѣка. Глухарь разрушилъ, можетъ быть, завершилъ разрушеніе чего-то важнаго. Это „важное“ было народническое міросозерцаніе Рябинина, которое нигдѣ не высказывается прямо, но чувствуется, хотя бы въ фактѣ необычайно чуткаго отношенія къ страданіямъ глухаря. „Растущая язва“ капитализма разрушала почву этого міросозерцанія, разрушала народническое искусство и оставляла художника-народника, въ частности и интеллигента-народника, въ общемъ на перепутьи, передъ массой мучительныхъ вопросовъ въ почти полной безысходности отсутствія руководящихъ началъ. Въ таковомъ положеніи оказывается Рябининъ. Онъ находитъ исходъ въ поступленіи въ учительскую семинарію, чтобы сдѣлаться сельскимъ учителемъ. Въ качествѣ таковаго онъ, какъ говоритъ намъ авторъ, „не преуспѣлъ“. Авторъ обѣщаетъ разсказать намъ объ этомъ въ другой разъ, но, къ сожалѣнію, не выполняетъ своего обѣщанія, и мы больше не встрѣчаемся съ этимъ интереснѣйшимъ изъ гаршинскихъ героевъ. Исходъ, найденный Рябининымъ, является неизбѣжнымъ для него, да и для всей русской интеллигенціи. Онъ является опять-таки какъ бы прообразомъ того, что произошло въ гораздо большемъ масштабѣ впослѣдствіи въ русскомъ обществѣ, уже послѣ смерти Гаршина. Когда интеллигенція 80-хъ годовъ нѣсколько оправилась отъ пережитаго перелома и опять стала искать возможности перейти къ дѣлу, когда въ началѣ 90-хъ годовъ снова сталъ замѣчаться въ русскомъ обществѣ подъемъ, продолжающій расти, хотя медленно и неровно, и до нашихъ дней. Однимъ изъ наиболѣе раннихъ проявленій этого подъема было возникновеніе, такъ называемаго, „культурничества“.

Вопросы начальнаго образованія народной массы, устройство школъ, читаленъ, снабженіе ихъ книгами,—все это выдвинулось на первый планъ въ кругѣ интересовъ нашей интеллигенціи. Можно сказать, что нашъ русскій интеллигентъ, если не въ прямомъ, то въ переносномъ смыслѣ, пошелъ въ сельскіе учителя, какъ Рябининъ. Подобно Рябинину, онъ въ этомъ дѣлѣ также „не преуспѣлъ“, и, вѣроятно, причины были болѣе или менѣе аналогичны. Во всякомъ случаѣ Рябинину другого выхода не было. Для того искусства, которое могло бы его удовлетворить, время еще не приспѣло. Оставалось либо бросить искусство, либо идти по стопамъ Дѣдова. Характерно, что цѣлый рядъ

Digitized by Google

крупныхъ идейныхъ художниковъ поколѣнія Рябинина и нѣсколько болѣе ранняго пошли вскорѣ послѣ того, какъ писалъ Гаршинъ свой разсказъ, по второму пути. Такъ поступилъ Рѣпинъ, знаменитые „народническіе“ „Бурлаки“ котораго вызывали порицаніе Дѣдова за „сиволапость“ и который въ 80-хъ годахъ перешелъ отъ идейнаго искусства къ культу чистой красоты. Еще характернѣе примѣръ Ярошенка, создавшаго рядъ идейныхъ картинъ, вдохновившагося гаршинскимъ разсказомъ, написавшаго „Глухаря“ на Рябининскій сюжетъ и кончившаго кавказскимъ пейзажемъ и жанромъ.

Творчество Гаршина захватило два крупнѣйшія изъ золъ, которыя связаны съ „ветхимъ міромъ“ капиталистическаго строя: войну и эксплоатацію капиталомъ пролетаріата (рабочаго въ грубой—интеллигентнаго въ болѣе замаскированной формѣ),—оно не могло не коснуться еще одного соціальнаго зла, если не созданнаго, то расцвѣтающаго, благодаря капитализму. Въ разсказахъ „Происшествіе“ и „Надежда Николаевна“ Гаршинъ обращается къ положенію падшей женщины. Реабилитація падшей женщины, какъ было уже указано писавшими о Гаршинѣ, далеко не новая тема. Интересно, однако, прослѣдить, какъ она трактуется Гаршинымъ.

Съ Надеждой Николаевной, героиней этихъ двухъ разсказовъ, мы знакомимся впервые въ разсказѣ „Происшествіе“. Здѣсь передъ нами уже павшая женщина, но въ исключительный моментъ ея жизни—когда ее полюбилъ искренней и чистой любовью молодой человѣкъ Никитинъ и стремится извлечь ее изъ ея соціальнаго положенія, предлагая ей сдѣлаться его женой. Надежда Николаевна не принимаетъ предложенія потому, что не любитъ Никитина, и смутно чувствуетъ, что бракъ будетъ еще большимъ паденіемъ, большей ложью, чѣмъ ея настоящее положеніе. Никитинъ гибнетъ. Онъ не можетъ подавить своей любви и кончаетъ самоубійствомъ. Во второй разъ мы встрѣчаемся съ Надеждой Николаевной черезъ два года. Эти два года она провела въ положеніи павшей женщины,—авторъ проходитъ мимо нихъ и выбираетъ опять исключительный моментъ. Это, конечно, не случайность. Для реальнаго изображенія павшей женщины у Гаршина не нашлось бы красокъ: онъ—слишкомъ цѣломудренная и мягкая натура для этого. Павшая женщина должна явиться у него неизбѣжно очищенной отъ всей той грязи, которая не можетъ не пристать къ ней въ жизни, она является идеализированной, освѣщенной только съ одной стороны. Читателя невольно останавливаетъ вопросъ: какъ эта богатая натура, эта женщина, въ которой воплотился созданный художникомъ образъ Шарлоты Корде, какъ она могла дойти до паденія? Трагедія, доведшая ее до этого, въ высшей степени интересна и должна быть полна своеобразнаго ужаса, если даже произошла безъ эфект-

Digitized by Google

ныхъ положеній. Гаршинъ не рѣшился изобразить эту трагедію, даже разсказать о ней, быть можетъ, чувствуя, что при этомъ не можетъ не пострадать голубиная чистота созданнаго имъ образа двойника Шарлоты Корде. Жизненность образа Надежды Николаевны сильно пострадала отъ такого умолчанія. Многое остается въ ней неяснымъ, да и въ настоящемъ, въ моментъ возрожденія, она въ значительной степени остается загадкой. Надежда Николаевна не типъ, не живое, хотя-бы исключительное лицо,—это символъ, въ которомъ выразился протестъ Гаршина противъ одного изъ крупнѣйшихъ соціальныхъ золъ; ставя на пьедесталъ это униженное существо, Гаршинъ не столько руководствовался правдивостью художника, сколько негодованіемъ человѣка противъ гнуснѣйшаго изъ видовъ эксплоатаціи человѣка.

Чрезвычайно характерно, что этотъ живой интересъ къ торговлѣ человѣкомъ является у нашего писателя именно въ ту эпоху, когда въ нашей русской жизни капитализмъ съ его эксплоатаціей человѣка сталъ сказываться съ большей опредѣленностью. Надежда Николаевна и „Глухарь" по существу жертвы одного кумира, того же кумира, жрецы котораго, бросивъ нѣсколько бумажекъ, забираютъ выстраданную картину художника. Капиталистъ слишкомъ часто ставитъ ребромъ вопросъ о куплѣ-продажѣ человѣческой души и тѣла, и чуткаго художника эта купля-продажа въ разныхъ ея видахъ не можетъ не ужасать, не приковывать на себя его вниманія. Однако, воплотивъ въ крайне идеализированный образъ Надежды Николаевны свой протестъ противъ зла, если не созданнаго новыми условіями, то нашедшаго въ нихъ прекрасную почву, Гаршинъ главное свое вниманіе сосредоточиваетъ не на героинѣ, а на герояхъ, душевная драма которыхъ развивается въ разсказахъ съ гораздо большей полнотой. И какъ ни различны они по своему интеллектуальному уровню и по всему своему складу, въ нихъ есть во всѣхъ черты того поколѣнія, которое „юности не знаетъ", въ которомъ чувство даже глубокое и сильное не можетъ развернуться во всю ширь, въ которомъ нѣтъ активности, вѣры въ себя, и либо слишкомъ мало ненависти, либо ненависть эта является „ненавистью исподтишка".

Чиновникъ Иванъ Никитинъ полюбилъ Надежду Николаевну. Полюбилъ ее съ перваго свиданія и, тѣмъ не менѣе, мѣсяцъ не является къ ней, страдая, томясь. Онъ слѣдилъ за ней въ это время, слѣдилъ, какъ она гуляетъ по улицамъ, какъ къ ней подходятъ мужчины, и она идетъ съ ними. Иванъ Ивановичъ провожалъ ее въ такихъ случаяхъ и сидѣлъ на лѣстницѣ противъ ея оконъ. Наконецъ, онъ рѣшился прійти къ Надеждѣ Николаевнѣ, пришелъ, робко побесѣдовалъ и ушелъ, встрѣтивъ первый отпоръ своей попытки духовнаго сближенія съ ней. За-

Digitized by Google

тѣмъ онъ запилъ и покончилъ съ собой. Пассивность полная. Даже ни одной, сколько-нибудь рѣшительной, попытки спасти существо, ужасъ за которое и любовь къ которому доводитъ его до самоубійства. Только въ пьяномъ видѣ Иванъ Ивановичъ выходитъ изъ этой пассивности, чтобы дѣлать глупости. Поразительно жалкое существо этотъ Иванъ Ивановичъ, но еще болѣе поразительно, что авторъ какъ бы не замѣчаетъ жалкости этого человѣка. Его пассивность какъ бы представляется естественной представителю поколѣнія, поэтъ котораго напрасно восклицалъ:

„О, проклятье сну, убившему въ насъ силы!
„Воздуха, простора, пламенныхъ рѣчей,—
„Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
„Всѣмъ біеньемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей
„О, проклятье стонамъ рабскаго безсилья!
„Мертвыхъ дней унынья послѣ не вернуть!
„Загоритесь взоры, развернитесь крылья,
„Закипи порывомъ, трепетная грудь“.

Мы говоримъ, что поэтъ восклицалъ напрасно, потому что выбитое изъ колеи всѣмъ ходомъ историческаго развитія, растерянное поколѣніе интеллигенціи 80-хъ годовъ всего менѣе способно было жить „всѣмъ біеніемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей“. Интеллигентъ 80-хъ годовъ былъ въ положеніи человѣка, которому на пиру мѣста не хватило: у него не хватаетъ еще смѣлости ни для того, чтобы прогнать сытаго, почтеннаго господина, занявшаго сразу два мѣста, ни для того, чтобы уйти съ пира къ тѣмъ, кто на него не попалъ или не пошелъ. Застѣнчивый гость нерѣшительно жмется къ стѣнкѣ, пока вокругъ него „самый воздухъ и тотъ тащитъ“... какая ужъ тутъ жизнь „всѣмъ огнемъ страстей“.

Той же пассивностью отличается и художникъ Лопатинъ, другой герой, съ которымъ встрѣчается на своемъ жизненномъ пути Надежда Николаевна. Лопатинъ занятъ мыслью написать картину, изображающую Шарлоту Корде. Мысль характерная для восьмидесятника и какъ отзвукъ недавняго прошлаго, и какъ стремленіе къ тому, чего слишкомъ недоставало въ духовномъ багажѣ настоящаго. Лопатинъ, задумавъ писать Шарлоту Корде, не можетъ найти натурщицу, сколько-нибудь соотвѣтствующую сложившемуся у него представленію. Его пріятель, Безсоновъ, говоритъ, что онъ знаетъ одну особу, вполнѣ подходящую изображать Шарлоту Корде, но познакомить Лопатина съ ней отказывается. Случай помогаетъ Лопатину встрѣтить въ одномъ увеселительномъ учрежденіи Безсонова съ Надеждой Николаевной, — которая и оказывается той самой особой, о которой говорилъ Безсоновъ. Надежда Николаевна, вопреки желанію Безсонова, соглашается позировать. Работа пошла успѣшно, Лопатинъ сталъ часто видѣться съ Надеждой Николаевной и

Digitized by Google

влекся ею. Онъ отдался этому чувству пассивно, безъ борьбы, хотя былъ женихомъ своей троюродной сестры. Онъ не останавливался надъ тѣмъ, что выйдетъ изъ этого сближенія, у него не было столь естественной ревности къ прошлому Надежды Николаевны, но онъ какъ-то мало думалъ и о ея настоящемъ. Въ его дѣйствіяхъ нѣтъ даже стремленія поскорѣй создать ей условія жизни, которыя позволили бы отдохнуть, забыть прошлое. Позже, когда Безсоновъ убиваетъ Надежду Николаевну и является причиной неминуемой гибели Лопатина, когда онъ самъ убитъ Лопатинымъ во время самозащиты, у Лопатина нѣтъ даже ни злого чувства къ этому человѣку, ни остраго угрызенія за его смерть. Удивительной пассивностью проникнуто все это существо. Въ его пассивности много мягкости и деликатности чувства, но чуть ли еще не больше простой слабости задавленной личности, съ ослабленной волей—связаннымъ размахомъ чувствъ.

Связанность размаха чувствъ роднитъ Лопатина съ противоположнымъ ему во всемъ остальномъ Безсоновымъ. Безсоновъ представляется автору сильнымъ человѣкомъ, современная критика считаетъ его „гордымъ, холоднымъ человѣкомъ, внезапно подпавшимъ подъ иго неукротимой страсти". Такое пониманіе Безсонова врядъ ли можетъ быть принято. Силы въ натурѣ Безсонова много только по сравненію съ Лопатинымъ. Самъ по себѣ онъ слабый человѣкъ и далеко ужъ не такой холодный. Онъ полюбилъ Надежду Николаевну тоже сильно, но если Лопатинъ отдается своему чувству безъ сопротивленія, то анализирующая, разсудочная натура Безсонова на это неспособна. Получается уродство. Безсоновъ любитъ Надежду Николаевну и относится къ ней, какъ къ падшей женщинѣ. У него не хватаетъ чувства, чтобы подать ей руку помощи, извлечь ее изъ ея положенія.

Разсудочный выводъ, что падшія женщины „не возвращаются", мѣшаетъ ему отдаться чувству, которое въ немъ настолько сильно, что онъ боится сближенія Надежды Николаевны съ Лопатинымъ, почему и не хочетъ познакомить ихъ. Это—полная изломанность человѣка, а не сила. Надсоновскій стихъ „чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ" всецѣло можетъ быть отнесенъ къ Безсонову. Дряхлость чувства, его подавленность, отсутствіе „первыхъ силъ размаха и первыхъ чувствъ расцвѣта"—вотъ характерныя черты Безсонова. Онъ дряблый, а не холодный человѣкъ. Не сила, а слабость и въ его послѣднемъ порывѣ. Когда Надежда Николаевна стала возрождаться подъ вліяніемъ взаимной любви къ Лопатину, Безсоновымъ овладѣваетъ животная ревность, и этотъ культурный человѣкъ, писатель, не находитъ ничего болѣе умнаго, какъ убить Надежду Николаевну и стрѣлять въ въ Лопатина. Гдѣ же тутъ сила? Это полное безсиліе, неумѣніе владѣть собой, подавить животное чувство. Высшія чувства въ Безсоновѣ ослаблены, но низшія остаются въ полной силѣ,—

Digitized by Google

состояніе души чрезвычайно характерное для періода упадка, когда неблагопріятно сложившіяся условія среды мѣшаютъ нормальному развитію человѣческой личности. Безсоновъ выдѣляется изъ ряда героевъ Гаршина, но выдѣляется, главнымъ образомъ, отсутствіемъ той душевной мягкости, которая имъ присуща. Въ качествѣ претендента на „силу“ онъ имъ родной братъ, даже болѣе: Рябининъ много сильнѣе Безсонова...

Среди героевъ Гаршина, есть только одинъ сильный; но этотъ сильный герой не человѣкъ, а дерево. Есть у Гаршина въ высшей степени поэтичный, но не въ меньшей степени и пессимистичный разсказъ „Attalea Princeps“.

„Attalea Princeps“—роскошная пальма, выросшая въ оранжереѣ сѣвернаго ботаническаго сада. Всю жизнь пальма помнила родное южное небо, и думалось ей, что надъ тѣмъ стеклянным сводомъ, который возвышался надъ ней, небо такъ же хорошо, какъ ея родное. И принялась пальма расти изо всѣхъ силъ, чтобы добраться до стекляннаго свода, пробиться сквозь него и вырваться на свободу. Достигши свода, пальма съ величайшимъ напряженіемъ и болью разламываетъ своей вершиной желѣзныя рамы и вырывается на волю, но надъ ней сѣрое, тусклое, холодное сѣверное небо, съ котораго моросить дождь.

„Только-то?—думала она.—И это все, изъ-за чего я томилась и страдала такъ долго? И этого то достигнуть было для меня высшей цѣлью“.

Пальму срубили, какъ нѣчто, не подходящее подъ общій уровень оранжереи...

Исторія этой пальмы символъ, многое объясняющій въ психикѣ того поколѣнія, къ которому принадлежалъ Гаршинъ. Такъ недавно, на его глазахъ шла борьба, въ которой принимала участіе и значительная часть этого поколѣнія. Борьба требовала такъ много силъ, такъ много жертвъ, и эти силы и жертвы находились, пока жива была вѣра въ иное небо. Но мало-помалу вѣра въ это небо изчезла, изчезла, какъ пальма, не подходившая подъ общій уровень общественной постройки. Слишкомъ высокіе и сильные люди, а у тѣхъ, кто остался, не хватило больше силъ рваться на свободу, къ небу, отъ котораго можно было ждать значительно меньшаго, чѣмъ хотѣлось... И наступило царство слабыхъ, нагнувшихся подъ тяжестью жизни людей, умѣвшихъ сильно только страдать. А страдать было отъ чего... Кругомъ накопилось столько зла и горя, что чуткіе люди должны были задыхаться подъ его бременемъ. Поколѣнію Гаршина пришлось вынести чуть ли не всю сумму зла, которую приноситъ человѣчеству капиталистическій строй. Этому поколѣнію пришлось видѣть войну, перечувствовать ее и понять, что она не рядъ блестящихъ подвиговъ, каковой она рисуется воображенію романтика, а безполезный рядъ убійствъ, страданій и смертей, что

Digitized by Google

символъ ея не воинъ, закованный въ стальныя латы, а скелетъ въ мундирѣ со свѣтлыми пуговицами. Этому поколѣнію впервые пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ „растущей язвой", „глухаремъ". Оно было свидѣтелемъ растущаго господства „сытой и прилизанной буржуазной толпы, торгующей всѣмъ, до произведенія искусства и живого человѣка, хотя бы онъ былъ воплощеніемъ Шарлотты Кордэ, включительно. Тутъ было чего ужаснуться, было отъ чего прійти въ отчаянье и опустить руки. Чтобы бороться съ этимъ моремъ зла, нужно было слишкомъ много силы, вѣры въ себя и людей, безъ которыхъ борьба должна бы представляться дѣломъ безумія. Этой силы и вѣры не было у Гаршинскаго поколѣнія, и въ борьбу со зломъ у него рѣшается вступить только безумный герой „Краснаго цвѣтка".

„Красный Цвѣтокъ" и въ художественномъ, и въ *идейномъ* отношеніи лучшее изъ произведеній Гаршина. Мы не будемъ останавливаться на „Красномъ Цвѣткѣ", какъ психіатрическомъ этюдѣ. Для насъ въ бредѣ сумасшедшаго интересно главнымъ образомъ то, что является отраженіемъ содержанія жизни здоровыхъ. То зло, которое такъ ясно давало себя чувствовать поколѣнію нашего больного героя, и мысль о борьбѣ съ этимъ зломъ занимаютъ видное мѣсто въ бредѣ сумасшедшаго.

„Его состояніе было странной смѣсью правильныхъ сужденій и нелѣпостей. Онъ понималъ, что вокругъ него все больные, но въ то же время въ каждомъ изъ нихъ видѣлъ какое-нибудь тайное, скрывающееся или скрытое лицо, которое онъ зналъ прежде, или о которомъ читалъ или слыхалъ. Больница была населена людьми всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Тутъ были и живые, и мертвые. Тутъ были знаменитые и сильные міра, и солдаты, убитые въ послѣднюю войну и воскресшіе. Онъ видѣлъ себя въ какомъ то волшебномъ, заколдованномъ кругу, собравшемъ въ себя всю силу земли, и въ горделивомъ изступленіи считалъ себя за центръ этого круга. Всѣ они, его товарищи по больницѣ, собрались сюда за тѣмъ, чтобы исполнить дѣло, смутно представлявшееся ему гигантскимъ предпріятіемъ, направленнымъ къ уничтоженію зла на землѣ. Онъ не зналъ, въ чемъ оно будетъ состоять, но чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для его исполненія".

Такимъ образомъ, мысль о борьбѣ со зломъ, какъ результатъ пережитого поколѣніемъ, составляетъ основу бреда одного изъ представителей этого поколѣнія. Весьма характерно присутствіе среди образовъ, которыми окружаетъ себя больной, солдатъ, убитыхъ въ послѣднюю войну. Это присутствіе, конечно, результатъ крѣпко запавшихъ впечатлѣній войны. Въ своемъ отношеніи ко злу больной является только болѣе чуткимъ представителемъ своего поколѣнія, разница между больнымъ и его здоровыми современниками лишь въ томъ, что онъ чувствуетъ въ себѣ ту

Digitized by Google

силу для борьбы со зломъ, которой здоровые не чувствовали. Положеніе больного было кромѣ того легче, такъ какъ въ его представленіи зло, наполнившее міръ, концентрировалось въ одномъ предметѣ, побѣдить который—значило побѣдить міръ. Такимъ предметомъ былъ красный цвѣтокъ мака. Какимъ процессомъ мысли больной пришелъ къ выводу о томъ, что зло міра сосредоточилось въ „Красномъ Цвѣткѣ", авторъ не выясняетъ. Онъ высказываетъ только предположеніе, что зло міра воплотилось въ красномъ макѣ подъ вліяніемъ того факта, что изъ мака дѣлаютъ опіумъ, или подъ вліяніемъ сходства ярко-краснаго цвѣта мака съ цвѣтомъ крови. Какъ бы то ни было, для больного представленіе о міровомъ злѣ вполнѣ совпадаетъ съ представленіемъ о распустившемся въ больничномъ саду маленькомъ ярко-красномъ цвѣткѣ, и больной вступаетъ въ борьбу съ этимъ призракомъ, борьбу, психологически бывшую несомнѣннымъ подвигомъ и несомнѣнной трагедіей. Больной рѣшилъ сорвать Красный Цвѣтокъ.

„Осмотрѣвшись и не замѣтивъ сторожа, стоявшаго сзади всего, онъ перешагнулъ грядку и протянулъ руку къ цвѣтку, но онъ не рѣшился сорвать его. Онъ почувствовалъ жаръ и колотье въ протянутой рукѣ, а потомъ и во всемъ тѣлѣ, какъ будто бы какой-то сильный токъ неизвѣстной ему силы исходилъ отъ красныхъ лепестковъ и пронизывалъ все тѣло. Онъ придвинулся ближе и протянулъ руку къ самому цвѣтку, но цвѣтокъ, какъ ему казалось, защищался,—испуская ядовитое, смертельное дыханіе. Голова его закружилась; онъ сдѣлалъ послѣднее отчаянное усиліе и уже схватился за стебелекъ, какъ вдругъ тяжелая рука легла ему на плечо. Это сторожъ схватилъ его".

Больной съ грустью видитъ, что люди не понимаютъ значенія цвѣтка и защищаютъ его, но мысль сорвать его не покидаетъ больного. Въ то же время нашъ больной не перестаетъ смотрѣть на своихъ товарищей, какъ на дружину борцовъ противъ зла.

„Больной ходилъ то съ однимъ товарищемъ, то съ другимъ и къ концу дня еще болѣе убѣдился, что „все готово", какъ онъ сказалъ себѣ. Скоро, скоро распадутся желѣзныя рѣшетки, всѣ эти заточенные выйдутъ отсюда и помчатся во всѣ концы земли, и весь міръ содрогнется, сброситъ съ себя ветхую оболочку и явится въ новой чудной красотѣ. Онъ почти забылъ о цвѣткѣ, но уходя изъ сада, подымаясь на крыльцо, снова увидѣлъ въ густой, потемнѣвшей и уже начинавшей роситься травѣ точно два красныхъ уголька. Тогда больной отсталъ отъ толпы и, ставъ позади сторожа, выждалъ удобное мгновеніе. Никто не видѣлъ, какъ онъ перескочилъ черезъ грядку, схватилъ цвѣтокъ и торопливо спряталъ его на своей груди подъ рубашкой. Когда свѣжіе, росистые листья коснулись его тѣла, онъ поблѣднѣлъ,

Digitized by Google

какъ смерть, и въ ужасѣ широко раскрылъ глаза. Холодный потъ выступилъ у него на лбу".

Съ этого момента начинается самая отчаянная борьба между цвѣткомъ и больнымъ. Держа на груди цвѣтокъ, онъ говорилъ ему: „я утомлю тебя, я задушу тебя!" въ то же время больной чувствовалъ, что грудь его вся пропитана неслыхано смертельнымъ ядомъ. Больной изнемогалъ, но чувствовалъ, что зло переходитъ изъ цвѣтка въ его грудь и побѣждается его силой. Но въ саду оставался второй цвѣтокъ. Черезъ нѣсколько дней больной сорвалъ и его, и снова началась та же упорная мучительная борьба, борьба до полнаго истощенія. Докторъ съ грустью видѣлъ, что больной съ неимовѣрной быстротой идетъ къ полному истощенію и при такомъ возбужденіи умретъ неизбѣжно, черезъ нѣсколько дней. Докторъ велѣлъ его связать, такъ какъ никакія успокаивающія средства уже не дѣйствовали. А между тѣмъ больнымъ уже овладѣла новая мысль: онъ увидѣлъ третій распустившійся цвѣтокъ. Этотъ цвѣтокъ представляется больному послѣднимъ воплощеніемъ мірового зла, которое нужно убить, чтобы кончить великое дѣло. Больной съ невѣроятными усиліями освобождается отъ сумасшедшей рубашки, пробирается сквозь окно съ желѣзными рѣшетками въ садъ и, сорвавъ послѣдній цвѣтокъ, возвращается въ свою камеру. На утро его нашли умершимъ отъ истощенія. Въ его окоченѣвшей рукѣ крѣпко сжатъ былъ красный цвѣтокъ, разжать руку не удалось, и онъ унесъ свой трофей въ могилу.

Такъ погибъ единственный истинный „герой" Гаршина. Чрезвычайно характерно, что этотъ „единственный" герой оказался сумасшедшимъ. Зло было такъ велико, подавленность поколѣнія сверстниковъ Гаршина такъ сильна, что только безумцу, потерявшему мѣру своихъ силъ и воплотившему все зло въ одинъ случайный образъ, могла прійти мысль вступить въ открытую борьбу со зломъ. Въ безуміи угасъ и самъ чуткій творецъ „Краснаго Цвѣтка". А между тѣмъ въ русской жизни уже начинали слагаться новыя силы, и въ то время, когда угасалъ Гаршинъ, пораженный „язвой растущей" въ видѣ „глухаря"-рабочаго, болѣе молодое поколѣніе начинало уже видѣть въ этомъ „глухарѣ" не язву растущую, а растущую непобѣдимую силу, долженствующую обновить жизнь человѣчества. Путь въ обѣтованную землю сталъ представляться лежащимъ уже не черезъ сермяжное море.

Н. Коробка.

Digitized by Google

Исторія молодой жизни.

Романъ **Отто Эрнста**.

Переводъ съ нѣмецкаго *В. Исполатовой*.

(*Окончаніе*).

ГЛАВА XXVI.

О мрачныхъ ночахъ и блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца.

Увлеченіе театромъ навѣрное снова вернуло бы Асмуса въ страну лѣни, еслибы не ухудшилось состояніе здоровья его отца. Людвигъ Земперъ улыбался теперь только, когда Асмусъ, придя домой изъ школы, разсказывалъ о своихъ успѣхахъ въ ученіи. Людвигъ хворалъ уже такъ долго, что ему перестали выдавать пособіе изъ кассы для больныхъ. Тутъ въ домѣ Земперовъ началась самая долгая и самая тяжелая нищета. Времена были вообще плохія, и того, что зарабатывали безъ помощи Людвига, едва хватало на три дня недѣли. Табачныя жилки собирались рабочими и продавались ими въ свою пользу. Какъ только накоплялась кучка этихъ жилъ, Асмусъ носилъ ихъ на фабрику, гдѣ изъ нихъ дѣлали низшій сортъ табака. Обыкновенно ихъ сперва не брали у Асмуса, и только послѣ усиленной просьбы съ его стороны рабочіе соглашались купить ихъ у него помимо хозяина, и онъ, радостный, возвращался домой съ нѣсколькими грошенами въ карманѣ. Такъ едва перебивались Земперы на первыхъ порахъ. Благодаря однако болѣзни Людвига, работа производилась уже не такъ аккуратно, и кончилось тѣмъ, что фабрикантъ, не долго думая, отнялъ работу у Земперовъ и передалъ ее другому, и Земперовская академія наукъ и искусствъ навсегда окончила свое существованіе.

Digitized by Google

Правда, Іоганнесъ и Альфредъ зарабатывали свой хлѣбъ внѣ дома, и Асмусъ добывалъ кое-что чисткой картофеля и разстановкой кеглей въ трактирѣ, но этого далеко не хватало на семерыхъ. Съ боязнью смотрѣла Ревекка на новаго блюстителя законовъ, который пріѣхалъ напомнить о неуплоченныхъ податяхъ. Онъ и видъ имѣлъ грозный: длинный, тощій и прямой, какъ палка, съ сѣрыми густыми бровями и со взглядомъ, который могъ пронзить сразу цѣлый эскадронъ. Онъ и былъ очень долго вахмистромъ. „Это настоящій пруссакъ",—говорила Ревекка,—„онъ выглядитъ такъ, какъ будто для него лучшее удовольствіе снять съ человѣка послѣднюю рубашку". Она не любила пруссаковъ и всегда говорила: „Лучше бы мы остались у датчанъ. Тамъ заплатишь одинъ шиллингъ подати съ души, и все".

Раньше блюстителя законовъ пришелъ еще толстый булочникъ. Онъ пришелъ за деньгами. Людвигъ попросилъ его подождать еще немного, такъ какъ у него не было денегъ, но булочникъ, показывая на висѣвшую на стѣнѣ гитару Іоганнеса, насмѣшливо воскликнулъ: „Вотъ какъ? А на такіе пустячки деньги есть!" Этимъ онъ задѣлъ больное мѣсто Земперовъ.

Услышавъ эти слова, Людвигъ Земперъ вытянулся во весь ростъ (такимъ большимъ Асмусъ никогда еще его не видѣлъ), указалъ булочнику на дверь и крикнулъ:

— Убирайтесь вонъ!

— А! онъ еще спѣсивъ! Погодите-же,—вы обо мнѣ еще услышите!—отвѣтилъ булочникъ, но поторопился выйти на улицу, такъ какъ ему все-же было жутко подъ грознымъ взглядомъ старика.

Асмусъ присутствовалъ при этой сценѣ, и ему казалось, что дѣло пошло теперь къ паденію и смерти.

Вслѣдъ за булочникомъ пришла жестокая зима. Увы, она уже не манила привѣтливо Асмуса, какъ въ Хольстенлохѣ. У него на этотъ разъ не было ни сапогъ, ни пальто, ни перчатокъ, да и сама зима была холоднѣе, чѣмъ въ годъ войны. Ужаснѣе всего — это мерзнуть. Холодъ проникаетъ до глубины души, и тотъ, кто мерзнетъ, въ то время, какъ снѣгъ залѣзаетъ ему въ чулки, и восточный вѣтеръ его продуваетъ, не надѣется уже ни на что, не вѣритъ ни во что и не желаетъ ничего, какъ только лечь на дорогѣ и умереть. Онъ самый одинокій изъ всѣхъ несчастныхъ, даже воздухъ дѣлается изъ его друга врагомъ, и солнце смѣется надъ нимъ, такъ какъ чѣмъ ярче его свѣтъ, тѣмъ сильнѣе морозъ. Было снова утро 25 декабря, когда Асмусъ возвращался домой, неся въ окостенѣлыхъ рукахъ корзинку и горшокъ съ молокомъ. Ему было стыдно плакать въ че-

Digitized by Google

тырнадцать лѣтъ, но онъ не могъ удержаться, и слеза за слезой катилпсь по его щекамъ. По дорогѣ ему попался широкоплечій мужчина съ руками, засунутыми въ карманы,— счастливецъ! Поровнявшись съ мальчикомъ, онъ, широко улыбаясь, крикнулъ ему: „Что, небось солнце то колется теперь!"

Асмусъ, любившій обыкновенно пошутить и посмѣяться, на этотъ разъ въ отвѣтъ горько заплакалъ. Онъ былъ уже не прежній веселый, пылкій мальчикъ, въ эти дни тяжелаго горя на него нашло особенное настроеніе. Одинъ изъ его товарищей далъ ему прочитать „Хижину дяди Тома" Гарріетъ Бичеръ-Стоу. Тамъ говорится о маленькой дѣвочкѣ, ангелѣ въ образѣ ребенка. Эта дѣвочка, по имени Эвелина Сенъ- Клеръ, была слишкомъ хороша, нѣжна и добра для этого міра и, какъ облако, сошедшее временно на землю, скоро снова возвратилась къ небесамъ. Онъ боецъ, который со стиснутыми кулаками кинулся однажды на Клауза Рампуна, какъ ласточка на башню,— онъ хотѣлъ сдѣлаться такимъ, какъ Эвелина. Онъ рѣшилъ больше не упрямиться, не возражать матери, когда она его бранитъ, или бьетъ, онъ рѣшилъ безропотно переносить все дома и въ школѣ и сдѣлаться кроткимъ и добрымъ, и любить всѣхъ людей. Такимъ образомъ онъ надѣялся сдѣлаться такимъ же красивымъ, какъ Эвелина и такъ же скоро умереть. Онъ радовался теперь своимъ страданіямъ, такъ какъ они приближали его къ желанной цѣли; онъ даже старался какъ можно меньше ѣсть и пить, чтобы ускорить свой конецъ.

Но такія настроенія быстрѣе разростаются въ тепломъ климатѣ благосостоянія, нежели въ рѣзкомъ воздухѣ бѣдности. Грубая дѣйствительность мѣшаетъ раздумью. Вскорѣ пришелъ блюститель законовъ, чтобы наклеить на всѣ вещи билетики. Но тутъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Ревекка разсказала истому прусаку о своихъ бѣдствіяхъ и при этомъ внезапно убѣдилась въ томъ, что этотъ человѣкъ съ пронизывающимъ взглядомъ обладалъ совсѣмъ мягкимъ голосомъ.

— Такъ, такъ,—сказалъ онъ,—въ такомъ случаѣ дѣло можно будетъ устроить иначе, да, дѣло можно будетъ устроить иначе... такъ успокойтесь, милая... я уже устрою, чтобы дѣло... чтобы вамъ не было непріятностей. До свиданья! Не безпокойтесь больше.

Онъ ушелъ и заплатилъ долгъ Земперовъ. изъ своего кармана.

Когда Асмусъ узналъ объ этомъ, его сердце переполнилось благодарностью, и онъ рѣшилъ написать на него

Digitized by Google

стихотвореніе. Это опять было нѣчто такое, что можно было выразить только въ стихотвореніи.

Опись однако все же состоялась, такъ какъ булочникъ подалъ на нихъ. Людвигъ Земперъ попросилъ только, чтобы за вещами прислали попозднѣе послѣ обѣда. Вечеромъ пріѣхала телѣга, и на ней увезли диванъ, зеркало, милое піанино, столъ, стулья, вообще все, безъ чего хоть сколько нибудь можно было обойтись. Случилось совсѣмъ такъ, какъ было изображено на картинѣ въ „Gartenlaube“: Ревекка плакала, Людвигъ стоялъ въ опустѣвшей рабочей комнатѣ, опершись на столъ и тяжело дыша. При первой описи маленькому Асмусу очень нравилось, что комната стала просторнѣй и выглядѣла какъ то совсѣмъ иначе. Теперь же онъ стоялъ и смотрѣлъ на неповинныхъ исполнителей воли правосудія, какъ на злѣйшихъ враговъ, жалость къ родителямъ, горе, ненависть и злоба волновали его сердце. Съ этихъ поръ, когда Кремеръ говорилъ въ школѣ о государствѣ и правленіи, его сердце содрогалось, какъ испуганная лошадь въ бою, такъ какъ государство было его врагомъ, судъ былъ его врагомъ, король былъ его врагомъ. Онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы мыслить иначе, притомъ онъ вѣдь былъ сыномъ Ревекки. Онъ вспоминалъ о своемъ идеалѣ, объ Эвелинѣ Сенъ Клеръ, но мысленно говорилъ себѣ: „Я этого не могу... не могу“.

Все же и въ эту ночь взошла на небѣ луна, распространяя блѣдный утѣшающій свѣтъ.

Асмусъ за послѣднее время сильно полюбилъ двухлѣтняго сынка сосѣда. Въ этомъ отношеніи онъ былъ очень страненъ: самъ еще дитя, онъ ужасно любилъ дѣтей, любилъ ихъ, какъ взрослый. Лучше дѣтей, казалось ему, не было ничего на землѣ. Еще въ „Длиьнной Мрачной Балкѣ“, онъ просто боготворилъ Рейнголода, ставшаго теперь красивымъ подросткомъ и хорошимъ ученикомъ; потомъ онъ перенесъ всю свою любовь на Адальберта,—этотъ также ходилъ уже въ школу и кромѣ адцго все строилъ машины, — теперь когда послѣ тринадцатыхъ родовъ у Ревекки больше не рождалось дѣтей, добрая судьба послала ему братца въ лицѣ маленькаго Родрига. Его звали Родриго, потому что отецъ его, столяръ и пьяница, былъ какъ то въ южной Америкѣ. Онъ любилъ его, какъ младшаго брата. Онъ могъ играть съ нимъ цѣлыми часами, и этотъ неподходящій для Родриго по возрасту товарищъ никогда не надоѣдалъ ребенку и тотъ съ рукъ матери нерѣдко тянулся къ Асмусу, который бывалъ въ ту минуту такъ гордъ, какъ будто-бы покорилъ все русское государство. Какъ то вечеромъ мать Родриго прибѣжала къ Земперамъ, прося, нельзя-ли послать,

Digitized by Google

кого нибудь за докторомъ, такъ какъ ея мужъ снова бредитъ и все видитъ лишь крысъ и мышей. Рейнгольда послали за докторомъ, а Асмусъ отправился тотчасъ-же въ верхній этажъ къ квартирѣ родителей Родриго и сталъ прислушиваться у дверей. Въ это время больной вышелъ на лѣстницу и, увидѣвъ Асмуса, сказалъ:

— А, Асмусъ! Послушай, мальчикъ, не принесешь-ли ты мнѣ на два грошена водки?

— Хорошо, — сказалъ Асмусъ, дрожа всѣмъ тѣломъ,— но у меня нѣтъ бутылки!

— Вѣрно, вѣрно, я тебѣ сейчасъ принесу ее.—И сумасшедшій пошелъ въ сосѣднюю съ комнатой кухню. Асмусъ, какъ вихрь, влетѣлъ въ комнату, схватилъ сидѣвшаго на полу Родриго и бѣгомъ понесъ его къ себѣ, весь день не отпускалъ отъ себя и уложилъ его въ свою кровать. Онъ былъ такъ взволнованъ, что долго не могъ заснуть и все время любовался милымъ личикомъ спящаго.

Вслѣдъ за этимъ наступилъ самый темный періодъ въ жизни Земперовъ.

ГЛАВА XXVII.

О послѣднемъ прощаніи Леонарда, о тяжеломъ, смутномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ блаженномъ времени.

Въ январѣ мѣсяцѣ къ Земперамъ явился однажды совсѣмъ незнакомый человѣкъ. Войдя въ домъ, онъ спросилъ, здѣсь ли живутъ Земперы, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ:

— Меня зовутъ Гротъ...вашъ сынъ Леонардъ жилъ у меня.

— Ну?...и?—спросили въ одинъ голосъ встревоженные Людвигъ и Ревекка, такъ какъ пришедшій имѣлъ какой-то мрачный и смущенный видъ.

— Онъ... онъ очень боленъ... онъ, пожалуй...

— Онъ умеръ?—закричала Ревекка.

— Да, да!—поторопился подтвердить человѣкъ, повидимому, довольный стряхнуть съ себя эту тяжесть.

Людвигъ Земперъ обнялъ свою жену и подвелъ ее къ стулу. Пришедшій разсказалъ, что Леонардъ умеръ отъ разрыва сердца. Призванный врачъ, самъ пьяница, сказалъ:

— Онъ слишкомъ много пилъ для своего сердца; я еще недавно предупреждалъ его у дверей Штернфельда.

„Штернфельдъ“ былъ самый скверный кабакъ въ Ольдензундѣ; только люди, наполовину и совершенно опустившіеся, посѣщали его. До этого дошелъ Леонардъ.

Семья Земперовъ отправилась навѣстить умершаго. Онъ

Digitized by Google

лежалъ на старомъ рваномъ диванѣ; черты лица его выражали миръ и спокойствіе, онъ все еще былъ красивъ. Ревекка опустилась передъ нимъ на колѣни и стала гладить его и цѣловать, рыдая и причитывая.

— Не надо плакать,—сказалъ Людвигъ, силясь поднять ее.—Кто знаетъ, можетъ быть, для него смерть была лучшимъ исходомъ.

— Боже, вѣдь онъ все же мое дитя!—вскричала Ревекка, снова бросившись на покойника.

На столѣ лежалъ томъ стихотвореній Эйхендорфа; покойникъ, видимо, читалъ ихъ въ послѣдніія минуты передъ смертью. На стѣнѣ, на маленькой полочкѣ, стоялъ рядъ Брокгаузскаго лексикона.

— По этимъ книгамъ онъ всегда занимался, — сказалъ хозяинъ квартиры. — Вообще онъ цѣлыми мѣсяцами велъ себя прекрасно и почти не выходилъ изъ комнаты. Въ это время онъ всегда занимался; и такъ все шло хорошо до тѣхъ поръ, пока снова легкомысліе не овладѣвало имъ.

— Ударъ случился съ нимъ не отъ пьянства,—сказала Ревекка,—у него всегда былъ порокъ сердца.

Людвигъ не возражалъ ей.

Но кто будетъ платить за похороны? У Земперовъ денегъ не было, пришлось хоронить его на счетъ кассы, изъ которой выдавались пособія бѣднымъ.

У могилы стоялъ и Мольденхуберъ. Нижняя губа его отвисла, глаза его были устремлены въ яму. Жизнь разъединила обоихъ друзей.

Асмусъ не могъ плакать. Онъ думалъ, какъ отецъ: Богъ знаетъ, что его еще ожидало впереди. Такъ лучше.

Когда же стали спускать гробъ, онъ съ возрастающимъ ужасомъ сталъ кричать: „Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!“ пока человѣкъ, у котораго послѣднее время работалъ Леонардъ, не отвелъ его въ сторону и не сталъ его уговаривать.

На обратномъ пути этотъ же человѣкъ сказалъ:

— Дня четыре тому назадъ онъ еще такъ хорошо пѣлъ намъ.

— Да?—спросилъ Асмусъ.—Что же онъ пѣлъ?

— Изъ „Тангейзера“. Когда Тангейзеръ возвращается изъ Рима:

„Wie dieser Stab in meiner Hand
Nie mehr sich schmückt mit frischem Grün
Kann aus der Hölle heissem Brand
Erlösung nimmer dir erblühn!“ *)

Тутъ Асмусу вспомнилось, какъ Леонардъ впервые поминулъ родной домъ въ „Мрачной Длинной Балкѣ“, какъ онъ

*) Какъ этотъ посохъ въ моей рукѣ уже не украсится свѣжей зеленью, такъ тебѣ уже не быть освобожденнымъ изъ адскаго огня.

Digitized by Google

въ „Гольстенлохѣ“ явился въ цилиндрѣ и въ бѣлой жилеткѣ и съ карманными часами, которые онъ тогда поднесъ къ уху Асмуса; какъ онъ явился вторично въ „Брунненштрасе“ и плакалъ, стоя рядомъ съ матерью на колѣняхъ передъ ящикомъ съ бѣльемъ... а теперь онъ лежитъ въ могилѣ, и надъ нимъ такъ много черной земли... И грусть объ измѣнившихся временахъ расковала нѣмой ужасъ Асмусова сердца и превратила его въ печаль, онъ тихо заплакалъ горючими слезами.

Однако забота о насущныхъ нуждахъ насмѣшливо отодвинула въ сторону грусть, какъ предметъ роскоши, который нищіе не могутъ себѣ позволить. Положеніе Земперовъ дошло наконецъ до того, что они принуждены были доставать себѣ билетики, по которымъ могли получать въ опредѣленномъ мѣстѣ по тарелкѣ горячаго супа. Какъ разъ въ это время Асмусъ долженъ былъ избрать себѣ ремесло, въ то же самое время въ немъ пробудилось сознаніе своего пола, и въ душѣ его образовался туманно-розовый хаосъ сомнѣній, желаній, страховъ и надеждъ.

Чѣмъ же ему сдѣлаться? Поэтомъ или скульпторомъ, какъ онъ прежде мечталъ? Куда дѣвалось это время! Морякомъ? Нѣтъ онъ долженъ остаться здѣсь и помогать родителямъ. Когда-то онъ тоже думалъ сдѣлаться учителемъ! Это все глупости! Вотъ онъ недавно смотрѣлъ, какъ работаютъ на шляпной фабрикѣ,—не сдѣлаться ли ему шляпочникомъ? А можетъ быть, лучше фейерверкеромъ? Въ корзинѣ съ тряпками онъ нашелъ какъ-то книгу объ этомъ дѣлѣ и увлекался ею цѣлыхъ двѣ недѣли. Или лучше не сдѣлаться ли столяромъ? Ему больше всего нравилась работа столяровъ. Въ ней было нѣчто творческое, картинное. Но это все чепуха! Это все сны, которымъ не суждено исполниться, такъ какъ всякое ученье стоитъ денегъ. Итакъ, придется остаться при табакѣ. Дѣлать сигары онъ уже наполовину умѣлъ, черезъ три мѣсяца онъ этому научится въ совершенствѣ, а на сигарахъ можно заработать больше, чѣмъ на чемъ либо другомъ. Уже черезъ полгода у него въ карманѣ еженедѣльно звенѣли бы три, четыре или пять талеровъ—это тоже хорошо! Большую часть онъ, конечно, отдавалъ бы родителямъ, а себѣ оставлялъ бы всегда столько, чтобы можно было пользоваться всѣми благами жизни: театромъ, пивомъ, танцами—вообще всѣми удовольствіями. Да, черезъ три мѣсяца онъ будетъ самостоятельнымъ и сможетъ дѣлать все, что ему захочется. Ему такъ захотѣлось ознакомиться со свѣтомъ, гдѣ такъ много, казалось ему, еще неизвѣстныхъ для него радостей. Въ немъ заговорилъ его братъ Леонардъ.

При видѣ книги сердце его сжималось. Онъ хотѣлъ

Digitized by Google

сдѣлаться великимъ, умнымъ человѣкомъ, ему хотѣлось научиться всему... но теперь все прошло! Но нѣтъ, нѣтъ онъ будетъ учиться, кѣмъ бы онъ ни былъ! Онъ усаживался въ 9 часовъ вечера за письма Шиллера объ эстетическомъ воспитаніи, но такъ какъ не понималъ ихъ, то счелъ себя неимовѣрно глупымъ, и такъ какъ въ эти годы ѣда и сонъ занимаютъ главное мѣсто въ душѣ человѣка, то минутъ черезъ десять голова его сваливалась на книгу, и онъ засыпалъ. Когда отецъ будилъ его, онъ вскакивалъ и, сконфуженный, отправлялся на кровать, гдѣ, лежа, мучился своей глупостью и слабостью. Это было неясное, тяжелое, но вмѣстѣ съ тѣмъ блаженное время.

Его душа изрѣдка, главнымъ образомъ почему-то по утрамъ въ воскресные дни, какъ бы парила и была полна какихъ-то свѣтлыхъ желаній, словно что-то говорило ему: „Ты все же не останешься на днѣ, тебѣ предназначена иная судьба, ты все же полетишь". Въ такія минуты онъ бывалъ счастливъ и, напѣвая, расхаживалъ по комнатѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ никому не могъ бы объяснить, что его веселитъ, его, который минуту тому назадъ сидѣлъ печальный и пасмурный.

Все ближе и ближе подходилъ день его конфирмаціи. Кончающіе ученики имѣли въ послѣднее полугодіе, кромѣ $7^1/_2$ недѣльныхъ часовъ Закона Божьяго у Кремера, еще два часа у пастора. Кремеръ говорилъ съ кончавшими серьезно, мягкимъ голосомъ. Ему было жалко разстаться съ дѣтьми, а дѣтямъ съ нимъ.

Въ теченіе всего послѣдняго года въ классѣ господина Кремера занимался и господинъ Бендеманъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ уроковъ Бендеманъ снова посмотрѣлъ своими ясными и добрыми глазами на все еще маленькаго Асмуса, какъ будто хотѣлъ заглянуть въ его душу, и спросилъ его:

— Кѣмъ хочешь ты быть?

— Не знаю,—отвѣтилъ Асмусъ.

Тогда Бендеманъ еще разъ такъ же внимательно посмотрѣлъ на него и задумался.

ПОСЛѢДНЯЯ ГЛАВА.

Почти неправдоподобное, но въ то же время совершенно вѣрное извѣстіе о дѣйствіяхъ Бендемана и Людвига Земпера. О Земперовскомъ счастьи, о греческой королевѣ и другихъ радостяхъ.

Въ это время Людвигъ чуть было не занялъ новой должности. Разнесся слухъ, что въ одной изъ школъ Ольдензунда освободилось мѣсто служителя.

Digitized by Google

— Сходилъ бы ты туда,—сказала Ревекка.

— Ахъ, зачѣмъ я туда пойду,—сказалъ Людвигъ, но все-же пошелъ, такъ какъ нужда сдѣлала его предпріимчивымъ. Тамъ записали его имя, но мѣсто досталось какому-то сапожнику, который ходилъ каждое воскресенье въ церковь и всему вѣрилъ, что бы ему ни говорили. Такимъ образомъ устранено было грозившее произойти недоразумѣніе, что директоръ школы былъ-бы образованъ менѣе своего школьнаго служителя. Вслѣдъ за этимъ Людвигъ хотѣлъ поступить разсыльнымъ при кассѣ воспомоществованія больнымъ, но тутъ нуженъ былъ молодой человѣкъ, который могъ бы подниматься по лѣстницамъ къ разнымъ маленькимъ людямъ. Наконецъ онъ снова получилъ довольно большой заказъ на сигары, какъ разъ за двѣ недѣли до конфирмаціи Асмуса, такъ что Ревекка даже могла купить своему сыну шляпу за двѣ марки и черный сюртукъ за 4 марки. Настроеніе ея было торжественно, и она даже отправилась съ сыномъ къ конфирмаціи, исповѣди и причастію и плакала отъ избытка благочестивыхъ чувствъ. Сердце Асмуса билось также какъ то особенно торжественно, и онъ все время думалъ о томъ, что теперь онъ дошелъ до большого поворота своего жизненнаго пути, и что теперь уже судьба его должна непремѣнно рѣшиться. Въ то же время онъ ежеминутно вытаскивалъ сзади изъ своего кармана носовой платокъ и безмѣрно гордился тѣмъ, что онъ, какъ отецъ и другіе взрослые, можетъ доставать его сзади.

Ремесло однако все еще не было выбрано. Людвигъ откладывалъ рѣшеніе съ одной недѣли на другую, Асмусъ сидѣлъ за табакомъ уже не полъ-дня, а цѣлый день и мало по малу выучивался дѣлать сигары. Онъ ходилъ еще по опредѣленнымъ днямъ въ школу, такъ какъ Резингъ почтилъ его предложеніемъ переписать старыя изорванныя прописи, и Асмусъ съ большимъ рвеніемъ занялся этимъ дѣломъ. Однажды онъ переписывалъ одно стихотвореніе, какъ вдругъ увидѣлъ возлѣ себя что-то очень длинное. Поднявъ глаза, онъ увидѣлъ Бендемана, который стоялъ и разсматривалъ почеркъ Асмуса.

— Развѣ тебѣ не хотѣлось-бы использовать по крайней мѣрѣ твой красивый почеркъ?

Тутъ Асмусу показалось, что въ немъ заговорилъ кто то другой, и онъ отвѣтилъ:

— Мнѣ очень хотѣлось-бы сдѣлаться учителемъ,—но услыхавъ, что сказалъ этотъ другой, онъ поспѣшно прибавилъ:—но мои родители не могутъ мнѣ это позволить.

Тогда Бендеманъ произнесъ слѣдующія слова:—Поговори

Digitized by Google

ка со своими родителями. Я съ тобою занимался-бы даромъ.

Въ этотъ моментъ Бендеманъ въ своей сѣрой одеждѣ, съ рыжей бородой показался Асмусу архангеломъ Гавріиломъ, и онъ пробормоталъ:

„Да, да... я спрошу,.. благодарю Васъ... благодарю Васъ.,. я еще разъ поговорю съ родителями... благодарю васъ.

Если бы Резингъ увидѣлъ, что Асмусъ написалъ послѣ этого разговора, то онъ совершенно разочаровался бы въ своемъ талантливомъ ученикѣ. Написанное имъ въ этотъ часъ шло не прямо, а волнами, такъ какъ глаза и мысли писавшаго вовсе не слѣдили за рукою. Только бы скорѣе пробило двѣнадцать часовъ, чтобы можно было идти домой. Сердце его учащенно билось, вдругъ замирая, когда онъ вспоминалъ о своей бѣдности. Вѣдь чтобы сдѣлаться учителемъ, надо заниматься еще много лѣтъ, ничего не зарабатывая. Потомъ, конечно, онъ получалъ бы огромное содержаніе и они бы уже больше не были нищими, а до тѣхъ поръ... нѣтъ эта мечта несбыточна!

Все же сердце его стучало, когда онъ, вбѣжавъ въ кухню, сказалъ матери:

— Господинъ Бендеманъ сталъ-бы учить меня безплатно, если бы я захотѣлъ сдѣлаться учителемъ!

— Что ты, мальчикъ,— возразила Ревекка,—какъ-же ты можешь сдѣлаться учителемъ! Мы и такъ не можемъ заснуть отъ горя и заботъ. Твои братья также не были учителями!

Однако это все же было интереснымъ происшествіемъ, и она пошла съ сыномъ въ комнату, гдѣ Людвигъ Земперъ, опершись руками о столъ, стоялъ тяжело дыша.

Она разсказала ему о томъ, что сказалъ Бендеманъ.

Пока она говорила, глаза Людвига постепенно прояснялись, наконецъ по всему лицу его и по серебристымъ волосамъ разлился отъ нихъ свѣтъ, онъ улыбнулся, выпрямился и, положивъ руку на голову сына, сказалъ:

Хорошо, будь учителемъ.

Ревекка только тихо спросила:

— Какъ же это устроится?

— Оставь,—сказалъ Людвигъ,—устроится какъ нибудь.

Онъ не думалъ о томъ, чего это будетъ стоить, и со своимъ обычнымъ легкомысліемъ сдѣлало хорошее дѣло.

Въ семьѣ Асмуса и на его родинѣ дѣти и родители цѣлуются другъ съ другомъ только, пока дѣти маленькіе; такіе, какъ Асмусъ, уже не цѣловали родителей, въ особенности мальчики отца—они этого стыдились. Въ данный моментъ Асмусу такъ хотѣлось броситься къ отцу и покрыть его

Digitized by Google

лицо поцѣлуями. Но этотъ глупый стыдъ! Онъ стоялъ передъ отцомъ, переминаясь, сжималъ руки и, наконецъ, съ горящими глазами и дрожащими отъ волненія губами сказалъ:

— Я зато буду стараться изо всѣхъ силъ...—больше онъ не могъ произнести ни звука и убѣжалъ.

Весь слѣдующій годъ былъ какой то свѣтлый, счастливый.

Къ Бендеману онъ ходилъ разъ въ недѣлю и занимался съ нимъ нѣмецкимъ языкомъ и литературой. Квартира Бендемана вполнѣ соотвѣтствовала ему самому. Несмотря на то, что въ комнатѣ стояли лишь столъ, четыре стула и шкапъ, въ ней все же царила поэзія. Бендеманъ заставлялъ мальчика работать самостоятельно. Онъ задавалъ ему сперва шесть страницъ, затѣмъ восемь, двѣнадцать, наконецъ двадцать. Онъ думалъ, что Асмусъ могъ заниматься цѣлую недѣлю, но послѣдній имѣлъ въ недѣлю свободныхъ всего на всего полъ дня, все остальное время онъ долженъ былъ помогать отцу, а по вечерамъ занимался латинскимъ и французскимъ языками. Онъ находилъ время и для прогулокъ и особенно любилъ ходить вверхъ по Эльбѣ и, дойдя до „Мельницы Мартенса", ложиться на траву со своей книгой и смотрѣть на величественно протекающую рѣку, вспоминая картины минувшаго дѣтства. Нерѣдко вспоминалъ онъ Леонарда. Еслибы у послѣдняго были такіе хорошіе учителя, и еслибы на него который нибудь изъ нихъ обратилъ вниманіе, то все было бы иначе,—и ему дѣлалось грустно.

Вообще, какъ бы счастливъ Асмусъ ни былъ, онъ любилъ грустныя мысли. Гуляя по берегу Эльбы, онъ часто сочинялъ стихотворенія. Большинство изъ нихъ были грустнаго содержанія: то онъ оплакивалъ смерть друзей, которые никогда не жили, то измѣну милой, которой онъ никогда не видѣлъ. Иногда же онъ въ своихъ стихахъ возмущался тиранами, рабствомъ мысли; тогда шагъ его ускорялся и грудь дышала тяжело.

Одно изъ стихотвореній попало Іоганнесу, который пришелъ отъ него въ неописуемый восторгъ и показалъ его отцу.

Да, Людвигъ Земперъ могъ радоваться. Мысль, что ему удастся вырвать сына изъ нищеты и тьмы, заставила его какъ будто помолодѣть душой и тѣломъ. Онъ снова научился смѣяться и пѣть.

Черезъ годъ Асмусъ долженъ былъ держать экзаменъ въ учительской семинаріи. Больше недѣли длилось испытаніе, и наконецъ онъ былъ принятъ.

На другой день послѣ своего поступленія туда, онъ воз-

Digitized by Google

вращался домой въ приподнятомъ настроеніи духа. По дорогѣ къ нему присоединился одинъ изъ его товарищей со своей знакомой, молодой барышней съ густыми каштановыми волосами и большими карими глазами. Ей было лѣтъ около семнадцати. Въ рукахъ она несла книги и была, очевидно, ученицей сосѣдней учительской семинаріи. Поступь у нея была гордая, она мало говорила и лицо ея носило отпечатокъ грусти. Когда товарищъ Асмуса ушелъ, послѣдній остался съ нею одинъ. Въ эту минуту онъ показался самъ себѣ необыкновенно глупымъ, такъ какъ не могъ рѣшиться произнести ни единаго слова. Наконецъ онъ сказалъ:

— Вамъ еще далеко идти?

— Да, я иду въ Еймсбюттель.

— Развѣ ваши родители тамъ живутъ?

— У меня нѣтъ больше родителей,—отвѣтила она.

— Ахъ!—сказалъ онъ машинально и подумалъ про себя: „насколько же я счастливѣе ея!“

Тутъ только онъ замѣтилъ, что она была вся въ черномъ, одѣта очень бѣдно, но крайне аккуратно. Асмусъ хотѣлъ еще поговорить съ нею, но что бы онъ ни придумывалъ, все казалось ему глупымъ. Вскорѣ ихъ дороги также разошлись; онъ снялъ шапку, а она отвѣтила ему граціознымъ наклоненіемъ головы.

Онъ не зналъ, что рядомъ съ нимъ шла маленькая греческая королева, „королева Майнотовъ“, которая сидѣла когда то у трактира между желѣзнодорожными насыпями. Она тоже не знала, что рядомъ съ нею шелъ тотъ самый маленькій мальчикъ, который подарилъ ей стеклянный шарикъ, который она, вѣрно и сама не зная зачѣмъ, до сихъ поръ сохраняла въ своей рабочей корзинкѣ.

Черезъ недѣлю послѣ этого классный воспитатель позвалъ къ себѣ Асмуса и сказалъ ему:

— Вы переведены въ старшій классъ.

Асмусъ поблѣднѣлъ.—Я же не знаю англійскаго языка,—сказалъ онъ.

— Это ничего. Вы догоните въ нѣсколько недѣль. Вы не должны терять времени. Кромѣ того вы получите стипендію.

Странно, когда Асмусъ возвращался домой, ему попадались по дорогѣ лишь красивыя лица. Очутившись въ Ольдензундѣ, онъбылъ этимъ очень удиавленъ, такъ какъ ему казалось, что онъ вовсе не шелъ! Онъ какъ будто не касался земли!

— Я переведенъ въ старшій классъ и мнѣ даютъ стипендію, — раздалось въ Земперовскомъ домѣ, и вслѣдъ за этимъ явился Асмусъ.

Digitized by Google

Онъ долженъ былъ повторить три раза сказанное, пока наконецъ Ревекка поняла, въ чемъ дѣло, и повѣрила ему.

Людвигъ посмотрѣлъ на сына такъ, какъ будто бы видѣлъ его впервые. Затѣмъ по старой привычкѣ положилъ ему на голову руку, и такъ сильно сталъ гладить ее, что у Асмуса даже волосы заболѣли, но онъ не двигался, только дрожь пробѣгала по его тѣлу. Въ этотъ моментъ отецъ и сынъ были какъ бы однимъ человѣкомъ, и взоры обоихъ были устремлены въ новую страну. Внезапно Людвигъ высоко поднялъ руки, какъ никогда еще этого не дѣлалъ, и воскликнулъ:

— Родъ Земперовъ возрождается, возрождается!

Конецъ.

Digitized by Google

День суда.

Богъ послалъ сынамъ земли—
Дѣтямъ зла, грѣха и тлѣнья—
Лучъ надежды искупленья
Въ свѣтломъ образѣ Любви...

* * *

И небесный ликъ Мечты
Люди терніемъ обвили...
И со смѣхомъ обагрили
Кровью праведной кресты...

* * *

Но свершится... И падутъ
Жизни ветхія оковы,
И наступитъ день суровый
Высшей правды—Страшный Судъ...

* * *

Вспыхнетъ пролитая кровь
Жертвъ насилья и мученья,
И возстанетъ Ангелъ Мщенья
За распятую Любовь...

Г. Галина.

Digitized by Google

Совмѣстное обученіе.

Вопросъ о совмѣстномъ обученіи мальчиковъ и дѣвочекъ— вопросъ не новый, но далеко не рѣшенный. Принято считать, что разумность и необходимость совмѣстнаго обученія были провозглашены впервые въ Америкѣ, этой классической странѣ равноправности мужчинъ и женщинъ. Но это невѣрно. Мысль о желательности совмѣстнаго обученія возникла въ началѣ XIX вѣка въ Германіи и принадлежитъ знаменитому Фихте, сознавшему его *нравственную пользу*. Въ своихъ *Рѣчахъ къ нѣмецкому народу* Фихте предложилъ коренное измѣненіе существовавшихъ тогда школьныхъ порядковъ. Онъ предложилъ воспитывать дѣтей въ особыхъ сельскихъ колоніяхъ, вдали отъ городовъ и развращающаго общества взрослыхъ людей, причемъ мальчики и дѣвочки должны были воспитываться вмѣстѣ, и вотъ на какомъ основаніи: „оба пола должны получать одинаковое воспитаніе; учреждать особыя школы для дѣвочекъ и мальчиковъ—значитъ уклоняться въ противоположную сторону отъ намѣченной цѣли и уничтожать основанія, на коихъ зиждется воспитаніе нормальнаго человѣка. Предметы преподаванія должны быть одни и и тѣ-же для обоихъ половъ, дѣлая различіе только по отношенію къ ручному труду. Общество, въ которомъ воспитывается будущій взрослый человѣкъ, должно состоять изъ представителей обоихъ половъ такъ-же, какъ общество взрослыхъ. Мужчины и женщины должны пріучаться съ дѣтскихъ лѣтъ любить другъ въ другѣ *человѣчество*, должны пріобрѣтать друзей между тѣми и другими раньше, чѣмъ ихъ будетъ привлекать различіе пола, раньше, чѣмъ они станутъ супругами“.

Теорія Фихте осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: въ европейскихъ странахъ она не нашла ни сочувствія, ни осуществленія. Въ Новомъ Свѣтѣ рѣшились примѣнить на практикѣ смѣлую идею нѣмецкаго философа. Въ 1835 году въ штатѣ Огіо былъ впервые осуществленъ въ жизни принципъ совмѣстнаго

Digitized by Google

обученія, въ колледжѣ Оберлина; это заведеніе возникло въ мѣстности мало-населенной, среди земледѣльческаго населенія; такъ какъ оно было устроено для средняго и высшаго образованія, то по недостатку денежныхъ средствъ его сдѣлали *смѣшаннымъ*, и тамъ не было интерната. Первый опытъ оказался удачнымъ. Въ 1853 году опять-таки въ штатѣ Огіо Горацій Маннъ учредилъ другое смѣшанное училище и *принципіально* высказался за совмѣстное обученіе. Училище Манна было экстернатомъ, но по обѣимъ сторонамъ главнаго зданія были расположены пансіоны, для мальчиковъ одинъ, для дѣвочекъ другой; оба находились подъ надзоромъ очень почтенной дамы, имѣвшей оффиціальное положеніе въ учебномъ вѣдомствѣ. Обученіе въ училищѣ Манна было совмѣстное во всѣхъ классахъ; на утреннихъ прогулкахъ, при трапезахъ, на празднествахъ мальчики и дѣвочки были вмѣстѣ, и этотъ порядокъ воспитанія очень благопріятно отражался на нравственномъ уровнѣ учащихся. Въ своей вступительной рѣчи при открытіи колледжа Горацій Маннъ (уже давно извѣстный своей блестящей педагогической дѣятельностью) высказался рѣшительнымъ сторонникомъ совмѣстнаго обученія; онъ находилъ необходимымъ поднять женское образованіе на одинъ уровень съ мужскимъ, не учреждая особыхъ заведеній, что ведетъ къ большимъ матеріальнымъ затратамъ; онъ указывалъ на то, что дружескія отношенія соучениковъ разнаго пола—благодарная почва, на которой современемъ пышнымъ цвѣтомъ распустятся нравственныя и нормальныя семейныя и общественныя отношенія. „Пусть въ высшихъ классахъ поднимается вопросъ о заключеніи брака; они будутъ заключены по окончаніи курса между лицами, которыя знаютъ другъ друга со школьной скамьи". „Если-же при нашихъ нравахъ найдутъ совмѣстное обученіе недопустимымъ,—замѣтилъ Маннъ,—значитъ надо принять самыя экстренныя мѣры для улучшенія нашихъ нравовъ".

Со временъ Горація Манна принципъ совмѣстнаго обученія считаютъ принципомъ американскимъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ никого, кто не соглашался-бы, что низшее и высшее образованіе должно быть одинаково для обоихъ половъ; но примѣнимость этого принципа въ школѣ средней оспаривается очень многими. Въ 1862 году федеральное правительство ассигновало доходъ съ 10 милліоновъ акровъ земли на содержаніе колледжей. Американцы сочли справедливымъ, чтобы и дѣвочки имѣли свою долю въ щедромъ національномъ подаркѣ. Въ западныхъ штатахъ было основано нѣсколько смѣшанныхъ колледжей. Учрежденіе ихъ послужило поводомъ для всесторонняго обсужденія вопроса о томъ: слѣдуетъ-ли давать одинаковое среднее образованіе мальчикамъ и дѣвочкамъ? Докторъ медицины Кларкъ издалъ книгу, въ которой, разобравъ вопросъ о вліяніи половыхъ различій при обученіи, высказался противъ

Digitized by Google

совмѣстнаго обученія; онъ говорилъ, что женщина не можетъ дать той суммы нервной затраты, на какую способенъ мужчина; а такъ какъ общественная роль женщины отличается отъ мужской, то и подготовка должна быть иная.

Книга Кларка подняла цѣлую бурю. Противъ него возстали всѣ тѣ многочисленные педагоги, которые на практикѣ давно убѣдились въ томъ, что дѣвочки могутъ учиться вмѣстѣ съ мальчиками и не чувствуютъ себя хуже тѣхъ, которыя не учатся въ смѣшанныхъ колледжахъ. Статистическія данныя, приводимыя этими педагогами, единогласно подтверждали высказанное положеніе. Правда, у американскихъ женщинъ замѣчается нѣкоторая степень вырожденія, на что указывалъ и д-ръ Кларкъ, но дѣло въ томъ, что эти признаки присущи *всѣмъ* американкамъ и находятся всецѣло въ зависимости отъ климатическихъ условій. Итакъ, съ 1862 года въ обсужденіе вопроса о совмѣстномъ обученіи былъ внесенъ новый элементъ—физіологическій; до этого времени вопросъ разсматривался исключительно съ точекъ зрѣнія нравственной и педагогической. Дебаты за и противъ совмѣстнаго обученія вспыхивали по временамъ съ особой силой: напр., въ 1877 г., 1880 и 1892 гг. сдѣланъ былъ цѣлый рядъ изслѣдованій, результатъ коихъ былъ опубликованъ министерствомъ народнаго просвѣщенія (Bureau of Education of Washington), причемъ побѣдителями оказались сторонники совмѣстнаго обученія. Громадное большинство учащаго персонала высказалось за совмѣстное обученіе, за *десексуализацію* (desexualisation) школы. Американцы находятъ, что нравственный уровень смѣшанной школы выше, общій тонъ возвышеннѣе, дисциплины больше: присутствіе двухъ-трехъ мальчиковъ въ женскомъ классѣ или 2—3 дѣвочекъ въ мужскомъ импонируетъ на десять человѣкъ другого пола; если въ классѣ учатся братья и сестры, родственное чувство въ нихъ какъ-то особенно развивается и укрѣпляется. Въ смѣшанныхъ училищахъ мальчики становятся мягче и утонченнѣе, дѣвочки—сильнѣе; мальчики перестаютъ быть драчунами, а дѣвочки—плаксами.

Разбитые на почвѣ физіологіи и статистики противники совмѣстнаго обученія указываютъ на опасность нравственную, вытекающую изъ сближенія половъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеніи, приводятъ нѣкоторые факты и требуютъ ихъ устраненій. Сторонники совмѣстнаго обученія отвѣчаютъ на это, что нѣтъ лучшаго средства для поднятія нравственнаго уровня учащихся, какъ совмѣстное обученіе; нѣкоторые недочеты ничего не доказываютъ; раздѣленіе половъ влечетъ за собой болѣе серьезную опасность: оно увеличиваетъ половое возбужденіе мальчиковъ и подготовляетъ крупныя неудобства для будущаго: романическое настроеніе дѣвушекъ и необдуманная смѣлость юношей бываютъ причиной несчастныхъ браковъ; браки будутъ счастливѣе, когда

Digitized by Google

молодые люди будутъ имѣть случай узнать, „оцѣнить другъ друга во время класснаго ученія, какъ товарищей по работѣ“.

Однимъ словомъ, практика американскихъ педагоговъ привела ихъ къ заключенію, что огромныя преимущества совмѣстнаго обученія совершенно подавляютъ недостатки этой системы.

Насколько велика симпатія американцевъ къ типу смѣшанныхъ училищъ, явствуетъ изъ того, что всѣ *частныя* учебныя заведенія, *всѣ* платныя заведенія—смѣшанныя. Число правительственныхъ учебныхъ заведеній смѣшаннаго типа съ каждымъ годомъ увеличивается. Многіе мужскіе колледжи принимаютъ дѣвочекъ; въ большинствѣ крупныхъ городскихъ центровъ существуютъ смѣшанные колледжи, изъ 50 большихъ городовъ только 10 придерживаются системы отдѣльныхъ мужскихъ и женскихъ школъ (въ томъ числѣ Бостонъ); учительскія семинаріи всѣ, безъ исключенія, смѣшаннаго типа; учебныя заведенія для негровъ и индѣйцевъ тоже. Только 6% начальныхъ школъ въ Соед. Штатахъ раздѣляются на мужскія и женскія. Интересный доводъ въ пользу возможности и необходимости совмѣстнаго обученія не только въ Америкѣ, но и во всѣхъ европейскихъ государствахъ, приводитъ извѣстный американскій педагогъ Harris. Онъ говоритъ, что образованіе и воспитаніе женщинъ зависитъ отъ условій жизни, а условія жизни отъ хода исторіи. Въ періодъ варварства мужчина-воинъ защищалъ женщину и семью, и вся домашняя и общественная жизнь создавалась женщинами; въ періодъ промышленный мужчины работали внѣ дома, женщины у домашняго очага; въ нашъ вѣкъ, вѣкъ машинъ, когда вся работа сводится къ управленію ими, мужчина и женщина одинаково могутъ взяться за это дѣло, обоимъ поламъ необходимо одинаковое воспитаніе и обученіе,—совмѣстное обученіе вытекаетъ логически изъ новыхъ условій жизни.

Ближе другихъ странъ по количеству смѣшанныхъ учебныхъ заведеній стоитъ по отношенію къ Америкѣ Англія. Смѣшанныхъ начальныхъ школъ насчитывается въ Англіи 65%, въ Шотландіи 97%, 51% въ Ирландіи. Средняя школа придерживается въ большинствѣ случаевъ стараго типа отдѣльныхъ школъ; но правительственная власть требуетъ, чтобы и средняя школа переходила мало-по-малу къ типу смѣшанному. Что касается университетовъ, то всѣ они открыты для женщинъ съ 1868 года; университеты Шотландіи съ 1889 года. Совмѣстное обученіе въ Великобританіи имѣетъ подъ собой прочную почву, развивается и укрѣпляется изъ года въ годъ.

Въ Германіи совмѣстное обученіе мы видимъ въ начальной школѣ и въ университетахъ. Университеты открыты для женщинъ; $^2/_3$ сельскихъ начальныхъ школъ, $^1/_3$ городскихъ принадлежатъ къ смѣшанному типу. Такое-же явленіе мы наблюдаемъ въ Австро-Венгеріи и Греціи. Американскій университетъ от-

Digitized by Google

крыть для женщинъ съ 1890 г. Въ Швейцаріи $^1/_{10}$ университетскихъ слушателей составляютъ женщины, преимущественно иностранки. Начальныя школы большею частью смѣшанныя, особенно въ нѣмецкихъ кантонахъ, во французскихъ-же, которыя во всемъ подражаютъ Франціи, начальныя школы отдѣльныя для мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ южныхъ странахъ Европы совмѣстнаго обученія не существуетъ, за исключеніемъ Италіи. Въ Миланѣ, Туринѣ, Флоренціи и друг. городахъ мальчики и дѣвочки учатся въ отдѣльныхъ классахъ, посѣщая начальную школу. По выходѣ изъ нея мальчики поступаютъ въ гимназіи; для дѣвочекъ нѣтъ средней школы; желающія продолжать свое образованіе допускаются въ мужскія учебныя заведенія; во всѣхъ классахъ этихъ заведеній можно видѣть дѣвочекъ; онѣ занимаютъ мѣста на переднихъ партахъ, онѣ первыми входятъ въ классъ и выходятъ изъ него; присутствіе дѣвочекъ въ стѣнахъ мужского учебн. заведенія никакого безпорядка не возбуждаетъ. Во Франціи вопросъ о совмѣстномъ обученіи былъ поднятъ впервые на женскомъ международномъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1889 году, но особенной симпатіи къ себѣ не возбудилъ. Число противниковъ совмѣстнаго обученія во Франціи очень велико. Правда, изъ 81900 начальныхъ школъ 20032 принадлежатъ къ смѣшанному типу; но это явленіе объясняется финансовыми соображеніями, а не принципіальнымъ сочувствіемъ: по закону община, имѣющая менѣе 500 душъ населенія, имѣетъ право открыть смѣшанную школу. Въ 1900 году на женскомъ конгрессѣ въ Парижѣ вопросъ о совмѣстномъ обученіи обсуждался всесторонне, и, за исключеніемъ г-жи Маріонъ, директрисы Нормальной школы, члены конгресса постановили: признать желательнымъ совмѣстное обученіе на всѣхъ ступеняхъ обученія (въ экстернатахъ), а также, чтобы преподаваніе въ первыхъ четырехъ классахъ средне-учебныхъ заведеній находилось въ рукахъ женщинъ.

Въ широкихъ размѣрахъ были произведены опыты насажденія совмѣстнаго обученія въ Швеціи, Норвегіи и Финляндіи. Финляндія заслуживаетъ особаго вниманія: въ Европѣ она сыграла роль Америки. Вопросъ о совмѣстномъ обученіи былъ поднятъ въ Финляндіи въ 1888 году, инициатива принадлежала частнымъ учебнымъ заведеніямъ. Первые шаги ихъ были встрѣчены неодобрительно, противодѣйствіемъ правительства и общества. Но сторонники совмѣстнаго обученія не смутились, продолжали свое дѣло. Черезъ 15 лѣтъ взглядъ на смѣшанныя школы измѣнился коренным образомъ: въ странѣ появилось 30 смѣшанныхъ коллежей съ 2890 ученик. (на 2.400.000 населенія); число ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ 1897 на межд. женск. конгрессѣ въ Стокгольмѣ г-жа Гельганъ, директриса гимназіи для мальчиковъ и дѣвочекъ въ Финляндіи, сдѣлала докладъ о преимуществахъ совмѣстнаго обученія. Она указала на то, что

Digitized by Google

при хорошихъ гигіеническихъ условіяхъ, при извѣстныхъ предосторожностяхъ, здоровье дѣвушекъ, посѣщающихъ среднюю смѣшанную школу, крѣпче, нежели у дѣвушекъ, учащихся въ спеціально женскомъ учебномъ заведеніи или не посѣщающихъ гимназіи. По умственнымъ способностямъ дѣвочки не уступаютъ мальчикамъ; почти всегда отмѣтки дѣвочекъ выше отмѣтокъ мальчиковъ. Говорятъ, что дѣвочки преуспѣваютъ благодаря своему прилежанію. Пусть такъ! Бюффонъ сказалъ: *геній есть терпѣніе*.

На высшихъ ступеняхъ обученія одинаковые успѣхи замѣчаются у дѣвушекъ и юношей по математикѣ; малоспособныхъ къ этой наукѣ оказывается одинаковый процентъ мальчиковъ и дѣвочекъ; что касается языковъ, то въ этой области преуспѣваютъ дѣвочки: онѣ очень быстро и успѣшно усваиваютъ произношеніе. Учащіе финляндскихъ школъ съ чувствомъ глубокой и искренней гордости сознаютъ, что, преподавая въ смѣшанныхъ школахъ, они прилагаютъ руки къ созданію высшаго, совершеннаго типа обученія и воспитанія. Многолѣтняя практика американскихъ и финляндскихъ педагоговъ доказываетъ, что здоровье женщинъ не страдаетъ отъ того, что онѣ занимаются наукой наравнѣ съ представителями сильнаго пола, что умственныя способности женщинъ нисколько не уступаютъ мужскимъ, и что одинъ и тотъ-же учебный курсъ дѣвочки въ общемъ проходятъ успѣшнѣе мальчиковъ. Признавая эти положенія доказанными, противники совмѣстнаго обученія выдвигаютъ главнымъ аргументомъ противъ смѣшанныхъ школъ вопросъ о нравственности: при совмѣстномъ обученіи,—говорятъ они,—не можетъ не пострадать нравственность, разъ дано широкое поле для ухаживанія, для флирта. Эта ссылка на нарушеніе правилъ нравственности, по мнѣнію американскихъ и финляндскихъ педагоговъ, не выдерживаетъ критики; они совершенно серьезно, искренно и рѣшительно утверждаютъ, что совмѣстное пребываніе въ классахъ *улучшаетъ* нравственность; флирта не существуетъ въ смѣшанныхъ учебныхъ заведеніяхъ: юноши обоего пола встрѣчаются здѣсь по-товарищески, цѣнятъ другъ друга съ точки зрѣнія ученія и характеровъ, иногда соперничаютъ по части ученія; привыкаютъ другъ къ другу, что въ корень уничтожаетъ романичность отношеній и сентиментальныя бредни. Это обѣщаетъ больше счастья въ будущемъ: любовныя горести и недоразумѣнія основаны на взаимномъ непониманіи, отдаленности, незнаніи, и широко процвѣтаютъ тамъ, гдѣ мужчины и женщины съ дѣтства раздѣлены на два, чуть-ли не враждебныхъ, лагеря. Семейное счастье не зависитъ отъ силы и яркости вспыхнувшей страсти, его нельзя построить на *воображаемыхъ* качествахъ. Нормально воспитанныя дѣти будутъ менѣе несчастны.

Съ дѣтства видя женщину рядомъ съ собой на школьной скамьѣ, часто уступая ей въ успѣхахъ по ученію, мужчины пере-

Digitized by Google

станутъ чувствовать удивленіе, неудовольствіе, если женщины будутъ занимать болѣе или менѣе высокія должности, на которыя онѣ имѣютъ право по своимъ способностямъ; мужчины научатся оказывать вниманіе и уваженіе женскимъ чувствамъ и мыслямъ.

Образованныя развитыя женщины перестанутъ быть опорой легковѣрія, суевѣрія и косности въ человѣческомъ обществѣ, національное богатство заключается главнымъ образомъ въ развитіи умственныхъ, духовныхъ силъ страны, національное богатство— въ солидарности, въ братствѣ народа. Прочное основаніе этому богатству положитъ совмѣстное обученіе.

Подводя итоги вышеизложенному, мы должны признать, что полная побѣда совмѣстнаго обученія, его широкое распространеніе по лицу земли только вопросъ времени. Совмѣстное обученіе начинается въ семьѣ, гдѣ учатся и воспитываются одинаково мальчики и дѣвочки. Здѣсь и рѣчи не можетъ быть о раздѣленіи половъ. Въ начальной школѣ во всѣхъ европейскихъ странахъ курсъ ученія одинаковый для мальчиковъ и дѣвочекъ; о флиртѣ въ начальной школѣ не можетъ быть и рѣчи; смѣшанныя школы дешевле и удобнѣе устраивать. Принципіальные противники *совмѣстнаго обученія въ начальной школѣ* едва-ли существуютъ.

На университетской ступени обученія вопросъ о совмѣстномъ ученіи мужчинъ и женщинъ вопросъ рѣшенный; нелѣпымъ и смѣшнымъ покажется тотъ, кто будетъ требовать учрежденія особыхъ университетовъ для женщинъ. Остановка за средней школой. Главная причина, почему въ средней школѣ совмѣстное обученіе имѣетъ такъ много противниковъ, заключается въ томъ, что средняя школа имѣетъ интернаты, которыхъ нѣтъ ни въ начальной школѣ, ни въ университетахъ. Когда европейцы додумаются, подобно американцамъ, что интернаты для мальчиковъ и дѣвочекъ можно устроить отдѣльно, а ученіе вести въ классахъ совмѣстно, всѣ страхи передъ совмѣстнымъ обученіемъ въ средней школѣ исчезнутъ, и его признаютъ разумнымъ, удобнымъ, удешевленнымъ и прогрессивнымъ типомъ обученія.

Если совмѣстное обученіе получитъ широкое распространеніе, женщинѣ будетъ доступъ, какъ преподавательницѣ и воспитательницѣ, въ мужскія учебныя заведенія. Значеніе женщины въ воспитаніи мальчиковъ нельзя не признать очень важнымъ и цѣннымъ. Въ Америкѣ многолѣтній опытъ доказалъ, что женщины въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ отлично справляются какъ съ учебной, такъ и съ воспитательной задачей.

Слѣдуя примѣру Америки, Англіи, Финляндіи, Швеціи и Норвегіи, отсталая Франція произвела опытъ допущенія женщинъ преподавательницами въ мужскомъ средне-учебномъ заведеніи. Въ девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія женщины были

Digitized by Google

допущены преподавать въ низшихъ четырехъ классахъ Ecole Monge; посѣтившіе эту гимназію министры народнаго просвѣщенія Jules Ferry и Leon Bourgeois съ большой похвалой отозвались объ этомъ нововведеніи; женщины-преподавательницы сохранились тамъ и послѣ того, какъ это заведеніе изъ частнаго стало правительственнымъ. На международномъ женскомъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1900 году пасторъ Вагнеръ произнесъ обширную и убѣдительную рѣчь, въ которой краснорѣчиво говорилъ о возможности и желательности оставлять въ рукахъ женщинъ обученіе и воспитаніе мальчиковъ лѣтъ до 15—16. Онъ указывалъ на то, что всѣ пороки, всѣ дурныя черты французскаго общества коренятся въ томъ, что мужская молодежь Франціи слишкомъ удалена отъ женской; товарищескія отношенія между юношами и дѣвушками здѣсь непонятны и невозможны; а между тѣмъ сближеніе половъ на почвѣ взаимнаго пониманія, товарищества принесло-бы неисчислимыя выгоды дѣлу поднятія нравственнаго уровня молодой Франціи. Кромѣ пастора Вагнера, на благотворное вліяніе женщинъ въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ указывали многіе докладчики. Особенно подчеркивали громадное незамѣнимое значеніе женскаго вліянія въ исправительныхъ заведеніяхъ для мальчиковъ. Результатомъ этихъ указаній было то, что общее собраніе конгресса вотировало желательность допущенія женщинъ въ качествѣ преподавательницъ и воспитательницъ въ первыхъ четырехъ классахъ мужскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, а также въ исправительныхъ заведеніяхъ для дѣтей и подростковъ мужскаго пола.

Скажемъ въ заключеніе, что введеніе совмѣстнаго обученія въ низшей, средней и высшей школѣ легко и просто приведетъ къ равноправности мужчинъ и женщинъ, о которой пока, какъ о чемъ-то отдаленномъ и мало-сбыточномъ, мечтаютъ всѣ истинные друзья прогресса и гуманности.

Е. Чобышева-Дмитріева.

Digitized by Google

Шарль Фурье и кооперація *).

Кооперативное движеніе, выросшее изъ народа и опирающееся на солидарность и преимущественно практическое сотрудничество многихъ индивидуумовъ, не пріурочивается такъ непосредственно къ великимъ и блестящимъ именамъ, какъ политическое и научное движеніе. Скромная кооперативная дѣятельность остается въ тѣни особенно по сравненію съ бросающеюся въ глаза и привлекающею многихъ политическою дѣятельностью. Постоянно занимаясь матеріальными интересами нижнихъ слоевъ населенія, кооперативное движеніе крѣпнетъ, такъ сказать, изнутри, возникаетъ на фундаментѣ отдѣльныхъ невидныхъ экспериментовъ и вновь вырабатываемаго опыта. Тѣмъ не менѣе, и оно не можетъ обходиться безъ научныхъ указаній, и если успѣхи этого движенія, наблюдаемые особенно въ послѣднее время, лишь въ незначительной степени являются результатомъ теоретически-спекулятивныхъ усилій, то въ началѣ ему плодотворно содѣйствовали геніальные люди, извѣстные, какъ теоретическіе, по преимуществу, мыслители.

Въ Англіи кооперативная идея, какъ извѣстно, обязана своимъ возникновеніемъ геніальному Роберту Оуэну, самоотверженная работа котораго для поднятія матеріальнаго и моральнаго уровня народныхъ массъ нашла почти всеобщее признаніе еще при его жизни. Напротивъ, французъ Шарль Фурье, по разнымъ причинамъ, не нашелъ до сихъ поръ должнаго признанія среди широкихъ слоевъ населенія. Между тѣмъ, онъ особенно заслуживаетъ изученія, вслѣдствіе рѣзкой и блестящей критики условій и учрежденій окружавшей его среды, въ особенности коммерческой жизни и ея темныхъ сторонъ, вслѣдствіе пророческаго предвидѣнія переворотовъ въ капиталистическомъ строѣ и конечныхъ цѣлей человѣчества.

*) При составленіи этой статьи, мы, кромѣ сочиненій Фурье, пользовались главнымъ образомъ Jarbuch-омъ des Verbands schweiz. Konsumvereine für 1905.

Digitized by Google

Съ Фурье случилось то, что обыкновенно бываетъ съ геніями: чѣмъ выше ихъ мышленіе и предвидѣнія, тѣмъ менѣе они понятны современникамъ. Дѣятельность Роберта Оуэна была гораздо плодотворнѣе и популярнѣе потому, что имѣла мѣсто въ странѣ, гдѣ развитіе капитализма гораздо ранѣе расчистило путь для реформъ въ большемъ масштабѣ, чѣмъ во Франціи. Притомъ Оуэнъ былъ прежде всего практикомъ, владѣвшимъ большимъ капиталомъ для экспериментовъ. Только послѣ практическихъ опытовъ въ Нью-Ланаркѣ, произведенныхъ не только съ осторожностью, но и съ юношескою энергіею, онъ выступилъ передъ публикой въ качествѣ теоретика. Такъ, на основаніи развитыхъ техническо-экономическихъ условій и пользуясь вдобавокъ богатствомъ, онъ пріобрѣлъ славу, которая распространилась за границами Великобританіи и не увяла впослѣдствіи, несмотря на презрѣніе чванной англійской аристократіи.

Сравнительно съ жизнью и успѣхами Оуэна жизнь Фурье была скромна и отчасти покрыта даже мракомъ. Между тѣмъ, онъ стремился къ той же цѣли, что и Оуэнъ, его намѣренія были проникнуты тѣмъ же великодушіемъ и стремленіемъ къ справедливости. По мнѣнію обоихъ, мѣсто экономическаго хаоса должна занять гармонія, борьбу всѣхъ противъ всѣхъ должно замѣнить солидарное взаимодѣйствіе движущихъ силъ соціальной и культурной жизни. Однако, для всего этого во Франціи начала 19-го столѣтія путь проложенъ не былъ. Отважный реформаторъ родился очень рано. Въ экономическихъ и политическихъ условіяхъ своей родины онъ нашелъ черезчуръ мало точекъ опоръ для своихъ теоретическихъ взглядовъ, а неблагопріятное матеріальное положеніе, въ которомъ онъ находился, въ то же время лишало его возможности попытаться осуществить свои проекты и при помощи практики сдѣлать пересмотръ своихъ научныхъ представленій. Къ этому нужно прибавить еще то, что въ экономической области научное изслѣдованіе добилось тогда мало положительныхъ результатовъ. Политическая экономія, развитіе которой, какъ науки, подвинулось впередъ послѣ разложенія феодальнаго строя, только въ лицѣ Адама Смита имѣла выдающагося представителя, авторитетное ученіе котораго въ общемъ являлось апологіей новаго промышленнаго и торговаго вѣка безъ указанія на темныя стороны капиталистическаго развитія. Фурье, чтобы избѣжать рѣзкой полемики съ этимъ первымъ провозгласителемъ теоріи laisser faire, а также съ его французскимъ единомышленникомъ Жанъ-Баптистъ Сэемъ, черпалъ свои аргументы не только изъ экономики, но бралъ также данныя и гипотезы естественныхъ наукъ, которыми подкрѣплялъ свои воззрѣнія.

Фурье родился въ 1772 году въ Безансонѣ, гдѣ его отецъ торговалъ сукномъ. Родители его хотѣли, чтобы онъ занялся торговлей, къ которой—по его собственному признанію—онъ не

Digitized by Google

имѣлъ никакой склонности. Учителя давали о немъ неблагопріятные отзывы. Онъ былъ очень неловокъ и непрактиченъ, какъ большинство великихъ людей, сильный и оригинальный духъ которыхъ съ юношества не подчиняется тискамъ педантичныхъ учебныхъ правилъ. Неопытность въ практическихъ дѣлахъ, отсутствіе умѣнья приспособляться и въ позднѣйшій періодъ его жизни были причиной матеріальныхъ неудачъ, несчастій и разочарованій. Хотя отецъ оставилъ ему состояніе въ 80,000 франковъ, но онъ потерялъ большую часть его вслѣдствіе военныхъ событій того времени, въ особенности вслѣдствіе осады Ліона,—гдѣ онъ въ 1793 году открылъ колоніальный магазинъ,—войсками Конвента. Лишенный своей матеріальной независимости незаслуженнымъ несчастіемъ, онъ былъ принужденъ добывать себѣ пропитаніе на службѣ у чужихъ, занимаясь конторскими работами. И этотъ періодъ испытанія длился долго. Еще въ 1827 году, т. е. за 10 лѣтъ до своей смерти, онъ былъ корреспондентомъ одного американскаго торговаго дома въ Парижѣ. За это время ему однажды было улыбнулось счастье вдругъ сдѣлаться знаменитостью и выступить на другомъ поприщѣ. Въ 1808 году онъ опубликовалъ въ ліонской газетѣ „Bulletin de Lyon“ статью относительно объединенія европейскихъ государствъ для установленія вѣчнаго мира, которая привлекла вниманіе Наполеона I и повела къ слѣдствію противъ автора, но по просьбѣ издателя дѣло было замято.

Лишившись вниманія постороннихъ, Фурье съ обновленной энергіей взялся за изученіе тѣхъ наукъ, къ которымъ его влекло еще въ началѣ коммерческой карьеры: астрономіи, физики и исторіи. Онъ сидѣлъ по вечерамъ и ночамъ и читалъ Платона, Сократа, Ньютона, Лейбница, Руссо, С-Пьера и др. Это были годы, когда Фурье отбросилъ старое міровоззрѣніе и началъ плодотворную творческую дѣятельность. Въ 1799 году въ общемъ оформились его натуръ-философскія мысли, лежащія въ основаніи его трудовъ. Въ то же время подъ вліяніемъ профессіи сложился его критическій взглядъ на торговлю. По его собственному сообщенію въ книгѣ „Théorie des Quatres Mouvements“, ему, какъ приказчику, въ 1799 году въ Марселѣ пришлось выбросить въ море 20,000 центнеровъ риса, который торговецъ для поднятія цѣнъ долго хранилъ и потому испортилъ. Этотъ и другіе случаи раскрыли ему нехозяйственность торговой организаціи и проистекающій изъ послѣдней ущербъ для общества. Онъ видѣлъ, что предметы ежедневнаго потребленія народа, масса продуктовъ человѣческаго труда, служатъ объектомъ торговой спекуляціи; онъ видѣлъ, какъ производство товаровъ, весь процессъ производства стѣснялся путемъ повышенія цѣнъ въ торговлѣ сырьемъ. Далѣе онъ позналъ нерентабельность домашняго и сельскаго хозяйствъ, какъ слѣдствія индиви-

Digitized by Google

дуальнаго производства, размноженія владѣній и раздробленія силъ. И эта неправильность организаціи коммерческой и промышленной дѣятельности представлялась ему въ связи съ другими явленіями культурной жизни, переносилась имъ на политическое, духовное и физическое человѣчество. Индивидуумъ лишенъ свободы, его матеріальное существованіе почти всецѣло зависитъ отъ непланомѣрныхъ операцій торговаго капитала; его чувства и наклонности подавлены средой, въ которой случай или произволъ общественныхъ событій указалъ ему мѣсто. Политическимъ учрежденіямъ не доставало постоянности, народамъ— матеріальнаго благоденствія, между тѣмъ какъ была возможность освободить ихъ отъ всевозможнаго гнета; человѣчеству недоставало счастья, идеальнаго развитія въ единствѣ и гармоніи интересовъ.

Куда онъ ни смотрѣлъ, всюду видѣлъ противорѣчія, антагонизмъ и абсурдъ. И этого міра, полнаго недостатковъ и диссонансовъ, никто до него не освѣтилъ такъ ярко. Напрасно онъ обратился къ философіи. Энциклопедисты, просвѣтители 18-го столѣтія, остроумно рѣшали всевозможные вопросы. Они отдали пальму первенства разуму и подняли умственныя требованія своего времени. Однако, реформу общества они ставили въ зависимость отъ измѣненія самихъ индивидуумовъ, отъ перемѣны ихъ природы и признали за ними большое количество обязанностей и правъ. Права же общества по отношенію къ индивидуумамъ не нашли въ ихъ тонкой аргументаціи никакого подкрѣпленія, и они не могли предугадать первостепеннаго значенія торговыхъ и промышленныхъ учрежденій для соціальнаго благоденствія всѣхъ. Съ другой стороны, моралисты еще менѣе посодѣйствовали уясненію противорѣчивыхъ явленій общественной жизни. Въ скромности и довольствѣ, въ ненависти къ богатству, въ подавленіи страстей они видѣли спасеніе отъ порчи, отъ гибели всего существующаго. Но исторія вдвойнѣ наказала ихъ: всѣ ихъ старанія подавить страсти, создать довольство и презрѣніе къ матеріальнымъ благамъ не помѣшали тому, что великая революція вскорѣ же разрушила существующій порядокъ. Подавленіе страстей привело къ потрясшему все взрыву, который хотѣли предупредить. А богатство, съ которымъ не считались моралисты, возросло въ формѣ торговаго капитала, передъ которымъ преклонялись даже князья и правительства.

Такимъ образомъ философія и мораль, по мнѣнію Фурье, оказались окончательно несостоятельными, и онъ не отказываетъ себѣ въ удовольствіи констатировать ихъ полное фіаско во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій. Когда много позже Марксъ оцѣнивая философію Фейербаха, заявилъ, что философы только различно интерпретировали міръ, между тѣмъ какъ нужно его измѣнить, то онъ этимъ самымъ формулировалъ мысль, которая

Digitized by Google

въ различныхъ варіаціяхъ высказывается Фурье во всѣхъ главахъ его геніальнаго произведенія. Но мѣсто философовъ и моралистовъ заняли экономисты и пытались овладѣть руководствомъ общественнымъ мнѣніемъ. Ихъ теоріи были также несостоятельны и вдобавокъ въ нѣкоторомъ смыслѣ опаснѣе, чѣмъ прежнія. Политическая экономія съ ея восхваленіемъ торговли и свободной конкурренціи казалась Фурье только превращеніемъ аскетической и филистерской морали въ ея противоположность: въ разнузданность страсти любостяжанія и въ безцеремонную жадность къ пріобрѣтенію. Съ этой точки зрѣнія представители политической экономіи не только не выработали полезнаго научнаго познанія, но даже внесли новый пагубный принципъ въ противорѣчивый міръ коммерческихъ и промышленныхъ отношеній.

II.

Въ 1808 году появился трудъ Фурье. Этотъ трудъ долженъ былъ служить введеніемъ къ соціальной системѣ Фурье и быть „проспектомъ" послѣдующихъ томовъ его сочиненій. На самомъ же дѣлѣ онъ составлялъ резюме ученія Фурье, которое не подверглось радикальнымъ измѣненіямъ въ другихъ трудахъ: „Traité de l'Association Domestique Agricole" и „Le Nouveau Monde Industriel". Въ первомъ своемъ трудѣ авторъ не обратилъ никакого вниманія на систематическое расположеніе матеріала и вообще на внѣшнюю форму выраженія мыслей, его занимало только содержаніе, объектъ изслѣдованія. Каково же это содержаніе? Названіе сочиненія уже намекаетъ на него. Въ четырехъ движеніяхъ совершился, по мнѣнію Фурье, процессъ жизни. Первыми изъ этихъ движеній являются тѣ, которыя лежатъ въ основаніи измѣненій космоса, т. е. управляющее планетами притяженіе тѣлъ, открытое Ньютономъ. На ряду съ этимъ „матеріальнымъ" движеніемъ Фурье называетъ три другихъ движенія, которыя только въ координаціи съ первымъ объясняютъ жизнь мірозданія: органическое, животное и соціальное движенія. Открытіе трехъ послѣднихъ движеній Фурье приписывалъ себѣ. Въ человѣчествѣ, училъ онъ, господствуютъ страсти, которыя являются только особой формой проявленія вездѣсущей силы притяженія. Соціальное движеніе—нечто иное, какъ отрасль матеріальнаго движенія космоса. Поэтому для познанія и обоснованія его нужно примѣнить точный методъ изслѣдованія, посредствомъ котораго рѣшилась бы загадка космическаго движенія. Сообразно съ этимъ Фурье хочетъ поднять соціальную науку въ рангъ точной науки, вывести принципы соціальнаго порядка изъ принциповъ космическаго порядка.

Базируя на этомъ основномъ міровоззрѣніи, Фурье строитъ систему, которая на ряду съ поразительно тонкими и удачными

Digitized by Google

наблюденіями содержитъ въ себѣ наивныя и субъективно-фантастическія утвержденія. Человѣчество 70,000 лѣтъ проживетъ въ счастьи, послѣ того, какъ ему 5,000 лѣтъ придется выносить ярмо рабства и нужды. Исторія человѣчества имѣетъ 7 главныхъ періодовъ, изъ которыхъ пятый, цивилизацію, мы переживаемъ теперь. Этотъ послѣдній періодъ, равно какъ и всѣ предыдущіе періоды со всѣми ихъ промежуточными ступенями и общественными образованіями — результатъ частичныхъ божественныхъ творчествъ. Раздѣляя библейскія традиціи, Фурье опредѣляетъ продолжительность (до него) существованія міра въ 6—7000 лѣтъ, относительно же кончины міра его идеи согласовались съ эволюціонной теоріей Канта и Лапласа. Предыдущій ошибочный взглядъ былъ болѣе ошибкой его современниковъ, которые имѣли очень странное понятіе о доисторическомъ мірѣ. Болѣе строго слѣдуетъ относиться къ сужденіямъ Фурье относительно историческихъ фазъ соціальнаго развитія. Важнѣйшіе успѣхи общественнаго цѣлаго, поскольку въ нихъ участвовало человѣческое усмотрѣніе, онъ приписывалъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ: Ньютонъ открылъ законъ матеріальнаго притяженія, какъ Христофоръ Колумбъ открылъ Америку, а одинъ умный кузнецъ „изобрѣлъ" въ среднихъ вѣкахъ стремя. Изъ этого онъ дѣлалъ заключенія, что и новообразованіе соціальнаго порядка будетъ результатомъ открытія, величайшаго изъ всѣхъ открытій, ибо оно заключается въ познаніи универсальности законовъ притяженія, универсальности, дающей ключъ къ познанію всѣхъ соціальныхъ явленій. Если это открытіе удалось ему, Фурье, то только благодаря ограниченности и помѣшательству моралистовъ и философовъ, изучавшихъ механизмъ идей и запутавшихся въ мельчайшихъ деталяхъ идеологіи вмѣсто того, чтобы понять сущность соціальнаго организма. Это открытіе могло быть сдѣлано даже въ древней Греціи, если бы мнѣнія о дѣйствительной задачѣ соціальнаго изслѣдованія не были запутаны софистами.

По плану Фурье, наши общественныя учрежденія и отношенія нужно устроить такъ, чтобы между ними и между естественными законами притяженія не было больше конфликтовъ. Природа вложила въ насъ нѣкоторое количество потребностей или страстей, подавленіе которыхъ было альфой и омегой мудрости моралистовъ. Истинная задача новатора должна заключаться въ томъ, чтобы *приспособить соціальную организацію къ свободной игрѣ этихъ потребностей*. Потребности—неизмѣнны, естественны и потому законны, соціальная же организація есть непостоянное и полное погрѣшностей произведеніе нашего заблуждающагося разума. Приспособленіе общественной организаціи къ свободному функціонированію потребностей не можетъ совершиться ни путемъ политическо-административныхъ мѣропріятій, ни путемъ распространенія нравственно-философскихъ понятій. Оно тре-

Digitized by Google

буетъ измѣненій въ *хозяйственной* и *коммерческой* структурѣ общества, измѣненія въ способѣ *производства* и *циркуляціи* благъ.

Съ момента, когда Фурье съ приведенными подъ конецъ заключеніями выступаетъ изъ области неопредѣленныхъ историческихъ гипотезъ на почву современности, особенно выдѣляется его выдающееся дарованіе, носящее критическій и аналитическій характеръ. Онъ очень легко доказываетъ, что огромное большинство его современниковъ страдаетъ отъ учрежденій и экономическихъ условій, среди которыхъ живетъ.

Счастье общественнаго человѣка заключается во владѣніи, дающемъ ему возможность удовлетворять свои потребности. Огромное большинство народа, какъ неимущее, не можетъ удовлетворять даже требованій своихъ пяти чувствъ. „Здоровый желудокъ и хорошій аппетитъ — замѣчаетъ онъ—не выручаютъ, если нѣтъ денегъ, чтобы заплатить за обѣдъ. Кто не имѣетъ су, тотъ осужденъ на голодную смерть, косвенное умерщвленію чувствъ. Слѣдовательно, послѣднія не могутъ прямо развиваться безъ посреднической роли денегъ, которымъ въ цивилизаціи все подчинено. Съ другими четырьмя чувствами — продолжаетъ онъ—обстоитъ такъ же, какъ и со вкусомъ; каждое изъ нихъ ограничено въ своемъ развитіи. Тщетно стремленіе развить слухъ; если у васъ нѣтъ денегъ, то вамъ прекращаютъ доступъ въ оперу или въ концертный залъ, которые посѣщаются часто людьми, имѣющими плохой слухъ, но хорошія деньги“ [1]).

Обстоятельно и мѣтко критикуетъ авторъ меркантильный характеръ брака, пагубную роль денегъ въ вопросахъ любви, экономическое и половое рабство женщинъ [2]). Онъ характеризуетъ это зло въ его связи съ соціальной организаціей. Бракъ въ лучшемъ случаѣ бываетъ объединеніемъ интересовъ супруговъ, союзомъ противъ общественныхъ безобразій. Незначительная степень развитія тогдашней индустріи дѣлаетъ понятнымъ, почему ассоціаціонные планы Фурье касаются главнымъ образомъ сельскаго хозяйства, соціальная организація котораго должна быть дополнена групповымъ хозяйствомъ. Однако Фурье вовсе не является одностороннимъ представителемъ интересовъ крестьянства. Его ассоціація, распространяющаяся на всѣ страны и континенты и имѣющая мѣстные центры въ формѣ общинныхъ конторъ, а затѣмъ „фаланги“, регулирующе дѣйствуетъ на самыя мелкія операціи торговли и промышленности. Фурье примѣняетъ свой принципъ ассоціаціи первымъ долгомъ къ сельскому хозяйству потому, что оно являлось господствующимъ занятіемъ. Приводя

---

[1]) Théorie des Quatres Mouvements, XII глава, стр. 113-ая.

[2]) Онъ также указываетъ на пагубную роль денегъ въ политикѣ: кто не имѣетъ средствъ, тотъ не можетъ сдѣлаться народнымъ представителемъ.

Digitized by Google

же въ параллель старый индивидуалистическій и представляющійся ему новый кооперативный методъ работы, онъ открываетъ для кооперацін прямо-таки блестящія перспективы хозяйственнаго и общественнаго благоденствія.

Весьма обстоятельно и детально выясняетъ онъ непосредственныя выгоды кооперативнаго объединненія для крестьянъ одной деревни, кое-какъ живущихъ сбытомъ своихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. „Просто изумишься — заявляетъ онъ, если высчитаешь огромныя преимущества, которыя проистекутъ отъ объединенія 300 крестьянскихъ хозяйствъ... Триста амбаровъ, которыми пользуются 300 семействъ деревни, могли бы быть замѣнены однимъ огромнымъ амбаромъ, который отвѣчалъ бы всѣмъ санитарнымъ требованіямъ и въ которомъ были бы отдѣленія для различныхъ продуктовъ. Въ такомъ амбарѣ можно бы объединить всѣ преимущества центральнаго освѣщенія, вентиляціи, отопленія, выставки и пр., о чемъ не можетъ и мечтать каждый крестьянинъ въ отдѣльности. Часто даже весь дворъ послѣдняго бываетъ, вслѣдствіе своего положенія, непригоденъ для сохраненія продуктовъ. Въ противоположность этому кооперація (фаланга) сооружаетъ удобныя, какъ по общему своему устройству, такъ и по частностямъ (погребъ, амбаръ и т. д.), зданія. Стоимость сооруженія такого огромнаго зданія съ его стѣнами, балками, дверьми, крышею, далѣе страхованіе отъ пожара, насѣкомыхъ и т. д. едва достигнетъ одной десятой того, что стоятъ 300 деревенскихъ амбаровъ, ограничивающихся однимъ этажемъ, между тѣмъ какъ подъ одной крышей можно бы устроить три этажа. Кооперативный амбаръ имѣлъ бы только десять дверей тамъ, гдѣ наши крестьяне употребляютъ 300 дверей; и такъ было бы всемъ“...

„Общее управленіе даетъ массу экономіи въ мѣрахъ, которыя мы считаемъ производительными. Такъ, 300 семействъ деревни посылаютъ въ теченіе года свои продукты на рынки и базары не одинъ разъ, а 20 разъ. Крестьянинъ любитъ тратить время на базарахъ и въ кабакахъ. Если ему приходится даже сбыть одну мѣру бобовъ, то онъ проводитъ цѣлый день въ городѣ, а это для 300 семействъ означаетъ потерю въ среднемъ 600 рабочихъ дней, не считая стоимости перевозки, которая въ 20 разъ превосходитъ кооперативную... Когда деревня находится недалеко отъ города, то нерѣдко можно наблюдать, какъ 300 семействъ выдѣляютъ 100 молочницъ съ сотнею посудъ, которыя для продажи молока въ городѣ теряютъ утренніе часы ста дней. Ясно, что ихъ можно замѣнить одной женщиной и телѣгой, запряженной осломъ. Получилось бы двойное сбереженіе, если бы этой женщинѣ пришлось сбывать молоко въ двухъ или трехъ большихъ помѣщеніяхъ (въ групповыхъ хозяйствахъ, которыя бу-

Digitized by Google

дутъ представлять кооперативный режимъ городовъ), двойное сбереженіе размѣромъ до 90% времени и людей".

Фурье, приводя цѣлый рядъ хозяйственныхъ функцій, которыя будутъ чрезвычайно упрощены въ кооперативномъ производствѣ, не теряетъ изъ виду также преимуществъ, которыя пойдутъ на пользу потребителей, вслѣдствіе разумно организованнаго сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Одновременно съ устраненіемъ усложненій въ сбытѣ, прекращеніемъ посылки на рынокъ 300 лицъ, заключеніемъ 300 сдѣлокъ устраняются и всѣ другія осложненія. Если одинъ кантонъ продаетъ тремъ другимъ кантонамъ 3000 центнеровъ зерна, то заботиться о молотьбѣ и сохраненіи приходится не 900 хозяйствамъ, а только тремъ. Послѣ того какъ при продажѣ съэкономлено 99% распредѣлительной работы, экономія въ издержкахъ управленія и употребленія повторяется и для потребителей... По этому поводу замѣтимъ, что кооперативныя сбереженія почти всегда бываютъ двоякаго рода, такъ какъ они, подобно только что приведеннымъ сокращеніямъ издержекъ продавца, обуславливаютъ уменьшеніе издержекъ потребителя.

Но самую дѣйствительную и необходимую защиту интересовъ потребителей нужно видѣть въ распространеніи кооперативнаго воздѣйствія на образованіе цѣнъ продуктовъ, т. е. въ устраненіи ростовщической и паразитной посреднической торговли. Кооперативная организація выполнитъ свою высокую хозяйственную и культурную миссію тогда, когда она устранитъ налогъ, взимаемый съ потребительскихъ благъ народа большими торговыми и транспортными компаніями, биржевыми дѣльцами и цѣлой стаей мелкихъ торговцевъ. Такое заключеніе у Фурье вытекаетъ изъ его наблюденій и опыта, какъ практическаго купца; поэтому и критика его въ этой области особенно мѣтка и уничтожающа. Только нѣкоторыя изъ его положительныхъ предложеній,—такъ предложенный имъ въ 1808 году континентальный запретъ противъ Англіи, которымъ онъ надѣялся уничтожить монополію англійскихъ торговыхъ компаній, каковая попытка была сдѣлана нѣсколько лѣтъ спустя Наполеономъ I и не удалась не только по однимъ политическимъ причинамъ,—оказались не выполнимыми. Тамъ же, гдѣ онъ критикуетъ торговлю и ея наросты въ ихъ непосредственномъ вліяніи на хозяйственную жизнь, а также вліяніе меркантильнаго духа на все современное ему общество, его сужденія оказываются чрезвычайно правильными и дальновидными. Онъ говоритъ о торговомъ феодализмѣ, характеризующемъ послѣдній фазисъ цивилизаціи, о неправильномъ движеніи общества, вслѣдствіе экономической безсмысленности его организаціи.

Экономисты уже тогда прославляли свободную конкурренцію, которая будто бы сама уничтожаетъ свои вредныя послѣд-

Digitized by Google

ствія и выравниваетъ созданныя ею противоположности. Фурье опровергаетъ это воззрѣніе, какъ софистическую защиту коммерческихъ интересовъ, указывая на то, что въ эпоху свободной конкурренціи главные рычаги торговли, а именно обманъ, спекуляція и ростовщичество прямо стѣсняютъ циркуляцію товаровъ и этимъ приводятъ въ разстройство все народное хозяйство. Хваленая роль торговли, какъ посредника между народами и континентами, какъ колыбели культуры и новыхъ потребностей, вовсе не кажется ему лестной.

По его мнѣнію, торговый духъ открылъ новый путь преступленіямъ. Въ каждую войну онъ распространяетъ вражду на оба полушарія и доводитъ жадность цивилизованныхъ людей до порога дикихъ. Онъ пишетъ, что наши корабли рыщутъ по всему свѣту для того, чтобы привить наши пороки и предразсудки варварамъ и дикарямъ. Но отъ „благодѣяній" торговли все-таки непосредственнѣе и болѣе всего страдаютъ культурные народы. Неужели вы думаете,—спрашиваетъ онъ, обращаясь къ цивилизованнымъ народамъ,—что приближаетесь къ истинѣ и къ природѣ, боготворя торговлю, представляющую постоянную практику лжи и мошенничества?

Критически расчленяя весь механизмъ торговли и освѣщая вопросъ многими конкретными примѣрами, авторъ подробно указываетъ на ущербъ и потери, причиняемые коммерческой практикой народу, т. е. первымъ долгомъ массѣ потребителей. Четыре темныхъ стороны, которыя въ своемъ взаимодѣйствіи и во взаимномъ дополненіи ведутъ къ систематическому грабежу общества, имѣетъ торговая система современниковъ. Фурье называетъ: банкротство, ростовщическую скупку товаровъ, биржевую спекуляцію и паразитство или потерю силъ и времени, вслѣдствіе излишка посредническихъ звеньевъ. Свое мнѣніе объ этихъ четырехъ темныхъ сторонахъ торговли Фурье резюмируетъ слѣдующимъ образомъ.

Банкротство обираетъ общество въ пользу купцовъ, которые никогда не терпятъ убытка. Дѣло въ томъ, что осторожный торговецъ напередъ принимаетъ въ разсчетъ рискъ своего банкротства и соотвѣтственно съ этимъ нормируетъ свою прибыль. Если же онъ неостороженъ или форменный мошенникъ (послѣднее качество очень распространено въ торговлѣ), то онъ ни на минуту не поколеблется объявить злостное банкротство, соблюдая свою выгоду. Однимъ словомъ, банкротство приноситъ ущербъ обществу, а не торговцамъ.

Ростовщическая скупка грабитъ общество, ибо вздорожаніе скупленнаго сырья въ послѣднемъ счетѣ отражается на потребителѣ.

Биржевая спекуляція отвлекаетъ отъ общества капиталы для того, чтобы, играя на повышеніи и пониженіи, обогащать без-

Digitized by Google

застѣнчивыхъ биржевиковъ. Вслѣдствіе этого обработка земли и фабрики получаютъ нужные имъ капиталы только за большіе проценты, и полезныя предпріятія, съ трудомъ дающія прибыль, презираются биржевой спекуляціей, поглощающей большую часть обращающихся платежныхъ средствъ.

Паразитство или излишекъ агентовъ причиняетъ обществу ущербъ, во-первыхъ, тѣмъ, что отвлекаетъ большое количество рукъ къ непроизводительной работѣ, а, во-вторыхъ, ведетъ къ безнравственности и безпорядку [1]), вслѣдствіе ожесточенной борьбы многочисленныхъ торговцевъ...

Всеобщее вздорожаніе товаровъ, какъ слѣдствіе большого количества торговцевъ-паразитовъ, кажется Фурье столь очевиднымъ, что онъ не останавливается долго на этомъ. Если бы,—говоритъ Фурье,—путемъ новаго торговаго строя удалось на одну четверть сократить торговыя издержки и торговыхъ агентовъ, то цѣна всѣхъ товаровъ понизилась бы на столько же. Вслѣдъ за этимъ производство увеличилось бы въ зависимости отъ роста спроса, вслѣдствіе этого пониженія цѣнъ, и въ зависимости отъ массы рукъ и капиталовъ, возвращенныхъ земледѣлію, вслѣдствіе сокращенія количества торговыхъ агентовъ. Какъ на одну изъ наиболѣе обычныхъ формъ выраженія ущерба, не говоря уже о прямомъ вздорожаніи продуктовъ, причиняемаго обществу торговлей, Фурье указываетъ на стремленіе торговцевъ разорить другъ друга. Онъ указываетъ на примѣръ Парижа, гдѣ тогда было 3,000 торговцевъ, между тѣмъ какъ достаточно было и 300. Ставъ столь многочисленными,—продолжаетъ онъ—они борятся между собой изъ-за сбыта, который затрудняется съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе прилива конкуррентовъ. Городъ, потребляющій 1,000 тоннъ сахара, когда онъ насчитывалъ только десять торговцевъ, не будетъ потреблять больше, если число торговцевъ достигнетъ 40, какъ это видно изъ примѣровъ многихъ городовъ Франціи. Теперь отъ этой стаи купцовъ слышишь жалобы на тихій ходъ торговли, между тѣмъ какъ они должны бы жаловаться на излишнее количество торговцевъ. Они тратятся на рекламы и на то, чтобы превзойти другъ друга; они выбрасываютъ бѣшеныя деньги для того, чтобы имѣть удовольствіе уничтожить конкуррента. Мнѣніе, что купецъ поглощенъ только своимъ матеріальнымъ интересомъ, не точно: онъ является также рабомъ своей чести. Одни изъ нихъ разоряются, вслѣдствіе безсмысленной чести ворочать грандіозными предпріятіями, другіе — вслѣдствіе маніи уничтожить сосѣда, успѣхъ котораго приводитъ ихъ въ отчаяніе. Торговое тщеславіе, хотя и скрытая, но сильная страсть, и если лавры Мильтіада мѣшали спать Ѳемистоклу, то можно также сказать, что

[1]) Фурье обратилъ вниманіе и на фальсификацію продуктовъ, даже сельскихъ.

Digitized by Google

хорошая торговля одного лавочника нарушаетъ сонъ другого. Отсюда проистекаетъ безумная конкурренція, которая вредитъ самимъ торговцамъ и за которую въ концѣ концовъ расплачиваются потребители.

Когда при другомъ разумномъ соціальномъ режимѣ число купцовъ и лавочниковъ сократится на девять десятыхъ, тогда легіонъ другихъ индивидуумовъ, который непродуктивно существуетъ въ зависимости отъ современной организаціи торговли, исчезнетъ. Излишие будутъ таможенные чиновники, число которыхъ еще тогда равнялось для Франціи 24,000. Съ уничтоженіемъ таможенныхъ пошлинъ, которое Фурье считаетъ необходимымъ не только по экономическимъ, но и культурнымъ соображеніямъ (вѣдь такимъ образомъ получаются средства для сохраненія паразитнаго и опаснаго для общества класса военныхъ и бюрократовъ), исчезнетъ, конечно, и контрабанда, безполезно увеличивающая сумму движеніи и силъ, нужную для прямого транспорта. Наблюдалось—продолжаетъ Фурье—что матеріи, пересылаемыя изъ Доуэра въ Калэ, шли черезъ Гамбургъ, Франкфуртъ, Базель и Парижъ, т.-е. сдѣлали лишнихъ 500 миль. Однако и безъ этого число транспортныхъ обществъ, представляющихъ, вслѣдствіе безпорядочно перекрещивающихся торговыхъ предпріятій, гораздо большее количество, чѣмъ это нужно для раціонально организованнаго товарообмѣна, можно бы уменьшить на двѣ трети. Далѣе слѣдовало бы уничтожить лоттерею, игорные дома, рыцарей индустріи, проститутокъ, разбойниковъ, мошенниковъ, жандармовъ и адвокатовъ, которые въ новомъ строѣ, гдѣ синекуляція и принципъ меркантильности не будетъ имѣть значенія, слѣдовательно не будутъ больше задѣваться и нуждаться въ защитѣ, будутъ лишни.

III.

Въ предыдущемъ мы ограничились приведеніемъ главныхъ моментовъ критики Фурье современнаго торговаго строя. Передавать вслѣдъ за нимъ подробности не стоитъ еще потому, что, по его собственному признанію, описаніе торговаго мошенничества во всѣхъ его варіаціяхъ потребовало бы огромнаго труда, равнаго всей энциклопедіи. Однако Фурье не былъ бы піонеромъ кооперацiи, каковымъ его справедливо считаютъ, если бы онъ сталъ только на точку неплодотворнаго отрицанія и не указалъ бы пути и средствъ для устраненія раскритикованныхъ темныхъ сторонъ. Уничтоженіе свободной конкурренціи не является для него устраненіемъ конкурренціи вообще, отрицаніе современной организаціи торговли — отрицаніемъ товарообмѣна, какъ общественно необходимой функціи. Въ цивилизованномъ, т.-е. существующемъ обществѣ—говоритъ авторъ—товарообмѣнъ есть душа общественнаго механизма. Простое упоминаніе о томъ, что зем-

Digitized by Google

ледѣліе и промышленность въ отдѣльныхъ странахъ и поясахъ находятся въ различныхъ стадіяхъ развитія и даютъ самые разнообразные продукты, ясно даетъ понять, что и въ новомъ, *гармоническомъ* строѣ обмѣнъ товарами не будетъ играть ничтожной роли тѣмъ болѣе, что ростъ потребностей и утонченіе вкусовъ потребуютъ большого разнообразія жизненныхъ благъ. Однако организація товарообмѣна чрезвычайно упростится вслѣдствіе устраненія тысячи и милліоновъ негодныхъ посредниковъ, усложняющихъ простую манипуляцію своею паразитною ростовщическою и интригущею дѣятельностью. Мѣсто безчисленныхъ отдѣльныхъ операцій въ торговлѣ займетъ сношеніе кооперацій съ кооперацией, предпосылкой котораго является солидарность и подчиненіе торговцевъ интересамъ производителей, ремесленниковъ, земледѣльцевъ и собственниковъ. Ассоціація — говоритъ Фурье—замѣняетъ индивидуалистическую, несолидарную, лживую, сложную и произвольную конкурренцію кооперативною, солидарною, истинною и упрощенною конкурренціей... Одна промышленная фаланга [1]) (или соціетэрный кантонъ) будетъ заключать одну торговую сдѣлку вмѣсто 300, занимающихъ 300 главъ семейства, теряющихъ на базарахъ и въ кабакахъ 300 дней для того, чтобы небольшими дозами сбыть или купить тотъ или другой товаръ: фаланга продала бы все это сразу двумъ или тремъ сосѣднимъ фалангамъ или одной провинціальной агентурѣ. Но такъ какъ и въ будущемъ гармоническомъ обществѣ хорошему, стоющему продукту будетъ отдаваться преимущество передъ плохимъ и дорогимъ, то принципъ конкурренціи, живущій до сихъ поръ только въ полной противорѣчій индивидуалистической практикѣ торговли, будетъ примѣненъ и въ коллективной формѣ товарообмѣна между кантономъ и кантономъ, провинціей и провинціей, континентомъ и континентомъ.

Конечно, кооперативное соревнованіе въ производствѣ и въ предложеніи товаровъ можетъ развиться только тогда, когда осуществится соціетэрная система, какъ цѣлое, когда новая организація съ 500,000 фалангъ густою сѣтью покроетъ весь міръ. До тѣхъ поръ отдѣльныя и въ особенности опытная фаланга должны лучше замкнуться отъ окружающей ихъ экономической среды, во-первыхъ, для того, чтобы не подвергнуться пагубному вліянію меркантильнаго міра, а затѣмъ для того, чтобы въ полномъ блескѣ своего благоденствія подняться на темномъ фонѣ жалкаго современнаго хозяйственнаго строя. Первая фаланга должна служить моделью для всѣхъ другихъ; она должна быть первой пробой и должна завоевать весь міръ для ассоціаціи.

---

[1]) По мнѣнію Фурье, какъ македонская фаланга клиномъ врѣзывалась во вражеское войско, такъ его фаланга—врѣжется въ современный строй. Названіе „фаланга" А. Бебель считаетъ удачнымъ.

Digitized by Google

Фурье былъ убѣжденъ, что свѣтъ ожидалъ только яркаго примѣра соціетэрнаго могущества, чтобы измѣнить свой индивидуалистическій образъ мыслей.

Излишне доказывать неосновательность послѣдняго взгляда. Какъ ни велико въ кооперативномъ дѣлѣ значеніе эксперимента, Фурье все-таки его очень переоцѣнилъ. Исторія показала, что онъ можетъ удасться только тамъ, гдѣ даны его экономическія и соціальныя предпосылки. Фурье презиралъ компромиссъ съ своимъ временемъ, которое онъ обогналъ, но это не избавило его отъ компромисса съ людьми. Отъ послѣднихъ зависѣла не только реализація его перваго эксперимента, но и всей соціетэрной организаціи. Въ своей системѣ ему пришлось обѣщать самымъ вліятельнымъ изъ нихъ, т.-е. имущимъ, нѣкоторыя преимущества. Вслѣдствіе этого въ его системѣ получается іерархія должностей, различіе участія въ прибыляхъ, что не имѣетъ ничего общаго съ чистымъ кооперативнымъ принципомъ и, кромѣ того, не оказалось полезнымъ при позднѣйшихъ предпріятіяхъ кооперативнаго характера.

Фаланга Фурье образуется 1500 лицами, различающимися другъ отъ друга по возрасту, имуществу, характеру и знаніямъ,— которыя сообразно со своею дѣятельностью, выбираемой ими по своей склонности, разбиваются на большое количество группъ (серій). Какъ только найдутся необходимыя для устройства фаланстеріума (комплексъ зданій фаланги) 4 милліона франковъ, то можно будетъ образовать его путемъ выпуска 400 акцій въ 10,000 франковъ каждая. Подобно вложенному капиталу, земля, машины, матеріалы, предоставленные въ распоряженіе предпріятія, будутъ приносить ихъ собственникамъ проценты, соотвѣтствующіе стоимости. Однако вступленіе въ фалангу не ставится въ зависимость отъ пріобрѣтенія акцій или какого нибудь другого матеріальнаго взноса. Напротивъ, большинство фаланги составляютъ неимущіе люди, которымъ правленіе предоставляетъ въ теченіе одного года одежду, пищу, жилище и другіе необходимые предметы. Преимущество передъ ними владѣльцевъ акцій заключается въ томъ, что они получаютъ извѣстный процентъ. Въ фалангѣ распредѣленіе годичной прибыли производится такъ, что $^5/_{12}$ достаются ручной работѣ, $^4/_{12}$ капиталу и $^3/_{12}$ таланту, т. е. теоретическимъ и практическимъ знаніямъ. Владѣлецъ акціи можетъ быть также и пассивнымъ членомъ, т. е. не работникъ въ фалангѣ. Въ такомъ случаѣ онъ теряетъ право на прибыль, выдаваемую ручному труду и таланту.

Руководство предпріятіемъ принадлежитъ правленію, состоящему изъ имущихъ и изъ наиболѣе знающихъ акціонеровъ. Ему предоставлено вести особый счетъ для каждаго индивидуума, будь это мужчина, женщина или ребенокъ, ибо дѣти довольно рано будутъ привлечены къ производительной дѣятельности. Далѣе на обя-

Digitized by Google

зависности правленія лежитъ дѣлать закупки для фаланги до тѣхъ поръ, пока она изолирована и не имѣетъ своего запаса земледѣльческихъ продуктовъ. Въ рукахъ другой корпораціи, а именно у ареопага или индустріальнаго совѣта находится техническое руководство сельско-хозяйственными и ремесленными работами, выполняемыми серіями. Ни одно изъ вышеприведенныхъ правленій не обладаетъ диктаторскими полномочіями или принудительною властью. Напротивъ того, всѣ рѣшенія зависятъ отъ голосованія товарищей, политически пользующихся режимомъ чистой демократіи.

Какъ показываетъ этотъ бѣглый взглядъ на организацію фаланги, она имѣетъ смѣшанный характеръ, ибо ей свойственны характерныя черты какъ капитализма, такъ и соціализма, и въ общемъ является нѣсколько фантастическимъ отраженіемъ еще не развитаго и едва обрисовывающагося хозяйственнаго строя. Кто замѣтитъ противорѣчащую современному взгляду на сущность кооперацiи іерархію въ фаланстерѣ и потому отнесется отрицательно ко всей системѣ, тотъ забудетъ конечную цѣль послѣдней: взаимное привлеченіе индивидуумовъ и равновѣсіе потребностей. Здѣсь не мѣсто для выясненія общественной реформы Фурье въ психологическомъ отношеніи, для выясненія того, какъ осуществленная привлеченіемъ индивидуумовъ посредствомъ труда и равновѣсія потребностей система ведетъ къ развитію соціальнаго равенства. Замѣтимъ только, что Фурье откладываетъ осуществленіе своей организаціи на широкой основѣ въ будущее, ибо фаланстерный строй несовмѣстимъ съ современнымъ строемъ.

Тѣмъ не менѣе, Фурье, подобно всѣмъ обновителямъ общественнаго строя, былъ вынужденъ, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ, сдѣлать своимъ современникамъ болѣе практическія предложенія, указать на то, что и частичное осуществленіе его теоріи способно до нѣкоторой степени умѣрить современное ему общественное бѣдствіе. Поэтому онъ, исходя изъ непосредственныхъ потребностей мелкихъ крестьянъ и ремесленниковъ, рекомендовалъ учрежденіе коммунальныхъ конторъ. Нужно, заявилъ онъ, сдѣлать кантонъ, по крайней мѣрѣ, тѣнью, охватывающей весь механизмъ (земледѣліе, промышленность и торговля) ассоціаціи. Коммунальная контора-фаланга въ сокращенной формѣ представляетъ изъ себя не что иное, какъ сочетаніе муниципальнаго соціализма съ кооперацiей. Задачи, приписываемыя Фурье этому институту, слѣдующія:

1) Сокращеніе домашнихъ издержекъ для бѣдныхъ, а также для небогатыхъ семействъ на половину.

2) Постепенное освобожденіе отъ общинныхъ налоговъ.

3) Предоставленіе ссудъ за минимальные проценты каждому

Digitized by Google

сельскому хозяину, имущество котораго представляетъ нѣкоторую гарантію.

4) *Снабженіе индивидуумовъ разнообразными товарами за дешевую цѣну посредствомъ устраненія лавочниковъ и спекулянтовъ.*

5) Пріисканіе классу неимущихъ постоянной, разнообразной и выгодной работы, какъ сельско-хозяйственнаго, такъ и промышленнаго характера.

Разнообразіе и важность приведенныхъ задачъ показываютъ, что въ коммунальной конторѣ соединяются всѣ нити производства, товарообращенія и кредитныхъ сношеній. Большіе магазины служатъ для пріема сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; послѣдніе принимаются за нѣкоторую плату, идущую на содержаніе правленія. На двухъ или трехъ фабрикахъ, занимающихъ рабочія руки, не занятыя въ земледѣліи, изготовляются орудія, инструменты, домашняя утварь и другіе необходимые предметы. Товарное обращеніе въ формѣ продажи въ розницу или обмѣна съ другими совершенно также организованными общинами руководится избранными и отвѣтственными служащими. Пища будетъ готовиться въ большой усовершенствованной кухнѣ сразу для всѣхъ, и такимъ путемъ женщины сберегутъ много времени, а отдѣльныя хозяйства—много топлива. Развивая дальше эту мысль, Фурье требуетъ учрежденія коммунальныхъ прачешенъ, пекаренъ, аптекъ, квартиръ и воспитанія дѣтей.

Приведенный проектъ, несмотря на его большую простоту и практичность, все-таки требовалъ болѣе развитыхъ экономическихъ отношеній, чѣмъ тѣ, которыя господствовали во времена Фурье. Коммунальная акціонерная контора (Comptoir communal actionnaire) Фурье представляетъ болѣе синтезъ того, что въ будущемъ можетъ осуществить кооперація въ связи съ мудрой муниципальной политикой. Этотъ планъ, какъ цѣлое, носитъ отпечатокъ геніальной оригинальности мышленія Фурье, предвидѣвшаго взаимодѣйствіе кооперацiи съ муниципализаціей. Тутъ заслуга открытія принадлежитъ одному ему, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ онъ опирался на достойныхъ предшественниковъ. Въ искусствѣ психическаго анализа, въ изслѣдованіи чисто духовныхъ условій процесса общественнаго преобразованія ему не уступитъ Платонъ въ своей „Республикѣ". Однако, ни у Платона, ни у послѣдующихъ сочинителей утопическихъ системъ нельзя найти разумныхъ предложеній о способѣ органическаго регулированія отношеній между производствомъ и потребленіемъ въ новомъ обществѣ. Въ „Солнечномъ государствѣ" Кампанеллы изготовленныя обоими полами потребительскія блага распредѣляются властями сообразно съ „принципомъ равенства". У Томаса Мора, въ „Утопіи" котораго земля составляетъ общественную собственность, только вскользь говорится,

Digitized by Google

что продукты крестьянъ и ремесленниковъ переносятся по приказанію властей въ магазины и предоставляются индивидуумамъ пропорціально ихъ потребностямъ.

IV.

Мы уже указывали на то, что въ системѣ Фурье принимаются во вниманіе интересы, главнымъ образомъ, сельскаго хозяйства, но это не мѣшаетъ великому соціалисту приписать активную роль въ обновленіи культурной жизни и индустріи, какъ ни ничтожна она была въ то время. Поскольку его теорія опиралась на единичные и слабые зародыши крупной индустріи, постольку она естественно должна была носить гипотетическій характеръ, и кое что въ этой теоріи должно казаться намъ фантастическимъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, позднѣйшее техническо-индустріальное развитіе, грандіозные размѣры котораго превзошли самую пылкую фантазію, раздвинуло и измѣнило линіи его соціетэрнаго плана. Но съ другой стороны оно же сдѣлало возможнымъ выполненіе его главнѣйшихъ требованій. Большія фундаментальныя перемѣны въ старомъ строѣ, требуемыя фаланстерскимъ порядкомъ: планомѣрное взаимодѣйствіе всѣхъ силъ, широкое раздѣленіе труда, исполненіе огромныхъ культурныхъ работъ промышленными арміями,—могли совершиться только благодаря побѣдѣ машины. А въ то время, когда Фурье выступилъ со своимъ соціетэрнымъ планомъ, только въ городѣ, гдѣ онъ жилъ (Ліонъ), были зачатки крупной промышленности, и свѣтъ, если бы имъ даже не овладѣли рутина и ненависть ко всему новому, не могъ бы санкціонировать этого плана, такъ какъ не было на лицо матеріальныхъ условій, необходимыхъ для его выполненія. На континентѣ Европы паръ не приводилъ еще въ движеніе ткацкаго станка, колеса паровоза не катились еще по рельсамъ, и если Фурье считалъ одною изъ обязанностей индустріальныхъ фалангъ осушать болота, насаждать лѣса, прорыть Суэцкій и Панамскій каналы, покрыть пустыню Сахару сѣтью каналовъ, то для выполненія всего этого можно было рекомендовать только самые элементарные способы технически совершенно отсталой эпохи. Но какъ его пророческій взглядъ предвидѣлъ свѣтъ будущей творческой эпохи, видно хотя бы изъ слѣдующаго. Онъ говоритъ о дрессированномъ львѣ, который въ „Гармоніи“ переноситъ своего сѣдока изъ Кале черезъ Парижъ и Ліонъ въ Марсель въ одинъ день. Въ другомъ мѣстѣ онъ описываетъ, какъ сносятся между собой центральныя группы соціетэрной организаціи. Онѣ сносятся между собой сигналами, посредствомъ которыхъ всякій можетъ разговаривать изъ своего бюро со всѣми индивидуумами, не произ-

Digitized by Google

водя шума и замѣшательства. Послѣдняя фантазія Фурье несомнѣнно напоминаетъ современный телефонъ.

Несмотря на свою геніальность и неудержимое стремленіе осчастливить страждущее человѣчество, Фурье въ концѣ жизни попалъ въ конфликтъ съ родственными съ нимъ по соціалъ-философскимъ убѣжденіямъ великими людьми. Между нимъ и его современниками, Сенъ-Симономъ и Робертомъ Оуэномъ, произошли разногласія, причиной которыхъ являются главнымъ образомъ различія въ исходныхъ пунктахъ ихъ стремленій. Фурье, какъ мы видѣли, исходитъ изъ психологическаго факта: подавленія потребностей и ослабленіе притягательной силы въ современномъ обществѣ. Съ рѣшеніемъ возникающей изъ этого положенія проблемы онъ связывалъ рѣшеніе другихъ организаціонныхъ вопросовъ. С.-Симонъ и Оуэнъ, какъ бы они въ остальномъ ни расходились между собой, ближе подошли къ принципу приспособленія къ органически образующемуся. Они болѣе, чѣмъ Фурье, смотрѣли на весь процессъ соціальнаго переворота съ точки зрѣнія экономическаго развитія. Сенъ-Симонисты были и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе дѣлались воодушевленными прославителями крупной промышленности. Этимъ самимъ они нѣсколько напоминали либераловъ, для которыхъ имѣютъ значеніе подымающія, а не подавляющія тенденціи индустріализма. Въ критикѣ современнаго строя Фурье безусловно превосходилъ ихъ, но зато они были выше его въ широтѣ своей исторической концепціи, а Робертъ Оуэнъ превзошелъ его еще практическимъ пониманіемъ способовъ достиженія ближайшихъ цѣлей. Поэтому, полемика Фурье со своими знаменитыми современниками въ нѣкоторыхъ пунктахъ безусловно не основательна, и мы не коснемся ея тѣмъ болѣе, что она носитъ личный характеръ.

Однако, несмотря на все это, какой неувядаемой славой покрылъ себя Шарль Фурье! На порогѣ 19-го столѣтія лучи его живого и плодотворнаго духа во всѣхъ направленіяхъ пронизываютъ темное окружающее. Соціализмъ уже съ давнихъ поръ и до послѣдняго времени во всѣхъ культурныхъ странахъ считаетъ его однимъ изъ самыхъ выдающихся своихъ предшественниковъ. Еще недавно, не говоря уже о давнишнихъ примѣрахъ, въ статьѣ въ „Petite République“, направленной противъ германскаго канцлера Бюлова, Жанъ Жоресъ прославлялъ выдающуюся критическую способность Фурье. Тотъ же Жоресъ въ своей блестящей рѣчи: „Le „Travail“ d'Emile Zola“, Paris, 1901“, съ воодушевленіемъ восклицаетъ: „Въ тотъ часъ, когда Наполеонъ мечталъ создать единство людей саблей, въ тотъ часъ, когда его великая противница, Англія, въ свою очередь мечтала создать это единство торговымъ господствомъ, въ часъ, когда банкъ оспаривалъ у пушки владычество надъ человѣчествомъ, освободившимся на-

Digitized by Google

канунѣ и попадающемъ въ новое рабство, въ этотъ моментъ Фурье мечталъ о единствѣ человѣчества, которое должно осуществиться не путемъ военнаго насилія, не путемъ торговой эксплоатаціи, не посредствомъ французской жестокости, не посредствомъ англійской меркантильности и хитрости, а посредствомъ расширенія ассоціаціи свободныхъ людей, которая съ самаго начала дастъ другимъ примѣръ согласія и счастія, примѣръ, который изъ Европы распространится на другіе континенты и мало по малу пріобщитъ ихъ къ высшей цивилизаціи" (стр. 18-ая).

Извѣстный вѣнскій профессоръ и соціалистъ Антонъ Менгеръ въ своей книгѣ „Neue Staatslehre", переведенной недавно на русскій языкъ, рекомендуетъ (стр. 199—201 ая) воспользоваться планомъ Фурье, какъ моделью для групповой и общинныхъ дворцовъ будущаго демократическаго рабочаго государства. Къ сожалѣнію, такое отношеніе къ Фурье не раздѣляется всей нѣмецкой соціалистической литературой. Его имя обыкновенно упоминается для того, чтобы лишній разъ показать недостатки его системы сравнительно съ доктриной Маркса. Его характеризуютъ какъ утописта, чѣмъ онъ безусловно былъ только для своей эпохи, и думаютъ, что этимъ объясняютъ его историческое значеніе. Поверхностность такого возрѣнія не нуждается въ новомъ опроверженіи. Говоря это, мы конечно не сомнѣваемся въ превосходствѣ Маркса, ибо послѣдній ясно выяснилъ и формулировалъ необходимость классовой борьбы, чего не могъ сдѣлать Фурье. Нѣкоторое исключеніе изъ отношенія нѣмецкихъ соціаль-демократовъ къ Фурье составляютъ Грейлихъ и Бебель, написавшій въ 1890 году книгу о Фурье, въ которой на страницѣ 293-й говоритъ, что *„идеи Фурье при будущемъ новообразованіи общественнаго строя*, хотя и въ нѣсколько иной формѣ, но все-таки *возродятся*, между тѣмъ какъ его критика буржуазнаго общества уже теперь раздѣляется милліонами людей, которые никогда не видѣли ни строчки его произведеній".

Итакъ, какъ бы мы ни критиковали отдѣльныя стороны ученія Фурье, установлено, что онъ оригинальный мыслитель, остроумный наблюдатель общественныхъ непорядковъ и прежде всего блестящій критикъ анархіи капиталистической торговой организаціи. Благодаря послѣднему качеству въ связи съ его изобрѣтательнымъ умомъ, онъ считается однимъ изъ величайшихъ соціальныхъ теоретиковъ 19-го столѣтія, а кооперативное движеніе цѣнитъ и почитаетъ его, какъ одного изъ своихъ піонеровъ.

В. Тотоміанцъ.

Digitized by Google

Участіе.

Душа моя болитъ, предчувствіемъ томима:
Я вижу впереди тяжелые года.
Гроза послѣдняя, для близкихъ будь незрима!
И будь, душа моя, въ ненастіи тверда!

* * *

Нѣтъ, чуткую и любящую душу
Не омрачу участія тоской,
И твой покой напрасно не нарушу
Ни жалобой, ни жгучею слезой.

* * *

Дѣлиться радостью, лелѣять упованья
Съ дней юности привыкъ съ тобою я.
Но въ дни унынія и тайнаго страданья
Пусть скорбь моя—да будетъ скорбь *моя*.

Николай Рубцовъ.

Digitized by Google

Аванпостъ цивилизаціи.

Разсказъ М. Богословскаго.

Вставъ утромъ съ постели, Карташевъ подумалъ, что ему нужно сдѣлать сегодня что-то такое особенное, но— что? Думалъ онъ объ этомъ и раньше и какъ будто зналъ, да забылъ, и теперь никакъ не могъ припомнить.

Во время перемѣны, передъ послѣднимъ урокомъ, Карташевъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ на стулѣ въ позѣ разбитаго усталостью человѣка и думалъ все о томъ-же, ощущая гдѣ-то въ глубинѣ души давно знакомую ему, щемящую тоску и какую-то, все отравляющую, горечь. За окномъ послышался визгъ полозьевъ. Вставать и идти узнавать не хотѣлось: Карташевъ зналъ, что пріѣхалъ о. Аѳанасій— больше некому пріѣхать—и что сейчасъ произойдетъ то-же до мельчайшихъ подробностей, что было третьяго дня, на прошлой недѣлѣ, годъ, пять, десять лѣтъ тому назадъ. Онъ сидѣлъ, оперевшись на спинку стула и опустивъ руки, точно къ нимъ кто-то привѣсилъ по пудовой гирѣ, отчего ихъ стало трудно поднять, и ждалъ о. Аѳанасія съ тайной надеждой, что авось о. Аѳанасій позаймется въ школѣ, и можно будетъ тогда хорошенько подумать или завалиться спать и заснуть часъ-другой, чтобы немного успокоить расходившіеся нервы.

Слышно, какъ съ шумомъ распахивается входная дверь классной комнаты, и въ классѣ, гудѣвшемъ до того, какъ пчелиный улей, наступаетъ на мгновеніе тишина, а затѣмъ раздается крикъ нѣсколькихъ десятковъ дѣтскихъ голосовъ:

— Здравствуйте, батюшка!

— Здравствуйте, здравствуйте...—и опять тишина, нарушаемая ерзаньемъ галошъ и хлопаньемъ широкихъ одеждъ

Digitized by Google

о. Аѳанасія, пробирающагося между партъ къ двери учительской комнаты.

Карташевъ нехотя, точно отдирая свое тѣло отъ сидѣнья стула, встаетъ. Раскраснѣвшееся на морозѣ лицо тщедушнаго о. Аѳанасія, съ жидкой растительностью на губахъ и подбородкѣ, расплывается въ улыбку.

Здороваются.

О. Аѳанасій выпутывается изъ своихъ широкихъ одеждъ и вѣшаетъ ихъ на длинный и толстый гвоздь съ широкой шляпкой, нарочно для одеждъ о. Аѳанасія вбитый въ стѣну близъ двери.

— А у тебя опять тутъ... источникъ пороковъ. Неподобно, Вася, неподобно,—говоритъ о. Аѳанасій, потирая озябшіе пальцы, ставшіе оттого толстыми и красными, и киваетъ головой на графинъ съ водкой, стоящій на столѣ рядомъ съ тарелкой съ разрѣзаннымъ на куски соленымъ огурцомъ и большимъ ломтемъ чернаго хлѣба.

— Ну, да чего ужъ тамъ слова-то попусту терять.

О. Аѳанасій думаетъ было обидѣться, но тотчасъ-же соображаетъ, что Вася ничего въ сущности обиднаго не сказалъ, и что самъ онъ, о. Аѳанасій, пріѣхалъ къ нему водку пить.

— Пей-ка! Съ морозу-то оно хорошо, — предлагаетъ Карташевъ и наливаетъ рюмку.

— И то!—и о. Аѳанасій быстро выпиваетъ, сильно запрокинувъ голову съ жидкими прядями бѣлокурыхъ волосъ.

Въ двери сунулась чья-то лохматая голова, и плаксивый голосъ заявляетъ:

— Василій Петровичъ! Митька дерется...

Карташевъ ступаетъ уже шагъ, чтобы идти мирить дерущихся, но раздумываетъ; онъ наливаетъ себѣ рюмку и, выпивъ водку, дѣлаетъ страдающее лицо, сильно выворачивая губы,—сегодня ему водка какъ-то особенно противна.

— Да-а-а-а, такъ вотъ... Встаю я сегодня и думаю: дай, думаю себѣ, поѣду на аванпостъ,—медленно тянетъ о. Аѳанасій.

— И хорошо, а то— тосчища.

— Вотъ и у меня то-же.

— Однако, надо въ классъ. Ты заниматься сегодня будешь?

— Нѣтъ, Вася. Въ другой разъ ужъ какъ нибудь... Самоваришко-бы поставить да водченки бы того... прибавить. Попили-бы, поговорили.... У меня такая скучища, что на свѣтъ не глядѣлъ-бы,—и о. Аѳанасій суетъ Карташеву нѣсколько серебряныхъ монетъ.

Digitized by Google

Карташевъ идетъ въ классъ доканчивать учебный день и сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія относительно водки и самовара. Въ дверяхъ его останавливаетъ о. Аѳанасій:

— Вася, погоди-ка.

— Чего тебѣ?

— Ты на меня не обижайся, а только... тебѣ этихъ брюкъ нельзя ужъ больше носить; въ деревнѣ ты, что ни говори, а человѣкъ передовой, представитель цивилизаціи, прогресса, и вдругъ—такія брюки. Несовмѣстимо. Отъ брюкъ, братецъ, иногда очень много зависитъ.

— А ну тебя къ чорту!

Къ воскресенью я тебѣ это дѣло оборудую.

— Ладно—валяй.

О. Аѳанасій остается одинъ. Ему невыносимо скучно. Окончивъ осмотръ и безъ того давно знакомой ему комнаты—холодной и сырой, съ покоробившимися, со слѣдами сырости, обоями, съ двумя вѣнскими стульями, столомъ и желѣзной кроватью,—онъ, сидя, тянется за графиномъ, наливаетъ рюмку, медленно подноситъ ее ко рту и быстро выпиваетъ, беретъ съ тарелки кусокъ огурца и медленно, нехотя, жуетъ, барабаня по столу пальцами и устремивъ взглядъ на обмерзшія стекла оконной рамы. Изъ класса слышенъ голосъ диктующаго Карташева:

— Про-о-шлаго не воро-о-тишь. Прошлаго, — Ванька! сиди хорошенько,—прошлаго не воротишь.

О. Аѳанасій глубоко вздыхаетъ, встаетъ и, заложивъ руки за спину, подходитъ къ окну; онъ хочетъ посмотрѣть на улицу въ небольшой кружокъ оконнаго стекла, оставшійся незамерзшимъ. Отъ окна несетъ сырымъ холодомъ такъ, что кончикъ носа о. Аѳанасія начинаетъ зябнуть; пахнетъ не то плѣсенью, не то отсырѣвшимъ деревомъ, и на улицу ничего не видно, потому что стекла наружной рамы замерзли сплошь. О. Аѳанасій дѣлаетъ нѣсколько безцѣльныхъ, нерѣшительныхъ шаговъ и, замѣтивъ широкую щель въ дощатой стѣнѣ, отдѣляющей классъ отъ комнаты учителя, подходитъ къ ней и смотритъ черезъ щель въ классъ съ намѣреніемъ увидѣть тамъ что-нибудь интересное. Ванька Чепеловъ съ краснымъ, напряженнымъ лицомъ, болтая ногами и шмурыгая носомъ, пишетъ диктовку, а Ѳедька Кудряшъ, сидящій на слѣдующей партѣ, обернулся къ Чепелову, мочитъ перо въ его чернильницѣ умышленно долго и, вытянувъ губы и скосивъ глаза, засматриваетъ въ Ванькину тетрадь. Василій Петровичъ внимательно смотритъ на кого-то изъ средняго отдѣленія, и о. Аѳанасію видно его худое, желтое лицо съ глубоко запавшими съ красными вѣками глазами, съ небольшой бѣлокурой бородкой, и длин-

Digitized by Google

ные нечесанные волосы, порыжѣвшій, обтерханный пиджакъ. Василій Петровичъ не замѣчаетъ Ѳедькинаго озорства. Слышенъ скрипъ перьевъ, чей-то громкій кашель, похожій на собачій лай, и торопливый сдержанный шопотъ:

— Митька! Мм-и-тька! Черезъ ять?

— Гдѣ?

— На той строчкѣ.

Это нисколько не занимаетъ о. Аѳанасія; онъ подходитъ опять къ столу, садится на стулъ и тѣмъ-же порядкомъ выпиваетъ еще рюмку.

Скучно... и мысли нудныя, тяжелыя, ворочаются, какъ мельничные жернова, въ маленькой и точно облѣзлой головѣ о. Аѳанасія.

Наскучивъ ожиданіемъ, онъ встаетъ, выпрямляется, запахиваетъ полы рясы, оправляетъ бороду, волосы на головѣ, и, состроивъ серьезное, важное лицо, отчего весь онъ—такой маленькій и тщедушный,—дѣлается немного комичнымъ, выходитъ въ классъ. Нѣкоторые изъ ребятишекъ оглядываются, но, встрѣтивъ строгій взглядъ о. Аѳанасія, вновь утыкаются въ книги или тетради. Окинувъ взглядомъ классную комнату и особенно строго посмотрѣвъ на Ѳедьку Кудряша, онъ возвращается обратно. Лицо о. Аѳанасія опять принимаетъ скучающее выраженіе, спина горбится, полы рясы расходятся и руки кажутся лишними.

Карташевъ все еще диктуетъ, и о. Аѳанасій слышитъ его монотонный голосъ, его шаги...

Въ Ступино, захолостную деревушку, Карташевъ пріѣхалъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Черезъ годъ пріѣхалъ о. Аѳанасій, товарищъ Карташева по духовной семинаріи, поступивъ священникомъ въ бѣдный Передольскій приходъ, къ которому принадлежало Ступино, и вступилъ въ завѣдываніе Ступинской школой. Оба принялись за дѣло съ энергіей, потому что любили это дѣло и вѣрили въ его полезность и неотложность. Въ школьныхъ занятіяхъ принимала участіе и покойная жена о. Аѳанасія, не рожавшая ему дѣтей, хорошенькая, подвижная и веселая Клавдія Ивановна,—она давала въ школѣ уроки рукодѣлія, для чего три раза въ недѣлю пріѣзжала вмѣстѣ съ о. Аѳанасіемъ изъ Передольска, отъ котораго до Ступина считалось пять верстъ. О. Аѳанасій давалъ урокъ Закона Божія, а послѣ трехъ часовъ Клавдія Ивановна занималась рукодѣліемъ, въ то время, какъ о. Аѳанасій и Карташевъ горячо говорили и спорили, обсуждая вопросы, касающіеся народнаго образованія и средствъ, съ помощью которыхъ можно было-бы усилить продуктивность дѣятельности ихъ собственной школы, которую о. Аѳанасій обыкновенно называлъ—„аванпостъ ци-

Digitized by Google

вилизаціи", а себя и Карташева—„рядовыми арміи прогресса". Какъ охотно тогда работалось, какъ легко и свободно дышала грудь, и какъ незамѣтны были и легко переносились матеріальныя лишенія!

И кажется Карташеву, что этихъ пяти лѣтъ, когда жива была Клавдія Ивановна и онъ, и о. Аѳанасій не пили водки, и не было никогда, что эти пять лѣтъ только хорошій сонъ „мимолетный, какъ звукъ, и солгавшій, какъ сказка", что онъ съ о. Аѳанасіемъ всегда были такіе-же опустившіеся, преждевременно износившіеся, неряшливые, апатичные ко всему, кромѣ водки, люди, которые часто уроки Закона Божія замѣняютъ выпивкой, давъ ученикамъ какую-нибудь самостоятельную работу, что онъ—Карташевъ, молодымъ, нравящимся женщинамъ, веселымъ, дѣятельнымъ никогда не былъ, а о. Аѳанасій всегда былъ вдовымъ священникомъ и готовился къ экзамену въ духовную академію съ тѣмъ, чтобы по окончаніи въ ней курса постричься въ монахи, что онъ задумалъ вскорѣ послѣ смерти Клавдіи Ивановны, и что къ этому экзамену онъ будетъ готовиться безконечно.

Надо говорить слѣдующее предложеніе, потому что ученики громко заявляютъ:

— Мы написали.

Не глядя въ диктантъ, Карташевъ машинально говоритъ:

— Карандашъ есть учебная вещь,—и самъ думаетъ совсѣмъ о другомъ; говоритъ онъ это предложеніе, потому что знаетъ, что послѣ „прошлаго не воротишь" слѣдуетъ: „карандашъ есть учебная вещь", и все же держитъ въ рукахъ истрепанную, загрязнившуюся, съ загнувшимися углами листовъ маленькую книжку-диктантъ.

Карташеву думается, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ взялъ первый разъ въ руки эту книжку, тогда еще чистенькую, неразрѣзанную, прошло не пятнадцать, а двадцать, можетъ быть, даже тридцать, пятьдесятъ... ужасно много лѣтъ,—такъ была однообразна его жизнь, и такъ были похожи всѣ годы одинъ на другой. Какъ-то незамѣтно для себя онъ превратился въ существо неряшливое, нечесаное, пьяное, бездѣятельное, антипатичное даже самому себѣ, несмотря на свои тридцать пять лѣтъ, чувствующее себя старикомъ. Занятія въ школѣ тоже какъ-то незамѣтно, постепенно свелись къ тому лишь, чтобы пройти съ учениками къ извѣстному сроку опредѣленный курсъ, чтобы ученики не отвѣчали на экзаменѣ слишкомъ ужъ плохо—отвѣтятъ на тройку при пятибалльной системѣ, и ладно. О вечернихъ занятіяхъ, воскресныхъ чтеніяхъ ужъ и не думалось. Живое дѣло потеряло свою идейность, характеръ подвига, и превратилось въ

Digitized by Google

механическую работу изъ-за куска хлѣба — однообразную, томительную.

Началось это, какъ помнится Карташеву, послѣ смерти Клавдіи Ивановны, когда о. Аѳанасій особенно часто сталъ ѣздить на „аванпостъ цивилизаціи", но не заниматься, а чтобы вмѣстѣ съ Карташевымъ вспоминать и говорить объ умершей и понемногу выпивать. Эти разговоры привели къ тому, что Карташевъ, не думавшій до того о женской любви, оглянулся на свою одинокую жизнь, и ему захотѣлось любви, ласки, счастья—захотѣлось страстно, мучительно. Появилось чувство одиночества, раньше не испытываемое... А годы шли, съ ними уходила и молодость... О. Аѳанасій все еще готовился въ академію и изъ молодого, красиваго, дѣятельнаго и краснорѣчиваго священника, говорившаго въ церкви простыя, убѣдительныя, понятныя и полезныя деревенскому люду проповѣди, постепенно превращался въ тщедушнаго, сутулаго, часто пьяненькаго и немного жалкаго на видъ деревенскаго батюшку. Теперь онъ такъ же, какъ и Карташевъ, исполнялъ свои обязанности по-чиновнически и проповѣдей уже не говорилъ. Оба топили въ винѣ тоску по лучшей жизни и не замѣтили, какъ прожили лучшіе годы своей жизни. Умственные интересы были сведены до минимума; пропала охота къ чтенію, не только потому, что книгъ не было и взять ихъ было негдѣ, но и потому, что со страницъ какого-нибудь романа или повѣсти нѣтъ-нѣтъ да и взглянетъ на нихъ и начнетъ дразнить чьенибудь счастье, однимъ утраченное, другому—недоступное, отчего одиночество становилось еще тяжелѣе и мучительнѣе. Шла не жизнь, а какая-то спячка—интеллектуальная и моральная. Повременамъ оба просыпались и начинали сознавать весь ужасъ и безнадежность своего положенія. О. Аѳанасій садился тогда за книги и начиналъ усиленно готовиться къ экзамену, а Карташевъ, какъ это было вчера, метался въ своей убогой комнатѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, чувствуя, что гдѣ-то тамъ, далеко отъ Ступина, люди живутъ полной жизнью, радуются, любятъ, наслаждаются, и что ему никогда не выбраться изъ этой промозглой комнаты—жизнь такъ и пройдетъ мимо, молодость прожита, что въ сущности онъ и думать не можетъ объ уютѣ, счастьѣ, любви,—такой думой онъ только оскорбляетъ чью-то чистую, нетронутую молодость, онъ — такой загрязнившійся, опустившійся, пьяный... И думалось ему, что его жизнь, чистоту и свѣжесть его молодости высосали изъ него, не давъ ему ничего взамѣнъ, эти стѣны съ засаленными, покоробившимися и рваными обоями, обтерханныя парты, лохматыя головенки и чумазыя рожицы, которыя онъ когда-то любилъ, а теперь относится

Digitized by Google

къ нимъ безучастно и смотритъ на нихъ иногда съ ненавистью, какъ на своихъ тюремщиковъ, могильщиковъ. Онъ метался вчера такимъ образомъ по своей комнатѣ долго, пока измученный нравственно и физически не свалился на постель и не заснулъ, не раздѣваясь. Онъ зналъ уже по опыту, что если не замучить себя въ подобные вечера ходьбой, то не заснешь до утра.

Карташеву кажется, что все такъ и должно быть, какъ оно есть, благодаря тѣмъ условіямъ, въ которыхъ ему приходится жить. Жизнь идетъ такъ скучно, томительно, однообразно; такъ бѣдна впечатлѣніями, что за послѣднія пять-шесть лѣтъ онъ помнитъ только два случая, отличившихъ два дня отъ массы другихъ, похожихъ другъ на друга, какъ солдаты одного полка въ сѣрыхъ шинеляхъ. Первый былъ осенью, когда-то давно... Осенью въ Ступинѣ, похожемъ тогда издали, благодаря его потемнѣвшимъ отъ частаго дождя соломеннымъ крышамъ, на одну громадную навозную кучу, была всегда такая глубокая и липкая грязь, что въ ней завязали, иногда безнадежно, не только лошади и экипажи, но даже и люди. Въ одну такую грязную осень, переходя черезъ дорогу, Карташевъ, ступивъ неосторожно, сильно завязилъ въ грязи ногу; пытаясь ее вытащить, онъ, какъ муха на клейкомъ листѣ, завязилъ и другую, потомъ, сдѣлавъ неловкое движеніе, опрокинулся на бокъ, завязилъ руку и легъ въ грязь бокомъ, какъ муха на клейкій листъ. Было смѣшно и обидно, когда ему помогали выбраться изъ грязи. Другой случай былъ прошлымъ лѣтомъ. Карташевъ отправился въ уѣздный городъ, за тридцать верстъ, пѣшкомъ; надо было получить отъ уѣзднаго наблюдателя мѣсячное жалованье. Наблюдателя дома не оказалось, и, по словамъ его жены, онъ могъ возвратиться домой только дня черезъ три. Выдать жалованье безъ мужа матушка не согласилась ни подъ какимъ видомъ. Дѣло было плохо: знакомыхъ въ городѣ не было, чувствовалась сильная усталость, хотѣлось ѣсть... Онъ пошелъ къ сапожнику и продалъ ему голенищи своихъ сапогъ. Когда онъ шелъ послѣ такой продажи по городу домой въ опоркахъ, и какой-то нарядно одѣтый и шаловливый мальчуганъ, глядя на его плохое одѣяніе, крикнулъ ему изъ воротъ: Посацкій! — ему не было обидно, а стало только смѣшно, что онъ — „занимающій одинъ изъ отвѣтственныхъ постовъ арміи прогресса“ — живетъ въ такихъ печальныхъ матеріальныхъ условіяхъ, что его жалованья можетъ хватить ему только на табакъ и ѣду, если захотѣть ѣсть посытнѣе и повкуснѣе, а объ удовлетвореніи хотя бы малой доли его духовныхъ запросовъ и приличномъ костюмѣ и думать нельзя, и вотъ случилось даже такъ, что для того, чтобы добраться

Digitized by Google

до дому, пришлось продать голенищи. И, чтобы не пить водки, живя въ такихъ условіяхъ, нужно, чтобы въ жилахъ его текла не теплая человѣческая кровь, а машинное масло, и нельзя осуждать его за то, что онъ водку пьетъ.

Вотъ и все, что запомнилось, остальное—какая-то муть, туманъ какой-то, въ которомъ можно разобрать только одинъ за послѣднее время ужасно томительный, учебный и безконечный, одинокій вечеръ съ немолчной тоской по уюту, отдыху, любви, счастью...

Развѣ это жизнь! Карташевъ не механическій самодѣйствующій аппаратъ, въ одну щель котораго нужно только вложить 180 рублей, чтобы изъ другой щели черезъ шесть-семь мѣсяцевъ выскочили пять-десять живыхъ двѣнадцатилѣтнихъ мальчугановъ, держа въ рукахъ свидѣтельства объ окончаніи курса начальной народной школы, и не ходячая идея о необходимости народнаго образованія, онъ — такой же человѣкъ, какъ и всѣ, съ мозгомъ, съ сердцемъ, нервами... Онъ не можетъ жить однимъ только нравственнымъ удовлетвореніемъ, какое и давала ему его работа въ первые пять лѣтъ и тѣмъ помогала легко переносить лишенія.

Сегодня Карташевъ всталъ въ восемь часовъ, потому что привыкъ въ половинѣ девятаго быть уже въ классѣ. Школьные часы стояли и, несмотря на это, онъ окончилъ урокъ ровно черезъ часъ, черезъ пять-семь минутъ началъ другой и окончилъ третій ровно въ двѣнадцать. Такъ выходило по часамъ школьнаго сторожа. До такой степени онъ зналъ, во сколько времени можетъ быть усвоено то или другое его учениками, какіе они будутъ давать отвѣты, сколько и какихъ наводящихъ и провѣрочныхъ вопросовъ нужно будетъ задать имъ,—что превратился въ какую-то машину, и часто бывало такъ, что во время занятій у него работали только зрѣніе и слухъ, а голова была занята совсѣмъ другимъ, чаще всего, какъ и сегодня, мыслью, что нужно что-то такое сдѣлать сейчасъ, сію минуту: не то бѣжать куда-нибудь безъ оглядки, разорвавъ въ клочья страшно надоѣвшую ему книжонку съ диктовками, заставившую его ходить по этому грязному, съ выступившими сучьями, старому полу и диктовать; не то перервать горло какому-нибудь счастливому человѣку, а вѣрнѣе всего—сразбѣгу удариться головой объ стѣну и непремѣнно въ то мѣсто, гдѣ виситъ потемнѣвшая отъ времени табличка съ коренными словами, пишущимися черезъ „ѣ". И Карташевъ представляетъ себѣ, какъ о. Аѳанасій вбѣжитъ въ классъ, растеряется и непремѣнно скажетъ:

— Да-а-а... Такъ вотъ...—и, можетъ быть, тоже голову себѣ разобьетъ — тоже сразбѣгу и объ стѣну. Карташевъ

Digitized by Google

увѣренъ, что о. Аѳанасій непремѣнно объ этомъ думаетъ и когда доходитъ до такой мысли, говоритъ: — Да... Такъ вотъ,—а додумывается до нея онъ часто и потому-то такъ часто и произноситъ ни къ селу ни къ городу эти три слова.

Два раза Карташевъ пытался или перейти въ другую школу поближе къ городу или найти себѣ какую-нибудь другую должность и оба раза неудачно, къ плохо скрываемому удовольствію о. Аѳанасія—ему, по выраженію о. Аѳанасія, „не пофартило". Карташевъ понималъ своего пріятеля и на него не обижался.

— А если теперь? Теперь!?—и онъ громко произноситъ:

— Прошлаго не воротишь,—и, замѣчая недоумѣвающіе и вопросительные взгляды учениковъ, спохватывается и говоритъ:

— Чего вы? Пишите же.

— Мы ужъ это писали.

— Пишите еще,—строго приказываетъ Карташевъ и думаетъ про себя.

— Не надо такъ разсѣиваться; лучше не думать,—и начинаетъ внимательно слѣдить за пишущими диктовку учениками старшаго отдѣленія и исполняющими самостоятельно заданную имъ работу учениками младшаго и средняго отдѣленія, но... не думать нельзя—не думать о прошломъ и жить, не сознавая настоящаго, невозможно.

О. Аѳанасій уже нѣсколько разъ входилъ въ классъ и строго смотрѣлъ на учениковъ. Карташевъ знаетъ, что о. Аѳанасій входитъ въ классъ въ надеждѣ, что онъ отпуститъ учениковъ пораньше и присоединится къ нему, но въ Карташевѣ сегодня все какъ-то всколыхнулось, точно въ небольшомъ стоячемъ пруду, въ который бросили большой камень, и ему хотѣлось отдалить начало попойки и даже какъ-нибудь избѣжать ея, и въ то же время чувствовалось, что она будетъ—будетъ сегодня, завтра, на слѣдующей недѣлѣ и такъ безъ конца,пока кто-нибудь изъ нихъ не убѣжитъ отсюда или не разобьетъ себѣ голову объ стѣну. Подумавъ объ этомъ, Карташевъ замѣчаетъ, что ученики уже написали сказанное имъ предложеніе и говоритъ громко:

— Не убѣжи-и-шь!

— Только?—спрашиваютъ два-три голоса.

— Только: не убѣж-и-ишь...—повторяетъ Карташевъ съ злостью въ голосѣ, и о. Аѳанасій, опять появившійся въ классѣ, пристально смотритъ на злое лицо Карташева; онъ знаетъ, что въ диктантѣ, одобренномъ училищнымъ совѣтомъ, такого предложенія нѣтъ, его Карташевъ самъ сейчасъ придумалъ, а почему онъ такимъ именно образомъ сым-

Digitized by Google

провизировалъ о, Аѳанасію достовѣрно извѣстно, и все это значитъ, что Карташевъ сегодня напьется.

Ученики притихли и пишутъ, украдкой и съ тревожнымъ любопытствомъ поглядывая на учителя; они понимаютъ, что съ нимъ творится что-то неладное, и что не они тому причина.

Чаепитіе въ разгарѣ. Лицо о. Аѳанасія раскраснѣлось, оживилось, глаза искрятся; онъ то и дѣло откидываетъ руками за плечи свои жидкіе волосы и, видимо, начинаетъ пьянѣть. Карташевъ наоборотъ — онъ мраченъ, какъ туча; когда онъ выпиваетъ водки больше, чѣмъ слѣдуетъ, и начинаетъ чувствовать, что сейчасъ начнетъ жаловаться на тяготу своей жизни, на него находитъ злость на себя за свое малодушіе, на о. Аѳанасія, пріѣхавшаго къ нему съ единственной цѣлью — напиться и потомъ отоспаться, и онъ чувствуетъ въ то же время, что не пить имъ, пожалуй, и нельзя — въ пьяномъ видѣ они выбалтываютъ другъ другу всѣ свои горечи и печали, что даетъ имъ нѣчто вродѣ иллюзіи облегченія.

Опьянѣвшій Карташевъ обрушивается на о. Аѳанасія; онъ укоряетъ его за то, что тотъ, совершенно свободный человѣкъ, не бѣжитъ изъ этой забытой всѣми, кромѣ рѣдкихъ земскихъ агентовъ, глухой деревушки, а сидитъ зачѣмъ-то въ своемъ приходѣ и ждетъ, когда захвораетъ бѣлой горячкой или когда епархіальное начальство уже насильно отправитъ его въ монастырь за его нетрезвую жизнь; что онъ въ сущности никакой пользы своему приходу не приноситъ, и потому ему необходимо бѣжать куда-нибудь, пока не поздно.

О. Аѳанасій жестомъ пытается его остановить и говоритъ:

— Когда я выдержу экзаменъ въ академію...

Но Карташевъ не даетъ ему продолжать и убѣждаетъ его, что такой академіи, въ которую могъ бы сдать экзаменъ о. Аѳанасій, не существуетъ вовсе — и потому пора перестать говорить о ней; каждому-де человѣку нужна какая-нибудь свѣтлая греза, въ которую можно было бы вѣрить, и за нее ухватиться въ минуту горькаго сознанія, что жизнь проходитъ нелѣпо, безтолково, и ждать отъ нея какихъ-либо радостей уже нельзя; академія-де и есть эта неосуществимая греза о. Аѳанасія.

— А у тебя что! Гдѣ твоя греза? Пусть академіи не существуетъ вовсе, пусть экзамена не существуетъ, да у тебя-то что? Гдѣ твоя греза? У меня хоть греза, а у тебя и ея нѣтъ — горячится о. Аѳанасій, не думая о всей жестокости своихъ во-

Digitized by Google

просовъ и не подозрѣвая, что онъ бьетъ ими Карташева, какъ обухомъ по темени. — У меня греза, у меня—воспоминанія. Они очищаютъ меня — слышь!—очищаютъ. Я счастливъ былъ, у меня Клавдюша была, я любилъ, и, когда вспоминаю о ней, я чувствую себя способнымъ приготовиться въ три академіи сразу. Да ты знаешь ли, что это такое первая юношеская цѣломудренная любовь, что такое первый чистый поцѣлуй любимой дѣвушки! Ты даже и вообразить себѣ не можешь, что значитъ вспомнить о такомъ поцѣлуѣ такому опустившемуся, пьяному, какъ я. Да. У тебя что? У тебя—ничего. И весь ты, какъ лимонъ выжатый, смятый, сморщенный... Твой, вонъ, ученикъ недавноу меня черезсѣдѣльникъ чуть не укралъ.

Подъ вліяніемъ отповѣди о. Аѳанасія Карташевъ какъ-то опускается, точно сидѣнье стула начинаетъ проваливаться подъ нимъ, взлохмаченная голова все ниже и ниже наклоняется, и по ввалившимся щекамъ текутъ слезы и, попадая на бороду, поблескиваютъ на короткихъ, растрепанныхъ волосахъ не то оттого, что онъ много выпилъ, не то оттого, что теперь онъ особенно сильно сознаетъ, что у него даже бодрящихъ воспоминаній нѣтъ, ничего нѣтъ и невозможно ужъ больше обманывать себя—жизнь его прожита, пѣсенка спѣта... счастья не будетъ...

— Слушай, ты бы... ну, иначе какъ бы... больно вѣдь... —говоритъ онъ дрожащимъ, прерывающимся голосомъ и размазываетъ ладонью по щекамъ слезы и чувствуетъ, что у него нѣтъ силъ удержать ихъ для того, чтобы щеки и ладонь перестали быть такими мокрыми.

О. Аѳанасій замѣчаетъ дѣйствіе своихъ словъ, понимаетъ, что нельзя задавать Карташеву такихъ вопросовъ и говорить ему такихъ словъ, — это слишкомъ жестоко, все равно, что смертельно раненаго добивать. Ему становится до страданія жаль своего пріятеля, и онъ проситъ, молитъ:

— Прости ты меня несуразнаго, глупаго... Дуракъ я... Ну, перестань... Вася, голубчикъ, не надо. Вѣдь и у меня вотъ тутъ сосетъ, грызетъ...—и указываетъ на грудь и самъ плачетъ.

Это ужъ не пьяныя слезы. Оба почти мгновенно отрезвѣли и оплакиваютъ свою жизнь—такую тяжелую, одинокую, безотрадную и знаютъ, что жить такъ придется имъ, можетъ быть, еще многіе годы—доживать эту постылую, имъ совершенно ненужную жизнь.

Digitized by Google

* * *

Несчастная разбитая страна!
Когда же надъ тобой взойдетъ заря иная,
И встанешь ты, отъ края и до края
Огнемъ свободы зажжена?!

* * *

Смотри: вдали свобода и просторъ!
Когда-жъ твой взоръ прозрѣетъ ослѣпленный?
Когда-жъ твои орлы изъ клѣтки зараженной
Прорвутся къ свѣтлымъ высямъ горъ?

* * *

Терпѣніе—заржавленнымъ мечамъ!
Прощеніе—завѣтъ давно отжившій...
Да здравствуетъ народъ, возставшій, отомстившій
За свой позоръ презрѣннымъ палачамъ!

О. Боголюбова.

Digitized by Google

Изъ исторіи рабочаго движенія.

Еще недавно „марксистовъ“ готовы были упрекать въ преувеличенномъ „культѣ“ рабочаго класса, теперь же огромная роль рабочаго движенія не только въ западной Европѣ, но и въ нашемъ отечествѣ стоитъ внѣ сомнѣнія, и, если противъ „марксистовъ“ сильно будируютъ, то лишь за ихъ „незаконное“ стремленіе ревниво оберегать свои „исключительныя права“ по отношенію къ этому классу, за ихъ „нравственно-отвратительную подозрительность“ по отношенію ко всѣмъ разновидностямъ прогрессивной буржуазіи, за подозрительность, которую они „преступно навязываютъ“ и пролетаріату. Передовые буржуа готовы выступить на борьбу за эмансипацію рабочаго класса, за *полную* его эмансипацію... отъ пролетарской классовой идеологіи!

Какъ-бы то ни было, но никогда не ослабѣвавшій съ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка интересъ русской читающей публики къ рабочему движенію, его теоріи и его исторіи могъ лишь возрасти за послѣднее время.

Между тѣмъ русская пресса, если не ошибаюсь, полнымъ молчаніемъ прошла въ прошломъ году день 28 сентября новаго стиля, день, въ который европейскій пролетаріатъ праздновалъ сорокалѣтіе своего сознательнаго выступленія, какъ интернаціональной партіи. 28 сентября (н. ст.) 1864 года въ Лондонѣ въ Сенъ-Мартинсголлѣ было основано Интернаціональное Рабочее Общество. По поводу сорокалѣтія этого знаменательнаго событія въ Европѣ появилось множество статей, брошюръ и очень сухая, но обстоятельная книга Густава Іэкка. Своевременно мы не могли по разнымъ обстоятельствамъ откликнуться на этотъ юбилей. „Но лучше поздно, чѣмъ никогда“, и мы намѣрены теперь предложить читателямъ короткій очеркъ исторіи Интернаціонала.

Возникновеніе Рабочаго Интернаціонала было такъ внезапно и неожиданно, оно настолько превосходило масштабъ буржуазной политики того времени, что идеологи правящихъ клас-

Digitized by Google

совъ сразу же стали выражать передъ нимъ непритворный ужасъ и обрушились на него цѣлымъ градомъ клеветъ, въ которыя сами отчасти вѣрили. Для примѣра того, какъ переоцѣнивала буржуазія силы Интернаціонала и какого чорта малевала она себѣ на его мѣсто, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ мемуаровъ Бернгарди, человѣка образованнаго и въ своемъ родѣ даже передового.—„Идеи революціонной программы Интернаціонала", пишетъ Бернгарди, „представляютъ изъ себя абстрактнѣйшую квинтэссенцію демократизма, это символъ вѣры новаго міра, который и обрушится на насъ непремѣнно, если мы не перестанемъ относиться небрежно къ признакамъ его наступленія". Бернгарди увѣряетъ, что „пролетаріатъ всѣхъ большихъ городовъ находится подъ командой заговорщиковъ въ Лондонѣ и Женевѣ", что планъ ихъ—„произвести соціальную революцію въ Парижѣ и распространить ее затѣмъ на Италію, Германію и такъ дальше". По свѣдѣніямъ Бернгарди, рабочія ассоціаціи занимаются военной муштровкой своихъ членовъ, у центральнаго комитета въ Лондонѣ имѣется до 100,000,000 марокъ! И испуганный авторъ съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами прибавляетъ: „Мольтке страшится побѣды соціализма, что обозначало бы всеобщее обѣднѣніе и одичаніе".

Но что такое былъ Интернаціоналъ въ дѣйствительности? Онъ не только не скрывалъ своего настоящаго значенія—онъ выразительно *запрещалъ* своимъ членамъ организовывать какія-бы то ни было тайныя общества, его работы велись открыто. Это не значитъ, конечно, чтобы въ идеяхъ его программы не было ничего страшнаго для буржуазіи.

Интернаціоналъ по мысли своихъ основателей долженъ былъ быть организующимъ началомъ для той пролетарской революціи, которую Марксъ и его друзья ждали вслѣдъ за возстаніемъ въ Италіи. Казалось, что новая общественная весна проламываетъ ледъ многолѣтней реакціи, что тронъ Наполеона III, оплотъ хищнической французской буржуазіи, колеблется и что въ предстоящей революціи пролетаріату будетъ принадлежать руководящая роль. Отчасти это такъ и было, но побѣда однако не досталась пролетаріату; революціонный періодъ 1859—1872 года закончился окончательнымъ конституированіемъ буржуазіи, которая упрочила свое положеніе болѣе чѣмъ когда-либо и принудила пролетаріатъ къ новой, долгой и блестящей подготовительной кампаніи, къ борьбѣ въ новыхъ формахъ.

Итакъ, именно повѣявшимъ въ воздухѣ приближеніемъ революціонной эпохи объясняется то, что Марксъ и Энгельсъ громко повторили кличъ, брошенный ими еще въ 1847 году: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" И кличъ этотъ нашелъ внушительный откликъ.

28 сентября 1864 года въ Лондонѣ въ Сенъ-Мартинсголлѣ

Digitized by Google

открылся многолюдный рабочій митингъ. Изъ рѣчи предсѣдателя пр. Бислея, извѣстнаго филантропа и друга рабочаго класса, можно было узнать, что въ апрѣлѣ того-же года на митингъ симпатіи Польшѣ въ Сентъ-Джемсѣ явилась депутація французскихъ рабочихъ, что въ результатѣ возникли оживленныя сношенія между рабочими Англіи и Франціи, что на данномъ митингѣ также присутствуютъ французскіе делегаты; затѣмъ предсѣдатель заявилъ, что цѣлью митинга является обсужденіе общей и братской защиты интересовъ рабочихъ всѣхъ странъ. За этимъ слѣдовала блестящая картина тогдашняго состоянія Европы, прямымъ выводомъ изъ которой Бислей считалъ необходимость тѣснаго сплоченія передовыхъ партій передовыхъ странъ, т. е. Англіи и Франціи. Послѣ прочтенія адреса англійскихъ рабочихъ была выслушана рѣчь извѣстнаго французскаго дѣятеля Толэна. На митингъ онъ явился въ качествѣ делегата французскихъ рабочихъ, и идеи его рѣчи интересны, какъ образчикъ той прудонистской мудрости, которая позднѣе портила много крови передовымъ вождямъ Интернаціонала. Толэнъ, какъ, впрочемъ, и по сю пору Жорэсъ, исходилъ во всемъ изъ Великой Революціи. Она была для него не рѣшительной побѣдой буржуазіи и капитала надъ пережитками феодализма, а чисто-моральнымъ явленіемъ, порывомъ къ прогрессу и свободѣ. За чувствами и фразами, весьма искренними и прекрасными, конечно, дѣятелей эпохи революціи, Толэнъ совершенно не видѣлъ внутренней, реальной стороны ея, и потому капитализмъ со всѣми его ужасами представляется ему, какъ онъ заявилъ въ своей рѣчи, чѣмъ-то внѣшнимъ, неожиданнымъ, наносным, какимъ-то препятствіемъ, досадно возникшимъ на пути людей прогресса. Капиталъ сталъ интернаціональной опасностью, и рабочій классъ долженъ, по Толэну, противопоставить ему интернаціональную организацію для „возстановленія *равноправія* труда и капитала“!

Послѣ нѣсколькихъ другихъ рѣчей митингъ принялъ слѣдующую резолюцію:

„Собраніе выслушало отвѣтъ французскихъ товарищей на адресъ англійскихъ рабочихъ. Митингъ привѣтствуетъ французскихъ рабочихъ и, такъ какъ программа ихъ требуетъ объединенія рабочихъ, принимаетъ въ принципѣ интернаціональное сообщество. Митингъ выбираетъ комитетъ съ полномочіемъ пополнять себя новыми членами для выработки устава будущаго международнаго союза“.

Въ комитетъ были избраны самые выдающіеся вожди новаго Трэдъ юніонизма — Оджеръ, Гоулъ, Эккаріусъ и др. Изъ иностранцевъ избраны были: секретарь Маззини—Вольфъ, Боскэ и *докторъ Марксъ*.

Къ октябрю комитетъ окончательно конституировался; въ немъ было 25 англичанъ, 10 нѣмцевъ, 9 французовъ, 6 итальян-

Digitized by Google

цевъ, 2 поляка и 2 швейцарца. Надо замѣтить, что въ началѣ всю силу новаго общества составляла поддержка англичанъ, особенно дѣятельная со стороны Trades-Council'я, союза рабочихъ обществъ Лондона. Вступительный адресъ комитета былъ написанъ Марксомъ и принятъ единогласно, хотя послѣ довольно жаркихъ преній, что само собою понятно при наличности въ комитетѣ прудонистовъ, радикаловъ, экономистовъ и пр. и пр. Контръ-проектъ, исходившій отъ Маззини и отвергавшій теорію борьбы классовъ, былъ отклоненъ.

Главнѣйшей особенностью превосходнаго адреса Маркса является тактъ, съ которымъ онъ сумѣлъ высказать съ большею полнотой свои идеи, не дразня и не осуждая тѣ организаціи и тѣхъ будущихъ товарищей, которые придерживались иныхъ, зачастую весьма спутанныхъ и неумныхъ воззрѣній. Марксъ надѣялся, что современемъ все это обойдется, и хотѣлъ лишь помогать жизни научить соратниковъ политическимъ истинамъ. Первая задача была создать возможно болѣе широкую организацію, и Марксъ не хотѣлъ ослаблять ее, внося сразу духъ правовѣрной нетерпимости. Само собою разумѣется, что такое поведеніе Маркса, вполнѣ подходящее для того момента, не было для него общимъ правиломъ, и ему и его ученикамъ гораздо чаще, въ силу требованій жизни, приходилось проявлять „нравственно-отвратительную подозрительность“ и „сектантскую узость“.

Адресъ начинается яркой картиной нужды рабочихъ масъ въ богатой и процвѣтающей Англіи. Марксъ подчеркиваетъ важность для рабочаго класса этой мрачной картины: „съ другой мѣстной окраской, говоритъ онъ, и въ меньшемъ масштабѣ англійскіе порядки распространяются по всѣмъ странамъ вмѣстѣ съ промышленностью“... „Въ Англіи смерть отъ голода стала своего рода соціальнымъ учрежденіемъ въ эту эпоху промышленнаго расцвѣта, и то же грозитъ всюду“. Затѣмъ Марксъ переходитъ къ политической сторонѣ: послѣ 1848 года реакція уничтожила почти всѣ рабочія газеты и организаціи и подточила самую энергію этого революціоннаго класса. Пораженіе рабочаго класса на континентѣ придало мужества правящимъ классамъ и въ Англіи. Однако-же весь этотъ несчастный періодъ не лишилъ рабочихъ всей ихъ иниціативы: Марксъ отмѣчаетъ проведеніе билля о 10-часовомъ днѣ, какъ побѣду принципа вмѣшательства государства въ „свободный договоръ“ пролетарія съ капиталистомъ. „Это пораженіе политической экономіи буржуазіи, это уступка рабочей политической экономіи“. Не менѣе торжественно подчеркиваетъ Марксъ успѣхъ піонеровъ рабочихъ кооперацій въ Рочделѣ, тѣмъ болѣе, что успѣхъ этотъ купленъ всецѣло цѣною усилій рабочаго класса, а не опредѣлился благопріятной конъюнктурой борьбы парламентскихъ пар-

Digitized by Google

тій, какъ законъ о 10-часовомъ рабочемъ днѣ. И здѣсь Марксъ останавливается не на непосредственной практической полезности кооперацій, а на высшемъ соціологическомъ значеніи успѣха,—по Марксу, кооперативъ есть ударъ буржуазной политической экономіи, которая принципіально дѣлитъ людей въ производствѣ на работодателей и рабочихъ: кооперативъ есть доказательство возможности свободнаго сотрудничества. Но сразу пресѣкая всякую попытку увлечь рабочій классъ утопіей кооперативныхъ лавочекъ, Марксъ утверждаетъ, что кооперативная организація труда можетъ быть успѣшной въ полномъ смыслѣ, лишь поднявшись до степени національной его организаціи. Лишь борьба на политической почвѣ, дружная борьба съ реакціей за власть, можетъ привесть къ серьезнымъ успѣхамъ. Эту задачу и будетъ преслѣдовать Интернаціоналъ. И, выдвинувъ еще также задачу оздоровленія международной политики, адресъ заканчивается все тѣмъ же кличемъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"...

Таково содержаніе перваго манифеста Интернаціональнаго рабочаго общества.

Интернаціоналу удалось сразу завоевать себѣ почетное мѣсто не только потому, что во главѣ его стояли высоко-талантливые вожди, но и потому, что сознаніе необходимости объединенія было широко распространено въ рабочемъ классѣ Англіи того времени. Дружеское отношеніе со стороны могучихъ англійскихъ рабочихъ союзовъ обезпечивало за юной организаціей извѣстный престижъ. Въ 1866 году въ Шеффильдѣ представители Трэдъ-юніонизма приняли весьма рѣшительную резолюцію такого рода: „Конгрессъ признаетъ заслуги Интернаціонала въ дѣлѣ братскаго объединенія рабочихъ всѣхъ странъ, онъ рекомендуетъ настоятельнѣйшимъ образомъ всѣмъ представленнымъ на немъ рабочимъ союзамъ примыкать къ Интернаціоналу, въ убѣжденіи, что это общество имѣетъ громадную важность для прогресса и развитія рабочаго движенія".

Несмотря однако на то, что къ Интернаціоналу примкнули все-какіе рабочіе союзы и въ другихъ странахъ Европы (во Франціи, Бельгіи, Швейцаріи), первоначальная мысль о немедленномъ созывѣ общаго конгресса въ Брюсселѣ была оставлена организаціоннымъ комитетомъ. Отчасти мотивомъ было вызывающее поведеніе бельгійскаго министерства, но болѣе всего желаніе сговориться сначала въ болѣе тѣсномъ кругу самыхъ передовыхъ вождей рабочаго движенія того времени. Для этой цѣли 25 сентября 1865 г. открылась въ Лондонѣ особая конференція. На ней присутствовали выдающіеся люди трэдъ-юніонистскаго движенія, какъ Оджеръ, Гоуэлъ, Шоу; Франція была представлена главнымъ образомъ прудонистами, вродѣ краснорѣчиваго Толэна, явился также Варлэнъ, позднѣе генералъ Коммуны; Швейцарія была представлена

Digitized by Google

старикомъ Беккеромъ, опытнымъ и талантливымъ организаторомъ и агитаторомъ, пользовавшимся безграничнымъ довѣріемъ рабочихъ, ввиду цѣлаго ряда выдающихся, частью военныхъ, заслугъ его во время революціи 48—49 годовъ въ Баденѣ; изъ Бельгіи явился де-Пепе, врачъ, пожелавшій жить жизнью рабочаго и сдѣлавшійся наборщикомъ, человѣкъ съ большимъ образованіемъ и огромной энергіей; нѣмецкій союзъ коммунистовъ былъ представленъ Лесснеромъ. Изъ членовъ комитета присутствовали Марксъ, Юнгъ, Эккаріусъ; были также представители отъ Польши и Италіи.

Конференція ознакомилась съ положеніемъ рабочаго движенія въ различныхъ странахъ. Изъ докладовъ явствовало между прочимъ не только то, что порядки Франціи, экономически передовой страны континента, препятствовали въ то время развитію движенія, но что отсталость французской промышленности отъ англійской сказалась и въ самихъ пріемахъ мысли и работы французовъ, которые совершенно не умѣли организовать широкое политическое и синдикальное движеніе даже постольку, поскольку это было возможно во Франціи.

Внеся порядокъ въ финансовую жизнь Интернаціонала, въ его администрацію, конференція постановила организовать, какъ можно скорѣе, издательство оффиціальнаго интернаціональнаго органа; пока таковымъ была объявлена англійская рабочая газета „Workmans Advocat". Конференція постановила не далѣе какъ черезъ годъ созвать конгрессъ въ Женевѣ. Свободная Швейцарія, большіе города которой изстари были средоточіемъ многихъ свободныхъ организацій, естественно явилась лучшимъ мѣстомъ для созыва перваго конгресса Интернаціонала. Швейцарская секція Интернаціонала развивалась также съ поразительной быстротой, и вскорѣ послѣ Лондонской конференціи Беккеру удалось организовать превосходную газету „Der Vorbote", которая сослужила Интернаціоналу огромную службу.

Лондонская конференція, разумѣется, послужила мишенью для злобныхъ клеветъ буржуазной прессы, но зато, напр., Анри Мартэнъ, выдающійся французскій историкъ, горячо привѣтствовалъ конференцію въ блестящей статьѣ въ „Siècle".

Первыя организаціи Интернаціонала въ Англіи не носили оригинальнаго характера, это были просто примкнувшіе къ нему рабочіе союзы обычнаго въ Англіи типа; наоборотъ, въ Швейцаріи почва была гораздо менѣе подготовлена, и Беккеру и его помощникамъ зачастую приходилось организовывать вновь. Редакція Vorbot'a и организаторы, дѣйствовавшіе отъ имени Интернаціонала, ни на минуту не отодвигали тѣхъ великихъ задачъ, которыя составляли идейную сущность новаго движенія, но они считали необходимымъ всюду и всегда связывать общія

Digitized by Google

требованія рабочаго класса съ конкретными и непосредственными. Беккеръ усиленно старался придавать новымъ организаціямъ разнообразный видъ кружковъ самообразованія, кассъ взаимопомощи, синдикатовъ и т. д. Объ этомъ Беккеръ писалъ между прочимъ: „Основной задачей Интернаціонала всегда должна являться борьба за удовлетвореніе умственныхъ, нравственныхъ и тѣлесныхъ потребностей рабочаго класса, стремленіе къ *гармоническому* ихъ удовлетворенію. Начинать эту борьбу нужно всюду, гдѣ имѣются практическіе исходные пункты; Интернаціоналъ не долженъ упустить изъ вида рабочіе союзы, кружки и кассы всякаго рода; организуя ихъ, легче всего одержать верхъ надъ расовымъ антагонизмомъ и расчистить путь объединенію рабочихъ всѣхъ странъ на почвѣ грандіозной экономической и политической борьбы". Беккеръ усиленно боролся противъ участія рабочихъ въ буржуазной политикѣ, противъ вѣры въ зазывающія обѣщанія претендентовъ различныхъ партій на депутатскія кресла, но онъ совершенно недвусмысленно отстаивалъ самостоятельную политическую борьбу рабочаго класса, и позднѣйшія попытки изобразить Беккера антиполитикомъ основаны на незнаніи или извращеніи фактовъ.

Первый конгрессъ Международнаго рабочаго общества засѣдалъ въ Женевѣ отъ 3 до 8 сентября 1866 г. По мнѣнію Каутскаго, выработанныя имъ основныя положенія сохраняютъ свою свѣжесть, правильность и поучительность и до нашихъ дней. На конгрессѣ представлено было 25 секцій Интернаціонала и 11 примкнувшихъ къ нему кооперативныхъ обществъ. Всего присутствовало 60 делегатовъ. Швейцарія представлена была Беккеромъ и Дюплэй, работавшимъ параллельно Беккеру среди швейцарскихъ рабочихъ французской національности; кромѣ того присутствовалъ Куллери, расплывчатый и сантиментальный прудонистъ, вооруженный напыщенной и страстной фразеологіей, человѣкъ, въ которомъ большая преданность рабочему дѣлу сочеталась съ шарлатанствомъ и безграничнымъ честолюбіемъ, человѣкъ, причинившій позднѣе не мало зла Интернаціоналу. Изъ французовъ, кромѣ Толэна и Варлэна присутствовалъ еще родоначальникъ такъ наз. „Интегральнаго соціализма" Малонъ, даровитый и образованный писатель, но человѣкъ безхарактерный и политически наивный. Отъ генеральнаго совѣта явились Оджеръ, Эккаріусъ, нѣмецкій эмигрантъ и заслуженный рабочій публицистъ, и нѣкот. другіе. Марксъ не явился. Въ объясненіе онъ писалъ Кугельману:

„Я посвятилъ много времени подготовительной работѣ къ Женевскому съѣзду, но ѣхать туда не могу, такъ какъ не хочу прерывать моей работы: я думаю, что результаты этой работы для рабочаго класса будутъ большіе, чѣмъ все, что можетъ дать мое личное присутствіе на какомъ бы то ни было конгрессѣ". Работа, о которой говоритъ здѣсь Марксъ, была—„Капиталъ".

Digitized by Google

Хотя Марксъ и отсутствовалъ на конгрессѣ въ Женевѣ — вліяніе его на этотъ конгрессъ было вполнѣ рѣшающее, такъ какъ имъ былъ написанъ большой докладъ, касавшійся почти всѣхъ вопросовъ порядка дня, и предложенныя имъ отъ имени Генеральнаго Совѣта рѣшенія были приняты почти безъ измѣненій, хотя и послѣ болѣе или менѣе бурныхъ преній.

Прежде всего конгрессъ окончательно установилъ основныя черты организаціи Интернаціонала. Основнымъ организаціоннымъ принципомъ былъ признанъ демократическій централизмъ: Генеральному Совѣту были даны чрезвычайно широкія полномочія по объединенію и направленію дѣятельности Общества, по признанію новыхъ организацій или распущенію старыхъ и т. д. Но въ то же время Генеральный Совѣтъ былъ безусловно подчиненъ ежегоднымъ конгрессамъ. За Совѣтомъ было признано лишь право по нуждѣ измѣнять *мѣсто* конгресса, *но ни въ коемъ случаѣ не опредѣлять произвольно его время.* Время будущаго конгресса долженъ былъ опредѣлять предшествующій съѣздъ. За секціями была признана извѣстная автономія, но съ обязательствомъ подчиняться основнымъ статутамъ, утверждавшимъ слѣдующія истины: „рабочій классъ, какъ таковой, вынужденъ вести борьбу за свое существованіе и за свои интересы, прямо противоположные интересамъ господствующаго класса — буржуазіи; свою борьбу рабочій классъ долженъ вести, надѣясь и опираясь лишь на свои собственныя силы; политическая зависимость пролетаріата, его безправіе есть лишь результатъ его экономическаго угнетенія, поэтому политическая борьба должна всегда носить подчиненный характеръ, служить только для полной экономической эмансипаціи пролетаріата; борьба рабочаго класса должна носить интернаціональный характеръ, такъ какъ такой характеръ носитъ самъ соціальный вопросъ“.

Нѣкоторые французы желали кромѣ того поставить секціямъ такое условіе: не принимать въ число своихъ членовъ никого, кромѣ работниковъ физическаго труда. Англичане энергично запротестовали, и предложеніе благополучно провалилось.

Вообще французы играли на конгрессѣ, благодаря своему мѣщанскому прудонизму, очень печальную роль, и надо удивляться, что имъ все же не удалось испортить его резолюцій. Почти по всякому вопросу французскіе представители произносили длинныя и литературно обработанныя рѣчи, полныя узенькихъ и ненаслѣченныхъ идеекъ. Такъ, напр., они рѣшительно заявили, что стачки ни къ чему не ведутъ, что это опасное оружіе, что безъ него великолѣпно можно обойтись, превративъ всѣхъ наемныхъ рабочихъ въ мелкихъ самостоятельныхъ производителей— путемъ организаціи дешеваго кредита и обмѣна. Равнымъ образомъ краснорѣчивые господа не хотѣли понять гигіеническихъ основаній 8-мичасового дня и предлагали требовать 10-тичасовой.

Digitized by Google

Но особенно характерными и интересными были дебаты о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ. Для высоконравственныхъ прудонистовъ вовлеченіе женщины и ребенка въ производство казалось варварствомъ, грозящимъ культурѣ и самой жизни человѣчества; въ пламенныхъ тирадахъ требовалъ Кулери, чтобы мать осталась у домашняго очага охранять нѣжный возрастъ своихъ дѣтей, свободныхъ отъ проклятія труда. Французы внесли предложеніе „протестовать противъ женскаго труда, какъ противъ зла, ведущаго за собою физическое, моральное и соціальное вырожденіе“.

Марксъ занялъ въ своемъ докладѣ совершенно другое положеніе. Онъ, конечно, съ негодованіемъ протестовалъ противъ тѣхъ дикихъ и эксплуататорскихъ *формъ*, въ какихъ проявляется въ капиталистическомъ обществѣ участіе женщинъ и дѣтей въ производствѣ, но самое участіе это Марксъ считаетъ несомнѣннымъ благомъ. Женскій трудъ эмансипируетъ женщину отъ гнета душной семейной жизни, и, поставленный гигіенически, онъ долженъ способствовать здоровью и силѣ женщины, а также самостоятельности ея характера. Дѣтскій трудъ, по мысли Маркса, можетъ быть превращенъ въ источникъ чудеснаго и истинно-современнаго воспитанія. Образованіе дѣтей должно быть интегральнымъ, оно должно развивать и тѣло и душу и давать политехническіе познанія и навыки. Но такое образованіе можетъ быть осуществлено лишь путемъ „превращенія соціальной разумности въ политическую силу, т. е. путемъ общихъ законовъ, проведенныхъ силой государства. Добиваясь проведенія подобнаго законодательства, рабочій классъ отнюдь не укрѣпляетъ силу правительства. Наоборотъ—онъ заставляетъ служить себѣ ту силу, которая теперь направлена противъ него. Однимъ законодательнымъ актомъ рабочій классъ можетъ добиться того, чего не въ силахъ осуществить безчисленныя попытки частныхъ лицъ. Итакъ, уже въ современномъ обществѣ надо стремиться къ тому, чтобы дѣтскій трудъ неразрывно сочетался съ образованіемъ. Дѣти должны быть раздѣлены на три ступени по возрастамъ и, развивая постепенно умъ и тѣло, постепенно овладѣвать также всѣми сторонами промышленной техники и всѣми пріемами всякаго рода труда“. Въ концѣ концовъ была принята резолюція въ духѣ Маркса.

Вліяніе Маркса сказалось также въ резолюціяхъ о кооперативныхъ обществахъ и о рабочихъ союзахъ. Конгрессъ отвергъ всѣ спеціальныя системы *кооперативовъ*, слѣдовательно, и прудоновскую утопію; онъ призналъ, что принципъ кооперацiи можетъ быть вполнѣ проведенъ въ жизнь лишь послѣ того, какъ пролетаріатъ овладѣетъ государственною властью; кооперативамъ рекомендовалось употреблять свои доходы на активную пропаганду идей рабочаго класса. Дѣятельность *рабочихъ союзовъ* была признана конгрессомъ совершенно неизбѣжной въ капиталистическомъ обществѣ, гдѣ оборонительныя стачечныя кассы однѣ

Digitized by Google

лишь способны удержать алчное наступленіе капиталистовъ; рекомендовано было возможно болѣе широкое объединеніе такихъ союзовъ. Кромѣ того, въ докладѣ Маркса подчеркивалось значеніе союзовъ, какъ центровъ рабочей организаціи, играющихъ для четвертаго сословія ту же роль, какую для третьяго сыграли муниципалитеты. „Рабочіе союзы могутъ имѣть въ виду исключительную повседневную борьбу съ предпринимателями, но это значитъ лишь, что они сами не понимаютъ всего своего значенія, вслѣдствіе искусственной изолированности отъ политической и соціальной жизни рабочаго класса". Докладъ отмѣчалъ поворотъ къ лучшему въ этомъ отношеніи за послѣднее время. Французы внесли таки въ резолюцію нѣсколько лишнихъ водянистыхъ фразъ, но все-же духъ принятой резолюціи былъ вполнѣ Марксовскій. Другіе вопросы были менѣе важны. Послѣ пятидневной работы конгрессъ закончился.

Интересно, что почти одновременно съ Женевскимъ конгрессомъ засѣдалъ въ Балтиморѣ конгрессъ американскихъ рабочихъ. Марксъ писалъ о немъ въ письмѣ къ одному другу: „Недавній американскій конгрессъ доставилъ мнѣ много радости. Лозунгомъ здѣсь тоже была организація для борьбы съ капиталомъ, а вѣрный инстинктъ рабочихъ удивительнымъ образомъ подсказалъ американскимъ рабочимъ много рѣшеній, подобныхъ женевскимъ".

Пресса отнеслась къ конгрессу съ огромнымъ вниманіемъ. Лишь наступленіе страшныхъ военныхъ грозъ отвлекло вниманіе обезпокоеннаго общественнаго мнѣнія. Въ то время, какъ Сѣверный союзъ, этотъ провозвѣстникъ буржуазной централизаціи и буржуазнаго имперіализма, начиналъ свое дѣло разгромомъ сосѣдей, въ Англіи происходила бурная борьба Лиги Реформъ за демократизацію политическаго строя Англіи. Рабочіе играли тутъ самую выдающуюся роль. Но громадныя историческія событія эти не оправдывали ожиданій Маркса. Все это были лишь симптомы довершенія революціи буржуазной, именно буржуазія укрѣплялась, расправляла свои члены, находила и создавала черезъ посредство „государственныхъ людей" новыя, спокойныя формы своего господства внутри, стремясь въ то же время отлиться въ громадныя и сильныя военныя государства для борьбы съ другими, конкурирующими буржуазно-національными потоками. И блестящая кампанія англійскихъ рабочихъ была лишь результатомъ стремленій нѣсколько поудобнѣе устроиться въ доказавшемъ свою прочность буржуазномъ домѣ, а отнюдь не порожденіемъ широкихъ соціально-революціонныхъ плановъ.

Однако же рабочій классъ континента страшно волновался, и въ немъ отнюдь не было замѣтно разсудительной умѣренности его англійскихъ братьевъ. Здѣсь борьба принимала совсѣмъ другой характеръ. Если изъ всего періода 66—72 годовъ буржуазія вышла господиномъ положенія, то далеко не абсолютнымъ, такъ

Digitized by Google

какъ растущій молодой врагъ, временно пораженный, все же грозно и многозначительно поднимался передъ нею. Революціонный періодъ этотъ былъ послѣднимъ для буржуазіи и только среднимъ и чрезвычайно значительнымъ этапомъ для рабочаго класса. Несомнѣнно однако одно, что многообѣщающій характеръ носила въ это время именно борьба неорганизованныхъ рабочихъ, хотя она и не привела ни къ одной побѣдѣ, подобной побѣдамъ Лиги Реформъ въ Англіи. Стачка бронзовыхъ рабочихъ въ Парижѣ на первый взглядъ далеко не имѣетъ первоклассного историческаго значенія, а между тѣмъ она показала такую могучую солидарность пролетаріата всѣхъ странъ Европы, что могла возбудить даже чрезмѣрныя надежды. Она первая показала Марксу, что центръ тяжести рабочаго движенія начинаетъ передвигаться на континентъ.

О Лозаннскомъ 2 конгрессѣ Интернаціонала, имѣвшемъ мѣсто 2 сентября 1867 года, не приходится много говорить. О немъ установилось совершенно правильное мнѣніе, что работы его въ значительной мѣрѣ были вторымъ ухудшеннымъ изданіемъ работъ Женевскаго конгресса. Особенно отличались въ дѣлѣ пониженія уровня дискуссіи французы. Одинъ изъ нихъ въ теченіе всего конгресса надоѣдалъ доказательствомъ огромной важности реформы грамматики. Подобныхъ курьезовъ было не мало. Между тѣмъ въ конгрессѣ принимали участіе такіе люди, какъ Бюхнеръ, авторъ „Силы и Матеріи", и его антиподъ Фр. Альбертъ Ланге, авторъ „Исторіи матеріализма". Единственно интересными въ работахъ конгресса приходится считать отчеты, изъ которыхъ видно, что и въ Англіи, и во Франціи, въ Бельгіи, и въ Швейцаріи значеніе Интернаціонала и число его членовъ выросло, что его вліяніе начало сказываться также въ Испаніи и Италіи. Любопытенъ еще отвѣтъ конгресса на предложеніе сантиментально-буржуазной Лиги Мира о соединеніи: конгрессъ заявилъ, что въ случаѣ принятія Англіей всѣхъ статутовъ Интернаціонала онъ считаетъ сліяніе возможнымъ. Господа сантименталисты были глубоко возмущены, совершенно справедливо посчитавъ такой отвѣтъ за насмѣшку.

Время отъ Лозаннскаго конгресса до Брюссельскаго ознаменовалось крупными стачками, еще превзошедшими своими размѣрами и упорствомъ стачку бронзовщиковъ 1867 года. Успѣхи Интернаціонала на почвѣ стачечнаго движенія заставили буржуазію и ея прессу распространять о немъ всякіе страхи и небылицы. Силы его къ этому времени во всякомъ случаѣ были дѣйствительно значительны. Весною 1868 года разразилась стачка строительныхъ рабочихъ въ Женевѣ. Рабочіе потребовали повышенія платы на 20% и сокращеніе дня съ 12 до 10 часовъ. Получивъ отказъ, они объявили забастовку. Рабочіе просили Женевскій комитетъ Интернаціонала руководить стачкой. Хозяева

Digitized by Google

немедленно и рѣшительно заявили, что ни за что не примутъ посредничества „заговорщиковъ". На это центральный комитетъ Женевы отвѣтилъ объявленіемъ на стѣнахъ, что рабочіе всѣхъ секцій приглашаются собраться въ тотъ же день на общее собраніе по барабанному бою. Ужасъ охватилъ женевскую буржуазію: магазины и дома были заперты, деньги и цѣнныя вещи припрятаны, кто могъ вооружился. Собраніе открылось при наличности 5000 человѣкъ. На немъ рѣшено было, что рабочіе другихъ отраслей объявятъ „стачку сочувствія", а комитетъ обратится за денежной помощью къ другимъ отдѣленіямъ Союза. Генеральный Совѣтъ далъ знать, что можетъ присылать въ Женеву ежемѣсячно 40000 франковъ. Изъ Брюсселя и Парижа было также прислано не мало денегъ. Такая поддержка Интернаціонала произвела одинаково огромное впечатлѣніе какъ на капиталистовъ, такъ и на рабочихъ. Число членовъ Интернаціонала въ Швейцаріи стало быстро расти, со всѣхъ сторонъ шли взносы и заявленія симпатіи. Борьба длилась 3 недѣли, и капиталисты вынуждены были уступить: они согласились на введеніе 10-тичасового рабочаго дня и на увеличеніе заработной платы на 10%.

Стачки въ Бельгіи, сопровождавшіяся кровопролитіемъ, дали также Генеральному Совѣту случай доказать крайне забитому въ то время бельгійскому рабочему пользу Союза. Стачки 68 года были началомъ прочныхъ организаціонныхъ успѣховъ Интернаціонала въ Бельгіи. Тотъ же годъ ознаменовался фактическимъ присоединеніемъ къ Интернаціоналу лассаліанцевъ и марксистовъ Германіи и рабочихъ союзовъ Австріи.

Насколько уваженія внушилъ къ себѣ Интернаціоналъ борьбою и успѣхами этого года, видно изъ заявленія Бисмарку Барменъ-Эльберфельдскихъ капиталистовъ, которые жаловались, что безъ пониженія заработной платы они не могутъ выдержать конкурренціи Англіи, а что такое пониженіе немыслимо въ виду успѣховъ и силы Интернаціональнаго Общества. „Times" писалъ: „Нужно идти къ возникновенію христіанства и обновленію античнаго міра, чтобъ найти аналогію этому движенію".

При такихъ сравнительно блестящихъ условіяхъ открылся 3 конгрессъ Интернаціонала 6 сентября въ Брюсселѣ.

На этомъ конгрессѣ преобладали бельгійцы: изъ 96 человѣкъ ихъ было 55, между ними профессора Гинсъ и Пепе. Кромѣ того присутствовали почти всѣ крупнѣйшіе вожди рабочаго движенія Франціи, Англіи; были также нѣмцы, итальянцы и испанцы.

Уровень дискуссіи былъ значительно выше, чѣмъ на пустопорожнемъ Лозаннскомъ конгрессѣ. Правда, прудонисты давали себя чувствовать и здѣсь, но несравненно слабѣе.

Изъ вопросовъ, разбиравшихся на конгрессѣ, важнѣйшими были слѣдующіе:

Digitized by Google

Вопросъ о войнѣ. Докладчикъ Пепе указывалъ на то, что хищническіе инстинкты буржуазіи легко приводятъ къ международнымъ столкновеніямъ, что торжества прочнаго мира можно ждать только отъ паденія буржуазнаго строя; но въ то же время онъ рекомендовалъ рабочимъ немедленно протестовать противъ попытокъ навязать имъ войну, дѣлая ее невозможной путемъ отказа отъ исполненія воинской повинности и путемъ массовыхъ стачекъ. Была единогласно принята соотвѣтствующая резолюція.

Вопросъ о *вліяніи усовершенствованныхъ машинъ на положеніе рабочаго класса.* Конгрессъ рѣшилъ, что рабочіе путемъ основанія кооперативовъ и организацій взаимнаго кредита должны добиваться пріобрѣтенія машинъ въ собственныя руки. Здѣсь сказывается свойственная тому времени переоцѣнка значенія производительныхъ обществъ.

Конгрессъ основательно продумалъ также разныя мѣры для *распространенія образованія* среди рабочихъ.

По вопросу *объ организаціи кредита* прудонисты прочли цѣлый рядъ лекцій: согласно ученію своего учителя, они предлагали немедленно приступить къ основанію рабочаго мѣнового банка; банкъ этотъ долженъ былъ служить посредникомъ между свободными производителями и выпустить, подъ залогъ своихъ складовъ и труда своихъ кліентовъ, бумажныя деньги, организовавъ въ то же время безпроцентный кредитъ для свободныхъ ремесленниковъ и рабочихъ ассоціацій. Нѣмцы и англичане на основаніи опыта и теоріи доказывали полную фантастичность и необыточность подобнаго плана, но французскіе прудонисты нашли поддержку въ бельгійцахъ.

Въ длинной резолюціи, принятой съѣздомъ, отразился поэтому прудонизмъ, именно въ разглагольствованіи о пагубности и безнравственности ростовщичества,—однако самый планъ мѣнового банка резолюція признавала слишкомъ сложнымъ и отлагала рѣшеніе вопроса о немъ.

По вопросу о *собственности на орудія производства* прошла резолюція Пепе, весьма основательно аргументированная имъ въ особомъ докладѣ. Согласно резолюціи, каменоломни, угольныя и прочія копи, а также желѣзныя дороги должны быть объявлены собственностью государства, но государства безусловно демократическаго; до тѣхъ поръ, пока это новое государство не будетъ въ состояніи само взять на себя непосредственное руководство этими отраслями труда, перечисленныя орудія производства должны быть переданы въ пользованіе рабочимъ союзамъ съ гарантіями, однако, для всего общества. Точно также поля, луга и лѣса должны быть объявлены общественной собственностью и переданы, при соблюденіи достаточныхъ гарантій, для обработки и пользованія союзамъ земледѣльческихъ рабочихъ.

Digitized by Google

Подобная резолюція встрѣтила, разумѣется, сопротивленіе со стороны прудонистовъ, усмотрѣвшихъ въ ней „грубый коммунизмъ". Однако протесты ихъ были тщетны.

Далѣе конгрессъ выразилъ глубокую благодарность автору недавно появившагося въ то время труда „Капиталъ", констатируя, что „ему принадлежитъ неоцѣнимая заслуга быть первымъ экономистомъ, подвергшимъ капиталъ научному анализу и выяснившимъ его элементы".

Конгрессъ вновь утвердилъ прежній уставъ союза и выбралъ Генеральный Совѣтъ приблизительно въ прежнемъ составѣ.

Рабочее движеніе въ нѣмецкихъ странахъ находилось нѣкоторое время въ филіальныхъ отношеніяхъ къ женевскому центральному комитету Интернаціонала, но съ окончательнымъ образованіемъ Соціалъ-Демократической партіи оно пріобрѣло полную самостоятельность. Партія эта впервые выступила, какъ парламентская, проведя 6 членовъ въ первый рейхстагъ въ 1867 году. До тѣхъ поръ Интернаціоналъ почти нигдѣ не принималъ дѣятельнаго участія въ парламентскихъ выборахъ. Даже въ Англіи, несмотря на избирательную реформу, рабочіе кандидаты не имѣли успѣха.

1869 годъ былъ полонъ трагическихъ событій. Рядъ сильныхъ стачекъ имѣлъ мѣсто какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ; многія изъ нихъ имѣли трагическую развязку, приводили къ голоду и военнымъ кровавымъ расправамъ. Генеральный Совѣтъ всюду оказывалъ дѣятельную моральную и матеріальную поддержку. Очень тяжелое впечатлѣніе произвелъ на членовъ союза случай съ преданнымъ другомъ рабочихъ—бельгійскимъ профессоромъ Гинсомъ. Буржуазія не могла простить этому представителю науки его дѣятельное участіе въ Интернаціоналѣ. Подъ ничтожнымъ предлогомъ онъ былъ арестованъ. Три недѣли полиція не давала никакихъ вѣстей его женѣ, на которой Гинсъ женился всего за нѣсколько недѣль до катастрофы. Молодая женщина обратилась за справками къ прокурору, измученная безпокойствомъ. Прокуроръ грубо отказалъ ей. Бѣдняжка не пережила муки неизвѣстности и смертельно заболѣла: освобожденный мужъ могъ лишь поспѣть къ ея послѣднимъ минутамъ. Тысячи рабочихъ провожали въ могилу жертву полицейской мести.

Въ виду того, что коллективистическія резолюціи Брюссельскаго конгресса смущали многихъ членовъ Интернаціонала, и что нѣкоторые члены конгресса (до 30) воздержались отъ голосованія, рѣшено было пересмотрѣть вопросъ о собственности на орудія производства въ связи съ вопросомъ о наслѣдствѣ на конгрессѣ въ Базелѣ. Конгрессъ этотъ имѣлъ мѣсто 22 іюня 1869 года. На немъ присутствовало 75 делегатовъ, въ томъ числѣ почти всѣ выдающіеся вожди рабочаго движенія.

На этомъ конгрессѣ появился также среди французской делегаціи и Бакунинъ, неутомимый заговорщикъ, человѣкъ съ боль-

Digitized by Google

ной волей, умѣніемъ импонировать людямъ и командовать ими, но въ то же время полный противорѣчивыхъ непереваренныхъ идей, которыя онъ готовъ былъ защищать какими угодно средствами, такъ какъ его непомѣрное честолюбіе заставляло его искренно вѣрить въ свою непогрѣшимость.

Стычки между мелко буржуазными фантастами и марксистами начались сразу. Нѣмцы требовали немедленнаго разсмотрѣнія предложенія Риттингаузена о прямомъ народоправленіи. Прудонисты, бакунисты и компанія отвѣчали, что вопросъ о той или иной *политической* организаціи не есть интернаціональный, а чисто-національный вопросъ. Очевидно было, что „романцы" не считаютъ нужнымъ пользоваться для освобожденія рабочаго класса такимъ оружіемъ, какъ національныя демократическія (болѣе или менѣе демократическія) государства. Нѣмцы указывали на то, что внѣ демократизаціи отдѣльныхъ государствъ и стремленія къ завладѣнію въ нихъ властью—программа Интернаціонала неисполнима. Нѣмцы естественно были провозвѣстниками того новаго типа движенія, который прочно установился въ настоящее время: „романцы" настаивали на чисто интернаціональныхъ, другими словами, чисто экономическихъ формахъ борьбы, на несущественности для рабочихъ борьбы за парламентаризмъ и на почвѣ парламентаризма. Нѣмцы однако вышли побѣдителями изъ этой первой стычки, въ которой съ ясностью намѣтились физіономіи двухъ группъ, на которыя позднѣе распался Интернаціоналъ.

Позднѣе, понявъ, что доступъ въ Генеральный Совѣтъ союза навсегда закрытъ для „экономистовъ", и что имъ невозможно добиться большинства во всемъ цѣломъ Интернаціонала, Бакунинъ и его единомышленники съ пѣной у рта кричали о самовластіи центра и защищали автономію секцій, но на Базельскомъ конгрессѣ имъ было ясно лишь одно: автономія секцій означаетъ перевѣсъ національно-политическихъ рабочихъ организацій, центръ же представляетъ собою начало интернаціональное, экономическое, „чисто-революціонное", ихъ лозунгомъ было: *интернаціональная революціонная борьба, а не національная парламентская*, поэтому тутъ Бакунинъ выступалъ, можно сказать, безпощаднымъ централистомъ. Такъ какъ марксисты считали централизмъ правильнымъ организаціоннымъ принципомъ, то въ результатѣ *права Генеральнаго Совѣта* по отношенію къ секціямъ и центр. комитетовъ секцій по отношенію къ филіаціямъ были расширены.

Вопросъ *о собственности на орудія производства* былъ разбитъ на два: 1) Имѣетъ ли общество право экспропріировать собственниковъ? 2) Необходима ли эта экспропріація?—Дебаты велись весьма всесторонне.

Лишь два оратора утверждали, что давность владѣнія даетъ владѣльцамъ орудій производства нѣкоторыя права: остальные

Digitized by Google

полагали, что въ основѣ неравномѣрнаго распредѣленія собственности исторически всегда лежитъ насиліе, обманъ и т. д. 54 делегата голосовали *за* право общества на экспропріацію, 4 *противъ*, 18 воздержались. *За* необходимость экспропріаціи голосовали 53 делегата, *противъ* 8, 10 воздержались. По вопросу о томъ, какъ должно организовать затѣмъ производство, большинство выбранной для разсмотрѣнія этого вопроса комиссіи высказалось за то, чтобы производство было организовано солидарными общинами, меньшинство за сдачу земель и промышленныхъ заведеній въ аренду отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ. Генеральный Совѣтъ устами Эккаріуса высказался за обработку земель машинами въ крупныхъ размѣрахъ непосредственно государствомъ или черезъ посредство свободно возникшихъ союзовъ подъ контролемъ его, а также за централизацію всего производства.

Бакунинъ энергично настаивалъ на необходимости подробно разсмотрѣть *право наслѣдства*, въ которомъ онъ усмотрѣлъ со свойственной ему своеобразно-остроумной поверхностностью причину всего соціальнаго зла. Комиссія изъ друзей Бакунина развила эту мысль, указывая, что именно право наслѣдства разрушаетъ соціальное равенство и т. п.

Генеральный Совѣтъ рѣзко выступилъ противъ такого преувеличенія значенія наслѣдства. Въ сущности въ этомъ разсматриваніи всего соціальнаго вопроса подъ угломъ зрѣнія равенства, какъ первоначальнаго эльдорадо, и его нарушенія накопленіемъ имуществъ въ рядѣ поколѣній, въ этихъ попыткахъ искусственно пріостановить накопленіе чувствовалась явно самая мелко-буржуазная идеологія: объединяющая производство роль капитала игнорировалась, центръ тяжести изъ области производства переносился въ область распредѣленія богатствъ. Генеральный Совѣтъ доказывалъ, что право наслѣдства есть лишь отраженіе права собственности на орудія производства и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ, поэтому начинать нужно совсѣмъ съ другого конца; но Г. С. признавалъ, что въ переходные моменты, когда рабочій классъ достаточно силенъ, чтобъ настоять на радикальныхъ реформахъ, между тѣмъ какъ общественно-экономическія условія еще не создали почвы для полнаго переворота, такія мѣры, какъ усиленный налогъ на наслѣдство—полезны. Чѣмъ логичнѣе однако аргументировалъ Г. С., тѣмъ обиднѣе казалось это Бакунину, тѣмъ болѣе, что абсолютнаго большинства для своего предложенія—бороться энергично противъ права наслѣдства—онъ такъ и не собралъ.

Буржуазная пресса встрѣтила окончательныя рѣшенія Базельскаго конгресса и окончательную побѣду коллективизма внутри Интернаціонала съ большимъ безпокойствомъ. Рабочіе всѣхъ странъ, наоборотъ, привѣтствовали эти рѣшенія.

Digitized by Google

На многолюдномъ митингѣ 13 октября въ Лондонѣ организована была т. наз. „Лига земли и труда“ (Land and Labour League). Лозунгомъ лиги было: „земля народу!“ Программа ея требовала: національзаціи земли, колонизаціи обширныхъ лѣсовъ и луговъ внутренней Англіи; безплатное и свѣтское образованіе для всѣхъ; передача банка въ руки государства; отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ прогрессивнымъ подоходнымъ; ликвидація національнаго долга; уничтоженіе постоянной арміи; сокращеніе рабочаго дня; всеобщее избирательное право и денежное вознагражденіе депутатамъ. Эта весьма демократическая программа съ соціалистическимъ оттѣнкомъ имѣла успѣхъ среди широкихъ слоевъ рабочихъ и казалась первымъ шагомъ къ дружному натиску англійскихъ рабочихъ подъ знаменемъ коллективизма.

Интересно, что молодая соц.-демократія Германіи сначала колебалась признать открыто Базельскія резолюціи. На прямые запросы лассаліанцевъ Либкнехтъ отвѣчалъ, что дѣло каждаго члена партіи въ отдѣльности быть коллективистомъ или нѣтъ. Тутъ сказалось прежде всего вреднѣйшее вліяніе все еще довольно тѣснаго союза рабочей партіи съ т. н. „Нѣмецкой народной партіей“, т. е. буржуазными радикалами. Послѣднимъ однако недостаточными показались даже странные экивоки Либкнехта, она потребовала прямого отказа отъ коллективизма. Тогда Либкнехтъ и его друзья приняли, наконецъ, единственно-разумное рѣшеніе,—порвали съ господами радикалами и безъ оговорокъ примкнули къ идеямъ коллективизма.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что борьба Интернаціонала должна была выразиться прежде всего въ формѣ разнообразной приспособленной къ условіямъ каждой страны, національной политической борьбы. Сущность и цѣли ея должны были остаться прежними; но вновь возникавшія, или крѣпнувшія и окончательно складывавшіяся большія національныя государства ставили во многомъ отличныя условія передъ рабочими разныхъ странъ: рабочіе имѣли не совсѣмъ одинаковаго врага и далеко не одинаковыя орудія борьбы. Но дифференціація задачъ и соотвѣтственно тому ростъ автономіи отдѣльныхъ національныхъ организацій отнюдь не должны были разрушать интернаціональной солидарности рабочаго класса.

Но въ томъ-то и дѣло, что тотъ же прогрессъ созиданія большихъ государствъ приводилъ къ великимъ войнамъ, ставя интернаціонализмъ въ весьма непріятное положеніе и порождая тренія и среди рабочихъ. Кромѣ того, соотвѣтствующая торжеству буржуазіи форма государственной жизни—парламентаризмъ разно оцѣнивался въ разныхъ странахъ. Въ романскихъ странахъ издавна привыкли къ обманамъ буржуазной политики, были озлоблены безчисленными буржуазными измѣнами, и съ свой-

Digitized by Google

ственной южанамъ пылкостью считали возможнымъ однимъ геройскимъ усиліемъ волн сбросить все современное общество и очистить мѣсто для новаго строительства. Сѣверяне же сразу выступили во всеоружіи науки, они понимали, что полный переворотъ общества возможенъ лишь тогда, когда экономическая эволюція подготовитъ для него почву. Они знали, что расцвѣтъ всѣхъ силъ капитализма естественно влечетъ его къ его гибели; они ставили своей цѣлью—содѣйствовать этому процессу, организуя рабочій классъ въ могучую политическую партію; предварительной цѣлью этой партіи должна была быть борьба за реформы, облегчающія рабочему его существованіе въ періодъ капитализма: парламентаризмъ былъ лучшей почвой для выполненія такого плана.

Но полные революціонныхъ традицій, больше склонные къ утопіямъ, чѣмъ къ трезвой оцѣнкѣ обстоятельствъ, къ порывамъ и взрывамъ, чѣмъ къ выдержанной дѣятельности, романцы, видѣли въ „нѣмецкой политикѣ“ оппортунизмъ и измѣну рабочему дѣлу. Сѣверяне въ свою очередь хорошо понимали, что нервная горячка и лихорадочный бредъ южанъ можетъ быть лишь страшно вреденъ для успѣха общаго дѣла, они также съ безжалостной рѣзкостью обрушивались на ихъ построенія и планы. Сторонники научнаго соціализма были однако въ большинствѣ, и вожди ихъ оставались вождями всего Интернаціонала. Это выводило изъ себя вождей анархической части, которые искренно вѣрили въ свою правоту: отсюда борьба,—а борьба такого рода еще долго будетъ сопровождаться, къ сожалѣнію, личными дрязгами и раздраженіемъ. Даже передовыя партіи не изъяты изъ этого правила. Вдобавокъ, вождь анархистовъ Бакунинъ былъ дьявольски честолюбивымъ и неразборчивымъ въ средствахъ человѣкомъ.

Грандіознымъ событіемъ, строгимъ испытаніемъ для интернаціональной солидарности пролетаріата была Франко-Прусская война.

На первую кампанію шовинистовъ въ Парижѣ рабочіе отвѣтили резолюціями, что война была-бы преступленіемъ и безуміемъ и повела бы къ торжеству реакціи на обоихъ берегахъ Рейна. Протестами отвѣтили и нѣмецкіе рабочіе на шумъ отечественныхъ патріотовъ. Однако, вызывающее поведеніе ненавистнаго всѣмъ Наполеона III заставило Ген. Сов. выставить лозунгъ: „въ крайнемъ случаѣ война оборонительная, но *ни въ какомъ случаѣ* не наступательная“.

Противъ военнаго кредита голосовали въ Рейхстагѣ лишь Бебель и Либкнехтъ, лассальянцы голосовали за него, полагая, что побѣда Наполеона III была бы во всякомъ случаѣ наихудшимъ несчастьемъ даже и для французскаго пролетаріата.

Рабочіе Бельгіи, Испаніи и другихъ, прямо не заинтересованныхъ странъ, также на массовыхъ митингахъ протестовали противъ нарушенія мира.

Digitized by Google

Послѣ побѣдъ германской арміи, а именно 5 сентября, Марксъ выпустилъ манифестъ, въ которомъ напоминалъ рабочимъ, что война должна быть лишь оборонительной, что необходимъ миръ, почетный для Франціи. Въ то же время онъ предсказывалъ въ близкомъ будущемъ грандіозное развитіе капитализма въ Германіи и перенесеніе центра тяжести континентальнаго рабочаго движенія изъ Франціи въ Германію. Манифестъ имѣлъ неожиданный результатъ: генералъ Фалькенштейнъ приказалъ арестовать и отправить въ цѣпяхъ въ крѣпость тотъ Брауншвейгскій комитетъ, подъ фирмой котораго вышелъ манифестъ. Аресты посыпались послѣ этого на нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Бебель и Либкнехтъ были приговорены каждый къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Такія мѣры правительства заставили сплотиться соціалистовъ Германіи, лассальянцы убѣдились, что война перешла всякія разумныя границы. Новый кредитъ встрѣтилъ отпоръ со стороны всѣхъ представителей рабочихъ. Это послужило къ сближенію обѣихъ фракцій въ Германіи (лассальянцевъ и марксистовъ).

Въ то время, какъ Марксъ въ своемъ манифестѣ ратовалъ за немедленный и почетный для Франціи миръ, Нейшательскій комитетъ Интернаціонала выпустилъ горячій призывъ оружіемъ поддерживать отнынѣ республиканскую Францію и во что бы то ни стало настаивать на продолженіи войны съ Германіей, представительницей деспотизма и реакціи. При тогдашнихъ обстоятельствахъ подобнаго рода призывъ былъ вреднѣйшей романтикой. Призывъ къ рабочимъ вступить волонтерами въ французскую армію, устраивать сборы для продолженія войны съ Германіей— вызвалъ большой шумъ.

Французская буржуазія не вѣрила своимъ глазамъ: Интернаціоналъ собирался защищать ее отъ пруссаковъ съ оружіемъ въ рукахъ. Интереснѣе всего, что исходилъ этотъ манифестъ отъ бакунистовъ. Ищите тутъ логики! люди рѣзко отвергали политику, и вдругъ призываютъ къ войнѣ, къ проливанію крови за буржуазную республику, внезапно выросшую въ ихъ глазахъ въ надежду Европы! А еще недавно они утверждали, что всякое государственное устройство одинаково является орудіемъ эксплоатаціи рабочихъ массъ... Хотя манифестъ былъ изданъ маленькой Нейшательской группой, но тонъ его былъ таковъ, словно авторъ его, Гильомъ, говорилъ отъ лица всего Интернаціонала. Швейцарскія секціи немедленно заявили, что манифестъ есть мистификація, и рѣшительно отвергли всякую солидарность съ нимъ.

Самъ Бакунинъ занимался въ это время организаціей бунтовъ по Франціи. Въ Ліонѣ ему удалось захватить зданіе городского управленія, но занятый редактированіемъ широковѣщательнаго манифеста объ уничтоженіи государства, онъ забылъ

Digitized by Google

поставить стражу вокругъ зданія, и слабому отряду національной гвардіи удалось проникнуть туда и выгнать Бакунина. Манифестъ такъ и не увидѣлъ свѣта.

Нейшатель и вообще Швейцарская Юра сдѣлалась уже издавна центромъ недовольныхъ, группировавшихся вокругъ Бакунина. Отсюда начался его дезорганизаторскій походъ противъ Интернаціонала.

Исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда дезорганизаторскихъ дѣйствій юрскихъ анархистовъ была чисто мѣстная борьба съ Куллери, о которомъ мы уже говорили. На Юрѣ Куллери считался представителемъ „политиковъ"; этотъ краснобай и честолюбецъ совершилъ цѣлый рядъ скандальныхъ поступковъ, дѣйствительно показывавшихъ политическую борьбу съ самой тошнотворной ея стороны. Само собою разумѣется, ни самъ Куллери, ни его похожденія не имѣли никакой связи съ Марксомъ и марксизмомъ. Тѣмъ не менѣе Бакунинъ воспользовался раздраженіемъ Юрцевъ противъ Куллери и политики и сумѣлъ сдѣлать изъ этихъ слабоголовыхъ людей главный отрядъ воинствующаго анархизма.

Мы не станемъ передавать всѣхъ перепитій мелкой и скверной борьбы, которая почти превратила швейцарскія секціи въ сплошную больничную язву, которая постепенно росла и распространялась. Цѣлая сѣть взаимообвиненій, недоразумѣній, оскорбленій запутала всѣхъ, и все это расползалось какъ гангрена по тѣлу Интернаціонала. Но въ глубинѣ всей некрасивой борьбы лежало все же громадной важности принципіальное разногласіе: боролись научный соціализмъ и соціалистическій романтизмъ.

Между тѣмъ въ то время, какъ болѣзнь подтачивала молодой организмъ Интернаціонала—на міровой сценѣ происходили трагическія событія *Коммуны*.

Не мѣсто здѣсь, конечно, разсказывать исторію Парижской Коммуны, тѣмъ болѣе, что она лишь косвенно связана съ исторіей Интернаціонала.

Парижская секція Интернаціонала стала, разумѣется, цѣликомъ на сторонѣ Коммуны въ ея борьбѣ съ Версальцами: многіе вожди Интернаціонала стали выдающимися вождями Коммуны. Но все же надо замѣтить, что Интернаціоналъ не отождествлялъ себя съ Коммуной, онъ сохранялъ все время свою особую организацію, требовалъ отъ членовъ своихъ, бывшихъ въ то же время членами Коммуны, особыхъ отчетовъ и давалъ имъ особыя инструкціи.

Когда послѣ паденія Коммуны начался бѣшенный потокъ клеветъ на нее во всей почти буржуазной прессѣ, Марксъ по порученію Генеральнаго Совѣта написалъ горячую защитительную брошюру, въ которой навѣки заклеймилъ лицемѣріе и дикое варварство партіи „порядка". Потеря 111000 человѣкъ, разнымъ образомъ истребленныхъ торжествующей буржуазіей, конечно, страшно, подломила силы парижскаго пролетаріата, но

Digitized by Google

не принесла полной побѣды и покоя тріумфаторамъ: пролетаріатъ продолжалъ неуклонно идти по пути, указанному ему научнымъ соціализмомъ. Героическія ошибки Коммуны, которая и вся была въ сущности героической ошибкой, послужили дорогоцѣннымъ урокомъ для рабочаго класса.

Но процессъ разложенія продолжался въ Интернаціоналѣ: онъ долженъ былъ распасться, чтобы возсоздаться на новыхъ началахъ.

Въ письмѣ отъ 17 апрѣля 1871 года Карлъ Марксъ писалъ Кугельману: „Борьба рабочаго класса съ капиталомъ вступила въ новый фазисъ. Чѣмъ бы ни кончилось парижское возстаніе— во всякомъ случаѣ пріобрѣтенъ новый исходный пунктъ всемірно-историческаго значенія“.

До Коммуны Марксъ признавалъ первостепенное значеніе за Лондономъ, отсюда ждалъ онъ наконецъ революціоннаго толчка. На великую революцію на континентѣ Марксъ ждалъ въ Лондонѣ громового отклика, который перевернулъ бы все Европейское общество. Но поведеніе вождей англійскаго рабочаго движенія заставило Маркса признать, что онъ слишкомъ поспѣшилъ сдѣлать изъ промышленной зрѣлости Англіи выводы о судьбахъ ея рабочаго движенія. Марксъ увидѣлъ, что центръ тяжести этого движенія переносится на материкъ.

Созданіе законченныхъ буржуазныхъ государствъ заставило пролетаріатъ противопоставить имъ могучія политическія организаціи въ рамкахъ каждаго государства. Германскіе рабочіе первые вступили на этотъ путь. Въ 1882 году „Рабочая Партія“ была организована во Франціи, въ 1885 году въ Бельгіи, въ 1887 въ Швейцаріи, въ 1887 въ Испаніи, въ 1892 въ Италіи. Эти партіи создали новый Интернаціоналъ путемъ періодическихъ созывовъ международныхъ конгрессовъ. Старый Интернаціоналъ не могъ приспособиться къ новымъ формамъ борьбы, т. к. включалъ въ себя слишкомъ много элементовъ буйно-романтическихъ, ожидавшихъ чуть не со дня на день соціальной революціи; эти романтики (и именно романцы по расѣ) и произвели въ Интернаціоналѣ расколъ, повлекшій за собою его гибель, за которой почти немедленно послѣдовало его воскресеніе.

Непріятныя стороны жизни эмиграціи, игравшей большую роль въ Интернаціоналѣ, сильно выросли послѣ Коммуны и новой волны политическихъ бѣглецовъ, большею частью лишенныхъ средствъ къ существованію, измученныхъ, нервныхъ, болѣзненно самолюбивыхъ: кружковщина, взаимное непониманіе, рѣзкости, всѣ эти черты жизни ссыльныхъ и эмигрантовъ стали давать себя знать сильнѣе прежняго и придавали внутренней идейной борьбѣ въ Интернаціоналѣ крайне непривлекательную внѣшность. Но, разумѣется, внѣшность можетъ отпугнуть отъ глубоко важной сути лишь кисейныхъ барышень обоего пола. Поли-

Digitized by Google

тическая борьба, къ сожалѣнію, всегда сопровождается борьбою личностей и кружковъ, которая, впрочемъ, сильно ослабляется и отходитъ на задній планъ по мѣрѣ роста широкой партійности. Распри внутреннихъ враговъ въ несравненно большей мѣрѣ являются терніями на пути передового политическаго борца, чѣмъ трудности настоящей борьбы съ настоящими врагами. Но нравственнымъ возмущеніемъ и нравственными призывами тутъ ничего не подѣлаешь, и надо умѣть вести борьбу съ тьмой и при условіяхъ разногласій и даже подвоховъ въ собственномъ лагерѣ. Нельзя забывать при этомъ, что ни одна сторона обыкновенно не можетъ быть заподозрѣна въ неискренности: обыкновенно враждующіе упрекаютъ другъ друга въ непринципіальности: нѣтъ! обѣ стороны или *всѣ* стороны убѣждены въ своей правотѣ, и если иногда борятся какъ будто за личное преобладаніе, то потому, что личности являются носителями принциповъ, и большею частью тѣ „должности“ и „привилегіи“, ради которыхъ ведется борьба фракцій, знаменуютъ собою лишь большую долю безпокойства, отвѣтственности, риска и опасностей. Въ самой на видъ отвратительной борьбѣ въ передовыхъ партіяхъ гораздо больше идеализма и преданности, чѣмъ въ буржуазно-парламентскихъ и благородно-сдержанныхъ турнирахъ ни горячихъ ни холодныхъ дѣятелей умѣренныхъ партій. Бакунинъ часто шелъ слишкомъ далеко въ своихъ пріемахъ, но его высшая цѣль безусловно оправдывала въ его глазахъ его средства; въ борьбѣ всякій склоненъ преувеличивать непозволительность пріемовъ противника и не замѣчать бревна въ собственномъ глазу. Когда Бакунинъ изумлялся „подлости этого нѣмца“, т. е. Маркса, когда онъ въ своихъ „клеветническихъ“ брошюрахъ видѣлъ во всякомъ актѣ Генер. Сов. козни и махинаціи своего врага,—онъ, мы увѣрены, былъ такъ же искрененъ, какъ и Марксъ, серьезно подозрѣвавшій Бакунина въ предательствѣ чисто-полицейскаго характера.

Созвать очередной конгрессъ непосредственно послѣ Коммуны были крайне опасно, т. к. новое французское правительство изъ силъ выбивалось, приглашая „Европу“ общими силами уничтожить Интернаціоналъ. Ген. Сов. отмѣнилъ поэтому, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, очередной конгрессъ и, вмѣсто него, созвалъ конференцію въ Лондонѣ. Конечно, бакунисты не могли не увидѣть въ этомъ „безсовѣстнаго ухищренія“.

Конференція (2 ая Лондонская) имѣла мѣсто отъ 17 до 23 сентября. На ней присутствовало 7 членовъ Ген. Сов. съ рѣшающими и 6 съ совѣщательными голосами, кромѣ того 23 делегата. Среди делегатовъ были Пепе и Утинъ, ведшій энергичную борьбу съ Бакунинымъ какъ въ русскихъ, такъ и въ швейцарскихъ организаціяхъ; среди представителей Ген. Сов. были Марксъ, Энгельсъ, Эккаріусъ и Гэльсъ.

Digitized by Google

Конференція приняла рѣшеніе, осуждавшее какъ воздержаніе отъ политической борьбы, такъ и заигрываніе съ буржуазными радикалами: обязанностью Интернаціонала было признано организовать рабочій классъ въ совершенно самостоятельную политическую партію.

Конференція рѣшила воспретить прибавку къ названію „секція Интернаціональнаго рабочаго союза такой-то мѣстности" разныхъ эпитетовъ вродѣ: позитивисты, мутуалисты, коллективисты и т. п., вносившіе лишь смуту въ умы. Бакунистамъ это показалось вопіющимъ посягательствомъ на идейную самостоятельность отдѣльныхъ организацій.

Рѣшено было также принять мѣры къ выполненію большой статистической работы для констатированія числа рабочихъ и ихъ положенія въ различныхъ странахъ.

Конференція рекомендовала организаціямъ въ странахъ, гдѣ онѣ были уничтожены реакціей, возобновиться подъ новыми названіями, но тайныя общества все же были воспрещены.

На Лондонскую конференцію бакунисты отвѣтили созывомъ собственнаго конгресса въ Сонвилье.

Конгрессъ этотъ съ бѣшенствомъ критиковалъ Ген. Сов. Онъ требовалъ немедленнаго созыва общаго конгресса, на которомъ бакунинскій „Романскій федеральный союзъ" хотѣлъ разнести политику Маркса и превратить Ген. Сов. въ простое справочное бюро.

Конгрессъ выпустилъ горячую брошюру противъ Маркса. Въ ней говорилось: „Мандатъ члена Ген. Сов. сталъ въ рукахъ нѣкоторыхъ господъ какой-то частной собственностью... Эти господа дошли до того, что навязываютъ Интернаціоналу свою личную программу. Себя они считаютъ своего рода правительствомъ, а свою идею оффиціальной теоріей союза, идеи же другихъ они не признаютъ законными мнѣніями, имѣющими право на выраженіе, а просто ересями. Мало-по-малу выработалась какая-то ортодоксія, которую блюдутъ изъ Лондона... Лондонская конференція есть просто актъ самоуправства: введя шесть своихъ членовъ съ совѣщательными голосами, Ген. Сов. поддѣлалъ большинство". Цѣль конференціи превратить свободныя федераціи автономныхъ секцій въ организацію іерархическую и дисциплинированную. „Мы обвиняемъ Ген. Сов. въ томъ, что онъ вводитъ въ жизнь Интернаціонала принципъ авторитета. Конечно, для партіи, которая стремится къ завоеванію государственной власти, вполнѣ понятна авторитарная организація, руководимая центромъ, но статуты Интернаціонала говорятъ намъ, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ ихъ собственныхъ рукъ; отсюда принципъ автономіи вытекаетъ самъ собою".

Буржуазная пресса съ восторгомъ подхватила брошюру бакунистовъ, видя въ ней ударъ ненавистному Генеральному Совѣту.

Digitized by Google

Французское правительство, недавніе Версальцы, позволило расклеить манифестъ бакунистовъ на улицахъ Парижа. Похвалы подобныхъ общественныхъ силъ только лишили конгрессъ въ значительной мѣрѣ вліянія внутри Интернаціонала. Бельгійская федерація выпустила довольно рѣзкое опроверженіе противъ обвиненія Ген. Сов. въ захватѣ власти. Малонъ, прочитавшій въ Женевѣ рефератъ противъ Ген. Сов., провалился тамъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Въ Испаніи манифестъ былъ принятъ холодно, при чемъ бакунисты имѣли безстыдство утверждать, что Лафаргъ, зять Маркса, добился этого подкупомъ.

Ген. Сов. отвѣтилъ на манифестъ брошюрой на французскомъ языкѣ (Les peretndues Scissionsà l'Internationale), въ кот. вполнѣ успѣшно опровергъ всѣ обвиненія, направленныя противъ него.

Но Бакунинъ и его друзья продолжали работу. Среди приверженцевъ Интернаціонала въ Испаніи они увѣряли, что тайная „Alliance" Бакунина есть лишь высшая, тайная ступень Интернаціонала; разжигая стихійные революціонные инстинкты испанскихъ рабочихъ, алліансисты начали быстро собирать подъ свое знамя значительныя ихъ группы. Въ то же время въ письмахъ Бакунинъ писалъ: „Алліансъ долженъ внѣшнимъ образомъ выдавать себя за часть Интернаціонала, быть внутри его, на дѣлѣ же держаться въ сторонѣ, чтобы лучше наблюдать за нимъ и руководить имъ. Поэтому никогда не допускайте, чтобы большинство въ кружкахъ Алліанса принадлежало членамъ комитетовъ Интернаціонала". Мораго обвинялъ другого бакуниста Мора въ томъ, что онъ не понимаетъ цѣли Алліанса и хочетъ подчинить эту тайную организацію Интернаціоналу, между тѣмъ какъ она должна господствовать надъ нимъ.

Въ концѣ концовъ между алліансистами и членами открытыхъ организацій Интернаціонала произошелъ открытый, разрывъ, и началась горячая борьба, при чемъ побѣда все время склонялась на сторону алліансистовъ, весьма не брезгливыхъ въ выборѣ оружія. Бакунисты и въ Испаніи выступили сторонниками автономіи. Историкъ Интернаціонала Уэккъ говоритъ по этому поводу: „На практикѣ автономія повела бы къ гибели союза, какъ политической партіи. Принявъ статутъ автономистовъ при наличности политическаго безправія въ Испаніи. Интернаціоналъ превратился бы въ хаосъ: его двери были бы открыты всякому провокатору, всякому предателю".

Интересно, что алліансисты добивались исключенія изъ мадридской федераціи одного члена за оскорбленіе въ печати дружественныхъ профессоровъ и чиновниковъ буржуазной республиканской партіи.

Но не будемъ останавливаться на „успѣхахъ" бакунистовъ въ Испаніи и Италіи. Нигдѣ они не создавали ничего прочнаго, но

Digitized by Google

удачно разрушали еще молодыя организаціи Интернаціонала. Въ германскихъ странахъ, какъ мы уже говорили, Алліансъ былъ совершенно безсиленъ.

Годы печальные для Интернаціонала, годы разложенія его какъ организаціи, отнюдь не были годами регресса для рабочаго движенія. Какъ разъ, напр., въ 1871—1872 году сформировалась сильная партія въ Даніи, примкнувшая къ Интернаціоналу.

Всюду въ центральной и сѣверной Европѣ кипѣла жизнь и движеніе шло впередъ. Нельзя этого сказать только объ Англіи. По общему признанію, вліяніе Интернаціонала въ Англіи росло, въ особенности въ силу заслугъ его по удержанію иностранныхъ рабочихъ отъ конкурренціи и замѣщенія англійскихъ стачечниковъ. Крайне мужественное и самоотверженное отношеніе Интернаціонала къ ирландскому движенію способствовало распространенію организацій его въ Ирландіи.

До конца 1871 года Англія не имѣла отдѣльнаго федеральнаго совѣта, какой существовалъ во всѣхъ другихъ странахъ, въ немъ не было надобности, такъ какъ въ Лондонѣ всегда засѣдалъ Генеральный Совѣтъ. Но расширеніе движенія и ростъ организацій потребовалъ организаціи особаго федеральнаго совѣта Англіи. Съ этого момента начинается разложеніе Интернаціонала и въ Англіи. Нетрудно указать этому явленію болѣе глубокія причины. Принципіальное разногласіе было все то же: талантливые вожди Фед. Сов. склонялись болѣе или менѣе къ экономической точкѣ зрѣнія. Но главнымъ внѣшнимъ мотивомъ распрь и разногласій было соревнованіе Фед. Сов. съ Генеральнымъ—честолюбивые протесты англійскихъ вождей противъ диктатуры великаго Маркса. Къ несчастью, диктатура эта основывалась на глубокой учености и геніальной проницательности Маркса; бунтъ противъ Маркса означалъ бунтъ противъ дѣйствительности, противъ логики движенія. Вожди Федеральнаго совѣта и иные члены изъ Ген. Сов., все болѣе и болѣе будирующіе противъ Маркса, не лишены были дарованій: ораторскаго жара, бойкаго пера, преданности великому дѣлу... Но они отнюдь не были истинными политическими вождями: фразы замѣняли ихъ принципы, они готовы были развернуть какое угодно знамя, лишь бы не знамя Маркса. А обычный, вошедшій въ кровь англійскаго рабочаго, экономизмъ толкалъ ихъ именно въ эту сторону.

21 Іюля 1872 года собрался первый конгрессъ англійской федераціи (въ Ностингамѣ?).

На немъ сразу обнаружилась антимарксистская интрига. Подвижный и честолюбивый Гэльсъ внесъ предложеніе о признаніи допустимымъ для Фед. Сов. Англіи сноситься съ другими фед. совѣтами Интернаціонала помимо Ген. Сов. Это предложеніе прошло. Кларкъ провелъ также предложеніе о возбужденіи на ближайшемъ общемъ конгрессѣ вопроса объ ограниченіи правъ

Digitized by Google

Ген. Сов. на распущеніе еретическихъ секцій. Конгрессъ федераціи высказался однако рѣшительно за организацію особой чисто рабочей парламентской партіи. Гэльсъ самъ весьма пылко и красно говорилъ въ защиту этого плана и былъ избранъ въ комиссію по проведенію его въ жизнь. Въ остальномъ этотъ первый конгрессъ принялъ также болѣе или менѣе правильныя рѣшенія. Только по вопросу о національзаціи орудій производства Дюпонъ, защищавшій правильную точку зрѣнія, а именно преимущество колоссальныхъ государственныхъ организацій промышленности, былъ оставленъ въ меньшинствѣ сторонниками мелкихъ ассоціацій. Конгрессъ выразилъ свое удивленіе тому, что Тредъюніоны отвергли мысль объ организаціи своей, рабочей партіи, и указывалъ на то, что лишь путемъ политической борьбы можно достигнуть того переворота общественнаго строя, который дѣлаетъ невозможнымъ конфликтъ между интересами частныхъ лицъ и общества.

Все это было недурно, но въ значительной мѣрѣ парализовалось походомъ Гэльса противъ Ген. Сов., который и друзьямъ и врагамъ Интернаціонала казался показателемъ внутренней неурядицы. Дальнѣйшее показало, что дѣйствительно несчастное стремленіе Гэльса и К° къ самостоятельности загубило хорошія стороны работы Фед. Сов.

Наконецъ 2 сентября 1877 года собрался общій конгрессъ Интернаціонала (5-й) въ Гаагѣ.

Марксъ лично присутствовалъ на немъ. Необходимо было собрать всѣ силы, чтобы нанести смертельный ударъ дезорганизаторамъ-бакунистамъ. Но уже все ползло врозь. Разложеніе проникло и въ Ген. Сов. Энгельсъ видѣлъ, что титаническія усилія воли и ума, какія Марксъ употреблялъ, чтобы удержать падающее зданіе, являются лишь напрасной тратой драгоцѣннѣйшихъ силъ его. Не для интригъ и не для мелочной борьбы съ ними рожденъ былъ этотъ человѣкъ. Энгельсъ видѣлъ, что крушеніе Интернаціонала отнюдь не отзовется гибельно на порожденныхъ имъ молодыхъ и полныхъ силы національныхъ политическихъ рабочихъ партіяхъ, и онъ упрашивалъ Маркса отдать свои силы другимъ задачамъ и бросить ту форму, ту скорлупу движенія, которая, очевидно, износилась.

Гаагскій конгрессъ былъ первой и послѣдней генеральной борьбой между марксистами и анархистами въ Интернаціоналѣ. Конгрессъ былъ многолюденъ (65 делегатовъ) и по составу своему блестящъ. Кромѣ Маркса и Энгельса, присутствовали такіе люди, какъ философъ Дицгенъ, извѣстный защитникъ прямого народоправленія Риттингаузенъ, министръ Коммуны Франкель, Ланге, высокообразованный и энергичный ученикъ одновременно Бланки и Маркса—Вильянъ, затѣмъ уже извѣстный намъ ветеранъ Беккеръ, Эккаріусъ, Дюпонъ, Вроблевскій и мн. др.

Digitized by Google

Бой загорѣлся уже на провѣркѣ мандатовъ. Мандаты бакунистовъ были зачастую весьма сомнительны, зато они-то именно и показывали себя особенно строгими... разумѣется, къ мандатамъ своихъ противниковъ. Алліансисты прежде всего вздумали наброситься на мандатъ Лафарга, который въ то время работалъ еще исключительно въ Испаніи. Читателямъ, быть можетъ, извѣстно „кусательное" остроуміе этого блестящаго и парадоксальнаго писателя-оратора. Алліансистамъ досталось. Съ безпощадной ироніей при крикахъ бѣшенства противниковъ разоблачалъ Лафаргъ довольно-таки неприличныя интриги развязныхъ и зарывающихся испанскихъ алліансистовъ. Энгельсъ поддержалъ его. Мандатъ Лафарга былъ признанъ огромнымъ большинствомъ. Бурный инцидентъ произошелъ при провѣркѣ мандатъ Барри. Это былъ англичанинъ, проживавшій постоянно въ Лондонѣ, между тѣмъ на конгрессъ онъ явился съ мандатами отъ Чикаго. Такъ какъ онъ былъ извѣстенъ какъ марксистъ, то, разумѣется, на него направились удары алліансистовъ. И тутъ ихъ поддержала компанія Гэльса. Одинъ изъ его друзей заявилъ, что Барри вовсе не какой-нибудь „извѣстный рабочій вождь" въ Англіи, и что онъ даже былъ исключенъ Фед. Сов. Тогда Марксъ заявилъ съ своей стороны что это очень хорошо, что Барри не принадлежитъ къ числу „извѣстныхъ рабочихъ вождей", такъ какъ эти господа въ Англіи всѣ продались Гладстону, Дильку и К°. Поднялся невообразимый содомъ, съ которымъ бюро едва удалось справиться. Наконецъ съ мандатами покончили послѣ упорной борьбы. Въ общемъ признаны были почти всѣ мандаты. Для разсмотрѣнія дѣла объ Алліансѣ какъ тайномъ сообществѣ, образовавшемся въ нѣдрахъ Интернаціонала для его дезорганизаціи—была выбрана особая коммиссія изъ пяти членовъ.

Послѣ прочтенія обычнаго адреса Ген. Сов., какъ всегда ясно и рѣзко освѣщавшаго событія общественной и политической жизни міра, приступили наконецъ и къ выполненію программы. Начались дебаты о Генеральномъ Совѣтѣ. Бельгійцы, на которыхъ агитація Бакунина и шумъ буржуазной прессы о самовластіи Ген. Сов. произвели впечатлѣніе, и которые хотѣли доказать буржуазному міру полную демократичность организаціи Интернаціонала, предложили ограничить права Ген. Сов. Отъ Юры выступилъ Гильомъ, который съ сдержанной яростью повторилъ прежнія обвиненія противъ Ген. Сов.

Марксъ заявилъ, что лучше ужъ уничтожить совсѣмъ Ген. Сов., чѣмъ принижать его до роли „почтоваго ящика". Что это за страхъ передъ самодержавіемъ Г. С.? Развѣ у него есть полиція, войско для того, чтобы принуждать повиноваться себѣ? Развѣ его нравственный авторитетъ не единственное его оружіе?

36 голосами противъ 5 при 15 воздержавшихся ограниченіе Г. С было отвергнуто. Это было явное пораженіе бакунистовъ.

Digitized by Google

Они имѣли между прочимъ императивный мандатъ въ случаѣ неуспѣха предложенія бельгійцевъ и Гильома покинуть конгрессъ. Они однако не сдѣлали этого.

И вдругъ послѣ этой побѣды, которая казалась молодымъ и горячимъ приверженцамъ Маркса окончательной, Энгельсъ заявилъ о необходимости перенести Ген. Сов. въ Нью-Іоркъ. Кому же не ясно было, что это равносильно скорому самораспущенью Интернаціонала? Конгрессъ былъ до того пораженъ, что всѣ растерялись, и долго никто не просилъ слова. Лишь 26 голосами противъ 23 при 9 воздержавшихся конгрессъ принялъ самоубійственное рѣшеніе. Это было признаніе со стороны Маркса, что, несмотря на побѣду надъ бакунистами, старая форма отжила, и свѣжіе, живые элементы должны продолжать жить уже самостоятельно. Политическая программа Маркса, развитая Вальяномъ и поддержанная Ланге, была принята 29 голосами противъ 5 при 8 воздержавшихся. Это было завѣщаніемъ стараго Интернаціонала новому. Вотъ текстъ резолюціи Вальяна:

„Въ своей освободительной борьбѣ рабочій классъ можетъ дѣйствовать именно какъ классъ, лишь будучи организованъ въ политическую партію. Партія эта должна быть рѣзко отграничена отъ старыхъ партій господствующихъ классовъ и враждебна по отношенію къ нимъ. Организація рабочаго класса въ партію совершенно необходима для торжества соціальной революціи и достиженія послѣдней цѣли: уничтоженія классовъ. Объединеніе силъ, уже созданное рабочими въ ихъ экономической борьбѣ, должно также стать рычагомъ въ борьбѣ противъ политической власти капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Экономическая и политическая борьба рабочаго класса должна быть неразрывно связана въ войнѣ, которую ведетъ пролетаріатъ“.

Но это было еще не все. Недостаточно было закрѣпить побѣду надъ бакунистами политической резолюціей. Надо было нанести имъ ударъ, который сдѣлалъ бы ихъ безвредными для передовыхъ отрядовъ рабочаго класса. Комиссія пяти сдѣлала докладъ, въ которомъ объявила, что статуты Алліанса прямо противорѣчатъ статутамъ Интернаціонала, и что его иниціаторъ Бакунинъ и публицистъ Гильомъ должны быть исключены изъ Интернаціонала. Кромѣ того за явно дезорганизаторскую дѣятельность комиссія предложила исключить Малона и еще двухъ алліансистскихъ вождей. Шесть другихъ видныхъ бакунистовъ спаслись тѣмъ, что представили доказательства, что не принадлежатъ больше къ Алліансу. Комиссія просила опубликовать ея докладъ. Разумѣется, поднялась суматоха и скандалъ. Алліансисты ожидали всего, но только не исключенія. Бакунинъ былъ исключенъ 27 голосами противъ 6 при 7 воздержавшихся.

Алліансъ былъ разбитъ на голову и выброшенъ изъ Интернаціонала. Это была побѣда принципа, блестящее доказательство

Digitized by Google

силы научнаго соціализма въ Интернаціоналѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ Гаагскій конгрессъ подводилъ итогъ его дѣятельности. Рабочее движеніе сбросило съ себя старую кожу и выступило въ обновленной формѣ. Но принципіальная побѣда надъ старымъ врагомъ была необходима для будущаго.

Въ заключительной рѣчи Марксъ говорилъ:

„Революція должна быть солидарна. Парижская коммуна даетъ намъ великій урокъ. Она пала потому, что революція въ Парижѣ не была немедленно поддержана Мадридомъ и Берлиномъ и т. д. Что касается меня лично—я буду продолжать трудиться надъ дѣломъ плодотворной солидаризаціи рабочихъ всего міра. Я не уйду отъ Интернаціонала, остатокъ моей жизни, какъ и все мое трудовое прошлое, посвященъ служенію идеѣ соціализма, который, какъ мы всѣ знаемъ, будетъ нѣкогда осуществленъ посредствомъ диктатуры пролетаріата".

Предполагая, что, несмотря на побѣду научнаго соціализма въ Гаагѣ, старый Интернаціоналъ все же не сможетъ существовать, Марксъ былъ правъ, а Вальянъ, считавшій рѣшеніе перенести центръ въ Нью-Іоркъ чуть не измѣной,—неправъ.

Гэльсъ и К°, вернувшись въ Лондонъ, сразу же начали агитацію противъ рѣшеній Гаагскаго конгресса, на которомъ сами присутствовали и резолюцію котораго сами голосовали. Это возбудило печальную борьбу между большинствомъ, т. е. сторонниками новой полиціи Гэльса, и „меньшинствомъ", отстаивавшимъ полную законность рѣшеній Гаагскаго конгресса. Особенно злились англійскіе отщепенцы на Маркса за брошенное имъ обвиненіе въ продажности вождей англійскаго рабочаго движенія. Гэльсъ дошелъ до того, что объявилъ Маркса и Энгельса представителями среднихъ классовъ и буржуазными радикалами.

Разбитые на голову алліансисты немедленно отвѣтили созывомъ въ Сентъ-Илье собственнаго „анти авторитарнаго" конгресса. На немъ былъ основанъ „новый Интернаціоналъ", т. е. провозглашенъ расколъ. Испанцы и Бельгійцы примкнули къ отколовшимся. Гэльсъ также вступилъ съ ними въ сношенія. На конгрессѣ кричали противъ диктатуры Маркса, даже Эккаріусъ распространился на ту тему, что принятіе въ Гаагѣ политической программы есть насиліе надъ отдѣленными федераціями. Резолюція Гаагскаго конгресса была признана Голландіей, нѣмецкой Швейцаріей, Франціей, Германіей, Австріей, Венгріей, Польшей и С. Штатами.

Расколъ произошелъ формально. Но процессъ разложенія не остановился на этомъ. Для ортодоксальной части это былъ здоровый процессъ роста, создавшій современную великую международную соц.-демократію, для анархистовъ—процессъ настоящаго и быстраго распаденія.

Самый сокрушительный ударъ анархическому Интернаціоналу

Digitized by Google

былъ нанесенъ опубликованіемъ неопровержимыхъ документовъ, доказавшихъ своеобразный іезуитизмъ Бакунина. Его тайная организація, раскрытая Ген. Сов. была какой-то организаціей обмана: цѣлый рядъ тайныхъ ступеней, изъ которыхъ каждая высшая дурачила низшую, увѣряя ее, что она-то и есть настоящее верно всего движенія. Изъ тѣхъ же документовъ вытекало, что въ концѣ концовъ „гражданинъ Бакунинъ" былъ самымъ несомнѣннымъ, единовластнымъ диктаторомъ въ организаціи. Документы заставили почти всѣхъ отступить отъ Бакунина и парализовали его политическое вліяніе.

Въ Англіи федерація Интернаціонала послѣ отвратительной внутренней борьбы совершенно исчезла. Наоборотъ, соц.-демокр. партія, развившаяся изъ федераціи марксистской части Интернаціонала, достигла замѣчательнаго процвѣтанія.

Но исторія Новаго Интернаціонала, т.-е. интернаціональной соц.-дем. партіи, уже не относится къ нашей задачѣ. Старый же Интернаціоналъ, сыгравшій громаднѣйшую роль въ исторіи рабочаго движенія, а стало быть, въ исторіи человѣчества, былъ оффиціально объявленъ распущеннымъ послѣ подведшаго итоги 2 Женевскаго конгресса въ сентябрѣ 1873 года. Интернаціоналъ умеръ лишь для того, чтобы немедленно воскреснуть просвѣтленнымъ и вновь помолодѣвшимъ.

А. Луначарскій.

Digitized by Google

Юбилейный подарокъ.

Очеркъ **Якова Горюнова.**

Городъ хотя и числился губернскимъ, но былъ малъ, грязенъ и глухъ. Главная его улица, на которой жилъ губернаторъ, была единственной, могущей носить названіе улицы, всѣ остальныя напоминали собою плохо наѣзженныя проселочныя дороги. На нихъ росла трава, бурьянъ, копошились свиньи, паслись телята. Большинство изъ нихъ не имѣло даже названія, а когда требовалось для чего-либо опредѣлить мѣсто, то говорили: первая безымянная, вторая, третья. Жители не огорчались этимъ: имъ было не до названій. Жили они бѣдно, вяло и скучно. Вновь пріѣхавшій находилъ, что это не городъ, а большая деревня. Въ дождь здѣсь образовывались цѣлыя болота, въ которыхъ утопали лошади и повозки, а въ сухую погоду тучи пыли носились, какъ смерчи, и засыпали глаза пѣшему и конному. На главной улицѣ были дома, нѣсколько напоминавшіе о городѣ, а чуть свернешь въ бокъ, направо или налѣво, вездѣ низенькія, приземистыя хатенки, крытыя соломой, на которой отъ времени уже началъ расти мохъ и репейникъ. По близости не было ни рѣки, ни завода, которые могли бы дать жителямъ заработокъ, и они жили бѣдно-бѣдно, лѣтомъ промышляя то огородами, то сѣнокосомъ, а зимой плетеніемъ корзинъ. Купцы и чиновники были единственными аристократами города. Магазиновъ было немного, да и тѣ торговали вяло, приказчики больше стояли и сидѣли около своихъ лавокъ, играли въ шашки и безцѣльно глазѣли на проходящихъ. Лучше всего торговали казенныя винныя лавки. Около нихъ всегда толпился народъ, хлопались пробки, и бульбулькала переливаемая изъ опрокинутыхъ шкаликовъ надъ раскрытымъ горломъ водка. Здѣсь только и чувствовалось присутствіе жизни, слышался говоръ, веселый смѣхъ и ругань...

Это былъ тотъ „медвѣжій уголъ“, какихъ на Руси не занимать стать. Темпъ жизни былъ вялъ и медлителенъ.

Digitized by Google

Люди жили, какъ растенія, родились, женились и умирали. Въ ихъ жизни не было событій, горячихъ порывовъ и увлеченія. Жили день за днемъ, ночь за ночью, и единственной заботой ихъ было то, чтобы быть сытымъ. Чиновники переписывали горы бумаги и были рады-радехоньки, когда начальство ихъ имъ улыбнется или пожметъ, какъ равному, руку.

Казенная палата, гдѣ происходило описываемое событіе, была сплошь набита такими чиновниками. Всѣ они почти не отличались другъ отъ друга своимъ внутреннимъ содержаніемъ, и единственнымъ мѣриломъ ихъ достоинствъ было расположеніе къ нимъ начальства, расположеніе, выражаемое въ суммѣ улыбокъ, снисходительныхъ рукопожатій и грошевыхъ прибавокъ, которыя тѣмъ не менѣе окрыляли чиновника неописуемымъ счастьемъ, будили въ немъ надежду, а въ другихъ, неотмѣченныхъ прибавкою, порождали зависть.

Чиновникъ Замухрышкинъ былъ не изъ прыткихъ. Онъ усердно строчилъ свои отпуски, отношенія, рапорты и не умѣлъ пользоваться тѣми окольными путями, которые, не относясь прямо къ обязанностямъ службы, приближаютъ все-таки къ начальству и въ концѣ концовъ снискиваютъ его расположеніе. Замухрышкинъ былъ простой и недалекій человѣкъ. Ничего, кромѣ хорошаго почерка, онъ не имѣлъ за душою и, служа вѣрой и правдой, питалъ нѣкоторую надежду, что этимъ путемъ онъ съ теченіемъ времени будетъ замѣченъ начальствомъ и получитъ прибавку. Трудолюбіе и исполнительность его въ работѣ были замѣчательны. Онъ строчилъ и въ канцеляріи и дома. Своею жизнію онъ повторялъ знаменитаго Акакія Акакіевича съ тою только разницей, что тотъ былъ холостъ, а этотъ имѣлъ жену и двоихъ дѣтей. Жилось Замухрышкину, пожалуй, тяжелѣе, чѣмъ Акакію Акакіевичу: заботъ было несравненно больше, а утѣшеній меньше. Если для того „сооруженіе" одной шинели было цѣлымъ событіемъ, занимавшимъ полностью все его существованіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то для этого такихъ тревожныхъ событій было цѣлое множество. Однако и онъ жилъ, не вдаваясь въ большое отчаяніе. Единственнымъ радостнымъ днемъ въ его жизни было двадцатое число; тогда онъ чувствовалъ себя, хоть на нѣсколько часовъ, богатымъ и оживалъ на мгновеніе отъ повседневныхъ заботъ... Тогда конура его оживлялась рѣзвымъ, веселымъ смѣхомъ ребятъ, радовавшихся, что отецъ принесъ имъ по прянику, одному въ формѣ лошади, а другому—пѣтуха. Дѣти не ѣли ихъ и только любовались, стараясь продлить свою радость на нѣсколько дней.

———

Digitized by Google

Иванъ Иванычъ Замухрышкинъ сидѣлъ въ своей конурѣ и при помощи толстой иглы чинилъ свой ботинокъ. Работу эту онъ рѣшилъ выполнить самъ: сапожнику все-таки нужно было заплатить 20—25 копеекъ, между тѣмъ онъ ничуть не хуже его сдѣлаетъ ее самъ. Экономія научила его быть мастеромъ на всѣ руки. Онъ чинилъ себѣ и женѣ сапоги, клеилъ сломавшуюся ножку у стула, запаивалъ дыру на сковородѣ. Все это помогало ему сводить концы съ концами при его ничтожномъ бюджетѣ. Замухрышкинъ очень спѣшилъ со своей работой, такъ какъ такой же починки ждала и его галоша, а было уже восемь часовъ утра, и скоро нужно было идти въ канцелярію. Онъ очень досадовалъ, что обѣ эти вещи разорвались въ такое неурочное время: двадцатое будетъ еще черезъ двѣ недѣли. А выдержитъ ли это время его самодѣльная починка, это еще вопросъ. Иванъ Иванычъ чинилъ и молчалъ. Его жена тутъ же стирала дѣтскія рубашки и тоже молчала съ грустной сосредоточенной думой на лицѣ. Онъ по временамъ взглядывалъ на нее, и худое, измученное лицо ея наводило на него мысли о ея чрезмѣрной работѣ, хлопотахъ, недопиваніи и недоѣданіи. И ему было жалко ее и стыдно какъ-то самого себя, что онъ такой мужъ, не можетъ женѣ, которую онъ очень любитъ, дать хорошую безбѣдную жизнь. Дѣтишки возились на полу и весело хихикали, забавляясь босыми материными ногами, вокругъ которыхъ они обвивали тоненькую веревку. Поглядывая на нихъ, Замухрышкинъ улыбался, и ему становилось какъ будто легче на душѣ. Жена его все молчала, и ему казалось, что она тоскуетъ. Желая отвлечь ее отъ тоскливыхъ думъ, онъ заговорилъ съ нею.

— А что, Маша, изъ нашего Мишутки ловкій хлопецъ выйдетъ.

Жена отвела голову отъ корыта, въ которомъ она стирала, и взглянула на копошившагося около ея ногъ сынишку.

По ея лицу пробѣжало сіяніе радости. Она встрепенулась и, обтеревъ мыльныя руки объ фартукъ, подняла вверхъ мальчонку и поцѣловала.

— Да, славный бутузъ...

Она опять принялась стирать, а Замухрышкинъ продолжалъ:

— Вырастетъ, мы его въ гимназію отдадимъ, докторомъ будетъ!

— На какіе это шиши мы его въ гимназію отдадимъ?— возразила жена довольно рѣзко и сразу оборвала у Замухрышкина мечтательное настроеніе. Онъ сжался, притихъ и какъ-то испуганно заторопился со своей работой.

Digitized by Google

Игла плохо повиновалась его пальцамъ. Въ словахъ жены онъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ упрека, и ему припомнилась часто повторяемая женою фраза:

— По правдѣ тебѣ и фамилія дана: замухрышка! Какой ты мужъ. Баба лядащая, а не мужъ... Хорошій мужъ женѣ долженъ все предоставлять.

Онъ боялся взглянуть на жену, зная, что встрѣтитъ на лицѣ ея обычное злобное выраженіе. Но онъ не обвинялъ ее, онъ самъ сознавалъ, что у него дѣйствительно мало „прыти", что Богъ не далъ ему никакихъ талантовъ. Ему въ душѣ даже было жалко ея, что его жена имѣетъ такого мужа.

— Ты, Маша, не сердись... Виноватъ развѣ я, что жалованье малое? Вотъ, подожди, авось прибавятъ, я и безъ того такъ работаю, такъ работаю: начальство должно замѣтить...

Онъ говорилъ робко, съ паузами, какъ бы боясь, чтобы не сказать чего-нибудь такого, что опять заставило бы жену вскипятиться.

— Прибавятъ, держи карманъ... *Тебѣ* прибавятъ!

Замухрышкинъ сжался еще болѣе. Жена, взглянувъ на него, вдругъ перешла на болѣе сдержанный и ласковый тонъ.

— Вотъ ты, Ванюша, обижаешься, что я тебѣ говорю, а я говорю правду. Ты вотъ четвертый мѣсяцъ собираешься купить мнѣ теплый платокъ, а все до сихъ поръ не покупаешь: не на что! Въ лавку и то сходить не въ чемъ.

— Ахъ, Маша, глупенькая, ну чего даромъ травить себя?! Нашла время, когда говорить, вотъ подожди до двадцатаго, тогда, можетъ быть, и купимъ...

Жена, вспомнивъ, что дома нѣтъ чаю, а мужу скоро надо идти на службу, побѣжала въ лавку купить на 2 коп. чаю и на 4 сахару. Замухрышкинъ остался одинъ надъ своей починкой. Невеселыя его думы отчасти разгонялись и разнообразились пискомъ и визгомъ дѣтей, которыя, за отсутствіемъ игрушекъ и пряниковъ, покупавшихся только двадцатаго числа, развлекали себя тѣмъ, что отнимали другъ у друга тощую изголодавшуюся кошку: одинъ тянулъ ее за голову, а другой за хвостъ. Кошка при этомъ издавала соотвѣтственные звуки. Кошка скоро имъ надоѣла, и они нашли забаву въ томъ, что вытаскивали изъ треснувшаго корыта, въ которомъ стирала мать, тряпочки, затыкавшія трещины. Грязная мыльная вода изъ корыта плескалась на полъ, а ребята размазывали ее ладонями. Когда мать вернулась изъ лавки и увидѣла на полу лужу мыльной воды и брызгавшихся въ ней ребятъ, она надавала имъ шлеп-

Digitized by Google

ковъ, а потомъ накричала на мужа, зачѣмъ онъ не присмотрѣлъ за ними. Онъ виновато сталъ отговариваться, что ему было некогда, и онъ за работой не замѣтилъ. Дѣти плакали, жена ворчала, Замухрышкинъ спѣшилъ скорѣе напиться чаю и удрать изъ дома, чтобы не видѣть начавшагося ада. За чаемъ Марья сказала мужу:

— Хочу, Ваня, перестать брать молоко для ребятъ: оно хотя и четыре копейки въ день, а мѣсяцъ пройдетъ незамѣтно, смотришь—отдавай двадцатаго рубль двадцать копеекъ...

— Какъ хочешь, Маша, — отвѣтилъ Замухрышкинъ,— только чѣмъ же ты тогда ребятъ кормить будешь?

— Ничего, пусть привыкаютъ, не умрутъ: пусть хлѣбъ ѣдятъ...

Несмотря на скудость средствъ, супруги жили дружно, любили другъ друга и лелѣяли своихъ дѣтей, насколько это было возможно въ ихъ положеніи. Лишеніе дѣтей молока для нихъ обоихъ было тяжело, и они долго соображали, нельзя ли вмѣсто молока урѣзать расходъ въ чемъ-нибудь другомъ. Но какъ они ни соображали, ничего не выходило, оказывалось, за что ни возьмись, все нужно, все необходимо.

— Вотъ видишь,—сказала Марья,—этотъ мѣсяцъ обязательно надо купить новое корыто: безъ корыта никакъ нельзя, наше совсѣмъ раскололось, течетъ... Какъ стирать, такъ и бѣги къ сосѣдкѣ... Хорошо, Ваня, свое корыто имѣть... Дѣти маленькія, стирка частая, а корыта все у людей проси.

— Подожди, голубушка, вотъ будетъ двадцатое!—успокоилъ ее Замухрышкинъ и началъ собираться въ канцелярію. Пріѣхалъ водовозъ и просилъ отдать двадцать копеекъ долгу. Денегъ не было, и Замухрышкинъ былъ нѣсколько раздосадованъ.

— Знаешь вѣдь, братецъ, когда жалованье получаю, чего же теперь просить? Вѣдь другимъ больше вѣришь. Вонъ Андріановъ тебѣ полтора рубля долженъ, у него и проси... Ему, небойсь, вѣришь?..

— Онъ богатый,—отвѣтилъ водовозъ, въ раздумьѣ почесывая затылокъ,—за нимъ можно и больше запустить, онъ отдастъ сразу деньги по крайности...

Это ужъ было оскорбленіемъ, но нельзя показывать досаду: иначе водовозъ разобидится и перестанетъ возить воду. Надо было уладить дѣло миромъ и кротко. Трепля дружески водовоза по плечу, онъ отвѣтилъ ему ласково:

— Подожди, другъ, до двадцатаго, вози воду, тогда сразу расплачусь!..

Марья еще выражала кое-какія нужды по хозяйству, пе-

Digitized by Google

чалилась объ ихъ бѣдности, неисходномъ безденежьи, объ ихъ горькой жизни. Замухрышкинъ старался успокоить ее и говорилъ ласково:

— Подожди, голубушка, вотъ будетъ двадцатое...

Замухрышкинъ совсѣмъ было собрался на службу и готовъ былъ идти, но тутъ случилось одно маленькое обстоятельство, имѣвшее большое значеніе для дальнѣйшихъ событій. Маленькій Миша, возясь около табуретки, на которой стояло корыто, какъ-то зацѣпилъ ее, табуретка покачнулась, и корыто, свалившись на полъ, раскололось пополамъ. Грязная мыльная вода окатила Мишу и разлилась по полу широкой лужей. Миша поднялъ ревъ, а за нимъ заголосила сестренка. Марья набросилась на Замухрышкина, почему онъ не досмотрѣлъ, она занята, она не успѣваетъ присмотрѣть за всѣмъ, а онъ ничего не дѣлаетъ. Марья совсѣмъ вышла изъ себя и въ заключеніе прикрикнула на мужа:

— Когда чортъ тебя унесетъ? У меня нѣтъ теперь корыта: не въ чемъ мнѣ стирать. Ходи теперь грязный, какъ пугало...

Она долго еще упрекала его, что онъ не можетъ купить ей новаго корыта. Оно раскололось потому, что было съ трещиной, а новое не разбилось бы, если бы и упало. Дѣти ревѣли, Марья бранилась... Замухрышкинъ, зажавъ уши, стремительно выбѣжалъ изъ дома и, спасаясь отъ семейнаго ада, полетѣлъ въ свою канцелярію. Въ головѣ его стучало, сердце отъ волненія билось учащенно, и онъ съ злобой шепталъ про себя:

— Чортъ бы васъ побралъ и съ вашимъ корытомъ!

По дорогѣ у него лопнула починенная имъ галоша, и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что не доходить ему въ ней до двадцатаго: придется занимать денегъ и покупать новыя галоши... Сердце сжалось у бѣднаго Замухрышкина...

Чиновникъ той же казенной палаты, Иванъ Трофимычъ Подхалюзинъ, проснулся рано, и первою его мыслью было то, что его сослуживцу Пантюшкину начальство прибавило три рубля въ мѣсяцъ жалованья. Подхалюзина съѣдала зависть. Трехрублевая прибавка Пантюшкина, какъ лавры Мильтіада для Ѳемистокла, не давала ему покоя. Цѣлую недѣлю онъ ложился и вставалъ съ одною и тою же мыслію, почему прибавили Пантюшкину, а не ему. Онъ считалъ себя во всемъ выше Пантюшкина: Пантюшкинъ исключенъ изъ второго класса духовнаго училища, а онъ изъ третьяго. Пантюшкинъ совсѣмъ слабъ въ знакахъ препинанія, а онъ съ этими запятыми, точками, двоеточіями расправляется ничуть не хуже, чѣмъ съ билліардными шарами.

Digitized by Google

Когда, однажды, среди служащихъ возникъ философскій мудреный вопросъ, что правильнѣе: „копія съ копіи“ или „съ копіи копія“, Пантюшкинъ никакъ не могъ рѣшить, а онъ блестяще вышелъ изъ затрудненія и рѣшилъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на безчисленное количество всяческихъ достоинствъ, его обошли, а прибавили Пантюшкину. Онъ ломалъ голову, какая бы могла быть тому причина. Счастье Пантюшкина онъ неминуемо связывалъ съ образцовымъ умѣніемъ того поддѣлаться подъ тонъ начальства; кромѣ этого, Пантюшкинъ такъ заискивающе всегда смотрѣлъ въ глаза своимъ патронамъ, такъ низко сгибалъ передъ ними спину, когда они проходили мимо него, что тѣ, какъ казалось Подхалюзину, безусловно рѣшили, что онъ самый преданный имъ и исполнительный чиновникъ. При такихъ условіяхъ они не могли не прибавить ему. Порывшись въ воспоминаніяхъ, Подхалюзинъ, однако, пришелъ къ заключенію, что и онъ не лишенъ способности увиваться передъ начальствомъ, ходить, что называется, на заднихъ лапкахъ и ластиться лисичкой. Не дальше, какъ вчера, онъ съ такимъ умильнымъ поклономъ подалъ своему начальнику портфель съ бумагами, что ему позавидовалъ бы самый опытный и наторѣвшій въ своемъ ремеслѣ лакей... Но ему не прибавили! Слѣдовательно, этого всего еще мало, необходимо показать свою преданность въ болѣе осязательной формѣ. Подхалюзину пришла блестящая мысль. Скоро будетъ праздноваться юбилей ихъ начальника. Случай самый подходящій, имъ надо воспользоваться. Подхалюзинъ обрадовался, что, наконецъ, онъ нашелъ средство показать себя. Отъ радости онъ сразу повеселѣлъ и сталъ спѣшить одѣваться, чтобы скорѣе привести свою мысль въ исполненіе.

Придя въ канцелярію, онъ разграфилъ листъ бумаги и сверху четкими и крупными буквами написалъ: „На юбилейный подарокъ Его Превосходительству въ честь двадцатипятилѣтняго юбилея полезной его службы“. Окончивъ предварительныя приготовленія, онъ, тая въ глубинѣ души свой секретъ, сталъ дожидать прихода начальства, и, лишь только оно явилось, онъ на цыпочкахъ, съ подобострастной физіономіей вошелъ въ кабинетъ будущаго юбиляра и слащавымъ, вкрадчивымъ голоскомъ проговорилъ:

— Ваше превосходительство, разрѣшите почтить знаменательный день вашего предстоящаго юбилея: всѣ служащіе уполномочили меня просить васъ объ этомъ. Всѣ такъ рады хоть чѣмъ-нибудь, по мѣрѣ возможности, ознаменовать счастливый день вашего юбилея. Всѣ служащіе съ такимъ усердіемъ хотятъ принести вамъ лепту своей благодарности, что ждутъ и не дождутся этого радостнаго для всѣхъ дня.

Digitized by Google

Такого начальника, какъ вы, ваше превосходительство, намъ ждать и не дождаться. Вы, ваше превосходительство, единственный, вы—нашъ отецъ родной. Мы, какъ ваши дѣти, хотимъ почтить знаменательный день...

Его превосходительство былъ человѣкъ уже старый, просидѣвшій еще до казенной палаты на разнаго рода службахъ дюжины двѣ стульевъ. Голова его воспринимала только одни служебныя впечатлѣнія, а трясущіяся руки подписывали только одну собственную фамилію. Онъ имѣлъ полное право принадлежать къ числу тѣхъ достославныхъ старичковъ, о которыхъ Щедринъ говорилъ, что изъ уваженія къ ихъ ветхости и потерѣ памяти ихъ въ сенатъ посадили. Старикъ былъ польщенъ и, конечно, не могъ отказать въ разрѣшеніи Подхалюзину. Онъ даже сказалъ ему, что онъ очень тронутъ преданностью своихъ подчиненныхъ и съ величайшимъ удовольствіемъ запечатлѣетъ у себя на груди стремленіе ихъ почтить радостный для него день.

Подхалюзинъ сіяющій вышелъ изъ кабинета: теперь его дѣло въ шляпѣ, онъ замѣченъ начальствомъ. Подписной на юбилейный подарокъ листъ началъ ходить по чиновникамъ...

Замухрышкинъ въ это время уже сидѣлъ и строчилъ. Ему предстояло исписать цѣлыя горы различныхъ бумагъ. Онъ писалъ совершенно механически. Глаза схватывали фразу, а руки переносили ее на бумагу. Строченіе давно уже вошло въ плоть и кровь Замухрышкина. Буквы становились рядомъ и по прямой линіи, ничуть не отвлекая его вниманія. Голова мало интересовалась тѣмъ, что писали руки. Она продолжала думать свои житейскія думы. Среди мелькающихъ буквъ, чужихъ фразъ и мыслей, которыя схватывали глаза съ переписываемой бумаги, Замухрышкинъ думалъ, что какъ далеко еще двадцатое, что изъ тѣхъ восемнадцати рублей, которые ему придется получить, у него ничего не останется, все придется раздать въ уплату долговъ. Онъ вспомнилъ сегодняшнее утро, расколотое корыто, изъ-за котораго такъ накричала на него жена, вспомнилъ о платкѣ для жены, который онъ собирается купить уже четвертый мѣсяцъ, и нѣтъ никакой возможности купить его, а уже на носу зима, и женѣ не въ чемъ даже въ лавочку сходить... Все это вертѣлось у него въ головѣ...

Къ нему подошелъ съ подписнымъ листомъ Подхалюзинъ.

— А ну-ка, пиши!

Замухрышкинъ молча посмотрѣлъ на заголовокъ листа. Его сразу охватила затаенная досада.

— Собираютъ на юбилейный подарокъ,—думалъ онъ про себя,—начальникъ получаетъ тысячи, а я гроши, и я давай

Digitized by Google

ему, чествуй, за что и почему? Что онъ мнѣ, и что я ему? Вѣдь дѣтей моихъ онъ не накормитъ, если я умру... а уволить, всегда уволитъ, лишь только въ чемъ-нибудь проштрафишься...

Онъ держалъ надъ листомъ перо и медлилъ въ недоумѣніи, что дѣлать, подписать или не подписать, и если подписать, то сколько...

— Ну, чего задумался?—торопилъ его Подхалюзинъ.

Замухрышкинъ пробѣжалъ по листу уже подписанныя фамиліи, и противъ каждой изъ нихъ стояли внушительныя цифры—1 рубль, 2, 3. Сколько же подписать ему?

— Подпишу двугривенный?—онъ вопросительно взглянулъ на Подхалюзина:—я не имѣю возможности...

— Дуракъ, что ты милостыню, что ли, подаешь? Себя передъ всѣми конфузишь, ужъ лучше совсѣмъ ничего не пиши, вѣдь чествованіе добровольное, никто тебя не заставляетъ. А по-моему, ужъ лучше себѣ въ чемъ откажи, а здѣсь лицомъ въ грязь не ударь... Вѣдь все это можетъ дойти до начальства... Хорошо тогда глазами хлопать: чествовать не захотѣлъ, а они тебя держать не захотятъ. Тогда хуже будетъ, какъ безъ мѣста будешь шляться. Себѣ откажи, а сюда напиши, я тебѣ по-дружески говорю... Вѣдь все равно платить не теперь, двадцатаго...

Подхалюзину было выгодно, чтобы собрать больше, и онъ всѣмъ говорилъ то же самое. Чиновники былъ народъ все бѣдный, запуганный и забитый. Они дрожали при словѣ „начальство". Служба была для нихъ единственной точкой опоры въ жизни, и они не могли безъ ужаса представить себѣ, что съ ними будетъ, если они лишатся службы. Поэтому, хотя и говорилось, что сборъ на подарокъ добровольный, но тѣмъ не менѣе всякому думалось, что дать надо, необходимо дать, не вышло бы какихъ непріятностей. Начальство, разумѣется, смотрѣло на дѣло иначе, но у страха глаза велики, и чиновникамъ представлялось все дѣло именно такъ.

— Ну, пиши, пиши!—торопилъ Замухрышкина Подхалюзинъ:—вѣдь другіе ждутъ.

— Э, гдѣ наше не пропадало!—прошепталъ Замухрышкинъ и подписалъ рубль.

Подхалюзинъ ушелъ съ листомъ къ другому, а Замухрышкинъ принялся опять за строченіе. Состояніе его духа сразу ухудшилось. Онъ словно потерялъ что-то, искалъ и не находилъ. Въ головѣ его завертѣлся какой-то хаосъ.

Приходило на умъ расколовшееся корыто, лопнувшая галоша, водовозъ, требовавшій отдачи долга...

Въ канцеляріи было тихо, тихо. Слышенъ былъ только

Digitized by Google

скрипъ перьевъ, да изрѣдка кое-кто робко кашлянетъ въ руку, боясь нарушить всеобщую тишину. Столоначальникъ, сидѣвшій посрединѣ комнаты, отъ времени до времени окидывалъ всѣхъ наблюдающимъ взоромъ, чиновники въ свою очередь, отрываясь на секунду отъ бумагъ, взглядывали исподлобья на столоначальника.

Эти робкіе взгляды, боязливое перешептываніе между собою какъ-то плохо гармонировали съ длинными рыжими и сѣдыми бородами служащихъ, и эти взрослые люди напоминали маленькихъ учениковъ школы, гдѣ суровый учитель строго наказываетъ за малѣйшій проступокъ.

На посторонняго зрителя весь этотъ синклитъ забитыхъ людей производилъ, съ одной стороны, смѣшное, съ другой—удручающее впечатлѣніе... Вдругъ раздался въ кабинетѣ начальника звонокъ, приглашающій столоначальника. Послѣдній, пригладивъ волосы и поправивъ пуговицы пиджака, удалился. Въ комнатѣ всѣ сразу зашептали, словно рой пчелъ вылетѣлъ изъ улья. Столоначальникъ вернулся. Все мгновенно стихло и склонилось надъ бумагами.

— Господинъ Замухрышкинъ, пожалуйте сюда!—проговорилъ столоначальникъ.

У Замухрышкина екнуло сердце: что-нибудь не ладно. Дрожа, какъ осиновый листъ, онъ подошелъ къ столоначальнику.

— Вотъ какіе у насъ служащіе,—началъ столоначальникъ.—Въ дѣловую бумагу вы влѣпили какое-то корыто. Скажите, пожалуйста, что это за корыто, при чемъ тутъ корыто?.. Я понадѣялся, не просмотрѣлъ вашу бумагу, анъ тутъ корыто... Какое корыто, чортъ знаетъ что...

Бѣдный Замухрышкинъ! Онъ зналъ, что это за корыто, но нельзя же объ этомъ было разсказать столоначальнику. Онъ въ душѣ проклиналъ всю утреннюю исторію съ корытомъ, а столоначальникъ, допекая несчастнаго Замухрышкина, посмѣивался надъ нимъ.

— Скажите, господинъ Замухрышкинъ, о чемъ вы думаете, когда пишете служебную бумагу? Какъ это, въ дѣловую бумагу и—вдругъ корыто...

Сюжетъ для остроумія столоначальника былъ очень пикантный, и, посмѣиваясь надъ Замухрышкинымъ, онъ посматривалъ на служащихъ, какъ бы говоря: каковъ инцидентъ! Служащіе въ отвѣтъ подобострастно улыбались.

Замухрышкину пришлось вновь переписывать бумагу. Лишній трудъ! Но это все еще ничего бы. Онъ боялся, какъ бы изъ-за этого „проклятаго“ корыта не вышло болѣе серьезныхъ непріятностей. Напуганное воображеніе рисовало ему всяческіе ужасы: онъ безъ мѣста, дѣти голодаютъ, жена

Digitized by Google

реветъ... Въ головѣ его поднимался цѣлый содомъ, и ему требовалось большое напряженіе, чтобы сосредоточиться надъ переписываемымъ и не влѣпить въ бумагу какого-нибудь новаго корыта, вслѣдствіе этого работа его шла довольно медленно.

Когда приближался часъ конца службы, Замухрышкинъ подошелъ къ Подхалюзину и тихо шепнулъ ему:

— Дай, братъ, подписной листъ...

— Зачѣмъ тебѣ?

— Прибавить хочу!

Подхалюзинъ далъ листъ, и Замухрышкинъ противъ своей фамиліи вмѣсто одного написалъ два рубля.

— Что, испугался небойсь, корыто свое загладить хочешь?—поглумился надъ нимъ Подхалюзинъ.

— Что-жъ подѣлаешь? Надо!—уныло прошепталъ Замухрышкинъ.

Тоскливо плелся домой бѣдный Замухрышкинъ. Ему было досадно, что онъ получилъ выговоръ, съ другой стороны было жалко денегъ, которыя онъ подписалъ на юбилейный подарокъ. Говорить ли объ этомъ женѣ? Нѣтъ, зачѣмъ ее, бѣдную, тревожить?! Она тоже бьется, какъ рыба объ ледъ. Состояніе духа у Замухрышкина было убійственное, и онъ не могъ устоять противъ соблазна: проходя мимо монополъки, онъ завернулъ въ нее.

— Что это такъ, сегодня вѣдь не двадцатое?—спросила у него знакомая продавщица. Онъ только рукой махнулъ съ выраженіемъ отчаянія. Зайдя за уголъ, онъ опрокинулъ надъ горломъ „мерзавчика", водка забулькала и огнемъ разлилась по желудку.

Когда онъ пришелъ домой, Марья замѣтила, что Замухрышкинъ чѣмъ-то встревоженъ и озабоченъ. Она знала, что въ такія минуты онъ становится злымъ и раздражительнымъ. Она молча подала ему обѣдъ. Но онъ сидѣлъ передъ тарелкой насупившись и не принимался за ѣду. Марья издали наблюдала за нимъ. По всему было видно, что съ нимъ случилось что-то неладное. Она молчала и ожидала событія. Вдругъ онъ крикнулъ сердито, выкинувъ на столъ серебряный полтинникъ, который онъ занялъ за проценты у канцелярскаго сторожа, занимавшагося въ подспорье къ своему крошечному жалованью ссудой чиновникамъ.

— Принеси мнѣ водки!

Она знала, что уговариванія безполезны, и съ удрученнымъ сердцемъ отправилась за водкой. Она чуяла бѣду. Замухрышкинъ пилъ рѣдко, и если ужъ ему потребовалась водка, то, значитъ, съ нимъ случилось что-нибудь непріятное.

Digitized by Google

— Чортъ бы подралъ тебя съ твоимъ корытомъ,—кричалъ уже черезъ нѣсколько времени Замухрышкинъ,—изъ-за твоего корыта я выговоръ получилъ. Нужно тебѣ было съ утра о корытѣ рѣчь заводить?!

Марья попробовала уговаривать его:

— Съ кѣмъ же, Ваня, я о своей нуждѣ поговорю, какъ не съ мужемъ? Вѣдь ты не чужой мнѣ—родной. Корыто раскололось, я тебѣ и попеняла... Корыто въ хозяйствѣ—вещь необходимая... Я все-таки не понимаю, какъ ты изъ-за корыта выговоръ получилъ? Просилъ денегъ на корыто, что ли, впередъ?

— „Не понимаю, не понимаю",—вскричалъ Замухрышкинъ раздраженно, допивая остатокъ водки:—тутъ и понимать нечего. Вертѣлось твое корыто на умѣ, я и влѣпилъ его въ дѣловую бумагу... Ваше дѣло только пить да ѣсть, а тутъ гни спину съ утра до вечера да получай выговоры. Дармоѣды!

Замухрышкинъ сердился не на шутку. Водка придавала ему больше раздраженія. Въ головѣ его бродили обрывки досадныхъ мыслей. Онъ досадовалъ и на „корыто", и на юбилей начальника, заставившій его подписаться на два рубля. Объ этихъ двухъ рубляхъ онъ все еще не рѣшался сказать женѣ. Онъ зналъ, что такое сообщеніе произведетъ новую бурю. Растревоженный собственными мыслями, онъ началъ одѣваться, чтобы идти къ товарищамъ: ему хотѣлось выпить и заглушить свою досаду, а денегъ не было, онъ надѣялся на выпивку у товарищей. Марья пыталась остановить его, она обнимала его и думала подѣйствовать на него лаской, но это ни къ чему не повело. Вернулся домой онъ около полуночи, пьяный и сердитый. Марья начала было пенять ему, зачѣмъ онъ такъ пьетъ, онъ оттолкнулъ ее отъ себя, и она ударилась бокомъ объ сундукъ...

Утромъ онъ проснулся больной и удрученный. Ему смутно припомнилось все вчерашнее, и ему было стыдно смотрѣть на жену. Марья хмурилась и молчала, она чувствовала себя обиженной.

— Маша, прости за вчерашнее,—вдругъ проговорилъ Замухрышкинъ, ласкаясь къ женѣ:—право, досадно было, не могъ стерпѣть...

— Да, а мнѣ не досадно? Какая я дармоѣдка?! Самъ видишь, какъ я работаю, около дома развѣ дѣла мало: и постирай, и обѣдъ сготовь, и дыры зачини...

— Прости, прости, Машенька... не сердись!—и онъ, обнявъ, крѣпко поцѣловалъ ее. Марья, видя, что мужъ попрежнему ласковъ съ нею, уже забыла все происшедшее и перестала хмуриться. Обнимая его въ свою очередь, она проговорила, какъ бы шутя:

Digitized by Google

— Ну, ну, я не сержусь, зато двадцатаго ты купишь мнѣ новый платокъ и корыто...

Она ласково и добродушно улыбалась. Замухрышкинъ ничего не могъ ей отвѣтить на это.

Наступило двадцатое.

Лишь только Замухрышкинъ вошелъ домой, Марья съ улыбкой сказала ему:

— Ну, сегодня я буду съ обновками...

Замухрышкинъ какъ-то виновато сжался, притихъ и молча сѣлъ обѣдать. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ рѣшился сказать, что ему пришлось получить не полное жалованье...

— Зачѣмъ ты подписалъ? Самъ знаешь, намъ каждая копейка дорога...—начала жена.

— Нельзя, Маша, надо честь оказать: начальство. По начальству мы и служимъ.

— Ну, подписалъ бы тамъ двугривенный или четвертакъ, а то, на тебѣ: расщедрился—два рубля... Шутка-ль сказать: два рубля! Два рубля—чуть не на недѣлю харчей...

— Глупая ты, Маша, вотъ что я тебѣ скажу: ну, какъ подписать двугривенный?! Какой почетъ на двугривенный?! Это будетъ насмѣшка, а не почетъ...

Но Марья никакъ не могла согласиться съ доводами мужа, никакого „почета" она не хотѣла принимать въ расчетъ и изъ всего этого понимала только одно, что теперь ей не придется купить не только теплаго платка, но и корыта. А на бѣду съ сосѣдкой, у которой она занимала корыто для стирки, она поссорилась, стирать ей было не въ чемъ.

— Ходи теперь грязный, какъ пугало: не въ чемъ мнѣ стирать, оставайся со своимъ почетомъ...—продолжала пилить Марья. Замухрышкинъ однако сознавалъ за собой правоту: онъ никакъ не могъ поступить иначе. Марья также чувствовала, что на ея сторонѣ есть доля правды. Мужъ и жена невольно дулись другъ на друга, но сдерживали себя. Тутъ, какъ на грѣхъ, случилось маленькое происшествіе, явившееся масломъ къ огню. Маленькій Миша ѣлъ кашу и, раздавливая комки ея, сломалъ ложку. Замухрышкину показалось, что это произошло отъ шалости. Онъ выдралъ его за ухо.

— Извергъ, злодѣй, что ты дѣлаешь?—накинулась на него Марья:—за что бьешь ребенка? Ложка всего копейку стоитъ, ты вонъ не пожалѣлъ двухъ рублей, а тутъ копейку жалѣешь... Какой ты отецъ своему ребенку?!

Марья взяла на руки плачущаго ребенка и ласкала его. Мальчикъ, вытирая ручонкой слезы, косился на отца.

Digitized by Google

— И въ самомъ дѣлѣ, за что я его побилъ? думалось Замухрышкину:—все это виновато раздраженіе, не будь я разсерженъ всей этой исторіей съ двумя рублями, я его не побилъ бы...

И тяжелое, гнетущее чувство объяло его. Ему было стыдно и Марьи, и самого себя, и даже маленькаго Миши. Онъ сталъ одѣваться и рѣшилъ уйти.

— Иди, пьянствуй, безсовѣстная рожа!—крикнула ему Марья въ слѣдъ. Замухрышкинъ только сердито хлопнулъ дверью.

На другой день на службу Замухрышкинъ пошелъ разбитый, съ больной головой. Ему было теперь досадно, зачѣмъ вчера онъ такъ много выпилъ. Голова его была тяжела, въ вискахъ стучало, при малѣйшемъ покачиваніи головой въ ней ощущалось, словно какой-то свинецъ... Онъ не могъ хорошо и сосредоточенно работать. Не прошло и двухъ часовъ, какъ столоначальникъ позвалъ его:

— Господинъ Замухрышкинъ, пожалуйте сюда...

Столоначальникъ намѣревался прочесть ему нотацію,— вмѣсто „предположеніе" въ одной изъ бумагъ онъ написалъ „приподношеніе",—но взглянулъ на Замухрышкина: у того былъ такой угрюмый и растерянный видъ, что столоначальникъ пожалѣлъ его и только сказалъ, слегка улыбаясь:

— Вотъ, перепишите ваше „приподношеніе"...

Придя домой, Замухрышкинъ жаловался Марьѣ:

— Эхъ, Маша, опять у меня на службѣ непріятность, опять ошибся въ бумагѣ, голова больная, не досмотрѣлъ... Эхъ, и все это проклятый юбилей надѣлалъ... Изъ-за него тогда съ тобой поссорился, мальчонку побилъ... Не будь его, все бы было хорошо... И зачѣмъ только начальство юбилеи выдумало?!

Начальникъ праздновалъ юбилей. Ему служащіе поднесли подарокъ. Онъ былъ польщенъ: подчиненные *добровольно* оказали ему свою преданность и любовь, но никто изъ праздновавшихъ не зналъ о той маленькой драмѣ, которая по поводу юбилея разыгралась въ семьѣ Замухрышкина. Ее чувствовали только Марья да мужъ ея...

Digitized by Google

Глава государства.

Авторитетъ и вліяніе номинальнаго (короля) и дѣйствительнаго (перваго министра) главы исполнительной власти въ Англіи, какъ типъ парламентарной монархіи.

Парламентарной системой правленія называется такой политическій строй—монархическій или республиканскій—при которомъ важнѣйшую роль въ государствѣ играетъ законодательное собраніе. Впервые такая система правленія развилась въ Англіи, гдѣ, какъ извѣстно, законодательное собраніе называется парламентомъ, откуда происходитъ, слѣдовательно, и самое названіе указаннаго политическаго строя.

Такъ какъ, однако, парламентъ въ силу многочисленности своихъ членовъ и дѣленія на двѣ палаты не можетъ, конечно, самъ управлять страной, то такое управленіе поручается министрамъ, отвѣтственнымъ передъ парламентомъ за законное, умѣлое и своевременное разрѣшеніе всѣхъ общественныхъ нуждъ, при чемъ эта отвѣтственность выражается въ обязательности отставки министровъ, которые по той или иной причинѣ утратили довѣріе большинства членовъ парламента. Такова сущность парламентарной системы правленія, которая будетъ характеризована болѣе подробно въ настоящей главѣ, имѣющей задачей именно выясненіе взаимныхъ отношеній парламента къ лицамъ, облеченнымъ высшей исполнительной властью въ государствѣ.

Какъ извѣстно, не во всѣхъ конституціонныхъ странахъ существуетъ такой режимъ. Если мы возьмемъ, напримѣръ, Пруссію, то мы увидимъ, что тамъ министры назначаются и смѣщаются по усмотрѣнію короля, не обязаннаго въ этомъ случаѣ ни закономъ, ни обычаемъ сообразоваться съ мнѣніемъ народныхъ представителей. Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ роль парламента, называемаго, какъ извѣстно, въ Пруссіи ландтагомъ, имѣетъ весьма мало общаго съ ролью верховнаго законодательнаго учрежденія въ странахъ, которыя относятся къ группѣ государствъ съ парламентарной системой правленія.

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, въ Пруссіи роль народныхъ представителей состоитъ главнымъ образомъ въ критикѣ дѣйствій министровъ и въ созданіи для министровъ нѣкоторыхъ затрудненій при ихъ попыткахъ получить санкцію ландтага на законопроекты и другія мѣры, требующія учрежденія народныхъ представителей и не пользующіяся ихъ сочувствіемъ. Послѣ этихъ немногихъ вводныхъ замѣчаній мы считаемъ возможнымъ приступить къ основной задачѣ настоящей главы.

Въ настоящей главѣ мы говоримъ главнымъ образомъ объ Англіи, гдѣ впервые развилась парламентарная форма правленія, хотя, какъ читатель увидитъ ниже, многое изъ того, что мы говоримъ о положеніи англійскаго короля, относится почти въ одинаковой мѣрѣ и къ положенію королей Италіи, Бельгіи, Голландіи, Испаніи, Португаліи, Норвегіи и Греціи; въ нѣсколько меньшей мѣрѣ то же самое справедливо и и отношенію къ королямъ Швеціи и Даніи.

Замѣтимъ наконецъ, что во Франціи президентъ республики, вообще говоря, играетъ ту же роль въ системѣ государственнаго управленія, какую въ Англіи играетъ ея король. Такимъ образомъ то, что мы говоримъ о монархахъ парламентарныхъ странъ, въ значительной мѣрѣ примѣнимо ио къ президенту парламентарной республики, каковой является современная Франція.

„Представимъ себѣ",—говоритъ одинъ изъ послѣднихъ и весьма глубокомысленныхъ истолкователей англійской конституціи,—„что на землѣ наступилъ новый ледниковый періодъ, уничтожившій огромное число памятниковъ и слѣдовъ нашей цивилизаціи. Представимъ себѣ далѣе, что какой-нибудь изслѣдователь еще болѣе отдаленныхъ временъ попробовалъ бы возстановить порядки государственнаго управленія Англіи XIX вѣка.

„Мы думаемъ, что онъ написалъ бы въ своемъ сочиненіи нѣчто близкое по своему содержанію къ послѣдующимъ строкамъ.

„Къ числу наиболѣе любопытныхъ учрежденій этого замѣчательнаго народа",—написалъ бы, вѣроятно, нашъ воображаемый изслѣдователь,—„слѣдуетъ отнести своеобразную систему государственнаго управленія, которую можно, пожалуй, назвать двойственной царской властью. Вслѣдствіе причинъ, которыя, несмотря на всѣ наши усердныя историческія изысканія, остались для насъ неясными, англійскій народъ нашелъ полезнымъ имѣть двухъ верховныхъ правителей, изъ которыхъ одинъ становился таковымъ въ силу перехода къ нему власти по наслѣдству, другой же въ силу назначенія, при чемъ это назначеніе не было пріурочено къ какимъ-либо опредѣленнымъ моментамъ, и срокъ его никогда не бывалъ опредѣленнымъ. Замѣчательно при этомъ, что тогда какъ вся сущность власти принадлежала послѣднему правителю, первый былъ окруженъ всѣмъ пышнымъ ореоломъ внѣшнихъ аттрибутовъ верховной власти".

Digitized by Google

„Иностранецъ, который въ это время побывалъ бы въ Лондонѣ",—писалъ бы, вѣроятно, далѣе нашъ воображаемый изслѣдователь,—„скоро увидѣлъ бы несомнѣнныя доказательства существованія въ странѣ стариннаго, окруженнаго большимъ почетомъ царскаго дома. Всякій встрѣчный могъ бы ему указать на дворцы короля и членовъ королевской семьи. Онъ, можетъ быть, и самъ бы увидѣлъ короля, окруженнаго внѣшнимъ блескомъ. Онъ увидѣлъ бы, что всѣ эффектныя, живописныя церемоніи, исчезнувшія изъ обихода другихъ слоевъ общества, продолжаютъ окружать жизнь короля. Когда король ѣдетъ на какое-нибудь офиціальное собраніе или торжество, его конвоируетъ отрядъ верховыхъ лейбъ-гвардейцевъ съ саблями на-голо и въ блестящихъ доспѣхахъ. Когда онъ лично открываетъ сессію законодательныхъ собраній, его окружаютъ перы королевства, одѣтые въ старинные костюмы, разукрашенные съ роскошью варварскихъ временъ. Распорядкомъ домашней жизни короля завѣдуютъ высшіе сановники королевства, при чемъ этотъ распорядокъ регулируется весьма сложнымъ этикетомъ. Самые гордые и богатые аристократы считаютъ для себя за честь занимать постъ при особѣ короля. Самыя знатныя дамы не считаютъ ниже своего достоинства состоять при королевѣ и оказывать ей личныя услуги.

„Таковы аттрибуты наслѣдственнаго главы Британской имперіи. Все это составляетъ рѣзкій контрастъ условіямъ жизни другого главы государства, того, который получалъ свои полномочія путемъ избранія. Жизнь его протекала безъ всякой помпы и безъ какихъ-либо пышныхъ церемоній. Его нельзя было бы распознать среди другихъ гражданъ по костюму, по манерѣ держать себя, по внѣшней обстановкѣ частной жизни. По своему происхожденію онъ могъ не принадлежать ни къ какому древнему роду или аристократической семьѣ. Могло, правда, легко случиться, что дѣйствительный глава власти былъ старинный, знатный вельможа, но, повидимому, это обстоятельство не имѣло существеннаго значенія, такъ какъ эта важнѣйшая въ государствѣ должность оказывалась иногда въ рукахъ сына фабриканта, мелкаго землевладѣльца, доктора, сына актрисы или мало извѣстнаго литератора чуждой расы и религіи [1]). Послѣ того, какъ нашъ иностранецъ встрѣтилъ на улицахъ столицы монарха, окруженнаго блестящей кавалькадой, онъ могъ бы, не подозрѣвая этого, пройти бокъ-о-бокъ съ фактическимъ правителемъ страны, шедшимъ среди другой публики по тротуару и не вызывавшимъ со стороны этой публики какихъ-либо особыхъ знаковъ почтенія,

---

[1]) Авторъ приведенныхъ строкъ имѣетъ при этомъ въ виду дѣйствительное происхожденіе разныхъ первыхъ министровъ, которыхъ имѣла Англія въ XIX вѣкѣ. Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ онъ имѣетъ въ виду Гладстона, который былъ сынъ крупнаго промышленника и коммерсанта, въ послѣднемъ случаѣ Дизраэли (впослѣдствіи лорда Бикенсфильда)—сына еврея, занимавшагося литературной дѣятельностью.

Digitized by Google

и, повидимому, даже лично не извѣстнаго большинству прохожихъ" [1]).

Допустивъ даже, что въ приведенныхъ только что словахъ есть извѣстная доля преувеличенія, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что они весьма удачно характеризуютъ тотъ контрастъ, который существуетъ въ Англіи между внѣшнимъ блескомъ королевской власти и сравнительно малымъ ея дѣйствительнымъ вліяніемъ на ходъ общественныхъ дѣлъ съ одной стороны и наблюдаемой параллельно съ этимъ огромной дѣйствительной властью перваго министра и отсутствіемъ какой-либо внѣшней помпы въ его офиціальной и частной жизни—съ другой. Если мы, тѣмъ не менѣе, говоримъ, что въ приведенныхъ словахъ есть извѣстная доля преувеличенія и что на самомъ дѣлѣ контрастъ все-таки не такъ великъ, мы имѣемъ въ виду то обстоятельство, что и англійскій король внѣ времени офиціальныхъ пріемовъ и церемоній носитъ обыкновенно статскій костюмъ и ѣздитъ въ экипажѣ, который ничѣмъ особымъ не отличается отъ экипажей другихъ богатыхъ людей. Такимъ образомъ иностранецъ, не знающій короля въ лицо, можетъ догадаться о томъ, что онъ повстрѣчался съ офиціальнымъ главой государства, развѣ лишь по сравнительно частымъ поклонамъ со стороны прохожихъ, хотя эти поклоны ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыми всѣ люди привѣтствуютъ своихъ знакомыхъ. Иначе сказать, англійскій король не всегда окруженъ помпой и пышностью. Съ другой стороны, и такъ называемый первый министръ, въ рукахъ котораго сосредоточены всѣ пружины правительственнаго механизма, не выдѣляется, правда, изъ среды другихъ гражданъ своимъ костюмомъ или манерой держать себя, но тѣмъ не менѣе является, конечно, необходимымъ и виднымъ участникомъ всякихъ церемоній, имѣющихъ государственное значеніе, какъ пріемъ государей другихъ странъ, и всякія другія подобныя торжества.

Перейдемъ однако къ болѣе важнымъ вопросамъ, ближайшимъ образомъ касающимся системы управленія Англіи.

Какъ функціонируетъ высшая исполнительная власть въ Англіи?

Пытаясь дать на это возможно болѣе короткій, ясный и точный отвѣтъ, мы могли бы, намъ кажется, не рискуя впасть въ какую-либо ошибку, характеризовать слѣдующимъ образомъ основы англійской системы управленія вообще и функціонированія высшей исполнительной власти въ частности.

1. Всѣ органы исполнительной власти въ государствѣ находятся подъ верховнымъ контролемъ или руководствомъ группы лицъ, стоящихъ каждый во главѣ какой-либо особой отрасли государственнаго управленія. Эти лица несутъ обязанности мини-

[1]) Sidney Low. The Governance of England. London, 1904, 274—275.

Digitized by Google

стровъ въ другихъ странахъ, хотя носятъ различныя названія (канцлеръ казначейства, статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи, первый лордъ адмиралтейства и т. д.).

Всѣ эти лица составляютъ такъ называемый совѣтъ или кабинетъ министровъ, въ рукахъ котораго сосредоточена вся высшая исполнительная власть въ странѣ.

2. Одинъ изъ этихъ министровъ играетъ роль перваго министра. Онъ руководитъ дѣятельностью кабинета министровъ, созываетъ его на засѣданія по своему усмотрѣнію и ставитъ на его обсужденіе тѣ или иные очередные вопросы. Выборъ министровъ и распредѣленіе между ними портфелей (т. е. отдѣльныхъ министерствъ) зависитъ отъ перваго министра, который, когда ему король поручаетъ составить министерство, обращается за помощью къ тѣмъ парламентскимъ дѣятелямъ, которыхъ онъ считаетъ наиболѣе пригодными для руководства извѣстной отраслью общественнаго управленія, и которыя, по его же мнѣнію, имѣютъ достаточный авторитетъ въ парламентѣ, чтобы защищать политику министерства.

3. Каждый министръ распоряжается самостоятельно въ своемъ вѣдомствѣ, но въ болѣе важныхъ и вообще въ сомнительныхъ случаяхъ совѣщается со своими коллегами, для каковой цѣли первый министръ и устраиваетъ отъ времени до времени засѣданія кабинета. Всѣ важнѣйшія государственныя мѣры разсматриваются въ общемъ засѣданіи кабинета и, каковы бы ни были при этомъ разногласія членовъ кабинета, послѣ принятія опредѣленнаго рѣшенія, эти рѣшенія считаются исходящими *отъ всего кабинета. Каждый министръ обязанъ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей всячески защищать это рѣшеніе*, и, если это необходимо, содѣйствовать проведенію соотвѣтственной законодательной мѣры черезъ парламентъ. Въ случаѣ принципіальнаго несогласія одного или нѣсколькихъ министровъ съ рѣшеніемъ кабинета, эти министры оставляютъ свой постъ, и первый министръ находитъ новыхъ замѣстителей ихъ должностей.

Какъ извѣстно, такого рода расколъ произошелъ въ кабинетѣ Гладстона послѣ его рѣшенія предоставить Ирландіи автономію (гомруль); то же самое случилось недавно въ послѣднемъ кабинетѣ Бальфура, когда Чемберленъ и нѣкоторые другіе министры вышли въ отставку, разойдясь съ Бальфуромъ по вопросу о таможенной политикѣ Англіи.

4. Логическимъ послѣдствіемъ указаннаго порядка вещей является тотъ фактъ, что кабинетъ министровъ представляетъ собой солидарную группу лицъ, тѣсно связанныхъ между собой одинаковостью взглядовъ на главные очередные вопросы общественной жизни, равно какъ и на способы ихъ законодательнаго или административнаго разрѣшенія. Какъ мы говорили, если

Digitized by Google

(что совершенно неизбѣжно) въ засѣданіяхъ кабинета происходятъ иногда разногласія, то съ принятіемъ извѣстнаго рѣшенія всѣ члены кабинета считаются раздѣляющими одну и ту же точку зрѣнія и должны поступать соотвѣтственнымъ образомъ. Засѣданія кабинета носятъ характеръ чуждаго какихъ-либо формальностей обмѣна мнѣній небольшей группы лицъ, взаимно уважающихъ другъ друга и другъ другу довѣряющихъ. Никакихъ формальныхъ резолюцій не принимается, никакого протокола не ведется; считается даже неудобнымъ, чтобы кто-либо изъ членовъ кабинета заносилъ для себя какія-нибудь записи о происходящемъ. Однимъ словомъ, то, что происходитъ въ кабинетѣ министровъ, составляетъ тайну; только король можетъ знать о томъ, что было въ засѣданіи, по тому краткому резюме, который составляетъ для него первый министръ [1]).

Едва ли нужно доказывать, какъ важны такая солидарность и такое взаимное довѣріе и уваженіе министровъ. Это исключаетъ всякую возможность интригъ однихъ министровъ противъ другихъ, соперничествъ министерствъ въ вопросахъ, касающихся нѣсколькихъ вѣдомствъ—однимъ словомъ, всей той массы золъ, которая привела наконецъ русское правительство къ мысли объ учрежденіи совѣта министровъ съ нѣкоторымъ обезпеченіемъ солидарности его членовъ.

5. Дальнѣйшимъ результатомъ описываемаго нами порядка управленія Англіей слѣдуетъ считать *коллективную отвѣтственность* министровъ за каждое важное административное распоряженіе и за каждый вносимый въ парламентъ законопроектъ. Это придаетъ необычайную силу и авторитетъ правительству, такъ какъ всѣ знаютъ, что всякое распоряженіе и всякій министерскій законопроектъ имѣетъ за собой поддержку цѣлой группы лицъ и притомъ, вообще говоря, лицъ высоко-даровитыхъ. Кромѣ того министры уже потому относятся ко всякому вопросу со всѣмъ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ заслуживаетъ, что они знаютъ, что отклоненіе ихъ проекта или порицаніе ихъ мѣръ должно, вообще говоря, повлечь за собой утрату ими власти.

6. Всѣ главныя назначенія и всѣ важныя распоряженія дѣлаются именемъ короля, но во всѣхъ своихъ такого рода дѣйствіяхъ король долженъ слѣдовать „совѣту“ того министра, котораго это ближайшимъ образомъ касается; поэтому на министрѣ же лежитъ вся отвѣтственность за тотъ или иной изъ указанныхъ актовъ короля. Внѣшнимъ образомъ это выражается въ томъ, что всякое распоряженіе, исходящее офиціально отъ короля, должно быть подписано сверхъ того и соотвѣтственнымъ министромъ.

---

[1]) Все это превосходно выяснено въ цитированномъ трудѣ Sidney Low.

Digitized by Google

7. Всѣ министры должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ членами верхней или нижней палаты парламента, гдѣ лица, являющіяся народными представителями въ силу избранія (палата общинъ) или въ силу наслѣдственнаго права (палата лордовъ), могутъ предлагать имъ вопросы, касающіеся состоянія разныхъ сферъ управленія страны, или тѣхъ или иныхъ распоряженій и даже предположеній правительства.

То обстоятельство, что министры бываютъ всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и членами парламента, и притомъ преимущественно палаты общинъ, крайне важно и въ высшей степени полезно. Оно весьма полезно для министровъ, такъ какъ даетъ имъ возможность защищать по мѣрѣ своихъ способностей вносимые ими законопроекты и вообще руководить законодательной дѣятельностью парламента. То же обстоятельство крайне полезно и важно и для всего народа вообще, такъ какъ его представители—мы разумѣемъ въ этомъ случаѣ, конечно, главнымъ образомъ палату общинъ—имѣютъ возможность дѣлать всевозможные запросы министрамъ, отвѣтъ которыхъ, данный въ парламентѣ, вслѣдствіе публичности засѣданій послѣдняго, дѣлается тотчасъ или, вѣрнѣе, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ извѣстенъ всей странѣ. Это, конечно, заставляетъ министровъ быть въ высшей степени осмотрительными во всѣхъ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ.

Почти всѣ лица, состоящія на государственной службѣ, кромѣ самихъ министровъ, не могутъ быть въ то же время членами палаты общинъ, т. е. той части парламента, которая пользуется наибольшимъ вліяніемъ, предъ которой главнымъ образомъ министры отвѣтственны во всей своей внутренней и внѣшней политикѣ, которой кромѣ того принадлежитъ верховное распоряженіе народными деньгами, т. е. установленіе государственнаго бюджета.

Только что указанный принципъ англійской конституціи имѣетъ цѣлью не дать возможности министерству или кабинету министровъ вліять на подачу голосовъ въ парламентѣ путемъ раздачи его членамъ выгодныхъ должностей.

Въ XVII и даже XVIII вѣкѣ такіе случаи бывали весьма часто, представляя собой въ сущности наименѣе позорную форму взятки. Впрочемъ, если даже допустить, что министры въ состояніи противостоять подобнымъ искушеніямъ, все-таки можно быть увѣреннымъ, что громадное большинство лицъ, состоящихъ на государственной службѣ и, слѣдовательно, прямо или косвенно подчиненныхъ министрамъ, не найдутъ въ себѣ достаточно гражданскаго мужества, чтобы смѣло говорить противъ вносимыхъ министрами законопроектовъ, когда эти послѣдніе кажутся имъ (членамъ парламента, состоящимъ на государственной службѣ) несогласными съ общественной пользой. Равнымъ образомъ и министрамъ при перемѣщеніяхъ и повышеніяхъ лицъ, состоящихъ

Digitized by Google

на государственной службѣ и засѣдающихъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ парламентѣ, трудно было бы не руководствоваться въ большей или меньшей мѣрѣ степенью содѣйствія, оказываемаго тѣми же лицами политическимъ видамъ министровъ своимъ голосованіемъ и рѣчами въ парламентѣ.

Во избѣжаніе такого рода искушеній и существуетъ указанный нами принципъ англійской конституціи, который въ противоположность большинству другихъ изложенныхъ принциповъ опирается не на однѣ историческія традиціи, но и на прямой положительный законъ, объясняемый именно злоупотребленіями короля и его министровъ въ то время, когда эти послѣдніе были скорѣе слугами короля, чѣмъ народныхъ представителей.

9. Тѣми же самыми историческими причинами объясняется и тотъ тѣсно связанный съ предыдущимъ принципъ англійской конституціи, согласно которому всякій членъ парламента, принимая постъ министра, этимъ самымъ теряетъ свои права народнаго представителя; избирательный участокъ, отъ котораго онъ былъ представителемъ, становится тотчасъ вакантнымъ, и тамъ организуются новые выборы. Однако министру не возбраняется выступить снова кандидатомъ въ члены парламента въ прежнемъ своемъ избирательномъ участкѣ или въ какомъ-либо иномъ, гдѣ оказалась бы случайно вакансія. Если бы новый министръ потерпѣлъ на выборахъ неудачу, то онъ остался бы, конечно, министромъ, но не имѣлъ бы возможности принимать участіе въ засѣданіяхъ парламента, такъ какъ въ Англіи это право министрамъ не принадлежитъ, что называется, ex officio, т. е. въ силу самой ихъ должности [1]).

Указываемый нами принципъ весьма важенъ и имѣлъ въ свое время глубокій смыслъ, вслѣдствіе чего, подобно предшествующему принципу, имѣетъ въ основѣ положительный законъ. Въ самомъ дѣлѣ этотъ принципъ является, во-первыхъ, логическимъ слѣдствіемъ доктрины раздѣленія властей: задача законодателей одна, а задача министровъ другая, почему человѣкъ, уполномоченный народомъ на роль законодателя, не долженъ безъ дальнѣйшихъ особыхъ полномочій брать на себя и роль одного изъ руководителей исполнительной власти.

Для того, чтобы объяснить себѣ эту особенность англійской конституціи, слѣдуетъ вспомнить исторію Англіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Англійскіе короли въ то время не только царствовали, но въ значительной степени и правили страной; министры были, во-первыхъ, исполнителями воли короля и нерѣдко вступали въ открытую борьбу, если не съ парламентомъ вообще, то, по крайней мѣрѣ, съ тѣми теченіями и тѣми направленіями, которыя въ

---

[1]) Какъ это имѣетъ мѣсто, напр., въ Пруссіи и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ.

Digitized by Google

немъ преобладали. Вслѣдствіе этого въ исторіи Англіи бывали періоды, когда парламентъ не желалъ, чтобы король зналъ, въ какомъ смыслѣ высказывался тотъ или иной изъ народныхъ представителей при обсужденіи кредитовъ, испрашиваемыхъ правительствомъ и при другихъ случаяхъ. Иными словами, въ то время между парламентомъ, какъ народнымъ представительствомъ, и министрами, какъ исполнителями воли короля, проявлялось частое разногласіе, а иногда даже антагонизмъ. Вслѣдствіе этого предоставленіе министру права участія въ засѣданіяхъ собранія народныхъ представителей разсматривалось какъ актъ особаго довѣрія народа, фактическимъ доказательствомъ котораго могло быть лишь вторичное избраніе министра членомъ парламента послѣ принятія имъ этой должности.

Надо сказать однако, что въ прежнее время, когда точное соблюденіе этого закона было особенно важно, другія обстоятельства парализовали въ значительной мѣрѣ полезное его дѣйствіе.

Говоря такимъ образомъ, мы разумѣемъ чрезвычайную силу тогдашней администраціи, возможность для нея пускать всевозможныя средства для обезпеченія выбора угодныхъ правительству лицъ, наконецъ существованіе среди избирательныхъ участковъ т. наз. „гнилыхъ мѣстечекъ“ [1]), облегчавшихъ до-нельзя подкупъ избирателей, и всякіе другіе способы воздѣйствія на нихъ.

Однако при всемъ томъ можно думать, что указанное нами требованіе закона приносило все-таки значительную пользу, мѣшая королю дѣлать министрами завѣдомо недостойныхъ лицъ.

Теперь обстоятельства настолько измѣнились, что, повидимому, можно утверждать съ большимъ основаніемъ, что указанный нами законъ, обязывающій членовъ праламента, назначаемыхъ министрами, подвергаться переизбранію въ парламентъ, является лишнимъ безпокойствомъ, какъ для члена парламента, ставшаго министромъ, такъ и для самого населенія избирательнаго участка. Въ самомъ дѣлѣ, въ современной Англіи не можетъ быть и рѣчи о возможности разногласія и тѣмъ болѣе какого-либо антагонизма между парламентомъ и правительствомъ Его Величества. Въ Англіи нѣтъ и не можетъ быть никакого иного правительства, кромѣ того, которое опирается на сочувствіе и поддержку большинства

---

[1]) Гнилыми мѣстечками (rotten borough), какъ извѣстно, назывались малолюдныя мѣстечки, бывшія раньше сравнительно очень населенными и потому имѣвшія право на представительство въ парламентѣ однимъ или нѣсколькими членами. Впослѣдствіи эти мѣстечки, по разнымъ причинамъ совсѣмъ почти обезлюдѣвъ, сохраняли однако то же число представителей въ парламентѣ, какое они имѣли ранѣе. Само собою разумѣется, это создавало особенно благопріятныя условія для подкупа избирателей или иного способа воздѣйствія на нихъ. Это зло было уничтожено лишь великой избирательной реформой 1832 г.

Digitized by Google

членовъ парламента. Министры являются слугами парламента— по крайней мѣрѣ, той его части, которая въ данное время располагаетъ большинствомъ голосовъ, и потому необходимость переизбранія лица, вступившаго въ составъ кабинета министровъ, составляетъ чистый анахронизмъ, напоминающій англичанамъ о томъ для нихъ уже далекомъ времени, когда еще не существовало столь тѣснаго единенія между исполнительною властью и народными представителями.

10. Немыслимость разлада между законодательной и исполнительной властью въ Англіи и проистекающее отсюда излишество только что указаннаго нами закона составляютъ логическое слѣдствіе твердо установившагося англійскаго конституціоннаго обычая, согласно которому кабинетъ министровъ долженъ подавать въ отставку, какъ только онъ потерялъ поддержку большинства парламента или, точнѣе, палаты общинъ. Внѣшнимъ выраженіемъ такого недовѣрія къ министерству —или что въ Англіи совершенно едно и то же, къ правительству—со стороны законодательной власти можетъ быть неутвержденіе предлагаемой министрами сколько-нибудь важной законодательной мѣры, вотированіе формальнаго порицанія министерству или, наконецъ, отказъ въ какой-либо, хотя бы самой малой, части денежныхъ средствъ, испрашиваемыхъ министерствомъ на государственныя нужды.

Въ заключеніе этой краткой характеристики организаціи исполнительной власти въ Англіи и отношенія ея къ парламенту, характеристики, являющейся вмѣстѣ съ тѣмъ перечисленіемъ основныхъ принциповъ англійской конституціи, слѣдуетъ сказать, что изъ указанныхъ принциповъ только два имѣютъ своимъ источникомъ положительный законъ. Мы видѣли, что одинъ изъ этихъ двухъ принциповъ состоитъ въ требованіи, чтобы лица, состоящія на государственной службѣ, не были въ то же время членами парламента. Допуская единственное изъятіе изъ этого правила для лицъ, назначаемыхъ министрами, законъ требуетъ однако, чтобы это изъятіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ было санкціонируемо самимъ народомъ путемъ переизбранія этого лица народнымъ представителемъ отъ прежняго или новаго избирательнаго участка Это мы считаемъ вторымъ основнымъ фактомъ англійской конституціи, имѣющимъ опору въ положительномъ законѣ.

Все остальное—даже самыя названія кабинета министровъ или перваго министра и тѣмъ болѣе, конечно, взаимныя отношенія перваго министра и его коллегъ, равно какъ и отношенія кабинета министровъ и парламента, обязательство для короля слѣдовать „совѣту", т. е. указаніямъ кабинета министровъ,—все это ни единымъ словомъ не упоминается ни въ одномъ англійскомъ законѣ, а явилось лишь какъ фактическій результатъ длинной и весьма сложн й политической исторіи англійскаго народа.

Digitized by Google

Эта весьма любопытная и весьма оригинальная особенность англійской конституціи имѣетъ весьма важныя послѣдствія, которыхъ, мы думаемъ, совершенно не подозрѣваетъ большинство нашихъ читателей. Дѣло въ томъ, что, несмотря на всѣ указанныя ограниченія, англійскому королю, согласно буквѣ закона, принадлежитъ значительная власть: мы уже знаемъ, что онъ имѣетъ безусловное право *veto* надъ всѣми законопроектами, вотированными обѣими палатами парламента; онъ производитъ въ чины всѣхъ офицеровъ флота и арміи и могъ бы своимъ указомъ распустить по домамъ всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ и всѣхъ солдатъ и матросовъ; онъ назначаетъ на всѣ высшія должности въ государствѣ, онъ раздаетъ титулы, званія, грамоты на дворянство и т. п., онъ можетъ кого угодно сдѣлать перомъ королевства, т. е. дать ему и его потомству право засѣданія въ палатѣ лордовъ; онъ можетъ даже своей властью объявить войну и заключить миръ. Однимъ словомъ, объемъ т. наз. королевской прерогативы—*royal prerogative*, т. е. политическихъ правъ англійскаго короля,—остается по закону почти такимъ же, какимъ онъ былъ при Стюартахъ, лишенныхъ дважды власти путемъ революціи—одной кровавой, другой совершенно мирной.

Какъ говоритъ одинъ изъ наиболѣе глубокихъ знатоковъ государственнаго права Англіи, проф. Дайси, „руководители политической жизни англійскаго народа въ своихъ спорахъ съ королями никогда, кромѣ періодовъ революціонныхъ движеній, не пытались уничтожить или ослабить авторитетъ короля, какъ главы исполнительной власти. Они считали своей задачей, оставляя королевскую власть нетронутой, обставлять такими формами проявленіе этой власти, чтобы при точномъ ихъ соблюденіи было обезпечено, во-первыхъ, верховенство закона, а въ окончательномъ итогѣ державная воля народа“ [1]).

Мы уже знаемъ, въ чемъ заключаются эти обязательныя для короля формы проявленія его власти: онъ долженъ всегда и во всемъ слѣдовать „совѣтамъ“ министровъ, которые поэтому одни лишь и несутъ отвѣтственность за управленіе государствомъ передъ парламентомъ, являющимся въ свою очередь не болѣе, какъ выразителемъ желаній и мнѣній народа, какъ верховнаго источника всякой власти и всякаго права.

Подчинивъ королевскихъ министровъ своей власти и добившись того, что мнѣніе министровъ стало обязательнымъ для короля, парламентъ сдѣлалъ королевскую власть, остававшуюся номинально весьма значительной, совершенно безвредной и неопасной для народа. Вотъ объясненіе знаменитаго афоризма, ха-

---

[1]) Dicey. Introduction to the study of the Law of the Constitution, London, 1902.

Digitized by Google

рактеризующаго положеніе англійскаго короля, равно какъ и королей всѣхъ другихъ парламентарныхъ странъ: „король не можетъ быть не правъ“ [1]), или, что можно выразить иначе, „король лично никогда не можетъ быть источникомъ зла“. Зло, неправду могутъ дѣлать лишь его министры, и только на нихъ долженъ быть направляемъ гнѣвъ или недовольство тѣхъ лицъ, которыя почему-либо находятъ дурной политику властей. (Вотъ почему, сказать кстати, были не только неприличны, но даже и совершенно неумѣстны тѣ каррикатуры на королеву Викторію, которыя появлялись во время минувшей англо-бурской войны въ газетахъ и журналахъ континентальныхъ странъ Европы).

Эволюція государственнаго строя Англіи или, точнѣе, организаціи ея высшихъ исполнительныхъ органовъ на этомъ не закончилась. Кабинетъ министровъ, располагая фактически всей той властью, которая по буквѣ закона принадлежитъ королю, само собой разумѣется, не только не имѣетъ никакого желанія уменьшать эту власть, а, напротивъ, стремится сохранить ее во всемъ ея объемѣ. При нормальномъ теченіи общественной жизни это, правда, не имѣетъ большого значенія, но въ періоды критическіе, въ тѣ моменты, когда необходимо быстрое и рѣшительное проявленіе твердой и увѣренной въ своихъ силахъ власти, возможность располагать всѣмъ объемомъ правъ, принадлежащихъ англійской коронѣ, имѣетъ огромное, неподдающееся никакому учету значеніе [2]).

Такъ какъ министры являются всегда довѣренными лицами парламента, то и послѣдній не имѣетъ болѣе какихъ-либо основаній для того, чтобы бояться предоставленія членамъ кабинета чрезвычайно сильной власти, которая—мы разумѣемъ власть англійскаго кабинета или совѣта министровъ—въ сущности гораздо сильнѣе, чѣмъ власть многихъ автократическихъ повелителей, не говоря о министрахъ такихъ повелителей. Въ самомъ дѣлѣ, этимъ послѣднимъ, какъ это видно на примѣрѣ министровъ турецкаго султана, приходится жить и дѣйствовать среди непрерывныхъ дворцовыхъ интригъ, исхода которыхъ никто никогда не можетъ предвидѣть... Да и самъ султанъ, вслѣдствіе создаваемой такими порядками общественной атмосферы, живетъ въ постоянномъ страхѣ не только за свою призрачную власть, но и за самое свое существованіе..

Возвращаемся однако къ положенію и власти англійскаго кабинета. Члены парламента, принадлежащіе къ враждебной кабинету политической партіи и составляющіе въ данное время въ

---

[1]) The King can da no wrong.

[2]) См. объ этомъ любое изъ весьма многочисленныхъ сочиненій по государственному праву Англіи (къ сожалѣнію, почти исключительно на англійскомъ языкѣ, кромѣ недавно переведенной книги Бэджгота), въ особенности сочиненіе американскаго ученаго „Macy. The English Constitution“. New-Iork. 1897.

Digitized by Google

парламентѣ меньшинство, какъ бы ни было велико ихъ желаніе свергнуть министерство и поставить во главѣ правительства своихъ единомышленниковъ, не могутъ находить никакого интереса въ уменьшеніи власти министровъ вообще. Дѣло въ томъ, что эта партія—такъ называемая оппозиція—всегда надѣется, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ власть перейдетъ въ ея руки, и тогда она въ свою очередь будетъ располагать тѣми же огромными средствами къ осуществленію своихъ политическихъ и соціальныхъ идеаловъ...

Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ существуетъ лишенный всякой дѣйствительной власти англійскій король, спроситъ иной читатель, особенно, если онъ знаетъ, что содержаніе короля и членовъ его семьи обходится англійскому народу около семи милліоновъ рублей въ годъ. Какую же полезную функцію или роль въ концѣ концовъ играетъ англійскій король въ государственной жизни?

Нѣкоторымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ быть слѣдующія слова одного выдающагося англійскаго публициста, недавно выпустившаго въ свѣтъ прекрасное изложеніе основъ англійской конституціи.

„На вопросъ о томъ, какую часть власти, ему номинально принадлежащей, король можетъ или долженъ сохранять за собой лично, на этотъ вопросъ не можетъ быть точнаго и опредѣленнаго отвѣта. Политическая исторія Англіи въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ въ значительной степени заполнена спорами и борьбой изъ-за рѣшенія этого вопроса... Король сохранилъ за собой до сихъ поръ значительное личное вліяніе,—но ему пришлось уступить другимъ дѣйствительное руководительство національными дѣлами и національной политикой вообще... Однако, въ противоположность иностраннымъ писателямъ, которымъ такъ не нравится таинственная неопредѣленность англійской конституціи, ни одинъ англичанинъ, писавшій по поводу занимающаго насъ вопроса, не утверждалъ никогда, чтобы англійскій король не имѣлъ теперь никакой власти. Англичане знаютъ, что, хотя ихъ король не управляетъ страной, онъ все-таки не лишенъ вовсе участія въ направленіи дѣятельности правительства; это участіе можетъ быть меньше или больше, смотря по обстоятельствамъ, но во всякомъ случаѣ оно представляетъ нѣчто существенное... Вспомнимъ, что вся исполнительная власть возвращается въ руки короля всякій разъ, когда происходитъ смѣна министерства. Въ промежутокъ между уходомъ одного кабинета министровъ и назначеніемъ другого, король является лицомъ, владѣющимъ всѣмъ объемомъ верховной исполнительной власти. Кромѣ того, ему въ этихъ случаяхъ приходится лично рѣшать вопросъ о томъ, кому изъ руководящихъ дѣятелей парламентскаго большинства предоставить образованіе министерства,—хотя, правда, кругъ лицъ, между которыми можетъ колебаться его выборъ, весьма ограниченъ"...

Digitized by Google

„Это однако такія функціи короля, которыя ему приходится выполнять въ исключительныхъ случаяхъ. Въ обыкновенное время король какъ конституціонный глава государства, имѣетъ по общему представленію три права: право требовать, чтобы его совѣтъ былъ испрашиваемъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, право высказывать свое одобреніе политикѣ министерства и, наконецъ, право предостерегать, удерживать министерство отъ того или иного образа дѣйствій. Первый министръ, конечно, можетъ поступать такъ, какъ это кажется наиболѣе цѣлесообразнымъ ему и его коллегамъ. Но прежде, чѣмъ приводить въ исполненіе какое-нибудь важное рѣшеніе, онъ долженъ выслушать мнѣніе этого высокаго по своему положенію, авторитетнаго и въ высшей степени вліятельнаго критика. Если король ведетъ себя вполнѣ корректно, то онъ долженъ ограничиваться именно ролью сдержаннаго, чуждаго какому-либо раздраженію ментора или критика. Рѣчь его по отношенію къ министру должна быть въ такомъ родѣ: „Отвѣтственность за эти мѣры или распоряженія падаетъ на васъ. Дѣлайте, конечно, такъ, какъ находите наиболѣе цѣлесообразнымъ. Я съ своей стороны поддержу васъ во всемъ, что вы находите наиболѣе полезнымъ для страны. Однако вы должны помнить, что предполагаемыя вами мѣры по такимъ-то и такимъ-то причинамъ будутъ имѣть дурные результаты и что, по моему мнѣнію, было бы лучше поступить иначе. Я не буду вамъ мѣшать, мой долгъ не позволяетъ мнѣ этого дѣлать, но предупредить васъ я обязанъ".

„Нельзя сомнѣваться въ томъ,—продолжаетъ англійскій публицистъ,—что такого рода рѣчь часто имѣетъ свое дѣйствіе. Помимо высокаго положенія говорящаго, есть еще нѣкоторыя другія обстоятельства, придающія большой вѣсъ словамъ короля. Часто можетъ случиться, что король обладаетъ болѣе широкимъ и болѣе продолжительнымъ государственнымъ опытомъ, чѣмъ его первый министръ. Министры приходятъ и уходятъ, но для короля нѣтъ отставки, пока онъ живъ. Поэтому его государственные взгляды могутъ оказаться правильнѣе, чѣмъ взгляды министра" [1]).

Итакъ, кабинетъ министровъ въ Англіи можетъ совершенно игнорировать мнѣніе короля, и послѣдній, оставаясь строго конституціоннымъ монархомъ парламентарной страны, не имѣетъ права считать себя оскорбленнымъ такого рода дѣйствіемъ министровъ. Зато, съ другой стороны, и раздраженіе, которое иногда вызываютъ въ народѣ тѣ или другія дѣйствія правительства, обрушивается цѣликомъ на голову отвѣтственныхъ министровъ, которые лишаются и самой своей власти или немедленно, если это раздраженіе отразилось тотчасъ же на настроеніи собранія народныхъ представителей, или послѣ ближайшихъ парламентскихъ выборовъ.

---

[1]) Sydney Low. The Governance of England. London, 1904, 260—265.

Digitized by Google

Роль и вліяніе президента Французской республики по сравненію съ ролью и вліяніемъ англійскаго короля и президента Соединенныхъ Штатовъ. Президентъ Швейцарской Конфедераціи.

Въ предшествующей главѣ мы познакомились съ тѣмъ, какъ организована высшая исполнительная власть въ Англіи, и видѣли, что тамъ имѣется одинъ номинальный и потому неотвѣтственный глава исполнительной власти — англійскій король, и другой фактическій глава — первый министръ, который вмѣстѣ со своими коллегами, т. е. остальными членами кабинета министровъ, отвѣтственъ непосредственно передъ парламентомъ и косвенно передъ избирающимъ этотъ парламентъ народомъ за направленіе и результаты внѣшней и внутренней политики страны. Парламентская отвѣтственность министровъ настолько же полна и безусловна, насколько полна и безусловна безотвѣтственность короля: министры остаются на своемъ посту, пока это угодно парламенту; они никогда и ни подъ какимъ видомъ не могутъ ссылаться въ оправданіе тѣхъ или иныхъ своихъ дѣйствій и распоряженій на желанія или приказанія короля или хотя бы просто на его мнѣніе [1]). Поэтому же самому англійскому королю никогда и никакимъ образомъ не можетъ быть поставлено въ вину какое-либо распоряженіе высшей государственной власти. И то и другое—т. е. какъ отвѣтственность министровъ, такъ и безотвѣтственность короля—является логическимъ слѣдствіемъ указанной нами формулы, характеризующей строй исполнительной власти въ парламентарныхъ государствахъ: „Король царствуетъ, но не управляетъ“.

Какъ было упомянуто въ началѣ предшествующей главы, такой же политическій строй существуетъ, кромѣ Англіи, въ Голландіи, Италіи, Норвегіи, Греціи, Испаніи, Бельгіи и въ нѣкоторыхъ другихъ перечисленныхъ выше странахъ, которыя называются странами съ парламентарной формой правленія, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ въ этихъ странахъ преобладающее вліяніе принадлежитъ парламенту или законодательному собранію [2]).

Мы говорили также, что подобный порядокъ государственнаго управленія существуетъ и во Франціи, гдѣ президентъ республики играетъ роль конституціоннаго монарха. Однако въ

[1]) Интересно отмѣтить ради параллели, что въ Пруссіи министры, наоборотъ, сплошь и рядомъ ссылаются на личныя воззрѣнія короля, который однако не несетъ и по условіямъ своего положенія не можетъ нести какой-либо отвѣтственности за свои приказанія министрамъ.

[2]) Однако и между странами, которыя имѣютъ парламентарную систему правленія, существуютъ нѣкоторыя различія, такъ какъ не вездѣ принципъ верховенства парламента проводится въ жизнь одинаково строго и систематически.

Digitized by Google

положеніи этихъ двухъ лицъ, т. е. англійскаго короля и президента Французской республики, есть и довольно значительная разница, объясняемая частью разницей въ происхожденіи власти того и другого, частію нѣкоторыми особенностями политической жизни Франціи и организаціи ея политическихъ партій.

Англійскій король занимаетъ свое положеніе по праву наслѣдства и остается королемъ до конца своей жизни. Онъ не только не отвѣтственъ ни за какіе издаваемые его именемъ акты, относящіеся къ государственному управленію, но и вообще не можетъ ни при какихъ обстоятельствахъ быть привлеченъ къ суду, такъ какъ въ Англіи, конечно, нѣтъ такого суда, который былъ бы компетентенъ судить короля, какъ главу исполнительной власти или какъ частнаго человѣка.

Во Франціи президентъ республики, вообще говоря, также не отвѣтственъ за всѣ свои акты, какъ глава исполнительной власти, такъ какъ эта власть находится фактически въ рукахъ кабинета министровъ. Однако законъ все-таки предвидитъ одинъ случай, когда президентъ можетъ быть преданъ суду, а именно онъ можетъ быть преданъ суду за государственную измѣну (la haute trahison). При этомъ постановленіе о преданіи президента суду должно исходить отъ палаты депутатовъ, судъ же производится сенатомъ. Подобный порядокъ существуетъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ такая предусмотрительность закона болѣе умѣстна въ виду совершенно независимаго положенія президента и его министровъ въ отношеніи конгресса при нормальномъ теченіи государственной жизни. Послѣ только что указанныхъ фактовъ и соображеній мы не должны удивляться тому, что во Франціи никогда пока не поднимался вопросъ о преданіи какого либо президента суду, между тѣмъ какъ въ Америкѣ была однажды сдѣлана попытка (1866) склонить палату къ возбужденію судебнаго преслѣдованія противъ президента. Однако палата, по выслушаніи мотивированнаго заключенія назначенной ею для этого особой комиссіи, не нашла достаточно данныхъ для столь экстраординарнаго судебнаго процесса [1]).

Имѣя въ виду срочность полномочій президента Французской республики и отвѣтственность его министровъ передъ палатами, законъ во Франціи стремился установить совершенную независимость его отъ законодательныхъ палатъ, кромѣ указаннаго выше случая государственной измѣны президента. Однако на дѣлѣ это вышло не такъ—и въ этомъ заключается одно изъ существенныхъ различій между положеніемъ президентовъ французъ-

[1]) Все это дѣло возникло вслѣдствіе рѣзкаго антагонизма между президентомъ республики Джонсономъ, занявшимъ этотъ постъ послѣ погибшаго отъ руки убійцы Линкольна, и конгрессомъ. Конгрессъ желалъ продолжать дѣло эмансипаціи негровъ, начатое Линкольномъ, Джонсонъ, наоборотъ, радѣлъ больше объ интересахъ побѣжденной рабовладѣльческой партіи (т. е. объ интересахъ южныхъ штатовъ).

Digitized by Google

ской и американской республикъ. Значительная разница въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ существуетъ также между положеніемъ президента французской республики и англійскаго короля. Въ самомъ дѣлѣ, англійскій король, какъ мы знаемъ, безотвѣтственъ и несмѣняемъ; президентъ Соед. Штатовъ отвѣтственъ за ходъ управленія республикой, такъ какъ министры являются лишь исполнителями его воли, но онъ смѣняемъ только по суду. Президентъ же Французской республики фактически можетъ быть смѣненъ до срока и безъ суда, хотя для этого нужно, правда, весьма рѣдкое стеченіе обстоятельствъ.

Въ самомъ дѣлѣ, во второй срокъ президентства Греви зять его Вильсонъ попался въ весьма грязномъ дѣлѣ, а именно въ болѣе или менѣе открытой торговлѣ орденами, при чемъ ему въ этомъ дѣлѣ значительно помогали родственныя связи съ президентомъ. Такимъ образомъ общественное негодованіе, обрушившееся на Вильсона, косвенно дискредитировало и президента республики. При происшедшемъ вскорѣ министерскомъ кризисѣ ни одинъ изъ членовъ палаты депутатовъ или сената не пожелалъ принять отъ президента республики порученіе составить новое министерство. Вслѣдствіе этого Греви, послѣ нѣсколькихъ такихъ безплодныхъ попытокъ, убѣдился, что онъ не можетъ болѣе оставаться главой государства, и подалъ въ отставку, т. е. сообщилъ офиціально обѣимъ палатамъ о своемъ отказѣ отъ президентства. Такимъ образомъ президентъ республики понесъ достойное наказаніе за то, что не только не сумѣлъ распознать непорядочность лица, вступившаго съ нимъ въ ближайшее родство, но и не замѣтилъ того, что его недостойный зять дискредитируетъ его и правительство республики вообще безчестными сдѣлками, совершеніе которыхъ облегчалось родственными связями съ главой государства.

Такимъ образомъ, полномочія президента Французской республики не только срочны, тогда какъ англійскій король остается на своемъ посту до конца жизни, но и семилѣтній срокъ пребыванія французскаго президента во власти можетъ быть всегда прерванъ, если этого пожелаетъ значительное большинство членовъ законодательнаго собранія. Этого не можетъ быть въ С. Штатахъ, гдѣ, какъ мы говорили, министры неотвѣтственны передъ конгрессомъ и гдѣ конгрессъ не имѣетъ возможности иначе, какъ по суду, лишить власти президента. Такимъ образомъ, въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, принципъ раздѣленія властей проведенъ болѣе строго въ С. Штатахъ, чѣмъ во Франціи или Англіи.

Вернемся однако къ президенту Французской республики и будемъ сравнивать его положеніе съ положеніемъ англійскаго короля, какъ государя парламентарнаго государства, какимъ яв-

Digitized by Google

ляется и Французская республика. Если, какъ мы видѣли, президентъ Французской республики можетъ быть поставленъ въ такое положеніе, что ему придется волей-неволей уйти, то и онъ съ своей стороны можетъ также оставить свой постъ до срока, если находитъ, что палаты къ нему относятся недостаточно корректно, или что министерство недостаточно искренно или усердно его поддерживаетъ. Такой поступокъ президента ставитъ палаты и министерство въ большое затрудненіе, такъ какъ вся страна приходитъ при этомъ неизбѣжно въ большое возбужденіе. Какъ извѣстно, такой случай имѣлъ дѣйствительно мѣсто въ январѣ 1895 г., когда Казиміръ Перье послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Елисейскомъ дворцѣ (резиденція президента Французской республики) отказался отъ президентства, считая себя оскорбленнымъ слишкомъ рѣзкими нападками со стороны болѣе крайнихъ парламентскихъ группъ и считая, кромѣ того, что его недостаточно поддерживалъ кабинетъ министровъ, располагавшій однако довѣріемъ палатъ.

Сравнивая положеніе англійскаго короля и президента Французской республики, слѣдуетъ сказать, что въ одномъ отношеніи роль президента республики оказывается во всякомъ случаѣ важнѣе роли англійскаго короля. Мы знаемъ, что въ парламентарныхъ странахъ, какъ только министерство теряетъ довѣріе палаты, оно должно выходить въ отставку. Во Франціи президенту республики, въ Англіи королю приходится тогда искать какого-либо другого парламентскаго дѣятеля, способнаго взять на себя составленіе новаго кабинета или министерства. Въ Англіи вопросъ рѣшается сравнительно просто: вообще говоря, въ англійскомъ парламентѣ имѣются двѣ борющіяся за власть политическія партіи, причемъ подобно тому, какъ въ правительственной партіи руководящую роль играетъ первый министръ, въ противоположной,—т. наз. оппозиціонной—партіи руководящую роль играетъ вождь оппозиціи. Когда поэтому англійскому королю приходится замѣнять низверженное парламентомъ министерство другимъ, онъ, вообще говоря, обращается съ предложеніемъ образовать новое министерство именно къ руководителю или, какъ говорятъ въ Англіи, лидеру оппозиціи, удачной тактикой и умѣлой критикой котораго объясняется обыкновенно и самый фактъ потери прежнимъ правительствомъ довѣрія парламента.

Впрочемъ, среди оппозиціонной партіи, кромѣ офиціальнаго предводителя, всегда имѣется еще два-три настолько видныхъ и вліятельныхъ дѣятеля, что король можетъ обратиться съ предложеніемъ образовать новое правительство и къ одному изъ нихъ, а не къ офиціальному вождю оппозиціи. Затрудненіе заключается лишь въ томъ, чтобы, во-первыхъ, тотъ или другой изъ этихъ дѣятелей согласился принять такое предложеніе, и чтобы,

Digitized by Google

во-вторыхъ, ему удалось найти другихъ вліятельныхъ парламентскихъ дѣятелей, готовыхъ раздѣлить съ нимъ бремя и почетъ управленія страной и наконецъ, въ-третьихъ,—обстоятельство, самое важное,—чтобы парламентъ одобрилъ такую комбинацію, выражая это поддержкой законопроектовъ и другихъ мѣропріятій новаго министерства и далъ ему такимъ образомъ возможность управлять страной. Какъ мы видимъ, выборъ королемъ новаго главы министерства въ концѣ концовъ долженъ быть санкціонируемъ парламентомъ, который, благодаря дѣленію его членовъ только на двѣ партіи и благодаря дисциплинированности этихъ партій, имѣетъ всегда возможность заставить короля вручить правительственную власть тому именно изъ руководящихъ парламентскихъ дѣятелей, который въ данное время пользуется максимальнымъ вліяніемъ.

Не то мы видимъ во Франціи: французская палата депутатовъ дѣлится на нѣсколько партій или, вѣрнѣе, группъ, ни одна изъ которыхъ не располагаетъ такимъ числомъ голосовъ, чтобы министерство, опирающееся только на эту партію или группу, могло управлять страной. Это относится, вообще говоря, и къ нашему времени, но въ особенности справедливо по отношенію къ первымъ 15 годамъ существованія Французской республики (1870—85), когда среди французскихъ парламентскихъ дѣятелей и образуемыхъ ими группъ были еще сторонники павшихъ политическихъ режимовъ [1]).

Дѣленіе членовъ законодательнаго собранія на множество группъ развязываетъ руки президенту республики, когда ему приходится взамѣнъ павшаго министерства выбирать новое: онъ можетъ остановить свой выборъ на одномъ изъ сравнительно многихъ одинаково вліятельныхъ членовъ палаты депутатовъ или сената и поручить ему составленіе новаго министерства. Глава предполагаемаго новаго кабинета, съ своей стороны, при подборѣ себѣ товарищей не ограничивается, да и не можетъ ограничиваться представителями своей партіи или группы, онъ долженъ заручиться поддержкой нѣсколькихъ болѣе или менѣе близкихъ по своимъ воззрѣніямъ группъ. Поэтому и министерскіе портфели онъ распредѣляетъ также между представителями тѣхъ же группъ, при чемъ въ числѣ этихъ группъ можетъ оказаться и такая, которая ранѣе поддерживала старое министерство; вслѣдствіе того же самаго въ средѣ новаго министерства можетъ оказаться одинъ или даже нѣсколько прежнихъ министровъ.

Не останавливаясь здѣсь на нѣкоторыхъ весьма важныхъ и въ общемъ дурныхъ послѣдствіяхъ такого рода группировки партій во французской палатѣ депутатовъ (отсюда проистекаетъ, напр., неустойчивость министерствъ, т. е. частая замѣна одного

[1]) Такъ наз. легитимисты, орлеанисты и бонапартисты.

Digitized by Google

министерства другимъ), мы отмѣчаемъ это обстоятельство лишь для того, чтобы показать, насколько оно увеличиваетъ личное вліяніе президента республики, который по сравненію съ англійскимъ королемъ оказывается пользующимся довольно широкимъ просторомъ при выборѣ фактическаго руководителя внѣшней и внутренней политикой страны [1]).

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ по поводу объема власти президента другой европейской республики— Швейцарской Конфедераціи.

Какъ извѣстно, исполнительная власть въ Швейцаріи принадлежитъ. наз. Федеральному Совѣту, избираемому на три года Федеральнымъ Собраніемъ, представляющимъ въ свою очередь соединеніе двухъ законодательныхъ палатъ Швейцарской Конфедераціи. Административная и всякая иная работа, лежащая на Федеральномъ Совѣтѣ, раздѣляется на семь отдѣловъ или министерствъ, которые члены Совѣта распредѣляютъ между собой по взаимному соглашенію. Согласно конституціи это распредѣленіе можетъ быть дѣлаемо лишь для облегченія практической работы членовъ Совѣта, такъ какъ всѣ они отвѣчаютъ за всѣ рѣшенія Совѣта, которыя считаются всегда исходящими отъ всего Союзнаго Совѣта, а не отъ одного какого-либо изъ его членовъ.

Такова буква закона (§ 103 швейцарской конституціи). Въ дѣйствительности однако каждый изъ членовъ Совѣта такъ обремененъ работой по своему отдѣлу или министерству, что не можетъ слѣдить сколько-нибудь внимательно за работой своихъ коллегъ, почему наблюденіе за общимъ ходомъ дѣлъ конфедераціи падаетъ фактически на президента конфедераціи, въ завѣдываніи котораго, какъ и у каждаго изъ его товарищей, находятся также одно изъ министерствъ.

Президентъ Швейцарской Конфедераціи, равно какъ и вице-президентъ ея, выбирается Федеральнымъ Собраніемъ на одинъ годъ. Конституція запрещаетъ выбирать одно и то же лицо президентомъ или вице-президентомъ два года подъ-рядъ, но не ограничиваетъ какъ-нибудь иначе число возможныхъ переизбраній, вслѣдствіе чего нѣкоторыя лица исполняли обязанность президента конфедераціи въ теченіе десяти и даже большаго числа лѣтъ.

Вообще надо сказать, что президента Швейцарской Конфедераціи никакъ нельзя считать главой федеральнаго правительства. Онъ имѣетъ такую же власть, какъ и другіе члены Совѣта, и, какъ мы говорили, не болѣе ихъ отвѣтственъ за управленіе страной. Онъ всего только предсѣдатель исполнительной комиссіи

---

[1]) См. объ этомъ, напр., статью г. Кудрина „Государственный строй Франціи" въ книгѣ „Политическій строй современныхъ государствъ" томъ I, 1905 (изданіе кн. П. Долгорукова и И. Петрункевича) или извѣстный трудъ Esmein. Eléments, de droit consitutionnel. 1903 Par 3 Esédition).

Digitized by Google

или исполнительнаго комитета правительства конфедераціи и въ качествѣ таковаго считаетъ, конечно, своимъ долгомъ быть въ курсѣ дѣлъ, совершаемыхъ его коллегами. Кромѣ того, онъ же выполняетъ роль главы государства во всѣхъ публичныхъ торжествахъ, церемоніяхъ и т. п. [1]).

Содержаніе лицъ, облеченныхъ высшей исполнительной властью въ разныхъ государствахъ.

Въ заключеніе этого краткаго [2]) обзора способовъ организаціи и размѣра полномочій высшей исполнительной власти въ разныхъ государствахъ мы считаемъ не безынтереснымъ дать свѣдѣнія о томъ, что стоитъ въ разныхъ странахъ содержаніе лицъ, облеченныхъ этой властью.

Въ Англіи парламентъ ежегодно ассигнуетъ на содержаніе короля и его семьи, какъ мы упоминали, почти 7 милліоновъ рублей; изъ нихъ доля короля и королевы составляетъ 5 милліоновъ рублей (около 500,000 фун. стерл.). Никакихъ удѣловъ или иныхъ формъ обезпеченія англійская королевская семья не имѣетъ. Министры въ Англіи получаютъ отъ 20,000 до 50,000 руб., смотря по степени важности министерства.

Во Франціи президентъ республики получаетъ около 240,000 р. (600,000 франковъ) жалованья и столько же на представительство и расходы во время путешествій. Иными словами, президентъ французской республики получаетъ до полумилліона рублей въ годъ и готовое помѣщеніе въ Елисейскомъ дворцѣ. Министры во Франціи получаютъ около 20,000 руб. въ годъ.

Не мѣшаетъ сказать при этомъ, что во Франціи еще очень живы традиціи временъ королевства и имперіи, поэтому жизнь президента французской республики окружена большой помпой, его встрѣчаютъ и провожаютъ почти съ королевскими почестями. Хотя жалованье, получаемое французскимъ президентомъ, въ десять разъ меньше суммы, ассигнуемой англійскимъ парламентомъ на содержаніе короля и королевы, тѣмъ не менѣе среди обычныхъ гражданъ, чѣмъ бы они ни занимались, никто такого жалованья не получаетъ, а потому президентъ французской республики и въ этомъ отношеніи напоминаетъ королей монархическихъ государствъ. Въ такихъ небольшихъ королевствахъ, какъ Данія или Греція, короли получаютъ какъ разъ то же самое жалованье

[1]) См. прекрасный трудъ американскаго ученаго L. Lowell: Governments and parties in Continental Europe, London, 1896, vol. II, 195. (Существуетъ и въ русскомъ переводѣ, изданномъ въ настоящемъ году).

[2]) Три главы, изъ которыхъ состоитъ настоящая статья, представляютъ заключительную часть нашего труда, который мы имѣемъ въ виду выпустить вскорѣ въ отдѣльномъ изданіи. Мы полагаемъ однако, что тѣ факты и соображенія, которые приведены въ печатающейся здѣсь части нашего труда, имѣютъ самостоятельный интересъ и значеніе.

Digitized by Google

(хотя это ассигнованіе народныхъ средствъ королямъ не носитъ названія „жалованья"), какое назначено (считая дополнительныя суммы на представительство) президенту Французской республики.

С.-Штаты представляютъ собой страну гораздо болѣе демократическую, чѣмъ Франція. Несмотря на то, что не только по размѣрамъ, количеству населенія, и въ особенности по богатству С. Штаты значительно превосходятъ Францію, президентъ С. Штатовъ получаетъ всего 50,000 доллар., или 100,000 рубл. Министры получаютъ также меньше, чѣмъ въ Англіи или Франціи, а именно по 8,000 дол. или по 16,000 рубл. Такое жалованье президента и его министровъ можно считать тѣмъ болѣе ограниченнымъ и даже прямо-таки недостаточнымъ, что жизнь въ С.-Штатахъ для высшихъ соціальныхъ слоевъ болѣе дорога, чѣмъ въ Европѣ, въ особенности вслѣдствіе дороговизны всякихъ услугъ, имѣющихъ личный характеръ. Кромѣ того, вслѣдствіе необычайнаго темпа, съ которымъ происходитъ промышленное развитіе великой американской республики, вслѣдствіе большого числа колоссальныхъ коммерческихъ и иныхъ предпріятій, люди, обладающіе выдающимися организаторскими дарованіями, зарабатываютъ иногда по нѣсколько сотъ тысячъ рублей въ годъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ случилось прочесть о нѣкоемъ Швабѣ, который, состоя, если не ошибаемся, распорядителемъ „Стального синдиката", получалъ жалованье ни больше, ни меньше какъ 900,000 долларовъ, или 1,800,000 руб. въ годъ.

Такимъ образомъ, президентъ С. Штатовъ, который не имѣетъ собственныхъ средствъ, едва можетъ прожить, какъ подобаетъ его сану, на тѣ средства, которыя отпускаетъ ему федеральное казначейство, тогда какъ президентъ Французской республики можетъ даже кое-что отложить за семь лѣтъ своего пребыванія въ Елисейскомъ дворцѣ. Во французскихъ политическихъ памфлетахъ можно иногда прочитать, что щедрая оплата президентской должности оказываетъ свою долю вліянія на общее стремленіе наиболѣе видныхъ французскихъ политическихъ дѣятелей попасть на президентское кресло. Бывшаго своего президента Греви французы прямо упрекали въ скопидомствѣ за его черезчуръ скромный образъ жизни.

Есть много основаній, по которымъ Швейцарскую Конфедерацію можно считать страной болѣе демократической, чѣмъ Соединенные Штаты. Если, впрочемъ, даже допустить, что въ учрежденіяхъ С. Ам. Штатовъ принципъ народовластія проведенъ столь же систематически, какъ и въ европейской демократіи, то во всякомъ случаѣ отсутствіе въ Швейцаріи колоссальныхъ состояній и огромныхъ по своимъ размѣрамъ невиданныхъ до сихъ поръ въ мірѣ предпріятій (что, какъ извѣстно,

Digitized by Google

наблюдается въ Америкѣ) создаетъ условія, благопріятныя для проникновенія демократическихъ принциповъ въ повседневную жизнь народа, и такимъ образомъ усиливается дѣйствіе политическихъ учрежденій Швейцарской Конфедераціи.

Демократическій строй швейцарской жизни, чуждый какихъ-либо неравенствъ въ области политическихъ правъ разныхъ слоевъ населенія и рѣзкихъ контрастовъ въ ихъ образѣ жизни и мыслей, проявляется и въ оплатѣ труда лицъ, занимающихъ наиболѣе высокіе офиціальные посты въ странѣ и призванныхъ руководить политической жизнью государства. Въ самомъ дѣлѣ, члены упомянутаго нами выше Федеральнаго Совѣта—иначе сказать, швейцарскіе министры—получаютъ всего около 5000 рублей въ годъ, а самъ президентъ Швейцарской Конфедераціи около 5.500 рублей, т. е. въ нѣсколько разъ меньше, чѣмъ министры Англіи, Франціи, и значительно меньше, чѣмъ министры Соедин. Штатовъ.

Однимъ словомъ, если для того, чтобы глава исполнительной власти во Франціи имѣлъ надлежащій престижъ въ глазахъ массы, онъ долженъ быть окруженъ значительной внѣшней пышностью, таковая пышность не считается вовсе нужной [1]) для президента С. Штатовъ, располагающаго зато огромной дѣйствительной властью и доступнаго безъ всякихъ особыхъ формальностей для всякаго американскаго гражданина и даже для досужихъ европейскихъ путешественниковъ, которые также нерѣдко считаютъ своимъ долгомъ попытаться лично увидѣть президента великой республики и пожать ему руку.

Для президента Швейцарской Конфедераціи всякій внѣшній блескъ считается не только не необходимымъ, а излишнимъ, и даже вреднымъ. Если президентъ С. Штатовъ пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе популярности, чѣмъ проще и доступнѣе себя держитъ, то относительно президента Швейцарской Конфедераціи не возникаетъ по этому поводу никакихъ вопросовъ или колебаній. Ни одному президенту конфедераціи, вѣроятно, никогда не приходитъ въ голову держать себя какъ-либо иначе въ теченіе того года, когда онъ номинально стоитъ во главѣ государства. Равнымъ образомъ ни одному швейцарцу не приходитъ въ голову добиваться аудіенціи у президента конфедераціи, чтобы выразить ему свое почтеніе или что-либо въ этомъ родѣ. Жизнь президента Швейцарской Конфедераціи, какъ и другихъ членовъ Федеральнаго Совѣта, вообще говоря, протекаетъ совер-

[1]) Можно даже сказать, наоборотъ. Президентъ С. Штатовъ пріобрѣтаетъ тѣмъ больше популярности, чѣмъ проще онъ себя держитъ, чѣмъ рѣзче онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что онъ такой же гражданинъ, какъ и всѣ другіе, но временно облеченный миссіей служить народу въ качествѣ главы исполнительной власти. Такъ, нынѣшній президентъ С. Штатовъ, Рузвельтъ, посылаетъ своихъ маленькихъ дѣтей въ общественную даровую и открытую для всѣхъ начальную школу.

Digitized by Google

ственно такъ же, какъ и всѣхъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ т. н. либеральнымъ профессіямъ, при чемъ доступъ къ нимъ, вообще говоря, легче, чѣмъ доступъ къ нѣкоторымъ изъ болѣе извѣстныхъ адвокатовъ или врачей.

Для того, чтобы видѣть полный контрастъ такимъ порядкамъ, мы должны обратиться къ Персіи, Турціи или Россіи... Никто не знаетъ въ точности, сколько расходуется ежегодно на содержаніе султана и его гарема: одно изъ наиболѣе освѣдомленныхъ изданій въ мірѣ [1]) считаетъ эти расходы отъ 10 до 20 милліон. рублей. Трудно было бы получить точныя свѣдѣнія и о размѣрахъ жалованья, получаемаго великимъ визиремъ и другими турецкими министрами. Помимо таинственности и неясности, которой окруженъ турецкій бюджетъ, особенно въ тѣхъ его частяхъ, которыя касаются султана и его приближенныхъ, указываемое нами обстоятельство объясняется тѣмъ, что, кромѣ опредѣленнаго жалованья, присвоеннаго министрамъ, каждый изъ нихъ имѣетъ личныя добавки, опредѣляемыя милостію султана [2]). Однако, вообще говоря, есть основанія утверждать, что великій визирь и пять другихъ важнѣйшихъ министровъ получаютъ каждый около ста тысячъ рублей, т. е. вдвое больше, чѣмъ первый министръ сравнительно чрезвычайно богатой Англіи, столько же, сколько получаетъ президентъ, вѣроятно, самаго богатаго и наиболѣе благоденствующаго государства нашего времени (мы разумѣемъ, конечно, С. Штаты), и чуть не въ двадцать разъ болѣе, чѣмъ члены Федеральнаго Совѣта или самъ президентъ Швейцарской Конфедераціи.

Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что мы говоримъ только о законныхъ источникахъ дохода турецкихъ министровъ. Контрастъ будетъ еще сильнѣе, если мы вспомнимъ, что въ Турціи нѣтъ, вѣроятно, ни одного министра, который былъ бы совершенно свободенъ отъ подозрѣній во взяточничествѣ, и что, съ другой стороны, въ Англіи никто никогда не рѣшится высказать подобное подозрѣніе по отношенію къ какому-либо изъ министровъ Его Величества. Не говоря уже о членахъ оппозиціонной партіи въ парламентѣ или о прессѣ этой партіи, мы не найдемъ подобныхъ обвиненій ни въ соціалистической и ни въ какой-либо другой прессѣ, принадлежащей крайнимъ англійскимъ партіямъ. Это доказательство имѣетъ огромное значеніе,—и даже, какъ намъ кажется, рѣшаетъ вопросъ окончательно,—такъ какъ дѣло идетъ о странѣ, гдѣ пресса пользуется фактически безграничной свободой.

---

[1]) См. послѣднее (на 1905) изданіе извѣстнаго и весьма авторитетнаго англійскаго ежегодника, The Statesman's Year-book (стр. 1215).

[2]) Какъ извѣстно, такой порядокъ или, вѣрнѣе, такой безпорядокъ широко практикуется и въ Россіи, гдѣ министры кромѣ того получаютъ по десяти тысячъ для переѣзда съ частной квартиры на казенную и иногда ухлопываютъ десятки тысячъ рублей на ремонтъ своихъ казенныхъ квартиръ.

Digitized by Google

Равнымъ образомъ никто никогда—даже самый рѣшительный врагъ современнаго ихъ политическаго строя — не рѣшится утверждать возможность случаевъ взяточничества со стороны президентовъ трехъ названныхъ нами республикъ, причемъ такого рода подозрѣнія были бы особенно неумѣстны, если возможна вообще здѣсь какая-либо градація, по отношенію къ президенту Швейцарской Конфедераціи или къ другимъ членамъ Федеральнаго Совѣта. Будучи хорошо знакомы съ исторіей С. Штатовъ, мы утверждаемъ кромѣ того, что такихъ подозрѣній никогда не возникало по отношенію къ какому-либо изъ бывшихъ президентовъ великой американской демократіи. То же самое, вообще говоря, справедливо и по отношенію къ министрамъ названныхъ республикъ.

Мы придаемъ указываемому нами обстоятельству огромное значеніе, видя въ немъ одно изъ наиболѣе убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу демократической формы правленія, а именно: умѣнье народа выдвигать на наиболѣе видные и отвѣтственные посты людей, вообще говоря, дѣйствительно въ высокой степени достойныхъ общественнаго довѣрія, хотя, можетъ быть, и не свободныхъ отъ тѣхъ или иныхъ предразсудковъ своего соціальнаго класса.

П. Г. Мижуевъ.

Digitized by Google

Спасаніе «падшихъ» и хулиганство.

(Изъ очерковъ современной проституціи).

На первый взглядъ можетъ показаться нѣсколько неожиданнымъ сочетаніе двухъ явленій, поставленныхъ въ заголовкѣ этой статьи. Но если строго разобрать, уже теоретически, „спасаніе" и хулиганство допустимо сочетать другъ съ другомъ—въ смыслѣ рѣзкаго контраста. Это какъ бы Ормуздъ и Ариманъ проституціи; это силы, находящіяся въ полномъ противовѣсѣ и постоянной борьбѣ изъ-за „падшей", и если первая старается поднять и возродить „падшую", то вторая удерживаетъ ее въ грязной сферѣ разложенія и разврата.

Практически—является еще болѣе причинъ и фактовъ, устанавливающихъ тѣсную зависимость этихъ двухъ явленій. Какъ я постараюсь доказать ниже, въ нарождающемся и крѣпнущемъ нынѣ хулиганствѣ слѣдуетъ видѣть нѣчто большее, чѣмъ простое расположеніе бродягъ и мелкихъ жуликовъ, искусственно связанныхъ съ проститутками. Современное хулиганство безусловно носитъ въ себѣ зачатки соціально-экономическаго движенія, которое отчасти уже парализуетъ, а впослѣдствіи можетъ и совершенно парализовать немногія, весьма несовершенныя, хотя и благія, попытки, направленныя у на..ъ для спасанія падшихъ и для предупрежденія паденій.

Ни въ древней Греціи, ни въ Римѣ, ни въ Египтѣ, нечего искать какой-либо иниціативы въ дѣлѣ возвращенія проституирующихъ къ честной, трудовой жизни. Наоборотъ. Всѣ усилія, казалось, были направлены только къ тому, чтобы плодить и умножать проституцію. Религіозный культъ и направленіе общественной мысли дѣйствовали въ этомъ вопросѣ вполнѣ согласно. Разнузданность инстинктовъ южныхъ народовъ не сдерживалась, а поощрялась и поощрялась языческими религіями. Страстные культы Изиды, Кибелы (Фригія), Астарты (Финикія), Афродиты, Адониса, Вакха, Фаллуса и друг. вносили всевозможныя разно-

Digitized by Google

образія, а также извѣстную долю религіознаго мистицизма и поэзіи въ развратный актъ продажи и купли женскихъ тѣлъ. Общественная мысль—быть можетъ, отчасти желая найти оправданіе этому уродливому явленію—но, вѣрнѣе, вполнѣ искренно, искала въ проституціи гарантію для сохраненія чистоты семейнаго очага, видѣла въ проституціи предохранительный клапанъ, черезъ который вырывались избытки физіологическихъ страстей, несовмѣстимыхъ съ мирнымъ теченіемъ домашняго быта. Исторически установлено, что существованіе проституціи въ Греціи узаконено мудрымъ Солономъ, который этимъ путемъ рѣшилъ избѣгнуть опасности недозволенныхъ сношеній между женатыми мужчинами и замужними женщинами. Имъ же установленъ порядокъ публичной продажи женщинъ за опредѣленную плату. Ту же самую точку зрѣнія—охраны семейнаго начала путемъ проституціи—поддерживали и въ древнемъ Римѣ лучшіе представители литературы и философіи—Цицеронъ, Теренцій, Марціалъ и друг.

Въ средніе вѣка, христіанство не могло спасти огрубѣлое въ своихъ инстинктахъ человѣчество отъ потаканія проституціи, и подъ изящной оболочкой рыцарства и поклоненія женщинѣ, какъ идеалу, скрывались самыя развратныя проявленія чувственности. Три фактора служили въ средніе вѣка къ широкому расположенію проституціи: феодализмъ, католическое духовенство и солдатчина.

Феодальный строй выработалъ особую форму домашней проституціи. При пышныхъ замкахъ создавались цѣлые гаремы изъ вассальныхъ дѣвушекъ, наложницъ, служанокъ, рабынь. При королевскихъ дворахъ, подъ видомъ „изящныхъ дамъ", функціонировали цѣлые институты продажныхъ женщинъ, правда—болѣе изощренныхъ, воспитанныхъ и деликатныхъ. Католическое духовенство въ эпоху крестовыхъ походовъ, начавъ съ образованія различныхъ рыцарскихъ орденовъ, гдѣ давались обѣты нищенства и цѣломудрія, колоссально разбогатѣвъ, превратило эти ордена въ очаги самаго грубаго разврата. Средневѣковая солдатчина, съ ея безконечными походами, грязными безчинствами, непросыпнымъ пьянствомъ, конечно, не могла не плодить проституціи до громадныхъ размѣровъ. За войсками обычно слѣдовали цѣлыя толпы падшихъ женщинъ, въ лагеряхъ количество ихъ часто равнялось количеству солдатъ. Однако въ это же время мы встрѣчаемся уже съ первыми попытками спасти желающихъ бросить ремесло проститутки и превратиться въ честную женщину. „Въ 1225 году, стараніями одного проповѣдника, по имени Рудольфо, былъ устроенъ для обращенныхъ на добрый путь падшихъ женщинъ „Божій домъ", который въ 1227 году получилъ папскую грамоту, по которой всѣ кающіяся женщины были причислены къ ордену Св. Магдалины. На почвѣ этого

Digitized by Google

скромнаго начинанія, впослѣдствіи возникло много монастырей, задавшихся цѣлью исправлять заблудшихъ и возвращать ихъ въ трудовой жизни"[1]).

Тогда же къ этому теченію начали примыкать выдающіяся представители свѣтскаго общества. Много „домовъ спасанія" въ Германіи, Франціи и Италіи были основаны на частныя средства. Жертвовались даже капиталы, съ цѣлью выдачи вознагражденія тѣмъ, которые женятся на „спасенной" падшей женщинѣ. Вообще отношеніе проглядывало гуманитарное. Отдавая однажды вновь образованный „Союзъ кающихся сестеръ" подъ покровительство мѣстнаго епископа, вельможа-филантропъ Генрихъ фонъ-Гогенбергъ между прочимъ сказалъ: „Получивъ свободу, рабы получаютъ всѣ права свободныхъ людей. Было бы безчестно, если бы съ женщинами, которыя были рабынями грѣха, поступали иначе, разъ онѣ начинаютъ вести лучшую жизнь"[2]).

Эпоха возрожденія относилась къ куртизанкамъ очень миролюбиво и покровительственно. Настала пора, подобная греческому геторизму. Въ домахъ полусвѣта искали и находили остроуміе, утонченность вкусовъ и даже образованность. Проститутки высшей марки были хорошо знакомы съ греческими и римскими классиками, цитировали Петрарку и Данте... И въ то же время основывали новые монастыри „обращенныхъ" (delle Convertite), и даже одна изъ самыхъ знаменитыхъ, обольстительныхъ и образованныхъ куртизанокъ Вероника Франко, съ которой Тинторетто рисовалъ портретъ и которая находилась въ перепискѣ съ французскимъ королемъ Генрихомъ III, кончила тѣмъ, что вступила въ общежитіе кающихся.

Снисходительное отношеніе къ проституціи круто измѣнилось въ эпоху реформаціи. Галантность по отношенію къ блудницамъ исчезла. Были примѣнены даже рядъ жестокихъ, карательныхъ мѣръ. „Дома Милосердія" наполнялись чуть ли не насильно, и едва ли тутъ царило истинное милосердіе. XVIII вѣкъ принесъ новое видоизмѣненіе въ этомъ вопросѣ. Радости съ разнузданностью, воцарился искусственный, сладкій сентиментализмъ, который не могъ не отразиться на падшей женщинѣ. Она начала вздыхать и жаждать спасенія, но не истинно духовнаго и трудоваго, а какого-то сказочно-фантастическаго, такъ чтобы послѣ бурныхъ дней разврата укрыться и насиждаться съ бѣднымъ милымъ въ шалашѣ. Появляются сентиментальныя Манонъ Леско и Маріонъ де-Лярмъ. XIX вѣкъ взглянулъ, наконецъ, на вопросъ о проституціи съ точки зрѣнія соціальной. Тяжелыя обстоятельства ведутъ женщину къ паденію. Общество, толкнувшее женщину въ пропасть, обязано само извлечь ее оттуда. Ярко и образно

[1]) *К. Ѳ. Грязновъ.* Публичныя женщины. Картины современной и древней проституціи. М. 1901 г., стр. 89.

[2]) *К. Бюгеръ.* Женскій вопросъ въ средніе вѣка. Стр. 25.

Digitized by Google

рисуется этотъ взглядъ въ извѣстномъ стихотвореніи Виктора Гюго:

Oh, n'insultez jamais une femme, qui tombe!
Qui sait sous quel fardeau la pauvre âme succombe,
Qui sait combien de jours sa faim a combattu,
Quand le vent du malheur ébranlait leur vertu.
Qui de nous n'a pas vu de ces femmes brisées
S'y cramponner longtemps de leurs mains épuisées.

И далѣе:

La faute en est à nous. A toi, riche, à ton or!
Cette fange d'ailleurs contient l'eau pure encor
Pour que la goutte d'eau sorte de la poussière,
Et redevienne perle en sa splendeur première.
Se suffit, c'est ainsi qui tout remonte au jour
D'un rayon de soleil, ou d'un rayon d'amour...

Въ концѣ XIX вѣка и въ началѣ XX-го мы встрѣчаемся съ научною, криминально-антропологической теоріей о прирожденной проституткѣ — теоріей, едва ли выдерживающей строгую критику. Но въ то же время, болѣе рельефно и обосновано чѣмъ въ XIX вѣкѣ, выдвигается теорія соціально-экономическая, которая находитъ все больше серьезныхъ поклонниковъ. Съ точки зрѣнія теоріи антропологической, едва-ли есть вообще какой-нибудь смыслъ въ „спасаніи" проститутки. Аномалію врожденную, психическую не исправишь, и сама природа намѣтила позорный путь для такой прирожденной блудницы. Теорія соціально-экономическая не отрицаетъ извѣстной дольы раціонально поставленнаго дѣла спасанія падшихъ, но первостепенную важность видитъ только въ мѣрахъ предупреждающихъ, въ подъемѣ экономическаго благосостоянія женщинъ-труженицъ, въ улучшеніи ихъ соціальнаго положенія.

Переходя къ болѣе подробному обзору существующихъ теперь учрежденій для возвращенія проститутокъ къ трудовой жизни, я бы желалъ отмѣтить излишній оптимизмъ, съ которымъ многіе смотрятъ на это дѣло. Въ сущности, всѣ подобныя учрежденія хороши постольку, поскольку они *даютъ возможность* „спастись" тѣмъ женщинамъ, которыя сами чувствуютъ искреннее желаніе покончить съ позорною жизнью. Дѣятельность подобныхъ благотворительныхъ обществъ должна прежде всего сводиться именно къ тому, чтобы *эту возможность спасенія* поставить съ большею широтою и доступностью, чтобы каждой, желающей спастись были открыты всѣ двери и всѣ входы для осуществленія ея желанія. Затѣмъ, главный трудъ долженъ быть положенъ на то, чтобы обстановка, въ которую попадаетъ новообращенная, подкупала своею привлекательностью, привѣтливостью, домовитостью; чтобы обстановка эта бодрила и взывала къ энергіи труда...

На теоретическую пропаганду идей возрожденія, на почти

Digitized by Google

насильственное извлеченіе изъ нѣдръ разврата не слѣдуетъ возлагать большихъ надеждъ, что какъ нельзя болѣе подтверждается фактами. Поэтому существующій въ данной области оптимизмъ совершенно безпочвенъ. „Болѣзни всякаго рода изнуряютъ ихъ организмъ (проститутокъ); къ этому присоединяются и нравственныя мученія, стыдъ за позорную жизнь, и, *навѣрняка*, можно сказать, что найдется самый незначительный процентъ (?!) женщинъ, которыя не пожелали бы вернуться къ честной жизни" [1]).

„Въ Петербургѣ существуетъ общество для защиты дѣвушекъ, сошедшихъ въ силу тяжелыхъ обстоятельствъ съ честнаго пути. Подобное общество недавно устроено въ Варшавѣ, и если у насъ появится такое гуманное учрежденіе, то результатъ получится самый хорошій. Какіе громадные результаты достигаются вездѣ, гдѣ только функціонируютъ общества трезвости и охраненія народнаго здравія—извѣстно каждому" [2]).

Подобныя восторженныя надежды, возлагаемыя на дѣятельность обществъ спасанія, никоимъ образомъ не могутъ оправдаться.

Гораздо важнѣе спасанія уже погубленныхъ и погибшихъ — это мѣры *предупреждающія*, не позволяющія рядовымъ молодой женской трудовой арміи дойти до паденія, мѣры, удерживающія на краю пропасти. Такъ какъ подобный способъ воздѣйствія связанъ съ улучшеніемъ условій соціальной жизни трудящейся женской массы, то сюда, казалось бы, должны быть направлены главнымъ образомъ усилія соотвѣтственныхъ благотворительныхъ учрежденій. Къ этому же выводу насъ должно привести и еще одно соображеніе. Допустимъ, что удалось бы даже широко поставить дѣло спасанія *уже опустившихся* на дно проституціи. „Обращенныя" появились бы въ количествѣ сотенъ и даже тысячъ. И что изъ того!... Образовавшуюся брешь въ арміи проститутокъ сразу заполнили бы тысячи новыхъ, свѣжихъ, молодыхъ женскихъ тѣлъ; каждую выбывшую изъ строя „спасенную" замѣнила бы новая жертва, призванная носить позорное ярмо своей предшественницы. Справедливо ли было бы такое искусственное привлеченіе новыхъ прозелитокъ проституціи?.. А при *не измѣнившихся соціальныхъ условіяхъ* такая непрерывная смѣна, безъ сомнѣнія, будетъ существовать, какъ бы премудро и широко ни поставить дѣло спасанія погибшихъ...

Къ сожалѣнію, мѣрамъ предупрежденія существующими благотворительными обществами пока удѣлено очень мало вниманія. А въ дѣйствительности, именно только въ этихъ мѣрахъ

---

[1]) *Я. К. Гридинъ.* Къ исторіи возникновенія „Россійскаго Общества защиты женщинъ" 1900 г., стр. 5.

[2]) *Д-ръ Гр. Іоаведъ.* Проституція въ Лодзи. Врачебная Газета 1902 г. № 47.

Digitized by Google

и скрыто будущее вопроса о погибшихъ и погибающихъ женщинахъ.

Съ внѣшней стороны, въ отношеніи *количественномъ*, дѣло обращенія павшихъ поставлено на европейскомъ материкѣ какъ будто и очень широко. Одно только берлинское „Международное общество друзей молодыхъ женщинъ" имѣетъ 3000 филіальныхъ отдѣленій въ Германіи. „Берлинскій женскій союзъ" призрѣваетъ 1.000 спасенныхъ. Въ Парижѣ существуетъ 191 учрежденіе для подобной же цѣли. Лондонъ обладаетъ 25 обширными „пріютами милосердія". Англійская „армія спасенія", въ продолженіе послѣднихъ 3-хъ лѣтъ своей дѣятельности, извлекла изъ нѣдръ разврата болѣе 3.000 жертвъ и т. д. *Качественно* дѣло это, однако, ведется далеко не такъ, какъ должно было бы вестись. Прототипомъ внутренняго распорядка, если не всѣхъ, то большинства подобнаго рода учрежденій, послужилъ старинный, реномированный, обширнѣйшій пріютъ, основанный въ Берлинѣ по иниціативѣ Императрицы Августы въ 1841 году. Началъ онъ дѣло призрѣнія съ 12 женщинъ, а къ 1873 году разросся до того, что купилъ въ собственность большое помѣстье и построилъ здѣсь обширное общежитіе съ многочисленными флигелями. Вотъ нѣкоторые изъ статутовъ этого пріюта [1]).

„Призрѣваемыхъ слѣдуетъ пріучать къ порядку и чистотѣ; вести ихъ къ богобоязни путемъ покорности, откровенности и любви. Основываясь на этомъ, надзирательницы должны обращаться съ питомками строго и серьезно, но съ любовью, которая вызвала бы уваженіе къ этой строгости (?)"...

„Хотя поступленіе въ пріютъ совершенно зависитъ отъ доброй воли поступающей, но она при этомъ обязывается остаться въ пріютѣ столько времени, сколько вообще признано будетъ нужнымъ директриссою и пасторомъ; кромѣ того она обязывается подчиняться безпрекословно всѣмъ правиламъ пріюта и хранить молчаніе (?!) о своемъ прошломъ и своихъ прежнихъ заблужденіяхъ".

„Питомки четвертаго отдѣленія завѣдуютъ хозяйствомъ пріюта; на ихъ попеченіи кухня съ хлѣбопекарней, подвалъ съ провизіей, огородъ, коровы, молокомъ которыхъ питается пріютъ".

„Занятія пансіонерокъ распадаются на два рода: три недѣли въ мѣсяцъ онѣ занимаются шитьемъ, а четвертую стиркой. Во время работъ надзирательница или одна изъ пансіонерокъ читаетъ нравственную книгу. Допускается также мѣніе цѣлымъ отдѣленіемъ".

„Дисциплинарныя взысканія, смотря по роду провинности, слѣдующія: 1) внушеніе или выговоръ; 2) удаленіе въ особое мѣсто (?) во время работъ и отъ общаго стола; 3) ограниченіе

---

[1]) *К. Грюнвоъ.* Публичныя женщины. 1901 г., стр. 178 и 179.

Digitized by Google

въ обычной пищѣ; 4) помѣщеніе на хлѣбъ и на воду; 5) тѣлесное наказаніе (!) въ исключительныхъ случаяхъ; 6) исключеніе изъ пріюта".

Какъ видите, режимъ достаточно суровый, никоимъ образомъ не соотвѣтствующій той желательной обстановкѣ, умиротворяющей и ободряющей, въ которой призрѣваемые могли бы найти исцѣленіе для своей надломленной души, ищущей тепла и привѣта.

Въ Россіи старѣйшимъ учрежденіемъ „спасенія" слѣдуетъ считать петербургскій „Домъ Милосердія" для малолѣтнихъ, возникшій въ 1857 г. по почину Великой Княгини Маріи Николаевны, дочери Императора Николая I, пожертвовавшей извѣстный капиталъ на призрѣніе дѣтей въ силу тѣхъ или другихъ причинъ вдавшихъ въ разратъ и ставшихъ на ужасный путь продажи собственнаго тѣла. Нѣкто Воронинъ пожертвовалъ домъ и участокъ земли въ Лѣсномъ, на Большой Объѣздной улицѣ, и учрежденіе начало дѣйствовать" [1]).

Въ 1863 году такой же „Домъ Милосердія" только для совершеннолѣтнихъ былъ открытъ на Петербургской сторонѣ, на углу Бармалѣевой улицы и Геслеровскаго переулка. И это отдѣленіе было учреждено Великою Княгинею Маріей Николаевной, которая пожертвовала и зданіе и землю подъ пріютъ.

Въ 1866 году на средства нѣсколькихъ благотворителей возникаетъ въ Москвѣ „Пріютъ Св. Магдалины" (на Долгоруковской улицѣ), вмѣщающій и совершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ.

Въ 1879 году учреждено „Благотворительное Общество при городской Калинкинской больницѣ въ С.-Петербургѣ". Собственно основная цѣль Общества „снабжать выпускаемыхъ изъ Калинкинской больницы по выздоровленіи самобѣднѣйшихъ женщинъ одеждой и оказывать имъ денежныя пособія на прокормленіе и ночлегъ впредь до того времени, когда силы ихъ дозволятъ заниматься работой, или для отправленія на родину въ предѣлахъ Имперіи. Кромѣ того Общество, по возможности, оказываетъ нравственную помощь больнымъ во время пользованія ихъ въ больницѣ" [2]). Мало-по-малу, однако, Общество сильно расширило свою дѣятельность и теперь является энергичнымъ практическимъ агентомъ „спасанія погибшихъ", принимая близкое участіе въ жизни обоихъ петербургскихъ Домовъ Милосердія.

Въ 1885 году въ Москвѣ, при Мясницкой больницѣ, врачи основали, подобное петербургскому, благотворительное общество, которое, не довольствуясь постоянною связью съ московскимъ „пріютомъ Св. Магдалины", предполагаетъ открыть собственное убѣжище, и теперь отчисляетъ ежегодно половину своихъ доходовъ въ спеціальный капиталъ для означенной цѣли.

---

[1]) *Алексѣй Плетневъ.* Врачебно-полицейскій комитетъ и его роль. 1902 г., стр. 17.

[2]) *§ 1-ый Устава Общества.*

Digitized by Google

Въ 1897 году въ Казани образовалось „Общество защиты несчастныхъ женщинъ", съ перваго же года проявившее свою дѣятельность очень энергично.

Въ январѣ 1900 года учреждено въ С.-Петербургѣ „Россійское Общество защиты женщинъ". Общество это явилось ближайшимъ практическимъ результатомъ лондонскаго конгресса „для борьбы съ торговлею женщинами" (Іюнь 1899 года). Здѣсь пришли къ заключенію, что необходимо образовать въ каждой странѣ особый „Національный Комитетъ" по охранѣ женщинъ. Роль такого Комитета въ Россіи и взяло на себя „Россійское Общество защиты женщинъ". За 4 года своей дѣятельности это общество открыло нѣсколько отдѣленій въ различныхъ провинціальныхъ городахъ. Въ зачаточномъ состояніи находится еще нѣсколько учрежденій, недавно зародившихся и витающихъ пока больше въ области идеи. Таковы организуемый Е. П. Калачевой „Охтенскій Сельско-Хозяйственный пріютъ" для женщинъ, вовлеченныхъ въ развратную жизнь. Министерство Земледѣлія предоставило для Пріюта 10 десятинъ лѣсу въ Охтенскомъ лѣсничествѣ. Но денегъ для этого дѣла нѣтъ. Нѣтъ, слѣдовательно, и самого пріюта. „Убѣжище для обездоленныхъ женщинъ при Благовѣщенскомъ домѣ Трудолюбія", основанное по инициативѣ О. А. Семенютовой, задавшейся весьма оригинальною цѣлью учить „спасенныхъ" уходу за больными, формировать изъ нихъ сидѣлокъ и сестеръ Милосердія. Однако этотъ опытъ слѣдуетъ считать, по многимъ точкамъ зрѣнія, весьма рискованнымъ, и едва Общины рѣшатся принять изъ „Убѣжища" желающихъ поступить въ сестры Милосердія.

Разсмотримъ подробнѣе важнѣйшія изъ перечисленныхъ выше учрежденій, въ современномъ фазисѣ ихъ развитія.

Домъ Милосердія для несовершеннолѣтнихъ. Сюда направляются дѣвушки до 16-ти-лѣтняго возраста Врачебно-полицейскимъ Комитетомъ, Членами Совѣта дома милосердія, родителями дѣвушекъ и благотворительнымъ обществомъ при Калинкинской больницѣ. Имѣются два отдѣленія: „исправительное" для „падшихъ" уже подростковъ, и „предупредительное" для тѣхъ, которыя вырваны изъ условій, неминуемо ведущихъ ихъ къ гибели (дѣти проститутокъ, бродячія, безпомощныя, нищенки и т. д.).

Домъ Милосердія занимаетъ два двухэтажныхъ большихъ деревянныхъ флигеля. При нихъ каменная церковь и обширный паркъ. Вмѣстимость зданія такая, что здѣсь могло бы находиться около 200 призрѣваемыхъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности комплектъ обоихъ отдѣленій всего 40. Если считать сверхкомплектныхъ, то цифру призрѣваемыхъ можно довести до 50. Такое малое количество вакансій является слѣдствіемъ недостатка матеріальныхъ средствъ. Исправительное и предупредительное отдѣленіе разобщены. До достиженія совершеннолѣтія призрѣвае-

Digitized by Google

мыя не имѣютъ права оставить домъ Милосердія, развѣ съ особаго на то разрѣшенія Совѣта его. Дѣвушки проходятъ курсъ двухкласснаго городского начальнаго училища и кромѣ того обучаются нѣкоторымъ женскимъ ремесламъ (въ весьма недостаточномъ объемѣ). Режимъ въ домѣ слѣдующій: Встаютъ въ 6 часовъ утра и, послѣ утренней молитвы, убираютъ постели, а дежурныя—комнаты. Въ 7 часовъ утра получаютъ чай и черный хлѣбъ съ масломъ. Съ 8 часовъ утра до 12-ти — работа, въ 12 часовъ обѣдъ изъ двухъ блюдъ, по средамъ и пятницамъ постное, а по праздникамъ обѣдъ чѣмъ-либо разнообразится. Съ $12^1/_2$ до $1^1/_2$ часа прогулка. Съ $1^1/_2$ до 4-хъ—классъ, въ 4 часа чай съ ситнымъ хлѣбомъ; съ 5 до 8 часовъ четыре раза въ недѣлю спѣвка (два раза церковнаго пѣнія и два раза свѣтскаго), въ остальные дни—работа. Въ 8 часовъ ужинъ изъ одного блюда, и въ $9^1/_2$ часовъ дѣвушки ложатся спать.

Уже самый этотъ перечень дневныхъ занятій говоритъ о казарменномъ однообразіи и томительности обстановки. Какая сила контраста съ той предшествовавшей, разгульной, „подлой", но часто и очень свободной и очень веселой жизнью... Вѣдь дѣвушка и даже дитя (12—15 л.) не въ религіозномъ экстазѣ является сюда каяться и искупать свою вину. Окружавшую ее безобразную атмосферу нужно просто замѣнить атмосферой честнаго, приличнаго, здороваго и полезнаго существованія... Но развѣ приличіе и добронравіе обязательно должно быть связано съ гнетущей скукой, съ прозябаніемъ, съ отсутствіемъ всякаго живого интереса... А именно такое впечатлѣніе получается при посѣщеніи этого дѣтскаго дома Милосердія. Ни смѣха, ни игръ, ни забавъ... Все для ранжиру, все для порядка и ничего для радости, для истинныхъ запросовъ души малолѣтней дѣвушки... Одинъ часъ прогулки и $9^1/_2$ часовъ занятій!.. Какому подростку не опротивѣетъ такой режимъ изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, и такъ пока призрѣваемая не достигнетъ 18 лѣтъ, когда ее, какъ совершеннолѣтнюю, выпускаютъ въ большой, далекій свѣтъ... Слѣдуетъ ли удивляться тому, что большинство призрѣваемыхъ смотритъ на свой пріютъ какъ на темницу... Удивительно ли то, что бываютъ случаи побѣга, что подростковъ приходится выпускать по настоянію ихъ родныхъ и опекуновъ... Не очень привлекательная перспектива и для той дѣвушки, которая здѣсь терпѣливо выждетъ совершеннолѣтія. На волю она выходитъ весьма мало подготовленной къ практической жизни. Главное, что могло бы ей помочь — это хорошее знаніе различныхъ ремеслъ. Между тѣмъ здѣсь она получаетъ свидѣтельство о прохожденіи наукъ двухкласснаго городского училища. Обученіе же кройкѣ, шитью, вышиванью и вязанью чулокъ (только то всего!) поставлено такъ примитивно, что никакая порядочная мастерская женскаго труда не пожелаетъ

Digitized by Google

воспользоваться услугами такой неумѣлой мастерицы. Если же и возьмутъ, то въ качествѣ „подшивальщицы“ за самую минимальную плату, не дающую даже возможности пропитаться. Что же дальше?.. Очень часто „спасенныя и исправленныя“ поступаютъ снова, но уже вполнѣ сознательно, въ ряды проституціи. Было изъ-за чего дисциплинировать ихъ и держать почти въ темницѣ!.. Нѣтъ, существованіе „Домовъ Милосердія“ для малолѣтнихъ только тогда будетъ имѣть смыслъ и достигать цѣли, когда въ немъ будетъ поставлено на самую широкую ногу изученіе ремеслъ. Пробывъ 4 — 5 лѣтъ въ такомъ ремесленномъ пріютѣ, дѣвушка должна настолько серьезно изучить кройку и шитье, чтобы быть въ состояніи претендовать на самый высокій окладъ. Теперь же въ пріютѣ случается и такъ, что „временно“—въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ—совершенно прекращается обученіе кройкѣ и шитью. Между тѣмъ, кромѣ кройки и шитья, слѣдовало бы преподавать и всевозможныя другія ремесла. Бываютъ дѣвушки неспособныя къ шитью. Но зато, посмотрите, какъ удивительно, съ какимъ вкусомъ онѣ будутъ дѣлать цвѣты, или выжигать по дереву, или рисовать по шелку... Серьезно, не для забавы, здѣсь долженъ проходиться полный курсъ профессіональныхъ школъ. Мало того, вполнѣ умѣстно было бы создать при этомъ пріютѣ отдѣлъ кулинарный и сельско-хозяйственный, гдѣ призрѣваемыя могли бы обучиться домоводству и основамъ агрономіи. Въ Россіи ощущается большая нужда въ хорошихъ экономкахъ для завѣдыванія небольшими усадебными хозяйствами... Что воспитаніе призрѣваемыхъ должно вестись не въ сѣрой казарменной обстановкѣ, само собою понятно. Необходимы развлеченія—устройство танцевальныхъ вечеринокъ (безъ допущенія мужчинъ, конечно), чтенія, собесѣдованія, иногда посѣщеніе театра (убѣжденъ, что театры для благой цѣли предоставятъ время отъ времени нѣсколько даровыхъ ложъ). Нашлась бы, навѣрное, фребеличка, которая занималась бы съ дѣтьми играми на открытомъ воздухѣ... Вообще, побольше разнообразія, побольше тепла и свѣта должно быть внесено въ жизнь дѣвушекъ, и такъ уже лишенныхъ свободнаго выхода изъ дома, свободнаго общенія съ окружающими. А этотъ послѣдній вопросъ приходится дѣйствительно ставить строго и осторожно. Должна быть совершенно порвана связь съ прежнею безобразною обстановкою, должны быть совершенно исключены встрѣчи съ лицами, среди которыхъ вращались дѣти до того, какъ попали въ пріютъ. Иногда приходится отказывать въ свиданіи съ отцами и матерями, развращающе вліявшими на дѣвочку-подростка, не говоря уже о разныхъ тетушкахъ и родственницахъ, которыя попросту оказываются сводницами. Бываетъ и такъ: дѣвушка при поступленіи въ пріютъ говоритъ, что никакой ровно родни у нея нѣтъ. И вдругъ черезъ нѣсколько недѣль добивается съ нею

Digitized by Google

свиданія мать—крестная или бабушка, подъ личиной которой скрывается торговка женскимъ тѣломъ, высматривающая свѣжую добычу и уговорами и обѣщаніями сманивающая ее на прежнюю веселую дорогу.

Если, такимъ образомъ, изъ опасенія возможной ошибки приходится иногда лишать дѣвушку дѣйствительно родственной ласки и сочувствія, то старайтесь хоть дать ей обстановку привлекательную, привѣтливую, а не подобіе казармы.

Въ Домѣ Милосердія для взрослыхъ (на Бармалѣевой улицѣ) въ основу положенъ тотъ же суровый режимъ. Число призрѣваемыхъ доходитъ до 50 человѣкъ. Возрастъ призрѣваемыхъ колеблется отъ 16—35 лѣтъ. Впрочемъ, живутъ еще тутъ двѣ давнишнія пансіонерки; одной 60 лѣтъ, другой 54 года. Весь день поглощенъ работой; работа съ 9 часовъ до 12 часовъ утра; потомъ до 1 часу обѣдъ и прогулка; затѣмъ опять работа до 8 часовъ вечера, съ небольшими перерывами для ужина и чая. Въ общемъ работаютъ часовъ 8. Занимаются самымъ простымъ, примитивнымъ шитьемъ и вязаньемъ. Не принимаютъ даже заказовъ на болѣе изящныя платья „въ талію". Желающихъ обучаютъ грамотѣ. Два раза въ недѣлю священникъ занимается съ призрѣваемыми закономъ Божіимъ. Дальше курсъ обученія не идетъ. Но и грамоту далеко не всѣ желаютъ изучать. Изъ заработка мастерской 20 процентовъ полагается самимъ работающимъ. Призрѣваемыя сами исполняютъ *всю черную работу*—моютъ полы, стираютъ, таскаютъ помои, поютъ огородъ и т. д.

Такъ какъ призрѣваемыя здѣсь совершеннолѣтнія, то такъ же свободно онѣ могутъ уйти изъ дома, какъ свободно туда пришли. Дѣйствительно процентъ уходящихъ, попробовавшихъ весьма недолгое время суровость и скуку, Дома Милосердія очень великъ. Пользуюсь тремя отчетами „Благотворительнаго Общества при С.-Петербургской городской Калинкинской больницѣ", которое направляетъ изъ больницы дѣвушекъ, желающихъ порвать съ грязнымъ прошлымъ.

Съ 1-го февраля по 23 октября 1899 года было отправлено въ домъ Милосердія 41 женщина. 5 вскорѣ, „несмотря на всѣ принятыя мѣры убѣжденія", ушли изъ Дома Милосердія и возвратились къ прежней порочной жизни; 23 остались въ Домѣ Милосердія; 2 опредѣлены на мѣста; „2-е добровольно оставили Домъ Милосердія и ушли неизвѣстно куда"; 9 человѣкъ взяты родителями или родственниками; „изъ нихъ двое возвратились къ прежней порочной жизни уже отъ родителей" [1]).

Для знакомыхъ съ тѣмъ, какимъ путемъ попадаютъ дѣвушки въ Домъ Милосердія, ясно, что „взятымъ изъ дома родителями" предуготовлена судьба, которая постигла уже двухъ, т. е. онѣ

[1]) Отчетъ за 1899 годъ, стр. 6.

Digitized by Google

вернутся въ то же лоно проституціи, откуда ихъ привели „на пробу“ родители. Такимъ образомъ число, которыхъ спасти не удалось, равно 16 (5+9+2 неизвѣстно куда ушедшихъ),—изъ 41 это болѣе 40%. За 1900 годъ помѣщено въ Домъ Милосердія для взрослыхъ 80 человѣкъ. Изъ нихъ 22 человѣка, пробывъ въ Домѣ отъ 2—6 мѣсяцевъ, поступили на мѣста; 30 человѣкъ ушло, „20 изъ нихъ возвратились къ прежней порочной жизни; объ остальныхъ 10 свѣдѣній не имѣется“. 8 человѣкъ взято родителями; 13—ближайшими родственниками; 5 отправлено на родину; 1 въ больницу Св. Николая Чудотворца [1]).

Если примѣнить ту же точку зрѣнія къ результатамъ этого года, и если даже держаться чрезвычайно оптимистическаго взгляда, что всѣ 22 дѣвушки, поступившія на мѣста послѣ 2—6 мѣсяцевъ пребыванія въ домѣ, такъ радикально исправились, что никто изъ нихъ не попалъ въ кадры проституціи, то и тогда изъ 80—51 вѣроятнѣе всего оказались въ прежней обстановкѣ (30+8+13). А это составляетъ 65%.

За 1901 годъ отправлено въ Домъ Милосердія для взрослыхъ 51 человѣкъ. Изъ нихъ „20 человѣкъ, пробывъ въ Домѣ отъ 2—7 мѣсяцевъ, самовольно оставили пріютившее ихъ учрежденіе и возвратились къ прежней порочной жизни“; 3 опредѣлено на мѣста; 7 взято родителями и родственниками; 21 человѣкъ осталось въ Домѣ [2]).

Примѣняя прежній взглядъ, окажется, что за этотъ годъ число вторично „погибшихъ“ равно 27 изъ 51, т. е. 55%.

Какъ видите, дѣло спасанія идетъ очень туго. Вылавливаютъ погибшихъ, но на поверхности удержать ихъ не могутъ. Онѣ вновь опускаются въ прорубь разврата. И опять-таки, мнѣ думается, тутъ виною самый режимъ Дома Милосердія. Какъ сѣры форменные костюмы призрѣваемыхъ, такъ сѣро здѣсь и ихъ существованіе. Подходящая обстановка для фанатическаго покаянія, но не для бодрой, свѣтлой, интересующей своими впечатлѣніями жизни...

У меня имѣется 2 письма одной изъ паціентокъ Калинкинской больницы (бланковой), которая, по выходѣ оттуда, собиралась поступить въ Домъ Милосердія, но потомъ раздумала. Письма адресованы симпатичнѣйшей, энергичной въ дѣлѣ обращенія заблудшихъ, фельдшерицѣ 6-го отдѣленія Т. О. Б—ръ. Привожу эти письма цѣликомъ, съ соблюденіемъ орѳографіи.

I) 8—VI 1902 года. „Милинкая барышня, бутти такъ любезны, не можете ли вы пожалуста какъ небуть меня приделить въ Кающій домъ, я очень желаю, но незнаю какъ туда попасть, я страстно хочу туда я хочу исправиться отъ этой жизни и отъ

[1]) Отчетъ за 1900 годъ, стр. 8.
[2]) Отчетъ за 1901 годъ, стр. 9.

Digitized by Google

надзора полиціи. У насъ теперь новая барышня и докторъ такъ я не смею ихъ просить. Я очень буду рада если вы поможете моему горю и буду сердечно рада если туда попаду и справлюсь и коньчу свое ремесло которому я училась и не кончела. Я тогда буду хоть человѣкомъ. Потрудитесь пожалуста барышня. Съ 8 отдѣленіе просила и прошу васъ. Е. С."

II) 14—VI 1902 года. „Барышня премного вами благодарна за ваши труды и прошу у васъ извененіе, что я осмелелась васъ побезпокоить, простите пожалуста меня, но я хочу вамъ сказать что я въ *кающій* не пойду потому что я слыхала что тамъ только шьютъ и больше нечего не делаютъ потомъ тамъ заставляютъ стирать и полы мыть; я этого дѣлать не могу. Меня берутъ родители къ себе и я буду дома работать. Если даже и не буду работать то всетаки не пойду въ кающіе; *я могу кается и на воле.* Писала съ 8 отд. Е. С."

Какія характерныя письма и какъ правильно они рисуютъ положеніе вопроса!..

Дѣйствительно, послѣ „веселой" жизни заниматься стиркой бѣлья и мытьемъ половъ можетъ только кающаяся въ полномъ смыслѣ этого слова. Да и для того въ Домъ Милосердія ходить нечего... „Я могу каяться и на волѣ"—не безъ иронія замѣчаетъ Екатерина С. „Домъ Милосердія" долженъ манить къ себѣ не картиной прозябанія и покаяннаго плача, а возможностью тамъ учиться жить и приготовиться къ хорошой жизни, трудовой, самостоятельной жизни.

Такому запросу можетъ удовлетворить только широко поставленный „Домъ Трудолюбія", который долженъ функціонировать при „Домѣ Милосердія". Отдохнувъ въ послѣднемъ нѣкоторое время отъ истощающей разгульной жизни, призрѣваемая могла бы приняться за соотвѣтственную профессіональную работу въ „Домѣ Трудолюбія". Тутъ должны исполнять хорошія работы, хорошіе заказы, а не отговариваться неумѣніемъ шить даже „платье въ талію". Сумѣли же при тюрьмахъ научить взрослыхъ и совершенно неинтеллигентныхъ арестантовъ исполнять сложныя, вполнѣ художественныя работы. Почему же этого нельзя достигнуть въ „Домѣ Милосердія"?.. Нужны только хорошія, профессіональныя преподавательницы и учителя... Такимъ, интересующимъ своею содержательностью, болѣе интеллигентнымъ и обезпечивающимъ будущее, трудомъ, слѣдуетъ заниматься, а не стиркою чужого грязнаго бѣлья и шорканьемъ половъ...

Ушла призрѣваемая изъ „Дома Милосердія" работать въ какую-нибудь мастерскую, начала самостоятельную, честную, трудовую жизнь... Не наладилось что-нибудь, пришлось отказаться отъ мѣста, чувствуется недостатокъ въ средствахъ, въ заказахъ... Она должна имѣть право каждую минуту опять вернуться въ „Домъ Трудолюбія", приходить туда, не состоя уже въ числѣ

Digitized by Google

призрѣваемыхъ „Дома Милосердія", садиться за рабочій столъ и получать извѣстный процентъ за сработанное. „Домъ Трудолюбія" это ея alma mater, которая поставила ее на новый путь, и къ которой она можетъ всегда прибѣгнуть въ періоды необходимости... Не оставляйте этой женщины безъ труда, безъ заработка, безъ благопріятныхъ условій!.. Подъ давленіемъ нужды она можетъ вернуться къ полузабытой, прежней жизни.

Нечего бояться, что *такой* „Домъ Трудолюбія" не найдетъ достаточно работы. Нѣтъ заказовъ въ „Домахъ Милосердія", гдѣ ничего толкомъ работать не умѣютъ. Поставьте дѣло такъ добросовѣстно, какъ въ многочисленныхъ тюремныхъ мастерскихъ, и картина совершенно измѣнится.

Повидимому, цѣль „Дома Милосердія для взрослыхъ" въ той формѣ, въ какой онъ теперь существуетъ—приготовлять изъ бывшихъ проститутокъ прислугъ, да и то мало умѣлыхъ, чуть ли не чернорабочихъ, такъ какъ ни кулинарному искусству, ни домоводству тамъ не обучаютъ. Когда, пробывъ извѣстное время въ „Домѣ Милосердія", дѣвушка собирается заняться самостоятельною трудовою жизнью, „Домъ Милосердія" заботится „поставить ее на мѣсто" по большей части „одною прислугой". Но это удается не легко и далеко не всегда... Наши хозяйки довольно свободно берутъ прислугу съ „кумомъ"—пожарнымъ, или инымъ. Но мало найдется такихъ просвѣщенныхъ хозяекъ, которыя возьмутъ дѣвушку, явившуюся къ нимъ изъ „Дома Милосердія"... Это же значитъ завѣдомо брать къ себѣ бывшую проститутку!.. Что изъ того, что она исправилась, вступила на честный путь... Одно слово „проститутка", для большинства нашихъ дамъ является истиннымъ пугаломъ, и надо обладать большимъ мужествомъ, чтобы рѣшиться видѣть подъ своею кровлей первые самостоятельные шаги спасенной труженицы... Пускай другія этимъ займутся, а мы только похвалимъ ихъ гуманность...

Можно было бы скрыть прошлое такой дѣвушки, но тогда, конечно, не „Домъ Милосердія" долженъ пріискивать ей мѣсто, а она сама. Какъ же это совмѣстить съ правилами „Дома Милосердія", которыя не допускаютъ, чтобы призрѣваемая уходила днемъ искать мѣсто, а къ вечеру возвращалась?.. Женщины не имѣютъ права отлучаться ни въ какомъ случаѣ изъ „Дома Милосердія" за все время пребыванія въ немъ... Наконецъ на паспортѣ имѣется отмѣтка „о призрѣваемости". Почему приписана къ „Дому Милосердія", почему жила тамъ?!. Это не можетъ не заинтересовать нанимательницу прислуги... Являются такимъ образомъ громадныя трудности для полученія мѣста. И если уже такое мѣсто наконецъ найдется, то, ахъ, какъ надо дорожить имъ... Господа наваливаютъ неимовѣрную работу, зная, что бывшая призрѣваемая должна терпѣть, такъ какъ найти другое мѣсто ей

Digitized by Google

будетъ очень трудно... А то еще сколько обидныхъ, нехорошихъ словъ услышишь, словъ, напоминающихъ о прошломъ...

На моихъ глазахъ разыгрался одинъ изъ актовъ драмы, возникшей на подобной почвѣ. Проститутка Т. Г. въ продолженіе 10 лѣтъ занималась своимъ позорнымъ промысломъ. Но, видимо, искра порядочности въ ней теплилась все время. Неизвѣстно по какой причинѣ, эта искра ярко вспыхнула и разгорѣлась послѣ цѣлаго 10-тилѣтія. Т. Г. запросилась въ „Домъ Милосердія". Здѣсь она оказалась лучше, искреннѣе, добропорядочнѣе, трудолюбивѣе, расторопнѣе всѣхъ остальныхъ. Не покладая рукъ, она шила, гладила, стирала и хозяйничала. Здѣсь не знали, какъ ею нахвалиться. Потомъ она заболѣла воспаленіемъ легкихъ. Фельдшерица Т. О. Б—ръ, по обыкновенію, приняла самое горячее участіе въ судьбѣ этой дѣвушки. Она написала въ деревню къ отцу Т. Г., пожелаетъ ли онъ принять къ себѣ исправившуюся дочь. Тотъ отвѣтилъ согласіемъ, и, по выздоровленіи, счастливая дѣвушка на деньги, отпущенныя „Благотворительнымъ Обществомъ Калинкинской больницы", отправилась въ деревню. Здѣсь она пробыла около года. Отецъ умеръ. Т. Г. возвратилась въ Петербургъ и начала искать мѣсто. Отмѣтка на паспортѣ ей очень мѣшала. Наконецъ мѣсто было найдено у какого-то нѣмецкаго семейства. Семейство было громадное, человѣкъ въ 12, и Т. Г. въ качествѣ одной прислуги работала, какъ волъ. Раньше у этихъ господъ были 2 прислуги, и то болѣе 3-хъ мѣсяцевъ никто тамъ не уживался при такой несообразной работѣ, а Т. Г. пробыла у нѣмцевъ болѣе 2-хъ лѣтъ—и въ конецъ разстроила свое здоровье. Развилось сильное малокровіе, легкія оказались не совсѣмъ добропорядочными; дѣвушка буквально валилась съ ногъ. Пришлось оставить это мѣсто и искать болѣе легкаго. Т. Г. немного отдохнула въ „углу", и счастіе ей улыбнулось: она поступила одной прислугой въ небольшое семейство. О своемъ прошломъ, достаточно уже отдаленномъ, она, конечно, не сказала ни слова. И вотъ, когда Т. Г. пробыла уже 3 мѣсяца на мѣстѣ, и хозяева были вполнѣ ею довольны, какъ-то случайно, благодаря подругѣ Т. Г., или инымъ путемъ, истина была узнана. Отказать отъ мѣста сразу не рѣшились, но обѣщали навести справки въ „Домѣ Милосердія". Я видѣлъ Т. Г. какъ разъ въ этотъ тревожный моментъ ея жизни. Она пришла къ Т. О. Б—ръ, горько плакала и была внѣ себя отъ возможности потерять такое хорошее мѣсто. Судьба, повидимому, сжалилась надъ несчастной. Хозяева, успѣвшіе уже убѣдиться на опытѣ въ безусловной безупречности Т. Г., послѣ наведенныхъ въ „Домѣ Милосердія" справокъ, оставили ее у себя, и счастливая дѣвушка отправилась съ ними на дачу...

Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія практической, система, принятая „Домомъ Милосердія", система, доводящая призрѣвае-

Digitized by Google

мыхъ только до уровня „одной прислуги“, приноситъ съ собою довольно плачевные результаты. Свободная, профессіональная, труженица приходитъ въ мастерскую съ своей квартиры и цѣнится постольку, поскольку производительна ея работа. Никто о ея прошломъ не спрашиваетъ, не имѣетъ права спрашивать, никто ея паспорта не изучаетъ. Стѣсняться ей нечего, и она такъ же гордо держитъ голову, какъ и всѣ окружающія ее труженицы—„безъ прошлаго“. И въ условіяхъ нахожденія мѣста, и въ условіяхъ заработка она имѣетъ одинаковыя со всѣми права... „Домъ Милосердія“, повторяю, долженъ быть неразрывно связанъ съ образцовымъ „Домомъ Трудолюбія“, который выработаетъ изъ призрѣваемыхъ—труженицъ болѣе высокаго уровня, труженицъ, имѣющихъ болѣе приличный заработокъ, свободныхъ, не принужденныхъ терзаться и краснѣть за свое прошлое.

Московскій пріютъ „Св. Маріи Магдалины“ по типу своему подходитъ къ Петербургскому „Дому Милосердія“; только режимъ въ немъ еще суровѣе. И тамъ солидное изученіе какихъ-либо ремеслъ отсутствуетъ, призрѣваемыя также приготовляются къ жизни почти чернорабочей и „одной прислуги“. Срокъ пребыванія въ пріютѣ трехгодичный; послѣ этого призрѣваемыя „опредѣляются на мѣста“. Принимаются ищущія спасенія всѣхъ возрастовъ. Характерно то обстоятельство, что пріютъ хотя расчитанъ всего на 30 человѣкъ, но и этотъ незначительный штатъ не всегда полонъ. Въ 1901 году призрѣваемыхъ было всего 22. Поэтому желаніе „Благотворительнаго Общества при Мясницкой больницѣ“ открыть собственный пріютъ, съ образованіемъ для этой цѣли спеціальнаго фонда, надо разсматривать не какъ результатъ переполненія „Пріюта Св. Магдалины“, а какъ желаніе имѣть убѣжище съ менѣе суровыми правилами и болѣе существенными результатами.

„Благотворительное Общество при Калинкинской больницѣ“ за послѣдніе годы начало довольно удачно развивать среди проституирующихъ идею трудолюбія, полный практическій расцвѣтъ которой желательно было бы видѣть въ организаціи Домовъ Трудолюбія. Говорю *идею* трудолюбія, потому что реальные результаты труда пансіонерокъ Калинкинской больницы, конечно, слишкомъ ничтожны и не оплачиваютъ потраченной энергіи.

Вначалѣ основною цѣлью Общества было именно „снабжать выпускаемыхъ изъ Калинкинской больницы по выздоровленіи самобѣднѣйшихъ женщинъ одеждою и оказывать имъ денежное пособіе на прокормленіе и ночлегъ“. Но мало-по-малу, благодаря главнымъ образомъ иниціативѣ и энергіи Т. О. Б—ръ, нѣкоторыя больныя согласились заняться шитьемъ бѣлья, потребнаго для нуждъ городскихъ больницъ. Что больничная жизнь скучна и томительна, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Тянутся дни за

Digitized by Google

днями, размѣреннымъ шаблономъ, ничего общаго не имѣющимъ съ „веселою жизнью“, которою временныя пансіонерки живутъ внѣ стѣнъ ея. Со скуки возьмешься и за шитье чепцовъ, косынокъ, халатовъ, юбокъ и т. д. Для нѣкоторыхъ болѣе легкомысленныхъ, болѣе обезпеченныхъ въ своей обычной обстановкѣ проститутокъ—это временная забава. Для несчастныхъ трущобныхъ прелестницъ Никольскаго рынка, Малковскаго переулка и т. д.—это все же нѣкоторое добавленіе къ ихъ грошевому бюджету... Впрочемъ, добавленіе, которое, увы, навѣрное пойдетъ на пропой по выходѣ изъ больницы. Для третьихъ—занятіе, возбуждающее извѣстный интересъ и являющійся нравственнымъ отдыхомъ въ виду его полнаго контраста съ обычной обстановкой разнузданнаго бездѣлья и разгильдяйства... Больная Капитолина К., жесточайшая пьяница и распутница, пьетъ въ больницѣ цѣлый день прямо съ какою-то всепоглощающею страстью. Другую паціентку—Степаниду Р.—женщину уже болѣе солидную—я видѣлъ постоянно занятою безконечнымъ и довольно безцѣльнымъ вязаніемъ скатертей; вязальную спицу она не выпускаетъ ни на минуту изъ рукъ. Генріетта Р.—нѣмка, изъ первоклассныхъ домъ терпимости, все время артистически вышивала гладью бѣлье... Такая горячая привязанность къ работѣ даетъ поводъ думать, что гдѣ-то, въ тайникахъ души у нѣкоторыхъ проститутокъ скрываются наклонности и инстинкты, прямо противоположные офиціальной ихъ дѣятельности. Здѣсь для господъ „спасателей“, казалось бы, открывается широкое поле, и кто знаетъ, если подобнымъ женщинамъ предложили бы пріютъ въ образцово устроенномъ, профессіональномъ „Домѣ Трудолюбія“, а не чернорабочій режимъ „Дома Милосердія“, то, быть можетъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ и удалось бы направить на иной путь... У меня имѣется копія письма, показывающаго, что желаніе работать является среди пансіонерокъ больницы иногда само собою, безъ всякаго понуканія и предложенія со стороны. Вотъ оно съ сохраненіемъ орѳографіи:

„Дорогая барышня я къ вамъ обращаюсь съ большой прозьбой нѣтъ ли у васъ хотя какой не будь работы намъ съ Маней, или же хотя какую нибудь книжечку почитать. Маня просила сообщить по телефону туда гдѣ она живетъ начальницѣ что у ее некого не было съ тѣхъ поръ. Не откажитѣ въ нашей прозьбѣ намъ очень скучно проводить цѣлые дни не чего не дѣлая. Нюша и Маня“.

Шитье бѣлья въ Калинкинской больницѣ—трудъ настолько грошевый, что за нимъ дѣйствительно надо признать только воспитательное значеніе. Въ періодъ 1898—1899 г. (первый годъ опыта) сшито 3696 штукъ разнаго бѣлья, за что больныя получили 153 рубля 60 коп. Плата поштучно въ 2—7 коп. оВъ среднемъ $4^1/_2$ коп. Цѣны сами, такъ сказать, вопятъ о своей незначительности...

Digitized by Google

Въ 1900 году сшито 7.686 штукъ бѣлья, за что получено около 500 р. Въ 1901 г. 6.155 штукъ съ заработной платой 300 рублей. Обществомъ принимаются и иныя мѣры воздѣйствія на циркулирующихъ черезъ Калинкинскую больницу проститутокъ—религіозно-нравственныя собесѣдованія, чтеніе книгъ изъ скромной библіотеки Общества, обученіе грамотѣ... Но пріученіе больныхъ къ ремесленному труду, по-моему, среди всѣхъ этихъ мѣръ—имѣетъ значеніе первостепенное...

Возникновеніе Казанскаго Общества „Защиты несчастныхъ женщинъ" имѣетъ свою оригинальную исторію. Починъ въ этомъ дѣлѣ положила мѣстная газета „Камско-Волжскій край", гдѣ въ продолженіе 1896 года былъ помѣщенъ рядъ статей А. Баранова, иллюстрирующихъ правовую безпомощность и жалкое существованіе мѣстныхъ проститутокъ. Эти статьи нашли горячій откликъ среди интеллигентной молодежи Казани. Былъ выработанъ уставъ, собранъ учредительскій капиталъ, и въ томъ же 1897 г. было нѣсколько учредительскихъ собраній. Къ сожалѣнію, на первыхъ же порахъ среди участниковъ возникли недоразумѣнія, которыя немало мѣшали прогрессу молодого дѣла. Только въ 1899 г. уставъ Общества былъ утвержденъ,—но въ значительно измѣненномъ видѣ. Такъ, въ первоначальномъ проектѣ устава мы встрѣчаемъ весьма цѣлесообразный § о ремесленныхъ мастерскихъ. „Ремесленныя мастерскія женскаго труда устраиваются Обществомъ какъ при пріютѣ, такъ и въ формѣ самостоятельныхъ заведеній, организуемыхъ *на артельныхъ началахъ*" (§ 15) [1]). Въ уставѣ этого нѣтъ; нѣтъ и многаго другого, что пріятно выдѣляло идею учрежденія Казанскаго Общества среди однородныхъ съ нимъ Обществъ. Однако, въ границахъ своего „урѣзаннаго" устава и скромныхъ матеріальныхъ средствъ, руководители Общества работаютъ, повидимому, довольно энергично. Заключаю такъ изъ весьма содержательнаго отчета за 1900 годъ [2]), гдѣ съ большимъ интересомъ читаются страницы, посвященныя характеристикѣ 35 призрѣвавшихся въ пріютѣ Общества, а также копіи циркуляровъ г. Казанскаго полиціймейстера, разосланныхъ имъ въ мѣстные „дома терпимости" благодаря настоянію Общества.

„Россійское Общество защиты женщинъ", основанное въ январѣ 1900 года, самое широкое по своимъ цѣлямъ Общество. Въ качествѣ исполнительныхъ органовъ существуетъ нѣсколько его отдѣловъ: отдѣлъ разслѣдованія, отдѣлъ предупрежденія, отдѣлъ поддержки женской молодежи, учащейся въ столицѣ, юридическій отдѣлъ, отдѣлъ попеченія о еврейскихъ дѣвушкахъ

---

[1]) *А. Барановъ*. „Въ защиту погибшихъ женщинъ". Казань 1897 г., стр. 90 и 94.

[2]) Отчетъ о дѣятельности Общества защиты несчастныхъ женщинъ въ Казани за 1900 годъ. Казань 1901 г., стр. 39 и 65.

Digitized by Google

С.-Петербурга. Каждый отдѣлъ развиваетъ свои функціи въ строго опредѣленномъ направленіи. Большая инициатива предоставлена участковымъ попечителямъ и попечительницамъ—членамъ Общества. Каждый изъ нихъ, въ своемъ участкѣ, долженъ слѣдить за всѣми случаями, такъ или иначе соприкасающимися съ задачами Общества. Совмѣстныя засѣданія участковыхъ попечителей происходятъ еженедѣльно, и тутъ вырабатываются общія мѣры. Выборныя изъ членовъ Общества дежурятъ ежедневно на врачебно-полицейскихъ смотровыхъ пунктахъ. Здѣсь ихъ задача оказать возможную нравственную помощь завѣдомымъ проституткамъ, и тѣмъ, которыя еще не подпали регистраціи; первыхъ попытаться вернуть на честный путь, вторыхъ—удержать отъ окончательнаго паденія. Общество имѣетъ право учреждать въ провинціи филіальныя отдѣленія. Такія отдѣленія открыты уже въ Баку, Полтавѣ, Одессѣ, Ростовѣ на-Дону, Плоцкѣ, Бобруйскѣ, Томскѣ, Минскѣ, Иркутскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Севастополѣ, Саратовѣ.

Общая, показная картина получается какъ будто блестящая... Но бѣда въ томъ, что все это даетъ весьма слабые практическіе результаты, оставаясь преимущественно въ области теорій и идей. Весь казовой, широкій размахъ Общества парализуется однимъ существеннѣйшимъ обстоятельствомъ. Касса Общества невѣроятно скудна. Къ 1 января 1903 года въ ней имѣлось всего 1544 рубля. При такомъ капиталѣ невольно приходится питаться больше возвышенными намѣреніями и весьма ограничивать ихъ практическое развитіе.

Даже нѣкоторыя скромныя филіальныя отдѣленія Общества въ этомъ отношеніи счастливѣе своей almae matris. Такъ, изъ отчета Севастопольскаго отдѣленія за 1902 годъ видно, что въ въ его кассѣ имѣется остатокъ въ 2.411 руб. Въ убѣжищѣ отдѣленія было призрѣваемо 165 женщинъ, изъ которыхъ только 20 вернулось къ прежней позорной жизни. Остальныя же частью поступили на мѣста, частью отправлены на родину. *Сравнительно*, такой результатъ слѣдуетъ считать весьма благопріятнымъ...

Для „спасенныхъ“ Общество защиты женщинъ не имѣетъ своего спеціальнаго общежитія, а пользуется тѣми же двумя Петербургскими „Домами Милосердія“, о которыхъ я подробно говорилъ выше. Провинціальныя „Убѣжища“ почти точныя копіи съ этихъ Домовъ. Та же казарменная обстановка... Такъ же сѣро, непривѣтливо. И вмѣсто свѣтлой любви, призывающей къ радостямъ честной жизни, слышенъ лишь гулъ покаяннаго колокола.

А тутъ еще, рядомъ, разростается и ползетъ въ гору новое явленіе, угрожающее совершенно парализовать усилія „спасателей“. Явленіе это—хулиганство. Подробнѣе остановиться на немъ необходимо.

Digitized by Google

Сутенеры, коты, хахалы—это старые типы, которые народились чуть ли не съ перваго дня существованія проституціи. Наличность мужчинъ, живущихъ на счетъ проститутокъ, имѣетъ за собой психологическую подкладку. Ясно, что торговля своимъ тѣломъ не можетъ дать удовлетворенія душѣ женщины. Это только ремесло, только способъ добыванія средствъ. Молодое сердце требуетъ любви и нѣжной привязанности, ищетъ друга, съ которымъ удастся подѣлиться и горемъ и радостью, которому совершенно безкорыстно можно отдать свои ласки. Благодаря такому запросу души, у проститутокъ появились интимные друзья сердца. Понятно, что въ подобные друзья могли попасть только самые низменные элементы мужского общества. Мало-по-малу, изъ „сожителей" проститутокъ они превратились въ эксплуататоровъ своихъ любовницъ, отбирая у нихъ послѣднія деньги, торгуя ими, бездѣльничая и пьянствуя на ихъ счетъ, заставляя ихъ идти на преступленіе. Жажда хотя какой-либо иллюзіи любви у проститутокъ такъ велика, что онѣ согласны на какія угодно жертвы и страданія, лишь бы имѣть подлѣ себя близкаго человѣка. Впрочемъ, къ такой чисто духовной основѣ присоединилась и практическая. Сутенеръ проститутки въ то же время является ея присяжнымъ защитникомъ. Безконечныя ссоры между разными Маньками, Сашками, Дашками обыкновенно разрѣшаются ихъ сутенерами, которые не дадутъ въ обиду дамъ своего сердца и кармана. При столкновеніяхъ съ „гостями" сутенеръ также оказываетъ существенную поддержку подругѣ. При недоразумѣніяхъ между проституткой и полиціей, „честный" сутенеръ долженъ стараться выгородить свою подругу... Несправедливыя требованія квартирной хозяйки встрѣчаютъ съ его стороны грозный отпоръ. Такимъ образомъ сутенеръ не совсѣмъ даромъ кормится и пьянствуетъ на счетъ „своей твари". Въ концѣ концовъ оказывается, что проституткѣ въ извѣстной степени даже выгодно имѣть „сутенера", и каждая, вступившая на скользкій путь, скоро убѣждается, что безъ такого субъекта ей приходится очень трудно. И подруги, и ихъ любовники ее нещадно и безнаказанно обижаютъ. Ее гонятъ съ наиболѣе оживленныхъ пунктовъ „торговли". Ее калѣчатъ и выдаютъ полиціи. Стоитъ только обзавестись собственнымъ сутенеромъ съ увѣсистыми кулаками, какъ картина моментально мѣняется. Эта жизненная необходимость для каждой проститутки—имѣть спеціальнаго защитника—безусловно привела къ колоссальному развитію сутенерства. Сколько проститутокъ, столько должно быть и сутенеровъ. И вся безпутная, бездѣльная накипь столичнаго пролетаріата устремилась къ этой сравнительно обезпеченной и разгульной жизни...

Но вотъ, за послѣдніе годы, въ толпѣ живыхъ отбросовъ, все чаще начали попадаться элементы первоначально ей чуждые. Въ эту мутную волну втянулся молодой труженикъ-ученикъ или

Digitized by Google

подмастерье, молодой лавочный „сидѣлецъ“, молодой фабричный рабочій. Вѣроятно, сюда ихъ привлекла перспектива пользоваться безплатно красивою любовницей, весело проводить время, и за чаркой, зелена вина дать выходъ ухарскому, молодеческому настроенію. Это соприкосновеніе сутенерства съ труженичествомъ явленіе новое, но не подлежащее сомнѣнію. Конечно, пьяная жизнь и развращенная среда дѣлаютъ свое, и проселиты сутенерства, дѣлящіе свою жизнь между труженичествомъ и сутенерствомъ, въ концѣ концовъ порываютъ съ первымъ и переходятъ къ профессіональному сутенерству. На ихъ мѣсто притекаютъ однако новые элементы, ведущіе двойственное существованіе— полу-рабочихъ, полу-сутенеровъ.

Къ чему же привела эта постоянная смѣна свѣжихъ, еще работоспособныхъ силъ?.. Его продуктъ—то хулиганство, которое мы видимъ теперь, въ извѣстной степени сформированное и организованное. Прежнія составныя части сутенерства, какъ совершенно безнадежные, сгнившіе отбросы общества, не были способны ни къ какой созидательной работѣ. „Новые люди“ въ сутенерствѣ, отчасти еще не порвавшіе окончательной связи съ трудомъ, отчасти—только что стоявшіе въ рядахъ рабочей арміи, безусловно могутъ найти въ себѣ силы извѣстнымъ образомъ сплотиться, поддерживать сношенія отдѣльныхъ группъ, живущихъ одинаковою жизнью, одинаковыми интересами, въ кругу проститутокъ и на счетъ проститутокъ. Изъ неоднократныхъ разговоровъ съ проститутками,—которыя вообще неохотно разсказываютъ объ явленіяхъ ихъ корпоративной жизни,—мнѣ удалось однако узнать слѣдующія подробности. Существуютъ два крупныхъ отдѣла хулиганскихъ шаекъ: Гайдовцы и Рощинцы. Раздѣленіе, повидимому, носитъ характеръ территоріальный. Хотя обѣ шайки концентрируются на Петербургской сторонѣ, но районъ дѣятельности каждой точно ограниченъ. Эти два крупныхъ отдѣла имѣютъ какъ бы свои филіальныя отдѣленія въ другихъ частяхъ города: Линейцы (Васильевскій Островъ), „Сампсоніевцы“, „невскіе пираты“, „черные орлы“ (Черная рѣчка), „Осколокъ“ („молодая роща“), „владимірцы“, „песковцы“, „лиговскіе“, „вознесенцы“, „измайловцы“ и т. д. Рощинца отъ Гайдовца можно отличить по тому, что у одного картузъ залихватски надвинутъ на правое ухо, а у другого на лѣвое; кромѣ того различенъ цвѣтъ шейнаго шарфа-кашне; у Рощинца красный, у Гайдовца синій. Существуетъ ли строго опредѣленная система въ организаціи этихъ шаекъ, мнѣ съ достовѣрностью узнать не удалось. Нѣкоторыя изъ опрошенныхъ мною говорили, что имѣются старосты, атаманы, есуалы, подъесаулы, нѣчто вродѣ корпоративнаго суда, церемоніалъ при вступленіи въ шайку и т. д. Если этого въ дѣйствительности и нѣтъ, если разсказы эти являются только бахвальствомъ со стороны проститутокъ, то

Digitized by Google

во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что члены отдѣльныхъ шаекъ, подвизающихся въ небольшомъ районѣ („вознесенцы", „песковцы", „владимірцы" и т. д.), всѣ между собою знакомы, представляютъ сплоченное цѣлое, другъ друга поддерживаютъ и защищаютъ [1]). Мало того, въ ихъ практическіе интересы, конечно, входитъ привлеченіе свѣжихъ элементовъ въ свою среду. Они подговариваютъ заняться веселою жизнью тѣхъ молодыхъ работниковъ—типографскихъ учениковъ, подмастерьевъ механическихъ мастерскихъ, лавочныхъ сидѣльцевъ и т. д., которые вполнѣ принадлежатъ еще трудовой жизни, но которые однако этою жизнью чувствуютъ себя уже не удовлетворенными... Болѣе умѣлые и опытные хулиганы занимаются вербовкою молодыхъ малоопытныхъ дѣвушекъ, пополняя ими ряды проститутокъ и подготовляя такимъ образомъ для себя новые источники дохода. Система тутъ примѣняется однообразная и весьма часто достигающая цѣли. Хулиганъ подъ видомъ честнаго работника „съ честными намѣреніями", заводитъ знакомство съ молодою дѣвушкою, иногда подросткомъ (бѣлошвейка, ученица мастерской дамскихъ нарядовъ, молодая няня и т. под.), окончательно увлекаетъ ее обѣщаніемъ жениться, а затѣмъ вводитъ ее въ свою среду и начинаетъ торговать ея юнымъ тѣломъ. Ареной для завязыванія такихъ хулиганскихъ романовъ обыкновенно служатъ (какъ это ни грустно!) сады и театры Попечительства о народной трезвости, гдѣ такъ много дѣвушекъ-подростковъ, ищущихъ здѣсь приличныхъ и разумныхъ развлеченій послѣ утомительнаго, рабочаго дня, а также многочисленныя конторы для найма прислугъ, возлѣ которыхъ постоянно дежурятъ хулиганы, подстерегая малоопытныхъ крестьянокъ, прибывающихъ изъ деревни искать заработка.

Что хулиганы-сутенеры немилосердно эксплоатируютъ и угнетаютъ своихъ подругъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но явленіе это не столь общее, какъ думаютъ. Не мало хулиганствующихъ особенно изъ подростковъ,—которые замѣчательно мирно и дружно живутъ съ полюбившимися имъ проститутками. Въ Калининской больницѣ, въ дни допуска посѣтителей (четвергъ и воскресенье), мнѣ не разъ приходилось наблюдать такія влюбленныя пары. Красивый юноша-мастеровой и порядкомъ поблекшая уже панельная прелестница сидятъ, прижавшись другъ къ другу, и нѣжно воркуютъ. Нѣтъ ничего мудренаго, что за такую иллюзію любви проститутка готова отдать не только послѣдніе гроши, но и свою душу и свою жизнь. Весьма вѣроятно, что въ началѣ юноша-мастеровой искренне увлекается своею опытною въ дѣлахъ любви подругой. Ревности по отношенію къ

[1]) Подобными же хулиганскими шайками изобилуютъ: Варшава, Ростовъ-на-Дону, Нижній-Новгородъ, Харьковъ, Баку, Одесса, и вообще портовые города Южной Россіи.

Digitized by Google

случайнымъ гостямъ подруги нѣтъ мѣста, потому что это вѣдь ея профессія, ея ремесло, способъ добыванія денегъ и только. Зато своеобразный хулиганскій кодексъ никоимъ образомъ не дозволяетъ неоплаченной звонкой монетой любовной шалости. Разъ такой шагъ доброволенъ и совершенно безкорыстенъ, то это ужъ настоящая измѣна своему „законному“ любовнику. Тогда надъ проституткой можетъ совершиться самый грубый самосудъ, пускаются въ ходъ кулаки, а иногда и финскій ножъ.

Я уже указывалъ выше на нѣкоторыя преимущества, которыя получаетъ проститутка, имѣющая защитника-сутенера и примыкающая къ той или другой хулиганской шайкѣ. Мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ, когда „товарки и товарищи“ оказывали денежную помощь нуждающимся проституткамъ. Продолжительная болѣзнь, „исторія“ съ хозяйкой, кончавшаяся изгнаніемъ и ограбленіемъ квартирантки, длительный „запой“, сопровождающійся полною растратою гардероба—все это вызываетъ притокъ товарищескихъ ссудъ, пожертвованій, и проститутка опять становится на ноги.

Но болѣе всего я придаю значеніе слѣдующему обстоятельству. Проститутка — человѣкъ, выброшенный обществомъ за бортъ. Всѣ нити, связывавшія ее съ семьей, съ знакомыми, съ прошлымъ — порваны. Ея новая профессія—это гражданская смерть... Въ морѣ жизни она совершенно одинока, закономъ она обособлена отъ окружающихъ. И вдругъ она находитъ новое общество, новую жизнь, новые интересы. Все это даетъ ей хулиганство. Происшествія дня, такъ или иначе, воспринимаются въ этой своеобразной средѣ. Тутъ сплетничаютъ, злословятъ своихъ знакомыхъ—не хуже чѣмъ въ провинціальномъ городкѣ... Тутъ любятъ, страдаютъ, караютъ и милуютъ.. Тутъ сообща бражничаютъ, пируютъ, танцуютъ, играютъ въ карты, и грабятъ „гостей“... Это новый міръ, который широко открываетъ свои объятія проституткѣ и затѣмъ охватываетъ ее желѣзнымъ кольцомъ. Того, другого міра, изъ котораго проститутка выброшена и изъ котораго сюда пришла, она теперь не признаетъ. Съ тѣмъ міромъ ее искусственно связываютъ только полицейскія мѣры и необходимость искать заработка среди случайныхъ „гостей“... Но всѣ ея помыслы и интересы, конечно, принадлежатъ специфическому, новому обществу, среди котораго она теперь живетъ, съ корпоративными взглядами и обычаями котораго должна считаться.

Никогда не забуду, какъ два года тому назадъ я былъ свидѣтелемъ, и въ нѣкоторомъ родѣ участникомъ, слѣдующей сцены. На углу Щербакова переулка и Загороднаго проспекта, во 2-мъ часу ночи, нѣсколько молодыхъ парней—очевидно, хулигановъ—колотили молодую дѣвушку. Залихватская шляпа съ зеленымъ перомъ валялась на панели, жакетка на дѣвушкѣ была изодрана, струйка крови текла по лицу,—а парни, повидимому, все еще

Digitized by Google

не унимались. Нѣсколько проститутокъ, столпившись у противоположнаго угла, равнодушно смотрѣли на эту сцену. Городового вблизи не было. Я привелъ его съ Владимірской площади и велѣлъ задержать буяновъ. Тѣ, конечно, моментально разбѣжались, а дѣвушка неожиданно набросилась на меня.

— Вамъ какое дѣло?.. Чего суетесь!.. Бьютъ, значитъ слѣдуетъ... Это нашъ семейный интересъ... Ничего-то вы въ нашей жизни не понимаете!..

И морально и матеріально хулиганство крѣпко держитъ проститутку въ своихъ рукахъ... Вотъ грозное препятствіе для всѣхъ Обществъ „спасанія". Въ той холодной, казарменной формѣ, въ которой они теперь проявляютъ свою дѣятельность, нельзя предсказать имъ успѣха при столкновеніи съ грязнымъ, но живучимъ потокомъ хулиганства.

Поэтому—повторяю ту мысль, которую высказалъ въ началѣ статьи—главныя усилія подобныхъ Обществъ должны быть обращены на спасаніе тѣхъ, которыя стоятъ еще на краю пропасти, которыя не выброшены еще за бортъ нашей жизни, и не попали въ ту жизнь,—въ жизнь хулиганскую. Тянуть обратно спустившихся туда—трудъ пока совершенно непроизводительный. Довольно и того, если „падшимъ", желающимъ по собственной инициативѣ отказаться отъ позорнаго промысла, будутъ широко открыты двери пріютовъ и убѣжищъ.

И какъ показываютъ факты, даже эти добровольныя искательницы честной жизни не всегда выдерживаютъ холодъ сѣрыхъ, пріютскихъ стѣнъ.

Д-ръ Б. Бентовинъ.

Digitized by Google

Новыя правила о повременныхъ изданіяхъ.

Какъ бы это ни звучало парадоксально, тѣмъ не менѣе необходимо признать, что давно уже сфера дѣятельности юриста въ Россіи не была поставлена въ столь тѣсныя границы, какъ въ настоящее время. Вся область дѣйствующаго права остается, въ сущности говоря, внѣ сферы его занятій, вся эта область безвозвратно осуждена не только общественнымъ мнѣніемъ всей страны (не исключая и представителей „правового порядка"), но и нашимъ правительствомъ. Весь нашъ правопорядокъ, возведенный на Сводѣ 16 томовъ законовъ, представляетъ изъ себя полуразвалившееся зданіе, жизнь въ которомъ всѣми признается опасной. Къ чему же при такихъ условіяхъ заниматься изученіемъ отдѣльныхъ частей этого Свода? На новомъ фундаментѣ надо возвести новое зданіе, поэтому всѣ остальные вопросы теряютъ почти всякій интересъ, могутъ быть разсматриваемы исключительно съ точки зрѣнія этого основного вопроса—возможности въ настоящее время заложить основаніе этого новаго зданія.

Но возможно ли серьезно разсуждать юристу и объ этомъ вопросѣ? Жизнь движется съ головокружительной быстротой, каждый день приноситъ новыя событія, и то, что сегодня могло, быть можетъ, принести спасенье странѣ, завтра оказывается безцѣльной попыткой, лишній разъ свидѣтельствующей и о неспособности правительства дать во-время нужное, и о неспособности его завтра оставаться въ позиціи, которую оно съ упрямствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, отстаиваетъ сегодня.

И это ощущеніе полной невозможности творческой дѣятельности болѣзненно чувствуется при чтеніи новаго закона о печати. Казалось бы, въ значительной мѣрѣ достигнуто, наконецъ, то, о чемъ мечтала, даже не всегда смѣла мечтать наша печать. Отмѣнена предварительная цензура, введена для періодической печати явочная система, за преступленіе печати установленъ одинъ порядокъ преслѣдованія—судебный. И если кто-либо могъ сомнѣваться въ томъ, какъ будетъ встрѣченъ новый законъ нашимъ общественнымъ мнѣніемъ, то достаточно заглянуть на страницы нашей періодической печати, чтобы исчезла

Digitized by Google

по этому вопросу всякая тѣнь сомнѣнія. „Свободный Народъ“ вспоминаетъ по поводу этого закона слова Щедрина, обращенныя къ литераторамъ, возлагавшимъ серьезныя надежды на новые законы о печати: „представляю себѣ, какъ вамъ будетъ лестно, когда васъ „по правилу“ начнутъ въ три кнута жарить“.

Правда, мы имѣемъ пока дѣло не съ закономъ, а съ „правилами о повременной печати“, носящими временной характеръ. Они изданы „впредь до изданія общаго о печати закона“, такъ какъ „обезпечивающій свободу слова уставъ о печати имѣетъ въ свое время воспріять силу по утвержденіи его нами въ законодательномъ порядкѣ“. Замѣтимъ кстати, при этомъ не указывается точно, какой это законодательный порядокъ, т. е. съ участіемъ Государственной Думы или, быть можетъ, безъ таковаго участія. Это недоговоренность потому бросается въ глаза, что въ п. 3 разд. VII этихъ правилъ, говорящемъ о лицахъ, не могущихъ быть отвѣтственными редакторами, дѣлается ссылка на п. 6 Положенія о выборахъ въ Государственную Думу.

Во всякомъ случаѣ къ временнымъ правиламъ, вмѣсто законовъ, мы давно привыкли. И если мы отмѣчаемъ это, то только для того, чтобы констатировать ту фатальность, съ которой, даже въ мелочахъ, наше правительство во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, работая старымъ аппаратомъ, работаетъ старыми трафаретками. Прежде реакціонное правительство не рѣшалось облекать наиболѣе реакціонныя мѣропріятія въ форму законовъ. Теперь рѣчь идетъ о реформаторствѣ несомнѣнно въ прогрессивномъ духѣ и все-таки и та же необходимость „временныхъ правилъ“.

Эти правила являются временными не только по формѣ, но и по существу. Въ этомъ легко убѣдиться, бросивъ самый бѣглый взглядъ на ихъ содержаніе. Едва не половина этихъ правилъ посвящена преступленіямъ, учиняемымъ путемъ печати. Уже наше новое Уголовное Уложеніе, которое, казалось бы, въ настоящее время нельзя упрекнуть въ политическомъ радикализмѣ, отказалось отъ понятія особыхъ преступленій печати, правильно полагая, что печать является лишь особымъ средствомъ совершенія общихъ преступленій. Между тѣмъ эти правила не только воскрешаютъ понятіе преступленій печати, но и вводятъ въ рангъ преступленій призывъ къ дѣйствіямъ, которыя сами по себѣ не составляютъ преступленія, именно, призывъ даже къ гимназической забастовкѣ. Очевидно, этотъ характеръ правилъ обусловливается тѣмъ, что они расчитаны только на настоящій моментъ, когда правительству кажется наиболѣе тревожнымъ явленіемъ забастовки, съ которыми оно и считаетъ необходимымъ преимущественно бороться.

Мы поэтому должны разсматривать эти правила исключительно съ точки зрѣнія вопроса о томъ значеніи, которое они

Digitized by Google

имѣютъ въ переживаемый нами историческій моментъ. О будущей судьбѣ нашей печати намъ сейчасъ безпокоиться нечего и незачѣмъ стремиться къ ея обезпеченію путемъ закона, печать слишкомъ тѣсно связана съ судьбою всей страны, въ свободной странѣ невозможна несвободная печать, какъ невозможна свободная печать тамъ, гдѣ свобода совѣсти, свобода личности не есть безспорный законъ государственной жизни.

На вопросъ, такимъ образомъ поставленный, нужно, къ сожалѣнію, дать отрицательный отвѣтъ. Та свобода печати, которую вводятъ правила, фактически уже осуществлялась еще до введенія этихъ правилъ. И печать, и общество уже не могутъ теперь испытать всѣхъ преимуществъ, связанныхъ съ переходомъ отъ необходимости молчать или говорить рабьимъ языкомъ къ возможности свободной рѣчи. Конечно, самое узаконеніе положенія, бывшаго только фактическимъ, въ нормальныхъ условіяхъ представляется огромнымъ благомъ, но въ томъ-то и бѣда, что мы живемъ въ совершенно ненормальнымъ условіяхъ. правила, вырванныя силой отъ власти, ненужныя для фактическаго осуществленія свободы, не могутъ содѣйствовать возстановленію въ странѣ чувства законности, довѣрія къ государственной власти. Нарушеніе закона, практикуемое всей печатью, представляетъ большую гарантію свободы дѣйствій, нежели правила, узаконяющія лишь часть этой свободы. Вотъ почему, читая эти правила, приходится не радоваться узаконенной свободѣ, а съ подозрительностью вчитываться, боясь найти въ нихъ оговорки, которыя дѣлаютъ эту свободу въ значительной мѣрѣ призрачной, по крайней мѣрѣ даютъ возможность правительству, при первомъ благопріятномъ для него моментѣ, „по правиламъ въ три кнута жарить“ печать.

И эта подозрительность въ полной мѣрѣ оправдывается при чтенія правилъ.

Каждый нумеръ повременного изданія можетъ быть арестованъ „по распоряженію установленія или должностного лица по дѣламъ печати съ одновременнымъ возбужденіемъ судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ“ (п. 9 разд. VII). Такой предварительный арестъ представляетъ и самъ по себѣ извѣстную опасность, но въ его защиту можно все же сослаться на „Европу“. Но прежде всего не слѣдуетъ при этомъ забывать, что тамъ эта, почти не практикуемая, мѣра представляется, въ сущности, совершенно тупымъ оружіемъ въ рукахъ правительства, такъ какъ широкое развитіе печати и быстрота почтовыхъ сообщеній не даетъ возможности пользоваться этой мѣрой [1]). А засимъ надо же помнить, что въ этой „Европѣ“ дѣйствуютъ суды, независимые отъ администраціи и зависимые отъ общественнаго

[1]) По этому поводу см. статью Н. Н. Лазаревскаго въ „Правѣ“ № 48—49.

Digitized by Google

мнѣнія. Правда, правила вводятъ коррективъ къ административному аресту, въ п. 11-мъ говорящему, что „распоряженіе объ арестѣ представляется немедленно въ установленномъ порядкѣ на разрѣшеніе подлежащаго судебнаго установленія, которое разсматриваетъ дѣло въ первомъ же за симъ распорядительномъ засѣданіи". Но это не представляется въ настоящее время той реальной гарантіей, которою такая мѣра является на западѣ для западно-европейской теоріи, могущей защищать съ этой точки зрѣнія и предварительный арестъ № повременнаго изданія.

Но ни на какую „Европу" нельзя сослаться въ защиту конца этого пункта, именно, что „судъ, утверждая арестъ, можетъ постановить о пріостановленіи повременнаго изданія до судебнаго приговора".

Какое соображеніе можетъ быть приведено въ оправданіе такого постановленія правилъ, принципіально уничтожающихъ предварительную цензуру? Не значитъ ли это отнимать одной рукой то, что дается другой. Вѣдь какъ бы тяжко ни было преступленіе, совершаемое въ какомъ-либо нумерѣ періодическаго изданія, это отнюдь не свидѣтельствуетъ о преступности послѣдующихъ нумеровъ, если мы отказываемся отъ системы чтенія мыслей.

Правда, статья эта говоритъ о временномъ пріостановленіи до судебнаго приговора. Но, во-первыхъ, въ такое время, какъ-то, которое мы теперь переживаемъ, все временно, все имѣетъ преходящее значеніе. Пріостановить временно газету какого-либо направленія значитъ въ настоящее время заставить представителей этого направленія или вовсе отказаться отъ вліянія на ближайшую судьбу страны, или же обратиться исключительно къ нелегальнымъ средствамъ вліянія. А, во-вторыхъ, суду предоставляется по своему усмотрѣнію не только продолженіе, уже въ видѣ наказанія, пріостановки повременнаго изданія, но даже и „запрещеніе онаго на всегда" (п. 8 разд. VIII). Но гдѣ же тогда гарантія свободы слова, свободы печати? Развѣ эта статья не возстанавливаетъ въ полной мѣрѣ разрѣшительную систему съ оригинальной модификаціей: каждый можетъ на пробу приступить къ изданію газеты или журнала, а судъ можетъ это изданіе прекратить, заподозривъ будущую дѣятельность редактора. Понятно, что невозможно приводить какія-либо общія теоретическія соображенія въ пользу такого права суда пріостанавливать изданіе, что представляетъ еще и тотъ недостатокъ, что вмѣшиваетъ судъ въ вопросы политики, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, съ какой другой точки зрѣнія, какъ не съ точки зрѣнія политическаго вреда газеты или журнала, можетъ судъ обсуждать вопросъ о необходимости пріостановить или вовсе прекратить изданіе органа печати.

И если такое право суда вообще противорѣчитъ принципу свободы печати, то въ настоящее время оно обращаетъ правила

Digitized by Google

въ возможное орудіе правительства противъ всѣхъ непріятныхъ ему органовъ печати. И теперь, когда всѣ акты правительства находятся въ вполнѣ заслуженномъ подозрѣніи у общества, изданіе подобнаго рода правилъ можетъ лишь содѣйствовать дальнѣйшему увеличенію этого недовѣрія. Общество имѣетъ полное право не цѣнить признанія свободы печати, уже завоеванной обществомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ право разсматривать это признаніе какъ средство дѣйствительнаго порабощенія печати путемъ оговорокъ, на первый взглядъ мало замѣтныхъ, но достаточно эластичныхъ для того, чтобы въ опытныхъ рукахъ быстро смирить строптивыхъ.

Если мы засимъ перейдемъ къ разсмотрѣнію второй части правилъ, трактующихъ о преступленіяхъ печати, то безъ труда убѣдимся и въ томъ, съ какой легкостью судъ можетъ возбуждать преслѣдованія противъ органовъ печати и пріостанавливать или даже вовсе прекращать ихъ выходъ, и въ какой мѣрѣ весь законъ расчитанъ исключительно на борьбу съ тѣми явленіями нашей жизни, которыя въ послѣднее время особенно безпокоили наше правительство. Явленія эти,—забастовки и возбужденіе общественнаго мнѣнія противъ безчинствъ войскъ, которыя творились ради, а частью подъ предлогомъ возстановленія спокойствія. И вотъ, совершенно забывая, что все это лишь отдѣльныя проявленія общаго неустройства, расшатанности власти, ея дезорганизаціи, растерянности общественнаго мнѣнія, правительство наше по старой привычкѣ бороться противъ проявленія зла, а не его причинъ, стремится, подъ угрозой тяжкихъ наказаній, заставить печать отказаться отъ исполненія того, что она считаетъ своимъ долгомъ.

Мы не будемъ теперь касаться вопроса этой борьбы правительства со стачками. На-дняхъ долженъ выйти законъ, или правила, посвященныя именно этому вопросу. Преслѣдованія печати за „возбужденіе... къ устройству или продолженію стачки“ естественнѣе всего разсмотрѣть въ связи съ законами, преслѣдующими за составленіе стачекъ. Въ настоящее время, когда стачки, какъ таковыя, фактически долго вовсе не преслѣдовались властями, эта угроза наказанія за возбужденіе въ печати къ устройству стачекъ является безсодержательной угрозой, способной болѣе скомпрометировать угрожающаго, нежели напугать печать. Можно съ увѣренностью сказать, что практически правительство этой угрозой достигаетъ прямо противоположнаго результата. Теперь и тѣ органы, которые, быть можетъ, были бы принципіально противъ забастовокъ, будутъ крайне стѣснены въ свободѣ обсужденія вопроса, такъ какъ нельзя же вести свободно борьбу тогда, когда противникъ вынужденъ молчать или говорить подъ страхомъ наказанія.

Въ этомъ паническомъ страхѣ предъ забастовками правитель-

Digitized by Google

ство забылось до того, что угрожаетъ наказаніемъ даже и за возбужденіе въ повременномъ изданіи учащихся къ прекращенію, пріостановленію или невозобновленію занятій, упуская совершенно изъ виду, что прекращеніе занятій учащимися не составляетъ наказуемаго дѣянія.

Мы понимаемъ, въ пылу борьбы можно отражать нападенія даже и не подходящимъ оружіемъ, можно хвататься при этомъ и за такое оружіе, которое не находится въ соотвѣтствіи съ силами нападающаго, далеко ихъ превосходя. Но безсмысленно отбиваться отъ опасности мнимой, отъ нападеній воображаемыхъ. Между тѣмъ подъ давленіемъ страха правительство совершенно упустило изъ виду, что забастовка и первая, и вторая—не были вызваны нашей печатью, что не она вызвала и почтово-телеграфную забастовку. Эта послѣдняя совершенно явно вызвана министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, первыя двѣ были по преимуществу результатомъ стихійнаго процесса. Но даже и тѣ, кто съ этимъ послѣднимъ и не согласится, кто думаетъ, что эти забастовки были слѣдствіемъ планомѣрныхъ, вполнѣ продуманныхъ дѣйствій, все же не станутъ утверждать, что забастовки эти были вызваны газетной агитаціей. Если память намъ не измѣняетъ, печать ни разу не успѣла даже и высказаться по вопросу о своевременности забастовокъ до ихъ начала. Мы поэтому можемъ во всякомъ случаѣ утверждать, что исторія забастовокъ въ Россіи не дала правительству никакихъ основаній для введенія репрессивныхъ мѣръ противъ печати въ интересахъ подавленія забастовокъ. И если бы наше правительство обладало нѣсколько большей способностью критически относиться къ происходящимъ вокругъ него событіямъ, если бы оно не привыкло къ одному только средству борьбы, къ мѣрамъ репрессіи, оно должно бы было понять, что именно печать въ общемъ всегда будетъ элементомъ сдерживающимъ въ вопросахъ о забастовкахъ. За весьма небольшими исключеніями партійныхъ органовъ, которые, какъ таковые, должны проводить ту программу дѣйствій, которая принята партіей, вся остальная печать, стоящая нѣсколько въ сторонѣ отъ непосредственной борьбы партій и направленій, естественно является элементомъ сдерживающимъ. Стачка всегда героическое средство въ борьбѣ, она сопряжена съ тяжелыми жертвами при неизвѣстности, будетъ ли цѣной этихъ жертвъ куплена побѣда. Естественно, что всѣ, увлеченные непосредственнымъ участіемъ въ борьбѣ, склонны преувеличивать шансы на побѣду, которая составляетъ задачу всей ихъ жизни. И точно также естественно, что тѣ, кто стоятъ нѣсколько въ сторонѣ отъ этой борьбы, склонны преувеличивать ея опасности, не чувствуя непосредственно тѣхъ силъ, на которыя можно расчитывать, и совершенно явно чувствуя всѣ тѣ жертвы, съ которыми борьба эта связана для страны. Далѣе, печать въ силу тѣхъ задачъ, которыя

Digitized by Google

ею преслѣдуются, никогда не можетъ желать принимать непосредственное участіе въ забастовкѣ. Именно во время забастовокъ, когда общественное напряженіе достигаетъ крайнихъ предѣловъ, когда каждый день, каждый часъ можетъ принести новыя осложненія, вызвать катастрофу, печать должна испытывать особенно сильную потребность говорить, сообщать, разъяснять. Тяготясь участіемъ въ забастовкѣ, сознавая, что это участіе принесло бы вредъ тому самому движенію, ради котораго забастовка рѣшена, печать естественно должна съ особою осторожностью относиться къ этому средству борьбы: трудно проповѣдывать другимъ то, чего самъ не дѣлаешь. Поэтому очевидно, что въ массѣ своей печать будетъ всегда относиться съ крайней сдержанностью къ общимъ политическимъ забастовкамъ. Правда, можетъ наступить въ жизни страны такой моментъ, когда и печать, по крайней мѣрѣ въ лицѣ передовыхъ своихъ органовъ, признаетъ необходимость такой забастовки, но было бы по меньшей мѣрѣ наивно надѣяться въ такой моментъ остановить эту борьбу репрессивными по отношенію къ печати мѣрами.

Разбирая правила о печати, мы не касаемся ихъ деталей потому, что этимъ послѣднимъ не придаемъ никакого значенія. Мы рѣшительно не вѣримъ тому, чтобы настоящія правила могли пустить глубокіе корни въ жизни; правила эти не могутъ пережить той переходной эпохи, печать которой такъ явно на нихъ отразилась. Поэтому детальный, догматическій ихъ разборъ не представляетъ никакой цѣны. Наоборотъ, общая ихъ характеристика представляетъ огромный интересъ именно съ точки зрѣнія характеристики всей нашей правительственной политики. Правительство готово признать за обществомъ тѣ права, которыя общество уже сумѣло захватить въ свои руки, покорно забывая о томъ, что еще вчера оно торжественно признавало невозможность предоставленія обществу этихъ самыхъ правъ. Но признавая такъ запоздало и нехотя эти права, правительство въ то же время стремится путемъ этого признанія, по существу обществу уже болѣе не нужнаго, пріобрѣсти новое оружіе противъ общества на случай, если бы оно пожелало въ полной мѣрѣ воспользоваться этими правами. Правительство забываетъ, что запоздалое дарованіе правъ, явно вынужденное обстоятельствами, вызываетъ въ обществѣ не чувство благодарности къ правительству, но всегда опасное для правительства сознаніе, что права добыты вопреки правительству, благодаря борьбѣ съ нимъ, и при томъ средствами нелегальными. Оно забываетъ далѣе, что, испытавъ фактическую свободу, закономъ, не охраняемую, но зато закономъ и не стѣсняемую, общество будетъ чувствовать не столько радость вслѣдствіе признанія закономъ того, что фактически уже осуществлялось, сколько неудовольствіе вслѣдствіе тѣхъ стѣсненій, съ которыми неизбѣжно связана регламентація всякой свободы. Если бы правительство

Digitized by Google

могло во-время понять эти элементарныя психологическія истины, то оно должно бы было въ правилахъ о печати какъ можно менѣе стѣснять ея свободу, просто для того, чтобы сдѣлать этотъ законъ пріемлемымъ для печати, для того чтобы вернуть ее безъ новыхъ репрессій на путь подзаконнаго существованія. Но правительство думало лишь о томъ, чтобы создать себѣ новыя средства обузданія печати, съ поразительной недальновидностью забывая, что во всякомъ случаѣ нельзя средства обузданія проводить подъ личиной гарантіи свободъ гражданъ, такъ какъ это съ одной стороны дѣлаетъ эти мѣры обузданія особенно одіозными, а съ другой—подрываетъ въ корнѣ всякое довѣріе къ желанію правительства дать гражданамъ какія-либо дѣйствительныя права. И, быть можетъ, никогда и во всякомъ случаѣ весьма рѣдко неискренность правительства открывалась такъ скоро и такъ для всѣхъ очевидно, какъ въ данномъ случаѣ.

Казалось бы, самый элементарный правительственный тактъ долженъ былъ бы подсказать правительству необходимость съ осторожностью примѣнять тѣ новые скорпіоны, которые оно пріуготовило для „свободнаго слова" въ видѣ этихъ правилъ. Надо было, если не для литераторовъ, то хотя бы для массы „обывателей" создать иллюзію того, что у насъ введена свобода печатнаго слова. Но затаенное желаніе „сократить" печать, съ большимъ трудомъ сдерживаемое подъ страхомъ слишкомъ сильнаго для слабаго правительства протеста общественнаго мнѣнія,прорвалось съ неудержимой силой наружу, какъ только новый законъ далъ возможность разъединить печать, сдѣлать ея сопротивленіе менѣе опаснымъ, и истинная природа правительственной политики сдѣлалась очевидной въ данномъ, по крайней мѣрѣ, вопросѣ даже и для слѣпого. Въ самомъ дѣлѣ, не успѣли еще органы печати воспользоваться благодѣяніями „явочной" системы новаго закона, такъ какъ для этого необходимо был истеченіе двухнедѣльнаго срока, какъ шесть органовъ печати въ Петербургѣ были пріостановлены за напечатаніе такъ называемаго „манифеста", подписаннаго совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, главнымъ комитетомъ всероссійскаго крестьянскаго союза, центральнымъ комитетомъ и организаціонной комиссіей россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, центральнымъ комитетомъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и центральнымъ комитетомъ польской соціалистической партіи. Мы не будемъ касаться этого манифеста съ точки зрѣнія вопроса о томъ, имѣется ли въ немъ составъ преступленія. Допустимъ, для упрощенія нашей задачи, что таковой на-лицо. Но развѣ само по себѣ напечатаніе документа, преступнаго, какъ призывъ къ уголовно наказуемымъ дѣйствіямъ, составляетъ преступленіе? Надо вѣдь доказать, что напечатаніе послѣдовало съ цѣлью возбудить къ тѣмъ самымъ дѣйствіямъ, о которыхъ говоритъ „манифестъ" для того, чтобы

Digitized by Google

могла быть рѣчь объ уголовномъ преступленіи со стороны редактора, напечатавшаго воззваніе изданія. Можно далѣе утверждать, что по самому своему содержанію „манифестъ“ этотъ противорѣчитъ взглядамъ нѣкоторыхъ партій, органы которыхъ этотъ манифестъ напечатали. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, если стать въ этомъ вопросѣ на точку зрѣнія нашего правительства, то придется признать, что напечатаніе, напр., какого-нибудь хулиганскаго воззванія, приглашающаго къ избіенію одной части населенія другой, есть преступленіе. Но, повторяемъ, эта уголовная сторона дѣла насъ въ настоящее время не интересуетъ, она съ точки зрѣнія свободы печати представляетъ второстепенный интересъ. Всегда найдется достаточное количество людей, которые не побоятся уголовной кары, когда рѣчь идетъ о серьезной борьбѣ за свои убѣжденія. Но что сказать о другой мѣрѣ, принятой администраціей и одобренной судомъ, именно о пріостановкѣ всѣхъ газетъ, напечатавшихъ этотъ „манифестъ“? Какое отношеніе имѣетъ напечатаніе этого манифеста къ вопросу о зловредности газеты, требующей пріостановки ея изданія. Не очевидно ли для всякаго, что такъ какъ „манифестъ“ былъ напечатанъ въ газетахъ разныхъ направленій, то и цѣли напечатанія и отношеніе къ „манифесту“ должны были быть у этихъ газетъ различныя, а слѣдовательно для характеристики дальнѣйшаго направленія газеты это напечатаніе „манифеста“ не могло имѣть рѣшающаго значенія. Но къ чему было администраціи и ея покорному оружію, суду, задаваться столь сложными вопросами, когда задача новыхъ правилъ совершенно ясна: обуздать печать... И правосудіе совершилось...

Было бы интересно въ деталяхъ прослѣдить эту борьбу правительства съ печатью при помощи закона, который, подъ личиной охраны свободы печати, преслѣдуетъ по преимуществу другую цѣль—дать правительству возможность сократить печать въ тѣхъ случаяхъ, когда она идетъ въ разрѣзъ съ видами правительства, широко допуская ея свободу въ тѣхъ случаяхъ, когда это непосредственно правительству не вредитъ. Но на этотъ разъ мы ограничимся общей характеристикой правилъ, поскольку это выясняетъ тѣ виды, которые преслѣдовало правительство, быть можетъ, частью даже и не вполнѣ сознательно, инстинктивно думая раньше всего о собственномъ спасеніи старыми давно испытанными средствами, когда-то отлично дѣйствовавшими. И для этой цѣли инцидентъ съ „манифестомъ“ является такой блестящей характеристикой дѣйствительныхъ намѣреній правительства, что къ этому нечего прибавить.

А. Каминка.

Digitized by Google

Польскій вопросъ.

Говорятъ, что лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Скерневицахъ были произнесены слова, выражавшія убѣжденіе, что польскій вопросъ будетъ переданъ въ наслѣдіе грядущему окончательно и безповоротно рѣшеннымъ. То было странное время самовосхваленія и самоувѣренности. Государственный корабль плылъ по спокойному зеркальному морю, никто не замѣчалъ, что отовсюду надвигаются тучи, и что въ глубинѣ пучины происходитъ переворотъ, который поднимется наружу со стихійной, всесокрушающей силой. Въ настоящіе дни это недавнее прошедшее представляется какимъ-то тяжелымъ сномъ, а казавшіеся несокрушимыми устои—созданіями дикой фантазіи. „Безсмысленныя мечтанія" превращаются въ дѣйствительность, и возвратъ къ ближайшему прошлому сталъ, очевидно, невозможнымъ.

Въ новомъ свѣтѣ является нынѣ и польскій вопросъ, вырисовывающійся все яснѣе изъ тумана кровавыхъ воспоминаній, многолѣтней офиціальной лжи и безчисленныхъ недоразумѣній, выросшихъ на почвѣ почти невѣроятнаго незнакомства русскаго общества съ польской жизнью, ея эволюціей и современными стремленіями. Русская литература, даже въ лицѣ ея лучшихъ представителей, никогда не относилась къ полякамъ съ особой благосклонностью. Не говоря о Пушкинѣ, олицетворившемъ польскую народность въ образѣ „кичливаго ляха", противополагаемаго „вѣрному россу", и о другихъ писателяхъ первой половины прошлаго вѣка, даже Бѣлинскій (правда, сожалѣвшій потомъ о написанномъ) отнесся несправедливо къ Мицкевичу, видя въ немъ—проповѣдникѣ общечеловѣческой свободы—узкаго націоналиста. Славянофилы, сузившіе свой идеалъ до поклоненія тріадѣ самодержавія, православія и національной исключительности, объявили поляковъ „измѣнниками" славянской идеѣ, а изъ нихъ Аксаковъ опредѣлилъ польскую народность, какъ „несчастное, спѣсивое, заносчивое, легкомысленное и насквозь прожженное іезуитской моралью

Digitized by Google

племя". Въ безчисленныхъ второстепенныхъ популярныхъ произведеніяхъ поляки изображались всегда согласно съ этой характеристикой. Изученіемъ отрывковъ литературныхъ произведеній въ школьныхъ хрестоматіяхъ она культивировалась въ умахъ молодежи, а чины управленія Ц. Польскаго и западныхъ губерній съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, всемѣрно и неуклонно распространяли ее среди общества путемъ печатнаго слова, которому для ихъ человѣконенавистническихъ упражненій предоставлялась полная свобода. До какой степени укоренились въ русскомъ обществѣ не оправдываемые дѣйствительностью предразсудки, свидѣтельствуютъ высказанныя на земскихъ съѣздахъ настоящаго года опасенія, какъ-бы въ автономной Польшѣ не потерпѣли ущерба демократическія начала, полагаемыя въ основаніе политическаго и общественнаго строя государства. Лица, высказывавшія такія опасенія, ссылались на исторію Польши, ту, очевидно, „исторію", которая изучалась ими на школьной скамьѣ или по трудамъ авторовъ, приступавшихъ къ дѣлу уже съ твердо усвоеннымъ предвзятымъ взглядомъ.

Однако и въ безпросвѣтное время ликованій торжествующаго націонализма, которому казалось, что онъ покончилъ съ польскимъ вопросомъ, нашлись люди, способные подойти къ этому вопросу ближе и разсмотрѣть его безпристрастно съ точки зрѣнія политики гуманности и прямого историческаго изслѣдованія. Б. Н. Чичеринъ понималъ прекрасно, что дѣйствовавшая по отношенію къ Польшѣ система денаціонализаціи не могла привести къ иному результату, какъ только къ возбужденію въ польскомъ обществѣ чувства недоброжелательства къ Россіи „Сліяніе — писалъ онъ — можетъ значиться только на бумагѣ; на дѣлѣ Польша болѣе чужда Россіи, нежели даже въ первое время присоединенія, когда тамъ была, по крайней мѣрѣ, русская партія". Политика насилія логически привела къ тому, что Польша представляетъ и понынѣ „не болѣе, какъ боевой пунктъ, удержаніе котораго едва-ли не превышаетъ приносимыхъ имъ выгодъ". Другой незабвенный мыслитель Влад. С. Соловьевъ, гремя бичемъ острой сатиры „зоологическій" націонализмъ, стремящійся къ угнетенію и обезличенію подвластныхъ государству національностей, находилъ, что будущее Россіи зависитъ, между прочимъ, и отъ справедливаго разрѣшенія польскаго вопроса, отъ примиренія двухъ народовъ, связанныхъ нынѣ общими судьбами. Это примиреніе можетъ, по его мнѣнію, наступить лишь при условіи воспріятія Россіей элементовъ западноевропейской духовной жизни. Соловьевъ думалъ, главнымъ образомъ, объ элементахъ религіозной жизни, но это обстоятельство не умаляетъ правильности постановки имъ вопроса. Все, что происходитъ на нашихъ глазахъ, доказало съ достаточной убѣдительностью существованіе неразрывной связи между обновленіемъ внутренней русской жизни на началахъ западной культуры и примиреніемъ двухъ народовъ, надъ которыми тяготѣла столь долгое время въ цѣляхъ господства

Digitized by Google

надъ обоими система, культивировшая разъединеніе и вражду. Нельзя не упомянуть также о Н. И. Карѣевѣ, пытавшемся въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ подойти къ польскому вопросу съ мѣриломъ безпристрастнаго изслѣдованія. Онъ замѣтилъ и подчеркнулъ важнѣйшую съ русской точки зрѣнія сторону вопроса, ту именно, что торжествующая система угнетенія поляковъ является одной изъ помѣхъ внутренняго развитія самой Россіи. Она питала въ массахъ человѣконенавистническіе инстинкты, заставляла общество, во имя защиты якобы угрожаемыхъ жизненныхъ интересовъ государства, отказываться отъ выдвигаемыхъ сознательной жизнію требованій гражданской свободы, откладывать ихъ до времени, когда успокоится и потонетъ въ „русскомъ морѣ" непокорная польская рѣка, зараженная, по распространеннымъ взглядамъ, клерикализмомъ, крѣпостничествомъ, нетерпимостью, ненасытной алчностію и прочими безчисленными пороками. Историческія изслѣдованія Н. И. Карѣева оказали русскому обществу громадную услугу. Изъ нихъ оно могло убѣдиться, что поляки вовсе не таковы, каковыми ихъ изображали лубочныя произведенія многочисленныхъ „историковъ", „изслѣдователей" и авторовъ популярныхъ учебниковъ. Кругъ лицъ, ознакомленныхъ съ Польшей не по этимъ произведеніямъ, сталъ мало-по-малу расширяться, и, какъ доказали недавнія празднества по случаю столѣтнихъ годовщинъ рожденія Пушкина и Мицкевича, идея примиренія двухъ народовъ на почвѣ взаимнаго признанія ихъ правъ и обязанностей сплотила вокругъ себя прогрессивные элементы обществъ польскаго и русскаго. Не отдѣльныя лица, какъ Тургеневъ въ дни юбилея Крашевскаго (1879 г.), а многочисленныя группы русскихъ передовыхъ людей высказались, и притомъ опредѣленно, въ смыслѣ признанія законности польскихъ стремленій къ широкой національной жизни, обезпечивающей развитіе самостоятельной культуры, которую не могли заглушить никакія мѣры угнетенія.

Сила этой культуры такова, что съ ней безрезультатно борется даже сплоченный, систематическій германизмъ. Его завоеванія въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи болѣе чѣмъ проблематичны, а рядъ фактовъ убѣдительно свидѣтельствуетъ, что польское національное самосознаніе не только жителей Познани и западной Пруссіи, но и перешедшей еще въ XIV вѣкѣ подъ исключительное германское вліяніе Силезіи пробуждается и крѣпнетъ. Выборъ польскаго народнаго депутата Корфанты въ Силезіи вопреки партіи центра, выставившаго впрочемъ тоже кандидатуру польскаго священника, и партіи соціалистовъ, представляется въ высшей степени знаменательнымъ. Изъ двухъ лозунговъ защиты своихъ правъ подъ опекой католическаго центра или подъ открытымъ національнымъ знаменемъ населеніе избрало послѣдній. Будучи несомнѣнно и искренне католическимъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, оно, очевидно, неклерикально въ смыслѣ политическомъ. Полезно замѣтить, что центръ нисколько не стѣснялся въ

Digitized by Google

средствахъ борьбы, что его агентами были священники и что ни одинъ изъ нихъ не согласился благословить бракъ народнаго кандидата, принужденнаго вѣнчаться за границей.

Польская культура, поскольку она касается общественно-политическаго строя, отличается полной самостоятельностью. Подобно англійской и венгерской, она уже къ концу среднихъ вѣковъ выработала особыя правовыя нормы, обезпечивающія свободу гражданъ и ихъ участіе въ государственномъ и общественномъ управленіи. При абсолютизмѣ нѣкоторыхъ представителей объединившей польскія земли династіи пястовъ роль союзника элементовъ, стремившихся къ участію въ государственныхъ функціяхъ, сыграла католическая церковь. Она потребовала неприкосновенности своихъ владѣній и самостоятельности своихъ органовъ и своего устройства, она ввела на своихъ земляхъ свободныя общины, она провозгласила короля лишь первымъ сановникомъ націи. Быть можетъ, въ этомъ союзѣ церкви сначала съ магнатами, а потомъ со всей шляхтой и кроется причина той идейной національзаціи вселенскаго по своему принципу католичества, которая нигдѣ не выразилась съ большей рельефностію, чѣмъ въ Польшѣ. Роли впослѣдствіи перемѣнились, и церковь всецѣло примкнула къ національнымъ стремленіямъ свѣтскаго общества. Она же явилась въ Ц. Польскомъ послѣ 1831 года единственной законно-организованной національной силой, единственнымъ учрежденіемъ, способнымъ съ одной стороны вліять на массы, а съ другой явно защищать ихъ національные интересы. Отсюда, конечно, далеко до клерикализма, въ которомъ обвиняютъ польское общество русскіе ретрограды, превращающіе у себя дома свою церковь въ орудіе полицейскаго гнета.

Свободолюбіе польской шляхты приняло неизвѣстные нигдѣ въ другихъ странахъ размѣры. Уже въ XIII и XIV вѣкахъ за ней была обезпечена свобода личности, торжественно утвержденная закономъ „neminen captivabimus nisi jure victum“, и полная свобода слова. За привлеченіе кого-либо къ отвѣтственности по поводу высказанныхъ мнѣній виновному угрожала кара, какъ за нарушеніе общественной безопасности. Суды состояли исключительно изъ лицъ, избранныхъ гражданами (т. е. шляхтой), на опредѣленые сроки или пожизненно, и пользующихся ихъ довѣріемъ. Благодаря лишь этому обстоятельству отсутствіе дѣйствительной исполнительной власти не повлекло за собою фактической ничтожности судебныхъ рѣшеній и полнаго паденія престижа суда, хотя исторія и отмѣтила цѣлый рядъ злоупотребленій, для которыхъ даже создался особый терминъ. Если чего-либо нельзя было достигнуть правомъ, то оно достигалось „лѣвомъ“, т. е. самоуправствомъ. Полноправные граждане, т. е. шляхта, пользовались наряду съ гражданской свободой также широкимъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти. Оно окончательно выразилось въ конституціи 1573 года, установившей свободное

Digitized by Google

избраніе королей, которымъ были запрещены какіе-бы то ни было заботы о наслѣдсваніи престола, отнявшей у монарха право *veto* противъ постановленій сейма и установившей право отказа отъ присяги и отъ послушанія королю, если онъ нарушаетъ законы. Постановленія сейма должны были быть единогласными. Достаточно было, если одинъ депутатъ заявилъ по поводу какого-либо голосованія „не разрѣшаю", чтобы сеймъ пересталъ совѣщаться и чтобы всѣ принятые имъ законы обратились въ ничто. Ясно, что такого рода конституція, созданная на скорую руку по смерти послѣдняго изъ Ягеллоновъ, не могла обезпечить устойчивости государственной жизни. Свободное избраніе королей открывало при смѣнѣ царствующихъ лицъ какъ-бы новую эру, обращало націю въ состояніе хаоса, измѣняло направленіе внѣшней политики, открывало путь интригамъ иностранныхъ дворовъ. Въ первые моменты дѣйствія этой анархической конституціи ея пагубныя послѣдствія не сказались слишкомъ ярко. Нація жила сознательно, понимая оставленныя ей прошлымъ задачи, сближалась съ соединенной Литвой, несла свѣточъ западной культуры на Востокъ, произвела крупныхъ государственныхъ людей, украсила страницы своей исторіи геройской борьбой за цѣлостность Рѣчи Посполитой и въ защиту общеевропейской культуры противъ оттоманскихъ вожделеній. Каждое междуцарствіе открывало однако все большій просторъ общему нестроенію. Власть перешла въ руки шляхетской массы, недостаточно образованной, чтобы отдать себѣ отчетъ въ потребностяхъ государственной жизни, проникнутой притомъ своимъ собственнымъ величіемъ, опирающимся съ одной стороны на участіи въ управленіи судьбами страны, а съ другой на безконтрольномъ господствѣ надъ сельскимъ населеніемъ. Угасали стремленія къ просвѣщенію, нѣкогда столь блестяще проявленныя поляками, что Эразмъ Роттердамскій называлъ Польшу страной философовъ и ученыхъ, шляхта погрязла въ самодовольствіи, ея умственный горизонтъ сузился до крайней степени, а во главѣ партій стали интриганы и политическіе аферисты, готовые поддерживать кого угодно, лишь-бы имъ досталась „primas parte", Польша несомнѣнно падала, но, несмотря на крайнее внутреннее разстройство на хозяйничаніе „королевятъ", какъ назывались не знавшіе удержу своему самодурству магнаты, на безмысліе шляхетской массы, на приниженіе мѣщанства, прозябавшаго съ едва замѣтными признажами жизни въ немногочисленныхъ городахъ страны, наконецъ на рабство крестьянъ, лишенныхъ мало-по-малу всѣхъ гражданскихъ правъ и отданныхъ въ кабалу помѣстной шляхтѣ—несмотря на всѣ эти и многіе другіе признаки разложенія — наслѣдіе XVI вѣка не погибло окончательно, Въ годины полнаго, казалось, упадка продолжали раздаваться голоса, проникнутые убѣжденіемъ въ необходимости возрожденія и указывавшіе путь къ обновленію государства и общества. Сознаніе измѣны лучшимъ идеаламъ своей исторіи никогда не покидало даже

Digitized by Google

тѣхъ, кто погибалъ самъ и велъ страну къ погибели. Обличительная польская литература XVII и XVIII столѣтій столь богата и разнообразна, что остается и понынѣ недостаточно изслѣдованной. Пользуясь полной свободой печати, она въ самыхъ рѣзкихъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ клеймила пороки своего времени, требуя радикальныхъ реформъ и полнаго обновленія политической и общественной жизни страны. Слѣдуя примѣру лучшихъ публицистовъ своего времени, король Станиславъ Лещинскій уже въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка въ брошюрѣ „Свободный голосъ объ обезпеченіи свободы" поднялъ вопросъ о необходимости признанія за крестьянами гражданскихъ правъ, ибо только свобода „exoitat generositatem animi", а рабство порождаетъ лишь дрянную бездѣятельность. Въ немъ коронованный писатель усматриваетъ главную причину нравственнаго и матеріальаго упадка страны. Во второй половинѣ упомянутаго вѣка является цѣлый рядъ писателей, энергично и настойчиво указывающихъ на необходимость отмѣны крѣпостнаго права и на нетерпящія отлагательства коренныя реформы государственнаго строя. Идея возрожденія носилась въ душной атмосферѣ тогдашней политической жизни. Сеймъ 1773 года, тотъ самый сеймъ, члены котораго подъ вліяеіемъ личныхъ низменныхъ побужденій санкціонировали первый раздѣлъ Рѣчи Посполитой, создалъ центральные органы управленія, и въ ихъ числѣ знаменитую Эдукаціонную Коммиссію, успѣвшую въ самое короткое время покрыть страну цѣлой сѣтью школъ и поднять на замѣчательную для своего времени высоту народнаго просвѣщенія. Четырехлѣтній сеймъ 1788—1792 года явилъ еще болѣе яркое свидѣтельство возрожденія націи. Имъ была создана конституція 3 мая 1791 года, оставшаяся какъ бы политическимъ завѣщаніемъ умиравшей насильственной смертью республики. Она не представляется созданіемъ теоретиковъ. Политическій смыслъ народа, воспитаннаго многовѣковой свободой и самоуправленіемъ, отказался отъ доктринерскихъ проэктовъ Руссо и Мабли и сумѣлъ въ одиннадцати статьяхъ конституціи согласовать требованія времени съ укоренившимися правовыми обычаями своей государственной жизни. Признавая за католической церковью значеніе господствующей, конституція возстановила дѣйствовавшее въ XVI столѣтіи начало свободы вѣроисповѣданій. Подтверждая права шляхты, она предоставила мѣщанамъ права неприкосновенности личности, свободу пріобрѣтенія земельной собственности и допустила ихъ къ занятію всѣхъ должностей гражданскихъ и военныхъ, къ участію въ сеймѣ и въ высшемъ правительствѣ. Обездоленные до того времени крестьяне были приняты подъ покровительство закона, и подтверждена обоюдная обязательность договоровъ, заключенныхъ между ними и владѣльцами помѣстій. Конституція превозгласила далѣе, что всякій, вступившій на землю Рѣчи Посполитой, является уже въ силу этого факта человѣкомъ свободнымъ. Не касаясь усовершенствованій введенныхъ кон-

Digitized by Google

ституціей въ устройство законодательной и исполнительной власти, невозможно отрицать что принимая ее наканунѣ своего политическаго паденія, Польша опередила не только ближайшихъ своихъ сосѣдей, но и большинство странъ западной Европы. Черезъ три года сдѣланъ былъ еще крупный шагъ по пути прогресса и демократизаціи польскаго народа. Во время послѣдней борьбы за независимость Верховный національный Совѣтъ издалъ Поланецкій Универсалъ, признающій за крестьянами полную личную свободу, ненарушимое право на пользованіе владѣемыми земельными участками и защиту общихъ судовъ. Правовое сознаніе націи эволюціонировало въ короткое время въ столь значительной степени, что универсалъ встрѣтилъ противодѣйствіе лишь незначительной кучки крѣпостниковъ. Универсалъ оказалъ сильное вліяніе даже въ Литвѣ, занятой русскими войсками, которымъ было препоручено привести крестьянъ въ повиновеніе. Освободительныя и демократическія стремленія поляковъ конца XVIII вѣка не могли, конечно, вызвать симпатію тогдашняго русскаго правительства, окончательно утвердившаго у себя крѣпостное право. Заслуживаетъ особаго упоминанія прямое признаніе канцлера графа Безбородко въ томъ, что эти стремленія явились рѣшающимъ аргументомъ за необходимость уничтоженія самостоятельности Рѣчи Посполитой. „Образъ мыслей поляковъ—писалъ гр. Безбородко кн. Репнину 25 ноября 1793 года—сдѣлался такого рода, что зараза легко и далѣе распространиться можетъ; вольность крестьянъ и тому подобное удобны раздразнить нашихъ поселянъ“. „Сіи разсужденія, добавляетъ канцлеръ, рѣшили на уничтоженіе Польши и на раздѣлъ ея земель“... Кто не замѣтитъ въ приведенныхъ словахъ какъ-бы предвосхищеніе будущихъ разсужденій Николаевскаго режима, ополчавшагося на всякое проявленіе „вольнаго духа“. Борьба возрождающейся Польши съ раздѣлившими между собой ея территорію сосѣдями была борьбой свободы съ абсолютизмомъ. Неорганизованная еще свобода не могла противопоставить силѣ силу, и вѣсы судьбы склонились въ пользу торжествующаго абсолютизма. Полицейское государство побѣдило, но конечно лишь временно, ибо неумолимый законъ исторіи долженъ былъ раньше или позже преобразить его устройство на началахъ свободы личной, гражданской и національной. Для этой эволюціи понадобилось цѣлое столѣтіе, и въ настоящее время мы находимся лишь у порога новой эры.

Лишенный государственности польскій народъ не могъ, очевидно, помириться съ совершившимся фактомъ, и когда революціонныя французскія войска побѣдно понесли въ Европу знамя свободы, поляки не остались равнодушными зрителями событій. Наряду съ французскими знаменами развѣвались знамена польскихъ легіоновъ, надѣявшихся, что могучая волна военной бури донесетъ ихъ „съ италіанской земли на польскую.“ Они создали безыскусственную военную пѣсню: „еще Польша не погибла, пока

Digitized by Google

мы остались въ живыхъ", знакомую и понятную каждому польскому ребенку. Немногимъ изъ легіонеровъ пришлось вернуться на родную землю. Большинство сложило свои кости въ Италіи, среди альпійскихъ снѣговъ и у подножія египетскихъ пирамидъ. Лишь въ 1807 году было образовано, уже Наполеономъ, Герцогство Варшавское, состоявшее изъ нѣкоторыхъ, главнымъ образомъ отошедшихъ по раздѣламъ къ Пруссіи, земель бывшей Рѣчи Посполитой, увеличенное въ 1809 году территоріей отвоеванной у Австріи. Данная герцогству конституція уничтожила окончательно крѣпостное право и сословныя различія, объявивъ всѣхъ гражданъ равными передъ закономъ, и ввела въ край французское гражданское право (Кодексъ Наполеона), дѣйствующее въ царствѣ Польскомъ до настоящаго времени. Указанныя реформы привились въ краѣ чрезвычайно скоро, явившись какъ-бы продолженіемъ того, что было создано послѣдними сеймами самостоятельной Польши. Несмотря на постоянныя войны и крайнее обѣдненіе страны, сеймъ герцогства проявилъ по истинѣ изумительную дѣятельность. Образована была многочисленная не уступавшая ни въ чемъ французской армія, на которую никто не жалѣлъ самыхъ тягостныхъ жертвъ, число элементарныхъ школъ въ теченіе шести лѣтъ возросло съ 147 до 1110, основаны были училища правовѣденія, медицинское, инженерное и артиллерійское, упорядочены финансы. Нація проявила свою жизнеспособность, политическую и гражданскую зрѣлость въ такой степени, что Вѣнскій конгрессъ не могъ отказать ей въ правѣ на нѣкоторую самостоятельность. существованія подъ верховной властію трехъ, раздѣлившихъ Польшу, державъ. Русско-австрійскій и русско-прусскій договоры 3 мая 1815 года гласятъ, что „les polonais sujets des hautes parties contractantes obtien dront une répresentation et des institutions nationales" [1]).

Постановленіе это исполнилъ одинъ императоръ Александръ I, которому досталось Герцогство Варшавское, долженствовавшее, по упомянутымъ договорамъ, быть „навсегда соединеннымъ съ Россіей въ силу своей конституціи". Договоры добавляли, что имп. Александръ „предоставляетъ себѣ дать этому пользующемуся особымъ управленіемъ государству территоріальное расширеніе по своему усмотрѣнію". Идея такого расширенія была императоромъ сдана въ архивъ увлеченій, встрѣтившихъ рѣшительное сопротивленіе русскаго общественнаго мнѣнія, выразителемъ котораго явился Карамзинъ въ извѣстной запискѣ, указывавшей Александру, что онъ не въ правѣ распоряжаться наслѣдіемъ, добытымъ его предками и составляющимъ неотъемлемую принадлежность Россіи. Королевство Польское, которому почему-то наряду съ этимъ титуломъ дано было русское прозваніе Царства, составляло, по смыслу актовъ Вѣнскаго конгресса и по данной ему императоромъ Александромъ конституціи, особое государство, соединенное съ

[1]) „Поляки подданные высокихъ договаривающихся сторонъ получатъ представительство и національныя учрежденія".

Digitized by Google

Россіей лишь общностію династіи и внѣшнихъ сношеній (ст. 3 и 8), а потому присоединеніе къ нему части литовскихъ или малорусскихъ областей Имперіи могло почитаться дѣйствительнымъ ихъ отторженіемъ отъ послѣдней. Императоръ Александръ принялъ титулъ Короля польскаго (опять съ переводомъ *roi—tsar*). Согласно 45 ст. конституціи всѣ его наслѣдники обязаны коронаваться въ Варшавѣ и присягнуть на вѣрность конституціи царства Польскаго. Королю принадлежало право назначенія всѣхъ должностныхъ лицъ и вообще вся исполнительная власть, осуществляемая черезъ министерства вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и полиціи, войны, юстиціи и финансовъ. Въ отсутствіе короля его власть переходитъ къ Государственному совѣту царства, состоящаго изъ намѣстника, министровъ совѣтниковъ и референдаріевъ. Край былъ раздѣленъ на восемь воеводствъ, пользовавшихся самоуправленіемъ, органами котораго были воеводскіе совѣты. Законодательная власть принадлежала сейму, созываемому каждые два года и состоящему изъ короля, сената и палаты пословъ. Членами сената были князья королевской крови, латинскіе и уніатскій епископы, воеводы и каштеляны. Палата пословъ состояла изъ 77 депутатовъ, избранныхъ землевладѣльцами, и 51 депутата, избранныхъ гминами. Эта палата не пользовалась правомъ инициативы, но могла вотировать петиціи къ престолу. Проэкты, принятые обѣими палатами становились законами лишь послѣ утвержденія ихъ королемъ, которому принадлежало право *veto*. Судебная власть была независима. Судьи оставались таковыми пожизненно и за ними было признано право несмѣняемости. Однако для сужденія дѣлъ о государственной измѣнѣ, а равно для суда надъ высшими сановниками королевства образовывался сеймовый судъ, состоявшій изъ всѣхъ членовъ сената. Конституція обезпечивала свободу вѣроисповѣданія, состоянія и образа жизни (ст. 11 и 17), свободу печати (ст. 16), неприкосновенность личности (18—23) и переселеній (24). Ст. 31 гласила, что „польскій народъ на вѣчныя времена будетъ имѣть свое національное представительство въ видѣ Сейма"...

Конституція 1815 года, составленная комиссіей польскихъ государственныхъ дѣятелей, среди которыхъ въ особенности выдѣлялись другъ юности имп. Александра кн. Адамъ Чарторыйскій, Матушевичъ и Ваврженкій, носила на себѣ слѣды предшествовавшихъ событій и доктринъ западноевропейскаго конституціонализма. Она проводила весьма послѣдовательно принципъ раздѣленія властей, создавая такимъ образомъ почву для столкновеній короны съ народнымъ представительствомъ, которыя не замедлили проявиться на первомъ же сеймѣ 1818 года. Правительство внесло проэктъ измѣненія Кодекса Наполеона относительно брачнаго законодательства, причемъ измѣненія предлагались въ церковно-консервативномъ духѣ. Населеніе, успѣвшее сжиться съ кодексомъ, проэкта не одобряло, и, являясь выразителемъ общественнаго мнѣнія страны, сеймъ правительственное предложеніе отклонилъ. Императоръ—король не былъ

Digitized by Google

доволенъ такимъ оборотомъ дѣла, но въ виду того, что оппозиція не проявилась слишкомъ рѣзко, онъ счелъ долгомъ благодарить сеймъ за его труды и замѣтилъ только, что усматриваетъ въ отклоненіи проэкта не проявленіе борьбы съ правительствомъ, а единственно выраженіе убѣжденій сеймовыхъ палатъ. Въ 1820 году обстоятельства измѣнились. Имп. Александръ уже былъ не тотъ, какимъ онъ казался за нѣсколько лѣтъ назадъ. Онъ примкнулъ къ общеевропейской реакціи, предводительствуемой Меттернихомъ, а его положеніе самодержавнаго монарха громадной Имперіи и въ то-же время конституціоннаго короля Польши было весьма двусмысленне, и онъ естественно склонялся въ сторону абсолютизма, торжествовавшаго въ Россіи побѣду надъ либеральными стремленіями Сперанскаго, о которыхъ въ правительствѣ не было болѣе рѣчи. Сеймъ громаднымъ большинствомъ отклонилъ проэктъ устава уголовнаго производства, домогаясь суда присяжныхъ и права привлекать министровъ къ отвѣтственности. Сеймовая оппозиція получила выговоръ монарха, и народное представительство было созвано лишь въ 1825 году, но уже съ отмѣной публичности совѣщаній. Несмотря на прямое постановленіе конституціи, цензура была возстановлена намѣстникомъ въ 1819 г., а произволъ администраціи вызывалъ повсюду крайнее неудовольствіе населенія. Намѣстникомъ Ц. Польскаго былъ наполеоновскій генералъ Заіончекъ, преданный главнокомандующему польской арміей вел. князю Константину Павловичу и передавшій фактически управленіе страной императорскому коммиссару при намѣстничествѣ, Новосильцеву, человѣку, враждебно расположенному къ полякамъ и успѣвшему ввести въ дѣло управленія и народнаго просвѣщенія полное разстройство. Рядомъ съ сеймовой оппозиціей образовалась оппозиція конспиративная въ средѣ арміи и въ кружкахъ молодежи. Тайные союзы были вскорѣ обнаружены. Участники ихъ офицеры были осуждены въ 1824 году военнымъ судомъ въ каторжныя работы въ крѣпости Замостье. Члены національнаго общества четырьмя годами позже предстали передъ сеймовымъ судомъ, не нашедшимъ признаковъ государственной измѣны въ мирныхъ стремленіяхъ къ расширенію границъ Польши, многократно обѣщанному самимъ императоромъ Александромъ, и покаравшимъ обвиняемыхъ лишь за принадлежность къ недозволенному закономъ союзу. Въ 1829 году прибылъ въ Варшаву императоръ Николай, короновался и принесъ присягу на вѣрность конституціи. Созванный въ то время сеймъ отвергъ вторично предложенный правительствомъ проэктъ брачнаго законодательства, отмѣнявшій гражданскіе браки и разводы и передающій брачныя дѣла въ вѣдѣніе духовныхъ судовъ.

Положеніе страны было вообще ненормально. Существованіе Царства Польскаго не могло удовлетворить національныхъ стремленій тогдашнихъ поляковъ. Слишкомъ свѣжо было преданіе о независимой Рѣчи Посполи-

Digitized by Google

той, слишкомъ близко осуществленіе надеждъ во время наполеоновскихъ войнъ, слишкомъ заманчивы обѣщанія Александра. Поляки могли съ нѣкоторымъ правомъ считать въ то время западныя губерніи имперіи своимъ національнымъ достояніемъ. Вопросы о національностяхъ литовской и малорусской никѣмъ тогда не поднимались, политически сознательное населеніе названныхъ областей, за исключеніемъ части тяготѣвшаго къ Россіи православнаго и уніатскаго духовенства, было польскимъ, и на всемъ ихъ пространствѣ дѣйствовало возстановленное Павломъ I польско-литовское законодательство, гражданское и отчасти административное. Полякамъ казалось, что имъ можетъ сочувствовать и передовая русская интеллигенція. Патріотическое общество вело сношенія съ декабристами, которые хотя и не могли принять вполнѣ польскую точку зрѣнія, но до нѣкоторой степени съ ней соглашались. Рядомъ съ надеждой на эту поддержку въ польскихъ революціонерахъ тридцатаго года жило смутное пониманіе того, что польская свобода находится въ идейной связи съ освобожденіемъ Россіи отъ оковъ бюрократической государственной системы, что паденіе этой системы будетъ не только моментомъ возрожденія Россіи, но и освобожденія Польши, и они начертали на знаменахъ сражавшихся въ 1830—31 годахъ польскихъ войскъ знаменательныя слова: „за вашу свободу и нашу“.

Вспышка, поведшая къ революціи, была дѣломъ молодежи, которой впрочемъ не удались ни нападеніе на Бельведерскій дворецъ в. к. Константина Павловича, ни нападеніе на казармы состоявшихъ при вел. князѣ русскихъ войскъ. Къ революціи примкнули далеко не всѣ польскія войска, и энергичными мѣрами она несомнѣнно могла бы быть подавлена въ самомъ началѣ. Этого не случилось, и отвѣчавшее настроенію массъ возстаніе распространилось быстро по всей странѣ. Въ успѣхъ его не вѣрили ни польское правительство, ни польскіе военачальники, но всѣ они не были въ состояніи дать отпоръ надвигавшейся волнѣ и имъ пришлось принять участіе въ общенародномъ движеніи. Продолжительность польско-русской войны, упорство, съ какимъ велась борьба, свидѣтельствуетъ, что движеніе не было поверхностнымъ, каковымъ склонны его считать нѣкоторые историки и публицисты. Другимъ свидѣтельствомъ глубины выразившагося въ возстаніи 1830 года народнаго чувства является тотъ необыкновенный подъемъ духа, который вслѣдъ за катастрофой проявился въ созданіяхъ польскаго генія на поприщѣ литературы и поддерживалъ до послѣдняго издыханія энергію многихъ тысячъ ушедшихъ за границу эмигрантовъ. Польская эмиграція послѣ 1830 года представляетъ поразительное соціальное явленіе. Въ ней сосредоточилась вся духовная жизнь народа, какъ-бы угасшая на родинѣ подъ страшными ударами судьбы. Естественно, что на чужбинѣ и при столь трагическихъ условіяхъ эта жизнь вылилась въ нѣсколько фантастическія формы. Одной изъ нихъ

Digitized by Google

былъ мессіанизмъ, родственный въ нѣкоторомъ отношеніи русскому славянофильству, но приведшій къ діаметрально противоположнымъ выводамъ. Славянофилы кончили преклоненіемъ передъ тріадой самодержавія, православія и національизма, польскіе мессіанисты—культомъ свободы, долженствующей „возсѣсть на престолъ міра и судить народы". Польша въ ихъ представленіи явилась, подобно Христу, мученицей за общечеловѣческій идеалъ свободы. Она должна возстать изъ гроба. Первый день пребыванія ея въ могилѣ начался взятіемъ Варшавы Суворовымъ, второй—паденіемъ этой столицы въ 1831 году. Но она возстанетъ въ третій разъ, и то будетъ день Воскресенія свободы въ человѣчествѣ. Польскіе писатели, несмотря на чувство обиды и на угнетеніе ихъ страны властію побѣдителя, не воспѣвали ненависти къ русскому народу, въ чемъ Пушкинъ неосторожно обвинилъ даже Мицкевича. Ненависть ихъ была всецѣло направлена на систему, господствовавшую въ Россіи и на слугъ этой системы. Обращаясь къ русскимъ друзьямъ своей юности, декабристамъ и ихъ товарищамъ, которые, быть можетъ измѣнили своему прошлому и опозорили себя службой системѣ гнета, Мицкевичъ шлетъ имъ привѣтствіе горечи, насыщенной кровью и слезами своего отечества и добавляетъ: „пусть грызетъ она и жжетъ не васъ, но ваши оковы!"...

Наряду съ мессіанизмомъ образовалось другое теченіе соціально-демократическое, представителемъ котораго было основанное эмигрантами Демократическое общество. Исходя изъ историческихъ воззрѣній Лелевеля, приписывавшаго паденіе Польши пріостановкѣ развитія польскаго общества въ духѣ издревлеславянскаго демократизма, члены названнаго общества и ихъ послѣдователи полагали, что единственнымъ средствомъ воскресенія Польскаго государства является пробужденіе народныхъ массъ для политической жизни. Къ движенію примѣшивались самые разнообразные элементы, отъ узко національныхъ до крайне радикальныхъ въ духѣ извѣстныхъ въ то время ученій общеевропейскаго революціонизма. Польскіе эмигранты принимали самое дѣятельное участіе въ западноевропейскомъ освободительномъ движеніи сороковыхъ годовъ. Ихъ видѣлъ на баррикадахъ Парижъ во дни крушенія престола Людовика-Филиппа; они сражались въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Венеціи и Венгріи. Они пытались неоднократно поднять знамя возстанія въ Ц. Польскомъ, въ Галиціи и въ Познани, но всѣ эти попытки не имѣли ожидаемыхъ результатовъ и привели лишь къ уничтоженію послѣдняго остатка польской самостоятельности—республики гор. Кракова. Однако теченіе, выраженіемъ котораго были публикаціи Демократическаго общества и многочисленныя брошюры и историческія сочиненія, оказало сильное вліяніе на польскую молодежь и ярко отразилось на событіяхъ шестидесятыхъ годовъ. Оно не исчезло до настоящаго времени, хотя и потеряло свою яркую національно-политиче-

Digitized by Google

скую окраску, и современные прогрессивные демократы объявляютъ себя наслѣдниками завѣтовъ Демократическаго общества.

Въ Царствѣ Польскомъ, по усмиреніи возстанія 1830 года, общественная жизнь замерла. Имп. Николай замѣнилъ конституцію такъ называемымъ Органическимъ Статутомъ 1832 года. Уничтожались особая коронація, польское войско и сеймовое представительство, но сохранялась, такъ сказать, бюрократическая автономія Царства. Остались Государственный и Административный совѣты, министерства (коммиссіи), воеводскіе совѣты, и даже возвѣщалось изданіе особаго закона о созывѣ Собранія провинціальныхъ сословій съ совѣщательнымъ голосомъ въ законодательныхъ дѣлахъ. Впрочемъ польскій государственный совѣтъ долженъ былъ заниматься лишь изготовленіемъ законодательныхъ проектовъ, которые могли получать санкцію монарха не иначе, какъ пройдя черезъ Департаментъ по дѣламъ Ц. Польскаго, состоящій при Имперскомъ Государственномъ Совѣтѣ. Сохранялся польскій языкъ въ управленіи и судѣ, гарантировалась свобода печати, неприкосновенность личности и собственности, оставлялось краю особое законодательство уголовное и гражданское.

Органическій статутъ никогда не получилъ осуществленія. Онъ былъ провозглашенъ какъ-бы для очистки совѣсти, для формальнаго лишь согласованія политики русскаго правительства по отношенію къ Польшѣ съ вышеприведенными постановленіями Вѣнскаго конгресса и съ обязанностями, которыя налагала на монарха присяга польской конституціи и титулъ короля польскаго. Въ дѣйствительности никто не думалъ о примѣненіи статута, а самъ имп. Николай не признавалъ за поляками никакого права на особую политическую организацію, иронически отзываясь объ ихъ „soi disant nationalité“. Въ первые годы послѣ возстанія краемъ управлялъ диктаторски любимецъ императора кн. Паскевичъ, а съ начала сороковыхъ годовъ стала примѣняться политика объединенія и обрусѣнія, продолжавшаяся вплоть до кончины Николая I. Былъ упраздненъ польскій государственный совѣтъ, высшіе суды были переименованы въ департаменты сената, воеводства въ губерніи, образованъ варшавскій учебный округъ, замѣнившій комиссію народнаго просвѣщенія, и вообще вся администрація страны подчинена центральнымъ имперскимъ органамъ. Происходило то же, чему за послѣднія шесть лѣтъ мы были свидѣтеляли въ Финляндіи, но въ гораздо большемъ размѣрѣ и съ рѣшительностью, не встрѣтившей достаточнаго отпора въ терроризированной и занятой войсками странѣ. По закрытіи варшавскаго университета и введеніи въ среднія школы преподаванія на русскомъ языкѣ, подъ гнетомъ цензуры, достаточно прославившейся въ николаевскія времена и въ Россіи, невозможно было и думать о какомъ-либо умственномъ прогрессѣ. Изъ-за границы проникали однако произведенія польскихъ писателей, часто геніальныя, какъ поэмы Мицкевича, Красинскаго, Словацкаго, воодушевленныя вѣрой въ торже-

Digitized by Google

ство свободы и въ воскресеніе отечества, среди молодежи распространялись брошюры и воззванія демократическаго общества, и дѣйствовавшая непрерывно слѣдственная комиссія при намѣстникѣ не имѣла основаній жаловаться на отсутствіе дѣлъ. Общественной жизни въ краѣ никакой не было, и поэтому не могло быть и органическаго общенія между различными элементами населенія. Крестьянство оставалось обособленнымъ классомъ, начальная школа бездѣйствовала, лишенные признаваемыхъ прежде за ними правъ евреи составляли какъ бы отдѣльный мірокъ, представители свободныхъ профессій были немногочисленны, чиновники низшей администраціи (высшая предоставлялась русскимъ) замкнулись въ кругу служебныхъ интересовъ, шляхта земельная и безземельная одна сосредоточивала въ себѣ національную мысль и стремленія. Она раздѣлилась на два лагеря „бѣлыхъ" и „красныхъ", одинаково надѣявшихся на возстановленіе польской государственности, но идущихъ разными партіями. Первые разсчитывали на измѣненіе общеевропейскихъ политическихъ условій, выжидали событій, работали, насколько это было возможно, для усиленія матеріальныхъ средствъ страны; вторые хотѣли идти напроломъ, агитировали среди простого люда, проповѣдывали иногда крайнія соціальныя теоріи, а то и прямо призывали къ рѣзнѣ „пановъ", погубившихъ нѣкогда Рѣчь Посполитую. Согласно съ принципомъ дѣятельнаго участія во всѣхъ войнахъ противъ Россіи, могущихъ сокрушить могущество сѣвернаго колосса, въ которомъ всѣ либеральные элементы Европы видѣли, не безъ основанія, главную поддержку реакціи, во время севастопольской войны образовывался въ Константиноволѣ польскій легіонъ, не сыгравшій однако никакой серьезной роли.

Въ такой моментъ и въ такихъ условіяхъ наступила перемѣна царствованія. На престолъ вступилъ императоръ Александръ II, а въ Варшавѣ умеръ князь Паскевичъ. Въ Парижѣ шли совѣщанія конгресса, на которомъ польскій вопросъ офиціально не поднимался, хотя князь Орловъ былъ уполномоченъ заявить, что имп. Александръ рѣшилъ возвратить полякамъ все то, о чемъ ему говорили (que l'empereur Alexandre avait résolu de rendre au Polonais tout ce dont on venait de lui parler). Прибывъ въ Варшаву, новый государь, хотя и предостерегъ поляковъ замѣчаніемъ „point de reveries, заключающимъ рѣчь, съ которой онъ обратился къ представлявшейся ему депутаціи, но разрѣшилъ издать сочиненія Мицкевича, амнистировалъ многихъ эмигрантовъ и лицъ, сосланныхъ въ Сибирь, выразилъ согласіе на открытіе въ Варшавѣ медико-хирургической академіи и на основаніе сельско-хозяйственнаго общества. Вокругъ первой сомкнулась молодежь, а въ составъ второго вошла интеллигенція страны. Общество явилось, послѣ многихъ лѣтъ безгласія, первымъ законнымъ органомъ, черезъ посредство котораго могло высказываться общественное мнѣніе. Само правительство было силою вещей принуждено признать за обществомъ такое значеніе и поручило ему разсмотрѣніе крестьянскаго во-

Digitized by Google

проса. Во главѣ сельско-хозяйственнаго общества стоялъ графъ Андрей Замойскій, потомокъ знаменитаго въ польской исторіи канцлера, воспитанный въ Англіи и преклоняющійся передъ англійскими учрежденіями, патріотъ въ лучшемъ смыслѣ слова, сумѣвшій въ тяжелое паскевичевское время развить плодотворную дѣятельность на почвѣ экономической и общественной. Имъ съ 1842 года издавался „Ежегодникъ краеваго хозяйства" и велась пропаганда въ пользу очиншеванія крестьянъ по образцу англійскаго фермерскаго хозяйства. Подобно многимъ дѣятелямъ своей эпохи, онъ стоялъ на непримиримой политической точкѣ зрѣнія, надѣялся на возстановленіе Польши въ границахъ Рѣчи Посполитой до перваго раздѣла, твердо держался принципа не ходатайствовать и не просить ни о чемъ существующее правительство. Онъ былъ самымъ популярнымъ въ странѣ человѣкомъ, чему способствовала мягкость его характера. Руководство общественнымъ мнѣніемъ никогда ему не принадлежало, но общественное движеніе его увлекало, и онъ шелъ съ нимъ въ первыхъ рядахъ. Достоинъ упоминанія фактъ, что вопреки мнѣнію Замойскаго, сельско-хозяйственное общество подавляющимъ большинствомъ высказалось противъ очиншеванія, а за выкупъ и надѣленіе крестьянъ землею въ собственность. Присутствовало на этомъ засѣданіи болѣе полуторы тысячи членовъ, и тѣ русскіе писатели, которые обвиняютъ польское общество въ крѣпостническихъ замашкахъ и заявляютъ, будто польскій крестьянинъ надѣленъ землею лишь благодаря Н. Милютину и другимъ русскимъ дѣятелямъ шестидесятыхъ годовъ, явно расходятся съ истиной.

Начиная съ 1860 года, почувствовавшее ослабленіе режима польское общество не могло, конечно, оставаться равнодушнымъ зрителемъ ожидаемаго обновленія своей жизни. Начались демонстраціи, состоявшія въ пѣніи польскихъ гимновъ по костеламъ, а когда произошло первое столкновеніе съ войсками, всеобщее возбужденіе проявилось столь ярко, что новый намѣстникъ, князь Горчаковъ, не рѣшился подавить его силой, тѣмъ болѣе, что не усматривалъ въ немъ еще революціоннаго характера, какого въ дѣйствительности оно и не имѣло. Началась эпоха реформъ, признаваемыхъ необходимыми самимъ высшимъ правительствомъ, обратившимъ свое вниманіе на выдающагося политическаго дѣятеля, маркиза Велепольскаго, въ которомъ князь Горчаковъ привѣтствовалъ истинно государственнаго человѣка (*un homme d,état par excellence*). Маркизъ былъ дѣйствительно крупной личностью. Принявъ въ юности участіе въ возстаніи 1830 года и даже подписавъ сеймовый актъ о детронизаціи императора Николая, онъ успѣлъ впослѣдствіи отнестись критически къ увлеченіямъ тѣхъ, которые надѣялись возстановить потерявшую самостоятельное политическое бытіе Польшу путемъ новыхъ возстаній. Положеніе Польши, по его убѣжденію, могло улучшаться только въ государственномъ единеніи съ Россіей. Только при условіи этого единенія поляки могутъ

Digitized by Google

разсчитывать на сохраненіе ихъ національности и на дальнѣйшее ея развитіе въ духѣ завѣщанныхъ польской исторіей культурныхъ началъ. Назначенный въ 1861 г. директоромъ возстановленной коммиссіи вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія, принявъ затѣмъ руководство управленіемъ юстиціи и ставъ наконецъ въ слѣдующемъ году въ главѣ гражданскаго управленія краемъ, маркизъ Велепольскій проводилъ съ желѣзной энергіей предоставленныя странѣ, по его настояніямъ, реформы. Онъ разрѣшилъ еврейскій вопросъ признаніемъ равноправности евреевъ съ прочимъ населеніемъ края, реорганизовалъ учебное дѣло, основалъ Главную школу (намѣстникъ и правительство въ Петербургѣ избѣгали названія университета), давшую Польшѣ цѣлый рядъ знаменитыхъ дѣятелей, ученыхъ и писателей, организовалъ возстановленный польскій Государственный Совѣтъ, центральныя правительственныя коммиссіи царства и мѣстные совѣты. Мало по малу Польша возвращалась къ нормальному режиму автономическаго устройства, но дѣлу Велепольскаго не было суждено осуществленіе, согласное съ намѣреніями и надеждами его иниціатора.

Неуспѣхъ объясняется многими причинами, и прежде всего той, что маркизъ не встрѣтилъ сочувствія и поддержки въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ, которое не усвоило и не могло усвоить себѣ его политическую программу. Даже сельскохозяйственное общество не поддержало начинаній маркиза. Оно не согласилось съ его проектомъ адреса престолу, объясняющимъ необходимость возвращенія къ автономіи 1815 года, и предпочло ему популярный, хотя и неопредѣленный въ требованіяхъ другой проектъ, вызвавшій вскорѣ постановленіе административнаго совѣта о закрытіи общества. Графъ Замойскій сталъ въ открыто враждебныя отношенія къ маркизу, хотя и заявилъ, что „мѣшать ему не будетъ". Ни одинъ изъ выдающихся членовъ закрытаго общества (а въ немъ сплотилась чуть не вся интеллигенція страны), не пожелалъ войти въ составъ правительства, принужденнаго въ выборѣ лицъ на высшія должности ограничиться чиновнымъ міромъ. Съ другой стороны чередовавшіеся часто намѣстники были крайне недоброжелательно настроены по отношенію къ реформамъ и стремленіямъ Велепольскаго. О поддержкѣ „красныхъ" нечего было и думать. Они шли напрямикъ къ революціи, а болѣе умѣренные „бѣлые" не находили въ себѣ достаточно гражданскаго мужества, чтобы протестовать противъ революціонной агитаціи и даже противъ ряда покушеній на намѣстниковъ и на маркиза. Созванные дирекціей своей организаціи для такого протеста въ формѣ адреса ставшему намѣстникомъ Царства вел. кн. Константину Николаевичу, они отказались отъ этого предложенія и вотировали адресъ, требующій уступокъ, значительно превышавшихъ программу Велепольскаго. Таково было настроеніе общества, съ одной стороны думавшаго, что возможно возстаніе, способное взять силой то, въ чемъ ему отказываютъ, а съ другой—разсчитывавшаго на вмѣ-

Digitized by Google

шательство Наполеона III, съ правительствомъ котораго велись переговоры. Этотъ разсчетъ поддерживался рѣчами, произносимыми во французской палатѣ и тономъ парижскихъ газетъ. Маркизъ принужденъ былъ положиться только на себя. Онъ рѣшилъ подавить движеніе силою и воспользовался призывомъ населенія къ отбыванію воинской повинности для того, чтобы произвести этотъ призывъ не по жребію а по особымъ спискамъ, въ который были включены наиболѣе революціонно настроенные элементы. Въ отвѣтъ на эту мѣру вспыхнуло возстаніе. Центральный революціонный комитетъ объявилъ себя временнымъ національнымъ правительствомъ, издалъ указъ о надѣленіи крестьянъ землею и передалъ диктаторскую власть ген. Мѣрославскому, подвизавшемуся неудачно въ сороковыхъ годахъ въ Галиціи и Познани. Несмотря на крайне незначительныя средства и на неудачу всѣхъ первоначальныхъ плановъ, возстаніе отличалось чрезвычайной живучестію. Оно охватило въ большей или меньшей степени всѣ русскія области Рѣчи Посполитой и продолжалось болѣе года, поглотивъ неисчислимое количество человѣческихъ жизней и матеріальныхъ жертвъ польскаго народа, свидѣтельствуя о глубинѣ его патріотическаго чувства, столь трагически обманутаго въ своихъ надеждахъ.

Исходъ возстанія 1863 года знаменуетъ переломъ польской политической мысли. То что не удалось въ Ц. Польскомъ маркизу Велепольскому, осуществилось за рубежомъ въ сосѣдней Галиціи. Перемѣна политики по отношенію къ полякамъ въ Ц. Польскомъ совпала съ таковой же перемѣной въ упомянутой австрійской Польшѣ. Федеративный патентъ имп. Франца-Іосифа былъ изданъ въ 1861 году.

Тамъ нашлись люди, пережившіе сороковые годы, воспитанные въ европейской школѣ политической борьбы, сумѣвшіе понять, что единственно упорный трудъ на почвѣ закона, но проникнутый сознаніемъ національнаго права и своей отвѣтственности передъ родиной, способенъ дать народу осуществленіе этого права постепенное, но вѣрное.

Изъ Галиціи же раздались первые польскіе голоса, энергично призывающіе народъ къ прекращенію повстанческихъ попытокъ, къ тяжкому труду возрожденія въ реальныхъ условіяхъ жизни. „Формула нашего долга—писалъ въ 1864 г. Попель—обязывающаго нынѣ каждаго поляка, гласитъ: прочь съ конспираціями, съ тайными организаціями, долой всякая помощь, въ какой бы то ни было формѣ, на тайныя цѣли... Страна нуждается въ отдыхѣ для излеченія своихъ ранъ, для новой жизни при новыхъ обстоятельствахъ. Довольно кровавыхъ опытовъ на тѣлѣ нашего отечества“. Знаменитый историкъ Шуйскій заявилъ рѣшительно: „1863 г. закрылъ навсегда эпоху конспирацій. Продолженіе ихъ было-бы не борьбой за независимость, даже не продолженіемъ соціальной революціи, а лишь стремленіемъ къ гибели и къ облегченію непріятелю труда дена-

Digitized by Google

ціонализаціи". Въ извѣстной публикаціи „Портфель Станьчика" (Teka Stanczka), страсть къ демонстраціямъ, возбужденіе патріотическихъ чувствъ несбыточными надеждами, политическое фанфаронство, тайныя организаціи, пропаганда возстаній были осмѣяны самымъ безпощаднымъ образомъ. Польское общество въ Галиціи созрѣло политически настолько, что агитація національнаго шовинизма оказалась совершенно неспособной поколебать его равновѣсіе. Труды дѣятелей автономной Галиціи не пропали даромъ. При населеніи въ $7^1/_2$ милліоновъ мѣстный бюджетъ страны не считая бюджетовъ городовъ, уѣздовъ и гминъ, достигаетъ 30 милл. кронъ, изъ коихъ болѣе десяти милл. обращаются на просвѣтительныя цѣли. Въ краѣ считается 4556 начальныхъ школъ съ 948,568 учащимися. одинадцать мужскихъ и столько же женскихъ учительскій семинарій, 38 гимназій, 11 реальныхъ училищъ, 9 женскихъ лицеевъ, 57 промышленныхъ и ремесленныхъ училищъ, двѣ высшія и нѣсколько низшихъ торговыхъ школъ, болѣе двадцати сельскохозяйственныхъ училищъ, академіи сельскохозяйственная и ветеринарная, политехническій институтъ, академія художествъ и два университета. Край содержитъ 33 больницы и субсидируетъ много частныхъ, издерживая ежегодно на врачебную помощь населенію болѣе 10 милл. кронъ. Въ теченіе тридцати лѣтъ Галиція построила изъ своихъ средствъ болѣе $6^1/_2$ тыс. киром. всякаго рода дорогъ, не считая желѣзныхъ, издержала болѣе 20 милл. на земельныя и водныя меліораціи, устроила горное училище, способствовала развитію горнаго дѣла, создала промышленный и торговый кредитъ. Всѣ отрасли народнаго труда развиваются тамъ послѣдовательно и постоянно, несмотря на невыгодное экономическое положеніе края. Общественная жизнь полна и содержательна. Періодическихъ изданій считается 237, обществъ и союзовъ—5518. Сумма вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ (онѣ въ Галиціи не правительственныя) достигаютъ 200 милл. кронъ.

Въ Царствѣ Польскомъ, послѣ первыхъ, слѣдовавшихъ за погромомъ, лѣтъ прострации наступилъ тоже всеобщій поворотъ во мнѣніяхъ. Политическій идеалъ независимости и возстановленія Польши въ границахъ XVIII вѣка отошелъ въ область прошедшаго. Во главѣ новаго теченія общественной мысли стала городская интеллигенція, провозгласившая программу „органическаго труда" въ правовыхъ условіяхъ дѣйствительности, хотя-бы самой неблагопріятной. Программа эта, въ связи съ охватившей умы философской доктриной позитивизма, нѣсколько страдала отсутствіемъ нравственныхъ идеаловъ родной культуры. Они не замедлили однако появиться, и могучая волна возрожденія охватила весь народъ, примирившійся съ необходимостью жить и работать для лучшаго будущаго, не прибѣгая къ заговорамъ и возстаніямъ. Мѣсто вопросовъ чисто политическихъ заняли вопросы соціальные, и польское общество по своимъ стремленіямъ и начинаніямъ въ этой области какъ и по своему умственному

Digitized by Google

развитію достигло нынѣ уровня передовыхъ европейскихъ обществъ. Разцвѣли вновь литература и искусства, несмотря на отсутствіе въ Ц. Польскомъ польскихъ учебныхъ и ученыхъ заведеній, даже науки не исключая точныхъ имѣютъ тамъ выдающихся представителей, а несмотря на невѣроятный цензурный гнетъ, періодическая печать считаетъ въ этомъ краѣ около ста изданій и въ томъ числѣ много спеціальныхъ. Въ теченіе истекшаго сорокалѣтія польскій народъ завоевалъ себѣ почетное мѣсто среди европейскихъ культурныхъ націй, оставивъ многія изъ нихъ далеко за собою. Даже просвѣщеніе сельскаго народа, встрѣчающее въ системѣ управленія краемъ почти непреодолимыя препятствія, распространяется, благодаря усиліямъ общества, все успѣшнѣе.

Все это было достигнуто при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. По усмиреніи возстанія безжалостно и послѣдовательно уничтожалось все, что такъ или иначе свидѣтельствовало объ особомъ положеніи края. Торжествовала во всей полнотѣ система угнетенія и денаціонализаціи страны. Отъ прежняго времени остались лишь отсутствіе сословій, гражданское законодательство (кодексъ Наполеона и уставы ипотечный и торговый) и низшая общественная организація безсословной волости (гмины). Административный произволъ господствуетъ неограниченно. По положенію 20 сентября 1876 года мѣстная власть пользуется чрезвычайными полномочіями наложенія взысканій и безъ суда и можетъ (Полож. 11 Апр. 1900 г.) издавать обязательныя постановленія, что въ другихъ областяхъ государства практикуется лишь временно и при исключительныхъ обстоятельствахъ. Польскій языкъ, языкъ многомилліоннаго народа, достигшій высшей ступени культуры, изгоняется отовсюду и преслѣдуется безъ малѣйшаго попустительства. Въ 1870 году онъ изгнанъ изъ низшей народной школы.

Въ послѣдующіе 1871 и 1872 годы этотъ языкъ фактически исключенъ изъ средней школы, такъ какъ преподаваніе его признано необязательнымъ, стало производиться на русскомъ языкѣ и ограничено нѣсколькими часами внѣурочнаго времени. Частное обученіе на польскомъ языкѣ внѣ тѣснаго круга семьи никому не разрѣшается, признается „тайнымъ“ и за него указомъ 26 мая 1900 опредѣлены взысканія, налагаемыя администраціей безъ суда, по ея усмотрѣнію.

Было время, когда предполагалось разграничить сферы русскаго и польскаго языка по категоріямъ учрежденій. Въ государственныхъ учрежденіяхъ долженъ былъ господствовать исключительно русскій языкъ. Польскому отводилась сфера жизни общественной и частной. Въ настоящее время не признаются и такія границы. Положеніе 26 Апрѣля 1893 года ввело русскій языкъ въ дѣлопроизводство несомнѣнно общественнаго учрежденія, каковымъ является Земское Кредитное Общество, а Правила 28 февраля 1898 года, неопубликованныя, хотя Высочайшее утвержденныя, предписываютъ введеніе русскаго языка даже въ частныхъ торго-

Digitized by Google

выхъ и промышленныхъ Обществахъ. Воспрещалось посылать телеграммы на польскомъ языкѣ; служащимъ въ правительственныхъ и даже частныхъ учрежденіяхъ (жел. дороги), и дѣтямъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній воспрещалось говорить по-польски.

Мѣстное населеніе совершенно лишено всякаго участія въ государственной службѣ и въ общественной дѣятельности. Весь персоналъ всѣхъ правительственныхъ учрежденій состоитъ исключительно изъ элемента пришлаго, не связаннаго съ краемъ никакими интересами и въ громадномъ большинствѣ случаевъ незнакомаго съ условіями мѣстной гражданской жизни, а, наоборотъ, проникнутаго предвзятыми идеями, возращенными на почвѣ племенной розни и ненависти и поддерживаемой въ личныхъ цѣляхъ дѣятелями такъ называемаго „объединенія". Въ общихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ Царства считалось лѣтъ двадцать пять тому назадъ около 50 % поляковъ: нынѣ не наберется и одного процента. И это происходитъ въ краѣ, имѣющемъ свое особое превосходно разработанное гражданское право (кодексъ Наполеона), которое не преподается въ русскихъ университетахъ, и съ которымъ пришельцы въ громадномъ большинствѣ незнакомы вовсе.

Общественной жизни въ краѣ нѣтъ. Городское самоуправленіе не существуетъ. Хотя на необходимость преобразованія указывалъ уже Милютинъ, но послѣдовавшія въ шестидетыхъ и въ 1870 году измѣненія не ввели существенныхъ улучшеній. Городскіе магистраты въ Царствѣ являются учрежденіями правительственными, чисто бюрократическими и лишенными всякой самостоятельности.

Земскихъ учрежденій, уѣздныхъ и губернскихъ, въ Царствѣ Польскомъ нѣтъ. Существуетъ однако мелкая земская единица въ видѣ безсословной сельской гмины. Къ сожалѣнію, безграничная опека администраціи и господствующій въ ея отношеніяхъ къ сельскимъ обывателямъ произволъ низвели гмину на ступень низшей полицейской управы, распорядителемъ судебъ коей является гминный писарь, назначаемый, вопреки прямому смыслу закона уѣздными начальниками. Всѣ остальныя области общественной жизни стѣснены до крайности. Пресса до октября сего года была отдана въ полное распоряженіе генералъ-губернатора; надъ частными учебными заведеніями (въ подлежащемъ порядкѣ утвержденными и ведущими преподаваніе согласно требованіямъ учебнаго начальства) тяготѣетъ произволъ учебной и общей администраціи: по усмотрѣнію прекращаются занятія, закрываются классы, удаляются преподаватели; не разрѣшается открытіе ученыхъ и преслѣдующихъ цѣли образованія обществъ— словомъ стѣсняется всякая возможность общественной дѣятельности на почвѣ развитія умственной и нравственной польской культуры.

Что всѣ изложенныя мѣры не достигаютъ той цѣли „объединенія", которая должна была ихъ оправдать, признано нынѣ всѣми, не исключая

Digitized by Google

Варшавскихъ генералъ-губернаторовъ, офиціально засвидѣтельствовавшихъ что примѣняемая ими система привела лишь къ полному отчужденію всѣхъ слоевъ польскаго общества отъ Россіи.

Къ счастію, это отчужденіе, переходящее въ ненависть по отношенію къ системѣ произвола и гнета и къ ея офиціальнымъ и неофиціальнымъ представителямъ, было по отношенію къ русскому народу чисто пассивнымъ. Польша просто не знала передовой, культурной Россіи, у которой были связаны руки и скованы уста, которая у себя дома не находила достаточно свободы, чтобы голосъ ея могъ звучать достаточно громко и достигнуть до поляковъ. Господствовавшіе въ Польшѣ дѣятели объединенія принимали, впрочемъ, всѣ средства къ тому, чтобы не допустить туда самыхъ слабыхъ отзвуковъ этого голоса, и мрачная исторія варшавской цензуры свидѣтельствуетъ объ этомъ съ недопускающей сомнѣній опредѣленностію. Соприкасались съ собой русскія и польскія соціально-революціонныя партіи, но ихъ сношенія, донынѣ недостаточно извѣстныя, и, повидимому, непостоянныя, не могли способствовать въ широкой мѣрѣ сближенію между двумя скованными цѣпью насилія національностями.

Сближеніе все-таки состоялось, и громадныя заслуги этому дѣлу оказалъ В. Д. Спасовичъ, издавна жившій въ Петербургѣ и стяжавшій себѣ почетное имя какъ въ русской, такъ и въ польской литературѣ и общественной дѣятельности. Рядомъ цѣнныхъ статей и изслѣдованій о польской исторіи и литературѣ, публичныхъ лекцій и посредствомъ личнаго общенія съ выдающимися представителями русской интеллигенціи, онъ создалъ почву, на которой русскіе и поляки могли встрѣтиться и дружески протянуть себѣ руки. Встрѣчавшіеся были одинаково одушевлены идеями гуманности и свободы, одинаково чужды узкаго націонализма, одинаково критически относились къ мрачной дѣйствительности, къ ошибкамъ прошлаго и къ причинамъ взаимныхъ недоразумѣній, разсѣивающимся при свѣтѣ знанія и правды. Дѣятельность Спасовича, не встрѣтившая сначала въ Польшѣ дружелюбнаго къ себѣ отношенія, продолжалась многіе годы послѣдовательно и неуклонно. Не обращая вниманія на сыпавшіеся упреки, онъ шелъ къ цѣли безъ колебаній, и на его долю выпало нынѣ счастье видѣть, что дѣло его жизни не пропало даромъ. Оно встрѣтило уже давно поддержку у пользовавшихся конституціонной свободой поляковъ за границей, а недовѣріе къ его дѣятельности въ русской Польшѣ должно было пасть въ тотъ, нынѣ наступившій моментъ, когда польское общество узнало свободную Россію въ лицѣ ея лучшихъ представителей.

Въ этотъ поворотный моментъ измѣнилось и государственно-правовое положеніе поляковъ. Прошло время мелкихъ ходатайствъ, упорной и часто безплодной борьбы противъ безчисленныхъ мѣръ, вдохновляемыхъ не знавшей удержу „объединительной“ политикой. Передъ лицомъ конституціонной Россіи вопросъ долженъ быть поставленъ широко и прямо. Его такъ и поставилъ польскій народъ однимъ словомъ *автономія*. Предыдущее

Digitized by Google

изложеніе свидѣтельствуетъ, что историческая логика не допускаетъ иного рѣшенія вопроса. Но оно диктуется не одной лишь исторіей, а еще и фактомъ существованія польской національности, населяющей почти сплошь область, именуемую Царствомъ Польскимъ.

Національность есть союзъ людей, исторически соединенныхъ общностью культуры во всѣхъ областяхъ частной и общественной жизни, и сознаніемъ этой общности. Она, поэтому, представляется крупной культурной цѣнностію, охраненіе которой лежитъ на обязанности государства. Во всѣхъ культурныхъ государствахъ національность является субъектомъ правъ, вытекающихъ изъ ея природы и споспѣшествующихъ ея жизни и развитію. Исторія съ достаточной убѣдительностію доказала, что стремленіе къ уничтоженію національностей путемъ принудительнаго воздѣйствія цѣли не достигаетъ. Народности исчезаютъ лишь путемъ естественнаго воспріятія высшей культуры, которая безъ всякихъ исключительныхъ законовъ замѣняетъ низшую и устраняетъ національную почву послѣдней. Въ настоящее время культура стала общимъ достояніемъ, и потому не только не можетъ быть рѣчи о насильственномъ уничтоженіи какого-либо народа, но, наоборотъ, пробуждаются къ жизни даже мелкія національности, вырабатывающія при сколько-нибудь благопріятныхъ обстоятельствахъ свою литературу и создающія свой особый духовный міръ на почвѣ развитія родного языка и сознанія національной общности.

Это нынѣ повсюду замѣчаемое явленіе (литовцы, эсты, латыши, лужицкіе вербы, кельты, провансальцы, каталонцы), въ связи съ эволюціей политической мысли, признавшей, послѣ долгихъ колебаній, что національность есть необходимый элементъ политической жизни и, какъ таковой, должна быть облечена самостоятельными правами, привело во всемъ цивилизованномъ мірѣ къ рѣшенію національнаго вопроса въ смыслѣ законодательной защиты свободы національностей. Она вошла въ содержаніе понятія правопорядка наряду съ правами населенія, устанавливающими его гражданскую свободу. Но въ то время, когда свобода личности, союзовъ и собраній, прессы и даже вѣроисповѣданій касается лишь опредѣленнаго круга человѣческой дѣятельности, національность обнимаетъ ее всю, образуя ту культурную среду, въ которую, такъ сказать, погружена жизнь принадлежащаго къ данной народности общества. Различныя народности находятся на различныхъ ступеняхъ культуры. Національная культура однихъ обнимаетъ широкія области, у другихъ-же она замкнута лишь въ областяхъ жизни семейной и родовой. Однако и тутъ и тамъ дальнѣйшее культурное развитіе и преуспѣяніе достигается наименьшими усиліями, если въ его основаніе полагается элементъ національный, главнымъ образомъ языкъ. Законодательное опредѣленіе права національности сводится поэтому, во-первыхъ, къ признанію національной свободы гражданъ, т. е. свободнаго избранія каждымъ изъ нихъ своей національности, и, во-вторыхъ, къ признанію всѣхъ, населяющихъ государство, народностей равноправными въ

Digitized by Google

отношеніи охраненія и безпрепятственнаго развитія своей національной культуры.

Государство, отличающееся громадностью своей территоріи, каковымъ является Россія, преобразуясь изъ полицейскаго въ правовое, должно естественно эволюціонировать въ сторону децентрализаціи управленія. Сознаніе этой необходимости не было чуждо даже бюрократическому правительству, принужденному силою вещей отречься отъ притязанія быть вездѣсущимъ и всемогущимъ и вызвать къ жизни органы мѣстнаго самоуправленія. Послѣдующія попытки ограничить дѣятельность названныхъ органовъ привели, какъ извѣстно, къ самымъ плачевнымъ для страны послѣдствіямъ, и нѣтъ нынѣ въ Россіи сколько-нибудь сознательно относящагося къ политическимъ ея судьбамъ человѣка, который не стоялъ-бы за идею широкой децентрализаціи управленія. Эта идея проповѣдуется не только всѣми программами и резолюціями прогрессивныхъ партій, но ее провозглашаютъ даже славянофилы и консерваторы, кромѣ кучки неисправимыхъ любителей насилія и произвола.

Но идея децентрализаціи въ связи съ признаніемъ права національности логически приводитъ къ автономіи областей, сплошь, или почти сплошь населенныхъ культурными національностями. Заключая въ себѣ необходимо понятіе государственнаго единства, идея автономіи содержитъ рядомъ съ нимъ и понятіе о законодательной самостоятельности автономной страны. Удовлетвореніе жизненнымъ потребностямъ достигшаго высокой ступени развитія народа можетъ быть успѣшно достигнуто единственно путемъ предоставленія ему самому заботы о своихъ культурныхъ нуждахъ. Опредѣленіе предѣловъ законодательной самостоятельности автономной Польши есть дѣло будущаго. Оно потребуетъ, несомнѣнно, особыхъ изслѣдованій и можетъ быть окончательно установлено лишь совмѣстнымъ трудомъ Государственной Думы и мѣстнаго представительства. Предрѣшая государственное единство съ Имперіей, автономія, конечно, не можетъ противорѣчить единству верховной власти, внѣшнихъ сношеній, вооруженныхъ силъ и цѣлаго ряда другихъ элементовъ общегосударственной связи. Она явится единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ вопроса, колебавшимся донынѣ между двумя крайностями. Нѣкогда провозглашалось съ одной стороны, что государство есть *die leibliche Gestalt der geistigen Volksgemeinschaft* (Савиньи), и потому всякая народность стремится неудержимо къ государственной самостоятельности; а съ другой, что государство должно служить цѣлямъ господствующей націи, и потому должно, не разбирая средствъ, ассимилировать въ угоду ей подвластныя себѣ народности. Идеи права національности и автономіи явились синтезомъ этихъ крайностей.

Вотъ почему первое свободное слово, высказанное столь жестоко испытаннымъ судьбою польскимъ обществомъ, было слово автономія; вотъ почему отвѣтила ему тѣмъ-же словомъ освобождающаяся Россія.

Б. Кутыловскій.

Digitized by Google

Экономическіе результаты всеобщихъ стачекъ въ Россіи за первую половину 1905 года.

Теорія всеобщей стачки, утверждающая, что преимущественно та стачка, которая охватываетъ большинство производствъ и рабочихъ цѣлой страны или одной большой области, или одного значительнаго производства, можетъ привести къ благопріятнымъ политическимъ и экономическимъ результатамъ, нашла въ Россіи нѣкоторое подтвержденіе. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о политическихъ результатахъ, экономическій плюсъ, получившійся отъ цѣлаго ряда всеобщихъ стачекъ, начавшихся въ январѣ или точнѣе въ декабрѣ (Баку) 1904 года, гораздо больше, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда.

Стоитъ только внимательно прослѣдить періодическую прессу съ января мѣсяца, чтобы воочію убѣдиться въ значительномъ сокращеніи рабочаго дня въ большинствѣ производствъ, въ повышеніи заработной платы, въ устраненіи различныхъ злоупотребленій фабрично-заводскихъ администрацій и т. д. Притомъ, эти завоеванія, эти улучшенія распространились почти на всѣ категоріи трудящихся въ городахъ. Не только фабрично-заводскіе, желѣзно-дорожные рабочіе, но также ремесленники, служащіе и даже прислуга улучшили свое крайне тяжелое матеріальное положеніе.

Чтобы не быть голословнымъ, чтобы ярче и полнѣе представить упомянутыя завоеванія рабочаго класса, мы приведемъ ихъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Январь мѣсяцъ, какъ могущій быть принятымъ за начало волнообразнаго стачечнаго движенія, принесъ съ собою сравнительно мало измѣненій въ положеніи трудящихся. Наиболѣе важнымъ послѣдствіемъ движенія является рѣшеніе (см. корр. въ „Н. Дняхъ") фабрикантовъ и заводчиковъ Лодзи и Сосновицъ: 1) ввести 10-тичасовой рабочій день, 2) повысить заработную плату для работающихъ поденно, получавшихъ до

Digitized by Google

3 рублей въ недѣлю—на 15 %, для зарабатывающихъ отъ 3 до 4 рублей въ недѣлю—на 12 % отъ 4 до 5 рублей—10%, отъ 5 до 6 рублей—$7^1/_2$ %, отъ 6 до 7 рублей—5 % и для работавшихъ сдѣльно—въ ткацкихъ на 5 %, а въ прядильныхъ—на 15%.

Другое крупное завоеваніе сдѣлано въ январѣ типографскими рабочими Самары и Полтавы. Во всѣхъ типографіяхъ (числомъ 8) города Самары, исключая казенной и Левенсона, былъ во 1) установленъ 8 часовой рабочій день, 2) отмѣнены штрафы, 3) увеличена расцѣнка текстового набора до 15 коп. съ 1000 буквъ корпуса и 16 коп. петита. Далѣе, собственники самарскихъ типографій обязались улучшить помѣщенія, установить болѣе опредѣленно дни выдачи заработной платы, выдавать въ случаѣ болѣзни жалованье въ половинномъ размѣрѣ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, указывать при увольненіи причины таковаго, обходиться вѣжливо и выдать вознагражденіе за время забастовки.

Въ Полтавѣ труженики печатнаго дѣла достигли меньшаго, а именно 9 часового рабочаго дня въ типографіи Фришберга и въ литографіи Плющеева, одной изъ самыхъ большихъ въ Россіи.

Февраль мѣсяцъ по сравненію съ январемъ принесъ рабочимъ гораздо больше измѣненій въ ихъ положеніи. Такъ, изъ газеты „Rigaer Rundschau" отъ 2 го февраля мы узнаемъ, что 14 большихъ фабрикъ города Риги сократили рабочій день до 10 часовъ, а въ субботу до 8. За сверхурочную работу тамъ опредѣлено платить въ $1^1/_2$ раза больше.

Администрація Невскаго стеариноваго завода въ Петербургѣ уменьшила („Русь" отъ 5 февраля) своимъ рабочимъ рабочіе часы до $9^1/_2$ а въ субботу до $6^1/_2$. За все время забастовки служащія на заводѣ женщины получили полностью заработную плату, а рабочіе мужчины половину. Въ рабочихъ книжкахъ эта уплата записана въ видѣ „пособія во время прекращенія работъ на заводѣ при общей забастовкѣ".

На адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводахъ въ мастерскихъ цѣльнотянутыхъ трубъ введенъ 10 часовой рабочій день, вмѣсто 12 часового, какъ было раньше, и кромѣ того повышена расцѣнка до 30% для всѣхъ рабочихъ.

На петербургскомъ заводѣ военно-врачебныхъ заготовленій рабочій день уменьшенъ въ инструментальной до 8 часовъ. То же сдѣлано на мебельно-столярной фабрикѣ Мельцера въ Петербургѣ.

На патронномъ заводѣ въ Петербургѣ введены три смѣны по $7^1/_2$ часовъ, а заработная плата повышена.

Рабочіе костемольно-клееваренного завода саратовскаго акціонернаго завода послѣ долгихъ переговоровъ пришли къ слѣдующему соглашенію: 1) установить рабочій день въ 9 часовъ вмѣсто бывшихъ 12, 2) увеличить заработную плату на 10% 3) не увольнять рабочихъ распоряженіемъ администраціи завода, а всѣ проступки представлять на обсуж-

Digitized by Google

деніе того цеха, къ которому рабочій принадлежитъ, 4) отмѣнить обыскъ при выходѣ съ завода, 5) въ случаѣ болѣзни уплачивать въ первыя двѣ недѣли жалованье въ полномъ размѣрѣ, а вторыя двѣ—въ половинномъ размѣрѣ, 6) имѣть на заводѣ за счетъ общества постояннаго врача и акушерку, 7) никого не привлекать къ отвѣтственности за забастовку.

На петербургскомъ металлическомъ заводѣ вмѣсто 60-ти недѣльныхъ часовъ установлено $57^1/_2$ уменьшено число часовъ сверхурочной работы съ 8 часовъ въ день до 6, а также повышена расцѣнка.

Судя по телеграммѣ Петербургскаго агентства отъ 14 февраля, совѣщаніе владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій города Харькова, обсудивъ положеніе въ виду происходившихъ забастовокъ въ Харьковѣ пришло къ заключенію, что рабочій день не долженъ превышать 10 часовъ.

Бердянскіе заводовладѣльцы оказались предусмотрительнѣе харьковскихъ и установили для предупрежденія недоразумѣній съ рабочими 9 часовой рабочій день.

Съ середины же февраля для облегченія положенія приказчиковъ кожевенные, мануфактурные и колоніальные торговцы города Риги обязались круговой подпиской не производить торговли позже 8 часовъ вечера. Съ тою же цѣлью общее собраніе колоніальныхъ торговцевъ Варшавы большинствомъ голосовъ постановило закрывать всѣ торговыя заведенія, торгующія продуктами и спиртными напитками на выносъ, въ 10 часовъ вечера и совершенно не торговать по воскресеньямъ. Наконецъ, Ковенская дума, заслушавъ предложеніе губернатора относительно ходатайства приказчиковъ о сокращеніи рабочаго дня, составила обязательное постановленіе о прекращеніи торговли въ будни въ 9 часовъ вечера, за исключеніемъ заведеній, торгующихъ съѣстными припасами.

По словамъ „Revaler Beobachter“ отъ 21 февраля машиностроительный заводъ Крулля, а также фабрики Виганда и Лаусмана обязались съ перваго марта сократить рабочій день съ 11 до 10 часовъ.

Но наиболѣе важной уступкой рабочимъ въ февралѣ мѣсяцѣ является получившее высшую санкцію 7-го февраля сокращеніе рабочаго дня до 9 часовъ для всѣхъ рабочихъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, допущеніе большого сокращенія рабочаго времени въ кануны наиболѣе чтимыхъ праздниковъ, повышеніе задѣльной платы на 20%, опредѣленіе нормы пособій и т. д. До конца февраля всѣ эти мѣры были примѣнены на практикѣ желѣзнодорожными администраціями въ различныхъ частяхъ Имперіи. Кромѣ этихъ общихъ уступокъ министерства путей сообщенія, управленіе Привислянскихъ желѣзныхъ дорогъ повысило плату въ мастерскихъ на 25%, а чернорабочимъ на 35%. Управленіе же Московско-казанской желѣзной дороги опредѣлило вступное жалованье для служащихъ въ 35 рублей, вмѣсто годичнаго срока испытаній введенъ 3-хмѣсячный и т. п.

Digitized by Google

Въ концѣ февраля въ одесской ремесленной управѣ состоялось совѣщаніе хозяевъ кондитерскаго цеха по вопросу о нормировкѣ рабочаго дня въ пекарняхъ, булочныхъ и кондитерскихъ. Совѣщаніе высказалось за 10 часовой рабочій день съ перерывомъ въ 2 часа для обѣда.

По сообщенію русскаго телеграфнаго агентства отъ 25 февраля во всѣхъ типографіяхъ города Минска установленъ 9 часовой рабочій день.

Наконецъ, на подгородныхъ рудникахъ Владивостока установлены три 8-мичасовыхъ смѣны въ сутки вмѣсто прежнихъ двухъ двѣнадцатичасовыхъ.

Мѣсяцъ мартъ начинается съ установленія 8 часового рабочаго дня въ механическомъ отдѣленіи экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Это было 1-го марта, а 2-го во всѣхъ типографіяхъ города Одессы введенъ 10 часовой рабочій день.

Въ сосѣднемъ съ Одессой городѣ Николаевѣ на судостроительномъ, механическомъ и литейномъ заводѣ французскаго анонимнаго общества установленъ, по словамъ „Русской Газеты“ отъ 2 марта, $9^1/_2$, а по субботамъ 8 часовой рабочій день.

5 марта изъ Варшавы телеграфировали, что городское фабричное управленіе при участіи фабрикантовъ обсудило мѣры для водворенія спокойствія на фабрикахъ. Констатировано: рабочее время ограничено 9 часами, заработная плата увеличена на 15%, расширена медицинская помощь, отмѣнены обыски и улучшено санитарное дѣло.

Въ Сосницѣ на корюковскомъ сахарномъ заводѣ Бродскаго установленъ 8 часовой рабочій день, затѣмъ открыты школа и библіотека.

Наборщикамъ города Екатеринбурга мѣстныя газеты предоставили полный воскресный отдыхъ.

По телеграфному сообщенію отъ 10 марта, въ Лодзи общимъ собраніемъ приказчиковъ установлена норма восьмичасовыхъ занятій.

13 марта русское телеграфное агентство сообщило, что совѣщаніе бакинскихъ промышленниковъ, созванное губернаторомъ по предложенію министра финансовъ для обсужденія быта рабочихъ въ значительныхъ размѣрахъ требованія рабочихъ удовлетворило, но у рабочихъ имѣются требованія общаго характера, удовлетвореніе которыхъ не зависитъ отъ промышленниковъ.

Какъ видно изъ телеграммы отъ 18 марта изъ Кишинева, бессарабскій губернаторъ издалъ обязательное постановленіе, устанавливающее десятичасовую норму въ ремесленной промышленности.

Въ городѣ Ковно на совѣщаніи фабрикантовъ, созванныхъ 18 марта губернаторомъ въ присутствіе по фабричнымъ дѣламъ, выяснилось, что заработная плата увеличена для 73% всего числа фабричныхъ рабочихъ въ губерніи, а рабочее время сокращено на $5^1/_2$ часовъ въ недѣлю для 79% рабочихъ. Для удовлетворенія другихъ нуждъ рабочихъ предположено

Digitized by Google

поданіе врачебной помощи семействамъ, устройство потребительныхъ товариществъ, школъ, библіотекъ и столовыхъ. Предположено также организовать кассы взаимопомощи съ участіемъ фабрикантовъ въ суммѣ, равной взносамъ рабочихъ. Рѣшено также организовать въ Ковнѣ третейскій судъ для разрѣшенія недоразумѣній между фабрикантами и рабочими.

Въ Минскѣ по соглашенію торговцевъ съ приказчиками рѣшено учредить примирительную камеру для разсмотрѣнія возникающихъ спорныхъ вопросовъ съ обѣихъ сторонъ, а въ Маріуполѣ, по телеграфному сообщенію отъ 25 марта, избранная коммиссія владѣльцевъ магазиновъ и торгово-промышленныхъ заведеній, разсмотрѣвъ представленный приказчиками проектъ условій труда, признала возможнымъ удовлетворить большую часть его.

25 же марта съѣздъ сахарозаводчиковъ въ Харьковѣ постановилъ ввести 10 часовой рабочій день и отмѣнить обыски рабочихъ.

Въ Минскѣ совѣщаніе фабрикантовъ, имѣвшее мѣсто 26 марта, высказалось за 10 часовой рабочій день на фабрикахъ и заводахъ.

27 марта въ Самарѣ издано обязательное постановленіе о праздничномъ отдыхѣ приказчиковъ. Въ будни же торговля производится отъ 6 утра до 7 часовъ вечера.

Петербургская городская управа рѣшила увеличить вознагражденіе работающимъ на городской скотобойнѣ на 20% и установить двухдневный отдыхъ въ теченіе мѣсяца для кучеровъ и кондукторовъ, одновременно увеличивъ имъ содержаніе такъ, чтобы ежегодный расходъ городского управленія на коночное хозяйство повысился до 95,000 рублей.

28 марта въ Новороссійскѣ закончилось совѣщаніе представителей заводской промышленности подъ предсѣдательствомъ губернатора. Между прочимъ, признано необходимымъ: 1) учредить государственное страхованіе рабочихъ на началахъ германскаго, 2) допустить свободу стачекъ и собраній, 3) избрать третейскій судъ изъ рабочихъ и предпринимателей, 4) создать центральную кассу взаимопомощи рабочихъ мѣстныхъ заводовъ.

Изъ событій апрѣля мѣсяца отмѣтимъ сначала цѣлый рядъ уступокъ хозяевъ приказчикамъ. Исполнено требованіе приказчиковъ города Юрьева закрывать лавки въ восемь часовъ вечера, введенъ 12 часовой рабочій день для приказчиковъ города Камышина, нѣсколько улучшено положеніе приказчиковъ въ Чистополѣ, Костромѣ и Ростовѣ на Дону, установленъ 12 часовой рабочій день для приказчиковъ въ Маріуполѣ, 13 часовой (лѣтомъ) и 12 (зимой) для приказчиковъ въ Ялтѣ и 10 часовой для приказчиковъ города Томска.

Въ началѣ апрѣля рабочіе Невскаго судостроительнаго и механическаго завода добились небольшихъ уступокъ, заключающихся въ установленіи минимума заработной платы въ 80 копеекъ для цеховыхъ рабочихъ, въ улучшеніи больничнаго и школьнаго дѣла, въ согласіи закрыть

Digitized by Google

фабричную лавку, когда рабочіе приступятъ къ организаціи собственнаго потребительнаго общества.

14 апрѣля совѣщаніе мукомоловъ въ Саратовѣ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, высказало предположеніе объ устройствѣ въ городѣ больницы для рабочихъ промышленныхъ предпріятій. При невозможности осуществленія этого, мукомолы рѣшили открыть на свои средства больницу для мельничныхъ рабочихъ. Рѣшено при болѣзни рабочаго платить половину заработка въ теченіе мѣсяца. Мукомолы высказались за установленіе трехсмѣнной восьмичасовой работы. Окончательное рѣшеніе вопроса зависитъ отъ съѣзда мукомоловъ въ Петербургѣ.

Въ Одессѣ 23 апрѣля часть владѣльцевъ пекаренъ согласилась удовлетворить требованіе булочниковъ относительно установленія минимальной заработной платы.

26 апрѣля въ Борисовѣ на спичечныхъ фабрикахъ установленъ 10 часовой рабочій день и сдѣлана прибавка къ заработной платѣ свыше 10%.

26-го же апрѣля въ Одессѣ прекратилась стачка фотографовъ послѣ удовлетворенія ихъ требованій хозяевами.

27-го въ Луганскѣ забастовали извозчики, недовольные низкой таксой и высокими городскими налогами, и требованія ихъ были тотчасъ удовлетворены управой.

Въ Вязникахъ 27-го удовлетворено послѣ стачки требованіе ткачей джутовой фабрики товарищества Сенькова и К° относительно увеличенія заработной платы.

30 апрѣля синдикатъ шляпныхъ фабрикъ въ Бѣлостокѣ и Лодзи провелъ сокращеніе рабочаго времени и повышеніе заработной платы, вслѣдствіе обѣщанія рабочимъ, но въ то же время возвысилъ цѣну на шляпы на 5 и 10%. Однимъ словомъ, повышеніе заработной платы состоялось не за счетъ предпринимательской прибыли, а за счетъ потребителей, какъ это сдѣлали въ февралѣ владѣльцы булочныхъ въ Москвѣ, уменьшившіе вѣсъ булокъ послѣ уступки рабочимъ.

Въ концѣ апрѣля на заводахъ артиллерійскаго вѣдомства въ Петербургѣ былъ введенъ 9 часовой рабочій день въ тѣхъ мастерскихъ, въ которыхъ работали 10 часовъ повышена расцѣнка за сверхурочныя работы въ $1^1/_2$ раза, работающимъ же поштучно прибавлена къ сдѣльной платѣ сумма въ размѣрѣ $1^1/_2$ часового дневного заработка.

Въ тоже время въ нѣкоторыхъ шапочныхъ мастерскихъ Петербурга введенъ 10-часовой рабочій день, стали выдавать 3 рубля квартирной платы сверхъ обычной заработной и установлена расплата каждыя двѣ недѣли.

Въ Бобруйскѣ 30-го апрѣля произошла забастовка рабочихъ-кузнецовъ, требовавшихъ 8-часовой рабочій день и увеличенію платы. Заба-

Digitized by Google

стовка продолжалась одинъ день, ибо хозяева быстро исполнили требованія.

Отмѣтимъ въ заключеніе еще нѣсколько завоеваній приказчиковъ, которыми такъ изобилуетъ апрѣль мѣсяцъ. Въ началѣ апрѣльскаго обозрѣнія мы отмѣтили измѣненія происшедшія въ участи приказчиковъ съ начала мѣсяца и до середины его, а теперь приведемъ то же самое, но уже за вторую половину апрѣля. Начнемъ съ того, что въ Казани былъ установленъ для приказчиковъ 12-часовой рабочій день, исключая торгующихъ съѣстными припасами, въ Минскѣ рѣшено закрывать магазины въ 9 часовъ вечера, въ Одессѣ рѣшено ввести 12-часовой рабочій день, въ Харьковѣ такой же день установили 40 торговыхъ фирмъ, причемъ нарушители этого соглашенія будутъ уплачивать 100 рублей въ фондъ бѣдныхъ приказчиковъ.

Май мѣсяцъ начинается съ прекращенія выпуска одесскихъ газетъ по понедѣльникамъ съ цѣлью предоставленія воскреснаго отдыха наборщикамъ.

Въ началѣ мая во Владикавказѣ установленъ для лѣта 12-часовой рабочій день съ обычнымъ перерывомъ на обѣдъ, а для зимы 11-часовой, въ Воронежѣ введенъ полный воскресный отдыхъ, въ Вологдѣ 12-часовой рабочій день, въ Бердянскѣ установленъ 13-часовой—лѣтомъ и 11—зимой. Далѣе, владѣльцы магазиновъ и лавокъ въ Гельсингфорсѣ постановили, въ видѣ опыта, закрывать въ теченіе одного года торговыя заведенія въ 7 часовъ вечера, а торговцы въ Мелекесѣ Самарской губерніи постановили закрывать лавки въ 8 часовъ вечера, по праздникамъ же не торговать совсѣмъ.

2-го мая дирекція электрическаго трамвая въ Тифлисѣ согласилась исполнить требованія служащихъ: увеличить содержаніе, выдать всѣмъ старшимъ служащимъ единовременное пособіе въ 5,600 рублей, установить 8-часовой трудъ, если на это согласится дума, учредить товарищескій и третейскій суды.

4 мая на большой мануфактурной фабрикѣ братьевъ Морозовыхъ введенъ 8-часовой рабочій день, отмѣнены ночныя работы, значительно сокращенъ трудъ женщинъ и конторщиковъ и заработная плата повышена на 8%.

5 мая въ Ковно забастовка на спичечныхъ заводахъ, продолжавшаяся десять дней, кончилась: заработная плата повышена на 10%, а рабочій день сокращенъ до 10 часовъ.

Въ тотъ же день кончилась стачка рабочихъ на лѣсопильняхъ города Камышина, потому что хозяева увеличили заработную плату на 15—30%, смотря по роду работъ.

Петербургскому агентству телеграфировали 6 мая изъ Казани слѣдующее: Партія крючниковъ въ 125 человѣкъ, работавшая на пристаняхъ

Digitized by Google

волжскихъ пароходныхъ обществъ „Самолетъ", „Кавказъ и Меркурій" и „Братья Якимовы" вечеромъ 3 мая прекратили работу и потребовали разсчетъ. Причина забастовки заключается въ томъ, что подрядчикъ удержалъ задатки цѣликомъ изъ первой выручки. Пароходныя общества выдали задатки по 5 рублей на человѣка, увеличивъ плату на 50 коп. съ 1,000 пудовъ. Послѣ этого крючники приступили 6 мая къ работамъ.

„Сынъ Отечества" напечаталъ 8 мая слѣдующее письмо въ редакцію своихъ наборщиковъ: „Наборщики газеты „Сынъ Отечества" привѣтствуютъ товарищей-наборщиковъ всей Россіи съ установленіемъ воскреснаго отдыха". Слѣдуетъ 36 подписей.

12 мая въ Кіевѣ состоялось совѣщаніе сахарозаводчиковъ. Установленъ на рафинадныхъ заводахъ 8-часовой рабочій день.

Харьковская дума опубликовала новыя обязательныя постановленія о торговлѣ въ праздничные дни, вводимыя съ 14 мая. Торговыя заведенія и склады должны быть совершенно закрыты въ воскресные дни и двунадесятые праздники, первые три дня Пасхи, три дня Рождества Христова на Новый годъ, 14 мая и 19 февраля. Трудъ торговыхъ служащихъ нормируется 12 часами съ перерывомъ въ $2^1/_2$ часа на обѣдъ. Затѣмъ, немного улучшено положеніе приказчиковъ въ Моршанскѣ, въ Астрахани коммиссія изъ представителей торговцевъ-хозяевъ и служащихъ постановила открывать магазины въ 8 часовъ вечера, на рынкахъ на $2^1/_2$ часа ранѣе на обѣдъ и отдыхъ должно быть предоставлено 2 часа. Въ Кіевѣ на опросѣ, произведенномъ купеческимъ старостой по вопросу о нормировкѣ рабочаго дня въ торговыхъ заведеніяхъ, большинство торговцевъ высказалось за 12-часовой торговый день съ обѣдомъ и за полное прекращеніе торговли въ воскресные и праздничные дни. Въ Костромѣ собраніе торговцевъ высказалось 16 мая за прекращеніе торговли по праздникамъ, за 12 часовой торговый день, за желательность заключать условія съ приказчиками, за установленіе особаго больничнаго сбора съ хозяевъ и за улучшеніе условій службы и жизни мальчиковъ-подростковъ.

16 мая рабочій день на всѣхъ заводахъ морского вѣдомства и во всѣхъ портахъ сокращенъ до 10 часовъ, а въ портовыхъ мастерскихъ до 9.

Въ Ревелѣ 19 мая губернаторомъ разсмотрѣно представленное уполномоченными булочниковъ и рабочихъ пекаренъ ходатайство объ отмѣнѣ работъ въ праздничные и воскресные дни, объ уничтоженіи ночныхъ работъ, о приведеніи въ санитарное состояніе помѣщеній. На основаніи 430 и 441 статьи устава о промышленности, возбраняющихъ ночныя работы ремесленниковъ и опредѣляющихъ норму рабочаго дня, губернаторъ нашелъ возможнымъ удовлетворить ходатайство. Вводится рабочій день въ 12 часовъ съ перерывами по одному часу къ обѣду и къ завтраку. Ночныя работы отмѣнены. По воскресеньямъ и двунадесятымъ праздникамъ полный отдыхъ.

Digitized by Google

21 мая удовлетворены типографіями Новгорода и Минска требованія наборщиковъ о повышеніи заработной платы, причемъ въ Новгородѣ сдѣланы прибавки различнымъ категоріямъ типографскихъ рабочихъ отъ 10 до 30%.

21 мая въ Псковѣ для приказчиковъ установленъ рабочій день лѣтомъ въ 13 часовъ, а въ остальное время года 12. Въ праздники торговля не производится.

25 мая въ Казани большинство пароходныхъ компаній прибавило крючникамъ по 50 копеекъ съ тысячи пудовъ груза.

По словамъ „Вечерней Почты" отъ 26 мая, забастовка заготовщиковъ обуви въ Кіевѣ кончилась побѣдой рабочихъ, которые добились сокращенія рабочаго дня до $9^1/_2$ часовъ, прибавки жалованья на 10%, согласія на предупрежденіе за мѣсяцъ въ случаѣ отказа отъ службы.

Въ Кременчугѣ 27 мая, не удовлетворенные постановленіемъ торговцевъ относительно нормировки рабочаго дня, приказчики, по выходѣ торговцевъ изъ управы, устроили манифестацію. Совѣщаніе торговцевъ, обсудивъ петицію приказчиковъ къ полтавскому губернатору о нормировкѣ рабочаго дня, постановило: лѣтомъ—14 часовой, а зимой — 12 часовой рабочій день.

28 мая на пристаняхъ города Тюмени забастовали грузчики, требуя повышенія платы и уменьшенія рабочаго дня. Ихъ требованія были удовлетворены.

Въ Вильнѣ 30 мая общее присутствіе Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ постановило впредь никакихъ штрафовъ на рабочихъ и служащихъ не накладывать, въ мастерскихъ и въ депо вести 9 часовой рабочій день, а по субботамъ 7 часовой, вмѣнить въ обязанность обращаться къ рабочимъ на „вы".

Наконецъ, въ Ромнахъ былъ установленъ 12 (зимой) и 13 (лѣтомъ) часовой рабочій день для приказчиковъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ не замѣтно такого сильнаго увеличенія количества уступокъ рабочимъ, какъ въ маѣ и апрѣлѣ. Повидимому, предприниматели болѣе не склонны къ легкимъ уступкамъ почти совсѣмъ не организованнымъ рабочимъ.

1-го іюня забастовали въ Варшавѣ кельнеры еврейскихъ ресторановъ и молочныхъ, а также ломовые извочики, требуя сокращенія рабочихъ часовъ до 9, увеличенія жалованья на 20—40% и двухнедѣльнаго отпуска ежегодно. По свидѣтельству „Курьера Варшавскаго", нѣкоторые хозяева приняли условія.

Въ Елисаветградѣ и въ Вологдѣ приказчики добились нѣкотораго улучшенія своего положенія, причемъ въ Вологдѣ установленъ для лѣта 13, а для зимы 12 часовой рабочій день, и хозяева обязались давать чай служащимъ.

Digitized by Google

18 іюня чернорабочіе гавани города Кронштадта добились повышенія заработной платы. Поденная плата за разгрузку кокса назначена въ 1 руб. 80 коп., угля 1 руб. 50 коп. и досокъ 1 руб. 20 коп.

Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ—какъ пишутъ „Русскія Вѣдомости" отъ 18 іюня—фабриканты вывѣсили объявленіе, въ которомъ увѣдомляютъ рабочихъ, что тѣ уступки, которыя сдѣланы ими, т. е. прибавка жалованья отъ 7 до 15%, есть максимумъ тѣхъ уступокъ, какія могутъ дать они.

По сообщенію „Нашей Жизни" отъ 20 іюня, 8 часовой рабочій день введенъ на маслобойномъ и производства олифы заводѣ Н. А. Иванова въ Петербургѣ. Приблизительно въ это же время 8 часовой рабочій день былъ введенъ и на „Московской маслобойнѣ" Давыдова тоже въ Петербургѣ.

20 и 21 іюня въ Минскѣ было удовлетворено большинство требованій конечныхъ, а затѣмъ дрожжевыхъ и винокуренныхъ рабочихъ.

По сообщенію „Новостей" отъ 24 іюня, собраніе членовъ русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, занявшись вопросомъ объ урегулированіи труда служащихъ въ книжныхъ магазинахъ, опредѣлило установить рабочій день для приказчиковъ книжныхъ магазиновъ, лавокъ букинистовъ и книжно-издательскихъ складовъ въ 12 часовъ, включая въ нихъ двухчасовой перерывъ на обѣдъ.

Забастовка рабочихъ торговаго порта Петербурга, начавшаяся 20 іюня, кончилась 22. Установлены минимальныя цѣны на всю навигацію; конторы и артели обязались страховать всѣхъ рабочихъ во время нахожденія на работахъ въ портѣ; рабочимъ даны полчаса на завтракъ, часъ на обѣдъ; за праздничную работу установлена добавочная плата.

27 іюня 3000 рабочихъ Высоковской мануфактуры въ Клинскомъ уѣздѣ Московской губерніи возобновили работы послѣ того, какъ имъ было надбавлено 10%.

Изъ Кременчуга 27 іюня телеграфируютъ, что во избѣжаніе повторенія забастовокъ, владѣльцы типографій удовлетворили большую часть требованій забастовщиковъ.

Въ Бѣлостокѣ 27 іюня возобновилась работа на фабрикѣ Моеса. Требованія рабочихъ удовлетворены путемъ надбавки 15 — 20%. Въ тотъ же день къ обѣду рабочіе вновь оставили работу, требуя надбавки въ 20%; требованіе удовлетворено.

Изъ этого, не претендующаго на полность, обзора завоеваній рабочаго класса читатель можетъ убѣдиться, что первая половина текущаго года и въ экономическомъ отношеніи не прошла для трудящихся даромъ. Слыханное ли дѣло, чтобы почти совсѣмъ не организованные рабочіе въ государствѣ, гдѣ запрещены всякіе союзы, добились такихъ результатовъ. Не говоря уже о многочисленныхъ уступкахъ фабричнымъ рабочимъ, рабочіе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и заводовъ добились значительнаго

Digitized by Google

сокращенія рабочаго времени, послѣ котораго законъ объ $11^1/_2$ часовомъ рабочемъ днѣ сталъ совершенно безсмысленнымъ. На большинствѣ фабрикъ и заводовъ давно уже работаютъ гораздо меньше $11^1/_2$ часовъ. Но, кромѣ индустріальныхъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ, всеобщія стачки оказались въ высшей степени полезными и для занятыхъ въ торговлѣ. За полгода приказчики добились такого улучшенія своего положенія, какого не могли добиться за все предыдущее время. Нѣкотораго улучшенія своего положенія удалось также добиться путемъ забастовокъ ремесленникамъ и даже кустарямъ. Къ сожалѣнію, относительно тружениковъ этихъ категорій въ періодической прессѣ появилось очень мало свѣдѣній. Правда, бывали телеграммы о стачкахъ портныхъ, швеекъ, прачекъ и т. д., но онѣ не заключали въ себѣ ничего, кромѣ простого упоминанія. Характерной чертой послѣдняго стачечнаго движенія являются также стачки квартирантовъ, которымъ удалось, напримѣръ, въ Тифлисѣ добиться пониженія платы за помѣщенія. Забастовки домашней прислуги, имѣвшія мѣсто во многихъ городахъ Россіи, никогда не наблюдались на Западѣ, особенно въ такихъ широкихъ размѣрахъ. Нѣкоторыя же категоріи рабочихъ, напримѣръ, прачки и швеи на Западѣ бастуютъ очень рѣдко. Можно смѣло сказать, что за первую половину текущаго года всколыхнулись всѣ слои населенія Россійской Имперіи, не исключая, конечно, крестьянъ, и завоеванія рабочаго класса далеко оставили за собой русское фабричное законодательство. Недаромъ К. Каутскій говоритъ въ предисловіи въ книгѣ „Generalstreik und Socialdemokratie“ (Dresden, 1905, стр. IX), что всеобщія стачки въ Россіи добились, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, уже многаго, больше, чѣмъ обыкновенно полагаютъ за границей.

В. Тотоміанцъ.

Digitized by Google

Крестьянское движеніе въ Гуріи.

Гурія — одинъ изъ маленькихъ уголковъ маленькой, но прекрасной Грузіи—насчитываетъ что-то около 100,000 душъ населенія и составляетъ одинъ изъ самыхъ культурнѣйшихъ уѣздовъ не только въ Кутаисской губерніи, но и въ цѣлой Россіи. Каждая деревня имѣетъ свою собственную школу и читальню-библіотеку, каждое общество свое двуклассное училище. По статистикѣ, произведенной пропагандистами Р. С.-Д. Р. П., въ Гуріи насчитывается 97% грамотныхъ, молодежь свободно читаетъ и пишетъ по-русски. Пути сообщенія прекрасны, крестьянскія жилища поражаютъ чистотой и аккуратностью, поля искусственно орошаются, а раціональная обработка земли прямо дошла до совершенства. Все это ясно обнаруживаетъ лживость тѣхъ реакціонныхъ органовъ печати, которыя при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ кричатъ о дикости гурійцевъ, о некультурности ихъ и о первобытности ихъ характера. Впрочемъ, опровергать всѣ эти обвиненія подкупленной прессы намъ не приходится: факты, о которыхъ мы ниже будемъ говорить, послужатъ лучшимъ объясненіемъ тѣхъ отчаянныхъ нападокъ, которымъ подвергается гурійскій крестьянинъ. Пулеметы, направленные противъ Гуріи, казаки, длинной вереницей идущіе вслѣдъ за пулеметами, свирѣпый ген. Алихановъ, устремившій свои взоры на Гурію, дикій визгъ реакціонныхъ газетъ и громкіе, искренніе аплодисменты передовой Россіи, общее сочувствіе и поддержка борющагося пролетаріата,—все это ясно говоритъ въ пользу гурійцевъ. Гурія смѣло можетъ гордиться и врагами и товарищами, она достойна всего этого.

Гурія авангардъ крестьянскаго движенія Россіи, борющійся за свои гражданскія права; русскій крестьянинъ многому можетъ поучиться у своего кавказскаго товарища—гурійца. У нихъ учились кавказскіе крестьяне, Гурія служила примѣромъ крестьянскаго движенія, она была первой бациллой, заразившей остальное крестьянство Закавказья. Русская передовая пресса, главнымъ образомъ русская нелегальная литература, прямо преступна передъ своими читателями за умолчаніе этого необыкновеннаго явленія, за умолчаніе той энергіи, которую проявлялъ гурійскій крестья-

Digitized by Google

нинъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, въ борьбѣ противъ гнета и произвола. Только отрывочныя, большей частью невѣрныя свѣдѣнія,—вотъ чѣмъ угощали читателей наши газеты. Помню, въ прошломъ году въ Гурію пріѣхалъ корреспондентъ „Сына Отечества“ и... познакомившись съ полицейскимъ приставомъ, съ княземъ Накашидзе, поговоривши съ нимъ въ отдѣльномъ номерѣ, благополучно уѣхалъ обратно. Каково должно быть свѣдѣніе, доставленное этимъ корреспондентомъ, можно представить изъ того, что приставъ этотъ самъ является помѣщикомъ, противъ котораго не разъ направлялись угрозы крестьянъ...

Гуріецъ такъ же прекрасенъ, какъ прекрасна природа, окружающая Гурію. Высокія, Аджаро-Гурійскія горы, гордо и смѣло перекинутыя вдоль восточной и юго-восточной границы страны, какъ бы заранѣе даютъ представленіе о характерѣ того народа, который населяетъ раскинутую у подножья этихъ горъ прекрасную и богатую долину. Съ запада она омывается Чернымъ моремъ, по берегу котораго и проведено полотно желѣзной дороги, соединяющее Гурію съ Батумомъ и Тифлисомъ. Съ перваго же взгляда поражаетъ человѣка обиліе и разнообразіе природныхъ благъ, и съ перваго же взгляда начинаетъ возмущаться логика при видѣ того несоотвѣтствія между природнымъ богатствомъ страны и тѣмъ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ этихъ даровъ между людьми, которое характеризуетъ нашу эпоху. Немудрено, что гурійскій крестьянинъ издавна славится, какъ „дикарь, не уважающій чужую собственность“. Но не эта одна черта характеризуетъ гурійцевъ, они испоконь вѣковъ извѣстны, какъ мятежники и самый неспокойный народъ среди грузинъ. Гурія всегда первая поднимала знамя возстанія противъ покорителей, она стояла въ первыхъ рядахъ въ борьбѣ за свободу и независимость. Она послѣдней вошла въ составъ Россійской имперіи и первая въ 1840 году произвела возстаніе противъ двуглаваго орла изъ-за того, что ихъ обложили данью въ 25 коп. Разумѣется, возстаніе было подавлено тяжелой рукой самодержавія, но затаенная злоба за оскорбленіе всегда жила въ его сердцѣ и проявлялась если не прямо, то, по крайней мѣрѣ, частично. Знаменитые гурійскіе разбойники—это главнымъ образомъ борцы противъ полицейскаго произвола; они являлись скорѣе защитниками народа противъ начальства, потому и всѣ народныя пѣсни восхваляютъ доблесть и рыцарство разбойниковъ, потому-то народъ всегда стоялъ на ихъ сторонѣ, почему полиціи не удавалось бороться противъ нихъ. Исторія разбойниковъ, образно и любовно описанная въ произведеніяхъ народной поэзіи,—это исторія полицейскаго произвола и безобразія; въ пѣсняхъ этихъ всегда оправдываются разбойники и клеймится полиція. Самая популярная народная пѣсня „Пѣсня объ Арсенѣ“ такъ выражается о знаменитомъ разбойникѣ: „сильныхъ и богатыхъ притѣсняетъ, бѣдноту поддерживаетъ,—да поможетъ ему Богъ!“ Отсюда ясно, какую богатую почву имѣла подъ собой революціонная ба-

Digitized by Google

цилла, охватившая кавказскій пролетаріатъ. Она, эта бацилла, изъ городовъ прежде всѣхъ и раньше всѣхъ перебросилась въ Гурію. Малоземелье тамъ доходитъ до послѣдней степени, но, правду говоря, земли вообще мало, и помѣщиковъ, крупныхъ землевладѣльцевъ тамъ почти нѣтъ. Крестьяне принуждены искать заработка въ городахъ. Почти всѣ города Кавказа и побережье Чернаго моря вплоть до Одессы кишатъ рабочими-гурійцами. Рабочее движеніе, охватившее Кавказъ, со стороны правительства находило самое широкое содѣйствіе, оно всѣхъ такъ называемыхъ главарей разсылало по домамъ, и на долю Гуріи выпадало самое большое количество организованныхъ рабочихъ. Они-то и были первыми пропагандистами и имъ обязаны тому явленію, что съ самаго начала движеніе это носитъ строго организованный характеръ.

Борьба началась противъ землевладѣльцевъ, дворянъ и духовенства. И тѣ, и другіе въ Гуріи никогда не пользовались популярностью и вліяніемъ, но въ послѣднее время до открытаго выступленія противъ нихъ они окончательно потеряли всякій престижъ. Борьба проявилась въ формѣ забастовки и бойкота—потребовали уменьшенія арендной платы и отказались платить духовенству какія бы то ни было деньги. Выставивъ требованія, они перестали обрабатывать помѣщичьи земли, прекратили съ ними всякія сношенія, была отобрана прислуга, и рѣшено было не допускать помѣщиковъ ни на какія народныя собранія. Итакъ, война была объявлена противъ двухъ сильнѣйшихъ враговъ крестьянства, противъ дворянства и духовенства, на сторонѣ которыхъ стояли правительство и церковь. Создались сельскія организаціи, появился листокъ гурійскаго комитета Р. С.-Д. Р. П. Появились явные и тайные шпіоны, появились казаки и губернаторъ. Длинныя вереницы крестьянъ—молодыхъ и старыхъ—подъ усиленнымъ конвоемъ казаковъ, потянулись въ Кутаисскую тюрьму. Были арестованы всѣ мало-мальски преданные народу сельскіе учителя, началось отчаянное гоненіе интеллигенціи. Нахальство самодержавныхъ сатраповъ переходило всякія границы. Но народъ и не думалъ уступать. Напротивъ, движеніе все распространялось и углублялось, крестьянская среда выдвигала все новые и новые революціонные резервы. Съ самаго же начала движенія, вся Гурія рѣзко раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря — крестьянскіе ростовщики примыкали къ помѣщикамъ. Борьба приняла чисто классовый характеръ, выбрасывая на арену борьбы всѣ свои силы и способности. Хулиганская проповѣдь „духовныхъ отцовъ", шпіонство и доносы дворянства, насиліе и произволъ, нагайки и плеть,—все это объединилось въ одну армію. Арестованные были административнымъ порядкомъ высланы въ Восточную Сибирь и Архангельскую губ. Сельскія общества подвергались экзекуціи, но народъ держался пассивной политики сопротивленія, не давая правительству повода къ столкновенію. Здѣсь напрашивается на бумагу фамилія одного довольно извѣстнаго лица, который два раза фигу-

Digitized by Google

рировалъ въ прокламаціяхъ гурійскаго к-та въ спискѣ провокаторовъ движенія. Лицо это—профессоръ С.-Петербургскаго университета Н. Маръ, уроженецъ Гуріи. Пользуясь популярностью среди населенія, онъ выступалъ ярымъ противникомъ движенія вмѣстѣ съ казненнымъ за шпіонство благочиннымъ священникомъ Н. Рамишвили. Онъ говорилъ, что главари движенія мальчишки, не получившіе никакого образованія, убѣждалъ крестьянъ прекратить движеніе, пугая ихъ Сибирью и висѣлицей, описывалъ имъ Петропавловскую крѣпость и ругалъ соціалъ-демократовъ, называя ихъ измѣнниками родины. Говорилъ, что гурійцевъ выселятъ въ Сибирь и на ихъ мѣсто оставятъ казаковъ. Прошло три года послѣ этой хулиганской пропаганды, и профессоръ этотъ, къ нашему удивленію, въ газетѣ „Разсвѣтъ" напечаталъ статью, восхваляющую Гурію и гурійское движеніе. Что же, времена перемѣнчивы, описываетъ же Пушкинъ кота, который, „идя на-право, пѣснь заводитъ, на-лѣво—сказку говоритъ".

„Измѣнники родины, соціалъ-демократы", все-таки не унимали, продолжая усиленно работать. Осенью 1903 года была произведена первая демонстрація новобранцами, собравшимися въ мѣстечкѣ Чохатауры. Красное знамя, выкинутое самими новобранцами, было вынесено изъ борьбы. Демонстранты побѣдили. 1 мая 1904 года былъ устроенъ праздникъ. Нѣсколько тысячъ крестьянъ изъ мѣстечка Хидиставы направились въ другое мѣстечко на разстояніи 7 верстъ, чтобы соединиться съ товарищами другого района. Шествіе было мирное, безъ всякаго вооруженія; этимъ воспользовалась полиція и, встрѣтивъ ихъ въ дорогѣ, открыла противъ нихъ огонь—два демонстранта были убиты; Гурія въ этотъ день лишилась одного лучшаго вожака, крестьянина. Такимъ образомъ, въ процессѣ самой борьбы, движеніе чисто экономическое, благодаря правительству, перешло на политическую почву и направилось противъ полиціи. Народъ политическій созрѣлъ, онъ сдѣлался гражданиномъ и на красномъ знамени въ первую очередь выставилъ программу-минимумъ Р. С.-Д. Р. П. Чѣмъ болѣе углублялось движеніе, тѣмъ оно становилось организованнѣе и сознательнѣе, тѣмъ народъ становился смѣлѣе и активнѣе. Не обошлось, конечно, безъ выстрѣловъ. Помимо организаціи, народъ самъ началъ расправу противъ шпіоновъ. Извѣстные шпіоны были убиты. Убили также одного очень рэтиваго пристава. Шпіоны сдались, они сознались во всемъ и просили прощенія.

Забастовка противъ помѣщиковъ продолжалась два года, помѣщики остались безъ куска хлѣба, они принуждены были сдаться. Требованія крестьянъ были цѣликомъ удовлетворены. Духовенство тоже уступило, оно отказалось брать съ крестьянъ денегъ. Духовные отцы, изловчившіеся въ шпіонствѣ, принуждены были вмѣсто проклятія возсылать благословеніе движенію. Враги были побѣждены по всей линіи. Правительство было въ недоумѣніи, оно уже не было въ силахъ бороться съ народомъ. Народъ

Digitized by Google

поступалъ слишкомъ тактично, чтобы можно было разгромить его... Оно было растеряно... Народъ же оправлялся. Побѣды шли за побѣдами. Въ это время появилась пламенная прокламація Гурійскаго Комитета, призывающая народъ бойкотировать всѣ правительственныя учрежденія. Прекратили функціонировать суды, въ полицію никто не обращался. Зародилось временное революціонное самоуправленіе и потребовало, чтобы всѣ подчинялись народному суду. Никто не имѣетъ права игнорировать этотъ судъ. Всѣ дѣла разбираются самимъ народомъ... Дано было знать высшимъ властямъ. Въ Гурію былъ командированъ для опроса народа помощникъ намѣстника кавказскаго, султанъ Крымъ-Гирей. Онъ видѣлся съ народомъ, и онъ собственными глазами увидѣлъ плоды работы „измѣнниковъ родины", соціалъ-демократовъ: народъ открыто и прямо заявилъ, что онъ вмѣстѣ съ россійскимъ пролетаріатомъ добивается демократической республики. Результатомъ переговоровъ явилось объявленіе Гуріи на военномъ положеніи и присылка войска „храбрымъ" борцамъ противъ внутренняго врага, съ ген. Алихановымъ во главѣ. Народъ все это встрѣтилъ въ высшей степени сдержанно и хладнокровно, продолжая заниматься собственными дѣлами. Храбрый генералъ ждалъ и не дождался кровопролитія, арестовалъ 12 человѣкъ интеллигентовъ, послалъ телеграмму, что Гурія усмирена, и уѣхалъ обратно съ своими солдатами, которые, кстати сказать, успѣли подружиться съ народомъ и выучились пѣнію Марсельезы. Арестованные скоро были освобождены...

Бойкотъ правительственныхъ учрежденій продолжается. Народъ привыкаетъ къ самоуправленію. Создаются демократическія организаціи. Деревня раздѣляется на кружки, въ кружкѣ 10 чел. Каждый кружокъ выбираетъ своего представителя. Представители кружковъ выбираютъ одного сельскаго представителя. Представители селъ—общественнаго. Онъ въ свою очередь выбираетъ районнаго представителя. Гурія раздѣлена на 7 районовъ, слѣдовательно въ Гуріи 7 районныхъ представителей. Такимъ же образомъ устроены и чисто партійныя организаціи. Представители районовъ составляютъ Гурійскій Комитетъ. Существуютъ также общественныя организаціи и сельскія. Руководящимъ, политическимъ коллективомъ является междурайонное собраніе, комитетъ есть органъ исполнительный.

Форма суда—третейская. Постановленіе третейскихъ судей читается на народномъ собраніи, которое имѣетъ право утверждать или не утверждать приговоръ. Высшей формой наказанія считается бойкотъ. Бойкотируемое лицо изолируемо отъ всѣхъ, съ нимъ никто не можетъ имѣть никакого дѣла. Было нѣсколько случаевъ выселенія преступника изъ Гуріи—смертная казнь отмѣнена, шпіоны составляютъ исключеніе, ихъ убиваютъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ все то, что такъ безпокоитъ нашихъ пра-

Digitized by Google

вительственныхъ сатраповъ и радуетъ нашихъ товарищей. Въ слѣдующей статьѣ я думаю подробно остановиться на народномъ самоуправленіи, указать всѣ его положительныя и отрицательныя стороны и разсмотрѣть его въ связи съ нашей соціалъ-демократической работой среди гурійскихъ крестьянъ.

Октябрьская политическая забастовка въ Россіи докатилась и до Гуріи. Гурія не захотѣла остаться простой зрительницей происходящаго великаго событія и сама присоединилась къ ней. 15 октября Гурія оторвалась отъ всего міра. Были взорваны желѣзнодорожные мосты, испортили телеграфъ и на границахъ Гуріи выставили патрулей, которые задерживали правительственныхъ курьеровъ. Произвели нападеніе на полицейскій участокъ, обезоружили стражниковъ и арестовали пристава. Во всѣхъ мѣстахъ были обезоружены полицейскіе посты. Уѣздный начальникъ съ ротой казаковъ выступилъ для освобожденія пристава. Произведено было нападеніе на начальника, въ результатѣ чего до 90 казаковъ было убито, а остальные взяты въ плѣнъ. Было рѣшено напасть на гор. Озургеты и обезоружить находящійся тамъ баталіонъ казаковъ, но организація уговорила народъ не дѣлать этого. Къ этому же времени одинъ изъ товарищей доставилъ изъ Батума пѣшкомъ царскій манифестъ, свидѣтельствующій о первой побѣдѣ россійскаго пролетаріата. Конечно, это не было то, чего мы добивались, но впечатлѣніе произвело громадное, и мы рѣшили прекратить забастовку.

Воронцовъ-Дашковъ вспомнилъ Алиханова и казаковъ. Ихъ направили въ Гурію. Но Гурію помнилъ и пролетаріатъ, Гурію помнило и закавказское крестьянство. Они твердо и упорно потребовали возвращенія Алиханова назадъ, и храбрый генералъ уже вторично вернулся обратно въ главный штабъ Кавказскаго Военнаго Округа.

Хасанъ.

Digitized by Google

Хроника русской жизни [1]).

(Крестьянскія волненія въ различныхъ губерніяхъ. Революціонное движеніе въ арміи. Военное положеніе въ Польшѣ и его отмѣна. Причины и слѣдствія этого акта).

Все отчетливѣе и отчетливѣе на фонѣ русской жизни вырисовывается фигура мужика. Да, этотъ голодный, униженный, забитый мужикъ тоже начинаетъ выпрямлять свою согбенную спину... Въ страхѣ и трепетѣ останавливаются передъ этимъ явленіемъ вчерашніе владыки Россіи, и текутъ съ ихъ побѣлѣвшихъ устъ такія нескладныя, такія несуразныя и, главное, такія некчемныя рѣчи объ ихъ будто бы гуманномъ „народолюбіи". Забота о мужикѣ всегда будто бы была ихъ завѣтною думою. Заботились и довели мужика голодомъ, холодомъ, безправіемъ и всяческимъ издѣвательствомъ надъ его человѣческою личностью до того состоянія, въ которомъ онъ теперь находится. Ужъ лучше бы не „заботились"...

Газеты полны извѣстіями объ аграрныхъ волненіяхъ. Одно перечисленіе самыхъ краткихъ извѣстій о такихъ волненіяхъ заняло бы не мало страницъ журнала, и потому приведемъ лишь немногія изъ нихъ.

Нижній Ломовъ.—„Въ уѣздѣ начались аграрные безпорядки; сожжено и разграблено нѣсколько усадебъ. Вызваны войска. Нѣсколько зачинщиковъ арестовано".

Сызрань.—„Въ уѣздѣ начались аграрные безпорядки. Разгромлена и сожжена до-тла экономія Каткова, сына бывшаго редактора „Московскихъ Вѣдомостей". Помѣщики съ семьями начинаютъ переѣзжать на жительство въ городъ".

Суражъ.—„Одновременно съ еврейскими погромами, происшедшими у насъ въ городскихъ и сельскихъ поселеніяхъ, во многихъ мѣстахъ уѣзда проявляется аграрное движеніе. На-дняхъ было совершено нападеніе крестьянъ на экономіи Зенченко, Нехаевскаго, Скорнякова, Маріентиной, Хмѣльницкаго и другихъ. Полиція безсильна, войскъ нѣтъ".

Казань.—„Въ Цивильскомъ уѣздѣ, при селѣ Ивановкѣ, разгромлено

[1]) Отъ половины октября до половины ноября.

Digitized by Google

имѣніе купца Курбатова. Увезены 14000 пудовъ хлѣба и движимость. Въ Цивильскъ прибыли изъ Казани 72 человѣка съ двумя офицерами".

Суджа.—„Въ сѣверной части аграрное движеніе еще не закончилось; съ западной части уѣзда приходятъ тревожныя вѣсти".

Козловъ.—„Въ уѣздѣ начались аграрные безпорядки: на хуторахъ и опытныхъ поляхъ козловскаго земства мѣстные крестьяне уводятъ и дѣлятъ весь скотъ. Земскій телефонъ порванъ".

Старый Оскольъ.—„Крестьянскіе безпорядки усиливаются. Сожжены 17 усадебъ. Прислана рота пѣхоты и сотня казаковъ".

Такими телеграммами буквально пестрятъ ежедневно страницы всѣхъ газетъ. Появляющіяся затѣмъ корреспонденціи даютъ, разумѣется, болѣе обильный матеріалъ для сужденія о происходящемъ крестьянскомъ движеніи.

Такъ о движеніи въ Фатежскомъ уѣздѣ въ газетахъ появилось слѣдующее сообщеніе:

„1-го ноября въ большой торговой слободѣ Черяника была ярмарка; ссора крестьянина съ однимъ торговцемъ послужила сигналомъ ко всеобщему погрому торговцевъ, покончивъ съ которыми толпа тысячи въ двѣ двинулась къ экономіи извѣстнаго князя Касаткина-Ростовскаго. Самъ князь и его семья были избиты, а все находящееся въ домѣ и экономіи буквально разгромлено. Покончивъ съ экономіей Касаткина-Ростовскаго, толпа разгромила, затѣмъ сожгла экономію Маркова и маслобойный заводъ Шевцева. Изъ города въ тотъ же вечеръ прибыли казаки и администрація, но они были совершенно безсильны сдѣлать что-либо, кромѣ какъ констатировать погромъ. Съ той же ночи на 2-е ноября начались поджоги и погромы помѣщичьихъ имѣній, лежащихъ вблизи Черяники, предотвратить которые у администраціи не было никакихъ силъ. Каждый вечеръ можно было наблюдать сразу нѣсколько заревъ отъ пылавшихъ экономій. За короткій промежутокъ времени, съ 1-го по 4-е ноября, сожжено свыше 20-ти экономій и мелкихъ имѣній. Въ числѣ пострадавшихъ, кромѣ указанныхъ выше, можно назвать имѣнія графа Орлова-Давыдова, гр. Бобринской, князя Трубецкого, хутора Маркова, Дятлова, Мятлева, Орлова П. В., Ткачева, Арсеньева, Гобято, гр. Дорреръ, Волкова, Старова, Орлова В. М., Скибиныхъ, Курдюмова, Алферова, Гладковыхъ. Во многихъ мѣстахъ были случаи насилія надъ помѣщиками и управляющими, хотя смертныхъ случаевъ не констатировано. Нѣкоторыхъ изъ помѣщиковъ крестьяне заставляли подписывать отреченіе отъ земли. Движеніе въ уѣздѣ создало страшное волненіе обывателей города Новаго Оскола. Въ настоящее время положеніе города нужно считать гарантированнымъ отъ опасности, въ виду получившей осуществленіе организаціи гражданами стражи и усиленія мѣстныхъ казаковъ прибывшими изъ Курска войсками. Въ послѣдніе два дня аграрное движеніе, распространяясь,

Digitized by Google

перешло въ сосѣдніе уѣзды—Коротоякскій и Бирюченскій Воронежской губерніи, гдѣ захватываетъ все большее и большее пространство".

Положеніе дѣлъ въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губ. волненія газеты изображаютъ такъ:

„Уѣздъ горитъ",—какъ говорятъ у насъ въ городѣ. По подсчету, болѣе или менѣе достовѣрному, разгромлено до сихъ поръ до 34 имѣній, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ сожжены и разрушены до основанія. Такъ какъ погромы совершаются вездѣ почти совершенно одинаково, то для характеристики приведу разсказъ, описывающій погромъ имѣнія Веселовскаго. Къ отцу Веселовскаго, который собственно и ведетъ хозяйство, явились „делегаты" и просили его самого уѣхать, а имъ отдать ключи. По получивши ключей, „делегаты" заявили, что въ такомъ случаѣ замки будутъ сломаны, на что имъ былъ отвѣтъ, что пусть дѣлаютъ, что хотятъ. Вечеромъ послѣ этого явилась толпа съ подводами, обила прежде всего замки у амбаровъ, и часовъ черезъ 20 не осталось ни одного пуда изъ 10 тысячъ пудовъ, несмотря на то, что вовкой было занято не болѣе 60 подводъ. Затѣмъ увозили и уносили все, что можно было увезти или унести, послѣ чего приступили къ поджогу. Такъ какъ большинство построекъ были каменныя и крыты желѣзомъ, то съ нихъ снимали желѣзо (которое тоже увозили), складывали въ зданіи что-либо быстро загорающееся и зажигали. Все это дѣлалось совершенно спокойно, въ полной увѣренности своей правоты. Когда, напримѣръ, самъ К. В. Веселовскій явился туда и, встрѣтивъ старосту, сказалъ ему, что онъ будетъ отвѣчать не только какъ громила, но и какъ староста, то послѣдній ему отвѣтилъ, какъ бы спрашивая: „А придется ли отвѣчать-то?" и, помолчавъ немного, продолжалъ: „Да что ужъ—все одно—отвѣчать такъ отвѣчать,—всѣ будемъ за-одно и единаково отвѣчать". И такимъ образомъ отъ усадьбы не осталось камня на камнѣ...

По предложенію К. В. Веселовскаго, крестьяне согласились взять скотину какъ бы на сохраненіе, обязавшись ее кормить и составлять протоколы въ случаѣ падежа. Точно такъ же разгромили и сожгли усадьбу и другого члена балашовской управы—М. А. Суслова. Но не вездѣ дѣло протекало такъ, какъ это было въ описанномъ случаѣ. Во многихъ мѣстахъ успѣвали призвать на помощь солдатъ и казаковъ, и дѣло оканчивалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ужасными кровопролитіями. Особенно сильныя столкновенія были въ Туркахъ, въ Романовкѣ, Зубриловкѣ и около экономіи Н. Ф. Кожевникова. Что всего ужаснѣе, такъ это то, что казаки, и вообще войско, явившись въ село и чувствуя себя не въ силахъ (по недостатку войскъ разсылаются маленькіе отряды, наприм., въ Романовку съ 10000 окрестнымъ бунтующимъ населеніемъ прислано 45 человѣкъ) сдержать движеніе, возстанавливаютъ, видимо, одну часть населенія противъ другой, организуютъ такимъ образомъ

Digitized by Google

настоящую междоусобную рѣзню... Сегодня привели подъ конвоемъ человѣкъ 35—40 арестованныхъ крестьянъ изъ села Романовки, между ними были 3 интеллигентныхъ лица: бр. Бѣлозерскіе и мѣстный учитель. На прошлой недѣлѣ также арестовали или, вѣрнѣе, захватили въ плѣнъ человѣкъ 20 изъ села Ковалевки. Что-то будетъ?"

Относительно движенія крестьянъ въ Черниговской губерніи „Кіевлянинъ" сообщаетъ такія свѣдѣнія:

„Безпорядки начались 23 октября. Показались вооруженныя шайки крестьянъ, которыя являлись въ богатыя экономіи, стрѣляли, заставляли мирное населеніе выходить изъ домовъ и затѣмъ начинали грабежъ и погромъ помѣщичьихъ домовъ. Разграбивъ имущество, постройки сжигали. Разграблена богатая экономія великобританскаго подданнаго Мортона въ селѣ Бѣгачъ. Сожженъ домъ съ обстановкой стоимостью въ двѣсти тысячъ. Разграблены и сожжены экономіи Дунина-Борковскаго въ селѣ Великій-Листвинъ, Тупичевская и Ковалевская. Въ экономіи Свѣчина сожженъ винокуренный и ректификаціонный заводы. Также сожжены экономіи Выхвостовская, Карвольскаго-Гриневскаго (съ находящимся въ ней винокуреннымъ заводомъ), Куликовская-Лизогуба, Вуровская, Зороховича, имѣніе Петровка Оболенскаго съ конскимъ заводомъ, имѣніе Озерщина Калиновскаго, Старая Рудня Ржевскаго, Дроздовина, Ждановича, Николаевка Милорадовича. Грабили нѣсколько отдѣльныхъ шаекъ изъ 500—600 чел., общее число грабителей около 2.000".

Такихъ и подобныхъ такимъ описаній мы могли бы привести множество, остановимся на этихъ. Картина вездѣ болѣе или менѣе одна: голодный мужикъ требуетъ прежде всего хлѣба, а затѣмъ созданія такихъ условій, при которыхъ онъ бы могъ самъ производить его въ достаточномъ количествѣ, т. е. прежде всего земли. А что же власти? До сихъ поръ мы только слышимъ о репрессіяхъ и ни о чемъ больше. Такъ, „Русскія Вѣдомости" получили изъ Борисоглѣбска Тамбовской губерніи такую телеграмму: „аграрное движеніе возрастаетъ, охватило почти всю помѣщичью часть уѣзда и перешло въ сосѣдній Новохоперскій уѣздъ (Воронежской губерніи). *Вице-губернаторъ Богдановичъ отдалъ приказъ меньше арестовывать, а больше стрѣлять. Войсками убито до ста человѣкъ, ранено очень много.* Озлобленіе растетъ". Да, далеко можно уѣхать съ вопросомъ объ „умиротвореніи" страны съ такими „умиротворителями". И развѣ Богдановъ исключеніе? Развѣ Богдановичами не переполнена и до сихъ поръ вся наша бюрократія? Конечно, эпоха кроваваго и позорнаго царствованія этихъ господъ подходитъ совсѣмъ къ концу, и, все-таки, сколько еще вреда могутъ они нанести Россіи, сколько мукъ причинить ей, сколько крови пролить?!.

Въ нѣкоторыхъ газетахъ было напечатано сообщеніе, что въ Кирсановскомъ уѣздѣ (Тамб. губ.), т. е. въ нашалыкѣ того же г. Богдановича,

Digitized by Google

арестовано 4 „агитатора“, и въ числѣ ихъ „находится неизвѣстное пока лицо, именовавшее себя генераломъ, разъѣзжавшее въ мундирѣ, орденахъ и лентѣ. При немъ состоялъ казначей, грабившій выручки казенныхъ винныхъ лавокъ“. Если это не газетная утка, то очень желательно было бы имѣть дальнѣйшія свѣдѣнія о поимкѣ этого „генерала“. Можно пари держать, что это навѣрно не „агитаторъ“ въ обычномъ значеніи этого слова, а ловящій рыбу въ мутной водѣ черносотенецъ.

„Агитаціей“ да переодѣваніемъ въ военные мундиры „крамольниковъ“ готова по-прежнему объяснять крупная и мелкая правительственная сотня аграрное движеніе. Не хочетъ она признать, что въ основѣ движенія лежитъ громадный земельный голодъ, насытить который данному строю не подъ силу. Это можетъ сдѣлать только та власть, которая будетъ выражать собою дѣйствительно волю трудящагося народа и служить его интересамъ, а такая власть можетъ быть только властью *самого* народа. Тогда и только тогда можетъ быть начато и успѣшно доведено до конца и разрѣшеніе колоссальной по своей трудности аграрной проблемы. Такъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности, а они Богдановичами его хотятъ разрѣшить!

* * *

Если вѣрить корреспонденту „Русскихъ Вѣдомостей“, то Богдановичъ одинъ застрѣлилъ сто мужиковъ. Что же могутъ сдѣлать, скажемъ, тысяча Богдановичей? Застрѣлить сто тысячъ да переранить и перекалѣчить вчетверо больше. Тогда и революція кончится. Такъ что же? Вѣроятно, такой именно планъ и приняли бы наши правители, но, вотъ бѣда,—въ войскахъ что-то неладное творится. Готовили-готовили Владивостокъ для обороны противъ японцевъ, думали создать второй Портъ-Артуръ, а оказалось, что его смели съ лица земли не японцы, а свои собственныя „военно-сухопутныя силы“. Еще до того съ береговъ Чернаго моря раздалось грозное предостереженіе съ броненосца „Князь Потемкинъ-Таврическій“. Его въ наказаніе переименовали въ „Пантелеймона“, но молитва святого чудотворца, видимо, мало принесла пользы, такъ какъ вскорѣ пришлось стрѣлять и по „Пантелеймону“. За морскими возмущеніями въ Одессѣ и Либавѣ послѣдовалъ Кронштадтъ, гдѣ рядомъ съ матросами дѣйствовали уже и сухопутныя части, за Кронштадтомъ—Севастополь, за Севастополемъ—Кіевъ, и,—кто знаетъ—какіе еще сюрпризы таитъ въ своихъ нѣдрахъ русская революція. А рядомъ съ тѣмъ все грандіознѣе и грандіознѣе разростается движеніе забастовочное, завершившееся всероссійской забастовкой почтъ и телеграфовъ. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, почтово-телеграфная забастовка еще не пришла къ концу. Правда, мы прочли въ газетахъ постановленіе совѣта министровъ: „считать забастовку оконченною“, но это вызвало, разумѣется, одинъ только смѣхъ. Мы не

Digitized by Google

утверждаемъ, что почтовая забастовка окончится непремѣнно побѣдою забастовщиковъ, но смѣемъ увѣрить совѣтъ министровъ, что его пожеланіе „считать забастовку оконченной“ не только не можетъ повліять на ея дѣйствительный исходъ, но и сильно смахиваетъ на отвѣтъ Хлестакова Добчинскому, просившему, какъ извѣстно, чтобы его „рожденный внѣ брака сынъ считался какъ бы рожденнымъ во бракѣ“:—„что же, пусть считается“... Не того же другого, кромѣ хлестаковщины, и можно, впрочемъ, ожидать, отъ гг. Дурново и К°?...

Итакъ, крестьянское движеніе распространяется по всей Россіи, рабочее населеніе явно охвачено революціоннымъ настроеніемъ, вся демократическая часть общества всецѣло на сторонѣ революціи, наконецъ, въ самомъ оплотѣ правительства,—въ войскѣ,—далеко не все обстоитъ благополучно, и при такихъ-то условіяхъ правительство все еще на что-то надѣется, и дѣлаетъ одну нелѣпость за другою. Что же: оно только подбрасываетъ больше и больше горючаго матеріала въ костеръ революціи, и не намъ, разумѣется, объ этомъ печалиться.

* * *

Недавно все русское общество съ изумленіемъ прочло такое правительственное сообщеніе:

„Высочайшимъ указомъ правительствующему сенату отъ 12-го октября 1904 года были предначертаны пути къ постепенному и коренному обновленію гражданскаго быта всѣхъ русскихъ подданныхъ. Рядъ мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ во исполненіе сего указа, коснулся также и польской народности. Въ основаніе этихъ мѣръ были положены отмѣна исключительныхъ законовъ, стѣсняющихъ свободное развитіе польской національности, и уравненіе ея въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ Россійской имперіи. Осязательныя послѣдствія такого руководящаго взгляда ближайшимъ образомъ выразились въ указѣ отъ 17-го апрѣля о вѣротерпимости и въ положеніи комитета министровъ отъ 6-го іюня, коимъ предуказаны для Царства Польскаго реформы: школьная, земская и городская и довершеніе судебной реформы. Точно также распространены на Царство Польское и послѣдующія государственныя мѣры, каковы: созывъ Государственной Думы и установленіе свободы собраній, и, наконецъ, 17 октября поляки, въ числѣ остальныхъ русскихъ подданныхъ, волею Государя, признаны полноправными свободными гражданами. Начиная съ этого времени, для польской народности открылась полная возможность доказать на дѣлѣ свою готовность участвовать совмѣстно съ другими народными представителями въ широкой общей творческой работѣ. Тѣмъ самымъ достигалось бы постепенное и собственное дальнѣйшее преуспѣяніе польской національности при содѣйствіи выборнаго учрежденія, которое, конечно на-ряду съ заботами о нуждахъ цѣлаго государства сочувственно относиться будетъ и къ судьбамъ польскаго народа. Но, видимо, не взирая

Digitized by Google

на тяжкіе уроки прошлаго, польскіе дѣятели, идущіе во главѣ современнаго политическаго движенія въ губерніяхъ Царства Польскаго, проявляютъ нынѣ вновь столько же опасную для населенія края, сколько и деревянную по отношенію къ Россіи, попытку къ отложенію отъ государства, отбрасывая мысль о совмѣстныхъ съ русскимъ народомъ трудахъ въ Государственной Думѣ. Они въ цѣломъ рядѣ резолюцій, провозглашенныхъ на состоявшихся публичныхъ собраніяхъ, требуютъ полной автономіи Польши съ особымъ конституціоннымъ сеймомъ, усматривая въ этомъ ступень къ послѣдующему возстановленію польскаго государства. Въ такомъ стремленіи сходятся двѣ противоположныя группы существующихъ польскихъ партій; соціалистическая и націоналистическая, въ этомъ же направленіи дѣйствуютъ нѣкоторые польскіе писатели, публицисты и народные ораторы, увлекая за собой населеніе. Въ разныхъ городахъ Привислянскаго края совершаются многотысячныя уличныя шествія съ польскими знаменами и съ пѣніемъ революціонныхъ польскихъ гимновъ. На-ряду съ этимъ начинается самовольное вытѣсненіе поляками государственнаго языка даже изъ правительственныхъ учрежденій, гдѣ употребленіе его установлено закономъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ банды рабочихъ и крестьянъ громятъ школы, казенныя винныя лавки и гминныя управленія, уничтожая въ нихъ всю переписку на русскомъ языкѣ. Представители мѣстной власти, твердо отстаивая порядокъ и общественную безопасность, уже цѣлый годъ обагряютъ землю своей кровью, падая жертвами политическихъ преступленій. Благоразумная часть польскаго общества безсильна противъ все возрастающаго напора революціонныхъ организацій. Правительство не потерпитъ посягательства на цѣлость государства. Мятежные замыслы и дѣйствія вынуждаютъ его рѣшительно заявить, что пока въ Привислянскомъ краѣ не уляжется вновь вспыхнувшая смута, пока часть населенія, примкнувшая къ политическимъ агитаторамъ, не придетъ въ себя отъ овладѣвшаго ею увлеченія, до тѣхъ поръ ни одно изъ благъ, вытекающихъ изъ Высочайшихъ манифестовъ 6-го августа и 17-го октября сего года, не сдѣлается достояніемъ края; въ мятежной странѣ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи объ осуществленіи мирныхъ начинаній. *Для возстановленія же порядка весь Привислянскій край временно объявляется на военномъ положеніи.* Такимъ образомъ будущее польскаго народа зависитъ отъ него самого. Правительство же, имѣя въ виду и впредь охранять неприкосновенность національныхъ правъ польской народности, расширенныхъ недавно изданными законодательными актами, будетъ ожидать политическаго отрезвленія охваченнаго броженіемъ населенія Царства Польскаго, предостерегая его отъ вступленія на опасный путь, къ сожалѣнію, не въ первый разъ имъ испытываемый".

Прочитавъ это сообщеніе, вся русская демократія возмутилась до глубины души. И, въ самомъ дѣлѣ: можно ли себѣ представить что-либо

Digitized by Google

болѣе нелѣпое? И изъ кого, наконецъ, состоитъ наше правительство, если въ его средѣ не находится даже человѣка, который объяснилъ бы ему, что требованіе автономіи совсѣмъ не тождественно съ требованіемъ отдѣльнаго государственнаго бытія? Правительство захотѣло увидѣть въ требованіи поляками автономіи лишь средство, лишь первый шагъ по пути полнаго отдѣленія Польши отъ Россіи и на этомъ основаніи объявило въ Царствѣ Польскомъ военное положеніе и лишило поляковъ права на участіе въ выборахъ въ Государственную Думу. Поистинѣ премудрое рѣшеніе! Правительство до такой степени незнакомо со всѣмъ нынѣ совершающимся въ Россіи, что ему уже всѣ предметы представляются на изнанку. Мы утверждаемъ, что никогда—рѣшительно никогда—со времени присоединенія Польши не раздавалось со стороны всего польскаго края того слова, которое раздалось именно теперь: автономія *при сохраненіи государственнаго единства съ Россіей*. Поймите, что это говорятъ *поляки*, тѣ самые поляки, которыхъ въ теченіе болѣе столѣтія наши правители стремились сдѣлать *русскими* и, конечно, потерпѣли въ этомъ фіаско, тѣ поляки, отцы и дѣды которыхъ во имя, дѣйствительно, полнаго отдѣленія отъ Россіи, совершили три затушенныхъ ихъ кровью революціи, поляки претендовать на добрыя чувства къ намъ которыхъ мы не имѣли послѣ всего этого ни малѣйшаго нравственнаго права, поляки, которые въ массѣ своей и не видали иныхъ русскихъ, кромѣ представителей въ ихъ краѣ „твердой власти", т.-е. истинныхъ отбросовъ Россіи...

Если бы въ Россіи не было освободительнаго движенія, не услышать бы намъ отъ поляковъ слова объ ихъ желаніи остаться съ нами жить подъ единой государственной кровлей. Теперь это случилось, какъ одинъ изъ великихъ результатовъ нашей революціи, и въ это-то время, когда въ Россіи съ такою радостью встрѣтили это слово братскаго народа правительство, въ предвѣчной мудрости своей, объявило Польшу на военномъ положеніи. Впрочемъ, иначе это и быть, пожалуй, не могло: такой фактъ въ тысячу первый разъ засвидѣтельствовалъ предъ лицомъ всего міра, что русское правительство и русская страна говорятъ на разныхъ языкахъ, понимаютъ человѣческую рѣчь противоположнымъ образомъ, и что слѣдовательно, *ихъ* дальнѣйшее совмѣстное сожительство—дѣло противоестественное и потому невозможное.

Пишущій эти строки имѣлъ честь принимать участіе въ русско-польскомъ съѣздѣ въ Москвѣ еще весною текущаго года. Тамъ были представители и коренной Польши, и Литвы, Юго-Западнаго Края и Польши иностранной (профессоръ Дзяховскій изъ Кракова). И тогда уже идея польской автономіи при сохраненіи государственнаго единства съ Россіей была ясно формулирована поляками. Идея эта нашла себѣ живой откликъ среди русскихъ. Слѣдующій съѣздъ въ видѣ отвѣтнаго визита нѣсколькихъ десятковъ русскихъ полякамъ долженъ былъ состояться лѣтомъ въ Вар-

Digitized by Google

шавѣ, и этому помѣшало только введенное въ Варшавской губерніи военное положеніе. Объ этомъ фактѣ много писалось и въ русской и въ польской печати. Но неизмѣримо, разумѣется, важнѣе то обстоятельство, что та же идея была выставлена и въ программахъ наиболѣе вліятельныхъ польскихъ политическихъ партій. Объ этомъ знали всѣ, не знало или не хотѣло знать только русское правительство, встрѣтившее идею автономіи сверхетомъ зубовнымъ и военнымъ положеніемъ.

Правда, правительству, вслѣдствіе всеобщаго протеста, вскорѣ пришлось мѣру эту измѣнить, но и тутъ оно осталось вѣрнымъ себѣ: и тутъ оно въ видѣ благодѣтеля польскаго народа выставило генерала Скалона, того самаго Скалона, который, какъ о томъ заявилъ на послѣднемъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей князь П. Д. Долгоруковъ, грозилъ полякамъ *германскимъ* оружіемъ, т.-е. совершилъ такое позорное дѣяніе, которое, по словамъ другого члена земскаго съѣзда Н. Н. Щепкина, могло бы показаться просто невѣроятнымъ, если бы сообщеніе о немъ не исходило изъ такого неподлежащаго сомнѣнію источника, какъ слова кн. П. Д. Долгорукова.

Прекрасны и правдивы, значитъ, мотивы объявленія нашимъ правительствомъ Польши на военномъ положеніи, но еще прекраснѣе и правдивѣе мотивы снятія имъ съ Польши этой кары. Привѣтствуя польскую демократію на братскій союзъ, демократія русская не забудетъ вмѣстѣ съ нею никогда и послѣдняго,—будемъ надѣяться, что *послѣдняго*,—акта возмутительнаго насилія правительства надъ поляками, равно какъ и вызвавшихъ его причинъ и проистекшихъ изъ него послѣдствій.

В. Богучарскій.

Digitized by Google

Изъ жизни и литературы.

Апоѳеозъ безпочвенности... или все-таки жажда почвы?

(По поводу книги г. Шестова „Апоѳеозъ безпочвенности").

Мы несомнѣнно переживаемъ такъ называемый „критическій" періодъ. Всѣхъ давитъ какая-то тяжесть, всѣмъ тяжело дышать и трудно двигаться. Но что это за тяжесть? какъ сбросить ее? Да и нужно ли еще ее сбрасывать?—На эти вопросы получаются самые разнообразные отвѣты. Одни видятъ эту тяжесть въ самой сущности жизни, въ самой природѣ реальной дѣйствительности, въ безысходности ея безумныхъ и нелѣпыхъ страданій, въ безнадежности ея жалкихъ и ограниченныхъ радостей. Они стремятся прорвать заколдованный кругъ дѣйствительности, сбросить съ себя гнетъ пошлой и въ то же время зловѣщей закономѣрности природы. Издѣваясь надъ „священными" нормами морали, проклиная „неизмѣнныя" нормы причинности, они спасаются отъ этихъ чудовищъ въ облака мистическихъ переживаній, стараются заглушить ихъ ревъ гармоніей новаго искусства и даже зарываются иногда въ пуховики метафизическаго умозрѣнія. Но наиболѣе проницательные скоро начинаютъ сознавать сомнительность всѣхъ этихъ видовъ „утѣшенія". Вездѣ оказывается или та же самая эмпирія, но только подмалеванная и подчищенная и оттого еще менѣе привлекательная, или наивная игра обоготворенныхъ абстракцій, такъ называемыхъ „отвлеченныхъ" словъ, т.-е. словъ, отвлеченныхъ отъ всего даннаго и конкретнаго, отъ всего того, къ чему они относятся или могутъ относиться, отъ всякаго смысла И заколдованный кругъ дѣйствительности сдвигается еще тѣснѣе. Теперь это уже не кругъ, за черту котораго можно бросить взоръ, хотя бы въ мечтахъ,—это „четыре стѣны" непроницаемой, мрачной, едва ли не вѣчной тюрьмы (мы вставили „едва ли не", потому что надежда прошибить стѣну лбомъ все же остается и даже способна, по увѣренію г. Шестова, создать „великій паѳосъ" см. „Ап. безп.", стр. 149—150).

Но есть и другого типа искатели. Эти начинаютъ не съ отрицанія, а съ гимна. Жизнь полна безконечно радостныхъ и безконечно богатыхъ по

Digitized by Google

содержанію возможностей. Въ наслажденіяхъ жизни нѣтъ ничего пошлаго, въ страданіяхъ ничего безнадежнаго,—это только стимулы захватывающей, полной глубокаго интереса борьбы. Если „священныя“ и „неизмѣнныя“ нормы калѣчатъ жизнь и превращаютъ ее въ тюрьму, то въ этомъ виноваты не нормы сами по себѣ и не „природа“, создавшая ихъ якобы на зло человѣчеству, а люди, обоготворившіе свое собственное изобрѣтеніе. Пора отрѣшиться отъ этого дѣтскаго страха и этого наивнаго обожанія; люди уже заканчиваютъ младенческій періодъ своей исторіи и перестаютъ чувствовать нужду въ помочахъ абсолюта; еще одно усиліе,—и нормы въ рукахъ возмужавшаго человѣчества сдѣлаются послушными орудіями жизненнаго творчества: не тюрьма, а роскошный дворецъ будетъ воздвигнутъ ими изъ того же эмпирическаго матеріала. Такъ говорятъ искатели позитивнаго толка. И, дѣйствительно, пытаются создавать новую, болѣе богатую и болѣе счастливую жизнь при помощи новыхъ, не „священныхъ“ и не „вѣчныхъ“ нормъ. Но... подобно искателямъ сверхъ-эмпирикамъ, и даже еще гораздо скорѣе послѣднихъ... оказываются въ тюрьмѣ, на этотъ разъ не метафорической, а—какъ и приличествуетъ грубымъ позитивистамъ—въ самой „обыденной“, реальной, конкретной, позитивной тюрьмѣ.

За это ихъ упрекаютъ въ неискренности и фальши. Помилуйте, господа—говорятъ имъ:—вы проповѣдуете радости жизни, вы признаете нормы лишь какъ средство овладѣть этими радостями, и придумываете себѣ такую систему поведенія, которая неизбѣжно приводитъ васъ въ „четыре стѣны“, и, главное, заранѣе знаете, что она васъ туда приведетъ. Лицемѣры! И вы выдаете себя за позитивистовъ! Вы — самые безнадежные фанатики догмы, старательно припрятавшіе свою вѣру и отъ себя и отъ другихъ, чтобы она какъ-нибудь не потускнѣла отъ прикосновенія критической мысли!

Съ еще большей горячностью аналогичный упрекъ посылается по адресу узниковъ метафорической тюрьмы. „Вы поднимаете злобный бунтъ противъ всякихъ священныхъ нормъ, съ величайшей предусмотрительностью выполняя на практикѣ тысячи самыхъ стѣснительныхъ, безсмысленныхъ, нелѣпыхъ, порою чудовищно-жестокихъ, преступныхъ нормъ, — и вы для того, чтобы обезпечить за собой безмятежное пребываніе въ четырехъ стѣнахъ вашего кабинета, въ тѣхъ самыхъ „четырехъ стѣнахъ“, которыя, по вашимъ же словамъ, превратились для васъ въ стѣны тюрьмы Видно, эта метафорическая тюрьма не такъ страшна, какъ вы о ней разсказываете“.

По нашему мнѣнію, оба упрека несправедливы. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ рамкахъ благоустроеннаго общежитія нѣтъ мѣста для потерявшаго вѣру въ святость нормъ,—тюрьмы ему не миновать, во всякомъ случаѣ. Но требовать отъ человѣка, чтобы онъ одновременно засадилъ себя въ обѣ тюрьмы—позитивную и метафорическую,—это уже embarras

Digitized by Google

de richesse... хотя въ жизни, быть можетъ, встрѣчаются и такіе случаи. Остается, стало быть, выбирать: въ ту или въ другую? А такъ какъ, по справедливому мнѣнію г. Шестова, „de gustibus aut nihil aut bene“, то и спорить тутъ рѣшительно не стоитъ. Да и нѣтъ никакой возможности. Ну какъ, напримѣръ, „опровергнуть“ г. Шестова? Доказать, что безпочвенность безпочвенна? Но, къ сожалѣнію, это истина слишкомъ очевидная, доказательствъ не требующая, да къ тому же вполнѣ раздѣляемая и самимъ авторомъ „Апоѳеоза безпочвенности“.

Но присмотрѣться къ безпочвенности г. Шестова, по моему мнѣнію, стоитъ. За послѣдніе годы дѣлались многочисленныя попытки вырваться за предѣлы обыденнаго внѣшняго міра и обыденныхъ внутреннихъ переживаній настолько многочисленныя, что не далекъ уже, кажется, моментъ, когда говорить обыкновенныя вещи обыденнымъ языкомъ будетъ единственнымъ средствомъ блеснуть своею оригинальностью. Во многихъ случаяхъ всѣ эти „порыванія“ и „алканія“ отличаются удивительной поверхностностью. Не успѣлъ человѣкъ толкомъ усумниться въ чемъ-нибудь, еле-еле нащупалъ въ своей душѣ какую-нибудь, самую въ сущности обыденную, ранку, какъ, глядишь, уже принялъ меланхолически-эффектную позу, устремивъ пренебрежительный взоръ на самодовольную „толпу“, и поетъ гимнъ своей „трагической красотѣ“,—да съ такимъ неподдѣльнымъ захлебывающимся самоупоеніемъ, что о ранкѣ-то ужъ и думать забылъ. Г. Шестовъ совершенно чуждъ такого легкомысленнаго кокетства. Онъ слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ, чтобы удовлетвориться столь дешевымъ торжествомъ надъ толпой, и слишкомъ глубокій, слишкомъ искренній скептикъ, чтобы простодушно повѣрить въ „красоту трагизма“. Онъ никогда—или почти никогда—не впадаетъ въ экзальтированно-крикливый тонъ; его преобладающее настроеніе близко къ тому, что нѣмцы называютъ „Galgenhumor“; въ самый захватывающій моментъ своихъ тревожныхъ исканій онъ умѣетъ внезапно отойти въ сторону и обратить на самый процессъ исканія взглядъ, полный пытливаго скептицизма. Вотъ какъ онъ описываетъ ту картину, которая при этомъ получается: „Художники и мыслители представляютъ себѣ думающаго человѣка непремѣнно въ импонирующей позѣ: строгое лицо, глубокій взоръ, вдохновенно направленный вдаль, гордая осанка — орелъ, готовящійся къ полету. Ничего подобнаго Думающій человѣкъ есть прежде всего человѣкъ, потерявшій равновѣсіе въ будничномъ, а не въ трагическомъ смыслѣ этого слова. Растопыренныя руки, болтающіяся въ воздухѣ ноги, испуганное и наполовину безсмысленное лицо, словомъ, самая каррикатурная и жалкая картина безпомощности и растерянности“ („Ап. безп.“ стр. 125). Ясно, что тутъ и рѣчи нѣтъ о красотѣ страданія. Въ книгѣ нѣсколько разъ повторяется, видимо, настойчиво преслѣдующая автора мысль, что *безнадежно* несчастнаго человѣка нельзя любить, безнадежныя муки не могутъ встрѣтить къ себѣ состра-

Digitized by Google

данія, участія или хотя бы просто пониманія, онѣ обречены на полное, абсолютное одиночество.

Мысль безусловно вѣрная и подтверждаемая всѣми извѣстными въ исторіи видами, такъ называемаго, „пессимизма". Я говорю „такъ называемаго", потому что названіе это, къ сожалѣнію, не оправдывается обстоятельствами дѣла. Пессимистовъ въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. людей, проповѣдывавшихъ страданіе ради страданія, никогда не было, да и быть не могло. Изъ всѣхъ истинъ, когда-либо претендовавшихъ на общеобязательность, невозможность любить страданіе имѣетъ едва ли не наибольшія права на этотъ титулъ. Пессимисты, совершенно такъ же, какъ и оптимисты, хотятъ спасти человѣчество отъ страданій; вся разница между ними заключается въ оцѣнкѣ данныхъ жизненныхъ благъ. Пессимисты утверждаютъ, что общепризнанныя радости жизни вовсе не радости, а страданія; очень немногіе изъ нихъ не находятъ въ жизни рѣшительно ничего положительнаго и проповѣдуютъ самоубійство, какъ избавленіе, огромное же большинство—и въ томъ числѣ творцы наиболѣе извѣстныхъ пессимистическихъ міровоззрѣній—съ величайшею запальчивостью нападаютъ на такое „поверхностное" и „ничего недоказывающее, устраненіе проблемы,—какъ будто для человѣка, которому вся жизнь представляется безпросвѣтнымъ мракомъ, могутъ еще имѣть интересъ какія-то „глубокія доказательства", какія-то „проблемы". Въ дѣйствительности философы пессимизма отрицали не жизнь во всей ея совокупности, а только тѣ конкретныя радости, къ которымъ *обыкновенно* стремятся люди. Усумниться въ цѣнности проблемъ, доказательствъ, идей,—до этого ихъ пессимизмъ не простирался. Нерѣдко и конкретная-то жизнь закрашивалась черной краской собственно для того, чтобы на этомъ мрачномъ фонѣ ярче выступила красота излюбленной философомъ идейки или системки. Въ системѣ—якорь спасенія; съ помощью системы всегда отыскивался такой типъ отношеній къ дѣйствительности, при которомъ зло жизни теряетъ всякую силу надъ человѣкомъ,—и, такимъ образомъ, послѣ зловѣщей увертюры и многочисленныхъ трагическихъ коллизій наступала—какъ это и полагается по правиламъ піитики—благополучная всепримиряющая развязка. Поэтому обычное противопоставленіе пессимизма и оптимизма въ высшей степени поверхностно. Цѣль въ обоихъ случаяхъ одна и та же —безусловно эвдемонистическая, различны лишь оцѣнки путей. Одному философу данный типъ психическихъ переживаній—напр., безстрастное созерцаніе—представляется высшимъ счастьемъ, другому—прямо противоположный,—напр., страстная жизненная борьба, и у каждаго для трансцендентнаго оправданія своихъ эмпирическихъ вкусовъ заготовлено подходящее міровоззрѣніице. Сразу нельзя даже сказать, кто пессимистъ, кто оптимистъ. Мы имѣемъ полное право любого изъ нихъ назвать оптимистомъ, и тогда другой по отношенію къ нему будетъ пессимистомъ, и на-

Digitized by Google

оборотъ. Какъ это ни обидно для суверенныхъ критеріевъ философіи, фактически вопросъ рѣшаетъ suffrage universelle: оптимистомъ называютъ того, кто по своимъ вкусамъ сходится съ большинствомъ современниковъ.

Г. Шестовъ не ищетъ примиряющихъ системъ, мало того: именно въ системахъ, всякаго рода обобщающихъ идеяхъ, освящающихъ нормамъ онъ и видитъ своего главнаго врага. Не то, чтобы въ немъ бушевали какія-нибудь демоническія страсти, которымъ данныя нормы этики не даютъ простора,—нѣтъ, скорѣе именно отсутствіе всякихъ страстей, безнадежная оскомина жизни заставляетъ его то съ ненавистью, то съ презрѣніемъ набрасываться на господствующую святыню.

По увѣренію г. Шестова, современное человѣчество вовсе не по этическимъ мотивамъ обнаруживаетъ такой интенсивный интересъ къ преступленію и преступникамъ. Не жалость или состраданіе, а „любознательность" влечетъ современныхъ людей къ преступленію. И хотя нигдѣ ближе не опредѣляется, какія именно стороны преступленія возбуждаютъ любознательность, но въ этомъ смыслѣ достаточно характеренъ уже самый типъ „интересной" преступности, на которомъ съ особенной любовью останавливается авторъ. Средневѣковые монахи, говоритъ онъ, дерзнули, „по примѣру жреческихъ кастъ восточныхъ народовъ, перейти отъ охраненія завѣщаннаго имъ слова Божія къ испытанію за свой страхъ и за собственной отвѣтственностью тайнъ жизни". „Самый нормальный человѣкъ, если его продержать нѣкоторое время на монашескомъ режимѣ, потеряетъ душевное равновѣсіе и всѣ тѣ добродѣтели, которыя обыкновенно живутъ въ здоровомъ духѣ и здоровомъ тѣлѣ. Католичеству только этого и нужно было. Оно добивалось отъ людей *крайняго напряженія* всего ихъ существа. Обыкновенную, естественную любовь, находящую себѣ удовлетвореніе, а, стало быть, и конецъ въ бракѣ и семьѣ, католичество считало грѣховной. Оно воспретило не только монахамъ, но и священникамъ имѣть семью—и въ результатѣ добилось развитія анормальныхъ, чудовищныхъ страстей. Оно проповѣдывало бѣдность—и на свѣтъ явилась неслыханная алчность, которая тѣмъ пышнѣе разрослась, чѣмъ больше ей приходилось скрываться... Средневѣковые монахи... бросились въ глубочайшіе омуты жизни—они экспериментировали надъ собой и ближними. Они переходили отъ крайняго самоотреченія, отъ совершеннаго умерщвленія плоти къ разнузданнѣйшимъ вакханаліямъ. Они не боялись ничего и не жалѣли ничего" (стр. 187—189).

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что дѣло идетъ здѣсь объ очень грубыхъ, почти физіологическихъ явленіяхъ. Пресыщенная жизнью, фиаскированная психика хочетъ вернуть себѣ воспріимчивость при помощи острыхъ наркотическаго возбужденія. Но, во-первыхъ, едва ли для нежнелей Шестовскаго типа характерна фактическая кровожадность; въ боль-

Digitized by Google

множествѣ случаевъ это люди „чеховскаго“ настроенія, пресыщенные жизнью, такъ сказать, a priori, уставшіе жить еще раньше, чѣмъ они успѣли что-нибудь испытать въ жизни. И, во-вторыхъ, почему же изъ всѣхъ возможныхъ средствъ возбужденія именно вакханалія вѣрующаго аскета представляетъ преимущественный соблазнъ? Вѣдь съ физіологической стороны того же результата можно достигнуть безъ всякаго *аскетическаго* подвига; можно, періодически распуская и умерщвляя свою плоть, руководствоваться позитивнымъ утилитарнымъ расчетомъ, установить не „монашескій“, а „научный“ режимъ строжайшаго воздержанія съ единственною цѣлью подготовить свою плоть къ разнузданной вакханаліи. Варіація эксперимента, повидимому, небольшая, но что осталось отъ его таинственной заманчивости? Исчезла демоническая антитеза между „охраненіемъ закона Божія“ и „испытаніемъ за свой страхъ тайнъ жизни“, языкъ не поворачивается говорить о „глубочайшихъ омутахъ“... на-лицо только выпивка и закуска въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Дѣло, очевидно, не въ самихъ „разнузданныхъ вакханаліяхъ“, а именно въ ихъ соединеніи съ страстно вѣрующимъ аскетизмомъ—въ этомъ и состоитъ вся притягательная сила эксперимента.

Извѣстно, что аскетическое подвижничество средневѣковыхъ монаховъ вызвало, какъ свою антитезу, культъ сатаны. Истомленный, измученный аскетъ теряетъ силы въ борьбѣ съ соблазномъ, онъ уже не въ состояніи испытывать тотъ возвышенный религіозный экстазъ, который раньше доставляла ему побѣда надъ плотью; Богъ отвратилъ отъ него лицо свое, и онъ бросается въ „омутъ“, прибѣгаетъ къ разгулу страстей, какъ къ послѣднему средству оживить въ себѣ меркнущее религіозное чувство. Вакханалія для него не пассивное паденіе въ область грѣха, а вызовъ небесамъ, попытка разбить ихъ мертвую безстрастность, заставить ихъ метать громъ и молнію, явить чудо—пусть грозное, уничтожающее, но, во что бы то ни стало, чудо. И нерѣдко цѣль дѣйствительно достигалась, бунтующій аскетъ взлеталъ, по выраженію г. Шестова, „на захватывающую духъ высоту“, вакханалія превращалась для него въ адскую мистерію, въ „черную мессу“.

Н. К. Михайловскій въ одномъ изъ своихъ обзоровъ „Литературы и Жизни“ жестоко издѣвается надъ декадентомъ, излившимъ свое настроеніе въ стихѣ: „я хочу, я хочу быть порочнымъ“. Михайловскому казался нелѣпымъ и смѣшнымъ гимнъ пороку, слагаемый не дѣйствительно порочнымъ человѣкомъ, а благонамѣреннѣйшимъ юношей, неспособнымъ даже въ умышленно разнузданныхъ мечтахъ пойти дальше самаго умѣреннаго разврата. Между тѣмъ, именно въ устахъ благонравнаго юноши гимнъ пороку можетъ знаменовать глубоко искреннее чувство. Это своего рода „черная месса“, къ которой прибѣгаетъ опустошенное, но жаждущее озаренія, сердце за невозможностью найти желаемое въ обыкновенной „бѣлой“ мессѣ.

Digitized by Google

Какъ это ни странно, вѣра въ діавола не въ такой полной степени умерла въ душѣ современнаго интеллигента, какъ вѣра въ Бога. „Добро не оправдало возлагавшихся на него ожиданій“, говоритъ г. Шестовъ. Добро чуждо, безсильно, мертво, и всѣ попытки идеалистовъ гальванизировать незабвеннаго покойника только ухудшаютъ положеніе дѣла. Но зло не потеряло еще мистическаго ореола. „Зло насквозь ничтожно“, увѣряютъ идеалисты. Этому мало кто вѣритъ. Уже одна необходимость съ пѣною у рта „доказывать“ ничтожность зла и величіе добра свидѣтельствуетъ, что голосъ непосредственнаго чувства нашептываетъ нѣчто прямо противоположное.

Современные учители жизни—жалкіе обманщики, вмѣсто хлѣба они даютъ камни, вмѣсто мощнаго, поднимающаго отъ земли паѳоса—тягучія, скучныя, самодовольныя моральныя системы, сквозь которыя жизнь представляется еще безотраднѣе. И, кто знаетъ, быть можетъ, жизнь именно потому и кажется такой безнадежно-пошлой, что ее разсматриваютъ сквозь тусклое стекло моральныхъ нормъ, быть можетъ, именно это стекло и надо разбить для того, чтобы достигнуть „великаго паѳоса“, глубокаго „озаренія“, разрѣшающаго „тайну жизни“?! Не *составъ* преступленія тутъ важенъ, а, такъ сказать, *принципъ* преступленія. Чтобы вырвать у жизни ея тайну, надо возстать противъ нормы, какъ таковой; чтобы, разбивъ норму, бросить смѣлый свободный взглядъ по ту сторону обыденщины, надо заранѣе отрѣшиться отъ земли,—ибо, конечно, не увидитъ тайны тотъ, кто, нарушая норму, стремится только прильнуть къ какому-нибудь „обыденному“ наслажденію, случайно оказавшемуся внѣ *даннаго* закона. Не „данный“ законъ требуется побѣдить—вѣдь тогда все дѣло могло-бы закончиться созданіемъ новаго, болѣе „гуманнаго“ закона,—а самый законъ вообще, самую идею закона. Тутъ нуженъ не обыденный преступникъ, а „безкорыстный“ врагъ закона, Брутъ преступленія, аскетъ, святой вродѣ Раскольникова. Ибо только онъ можетъ питать надежду пробудить уснувшаго бога.

Всѣ усилія разума поддержать религію оказались тщетными. Всѣ попытки обосновать бытіе Божіе утратили свою былую убѣдительность; современный человѣкъ видитъ въ нихъ лишь безсодержательную игру словъ, или—какъ вѣжливо выражается критическая философія—недоказуемые постулаты, которые разумъ съ одинаковымъ правомъ можетъ и принять, и отвергнуть. Но вѣдь это, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Шестовъ, значитъ только, что „намъ до Бога нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла“. Помѣстить Бога въ отдѣльный уголокъ, тщательно изолированный непроницаемыми („трансцендентными“) переборками отъ остальной жизни, гдѣ царитъ разумъ,—съ такой „вѣрой“ никогда не помирится современный искатель, не согласится даже назвать ее религіей (ср. „Ап. бесп.“ стр. 276). Вѣдь именно для того, чтобы побѣдить эту, управляемую

Digitized by Google

разумомъ, опостылѣвшую ему жизнь, онъ и ищетъ переживаній, въ глубинѣ которыхъ независимо отъ всякихъ доводовъ разума тлѣетъ еще мистическая искра. Вотъ гдѣ источникъ притягательной силы зла для людей, по натурѣ своей нерѣдко весьма добродѣтельныхъ. Это попытка найти Бога, такъ сказать, „отъ противнаго"!

Правда, г. Шестовъ нигдѣ не придаетъ своимъ исканіямъ такой опредѣленной формы. Онъ вообще не любитъ „крайнихъ идей", отчетливыхъ, обстренныхъ формулировокъ,—„beleidigende Klarheit", повторяетъ онъ съ сочувствіемъ слова Ницше.—Онъ хочетъ „ходить, не касаясь земли", сдѣлать сомнѣніе постоянной „творческой силой", и даже тамъ, гдѣ въ интересахъ самого сомнѣнія требовалось-бы бросить рѣзкій штрихъ, онъ обыкновенно не рѣшается на это, чтобы не испортить общей гармоніи грубой угловатостью радикализма: „De la musique avant toute chose!" И въ отличіе отъ многихъ, близкихъ ему по духу, г. Шестовъ обнаруживаетъ особенную осторожность, когда ему приходится говорить о религіи. Онъ твердо соблюдаетъ 3-ю заповѣдь, опасаясь, какъ-бы мистическая искра отъ неудачной попытки разгуть ее не погасла вовсе. Со стороны можетъ показаться даже, что имъ руководитъ исключительно отрицательное чувство ненависти къ уравновѣшенной закономѣрной „обыденщинѣ", что онъ воспѣваетъ хаосъ, какъ хаосъ, расшатываетъ установившіеся взгляды изъ одного только злораднаго удовольствія обратить ихъ въ развалины. „Нужно взрыть убитое и утоптанное поле современной мысли", говоритъ онъ. „Потому во всемъ, на каждомъ шагу, при случаѣ и безъ всякаго случая, основательно и неосновательно слѣдуетъ осмѣивать принятыя суждения и высказывать парадоксы. А тамъ видно будетъ" (стр. 33). Какъ будто-бы его интересуетъ только самый процессъ взрыванія, а до того, что будетъ видно „тамъ", въ сущности мало дѣла. Но сопоставьте съ этимъ profession de foi г. Шестова слѣдующія его слова: Толстой „все-таки болѣе всѣхъ другихъ сдѣлалъ для разрушенія престижа господствующихъ нынѣ научно-позитивныхъ идей. А къ этому и только къ этому сводится въ настоящее время истинное дѣло тѣхъ, кто хочетъ оберечь религію отъ всепобѣждающей обыденщины". Или присмотритесь къ разсказанной на стр. 64 притчѣ о куколкѣ: „Гусеница обращается въ куколку и долгое время живетъ въ тепломъ и покойномъ міркѣ. Если-бы она обладала человѣческимъ сознаніемъ, быть можетъ, она сказала бы, что ея міръ есть лучшій изъ міровъ, даже единственно возможный. Но приходитъ время, и какая-то невѣдомая сила заставляетъ ее начать работу разрушенія. Если-бы другія гусеницы могли видѣть, какимъ ужаснымъ дѣломъ она занимается, онѣ, навѣрное, возмутились-бы до глубины души, назвали бы ее безнравственной, безбожной, заговорили-бы о всеоимизмѣ, скептицизмѣ и т. п. вещахъ. Уничтожать то, созданіе чего стоило такихъ трудовъ! И, затѣмъ, чѣмъ плохъ этотъ теплый, уютный,

Digitized by Google

законченный міръ! Чтобы отстоять его, необходимо выдумать священную мораль и идеалистическую теорію познанія! А до того, что у гусеницы выросли крылья и что она, прогрызши свое старое гнѣздо, вылетитъ въ вольный міръ нарядной и легкой бабочкой—никому нѣтъ дѣла. Крылья—это мистицизмъ, самоугрызеніе же дѣйствительность".

Ясно, *что* именно жаждетъ увидѣть г. Шестовъ „тамъ"!

Всѣмъ извѣстна легенда о человѣкѣ, потерявшемъ свою тѣнь. Признаться, я никогда не могъ понять страданій этого человѣка. Какое мнѣ дѣло, ходитъ за мною моя тѣнь, или нѣтъ! Но вотъ очутиться въ положеніи тѣни, потерявшей отбрасывающее ее тѣло, дѣйствительно, должно быть непріятно. А именно такой казусъ и случился съ религіознымъ сознаніемъ современнаго человѣчества.

Въ каждомъ переживаніи психологія различаетъ представленія и окрашивающій ихъ „чувственный тонъ", или просто чувствованія. Въ религіозномъ сознаніи эти двѣ неразрывныя стороны переживанія, раздѣляемыя только условнымъ психологическимъ анализомъ, раскололись фактически. Чувственный тонъ на-лицо, а представленія, къ которымъ онъ могъ-бы прилѣпиться, куда-то запропастились, да такъ основательно, что ихъ не удается отыскать, несмотря на самыя энергичныя усилія. А ужъ, кажется, гдѣ только ни искали: и въ сѣдыхъ преданіяхъ временъ минувшихъ, и въ фантастическихъ грезахъ о временахъ грядущихъ, и по сю сторону разума и по ту его сторону, и въ селеніяхъ праведныхъ и въ вертепахъ порока... Мечется бѣдная тѣнь по бѣлому свѣту, тщетно примѣриваясь то къ тому, то къ другому. И хотя частенько раздается торжествующій крикъ: „вотъ Онъ, найдена міровая разгадка!"—но никто не спѣшитъ на этотъ призывъ, никто ему не вѣритъ. Дѣйствительно, при ближайшемъ разсмотрѣніи всегда оказывается, что найдена не міровая разгадка, а оптическая иллюзія, миражъ, неспособный имѣть никакой тѣни, или не просто обыденное „тѣло", одно изъ многихъ солидныхъ міровыхъ тѣлъ, снабженное своей собственной солидной тѣнью, имѣющей лишь очень отдаленное сходство съ многострадальной тѣнью-искательницей.

Всѣ прогрессивныя завоеванія современной мысли, вся вѣковая борьба съ антропоморфизмомъ и, наконецъ, полная побѣда надъ нимъ имѣли своей обратной стороной гибель религій. Характерно, что вожди этого движенія обыкновенно отрицали разрушительную сторону своей работы; устраненіе антропоморфизма знаменуетъ, по ихъ словамъ, не разложеніе религіи, какъ злостно клевещутъ старовѣры, а возрожденіе ея,—отъ наростовъ, лишь грубыя формы „суевѣрія", и создается на ихъ мѣсто болѣе чистая, болѣе возвышенная, „истинная" религія. И вѣдь многіе говорили это совершенно искренно, а вовсе не по тѣмъ побужденіямъ, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ заставляли нашихъ либераловъ заявлять о своемъ „истинномъ" консерватизмѣ и провозглашать клевещтвомъ всякое,

Digitized by Google

кто называлъ ихъ конституціоналистами. Между тѣмъ несомнѣнно, что съ устраненіемъ антропоморфизма во всѣхъ его видахъ устраняется самая возможность религіозныхъ представленій, умираетъ тотъ живой богъ, восторженное преклоненіе передъ которымъ составляетъ основное содержаніе религіознаго чувства. Уже средневѣковые аскеты нео-платоники, наиболѣе гордые и независимые люди того времени, считавшіе унизительнымъ для себя обоготвореніе человѣческихъ свойствъ, пытались очистить религію отъ антропоморфизма. Что же получилось? Одни отрицательныя опредѣленія божества и въ результатѣ „Ничто", Nihil omnium rerum, какъ единственно возможный предметъ поклоненія. Такой „нигилизмъ" куда почище того жизнерадостнаго направленія, которое такъ неудачно окрестилъ этимъ именемъ Тургеневъ. Не удивительно, что аскеты-нигилисты искали спасенія въ черной мессѣ и культѣ сатаны.

Если въ средніе вѣка, когда антропоморфизмъ господствовалъ по всей линіи, только исключительныя одиночки получали Nihil въ результатѣ своихъ религіозныхъ исканій, то въ настоящее время это широко разлившееся массовое явленіе. Но напрасно говорятъ, что здѣсь виновата разъѣдающая критика разума. Разумъ здѣсь, какъ и вездѣ, игралъ чисто служебную роль: онъ лишь регистрировалъ тѣ перемѣны, которыя независимо отъ него совершались въ области стремленій и чувствъ. Единственное разрушительное оружіе разума—логическое противорѣчіе. Но какое же можетъ быть логическое противорѣчіе между представленіемъ и относящимся къ нему чувственнымъ тономъ? Очевидно, эта связь лежитъ совершенно внѣ категорій логики,—вотъ почему и не спорятъ о „вкусахъ". Не подъ вліяніемъ разсудочныхъ аргументовъ утратило человѣчество „вкусъ" къ антропоморфнымъ божествамъ, а вслѣдствіе органическаго переворота въ его психикѣ, обусловленнаго глубокими измѣненіями въ условіяхъ соціальной жизни.

Всѣ—или почти всѣ—согласны съ тѣмъ, что отличительная особенность современной буржуазной эпохи—это ея негероическій характеръ. Герои исчезли—это несомнѣнно. Но вовсе невѣрно, что люди измельчали. Сила, смѣлость, мощный умъ—всѣ тѣ конкретныя свойства, которыя приписывались обыкновенно героямъ старины—рыцарямъ, жрецамъ, кудесникамъ—вовсе не исчезли и даже ничуть не потускнѣли въ наше время. Достаточно вспомнить хотя бы о томъ, что подвиги славныхъ рыцарей, столь пышно воспѣтые средними вѣками, представляютъ въ большинствѣ случаевъ сущіе пустяки по сравненію съ простымъ „исполненіемъ обязанностей" экипажемъ современнаго боевого флота. Нечего ужъ и говорить о Гомеровскихъ „герояхъ": ихъ „сраженія" на взглядъ современнаго человѣка—невинный видъ спорта, вродѣ тѣхъ кулачныхъ боевъ, которыми по праздничнымъ днямъ до сихъ поръ еще развлекаются иногда обыватели нашихъ захолустныхъ городовъ. Что же касается кудесниковъ и ихъ

Digitized by Google

изобрѣтательнаго генія, то тутъ преимущества современности еще несомнѣнѣе. Я оставлю въ сторонѣ отвлеченныхъ мыслителей и упомяну для иллюстраціи только о такомъ кудесникѣ и пророкѣ, какъ Джонъ Ло. Правда, современники восхищались имъ, и теперь еще его чтутъ, какъ величайшаго финансиста; но развѣ возможно представить себѣ, чтобы хотъ одинъ человѣкъ отнесся къ нему, какъ къ пророку не въ метафорическомъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова, съ тѣмъ самымъ чувствомъ, съ какимъ евреи преклонялись передъ своимъ Моисеемъ. А вѣдь Джонъ Ло сдѣлалъ для буржуазнаго міра не меньше, чѣмъ Моисей для еврейскаго народа. Онъ открылъ поистинѣ обѣтованную землю, воздвигъ храмъ новѣйшему божеству и положилъ основаніе величайшимъ мистеріямъ буржуазнаго общества.

Героическій ореолъ, окружавшій въ старое время вождей человѣчества, создавался не какими-либо особенностями ихъ ума, сердца или мышцъ,—нѣтъ, онъ былъ a priori присущъ вождю. Вождь, какъ таковой, независимо отъ его конкретныхъ свойствъ, возбуждалъ благоговѣніе: „кость бѣлая, кость черная,—и поглядѣть, такъ разная“.

Конечно, и въ наше время бѣлая кость пытается отстаивать апріорность своихъ прерогативъ. Своимъ суконнымъ языкомъ, который въ подлежащихъ сферахъ все еще принято считать возвышеннымъ, воспѣваетъ она „священные завѣты предковъ“; но вѣдь въ сущности и сама бѣлая кость видитъ въ этой святости завѣтовъ только традиціонное украшеніе рѣчи, а центръ тяжести переносится всегда на призывъ къ „благоразумію“, къ трезво понятымъ „интересамъ“, которые наилучшимъ якобы образомъ гарантируются именно священными завѣтами. Святость, вынужденная утилитарно обосновывать себя, тѣмъ самымъ расписывается въ своемъ полномъ внутреннемъ банкротствѣ.

Такъ ли было въ старину! Развѣ могло прійти въ голову жрецу или воину древней цивилизаціи оправдывать свою власть благомъ низшихъ кастъ, видѣть свое священное призваніе въ служеніи ихъ „интересамъ“, интересамъ тѣхъ самыхъ паріевъ и свинопасовъ, о которыхъ даже думать онъ считалъ неприличнымъ, всякое соприкосновеніе съ которыми оскверняло его.

Достаточно одного этого сопоставленія, чтобы понять, какая бездна залегла между современнымъ сознаніемъ и сознаніемъ героическихъ эпохъ, насколько невозможно для насъ вернуться къ культу земныхъ вождей, а слѣдовательно и къ культу вождя вселенной, созданнаго по типу героевъ.

Человѣческія свойства, какъ бы они ни разростались въ нашемъ воображеніи, какіе бы „безконечные“ размѣры ни принимали, не могутъ болѣе служить предметомъ религіознаго преклоненія. Не современный разумъ, а современное чувство низвергло антропоморфнаго бога, — то самое чувство, которое съ такой геніальной наивностью воплотилъ Ницше въ афоризмѣ: „и если бы существовалъ богъ, какъ помирился бы я тогда

Digitized by Google

съ мыслью, что я не богъ!" Человѣкообразные боги превратились въ идоловъ; очищеніе традиціоннаго божества отъ человѣческихъ аттрибутовъ превратило его въ „Ничто". Послѣдній процессъ, какъ мы уже упоминали, совершили еще средневѣковые нео-платоники, но съ гораздо большей основательностью, полнотою и методичностью исчерпала эту тему новая философія въ своихъ метафизическихъ системахъ. „Ничто!" Но сказать „Ничто мой богъ" и „нѣсть Богъ"—разница не особенно существенная.

Отнынѣ единственная надежда религіознаго чувства—открыть нѣчто *качественно* отличное отъ всего человѣческаго, но въ то же время живое, могучее, воочію проявляющее свою сверхъ-человѣческую силу. И такое божество дѣйствительно было найдено въ безстрастныхъ, безсмысленныхъ, но вѣчныхъ и могучихъ „законахъ" природы,—умирающее религіозное чувство ухватилось за нихъ, какъ за послѣдній якорь спасенія. Родилась научная религія, тотъ религіозный атеизмъ, о которомъ съ такимъ негодованіемъ говорилъ Достоевскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ занялась новая заря и для философіи—и при томъ не только матеріалистической, но и идеалистической. То благоговѣніе, съ которымъ вѣрующій ученый служитъ естественному закону, та „безкорыстная" радость, съ которой онъ подчиняетъ этой чуждой ему власти все новыя и новыя эмпирическія явленія, послужили схемой для построенія общей теоріи абсолютныхъ или автономныхъ нормъ. Правда, въ области морали благоговѣйное преклоненіе передъ нормой существовало гораздо раньше научной религіи, и даже самое возникновеніе послѣдней врядъ ли было бы возможно, если-бы психика человѣка не подверглась предварительно многовѣковой обработкѣ со стороны моральнаго чувства. Но дѣло въ томъ, что безъ современнаго представленія о естественномъ законѣ моральная норма никогда не достигла-бы той самодержавной и самодовлѣющей власти, которая была вручена ей Кантомъ и его послѣдователями. Въ прежнее время моральный законъ всегда игралъ подчиненную, служебную роль; онъ былъ или заповѣдью божественной, т. е. простымъ орудіемъ для достиженія верховныхъ цѣлей религіи, или заповѣдью человѣческой, т. е. опять-таки орудіемъ, направленнымъ къ осуществленію земныхъ цѣлей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и моральное чувство носило въ той или другой степени „корыстный" характеръ; достоинство моральной нормы оцѣнивалось утилитарно, съ точки зрѣнія ея приспособленности къ жизненнымъ или загробнымъ потребностямъ человѣчества. И только тогда, когда люди съ достаточной полнотой ознакомились съ характеромъ естественнаго закона, явилась для нихъ возможность принципіально измѣнить свое отношеніе къ закону вообще. Критерій цѣлесообразности казался здѣсь совершенно непримѣнимымъ: естественный законъ такъ явно нелѣпъ, такъ очевидно независимъ отъ какихъ-бы то ни было цѣлей и расчетовъ, что приписать его разумному, т. е. человѣкоподобному, существу нѣтъ возможности,—это было бы ко-

Digitized by Google

щественнымъ оскорбленіемъ разума; но съ другой стороны власть естественнаго закона такъ безапелляціонно неотвратима, что отвергнуть законъ во имя его неразумности, отказаться отъ выполненія его предписаній совершенно немыслимо. Остается слѣдовательно только одно: устранить самый вопросъ объ „оправданіи“ закона. Законъ самъ оправдываетъ себя; не онъ подчиняется какой-либо цѣли, но всякая цѣль имѣетъ право на существованіе лишь постольку, поскольку она находитъ себѣ оправданіе и освященіе въ законѣ. Все назначеніе разума въ томъ, чтобы возможно цѣлесообразнѣе приспособить жизнь къ требованіямъ „автономнаго“ закона.

Такимъ образомъ работа научной мысли подготовила тѣ представленія, которыя были необходимы для того, чтобы эмансипировать моральную норму отъ подчиненія независимымъ отъ нея цѣлямъ верховнаго существа. Помощь подоспѣла какъ разъ во-время, ибо тронъ верховнаго существа уже былъ разрушенъ той революціей въ области между-человѣческихъ отношеній, о которой мы говорили выше. Религіозное чувство укрылось подъ сѣнью обоготвореннаго закона и, слѣдуя священнымъ завѣтамъ предковъ, поспѣшило тщательно укрѣпить свою новую позицію системой теологическихъ окоповъ и бастіоновъ. Подъ скромнымъ именемъ „гносеологіи“ или „теоріи познанія“ процвѣла эта новая теологія, детально урегулировавшая права и обязанности разума по отношенію къ богу-закону.

Но, само собою разумѣется, гносеологія по силѣ, яркости, по смѣлости метафизическаго полета должна была оказаться безконечно ниже всѣхъ предшествующихъ теологическихъ и метафизическихъ системъ, — вѣдь и вдохновившая ее религія самодержавной нормы является послѣдней умирающей вспышкой того пламени, которое такъ мощно горѣло въ прежнихъ антропоморфныхъ религіяхъ. Религіозное чувство получило помѣщеніе очень уютное, съ величайшей тщательностью изолированное отъ всякихъ разрушительныхъ вліяній жизни. Но именно эта глубоко обдуманная изоляція и оказывается въ данномъ случаѣ роковой. Религія въ герметически закупоренномъ ящикѣ! Вѣдь это же абсурдъ. Религіозное чувство должно или свободно господствовать надъ всѣми проявленіями жизни, или вовсе не быть. Психическое равновѣсіе, осуществленное гносеологіей, по необходимости явилось очень неустойчивымъ. Не успѣла религія автономной нормативности довершить разработку своихъ догматовъ, какъ уже со всѣхъ сторонъ поднялись яростные протесты. Одни стараются оживить старые формы метафизическаго и теологическаго творчества, другіе, понимая всю призрачность этой попытки и не видя никакого иного исхода, ограничиваютъ свою задачу чисто отрицательной работой: громятъ нормы и нормативность, законы и закономѣрность въ смутной надеждѣ, что на развалинахъ сокрушенныхъ ими идоловъ само собою возсіяетъ истинное божество.

Digitized by Google

Надо, впрочемъ, сказать, что эти сокрушители кумировъ не вполнѣ одинаково относятся къ нормамъ различныхъ сферъ жизни. Этическіе законы и воспѣвающіе ихъ святость моралисты возбуждаютъ въ нихъ не просто, а презрѣніе и насмѣшку. Хотя г. Шестовъ и присматривается съ любопытствомъ къ преступленію, но врядъ ли онъ серьезно вѣритъ въ способность преступленія вырвать человѣка изъ когтей обыденщины, создать какое-либо просіяніе или озареніе. Когда средневѣковый монахъ бросался въ объятія діавола, земля и небо содрогались и адъ встрѣчалъ его бѣшеннымъ хохотомъ. Трудно однако допустить, чтобы нѣчто подобное было достижимо для современнаго искателя. Послѣдній и самъ предчувствуетъ, что фактическое нарушеніе моральной нормы не дастъ ему никакихъ крыльевъ, не вознесетъ его на „головокружительную высоту", а скорѣе уничтожитъ тотъ таинственный ореолъ, который преступленіе еще сохраняло въ его глазахъ, пока онъ мечталъ о немъ теоретически. Не даромъ г. Шестовъ съ такимъ теплымъ чувствомъ цитируетъ утвержденіе г. Мережковскаго, что Раскольниковъ „послѣ преступленія испытываетъ вовсе не тяжесть, а... неимовѣрную *легкость* въ сердцѣ своемъ — эту страшную пустоту, опустошенность, отрѣшенность отъ всего существующаго". У г. Мережковскаго Раскольниковская „пустота" и „свобода" снабжена эпитетомъ „страшный" и въ этомъ своемъ качествѣ сохраняетъ еще привлекательность для изъѣденнаго обыденщиной человѣка. Но вѣдь и г. Мережковскій разсуждаетъ только теоретически. Что если на самомъ дѣлѣ эта пустота вовсе не страшная, а только „скучная", такая же пошлая и обыденная, какъ и все, находящееся по сю сторону моральной нормы? А это вѣрнѣе всего. Слишкомъ очевидно, что моральный законъ только изобрѣтеніе обыденныхъ людей, предназначенное для обыденныхъ утилитарныхъ надобностей. Слишкомъ очевидно, что его автономное всемогущество только миражъ, что въ дѣйствительности въ немъ нѣтъ никакой самостоятельной силы, съ которой бы стоило вступить въ борьбу.

Совсѣмъ иное дѣло законъ природы. Его мощь несомнѣнна. „Съ какою бы радостью", говоритъ г. Шестовъ, „заявили мы представителю научной мысли, что огонь вовсе не жжется, что гремучія змѣи вовсе не ядовиты, что можно сброситься съ высокой башни на землю и не расшибиться и т. д. и т. д.—если-бы онъ былъ обязанъ *доказать* намъ противное. Но, къ сожалѣнію, ученый свободенъ отъ обязанности доказывать: за него доказываетъ природа—и какъ доказываетъ!—совершенно безъ помощи логики и морали. Если-бы природа, какъ метафизики, вздумала принуждать насъ къ заключеніямъ проповѣдями и силлогизмами, какъ вы полагаете, добилась бы она отъ насъ чего-нибудь?! Но она куда догадливѣй и, главное, могущественнѣй метафизиковъ. Логику и мораль она предоставила Гегелю и Спинозѣ, а себѣ въ руки взяла дубину. Вотъ тутъ поди, попробуй спорить: „поневолѣ уступишь". Вотъ почему г. Шестовъ, презрительно тре-

Digitized by Google

тверуя мораль и моралистовъ, съ бѣшенной ненавистью накидывается на „закономѣрность“ природы. Бунтъ противъ „опостылѣвшей“ закономѣрности природы, противъ этой „величаво спокойной“ стѣны, на тысячу ладовъ варьируется въ афоризмахъ „Апоѳеоза безпочвенности“. Авторъ намѣчаетъ самые разнообразные планы заговора противъ природы. То онъ проповѣдуетъ „неметодическое“ исканіе, не отвергая совсѣмъ объединяющихъ идей и синтетическихъ принциповъ, но рекомендуя относиться къ нимъ съ полной свободой, „мѣнять ихъ, какъ перчатки“,—то, наоборотъ, онъ предаетъ проклятію всякіе идеи и принципы, свирѣпо набрасывается даже на невинное логическое тождество и старается пробить брешь, „изступленно колотясь головой о стѣну“,—то, наконецъ, хочетъ временно притаиться, присмотрѣться къ своему врагу, даже „изучить“ его, лелѣя надежду, подобно зайцу въ извѣстной Щедринской сказкѣ, улучить моментъ и сдѣлать какой-то диковинный прыжокъ, который сразу вынесъ бы его далеко за предѣлы природы съ ея дубиной.

Но если г. Шестовъ не въ силахъ презирать природу и вынужденъ ее ненавидѣть, какъ своего злѣйшаго и побѣдоноснаго врага, то тѣмъ сильнѣе презираетъ онъ ученыхъ людей, которые не только не чувствуютъ всей унизительности рабства передъ природой, но со спокойнымъ благоговѣніемъ служатъ ея дубинѣ, подчиняя закономѣрному методическому познанію все новыя и новыя области міра. Г. Шестову кажется даже, что самая власть естественнаго закона такъ безнадежно могуча въ значительной степени благодаря ученымъ. Ученые изуродовали психику человѣка, притупили ея воспріимчивость къ явленіямъ, чуждымъ закономѣрности. Быть можетъ, въ дѣйствительности не природа всемогуща, а методически воспитанный умъ немощенъ и слѣпъ? Это въ сущности мысль Канта, но съ діаметрально-противоположной чувственной окраской: то, что для Канта было метафизическимъ утѣшеніемъ, для г. Шестова является проклятіемъ; тамъ, гдѣ Кантъ удовлетворенно констатировалъ границу познанія, г. Шестовъ видитъ единственную надежду его.

Поскольку *бунтъ* г. Шестова направляется противъ абсолютизма и святости законовъ, онъ всецѣло совпадаетъ съ *критикой* тѣхъ представителей современной мысли, которые отнюдь не являются принципіальными врагами закономѣрности, наоборотъ, видятъ въ послѣдней драгоцѣнное орудіе въ борьбѣ съ природой и именно поэтому рѣшительно возстаютъ противъ обоготворенія естественнаго закона. Собственно говоря, ревнителей истинно научнаго благочестія среди дѣйствительныхъ ученыхъ не такъ много, какъ можно подумать, если судить о психологіи естествознанія по тѣмъ гносеологическимъ трактатамъ, въ которыхъ излагается природа „естественно-научнаго образованія понятій“. Трудно думать, напр., чтобы нашелся хоть одинъ великомученикъ науки, во всей полнотѣ воплотившій въ себѣ тотъ психологическій типъ, который разработанъ въ первой

Digitized by Google

части извѣстной книги Риккерта „Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung“. Человѣкъ, благоговѣйно обобщающій ради самого процесса обобщенія, абсолютно равнодушный къ тѣмъ сторонамъ явленій, которыя этому процессу не поддаются, и столь же безкорыстно незаинтересованный въ сторонахъ, подлежащихъ обобщенію... нѣтъ, это превышаетъ силы смертнаго; только благочестивая фантазія почтеннаго гносеолога могла создать столь идеальный образъ.

Но если священное преклоненіе передъ принципомъ закономѣрности въ его чистомъ видѣ и не встрѣчается на практикѣ, то нельзя все же отрицать, что нѣкоторые законы, особо прославленные древностію рода и заслугами передъ наукой, сильно гипнотизируютъ современные умы, и явленія, не подчиняющіяся такимъ законамъ, буде они окажутся, очень не скоро сумѣютъ добиться общественнаго признанія. Приведу маленькую иллюстрацію. Въ одномъ изъ научныхъ журналовъ мнѣ попалась какъ-то на глаза замѣтка, авторъ которой съ плохо скрытой внутренней тревогой сообщалъ слѣдующій „парадоксальный“ фактъ: при опытѣ съ радіоактивными веществами усмотрѣно уклоненіе отъ закона всемірнаго тяготѣнія. Черезъ нѣкоторое время тотъ же ученый корреспондентъ журнала прислалъ успокоительное сообщеніе: при надлежащей постановкѣ опыта, уклоненіе оказалось мнимымъ. „Были изысканы мѣропріятія, заставившія протестующее тѣло подчиниться всемірному закону“. Очень можетъ быть, что мѣропріятія и не были умышленно направлены къ тому, чтобы какъ-нибудь обойти тѣ условія, при которыхъ нарушается великій законъ. Очень можетъ быть, что первое наблюденіе было дѣйствительно ошибочно, а повѣрочный опытъ произведенъ совершенно свободно и безбоязненно, не считаясь съ интересами всемірнаго тяготѣнія. Но характеренъ во всякомъ случаѣ тонъ сообщеній: эта тревога въ первомъ и чувство глубокаго научнаго удовлетворенія во второмъ. А, казалось бы, „испытатель природы“ долженъ чувствовать какъ разъ наоборотъ. Вѣдь если дѣйствительно существуютъ условія, при которыхъ тѣла не подчиняются закону тяготѣнія, то открывается надежда построить снарядъ, по нашему произволу подчиняющійся и не подчиняющійся тяготѣнію; а такой снарядъ означаетъ ни много-ни мало, какъ ниспроверженіе силы, приковывающей насъ къ нашей планетѣ, возможность не въ мечтахъ только, а на дѣлѣ перенестись на луну, на Марсъ, на Венеру и даже вовсе вылетѣть изъ предѣловъ нашей солнечной системы, — если кому ужъ очень опостылѣлъ весь ближайшій міръ. Перспектива, кажется, достаточно заманчивая, чтобы ради нея помириться съ маленькимъ нарушеніемъ тишины и порядка въ области высшихъ научныхъ обобщеній.

Отношеніе свободнаго испытателя природы къ естественному закону одинаково далеко и отъ того благоговѣйнаго преклоненія, которымъ окружаютъ закономѣрность вѣрноподданные рабы природы, и отъ той страстной

Digitized by Google

ненависти, которую питаютъ къ ней ея бунтующіе рабы. Всякое явленіе, не подчиняющееся установленнымъ законамъ, можетъ стать источникомъ новыхъ и интересныхъ опытовъ лишь послѣ того, какъ въ немъ самомъ будетъ открыта извѣстная закономѣрность, позволяющая овладѣть имъ, направлять его по своей волѣ. Такъ, напр., въ приведенномъ выше примѣрѣ блестящія перспективы развертываются только въ томъ случаѣ, если найдены и точно изучены тѣ опредѣленныя условія, при которыхъ тѣло теряетъ „свойство" тяготѣнія. Если же эти условія не извѣстны, и, несмотря на всѣ усилія, не могутъ быть найдены, то мы имѣемъ только курьезный фактъ, который самъ по себѣ лишенъ всякаго значенія. Но для бунтующаго раба природы моментъ величайшаго торжества рисуется именно какъ крушеніе закона, какъ полное банкротство его и невозможность найти ему замѣстителя. Подчиненіе непокорнаго явленія новому закону было бы лишь новымъ торжествомъ той же „опостылѣвшей" закономѣрности, а перспектива открыть міръ неизвѣстныхъ дотолѣ явленій— мало соблазнительна: вѣдь этотъ новый міръ только расширилъ бы тотъ матеріалъ, надъ которымъ оперируетъ закономѣрное познаніе, и въ результатѣ явился бы рядъ новыхъ законовъ, когда ихъ и теперь „больше, чѣмъ нужно".

Для г. Шестова побѣду надъ природой представляло бы только „чудо". Недаромъ онъ съ почтеніемъ вспоминаетъ алхимиковъ, астрологовъ, гадателей и ясновидцевъ, какъ геніальныхъ отцовъ современныхъ идіотовъ-ученыхъ. Но вотъ вопросъ: что именно окружало „геніальныхъ отцовъ" таинственнымъ ореоломъ чудеснаго? Дѣйствительно знали они „тайны" природы, недоступныя ограниченному разуму современныхъ ученыхъ, или они становились кудесниками благодаря той апріорной героической атмосферѣ, которая создавалась соціальными отношеніями того времени и навсегда разрушена буржуазнымъ строемъ?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что очень многіе астрологи и алхимики отнюдь не были шарлатанами, даже духовидцы и ясновидцы были, быть можетъ, не вполнѣ шарлатаны. Но какія бы явленія ни находились во власти кудесниковъ, очевидно во всякомъ случаѣ, что для самихъ кудесниковъ явленія эти не были и не могли быть чудомъ въ полномъ смыслѣ слова; ибо уже самая власть надъ явленіемъ, способность по произволу вызвать его, предполагаетъ знаніе тѣхъ условій, при которыхъ данное явленіе возникаетъ, знаніе той закономѣрности, которой оно подчиняется. Чудесный характеръ искусству кудесниковъ придавала средневѣковая толпа съ ея культомъ героевъ. Для тогдашней толпы было вполнѣ естественно приписывать всякія необыденныя, изъ ряда вонъ выходящія познанія сверхъ-естественной силѣ героя, — и это-то настроеніе толпы рефлекторно окрашивало въ таинственный цвѣтъ искусство кудесника даже въ его собственныхъ глазахъ. Зная законы даннаго явленія и вполнѣ позитивно поль-

Digitized by Google

зуясь этими законами всякій разъ, когда надо пустить въ ходъ свое искусство, кудесникъ въ то же время былъ совершенно искренно проникнутъ сознаніемъ таинственности своего ремесла, на ряду съ методической постановкой эксперимента или наблюденія онъ bona fide прибѣгалъ къ произнесенію загадочныхъ словъ, къ начертанію мистическихъ эмблемъ и т. п.

Дѣло слѣдовательно вовсе не въ знаніяхъ, а въ той соціальной обстановкѣ, въ которой эти знанія возникали. Вѣдь и въ наше время извѣстны явленія, напр., гипнотизма. Чего, кажется, загадочнѣе? Однако, г. Шестовъ ни разу даже не упоминаетъ о нихъ. Понятно почему: гипнотизмомъ занимаются въ настоящее время не избранники, одаренные чудесной силой, а позитивисты-медики. И какое бы чудесное явленіе въ стилѣ древняго чародѣйства ни обнаружилось въ наши дни, можно сказать съ увѣренностью, что его постигнетъ судьба гипнотизма. Не пройдетъ и года, какъ появится книга,—не „ключъ къ таинствамъ натуры", нѣтъ, а нѣчто солидно-скромное—Lehrbuch, Handbuch, или просто Zur Kenntnis des Visionismus; и не будетъ тамъ ни мистической теоріи чиселъ, ни таинственныхъ фигуръ,—но ясно, отчетливо, послѣдовательно, mit beleidigender Klarheit будутъ изложены тѣ методическіе пріемы, при помощи которыхъ всякій, „интересующійся даннымъ вопросомъ", можетъ воспроизвести явленія визіонизма.

Чудо стало общественно-невозможнымъ. Но допустимъ даже, что это не такъ, допустимъ, что г. Шестову, „изступленно колотясь головой о стѣну закономѣрности", удалось пробить ее въ какомъ-нибудь пунктѣ и увидѣть въ образовавшійся просвѣтъ самое подлинное, настоящее чудо,—вѣдь и тогда это чудо было бы только новымъ исключительнымъ явленіемъ, совершенно изолированнымъ въ своей исключительности отъ всего остального міра, по-прежнему подчиненнаго естественной закономѣрности. Такимъ образомъ даже въ случаѣ полнаго успѣха неметодическое исканіе приведетъ не къ ниспроверженію закономѣрности, а къ отмежеванію отъ нея маленькаго уединеннаго уголка, т. е. въ сущности къ той самой „религіи въ подстрочномъ примѣчаніи", которая такъ возмутила г. Шестова у позитивиста. „Міровая загадка" все-таки останется неразрѣшимой,—ибо для рѣшенія ея не достаточно конкретнаго чуда, а необходимо еще прицѣпить къ послѣднему какую-нибудь „теодицею", верховную точку зрѣнія, позволяющую утверждать, что безсмысленность закономѣрности только кажущаяся, что огонь „въ сущности" вовсе не жжется, страданіе въ „конечномъ" итогѣ цѣлесообразно, а смерть есть лишь превращеніе въ высшую форму жизни и т. п.

Устранивъ метафизическія построенія, мы устраняемъ не только рѣшеніе міровой загадки, но и самую постановку ея. Міръ самъ по себѣ задаетъ массу отдѣльныхъ практическихъ задачъ, но въ немъ нѣтъ и намека на существованіе какой-либо единой, всеобъемлющей, универсальной

Digitized by Google

тайны. Лишь метафизика, при помощи своихъ мнимыхъ понятій, превратила міръ въ сплошную загадку, съ единственною цѣлью доставить себѣ возвышенное удовольствіе разгадать ее.

Но съ такимъ выводомъ, повидимому, столь естественно вытекающимъ изъ отрицанія метафизики, никоимъ образомъ не можетъ помириться г. Шестовъ. Вѣдь это значило бы, вырвавшись изъ силковъ метафизики, попасть въ тенета позитивизма, а послѣднее для г. Шестова горше перваго. И вотъ онъ, укрѣпившись предварительно въ суверенномъ презрѣніи къ логикѣ, пускается на такую уловку: онъ пытается принять метафизическія псевдопонятія, поскольку они создаютъ міровую тайну, и отвергнуть ихъ, поскольку они служатъ для рѣшенія міровой загадки или для доказательства невозможности ея рѣшенія. Такъ, напр., онъ стремится убѣдить себя, что такое пустое и безсодержательное слово, какъ „безконечность“ наполняетъ его какимъ-то особеннымъ чувствомъ, ограждая такимъ образомъ мистическій ореолъ смерти и спасая проблему загробной жизни; въ другомъ мѣстѣ онъ дѣлаетъ видъ, что серьезно принимаетъ кантовское противопостановленіе явленій и вещи въ себѣ, и, конечно, съ единственною цѣлью, осмѣявъ кантовскую границу познанія, сохранить надежду на полеты въ потустороннюю область.

Надо, впрочемъ, сказать, что г. Шестовъ слишкомъ основательно пережилъ всѣ стадіи сомнѣнія и отрицанія для того, чтобы особенно настойчиво лелѣять надежды подобнаго рода. Онъ заботливо ограждаетъ ихъ, какъ увлекательныя иллюзіи, отъ которыхъ трудно отрѣшиться, да и нѣтъ смысла отрѣшаться, — вѣдь не въ угоду же критеріямъ логики производить надъ собой мучительныя операціи! Тѣмъ не менѣе, доминирующая нота его книги не жажда побѣды, а гимнъ безысходному исканію, хаосу, разрушенію. И любопытно — такова сила метафизическаго абсолюта!—порою сама безпочвенность становится для автора „почвой“, да еще какой! „Безнадежность“, говоритъ онъ, „торжественнѣйшій и величайшій моментъ въ нашей жизни... До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ людьми и человѣческими законами—теперь съ вѣчностью и отсутствіемъ всякихъ законовъ“. Parlez moi de ça! Просто не вѣрится, что не такъ еще давно кто-то разсказывалъ намъ о „растопыренныхъ рукахъ, болтающихся ногахъ, испуганномъ и наполовину безсмысленномъ лицѣ“. Помилуйте! какія тутъ растопыренныя руки, когда на сцену выступила „вѣчность“, или, какъ поэтически выражается авторъ въ другомъ мѣстѣ, „ночь“, „темная, глухая, непроглядная, населенная ужасами ночь“ съ ея „тихой, но таинственной и бездонной красотой“!!

Современный „философъ“, подводя себѣ итоги, находитъ, что основной мотивъ его духовной жизни—благоговѣйное преклоненіе передъ нравственнымъ закономъ, и тотчасъ же субъективное настроеніе даннаго человѣка возводится въ абсолютъ: появляется „вѣчность, торжественность,

Digitized by Google

сверхъ-человѣческая красота морали". Совершенно также поступаетъ и г. Шестовъ, хотя, казалось бы, человѣку, серьезно претендующему на безнадежность, не пристало искать себѣ „метафизическаго утѣшенія". А вѣдь, очевидно, эта трогательно-наивная попытка самое отчаяніе разукрасить метафизическими побрякушками и размалевать подъ колеръ вѣчности есть ни что иное, какъ жажда метафизическаго утѣшенія, жажда почвы, почвы во что бы то ни стало.

Но гдѣ же выходъ? спроситъ читатель. Выхода нѣтъ. Обратить „на путь истинный", на путь реальной жизни и ея реальныхъ задачъ людей того психическаго склада, къ которому принадлежитъ г. Шестовъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности. Это дѣйствительно *безнадежно* несчастные люди: имъ не только нельзя помочь, но нельзя даже платонически сочувствовать. Въ одномъ изъ своихъ афоризмовъ г. Шестовъ пишетъ: „Особенно легко смѣшиваютъ съ экстазомъ тотъ очень распространенный видъ весенняго ликованія, для котораго нашъ языкъ изобрѣлъ извѣстный мѣткій эпитетъ. И въ концѣ концовъ „телячій восторгъ" встрѣчаетъ у публики болѣе радушный пріемъ, чѣмъ истинное вдохновеніе и глубокій экстазъ. Понятнѣй — ближе". Вотъ какъ разъ это чувство непосредственной жизнерадостности, которое встарину называли пантеистическимъ, а г. Шестовъ предпочитаетъ называть телячьимъ, и является началомъ, оживляющимъ дѣйствительную жизнь и дѣйствительную жизненную борьбу. Презрѣніе къ „телячьему восторгу" со стороны г. Шестова и его собратій вполнѣ понятно,—это опять-таки метафизическое утѣшеніе, необходимое людямъ, которыхъ атрофія всякаго вкуса и всякой чуткости къ жизни загнала въ царство тѣней и заставила искать тамъ „истинныхъ" и „глубокихъ" вдохновеній. Въ дѣйствительности „истинный" экстазъ отличается отъ „телячьяго" восторга главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ рождается на свѣтъ съ величайшими потугами и можетъ существовать лишь при поддержкѣ „глубокихъ" мотивировокъ метафизическаго или религіознаго характера, тогда какъ „телячій" восторгъ бьетъ обильной и могучей струей и не требуетъ ничьей поддержки. Послѣдній дѣйствительно „проще", но только въ томъ смыслѣ, что не имѣетъ нужды рядиться въ маскарадный костюмъ и взвинчивать себя искусственными пріемами, т. е. онъ сильнѣе и *глубже* „истиннаго" экстаза;—вѣдь не даромъ „телячій восторгъ" свойствененъ полному силъ юношѣ, а истинный экстазъ зрѣлому и даже скорѣй *пе*зрѣлому мужу, нуждающемуся въ религіи и метафизикѣ, какъ въ броунсекаровскихъ впрыскиваніяхъ.

Я вовсе не хочу сказать, что быть „дѣятелемъ" въ сей жизни можетъ только тотъ, кто до сѣдыхъ волосъ сохранилъ способность прыгать и скакать на подобіе молодого теленка, я утверждаю только, что чувство, заставляющее зрѣлаго человѣка относиться съ „глубокимъ" и даже „захватывающимъ" интересомъ къ какой-либо научной или практической задачѣ,

Digitized by Google

есть въ основѣ своей та же непосредственная „радость бытія“, которая въ ранней юности нерѣдко принимаетъ бурныя формы телячьяго ликованія. Передъ нами люди, которые или вовсе не знали этого чувства, или имѣли его въ столь зачаточной формѣ, что оно испарилось безъ слѣда при первомъ же столкновеніи съ невзгодами жизни (ср. „Ап. безп.“ стр. 154). Очевидно, въ такихъ людяхъ никакими аргументами, совѣтами, увѣщаніями немыслимо пробудить интересъ къ жизни, немыслимо даже объяснить имъ, въ чемъ именно этотъ интересъ заключается. — Реальная, позитивная жизнь навсегда окрасилась для нихъ въ безотрадный цвѣтъ „пошлости“, „обыденщины“. Метафизическія утѣшенія ихъ не удовлетворяютъ. Тлѣющее въ нихъ религіозное чувство роковымъ ходомъ вещей обречено на бездомное, скитальческое существованіе. Что же остается? Только одно: сдѣлать, какъ говорятъ нѣмцы, изъ нужды добродѣтель, самую безнадежность превратить въ своего рода надежду, въ метафизическое утѣшеніе, въ героическій пьедесталъ, якобы высоко вздымающійся надъ самодовольной толпой. Но это не значитъ, что безпочвенники не представляютъ никакого интереса для людей реальной жизни. Ихъ работа, поскольку она направлена на разрушеніе пережившихъ свое время кумировъ, можетъ быть очень интересной и даже поучительной,—особенно, когда за дѣло берется такой талантливый и глубоко чувствующій человѣкъ, какъ г. Шестовъ. Вѣдь основательно раздѣлаться съ традиціонными устоями жизни одинаково необходимо, какъ тому, кто хочетъ строить новое зданіе, такъ и тому, кто жаждетъ только хаоса.

Существуетъ мнѣніе, что безпочвенность—и даже апоѳеозъ безпочвенности—неизбѣжная участь всѣхъ, утратившихъ религіозное чувство. Согласно этому мнѣнію, даже самая позитивная жизненная задача, разъ она не исчерпывается лозунгомъ „лови моментъ“, требуетъ извѣстнаго религіознаго одушевленія, хотя бы въ той редуцированной его формѣ, которую представляетъ обожаніе нормы или „безкорыстное служеніе идеѣ“.

Какъ мы видимъ, въ области „безпочвенности“ дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Утрата вкуса къ жизни не только не стоитъ въ причинной связи съ религіознымъ индифферентизмомъ, но даже рѣзко враждебна послѣднему. Именно вслѣдствіе потери чутья къ жизни возникаетъ потребность раздуть слабо тлѣющую въ душѣ искру религіознаго чувства. Если это удается, человѣкъ становится фанатикомъ или метафизикомъ, — если нѣтъ, остается безпочвенникомъ, но все же съ нѣкоторой мистической окраской.

Что же касается практической жизненной борьбы, то дѣйствительно различныя, болѣе или менѣе рудиментарныя формы религіозной вѣры здѣсь сильно распространены, — въ особенности въ сферѣ соціальной и политической борьбы. Это приходится сказать даже о соціалистахъ, задача которыхъ преобразовать матерьяльныя основы общежитія на началахъ

Digitized by Google

строгой раціональности и цѣлесообразности, устранить стихійную власть общественныхъ отношеній надъ людьми и вмѣстѣ съ тѣмъ засыпать послѣдній источникъ, питающій мистическое чувство въ современномъ человѣкѣ. Казалось бы, люди, вполнѣ сознательно объявившіе борьбу соціальному мистицизму, должны быть свободны отъ мистическаго чувства. Но, повторяю, именно здѣсь очень часто встрѣчается полубезсознательное обоготвореніе „нормъ" — этическихъ, или, чаще, естественно-историческихъ (напр. „закона развитія").

Истинно вѣрующіе философы приходятъ по этому поводу въ негодованіе: „какимъ образомъ люди, обнаруживающіе такой кощунственный вандализмъ по отношенію къ метафизикѣ—этому величайшему и благороднѣйшему созданію человѣческаго духа—сравнительно легко мирятся въ своихъ собственныхъ рядахъ съ вѣрой самой жалкой, самой бѣдной и голой?!" Метафизики не хотятъ понять, что эта вѣра именно потому сравнительно и безвредна, что она такая голая.

Продираться на лыжахъ черезъ густой кустарникъ, засыпанный глубокими, рыхлыми сугробами, чрезвычайно трудно. Лыжи не скользятъ по поверхности, какъ это бываетъ во время наста, а глубоко вязнутъ, вырывая въ снѣгу цѣлую траншею. Въ минуту изнеможенія является мучительное желаніе во что бы то ни стало освободиться отъ тяжести, сковывающей ноги, мелькаетъ нелѣпо-соблазнительная мысль: а что, если броситься впередъ такъ, прямо, безъ лыжъ? Поддаться этой мысли значитъ окончательно погрузиться въ сугробъ, не по щиколотку, а по самую шею,— ибо порывъ отчаянія никогда еще не создавалъ крыльевъ. Вотъ чтобы избавиться отъ этого искушенія, слабость человѣческая и создаетъ иногда вѣру, что отъ лыжъ объективно невозможно освободиться, что онѣ составляютъ неотъемлемую часть человѣческаго существа. Съ этой вѣрой легче идти по сугробамъ,—а, выбравшись на широкую вольную дорогу, ее обрасываютъ съ себя вмѣстѣ съ ненужными теперь лыжами, и дѣлаютъ это тѣмъ скорѣе, чѣмъ проще, незатѣйливѣе, элементарнѣе были лыжи. Но представьте себѣ, что во время тяжелаго перехода человѣкъ весь жаръ сердца, весь пылъ фантазіи употреблялъ на то, чтобы украсить свои лыжи причудливыми художественными инкрустаціями, и частенько съ этою цѣлью пріостанавливался и полеживалъ на сугробахъ. О, тогда онъ и по зеленому лугу будетъ гордо шествовать на лыжахъ! Спотыкаясь на каждомъ шагу, мѣшая и себѣ и другимъ, онъ будетъ громить тѣхъ „пошляковъ", которые „легкомысленно" освободились отъ ненужной обузы, онъ станетъ увѣрять, что свободно и легко двигаться на собственныхъ ногахъ свойственно лишь грубымъ животнымъ, человѣкъ же, независимо отъ измѣнчивой эмпирической обстановки, „долженъ" методически-благоговѣйно переставлять свои лыжи, — въ этомъ его предвѣчное назначеніе, „Bestimmung des Menschen"!

Digitized by Google

Вотъ поэтому-то и приходится еще бороться съ метафизикой, но можно сравнительно равнодушно отнестись къ невиннымъ рудиментамъ естественно-научной или этической вѣры. Вѣдь мы еще по колѣна въ сугробѣ.

Конечно, благо тому, кто вовсе не нуждается въ иллюзіяхъ. Могій вмѣстити, да вмѣститъ.

В. Базаровъ.

Памятникъ нынѣ живущему.

(По поводу книги Евгенія Волкова).

Тотъ, кто упрекаетъ Андреева въ нагроможденіи несчастій въ жизни Василія Ѳивейскаго, кто видитъ въ ней только умыселъ автора,— не знакомъ еще, вѣроятно, съ жизнью русскаго народнаго учителя. Тому рекомендую прочесть своеобразную эпопею, написанную съ помощью нѣсколькихъ небольшихъ разсказовъ Евгеніемъ Волковымъ. Они проникнуты той давнишней безвыходной грустью; какая лежитъ печатью надъ всей русской природой, въ сердцахъ несвободнаго, безвѣстнаго народа надъ крышами его затерянныхъ селъ. Въ перемежку съ почти фотографическимъ, часто сантиментальнымъ изображеніемъ деревенскихъ нравовъ, Евгеній Волковъ тянетъ свой главный мотивъ о забытомъ, выброшенномъ изъ общества народномъ учителѣ. Вся судьба его здѣсь...

Чаечкину „самолично справлять себѣ что-нибудь изъ костюмовъ не пришлось ни разу“ (всегда присылали изъ дому отцовское—перешитое); „Чаечкинъ цѣлые годы мечталъ соорудить себѣ, между прочимъ, и хорошую трескову шубу—рублей этакъ за двадцать пять, да все какъ-то не пришлось. Когда же пальто Чаечкина, за ветхостью, отказалось въ зимнюю стужу согрѣвать худое тѣло его, онъ долго о чемъ-то совѣтовался съ сельскимъ портнымъ, Харитономъ Козой, и къ Рождеству была у Чаечкина новая на ватѣ поддевка, теплая, и съ воротникомъ изъ смушка. Конечно, воротникъ и матерьялъ были такъ себѣ—дома купленные—тамъ же, въ Заносномъ, ну и сшилъ Коза что-то не то, чтобы ужь очень похожее на поддевку, а такъ, вродѣ бы „подрясника“. За то она ему и обошлась всего въ 8 р. съ полтиной! Правда, за зиму поддевка разлѣзлась, и послѣ новыхъ таинственныхъ переговоровъ съ Козой стало очевиднымъ, „что безъ справы новаго пальто никакъ не обойтись“. Къ счастью, у Чаечкина „подсобралось на всякій случай жизни“ рублей до двадцати пяти—какъ разъ бы сшить пальто. Но тутъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, выплыло непредвидѣнное обстоятельство: просватали сестру. „Васю просили пріѣхать домой на святки“. Просили также „сколько-нибудь деньжонокъ привезти: кое-что для Маши подкупить“—„она же у насъ одна и любитъ тебя... да и ты тоже—спасибо тебѣ“. Чаечкинъ рѣ-

Digitized by Google

шилъ, что это и есть тотъ самый случай жизни". „Было, правда, и у Чаечкина свое кое-что такое, что... ну да это, можетъ быть, еще и такъ себѣ... потому что она, Людмила Николаевна, хотя и два года съ нимъ вмѣстѣ учительствуетъ, а все-таки онъ ее мало знаетъ... Можетъ быть, ему только такъ показалось, что и она его..." И Чаечкинъ сталъ собираться. Поддевка оказалась „еще ничего себѣ" и новаго пальто такъ и не справляли. Но Коза сообщилъ ему, что проѣздомъ черезъ Ростовъ „можно купить очень дешево великолѣпную вещь" и посовѣтовалъ Чаечкину „поприцѣниться". Такъ какъ Чаечкинъ привыкъ—за неимѣніемъ ничего другого—придавать совѣтамъ Козы должное значеніе, то и видимъ мы его въ Ростовѣ на-Дону—у витрины магазина готоваго платья.— „Полтора рубля брюки... да какія брюки!.." „...пальто волохатое съ воротникомъ и... какое пальто!.." Но бѣдняга не успѣлъ и помечтать. Онъ подвергся нападенію: изъ ближайшаго магазина выскочилъ приказчикъ во всѣ тяжкія сталъ ругать чужую лавочку, и такъ соблазнялъ огорошеннаго потребителя, что не весьма крѣпкая поддевка затрещала по всѣмъ швамъ. Опомнился Чаечкинъ и видитъ себя передъ огромнымъ зеркаломъ одѣтымъ въ „волохатое" пальто. Оно показалось ему теплымъ...—„Вотъ бы явиться въ такомъ-то пальто домой, а потомъ Козѣ... А если бы увидѣла Люд... гм..." Когда онъ спросилъ о цѣнѣ, въ грудь ему „пахнуло холодкомъ, и онъ замеръ въ ожиданія.

—Съ-къ-съ восемь-съ съ полтиной... Баснословно-съ дешево... Это что-нибудь особенное... Чудное пальто-съ..."

Чаечкинъ съ благодарностью вспомнилъ Козу, но для порядку рѣшилъ поторговаться: любуясь на себя въ зеркалѣ, онъ несмѣло спросилъ объ уступкѣ.

— Что же-съ уступить-съ? Ну, полтинничекъ сбросимъ, пусть ровно сорокъ-съ восемь-съ рубликовъ... Такое знаете ли, пальто...

Послѣдующія мгновенія, когда вздрогнувшій Чаечкинъ снималъ торопливо пальто, когда онъ, стараясь не уронить достоинства, увѣрялъ, что непремѣнно зайдетъ на обратномъ пути, „потому что мнѣ необходимо"— переданы авторомъ неподражаемо. Всего нѣсколько строчекъ, нѣсколько какъ бы нечаянныхъ штриховъ, и фигура быстро уходящаго, сконфуженнаго учителя надолго остается въ памяти. Затѣмъ такія же мимолетныя картины: Чаечкинъ на крестьянскихъ розвальняхъ, запряженныхъ одной клячей, ѣдетъ въ мятель за пятьдесятъ верстъ къ роднымъ. Шутки встрѣчныхъ мужиковъ на счетъ пассажира въ кацавейкѣ; предположенія велухъ о томъ, замерзнетъ „подщипанный" пассажиръ „или ничего"; философское рѣшеніе вопроса, что „на случай чего, пробѣжится", и тутъ-же новое рѣшеніе: „не довезетъ онъ его живого"; самъ учитель, согнувшійся на задкѣ розвальней, съ ногами, закутанными въ какое-то рядно, съ засунутыми руками въ куцые рукава поддевки — грустный образъ кроткаго

Digitized by Google

Чаечкина — все это написано выпукло, сжато, словно вырѣзано рѣзцомъ крупнаго художника.

Авторъ, видимо, и самъ не знаетъ, что вноситъ нѣчто цѣнное въ русскую литературу. Если бы онъ отдавалъ себѣ въ этомъ ясный отчетъ, то, конечно, распредѣлилъ бы разсказы въ иномъ порядкѣ. Напримѣръ, разсказъ „Прійдетъ весна“ долженъ бы находиться не въ концѣ книжки, а вторымъ, тотчасъ послѣ „Перваго урока“, потому что онъ является какъ бы уже второй стадіей переживаній Чаечкина. До сихъ поръ мы узнавали о народномъ учителѣ больше изъ газетъ, изъ публицистики, иногда и въ беллетристикѣ быстро промелькнетъ лицо этого страннаго, одинокаго человѣка, но во весь ростъ положительно написалъ его только теперь Евгеній Волковъ. Должиковъ въ „Первомъ урокѣ“ есть тотъ же Чаечкинъ, только что сегодня окончившій учительскую семинарію, полный вѣры въ Божій міръ. Въ плату за первый урокъ онъ получилъ живого пѣтуха отъ такихъ же бѣдняковъ, какъ и онъ самъ. Пѣтуха онъ тотчасъ выпустилъ на свободу, но—такъ все и пошло, съ легкой руки бѣдняковъ!

Тотъ же человѣкъ подъ именемъ Павла Прокофьевича, фигурируетъ въ разсказѣ „Сверчокъ“. Авторъ выписываетъ этотъ образъ какъ бы невольно, но постепенно и неуклонно, словно движимый безсознательной необходимостью.

Полубольной Чаечкинъ чувствуетъ уже свою оторванность отъ общества. Онъ живетъ за перегородкой, отдѣляющей его конурку отъ классной, слишкомъ холодной, темной и странно-звонкой въ длинную, одинокую, зимнюю ночь. Вьюга изъ далекихъ снѣжныхъ степей бросается на избу, дергаетъ ставни, воетъ въ трубѣ, свиститъ въ классной. Когда вьюга стихаетъ, трещитъ за печкой сверчокъ. Чаечкинъ зябко прячется въ свой подрясникъ—поддевку—его лихорадитъ. Лежа на постели, онъ прислушивается къ далекимъ, неопредѣленнымъ шумамъ и чувствуетъ безпредѣльность пространствъ, покрытыхъ снѣгами. Онъ читалъ, что тамъ есть другая жизнь, но его отдѣляетъ отъ нея хладнокровіе людей къ чужой участи. Сторожъ Силантій ставитъ учителю самоваръ и, въ видѣ реакціи на смутное чувство жалости къ доброму Павлу Прокофьевичу, снисходительно распиваетъ съ нимъ чай. Но, отбывъ эту добровольную повинность, возложенную на Силантія его жалостливымъ сердцемъ, онъ торопится къ человѣку болѣе подходящему—къ церковному сторожу. И когда сторожъ уходитъ, Чаечкинъ ужъ совершенно ясно осязаетъ свою скрытую тоску. Тогда онъ беретъ скрипку. Тоскующій звукъ струны долго бродитъ по темнымъ угламъ школы и, проникнувъ сквозь щель окна на дворъ, уносится мятелью въ безпредѣльную степь.

Эта полная оторванность народнаго учителя не менѣе ярко выдвинута и въ разсказѣ „Безъ очковъ“. Подобно безхитростному Чаечкину, вообразившему себя обладателемъ „волохатаго“ пальто, этотъ учитель, много

Digitized by Google

лѣтъ мечтавшій „увидѣть все, о чемъ прочитывалъ лишь въ книжкахъ“, счастливъ отъ сознанія, что онъ въ Москвѣ. Онъ можетъ пробыть здѣсь цѣлый день—развѣ этого мало, чтобы все осмотрѣть? „Сухарева башня, Ильинскія ворота, Кремль, Большой театръ, университетъ... Что за имена, что за музыка и значеніе ея въ этихъ звукахъ!“ — Все это грезилось ему...—Посмотрѣлъ учитель на башню, посмотрѣлъ на ворота, побывалъ въ Кремлѣ... Но оказалось, что въ театрѣ необходимо брать билеты заблаговременно, дня за четыре, и что именно въ этотъ день музеи закрыты, а Третьяковская галлерея ремонтируется. И вотъ, снуя по улицамъ, въ толпѣ, въ душу Чаечкина начинаетъ проникать „чувство горечи, чувство обиды, даже какое-то чувство страха за какую-то дорогую мечту“. „Какъ много людей вокругъ, какъ много движенія и жизни, и какъ одинокъ и далекъ“ отъ этой жизни онъ, Чаечкинъ. Но „не можетъ быть, заканчиваетъ онъ свои грустныя размышленія, не можетъ быть, чтобы все то, во что заставила меня вѣрить книга, есть жестокій обманъ“. Вернувшись въ Ромушкино, Чаечкинъ раздаетъ ученикамъ привезенныя изъ Москвы книжки. „Близко присматриваясь къ нимъ слабозрячими глазами, онъ прочитывалъ ихъ названія и слабо улыбался“... На вопросъ сторожа, купилъ ли онъ себѣ очки, Чаечкинъ говоритъ:

— Да... шелъ, братъ, по Москвѣ, сталъ съ моста въ воду смотрѣть, а они и буль! съ носа, да и поминай какъ звали“.

Слѣдующую стадію переживаній народнаго учителя мы найдемъ въ „Огонькахъ“. „Всѣ прошлицы отъ мала до велика быстро сжились съ учителемъ... „Не сошелся Михаилъ Кузьмичъ съ однимъ только писаремъ, да и какъ-то не налаживались отношенія съ батюшкой законоучителемъ“. Потому очень скоро онъ получилъ бумагу, которая начиналась такъ: „По дошедшимъ ко мнѣ слухамъ...“, а оканчивалась: „и если вы не прекратите вашихъ чтеній и разговоровъ съ крестьянами въ ихъ избахъ и въ школѣ, то...“ Прочитавъ такое категорическое наставленіе, Михаилъ Кузьмичъ отправился размышлять къ своему единственному другу-сообщнику— въ степь. „За церковью, на выгонѣ, крытыя мельницы уставились поднятыми вверхъ „махами“ куда-то въ необозримый степной просторъ и, напряженно слушая несшееся съ кладбища чье-то безконечно скорбное причитыванье по покойнику, казалось, безмолвно спрашивали у заходившаго солнца и у поблекшей степной травы: „Кто это тамъ на погостѣ— о комъ и о чемъ надрывается?“... и „степь, казалось, тихо грустила, шепча потухавшему закату нескончаемую повѣсть о прожитомъ: о пышномъ своемъ расцвѣтѣ минувшей весной, о силѣ роста въ наступившее за весной лѣто, о промчавшихся надъ нею въ теченіе лѣта буряхъ с освѣжавшими силы ея грозами, о новомъ за ними томительномъ зноѣ, иссушившемъ, наконецъ, ея силу, ея зеленую и сочную когда-то мощь“...

Digitized by Google

И грустный и кроткій Чаечкинъ видитъ аналогію въ своей жизни съ обезсиленной степью. Вся жизнь его ушла въ безпрерывной „жаждѣ какого-нибудь слѣда на землѣ“. Но гоняютъ его изъ села въ село различныя „предписанія“, и гаснетъ за нимъ этотъ слѣдъ. И вотъ, въ сумеркахъ, покрывающихъ степь, учитель видитъ, какъ, точно „безчисленные свѣтлячки майской ночи, мерцаютъ во тьмѣ по всему селу теплые, привѣтливые огоньки.“ Прежде ихъ не было видно въ окнахъ прошинскихъ избъ. Здѣсь нѣтъ кустарей, а ленъ родится плохо, не было надъ чѣмъ поработать, потому все село съ первыхъ же сумерокъ засыпало мертвымъ сномъ. И только „съ открытіемъ школы стали появляться эти огоньки на широкихъ столахъ, освѣщая развернутыя книжки и склоненныя надъ ними дѣтскія и сѣдыя головы: „дѣти еле начинали читать, а мужики и бабы, старики и старухи еле начинали привыкать слушать чтеніе“. Здѣсь-то и выискиваетъ душа человѣческая свою радость. Когда это необходимо для спасенія, человѣкъ во всемъ—изъ самой мрачной, глухой ямы умѣетъ извлечь радость... И сельскій учитель, заброшенный и одинокій, забываетъ, глядя на огоньки, слабые и блѣдные, что они потухнутъ, какъ только его, Чаечкина, отправятъ въ мѣста не столь отдаленныя. Стоитъ уряднику встать съ лѣвой ноги, какъ мгновенно закроются просвѣты, которые удалось Чаечкину проложить съ напряженіемъ всѣхъ его силъ. Но въ высшемъ градусѣ унынія, увидавъ огоньки, онъ забылъ сразу о томъ, что совершается на глазахъ его: вотъ Жилиха съ Ноздрихой („Безпомощные“), „жестокія въ своемъ невѣдѣніи творимаго ими, въ темной вѣрѣ въ темнаго ихъ бога“, замучиваютъ до смерти несчастную роженицу—въ благомъ намѣреніи помочь ей. Вотъ Дронушка, потерявшій отцовскія лапти въ сугробахъ, безпомощно мечется въ агоніи дифтерита; вотъ и самъ Нровъ—безпомощный, осиротѣлый, тупо разглядываетъ лики на иконахъ, въ то время, какъ отпѣваютъ жену его и умираетъ Дронушка. Вотъ другая семья („Въ Козьемъ Оврагѣ“), все въ той же священной простотѣ невѣдѣнья, обкармливаетъ больного Будиныча жареной бараниной и благоговѣйно созерцаетъ его предсмертныя судороги. А вотъ еще и еще—мракъ безпросвѣтный и нѣтъ во мракѣ путей. И забываетъ бѣдный, надломившійся человѣкъ, что лишь „остатки людей“, вернувшихся съ войны, да январьскій грохотъ вставшихъ городовъ, могутъ сотрясти вѣковѣчную стѣну... А никакъ не усилія кроткаго, огорченнаго Чаечкина, кротко-лучезарнаго Должикова, грустнаго, одинокаго Павла Прокофьевича, затосковавшаго и, въ тоскѣ своей, цѣпляющагося за *огоньки* Михаила Кузьмича и, наконецъ, великаго мученика—все того же Чаечкина—„Мироныча съ бубличками...“

Когда пришла весна, Чаечкинъ-Миронычъ не успѣлъ примѣтить. Мы опять встрѣчаемъ этого человѣка уже въ страду его жизни, обезсиленнаго, по временамъ теряющаго зрѣніе отъ малокровія и переутомленія—еловомъ,

Digitized by Google

отъ всего того, что заставляетъ насъ, горожанъ, окруженныхъ друзьями или просто людьми, привыкшими къ извѣстному порядку отношеній—торопиться на югъ отдыхать, и что неизбѣжно приводитъ къ могилѣ народнаго учителя, затеряннаго, какъ и всѣ „безпомощные“ „Козьихъ Ямъ“, въ безпредѣльной Россіи... „Ему уже лѣтъ тридцать, высокъ и худъ онъ непомѣрно, волосы на головѣ и маленькой бородѣ темные, лицо блѣдно, глаза глубокіе, ласковые, робкіе, шея длинная съ кадыкомъ, грудь впалая, руки висятъ вдоль худого тѣла, точно плети, голосъ мягкій, ласкающій баритонъ“. Такъ какъ на прокормленіе многочисленной его семьи не хватаетъ учительскаго гонорара, и такъ какъ Миронычъ-Чаечкинъ ни за что не хотѣлъ научиться принимать подачки отъ сельчанъ, то и застаемъ мы Чаечкина въ непосильной для него полевой работѣ у сосѣда землевладѣльца. Впрочемъ, работѣ этой Миронычъ радъ помимо всего прочаго еще и потому, что можетъ по праву вдоволь дышать степнымъ воздухомъ и, промежъ дѣла, любоваться безграничнымъ небомъ. Послѣднимъ зрительнымъ впечатлѣніемъ Мироныча была слѣдующая сцена. Веселящіеся парубки, все въ томъ же священномъ невѣдѣніи своемъ, поѣвъ каши, подливъ къ котелъ воды, стали кормить этой бурдой собакъ. Только что собаки выпьютъ воду и доберутся до дна, гдѣ прилипли съѣдобные остатки, какъ новое ведро воды вливается въ котелъ. „Собаки перемѣнились мѣстами и вновь хлещутъ воду, но уже тише и тише“. Добравшись, наконецъ, до дна, собаки не могутъ уже ѣсть и, сидя вокругъ казана съ раздутыми животами и повисшими ушами, смотрятъ сонно и тупо. Парни катаются отъ смѣха по землѣ, а увѣщаніе Мироныча вызываетъ только слѣдующее основательное возраженіе: „А хыба-жъ ихъ, бисовъ, одною кашею накормишь? Непосредственно за этимъ Миронычъ сталъ поднимать тяжелый мѣшокъ, нагнулся, треснуло что-то въ затылкѣ у Мироныча, „горячей струей метнуло сквозь мозгъ къ глазамъ“... и Миронычъ ослѣпъ.

Это не *случай*, не подлежащій обобщенію, потому что Миронычъ, какъ и большинство народныхъ учителей, былъ хронически голоденъ, нуждался въ отдыхѣ и усиленномъ питаніи... Впрочемъ, онъ еще надѣется. Онъ протираетъ глаза, открываетъ и закрываетъ вѣки. Эта сцена и послѣдующія—обратное путешествіе слѣпого учителя на возу домой; борьба между собственнымъ отчаяньемъ и страхомъ напрасно, быть можетъ, испугать жену; потребность знать, зажжена-ли уже лампа на столѣ, за которымъ онъ сидитъ; искусная симуляція бодраго настроенія; прорвавшееся отчаяніе, когда онъ остается одинъ; утѣшенія маленькаго сынишки, угадавшаго правду; послѣдняя неудачная попытка обмануть ребенка, — все это передано авторомъ съ неподражаемой простотой, безъ проклятій и криковъ, точно такъ, какъ если бы самъ Миронычъ разсказывалъ о своемъ несчастьи. Отъ этого спокойствія разсказъ не только не теряетъ своего трагизма, но буквально завладѣваетъ нами. Словно притихшій и

Digitized by Google

застигнутый врасплохъ, читатель живетъ жизнью Миронича, вчитывается въ каждое слово автора, до глубины проникая въ муку одного и въ *замыселъ* другого. Слѣпотой Миронича только начинается рядъ экспериментовъ, которые судьба съ помощью людей (или вѣрнѣе при полномъ отсутствіи ихъ участія) производитъ надъ этимъ добровольнымъ ссыльнымъ. Врачи говорили, что „возможно и полное прозрѣніе, но случайное, сама природа можетъ придти на помощь—сильная реакція, но что всего лучше поѣхать въ Вѣну и еще куда-то"... Вмѣстѣ съ отставкой, Миронычъ получилъ 25 р. единовременнаго пособія за 12 лѣтъ вольной, „любимой Миронычемъ каторги". И все-таки нашъ кроткій мечтатель не утратилъ способности утѣшать себя: въ городѣ онъ будетъ давать уроки на скрипкѣ. Миронычъ, какъ и Михаилъ Кузьмичъ въ „Огонькахъ", самъ, безъ помощи другихъ, умѣлъ выискивать радость во спасеніе свое — на краю гибели. И развѣ не счастливая случайность въ томъ, что отставленный слѣпой народный учитель умѣетъ играть на скрипкѣ? Не настолько хорошо, чтобъ давать уроки, какъ онъ обманываетъ своего сынишку, но достаточно хорошо, чтобы ходить по дворамъ и собирать брошенныя ему завернутыя въ бумажку копейки. Часть этихъ копеекъ онъ откладываетъ на воспитаніе сына, а на другія Миронычъ покупаетъ бублички. Но въ виду того, что ихъ всегда мало, онъ тихонько поучаетъ жену, какъ сытнѣе накормить дѣтей: „ты знаешь, сначала дай имъ чаю чашки по двѣ, по три, а потомъ уже по бублику... они сыты будутъ... наѣдятся .. я знаю, я видѣлъ, какъ"... Чтобы не заронить подозрѣнія у сына, Миронычъ соглашается на его просьбу не учить въ воскресенье дѣтей играть на скрипкѣ, а вмѣстѣ пойти къ рѣкѣ удить рыбу. Здѣсь, у рѣки, и обрывается нить сознательной жизни учителя. Ребенокъ падаетъ въ воду; отъ сильной реакціи, какъ обѣщали врачи,—Миронычъ прозрѣваетъ, но лишь на одно мгновеніе остается въ прежней жизни: увидя мелькнувшую изъ воды руку сына, Миронычъ сходитъ съ ума.

Такого эффектнаго случая, на первый взглядъ, какъ будто и не должно допускать въ компановку художественной беллетристики. Но въ томъ-то и дѣло, что гибель ребенка и сумасшествіе Миронича есть не что иное, какъ разновидность возможностей: оставаясь единичнымъ и нехарактернымъ только на первый взглядъ, случай этотъ, по своей внутренней правдѣ, является слѣдствіемъ болѣе глубокихъ жизненныхъ явленій. Въ правѣ же на выборъ нельзя отказать художнику. Творческая философія даетъ право пользоваться случаемъ, особенно если онъ служитъ обобщающимъ символомъ. Только не имѣя цѣлью вдейное зодчество, такіе факты, какъ гибель ребенка Миронича или гибель Ниночки въ разсказѣ Арцыбашева „Ужасъ"— какъ бы они ни были интересны сами по себѣ—должно хранить пока на страницахъ газетной хроники, какъ сырой матеріалъ для будущаго великаго творческаго образа. Мало искреннихъ мученій, надо стройно, гар-

Digitized by Google

монически рыдать: „Надо дѣйствовать спокойно“ [1]). И если Россія, будучи страной криковъ, слишкомъ часто оставляетъ человѣка среди развалинъ, единственнымъ спасеніемъ *художника* является тотъ идейный творческій храмъ, тотъ обобщающій *символъ*, который онъ воздвигаетъ на фундаментѣ реальной жизни, которымъ онъ опредѣляетъ жизненный пульсъ.

Благодаря безхитростной, реальной простотѣ самаго факта; благодаря способности автора (быть можетъ, инстинктивной) во-время подчеркнуть тотъ или другой моментъ—чувствуется даже неизбѣжность происшедшаго. Такъ психологически вѣрно, что Чаечкинъ-Миронычъ не въ силахъ былъ заронить подозрѣнія въ голову ребенка, и что мальчику, до сихъ поръ жившему въ деревнѣ, хотѣлось удить рыбу. Въ этомъ сама жизнь, та цѣпь явленій, которая, если прослѣдить тщательно, приводитъ къ высшей цѣли бытія, а въ достиженіи этой цѣли не гибнетъ даромъ ни одинъ штрихъ жизни.

Быть можетъ, не всякій читатель выдѣлитъ изъ мрака свѣтлый образъ „Мироныча съ бубличками“, котораго отбросила отъ себя суровая дѣйствительность—выбросила въ другія сферы. Въ этихъ другихъ, надизненныхъ сферахъ, мы видимъ учителя *Мироныча со скрипкой*, замерзшаго, съ послѣднимъ звукомъ струны, надъ рѣкой, гдѣ погибло *его будущее*. Въ этомъ символическомъ образѣ чувствуется уже *спокойное творчество*—здѣсь оправданіе и объясненіе *случая* съ гибелью ребенка. Авторъ прошелъ съ народнымъ учителемъ всѣ стадіи его жизни. Всегда и вездѣ добрый, кроткій, слабый, съ искрой Божіей въ сердцѣ своемъ. Какъ *такой человѣкъ* долженъ окончить въ нашей странѣ? Двѣнадцать лѣтъ онъ просидѣлъ въ Козьей Ямѣ, гдѣ научился мудрости до-сыта накормить своего ребенка однимъ бубликомъ. Какъ долженъ окончить такой человѣкъ, двѣнадцать лѣтъ терпѣливо, безрезультатно зажигавшій *огоньки* отъ искры въ сердцѣ своемъ? Развѣ гибнетъ безплодно долготерпѣніе мучениковъ? Неужели образъ учителя, промелькнувъ, затеряется въ прошломъ, уйдетъ вмѣстѣ со всѣмъ отмирающимъ, старымъ и сломаннымъ, умретъ не увѣковѣченный искусствомъ въ яркомъ обобщающемъ символѣ? Если бы слѣпого народнаго учителя раздавилъ трамвай, это была бы фотографія дѣйствительности. Но развѣ умираетъ *человѣкъ?* Онъ ушелъ отъ прошлой и безрезультатной жизни, вышелъ изъ ея обломковъ—обезсиленный и слѣпой для нея. Но унесъ съ собою творческую силу. Есть другая жизнь—полубезсознательная, сверхчувственная,—какою живетъ безумный Миронычъ со скрипкой, какая осталась въ *видѣ яркаго слѣда мученичества*. Есть въ музеѣ Александра III скульптура „Баянъ“. Слѣпой пребываетъ въ отвлеченномъ созерцаніи того, о чемъ поютъ струны подъ его рукой. Спокойная, давно претерпѣвшая скорбь—безуміе ушедшаго отъ

---

[1]) Бальмонтъ.

Digitized by Google

будничной жизни. У ногъ, опершись на его колѣни, сидитъ и задумчиво слушаетъ крестьянскій мальчикъ. Эта бѣлая мраморная группа напоминаетъ Мироныча, замерзшаго надъ рѣкой съ послѣднимъ звукомъ струны. Это случилось такъ естественно, просто—ночью безумный тайно ушелъ поиграть къ мѣсту гибели своего сына.

Послѣднимъ пребываніемъ Мироныча на землѣ автору удалось окончательно завершить свое дѣло—написать народнаго учителя во весь ростъ. Того народнаго учителя, для котораго настоящее уже является прошлымъ, такъ какъ идетъ къ намъ наше завтра гигантскими шагами и, вмѣстѣ съ крупными другими перемѣнами, несетъ уже и другого народнаго учителя, съ другими настроеніями.

Можно сказать, что и вообще почти вся нынѣшняя русская беллетристика (поскольку она, конечно, художественна) есть памятникъ еще живому настоящему. Памятникъ, съ которымъ надо торопиться, надо спѣшить писать перомъ и кистью, ставить послѣднія точки, потому что Россія переживаетъ муки перелома, и то, что сейчасъ еще такъ страстно интересуетъ даже самаго зоркаго дальновидца, завтра онъ увидитъ вошедшимъ въ долгожданныя русла, не требующимъ больше ни думъ его, ни страданій. Такимъ памятникомъ нынѣ живущему народному учителю, такой завершающей точкой и является, на мой взглядъ, образъ, написанный Евгеніемъ Волковымъ. Завтра этотъ типъ явится пережиткомъ для Россіи, и Евгеній Волковъ спѣшитъ воздвигнуть памятникъ человѣку, начавшему мести лѣстницу снизу и, вмѣсто того, чтобы сойти въ глубокія ямы со знаменемъ побѣды, залѣзшаго туда слабымъ и робкимъ. Что представляетъ изъ себя эпопея Е. Волкова—сознательное творчество или цѣлый рядъ случайныхъ, счастливыхъ фотографій—цѣнность разсказовъ не измѣняется, разъ можно посмотрѣть на нихъ съ предлагаемой нами точки зрѣнія. Но для характеристики литературной способности автора очень важно установить: подсказанъ ли художнику, мыслящему образами, разсказъ о Миронычѣ *творческимъ инстинктомъ*, или вся эта комбинація сценъ *сознательно* закрѣплена въ символѣ? Къ сожалѣнію, надо допустить возможность и простой фотографіи, разъ встрѣчаются подробности, какъ, напримѣръ, леченіе отъ желудочнаго заболѣванія Кудимыча. Вообще, форма оставляетъ желать многаго и, въ интересахъ искусства, автору слѣдуетъ еще поработать надъ своей книгой—прежде чѣмъ вторично выпустить ее въ свѣтъ. Онъ, видимо, настолько подавленъ однимъ чувствомъ, что, какъ будто, забылъ объ искусствѣ, какъ о средствѣ утоленія муки, и—*сознательно* — кажется, не ищетъ символическихъ обобщеній. За ужасомъ, раскрывающимся на его глазахъ, онъ забылъ о самодовлѣющемъ искусствѣ—о радости творчества. Вся его книга написана однимъ тономъ, все съ тѣми же, слишкомъ часто повторяющимися, погрѣшностями стиля. Не видно труда, не чувствуется муки слова, какою страдаетъ До-

Digitized by Google

стоевскій, словно еще неизвѣдано счастье исканія. Товарищу по перу нечему научиться у Е. Волкова. Одни и тѣ же выраженія попадаются слишкомъ часто. Чувствуется недостатокъ матерьяла, застой впечатлѣній. Будто самъ авторъ—народный учитель и, подавленный и обезсиленный, заноситъ на бумагу одну и ту же муку, повторяется въ образахъ, потому что повторяется его мука. Будто самъ авторъ влѣзъ въ яму и, вмѣстѣ съ народнымъ учителемъ, занятъ зажиганіемъ *огоньковъ*, которые тухнутъ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ посмотрѣть издали на дѣло рукъ своихъ.

О. Миртовъ.

Digitized by Google

Въ тюрьмѣ и ссылкѣ.

(Нѣсколько иллюстрацій къ амнистіи).

I.

Когда манифестъ 17 октября—одна изъ тѣхъ милостей, которыя наше попечительное правительство готовитъ къ праздникамъ—былъ опубликованъ, первымъ движеніемъ революціонныхъ массъ, сомкнувшихся тѣсными стройными рядами, было итти къ тѣмъ каменнымъ чудовищамъ, гдѣ заживо похоронены ихъ герои, ихъ мученики, изъ числа тѣхъ, многіе изъ которыхъ уже спятъ послѣднимъ сномъ въ братскихъ могилахъ. Кого только не было въ этихъ рядахъ: въ многотысячной толпѣ рабочихъ мелькали солдатскія шинели, чиновничьи кокарды, дѣти. Колыхались знамена, и не было лица въ окнахъ, которое бы не кланялось шествію, не было головы на балконѣ, которая бы не была обнажена.

И вотъ въ отвѣтъ на это движеніе, отъ котораго, казалось, затряслись не одни казематы, затряслась вся „хитрая механика", субботній номеръ „Правительственнаго Вѣстника" принесъ „амнистію" въ видѣ указа, даннаго сенату 21 октября. Упали адскіе запоры, открылись мрачныя ворота, и тысячи людей, томившихся только за то, что они всю жизнь ненавидѣли произволъ и насиліе, всю жизнь жаждали счастья народа, увидѣли „свободу". Увидѣли ее „за рубежемъ", въ далекихъ концахъ сѣвера, въ тундрахъ Сибири; увидѣли погибавшіе въ неравной борьбѣ, томившіеся вдали отъ родины, случайно избѣжавшіе руки тюремщиковъ, даже старые бойцы, замурованные въ каторжныхъ застѣнкахъ Шлиссельбурга.

Это не была гражданская амнистія, которую можетъ дать лишь самъ народъ. Даже въ этой области умирающій режимъ безсиленъ сдѣлать что-либо рѣшительное. Пунктъ второй гласилъ, что лица, отбывающія наказаніе за преступленія, совершенныя десять лѣтъ тому назадъ и болѣе, подвергаются: каторжане—ссылкѣ на поселеніе на четыре года съ воспрещеніемъ имъ въ теченіе слѣдующихъ за окончаніемъ ссылки трехъ лѣтъ жи-

Digitized by Google

тельства въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ; сосланные же на поселеніе или переведенные на поселеніе изъ каторги по отбытіи ими поселенія, въ теченіе четырехъ лѣтъ, лишены на три года права въѣзда въ столицы. Лица, принадлежащія къ обѣимъ группамъ, отдаются послѣ поселенія на три года подъ надзоръ полиціи. Такимъ образомъ, ни Гершуни, ни Карповичъ, ни Сазоновъ, ни Куликовскій не были вырваны изъ стѣнъ каземата, ни В. Н. Фигнеръ, ни М. Н. Тригони, ни Л. А. Волкенштейнъ и др. не могутъ вздохнуть вольнымъ воздухомъ. Политическимъ, преданнымъ военному суду, наказаніе сбавлено только на половину. Амнистія совершенно не коснулась „преступленій" религіозныхъ и такъ наз. общественныхъ—сопротивленія властямъ, возстанія, противодѣйствія полиціи и пр. Ни крестьянъ, принявшихъ участіе въ аграрныхъ волненіяхъ, ни матросовъ и солдатъ, участниковъ всѣмъ извѣстныхъ событій, она не коснулась. Такъ сбитое съ позиціи правительство, объявляя „конституцію", амнистировало своихъ враговъ съ тѣмъ, чтобы ровно черезъ мѣсяцъ наполнить ими не только тюрьмы и участки, но... даже московскія бани...

Тѣмъ не менѣе, каковы бы ни были ограниченія относительно наказаній, наложенныхъ гражданскимъ и военнымъ судомъ, каковъ бы ни былъ „настоящій день", процентъ амнистированныхъ очень значителенъ. Осужденные только за актъ участія въ соціалдемократической и соціалреволюціонной партіи были безусловно освобождены. Громадное большинство привлеченныхъ, еще не осужденныхъ (сидѣвшихъ въ тюрьмахъ), было амнистировано. Всѣ, наказанные въ административномъ порядкѣ, безъ постановленія судебнаго приговора, почти всѣ, присужденные судебными палатами къ заключенію въ крѣпостной тюрьмѣ, были амнистированы. Вернулись сосланные по высочайшимъ повелѣніямъ или распоряженіямъ министра внутреннихъ дѣлъ и генералъ-губернаторовъ. Вернулись эмигранты. Всѣ лица, которымъ воспрещенъ въѣздъ въ разные города, получили право свободнаго передвиженія.

Сколько мукъ, сколько ужасовъ, сколько надорванныхъ силъ кроется за каждымъ словомъ этого краткаго перечня! Какая вереница погибшихъ, замученныхъ и казненныхъ въ злодѣйскихъ застѣнкахъ! Сколько мукъ, сколько ужасовъ, сколько жертвъ впереди...

Начертаемъ же картину того безудержнаго разгула, самовластія, надѣвательства, которую представляютъ собой всѣ эти казематы и тундры. Такіе факты до „манифеста" развѣ въ исключительныхъ случаяхъ появлялись на страницахъ печати. И если въ настоящій моментъ легализація нелегальнаго достойна вниманія вообще, то тѣмъ больше права на вниманіе имѣютъ факты, составляющіе нижеслѣдующую характеристику: чѣмъ острѣе они давали себя знать, тѣмъ больше тормазовъ встрѣчали на пути къ огласкѣ.

Digitized by Google

II.

Что представлялъ и представляетъ собой самый арестъ политическаго?

О томъ, какъ „государственные преступники“ арестовываются, даетъ представленіе бойня во время забастовки 1903 года въ Екатеринославѣ. Арестованныхъ встрѣчали мордобитіемъ и нагайками, для чего спеціально назначены были городовые, пѣшіе и конные. Послѣ такой встрѣчи арестованныхъ брали изъ полицейской части въ кордегардію, гдѣ отъ времени до времени повторялось избіеніе; затѣмъ брали по одиночкѣ въ канцелярію, гдѣ опять чинили новую расправу: топтали ногами, рвали за волосы. Не было пощады ни полу, ни возрасту. Такъ же описывалъ корреспондентъ февральскіе аресты 1903 г., когда провалилось рабочее собраніе въ Двинскѣ. Арестованныхъ били, ругали, всячески надъ ними издѣвались; впустили въ комнату массу солдатъ. Начальникъ двинскаго сыскного отдѣленія самъ подзадоривалъ солдатъ бить всѣхъ арестованныхъ безпощадно, самъ ругалъ всѣхъ жидовьемъ и сволочью. Такой же площадной руганью осыпалъ всѣхъ и его помощникъ. Въ томъ же году въ Одессѣ 11 человѣкъ, якобы возвращающихся съ собранія, отвели въ Михайловскій участокъ. Прибылъ туда полиціймейстеръ и какой-то жандармскій офицеръ. Послѣ долгаго совѣщанія—въ присутствіи околоточныхъ и городовыхъ — они разъѣхались, послѣ чего старшій околоточный потребовалъ къ себѣ одного рабочаго. Рабочій вскорѣ вернулся обратно. Вызвали другого — и тотъ вернулся. Оказалось, что у нихъ были слишкомъ короткіе волосы для предстоявшей экзекуціи. Тогда околоточный самъ пошелъ къ арестованнымъ и выбралъ рабочаго съ длинными волосами. Лишь только жертву привели въ канцелярію, на нее набросилось нѣсколько городовыхъ, рабочаго схватили за руки и голову и ножницами выстригли ему въ нѣсколькихъ мѣстахъ волосы. „Вотъ, братъ, теперь тебя всякій узнаетъ“, приговаривалъ экзекуторъ. Рабочаго заставляли потомъ собирать свои волосы, и если онъ отказывался, его немилосердно избивали. Такому насилію и побоямъ подверглось 9 рабочихъ.

Такъ было въ 1903 году. Но чѣмъ дальше время шло, тѣмъ совершеннѣе становились пріемы. Если въ 1903 году просто били арестованныхъ, то, напр., 11 іюня 1905 года въ томъ же Михайловскомъ участкѣ города Одессы уже избивали до полусмерти, наносили раны въ голову. Одна работница два дня пролежала въ безпрерывномъ обморокѣ и истерикѣ, и лишь на третій день ее увезли. Впрочемъ, въ настоящее время система и совсѣмъ упростилась. Прежде чѣмъ взять въ плѣнъ непокорныхъ подданныхъ, русское правительство обстрѣливаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, для чего полиція и жандармы замѣняются христолюбивымъ

Digitized by Google

вонствомъ, не различающимъ ни національностей, ни партійныхъ оттѣнковъ. Оно избиваетъ, убиваетъ и насилуетъ всѣхъ, сколько-нибудь причастныхъ къ дѣлу освободительнаго движенія—соціалдемократовъ, соціалреволюціонеровъ, земскихъ и городскихъ либераловъ, евреевъ, армянъ—еще до самаго привлеченія къ слѣдствію, какую бы комедію ни представляло самое слѣдствіе. Да, „счастливъ" еще тотъ, кто въ самую тюрьму попадаетъ цѣлымъ и невредимымъ...

Такъ обстояло и обстоитъ дѣло въ настоящіе дни. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что до девятаго января нерѣдки были случаи, когда русскіе граждане попадали въ тюремные казематы болѣе или менѣе неповрежденными. Жандармскихъ и охранныхъ дѣлъ мастера, если не всегда подписывали предписаніе объ арестѣ, то до 9 января все же самому акту пытались придавать „основаніе законности".

Но труденъ и долгъ, мучительно долгъ путь отъ жандармскаго слѣдствія къ жандармскому приговору, отъ всѣхъ этихъ предварилокъ, въ которыхъ жертва томилась нерѣдко полтора-два года до тѣхъ поръ, пока, божіей милостью, не попадала въ кандалы, крѣпость, мѣста не столь и вовсе отдаленныя. Что же представлялъ собой самый путь? Какія нечеловѣческія муки, еще ужаснѣе тѣхъ, которыя стерегутъ русскаго обывателя каждый день и каждый часъ на волѣ, предоставленной ему сатрапами самодержавія?

Уже ниспровергнутая, уже корчащаяся въ предсмертныхъ судорогахъ вмѣстѣ съ ея палачами, тюрьма все еще продолжаетъ оставаться первымъ орудіемъ самозащиты въ рукахъ погибающаго режима. Это пытка, величайшая, какою когда-либо омрачило себя человѣчество... Не будемъ говорить о Шлиссельбургской крѣпости. Даже самой внѣшностью своей крѣпость выдѣляется изъ обычнаго типа тюремъ. Она расположена на островкѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Нева вытекаетъ изъ Ладожскаго озера. Островокъ такъ малъ, что крѣпостныя стѣны мѣстами идутъ прямо изъ воды. Повсюду—вода и камень, и изъ-за стѣнъ виднѣется лишь шпиль колокольни да куполъ церкви. Это—тюрьма, въ которой содержатся лишь особо важные враги самодержавія: Гершуни, Карповичъ, Сазоновъ и др. Для того, чтобы представить себѣ режимъ, которому подвержены эти люди, участь, которая постигла бы ихъ въ недалекомъ будущемъ, если мускулистая рука революціоннаго народа не освободитъ ихъ, достаточно вспомнить вереницу уже погибшихъ—А. Михайлова, Варанникова, Мышкина, Клѣточникова, Колоткевича, Златопольскаго, Богдановича, Грачевскаго, Софью Гинцбургъ, Балмашева [1]). Изъ

[1]) См. „Тринадцать лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости". Записки Людмилы Александровны Волкенштейнъ. С.-Петербургъ. Изданіе И. Балашова, 1906 г.

Digitized by Google

шести десятковъ перебывавшихъ въ крѣпости „стариковъ“ осталось въ живыхъ всего нѣсколько страдальцевъ. Въ живыхъ—какой злой ироніей вѣетъ отъ этихъ словъ!

Ивановъ страдаетъ эпилепсіей, Антоновъ, котораго во время предварительнаго слѣдствія (тогда директоромъ департамента полиціи былъ... г. Дурново) держали въ Петропавловской крѣпости на цѣпи, которому шлиссельбургскій докторъ не рѣшался выписать молока даже въ качествѣ лекарства,—неврастеніей. В. Н. Фигнеръ добивалась одного отъ своихъ тюремщиковъ: чтобы они замѣнили ей эту жизнь той самой казнью, которой они подвергли десятки ея товарищей. Не будемъ останавливаться на Шлиссельбургской крѣпости. Это—тюрьма особенно удаленная отъ ушей и глазъ народныхъ, застѣнокъ, гдѣ русское правительство пытало только исключительныхъ борцовъ...

Посмотримъ, что представляетъ собой обычное тюремное заключеніе, всѣ эти „предварилки“, „кресты“, „бутырки“ и пр., и прежде всего въ столицахъ, гдѣ въ тюрьмахъ, подверженныхъ непосредственному надзору центральныхъ органовъ, казалось бы, нормальный порядокъ прежде всего осуществимъ. Вотъ два-три образчика создавшихся въ нихъ порядковъ.

18 мая 1903 года въ петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія, переполненномъ, какъ никогда до тѣхъ поръ, до того, что въ нѣкоторыхъ камерахъ сидѣло по двое, что часть женщинъ размѣщена была въ мужскомъ отдѣленіи, политическіе объявили голодовку. Поводомъ явился такой фактъ. Одинъ изъ гулявшихъ въ одиночной клѣткѣ отвратительнаго тюремнаго двора, чтобы отвести душу съ товарищами, взобрался на стѣну своей клѣтки и громко прочелъ прокламацію: изъ другихъ клѣтокъ и изъ оконъ ему въ отвѣтъ раздались крики „ура“. Виновника „безпорядка“ вмѣстѣ съ другимъ его шумѣвшимъ товарищемъ начальство немедленно отправило въ карцеръ, примѣнивъ ту мѣру, которая къ политическимъ заключеннымъ обычно не примѣнялась. Заключенные заволновались, тѣмъ болѣе, что о карцерѣ у нихъ существуютъ самыя ужасныя, быть можетъ, преувеличенныя представленія. Да и дѣйствительно: это тюрьма въ тюрьмѣ, что-то очень темное, вонючее и сырое, съ однимъ хлѣбомъ вмѣсто пищи, съ голыми досками для спанья. Послѣ недолгихъ переговоровъ перестукиваніемъ, выкрикиваніемъ и т. п., среди политическихъ созрѣла рѣшимость голодать, чтобы добиться удовлетворенія слѣдующихъ требованій: 1) уничтоженія карцера, какъ мѣры наказанія; 2) освобожденія изъ него заключенныхъ; 3) ускоренія слѣдствія и 4) частныхъ улучшеній режима: увеличенія пищевого пайка до нормъ, существующихъ въ Петропавловской крѣпости, учрежденія общей кассы, введенія общихъ прогулокъ, дозволенія раздѣленія передачъ съ „воли“. Голодать начали на мужскомъ отдѣленіи 18-го, на женскомъ—19-го мая. Стали шумѣть и кричать, стучать и пѣть революціонныя пѣсни. Тогда въ тюрьму были вытребованы

Digitized by Google

солдаты и при участіи тюремной инспекціи и прокуратуры разставлены по камерамъ. Съ женскаго отдѣленія видѣли, какъ провели въ мужское солдатъ, и понятна тревога, охватившая послѣ этого заключенныхъ женщинъ. Раздались истерическіе крики. Нѣкоторыя стали бить оконныя стекла. Тогда солдаты были введены и въ женское отдѣленіе и размѣщены тамъ по камерамъ: они должны были останавливать шумѣвшихъ. И они останавливали... „тыкая" заключенныхъ, не стѣсняясь такъ же обращаться съ женщинами. Они ругались разными непристойными словами, связывали по рукамъ и по ногамъ, затыкали ротъ. На другой день, когда политическіе заключенные обратились къ уголовнымъ съ запросомъ, не безпокоитъ ли ихъ производимый въ цѣляхъ протеста шумъ, одинъ изъ уголовныхъ въ отвѣтъ на это произнесъ во дворѣ дома цѣлую рѣчь, оцѣнивающую поведеніе политическихъ въ смыслѣ общевоспитательнаго его значенія для тюрьмы. Немедленно же говорившій былъ водворенъ въ карцеръ, что снова сильно приподняло настроеніе политической части тюрьмы. Успокоеніе администраціи, что уголовный отправленъ не за рѣчь, а потому, что ему, якобы душевно-больному, понадобился „изоляторъ", никого не успокоило, а, наоборотъ, подлило масла въ огонь. А тутъ еще изъ карцера неслись мольбы о помощи, и по камерамъ распространился слухъ, что заключеннаго бьютъ. Тюрьма опять всполошилась. Рѣшено было прибѣгнуть къ шумному протесту, который продолжался съ $11^1/_2$ часовъ ночи до четырехъ утра. Недолго думая, начальство, переведя 80 человѣкъ, главнымъ образомъ, въ „Крестъ", стало уже безъ всякаго стѣсненія пользоваться карцеромъ, отправляя туда заключенныхъ за всякую мелочь. Доктора С. завлекли обманомъ, чтобы насильно втолкнуть въ карцеръ, при чемъ какъ писали въ свое время изъ тюрьмы, одинъ надзиратель схватилъ его за волосы, другой заткнулъ ротъ. 4-го іюня въ карцеръ потащили рабочаго, связаннаго по рукамъ и ногамъ. Нѣсколько человѣкъ посажены были на хлѣбъ и воду. Легко представить себѣ положеніе заключенныхъ послѣ неудавшейся борьбы при сознаніи полнаго своего безсилія, при невозможности уйти отъ ежеминутно наносимыхъ оскорбленій и тревожныхъ слуховъ которые время отъ времени удавалось другъ другу передать...

И вотъ мы подходимъ къ событію, характеризующему положеніе вещей у родного брата петербургской „предварилки"—въ Петербургскомъ Крестѣ. Дѣло въ томъ, что въ „Крестѣ" было довершено то, что было начато въ „домѣ": по приказу высшихъ чиновниковъ министерства юстиціи, въ томъ же іюнѣ мѣсяцѣ было жестоко избито нѣсколько десятковъ заключенныхъ, главнымъ образомъ, только что переведенныхъ въ эту тюрьму изъ дома предварительнаго заключенія. У корреспондента „Освобожденія" были всѣ основанія предполагать, что и переведены эти люди были именно съ тѣмъ, чтобы ихъ тамъ избить, что представлялось, повидимому, неудобнымъ сдѣлать въ „домѣ", имѣющемъ слишкомъ много связей съ живымъ міромъ;

Digitized by Google

возможно, что и администрація „дома“ оказалась не вполнѣ подходящей для настоящаго избіенія. Дѣло было такъ. Начальникъ „Креста“ былъ только что передъ этимъ переведенъ на другую должность, и въ отправленіе его обязанностей вступилъ его помощникъ. При прежнемъ начальникѣ заключенные добились молчаливо предоставленнаго имъ права переговариваться между собой черезъ окна. Но съ перемѣной начальства за переговоры послѣдовали безъ всякихъ предупрежденій кары: нѣсколько человѣкъ были отправлены въ карцеръ. Вызванное этимъ среди товарищей наказанныхъ негодованіе и выразилось тѣми криками и стуками въ двери камеръ, за коими послѣдовала знаменитая расправа. Вотъ какъ описываетъ ее человѣкъ, испытавшій ее на своемъ тѣлѣ. „Дошла очередь и до меня. За дверью слышу: „№*„* тоже стучалъ“...—и дверь распахивается. Я оказываюсь передъ дюжиною конвойныхъ надзирателей. Впрочемъ, я не знаю, можетъ быть, ихъ было больше, потому что какъ только я двинулся изъ камеры, вся эта ватага бросилась на меня и начала бить... Нѣсколько ударовъ въ лицо совершенно ошеломили меня. Я закрылъ лицо руками. Помню, что я отчаянно закричалъ. Я плакалъ, спрашивалъ подъ ударами: „За что? зачѣмъ бить“?... Въ двери камеръ все стучали. Весь путь съ одной изъ верхнихъ галлерей до подвальнаго помѣщенія тюрьмы пришлось пройти сквозь строй изъ этихъ озвѣрѣвшихъ дикарей. Внизу предо мною промелькнула группа лицъ. Тамъ стояли начальникъ тюрьмы и нѣсколько его помощниковъ, тюремный инспекторъ. Всѣ они наблюдали за точностью работы своей команды. Зачѣмъ-то торчала здѣсь полуиспуганная, полулюбопытствующая физіономія тюремнаго священника (другіе замѣтили— съ крестомъ въ рукахъ). Когда начальнику кричали: „Зачѣмъ бьютъ?“ онъ грубо заявлялъ: „Никто васъ не бьетъ“. Что значило это наглое отрицаніе? Втолкнули въ маленькую дверь, ведущую въ подвальный этажъ, и на лѣстницѣ снова начали бить усиленно, рвать за волосы... Наконецъ, бросили на пыльный кирпичный полъ. Тамъ въ разныхъ мѣстахъ, я увидѣлъ, валялась уже не одна безпомощная жертва побоища. Черезъ каждыя 3—4 минуты сначала издали доносился раздирающій крикъ, потомъ ближе, ближе, и, наконецъ, на этой ужасной лѣсенкѣ въ подвалъ вполнѣ явственно тѣ же вопли, тѣ же жалобы... Было холодно, особенно на разсвѣтѣ. Тянулъ сквозной вѣтеръ. Вытаскивали изъ камеръ въ однѣхъ рубашкахъ... У иныхъ рубашки были изорваны въ клочья. Били иныхъ ногами еще въ камерахъ... Ужасъ“...

Такъ отправляло самодержавіе свое застѣночное правосудіе въ Петербургѣ. Только что приведенное описаніе могъ бы буквально повторить и пишущій эти строки, жестоко избитый въ той же исторіи. Зубы шатались отъ солдатскихъ пощечинъ... Не лучше обстоитъ дѣло въ „первопрестольной“.

Въ Московской Губернской Тюрьмѣ (на Таганкѣ) былъ объявленъ

Digitized by Google

27 апрѣля 1902 г. голодный бунтъ по слѣдующему поводу. Наборщикъ Нафтолій Шацъ, арестованный въ Вильнѣ, былъ посаженъ въ карцеръ за то, что онъ сломалъ „зонтъ", закрывавшій окно его камеры. Когда объ этомъ узнали остальные товарищи, они рѣшили сломать всѣ „зонты". Сказано-сдѣлано. Вызванный въ тюрьму начальникъ оправдывался тѣмъ, что Шацъ наказанъ по распоряженію охраннаго отдѣленія, и что, безъ разрѣшенія послѣдняго, не вправѣ освободить его изъ карцера. Тогда заключенные сговорились ломать двери послѣ молитвы. Но тутъ случилось нѣчто, ускорившее развязку. Кто-то вдругъ крикнулъ во весь корридоръ, что его тащатъ въ карцеръ за то, что онъ передалъ черезъ окно рѣшеніе ломать двери, и всѣ политическіе въ обоихъ флигеляхъ разомъ начали колотить табуретками. Адскій стукъ длился около десяти минутъ безъ перерыва, эффектъ былъ ужасный: вся тюрьма дрожала, какъ во время землетрясенія. Не прошло и четверти часа, какъ въ корпусъ одиночнаго заключенія была введена сотня вооруженныхъ солдатъ и надзирателей. Всѣ солдаты были съ ружьями. Началась дикая травля. Женщинъ силой оттаскивали отъ оконъ. Мужчинъ вязали и били. Изъ всѣхъ камеръ вынесли столы, табуретки, мѣдную посуду, у нѣкоторыхъ отобрали даже „парашки". Тогда всѣ политическіе объявили голодный бунтъ, который продолжался, смотря по камерѣ, отъ 8 до 8 дней.—Въ другой московской тюрьмѣ—Бутырской—въ іюлѣ мѣсяцѣ 1904 года четверо заключенныхъ были звѣрски избиты и брошены въ карцеръ. Здѣсь сидѣлъ тогда Вейценфельдъ, тотъ самый, который привлекался по дѣлу Гершуни. Вейценфельдъ постоянно подвергался истязаніямъ. Его то избивали, то сажали въ карцеръ, не говоря уже о пощечинахъ и ругательствахъ. Онъ постоянно протестовалъ, голодая, быстро теряя послѣднія силы. И вотъ однажды, когда начальникъ тюрьмы сказалъ Вейценфельду: „я тебя выстегаю!" и эту угрозу собирался привести въ исполненіе, заключенная Фрумкина сказала начальнику, что она убьетъ его, если онъ „выстегаетъ" Вейценфельда. Когда она за это была посажена въ карцеръ, четверо заключенныхъ прибѣгли къ голодовкѣ и лишь тогда, когда къ протесту присоединилась Таганская тюрьма, ихъ выпустили, и дѣло объ избіеніи было будто бы „разслѣдовано". Это было буквальное повтореніе январьской исторіи (1903 г.) съ врачемъ Ф. Гурвичемъ, переведеннымъ изъ „Таганки" и посаженнымъ въ Бутыркахъ не въ башню, гдѣ сидѣли всѣ политическіе, а въ т. н. „изоляторъ", куда сажаютъ провинившихся арестантовъ. Это былъ родъ клѣтки для дикихъ звѣрей въ зоологическомъ саду. Рядомъ съ клѣткой водворенъ былъ надзиратель, который черезъ рѣшетку имѣлъ возможность наблюдать за узникомъ, не упуская его ни на одну минуту изъ виду. При такихъ условіяхъ, подъ неумолчный лязгъ сотенъ цѣпей каторжанъ, помѣщавшихся тутъ же, Гурвичъ просидѣлъ до тѣхъ поръ, пока слѣдствіе по его дѣлу было закончено. Какъ извѣстно, по мартовскому тайному циркуляру 1902 г. ми-

Digitized by Google

нистерства внутреннихъ дѣлъ, политическіе, по окончаніи слѣдствія, могли переводиться изъ одиночнаго заключенія въ общія камеры. Циркуляръ этотъ примѣнялся, по крайней мѣрѣ, ко всѣмъ заключеннымъ въ московскихъ тюрьмахъ. И вотъ въ то время, какъ товарищамъ по дѣлу Гурвича, сидѣвшимъ въ „Таганкѣ", разрѣшается переводъ въ Бутырки, въ общую камеру, Гурвичъ на свое требованіе перевода получаетъ отказъ, безъ объясненія мотивовъ. Онъ объявилъ голодовку. Другіе заключенные, узнавъ объ этомъ, присоединились и тоже начали голодать. Голодающимъ оказалось почти все политическое населеніе Бутырокъ. Когда было послано приглашеніе прокурору судебной палаты явиться, тюремная администрація, твердо памятуя циркуляръ департамента полиціи, изданный съ годъ до того и предписывающій игнорировать голодовки, сдѣлало видъ, что вовсе голодовки не замѣчаетъ. Прокуроръ не явился, а начальникъ тюрьмы сообщилъ, что прокуроръ устно передалъ свое благопожеланіе: „пусть голодаютъ". Въ отвѣтъ на это, у болѣе слабыхъ физически, перенесшихъ уже продолжительную голодовку въ Таганкѣ въ апрѣлѣ 1902 года, появились очень серьезныя осложненія: кровохарканіе, конвульсіи, припуханіе десенъ и др. Врачъ тюремный заявилъ, что онъ не ручается за послѣдствія...

Вотъ каково „сидѣть" въ столицахъ. Политическимъ говорятъ *ты*, зовутъ бродягами, истязаютъ, волокутъ, въ сопровожденіи цѣлой своры надзирателей, въ сырой вонючій подвалъ. Единственнымъ средствомъ защиты отъ безмѣрнаго насилія является лишь угроза голодной смерти. Вожди реакціи хватаются за бока, захлебываются отъ смѣха, пока рядовые ея зловѣщей арміи шутятъ свои шутки надъ жертвой, разбивая ей голову о стѣны ея „одиночной" камеры. И идетъ разнузданная вакханалія, какъ шла еще тогда, когда ни вождямъ, ни рядовымъ еще не было необходимости мѣнять свои синіе штаны на черные. Таково въ Петербургѣ и Москвѣ, при непосредственномъ надворѣ, т. е. дирижерствѣ центральныхъ учрежденій... то бишь, министерства Плеве, Трепова и Дурново. Что же дѣлалось и дѣлается тамъ... въ глубинѣ Россіи, гдѣ что ни фельдфебель, то дискреціонная власть, что ни попъ, то полицейскій богъ?

III.

Хуже худого не бываетъ...

Такіе центры, какъ Варшава, Одесса, Кіевъ, мало отличаются отъ столицъ. Здѣсь тѣ же порядки, что въ столичныхъ тюрьмахъ, только дирижируютъ мѣстныя власти по циркулярамъ изъ Петербурга. Даже самыя исторіи мало отличаются отъ того, что уже нами изложено. Вотъ рядъ образчиковъ.

Въ концѣ 1901 года былъ арестованъ въ Варшавѣ нелегальный Ст. Трусевичъ и заключенъ въ варшавскую цитадель (X павильонъ). Обращались съ нимъ тамъ ужасно. Трусевичъ сильно хворалъ, въ виду чего

Digitized by Google

онъ потребовалъ отъ прокурора судебной палаты, чтобы былъ вызванъ хорошій врачъ, который бы освидѣтельствовалъ его въ присутствіи товарища прокурора. Прокуроръ снесся съ медицинскимъ управленіемъ, и 6 сент. его освидѣтельствовали. Въ протоколѣ медицинскаго осмотра состояніе здоровья Трусевича было опредѣлено такъ: „неврастенія въ очень тяжелой формѣ, соединенная съ сильнымъ раздраженіемъ мозга; катарръ желудка, легкихъ и горла. Обязательное лѣченіе въ больницѣ или въ психіатрической лѣчебницѣ. Въ противномъ случаѣ въ непродолжительномъ времени наступитъ совершенное умопомѣшательство и чахотка". Казалось бы, послѣ такого діагноза должны были немедленно помѣстить Трусевича въ больницу, между тѣмъ прошла недѣля, а Трусевича въ больницу не переводили и предписаній врача не исполняли. Трусевичъ, выведенный изъ терпѣнія, посылаетъ прокурору жалобу на смотрителя, но послѣдній ее не пропускаетъ. И вотъ послѣ этого, когда смотритель является въ камеру Трусевича, Трусевичъ его выгоняетъ. Тогда, полчаса спустя, явилось 12 человѣкъ жандармовъ и солдатъ и, заткнувъ Трусевичу ротъ, вынесли его на рукахъ, избили и одѣли на него смирительную рубашку. Сил но разнервничавшись, Трусевичъ сталъ ломать ногами все, что только можно было. Опять въ камеру, куда его заперли, вошелъ жандармъ и, пользуясь тѣмъ, что руки у него связаны, сталъ такъ сильно душить его за горло, что у него пошла кровь, которая забрызгала стѣны, постель и жандарма. Крови вышло около полустакана...

Въ Одессѣ происходилъ (22 февраля 1902 г.) настоящій голодный бунтъ. Прокуроръ отказался выпустить сидѣвшаго въ тюрьмѣ и заболѣвшаго вслѣдствіе побоевъ въ полицейскомъ участкѣ гнойнымъ плевритомъ студента-армянина Акачиряна, и заключенные объявили голодовку, во время которой покушалось на самоубійство семь человѣкъ. Моментально были вытребованы изъ города сотня казаковъ и рота солдатъ въ полномъ вооруженіи, которыми „порядокъ былъ возстановленъ". Одесситовъ сажаютъ въ камеры къ ворамъ и пьяницамъ. Трудно описать впечатлѣніе перваго момента. Вся камера заполнена голыми, грязными, валяющимися на полу, среди клоповъ, таракановъ и вшей людьми. Воздухъ отъ испареній ужасный, параша цѣлый день...

Вотъ выдержки изъ дневника заключеннаго, характеризующія то, что дѣлается въ кіевской тюрьмѣ. Письмо относится къ прошлому 1904 году: „*18 февраля.* Въ пересыльный коридоръ приведены 16 новыхъ политическихъ арестантовъ (рабочіе, арестованные 5—6 дней тому назадъ на одномъ собраніи). Ихъ помѣстили въ маленькую сырую камеру, и безъ наръ. Мы удивляемся, какъ на полу этой камеры хватаетъ мѣста для 16-ти человѣкъ и какъ они размѣстились въ немъ? Вечеромъ къ нимъ принесли параши". „*19 февраля.* Нашимъ новымъ вчерашнимъ товарищамъ неизвѣстно почему отказываютъ въ прогулкѣ. Такимъ образомъ, имъ и

Digitized by Google

днемъ не даютъ дышать воздухомъ". „*21 февраля.* Пришлось присутствовать при возмутительной сценѣ отвратительнаго насилія надъ беззащитными товарищами. Всѣ эти 16 человѣкъ, выйдя, наконецъ, изъ своей камеры въ корридоръ, звали къ себѣ для объясненій ротмистра; вмѣсто него явились старшій унтеръ-офицеръ и надзиратель, которые загнали товарищей въ ту же камеру прикладами. Двое побиты" „*24 февраля.* Между нами есть совершенные мальчики, лѣтъ 16-ти. Впрочемъ, на женскомъ отдѣленіи сидѣли гимназистки пятаго и шестого класса". „*1 марта.* На волѣ весна, а у насъ... въ тюрьму введены двѣ или три роты солдатъ". „*2 марта.* Полученъ и объявленъ намъ отвѣтъ на жалобу прокурору. По соглашенію съ прокуроромъ судебной палаты и губернаторомъ— институтъ старостъ въ пересыльномъ корридорѣ уничтожается. Что сей сонъ означаетъ? Итакъ, на дняхъ мы переходимъ на пищу уголовныхъ". „*5 марта.* Жандармъ грубо пихнулъ заключенную Ямпольскую за то, что она, возвращаясь со свиданія, хотѣла поздороваться съ бывшими на прогулкѣ товарищами: что могъ вообразить унтеръ-офицеръ (Федоровъ) для того, чтобы пасть до оскорбленія дѣйствіемъ беззащитной женщины? Возмущенные, мы требовали для объясненія ротмистра и не хотѣли возвращаться съ прогулки въ свои камеры. Однако, ротмистръ явился только вечеромъ и при общемъ удивленіи и негодованіи заявилъ намъ, что толкнувшій Ямпольскую унтеръ-офицеръ получилъ отъ него благодарность за примѣрное исполненіе долга службы, а пострадавшая Ямпольская будетъ лишена свиданій". „*7 марта.* Сегодня за бойкотъ (Федорова) изъ нашего корридора два рабочихъ посажены на шесть сутокъ въ карцеръ". „*8 марта.* Еще двое посажены въ карцеръ за тотъ же бойкотъ". „*14 марта.* Одинъ изъ жандармовъ, удалявшихъ политическихъ заключенныхъ изъ карцера, безъ всякаго повода толкнулъ съ лѣстницы товарища. Падая съ лѣстницы, тотъ, однако, удержался, схвативъ жандарма за руку, и за это едва не поплатился очень жестоко: жандармъ выхватилъ шашку и замахнулся на него". „*15 марта.* Сегодня всеобщій взрывъ негодованія вызвало насиліе надъ товарищемъ Зотовой. Зотова, молодая двадцатилѣтняя болѣзненная дѣвушка, посажена въ карцеръ. За много времени въ нашей тюрьмѣ это — первый случай наказанія карцеромъ женщины, мѣсто которой не въ тюрьмѣ, а въ больницѣ. Проступокъ ея состоялъ въ томъ, что, доведенная почти до галлюцинацій, она сказала ротмистру, что поступать такъ съ беззащитными людьми— подлость". Опять бьются стекла, стукъ въ двери, въ стѣны, въ рѣшетки оконъ. Въ помѣщеніе политическихъ вводятся войска и т. д.

Въ Одессѣ то же, что въ Кіевѣ, въ Кіевѣ, что въ Петербургѣ и т. д. Единственное различіе состоитъ въ томъ, что чѣмъ дальше отъ центровъ, тѣмъ шире область усмотрѣнія мѣстнаго начальства: какъ всю крамолу сжать въ одинъ кулакъ! Но.. едва ли отъ этого легче какому-нибудь Глухову...

Digitized by Google

Вздумаетъ жандармъ въ этомъ самомъ Глуховѣ взять на себя роль... воспитателя рабочихъ и... воспитываетъ. Не пропускаетъ книгъ, допустимъ, хотя всюду книги пропускаются—что вы „возразите"? „Я вовсе не хочу, чтобы тюрьма стала для рабочихъ высшей школой, — глубокомысленно изрекаетъ воспитатель: — интеллигентамъ я разрѣшаю, потому что они понимаютъ эти книги. Рабочіе же не получили на волѣ достаточной подготовки для чтенія такихъ книгъ, и я не желаю, чтобы здѣсь они научились читать эти книги". Вы ему „возражаете", что книги разрѣшены цензурой и всюду допускаются заключеннымъ. „Ну, знаете, законъ даетъ мнѣ въ этомъ отношеніи полную свободу, необходима лишь достаточная формулировка". Коротко и ясно. И такъ во всемъ. Выскакиваетъ другой. „Я съ прокуроромъ и губернаторомъ—отчеканиваетъ онъ—рѣшили принимать противъ васъ всѣ мѣры... Если вы не будете подчиняться тюремному режиму, вставать на повѣрку и вытягиваться по швамъ, если не будете слушаться меня, моего помощника и надзирателя—я приму всевозможныя мѣры вплоть до одѣванія въ арестантское платье и арестантскаго пайка". Вставать, вытягиваться, точно школьникъ или солдатъ—прямо не вѣрится, чтобы можно было предъявлять такія требованія къ подслѣдственнымъ. А между тѣмъ „свѣжо преданіе". 22 декабря 1903 г. начальникъ кишиневской тюрьмы выругалъ заключеннаго Бергера за то, что онъ въ разговорѣ съ нимъ *держалъ руки въ карманахъ*, „жидовской мордой", „арестантской мордой" и посадилъ въ карцеръ. Товарищъ, сидѣвшій съ нимъ въ одной камерѣ, заявилъ, что онъ будетъ кричать. Тюремщикъ погрозилъ ему побоями и смирительной рубашкой. Когда же всѣ стали требовать, чтобы Бергера освободили, онъ сказалъ: „У меня есть инструкція отъ министра юстиціи, и я могу дѣлать съ вами, что хочу; вы можете жаловаться прокурору, губернатору, министру, кому угодно". Мало того. Не желая, чтобы мужчины переговаривались съ женщинами черезъ окна, начальникъ велѣлъ женщинъ перевести въ другой коридоръ, и надзиратели вечеромъ начали перетаскивать ихъ силою. Произошло что-то ужасное, невыразимое...

Самъ себѣ царь и самъ себѣ Богъ каждый жандармъ и гомельскій, и саратовскій, и самарскій, и тифлисскій и т. п. Никакихъ задерживающихъ центровъ, кромѣ „моя рука—владыка".

Въ прошломъ году, во время отправки этапа на Минскъ изъ гомельской тюрьмы, одна изъ политическихъ—ихъ было всего 7, мужчинъ 14 — подошла къ дверямъ, желая, можно быть, изъ любопытства заглянуть черезъ „волчекъ" въ камеру — проступокъ, ограничивающійся обыкновенно замѣчаніемъ. Но тутъ произошло что-то необыкновенное. Начальникъ тюрьмы набросился на дѣвушку съ самой площадной бранью. Онъ набросился на остальныхъ дѣвушекъ, уже рѣшительно ни въ чемъ неповинныхъ. Наконецъ, онъ въ изступленіи вырвалъ у одной изъ

Digitized by Google

дѣвушекъ чашку изъ рукъ и съ трескомъ разбилъ о землю. Это какъ бы послужило сигналомъ. Все, безъ исключенія, что находилось въ рукахъ этихъ 21 человѣка, безжалостно уничтожалось: посуда, карандаши, тетрадки, ножики. Когда очередь дошла до книгъ, и листы полетѣли въ воздухѣ, кто-то изъ пересыльныхъ закричалъ, чтобы не рвали: „хоть себѣ возьмите, но не рвите!“ Но въ отвѣтъ на это посыпались побои: „такъ ихъ каналій!“ Другой изъ заключенныхъ бросился было на конвойнаго, чтобы остановить его, но и его исколотили. „Руку руби ему, такому-сякому,—кричалъ начальникъ.—Руку руби! А другую подниметъ—и другую руби!“ Книги, конечно, были всѣ уничтожены... Въ Самарѣ же въ прошломъ году заключенные, доведенные до крайности произволомъ тюремной администраціи, прибѣгли къ единственному способу борьбы, имѣющемуся въ распоряженіи этихъ мучениковъ—объявили голодовку. Объявили ее по той простой причинѣ, что тюремное питаніе и безъ того было равносильно хронической голодовкѣ. Насколько въ провинціи дѣла дѣлаются просто, смотря по тому, какой шальной атомъ зашевелится въ головѣ того или иного помпадура, показываетъ исторія убитаго въ тифлисской тюрьмѣ Влад. Кецховели, опытнаго и смѣлаго кавказскаго организатора. Арестованный въ Баку въ концѣ 1902 г., онъ содержался съ тѣхъ поръ въ тифлисскомъ метехскомъ замкѣ. Естественно, онъ оказался очень неудобнымъ для начальства арестантомъ. Онъ постоянно переговаривался, изъ его камеры раздавались революціонные возгласы. Все это возбуждало особую ненависть къ нему тюремной администраціи, и она искала случая отъ него отдѣлаться. И вотъ однажды, когда привезли новичковъ и Кецховели вступилъ съ ними черезъ окно въ разговоръ, часовой закричалъ ему, чтобы онъ сошелъ съ окна. Кецховели не сошелъ съ окна. Тогда часовой выстрѣлилъ и убилъ его. Ни оскорбленій часового, ни предупрежденій не было. Все было предрѣшено заранѣе. Кецховели былъ воровскимъ манеромъ похороненъ полиціей, неизвѣстно гдѣ, а въ приказѣ по первой кавказской стрѣлковой бригадѣ ген. М. Свѣтловъ объявлялъ „искреннюю благодарность“ за „молодецкій поступокъ“ часового Дергилева всей командѣ батальона, начиная съ полковника и кончая ефрейторомъ. Самому же Дергилеву за убійство была назначена награда... пять рублей...

Вотъ первыя впечатлѣнія, ждущія „политическаго преступника“. Это—тюрьма. Подобныя „впечатлѣнія“ дѣйствовали и дѣйствуютъ на постороннихъ людей... Какъ же они должны отражаться на тюремныхъ обитателяхъ! Въ моментъ возбужденія хочется сопротивляться—метать, рвать, лѣзть на штыкъ, но стоитъ только притти въ себя, чтобы понять, что въ стѣнахъ тюрьмы почти невозможна никакая побѣда, когда благородному порыву и молодой энергіи противупоставляется грубая, слѣпая сила, о которую этотъ порывъ, эта энергія неминуемо разбиваются, становится еще больнѣе, еще мучительнѣе. Вѣдь эти силы, эти стремленія надо сохранить

Digitized by Google

для той минуты, когда опять можно будетъ отдаться работѣ, окунуться въ дѣятельность, приблизить тотъ желанный день, когда насиліе и произволъ станутъ вообще невозможны.

IV.

Тюрьмой дѣло не кончается. Здѣсь, какъ извѣстно, политическіе сидятъ до тѣхъ поръ, пока ведется слѣдствіе—до приговора. Самое же наказаніе обыкновенно состояло не въ тюремномъ заключеніи: какъ ни велико количество тюремъ въ Россіи, все же никогда не хватало ихъ даже на самую ничтожную часть русскихъ крамольниковъ; для этого нужно было бы засадить не только всѣхъ студентовъ и евреевъ, но и весь русскій пролетаріатъ. При такихъ условіяхъ обычной мѣрой наказанія являлась у насъ ссылка въ мѣста „не столь отдаленныя" съ лишеніемъ всѣхъ правъ или безъ онаго—въ разныя ледяныя тундры.

Трудно сказать, что лучше для заключеннаго — тюремное заключеніе или Сибирь.

Уже самое путешествіе говоритъ за себя. Среди отправляемыхъ рѣдко можно видѣть человѣка, у котораго былъ бы комплектъ вещей, нужныхъ для этого путешествія. Правда, имъ оказывалъ помощь Красный Крестъ—общество содѣйствія политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ,—но что значитъ осеннее пальто при сорокаградусномъ морозѣ? А дальше такого пальто Красный Крестъ идти не могъ... Развѣ можно жить нѣсколько мѣсяцевъ на 5—8 рублей, а тутъ еще люди отправляются съ женами, съ дѣтьми. . У большинства, у огромнаго большинства нѣтъ ни шубъ, ни шапокъ, ни обуви, не больше рубля деньгами. Вѣдь революціонеры не отличаются состоятельностью. Послѣдніе годы, когда ссылали рабочихъ массами и объявляли приговоръ за нѣсколько дней—иногда за нѣсколько часовъ—до отправки, человѣкъ даже и не успѣвалъ запастись деньгами и вещами. Жилъ человѣкъ изо-дня въ день на свой заработокъ—гдѣ ужъ на черный день сберечь. Если какой-нибудь источникъ и существовалъ, то онъ еще до ссылки изсякъ: здоровье во время сидѣнья въ тюрьмѣ расшаталось, организмъ требуетъ ухода, лучшей пищи, теплой одежды... Между тѣмъ вамъ даютъ казенныя щи, въ качествѣ теплой одежды еле обдѣланный тулупъ, короткій—только до колѣнъ, тонкій, вообще, только слово одно, что шуба — и вотъ въ открытыхъ саняхъ, на оленяхъ или собакахъ, при морозѣ, захватывающемъ дыханіе, извольте отправляться въ ссылку. Это еще положеніе болѣе нормальное. Сплошь и рядомъ мы видѣли факты такой нужды, которой совершенно невозможно помочь. Вотъ нѣсколько примѣровъ, приводимыхъ группой соціалистовъ-революціонеровъ на страницахъ „Освобожденія" изъ красноярской пересыльной тюрьмы. Человѣкъ съ туберкулезомъ ноги; чтобы онъ остался живъ, нужно вылущить ему всю ногу, до бедра включительно, а его ждетъ

Digitized by Google

ссылка въ Сибирь, гдѣ на всю ея огромную площадь приходится только 100 т. жителей, и многіе пункты ссылки отстоятъ за тысячу верстъ отъ медицинской помощи; у этого-то человѣка нѣтъ денегъ на покупку крынки молока, необходимаго для него, не говоря уже о теплой одеждѣ. Другого въ Кешму отправляютъ больнымъ хроническимъ катарромъ дыхательныхъ путей, съ начинающимся туберкулезомъ, съ расшатанной нервной системой, буквально чуть живого человѣка; эта Кешма отстоитъ въ 400 верстахъ отъ врачебнаго пункта. У ссыльнаго всего нѣсколько рублей. Третій, тоже безъ гроша денегъ и безъ теплой одежды, доведенъ въ Екатеринодарской тюрьмѣ до нервныхъ припадковъ, граничащихъ съ эпилепсіей; гонятъ на пять лѣтъ въ Якутскую область. Четвертый, назначенный туда же, безъ средствъ, безъ одежды, умираетъ въ злѣйшей чахоткѣ. И еще, и еще... расшатанные нервы, разбитые организмы, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ ничего—даже самаго необходимаго... Нѣсколько женщинъ,—нѣкоторыя съ грудными дѣтьми—слабыя, больныя, съ городскими кофточками, мелкими галошами... Ужасное, непередаваемое „путешествіе", и это путешествіе еще осложняется безчисленными столкновеніями съ администраціей, подобными тому, которое происходило въ началѣ 1903 г. въ Бутыркахъ, когда 13 человѣкъ, приговоренныхъ за сормовскую и нижегородскую демонстраціи, стали отправляться не одной партіей, какъ это обыкновенно дѣлается, а въ одиночку...

Но—допустимъ—путешествіе, такъ или иначе, совершено; заключенный доставленъ къ мѣсту назначенія—что его ждетъ на мѣстѣ назначенія? Та же тюрьма, только громадная, необъятная, тюрьма—по выраженію одного изъ защитниковъ по романовскому процессу—„безъ желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнахъ, безъ запертыхъ дверей, безъ высокаго каменнаго забора, безъ перекликающихся часовыхъ, все же молчаливо-угрюмая, недоступная, страшная келейностью тюрьма" [1]... То же издѣвательство, то же голоданіе, тѣ же истязанія — въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ всѣмъ ссыльнымъ было объявлено содержаніе циркуляра иркутскаго генералъ-губернатора о самовольныхъ отлучкахъ, согласно которому виновные въ совершеніи таковыхъ должны быть переводимы въ сѣверные округа края—Колымскій и Верхоянскій.

Новый курсъ далъ себя знать съ осени 1903 года. Положительно малѣйшее несоблюденіе полицейскихъ инструкцій стало служить поводомъ къ переводамъ политическихъ ссыльныхъ изъ деревень и городовъ, лежащихъ вблизи желѣзной дороги, въ самые глухіе углы. Администрація стала высылать ихъ даже въ такія мѣста, куда до сихъ поръ политическіе не посылались. Не говоря уже о крайне неаккуратной выдачѣ пособія, администрація даже неохотно передавала высланнымъ въ Восточную Сибирь

[1] В. В. Беренштамъ. „За право". 2-е изд. стр. 173.

Digitized by Google

политическимъ ихъ собственныя деньги, пересланныя для нихъ ихъ прежними тюремными начальниками на имя канцеляріи иркутскаго генералъ-губернатора. Эта жестокость, проявлявшаяся мѣстными помпадурами задержкой пособій, станетъ особенно понятна, если принять въ соображеніе мѣстную дороговизну предметовъ первой необходимости: въ Туруханскѣ, напримѣръ, фунтъ керосина стоитъ 12 коп., пудъ муки 3 р. 60 к., фунтъ сахара—35 к., листъ обыкновенной писчей бумаги $2^1/_2$ к. Почта отходитъ лишь два раза, а осенью и весною лишь одинъ разъ въ мѣсяцъ, такъ что не то что выписать что-нибудь, даже жалобу послать трудно. Когда же политическіе, не дождавшись казеннаго пособія, отправлялись въ городъ съ тѣмъ, чтобы лично потребовать выдачи пособія, то они встрѣчались отборной русской бранью и высылались въ еще болѣе отдаленныя мѣста. Если же люди съ свидѣтельствами врачей пробовали требовать перевода въ болѣе благопріятныя для здоровья мѣста, то администрація имъ отвѣчала, что она относится съ презрѣніемъ къ медицинскимъ свидѣтельствамъ, выдаваемымъ политическимъ заключеннымъ. Казалось, администрація, не достигнувъ успѣха въ искорененіи крамолы въ самомъ „отечествѣ", рѣшила въ могилу превратить ссылку, могилу, откуда нѣтъ возврата...

Воспользовавшись войной съ Японіей, ген.-губ. Кутаисовъ еще болѣе усилилъ репрессіи по отношенію къ ссыльнымъ. Съ этой цѣлью въ мартѣ 1904 г. имъ были изданы новыя обязательныя постановленія, въ силу которыхъ поднадзорные, виновные въ самовольномъ оставленіи мѣста жительства, наказываются, помимо высылки въ отдаленные углы, еще административнымъ арестомъ.

Самыя глухія, Богомъ забытыя, деревушки стали заселяться политическими. Въ какой-нибудь деревнѣ Ключевской или Карнауховѣ, находящихся верстахъ въ 250—300 отъ тракта, состоящихъ изъ нѣсколькихъ дворовъ, поселено 2 человѣка; въ какомъ-нибудь Ербогачинѣ, гдѣ живутъ одни лишь тунгузы, поселено 2 человѣка—и все это спеціально за то, что ссыльные ходятъ за нѣсколько верстъ за почтой.

И вотъ рядъ самоубійствъ, вооруженныхъ сопротивленій, звѣрскихъ разстрѣловъ со стороны войскъ. Исторія ихъ въ будущемъ составитъ нѣсколько томовъ. Какъ трагически покончили съ собой Самуилъ Комай (по дѣлу „Рабочей Библіотеки"), соц.-рев. Хавскій, Ш. Берлинъ (по дѣлу кіевскаго комитета)! Вы помните предсмертную записку Яновича, этой рѣдкой личности, мало имѣвшей себѣ подобныхъ, заживо похороненной послѣ 13 лѣтъ Шлиссельбургской крѣпости въ Якутскѣ. „Въ якутскую городскую полицію,—писалъ этотъ „мученикъ за правду", какъ называли его въ возложенномъ на его гробъ вѣнкѣ.—Въ моей смерти прошу никого не винить. Причина моего самоубійства—разстройство нервовъ и усталость, какъ слѣдствіе продолжительнаго тюремнаго заключенія и ссылки (въ общемъ 18 лѣтъ) въ крайне тяжелыхъ условіяхъ. Въ сущности говоря, убиваетъ меня русское

Digitized by Google

правительство. Пусть на него падетъ отвѣтственность за мою смерть, равно какъ за гибель безконечнаго ряда другихъ моихъ товарищей. 17 мая 1902 года. Людовикъ Яновичъ". Сколько людей съ ума сошло (Крыловъ, Алексѣенко и пр.)! Да, этотъ рядъ безконеченъ — попробуйте пересчитать хотя бы однихъ, покончившихъ съ собой, подобно Яновичу, въ тундрахъ Сибири. Не пересчитаете... Горькое чувство охватываетъ при мысли о томъ, что такіе прекрасные, чистые люди должны были принять смерть, отчаявшись въ близкой побѣдѣ, побѣдѣ, которая на самомъ дѣлѣ уже такъ близка... Но не въ этомъ еще все горе. Такіе акты, какъ самоубійство отдѣльныхъ лицъ, тонутъ въ такомъ же безконечномъ рядѣ массовыхъ исторій, исторій, подобныхъ извѣстному якутскому процессу— вотъ въ чемъ весь ужасъ... Не будемъ останавливаться на якутскомъ процессѣ: онъ уже хорошо извѣстенъ и по ряду нелегальныхъ матеріаловъ, и по очерку В. В. Беренштама „Якутская область и ссылка" [1]). Для того, чтобы представить себѣ всю атмосферу, весь адъ, который долженъ былъ, наконецъ, создаться въ этой атмосферѣ, вспомнимъ другую драму — на Ленѣ, чрезвычайно обыкновенную для кутаисовскихъ нравовъ драму. Она состояла въ слѣдующемъ.

Лѣтомъ 1904 года Кутаисовъ, усвоившій себѣ взглядъ на ссыльныхъ, настоящихъ и бывшихъ, какъ на вещь, которую можно во всякое время перемѣщать, не считаясь съ ея желаніями, переводилъ изъ Енисейской и Иркутской губ. въ Якутскую область колонію ссыльныхъ. Причина ссылки, по обыкновенію, была покрыта мракомъ неизвѣстности, — не было даже никакихъ поводовъ къ догадкамъ,—зато достойнымъ быть начальникомъ партіи изъ всѣхъ иркутскихъ офицеровъ Кутаисовъ призналъ лишь какого-то звѣря, буквально выродка рода человѣческаго, которому мѣсто въ тюрьмѣ или желтомъ домѣ. Паузки останавливались далеко отъ селеній, ссыльныхъ не выпускали на берегъ, а постороннихъ не допускали въ паузокъ, такъ что видѣться не удавалось. Въ продолженіе всей дороги офицеръ (Сикорскій) вызывалъ на каждомъ шагу столкновенія изъ-за свиданій съ колоніями, пѣсенъ, покупки провизіи и пр. Такъ, въ с. Манзурскомъ, въ 180 в. отъ Иркутска, произошло какое-то столкновеніе между партіей и офицеромъ, окончившееся тѣмъ, что партію связали и въ связанномъ видѣ провезли 17 в. Въ с. Чечуйскомъ была спущена назначенная въ это село ссыльная, которая купила для оставшихся товарищей сушки. Офицеръ, увидѣвъ, что она хочетъ передать ссыльнымъ сушки, вырвалъ связку у нея изъ рукъ, при чемъ грубо толкнулъ ее. Ссыльные, а также стоявшіе на берегу чечуйскій старшина и урядникъ попытались было вступиться, но офицеръ приказалъ солдатамъ стрѣлять; тѣ выстрѣлили въ воздухъ и послѣ этого стали бить политическихъ прикладами и

---

[1]) Ibid.

Digitized by Google

штыками. Послѣдніе защищались полѣньями. Въ результатѣ оказался тяжело раненымъ, съ переломомъ черепа, ссыльный Левъ Либерманъ, сосланный по варшавскому дѣлу, и нѣсколько человѣкъ, раненныхъ менѣе опасно... Но чѣмъ дальше, тѣмъ все нахальнѣе становился офицеръ. Наконецъ, онъ сталъ дѣлать попытки изнасиловать женщинъ. Одну дѣвушку онъ позвалъ къ себѣ и, заперевъ дверь на крючокъ, обратился къ ней со слѣдующей рѣчью: „Ты отсюда не уйдешь; если не отдашься сама, я силой возьму тебя. Не упорствуй, вѣдь ты, политическая сволочь, живешь со всѣми политиками“ и т. д. Къ счастью, дѣвушкѣ удалось незамѣтно снять крючокъ. Выскочивъ изъ каюты, дѣвушка хотѣла броситься въ воду, но этому помѣшали солдаты, которые стали увѣрять, что не выдадутъ ее офицеру. Тогда-то унтеръ-офицеръ изъ конвоя, по собственной инициативѣ, послалъ своему начальнику телеграмму, жалуясь, что офицеръ не выдаетъ кормовыхъ, употребляетъ оружіе, когда не нужно и пр., и офицеръ Гойманъ получилъ по телеграфу приказаніе поѣхать и смѣнить начальника этой партіи. Правда, вдругъ получилась новая телеграмма, чтобы Гойманъ поѣхалъ обратно, предоставивъ партію унтеръ-офицеру, но на это Гойманъ могъ уже лишь телеграфировать слѣдующее: „Нашелъ офицера убитымъ. Убитъ политическій Шацъ. Офицера убилъ политическій Минскій. Оставить партію не могу. Сопровождаю дальше“. А произошло слѣдующее. Когда Сикорскій приказалъ двумъ солдатамъ снова привести къ нему ту же дѣвушку, то они отказались исполнить это приказаніе. И вотъ—въ 4 часа ночи—онъ выстроилъ всю команду, приказалъ всѣмъ зарядить ружья и въ сопровожденіи двухъ солдатъ отправился въ то отдѣленіе, гдѣ спали женщины. Между тѣмъ, политическіе, зная, что Сикорскій ни передъ чѣмъ не остановится, приняли всѣ возможныя мѣры предосторожности и защиты. У всѣхъ женщинъ былъ приготовленъ ядъ на крайній случай, мужчины стояли на стражѣ. Бывшій студентъ томскаго университета Минскій, замѣтивъ приближеніе офицера, выстрѣлилъ въ него въ упоръ и убилъ наповалъ. И два солдата—оба татары—выстрѣлили. Одинъ легко ранилъ Минскаго, другой убилъ выглянувшаго на выстрѣлъ Шаца. Оставшись безъ начальства, солдаты стали совѣщаться, какъ имъ быть. Нѣкоторые предлагали перебить всѣхъ, но большинство нашло, что за такого офицера достаточно одного убить, а дальше ужъ судъ рѣшитъ. На слѣдствіи почти всѣ солдаты показывали противъ офицера и въ пользу политическихъ...

Тотъ же Кутаисовъ поручилъ надзоръ надъ политическими тому самому Соколову, который перехватывалъ ихъ письма, въ ихъ отсутствіе обыскивалъ квартиру, запрещалъ кататься на лодкѣ, а крестьянамъ давать имъ лошадей безъ особаго разрѣшенія и т. п., однимъ словомъ „тишину и покой“ смѣнилъ ожиданіемъ кровавыхъ сюрпризовъ, насытивъ атмосферу порохомъ и кровью. Опять столкновенія и обвиненія по 271,

Digitized by Google

285, 286 и т. п. ст. улож. о нак. Этотъ молодой, необыкновенно глупый самодуръ за время своей службы заявилъ себя такими жестокими и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшными распоряженіями, что даже мѣстные крестьяне, видавшіе всякіе виды при засѣдателяхъ, ахнули. Однимъ изъ первыхъ его дѣяній было распоряженіе, чтобы топка не производилась съ 10 ч. веч. до 8 ч. утра. Другой приказъ по „ввѣренному стану" требовалъ, чтобы крестьяне въ табельные дни вывѣшивали флаги. Вмѣнено было урядникамъ обучать крестьянъ военнымъ поворотамъ и чинопочитанію. Неспособность, рѣдкое даже для Сибири лихоимство Соколова признавались даже исправникомъ въ частныхъ разговорахъ, но приставъ, какъ это сплошь и рядомъ у насъ бываетъ, держался на мѣстѣ вопреки исправнику, благодаря какой-то сильной связи въ Петербургѣ. Опубликованіе въ „Восточномъ Обозрѣніи" факта ограбленія Соколовымъ тунгузовъ повлекло за собой лишь возвращеніе имъ части награбленнаго...

Страшно подумать, что все это должны были испытать на себѣ люди, такъ тонко, такъ чутко и чисто чувствующіе всякое насиліе, всякое оскорбленіе надъ личностью! Это именно и дѣлало положеніе ссыльнаго сплошнымъ ужасомъ. Что значила затхлая атмосфера тѣснаго паузка, тѣснаго до того, что многіе должны были спать подъ нарами, среди всякаго хлама, самая нора ссыльнаго, мрачная, прокоптѣлая, придавленная низкимъ потолкомъ, съ писчей бумагой вмѣсто стеколъ; что значила якутская дождливая осень, якутскіе морозы, отъ которыхъ стѣны покрываются налетомъ инея, вода въ самоварѣ становится льдомъ, а къ металлическимъ вещамъ нельзя притронуться голыми руками,—передъ этой моральной каторгой, которую каждый день и каждый часъ представляли всѣ эти безчисленныя столкновенія съ Соколовыми и Сикорскими, блестящими исполнителями предначертаній Кутаисовыхъ и Плеве! Какъ убить душу и умъ въ чуткомъ, мыслящемъ человѣкѣ,—и готовность принять смерть въ великой самоотверженной борьбѣ каждый день и каждый часъ размѣнивалась на мелкую монету въ мелкой борьбѣ съ этими ничтожествами за право ходить за почтой, кататься на лодкѣ, видѣться съ товарищами и пр.

Таковы „нѣсколько иллюстрацій", которыми намъ хотѣлось иллюстрировать указъ, данный сенату 21 октября — указъ объ амнистіи. Описать сколько-нибудь подробно то, что происходило за послѣдніе нѣсколько лѣтъ, которыхъ только и касается наша замѣтка, въ тюрьмѣ и ссылкѣ, въ данный моментъ еще очень трудно: это можно будетъ сдѣлать только въ будущемъ. Зато—надѣемся—мы обрисовали общее положеніе. Хотя нами и взяты болѣе или менѣе выдающіяся событія тюрьмы и ссылки, но, право же, тѣ мелкіе факты, которые поневолѣ остались въ тѣни въ очеркѣ, не менѣе, если не болѣе ужасны: вѣдь они давили людей ежеминутно, не давая ни подъ какимъ видомъ избавиться отъ ихъ отупляюще-острого

Digitized by Google

дѣйствія, а это-то и тяжелѣе всего... Наша картина дана, можетъ быть, не безъ односторонности, но во всякомъ случаѣ въ ней нѣтъ преувеличенія. Сколько надорванныхъ силъ! Какая вереница погибшихъ!—не можемъ мы не повторить собственныя слова. Но пусть нѣтъ неприкосновенности личности до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ борецъ томится въ тюрьмѣ или ссылкѣ, пусть Дурново и Витте уже заполняютъ, уже заполнили, казалось бы, опустѣвшія отдаленныя и не столь отдаленныя мѣста, пусть вся страна въ траурѣ по ихъ жертвамъ, которымъ уже опять потерянъ счетъ, все же день 21 октября былъ днемъ своеобразной побѣды...

А. Клейнбортъ.

Digitized by Google

Журнальныя замѣтки.

Въ царствованіе Николая перваго, вскорѣ послѣ 14 декабря 1825 года, когда вожди освободительнаго движенія Пестель, Рылѣевъ, Бестужевъ, Муравьевъ и Каховскій были повѣшены, а сотни ихъ единомышленниковъ сосланы въ каторгу, надъ крѣпостной Россіей опустилась мрачная ночь реакціи. Потянулись годы, о „которыхъ историкъ, скорбя, говоритъ".

Въ эти годы жилъ и работалъ на благо... третьяго отдѣленія знаменитый Фаддей Булгаринъ, прародитель Каткова, Грингмута, Берга и Шарапова.

Въ правящихъ сферахъ Булгаринъ извѣстенъ былъ за „своего человѣка", преданнаго исконнымъ началамъ, за патріота; въ литературныхъ кругахъ Пушкинъ, Жуковскій, Бѣлинскій и другіе клеймили его, какъ „патріотическаго предателя", и остерегались, какъ чиновника особыхъ порученій при шефахъ жандармовъ.

Этотъ-то патріотъ своего отечества въ самый разгаръ реакціи подалъ докладную записку, кому слѣдуетъ, и въ этой запискѣ высказалъ такую въ высшей степени мудрую мысль: „*Нашу публику легко покорить, увлечь и привязать къ трону одной только тѣнью свободы* мнѣній насчетъ нѣкоторыхъ мѣръ и проэктовъ правительства. Совершенное безмолвіе возбуждаетъ недовольство и заставляетъ предполагать слабость. Неограниченная гласность порождаетъ своеволіе, *гласность же, вдохновляемая самимъ правительствомъ, примирить обѣ стороны* и для обѣихъ будетъ полезна".

То, что въ двадцатыхъ годахъ было высказано Булгаринымъ, этимъ лакеемъ власти, не знавшей удержу, какъ мудрое указаніе, направленное къ укрѣпленію и процвѣтанію основъ,—то практиковалось на Западѣ не разъ съ легкой руки Меттерниха въ „смутныя эпохи", когда колебались пресловутыя „основы", и возмущенная стихія выходила изъ своихъ береговъ.

Фердинанду Лассалю, вдохновенному пророку „четвертаго сословія"—

Digitized by Google

рабочаго класса, въ его знаменитой рѣчи „Что же дальше", произнесенной въ 1862 году, удалось блестяще разоблачить эту „практику" гибнущихъ правительствъ и установить въ высшей степени любопытный законъ, наблюдаемый всякій разъ, когда передъ хранителями незыблемыхъ основъ встаетъ проклятый вопросъ „быть или не быть".

Вотъ выдержки изъ рѣчи Фердинанда Лассаля: „Старый дипломатъ Талейранъ сказалъ: „со штыками можно сдѣлать все—нельзя только сидѣть на нихъ!" Вы понимаете, конечно, господа, почему нельзя на нихъ сидѣть. Они воткнутся сидящему въ мясо. Талейранъ хотѣлъ этой остротой сказать, что штыками можно очень скоро все сдѣлать, но создать изъ нихъ сколько-нибудь прочное основаніе нельзя. Абсолютизмъ, несмотря на всю свою неподатливость, вовсе не желаетъ влачить сомнительное существованіе, находиться въ постоянномъ противорѣчіи съ общественными отношеніями силъ и ежемгновенно *рисковать, что эти отношенія, подобно лавинѣ, обрушатся ему на грудь и раздавятъ его.* Для продленія, насколько возможно, своего существованія у него имѣется только одно средство. Средство это—*лжеконституціонализмъ... Абсолютизмъ даетъ конституцію, въ которой права народа и его представителей не обезпечены никакой реальной гарантіей и низведены до минимума.* Такой конституціей абсолютизмъ уже заранѣе отнимаетъ у представителей народа частью возможность, частью желаніе стать въ независимое отъ него положеніе"... „Въ концѣ концовъ абсолютизмъ ставитъ себѣ за правило—считать несуществующимъ всякое независимое постановленіе народныхъ представителей, если только оно противорѣчитъ его желаніямъ. Однако это рѣшеніе нисколько не мѣшаетъ ему сохранять наружный видъ конституціоннаго правленія. Какъ только абсолютизмъ сдѣлалъ этотъ шагъ, превратился въ лжеконституціонализмъ, онъ пріобрѣлъ большую выгоду и на неопредѣленное время продлилъ свое существованіе. Если бы онъ хотѣлъ оставаться въ своемъ старомъ неприкрашенномъ видѣ, онъ не могъ бы расчитывать на долговѣчность. Открыто... признанное противорѣчіе между нимъ и общественнымъ строемъ сдѣлало бы его низверженіе настоятельнымъ, постояннымъ паролемъ общества. По самой природѣ вещей все общество необходимо сдѣлалось-бы ничѣмъ инымъ, какъ обширнымъ заговоромъ противъ своей правительственной формы. Такого положенія не выдержать долго ни одному правительству"... „Но если, наоборотъ, абсолютное правительство облечется *въ пустую внѣшность конституціонныхъ формъ* и подъ нею будетъ продолжать прежній абсолютизмъ, то оно можетъ выиграть чрезвычайно много, такъ какъ здѣсь однородность, повидимому, счастливо достигнутая между формой правленія и господствующимъ въ обществѣ сословіемъ можетъ усыпить и умиротворить послѣднее. *То, что должно быть достигнуто, кажется уже достигнутымъ. Это заблужденіе успокаиваетъ, ослабляетъ и при-*

Digitized by Google

тупляетъ борьбу, дѣлаетъ народныя массы частью недовольными, частью безразличными и индиферентными. Съ этихъ поръ къ ниспроверженію правительства стремятся только силы, дѣйствующія въ обществѣ безсознательно, а не собственное сознаніе этого общества. Слѣдовательно, лжеконституціонализмъ... вовсе не пріобрѣтеніе народа, а, наоборотъ, пріобрѣтеніе абсолютизма, удлиняющее его существованіе. Лжеконституціонализмъ состоитъ, слѣдовательно въ томъ, что правительство утверждаетъ *то, чего нѣтъ*... что оно объявляетъ государство конституціоннымъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно абсолютно"...

Вышеприведенныя предательскія указанія Фаддея Булгарина и вдохновенныя слова Фердинанда Лассаля невольно пришли намъ на память, когда мы попытались представить себѣ исторію появленія на свѣтъ дѣтища бюрократическаго творчества, закона 6-го августа 1905 года, его природу, его цѣли и тотъ пріемъ, котораго удостоилось это дѣтище со стороны „господствующихъ сословій", его будущихъ воспріемниковъ.

Десятки лѣтъ надъ родиною нашей тяготѣло „иго самовластья", по выраженію геніальнаго поэта. Вся энергія, весь вѣковой опытъ самовластной бюрократіи были направлены на служеніе единому божеству, имя которому: „Старый порядокъ".

На алтарь этого божества приносилось въ жертву „все живое и честное"; все, что заставляло биться сильнѣе отважныя сердца; все, что въ глазахъ лучшихъ людей является высокимъ и прекраснымъ, а въ глазахъ хранителей основъ безсмысленными мечтаніями и вредными ученіями.

Насущнѣйшія нужды „забытой деревни", духовные запросы страны, права человѣка и гражданина,—все это топилось въ морѣ чернилъ, хоронилось подъ грудами канцелярскихъ „дѣлъ", задыхалось подъ душными сводами склеповъ-канцелярій...

Люди гибли, а каменное лицо божества оставалось холоднымъ и неизмѣннымъ, и умѣло говорить это божество только одно слово: „несвоевременно".

Голодъ былъ нормальнымъ состояніемъ деревни.

Тьма была удѣломъ народа. „Подайте хлѣба Христа ради"... „Мы люди темные"—говорили десятки милліоновъ.

Страна, изобиловавшая естественными богатствами, разорялась. Достояніе народа расхищали разные опекуны. Безчисленныя траты на то, чего не вѣдаетъ никто, были тайной канцелярій.

На самыя насущнѣйшія требованія народа, назрѣвавшія вѣками, власть отвѣчала назначеніемъ безчисленныхъ комиссій, которыя никого и ни къ чему не обязывали.

Вопль народа и возмущенье людей, привыкшихъ молчать, повиноваться и терпѣть, власть называла смутой и анархіей, борьбу противъ произвола, мрака и голода власть приписывала „подстрекателямъ-агитаторамъ: жидамъ, полякамъ да армянамъ".

Digitized by Google

Гражданъ, стремившихся сплотиться и сорганизоваться для дружнаго отпора, власть превращала въ человѣческую пыль, въ отдѣльныхъ посѣтителей страны, разобщала и вооружала другъ противъ друга.

Народа не было, а были люди посторонніе, чужіе люди для той страны, въ которой они родились. Были граждане, у которыхъ не было своего государства, было государство, у котораго не было гражданъ, былъ „порядокъ", основанный на сплошномъ безпорядкѣ, не было юстиціи, но была полиція, была твердая и сильная власть, былъ урядникъ, говорившій: „государство—это я"...

Власть существовала для поддержанія собственнаго престижа, для усиленной охраны основъ, для искорененія и внѣдренія, для поощренія благомыслящихъ и для подавленія крамолы. *Власть существовала для власти*, но не для удовлетворенія нуждъ страны. Не правительство для народа, а народъ для правительства, довлѣющаго себѣ.

Всѣ, кто не хотѣлъ признавать *такое* правительство, *такую* власть, объявлялись анархистами и внутренними врагами, и готовность отдать за народъ свою жизнь служила только доказательствомъ явной неблагонадежности. „Анархистамъ никакой пощады"—недаромъ говорилъ Муравьевъ, бывшій министръ „юстиціи", и ему вторили всѣ великіе и малые инквизиторы, устраивавшіе погромы, сокрушавшіе ребра, расхищавшіе казну, создававшіе анархію въ самомъ худшемъ и въ самомъ ужасномъ смыслѣ этого слова.

Горе тѣмъ, кто не могъ и не хотѣлъ признать такую анархію за „незыблемыя основы": имъ показывали „кузькину мать"; ихъ гнали туда, „куда Макаръ телятъ не гоняетъ"; для нихъ „не жалѣли патроновъ" и не затягивали судебнаго разбирательства. Веревка на шею—и конецъ. „Только однимъ человѣкомъ убавилось"!

Даже страшно подумать, что все это было недавно, да только-ли было?

Эта страна рабства, гдѣ такъ трудно было жить и такъ легко умереть, называлась нашей родиной.

Здѣсь все должно было покоряться, терпѣть и молчать. И многіе покорились: убили въ себѣ „душу живу"— „общественные инстинкты", перестали „соваться не въ свое дѣло", спрятались въ футляръ, стали жить особнячкомъ, по „маленечку да по божьему" въ своей мутной и тихой „заводи", вѣрнѣе, не жить, а существовать, и это трепетное существованіе дрожащихъ тварей называлось россійскимъ благополучіемъ.

Но не все обстояло благополучно! Грозное рабочее движеніе со времени великой петербургской стачки 1905 года широкимъ потокомъ разливалось по всей странѣ и заражало протестомъ, зажигало огнемъ недовольства и такъ называемое общество, и голодную деревню. Десять лѣтъ Горемыкины, Сипягины, Плеве топтали движеніе, а пролетаріатъ, этотъ Га-

Digitized by Google

лилей нашего времени, гордо бросалъ свой мощный вызовъ всѣмъ этимъ маленькимъ самодержцамъ: „а все-таки движется". Стачка—эта чисто пролетарская форма борьбы—изъ мизерной забастовки 15 портныхъ Люмірера, о которой такъ много писало когда-то „Рабочее Дѣло" въ эпоху экономизма, превратилась въ величайшее и побѣдоносное орудіе революціонной борьбы. Словомъ, забастовка стала опредѣлять въ широкихъ кругахъ каждое движеніе противъ правительства и капиталистовъ. Забастовка дала ключъ всѣмъ угнетеннымъ и закованнымъ, и они этимъ ключемъ отпирали заржавленные замки. Студенты, земцы, гимназисты, семинаристы заимствовали у пролетаріата эту форму борьбы. Еще при Плеве разыгралась знаменитая іюльская стачка 250 тысячъ рабочихъ на югѣ Россіи, еще при Плеве бастовали семинаріи и университеты.

Проклятые вопросы вышли изъ могилъ, въ которыя живьемъ закопалъ ихъ старый порядокъ, вышли и стали требовать разрѣшенія во что-бы-то ни стало. Власть понимала слово „порѣшить" въ смыслѣ убить, но такой отвѣтъ только колебалъ основы и убивалъ вѣру въ силу власти даже у обывателей.

Японская война окончательно обнаружила „маленькіе недостатки механизма", окончательно разбила вѣру въ могущество великой державы, вѣру, которую внушали намъ съ колыбели. Рѣки крови оказались страшнымъ реактивомъ, проявившимъ все неблагополучіе нашей страны, всю жалкую немощь всемогущей власти. „Гдѣ-же мощь, гдѣ несокрушимая сила, о которой намъ пѣли колыбельныя пѣсни"? спрашивали 150 милліоновъ нашего народа.

И въ отвѣтъ раздался красный смѣхъ, потрясшій всѣхъ и заставившій содрогнуться даже каменныя сердца!

И тогда тѣ, которые покорялись, стали протестовать, тѣ, которые молчали, заговорили, и вся страна, какъ одинъ человѣкъ, сплотилась, возстала и сказала языкомъ гражданъ, а не рабовъ: „Стыдно такъ жить, какъ мы жили. Это не жизнь, а позоръ. Довольно! У насъ есть родина, мы граждане великаго народа, пора намъ вернуться въ свою страну. Родину грязными погаными лапами захватили чужіе; эти гады позорятъ и оскверняютъ ее. Пора покончить съ ними, пора покончить со старымъ порядкомъ. Ни минуты промедленія!"...

Совершилось великое, прекрасное дѣло, и мы были свидѣтелями его: народъ возвратился въ свою страну, на родину, послѣ мучительно долгихъ скитаній по безводной и каменистой пустынѣ безправья, нищеты и египетской тьмы. Народъ возвратился и потребовалъ къ отвѣту своихъ недавнихъ повелителей и пригвоздилъ своихъ недавнихъ судей къ позорному столбу.

Народъ возвратился и самъ захотѣлъ стать кузнецомъ своего счастья,

Digitized by Google

самъ захотѣлъ рѣшать сознательно, властно и свободно, не „въ принципѣ“, а *фактически* задачи, выдвинутыя жизнью и вычеркнутыя изъ жизни самодержавіемъ.

Напрасно жалкіе приспѣшники прогнившаго самодержавія лепетали трусливо лживыя слова: „правительству сила власти, народу сила мнѣнія“, власть принадлежитъ тѣмъ, у кого сила, а сила перешла отъ правительства на сторону народа. И тщетно правительство тысячи разъ вопіяло о незыблемыхъ основахъ, и требовало почтенія и повиновенія себѣ, правительство потеряло власть, оно было безсильно, а съ мнѣніями правительства насчетъ мнимой незыблемости основъ уже народъ не считался. Онъ былъ *властенъ* это сдѣлать.

Самодержавію бюрократіи было противопоставлено представительство отъ всего народа, такъ называемая „четырехвостка“ стала паролемъ и лозунгомъ всего народа.

Передъ нетвердой и несильной властью кровавымъ призракомъ вставалъ „заговоръ всего народа“, всталъ вопросъ: „быть или не быть“.

Попыткой задушить этотъ заговоръ и отвѣтить на проклятый вопросъ былъ знаменитый „законъ 6 августа 1905 г. объ учрежденіи Государ. Думы“, — эта юмористическая конституція по рецепту Кузьмы Пруткова, долженствовавшая соединить несоединимое, огонь и воду, самодержавіе съ народнымъ представительствомъ“ (де-Роберти).

Въ тиши канцелярій, безъ всякаго участія народа, силою бюрократическихъ заклинаній и таинственныхъ чаръ на развалинахъ призрачнаго благополучія была вызвана изъ могилы безправія та самая „тѣнь свободы“, о которой когда-то мечталъ Ѳаддей Булгаринъ, собираясь нашу публику „покорить, увлечь и привязать къ трону“.

Страна говорила ясно, рѣшительно и безъ всякихъ иносказаній: „Бюрократія должна уступить мѣсто народнымъ представителямъ“. Сторонникамъ ежовыхъ рукавицъ и татарской плети милліоны гражданъ говорили: „подите прочь!“ Бюрократія не должна быть тамъ, гдѣ хочетъ быть народъ.

И что же? Бюрократія понатужилась и произвела на свѣтъ Божій плоть отъ плоти своей и кость отъ костей своихъ уродливое чадо по образцу своему и подобію „въ старомъ вицъ-мундирѣ съ новыми заплатами“, чадо, которому въ святцахъ исторіи уже дано настоящее имя: „лжеконституціонализмъ“.

Перефразируя слова Лассаля, мы скажемъ: бюрократія произвела на свѣтъ народное представительство безъ народа, „народное представительство, въ которомъ права народа и его представителей необезпечены никакой реальной гарантіей и низведены до минимума“, вѣрнѣе, до нуля.

Создавая поддѣлку подъ народное представительство, бюрократія возвѣстила то, чего не было, и подъ видомъ новаго учрежденія даровала народу то старое, давно отброшенное, чего онъ не просилъ.

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, что представлялъ собою законъ 6 августа 1905 г., столь торжественно провозглашенный?!

Вмѣсто народнаго представительства, призваннаго властно рѣшать, контролировать и призывать къ отвѣту прежнихъ властителей душъ и тѣлесъ, бюрократія создала у себя гдѣ-то на черномъ дворѣ у подножія мусорной ямы, куда попадаетъ всякій хламъ, „новое учрежденіе, новую коммиссію-говорильню въ большомъ масштабѣ, говорильню, въ которой должны были засѣдать, „брады уставя", думать, подавать благіе совѣты и спрашивать, не получая отвѣта, немногіе счастливые обыватели, избранные изъ немногихъ довѣріемъ правительства облеченныхъ слоевъ населенія. Къ этимъ избранникамъ вполнѣ приложимы слова поэта „суждены вамъ благіе порывы, но... свершить ничего не дано". В. Гессенъ не даромъ острилъ въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, читая свой докладъ: „Правительство предоставило Государственной Думѣ два права: право просьбъ и право мнѣній, себѣ-же оно оставило только одно: право не внимать ни просьбамъ, ни мнѣніямъ"...

Самыя основанія, на которыхъ должны были производиться выборы, должны были только довершить этотъ „дворецъ народа", сооруженный въ древнерусскомъ стилѣ. Бюрократія прекрасно сознавала, что *отъ этихъ основаній „зависитъ самый составъ избираемыхъ* лицъ, *зависятъ и ихъ воззрѣнія, и та степень пониманія дѣлъ государственныхъ, которую они принесутъ съ собою.* Если способы участія избранныхъ населеніемъ лицъ въ обсужденіи государственныхъ предположеній и кругъ предметовъ, представляемыхъ ихъ вѣдѣнію, опредѣлили собою границы, въ которыхъ будетъ протекать ихъ дѣятельность, то съ другой стороны *основанія выборовъ предрѣшали самое направленіе дѣятельности* этихъ лицъ и свойство ихъ отношеній къ упадающей на нихъ трудной задачѣ".

Сознавая это, бюрократія совершенно отстранила отъ выборовъ, лишила политическихъ правъ демократическую интеллигенцію и рабочій классъ. Бюрократія стояла на строго реальной почвѣ, она считалась съ общественнымъ бытіемъ, опредѣляющимъ формы сознанія, она считалась съ воззрѣніями, съ пониманіемъ дѣлъ государственныхъ и направленіемъ дѣятельности означенныхъ группъ. Рабочій классъ и демократическая интеллигенція оказались непримиримыми, неблагонадежными, а потому однимъ почеркомъ пера на положеніе ссыльно-каторжныхъ, лишенныхъ правъ, возводились милліоны лучшихъ гражданъ страны, однимъ почеркомъ пера вычеркивались изъ жизни какъ разъ тѣ, которые шли на встрѣчу жизни и самоотверженной борьбой завоевывали права человѣка и гражданина для всей страны.

Но вычеркнуть было мало, необходимо было искоренить, и для этого наряду съ трибунами для будущихъ депутатовъ въ говорильнѣ строились эшафоты для лишенныхъ правъ.

Digitized by Google

Усиленная охрана и военное положеніе являлись гарантіями этого покоренія.

Самодержавіе проявило геніальныя способности въ дѣлѣ отстаиванья стараго порядка.

Однимъ актомъ 6 августа оно предполагало щегольнуть передъ „всѣми Европами“ россійскимъ парламентомъ и заручиться кредитомъ отъ европейскихъ банкировъ, которые самодержавію не вѣрили, а у себя дома правительство предполагало возможнымъ однихъ задавить, другихъ обласкать и увлечь, третьихъ использовать въ качествѣ темной силы.

Разстрѣлы рабочихъ, переговоры и соглашенія съ либералами изъ самыхъ благонадежныхъ, хожденіе въ народъ, къ лавочникамъ-охотнорядцамъ и міроѣдамъ, съ провокаторскими цѣлями — вотъ тотъ политическій курсъ, который послѣ шестимѣсячнаго творчества намѣтило правительство.

Къ чему-же привелъ этотъ курсъ, какъ отнеслись разные классы населенія къ этой мудрой попыткѣ разъединить и задавить?

Нужно правду сказать, наша фрондирующая печать, начиная съ „Русскихъ Вѣдомостей“ и кончая „Русской Мыслью“ оказалась далеко не на высотѣ въ тотъ историческій моментъ, когда народъ долженъ былъ выдержать экзаменъ политической зрѣлости. Либеральные борзописцы „заиграли въ трубы мѣдныя“ съ бѣшеннымъ восторгомъ... „Новая эра!“ „Наконецъ-то!“ „знаменательный день“—надрывались эти господа, хотѣвшіе севрюжины съ хрѣномъ больше, чѣмъ конституціи. Старчески шамкающая беззубымъ ртомъ, подслѣповатая „Русская Мысль“, по примѣру старца Симеона Богопріимца, запѣла „нынѣ отпущаеши“ и усмотрѣла въ законѣ 6 августа 1905 года „зарю свободы просвѣщенной“. Милюковъ въ „Правѣ“ просто заявилъ, что послѣ 6 августа нѣтъ болѣе бюрократическаго строя. Бюрократическій строй и Гольцеву и Милюкову показалъ, однако, что еще живъ Курилка: двѣ книги „Русской Мысли“ были одна за другой задержаны за самое невинное содержаніе, а Милюковъ на другой день послѣ опубликованія закона о Государственной Думѣ былъ тоже задержанъ и препровожденъ въ тюрьму.

Въ тѣ дни, когда россійскій либерализмъ внушалъ правительству, что вѣритъ въ его благія намѣренія, что ждетъ отъ него великихъ и богатыхъ милостей, правительство запрещало газеты, арестовывало, разстрѣливало и самымъ наглымъ образомъ лгало. Каждымъ своимъ шагомъ оно не говорило, а вопіяло: „не вѣрьте мнѣ, честные люди!“

Торжественный тонъ газетъ и даже либеральныхъ журналовъ, ожидавшихъ, что „изъ горчичнаго зерна вырастутъ великія права“, глубоко возмущалъ тѣхъ, кто принадлежалъ къ партіямъ дѣла, а не словъ, къ партіи борьбы, а не къ партіи влюбленныхъ воздыханій да воздушныхъ поцѣлуевъ.

Невольно приходили на память пламенные упреки Фердинанда Лассаля,

Digitized by Google

когда-то направленные противъ такихъ же реальныхъ политиковъ. „Въ послѣднее время,—говорилъ онъ въ 1863 году, — съ наступленіемъ новой эры вожаки народной партіи примѣняли систему заявленія того, *чего нѣтъ*; они исходили изъ той точки зрѣнія, что надо *скрывать*, *смягчать и затушевывать*. Они думали: надо до тѣхъ поръ твердить правительству, что оно конституціонно, пока оно само увѣруетъ въ это. Они хотѣли такимъ образомъ обмануть правительство. Но всѣ реальные успѣхи въ жизни и исторіи достигаются путемъ реальной обработки и передѣлки, а не путемъ обмана. Эти нищіе духомъ и не видѣли, что они, сами того не желая, превратились въ агентовъ правительства, благодаря своему средству и вытекавшимъ изъ него послѣдствіямъ. Это средство употребляетъ самодержавіе, облекаясь въ мантію лжеконституціонализма и заявляя такимъ образомъ то, чего нѣтъ... Эти нищіе духомъ... одобряли правительство, и оно само удивлялось тому довѣрію и репутаціи, которую они создали, и тому ореолу „новой эры", которымъ они его окружили. Эти нищіе духомъ, ежедневно боровшіеся въ своихъ газетахъ съ безнравственностью, не видѣли, что ложь есть глубоко безнравственное средство, могущее служить въ политической борьбѣ только правительственному маккіавелизму, но отнюдь не интересамъ народа"...

Уже съ изданіемъ закона 6 августа можно было наблюдать эволюцію нашихъ россійскихъ Мирабо. До 6 августа во время іюльскаго съѣзда земскій дѣятель Колюбакинъ обращался къ участникамъ этого съѣзда со словами: „не губите себя, идя въ непотребное учрежденіе. Васъ тамъ будетъ меньшинство, и даже это меньшинство погубитъ себя въ глазахъ населенія"... Послѣ 6 августа на сентябрьскомъ съѣздѣ за мѣсяцъ до октябрьской революціи тотъ-же Колюбакинъ говорилъ уже вовсе не то: „Въ іюлѣ я говорилъ за бойкотъ, но теперь передъ нами уже не проэктъ Булыгина, а законъ, и теперь я измѣнилъ свое мнѣніе"...

Въ этихъ немногихъ словахъ—въ высшей степени любопытная черточка нашихъ реальныхъ политиковъ. Это рабы обстоятельства, которые привыкли просить, а не требовать, принимать, а не завоевывать, роптать, а не бороться, каждый призракъ готовы принять за дѣйствительность и въ 24 часа измѣнить своему вчерашнему лозунгу. Правительство писало десятки манифестовъ и сотни циркуляровъ и законовъ. Бумага все терпитъ! Но бумажнымъ путемъ не разрѣшить противорѣчій жизни и не измѣнить общественныя отношенія. Для реальныхъ политиковъ клочекъ бумаги, на которомъ вмѣсто проэкта непотребнаго учрежденія красовалось это учрежденіе, какъ фактъ, какъ законъ, для нихъ этотъ клочекъ бумаги заслонилъ тѣ фактическія отношенія, которыя заставили правительство идти на уступки или, вѣрнѣе, заставили сдѣлать видъ, что оно пойдетъ на уступки.

Интересно, что въ органѣ реальныхъ политиковъ въ № 76 въ статьѣ Индепедениса обнаружилось то же рабство передъ уже опубликованнымъ

Digitized by Google

закономъ. Авторъ статьи писалъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ (не забывайте: наканунѣ октябрьскихъ дней):

„Прежде всего нужно отмѣтить, что вопросъ ставится теперь совершенно иначе, чѣмъ до 6 августа. Когда шла рѣчь *о законопроектѣ*, вся дѣятельность, скажемъ, общеземскаго съѣзда была направлена на то, чтобы не дать этому проекту и положеннымъ въ его основу началамъ получить воплощеніе. Къ этому сводились и подробная, уничтожающая критика, сдѣланная въ бюро, и работа по составленію собственнаго проекта. Съ этой точки зрѣнія надлежало-бы, прежде всего, въ интересахъ тактическихъ, отвергнуть всякое рѣшенье, которое могло-бы поддерживать жизнеспособность булыгинскаго проекта, а такимъ несомнѣнно было-бы заранѣе принятое рѣшенье—участвовать въ выборахъ. Такимъ образомъ, если-бы въ іюлѣ предстояла дѣйствительная необходимость постановить по этому вопросу рѣшеніе, то, не входя въ существо вопроса, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, дать отрицательный отвѣтъ. Но такъ какъ такой отвѣтъ уже долженъ былъ бы связать участниковъ съѣзда, то наилучшимъ выходомъ оказалась отсрочка. Въ самомъ дѣлѣ, *теперь уже ни то*, ни другое рѣшеніе не можетъ повліять на судьбу проекта. Теперь мы *имѣемъ дѣло съ закономъ, опубликованіе котораго состоялось*".

Этотъ опубликованный законъ вызвалъ по всей странѣ безконечные споры о томъ, идти или не идти въ думу. Одни предлагали идти, чтобы взорвать эту кунсткамеру изнутри, идти, чтобы со всероссійской трибуны заклеймить эту организованную поллость гнилого режима. Другіе предлагали идти туда, въ эту думу, и работать, до этого договорилась въ сентябрѣ „Наша Жизнь"; третьи предлагали посылать представителей съ императивнымъ мандатомъ, заранѣе обязавъ ихъ сорвать думу и провозгласить Учредительное собраніе, и въ то же время призывали пролетаріатъ создать революціонное самоуправленіе народа. Наконецъ были такіе, которые провозглашали „разгонъ" выборщиковъ, разгонъ депутатовъ, провозглашали „бойкотъ", какъ послѣдовательный выводъ изъ презрительно-отрицательнаго отношенія къ „Государственной Думѣ".

Какъ отнеслись наши журналы къ вопросу, идти или не идти?

Журналъ „Вѣстникъ Европы" („Хроника—Внутреннее обозрѣніе", Августъ 1905 г.) оказался благоразуменъ, какъ всегда, и торжественно поучалъ:

„Попытка осуществить политику уклоненія отъ выборовъ привела бы, по всей вѣроятности, только къ тому, что въ средѣ Государственной Думы побѣда легко, почти безъ бою, досталась-бы сторонникамъ стараго режима. Возникла-бы возможность утверждать, что такой исходъ дѣла выражаетъ собою желанія страны; получилась-бы организованная сила, которую можно было-бы съ нѣкоторымъ—конечно, чисто формальнымъ—основаніемъ противупоставлять требованію коренной реформы. Совершенно иныхъ результатовъ можно ожидать отъ общаго активнаго участія въ выборахъ.

Digitized by Google

Какъ-бы неудовлетворительна ни была избирательная система, она можетъ дать не малое число людей, *готовыхъ идти все дальше и дальше по дорогѣ преобразованій*. Для этого нужны дружныя усилія всѣхъ противниковъ тьмы и застоя, нуженъ временный союзъ, подобный тому, благодаря которому могла состояться депутація 6-го іюня. Если на сторонѣ союза окажется большинство, онъ можетъ настоять на немедленномъ осуществленіи всѣхъ видовъ свободы, безъ которыхъ немыслима правильная политическая жизнь... Онъ можетъ ярко выставить на видъ несостоятельность устоевъ, на которыхъ построено представительство, недостаточность правъ, за нимъ признанныхъ. Если сторонники прогрессивнаго движенія останутся въ меньшинствѣ, тогда, но только тогда, можетъ быть поднятъ вопросъ объ отказѣ отъ дальнѣйшаго участія въ непоправимо испорченномъ дѣлѣ. Что *сознаніе несовершенства избирательной системы совмѣстимо съ работой* въ представительномъ собраніи на основаніи этой системы— доказательства этому можно найти на каждой страницѣ западно-европейской исторіи". Давно уже извѣстно, что сотрудники „Вѣстника Европы" люди очень почтенные, они работали и въ комиссіи Кобеко, они стали-бы работать и въ комиссіи Булыгина. Они всегда были „готовы идти все дальше и дальше по дорогѣ преобразованій". Только истиннымъ борцамъ за истинныя преобразованія не по дорогѣ съ благоразумными политиками.

Газета „Наша Жизнь" не далеко ушла отъ „Вѣстника Европы" въ своемъ благоразуміи. „Логически можно мыслить вступленіе въ думу лишь съ цѣлью заявить о ея совершенной непригодности для прогрессивной работы, чтобы затѣмъ уйти изъ нея впредь до полной ея организаціи,— великодушно допускала эта газета, и тутъ-же добавляла:—„*Мы очень мало вѣримъ въ какой-либо практическій результатъ отъ подобнаго образа дѣйствій и считаемъ невѣроятной возможность такого дѣйствія со стороны сколько-нибудь значительной группы членовъ думы*".

„Придавая главнѣйшее значеніе въ дальнѣйшемъ политическомъ, соціальномъ и экономическомъ развитіи Россіи активности всего населенія, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что участіе прогрессивной интеллигенціи *какъ въ выборахъ, такъ и въ самой думѣ* отнюдь не можетъ повредить этой активности, а, напротивъ, явится новымъ факторомъ этого подъема. Такова наша точка зрѣнія, съ которой надлежитъ оцѣнивать предвыборную агитацію, а затѣмъ *дѣятельность Думы* и ея отдѣльныхъ членовъ".

Къ благоразумію „Вѣстника Европы", къ трезвенности „Нашей Жизни" можно присоединить чуткость „Русской Мысли".

Свою чуткость „Русская Мысль" достаточно краснорѣчиво обнаружила въ своей знаменитой редакціонной статьѣ, по поводу „зари свободы просвѣщенной", и можно было-бы не останавливаться на ея размышленіяхъ у параднаго подъѣзда Думы. Но „Русская Мысль" сумѣла выдви-

Digitized by Google

нуть типичную обывательскую точку зрѣнія на исторію и эту точку зрѣнія необходимо закрѣпить на будущее время въ памяти читателей, еще ненаучившихся приспособляться къ обстоятельствамъ и „проводить свои принципы такъ, какъ того требуютъ обстоятельства времени и даннаго положенія". То, что мы привыкли называть обывательскимъ оппортунизмомъ, то „Русская Мысль" величаетъ чуткостью.

Въ этомъ толстомъ журналѣ въ сентябрьскомъ внутреннемъ обозрѣніи мы находимъ слѣдующее:

„Указываютъ и на то, что во всякомъ случаѣ Дума, какова-бы ни была ея собственная дѣятельность, будетъ представлять собою широкую и видную арену для выраженія и распространенія политическихъ идей, какой при нашихъ условіяхъ не могутъ быть ни земскія и другія общественныя и частныя собранія, ни литература. Поэтому всякая партія сдѣлала-бы большую политическую ошибку, отказавшись отъ пользованія этимъ способомъ распространенія своего ученія, даже, если-бы оно и не вело непосредственно къ практическимъ послѣдствіямъ. Мы принципіально согласны съ этимъ мнѣніемъ. Но мы не можемъ отказать въ логичности и послѣдовательности тѣмъ, кто говоритъ, что, отрицая въ теоріи всякое достоинство учрежденія, не слѣдуетъ участвовать въ немъ и на практикѣ. Мы полагаемъ однако, что формальная логичность и послѣдовательность въ политической жизни не есть еще самое главное, что политическая партія часто бываетъ сильна не столько логической стройностью своей программы, сколько *чуткостью* ко всѣмъ, хотя и временнымъ, явленіямъ, возникающимъ въ жизни народа, способностью тотчасъ активно откликнуться на нихъ и *энергично работать и бороться въ тѣхъ именно условіяхъ, которыя даются ходомъ исторіи, не отрекаясь отъ своихъ принциповъ, но проводя ихъ такъ, какъ того требуютъ обстоятельства времени и даннаго положенія.* Не всегда также борьба бываетъ нужна лишь въ ожиданіи немедленной удачи. Иногда даже пораженіе, вызывающее усиленіе энергіи, лучше подготовляетъ будущую побѣду, чѣмъ *отказъ* отъ борьбы. Между тѣмъ уклоненіе въ данномъ случаѣ отъ участія въ выборахъ скорѣе всего получитъ характеръ такого отказа. Если-бы оно могло явиться, какъ общій протестъ противъ неудовлетворительности закона 6 августа, то это было бы еще извѣстнымъ способомъ борьбы, но подобнаго общаго протеста не ожидаютъ и самые сторонники бойкота. Можно сказать навѣрное, что выборы пройдутъ своимъ чередомъ и въ томъ или иномъ составѣ, но Дума будетъ выбрана, а въ такомъ случаѣ для уклонившейся отъ выборовъ партіи получится лишь тотъ результатъ, что она устранитъ сама себя"...

„Вѣстникъ Европы", „Русская Мысль", „Наша Жизнь" только выражали господствовавшее настроеніе сентябрьскаго съѣзда городскихъ и земскихъ дѣятелей, всегда готовыхъ „энергично работать и бороться въ

Digitized by Google

тѣхъ именно условіяхъ, которыя даются ходомъ исторіи, не отрекаясь отъ своихъ принциповъ, но проводя ихъ такъ, какъ того требуютъ обстоятельства времени и даннаго положенія". Земскій съѣздъ рѣшительно высказался противъ бойкота извнѣ и очень нерѣшительно и неопредѣленно высказался по вопросу о томъ, что же будутъ дѣлать депутаты въ государственной думѣ, будутъ-ли они проводить бойкотъ извнутри, будутъ-ли они провозглашать свободы и только, или попытаются ихъ проводить, какимъ образомъ и т. д.? Когда на одномъ изъ собраній въ Петербургѣ Родичева, дѣлавшаго докладъ о сентябрьскомъ съѣздѣ, спросилъ почтенный обозрѣватель „Русскаго Богатства", что-же намѣрены единомышленники Родичева дѣлать въ государственной думѣ, онъ рѣзко отвѣтилъ, что не знаетъ.

За этимъ уклоненіемъ отъ вопроса чувствовалось, говоря словами „Нашей Жизни", что „мы очень мало вѣримъ въ какой-либо практическій результатъ отъ вступленія въ думу лишь съ цѣлью заявленія о ея совершенной непригодности и считаемъ невѣроятной возможность такого дѣйствія со стороны сколько-нибудь значительной группы членовъ думы".

Горячо и краснорѣчиво говорили въ разныхъ обществахъ и Родичевъ, и Гессенъ, и чѣмъ революціоннѣе была ихъ фразеологія, тѣмъ яснѣе чувствовался ихъ страхъ передъ революціей. И на земскомъ съѣздѣ и во время доклада о съѣздѣ Родичевъ возвращался къ больному вопросу и рисовалъ революцію въ образѣ Чингисхана, который пріидетъ и смететъ порядокъ въ странѣ, огнемъ и мечемъ водворитъ мерзость и запустѣніе.

Родичеву вторилъ І. В. Гессенъ. Въ своемъ письмѣ Мякотину („Русское Богатство" сентябрь) онъ писалъ: „Мякотинъ возражаетъ противъ моего мнѣнія, что бюрократія, опираясь на думу, составленную изъ Нарышкиныхъ и Шараповыхъ, пріобрѣтетъ новую силу, и настаиваетъ на на томъ, что такой исходъ всего лучше вскроетъ несостоятельность новаго учрежденія. Противъ этого я не спорю, и въ этомъ я глубоко убѣжденъ. Я лишь утверждалъ, что такой исходъ грозитъ *страшнымъ взрывомъ, послѣдствій котораго нельзя предвидѣть. И мнѣ кажется, что обязанность каждаго, кто цѣнитъ человѣческую личность, заключается въ томъ, чтобы принять всѣ мѣры* для предотвращенія новыхъ кровопролитій. И безъ того крови пролито столько, что не знаю, скоро-ли она окупится счастьемъ грядущихъ поколѣній".

Почти то же говорилъ кн. Евгеній Трубецкой, утверждавшій, что „отдавать думу представителямъ истинно-русскихъ людей—верхъ безумія, не только потому, что это *сдѣлало бы неизбѣжной гражданскую войну и анархію* на многіе годы, но также и потому, что этимъ былъ бы нанесенъ ударъ освободительному движенію".

Всѣ эти мировые посредники, всѣ эти спасители страны въ своемъ страхѣ передъ грядущей революціей сошлись съ человѣкомъ невозможныхъ

Digitized by Google

вещей—Стэдомъ. Этотъ добрый англичанинъ также мучился страшными предчувствіями относительно будущаго Россіи. Эти предчувствія, лежавшія у него на сердцѣ, онъ излилъ передъ нашими Мирабо: „Мы видѣли Баку въ огнѣ, Польшу въ смутѣ, волненія въ Курляндіи, мы слышимъ грохотъ подземнаго вулкана во всей странѣ. Я искренно желаю отъ всей души чтобы не постигла вашу страну анархія, убійства, какихъ еще, можетъ быть, не видѣлъ міръ".

Наряду съ Родичевымъ, Трубецкимъ, Гессеномъ и другими гражданами, трепетавшими передъ „новыми кровопролитіями", передъ „ужасами гражданской войны", передъ „нашествіемъ Чингисхана", были и такіе, которы не вѣрили въ возможность революціи. Одни боялись, что революція произойдетъ, другіе боялись, что она невозможна у насъ,—и тѣ и другіе въ государственной думѣ видѣли послѣднее прибѣжище.

Всѣ эти испуганныя души, всѣ эти спасители шли навстрѣчу тому расколу, тому раздѣленію, котораго жаждало правительство, создавая свою государственную думу. Отъ широкаго оппозиціоннаго потока уже отдѣлялось теченіе либерально-реформаторское. Правда, даже земцы и городскіе дѣятели еще съ презрѣніемъ отвергали предложеніе мистера Стэда поддержать правительство; правда, они клялись добиваться учредительнаго собранія, но уже наряду съ кровавымъ призракомъ революціи предъ умственнымъ взоромъ нѣкоторыхъ изъ нихъ проносилось свѣтлое видѣніе министерскаго портфеля.

Наряду съ мирной оппозиціей, продолжавшей лишь по инерціи говорить воинственныя рѣчи, „крайнія партіи" призывали революціонный рабочій классъ къ рѣшительной борьбѣ. „Долой государственную думу", говорили одни (соціалъ-демократы большевики), „Да здравствуетъ революціонное самоуправленіе народа" говорили другіе (соціалъ-демократы меньшевики) „Русское Богатство" и „Сынъ Отечества", выражавшіе точку зрѣнія соціалистовъ-революціонеровъ, стояли за бойкотъ.

Точка зрѣнія меньшевиковъ на отношеніе къ государственной думѣ ничего не имѣла общаго съ тактикой либераловъ. Если либералы исходили изъ утвержденія, что „въ Россіи нѣтъ революціоннаго народа", или изъ другого, что революцію надо предотвратить во что бы то ни стало, то соціалъ-демократы меньшевики взывали къ активности революціонныхъ массъ. Въ легальной печати точка зрѣнія меньшевиковъ едва была намѣчена

Н. И. Іорданскій въ сентябрьской книжкѣ „Міра Божьяго" во „внутреннемъ обозрѣніи" пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Предоставленная самой себѣ и облеченная довѣріемъ народа, буржуазія всегда возбуждаетъ серьезное опасеніе, что она не выполнитъ императивнаго мандата и создастъ компромиссъ плутократіи съ бюрократіей. Между тѣмъ широкія массы заинтересованы въ развитіи народнаго движенія до его логическаго конца.

Digitized by Google

Эти условія опредѣляютъ общее направленіе дѣятельности передовыхъ элементовъ населенія; они не должны передовѣрять своихъ цѣлей привилегированной группѣ избирателей и передавать имъ иниціативу грядущихъ событій. Поэтому, та тактика уклоненія отъ участія въ выборахъ, тактика бойкота, не можетъ быть признана лозунгомъ, который передовыя группы должны предложить отсталой либеральной массѣ. Бойкотъ разумѣетъ оппозицію пассивную, борьбу со скрещенными на груди руками. Въ расчеты передовыхъ элементовъ не входитъ устраненіе съ политической сцены наиболѣе активнаго слоя оппозиціи; ихъ политическій лозунгъ долженъ быть не только отрицательнымъ, но и положительнымъ; ихъ задачею является сосредоточеніе въ своихъ рукахъ иниціативы и привлеченіе въ свои ряды послѣдовательныхъ сторонниковъ демократической программы. Наша печать уже отмѣтила, что пора словъ прошла, и настаетъ время реализаціи выставленныхъ программъ или, по крайней мѣрѣ, платформъ. Это замѣчаніе вполнѣ вѣрно. Вспоминая многочисленные съѣзды, резолюціи и платформы, мы видимъ, что сказано все, вплоть до извѣстнаго признанія необходимости обращенія къ народу.

Въ настоящій моментъ[1]) на очереди стоитъ фактическое осуществленіе поставленныхъ цѣлей. Всякая попытка отступленія, несомнѣнно, будетъ истолкована тѣмъ народомъ, именемъ котораго не клялся только лѣнивый, какъ политическое банкротство колеблющейся партіи, какъ попытка политическаго предательства. Передовые элементы должны призвать либеральную демократію полностью расплатиться по векселямъ, которые она съ такою щедростью давала на многочисленныхъ банкетахъ и съѣздахъ, но расплатиться не пассивнымъ уклоненіемъ, которое одно только ничего не даетъ, но и активнымъ участіемъ въ фактическомъ осуществленіи народныхъ правъ. Такимъ образомъ, довольно модный въ нѣкоторыхъ кругахъ лозунгъ „бойкотъ", прежде всего—недостаточенъ; онъ не выражаетъ всей совокупности задачъ передовыхъ элементовъ народа, онъ только половина той тактической директивы, которая ставится сцѣпленіемъ обстоятельствъ, и другая половина исторіи требуетъ напряженной активности. Въ активности и сознательности самыхъ широкихъ слоевъ населенія заключается единственный выходъ изъ всѣхъ затрудненій переживаемаго момента. Съ этой точки зрѣнія только и можно опредѣлить свою позицію по отношенію къ Думѣ"...

Мы уже сказали, что эта позиція далеко не опредѣленна. Объясняется это, разумѣется, тѣмъ прежде всего, что Н. И. Іорданскому пришлось писать въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда едва-едва проскальзывали въ печать только намеки да иносказанія.

Для того, чтобы представить далѣе, въ чемъ же должна была заключаться напряженная активность передовыхъ элементовъ, мы позволимъ здѣсь

---

[1]) Статья эта написана въ началѣ ноября. *Ред.*

Digitized by Google

привести резолюцію южно-русской конференціи соціалъ-демократовъ „меньшевиковъ", „принятую ими въ августѣ этого года.

„Считая единственнымъ соотвѣтствующимъ интересамъ всего народа выходомъ изъ современнаго тяжелаго положенія созывъ учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія для ликвидаціи самодержавнаго режима и учрежденія Демократической Республики, которая прежде всего необходима пролетаріату въ интересахъ борьбы противъ всѣхъ основъ буржуазнаго строя и за осуществленіе соціализма,—и принимая во вниманіе: во-первыхъ, что система выборовъ въ Государственную Думу не даетъ возможности принять участіе въ нихъ всему народу, причемъ пролетаріатъ лишенъ совершенно права выборовъ, благодаря установленію для городскихъ жителей высокаго имущественнаго ценза, а крестьянство—и то лишь часть его—будетъ выбирать на основѣ 4-хстепенной системы, которая открываетъ полный просторъ административному давленію на нихъ; во-вторыхъ, что вся Россія по-прежнему лишена всѣхъ необходимыхъ гражданскихъ свободъ, безъ которыхъ невозможна предвыборная агитація, а слѣдовательно и произведеніе сколько-нибудь правильныхъ выборовъ, и что, наоборотъ, въ настоящее время административный произволъ господствуетъ повсюду больше, чѣмъ когда-нибудь, и огромныя мѣстности, одна за другой, объявляются на военномъ положеніи въ 3-хъ, что для всѣхъ окраинъ вырабатывается еще болѣе каррикатурная система представительства и, наконецъ, въ 4-хъ, что сама Государственная Дума пользуется лишь совѣщательнымъ голосомъ и кругъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ ней, крайне ограниченъ,—конференція предлагаетъ всѣмъ организаціямъ развить самую энергичную агитацію, раскрывающую всю каррикатурность такого представительства, которымъ самодержавное правительство думаетъ обмануть народъ, и объявляетъ сознательнымъ предателемъ народа всякаго, кто готовъ удовлетвориться Государственной Думой и не поставитъ себѣ задачей въ настоящій рѣшительный моментъ своими дѣйствіями и своей тактикой поддерживать требованія революціоннаго народа о созывѣ Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Въ цѣляхъ же скорѣйшаго осуществленія указаннаго требованія, Южная Конференція рекомендуетъ партійнымъ организаціямъ слѣдующую тактику:

1) Повести энергичную агитацію среди рабочаго пролетаріата и крестьянской массы для созданія широкихъ демократическихъ организацій и объединенія ихъ въ всероссійскую организацію для энергичной борьбы противъ Государственной Думы и за осуществленіе Всенароднаго Учредительнаго Собранія вмѣстѣ съ введеніемъ свободы слова, собраній, союзовъ, стачекъ. Къ созданію этой всероссійской народной организаціи слѣдуетъ итти путемъ образованія агитаціонныхъ комитетовъ, выбираемыхъ рабочими на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ; объединенія этихъ агитаціонныхъ коми-

Digitized by Google

тетовъ: созданія соотвѣтствующихъ агитаціонныхъ комитетовъ среди крестьянства; установленія болѣе тѣсной связи между городскими и крестьянскими комитетами; образованія губернскихъ комитетовъ и установленія связи между ними. 2) При достаточной силѣ этой организаціи, при соотвѣтствующемъ настроеніи рабочей массы, приступить, при открытіи выборной агитаціи, къ организаціи всенародныхъ выборовъ въ Учредительное Собраніе, имѣя въ виду, что организованное народное движеніе, направленное на осуществленіе этихъ выборовъ, можетъ сдѣлаться естественнымъ переходомъ къ всенародному возстанію противъ царизма, такъ какъ неизбѣжное противодѣйствіе его и столкновеніе съ нимъ на почвѣ произведенія выборовъ создадутъ для возстанія новые побудительные мотивы, а предварительная организація народа обезпечитъ ему повсемѣстность и единство. 3) Рядомъ съ этимъ конференція предлагаетъ добиться завоеванія свободы выборныхъ собраній, рекомендуетъ энергичное вмѣшательство въ выборную кампанію, вмѣшательство народа въ собранія выборщиковъ, обсужденія выборщиками среди народа на широкихъ народныхъ собраніяхъ тѣхъ задачъ, которыя стоятъ передъ представителями, выбираемыми въ Государственную Думу, причемъ соціалъ-демократическая партія должна добиваться выступленія слоевъ населенія, имѣющихъ право выбора въ Государственную Думу, на революціонный путь, который можетъ выразиться въ присоединеніи къ возстанію, руководимому демократическими организаціями народа, или, при отсутствіи его, въ стремленіи превратить формирующуюся Государственную Думу въ революціонное собраніе для созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія или для содѣйствія его созыву демократическими организаціями народа. 4) Готовиться къ давленію на Государственную Думу, если къ моменту ея окончательнаго созыва народное движеніе не приведетъ къ сверженію самодержавія и организаціи Учредительнаго Собранія, готовиться къ постановкѣ передъ Государственной Думой ультиматума о созывѣ Учредительнаго Собранія, готовиться къ поддержанію этого ультиматума политической стачкой и другими широкими народными выступленіями. 5) Вся эта тактика должна быть принята широкими народными собраніями, организуемыми до и во время выборной кампаніи среди пролетаріата и крестьянства". Таково было отношеніе умѣренныхъ и крайнихъ къ „Государственной Думѣ".

Два мѣсяца умѣренные готовились къ выборамъ въ думу, два мѣсяца соціалъ-демократы клеймили этотъ законъ и призывали къ революціонной борьбѣ за учредительное собраніе, два мѣсяца броженіе на фабрикахъ и заводахъ шло глубже и глубже, и, наконецъ, совершился тотъ взрывъ, котораго правительство боялось, который либералы пытались предотвратить и который сорвалъ конституціонную маску съ полицейскаго правительства и показалъ его во всей его позорной наготѣ.

Въ жизни каждой страны бывали такіе моменты, когда порабощен-

Digitized by Google

ный и обездоленный народъ мощнымъ порывомъ сбрасывалъ съ себя ненавистныя цѣпи и наносилъ рѣшительный ударъ отжившему порядку. 14 іюля, когда возставшій Парижъ разрушилъ Бастилію; ночь 4 августа, когда революція заставила дворянъ отказаться отъ привилегій; февральскіе дни 48 года во Франціи, когда рабочій классъ завоевалъ республику; мартовскіе дни въ Берлинѣ, когда побѣдившій народъ принудилъ короля-деспота обнажить голову передъ трупами павшихъ борцовъ—эти дни не изгладятся изъ памяти человѣчества.

Русскій народъ прибавилъ сюда октябрьскіе дни.

Въ эти дни вся страна возстала, взяла одръ свой и пошла по великому призыву революціоннаго пролетаріата. Совершились событія невиданныя и неслыханныя въ мірѣ. Забастовали всѣ желѣзныя дороги, а 9, 10, 11, 12, 13 октября въ цѣломъ рядѣ городовъ выросли баррикады, выросли герои, выросъ великій подвигъ революціонной борьбы, выросла такая грозная сила, что передъ ней поблѣднѣло правительство и покраснѣли либералы.

Правительство поторопилось расширить лжеконституцію. Оно возвѣстило гражданскія свободы 17 октября, и оно же 18, 19, 20, 21 октября попыталось вызвать анархію, вызвать призракъ контръ-революціи. Въ городахъ и селахъ разъѣзжали провокаторы и одновременно призывали темный людъ идти съ осиновымъ коломъ за царя на грабежъ. Все, что было темнаго, грязнаго, преступнаго, объединилось около царскаго портрета. Царскій портретъ въ рукахъ черносотенцевъ-хулигановъ сдѣлался символомъ грабежа. Во многихъ мѣстахъ казаки помогали грабить, полиція переодѣтая руководила погромами. И все-таки, несмотря на то, что въ 62 городахъ и мѣстечкахъ разыгрались мрачные ужасы средневѣковья, правительству не удалось оклеветать народъ, вызвать контръ-революцію и остановить революціонное движеніе. И когда Витте, лондонскія подкупныя газеты и приспѣшники правительства пугали ужасами и приглашали скорѣе брать, что даютъ, и не требовать большаго, революціонный пролетаріатъ продолжалъ борьбу и помнилъ, что кровь борцовъ и мучениковъ обязываетъ съ отвращеніемъ отталкивать обагренныя кровью руки и негодующимъ возгласомъ „прочь“ отвѣчалъ на нѣжный привѣтъ „братцы“.

Зато умѣренные либералы и отъ восторга и отъ страха за свою шкуру забыли свои клятвы и поспѣшили къ протянутой рукѣ. Тамъ, гдѣ еще дымились костры, гдѣ еще не высохла невинная кровь дѣтей, тамъ, гдѣ повсюду рыскали сатрапы и вводили ужасы военнаго положенія, тамъ, гдѣ только что одержалъ величайшую побѣду въ мірѣ революціонный народъ, эти господа завели переговоры, стали вступать въ соглашенія и отъ имени народа стали бить отбой по всей линіи.

Съ правительствомъ противъ рабочаго класса—вотъ основная мысль, которая кровавымъ призракомъ встаетъ передъ нами.

Digitized by Google

Если законъ 6 августа отдѣлилъ умѣренныхъ и понизилъ ихъ тонъ, то манифестъ 17 октября довершилъ этотъ расколъ.

Теперь воплотились въ жизнь тѣ пламенные упреки противъ мягкотѣлаго, либерализма, которые соціалъ-демократы бросали по адресу нашихъ либераловъ до 17 октября. Теперь обнаружилось что наши общественные дѣятели больше боялись милиціи, чѣмъ полиціи; теперь обнаружилось, что правительство имъ больше сродни, чѣмъ соціалисты, теперь обнаружилось, что плоды побѣды пытаются захватить люди, которые приписываютъ 17 октября себѣ, а не октябрьской революціи, произведенной рабочимъ классомъ.

Рабочій классъ не остановится. Онъ не вѣритъ словамъ. Не вѣрилъ онъ Мирскимъ, не вѣритъ онъ Витте. Онъ вѣритъ только себѣ, своей силѣ да той партіи, которая провозглашаетъ демократическую республику, какъ вѣрнѣйшій и ближайшій путь къ соціализму.

Пусть тѣ, которые „молчали, какъ мертвые, при Плеве, зато при Мирскихъ говорили", вступаютъ въ ряды правительства, отрекаются отъ того, въ чемъ вчера клялись. Рабочій классъ не знаетъ соглашеній, не признаетъ переговоровъ. Онъ не пойдетъ на удочку лжеконституціи.

Пусть самъ народъ учредитъ основной законъ страны. Изъ рукъ самого народа, рабочій классъ возьметъ настоящую полную свободу.

Фактическія отношенія на сторонѣ крайнихъ партій. Исторію до сихъ поръ творилъ у насъ рабочій классъ, и у правительства, заштопаннаго и обновленнаго, нѣтъ силы противъ рабочаго класса.

Онъ *уже* побѣдилъ и еще побѣдитъ.

В. Львовъ.

Digitized by Google

Родныя картины [1]).

О почтово-телеграфной забастовкѣ.—О перлюстраціи писемъ.—Можно ли обходиться безъ газетъ въ забастовочное время?—Мелочи.

Илоты почтоваго вѣдомства, наконецъ, заговорили настоящимъ языкомъ. Имъ такъ долго лгали и такъ долго обманывали ихъ „обѣщаніями", что всякое терпѣніе лопнуло, и забитый, придавленный чиновникъ понялъ, что улучшить свое положеніе можетъ только онъ самъ, и что надѣяться на милости начальства въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, просто глупо. Такимъ образомъ, родилась мысль о союзѣ, а затѣмъ, когда гг. Севастьяновъ и Дурново взъерепенились и встали на дыбы, началась всеобщая забастовка почтово-телеграфныхъ служащихъ. Таковъ, въ двухъ словахъ, былъ историческій ходъ этой забастовки, и, конечно, главной пружиной въ ней была... какъ бы это сказать поделикатнѣе?—ну недальновидность правительства, что ли, т. е. тотъ громадный козырь русской революціи, который еще ни разу ей не измѣнялъ и на который революціонеры всѣхъ партій всегда полагаются какъ на каменную гору. Разсматривая вопросъ именно съ этой стороны, нельзя не видѣть, что труженики революціи вродѣ гг. Дурново, Севастьянова и пр. дѣйствуютъ вполнѣ планомѣрно: сначала своей безтактностью, грубостью и чванствомъ они производятъ мобилизацію революціонныхъ силъ, поселяя недовольство даже въ самыхъ инертныхъ слояхъ общества; затѣмъ, когда мобилизація готова, въ дѣло пускается казацкое насиліе, аресты, обыски, надругательства, и мобилизованныя части не выдерживаютъ и вступаютъ въ бой, объявляя за-

---

[1]) Въ наше революціонное время, когда политическая жизнь страны напоминаетъ исполинскій водопадъ, задача ежемѣсячныхъ обозрѣній усложняется до крайней степени: все, написанное сегодня, завтра уже дѣлается старымъ, отжившимъ, полузабытымъ, а жизнь между тѣмъ выдвигаетъ все новыя и новыя событія, которыя по своей грозной силѣ заслоняютъ такія же событія вчерашняго дня. Поэтому читатель долженъ помнить особыя условія журнальной работы и не судить пишущую братію по всей строгости законовъ за нѣкоторую отсталость въ выборѣ матеріала и невольное „опозданіе".

Digitized by Google

бастовки и тѣмъ нанося правительству неизгладимые удары и внося въ его среду полное разстройство.

Словомъ, правительство поступаетъ точь-въ-точь такъ, какъ боевые генералы на войнѣ: каждую вновь прибывшую часть они сейчасъ же пускаютъ въ дѣло, чтобы дать ей боевое крещеніе и поднять воинскій духъ у молодыхъ солдатъ. Правда, въ данномъ случаѣ правительство поднимаетъ армію революціонеровъ противъ себя же, но такова ужъ его счастливая особенность, которая поселяетъ розовыя надежды даже въ душѣ закоренѣлыхъ скептиковъ: — „Что бы ни случилось, говорятъ эти скептики,—но глупость правительства есть величина постоянная, и революціонное движеніе можетъ смѣло базироваться на ней, какъ на незыблемой скалѣ, которая еще никого не обманывала.

Въ частности, что касается почтово-телеграфной забастовки, то здѣсь правительство гр. Витте обнаружило даже нѣкоторыя излишества и, такъ сказать, роскошь глупости. Начать съ того, что еще до забастовки оно объявило, что свобода союзовъ, предусмотрѣнная манифестомъ 17 октября, не распространяется на лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, и что такіе союзы воспрещены даже въ республиканской Франціи. Этимъ выступленіемъ правительство, во-первыхъ, заставило ощетиниться всѣхъ вообще чиновниковъ, а во-вторыхъ, открыло путь для полемики, которая ничего, кромѣ пораженія, правительству принести не могла.

Безъ сомнѣнія, читатель уже знаетъ изъ газетъ, къ чему привела эта полемика. Здѣсь же я позволю себѣ обратить вниманіе лишь на одну маленькую подробность, которую г. Дурново съ братіей, очевидно, упустили изъ виду, но которая легко могла бы устранить самую возможность параллелей между Россіей и европейскими государствами вообще. Дѣло въ томъ, что забастовщики почтоваго вѣдомства, въ ряду другихъ своихъ требованій, настаивали, чтобы правительство немедленно прекратило перлюстрацію, т. е. чтобы представители власти не читали чужихъ писемъ.

Какъ видите, это требованіе забастовщиковъ исключаетъ всякую возможность аналогіи между русскими порядками и заграничными, и потому всякій почтовый чиновникъ, въ отвѣтъ на примѣръ Франціи, могъ бы сказать членамъ нашего правительства: „Хорошо, господа, дѣйствительно буржуазное правительство Франціи запрещаетъ служащимъ почты организовывать союзы, но вѣдь ни Рувье, ни Лубе чужихъ писемъ не таскаютъ?—

Я не знаю, какое возраженіе могъ бы предъявить на эти доводы г. Дурново, но полагаю, что вся его служебная опытность не помогла бы ему найти достойный отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что нужно же кому-нибудь научить наше правительство приличію и порядочности, и если этотъ урокъ ему даютъ почтальоны, кучера, курьеры, и вся вообще почтовая мелюта, то тѣмъ лучше и тѣмъ внушительнѣе будетъ такой урокъ для гг. министровъ и статсъ-секретарей. Во всякомъ же случаѣ требованіе забастовщи-

Digitized by Google

ковъ, выразившееся въ формулѣ: „долой перлюстрацію!“ принесло имъ горячую симпатію всего русскаго общества и всего образованнаго міра. Даже московская биржа обращалась въ совѣтъ министровъ съ ходатайствомъ немедленно удовлетворить всѣ требованія почтовыхъ служащихъ, какъ безусловно справедливыя, предваряя, что дальнѣйшее упорство правительства грозитъ крахомъ промышленности и банкамъ. Правда, наряду съ симпатіями, почтовая забастовка вызвала и неудовольствіе великосвѣтской камарильи, которая откликнулась на призывъ своего лидера, г. Дурново, и явилась въ с.-петербургскій почтамтъ для несенія почтовой службы съ цѣлью оказать содѣйствіе правительству и пресѣчь забастовку. Среди камарильи были камергеры, графы, графини, княжны, правовѣды, офицеры и... воры. О присутствіи послѣдней категоріи штрейкбрехеровъ можно, по крайней мѣрѣ, заключить изъ того факта, что одинъ изъ „друзей правительства“ укралъ въ московскомъ почтамтѣ 13.000 рублей. Конечно, эта кража будетъ возмѣщена потерпѣвшему, но нужно ли говорить, что возмѣстятъ ее не изъ личныхъ средствъ гг. Дурново и Севастьянова, а насчетъ казны, иными словами, эту геніальность начальства оплатимъ мы съ вами, читатель. Впрочемъ, намъ, плательщикамъ податей и налоговъ, это не въ-первой, и мы только спрашиваемъ: на какомъ основаніи правительство считаетъ возможнымъ довѣрять всю корреспонденцію страны вмѣстѣ съ корреспонденціей денежной, въ руки первыхъ попавшихся людей, которымъ общество не только не довѣряетъ, но которыхъ оно глубоко презираетъ? Думается, что правительство Франціи, на которое такъ охотно ссылаются наши вседержители, даже и представить себѣ не могло бы такого случая, чтобы парижскій почтамтъ превратился въ одинъ прекрасный день въ салонъ аристократовъ и воровъ, и чтобы эти „любители“ рылись своими грязными руками въ чужой перепискѣ. Можно сказать даже больше: правительство Франціи непремѣнно угодило бы подъ судъ за одну попытку устроить такую „штуку“,—у насъ же о судѣ пока ничего не слышно.

* * *

Къ большому сожалѣнію, у насъ принято за правило, чтобы въ дни всеобщихъ политическихъ забастовокъ газеты совершенно безмолвствовали. Этимъ хотятъ добиться того, чтобы забастовка носила характеръ дѣйствительно *всеобщей* и чтобы *вся* жизнь гражданъ была оцѣплена своего рода кордономъ, черезъ который, какъ говорится, и воронъ не пролетитъ и мышь не пробѣжитъ. Но при всей логической заманчивости этого взгляда, онъ все-таки, въ основѣ своей, несправедливъ, такъ какъ возможенъ вѣдь и другой взглядъ: все, что такъ или иначе способствуетъ забастовочному движенію, должно, не покладая рукъ, работать, а такъ какъ газеты представляютъ собой наиболѣе совершенный типъ агитаціи, то отсюда самъ собой напрашивается выводъ: во время забастовки газеты должны работать. Нужды нѣтъ, что рептильная пресса будетъ призывать

Digitized by Google

на головы революціонеровъ громы небесные—ея голосъ, продажный и фальшивый, всегда утонетъ въ хорѣ честныхъ голосовъ, и въ конечномъ счетѣ забастовка оттого только выиграетъ. Во всякомъ же случаѣ разбивать въ самое острое время наши единственные фонари и оставлять общество въ полномъ невѣдѣніи даже о ходѣ самой забастовки едва ли основательно. Правда, въ отвѣтъ на эти доводы обыкновенно говорятъ, что во время забастовокъ выходятъ „Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ", но это возраженіе нимало не измѣняетъ существа дѣла. Начать съ того, что самое печатаніе „Извѣстій" сопряжено съ большими трудностями: для этого надо прежде всего завладѣть чужой типографіей, затѣмъ надо подвергать опасности полсотни человѣкъ наборщиковъ и печатниковъ и, наконецъ, самую работу надо производить подъ ежеминутнымъ опасеніемъ, что вотъ-вотъ ворвется полиція, разсыплетъ наборъ, конфискуетъ уже отпечатанные нумера и вообще помѣшаетъ во-время и аккуратно окончить дѣло. Это одна сторона вопроса. А затѣмъ есть вѣдь и еще трудности, сопряженныя уже съ распространеніемъ рабочей газеты. Вѣдь не секретъ, что въ настоящее время она распространяется главнымъ образомъ, между „своими", т. е. среди тѣхъ же рабочихъ массъ, а публика, широкая публика, сочувствіе которой необходимо для успѣха всякой забастовки, читаетъ „Правительственный Вѣстникъ" да развѣ еще провокаторскіе листки, набранные грязной рукой штрейкбрехеровъ. Правда, иногда можно купить „Извѣстія" и на Невскомъ но уже самый способъ такого рода покупки ясно говоритъ, что это дѣло случая: продавецъ обыкновенно шепчетъ вамъ на ухо, что у него есть „запрещенная" газетка, затѣмъ, озираясь, идетъ вмѣстѣ съ вами куда-нибудь въ подворотню и здѣсь сначала снимаетъ пальто, потомъ пиджакъ, потомъ жилетку и, наконецъ, вытаскиваетъ изъ-подъ рубахи таинственный нумеръ, который „для опасности" держатъ прямо на голомъ брюхѣ. Согласитесь, что это не способъ распространенія газетъ, и что подавляющее число читателей въ дни забастовки волей-неволей должно питаться сплетнями—часто злостными—да бормотаніемъ „Правит. Вѣстника", который, кстати сказать, пользуется случаемъ и деретъ неслыханную цѣну за свои офиціальные помои. Впрочемъ, все, что я здѣсь говорю, безъ всякаго сомнѣнія, очень хорошо извѣстно Совѣту рабочихъ депутатовъ, по крайней мѣрѣ съ нимъ велись даже на этотъ счетъ переговоры, и покойный нынѣ союзъ въ защиту свободы печати настойчиво добивался, чтобы политическія забастовки не распространялись на ежедневную прессу. Но, сколько помнится, вопросъ этотъ какъ-то заглохъ и не получилъ окончательнаго рѣшенія ни въ ту, ни въ другую сторону. По крайней мѣрѣ, я такого рѣшенія не знаю и помню лишь, что делегаты рабочихъ, присутствовавшіе въ союзѣ къ качествѣ случайныхъ гостей, говорили, что выходъ газетъ въ забастовочное время осложняется техническими труд-

Digitized by Google

ностями: если, молъ, разрѣшить газетамъ работать, то придется разрѣшить работу и бумажнымъ фабрикамъ, поставляющимъ для ежедневныхъ изданій бумагу, и электрическимъ станціямъ, отпускающимъ газетамъ энергію, и газетчикамъ, торгующимъ произведеніями печати въ разносъ, и почтѣ, и желѣзнымъ дорогамъ. Но не трудно видѣть, что всѣ эти опасенія основаны на недоразумѣніи: политическія забастовки никогда не продолжаются годами, они достигаютъ своей цѣли въ нѣсколько дней, а на такой срокъ въ каждой газетной типографіи имѣется достаточный запасъ бумаги. Такимъ образомъ, вопросъ о работѣ бумажныхъ фабрикъ самъ собой отпадаетъ, а съ нимъ вмѣстѣ отпадаетъ и вопросъ о работѣ желѣзныхъ дорогъ, обязанныхъ подвозить бумагу. Затѣмъ, что касается газетныхъ артелей и хулигановъ, торгующихъ газетами, то еще не было ни одной забастовки, при которой они не торговали бы „Правительственнымъ Вѣстникомъ". Наконецъ, остается еще почта, но о ней я не говорю, такъ какъ само собой разумѣется, что въ дни забастовки торговля газетами должна ограничиваться мѣстной розницей. Изъ сказаннаго видно, что только вопросъ о работѣ электрическихъ станцій можетъ представлять нѣкоторыя затрудненія. Однако, и тутъ дѣло не обстоитъ безнадежно, такъ какъ, во-первыхъ, сами рабочіе печатаютъ же свои „Извѣстія" на ротаціонныхъ машинахъ — и слѣдовательно безъ электрической энергіи не обходятся, а, во-вторыхъ, въ дни забастовки, всѣ столичныя газеты могли бы объединиться въ одну газету, о чемъ уже и поднималась рѣчь. Если не ошибаюсь, такой проектъ предложилъ издатель „Руси": онъ рекомендовалъ подъ однимъ заголовкомъ выпускать всѣ газеты, съ такимъ расчетомъ, чтобы каждая газета получала въ свое распоряженіе два столбца и на нихъ отъ своего имени говорила все, что она хочетъ сказать. Безъ сомнѣнія, этотъ проектъ сократилъ бы работу до минимума, и вмѣстѣ съ тѣмъ голосъ печати не замиралъ бы въ самое нужное, самое боевое время. А что голосъ этотъ необходимъ прежде всего и больше всего для самихъ же забастовщиковъ и для успѣха ихъ дѣла, видно хотя бы изъ практики послѣдней забастовки, когда, при гробовомъ молчаніи всей честной прессы, на весь городъ лаяло одно только „Новое Время" да „Свѣтъ".

Кстати о поведеніи „Новаго Времени" въ дни декабрьской забастовки. Признаюсь, я даже отъ Суворина не ожидалъ такого поведенія. Конечно, я знаю, что этотъ человѣкъ способенъ на все, что это пакостникъ-любитель, но то, что эта гадина писала въ дни послѣдней забастовки, превосходитъ всякое вѣроятіе. Какъ разъ въ то время, когда по Москвѣ летала шрапнель и кровь русскихъ рабочихъ лилась рѣкой, этотъ человѣкъ науськивалъ правительство на революціонеровъ, улюлюкалъ и радовался, какъ людоѣдъ, съ одного сознанія, что тамъ, на Лубянкѣ и на Бронной, лежатъ цѣлыя горы окровавлен-

Digitized by Google

ныхъ тѣлъ. Конечно, никто не требуетъ отъ Суворина, чтобы онъ горевалъ о неудачахъ московскихъ революціонеровъ, но нельзя же старому человѣку, который одной ногой уже стоитъ въ гробу, плясать канканъ въ кровавой лужѣ, нельзя хихикать у раскрытыхъ могилъ нашихъ братьевъ. А Суворинъ именно хихикалъ и притомъ хихикалъ послѣ того, какъ получилъ казенныя объявленія. Правда, онъ и его наймиты объясняли свой канканъ радостью за „русское дѣло", за торжество законной власти, и, можетъ быть, искренно не замѣчали (я допускаю это), что ихъ торжество и поздравленія правительства съ побѣдой походили на знаменитую фразу: „радуйся, царь іудейскій". Впрочемъ, „Новое Время" не въ первый разъ празднуетъ побѣду русскаго оружія: когда, съ Божьей помощью, мы побѣдили Севастополь, Владивостокъ, Кіевъ, Варшаву, Одессу, Кронштадтъ и прочее, и прочее, оно торжествовало такъ же, какъ теперь при одолѣніи Москвы. Торжествовало и говорило: „радуйся, царь іудейскій!" И много еще радостей предстоитъ „Новому Времени" впереди, такъ какъ русская исторія сплошь повторяется, и мы теперь должны продѣлать все сначала: покорить Кавказъ, присоединить Польшу, завоевать Эстляндію и Лифляндію, соединиться съ Малороссіей и т. д., и т. д. Пусть же старикъ Суворинъ будетъ русскимъ лѣтописцемъ и, занося побѣды нашего оружія на столбцы „Новаго Времени", пусть громче и громче кричитъ:

— Радуйся, царь іудейскій!

* * *

Л. Мельшинъ вспоминаетъ въ „С. О." о „шлиссельбургскихъ узникахъ".

Кто же они, сколько ихъ, этихъ враговъ русскаго самодержавія, передъ которыми и теперь еще—полуживыми и замученными—оно не можетъ чувствовать себя спокойнымъ? Изъ шести десятковъ перебывавшихъ въ Шлиссельбургѣ заключенныхъ осталось всего тринадцать человѣкъ. Вотъ ихъ имена: Поповъ, Фроленко, Морозовъ, Лопатинъ, Антоновъ, Ивановъ, Новорусскій, Лукашевичъ, Мельниковъ, Карповичъ, Гершуни, Сазоновъ и Сикорскій [1]).

Изъ нихъ первые трое сидятъ въ заточеніи уже *по 26 лѣтъ*, причемъ только Фроленко и Морозовъ могутъ утѣшаться мыслью (если мысль эта можетъ утѣшать), что они играли видную роль въ героическихъ предпріятіяхъ „Народной Воли", Поповъ же попалъ въ Шлиссельбургъ совершенно случайно. Осужденный въ 1870 г. на каторгу по одному изъ второстепенныхъ процессовъ, онъ былъ сосланъ первоначально въ Сибирь, на знаменитую нѣкогда Кару. Когда въ 1882 г. оттуда бѣжало 8 политическихъ (всѣ были вскорѣ пойманы), департаментъ полиціи распо-

[1]) Пятеро послѣднихъ остаются тамъ до сихъ поръ.

Ред.

Digitized by Google

рядился „въ наказаніе“ перевести изъ Карійской каторжной тюрьмы въ Петропавловскую крѣпость (тогда уже подготовлялся Шлиссельбургъ) 16 человѣкъ, наиболѣе, по его мнѣнію, выдающихся и энергичныхъ: въ этотъ проскрипціонный списокъ и попалъ Поповъ, не бывшій въ числѣ бѣглецовъ. Почти всѣ его товорищи по Карѣ погибли въ Шлиссельбургѣ: нѣкоторые были разстрѣляны (Минаковъ и Мышкинъ), другіе умерли отъ цынги и чахотки (Юрковскій, Буцинскій), третьи сошли съ ума (Щедринъ),—выжилъ и уцѣлѣлъ одинъ Поповъ. Его миновали всѣ манифесты его, очевидно, никогда бы не пощадила бездушная и слѣпая власть жандармскихъ застѣнковъ... при нормальномъ теченіи жизни.

Изъ другихъ заключенныхъ наибольшее значеніе правительство всегда придавало Герману Лопатину, арестованному 5 октября 1884 года, осужденному 5 Іюня 1887 г. И это, дѣйствительно, выдающійся человѣкъ, всю жизнь отдавшій дѣлу борьбы за народное освобожденіе. Лопатинъ и до Шлиссельбурга много лѣтъ провелъ въ тюрьмахъ Россіи и Сибири, во ссылкѣ и изгнаніи. Замѣчательно образованный человѣкъ, онъ былъ другомъ Лаврова и Карла Маркса, и ему принадлежитъ въ значительной долѣ переводъ на русскій языкъ I тома „Капитала“. Удивительный агитаторъ, одаренный блестящимъ краснорѣчіемъ, остроуміемъ и личнымъ обаяніемъ, онъ всегда былъ бѣльмомъ на глазу полиціи и жандармовъ, и когда былъ арестованъ въ послѣдній разъ, они употребляли всѣ усилія, чтобы утопить его и подвести подъ смертную казнь. Военный судъ, однако, отвергъ главное обвиненіе—организацію убійства знаменитаго Судейкина... Тѣмъ не менѣе, департаментъ полиціи, директоромъ котораго былъ въ то время П. Н. Дурново,—временный министръ внутреннихъ дѣлъ нынѣшняго „обновленнаго“ правительства,—отправилъ Германа Лопатина въ Шлиссельбургъ (на пожизненное заключеніе вмѣсто смертной казни). Въ настоящее время ему болѣе 60 лѣтъ, и, по слухамъ, онъ серьезно боленъ (водянкой)...

Морозовъ (поэтъ „Народной Воли“),—разсказываетъ выпущенная въ прошломъ году Вѣра Николаевна Фигнеръ,—такъ худъ, что напоминаетъ фигуры тѣхъ индусовъ, которыхъ рисовали въ иллюстраціяхъ во время голода въ Индіи... Не отличаются здоровьемъ и остальные: Сергѣй Ивановъ страдаетъ эпилепсіей, Петръ Антоновъ (рабочій)—неврастеніей...

И этимъ-то страдальцамъ, такъ свирѣпо и несправедливо замученнымъ, старикамъ и больнымъ, правительство графа Витте и генерала Трепова, взывающее къ обществу о довѣріи и сулящее обновить и освободить Россію, отказывается дать свободу...

Не боится ли оно, что вмѣстѣ съ живыми еще страдальцами выйдетъ на свободу и вереница погибшихъ—Александръ Михайловъ, Баранниковъ, Мышкинъ, Клѣточниковъ, Колоткевичъ, Златопольскій, Богдановичъ, Грачевскій, Софья Гинцбургъ, Валмашевъ и множество другихъ замученныхъ и казненныхъ въ стѣнахъ Шлиссельбурга, чтобы разсказать намъ о тѣхъ

Digitized by Google

великихъ, непрощаемыхъ злодѣйствахъ, свидѣтелями которыхъ были эти проклятыя стѣны?..

На ту же тему — о шлиссельбургскихъ узникахъ. 3 ноября въ залѣ Тенишевскаго училища Л. Мельшинымъ былъ прочитанъ рефератъ, содержаніе котораго мы и приводимъ въ передачѣ „С. О“.

Шлиссельбургская крѣпость была преобразована въ политическую тюрьму 18 августа 1884 года. Для этой крѣпости былъ созданъ спеціальный жандармскій корпусъ, причемъ каждый членъ этого корпуса получалъ двойной окладъ. Содержаніе шлиссельбургской крѣпости обходится ежегодно въ 75,000 р. Режимъ въ застѣнкѣ, гдѣ протомились и погибли многіе изъ героевъ „Народной Воли“, павшіе въ неравной борьбѣ съ самодержавно-полицейскимъ произволомъ, не поддается описанію: заключенные были разобщены совершенно, не позволялось перестукиваться, ни пѣть, ни свистать, ни ходить быстро, вообще, какое бы то ни было проявленіе жизни со стороны заключенныхъ строго преслѣдовалось. Въ первые годы желѣзныя постели днемъ убирались, такъ что даже больные лежали на голомъ полу. Особенной жестокостью отличался одинъ изъ смотрителей, названный заключенными Иродомъ. Книгъ не было въ крѣпости. Больные лежали и умирали въ тѣхъ же камерахъ; даже къ умирающимъ не допускались товарищи; о смерти же кого-либо изъ узниковъ остальные заключенные узнавали по тому, что въ камеру умершаго входило нѣсколько жандармовъ, что можно было узнать по хлопанью дверей, бряцанью шпоръ и тяжелымъ шагамъ уносившихъ трупъ. Тутъ же въ камерахъ держали и тѣхъ, которые, не вынеся унизительнаго гнета, сходили съ ума. Ихъ безумный хохотъ и крики доводили остальныхъ до умоизступленія. За время съ 1884 года по настоящій моментъ въ шлиссельбургскихъ мѣшкахъ перебывало 67 человѣкъ, изъ нихъ 13 казнено: Рогачевъ, Штромбергъ, Ульяновъ, Генераловъ, Осипановъ, Андреюшкинъ, Шевыревъ, Мышкинъ, Минаковъ, Валмашевъ, Каляевъ, Гершковичъ и Васильевъ. Трое покончили съ собою: Клименко, Грачевскій (облился керосиномъ изъ лампочки, умеръ въ страшныхъ мученіяхъ) и Софья Гинцбургъ (стекломъ отъ лампы вскрыла себѣ артеріи). Послѣднія два самоубійства привели къ нѣкоторому смягченію режима: на средства заключенныхъ устроена была библіотечка, дана была возможность работать въ мастерскихъ и огородикѣ, предоставлены были прогулки вдвоемъ, причемъ товарища по прогулкѣ надо было мѣнять каждые полгода. Впрочемъ, по отношенію къ Карповичу была примѣнена строгая изоляція, что вызвало протестъ заключенныхъ, выразившійся въ отказѣ отъ прогулокъ. Г. А. Лопатинъ выдержалъ этотъ отказъ втеченіе $1^1/_2$ года, что сильно подорвало его здоровье. 16 человѣкъ изъ заключенныхъ умерли отъ сумасшествія, цынги и туберкулеза. Щедринъ и Конашевичъ и въ настоящее время находятся въ казанскомъ домѣ умалишенныхъ. Изъ освобожденныхъ трое покончили самоубійствомъ вскорѣ по освобожденіи: Поливановъ, Мартыновъ и Яновичъ. Передать всѣхъ ужасовъ застѣнка не

Digitized by Google

хватаетъ силъ человѣческихъ. Такъ, трупъ казненнаго С. В. Балмашева былъ брошенъ въ яму, наполненную негашенной известью, а надъ ямо была выставлена полѣнница дровъ; на могилахъ Гершковича и Васильева, казненныхъ нынѣшнимъ лѣтомъ, воздвигнуты такіе же „памятники". Въ одномъ изъ корпусовъ былъ замурованъ „неизвѣстный", и судьба его покрыта пока мракомъ тайны. Сазоновъ и Сикорскій (по дѣлу 15 іюля 1904 года) изолированы отъ всѣхъ остальныхъ заключенныхъ.

Л. Мельшинъ съ особымъ благоговѣніемъ говорилъ о двухъ узницахъ великихъ русскихъ женщинахъ—Вѣрѣ Фигнеръ и Людмилѣ Волькенштейнъ, которымъ особенно трудно было выдерживать весь гнетъ и переживать всѣ ужасы Шлиссельбурга.

Письма отъ и къ заключеннымъ передавались разъ въ 6 мѣсяцевъ, но и въ этомъ случаѣ еще бывали задержки по малѣйшимъ поводамъ.

Почтенный докладчикъ указалъ, что, несмотря на манифестъ 17 октября и указъ объ амнистіи, правительство гр. Витте не отмѣнило еще закона, коимъ учреждена шлиссельбургская политическая тюрьма, и тамъ до сихъ поръ еще томятся пять человѣкъ: Карповичъ, Гершуни, Мельниковъ, Сазоновъ и Сикорскій. Докладъ Л. Мельшина закончился призывомъ требовать полнаго упраздненія мрачнаго застѣнка, въ которомъ вступающая а новый путь Россія не будетъ нуждаться, даже самыя стѣны этой твердыни самодержавно-полицейскаго режима должны быть стерты съ лица земли.

Послѣ реферата было прочтено привѣтствіе шлиссельбургскихъ узниковъ, переданное черезъ родственниковъ на состоявшемся въ тотъ день свиданіи: „Вернувшіеся къ жизни шлиссельбургскіе узники горячо привѣтствуютъ пробуждающуюся родину и всѣхъ старыхъ друзей и знакомыхъ. Петръ Антоновъ, Сергѣй Ивановъ, Германъ Лопатинъ, Іосифъ Лукашевичъ, Николай Морозовъ, Михаилъ Новорусскій, Михаилъ Поповъ, Михаилъ Фроленко. 28 октября 1905 года".

* * *

Въ „Сынѣ От." напечатана слѣдующая корреспонденція изъ Севастополя:

„20 октября въ Севастополѣ происходили необыкновенныя похороны. Весь городъ, со всѣмъ прилегающимъ населеніемъ, участвовалъ въ печальной процессіи. Ни полиціи, ни войскъ не было, о чемъ энергично ходатайствовала дума, предоставивъ поддержаніе порядка самому народу и быстро сформированной народной охранѣ изъ рабочихъ.

Хоронили убитыхъ мѣстными войсками мирныхъ жителей за мирную манифестацію, произведенную ими въ ночь полученія манифеста у зданія тюрьмы.

Порядокъ на похоронахъ поддерживался образцовый, несмотря на десятки тысячъ собравшагося народа.

Digitized by Google

Послѣ преданія землѣ убитыхъ и произнесенія превосходныхъ рѣчей городскимъ головой Максимовымъ и г. Мельниковымъ къ братской могилѣ подошелъ лейтенантъ П. П. Шмидтъ.

Появленіе его вызвало усиленное вниманіе многотысячной толпы, окружавшей могилы и расположившейся сплошной массой по сосѣднимъ съ могилой холмамъ, П. П. Шмидтъ успѣлъ за нѣсколько дней „свободы" выказать себя подающимъ большія надежды общественнымъ дѣятелемъ и виднымъ ораторомъ.

Не будучи гласнымъ въ думѣ, онъ былъ приглашенъ городскимъ головой къ участію въ засѣданіяхъ, и его совѣщательный голосъ создалъ ему въ короткое время популярность въ городѣ.

За эти дни П. П. Шмидтъ выказалъ себя энергичнымъ общественнымъ дѣятелемъ: онъ же былъ первымъ иниціаторомъ политическихъ митинговъ, устроенныхъ для интеллигенціи до полученія манифеста 17 октября. Когда водворилась гробовая тишина, этотъ ораторъ, утомленный многочисленными почти безпрерывными занятіями въ думѣ, началъ тихимъ, но полнымъ глубокой вѣры голосомъ: „У гроба подобаетъ творить однѣ молитвы; но да уподобятся молитвѣ слова любви и святой клятвы, которую я хочу произнести здѣсь вмѣстѣ съ вами. Когда радость переполнила души усопшихъ, то первымъ ихъ движеніемъ было идти скорѣй къ тѣмъ, кто томится въ тюрьмѣ, кто боролся за свободу и теперь, въ минуты общаго великаго ликованія, лишенъ этого высшаго блага. Они, неся съ собой вѣсть радости, спѣшили передать ее заключеннымъ, они просили выпустить ихъ и за это были *убиты*. Они хотѣли передать *другимъ* высшее благо жизни—свободу и за это лишились самой жизни... Страшное, невиданное преступленіе!

Великое, непоправимое горе! Теперь ихъ души смотрятъ на насъ и вопрошаютъ безмолвно: „Что же вы сдѣлаете съ этимъ благомъ, котораго мы лишены навсегда; какъ вы воспользуетесь свободой; можете ли вы обѣщать намъ, что мы—послѣдніе жертвы произвола?"

И мы должны успокоить смятенныя души усопшихъ, мы должны поклясться имъ въ этомъ!..

— „Клянемся имъ въ томъ,—зазвенѣлъ окрѣпшій его голосъ,—что мы *никогда* не уступимъ *никому* ни *одной* пяди завоеванныхъ нами человѣческихъ правъ!"

— „Клянусь,—сказалъ ораторъ, поднявъ обѣ руки.

— „Клянусь!"—пронесся за нимъ многотысячный голосъ народа.

— Клянемся имъ въ томъ, что *всю* работу, *всю* душу, самую *жизнь* мы положимъ за сохраненіе нашей свободы? Клянусь!

— Клянусь!—повторила толпа.

— Клянемся имъ въ томъ, что свою свободную общественную работу мы всю отдадимъ *на благо рабочаго, неимущаго люда*! Клянусь!

Digitized by Google

„Клянусь!“—пронеслось въ толпѣ.—Послышались рыданія.

— Клянемся имъ въ томъ, что между нами не будетъ ни еврея, ни армянина, ни поляка, ни татарина, а что мы всѣ отнынѣ будемъ равные, *свободные братья* великой свободной Россіи. Клянусь!!—И повторенное народомъ „Клянусь!“ раскатилось по всѣмъ прилегающимъ холмамъ.

— „Клянемся имъ въ томъ, что мы доведемъ ихъ дѣло до конца и добьемся *всеобщаго избирательнаго, равнаго для всѣхъ права*! Клянусь!

И народъ загремѣлъ—„Клянусь!“

Передъ народомъ былъ уже не ораторъ, а властный трибунъ, за которымъ готова идти десятитысячная толпа.—„Клянемся имъ въ томъ,—звенѣлъ сталью голосъ оратора,—что если намъ не будетъ дано всеобщее избирательное право, мы снова провозгласимъ великую россійскую забастовку“.

„Клянусь!“—окончилъ ораторъ.—„Клянусь!“ раскатилось громомъ по всѣмъ окрестностямъ. Ораторъ кончилъ; его цѣловали, обнимали; одинъ солдатикъ бросился ему на шею, забывъ дисциплину и офицерскій чинъ оратора.

П. П. Шмидтъ скрылся въ толпѣ.

Въ тотъ же вечеръ лейтенантъ Шмидтъ былъ арестованъ по приказанію главнаго командира Чухнина и подъ *конвоемъ*, какъ преступникъ, отправленъ на броненосецъ „Три Святителя“, гдѣ и содержится подъ стражей. Городъ подавленъ этимъ арестомъ. Лейтенантъ П. П. Шмидтъ былъ призванъ на военную службу изъ запаса на время войны и уже подалъ, до манифеста 17 октября, въ *отставку*, которая пока не состоялась.

Городъ не хочетъ вѣрить, что онъ понесетъ кару, всѣ ждутъ его освобожденія. Неужели нужны еще жертвы за свободу слова? Никто не можетъ допустить этого. Городское управленіе должно употреблять всѣ усилія, чтобы помочь освобожденію.

П. П. Шмидтъ содержится подъ строгимъ арестомъ, какъ самый тяжкій преступникъ (изоляція, обыскъ). Доступа къ лейтенанту Шмидту никому и никакого, кромѣ сына-реалиста, причемъ за каждымъ словомъ слѣдитъ, въ качествѣ „агента“ адм. Чухнина, командиръ корабля, капитанъ 1-го ранга Вѣницкій.“

Несмотря, однако, на всѣ строгости ареста, лейтенантъ Шмидтъ нашелъ возможность написать и затѣмъ опубликовать въ газетахъ слѣдующее воззваніе къ обществу:

„Мнѣ удалось, несмотря на мое одиночное заключеніе, прочесть манифестъ о помилованіи политическихъ. Этимъ манифестомъ умирающая бюрократія бросаетъ новый вызовъ къ борьбѣ съ ними отживающимъ послѣдніе дни режимомъ. Русскому народу предстоятъ послѣднія усилія для

Digitized by Google

дѣйствительнаго осуществленія правового порядка и дѣйствительной свободы. Средство къ окончанію этой борьбы и взятію послѣднихъ позицій одно и другихъ нѣтъ, — это фактическое осуществленіе всѣми русскими людьми всѣхъ неотъемлемыхъ человѣческихъ правъ. Посылаю упрекъ тѣмъ органамъ печати и тѣмъ русскимъ людямъ, которые будутъ ждать „разъясненій и положеній“ о пользованіи манифестомъ. Такое смиреніе грозитъ великой опасностью всему народу русскому, грозитъ опасностью самой свободѣ. Мы не имѣемъ права ждать, пока бюрократія истолкуетъ что надо разумѣть подъ правами свободнаго гражданина. Ея толкованіе можетъ привести къ новому гнету. Ждать этихъ разъясненій (которыя начали уже сводиться къ ограниченіямъ) преступно. Каждый, кто дорожитъ счастьемъ народа, долженъ, не выжидая, осуществлять права человѣка такъ, какъ они поняты всѣми свободными народами міра. Граждане, помните, что я арестованъ за свободное слово послѣ манифеста 17 октября. Помните это, и пусть это нарушеніе свободы произволомъ напоминаетъ вамъ, что дѣло далеко не кончено, что нужны теперь послѣднія усилія, чтобы овладѣть разъ навсегда человѣческими правами. Усилія эти должны выразиться дѣйствительнымъ пользованіемъ дѣйствительной свободой. Всѣхъ, кому дорога свобода, кому дорого счастье страны, призываю, помогите мнѣ сдѣлать судъ надо мною *гласнымъ* въ обширномъ помѣщеніи при широкомъ доступѣ *всѣхъ* слоевъ населенія, при представителяхъ *всѣхъ* органовъ печати. Для того, чтобы судъ былъ таковымъ, нужно теперь же поставить въ извѣстность о произволѣ надо мной всѣ органы печати, путемъ телеграммъ, корреспонденцій, статей и т. д. Тогда сила общественнаго мнѣнія потребуетъ гласнаго суда. А если таковой будетъ, то скамья подсудимыхъ превратится для меня въ трибуну, съ которой я нанесу новый тяжкій ударъ ненавистному режиму. У меня для этого достаточно силъ. Помогите же мнѣ и теперь же, немедленно займитесь широкой оглаской происшедшаго со мной. Помните, граждане, что мое дѣло—это дѣло народа. Моя побѣда — это побѣда свободы надъ произволомъ.

Гражданинъ лейтенантъ Шмидтъ
(соціалистъ внѣ партій).

22 октября. Корабль „Три Святителя“.

* * *

„Новости“ приводятъ интересный случай изъ жизни бывшаго оберъ-прокурора св. синода г. Побѣдоносцева:

„Это было нѣкоторое время спустя послѣ 1-го марта 1881 г. Время было тяжелое, неспокойное. Въ обществѣ ходили самые разнорѣчивые слухи о слѣдствіи надъ участниками этого кроваваго событія и объ участи, ихъ ожидающей. Чувство мести боролось съ чувствомъ сострадания.

Въ это время, охваченный истинно-христіанской жалостью, великій

Digitized by Google

писатель земли русской Л. Н. Толстой рѣшилъ обратиться съ письмомъ къ императору Александру III, въ которомъ излагалъ мысль о необходимости помилованія убійцъ.

Глубоко религіозный Л. Н. Толстой рѣшился на этотъ поступокъ послѣ самой напряженной душевной работы. Не легко было рѣшиться просить, чтобы сынъ простилъ людей, убившихъ его отца, чтобы царь простилъ враговъ, желавшихъ лишить его царства. Послѣ долгаго, мучительнаго напряженія, письмо было написано. Я никогда не читалъ ничего болѣе трогательнаго. Читая его много лѣтъ спустя, трудно было удержаться отъ слезъ.

Великій писатель просилъ царя явить съ высоты трона величайшій примѣръ христіанскаго всепрощенія. Онъ указывалъ на то, что этотъ примѣръ русскаго царя долженъ оказать огромное оздоровляющее вліяніе не только на взволнованное враждой общество, но и на весь русскій народъ, на цѣлый рядъ поколѣній, придавая милосердному царю ореолъ святости.

Письмо было написано. Оставалось выбрать лицо, которое могло бы передать его царю. Зная близость К. П. Побѣдоносцева къ Александру III, Л. Н. Толстой обратился къ этому сановнику съ просьбой передать письмо по назначенію.

К. П. Побѣдоносцевъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ".

Надо отдать справедливость Толстому—болѣе неудачный выборъ трудно себѣ и представить.

* * *

Въ недалекомъ будущемъ я предвижу моментъ, когда отъ русскаго правительства отвернутся рѣшительно всѣ его слуги. Мы еще увидимъ забастовку шпіоновъ, сыщиковъ и провокаторовъ, потому что въ нравственномъ отношеніи бюрократія стоитъ ниже, неизмѣримо ниже всѣхъ своихъ рабовъ. Въ сравненіи съ ней самый грязный шпіонъ—все-таки рыцарь.

Неудивительно, поэтому, что тѣ столпы, на которыхъ покоилась и покоится бюрократія, одинъ за другимъ валятся, и что люди, еще вчера шедшіе рука объ руку съ ней, теперь закрываютъ лицо руками и съ краской стыда кричатъ: „мы больше не можемъ, намъ стыдно, насъ убиваетъ позоръ". Вотъ, напримѣръ, что пишутъ С.-Петербургскіе околоточные.

„Прочитавъ въ газетѣ, что образовался союзъ с.-петербургской полиціи, мы, группа околоточныхъ, вступаемъ въ этотъ союзъ для того, чтобы снять съ себя то грязное пятно, которымъ заклеймило насъ наше высшее начальство, и имя черносотенца, которое вполнѣ заслуженно далъ намъ обыватель. Поясняемъ, какими путями дошли мы до такого позора.

Поступая въ полицію на 50-ти-рублевый окладъ жалованья, мы обязаны имѣть двѣ смѣны обмундировки, при чемъ все это должны заказывать у портного, указаннаго намъ нашимъ начальствомъ, получающимъ

Digitized by Google

отъ портного мзду. Одна смѣна обходится не менѣе 120 р., а на обмундировку намъ не полагается ни гроша.

Такъ первый же шагъ вступленія въ число служащихъ въ полиціи вмѣстѣ съ тѣмъ отдаетъ насъ въ кабалу портному-кредитору. Далѣе намъ выдаютъ на руки по нѣсколько экземпляровъ „Вѣдомостей С.-Петербургскаго Градоначальства", плакатъ и объявленія, за которыя съ насъ высчитываютъ изъ жалованья, а мы въ свою очередь обязаны насильственнымъ образомъ вручать ихъ обывателямъ, полученныя отъ которыхъ за эти газеты и плакаты деньги идутъ намъ въ уплату высчитанной заранѣе части жалованья. Поэтому въ число получки жалованья на руки мы получаемъ не болѣе 15 руб., остальное приходится собирать грошами съ обывателя за печатныя полицейскія произведенія. И какія униженія намъ приходится выносить отъ обывателя при врученіи этихъ произведеній. Плакаты, стоющіе $^1/_2$ к., мы обязаны продавать по 20 коп. Обыватель не вѣритъ, что эта грошевая бумага можетъ стоить этихъ денегъ, и думаетъ, что мы пользуемся съ этого. На проѣзды намъ совсѣмъ не полагается, а ѣздить приходится по разнымъ концамъ города—по больницамъ, судамъ и т. п. учрежденіямъ. Изъ какихъ средствъ платить намъ за проѣздъ? Всѣ мы почти люди семейные. Мы должны нанять для семьи квартиру и дать ей пропитаніе. Откуда взять на все это? Уплата кредитору-портному, вычетъ въ эмеритальную кассу, проѣзды, обмундировка, недополученныя своевременно деньги за газеты и плакаты,—на рукахъ остаются гроши. Вотъ тутъ то мы выискиваемъ средства для содержанія нашей семьи. Идемъ по мелочнымъ, мяснымъ, зеленнымъ, булочнымъ и т. п. заведеніямъ, находимъ вездѣ якобы безпорядки и беремъ за это и товаромъ и деньгами. Затѣмъ идемъ по дворамъ, тутъ находимъ якобы непорядокъ и также получаемъ деньги. Улица даетъ свой заработокъ—съ проститутокъ, съ торговцевъ въ разносъ, а иногда даже и съ той компаніи, которая производитъ безобразія и платитъ также намъ за несоставленіе протокола на нихъ. При полученіи этихъ незаконныхъ поборовъ жутко становится иногда на душѣ. Но жить надо. Въ свободное отъ дежурствъ время насъ заставляютъ переодѣваться въ штатское платье, выслѣживать и забирать нищихъ, а также проститутокъ. Это одно изъ самыхъ ужаснѣйшихъ насилій надъ нашими личностями. Тутъ приходится получать вполнѣ заслуженное нами оскорбленіе отъ обывателя въ то время, когда мы приказываемъ дворнику забирать этихъ несчастныхъ.

Въ иныхъ случаяхъ начальство заставляетъ насъ быть лже-свидѣтелями при разборѣ дѣлъ запротоколенныхъ въ участкахъ, а также мы съ своей стороны заставляемъ дѣлать то же самое городовыхъ, дворниковъ, извозчиковъ-швейцаровъ и т. п. И все это приходится намъ продѣлывать изъ-за куска хлѣба, такъ какъ, если насъ выбросятъ изъ полиціи, ни одно общество не приметъ насъ въ свои члены, какъ заповоренныхъ, заклей-

Digitized by Google

менныхъ начальствомъ. Это же начальство держитъ насъ въ черномъ тѣлѣ. Мы, состоя якобы на государственной службѣ и имѣя гражданскіе чины, не имѣемъ права именоваться ими и остаемся тѣми же околоточными надзирателями Ивановыми, Федотовыми и др. Работаемъ же мы иногда безъ отдыха по двое сутокъ.

Дежурство, наряды, протоколы, опять наряды и т. д. О церкви и думать нечего, и невольно по этому теряешь всякій обликъ человѣка-христіанина. Отпуски хотя и полагаются черезъ 2 года на 3-ій на 2 мѣсяца, но на самомъ дѣлѣ намъ даютъ 2—3 недѣли, да и то съ униженіями и оскорбленіями отъ полиціймейстера, разрѣшающаго отпуски. Вся работа по участку лежитъ на насъ; пристава и ихъ помощники въ сравненіи съ нами почти ничего не дѣлаютъ, отпуски же имъ даютъ на 3—4 мѣсяца.

Возьмемся же, товарищи, крѣпко рука за руку и, присоединившись къ образовавшемуся союзу, будемъ требовать передачи насъ въ вѣдѣніе городского самоуправленія, которое не будетъ учинять надъ нами произволовъ, а будетъ пользоваться нами, какъ дѣйствительною полицейскою силою для цѣлей охраненія порядка.

И тогда только, товарищи, можетъ быть снято съ насъ пятно и званіе черносотенца, когда наша жизнь будетъ находиться въ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ и не подъ гнетомъ нашего теперешняго начальства.

Группа околоточныхъ, не желающихъ дольше позорить себя и желающихъ избавиться отъ произвола стараго режима".

Нравственный обликъ русскаго полицейскаго, поступившаго на службу въ разгаръ бюрократической вакханаліи, извѣстенъ всѣмъ. Но этотъ протестъ околоточныхъ, это нежеланіе „позорить себя" прикосновеніемъ къ старому режиму, вполнѣ ясно говорятъ, что околоточные на цѣлую голову переросли своихъ господъ. Во всякомъ случаѣ, попытка низшихъ полицейскихъ агентовъ соединиться въ союзъ говоритъ сама за себя. А если принять во вниманіе, что въ союзы стали объединяться и городовые, то намъ остается только воскликнуть:—Господа шпіоны! очередь за вами!

* * *

Эти строки были уже набраны, когда въ газетахъ появилось извѣстіе, что начали бастовать и гг. сыщики. Такимъ образомъ пророчество мое сбылось даже прежде, чѣмъ я могъ расчитывать. Вотъ противоправительственное заявленіе агентовъ охранныхъ отдѣленій, напечатанное въ газетѣ „Нов. Жизнь":

„Мы, сознательные агенты, презираемъ васъ и высказываемъ свое негодованіе, потому что ваши черносотенскія дѣйствія ложатся всей своей тяжестью на насъ, сознательныхъ агентовъ. Мы призваны защищать человѣчество отъ террора, а не быть террористами, довольно съ васъ и того, что вы, скрываясь за нашими спинами, заставляете насъ слѣдить за каж-

Digitized by Google

дымъ шагомъ общества, вы, забравшіе насъ въ свои окровавленныя руки, пользуясь нашимъ голодомъ и голодомъ нашихъ семей, заставляете насъ терроризовать общество, слѣдя за каждымъ его шагомъ, тогда какъ терроръ вызываетъ всецѣло правительство и его ставленники, временщики.

Вы, угнетатели рода человѣческаго, вербуя насъ для охраны человѣчества, заставили насъ выполнять демоническіе замыслы, заглядывать въ душу человѣка, вы, изверги, сознаете, что разъ въ ваши руки попалъ человѣкъ, онъ уже не въ силахъ вырваться изъ вашихъ кровавыхъ тисковъ, иначе эти тиски раздавятъ его. Пусть же это будетъ такъ, пусть на насъ смотритъ общество, какъ на негодяевъ, но все же вы не убили въ насъ души: мы всѣ принадлежимъ обществу и вмѣстѣ съ нимъ будемъ бороться за свободу человѣка; вы знаете, что, оставляя ряды ваши, мы нигдѣ не будемъ приняты, и мы должны скитаться, какъ Іуда-предатель, мы, обезличенные вами, такъ пусть же кровь наша и несчастья наши падутъ на васъ и ваше потомство, а мы—тотъ же пролетаріатъ, и въ его же рядахъ помремъ, въ борьбѣ противъ васъ, изверги".

* * *

„Московская Газета" сообщаетъ: „8 ноября въ с. Хованщину прибылъ ген. Сахаровъ, командированный для подавленія крестьянскихъ безпорядковъ въ Саратовской губерніи, вмѣстѣ съ губернаторомъ; кромѣ казаковъ, съ нимъ прибыла артиллерія. Собранные крестьяне были оцѣплены казаками. Сказавши небольшую рѣчь о цѣли его поѣздки и о значеніи манифестовъ 17 октября и 3 ноября, генералъ Сахаровъ сказалъ, что онъ пріѣхалъ съ мирными цѣлями—уговорить крестьянъ, чтобы они болѣе не посягали на чужую собственность, при этомъ просилъ выдать зачинщиковъ и злонамѣренныхъ людей—враговъ родины, которые науськиваютъ крестьянъ, а сами прячутся за спинами ихъ. Со стороны крестьянъ выступили два оратора съ цѣлью выяснить положеніе дѣлъ—сельскій староста и предсѣдатель волостного суда, но немедленно же были избиты казаками до потери сознанія, послѣ чего ген. Сахаровъ прослѣдовалъ въ зданіе волостного правленія, а крестьяне собрались передъ зданіемъ. Здѣсь губернаторъ сталъ вызывать крестьянъ „по списку" и допрашивать. Допросъ былъ таковъ: „признавайся, поджигалъ, грабилъ?"—„Нѣтъ, ваше превосходительство".—„Ага! Казаки!" Являлись на сцену казаки и били, били посмѣянно, до потери сознанія, отрубали куски мяса отъ лица, вырывали волосы, бороды и затѣмъ сажали въ кутузку. Избито и арестовано всего 38 человѣка; крестьяне, по мнѣнію полиціи, были крамольниками и зачинщиками. Все это дѣлалось при губернаторѣ и по его распоряженію; генерала Сахарова здѣсь не было, онъ былъ въ зданіи волостного правленія, а избіеніе происходило въ 10—20 саженяхъ отъ зданія. Весь допросъ производится въ нѣсколькихъ словахъ—„сознавайся" только, многіе подъ ужасными побоями сознавались. Послѣ расправы гу-

Digitized by Google

бернаторъ прочиталъ какой-то приговоръ и приказалъ крестьянамъ подписываться. Крестьяне отъ ужаса остолбенѣли, тогда казаки начали подгонять къ подписи плетьми.

По словамъ участниковъ схода, картина была ужасная; нѣкоторые не могли говорить, отъ страха тряслись; изъ приговора ни одного слова не поняли. Били стариковъ 70 лѣтъ за то, что они не держатъ въ рукахъ сыновей. Всѣ казаки были пьяны, варварство ихъ не поддается описанію.

* * *

22-го ноября, ночью, въ Петербургѣ было получено слѣдующее извѣстіе по телеграфу:

Саратовъ, 22—XI. Сегодня въ половинѣ перваго дня, въ домѣ губернатора, неизвѣстная женщина тремя выстрѣлами изъ револьвера убила генералъ-адъютанта Сахарова. Убійца задержана и заявила, что исполнила приговоръ летучаго боевого отряда партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

Ал. Яблановскій

Digitized by Google

Критика и библіографія.

А. Луговой. „Цѣль Вашей жизни?“ Спб. Изд. А. Ф. Маркса.

Это сборникъ хронологически расположенныхъ „повѣстей и разсказовъ“ Довольно эффектно названъ онъ по заглавію одной изъ послѣднихъ вещей, самой обширной сборникъ; къ ней находимъ такую выноску: „Эта повѣсть была первоначально напечатана въ журналѣ „Русское Богатство“ 1902 года, подъ заглавіемъ „Николай Петровичъ“; съ добавленіемъ предисловія къ ней въ настоящемъ изданіи измѣнено и названіе ея“. Беллетристика г. Лугового, можетъ быть, вообще характерна преобладаніемъ разсудочности. Но она исходитъ отъ литературной личности—съ дарованіемъ, съ умомъ, съ запасомъ не книжныхъ только, а жизненныхъ отраженій. Въ главѣ указанной повѣсти „Вмѣсто предисловія“ разсказчикъ исповѣдуется: „Моя жизнь прошла ярко, бурно и пестро. И она заставила меня выработать въ себѣ свободное критическое отношеніе къ самымъ, повидимому, незыблемымъ, общепризнаннымъ истинамъ, къ самымъ высокимъ идеаламъ и авторитетамъ, и въ то же время не клеймить безнадежнымъ презрѣніемъ ничего, что въ извѣстный моментъ предается толпой поруганію. Въ такомъ міровоззрѣніи нераздѣльно сливаются величайшая терпимость и величайшій скептицизмъ. Оно не изъ радостныхъ, это міровоззрѣніе, оно не изъ легкихъ и не изъ выгодныхъ“. Нѣчто отъ подобной терпимости и скептицизма лежитъ печатью и на всемъ творчествѣ самого автора. Такой *синтезъ* г. Лугового повышаетъ, пожалуй, объективно соціологическую, бытописательную содержательность произведеній автора. Но вѣдь онъ выступаетъ здѣсь въ качествѣ беллетриста, т. е. художника, т. е. посредствующаго — образами. Только при исключительной талантливости тутъ не повредитъ *цѣльности* стройки, вводя союзъ крайней терпимости и крайняго скептицизма. Первый разсказъ сборника—„Поваръ“. Съ тщательнымъ реализмомъ вычерчиваетъ г. Луговой фигуру и дѣятельность артиста въ своемъ родѣ—повара старой барской школы. И, въ

Digitized by Google

заключеніе, размахивается черезъ чуръ мрачнымъ штрихомъ: герой вѣшается изъ за неудачнаго обѣда. Въ „Листкахъ моего дневника"—„Изъ прошлаго и настоящаго" мало убѣдительны рѣзкіе нападки на культурное общество. Въ разсказѣ „Нужда" много вдумчивости; но авторъ словно не хочетъ ни до чего договориться. Повѣсть „Цѣль Вашей жизни?" прямо обилуетъ, ставимыми вопросами. Въ теперешніе наши историческіе дни намъ, конечно, не нуженъ никакой ослабляющій скептицизмъ. Но размышленія и исканія и сейчасъ не вредны. Опасна только терпимость безъ стойкихъ убѣжденій, безъ прочныхъ принциповъ.

А. Налимовъ.

О. Рунова. Утреннички и др. разсказы. Изд. Посредника. Ц. 1 р. 50 к.

Всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ книжкѣ О. Руновой можно раздѣлить, какъ въ грядущемъ судѣ, на двѣ части: хорошій, добрый земскій врачъ, хорошая и добрая земская акушерка и прочіе хорошіе—постоянно живущіе и временно наѣзжающіе въ деревню—по правую руку автора, а всѣ болѣе отдаленно стоящіе отъ предлагаемаго идеала—по лѣвую. Не трудно выдѣлить и „точку зрѣнія" автора. Она, какъ и форма разсказовъ, не представляетъ собой ничего свѣжаго: земскій врачъ, разъ онъ добросовѣстный человѣкъ, совершаетъ именно то, что должно совершать въ Россіи. Если иногда и упоминается о безсиліи его въ борьбѣ—благодаря голоду и мраку,—то упоминается слабо, какъ бы невольно и мимоходомъ, не заставляя ни героевъ, ни читателя посмотрѣть немного выше, не прокладывая просвѣтовъ къ другимъ, болѣе широкимъ горизонтамъ. Разсказы изобилуютъ длиннотами и, кромѣ этого балласта, мало чего даютъ намъ.

О. М.

Анна Догановичъ. Наканунѣ службы. (Изъ воспоминаній фельдшерицы). Ц. 1 р.

Это рядъ любительскихъ снимковъ, расплывчатыхъ и мало интересныхъ, относящихся къ тому времени, когда мода на пледы и „короткіе волосы перешла отъ Бестужевокъ въ фельдшерскія школы". Настроеніе общества послѣдняго года жизни Александра II очень мало отражено въ этихъ запискахъ. Единственную цѣнность изъ всей книги имѣетъ только воспоминаніе о Достоевскомъ—очень мимолетное, но дорогое намъ, какъ все, что относится къ этому человѣку, какъ всякая его фотографія. Эти всѣ странички написаны съ большей яркостью; что же касается остальнаго, то жизнь въ интернатѣ, столкновенія съ петербургскими квартирными

Digitized by Google

хозяйками, порядокъ лекцій и репетицій, конфликты между курсистками— все это мало типично и имѣетъ очень мало значенія для читателя...

О. М.

Т. Казановъ. Отецъ и сынъ и др. разсказы. Ц. 1 р.

Устами одного изъ своихъ персонажей авторъ изрекаетъ: „Истинная задача жизни—это семья, и истинная мудрость—созданіе лучшихъ людей и лучшей жизни". Если къ этой мудрости прибавить излишнюю обязательность объясненій, какъ-то: „надѣлъ на ноги туфли"; если принять во вниманіе безграмотность, какъ-то: „возвратившись изъ знакомыхъ"; если къ нелѣпости прибавить смертельную скуку отъ морали да еще необозримыя длинноты,—получится нѣчто громоздкое, тягучее, мудрое, старое, имѣющее очень близкое сходство съ писаніемъ Т. Казанова. **О. М.**

Ломэнъ. Наброски. Ц. 1 р.

На обложкѣ—кудрявое море à la Ѳеофилактовъ; надъ моремъ—лицо унылое, блѣдное; надъ нимъ — бѣлый паръ, черный клювъ, и на горизонтѣ—каменная рожа. Все-таки терпѣть можно. Нестерпимо содержаніе книги. Здѣсь и проза и стихи. Стихи хуже прозы, а проза—очень плоха. Временами, вдругъ, она впадаетъ въ риѳму, которой часто недостаетъ стиху. Ни одного яркаго образа, ни единаго луча. Совсѣмъ безрадостно. Сначала, какъ и подобаетъ, поется о любви, но... мы остаемся равнодушны. Потомъ—о гражданской скорби:

Скорбно, скорбно сердце бьется,
Быстро, быстро мысль несется,
Но къ одному она вернется,
И сердце кровью обольется. —
Грубой силой все берется и т. д.

Затѣмъ авторъ констатируетъ, что „звѣзды удивляются, почему люди не спятъ, а забавляются", „а люди, глядя на небо, поражаются, а звѣзды все также—улыбаются". Есть стихотвореніе, каждый куплетъ котораго — въ первыхъ двухъ строчкахъ—завершенъ глаголами:

. . . . . скрываться
. . . . . удаляться
. . . . . умиляться
. . . . . отдаваться

Digitized by Google

. . . . . надрываться
. . . . . убиваться
. . . . . озлобляться
. . . . . раздражаться
. . . . . сражаться
. . . . . заниматься.

Первыя слова этихъ великолѣпныхъ строчекъ—многократное „зачѣмъ“ а такъ какъ промежуточныя слова не имѣютъ существеннаго значенія, то для скорости читатель съ успѣхомъ можетъ соединить начало съ концомъ и такимъ образомъ прочесть все стихотвореніе: зачѣмъ скрываться, удаляться, отдаваться, и проч. и т. д. Даже какая-то странная любовь къ глаголамъ.

Тюрьмы, тюрьмы
раскрывайтеся!
Казни, казни
забывайтеся!
. . . . . .
Братья, братья
просвѣщайтеся!
Знаньемъ, знаньемъ
укрѣпляйтеся!

И все это на очень хорошей бумагѣ! Жаль... Если бы автору было восемь лѣтъ, то и тогда *только* маменька признала бы талантъ. О прозѣ не хочется говорить. Одинъ маленькій, недурной набросокъ (Дождь) и одна страничка изъ 192-хъ—само собой разумѣется, ничего не обѣщаетъ. Г. Ломэнъ увѣренно твердитъ, что „жизнь не призрачный сонъ, а стремленіе къ царству добра и свободы“, и что народъ долженъ войти въ это царство. Въ виду настойчивости такого увѣренія, можно допустить, что г. Ломэнъ благожелательный гражданинъ, что же касается поэта, то чтобы быть таковымъ—недостаточно *желаній*... Во всякомъ случаѣ, г. Ломэнъ не поэтъ.

О. М.

Евгенія Де-Турже-Туржанская. Разсказы и очерки. Смоленскъ 1905 г.

Это провинціальное изданіе заключаетъ въ себѣ пять разсказовъ: „Наши судьи“, „Ошибка“, „Ирина Михайловна“, „Ксенька“, „Маша“. Въ нихъ нѣтъ литературныхъ красотъ. Изложеніе зачастую утомляетъ своею широковѣщательностью, докучаетъ подчасъ и сантиментальность въ старомодномъ вкусѣ, у автора, видимо, не налаживается правдоподобіе ситуацій,

Digitized by Google

фигуръ, подробностей самой фабулы. Свои наблюденія и выдумки авторъ словно даже и не рискуетъ связывать собственнымъ идейнымъ синтезомъ. Не то г. Туржанская довольствуется старыми утѣшающими назиданіями, не то протестуетъ самыми образами своими. Но за всѣмъ тѣмъ книжка эта не кажется безсодержательною. За неуклюжею внѣшнею формою, за неловкостями языка и шаблонами письма чуется искренній интересъ къ нерѣшеннымъ вопросамъ

„Наши судьи"—наши дѣти. Въ семействѣ Смирновыхъ юноша Коля, гимназистъ 8 класса, совершаетъ цѣлый переворотъ, убѣдившись, что мать увлеклась нѣкіимъ хлыщомъ. Коля любилъ и вѣрилъ, и его чувства поруганы. Обвиняемая, однако, не дошла до „преступныхъ" предѣловъ—въ заключеніе всѣ объяснились и примирились. На членовъ семьи повліяло суровое, но рѣшительное и правдивое поведеніе юноши: и мать еще сильнѣе привязалась къ сыну, у котораго любящее, но „гордое, честное сердце". Въ „Ошибкѣ" зарисованы штрихи изъ хитросплетенныхъ узоровъ житейской лжи. Богатенькій студентъ завелъ романъ съ прачкой. Бездѣтная тетка нашего героя усыновляетъ новоявленную дочку его—„нѣжную Нюрочку". Мать навѣщаетъ ребенка только въ качествѣ „бывшей кормилицы". Съ годами Нюрочка узнаетъ свое происхожденіе; а къ прачкѣ она успѣла привязаться за минуты свиданій. Но дѣвочку, уже больную, насильно далеко увозятъ отъ матери. Та бросается подъ поѣздъ... „Ирина Михайловна"—изъ „падшихъ", но она не разстается съ своею „внѣбрачною" Фимочкой. Авторъ какъ бы налегаетъ на подобныя стороны „дѣтскаго вопроса", и, конечно, отъ нихъ и не отвертишься. „Ксенька" и „Маша" жанровыя картинки—„будничныя исторіи" о томъ, какъ живутъ и воспитываются дѣвочки у прачекъ и модистокъ. Такою бытописью угощаетъ читателя русская литература уже много-много лѣтъ. Одинъ Шеллеръ-Михайловъ на тысячу ладовъ комбинировалъ пѣсню о голи и нищетѣ. Но за послѣднее время въ ней зазвучала новая струнка, которая не чужда и очеркамъ г. Туржанской. Ирина Михайловна уходитъ отъ попойки богача Куроѣдова съ обличеніями, и ей на похороны Фимочки собираетъ жалкій хоръ „при номерахъ". Очевидно, „низы" всѣхъ родовъ начинаютъ единиться. Осязательнѣе ощущается существованіе голи и нищеты всѣми слоями общества. Снимки съ натуры и на „чистой половинѣ" демократизируются.

А. Налимовъ.

А. С. Ан—скій. Разсказы. Т. I. Спб. 1905 г.

Въ наше время, когда беллетристика быта и дѣйствительности все явственнѣе и очевиднѣе уступаетъ мѣсто беллетристикѣ психологіи и фи-

Digitized by Google

лософіи,—разсказы С. Ан—скаго, грустные разсказы о тяготахъ будней, о мукахъ повседневности производятъ впечатлѣніе давнихъ, давнымъ-давно написанныхъ картинъ старой кисти.

Въ I томъ включены десять разсказовъ, относящихся къ большому, очень большому промежутку времени отъ 1881 года и почти до самаго послѣдняго времени. С. Ан—скій, какъ и Д. Айзманъ и С. Юшкевичъ, главной темой своихъ разсказовъ выбираетъ жизнь черты еврейской осѣдлости съ ея вѣковѣчнымъ трепетомъ, страшной скученностью и подавляющей оѣднотой. Отъ названныхъ авторовъ С. Ан—скій при внѣшней однородности наблюденій отличается, однако, весьма многимъ. Если Д. Айзманъ на ряду съ типическими особенностями еврейскаго быта останавливаетъ свой анализъ на сложной психикѣ интеллекта вообще, если С. Юшкевичъ весьма часто пользуется канвою еврейскаго быта для обрисовки общихъ ужасовъ массъ и обще-пролетарскихъ движеній, то С. Ан—скій останавливаетъ свое вниманіе именно на положеніи отдѣльныхъ фигуръ черты. Именно тѣ Шлоймы и Малки, какіе являются героями его разсказовъ, именно они—эти полуживые и измученные, загнанные и забитые люди—сами по себѣ привлекаютъ все существо автора; именно этой средѣ, именно тому слою, къ какому принадлежатъ эти Шлоймы и Малки цѣликомъ, отданы умъ и сердце писателя.

Мрачными красками написаны картины изъ жизни въ книгѣ С. Ан—скаго. Характерной особенностью автора является почти полная однородность причинъ, создающихъ несчастья героевъ отдѣльныхъ разсказовъ. Несчастья эти происходятъ почти исключительно отъ отсутствія денегъ. Нѣтъ денегъ, нѣтъ работы, нѣтъ хлѣба... Нѣтъ денегъ—это какъ бы лейтъ-мотивъ книги. Нѣтъ 30 копеекъ, необходимыхъ для приглашенія врача въ одномъ изъ разсказовъ, нѣтъ 50 рублей, необходимыхъ для приданнаго, которое дало бы дѣвушкѣ возможность выйти замужъ, въ другомъ разсказѣ, и т. д. вотъ обычныя ситуаціи, которыя наиболѣе мучаютъ и волнуютъ автора. Эта черта наблюдается не только въ отдѣльныхъ деталяхъ разсказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ цѣликомъ построены на этомъ мотивѣ-ужасѣ положенія „денегъ нѣтъ". Именно этотъ мотивъ служитъ сущностью разсказовъ „Свалился", „Въ двадцать лѣтъ" и т. п. Нѣтъ денегъ, нѣтъ работы у Ивана („Свалился"), и онъ со стономъ кидается въ воды рѣки, гдѣ и спасается навѣки отъ голода и безработка. Нѣтъ денегъ, нѣтъ трехъ копеекъ на фунтъ хлѣба у героя разсказа „Въ двадцать лѣтъ", и юноша серьезно заболѣваетъ отъ мучительной голодовки, пока находится наконецъ молоко и бульонъ находится и „урокъ въ десять рублей". И разсказъ на этомъ обрывается, какъ будто самый фактъ полученія „урока" уже самъ по себѣ отвѣчаетъ на всѣ запросы и разрѣшаетъ всѣ тревоги...

Таковъ же эпилогъ самаго большого и чуть ли не самаго яркаго изъ разсказовъ—разсказа „Пасынки". Ярко и образно нарисованы здѣсь и

Digitized by Google

отдѣльныя лица и общія положенія. Авторъ прекрасно знаетъ жизнь „черты“ и жизненными, живыми фигурами встаютъ передъ читателемъ и философъ-„ламдонъ“ (ученый) Мойша, изъ-за того же безденежья принужденный оставить изученіе Талмуда и Геморэ и взяться за дѣло чернорабочаго, и жена его Сора, и хозяйка, и всѣ остальныя лица этого уголка жизни. Мягкими и сердечными штрихами любовно намѣчена авторомъ трогательная сцена увлеченія между чужими ранѣе мужемъ и женой, повѣнчанными благодаря рѣшенію родителей. Но и тутъ авторъ обратилъ наибольшее вниманіе именно на безденежье. Мойша убитъ на работѣ, погребенъ подъ обломками развалившагося дома, и до послѣдняго предѣла доходитъ ужасъ положенія семьи, до послѣдняго напряженія доводитъ авторъ несчастье жены и сиротъ... Но собственникъ развалившагося дома присылаетъ сиротамъ 25 рублей („двадцать пять рублей какъ одну копейку!..“), и на этомъ примирительно и удовлетворенно обрывается разсказъ...

Колоритно и нѣжно написанъ маленькій разсказъ „Бумаги“... „Коммерсантъ“ Янкель, забывающій о земномъ во имя думъ о божественномъ—въ рѣдкія минуты свободы творитъ... Забившись въ свой уголъ, пишетъ, нервно и возбужденно пишетъ на обрывкахъ бумаги... Жена Янкеля, дѣловитая „понимающая толкъ въ дѣлѣ“, Хася, не понимаетъ и не хочетъ понять безполезной работы своего взыскующаго града мужа, и у Янкеля случайно пропадаютъ (надо же было завернуть селедки—объясняетъ Хася), пропадаютъ плоды его творчества—его бумаги, его вдохновенныя, пламенныя бумаги...

Впечатлѣніе прекраснаго знанія авторомъ изображаемой среды оставляютъ, впрочемъ, только тѣ изъ разсказовъ, которые касаются исключительно черты осѣдлости. Выпукло и живо встаютъ предъ читателемъ истинно-трагическія сцены въ разсказѣ „Въ кабакѣ“; типичны и образны сцены хедернаго мучительства „Въ еврейской семьѣ“. Иными являются, однако, описанія быта крестьянъ, жизни усадебъ и т. п. Не изъ жизни, а изъ книгъ взятыми и надуманными кажутся эти описанія, не дающія живыхъ впечатлѣній („На новыя земли“, „Въ усадьбѣ“...)

Языкъ автора нѣсколько шероховатъ, а мѣстами и прямо-таки неправиленъ. „Не отдыхается“, „перешелъ на новую квартиру“, „пересталъ ко мнѣ захаживать“, „имѣлъ четырехъ дочерей“, „онъ ее обоготворялъ“, „порожній стаканъ“—эти и т. п. выраженія довольно часто рѣжутъ глазъ читателя. И только въ мѣстахъ наибольшаго подъема, въ тяжелыхъ, драматическихъ сценахъ стиль автора пріобрѣтаетъ крупную и неподдѣльную выразительность, чуждую паѳоса, неизгранную и искреннюю силу.

Главнымъ недостаткомъ автора, насколько это видно изъ I тома, является односторонность. Въ разсказахъ не чувствуется синтеза художественнаго творчества, и это не можетъ не ослаблять глубокаго и искренняго, по существу правильнаго, анализа.

Digitized by Google

Отдѣльные факты, отдѣльныя положенія рѣдко сплавлены съ идейной сущностью и психологіей переживаній. Правда жизни только мѣстами смѣняетъ собою беллетристику анекдота, беллетристику репортажа...

Крупнымъ достоинствомъ разсказовъ является большая, мучительная любовь автора къ своимъ героямъ, загаяннымъ, запуганнымъ и забитымъ. Чуется боль, глубокая боль автора, муки его по поводу мукъ и болей его героевъ. И эта любовь, эта боль и муки заражаютъ, захватываютъ читателя. И, несмотря на случайность темъ отрывки изъ жизни черты мучаютъ и волнуютъ настоящей болью, истиннымъ горемъ и мукой...

Въ этомъ не только оправданіе, но и заслуга С. Ан—скаго.

И. М. Василевскій.

Я. Соловьева (Allegro). *Йней.* Стихи и рисунки. СПБ. 1905. Ц. 2 р.

Если-бы понадобилось очертить однимъ словомъ поэзію г-жи Соловьевой, то мы бы сказали, что отличительная черта ея стиховъ—внутреннее *изящество*, изящество тонко-чувствующей, нѣжной, аристократической души. Говоритъ-ли она о „проклятомъ, любимомъ“ большомъ городѣ или нервомъ нѣжномъ кустѣ сирени, тоскуетъ-ли о правдѣ и Богѣ, или отдается чувству личной привязанности—вездѣ въ простомъ, глубоко-искреннемъ и—мы сказали бы—стыдливомъ стихѣ свѣтитъ изящная (въ чеховскомъ смыслѣ) душа автора. Ни одинъ изъ лагерей современной поэзіи не можетъ считать ее въ числѣ своихъ единомышленниковъ: неразлучная съ своею „огненной тоской“, идетъ она своей особой дорогой...

Временное и мимолетное не занимаетъ ея тоскующую мысль: она или находитъ въ немъ отблескъ важнаго и вѣчнаго, или проходитъ мимо. И во всемъ сборникѣ мы могли бы насчитать только нѣсколько исключеній изъ сказаннаго, нѣсколько обычныхъ, *житейскихъ* небольшихъ пьесъ; въ этомъ отношеніи поэзія г-жи Соловьевой сходна съ поэзіей ея знаменитаго брата, Влад. Серг. Соловьева.

Основной тонъ сборника—грустный, элегическій: счастье—только „отраженье неземного въ темнотѣ земной“, вотъ какъ далекія звѣзды отражаются въ темной водѣ; нѣжные бѣлые одуванчики быстро опустошаются вѣтромъ и облетаютъ; обнаженные кусты въ лѣсу и снѣжники ропщутъ на то, что напрасно будитъ ихъ ликующимъ словомъ, въ ихъ шелестѣ автору слышится крикъ: „гдѣ-же весна?“ на полѣ видятся автору „опустошенные луга“ и „въ нѣмой громадѣ стога—тьмы бездыханныя цвѣтовъ“. Но не мало въ сборникѣ и такихъ стиховъ, которые призываютъ надѣяться и дышутъ вѣрой въ лучшее будущее. Впрочемъ, въ этихъ послѣднихъ нѣтъ той крѣпости и жизнерадостности, которая заражаетъ

Digitized by Google

читателя: чувствуется, что авторъ fait bonne mine au mauvais jeu или безсознательно поддается внѣшнему, чуждому вліянію:

Не бойся страданій, не бойся любви безотвѣтной,
Надъ мракомъ страданій—немеркнущій свѣтъ,
Не бойся нарушить молчаніе пѣснью привѣтной...
Быть можетъ, раздастся отвѣтъ!

Въ сущности авторъ не вѣритъ въ то, что „отвѣтъ раздастся“: „немеркнущій свѣтъ“ надъ страданіемъ—вотъ единственное, что оправдываетъ страданіе, даетъ ему смыслъ и красоту. „Вечерняя заря“ обманула поэта: она сулила прекрасный, радостный день и дала дождь, туманъ и уныніе. Но поэтъ не ропщетъ на зарю:

Обманъ твой, ясная, попрежнему люблю
И, сердцемъ о твоихъ обѣтахъ вспоминая,
За ложь прекрасную тебя благословлю.

Сознательно благословлять „прекрасную ложь“ можно только тогда, если не видишь прекраснаго въ реальной дѣйствительности...

Но при всей своей неприглядности жизнь вовсе не тлѣнъ, не „духа больного томленье“, какъ думалъ царь Соломонъ: покорный рабъ, записывая на пиру подъ диктовку Соломона его философію „тлѣна“ и „суеты суетъ“, думаетъ про себя: онъ (Соломонъ) понялъ все, онъ знаетъ, что смысла въ жизни нѣтъ, и все-же онъ „сынамъ въ наслѣдье оставляетъ слова—все тотъ же прахъ и суету суетъ“. И эти слова онъ облекаетъ даже въ сверкающія изреченія, и вдохновенная душа его дышитъ восторгомъ творчества! Нѣтъ, есть въ жизни нѣчто важное и значительное, нѣчто такое, противъ чего можетъ возставать нашъ разумъ, но что захватываетъ, владѣетъ нашимъ безсознательнымъ „я“, нашимъ непосредственнымъ чувствомъ.

Изъ отдѣльныхъ стихотвореній намъ хочется особо отмѣтить три пьесы: „Въ окно глядится сумракъ предразсвѣтный“, очаровательно-граціозное „Я пришелъ не за тѣмъ, чтобъ тебя упрекать“ и полное суровой нѣжности и почти безнадежности стихотвореніе: „Помнишь, мы надъ тихою рѣкою“; внутренняя красота стиха поэта достигаетъ здѣсь рѣдкой законченности и полноты.

Внутреннему изяществу сборника вполнѣ соотвѣтствуетъ и его внѣшній видъ: г-жа Соловьева и художникъ также, и ея книжка украшена отлично сдѣланными, полными настроенія рисунками.

Л. Вас—ій.

Н. Н. Смецкая-Шиманская. Думы и разсказы. М. 1905.

Когда г-жа Смецкая-Шиманская уѣзжала учиться въ Цюрихъ, она, imaginez-vous, ни о какихъ „измахъ“ ничего не знала, не знала даже

Digitized by Google

„о существованіи“ Чернышевскаго и Добролюбова, зато теперь она знаетъ не только „измы“, но и многое другое и великодушно дѣлится своими запасами съ читателемъ. Оказывается, что „увеличиваніе богатствъ отдѣльныхъ лицъ не имѣетъ границъ, о чемъ можно судить даже по современнымъ милліардерамъ“. Авторша „на ѣду не обращаетъ особеннаго вниманія: есть хорошая—хорошо, нѣтъ—нѣтъ“, но куда требовательнѣе ея—голодный, безпріютный, засыпающій гдѣ-нибудь подъ мостомъ бѣднякъ: онъ, оказывается, мечтаетъ не просто о сухой и теплой комнатѣ, а „непремѣнно о дворцѣ“. Политической экономіи наша авторша, правда „не изучала“, но „въ прежнія времена“ прочла книгу Милля „и нѣк. др.“; ея выводъ таковъ, что политическая экономія не болѣе, какъ псевдонаука. „Подробно ея положеній“ она не помнитъ, но для нея достаточно помнить ея прежнее „laissez faire, laissez passer“ и ея современное „спросъ и предложеніе“, чтобы всей силой своей неотразимой логики обрушиться на эти „два единственныхъ закона“ и камня на камнѣ не оставить отъ бѣдной политической экономіи.

Еще нѣсколько цѣнныхъ сообщеній нашей авторши—и мы разстанемся съ нею. Знаете-ли вы, кто такой былъ мужъ Жоржъ-Зандъ! Оказывается, онъ былъ *оселъ*. Не вѣрите? На стр. 27 разбираемой книжки сказано: „какъ примѣръ, возьму Жоржъ-Зандъ. Ея супругъ, оселъ Дюдеванъ, былъ такъ глупъ, что“ и т. д. Въ древнихъ Аѳинахъ, какъ оказывается, были волости; правила о вознагражденіи увѣчныхъ рабочихъ наносятъ „первый ударъ и опроверженіе псевдозакону спроса и предложенія“; далѣе авторша любезно и съ рѣдкой для дамы точностью предупреждаетъ русское правительство о томъ, что „въ Уральскую область надвигаются пески съ восточной стороны“. Въ заключеніе маленькая таблица мужского и женскаго характера (стр. 34 книжки):

Мужской.	Женскій.
Геніальность,	Мудрость,
Рѣзкія страсти,	Глубокія чувства,
Воинственность.	Миролюбіе.

Изъ всѣхъ этихъ чертъ у авторши особенно выражены двѣ, какъ нарочно, мужскія черты: рѣзкая страсть... къ писательству и воинственность... по отношенію къ здравому смыслу...

Л. В.

Зин. Венгерова. *Литературныя характеристики.* Книга вторая. Ц. 1 р. 50 к. СПБ. 1905 г.

Книга г-жи Венгеровой заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ интересныхъ характеристикъ, посвященныхъ выдающимся современнымъ писателямъ. Здѣсь

Digitized by Google

есть такія разнообразныя литературныя имена, какъ Метерлинкъ и Густавъ Канъ,—съ одной стороны, и Эмиль Зола, Сенкевичъ—съ другой. Но вы съ первыхъ же страницъ книги почувствуете, что авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе и интересъ главнымъ образомъ на представителяхъ „новыхъ теченій" въ литературѣ. Они опредѣляютъ вкусы автора и характеръ книги въ то время, какъ вторые кажутся попавшими въ нее случайно. На новыя литературныя теченія у г-жи Венгеровой вполнѣ опредѣленный сочувственный взглядъ, ясно сквозящій во всѣхъ ея очеркахъ; она анализируетъ ихъ и стремится защитить отъ часто бросаемаго имъ обвиненія въ „безыдейности", даже безсодержательности. Такое стремленіе вполнѣ понятно, такъ какъ среди множества предразсудковъ, заполонявшихъ нашу литературу, есть одинъ наиболѣе распространенный—это пренебрежительное отношеніе ко всему, такъ называемому, „декадентскому". При этомъ подъ „декадентскимъ" и „декаденщиной" подразумѣвается вообще все рвущееся изъ старыхъ рамокъ, непохожее на то, къ чему привыкъ нашъ глазъ, ищущее для своего проявленія новыхъ формъ. Какъ бы ни былъ талантливъ такой реформаторъ—поэтъ или писатель—о немъ непремѣнно будутъ говорить съ усмѣшечкой и не преминутъ лягнуть, забывая, что, каковы бы ни были результаты, все же *найти* больше шансовъ у того, кто ищетъ и двигается впередъ, а не топчется на одномъ мѣстѣ.

У новаго литературнаго теченія г-жа Венгерова видитъ вполнѣ опредѣленную тенденцію и ясно намѣченный путь — „отъ эстетизма, культа красоты, черезъ философію къ религіи", для него задачей искусства является рѣшеніе самыхъ важныхъ общечеловѣческихъ проблемъ, а содержаніе черпается въ глубинѣ человѣческой психологіи.

Самая обширная статья въ книгѣ посвящена наиболѣе яркому представителю этого движенія—Метерлинку. Анализируя его драмы и философскія сочиненія, авторъ указываетъ на то, какъ Метерлинкъ, начавъ съ очень туманнаго мистицизма, пришелъ къ вполнѣ положительнымъ прогрессивнымъ взглядамъ и активному отношенію къ жизни. „Мораль Метерлинка вытекаетъ изъ его пониманія жизни, какъ мистеріи, въ которой человѣкъ играетъ непонятную для его разума, но открывающуюся его внутреннему созерцанію роль. Метафизика Метерлинка часто мистическая, этика тоже, но она имѣетъ глубокое жизненное значеніе, такъ какъ научаетъ не отрѣшаться отъ жизни, а, напротивъ того, служить ея цѣлямъ". Въ глазахъ г-жи Венгеровой „вѣра Метерлинка въ духовную напряженность нашего времени — самая драгоцѣнная изъ высказываемыхъ имъ истинъ"... „Онъ возвѣщаетъ о наступившемъ царствѣ духа, объ углубленіи пониманія внутренней жизни души. Благо этого просвѣтлѣнія онъ видитъ въ томъ, что проснувшаяся душа не остается пассивной, безучастной къ надвигающейся на нее жизни, а, напротивъ того, дѣятельно стремится воплотить въ ней свое содержаніе, быть послушной голосу, зовущему ее-

Digitized by Google

къ добру и правдѣ. Мистическая истина, которую открываетъ Метерлинкъ, не удаляетъ отъ жизни, а увеличиваетъ стремленіе къ дѣйственной добротѣ и любви".

Очень сочувственная статья въ книгѣ посвящена современному французскому поэту Густаву Кану, какъ смѣлому борцу за свободу личности и свободу литературы. Широта художественныхъ идеаловъ, гуманность, проникающая творчество, и активное отношеніе къ окружающимъ общественнымъ запросамъ этого поэта-символиста служитъ для г-жи Венгеровой доказательствомъ жизненности символизма вообще и его совмѣстимости „съ истинно-демократическою дѣятельностью, съ чуткимъ отношеніемъ къ правдѣ и справедливости". Еще болѣе сочувственное отношеніе звучитъ въ очеркѣ, посвященномъ интересной личности нѣмецкаго писателя Франца Ведекинда, этого смѣлаго новатора не только въ области литературныхъ формъ, но и морали, развѣнчивающаго старые кумиры „во имя безудержнаго побѣднаго инстинкта жизни". „Во всемъ, что онъ пишетъ, особенно цѣнно то, что, превосходя всѣхъ натуралистовъ своимъ глумленіемъ надъ уродствомъ и пошлостью среднихъ людей, онъ не пессимистъ, напротивъ того, онъ находитъ оправданіе жизни на днѣ величайшихъ паденій".

Другіе очерки даютъ характеристики Роденбаха, Верхгарна, А. де-Ренье, Рескина, В. Морриса, Пэтера, Сенкевича, Зола и Анатоля Франса. Но намъ кажется, что сказаннаго достаточно для того, чтобы судить о содержательности разбираемой книги и ея современномъ интересѣ.

Е. Колтоновская.

Карменъ. На днѣ Одессы. Изд. Е. Е. Свистуновой. Одесса. 1905 г.

Г. Карменъ посвящаетъ свою книгу автору „Марьи Лусьевой" и „Женскаго нестроенія". Книжка о „днѣ Одессы" достойна вниманія уже потому, что она вводитъ насъ въ область, куда такъ рѣдко проникаетъ лучъ гласности, въ темное царство, именуемое проституціей. „Тотъ же балконъ, та же зеленая крыша,—говоритъ одна изъ героинь,—та же лѣстница, тотъ же крестъ. А долго еще простоитъ этотъ проклятый домъ. Тысячи лѣтъ. Какъ скала". Ужасное это царство въ буквальномъ смыслѣ слова, и какъ ни легокъ багажъ нашего автора, какъ ни ограниченъ его кругозоръ, все же то, что онъ изображаетъ, онъ несомнѣнно видѣлъ, и этимъ несомнѣнно заинтересовываетъ читателя.

Вотъ она, „рабыня веселья", на улицѣ—слышитъ за собой „шипѣніе толпы:—Проститутка! падшая!

— Падшая, падшая!—шумѣли воробьи.

— Падшая!—грохотали на мостовой колеса и звенѣли копыта.

— Падшая!—трубили рожки кондукторовъ".

Digitized by Google

Вотъ она съ „гостемъ“, который ее... душитъ: „сѣлъ на нее верхомъ и душитъ“, или продѣлываетъ надъ ней такія вещи, отъ которыхъ даже у нея, уже искушенной злымъ опытомъ, становятся волосы. Вотъ она одна, „мечтающая... о какомъ-нибудь „братѣ изъ Америки“, который со дня на день долженъ „выслать ей шифъ-карту для возвращенія къ настоящей человѣческой жизни, и обрѣтающая вмѣсто шифъ-карты... больницу. А вонъ комнаты, гдѣ „зарѣзалась бритвой Тамара“, гдѣ застрѣлилась Анюта, отравилась чешка и пр. Нигдѣ не существуетъ такихъ ужасныхъ образовъ существованія, такого изощреннаго безправія...

Надо замѣтить, что проституція, какъ и всякая дѣятельность въ современномъ обществѣ, организована на чисто капиталистическую ногу, и въ этомъ отношеніи наблюденія г. Карменъ пріобрѣтаютъ тѣмъ большій интересъ, что они касаются не одиночекъ-проститутокъ, мало характерныхъ для нашего времени, а именно домовъ, содержимыхъ хозяйками, промышляющими развратомъ наемныхъ женщинъ, тѣхъ притоновъ, гдѣ „если кто-нибудь сядетъ въ уголъ, задумается, сложитъ руки и опуститъ голову“, то подходятъ, хватаютъ за носъ и говорятъ: „видишь, гости сидятъ. Нечего Конкордію (погребальную контору) ломать“. Г. Карменъ довольно живо изображаетъ всѣхъ этихъ „мадамъ“, утопающихъ въ шелкахъ и браслетахъ, экономокъ, у которыхъ сбоку покоится толстая связка въ пятнадцать фунтовъ разнообразнѣйшихъ ключей отъ всѣхъ сокровеннѣйшихъ мѣстъ, вплоть до „вышибайлъ“. Да, это не домъ, а кладбище, и только тотъ, кто хоть мелькомъ видѣлъ всю эту обстановку, въ состояніи представить себѣ, какія нечеловѣческія формы эксплоатаціи *живого товара* онъ въ своихъ стѣнахъ скрываетъ...

Заканчивая свои очерки, авторъ настраивается на пессимистическій ладъ. „Являются,—говоритъ онъ,—изъ деревень люди—цвѣтущіе, здоровые, и смотришь: въ годъ-два сошли на нѣтъ. Они сварились въ городскомъ котлѣ“. Чѣмъ же это авторъ объясняетъ? „Это объясняется весьма просто: современный, такъ называемый, культурный европейскій городъ прогнилъ насквозь. Все въ немъ гнило—и дома, и люди, и жизнь“. Эта простота, съ которой люди, подобные г. Карменъ, говорятъ о городскомъ котлѣ, положительно комична. Въ самомъ дѣлѣ, примѣромъ „растлѣвающаго вліянія“ на пришлый людъ большого города является въ его глазахъ проститутка Надя, попавшая въ Одессу съ береговъ Днѣстра. Но что же, какія-такія добродѣтели ее ждали на берегахъ Днѣстра? Не вспомнитъ ли г. Карменъ тѣ стихи Некрасова, съ которыми онъ обращался къ ней, когда она еще была на этихъ берегахъ: „будетъ бить тебя мужъ привередникъ и свекровь въ три погибели гнуть“, „погрузишься ты въ сонъ непробудный, будешь нянчить, работать и ѣсть—

И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни, появится вдругъ

Digitized by Google

Выраженье тупого терпѣнья
И безсмысленный вѣчный испугъ".

Гдѣ же лучше? Чѣмъ же это лучше? А, во-вторыхъ, угодно же г. Карменъ въ „т. н. культурномъ городѣ" видѣть одну проституцію, весь „пришлый" элементъ отожествлять съ проститутками и хулиганами. Если-бы онъ повдумчивѣе подошелъ къ этому пришлому элементу, то онъ увидѣлъ бы, что значительнѣйшая часть „пришлаго элемента" только въ прогнившемъ насквозь городѣ и получаетъ настоящій человѣческій обликъ.

Л. К.

В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ. Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в. Томъ I. Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель. (Статьи и матерьялы). Съ 8 геліогравюрами. Спб. 1905. Стр. IX+495. Цѣна 5 руб.

Есть историческія эпохи, важныя по своимъ послѣдствіямъ, поучительныя по глубинѣ основныхъ идей, вѣчно живыя въ памяти слѣдующихъ поколѣній—и протекавшія тихо, лишенныя эффектныхъ сценъ, не пестрящія громкими словами. Есть эпохи, полныя движенія и драматизма, блестящія по обстановкѣ, увлекающія насъ своими красивыми эпизодами и героическими представителями—и не вызвавшія громкихъ отголосковъ въ эпохахъ, слѣдовавшихъ за ними, прошедшія одиноко. Движеніе декабристовъ совмѣщаетъ всѣ положительныя стороны обѣихъ эпохъ и не имѣетъ ни одного пятна: освободительное движеніе послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I такъ же интересно, какъ и поучительно. Оно такъ близко къ нашему времени, что огромный томъ съ нѣсколькими статьями о декабристахъ и воспоминаніями самихъ участниковъ заговора читается залпомъ, безъ передышки. Кажется, что съ нами говорятъ живые люди, говорятъ искренно, убѣжденно и убѣдительно. Вышедшій пока первый томъ—только начало цѣлой серіи подобныхъ очерковъ и матерьяловъ, которые охватятъ всѣ фазы общественнаго движенія въ Россіи до 60 гг. Если кое-что изъ матерьяловъ напечатано было и раньше, то интересъ къ нимъ нисколько этимъ не уменьшается: напечатаны они заграницей или съ сокращеніями, въ изданіяхъ рѣдкихъ и недоступныхъ. Теперь цензура стала много благосклоннѣе,—и въ новомъ изданіи выпущенъ только одинъ отрывокъ изъ записокъ Фонъ-Визина.

Первая статья—біографическій очеркъ М. А. Фонъ-Визина, составленный В. Семевскимъ, главнымъ образомъ, по рукописнымъ матерьяламъ Государственнаго Архива, Архива департамента полиціи (знаменитаго въ свое время III Отдѣленія), Публичной библіотеки и др. Интересна, между

Digitized by Google

прочимъ, принадлежащая Фонъ-Визину характеристика слѣдственной комиссіи. „Составленная изъ угодливыхъ царедворцевъ, она дѣйствовала въ инквизиціонномъ духѣ. Обвиненные содержались въ самомъ строгомъ заточеніи, въ крѣпостныхъ казематахъ, въ безпрестанномъ ожиданіи и страхѣ быть подвергнутыми пыткѣ, если будутъ упорствовать въ запирательствѣ Многіе изъ нихъ слышали изъ устъ самихъ членовъ слѣдственной комиссіи такія угрозы. Противъ узниковъ употребляли средства, которыя поражали ихъ воображеніе и тревожили духъ, раздражая его то страхомъ мученій, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть ихъ признанія. Ночью внезапно отпиралась дверь каземата; на голову заключеннаго накидывали покрывало, вели его по коридорамъ и по крѣпостнымъ переходамъ въ ярко освѣщенную залу присутствія. Тутъ по снятіи съ него покрывала, члены комиссіи дѣлали ему вопросы на жизнь и смерть и, не давая ему времени образумиться, съ грубостью требовали отвѣтовъ мгновенныхъ и положительныхъ. Царскимъ именемъ они обѣщали подсудимому помилованіе за чистосердечное признаніе, не принимали никакихъ оправданій, выдумывали небывалыя показанія, будто бы сдѣланныя товарищами, и часто отказывали даже въ очныхъ ставкахъ“. Особенную ревность въ пристрастіи проявлялъ ген. Чернышевъ, впослѣдствіи военный министръ: онъ приходилъ въ ярость, въ изступленіе, бранился и т. д. Въ приложеніи издана записка Фонъ-Визина „Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи“, гдѣ авторъ показываетъ, что и въ допетровской Руси были учрежденія, чрезъ которыя народъ могъ участвовать въ законодательствѣ и управленіи государствомъ.

Статья В. Богучарскаго о кн. Е. П. Оболенскомъ интересна, какъ занимательный историческій разсказъ. Жаль, что авторъ приводитъ слишкомъ длинныя выписки или изъ „Воспоминаній“ самого Оболенскаго, напечатанныхъ вслѣдъ за статьей (стр. 207 и 234), изъ оффиціальныхъ донесеній слѣдственной коммиссіи (стр. 209—210, 211—213, 223, 224), изъ воспоминаній Ростовцева (стр. 218—223, по вполнѣ доступной книгѣ Н. Шильдера о Николаѣ I), изъ книги бар. Корфа (стр. 215—216), изъ писемъ Оболенскаго (стр. 225—229) и др. Кромѣ того, г. Богучарскій удѣляетъ слишкомъ много мѣста такимъ фактамъ изъ исторіи движенія, которые касаются всѣхъ или многихъ декабристовъ, а не одного Оболенскаго. Поэтому, интересный самъ по себѣ, пересказъ довольно извѣстныхъ событій вышелъ „страницей изъ движенія декабристовъ“, а не біографіей Оболенскаго, и замѣчанія автора, будто онъ касается ихъ здѣсь „лишь настолько, насколько это необходимо для обрисовки роли въ нихъ кн. Е. П. Оболенскаго (стр. 211),—нѣсколько неточно. Достоинство статьи—критическія экскурсіи г. Богучарскаго. Онъ сопоставляетъ офиціальныя и автобіографическія данныя съ разсказами друзей и знакомыхъ Оболенскаго, находитъ ошибки у Греча, Боровкова, отмѣчаетъ неточности въ „Вос-

Digitized by Google

поминаніяхъ" самого Оболенскаго (стр. 207—208), который писалъ ихъ много лѣтъ спустя (1856 г.) въ Тобольской губерніи, и т. д. Рекомендуемъ поближе познакомится съ „Воспоминаніями". Въ нихъ авторъ всегда является искреннимъ, правдивымъ, отзывчивымъ и интеллигентнымъ человѣкомъ, сантиментальнымъ въ лучшемъ оттѣнкѣ термина. „Я спрашивалъ самого себя,—пишетъ Оболенскій:—имѣемъ ли мы право, какъ честные люди, составляющіе едва замѣтную единицу въ огромномъ большинствѣ населенія нашего отечества, предпринимать государственный переворотъ и свой образъ воззрѣній на государственное устройство налагать почти насильно на тѣхъ, которые, быть можетъ, довольствуются настоящимъ, не ищутъ лучшаго?" Онъ сообщилъ свои сомнѣнія Рылѣеву, и поэтъ-мученикъ сказалъ, „что идеи не подлежатъ законамъ большинства или меньшинства; что онѣ свободно рождаются и свободно развиваются въ каждомъ мыслящемъ существѣ; далѣе, что онѣ сообщительны, и если клонятся къ пользѣ общей, если онѣ не порожденія чувства себялюбиваго и своекорыстнаго, то суть только выраженія нѣсколькими лицами того, что большинство чувствуетъ, но не можетъ еще выразить". Какая точная и закономѣрная формула! Ее не слѣдуетъ забывать и теперь, и въ будущемъ. Характеристика Рылѣева—лучшія страницы „Воспоминаній"; необыкновенно трогателенъ разсказъ о перепискѣ съ нимъ Оболенскаго въ крѣпости, о казни Рылѣева, о ссылкѣ Оболенскаго, нѣсколько чертъ характера Александра I и т. д.

Біографія бар. В. И. Штейнгеля принадлежитъ В. Семевскому и написана сжато и ясно. Авторъ приводитъ выписки только изъ ненапечатанныхъ матерьяловъ, упоминая объ остальномъ въ самыхъ краткихъ чертахъ. Для выясненія нравственнаго облика Штейнгеля особенно важны нѣкоторыя мѣста (стр. 287, 293, 298, 317, 467). Изданныя П. Щеголевымъ письма Штейнгеля къ Николаю I изъ Петропавловской крѣпости въ январѣ 1826 года рисуютъ смѣлый характеръ Штейнгеля, правильность и разносторонность его взглядовъ на экономическіе вопросы, на просвѣщеніе, образованіе и цензуру. По его мнѣнію, „истинный корень республиканскихъ порывовъ сокрывается въ самомъ воспитаніи, которое въ теченіе 24 лѣтъ само правительство давало юношеству... Преслѣдовать теперь за свободомысліе—не то ли уже будетъ значить, что бить слѣпого, у котораго трудной операціей сняты катаракты и которому показанъ свѣтъ,—за то, что различаетъ предметы?" (стр. 489). Кажется, наше правительство совершенно свободно отъ подобныхъ обвиненій. **А. И. Яцимирскій.**

Аф. Петрищевъ. Замѣтки учителя. Изданіе товарищ. „Знаніе". Спб. 1905. Ц 1 р.

Школа, учебное дѣло не висятъ гдѣ-то въ эмпиреяхъ,—безъ времени и пространства, а являются однимъ изъ плодоношеній всей окружающей

Digitized by Google

жизни Такая истина — черезчуръ не новинка. А вотъ, однако, пересмотрите книги, такъ или иначе затрагивающія *специальную* педагогическую область — тамъ у насъ обыкновенно благополучно обходились съ помощію одного домашняго... *умственнаго тупика*. И значеніе, извѣстный самопочинъ книги г. Петрищева и заключается въ томъ, что авторъ разсматриваетъ школу, какъ нѣчто конкретное, причастное реальной средѣ и общественности. Идеи и совѣты г. Петрищева не вскрываютъ никакихъ невиданныхъ доселѣ горизонтовъ Книга его цѣнна тѣмъ, что шире и прямѣе толкуетъ о воздѣйствіяхъ, которымъ подвергалась наша школа въ мірѣ „существенности", упускаемой изъ виду иными прекраснодушными педагогическими трактатами. Въ 1 ч. „Замѣтокъ" вошли главы: „I. Подготовка учителей. II. Школьная наука".—Г. Петрищевъ, распространяющійся, главнымъ образомъ, объ учительскомъ институтѣ (вѣдь для средней школы у насъ и вовсе не существуетъ *подготовки*), рѣшается даже на такой горькій приговоръ: „знаютъ-ли учителя свой предметъ въ предѣлахъ того учебника, который обязателенъ для учениковъ? Къ сожалѣнію, моя восьмилѣтняя жизнь среди учителей рѣшительно не даетъ мнѣ основаній сказать утвердительно: да, знаютъ". Во 2 ч. книги находимъ: „III. Печать и школа. IV. Воспитаніе учителей. V. Воспитавшійся учитель".—Совершенно вѣрно отмѣчаетъ г. Петрищевъ, что „въ остромъ конфликтѣ между литературой и школой" заинтересованы и ученики, и тѣ или другія ихъ симпатіи формуютъ ихъ будущее поведеніе въ роли „зрѣлыхъ" дѣятелей. Третью ч. составляютъ главы: „VI. Религіозное воспитаніе. VII. Націонализмъ въ школѣ. VIII. Дисциплина".—Тутъ г. Петрищеву весьма натурально приходятъ въ голову параграфы закона о городскихъ лондонскихъ школахъ; тамъ, въ Англіи — „считаться съ древле-благочестивыми мнѣніями предоставлено взрослымъ людямъ; дѣтямъ же въ школѣ преподаютъ лишь основныя понятія о Богѣ и морали, не касаясь отличительныхъ догматовъ той или другой церкви". У г. Петрищева много иллюстрацій, опять и опять подтверждающихъ, что старое „насажденіе нравственности" окончательно теряетъ кредитъ.

А. Налимовъ.

Аграрный вопросъ. Сборникъ статей проф. М. Я. Герценштейна, кн. П. Д. Долгорукова, проф. В. Э. Дена, проф. И. А. Иверонова, А. А. Кауфмана, проф. А. А. Манулова, И. И. Петрункевича, проф. А. Ѳ. Фортунатова, проф. А. А. Чупрова. Изданіе кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича. Москва. Книгоиздательство „Бесѣда". 1905 г. Цѣна 2 рубля.

Въ сборникъ вошли доклады, прочитанные на совѣщаніи по аграрному вопросу въ Москвѣ 27—29 апрѣля текущаго года. Цѣлью совѣщанія была выработка аграрной программы организующейся конститу-

Digitized by Google

ціонно-демократической партіи. Уже не въ первый разъ эта партія, все еще находящаяся въ эмбріональномъ состояніи, снабжаетъ книжный рынокъ солидными „изслѣдованіями“, полуакадемическаго, полупублицистическаго характера; наиболѣе цѣннымъ изданіемъ партіи нужно признать книгу „Нужды деревни“. Красной нитью во всѣхъ статьяхъ, собранныхъ въ изданіяхъ „Бесѣды“, проходитъ одна характерная особенность: полная опредѣленность и ясность въ рѣшеніяхъ вопросовъ правовыхъ и политическихъ, и крайняя неустойчивость въ мнѣніяхъ по экономическимъ вопросамъ. Несомнѣнно, это характерная черта и для партіи. Эта неустойчивость въ области экономической политики допускаетъ участіе и въ изданіяхъ „Бесѣды“, и въ совѣщаніяхъ такихъ лицъ, которыя по своимъ воззрѣніямъ едва-ли примыкаютъ къ партіи. Это обстоятельство было отмѣчено и однимъ изъ участниковъ совѣщанія въ Москвѣ: „Въ виду смѣшаннаго состава настоящаго совѣщанія“, говорилъ Ю. А. Новосильцевъ, „я предлагаю воздержаться отъ принятія категорическихъ резолюцій“ (351 стр.). Въ какой мѣрѣ составъ совѣщанія былъ дѣйствительно смѣшаннымъ, можно видѣть, напримѣръ, изъ сопоставленія слѣдующихъ заявленій С. Н. Прокоповича и того-же Ю. А. Новосильцева. Первый предложилъ вынести резолюцію по вопросу о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. „Въ настоящее время,—сказалъ онъ,—государство преслѣдуетъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ; мы должны провозгласить принципъ защиты этихъ рабочихъ“. На это со стороны г. Новосильцева послѣдовала очень рѣшительная отповѣдь: „я... высказываюсь въ частности противъ внесенія въ нашу резолюцію добавочнаго пункта относительно охраны сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, предложеннаго С. Н. Прокоповичемъ... Въ предложенной формулировкѣ этого пункта я усматриваю отраженіе ученій съ которыми я принципіально не могу согласиться, ибо деспотизмъ въ любой формѣ для меня одинаково ненавистенъ“.

Заявленія другихъ членовъ совѣщанія не менѣе характерны, чѣмъ заявленіе г. Новосильцева, передъ которымъ прусскіе аграріи кажутся кроткими овечками. „Крестьянское малоземелье,—убѣждаетъ И. И. Петрункевичъ, для всѣхъ насъ фактъ безспорный,—и его не устранитъ ни перемѣна финансовой политики, ни уменьшеніе налоговаго бремени, ни измѣненіе правового положенія крестьянъ. Отказаться отъ резолюцій въ этомъ смыслѣ *значитъ совершенно подорвать значеніе наше и какъ политической партіи*“. Въ такомъ же смыслѣ высказался и Ю. А. Спасскій: „Главной задачей конституціонно-демократической партіи является выработка такой платформы, вокругъ которой собрались бы народныя массы. Основнымъ двигателемъ крестьянской массы является жажда земли. Уже одного этого достаточно для того, чтобы включить въ общую программу наше отношеніе къ вопросу малоземелья. Поэтому, *хотя-бы ради политическихъ задачъ* партіи, слѣдуетъ ввести въ

Digitized by Google

программу указаніе на принудительный выкупъ земли" (336). Иного рода опасенія высказаны кн. Евг. Ник. Трубецкимъ: „Предлагаемыя аграрныя реформы, по моему мнѣнію, будучи палліативомъ въ отношеніи крестьянскаго хозяйства, неспособнымъ оказать въ немъ сколько-нибудь существенныя улучшенія и не могущимъ потому разрѣшить поставленнаго вопроса въ корнѣ, въ то же время окажутся весьма радикальными въ отношеніи хозяйства помѣщичьяго и неминуемо вызовутъ коренную ломку его"... „Мы должны очень осторожно относиться къ принятію революціи изъ *тактическихъ соображеній*, такъ какъ слишкомъ категорическое рѣшеніе аграрной проблемы, введенное въ „credo" конституціонной партіи, *можетъ быть оттолкнетъ отъ насъ многихъ союзниковъ, которые отпадутъ въ партію Шипова*".

Замѣчательно, что заявленіе по существу вопроса, т. е. по вопросу о разрѣшеніи проблемы малоземелья, проникнуты несомнѣннымъ скептицизмомъ. Тотъ же кн. Е. Н. Трубецкой заявляетъ: „Я полагаю, что послѣдствія предлагаемой реформы будутъ какъ разъ обратныя: крестьяне обрадуются дополнительнымъ прирѣзкамъ земли и, успокоившись на время, будутъ продолжать примѣненіе тѣхъ же примитивныхъ пріемовъ культуры, какіе практикуются ими и теперь" (314). Проф. В. И. Вернадскій думаетъ, что „дополнительная прирѣзка возбудитъ только аппетиты въ населеніи и не окажетъ сколько-нибудь замѣтнаго улучшенія въ его экономическомъ положеніи" (312). Кн. Д. И. Шаховской предлагаетъ „вмѣсто механической прирѣзки выкупаемую землю правильнѣе было-бы на извѣстныхъ условіяхъ предоставить въ распоряженіе органамъ мѣстнаго самоуправленія"... „Говорятъ, что для перехода къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства нерѣдко необходимо увеличеніе площади крестьянскаго землепользованія, и это совершенно вѣрно; но, спрашивается, приблизитъ-ли предлагаемая общая прирѣзка переходъ къ болѣе совершеннымъ способамъ хозяйства или же отдалитъ этотъ моментъ, разрѣшивъ кризисъ въ сторону увеличенія площади землепользованія, т. е. въ направленіи еще большей интенсивности. И можно-ли считать благомъ распространеніе на большую площадь земли *теперешняго* (к. а.) крестьянскаго хозяйства, въ самомъ корнѣ своемъ въ настоящее время несостоятельнаго" (323). Гр. С. Л. Толстой, защищая идею націонализаціи земли по способу Генри Джорджа, утверждаетъ, что „цѣль, ставимая проектомъ,— устраненіе крестьянскаго малоземелья,—не достигается" (317). А. М. Колюбакину предлагаемый проектъ аграрной реформы „въ общемъ представляется недостаточно разработаннымъ". Ѳ. В. Татариновъ „вообще не находитъ возможнымъ принять подобное хирургическое рѣшеніе аграрнаго вопроса" и предлагаетъ „выразить лишь принципіальное отношеніе къ вопросу и, воздержавшись отъ слишкомъ рѣшительной революціи, указать, что выкупъ является лишь одной изъ возможныхъ мѣръ и притомъ воз-

Digitized by Google

можной и необходимой только въ нѣкоторыхъ случаяхъ". Проф. П. Н. Милюковъ дѣлаетъ поправки къ предложеннымъ бюро совѣщанія резолюціямъ въ смыслѣ сглаженія нѣкоторыхъ деталей, недостаточно выясненныхъ докладчиками. Скептическое отношеніе членовъ совѣщанія къ разрѣшенію вопроса о малоземельѣ путемъ обязательнаго и широкого выкупа частновладѣльческихъ земель въ пользу крестьянъ прекрасно формулировалъ въ своей рѣчи кн. Пав. Дм. Долгоруковъ: „Мнѣ далеко неясно, слѣдуетъ ли вводить въ качествѣ одной изъ главныхъ задачъ общее дополнительное надѣленіе крестьянъ землей на началахъ обязательнаго выкупа. Не окажется-ли подобная мѣра такимъ-же палліативомъ, каковымъ является теперь переселеніе крестьянъ, при чемъ однако мѣра эта, по моему, равносильна уничтоженію въ недалекомъ будущемъ частнаго землевладѣнія. Какія гарантіи имѣются у насъ въ томъ, что по истеченіи какихъ-нибудь 15—20 лѣтъ снова не потребуется примѣненіе тѣхъ-же мѣропріятій. Аргументы проф. Мануилова относительно вѣроятности быстраго подъема техники земледѣлія при созданіи благопріятныхъ условій для развитія интенсификаціи крестьянскихъ хозяйствъ меня не убѣдили... Я не высказываюсь принципіально противъ предложеннаго проекта, а подчеркиваю лишь, что для меня сомнительно приписываемое имъ практическое значеніе".

По ходу преній трудно съ увѣренностью рѣшить, что заставило совѣщаніе все-таки принять резолюцію объ обязательномъ выкупѣ частныхъ земель и объ образованіи изъ нихъ государственнаго земельнаго фонда въ интересахъ мелкихъ земледѣльцевъ—доводы ли тактическаго характера, которые выдвигались нѣкоторыми участниками совѣщанія, или соображенія экономической цѣлесообразности такой реформы. Но при такомъ отношеніи къ коренному вопросу нашей соціальной жизни, какія массы надѣется г. Спасскій привлечь къ конституціонно-демократической партіи? Пойдутъ ли туда рабочіе, изнемогающіе въ борьбѣ со своими эксплуататорами въ жестокихъ забастовкахъ? Пойдутъ-ли крестьяне, вымирающіе отъ хроническихъ голодовокъ, отъ цынги, голоднаго тифа и ужасающей нищеты? Конституціонно-демократическая партія идетъ къ разрѣшенію постигшаго насъ кризиса черезъ политику къ экономикѣ, а голодная и разоренная масса можетъ идти только обратнымъ путемъ. Поэтому-то немедленно должны быть осуществлены не только политическія и правовыя реформы, но и экономическія, и народныя массы только тогда вполнѣ созрѣютъ для сознательной политической жизни, когда они сами—хорошо или дурно—разрѣшатъ свои экономическія нужды. По другому пути народныя массы не могутъ идти, какъ голодный не можетъ идти сначала за свободой, а потомъ за кускомъ хлѣба.

Свои положенія и резолюціи конституціонно-демократическая партія обыкновенно строитъ на солидномъ научномъ фундаментѣ; она располагаетъ въ своей средѣ серьезными научными силами; представители уни-

Digitized by Google

верситетской науки всегда къ ея услугамъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ—проф. Мануиловъ, спеціально изучавшій аренду въ Ирландіи и составлявшій доклады объ арендѣ для „Особаго Совѣщанія", пишетъ обширный докладъ о „Поземельномъ вопросѣ въ Россіи"; проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, извѣстный спеціалистъ по сельскохозяйственной статистикѣ въ Россіи, составляетъ для совѣщанія докладъ объ „Аграрномъ законодательствѣ въ Австраліи", причемъ, всегда поражающій колоссальной эрудиціей, ограничивается компиляціей по популярнымъ и извѣстнымъ русской публикѣ книжкамъ Уго Раббено и Метена; проф. А. А. Чупровъ, изучившій общину на Западѣ, дѣлаетъ статистическій подсчетъ для того, чтобы показать, что при дополненіи надѣла до указныхъ нормъ 1861 г. земли въ нѣкоторыхъ уѣздахъ достаточно. Настоящимъ замѣчаніемъ мы не думаемъ посягнуть на компетенцію профессоровъ Мануилова, Фортунатова и Чупрова, мы хотимъ только указать на нѣкоторую случайность и торопливость въ выборѣ темъ г.г. докладчиками. Торопливость эта еще болѣе замѣтна при разсмотрѣніи самыхъ докладовъ.

Проф. Мануиловъ, изслѣдуя малоземелье, пользуется главнымъ образомъ данными „Комиссіи о центрѣ". Дѣйствительно ли эти данныя достаточны для опредѣленія и характеристики малоземелья? Г. Мануиловъ въ своемъ „изслѣдованіи" не идетъ дальше рѣшенія отъ простого вопроса: если на данной территоріи сначала жило 100 человѣкъ, а потомъ стало жить 150 человѣкъ, то увеличилось или уменьшилось въ среднемъ количество земли на человѣка?—и цѣлымъ рядомъ цифръ и цитатъ благополучно разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что земли въ среднемъ на человѣка уменьшилось. Мало выигрываетъ такое упрощенное разрѣшеніе вопроса и оттого, что проф. Мануиловъ цитируетъ труды „Комиссіи о центрѣ" о размѣрахъ продовольственнаго недостатка и избытка рабочихъ силъ въ сельскомъ населеніи. По мнѣнію „Комиссіи о центрѣ", избытокъ достигаетъ $^2/_8$ всего рабочаго населенія или 33 мил. рабочихъ лицъ. Г. Мануиловъ справедливо оговаривается по поводу этой цифры: „оставляя на отвѣтственности Комиссіи точность приводимыхъ ею цифръ"... Но, въ такомъ случаѣ, какъ же можно въ ученомъ изслѣдованіи оперировать съ такими цифрами? Разсматривая вопросъ о малоземельѣ въ такой формѣ, въ формѣ среднихъ сомнительныхъ статистическихъ цифръ, въ формѣ „вообще", г. Мануиловъ легко доказываетъ, что именно малоземелье является препятствіемъ интенсификаціи хозяйства. Но достаточно было бы г. профессору заглянуть въ любой земскій статистическій сборникъ, чтобы убѣдиться, что наибольшая доля земли находится въ пользованіи такихъ группъ крестьянъ, которыя нельзя отнести къ малоземельнымъ, а между тѣмъ и эти крестьяне не обнаруживаютъ склонности къ интенсификаціи. Какъ справедливо замѣтилъ кн. Долгоруковъ, съ нашими проектами соціализаціи, націонализаціи, выкупа и пр. можетъ выйти то же, что вышло,

Digitized by Google

съ „переселеніемъ". Давно ли и ученые, и публицисты возлагали всѣ надежды на „переселеніе", а на повѣрку оказалось „ау, кисель". Нужно признать, что до сихъ поръ у насъ не сдѣлано надлежащаго изслѣдованія и анализа „малоземелья", и работа г. Мануилова ничего не прибавила къ тому, что уже имѣется по этому вопросу въ литературѣ. Поэтому намъ думается, что г. Мануиловъ въ своемъ докладѣ совершаетъ только покушеніе съ негодными средствами—не больше.

Если ученый аппаратъ въ обоснованіи аграрной платформы конституціонно-демократической партіи нельзя признать особенно убѣдительнымъ, то, напротивъ, очень удачной слѣдуетъ признать публицистическую часть сборника, представленную небольшой статьей кн. П. Д. Долгорукова. По нашему мнѣнію, эта статья—блестящее произведеніе, не въ литературномъ, конечно, смыслѣ, а въ публицистическомъ, въ политическомъ. Она отличается кристальной ясностью, и можно только посовѣтовать партіи (если она солидарна съ мнѣніями кн. П. Д. Долгорукова) ознакомить съ этой статьей самые широкіе круги сельскаго населенія. Статья сыграетъ роль очень хорошаго рѣшета, просѣетъ деревенскую „народную массу" и выдѣлитъ для партіи тѣхъ „настоящихъ" земледѣльцевъ, для которыхъ, какъ и для г. Новосильцева, деспотизмъ ненавистенъ во всѣхъ формахъ. Князь въ своей статьѣ прежде всего предостерегаетъ свою партію отъ „разжиганія классовыхъ и эгоистическихъ инстинктовъ". Законодательство „должно руководствоваться не классовыми, а общегосударственными интересами, хотѣлось бы даже сказать,—общечеловѣческими принципами". „Въ Россіи, увѣряетъ князь, классовые интересы никогда не имѣли преобладающаго значенія и приносились въ жертву интересамъ государственнымъ". Въ самомъ дѣлѣ, наша исторія представляетъ массу примѣровъ такой жертвы: развитіе крѣпостного права при Екатеринѣ II, выкупная операція 61 года, финансовая политика, дворянскій банкъ, институтъ земскихъ начальниковъ — все это жертвы со стороны классовыхъ интересовъ интересамъ государственнымъ. „Насколько естественно тяготѣніе къ землѣ крестьянина, настолько же понятна привязанность землевладѣльца и его семьи къ давно насиженному гнѣзду и къ своей усадьбѣ; но, съ другой стороны, изъ всего теперь происходящаго видно, насколько прежнія патріархальныя отношенія деревни отошли въ область преданій, и вмѣсто кажущейся идилліи деревенская жизнь угрожаетъ подчасъ помѣщику крупными катастрофами. Поэтому и съ точки зрѣнія личной жизни необходимо такъ наладить свое хозяйство, чтобы вмѣсто противоположности интересовъ съ сосѣдями была солидарность". Во имя этой солидарности кн. Долгоруковъ присоединяется къ мнѣнію „замѣнить неподвижную арендную плату сдачей земли за извѣстную долю урожая". При такой формѣ аренды землевладѣлецъ получитъ не только справедливую мзду, но и нравственное удовлетвореніе, „такъ какъ онъ не уподобится рантьеру, обрѣзывающему купоны, а можно близко

Digitized by Google

стоять къ землѣ и къ земледѣльцу". Князь, при разрѣшеніи экономическаго вопроса, стремится встать на моральную почву, на почву „общечеловѣческихъ принциповъ". Онъ не терпитъ хищнической эксплуатаціи рабочаго населенія, и во имя „общечеловѣческихъ принциповъ" проповѣдуетъ „справедливую" эксплуатацію... Не будетъ ли, однако, это только „справедливымъ" хищничествомъ? Не характерно ли, что представитель конституціонно-демократической партіи берется за неблагодарную задачу помирить помѣщика и крестьянина? Не странно-ли, что тактика россійскихъ конституціоналистовъ-демократовъ повторяетъ тактику прусскихъ аграріевъ?

Н. И. Воробьевъ.

Б. Ф. Брандтъ. Торгово-промышленный кризисъ въ Западной Европѣ и въ Россіи (1900—1902 г.). Часть вторая: торговопромышленный кризисъ въ Россіи. С.-Петербургъ. 1904 г.

Г. Брандтъ уже извѣстенъ русской читающей публикѣ, какъ авторъ объемистаго труда объ иностранныхъ капиталахъ на западѣ и въ Россіи. По тому же плану расположена и послѣдняя работа: прежде чѣмъ говорить о торгово-промышленномъ кризисѣ Россіи, онъ посвящаетъ отдѣльную часть опыту въ этой области главнѣйшихъ западно-европейскихъ странъ. Это не мѣшаетъ лежащей передъ нами части сохранять самостоятельное значеніе, тѣмъ болѣе что во введеніи къ ней авторъ повторяетъ въ краткихъ чертахъ свой взглядъ на главные моменты кризиса въ западной Европѣ.

Планъ автора очень строенъ: исходя изъ основныхъ моментовъ новѣйшаго развитія русской промышленности, онъ останавливается прежде всего на подъемѣ банковой и биржевой дѣятельности, затѣмъ на подъемѣ въ области производства, переходитъ къ кризису въ области кредита и биржи, затѣмъ къ кризису въ области производства и заканчиваетъ, наконецъ, признаками улучшенія и возвращенія къ нормальной дѣятельности. Какъ и выводы автора объ иностранныхъ капиталахъ, все это изложено въ высшей степени точно, отчетливо, твердо, правда, съ немалыми повтореніями.

Сходство этихъ книгъ не только внѣшнее, но и внутреннее. Обративъ вниманіе на экспортъ капитала, это новѣйшее явленіе капиталистической эволюціи, г. Брандтъ въ своихъ „Иностранныхъ капиталахъ" прекрасно иллюстрируетъ его значеніе для нашей каменноугольной и металлургической промышленности. Но—таковъ авторъ лишь въ обособленномъ имъ построеніи. Когда же это построеніе становится въ связь съ общимъ построеніемъ вещей, сейчасъ же начинаютъ обнаруживаться пробѣлы. То же и въ области его пониманія торговопромышленнаго кризиса.

Digitized by Google

Когда авторъ говоритъ, что въ русскомъ торговопромышленномъ кризисѣ видитъ лишь повтореніе того общаго закона, который регулируетъ торговопромышленную жизнь всѣхъ капиталистическихъ націй, что этотъ кризисъ явился прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ экономическаго подъема 1893—1899 гг., что, по всей вѣроятности, въ ближайшемъ будущемъ вновь повторится тотъ же циклъ сперва промышленнаго подъема, а потомъ упадка, какой имѣлъ мѣсто въ теченіе минувшаго десятилѣтія,— мы можемъ лишь привѣтствовать такое пониманіе вопроса: оно вполнѣ согласно съ той научной теоріей, которая дала наиболѣе яркій, наиболѣе исчерпывающій анализъ вопроса. Правильно также думаетъ г. Брандтъ, что въ конечномъ счетѣ этотъ циклъ увеличиваетъ основной капиталъ страны на сотни милліоновъ, покрываетъ страну цѣлой сѣтью новыхъ фабрикъ и заводовъ, умножаетъ рынки для сбыта продуктовъ, многія издѣлія, которыя прежде выписывались изъ-за границы, пріучаетъ получать дома и пр. Но совсѣмъ иное дѣло, когда все это въ глазахъ автора выростаетъ въ благо, „въ сравненіи съ которымъ совершенно теряютъ свое значеніе тѣ потери, которыя принесъ съ собою послѣдній кризисъ и которыя во всякомъ случаѣ имѣли преходящій характеръ“.

Въ самомъ дѣлѣ, если такъ, то позволительно спросить, кто же именно оказывается въ такомъ выигрышѣ? Что, въ конечномъ счетѣ, выигрываютъ представители этихъ милліоновъ, строители этихъ рынковъ — этому мы охотно вѣримъ: процентъ предпріятій, не давшихъ никакой прибыли даже въ этотъ трудный для нихъ моментъ, оказывается очень низокъ. См. 254—55 страницы, изъ которыхъ видно, насколько прибыль даже въ уменьшенномъ размѣрѣ вознаграждала предпринимателей за вложенный въ дѣло капиталъ. Но вѣдь, кромѣ рыцарей капитала, различныя промышленныя колебанія отражаются и на судьбѣ той многомилліонной арміи труда, по сравненію съ которой эти рыцари представляютъ лишь небольшую кучку? Что же масса выигрываетъ, въ конечномъ счетѣ, въ смыслѣ матеріальнаго подъема? На этотъ вопросъ мы въ книгѣ ничего не находимъ по той простой причинѣ, что, авторъ, трактующій разбираемый имъ вопросъ съ самыхъ разныхъ сторонъ, одной стороны промышленныхъ кризисовъ не касается—той адской безработицы, которой они всегда сопровождались и сопровождаются. Между тѣмъ, если-бы авторъ, какъ слѣдуетъ, вспомнилъ объ этомъ „маленькомъ недостаткѣ механизма“, онъ, можетъ быть, и не такъ ужъ категорически писалъ-бы о томъ, какъ все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ...

Въ связи съ этимъ оптимизмомъ стоитъ увѣреніе, что „кризисъ или уже прекратился, или долженъ прекратиться въ самомъ ближайшемъ будущемъ“ у насъ. Въ этомъ авторъ насъ увѣряетъ уже въ декабрѣ 1903 года, дата, которой помѣчено предисловіе. Каково же должно быть удивленіе читателя, который еще въ 1905 году является свидѣтелемъ не

Digitized by Google

смягченія, а обостренія противорѣчія! Надѣюсь, промышленные провалы послѣдняго времени настолько общеизвѣстны, что ихъ приводить не приходится.

Въ этой же связи стоятъ и приводимые авторомъ „наиболѣе крупные крахи", которые „явились не столько результатомъ общаго денежнаго и кредитнаго кризиса, сколько результатомъ отдѣльныхъ неправильностей и злоупотребленій, которыя могутъ совершаться во всякое время и во всякомъ предпріятіи, независимо отъ того или другого состоянія денежнаго рынка и промышленной конъюнктуры". Въ самомъ дѣлѣ, при чемъ же тогда „общій законъ", регулирующій промышленную жизнь, о которомъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ авторъ? Авторъ напоминаетъ здѣсь ту газету, которая въ свое время выступила съ проэктомъ банковской полиціи, на подобіе судоходной, фабричной и пр.? Конечно, всегда найдется дѣлецъ, который осложнитъ кризисъ двумя-тремя пикантными штрихами. Но это обстоятельство, такъ сказать, независящее, выступающее особенно выпукло лишь въ послѣдній предшествующій развязкѣ моментъ. Причина же краха ни въ коемъ случаѣ не лежитъ въ отдѣльныхъ лицахъ.

И схема г. Брандта, какъ ни стройна она въ теоріи, не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Разсматривая проявленіе кризиса въ „хронологическомъ порядкѣ", онъ отмѣчаетъ, что кризисъ, въ началѣ происходившій исключительно въ области кредита, лишь впослѣдствіи осложнился промышленнымъ. Это не совсѣмъ вѣрно. Биржевая паника уже въ самомъ началѣ сопровождалась крушеніемъ нѣсколькихъ фирмъ. Затѣмъ, учащаясь и охватывая все болѣе и болѣе обширныя сферы, несостоятельности все быстрѣе распространялись за предѣлы биржевой паники. Мнѣніе, что переживаемый кризисъ не торговопромышленный, а лишь биржевой, въ то время поддерживалось лишь министерствомъ финансовъ въ его офиціальныхъ органахъ—„Торговопромышленной Газетѣ" и „Вѣстникѣ Финансовъ".

Не ихъ ли отголосокъ нашелъ себѣ мѣсто въ книгѣ? Г. Брандтъ, надо замѣтить, высоко оцѣниваетъ ту дѣятельность, которую проявило министерство финансовъ въ области промышленнаго нестроенія. Онъ находитъ, что министерство не ограничилось однимъ разъясненіемъ этого нестроенія, но, „въ свою очередь, приняло широкія мѣры къ улучшенію угнетеннаго положенія денежнаго рынка"; „государственный банкъ дѣйствительно старался притти на помощь торговлѣ и промышленности въ эту первую трудную для нихъ пору" и пр. Мы и этого рода оптимизма автора не раздѣляемъ. Не будемъ распространяться о томъ, въ чемъ состояли эти „разъясненія"; скажемъ только, что они никому ничего не разъясняли. Что же касается государственнаго банка, то почему, какъ думаетъ авторъ, народные рессурсы должны быть открыты исключительно къ услугамъ Мамонтовыхъ и Алчевскихъ? „По крайней мѣрѣ, о субсидіяхъ" „труду г. Брандтъ

Digitized by Google

не говоритъ ни слова, какъ объ этомъ не говорили и не говорятъ ни слова и безъ него.

Книга издана очень хорошо, но два рубля за 314 страницъ нельзя не признать цѣной очень дорогой.

Л. Клейнбортъ.

К. Г. Воблый. Заатлантическая эмиграція, ея причины и слѣдствія. (Опытъ статистико-экономическаго изслѣдованія). Варшава. 1904 г.

Вопросъ объ эмиграціи, ея причинахъ и слѣдствіяхъ, помимо ея общаго значенія, какъ явленія, характернаго именно для капиталистической культуры, одновременно и создающей крайнюю необезпеченность существованія массъ и сближающей между собой страны самыхъ разныхъ полюсовъ, у насъ, въ Россіи, благодаря условіямъ, такъ послѣдовательно, уже въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, задерживающимъ развитіе производительныхъ силъ, пріобрѣтаетъ особый интересъ. Еще недавно переселенія крестьянъ въ Сибирь, съ одной стороны, отливъ рабочихъ рукъ на фабрики, съ другой, казались той панацеей отъ золъ, которая не сегодня—завтра приведетъ насъ къ формулѣ: все обстоитъ благополучно. Но, оказывается, Сибирь не такъ велика, какъ кажется, а фабрики и заводы, которые при извѣстныхъ условіяхъ дѣйствительно могли бы привлекать значительную долю избыточнаго населенія, на самомъ дѣлѣ не привлекаютъ. Несоотвѣтствіе средствъ существованія въ городѣ, несоотвѣтствіе въ деревнѣ, промышленный кризисъ, вотъ уже пять лѣтъ потрясающій нашу молодую капиталистическую индустрію—тамъ, сельскохозяйственный кризисъ—здѣсь, такъ называемое аграрное перенаселеніе—въ одномъ мѣстѣ, безработная резервная армія—въ другомъ,—современная эмиграція есть фактъ чисто экономической жизни, и вотъ передъ нами цифры, говорящія о значеніи явленія лучше всякихъ фразъ. Зародившееся въ семидесятыхъ годахъ и достигшее уже въ восьмидесятыхъ годахъ немалой цифры въ 33000, эмиграціонное движеніе въ 1890 году уже сразу поднимается до 85000, а въ 1901 году даже до 109000. Правда, здѣсь замѣчается временная заминка, но вслѣдъ затѣмъ движеніе опять усваиваетъ ускоренный темпъ. О томъ, какой силы достигаетъ этотъ потокъ въ Привислянскомъ краѣ, можно судить по тому раздраженію, съ какимъ говорили о немъ въ привислянскихъ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. То же мы видимъ въ сѣверо-западномъ краѣ, въ Финляндіи, въ голодные годы въ нашихъ южныхъ и восточныхъ губерніяхъ. Такимъ образомъ, своевременность труда объ эмиграціи не подлежитъ сомнѣнію.

Но „опытъ статистическо-экономическаго изслѣдованія“ заслуживаетъ интереса не только въ виду животрепещущаго характера самаго вопроса, но и въ виду того, что на русскомъ языкѣ,—если не говорить уже о

Digitized by Google

западно-европейской литературѣ вопроса,—почти нѣтъ работы, спеціально посвященной эмиграціи. У насъ все вниманіе отвлечено вопросомъ переселенческимъ, и дѣйствительно въ этой области было не мало разговоровъ. Другое дѣло—эмиграціонное движеніе. Отдѣльныя главы у Васильчикова, отдѣльныя главы у Исаева, спеціальная работа варшавскаго статистическаго комитета объ эмиграціяхъ изъ Сувалкской губерніи,—даже то, что есть выдающагося въ западной литературѣ, не переведено на русскій языкъ.

Авторъ и задался цѣлью пополнить этотъ пробѣлъ. Планъ его работы слѣдующій: открывается книга введеніемъ, которое, помимо опредѣленія понятія, заключаетъ въ себѣ краткій историческій очеркъ эмиграціоннаго движенія; самое изслѣдованіе состоитъ изъ трехъ частей: первая посвящена статистическимъ даннымъ о размѣрахъ, составѣ и направленіи современной эмиграціи и иммиграціи; вторая—причинамъ эмиграціи и значенію ея, какъ для странъ, откуда она идетъ, такъ и для странъ, куда она направляется; третья часть излагаетъ эмиграціонную и иммиграціонную политику современныхъ государствъ, а въ заключеніи дается общій взглядъ на развитіе и характеръ будущей эмиграціи. Придавая особое значеніе новѣйшему эмиграціонному законодательству, авторъ снабжаетъ даже свою книгу переводомъ двухъ законовъ—германскаго закона 1897 г. и итальянскаго—1901 г.

Безъ сомнѣнія, сильной стороной книги г. Воблаго является цифровая сторона. Какъ ни сложна и трудна работа сведенія воедино матеріала столь мало разработанной области, какъ ни нерѣдко неблагодарна такая работа по ея результатамъ, нельзя не согласиться, что эта сторона дѣла выполнена не только на основаніи уже такъ или иначе обработанныхъ цифръ, но и на основаніи совершенно сырыхъ матеріаловъ. Другое дѣло теоретическія построенія автора. Объ этой сторонѣ далеко нельзя сказать, чтобы она исчерпывала вопросъ. Даже основной взглядъ г. Воблаго не выдержанъ. Такъ, на страницѣ 96, полемизируя противъ расовыхъ особенностей, какъ одной изъ причинъ эмиграціи, онъ заявляетъ, что современная эмиграція, за немногими исключеніями, есть „фактъ экономической жизни“, и потому его нужно объяснять, „не пускаясь въ психическія особенности той или иной расы“, экономическими отношеніями. Кажется, ясно. Раскройте, однако, „введеніе“. „Эмиграціонное движеніе—читаемъ мы—имѣетъ глубокіе корни въ потребностяхъ и инстинктахъ, *врожденныхъ* человѣческой природѣ“ (курсивъ нашъ. Л. К.), т. е. въ тѣхъ самыхъ психическихъ особенностяхъ, которыя являются въ глазахъ автора 96-ой страницы метафизикой. Итакъ, что же—экономика или „природа человѣческая“? Это противорѣчіе и проходитъ по объясненіямъ, которыя авторъ даетъ эмиграціи. Не менѣе туманно утвержденіе автора, что „для русской народности не существовало и не существуетъ эмигра-

Digitized by Google

ціоннаго вопроса", что для Россіи это вопросъ почти исключительно инородческій. Нельзя, конечно, отрицать, что главную часть эмигрантовъ составляютъ евреи, поляки, финны, нѣмецкіе колонисты и пр., но если вѣрить г. Воблому, то выходитъ, что тѣ тенденціи, которыя толкаютъ у насъ населеніе за-границу, распространяются только на инородцевъ, что сама русская народность существуетъ въ иныхъ общихъ условіяхъ... Г. Воблымъ не отмѣчено и того значенія для Россіи нашей эмиграціи, о которомъ говорилъ въ принятомъ Ковенскимъ уѣзднымъ комитетомъ докладѣ г. Миллеръ: „если рабочій не привезъ изъ-за-границы заработныхъ денегъ,—говорилъ онъ,—зато привезъ съ собой туманное соціальное ученіе—требованіе восьмичасоваго рабочаго дня, упраздненія права собственности, передѣла земли и т. д.; быть попрежнему сельскимъ рабочимъ онъ не желаетъ, а стремится въ города, гдѣ пополняетъ собой ряды вѣчно неспокойнаго пролетаріата; если же и остается въ деревнѣ, то, шатаясь и пробиваясь изо дня въ день, пропагандируетъ среди своихъ братьевъ плохо усвоенныя имъ за границей соціальныя и революціонныя идеи и являетъ собой элементъ безпорядка и насилія. А вѣдь до своей поѣздки за море это былъ тихій, скромный рабочій, довольствовавшійся вполнѣ своимъ заработкомъ, чуждый всякихъ вздорныхъ ученій". Caveant consules!

Л. Клейнбортъ.

И. П. Дружининъ. Очерки крестьянской общественной жизни. С.-Петербургъ. Изданіе юридическаго книжнаго склада „Право". 1905 г.

Книга г. Дружинина, вышедшая нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, сейчасъ послѣ опубликованія положенія о государственной думѣ, изъ всей массы русскаго трудящагося населенія отводящей мѣсто одному крестьянству, пріобрѣтаетъ особый интересъ: она характеризуетъ какъ разъ тѣ крестьянскіе сходы, ту крестьянскую волость, которые должны составить первыя ячейки крестьянскаго представительства.

Книжка составилась изъ разныхъ статей, печатавшихся въ свое время въ „Жизни", „Сѣверномъ Вѣстникѣ", „Вѣстникѣ Европы", „Русской Мысли" и пр., которыя можно разбить на двѣ рубрики: часть статей представляетъ собой личныя наблюденія автора надъ юридическимъ положеніемъ крестьянъ, часть статей—общаго характера. Нельзя не отдать предпочтенія именно той части автора, которая состоитъ изъ его личныхъ наблюденій. Художественности у г. Дружинина мало, но онъ на нее и не претендуетъ. Онъ просто чуткій наблюдатель русской деревни, большой ея знатокъ, который нерѣдко сочетаетъ констатированіе суровой правды съ подкупающей простотой изложенія. Таковы его сцены съ натуры—„Среди крестьянскихъ дѣлъ", изображающія всю неприглядность, съ которой эти дѣла дѣлаются, начиная со сдачи крестьянами участка общественной земли въ аренду и кончая разбирательствомъ земскимъ началь-

Digitized by Google

никомъ жалобы, принесенной на волостного старшину. Таковы его очерки, изображающіе крестьянскіе сходы, область, на которой авторъ особенно часто останавливаетъ свое вниманіе. Изъ нихъ мы узнаемъ о существованіи даже сходовъ волости „особаго устройства", въ которыхъ такъ называемый элементъ самоуправленія, даже по сравненію съ обычнымъ типомъ волости, отсутствуетъ. Дѣло въ томъ, что это именно тѣ волости, которыя состоятъ изъ одного сельскаго общества, которыя, слѣдовательно, рѣшаютъ всѣ дѣла, относящіяся какъ къ сельскому, такъ и волостному кругу дѣлъ. Разница такого схода „особаго устройства" отъ сходовъ волостей, состоящихъ изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, въ томъ и состоитъ, что на немъ неизмѣнно присутствуетъ земскій начальникъ, безъ котораго сходъ волости почти не происходитъ. Благодаря этому, общественная жизнь здѣсь прямо парализована, даже въ самыхъ примитивныхъ своихъ проявленіяхъ не выходитъ изъ области опеки...

Менѣе цѣнны статьи сборника, представляющія общій анализъ юридическаго положенія крестьянъ. Повторяя то, о чемъ уже много разъ говорилось въ литературѣ, авторъ забываетъ одно, что жизнь въ переживаемый сейчасъ моментъ идетъ страшно быстро, что то, что вчера еще могло казаться „прогрессивнымъ", сегодня можетъ быть уже сдано въ архивъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему сводятся его пожеланія? „Крестьянское самоуправленіе—пишетъ онъ—должно быть сдѣлано самостоятельнымъ, и самостоятельность его должна быть обезпечена надлежащими органическими мѣрами: возможно широкимъ распространеніемъ народнаго образованія и развитіемъ правосознанія въ массѣ населенія, путемъ школъ, библіотекъ, читаленъ, чтеній; поднятіемъ уровня самоуправляющагося населенія, путемъ введенія въ его составъ лицъ всѣхъ сословій, безъ исключенія, съ спеціальнымъ устраненіемъ вмѣшательства чиновниковъ въ дѣятельность органовъ самоуправленія и точнымъ опредѣленіемъ юридическаго положенія крестьянъ на началахъ равноправности съ другими сословіями и съ полнымъ примѣненіемъ законности ко всѣмъ ихъ дѣламъ, отношеніямъ и установленіямъ". Здѣсь что ни мѣра, то вопросительный знакъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что крестьянское самоуправленіе должно быть самостоятельно. Но какъ этого достигнуть? Культурнымъ подъемомъ? Допустимъ. Но какъ осуществить этотъ подъемъ? Путемъ „спеціальнаго устраненія вмѣшательства чиновниковъ"? А какъ этого, въ свою очередь, достигнуть?—„Точнымъ опредѣленіемъ юридич. положенія крестьянъ на началахъ равноправности съ другими сословіями", „полнымъ примѣненіемъ законности"? Но развѣ положеніе „другихъ сословій" свободно отъ вмѣшательства чиновниковъ, развѣ дѣло въ *точномъ примѣненіи* закона, а не въ самомъ законѣ?

Не менѣе странно „вмѣсто предисловія" автора, гдѣ онъ на протяженіи нѣсколькихъ страницъ развиваетъ ту мысль, что наша „крестьян-

Digitized by Google

ская общественная жизнь не отразилась ярко, сильно на какомъ-либо произведеніи литературы или искусства, не вдохновила поэта, художника, не составила объекта широкой и полной картины бытописателя", не привлекла къ себѣ даже теоретическихъ силъ. Подходя къ поставленному на очередь вопросу о пересмотрѣ законовъ о крестьянахъ и указывая, что такой матеріалъ облекъ бы вопросъ въ плоть и кровь, авторъ добавляетъ: „но такого матеріала нѣтъ въ достаточной степени,—и настоящій вопросъ, несмотря на поводъ столь благопріятный, не вызываетъ соотвѣтствующей разработки", и проч. Мы положительно недоумѣваемъ, читая эти слова — неужели беллетристы-народники съ Глѣбомъ Успенскимъ во главѣ, неужели та масса очерковъ, статей и матеріаловъ, которые каждый мѣсяцъ, почти каждый день приносятъ самыя разнообразныя изданія, не дали еще исчерпывающей картины юридическаго положенія крестьянъ? Наоборотъ, трудно представить себѣ болѣе интенсивную работу въ русскихъ условіяхъ, чѣмъ та, которая окружаетъ атмосферу т. н. крестьянскаго вопроса. И если вопросъ о пересмотрѣ законовъ о крестьянахъ нуждается сейчасъ въ чемъ-либо, то во всякомъ случаѣ не въ новыхъ „картинахъ бытописателя", не въ новыхъ указаніяхъ свѣдущихъ людей...

Впрочемъ, мы были-бы несправедливы, если-бы не указали положительной стороны этихъ статей г. Дружинина: это то самое, что мы находимъ въ изобиліи въ его личныхъ наблюденіяхъ — изобиліе фактовъ. Факты, изъ какого бы источника они ни были взяты, всегда интересны, и тѣмъ болѣе интересны, когда эти факты таковы, что съ ними приходится считаться въ сегодняшній же день. Мы охотно рекомендуемъ „Очерки крестьянской общественной жизни" благосклонному вниманію читателей.

Л. К.

„Вѣстникъ фабричнаго законодательства и профессіональной гигіены". Редакція О. Е. Бужанскаго. 1905 г. №№ 1, 2, 3, 4.

О. Е. Бужанскому пришла счастливая мысль издавать періодическій органъ печати, посвященный интересамъ и нуждамъ нашего многомилліоннаго пролетаріата. Какъ ни важны эти интересы, какъ ни вопіютъ о себѣ эти нужды во всѣхъ большихъ и малыхъ центрахъ развивающагося русскаго капитализма, эти интересы, эти нужды до сихъ поръ находятъ себѣ весьма ограниченное выраженіе въ печати. Конечно, прежде всего „независящія обстоятельства" въ этой области составляютъ предѣлъ, который не прейдеши. Но и помимо этихъ обстоятельствъ, повидимому, есть условія, которыя мѣшаютъ литературному органу сосредоточиться на рабочемъ вопросѣ. Такіе журналы, какъ „Народное Хозяйство" или „Русское экономическое обозрѣніе", каковы бы ни были точки зрѣнія, изъ которыхъ они исходятъ, не могутъ сосредоточиться на немъ уже по-

Digitized by Google

тому, что ихъ область шире, охватываетъ несравненно больше задачъ; а рабочій вопросъ въ Россіи въ настоящій моментъ настолько сложенъ и великъ, что о немъ можно или ничего не говорить, или говорить какъ слѣдуетъ, высказывая дѣйствительно все, что можно о немъ сказать, т. е. въ концѣ концовъ посвящая значительно больше мѣста, чѣмъ, можетъ быть, любому иному вопросу. Если же такъ обстоитъ дѣло съ экономическими ежемѣсячниками, то тѣмъ болѣе это относится къ нашимъ общимъ журналамъ, которые сейчасъ осаждены такимъ количествомъ вопросовъ внутренней жизни, что еле-еле успѣваютъ сказать о нѣкоторыхъ изъ нихъ хоть нѣсколько словъ. У насъ, наконецъ, былъ журналъ, ставившій своей цѣлью „изученіе положенія труда", — о немъ въ свое время нашъ журналъ далъ отзывъ (1903 г., № 1, рецензія на журн. „Промышленность и Здоровье"), но, какъ извѣстно, журналъ такъ и отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть. Онъ прекратилъ свое существованіе очень быстро...

Надо надѣяться, что изданіе г. Бужанскаго обезпечено тѣми силами и средствами, которыя нужны для того, чтобы пополнить столь существенный пробѣлъ и осуществить поставленную изданіемъ программу.

Программа эта, поскольку она изложена редакціей во вступительной статьѣ, прежде всего стремится дать картину того, что, собственно, составляетъ положеніе дѣла, освѣтить свѣтомъ тѣ отношенія, куда лучъ свѣта съ такимъ трудомъ проникаетъ. Значеніе этой задачи нельзя преувеличивать. Дѣйствительно, большого вниманія заслуживаютъ такія статьи, какъ статья г. Либермана объ условіяхъ труда горнорабочихъ въ Донецкомъ бассейнѣ, статьи г. Александрова „О положеніи рабочихъ на постройкѣ желѣзныхъ дорогъ" и „Изъ практики 8-мичасового рабочаго дня въ Россіи", статья г. Марголина объ условіяхъ труда въ ремесленной и домашней промышленности и пр. Эта сторона дѣла не оставляетъ желать лучшаго. Такъ, сообщеніямъ изъ области общественной экономіи отведенъ особый отдѣлъ, въ которомъ о каждой книжкѣ даются самыя разнообразныя свѣдѣнія, помимо отдѣльныхъ статей, посвященныхъ тѣмъ же вопросамъ. То же значеніе имѣютъ отдѣлы: внутренняя хроника и хроника иностраннаго законодательства по охранѣ труда, въ особенности первая, въ которой мы находимъ полную, поскольку это возможно въ нашихъ условіяхъ, картину всего того, что въ этой области за прошедшіе со дня изданія четыре мѣсяца произошло.

Въ той же вступительной статьѣ г. редакторъ задается соображеніями, которыя намъ представляются нѣсколько неясными. „Время ли сейчасъ останавливаться—пишетъ онъ—на выясненіи необходимости тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ соціальныхъ реформъ, когда все съ большей настойчивостью приходится говорить о реформѣ вообще, ждать ея осуществленія для того, чтобы имѣть возможность осуществлять реформы въ различныхъ областяхъ?" „Политика общая и соціальная" вѣдь переплетаются, и „тамъ, гдѣ первая не

Digitized by Google

посѣщаетъ, послѣдняя постепенно теряетъ свое значеніе, не даетъ никакихъ практическихъ результатовъ". Мы позволимъ себѣ спросить у г. редактора: какая же это политика „общая" и какая „соціальная", какая разница между ними? Мы думаемъ, что такая разница и не можетъ быть указана: вѣдь какъ блестяще доказывается хотя бы Зомбартомъ, общая политика и есть именно соціальная, какъ послѣдняя всегда была и есть политика общая. Эту истину чрезвычайно важно имѣть въ виду, говоря объ осуществленіи той „общей реформы", тѣхъ „предпосылокъ", о которыхъ говоритъ редакція.

Отъ души совѣтуемъ г. Бужанскому менѣе всего уклоняться въ сторону современной „критики", такъ какъ отъ души желаемъ успѣха и серьезнаго общественнаго значенія его органу какъ въ смыслѣ практическомъ, такъ и теоретическомъ. **Л. К.**

Armes reiches Russland. Ein Mahtenrt an Deutschlands Kapitalis von *Georg Bernhard.* Berlin. 1905.

Появившаяся только что на берлинскомъ книжномъ рынкѣ брошюра о Россіи интересна, какъ показатель того скептическаго отношенія къ русскимъ порядкамъ, какое все чаще и чаще начинаетъ замѣчаться въ неофиціальныхъ кругахъ нѣмецкаго общества. Мы не говоримъ о взглядахъ авторовъ, принадлежащихъ къ крайней лѣвой германскаго рейхстага: соотвѣтствующія воззрѣнія ихъ достаточно извѣстны и для имущихъ классовъ—неубѣдительны; характеренъ походъ противъ Россіи, совершаемый во имя интересовъ класса нѣмецкихъ капиталистовъ. Съ такимъ походомъ офиціальная и офиціозная русская пресса должна будетъ считаться—и „Mahnwort an Deutschlands Kapitalisnen" есть въ то же время „Mahuwart" и русскому правительству. Извѣстно, какія услуги оказываетъ послѣднему германскій денежный рынокъ: изъ 1.031,5 милл. р., занятыхъ до сихъ поръ на веленіе войны съ японцами, 300 мил. р. взято во Франціи, 350—внутри государства и 381,5—въ Германіи. Помощь нѣмецкихъ капиталистовъ, очевидно, нужна будетъ и въ ближайшемъ будущемъ, ибо скептицизмъ французскихъ банкировъ уже явнымъ образомъ обнаружился.

Бернгардъ въ предисловіи къ брошюрѣ спрашиваетъ, имѣютъ ли право нѣмецкіе капиталисты, съ точки зрѣнія своихъ интересовъ, подвергать обсужденію и тѣмъ или другимъ образомъ реагировать на внутреннюю политику Россіи. 5 янв. этого года „Börsn-Coenrier" рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ „вмѣшательства" во внутреннія дѣла кредитуемаго государства. Бернгардъ совершенно основательно оспариваетъ такое мнѣніе: капиталистъ, помѣщая свои деньги въ русскіе фонды, долженъ имѣть прочную гарантію выполненія со стороны Россіи принятыхъ обязательствъ. Кредитоспособность правительства опредѣляется

Digitized by Google

въ значительной мѣрѣ его внутренней политикой, тормозящей или развивающей производительныя силы страны. Не во имя „естественныхъ человѣческихъ правъ“ нѣмецкій капиталистъ долженъ сочувствовать освободительному движенію въ Россіи, а вслѣдствіе того, что господствующій бюрократическій режимъ не можетъ предоставить ему надлежащихъ гарантій. Чтобы доказать послѣднее, авторъ останавливается на способѣ составленія и выполненія русскаго государственнаго бюджета, на задолженности Россіи, обезпеченіи государственныхъ долговъ, финансовой и экономической политикѣ послѣдняго времени. Мы, русскіе, въ его разсужденіяхъ по этому поводу ничего новаго не найдемъ: представители нашей экономической и финансовой науки съ достаточною ясностію и подробностью вскрыли всѣ дефекты господствующаго политическаго режима, поскольку онъ проявляется въ подлежащихъ изслѣдованію областяхъ. Бернгардъ преимущественно и опирается на эти русскія работы, но, чуждый Россіи, онъ не умѣетъ учесть новыхъ элементовъ въ нашей хозяйственной жизни, позволяющихъ надѣяться на лучшее будущее. Иногда имъ высказываются положенія съ которыми никакъ нельзя согласиться, какъ, напр.—будто бы Сибирская желѣзная дорога имѣетъ исключительно политическое значеніе, и никакого экономическаго. Однако, въ общемъ, дѣлаемая имъ оцѣнка нашего государственнаго хозяйства—совершенно правильна. Извѣстно, какъ импонировалъ Витте на иностранцевъ изъ года въ годъ повторявшимися превышеніями обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами; Бернгардъ уже не восхищается этимъ. Онъ знаетъ, что параллельно росла русская задолженность, вызываемая, съ одной стороны, желѣзнодорожной политикой, съ другой—стремленіемъ упрочить золотую валюту. Чрезвычайный бюджетъ, не всегда соотвѣтствующій своему названію, не только поглощалъ всѣ излишки, но настоятельно требовалъ каждый годъ новыхъ займовъ. Вотъ интересная табличка:

	Остатки отъ обыкн. бюджета.	Дѣйствит. дефицитъ чрезвыч. бюджета.	Необходимые займы для покрытія всего дефицита.
1893	44,16	101,89	57,64
1894	109,78	90,75	18,53
1895	135,12	377,14	242,02
1896	197,12	237,68	40,54
1897	129,66	184,79	55,04
1898	237,88	403,77	165,89
1899	217,69	311,84	94,15
1900	208,09	330,17	121,48
1901	169,92	207,93	38,01
1902	122,97	359,94	236,97

Авторъ скептически относится къ прочности русской золотой валюты, положеніе которой было шатко не только во время несчастной войны, но и въ мирные годы. Оставивши въ сторонѣ теоретическія заключенія Берн-

Digitized by Google

гарда о золотомъ монометаллизмѣ, какъ не имѣющія твердой научной почвы подъ ногами, приведемъ лишь статистическія данныя, почерпнутыя имъ у Rohrbach'a и опредѣляющія стоимость для насъ упроченія совершенной Витте реформы. Всѣхъ платежей по займамъ золотомъ за-границу въ среднемъ до войны приходилось 216 м. р.; несмотря на благопріятный торговый балансъ, превышеніе вывоза надъ ввозомъ достигало въ 1894—1903 г.г. ежегодно 175 м. р.; въ силу этого для выполненія своихъ обязательствъ въ золотѣ приходилось, по меньшей мѣрѣ, около 90 м. р. отправлять изъ страны или же увеличивать задолженность новыми займами. Лучшей главой въ брошюрѣ является пятая, гдѣ авторъ трактуетъ объ экономической политикѣ послѣднихъ русскихъ министровъ.

Полное пренебреженіе интересами земледѣльческаго населенія, составляющаго около 80% общаго числа жителей Россіи, безжалостное принесеніе его въ жертву „благопріятному торговому балансу", дутой индустріи, ведущейся на иностранные капиталы, сомнительный прогрессъ обрабатывающей промышленности, хроническая нищета деревни,—все это приводитъ Бернгарда къ заключенію, что собственно экономической политики въ Россіи давно нѣтъ, а есть только финансовая (мы бы сказали—фискальная). Общій выводъ разсужденій автора—нѣмецкіе капиталисты не должны болѣе вѣрить бюрократической Россіи. Конечно, она—богатая страна, но современные руководители ведутъ ее по пути къ разоренію. „Россія не можетъ въ будущемъ выполнять обязательства по своимъ милліарднымъ долгамъ, если старая бюрократія останется у руля власти" (с. 78). И выступаетъ такая дилемма: „или Россія остается въ политическомъ отношеніи Азіатскимъ деспотическимъ государствомъ—и тогда, чтобы дать достаточныя гарантіи своимъ вѣрителямъ по займамъ, должна приспособиться къ *введенію европейскаго финансоваго контроля* у себя" (ст. 8), или же обязана сдѣлаться свободнымъ конституціоннымъ государствомъ и ввести парламентарный финансовый контроль.

Дилемма поставлена совершенно правильно—и не можетъ быть для насъ, русскихъ, выбора между двумя способами ея разрѣшенія. Но одна постановка такой дилеммы въ первой ея части показываетъ, какъ низко палъ нашъ бюрократическій режимъ въ глазахъ сосѣдей.

М. Бернацкій.

Де-Греефъ. *Соціальная экономія.* Предметъ ея, методъ, исторія. Пер. Л. С. Закъ. Москва. 1904. Ц. 1 р.

Разбираемая книга состоитъ изъ четырехъ самостоятельныхъ очерковъ. Въ двухъ первыхъ авторъ бѣгло характеризуетъ воззрѣнія различныхъ экономическихъ и соціологическихъ школъ и развиваетъ собственную точку зрѣнія, въ третьемъ довольно подробно останавливается на взглядахъ А. Кетлэ и, наконецъ, въ четвертомъ въ пухъ и прахъ разноситъ

Digitized by Google

„историческій матеріализмъ“, которому, впрочемъ, и въ первыхъ трех очеркахъ не разъ уже доставалось на орѣхи.

Да не подумаетъ, однако, читатель, что передъ нами „Sozialisten-fresser“. Наоборотъ, г. Де-Греефъ горячій апостолъ „примиренія и единія“. „Соціализмъ,—пишетъ онъ (стр. 141—142), — долженъ озариться свѣтомъ мысли и освободиться отъ исключительной власти политическихъ дѣятелей, пропагандистовъ и людей дѣла, главныхъ агитаторовъ и самыхъ безпокойныхъ членовъ партіи, несмотря на ихъ безспорную полезность на практикѣ; съ другой стороны, соціологія должна сблизиться съ рабочимъ классомъ, не только для того, чтобы подкрѣпиться изъ живого источника эмоцій и полезной активной жизни, но и для цѣлей науки, для того, чтобы ея идеологическія концепціи всегда составляли не что иное, какъ продолженіе дѣйствительности, которая должна лежать въ ея основаніи“. Вотъ видите, даже за „самыми безпокойными“ агитаторами признается „безспорная полезность на практикѣ“. Имъ недостаетъ только, бѣдняжкамъ, озаренія свѣтомъ научной мысли, и великодушный авторъ спѣшитъ на помощь.

Удобнымъ пунктомъ для „озаренія“ оказывается прежде всего, конечно, самый терминъ „историческій *матеріализмъ*“: „матеріализмъ—метафизическая система, давно отвергнутая и опровергнутая позитивной философіей вмѣстѣ съ ея противоположностью, идеализмомъ“ и т. д., и т. п. На этой почвѣ авторъ торжествуетъ легкую побѣду, забывая, что и Марксъ, и Энгельсъ, и ихъ позднѣйшіе послѣдователи неоднократно разъясняли полнѣйшую независимость историческаго матеріализма отъ матеріализма общефилософскаго (который Марксъ называлъ „вульгарнымъ“). Да это ясно и безъ всякихъ разъясненій. „Матеріальные интересы служатъ базисомъ, на которомъ выростаетъ юридическая и идеологическая надстройка“. Неужели, будучи въ здравомъ умѣ и твердой памяти, можно усмотрѣть здѣсь „матеріализмъ“, т. е. попытку свести идеи къ движенію матеріальныхъ частицъ? Развѣ „матеріальный интересъ“ есть совокупность матеріальныхъ частицъ? Ясно кажется, что это такое же соціально-психологическое явленіе, какъ и любая „идея“.

Столь же удачны и столь же оригинальны возраженія автора по поводу извѣстнаго „прыжка изъ царства необходимости въ царство свободы“. По какому праву „прыжокъ“?!—возмущается почтенный соціологъ. Во-первыхъ, прыгать строго воспрещено „законами эволюціи“. И затѣмъ, что значитъ „царство свободы“? „Будемъ ли мы тогда обладать свободой воли? Только ли историческая необходимость исчезнетъ тогда, или же и научный детерминизмъ будетъ устраненъ изъ идеальной структуры общества? Обратится ли человѣкъ въ Бога?“ и т. д., и т. д. (стр. 162). А вѣдь изъ контекста того мѣста книги Энгельса, откуда вырвана инкриминируемая фраза, совершенно ясно, что рѣчь идетъ вовсе не о ме-

Digitized by Google

тафизической свободѣ воли, и даже не о гибели исторической необходимости вообще, а лишь объ устраненіи той формы послѣдней, которая воплощается въ современномъ соціальномъ рабствѣ, въ господствѣ надъ человѣкомъ слѣпыхъ, стихійныхъ силъ анархическаго рынка. Впрочемъ, г. Де-Греефъ и въ этомъ соображеніи отнюдь не склоненъ видѣть смягчающее вину обстоятельство. По его мнѣнію, въ характерѣ соціальной зависимости, осуществляемой капитализмомъ, нѣтъ ничего специфическаго, и средневѣковый ремесленникъ совершенно такъ же зависѣлъ отъ точно неизвѣстнаго ему круга заказчиковъ, какъ современный капиталистъ отъ неизвѣстнаго ему хаотическаго рынка (стр. 166). Передъ лицомъ столь мощной обобщающей способности нѣмѣетъ всякая аргументація,—остается только развести руками. Авторъ высказываетъ Марксу порицаніе еще по двумъ серьезнымъ поводамъ: 1) Марксъ неправильно положилъ въ основу соціальнаго процесса технику производства (что фактически невѣрно), и 2) Марксъ каждой соціально-экономической формаціи приписывалъ собственный законъ развитія, устраняя, такимъ образомъ, возможность общей „абстрактной“ соціологіи (что вѣрно, и, по моему мнѣнію, составляетъ только заслугу Маркса).

Въ противовѣсъ всѣмъ этимъ и многимъ другимъ, здѣсь не упомянутымъ, заблужденіямъ г. Де-Греефъ выставляетъ собственную „позитивную“, „соціологическую“ точку зрѣнія, которая вкратцѣ сводится къ слѣдующему: „Экономическій факторъ“ имѣетъ преобладающее значеніе. Но наиболѣе простымъ, элементарнымъ, всеобщимъ, а слѣдовательно и основнымъ явленіемъ соціальной жизни надо признать не производство, а *обращеніе*, которое экономисты „вслѣдствіе страннаго смѣшенія понятій“ часто относятъ къ производству подъ именемъ транспорта, перевозочной промышленности и т. п. Въ зависимости отъ развитія обращенія соціальная жизнь человѣчества раздѣляется на періоды: мѣстный, областной, національный, международный, междуматериковый и, наконецъ, всемірный. Прогрессъ внутренней организаціи обращенія выражается „въ уменьшеніи мертваго вѣса и соотвѣтственномъ возрастаніи полезнаго дѣйствія“,—это „самый общій законъ экономическаго обращенія“ и значитъ въ то же время абстрактный законъ соціологіи.

Сомнительно, прежде всего, что обращеніе можно разсматривать, какъ основной „факторъ“, опредѣляющій собой соціально-экономическую структуру. Такъ, наприм., уже въ эпоху древнихъ финикіянъ обращеніе носило чуть не „всемірный“, и уже во всякомъ случаѣ „междуматериковый“ характеръ, но, ограничиваясь исключительно предметами роскоши, очень поверхностно затрагивало соціальную структуру участвовавшихъ въ немъ племенъ, которыя и оставались на самой примитивной ступени соціально-экономическаго развитія. Кромѣ того—и это самое важное—„соціологическая“ точка зрѣнія автора при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается

Digitized by Google

вовсе не соціологической. Различіе между перевозкой продукта и его „производствомъ“ относится не къ области соціологіи, а къ области технологіи. Съ общественно-экономической точки зрѣнія совершенно безразлично, что именно надо сдѣлать съ предметомъ природы, чтобы приспособить его къ человѣческимъ потребностямъ: измѣнить механически, химически, или только перемѣстить,—все это вопросы техники. Политическую или „соціальную“ экономію, какъ показываетъ самое названіе, интересуетъ лишь общественная сторона процесса, т. е. затрата общественно-трудовой энергіи и тѣ отношенія между людьми, которыя возникаютъ при этомъ трудовомъ воздѣйствіи на природу. „Странное смѣшеніе понятій“ обнаружилъ такимъ образомъ г. Де-Греефъ, а „экономисты“ — и въ томъ числѣ Марксъ—поступали совершенно правильно, соединяя механическую и химическую обработку и перевозку продуктовъ въ одну рубрику „общественнаго производства“.

Какъ перевозка съ соціологической точки зрѣнія есть лишь частный случай производства, точно такъ же и формулированный г. Де-Греефомъ законъ „уменьшенія мертваго вѣса и возрастанія полезнаго дѣйствія“ представляетъ лишь частный случай „роста производительныхъ силъ“ или, точнѣе, „производительности человѣческаго труда“, и такимъ образомъ вполнѣ охватывается принципомъ, положеннымъ Марксомъ въ основу его системы Но принципъ этотъ, даже въ его общей формѣ, все же никоимъ образомъ не является „абстрактнымъ“ закономъ соціологіи. „Абстрактнымъ“ онъ былъ бы лишь въ томъ случаѣ, если бы при *всякомъ* соціальномъ строѣ неизмѣнно усваивалось *всякое* изобрѣтеніе, повышающее производительность труда. Но мы знаемъ, что это не такъ. Мы знаемъ, напримѣръ,— и въ значительной степени благодаря Марксу,—что въ капиталистическомъ обществѣ прогрессъ производительности труда возможенъ лишь постольку, поскольку онъ сопровождается ростомъ прибавочной цѣнности. И если на высшихъ ступеняхъ капитализма это условіе сравнительно мало ограничиваетъ идеально возможный техническій прогрессъ, то въ тѣхъ промежуточныхъ областяхъ, гдѣ капиталъ сталкивается съ полупролетаризированнымъ собственникомъ орудій труда, интересы капитала могутъ привести къ полному техническому застою (что наблюдается, наприм., въ кустарной или „домашней“ промышленности всѣхъ странъ) или даже къ регрессивному движенію (что имѣетъ мѣсто въ нашемъ земледѣліи). Прогрессъ производительности труда— не „абстрактный законъ“ соціологіи, а лишь тотъ оріентирующій принципъ, съ которымъ надо приступать къ анализу каждой данной соціально-экономической формаціи, чтобы открыть специфическій, ей только свойственный, законъ развитія. Быть можетъ, когда-нибудь абстрактная соціологія и возникнетъ, но пока ея не было, и г. Де-Греефъ ее не создалъ.

Что касается общей манеры мышленія автора, то она можетъ быть

Digitized by Google

охарактеризована, какъ расплывчатость, возведенная въ принципъ. Вотъ образчикъ: „Новѣйшая точка зрѣнія,—та именно, на которой я стою,—есть точка зрѣнія соціологическая, согласно которой не только экономическія доктрины находятъ себѣ объясненіе въ экономическихъ фактахъ и учрежденіяхъ и обратно—факты и учрежденія находятъ себѣ объясненіе въ доктринахъ, но и вся соціальная экономія разсматривается, какъ система и функція, стоящая въ извѣстномъ отношеніи ко всей структурѣ и жизни общества“ (стр. 69). Можно сказать, „точка зрѣнія“!! И обратите вниманіе на ту помпу, съ которой преподносится эта безпорядочная каша понятій! Авторъ совершенно искренно убѣжденъ, что истинный позитивизмъ состоитъ именно въ томъ, чтобы смѣшивать всевозможныя опредѣленія и соотношенія въ общую кучу. Всякая опредѣленность взгляда кажется ему метафизичной. Избави Богъ отъ такого позитивиста!

В. Базаровъ.

Ст. Струмилинъ. Богатство и трудъ. „Библіотека Общественной Пользы“. Цѣна 40 к.

Популярно научный очеркъ Ст. Струмилина является прекраснымъ дополненіемъ къ недавно изданной Донской рѣчью брошюркѣ Дикштейна „Какъ люди живутъ“ (3 коп.) и къ другой брошюрѣ „Трудъ и капиталъ“, съ предисловіемъ Нежданова въ изданіи Раппа и Потапова.

Въ своемъ вступленіи авторъ говоритъ о яркихъ контрастахъ, которые представляютъ собою ослѣпительная роскошь и вопіющая нужда, и о тѣхъ проклятыхъ вопросахъ, которые невольно встаютъ передъ каждымъ обездоленнымъ труженикомъ при видѣ „ужасной бездны“.

Отвѣту на эти вопросы посвящены слѣдующія четыре главы.

Центръ тяжести, однако, этой книжки не въ изложеніи основныхъ началъ экономическаго ученія К. Маркса, а въ „*Краткомъ указателѣ литературы марксизма* и *литературы для самообразованія*“.

Этотъ указатель теперь, когда хлынулъ цѣлый потокъ брошюръ, когда книги расхватываются въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, является въ высшей степени своевременнымъ.

Въ особенности интересенъ въ этомъ указателѣ „отдѣлъ 10-й: Къ исторіи русской смуты“.

Указатель страдаетъ неполнотой, онъ *уже* нѣсколько отсталъ и не могъ не отстать отъ тѣхъ новыхъ книгъ, которыя выходятъ каждый день, но авторъ прекрасно продолжилъ хорошее дѣло Панова, выпустившаго „опытъ систематическаго указателя книгъ для самообразованія“ подъ заглавіемъ „Домашнія библіотеки“.

Перечисляя въ концѣ своей книги цѣлый рядъ подобныхъ же указателей, авторъ почему-то забылъ упомянуть библіографическій словарь

Digitized by Google

„Русская словесность“ Мезіера съ предисловіемъ Рубакина и приложеніе къ книгѣ Дементьева „Фабрика“, дающее подробный перечень книгъ и журнальныхъ статей по рабочему вопросу.

Мы увѣрены, что въ высшей степени полезная книжка Ст. Струмилина разойдется такъ же быстро и такъ же широко, какъ и вышеупомянутый указатель Панова. **В. Л.**

В. Оствальдъ. Школа химіи. Общедоступное введеніе въ изученія химіи. Въ 2-хъ частяхъ. Одесса. Изд. В. Распопова. 1904.

Учебникъ химіи профессора Оствальда можетъ служить одинаково хорошимъ руководствомъ какъ для лицъ, занимающихся самообразованіемъ, такъ и для преподаванія химіи въ средней школѣ. Выпуская въ свѣтъ эту книжку, авторъ имѣлъ въ виду дать общедоступное изложеніе общей и физической химіи, этихъ основныхъ отдѣловъ нашей науки, на которые опираются всѣ остальныя ея отрасли и которые такимъ образомъ могли бы послужить фундаментомъ для дальнѣйшаго изученія естественныхъ наукъ.

Въ этой книжкѣ, раздѣленной на общую и спеціальную часть, авторъ даетъ систематическій курсъ, въ которомъ сначала излагаются общія положенія химіи, а затѣмъ свѣдѣнья о важнѣйшихъ элементахъ и ихъ соединеніяхъ. Этотъ курсъ, конечно, гораздо обширнѣе тѣхъ отрывковъ изъ химіи, которые преподаются въ нашей средней школѣ, составляя съ прочими естественными науками одинъ предметъ естествознанія. Но при нормальной программѣ среднеучебныхъ заведеній химіи, въ качествѣ одной изъ основныхъ и главнѣйшихъ отраслей естествознанія, должно быть удѣлено достаточно времени, какъ отдѣльному предмету преподаванія, и въ такомъ случаѣ „Школа химіи“ Оствальда будетъ образцовымъ руководствомъ изученія этой науки.

Охватывая предметъ съ достаточной полнотою, профессоръ Оствальдъ не останавливается передъ разъясненіемъ строго научныхъ понятій, которыя обыкновенно считаются доступными пониманію только спеціалистовъ-естественниковъ.

Какъ опытный преподаватель, онъ дѣлаетъ это въ такой популярной формѣ съ такъ хорошо подобранными примѣрами, что эти отвлеченныя понятія могутъ быть усвоены ученикомъ безъ особеннаго труда. Въ основу курса положены новѣйшія теоріи строенія вещества, въ него введено ученіе объ энергіи, играющее въ настоящее время очень большую роль въ естествознаніи; эти и другіе подобные вопросы настолько ясно разработаны въ книжкѣ Оствальда, что, изучивъ ее, ученикъ будетъ достаточно хорошо подготовленъ къ прохожденію этого строго научнаго курса химіи въ высшей школѣ, и даже если онъ поторопится спеціализироваться на какой-нибудь частной отрасли науки, у него останутся понятія объ общихъ

Digitized by Google

понятіяхъ науки, охватывающихъ отдѣльныя ея отрасли. Кромѣ теоретическихъ познаній, книжка Оствальда даетъ еще множество практическихъ указаній, позволяющихъ хорошо изучить технику лабораторныхъ пріемовъ, необходимыхъ для устройства различныхъ приборовъ и постановки простѣйшимъ способомъ химическихъ опытовъ.

Съ внѣшней стороны „Школа химіи" отличается отъ обыкновенныхъ учебниковъ діалогической формой изложенія,—она написана въ видѣ собесѣдованья ученика съ учителемъ. Въ предисловіи профессоръ Оствальдъ говоритъ что онъ умышленно выбралъ такую форму, какъ наиболѣе удобную для цѣлей преподаванія.

Надо предполагать, что ученикъ, задающій вопросы, обладаетъ средними способностями. Разумѣется, для того, чтобы въ отвѣтахъ можно было изложить полный курсъ химіи, приходится задавать вопросы далеко не одинаковые по остроумію, и благодаря этому діалогъ получается не вполнѣ натуральный,—иногда ученикъ ведетъ себя совсѣмъ дурачкомъ, иногда же обнаруживаетъ слишкомъ большую проницательность.

Несмотря на этотъ чисто внѣшній недостатокъ изложенія, книга остается блестящей по своей простотѣ и ясности, что, конечно, и слѣдовало ожидать отъ труда одного изъ знаменитѣйшихъ преподавателей химіи, какимъ въ настоящее время является профессоръ Оствальдъ, переводъ книжки котораго составляетъ весьма крупное пріобрѣтеніе для нашей научно-популярной литературы.

О. М. Прокофьева.

Д-ръ Е. В. Членовъ. Сіонъ и Африка на шестомъ конгрессѣ. Москва. 1905. Цѣна 40 коп.

Книжка г. Членова, какъ ничтожная и по идеѣ своей, и по своему содержанію, не стоила бы вниманія, если-бы она не выражала взглядовъ цѣлой группы, если-бы она не вскрывала характера движенія среди евреевъ, извѣстнаго подъ названіемъ сіонизма. Ничего общаго не имѣя съ интересами трудящихся и истинно страдающихъ классовъ еврейства, сіонизмъ питаетъ одни лишь буржуазные идеалы своихъ адептовъ. Въ интересахъ сіонистовъ возможно больше затушевать классовыя различія, создавшіяся среди народа, и, гремя пустой побрякушкой въ воздухѣ, заставить его забыть объ его настоящихъ нуждахъ и горестяхъ.

На шестомъ конгрессѣ сіонистовъ впервые заговорили объ Угандѣ. Англійское правительство предложило предоставить евреямъ для свободной колонизаціи Уганду, расположенную на восточномъ берегу Африки. Казалось, за такую идею должны были ухватиться господа сіонисты, увѣренные, что евреямъ нужна собственная территорія и ничего больше. Но, нѣтъ! Сіонисты-палестинцы, пропитанные насквозь буржуазными и идеалистическими тенденціями, усмотрѣли въ принятіи этого предложенія конгрессомъ

Digitized by Google

крушеніе ихъ плановъ и предположеній. „Впервые,—пишетъ съ комическимъ паѳосомъ г. Членовъ,—ощущеніе разверзающейся пропасти, которое не разъ чувствовалось потомъ въ конгрессные дни и съ такой ясностью испытывалось въ моментъ закрытія, впервые оно почувствовалось нами въ эту ночь при обсужденіи проэкта объ Угандѣ. Совѣщаніе носило необыкновенно серьезный, искренній, придавленно-торжественный характеръ. Сознавалось, что мы переживаемъ канунъ историческаго момента".

Попытайтесь узнать изъ книжки г. Членова, въ чемъ заключается ужасъ положенія, почему члены конгресса чувствовали разверзающуюся пропасть. Напрасныя мечты. Вы снова и снова услышите то, что уже двадцать разъ повторялось на разные лады пророками сіонизма. Вы услышите, что необходимо поднять національный духъ еврейства, что нужно возобновить связи съ прошлой, съ отошедшей въ даль преданій сѣдой стариной, что сила и мощь еврейскаго народа могутъ развиться лишь на собственной территоріи. Все это говорится въ такомъ приподнято-плаксивомъ тонѣ, что трудно, при всемъ желаніи серьезно отнестись къ предмету, удержать улыбку. Но однѣми слезами, г. Членовъ, дѣлу не поможешь. Нужно еще объяснить, почему Палестина представляетъ собой ту обѣтованную страну, гдѣ только и могутъ развиться силы еврейскаго народа, объяснить реальными фактами, а не ссылками на мистическое *нѣтъ*, нужно объяснить, почему турецкій султанъ милѣе сердцу г. Членова, чѣмъ коварный Альбіонъ.

По моему мнѣнію, дѣло объясняется очень просто. Г. Членову и его единомышленникамъ чуждо желанье дѣйствительно облегчить участь народа. Они вовсе не хотятъ помочь тѣмъ, которые наиболѣе нуждаются въ этой помощи. Имъ нужно извратить путь, по которому естественно направляется жизнь еврейскаго народа. Питая въ душѣ буржуазные идеалы, г. Членовъ и ему подобные намѣрены помѣшать развитію и росту пролетаріата. Все это, конечно, не ново. Сіонисты не разъ вступали въ открытую борьбу съ партіей, стоящей на стражѣ интересовъ трудящихся классовъ, не разъ они отождествляли интересъ капитала и труда и выдвигали идею о единствѣ націи, изобличая тѣмъ буржуазный характеръ своего міровоззрѣнія. И теперь, создавая несбыточную химеру, поклоняясь ей и заставляя покланяться ей другихъ, господа сіонисты надѣются отвлечь еврейскій пролетаріатъ отъ его настоящей миссіи, вытекающей изъ его положенія здѣсь, въ Россіи.

Эти карты господъ сіонистовъ блестяще раскрываетъ г. Членовъ. Онъ и слышать не хочетъ о какихъ-либо затѣяхъ, которыя могли бы поднять экономическій уровень благосостоянія еврейскихъ массъ. Для него существуетъ только одинъ вопросъ, вопросъ о возрожденіи еврейскаго государства въ Палестинѣ. „Идея сіонизма, говоритъ онъ, наша святыня, а святыни можно переставать чтить, и тогда онѣ превращаются въ ничто,

Digitized by Google

но ихъ не перекраиваютъ". Такими ничего не значащими, пустыми фразами рѣшаетъ насущныя задачи современности новоявленный пророкъ сіонизма.

Въ своемъ безумномъ страхѣ передъ выросшимъ еврейскимъ пролетаріатомъ г. Членовъ заходитъ очень далеко. Онъ чуть ли не съ циническою откровенностью заявляетъ, что заниматься мѣстной работой, улучшить положеніе трудящихся массъ, регулировать эмиграцію сіонисты не могутъ. Онъ съ яростью набрасывается на тѣхъ, въ комъ буржуазные инстинкты не успѣли еще окончательно вытравить желанія придти на помощь массамъ въ съѣдающей ихъ нуждѣ. „Они,—смѣется г. Членовъ,—хотятъ плыть въ области широкихъ и широковѣщательныхъ фантазій (?). Но они забываютъ, что, если-бы мы пошли по этому фантастическому пути, то и сіонизмъ расплылся бы, онъ былъ бы поглощенъ другими насущными задачами, давая дымчатыя испаренія, которыя наслаждали бы эстетика, но нисколько не приближали бы насъ къ рѣшенію народнаго вопроса, какъ мы, сіонисты, его понимаемъ".

Въ этомъ пустомъ и безсмысленномъ наборѣ словъ важно подчеркнуть лишь одно. Желаніе рѣшить насущныя задачи современности г. Членовъ называетъ фантазіей, свои же проэкты политическаго сіонизма, отъ которыхъ отдаетъ грубымъ невѣжествомъ, онъ склоненъ считать реальными, основанными на прочныхъ данныхъ. Правъ г. Членовъ въ одномъ. Сіонисты, какъ идеологи буржуазіи, не могутъ заняться вопросами объ улучшеніи жизни массъ, съ которыми у нихъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Что могутъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать сіонисты? Содѣйствовать развитію классоваго самосознанія еврейскаго пролетаріата? Но это значило бы, что сіонисты подкапываются подъ самихъ себя, что они готовятъ врага для еврейской буржуазіи, интересы которой и представляютъ господа сіонисты. Г. Членовъ и тутъ откровенно сознается въ своихъ опасеніяхъ. „Принять на себя всецѣло эти сложныя и трудныя задачи, говоритъ онъ, даже инициативу въ нихъ—никоимъ образомъ, если только мы не желаемъ подкапываться подъ самихъ себя, подъ свою великую и трудную задачу". Нетрудно понять г. Членова: содѣйствовать развитію пролетаріата значитъ нанесть ущербъ еврейской буржуазіи, съ которой г. Членовъ и его единомышленники вовсе не желали бы ссориться.

Г. Членовъ не отрицаетъ дезорганизаціи и безпомощности среди еврейства, и онъ находитъ для устраненія этого единственное средство: переселеніе по внутреннему влеченію, безъ давленія экономическихъ стимуловъ. Намъ кажется, что этотъ рецептъ г. Членова не нуждается въ комментаріяхъ: до такой безсмыслицы не договорился еще ни одинъ апологетъ буржуазнаго строя.

Реакціей вѣетъ отъ всего паѳоса г. Членова, отъ его жалкихъ выкрикиваній, слезъ и стоновъ. Да и самыя слезы у него крокодиловы. Мы

Digitized by Google

видѣли уже, какъ онъ принимаетъ близко къ сердцу интересы еврейской массы, какъ онъ радъ служить ей, облегчить ея участь. Онъ манитъ ее назадъ, къ сѣдой старинѣ, въ тѣ давно минувшія патріархальныя условія, когда нечего было бояться вражды партій и борьбы интересовъ. Больше всего боится г. Членовъ этой борьбы, и своей утопіей онъ хотѣлъ бы успокоить массы, не давать имъ добиваться лучшей участи, а заставить покорно и безропотно ждать пришествія Мессіи и переселенія въ обѣтованную землю.

Эта проповѣдь квіетизма не можетъ, однако, расчитывать на большое число сторонниковъ. Было время въ эпоху мрачной реакціи, когда сіонисты привлекли въ свою среду всѣхъ трусливыхъ и робкихъ людей, скрывавшихъ свое недѣланіе за высокими фразами о страданіяхъ еврейскаго народа. Но вмѣстѣ съ возрожденіемъ борьбы за освободительныя начала и эти робкіе умы должны будутъ подыскать себѣ дѣло, стараться разрѣшить насущныя задачи современности, которыя съ легкимъ сердцемъ отвергаетъ г. Членовъ. И тогда не будетъ больше мѣста буржуазнымъ утопіямъ и безпочвеннымъ мечтаніямъ. Трудящіяся массы по достоинству оцѣнятъ проэкты господъ сіонистовъ, во что бы то ни стало старающихся помѣшать развитію и росту еврейскаго пролетаріата.

В. Я. Канелъ.

С. Г. Крапивинъ. Энерія и ея превращенія. Москва 1905 г. Цѣна 80 коп.

Разсматриваемая книжка С. Г. Крапивина предназначается имъ для чтенія лицъ, занимающихся самообразованіемъ и имѣющихъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія по физикѣ и химіи. Авторъ желаетъ ознакомить читателя съ тѣми многочисленными и разнообразными формами, въ которыхъ проявляется энергія, и поэтому ему приходится касаться весьма многихъ отраслей науки, въ основѣ которыхъ лежатъ процессы, сопровождающіеся тѣми или другими превращеніями энергіи. Такимъ образомъ ему приходится остановиться на большей части отдѣловъ физики, именно: механикѣ, ученіи о теплотѣ, магнетизмѣ и электричествѣ; далѣе онъ излагаетъ ученіе о химическихъ превращеніяхъ и въ заключеніе касается превращеній энергіи, наблюдающихся при біологическихъ процессахъ. Все это вмѣстѣ взятое составляетъ очень обширный матерьялъ, и надо признать далеко не легкой задачу изложить его въ краткой и понятной формѣ, дающей понятіе о единствѣ энергіи, какъ двигателя всего существующаго, въ различныхъ ея проявленіяхъ.

Это ученіе объ энергіи до сихъ поръ еще не вполнѣ вошло въ пониманіе большой публики, и попытка г-на Крапивина освѣтить его по возможности всесторонне должна быть признана вполнѣ своевременной. Вообще

Digitized by Google

говоря, ему удалось осуществить ее довольно удачно, хотя нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ недостатковъ, какъ, напримѣръ, мѣстами тяжелый и запутанный языкъ, который долженъ сильно затруднять читателя, мало знакомаго съ предметомъ. Иногда его изложеніе грѣшитъ также малой доказательностью, не будучи подтверждено хорошо подобранными примѣрами; мѣстами замѣчаются нѣкоторыя обмолвки, какъ, напримѣръ, утвержденіе, что всѣ химически однородныя тѣла обладаютъ кристаллическимъ строеніемъ, тогда какъ существуетъ не мало и аморфныхъ тѣлъ (красный фосфоръ, одна изъ разновидностей сѣры и пр.)

Но, какъ мы уже сказали, эти недостатки не мѣшаютъ книжкѣ С. Г. Крапивина быть вполнѣ пригодной для ознакомленія читателей съ ученіемъ объ энергіи, играющемъ столь важную роль въ естествознаніи.

О. М. Прокофьева.

Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Н. Денисюкъ. Выпуски I—III. М. 1905. Ц. 3 р.

Говорить о пользѣ сборниковъ критическихъ статей о томъ или иномъ писателѣ — не приходится, и появленіе подобныхъ сборниковъ является всегда кстати, особенно въ настоящее время. Теперь даже средній читатель не довольствуется знакомствомъ съ одними произведеніями писателя, съ ихъ текстомъ безъ всякихъ комментарій,—и стремится познакомиться съ толкованіями. Но это дѣло сопряжено съ большими затрудненіями: приходится самому разыскивать статьи въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, что отнимаетъ много времени, да и не всегда удается. Въ этомъ отношеніи большую пользу приносятъ подобные сборники. Славу неутомимаго составителя ихъ давно уже стяжалъ Зелинскій, выпустившій сборники критическихъ статей о видныхъ представителяхъ нашей литературы прошлаго вѣка. Въ настоящее время все возрастающая потребность въ аналогичныхъ трудахъ вызвала появленіе цѣлаго ряда новыхъ сборниковъ. Недавно вышелъ довольно плохой сборникъ статей о Чеховѣ, составленный Лысковымъ. Теперь предъ нами сборникъ статей о произведеніяхъ Салтыкова-Щедрина.

Несмотря на сравнительную популярность имени Щедрина, — широкая публика знаетъ очень плохо его произведенія. Знакомство обыкновенно ограничивается двумя-тремя наиболѣе типичными произведеніями. Это объясняется отчасти тѣмъ, что многимъ какъ будто уже непонятенъ писатель, его время, его интересы; чтеніе Щедрина какъ будто тяжело для нынѣшняго читателя, удаленнаго отъ сатирика на почтенный промежутокъ времени. Это происходитъ оттого, что въ силу цензурныхъ условій, Щедрину приходилось часто говорить слишкомъ Эзоповымъ языкомъ, иногда одними намеками, картинами, то чего-то недоговаривая, то заставляя читать между

Digitized by Google

строкъ. Щедрина почти нельзя читать теперь безъ связи съ критикой. Только послѣ знакомства съ послѣдней, намъ станетъ ясно все его общественное значеніе,—и писатель предстанетъ предъ нами во всю свою величину. Это придаетъ громадное значеніе сборнику, составленному г. Денисюкъ; работа сама по себѣ заслуживаетъ вниманія. Въ сборникѣ собраны въ хронологическомъ порядкѣ всѣ наиболѣе важныя и имѣющія значеніе статьи о сатирикѣ. Статьи помѣщены, большею частью, цѣликомъ; только въ нѣкоторыхъ сдѣланы небольшіе выпуски. Это дѣлалось въ томъ случаѣ, если читатель, по мнѣнію редактора, не проигрываетъ. Статьи біографическаго характера въ сборникъ не вошли. Взамѣнъ ихъ данъ довольно обширный очеркъ жизни Щедрина, въ связи съ современной ему общественной обстановкой. Кромѣ того, „для болѣе полнаго пониманія приводимыхъ критическихъ статей, сдѣланы, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, примѣчанія, выясняющія литературную физіономію автора данной статьи или органа, въ которомъ эта статья была напечатана". Отъ этихъ примѣчаній можно было ожидать много, но они не выполняютъ своего назначенія. Составитель ограничился выписками изъ энциклопедическаго словаря о времени изданія даннаго органа, его издателяхъ; что же касается авторовъ статей, то въ примѣчаніяхъ къ нимъ г. Денисюкъ сообщаетъ лишь внѣшніе факты изъ ихъ біографій. Напримѣръ, въ примѣчаніи къ „Отечественнымъ Запискамъ" читаемъ: „Отечественныя Записки" возникли въ началѣ XIX столѣтія и до 1839 г. влачили жалкое существованіе. Съ этого времени они переходятъ въ руки Краевскаго, въ журналѣ группируются выдающіеся люди науки и литературы во главѣ съ Бѣлинскимъ. Здѣсь встрѣчаются имена Герцена, Грановскаго, Кудрявцева и мн. другихъ. Съ 1848 г. „Отечественныя Записки" снова становятся безцвѣтны". Однимъ словомъ, едва ли будетъ удовлетворенъ хотя бы самый невзыскательный читатель.

То же самое нужно сказать о примѣчаніяхъ къ именамъ авторовъ статей. Уже не говоря о томъ, что примѣчаній удостоились только нѣкоторые критики,—они не только не выясняютъ нравственной и литературной физіономіи критика, но исполнены нѣсколько непонятной партійностью редактора. Неумѣстно также оправдывать Булгарина и Греча (вып. I., стр. 208). Хотя составитель говоритъ въ предисловіи, что въ выборѣ статей онъ придерживался строгой системы и выбиралъ только тѣ статьи и замѣтки, „которыя представляютъ съ объективной точки зрѣнія какой-нибудь литературный интересъ", тѣмъ не менѣе и этого незамѣтно. Такъ, помѣщены статьи, не имѣющія никакого значенія, напримѣръ, отчетъ о „Женихѣ". Кромѣ того, иногда невѣрно указаны имена. Такъ, статью о „Губернскихъ очеркахъ" изъ „Отечественныхъ Записокъ", подписанную П. Б.—въ, составитель приписываетъ покойному педагогу Н. Ѳ. Бунакову, въ виду какихъ соображеній — трудно объяснить, тѣмъ болѣе, что

Digitized by Google

Бунаковъ не писалъ въ этомъ журналѣ, о чемъ редакторъ могъ бы справиться хотя-бы у С. Венгерова въ „Словарѣ русскихъ писателей“ (томъ V) или „Матеріалахъ“ (стр. 377—378). Наконецъ, если г. Денисюкъ дѣлаетъ только предположеніе словами „кажется“, то незачѣмъ вводить имя такъ неудачно предположеннаго критика въ самое оглавленіе. Въ другомъ мѣстѣ г. Денисюкъ не догадался раскрыть всевдонимъ „Окнерузамъ“ (249—265), прочитавъ его наоборотъ: выходитъ „Мазуренко“—фамилія не безвызвѣстная въ литературѣ. Статья въ „Новостяхъ“ 1875 года, подписанная *М. В.*, принадлежитъ В. Маркову.

Отмѣчая эти недостатки, мы не имѣемъ намѣренія признать работу г. Денисюка совсѣмъ непригодной. Ея значеніе все-таки очень большое, и, безъ сомнѣнія, она принесетъ большую пользу не только всѣмъ, кто интересуется Щедринымъ, но и для будущаго, вполнѣ своевременнаго и возможнаго, критическаго изданія всѣхъ произведеній, обличителя „пошехонскаго раздолья“, Колупаевыхъ, Разуваевыхъ, „ташкентцевъ“ и т. д. „Злободневность“ Щедрина, съ одной стороны, утратила свою остроту, съ другой, пріобрѣла новый интересъ вмѣстѣ съ перипетіями послѣднихъ мѣсяцевъ нашей „свободы“.

А. Н. Яцимирскій.

П. Дворниковъ. Краткій курсъ исторіи русской литературы. Изд. маг. „Сотр. школъ“. М. 1905 г.

Это—„учебникъ для высшихъ городскихъ училищъ, по Положенію 1872 г., торговыхъ школъ, низшихъ техническихъ училищъ и учительскихъ семинарій“. П. Дворниковъ, безъ сомнѣнія, идетъ навстрѣчу настоятельной серьезной потребности. Слишкомъ бѣдна даже педагогическая литература для вышеназванныхъ школъ. Но г. Дворниковъ какъ будто торопился съ своими услугами—пополнить пробѣлъ, и совсѣмъ недостаточно вооружился для дѣла. Онъ скомпилировалъ, въ хронологическомъ порядкѣ, нѣкоторыя свѣдѣнія болѣе или менѣе историко-литературнаго характера, подчасъ очень сухія, не всегда толково проредактированныя. Составитель добросовѣстно поясняетъ, почему его „Краткій курсъ“ и „не можетъ претендовать на оригинальность“. Г. Дворниковъ преимущественно пользуется тѣмъ же „Смирновскимъ“, самымъ мѣшаннымъ и многоликимъ источникомъ. Въ такомъ родѣ сообщенія по „древней, средней и новой“ литературѣ. Послѣдній отдѣлъ книжки: „Важнѣйшіе представители новѣйшей литературы“: „Гончаровъ, Тургеневъ, Толстой Л. Н., Островскій“. И эта часть „курса“ не проработана хорошенько даже въ своемъ внѣшнемъ положеніи „Понимая образованіе, *какъ подражаніе внѣшней сторонѣ жизни*, Гордѣй Торцовъ требуетъ“ и т. д. Не радуетъ и „Приложеніе“ у г. Дворникова; это пересказы „своими словами“ отдѣльныхъ литера-

Digitized by Google

турныхъ памятниковъ. Неужели сами преподаватели не сочинятъ подобныхъ „плановъ для письменныхъ упражненій“ и помимо „Курса“? Или къ чему эти отрывки изъ „Лѣтописи Нестора“, изъ „Слово о полку Игоревѣ“, до сихъ поръ еще не разобраннаго и учеными. И опять скучнѣйшая сатира Кантемира, тѣ же и тѣ же оды Ломоносова и Державина. Вотъ и вся поэтическая хрестоматія. Впрочемъ, пожалуй, на безрыбьи и книжка г. Дворникова—„пособіе“. Очень печально!

А. Налимовъ.

Докторъ Д. Д. Бекарюковъ. Основныя начала школьной гигіены. Изданіе журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. Москва. 1905. VI+511 стр. Цѣна 2 рубля.

Пошла мода на руководства школьной гигіены. Настоящихъ школьныхъ врачей въ Россіи почти нѣтъ, а пишущихъ по школьной гигіенѣ оказывается, пожалуй, больше, чѣмъ слѣдуетъ. Почему? Да потому, что, чтобы быть школьнымъ врачемъ, надо жить съ учащимися, изучать ихъ во всѣхъ проявленіяхъ тѣлесной, нравственной и умственной ихъ жизни, а чтобы быть составителемъ руководства по школьной гигіенѣ, достаточно взять нѣсколько таковыхъ на иностранныхъ языкахъ и скомпоновать по нимъ свое собственное. Изучать учащихся не только въ Россіи, но и въ болѣе культурныхъ странахъ Европы нѣтъ возможности, потому что врача обыкновенно не допускаютъ вдаваться въ интимную жизнь учащихся, а дозволяютъ ему только принимать и лечить больныхъ учениковъ; поэтому врачамъ удается знакомиться съ жизнью и потребностями учащихся по книгамъ, по статьямъ въ медицинскихъ и педагогическихъ журналахъ. Нѣкоторымъ врачамъ, правда, удается болѣе или менѣе знакомиться съ воспитывающимися въ интернатахъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, но и то съ великими препятствіями, такъ какъ школьная администрація обыкновенно ревниво стережетъ интересы заведеній и не любитъ гг. врачей, гигіенистовъ, психофизіологовъ и т. д., норовящихъ внѣдряться съ своей непрошенной критической оцѣнкой всего творящагося въ стѣнахъ заведенія. Вслѣдствіе такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ становится понятнымъ, почему въ руководствахъ школьной гигіены мы встрѣчаемъ, пожалуй, все касающееся гигіены обыкновеннаго смертнаго и кое-что по части тѣлеснаго воспитанія, но ничего или почти ничего изъ того, что относится къ субъекту учащемуся, какъ представителю умственнаго труда. Ординарныя сочиненія по школьной гигіенѣ представляютъ не что иное, какъ отрывки общей гигіены съ прибавленіемъ деталей по части гигіены писаря, ибо учащіеся какъ-то удостоивались наибольшаго вниманія со стороны глазныхъ врачей и наименьшаго со стороны всѣхъ остальныхъ спеціалистовъ по медицинѣ. Только въ самое

Digitized by Google

послѣднее время нервные врачи и психіатры стали затрагивать вопросы по умственной и нравственной гигіенѣ учащихся и внесли дѣйствительно новую струю въ застойную область школьной гигіены, да медико-педагоги стали настаивать на необходимости раціональнаго тѣлеснаго воспитанія: иначе гигіенѣ учащагося долго не пришлось бы занять подобающаго мѣста въ ряду другихъ отдѣловъ профессіональной гигіены.

Врачу, слѣдящему за школьно-гигіенической литературой послѣдняго времени, должно быть извѣстно, какое возникаетъ разногласіе между гигіенистами и медико-педагогами относительно мѣръ къ оздоровленію учащихся въ школахъ. Гигіенисты расчитываютъ дѣйствовать на ребенка устроеніемъ цѣлесообразной санитарной обстановки, а медико-педагоги придаютъ большее значеніе мѣрамъ укрѣпленія, закаливанія его тѣла; гигіенисты заботятся о приспособленіи среды къ организму ребенка, а медико-педагоги о приспособленіи организма къ средѣ. Чтобы устроить подходящую гигіеническую обстановку, нужны великія жертвы и знанія, какихъ не оказывается большею частью у общества и правительства, между тѣмъ какъ для тѣлеснаго воспитанія можно пользоваться силами, заложенными въ тѣлѣ ребенка самою природою, нужно только умѣть эксплоатировать эти силы на служеніе здоровью. За мѣры школьной гигіены стоятъ болѣе нѣмцы, за мѣры тѣлеснаго воспитанія англичане, шведы, французы. Отъ кого изъ нихъ можно ожидать болѣе пользы для здоровья учащихся — вопросъ. Повидимому, побѣда останется за медико-педагогами, а не за гигіенистами. Во всякомъ же случаѣ, расчитывать, въ видахъ оздоровленія учащихся, на одну школьную гигіену рѣшительно нераціонально, но непремѣнно слѣдуетъ серьезно считаться съ мѣрами тѣлеснаго воспитанія. Не у нѣмцевъ слѣдуетъ учиться санитарному уходу за учащимися, а скорѣе у французовъ, англичанъ, даже древнихъ грековъ и римлянъ. Впрочемъ, теперь и нѣмцы взялись за игры и всякія тѣлесныя упражненія, и не только стали холоднѣе относиться къ гигіенѣ, но даже и къ своей акробатической гимнастикѣ: помощью игръ и воинскихъ упражненій они расчитываютъ не только поднять здоровье гражданъ, но и закалить ихъ и воспитать въ нихъ духъ воинственности и патріотизма.

Что касается учащихся, то надо быть слѣпымъ, чтобъ не видать, какъ томитъ ихъ закрѣпощеніе на школьной скамьѣ, безъ движенія, подъ гнетомъ дисциплины, подъ вліяніемъ тоскливаго душевнаго настроенія и непосильной умственной работы. Разъ убитъ интересъ къ занятіямъ, разъ нѣтъ жизнерадостности въ самомъ себѣ и окружающихъ, то не поможетъ никакая гигіена, никакія внѣшнія санитарныя мѣры. Ребенокъ будетъ тогда только счастливъ и здоровъ, когда не будетъ связана свобода движеній его и дѣйствій, когда онъ радостно настроенъ, когда онъ интересуется и увлекается ученіемъ, словомъ, когда воспитывается удовлетворительно въ тѣлесномъ, нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ,

Digitized by Google

и затѣмъ уже, когда обставленъ хорошо гигіенически. Тѣлесное воспитаніе, нравственная и умственная гигіена должны стоять для ученика на первомъ планѣ, а тѣлесная гигіена на второмъ. А на дѣлѣ выходитъ какъ разъ наоборотъ. Къ тѣлесной гигіенѣ, даже къ нѣкоторымъ ея деталямъ забота врачами и педагогами прилагается самая тщательная, а къ нравственной и умственной гигіенѣ—ничтожная. Въ какомъ-нибудь почеркѣ письма, въ классныхъ столахъ педагоги принимаютъ живѣйшее участіе, а къ тому, что ученикъ угнетенъ нравственно или подавленъ непосильнымъ умственнымъ трудомъ, относятся совершенно холодно. Направляютъ попеченіе свое о дѣтяхъ не въ ту сторону, куда слѣдуетъ, заботятся о пустякахъ, а „слона-то и не замѣчаютъ". А школьные врачи, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать педагогамъ, вторятъ имъ, потворствуютъ ихъ нераціональнымъ санитарнымъ мѣрамъ, словомъ, санкціонируютъ все съ научной точки зрѣнія.

Руководствъ по общей и школьной гигіенѣ скоро будетъ, пожалуй, больше, чѣмъ читателей, а руководствъ по теоріи тѣлеснаго воспитанія имѣется два, три, да и обчелся. Редакціи разныхъ журналовъ попоздавали за послѣднее время десятки гигіенъ, а по тѣлесному воспитанію есть на русскомъ языкѣ одно только сочиненіе проф. Лесгафта, изъ иностранныхъ же переведено у насъ маленькое сочиненіе Моссо да программа курса физическаго воспитанія проф. Демэни, но не самый курсъ его, очень недурной и вполнѣ заслуживающій изданія, однако, не находящій издателя за непониманіемъ со стороны врачей и педагоговъ важности значенія вопроса о физическомъ воспитаніи.

Недавно вышла новая книжка: „Основныя начала школьной гигіены" доктора Д. Д. Бекарюкова.

Что вноситъ она въ науку и чему расчитываетъ научить школьнаго врача и педагога? Все въ ней заимствовано отъ нѣмцевъ: оригинальнаго, своего, новаго не оказывается ничего. Описываются подробности только школы-экстерната; о нравственной гигіенѣ учащагося ни слова; вопросъ о тѣлесномъ воспитаніи попалъ въ книгу какъ-бы случайно и излагается кратко и неудовлетворительно. Слѣдуя усердно завѣтамъ нѣмцевъ, авторъ, однако, не говоритъ даже и о томъ, что сами нѣмцы ставятъ въ послѣднее время на первый планъ: о школьныхъ душахъ, о снабженіи учащихся одеждой и обувью, о прогулкахъ и экскурсіяхъ, о дѣтскихъ развлеченіяхъ... Даже о пищевомъ довольствіи вопросъ излагается неважно. О вредѣ спиртныхъ напитковъ, куреніи табаку, объ онанизмѣ — объ этихъ трехъ особенно губительныхъ агентахъ въ жизни учащихся — не говорится почти ничего, какъ бы вопреки требованіямъ новѣйшей гигіены и педагогіи. Школьногигіеническая литература подобрана авторомъ обильная, но безъ строгой оцѣнки, такъ что не можетъ удовлетворить ни школьнаго врача, ни педагога.

Digitized by Google

Правда, незнакомый со школьною гигіеною читатель найдетъ въ книжкѣ извѣстныя свѣдѣнія по матеріальной обстановкѣ школы - экстерната, по гигіенѣ преподаванія, по умственному утомленію и по болѣзненности учащихся, т.-е. нѣкоторую долю обширной отрасли гигіены учащагося, но только не найдетъ, къ сожалѣнію, данныхъ по болѣе существеннымъ вопросамъ этой гигіены, а именно, ни по нравственной и умственной гигіенѣ, ни по раціональному тѣлесному воспитанію, т.-е. по тѣмъ деталямъ, которыя начинаютъ въ настоящее время завоевывать первостепенное значеніе и обѣщаютъ значительно оттѣснить на второй планъ все, касающееся тѣлесной гигіены учащагося, все, считавшееся до сихъ поръ основнымъ въ школьной жизни дѣтей. Гигіена учащагося должна, наконецъ, занять подобающее ей мѣсто въ ряду членовъ не общей, а профессіональной гигіены, т.-е. стать наукой, служащей къ защитѣ учащихся отъ специфическихъ золъ школы и ученья, а не отъ золъ, сочиняемыхъ врачами въ четырехъ стѣнахъ своего кабинета и одобряемыхъ гг. педагогами.

Къ этому, въ книжкѣ д—ра Б. не замѣчается ни малѣйшаго стремленія выяснить истинное отношеніе санитарнаго состоянія школы и учащихся къ семейной обстановкѣ и къ дошкольной жизни послѣднихъ; книжка представляетъ просто подборъ безцеремонныхъ нападокъ на школу и ученье и отличается полнымъ отсутствіемъ какихъ бы ни было оправдательныхъ въ ихъ пользу данныхъ. По автору выходитъ, что въ школу ребенокъ является безукоризненнымъ, а за время пребыванія въ ней надѣляется всякими недостатками тѣлеснаго и духовнаго свойства. Это, конечно, крайне несправедливо.

Автору не удалось уловить многихъ специфически-вредныхъ сторонъ современной школы, и пришлось потому останавливаться на деталяхъ, менѣе важныхъ, второстепенныхъ. Онъ, видимо, мало знакомъ съ учащимися, съ подробностями ихъ жизни, и потому ему поневолѣ приходилось руководствоваться только литературными данными, да личными, апріорными соображеніями. Трудъ его носитъ такимъ образомъ компилятивный характеръ и потому не можетъ собственно заслуживать ни особаго осужденія, ни одобренія. Вообще, отъ извѣстной своимъ вниманіемъ къ гигіенѣ и педагогіи редакціи „Вѣстника Воспитанія“ можно было бы ожидать изданія чего-либо болѣе обстоятельнаго и болѣе современно-научнаго, нежели такой легковѣсной и ординарной книжки, какъ „Основныя начала школьной гигіены“ д-ра Бекарюкова.

А. Виреніусъ.

Digitized by Google

Новыя книги поступившія въ редакцію.

Н. И. Костомаровъ. Собраніе сочиненій. Книга седьмая, томы XVII-й и XVIII-й. Изд. О-ва для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Ц. 3 р. 50 к.

Н. Рожковъ. Историческіе и соціологическіе очерки. Часть I. Изд. И. К. Шамова. Ц. 1 р. 50 к.

А. Л. Волынскій. Ѳ. М. Достоевскій. Ц. 3 р.

Проф. Д. А. Гольдгаммеръ. „О запискѣ (1,500?) ученыхъ.

Кавказскій Вѣстникъ. Ежемѣсячный научно-литературный журналъ. Годъ шестой. № 1 Сентябрь 1905 г.

Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ VI.

Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губ. за 1904 г. Изд. Уфимской Губ. Земск. Упр. Ц. 2 р. 25 к.

Записки Иваново - Вознесенскаго. Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. 1905 г. Вып. I.

Отчетъ Иваново-Вознесенской Общественной Публичной Библіотеки за 1904 г.

Отчетъ Томской Городской Публичной Библіотеки за 1904 г.

VI отчетъ Фатежской Безплатной Народной Библіотеки Читальни съ 1 іюля 1904 г. по 1 іюля 1905 г.

Гр. Л. Л. Толстой. Драматическія сочиненія. т. I. Ц. 1 р. 25 к.

На правахъ рукописи. Московскій Литературно-Художественный Кружокъ.

І. Рейнъ. „Японія". Пер. съ нѣмец. А. Д. и М. И. Стопкевичъ, подъ ред. А. П. Герасимова, т. I, вып. 1. Изд. В. С. Туманина.

Дмитрій Вольфсонъ. Учащіеся Томскихъ воскресныхъ школъ въ 1905 уч. году. Ц. 40 к.

„Муравейникъ" журналъ № 1 1905 г. Казань. Ц. за № 10 к.

Гр. Л. Л. Толстой. Драматическія сочиненія т. I. Ц. 1 р. 25 к.

Николай Бухъ-Полтевъ. Механико-экономическая параллель. Изд. Н. К. Вухъ. Ц. 30 к.

В. Горбуновъ-Посадовъ и Я. Егоровъ. Азбука-картинка съ подвижными разрѣзными буквами. Изд. 10. Ц. 10 к. **Его-же.** Кругомъ свѣта ч. I. Ц. 1 р. 60 к. **Его-же.** „Красное солнышко". Первая книга для чтенія дома и въ школѣ. **Его-же.** „Ясная Звѣздочка". Вторая книга для чтенія. **Его-же.** Другъ животныхъ. Часть I.

А. Е. Флеровъ. Указатель книгъ по вопросамъ воспитанія и обученія. Вып. I. Изд. книжн. магаз. К. И. Тихомирова. Ц. 1 р. 50 к. „Бѣлое перо и другія легенды" И. Межака, И. Наживина, Н. Рубакина, Л Н. Толстого, А. Хирьякова, Фильдинга и О. Шрейнеръ. Библіотека для юношества Горбунова-Посадова. Ц. 90 к.

Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ.

Іог. Гербартъ. Главнѣйшія педагогическія сочиненія въ систематическомъ извлеченіи. Пер. съ нѣм. А В. Адольфа. Изд. К. Тихомирова. Ц. 2 р. 25 к.

А. Буткевичъ. Обзоръ пасѣчнаго хозяйства на хуторѣ при сельцѣ Русаковѣ, Одоевскаго уѣзда, Тульской губ. Ц 20 к.

Изданія „Посредника". И. Горбуновъ-Посадовъ. Несчастныя. Сборникъ стихотвореній. Ц. 5 к. То-же. Ц. 15 коп. **Его-же.** Пѣснь о матери. Сборникъ стиховъ. Ц. 12 к. **Генри Джорджъ.** Преступность бѣдности. Пер. съ англ. С. Д. Николаева. Ц. 3 к. **К. Ѳомушкинъ.** Счастливый день Дудкина. Ц. 10 к. **Ив. Франко.** Къ свѣту. Ц. необрѣз. 1 к.; обрѣз. 1½ к. **Н. Гусевъ.** Разсказы объ инквизиціи. Историч. очеркъ. Ц. 12 к. То-же. Ц. 30 к. **И. Наживинъ.** Въ стѣнахъ. Повѣсть. Ц. 6 к. **О. Рунова.** Утреннички и другіе разсказы. Ц. 1 р. 50 к. **А. Хирьяковъ.** Во что вѣруютъ японцы. Ц. 10 к.

Ив. Шевыревъ. Второй отчетъ лѣсному департаменту о вредныхъ на-

Digitized by Google

сѣкомыхъ. Борьба съ короѣдами. 1. Загадка короѣдовъ. Ц. 50 к.

Д-ръ Р. Браунсъ. Царство минераловъ. Пер. съ нѣм. В. Н. Лемана. Вып. 8 и 9. Изд. А. Ф. Девріена. Ц. кажд. вып. 2 р. 75 к.

Изданія Н. Глаголева: В. Ѳ. Тотоміанцъ. Формы рабочаго движенія. Ц. 80 к. —**Фридрихъ Энгельсъ.** Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Перев. съ нѣм Г. А. Котляра. Ц. 70 к.

Отчетъ о состояніи кіевскаго второго коммерческаго училища за 1903—1904 учебный годъ.

Н. П. Дружининъ. Избиратели и народные представители. Изд. Д. Н. Тихомирова. Ц. 1 р.

Гласный отвѣтъ Исполнительнаго Совѣта корпораціи служащихъ въ центральномъ городскомъ управленіи московской городской думы 30 окт. 1905 г.

Н. Новомбергскій. Освобожденіе печати во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи. Ц. 1 р. 50 к.

С. Карѣева. Школьный историческій словарь. Ц. 2 р. 15 к.

Н. Г. Чернышевскій Полное собраніе сочиненій, томъ VII. (Современникъ 1860—1861)—Основанія политической экономіи Д. С. Милля (переводъ и примѣчанія). Изд. М. Н. Чернышевскаго.

В. Ѳ. Тотоміанцъ. Сводъ свѣдѣній о дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи вообще и за 1903 г. въ частности. Изд. С.-Петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Ц. 50 к.

Отчетъ о дѣятельности харьковской коммиссіи народныхъ чтеній за 1904 годъ.

Программы систематическихъ народныхъ чтеній. Вып. I. Естествознаніе. Изд. московскаго губернскаго земства. Ц. 10 к.

Библіотека путешествій, т. I. **Р. Пири.** По большому льду къ сѣверу. Пер. съ англ. подъ ред. П. Беркоса. Изд. П. А. Беркоса. Ц. 3 р.—**В. Розановъ.** Около церковныхъ стѣнъ. Въ двухъ томахъ, т. I. Ц. 2 р.—**П. Богаевскій.** Красный Крестъ въ развитіи международнаго права. Часть первая. Ц. 3 руб.

Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1904 г.

Лефевръ Сентъ-Оганъ. Старость донъ-Жуана. Комедія въ 3 дѣйств. Перев. съ франц. В. В. Уманова-Каплуновскаго. Ц. 1 р.

М. А. Кушнырёнко-Кушнырёвъ, агрономъ вологодскаго уѣзднаго земства. № 9. Для пчеловодовъ. Болѣзни пчелъ. Враги пчелъ. Кормленіе пчелъ.—**Его-же.** № 10. Выращиваніе телятъ.—**Его-же.** № 11. Вредители сѣверныхъ полей.—**Его-же.** № 12. Плугъ и работа имъ.—**Его-же.** № 14. Ленъ и его воздѣлываніе.—**Его-же.** № 15. Какъ садить яблоки и ухаживать за ними.—**Его-же.** № 15. Что можетъ получить по сельскому хозяйству крестьянинъ вологодскаго уѣзда отъ своего уѣзднаго земства.

Р. Бланкъ. Классовая борьба и политическія коалиціи. Изд. Е. Д. Кусковой. Ц. 25 к.

Изданія Н. Глаголева: Вернеръ Зомбартъ. Фридрихъ Энгельсъ. Пер. съ нѣм. Г. А. Котляра. Ц. 7 к.—**Г. Фальборкъ и В. Чарнолускій.** Національное собраніе. Къ реформѣ государственнаго строя Россіи. Вып. III-й. Цѣна 1 руб.

Проф. Л. В. Шалландъ. Вопросы избирательнаго права. Вып. II-ой. Прямое и равное голосованіе. Цѣна 15 коп.

П. И. Люблинскій. Преступленія противъ избирательнаго права. Цѣна 75 коп.

Изданія О. Н. Поповой: М. Сабинина. Доисторическій человѣкъ. Ц. 15 к.—**Е. Э. Сно.** Франція Ц. 10 к.—**Его-же.** Италія. Ц. 10 к.—**Его-же.** Голландія. Ц. 6 к.—**Его-же.** Бельгія. Ц. 7 коп.—**Германъ Оккенъ.** Фердинандъ Лассаль какъ политическій дѣятель. Пер. съ нѣм. А. Ивашкевичъ. Ц. 1 р. 50 к.—**В. Акимовъ (Махновецъ).** Очеркъ развитія соціалдемократіи въ Россіи. Ц. 50 к.—**Н. Строевъ.** Историческій моментъ. I. Московскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Ц. 30 к.—**Свящ. Н. Дьяковъ.** Въ Манчжуріи съ сибирскими стрѣлками (1904). Ц. 1 р. 25 к.

Отчетъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Александровны Общества вспомоществованія калѣкамъ, обучающимся мастерствамъ и ремесламъ, съ 1 января 1904 г. по 1 янв. 1905 г.

Фтита. Христіанство и политика. Изданіе безцензурное. Ц. 10 к.

Л. Н. Толстой. „Единое на потребу". О Государственной власти. Изд. „Свободнаго Слова", подъ ред. В. Черткова.

Н. Т. Юринъ. Что такое кредитное товарищество и какъ его организо-

Digitized by Google

вать въ деревнѣ. Изд. саратовскаго губернскаго земства.

Изданія „Общественной Пользы“: А. А Николаевъ. Очерки по исторіи японскаго народа. Ц. 1 р.—**В. М. Гаршинъ.** То, чего не было.—Лягушка-путешественница.—Сказка о жабѣ и розѣ. Ц. 3 к.—**Ф. Нефедовъ.** Въ туманѣ. Ц. 10 к.—**Ф. Лассаль.** О сущности конституціи. Двѣ рѣчи. Первый полный переводъ съ нѣмецк. Ц. 7 к.—**С. Каронинъ.** Снизу вверхъ. (Исторія одного рабочаго). Ц. 35 к.—**Д. Айзманъ.** Исторія одного преступленія. Разсказъ. Ц. 4 к.—**С. Я. Цейтлинъ.** Учредительныя и законодательныя собранія въ конституціонныхъ государствахъ. Ц. 50 к.—**Его-же.** Избирательное право въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. Цѣна 20 к.—**В. М. Гаршинъ.** Четыре дня. Ц. 3 к.—**Поль Луи.** Рабочее законодательство въ странахъ Стараго и Новаго Свѣта. Пер. съ франц. Г. Селиберъ. Ц. 30 к.

Изданія И. Балашова: Левъ Толстой. Великій грѣхъ. Ц. 10 к.—„Подъ розгой“. Изъ жизни солдата. Ц. 3 к.—Три мѣсяца „въ одиночкѣ“. Впечатлѣнія и воспоминанія Сергѣя Жданова. Ц. 20 к.—**Людмила Александровна Волкенштейнъ,** записки. 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Цѣна 20 к.

О. Н. Чюмина (Михайлова). Новыя стихотворенія т. III. 1898—1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Энне. Князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой, первый борецъ за правду и свободу русскаго народа. Цѣна 50 к.

П. Я. (Л. Мельшинъ). Стихотворенія. Томъ II. (1898—1905). Изд. ред. жур. „Русское Богатство“. Ц. 1 р.

Студенческій кружокъ политической экономіи при С.-Петербургскомъ университетѣ. Вып. I. Рефераты и работы. 1902—1904 гг. Ц. 1 р. 75 к.

В. С. Изъ эпохи нашихъ матеріалистическихъ и идеалистическихъ увлеченій. Ц. 40 к.

Изданія П. Ѳ. Лобза: Проф. П. С. Коссовичъ. Курсъ почвовѣдѣнія. Почвенныя классификаціи и частное описаніе почвъ.—**П. Костромской.** Концертъ съ благотворительной цѣлью. Этюдъ изъ современной жизни. Ц. 40 к.—**Д. М. Кравчинскій.** Постепенныя улучшительныя рубки въ лѣсахъ сѣверной и средней Россіи. Ц. 15 коп.—**Проф. М. М. Орловъ.** Общія основанія организаціи лѣсного хозяйства.

М. Н. Загоскинъ. Юрій Милославскій. Изд. К. Тихомирова. Ц. 50 к.

Обзоръ лѣсоустроительныхъ инструкцій въ связи съ исторіей лѣсоустройства.

Digitized by Google

Письмо въ редакцію.

(По поводу „Литер. замѣтки“ проф. Л. Шепелевича въ № 7 „Образованія“).

Совершенно случайно и, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно узналъ я о томъ, что г. Шепелевичъ удостоилъ меня чести отозваться о моей статьѣ „Къ 300-лѣтію Донъ-Кихота“ („Міръ Божій“, № 5, 1905) особой „Литературной замѣткой“. Зная о г. Шепелевичѣ только по его литературнымъ трудамъ, я однако былъ крайне изумленъ тѣмъ, что предстало передъ моими глазами въ этой замѣткѣ, во всякомъ случаѣ не литературной. Казалось бы, г. Шепелевичу, насчитывающему слишкомъ двадцать лѣтъ своей литературной дѣятельности, должно быть извѣстно, что самая элементарная литературная этика обязываетъ литератора быть корректнымъ и добросовѣстнымъ въ полемикѣ, какъ бы ни было задѣто его авторское самолюбіе. Но онъ этого не знаетъ или не хочетъ знать. „Чтобъ не уронить себя въ собственныхъ глазахъ и, быть можетъ (horribile dictu!), нѣкоторыхъ читателей“, онъ призываетъ ихъ на защиту своего уязвленнаго самолюбія [1]), не гнушаясь ни неприличнымъ тономъ, ни даже явными инсинуаціями и подтасовками. Вотъ факты.

Г. Шепелевичъ обвиняетъ меня въ томъ, что я не знаю біографіи Сервантеса: „въ Аргамасильѣ онъ не былъ въ тюрьмѣ — это доказано вполнѣ убѣдительно въ послѣднее время“. Если бы даже это было и такъ, едва ли къ лицу серьезному критику съ такимъ жаромъ вопіять о невѣрномъ освѣщеніи мелкихъ, ничего не значащихъ біографическихъ фактовъ, занимая этимъ читателя на протяженіи половины страницы. Но это не такъ. Это не только не „доказано вполнѣ убѣдительно“, но и едва ли вообще можетъ быть доказано [2]), почему я и счелъ себя въ правѣ, ни-

---

[1]) См. мою рецензію на книгу г. Шепелевича „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса въ „Историч. Вѣстникѣ“ 1904 г.

[2]) Хотя это и пытаются сдѣлать въ послѣднее время. См. Francisco Navarro y Ledesma: „El ingeniaso hidalgo M. de Servantes“.

Digitized by Google

чего не утверждая, сообщить въ своей статьѣ о существующей издавна легендѣ: это выражено у меня словомъ „говорятъ“... Однако это еще не все. Мою мнимую ошибку г. Шепелевичъ объясняетъ тѣмъ, что „въ эту минуту“ я, „очевидно“, не имѣлъ передъ глазами „*четырехъ* главныхъ источниковъ своей статьи“ („Тикноръ, ст. Стороженка, моя книга и статья Тургенева“ — поясняетъ онъ), на основаніи которыхъ она, якобы, и написана. Послѣднюю мысль онъ усердно старается доказать и далѣе — новыми „аргументами“: онъ „увѣряетъ“ (!) меня, что я не видѣлъ книги Salba („по г. Евлахову Salva“ – убійственно иронизируетъ г. профессоръ) и др., что цитаты мои взяты изъ вторыхъ рукъ... Что сказать объ этой беззастѣнчивости?.. Что „*главные* источники“, которыми, по словамъ г. Шепелевича, я пользовался для своей статьи, предполагаютъ существованіе и *другихъ*, *второстепенныхъ*? Но логика для него—дѣло второстепенное, главное—факты. На этотъ же счетъ, съ своей стороны, „могу увѣрить“ г. Шепелевича, знатока литературы о Сервантесѣ, что, во-первыхъ, въ статьяхъ Стороженка и Тургенева никакихъ біографическихъ данныхъ о Сервантесѣ не содержится, во-вторыхъ, для Тикнора, который былъ менѣе счастливъ, чѣмъ проф. Шепелевичъ, упомянутый выше фактъ біографіи Сервантеса не былъ еще „вполнѣ убѣдительнымъ“, въ третьихъ, что касается послѣдняго *источника* — книги (вѣрнѣе — 1-го ея тома г. Шепелевича, посвященной жизнеописанію Сервантеса, то я, дѣйствительно, не только не имѣлъ ея передъ глазами въ „эту минуту“, но и вообще ея не читалъ, отказавшись отъ этого пріятнаго занятія послѣ ознакомленія со вторымъ ея томомъ. Итакъ, пользуясь его же классическими пріемами аргументаціи, я могъ бы сдѣлать отсюда выводъ—и, пожалуй, болѣе справедливо,—что проф. Шепелевичъ не видѣлъ даже тѣхъ „источниковъ“, которые единственно, по его увѣренію, видѣлъ я: ни Тикнора, ни статей Стороженка и, Тургенева, и наоборотъ, наслаждался чтеніемъ одной лишь своей книги, въ чемъ отказалъ себѣ я. Я могъ бы „увѣрить“ его, что, равнымъ образомъ, онъ самъ не видѣлъ ни Salba (который—о иронія судьбы!—по г. Шепелевичу даже не Salva, а *Selba* [1]), ни Luis Vives'a (который по г. Шепелевичу *Guis* [1]) Vives). Наконецъ, я могъ бы съ такимъ же правомъ, какъ и онъ, утверждать, что многія цитаты, приведенныя въ его книгѣ, взяты изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ каждый можетъ найти ихъ у того же Тикнора и другихъ спеціалистовъ по Сервантесу... Я могъ бы все это, если бы... я былъ профессоромъ Л. Шепелевичемъ. Я не считаю нужнымъ доказывать неосновательность другихъ столь же странныхъ обвиненій г. Шепелевича: въ „претензіяхъ на самостоятельность и оригинальность“, въ „авторитетности тона“ и пр. Если таково впечатлѣніе проф. Шепелевича отъ моей статьи, то пусть

[1]) См. его книгу: „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса.

Digitized by Google

онъ при немъ и остается, но для всякихъ обвиненій однихъ громкихъ или рѣзкихъ словъ, хотя бы и словъ самого проф. Шепелевича, — слишкомъ недостаточно. Что касается меня, то я писалъ въ *общемъ* журналѣ *юбилейную* статью, а не ученую монографію, и никакихъ „претензій на оригинальность и самостоятельность" не заявлялъ... Вотъ если, желая повѣдать міру о своихъ открытіяхъ, авторъ печатаетъ такую монографію, при чемъ во введеніи прямо заявляетъ, что считаетъ свой трудъ „вполнѣ самостоятельнымъ и основательнымъ на изученіи довольно обширнаго матеріала", какъ это и сдѣлалъ проф. Шепелевичъ,—тогда мы дѣйствительно въ правѣ спросить его: что же новаго, „оригинальнаго и самостоятельнаго" даетъ его книга?.. И я прямо задаю этотъ вопросъ г. Шепелевичу... Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ (рецензія въ „Ист. Вѣстникѣ" 1904) я рѣшилъ его не одними словами; я сдѣлалъ это и въ своей злосчастной статьѣ; но, къ сожалѣнію, редакція вычеркнула изъ нея почти все, что касалось недостатковъ книги г. Шепелевича. Компетентная критика тоже сказала уже свое рѣшающее слово: несмотря на всѣ любезности по адресу г. Шепелевича, она—увы!—не нашла въ его книгѣ „особой оригинальности и глубины" [1]), но нашла, что въ ней „аргументація... неубѣдительна, изслѣдованіе скользитъ по поверхности, и выводы получаются не всегда доказательные" [1]). „Онъ пошелъ по совершенно новому, непроторенному пути, но и самъ его врядъ ли проторилъ"—таковъ печальный выводъ рецензента, напоминающій мѣткое опредѣленіе Геттнера: „новое въ этой книгѣ не вѣрно, а вѣрное не ново"... Итакъ, что же осталось отъ „претензій" проф. Шепелевича? Предоставляю судить объ этомъ другимъ... „Бѣдный, бѣдный Сервантесъ!—восклицаетъ проф. Шепелевичъ:—къ его критикамъ прибавилось еще одно (еще не славное) имя *Александра Евлахова*!..." Да, бѣдный, но только не по этой причинѣ: бѣдный потому, что во имя его пускаются въ ходъ такіе недостойные пріемы и рѣчи.

Александръ Евлаховъ.

---

[1]) См. рецензію Д. Петрова въ ж. М. Н. П., 1904.

Digitized by Google

Оглавленіе журнала за 1905 г.

Беллетристика.

М. Арцыбашевъ. Ужасъ. Разсказъ. № 8.
В. Беренштамъ. Мать. Отрывки. № 10.
С. Богословскій. Аванпостъ цивилизаціи № 11—12.
А. *Бостромъ.* Пробужденіе. Разсказъ. № 9.
А. Быстровъ. Отецъ. Разсказъ. № 8.
Е. Глуховцева. За что? Разсказъ № 3.
„ „ Первенецъ. Разсказъ. № 5.
Я. Горюновъ. Юбилейный подарокъ. № 11—12.
Л. Гуревичъ. Къ солнцу. Повѣсть. № 1 и 2.
Б. І. Дмитріева. Попка-дуракъ. Разсказъ. № 10—12.
С. Елеонскій. Хлопоты. Разсказъ. № 4.
И. Забрежневъ. Обида. Разсказъ. № 7.
В. Измайловъ. Два дня и двѣ ночи. Разсказъ. № 6.
В. Козлова. По жребію. Повѣсть. № 8 и 9.
А. Крандіевская. Это такъ естественно! Разсказъ. № 10.
О. Миртовъ. Затерянные края. Очерки. № 4—6.
И. Наживинъ. Ложь. Разсказъ. № 1.
Н. Осиповичъ. Въ лѣтнюю ночь. Эскизъ. № 2.
М. Первухинъ. Полное право. Разсказъ. № 2.
„ „ На пробу. Разсказъ. № 7.
В. Письменная. Мертвые люди. Разсказъ. № 8.
П. Пчелинъ. Обманутые жизнью. № 11—12.
М. Соловьевъ. Денисовъ. Разсказъ. № 10.
Танъ. Отъѣздъ. Очеркъ. № 1.
„ Гомельскіе силуэты. Очерки. № 2—6.
В. Трапезниковъ. По этапу. Изъ записной книжки невольнаго путника. № 6 и 7.
А. Чапыгинъ. Навожденіе. Разсказъ. № 1.
„ „ Зимней ночью. Картины изъ жизни рабочихъ. № 4.

Digitized by Google

В. Язвицкій. Ехидна. Разсказъ. № 9.

С. Яхонтовъ. Смерть Катерины. Разсказъ. № 5.

Переводные разсказы и романы.

П. Альтенбергъ. Разсказы, пер. съ нѣмецк. А. М—чъ. № 1.

Берта фонъ-Зуттнеръ. Передъ грозой. Романъ, пер. съ нѣмецк. Пименовой. № 3—7.

Ст. Гросеманъ. Мимоходомъ. Разсказъ, пер. съ нѣмецк. В. Величкиной. № 1.

Марія Корелли. Подъ бременемъ власти. Романъ, пер. съ англ. З. Журавской. № 2—9.

Отто Эрнстъ. Исторія молодой жизни. Романъ, пер. съ нѣмецк. В. Исполатовой. № 8—12.

Анат. Франсъ. Какимъ путемъ? Разсказъ, пер. съ франц. Е. Тадаскиной. № 10.

А. Шиманскій. Сруль изъ Любартова. Разсказъ, пер. съ польскаго И. Леонтьева. № 1.

Стихотворенія.

А. Боане. Воспоминанія. № 1. За окномъ. № 2. Ядовитое растеніе. № 3.

О. Боголюбова. Изъ весеннихъ мелодій. № 3. *** Посв. В. № 10. *** № 11—12.

Л. Василевскій. *** № 1. *** № 4. Свѣтаетъ. № 6. Ибсену-Сонетъ. № 8.

„ „ Осеннія пѣсни. № 9.

Е. Габриловичъ. Сонъ. № 8.

П. Гайдебуровъ. *** № 1.

Г. Галина. *** № 1. *** № 4. Мой Богъ. № 4. Молодость. № 4. *** № 5. Пѣсня борьбы. № 5. Въ лѣсу. № 7. *** № 8. День суда № 11—

Д. Ц. Надежда. № 2.

Н. Крандіевская. *** № 1. *** № 3. *** № 4. Въ глуши. № 4.

А. Лукьяновъ. Утихни сердце! № 1. Истина. № 3.

В. Львовъ. Омраченный праздникъ. № 4.

С. Поварнинъ. *** № 5.

Н. *Рябовъ.* Участіе № 11—12.

Ѳ. Поступаевъ. *** № 2.

А. Федоровъ. Сторожевые огни. № 1, Сонетъ. № 2.

Е. Чернобаевъ. Весенній сонъ. № 5. Послѣ бури. № 6.

„ „ (Изъ Маріи Конопницкой). Пѣсня. № 1. Майское эхо. № 4. На сѣнокосѣ. № 5. *** № 5.

*** Передъ окномъ. № 5.

Digitized by Google

Научный и педагогическій отдѣлы.

С. Ашевскій. Грановскій и студенты (къ сорокалѣтію со дня смерти). № 10.

Б. Бентовинъ. Спасаніе падшихъ и хулиганство. № 11—12.

П. Берлинъ. Очерки по исторіи нѣмецкой интеллигенціи. № 1—12.

П. Берлинъ. Нѣсколько словъ г. А. Г. № 3.

Доцентъ М. *Бернацкій,* Стачки рабочихъ и ихъ значеніе. № 4. Общественно-экономическія воззрѣнія кн. Бисмарка № 6—7.

А. *Богдановъ.* Цѣли и нормы жизни . № 7

Й. Бѣлоконскій. Лубочная литература о японско-русской войнѣ. № 1.

Л. В. Е. А. Соловьевъ (Андреевичъ). Некрологъ. № 9.

В. Вагнеръ. Віологія и психологія толпы. № 9.

Проф. А. *Вейсманъ.* Объ отношеніяхъ церкви и государства во Франціи. № 6.

А. Г. Къ статьѣ г. Берлина „Къ генезису матеріалистическаго пониманія исторіи". № 2.

В. Денисовъ. Паденіе абсолютизма и борьба за конституцію въ Италіи. № 8.

А. *Ершовъ.* Къ исторіи русской журналистики. № 1—5.

А. *Изгоевъ.* Изъ итоговъ и выводовъ. № 9.

О. Кайданова. Наша дешевая литература. № 2—6.

А. *Луначарскій.* Изъ исторіи рабочаго движенія. № 11—12.

Л. *Клейнбортъ.* Наша печать. № 2.

„ „ Изъ прошлаго русскаго общества (По поводу романа „что дѣлать?"). № 6.

„ „ О партіяхъ и партійности. № 10.

„ „ На боевомъ посту. (Н. Бельтовъ. За двадцать лѣтъ). № 10.

„ „ Тюрьма и ссылка. № 11—12.

А. *Коллонтай.* Проблема нравственности съ позитивной точки зрѣнія. № 9 и 10.

Н. *Коробка.* В. М. Гаршинъ. № 11—12.

В. Лапчинская. Изъ жизни американскаго рабочаго. № 1.

Н. *Леонтьева.* О дѣтскомъ чтеніи. № 11—12.

А. *Луанчарскій.* Изъ исторіи рабочаго движенія. № 11—12.

В. Львовъ. А. П. Чеховъ и его творчество. № 2—4.

„ „ Вѣчный скиталецъ. (По поводу 300-лѣтія Донъ-Кихота). № 5.

І. Любарскій. Два соціальныхъ типа. Опытъ соціологическаго построенія. № 8.

Digitized by Google

Л. *Македоновъ*. Н. Ф. Бунаковъ. По личнымъ воспоминаніямъ. № 1.

Ф. Маковскій. Что такое русское декадентство. № 9.

П. М—въ. Эпизоды изъ жизни одной деревни. № 5.

П. Мижуевъ. Автобіографія Герб. Спенсера. № 1—4.

„ „ Глав» государства. № 11—12.

О. *Миртовъ*. Война въ произведеніяхъ Толстого, Гаршина и Андреева. № 10.

А. *Налимовъ*. О подражаніяхъ Чехову. № 7.

В. *Ольховской*. Къ исторіи русскаго духоборчества. № 9—12.

Л. *Пантелѣевъ*. Новое товарищество на вѣрѣ. Изъ исторіи сибирской золотопромышленности. № 9.

С. Петропавловскій. О телеологическомъ критицизмѣ. № 6.

В. *Поворинская*. Отцы и дѣти нашихъ дней. № 7.

М. *Смитъ*. Содержаніе конституціонныхъ хартій. № 7.

В. *Тотоміанцъ*. Бойкотъ и Лэбель. № 10.

Т. Ф. Г. Н. Потанинъ (По поводу 70-лѣтія со дня его рожденія). № 10.

Е. Хирьяковъ. Памяти Шиллера. № 5.

М. Чадовъ. Возможно-ли возрожденіе славянофильства? № 5.

Н. Ч—въ. Изъ недавняго прошлаго (По поводу книги „Очерки по исторіи Германіи въ XIX в.“). № 3.

Е Чебыщева Дмитріева. Совмѣстное обученіе № 11—12.

Н. Чеховъ. Къ вопросу о всеобщемъ обученіи. № 8.

Проф. Л. *Шепелевичъ*. Литературная замѣтка. № 7.

А. *Яковлевъ*. Гражданское право и неимущіе классы № 11—12.

Б *Яцимирскій*. Изъ жизни народнаго пѣвца (къ 25-лѣтію со дня смерти И. Сурикова). № 4.

Союзъ учителей средней школы. № 4.

Публицистика.

А. *Бѣльскій*. Земская бюрократія. № 2.

Н. *Воробьевъ*. Записка по крестьянскому дѣлу С. Ю. Витте № 1. Анологія крестьянства. № 7

Л. Зайденманъ Правовое положеніе евреевъ въ Россіи. № 5.

П. Звѣздичъ. Какимъ не должно быть народное представительство. № 6.

Н. Іорданскій. Городское самоуправленіе и общественная безопасность (изъ земской и городской жизни). № 4.

В. Канель. Фабричная медицина и бюрократія. № 7. Судорабочіе и судовладѣльцы. № 8.

Л. Клейнбортъ. Къ созыву народныхъ представителей. № 5. Движеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ. № 9.

Digitized by Google

Б. *Кутыловскій*. Польскій вопросъ № 11—12.

В. *Львовъ*. Всеобщее избирательное право. № 6.

П. Масловъ. Аграрный вопросъ въ Россіи. № 5.

Л. Немановъ. Экономическое положеніе еврейскаго пролетаріата въ Россіи. № 8.

А. Ожиговъ. О Государственной Думѣ. № 8.

С. Прокоповичъ. Длина рабочаго дня по русскому законодательству. № 3. По текущимъ вопросамъ. № 4. Аграрный вопросъ и аграрное движеніе. № 6. Союзы рабочихъ и ихъ задачи. № 10.

Сторонній Наблюдатель. Голосъ общества о новомъ порядкѣ судопроизводства по государственнымъ преступленіямъ. № 2.

Е. Тарле. О декларацiи правъ человѣка и гражданина. № 4.

В. Тотоміанцъ. Экономическіе результаты всеобщихъ стачекъ въ Россіи № 11—12. Ш Фурье. и кооперація № 11—12.

Хасанъ. Крестьянское движеніе въ Гуріи № 11—12.

И. Чернышевъ. Проектъ редакціонной комиссіи по пересмо т ру законоположенія о крестьянахъ. № 1.

Хроника русской жизни.

В. Богучарскаго.

Рабочее движеніе въ разныхъ городахъ Россіи. Комиссія подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Шидловскаго. Положеніе дѣлъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Убійство великаго князя Сергія Александровича. Комиссія для пересмотра законовъ о печати. Кары, наложенныя на печать въ послѣднее время. Послѣдніе законодательные акты. № 2.

Отношеніе печати и общества къ актамъ 18 февраля. Положеніе дѣлъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мобилизація темныхъ силъ Россіи на избіеніе интеллигенціи. Кровавыя событія въ Баку. Аграрныя волненія въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Резолюція Московскаго Общества сельскаго хозяйства и послѣдствія ея для Общества. Административныя распоряженія по дѣламъ печати. № 3.

Аграрныя движенія въ разныхъ губерніяхъ Россіи. Высочайшій указъ правительствующему сенату и Высочайшій рескриптъ на имя д. т. с. Горемыкина. Политическая платформа губернскихъ предводителей дворянства. Пироговскій съѣздъ въ Москвѣ. Съѣздъ адвокатовъ въ Петербургѣ. Открытое письмо Л. Ф. Пантелѣева къ В. Г. Короленко. Политическіе процессы въ Витебскѣ, Варшавѣ, Москвѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ. Новые образчики „патріотическихъ“ прокламацій. № 4.

Digitized by Google

Отношеніе администраціи къ рескрипту 18 февраля. Съѣзды журналистовъ, инженеровъ и земскихъ дѣятелей. Политическія убійства и покушенія. Событія въ Варшавѣ 18 апрѣля. Политическіе процессы. Бюрократія и печать. № 5.

Высочайшій пріемъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Разоблаченныя тайны рѣки Ялу. Ужасы въ Житомірѣ и другихъ городахъ. „Исторія вродѣ Забусовской". Пріостановка газеты „Русь" и замѣтка по этому поводу „Новаго Времени". № 6.

Военное положеніе въ Эриванской губерніи, Лодзи, Одессѣ, Николаевѣ, Севастополѣ, Ѳеодосіи и Тифлисѣ. Событія въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ. Кровавая драма въ Курскѣ. Политическіе процессы. Кары на печать. Новый законъ о закрытіи періодическихъ изданій. № 7.

Высочайшій Манифестъ 6 августа и впечатлѣніе, произведенное имъ на прессу и общественныя учрежденія. Нижегородскія и балашовскія событія. Приговоры къ смертной казни по ряду политическихъ процессовъ. Военное положеніе въ Курляндіи. Къ положенію русской печати. Политическая юмористика. № 8.

Премудрые администраторы и черносотенные агитаторы. Предстоящая голодовка въ 23 губерніяхъ. Событія на Кавказѣ. Политическіе процессы. Къ положенію печати. № 9.

Событія, предшествовавшія акту 17 октября. Желѣзнодорожная забастовка. Послѣ 17 октября: ужасы въ Томскѣ, Твери, Воронежѣ, Пензѣ и др. городахъ. Призывъ на помощь голодающимъ. № 10.

Крестьянскія волненія въ различныхъ губерніяхъ. Революціонное движеніе въ арміи. Военное положеніе въ Польшѣ и его отмѣна. Причины и слѣдствія этого акта.

Изъ жизни и литературы.

Н. Ашешовъ. Впечатлѣнія прошлаго года. Б. Н. Чичеринъ о концѣ реакціи. Роль печати. Сборникъ „Въ защиту слова". Насиліе надъ мыслью и произволъ въ печати. Новое произведеніе Леонида Андреева „Красный Смѣхъ". № 2.

Н. Ашешовъ. Темпъ жизни и литература. Сборники товарищества „Знаніе". Отзвуки современной смуты. Броженіе въ деревнѣ. „Страна отцовъ". Революціонное движеніе. Духовенство и молодежь. Пути будущаго. № 3.

В. *Базаровъ*. Апоѳеозъ безпочвенности... или все-таки жажда почвы? № 11—12.

В. Львовъ. Жрецы и жертвы (По поводу повѣсти А. Куприна. „Поединокъ"). № 7.

Digitized by Google

В. *Львовъ*. Разсказы М. Арцыбашева. № 8.

О. Миртовъ. Памятникъ нынѣ живущему № 11—12.

А. Орловъ. Критическая замѣтка. (По поводу книги Андреевича). № 10.

С. Протопоповъ. Обновленіе стиля. № 10.

Письма изъ провинціи.

Р. (Изъ Симбирской губ.) Банкротство хозяевъ. № 1.

Ю. (Изъ Карпоголя, Олонецкой губ.) Наши земскія дѣла. № 2.

Н. Зинченко. (Изъ Екатеринодара). Врачебное неустройство въ Кубанской области.

Д. Зайцевъ. (Изъ Вост. Сибири). Положеніе рабочихъ на золотыхъ пріискахъ Приморской области. № 3.

А. Бѣлевскій. (Изъ Смоленска). Наша школа.

Е. Барановъ. (Изъ Владикавказа). О положеніи пришлыхъ рабочихъ на Сѣв. Кавказѣ. № 4.

Е. Гешинъ. (Изъ Харькова). Они объединились. № 8.

И. *Бѣлоконскій*. (Изъ Харькова). Высочайшій Указъ 18 февраля въ деревнѣ. № 9.

Родныя картины.

Александра Яблоновскаго.

Шпіономанія и брошюроманія. Проф. Фойницкій въ новомъ мундирѣ. Нижегородскіе гайдамаки. О провинціальной цензурѣ. Мелочи. № 1.

Крѣпостной журналистъ А. С. Суворинъ. Полемика „Новаго Времени“ съ забастовщиками. Замоскворѣцкая купчиха Кабаниха и 342 ученыхъ. Мнѣніе Кабанихи о конституціи. Толки печати о городской полиціи. Курское, казанское, бакинское и иныя побоища. Поведеніе полиціи въ вопросѣ о „народномъ мщеніи“. Газета „День“ и журналъ „Дѣятель“. Мелочи. № 2.

О римлянахъ древнихъ и о римлянахъ петербургскихъ. О г-нѣ владимірскомъ губернаторѣ и о его статистическихъ работахъ. О ярморочныхъ Гарунъ-аль-Рашидахъ и о гг. земскихъ начальникахъ О гг. провокаторахъ, ихъ методѣ и ихъ отвѣтственности передъ закономъ. О способахъ борьбы съ забастовками учащихся и о педагогическомъ тактѣ. Мелочи. № 3.

Партизаны воинствующаго консерватизма и ихъ „партія“. Какъ отражается современное освободительное движеніе въ уличной прессѣ. Губернскія вѣдомости, какъ органъ „боевой организаціи“. Мелочи. № 4.

Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ и его политическая про-

Digitized by Google

грамма. Эволюція г-на Николая Энгельгардта. Сила „мнѣнія“ страны и сила казацкая. Дѣятельность казацкихъ частей въ Минскѣ, Одессѣ и другихъ городахъ. Мелочи. № 5.

О государственныхъ преступленіяхъ. О „купеческомъ войскѣ“ и самообороне. О юридической эрудиціи уфимскаго вице-губернатора г. Богдановича. Мелочи. № 6.

Епископъ Никонъ объ истребленіи русской интеллигенціи Желтый чемоданъ прис. повѣр. Куликова и гороховое пальто профессора Крылова. Финансовыя операціи дворянина Павлова. Ротмистръ Заіончковскій. Новѣйшія участковыя орудія и инструменты. Мелочи. № 7.

Сигма нашъ и Сигма англійскій. Мнѣнія англійскаго Сигмы о Государственной Думѣ. Мнѣніе нашего Сигмы о правѣ представительства и объ евреяхъ. О гомельскомъ полиціймейстерѣ г-нѣ Хлѣбниковѣ. Рѣчь старшаго городового въ честь вице-губернатора Н. Е. Богдановича. Мелочи. № 8.

О мистерѣ Стэдѣ и возможности, по его протекціи, получить конституцію. О г-нѣ Глинкѣ и о его проектѣ „не жалѣть патроновъ“. Полковникъ Герцыкъ и скрижали исторіи. О казакахъ. Мелочи. № 9.

О почтово-телеграфной забастовкѣ.—О перлюстраціи писемъ. Можно ли обходиться безъ газетъ въ забастовочное время. Мелочи № 11—12.

На Западѣ.

Г. Гроссманъ. Изъ Германіи. Партейтагъ прусской рабочей партіи. № 1.

„ „ По сосѣдству. № 2.

„ „ Автономія германскаго рейхстага. № 5.

П. Звѣздичъ. Изъ Австріи.

„ „ Эволюція взглядовъ на роль университетовъ. № 3 и 4.

„ „ О профессіональныхъ и политическихъ союзахъ. № 9.

Проф. Л. Шепелевичъ. Изъ Галиціи. № 9.

За прошлый годъ.

А. Ожиговъ. Общая характеристика 1904 года. В. К. фонъ-Плеве. Политика по отношенію къ земствамъ. Административныя мѣропріятія. Переломъ политики: указъ 12 декабря. Его сущность. Правительственное сообщеніе. Паденіе Портъ-Артура. № 1.

Digitized by Google

Общественно-литературныя замѣтки.

Н. Іорданскій. О либеральныхъ претензіяхъ (отвѣтъ г. Шишкову). № 3.

В. Панибратцева. Что намъ нужно? (Письмо матери къ матерямъ). № 6.

Отвѣтъ на письмо къ матерямъ *Матери.* № 8.

Ольга Давыдова. Отвѣтъ на письмо матери. № 9.

Замѣтки публициста.

А. Ожиговъ. Хаосъ русской жизни. Рабочее движеніе. Забастовки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Гимназическое движеніе. Необходимость родительскихъ союзовъ. Политическія убійства. Ихъ причины и средства ихъ устраненія. № 3.

Изъ области знаній.

Д-ръ Л. Ран—скій. О туберкулезѣ. № 10.

Со стороны.

Николай Шишковъ. По поводу статьи о земскомъ либерализмѣ. № 2.

Журнальныя замѣтки.

В. Львовъ. Н. Г. Чернышевскій. Тюремные мотивы въ журнальной беллетристикѣ. № 1.

„ „ „Призраки“ и „Красный Смѣхъ“. № 3.

„ „ „Русское дѣло“ и его охранители. № 6.

„ „ Новый журналъ. Свобода печати и вредное направленіе. („Голосъ жизни“, „Русское Богатство“ и „Русская Мысль“). № 9.

„ „ О тѣни свободы и отношеній къ ней нашей печати № 11—12.

Критика и библіографія. № 1—12.

Книжный листокъ. №№ 1—12.

Digitized by Google

24. *ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.* Апоѳеозъ безпочвенности... или все таки жажда почвы? (По поводу книги Шестова „Апоѳеозъ безпочвенности") **В. Базарова**—Памятникъ нынѣ живущему (По поводу разсказовъ Е. Волкова) **О. Миртова**. . . . . 50—81
25. Въ тюрьмѣ и ссылкѣ. (Нѣсколько иллюстрацій къ амнистіи) **Л. Клейнборта**. . . . . 82—101
26. *ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.* О тѣни свободы и отношеніи къ ней нашей печати. **В. Львова** . . . . 102—120
27. *РОДНЫЯ КАРТИНЫ.* О почтово-телеграфной забастовкѣ. О перлюстраціи писемъ. Можно-ли обходиться безъ газетъ въ забастовочное время? Мелочи. **Александра Яблоновскаго**. . . . . 121—137
28. *КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.* 1. А. Луговой. Цѣль вашей жизни. **А. Налимова**. 2. О. Рунова. Утренники 3. А. Догановичъ. Наканунѣ службы. 4. Т. Казановъ. Разсказы. 5. Ломэнъ. Наброски. **О М.** 6 Е. де Турже-Туржанская. Разсказы. **А. Налимова**. 7. А. С. Ан--скій. Разсказы **И. Василевскаго**. 8. П. Соловьева. Иней. Стихи. 9. Н. Смецкая Шиманская. Думы и разсказы **Л. Вас—аго**. 10. З. Венгерова. Литературныя характеристики. **Е. Колтоновской**. 11. Карменъ. На днѣ Одессы **Л. К.** 12. В. Семевскій и др. Общественныя движенія въ Россіи **А. Яцимирскаго**. 13. А. Петрищевъ. Замѣтки учителя **А. Налимова**. 14· Аграрный вопросъ. Сборникъ статей **Н. Воробьева**. 15. Б. Брандъ. Торгово-промышленный кризисъ въ Зап. Европѣ и въ Россіи. 16. К. Воблый. Заатлантическая эмиграція **Л. Клейнборта**. 17. Н. Дружининъ. Очерки крестьянской жизни. 18. Вѣстникъ фабричнаго законодательства **Л. К.** 19. Bernhard. Armes reiches Russland. **М. Бернацкаго**. 20. Де Греефъ. Соціальная экономія. **В. Базарова**. 21. С. Струмилинъ. Богатство и трудъ. **В. Л.** 22. Д-ръ Е. Членовъ. Сіонъ и Африка **В. Канеля**. 23. С. Крапивинъ. Энергія и ея превращенія. **О. Прокофьевой**. 24. Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова **А. Яцимирскаго**. 25. П. Дворниковъ. Краткій курсъ исторіи русской литературы. **А. Налимова**. 26. Д-ръ Д. Бекарюковъ. Основныя начала школьной гигіены. **Д-ра А. Виреніуса**. Новыя книги поступившія въ редакцію. 138—190
29. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

— Къ этому № приложены объявленія о подпискѣ на 1906 г. на журналы: **„Юный Читатель"**, **„Ниву"** и **„Иллюстрированную библіотеку"**, и Каталогъ изданій Брокауза-Ефрона.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

НА

литературный и общественно-политическій журналъ

„ОБРАЗОВАНІЕ"

Журналъ будетъ выходить по прежнему, ежемѣсячно, книгами не менѣе 25 листовъ.

при редакціоннымъ участіи:

Л. Клейнборта, А. Луначарскаго и В. Львова.

Постоянными сотрудниками состоятъ:

В. Базаровъ, П. Берлинъ, М. Бернацкій, А. Богдановъ, Б. Веселовскій, Г. Гроссманъ, А. Изгоевъ, А. Коллонтай, М. Лунцъ, П. Жеждановъ, В. Ольховскій, И. Степановъ и А. Яблоновскій.

Особое вниманіе будетъ обращено на развитіе публицистическаго отдѣла, на освѣщеніе важнѣйшихъ вопросовъ текущей общественной жизни.

Цѣна на годъ 6 руб. съ пересылкой, на полгода— 3 рубля.

Цѣна отдѣльной книжки—60 коп. съ перес

ПОДПИСКА принимается въ главной конторѣ журнала: СПБ. Моховая, 33. Въ Москвѣ при книжн. магаз. П. Путиловой (Арбатъ, 17), „Трудъ" и у Н. Печковской. Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. С. Можаровскаго (Пассажъ) и „Образованіе" (Рашельевская)

Редакторъ-издатель *А. Острогорскій.*

◆◆ Вслѣдствіе политическихъ забастовокъ редакція не имѣла возможности выпустить своевременно но[illegible] книжку журнала, а потому вынуждена была соеди[illegible] одну вмѣстѣ съ декабрьской. ◆◆

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

This b[illegible]
the Library [illegible]
stamped be[illegible]w.
A fine is incurred by r[illegible]
beyond the specified time.
Please return promptly.

APR 12 1966 H
1032.144
CANCELLED

Digitized by Google

Digitized by Google